

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2021. 16(1)
РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Редакционная коллегия:

И. Л. ЖЕРЕБЦОВ (г. СЫКТЫВКАР, РОССИЯ)
гл. редактор – д-р ист. наук

А. Т. УРУШАДЗЕ (г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ,
РОССИЯ) зам. гл. редактора – канд. ист.
наук

С. И. ДЕГТЯРЕВ (г. СУМЫ, УКРАИНА)
д-р ист. наук

В. Г. ИВАНЦОВ (г. СОЧИ, РОССИЯ)
канд. ист. наук

Т. А. МАГСУМОВ (г. НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ,
РОССИЯ) канд. ист. наук

Журнал включен в базу
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Учредитель – Cherkas Global University, США

Издатель – Academic Publishing House Researcher s.r.o., Словакия

Адрес для писем:

831 04, Словакия, г. Братислава – Нове Место,
ул. Стара Вайнорска, 1367/4

Тел.: +421 940 136139 (Словакия)

E-mail: bylyegody.incfar@gmail.com
Сайт журнала: <http://ejournal52.com>

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Редакционный совет:

Д. ДАРОВЕЦ (г. ВЕНЕЦИЯ, ИТАЛИЯ)

П. ДЖОЗЕФСОН (г. ВОТЕРВИЛЬ, США)

Е. Ф. КРИНКО (г. РОСТОВ-НА-ДОНУ, РОССИЯ)

Р. МАРВИК (г. НЬЮКАСЛ, АВСТРАЛИЯ)

Р. В. МЕТРЕВЕЛИ (г. ТБИЛИСИ, ГРУЗИЯ)

Б. Н. МИРОНОВ (г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ)

Дж. САНБОРН (ПЕНСИЛЬВАНИЯ, США)

В. САНДЕРЛЭНД (г. ЦИНЦИННАТИ, США)

С. Г. СУЛЯК (г. ТИРАСПОЛЬ, МОЛДАВИЯ)

С. Ф. ФОМИНЫХ (г. ТОМСК, РОССИЯ)

Г. ЧЖАН (г. ЧАНЧУНЬ, КИТАЙ)

Ф. Б. ШЕНК (г. БАЗЕЛЬ, ШВЕЙЦАРИЯ)

М. ШМИГЕЛЬ (г. БАНСКА БЫСТРИЦА, СЛОВАКИЯ)

Подписано в печать 01.03.2021 г.

Заказ № 65.

Редактор, корректор,
редактор-переводчик В.С. Молчанова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:
Князь Владимир Мономах, в центре Император Николай I, княгиня Ольга
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и фотография из серии «Виды Российской империи»

BYLYE GODY. 2021. 16(1)
RUSSIAN HISTORICAL JOURNAL

Editorial Staff:

I. L. ZHEREBTSOV (SYKTYVKAR, RUSSIA)
Editor in Chief – Dr. (History)

A. T. URUSHADZE (ST. PETERSBURG,
RUSSIA) Deputy Editor in Chief – PhD
(History)

S. I. DEGTYAREV (SUMY, UKRAINE)
Dr. (History)

V. G. IVANTSOV (SOCHI, RUSSIA)
PhD (History)

T. A. MAGSUMOV (NABEREZHNYE CHELNY,
RUSSIA) PhD (History)

This journal is listed in
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Editorial Board:

D. DAROVEC (VENICE, ITALY)

S. F. FOMINYKH (TOMSK, RUSSIA)

P. JOSEPHSON (WATERTVILLE, USA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)

M. SMIGEL (BANSKA BYSTRICA, SLOVAKIA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)

G. ZHANG (CHANGCHUN, CHINA)

Publisher – Cherkas Global University, USA

Co-publisher – Academic Publishing House Researcher s.r.o., Slovak Republic

Postal Address:

1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava –
Nove Mesto, 831 04

Approved for printing 1.03.2021

Order № 65.

Тел.: +421 940 136139 (Slovak Republic)

E-mail: bylyegody.incfar@gmail.com

Website: <http://ejournal52.com>

Editor, Proofreader
editor-translator
V. S. MOLCHANOVA

Issued from 2006
Publication frequency – once in 3 months

Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:

Prince Vladimir Monomakh, the Emperor Nicholas I is in the centre, the Princess Olga
At the bottom of the cover page: Chernomorskay Gubernia (Black Sea Province) emblem
and photo from the series «The views of the Russian Empire»

CONTENTS

ARTICLES

Russian-Polish Relations of the XVII–XIX centuries in the Light of Contemporary Russian Historiography V.B. Lobanov, R.A. Nalivaiko	5
“The Population is not Guaranteed Against Major Shocks”. Organization of Protection against Water Disasters in the South of the Russian Empire in the 18th – early 20th centuries V.S. Semenov, O.V. Semenova	15
Parish Clergy in the Tobolsk North in the 18th – early 20th centuries: Formation and Evolution V.V. Tsys’, O.P. Tsys’	25
History of Institutionalization of Women's Entrepreneurship and Social, Political Activities in Russia in the 18th and until 1917 M.L. Galas, P.S. Seleznev	33
Kazakh-Russian Embassy Relations in the Pre-Imperial Period: the Main Problems of Bilateral Relations in the early XVIII century N.S. Lapin	47
Representatives of the Unprivileged Social Groups of the Former Hetmanate on Public Service of the Russian Empire (on the example of the Peasant-Cossack Kunits Family) S.I. Degtyarev, M.S. Nazarov, L.G. Polyakova, J. Gut	56
Dynasties of Mining Engineers as a Subject of Historical Research V.G. Afanas'ev, A.I. Leyberov, S.S. Gutman	64
Results and Prospects of Studying the Process of Settlement and Development of Crafts in the Southern Settlements of the Trans-Urals (late XVIII – early XX centuries) A.B. Khramtsov	74
Contribution of Russian Researchers in the Collection and Study of Materials on the Customary Law of the Kazakhs (late 18th – early 20th centuries) N.A. Alimbay, B.K. Smagulov	85
The Nogai Exodus from Circassia (1793–1839) based on the materials of “The Circassian Slave Narratives” T.A. Magsumov, T.E. Zulfugarzade, A.A. Korolev, E.V. Krasnenkova	97
The Slavery in Central Asia (the first half of the XIX century): the Nature and Manifestations I.A. Ermachkov, L.A. Koroleva, E.K. Mineeva, L.L. Balanyuk	110
N.V. Varadinov's Research Papers and Publications as a Source on the History of the Russian Empire of the first half of the 19th century A.E. Lebid, A.M. Kostenko, N.A. Shevchenko	118
The Activities of the Commission of Spiritual Schools on Organization and Support of the Spiritual Education System in the XIX century (on the materials of Orlov Province) E.S. Matveeva, V.A. Livtsov, V.I. Filonov	126
Formation of the All-Russian Imperial Identity in the Grand Duchy of Finland during the Reign of Alexander III: Historical Contexts and Political Restrictions V.V. Titov	138
The First Conflict over the Administrative Boundary Line Yekaterinoslav Province and Don Host Oblast: Experience of Historical Reconstruction A.Yu. Peretyatko, N.A. Trapsh	146

The Long-Livers of the Russian Empire (1836–1914): Historical and Statistical Research. Part 1 A.A. Cherkasov, S.N. Bratanovskii, M.A. Ponomareva, L.G. Zimovets	159
The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 1 A.M. Mamadaliev, D.V. Karpukhin, N.V. Svechnikova, A. Médico	169
Nobility, Merchants and Clergy in the System of Social Movements in the 50s of the XIX – early XX centuries A.A. Kiyashchenko, D.V. Naumov, D.S. Gudov, S.R. Gubaeva	182
The Russian-Iranian Secret Negotiations of 1853–1854 and the Conclusion of the Convention on Iran's Neutrality N. Ter-Oganov	191
Liberal Socialism in Russia: Genealogy of the Idea (Herzen and Mikhailovsky) V.V. Blokhin	200
Charity of Muslim Communities in Western and Southern Siberia in the second half of the XIX – early XX century P.K. Dashkovskiy, E.A. Shershneva	210
Reconstruction of Numbers of Shipbuilding Orders of the Votkinsk Plant of the Reform Period N.W. Mitiukov, A.N. Loshkarev, Yu.N. Makarov	222
Assessment of the Assimilation Potential of the Russian People in the National Social Thought of the 19 th century A.I. Narezhny, A.T. Urushadze	231
Brilliant Promotion for a Doubtful Invention: the Blood Transfusion Device of Doctor Joseph-Antoine Roussel (1837–1901) in European Medical Science and Practice in 1860–1880 M.S. Sergeeva, E.L. Panova	244
Discussion Aspects of the Establishment and Development of Serfdom in Russia (to the 160th Anniversary of the Peasant Reform of 1861) V.Yu. Zakharov, V.A. Volkov, A.N. Ivanova, S.N. Shkarubo	253
State Policy Towards the Participants of the Polish Uprising of 1863–1864: the Novgorod Exile of the Catholic Bishop Vikenty Theophil Popel G.I. Sinko, V.N. Shaidurov	262
Trends and Features of the Organization of State Property Management in the Turkestan General Government (second half of the 19th – early 20th century) Yu.A. Lysenko	270
The Development of the Mineral and Raw Materials Base of Russia in the Works of Scientists of the Mining Institute (second half of the 19th and early 20th centuries) I.A. Tropov, S.I. Podolskiy, S.V. Lyubichankovskiy	281
Features of Rational Nature Management in Agriculture of Large Estates in the Tambov Province at the end of the XIX century R.M. Zhitin, A.G. Topilsky	288
Zheltuginsky Issue as a Reflection of the Russian–Chinese Interaction at the end of 19th century Zh.V. Petrunina, G.A. Shusharina, R.A. Gromov	296
Mining Industry and Education in the Kingdom of Poland in the second half of the 19th – early 20th centuries A.B. Mokeev, S.I. Podolskiy, D.G. Yanchenko	307

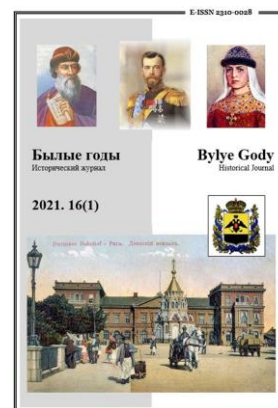
Family and Ideas of the Worldview of the Russian Local Nobility at the turn of the XIX – early XX centuries (on the Example of the Memoirs of S.E. Trubetskoy, A.A. Kornilov, V.V. Rozanov) M.A. Ponomareva	316
Grand Duke Vladimir Alexandrovich and Grand Duke Sergey Alexandrovich: Sources for the Study of their Relationship D.M. Sofjin, M.V. Sofjina	324
Legislative Regulation of Tax Relations in the Russian Empire (late XIX – early XX centuries) V.F. Antonov	332
The Journal «North» (1903) as a Historical Source: the Issue of Education Reform in the Russian Empire N.P. Koptseva, N.N. Serechkina	343
Social and Political Views of Siberian Officials on the Prospects of Russia in the early XX century T.G. Karchaeva, A.G. Gryaznukhin, T.V. Gryaznukhina, N.R. Novosel'tsev	357
Transformation of Approaches to Solving the Agrarian Question in the Programs of Right-Wing and Liberal Parties in the period 1905–1913 S.V. Rastorguev	365
Craft Activities of Stolypin Migrants in the Altai Okrug V.N. Razgon, D.N. Belyanin, A.V. Razgon	375
Activities of the Orthodox Clergy of the Penza Diocese during the First World War O.V. Kolpakova, S.V. Belousov	384
Development of the Social Assistance System in the Russian Empire during the World War I P.A. Merkulov, S.V. Bukalova, O.V. Leonova	392
Planning the Blockade of the Bosphorus by the Black Sea Fleet in 1916. Part 1 O.V. Natolochnaya, R.M. Allalyev, V.A. Svechnikov, S.V. Petrova	404
Romania during the First World War (on the Example of 1916 year) G. Rajović, I.S. Denisov, D.I. Stepanova, I.A. Gordeev	413
Agrarian Colonization of the Steppe Region in the Russian and Kazakh Historiography of the late XX – early XXI centuries as a «Post-Traumatic» Practice of Scientific Reflection B.S. Tokmurzayev, M.K. Churkin, A.A. Sirbayeva	420

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 5-14.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.5
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

ARTICLES

Russian-Polish Relations of the XVII–XIX centuries in the Light of Contemporary Russian Historiography

Vladimir B. Lobanov ^{a, *}, Roman A. Nalivaiko ^b

^aThe S.M. Budyonny Military Academy of the Signal Corps, Russian Federation

^bSt. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The article examines the main problems of Russian-Polish relations of the XVII-XIX centuries in the light of modern Russian historiography. The authors focus on the translation of the German research by M. Rolf, devoted to the status of the Kingdom of Poland in the Russian Empire from the Congress of Vienna to the beginning of the WWI. The main content of the article is the analysis of the interpretations which are presented in this research and their comparison with the concepts of Russian historiography. Considerable attention is paid to the work of the Commission of historians of Russia and Poland, in particular, the conference «Russia in Polish Historiography, Poland in Russian Historiography» organized by this commission, which was held on June 23-25, 2015. The authors substantiate the idea that the study of Russian-Polish relations should be based on scientific interaction for objective research and the formation of a scientific understanding of the common history in public opinion, regardless of the political situation. The article highlights and describes the characteristic features of the main periods of Russian-Polish relations, starting with the formation of the Polish-Lithuanian Commonwealth and up to the beginning of the XX century. The authors give a generalized description of the main historiographical interpretations of Russian and Polish researchers, compare them and explain the differences. The article also analyzes the views of historians on previously little-studied aspects of the uprisings of 1830–1831 and 1863–1864. The article deals with the issues of the ethnic and confessional policy of the Russian authorities in the territories of the former Polish-Lithuanian Commonwealth incorporated in Russia and the "issues" that arose in the Russian Empire after the incorporation of these territories. In conclusion, the authors note the dependence of historiographical interpretations on the political situation, and the desire of Russian historians, using a wide range of sources, to defend a more balanced position.

Keywords: historiography, Polish-Lithuanian Commonwealth, Kingdom of Poland, Russian Empire, Congress of Vienna, Polish Uprisings, Western region, ethnic and religious politics, national politics.

1. Введение

Прежде всего стоит особо отметить, что на современном историческом этапе российско-польские отношения переживают не самые лучшие времена. В равной мере это отражается и на современной отечественной историографии, где активно обсуждаются узловые моменты русско-польских отношений за последние несколько столетий. В 2015 г. появилось немецкое издание исследования М. Рольфа, посвященное положению польских земель – Царства Польского – в составе Российской империи в период от Венского конгресса до начала Первой мировой войны, неформально приуроченное к 200-летию юбилею Венского конгресса, перекроившего карту Европы после

* Corresponding author

E-mail addresses: lobanov19772009@yandex.ru (V.B. Lobanov), r.nalivaiko@spbu.ru (R.A. Nalivaiko)

наполеоновских войн. В 2020 г. вышел в свет русский авторизованный перевод. Он появился к 100-летию событий, связанных с завершением активной фазы советско-польской войны. Хочется верить в то, что появление данной статьи, совпадающее со 100-летней годовщиной заключения Рижского мирного договора, завершившего необъявленную советско-польскую войну 1919–1921 гг., можно будет назвать своеобразным стимулом для нового переосмысления ряда аспектов непростых российско-польских отношений.

2. Материалы и методы

В центре внимания исследования историографические концепции отечественных и западных историков, рассматривающих узловые проблемы русско-польских отношений XVII–XIX вв.

Для анализа используется комплексный метод, когда не только сравниваются взгляды отечественных и западных историков, но и предпринимается попытка разобраться в той политической конъюнктуре, которая обусловила появление именно таких трактовок, что невозможно сделать без привлечения сравнительно-исторического метода для выявления причинно-следственных связей.

3. Обсуждение

Широкий тематический спектр вопросов, которые «разрабатывают» современные исследователи, можно проследить на материалах Комиссии историков России и Польши, которая работает с 1965 г. Обзор деятельности этой Комиссии дает в своей статье С.Э. Кэндзёра. Автором особенно подчеркивается тот положительный факт, что Комиссия «не прерывала работы, несмотря на политические события и экономические проблемы, имевшие место в России и Польше на рубеже прошлого и нынешнего веков. Регулярно проводились научные конференции, выходили в свет очередные труды. Комиссия неизменно играла важную роль в организации и проведении многих российско-польских научных форумов, в реализации совместных проектов» (Кэндзёра, 2015: 92–97). Этим не ограничивалась положительная роль совместной советско-польской, а позднее российско-польской Комиссии. Делается акцент на ее роли в сохранении традиций, развитии польско-российских научных связей через ключевые проекты и важнейшие конференции. Одна из последних конференций, прошедших под эгидой этой Комиссии, «Россия в польской историографии, Польша в российской историографии», состоялась 23–25 июня 2015 г. Ее обзор приводят в своих работах В.Е. Туманин и Г.В. Рокина (Туманин, Рокина, 2018: 236–239) и Б.В. Носов (Носов, 2016: 118–123). Думается, им удалось совершенно верно нащупать нерв польского видения проблематики. Они отметили, что для «польского общественного дискурса характерны претензии на особые знания о России, при этом наблюдается критическое отношение к «российскому наследию»... Однако здесь же приводится как бы смягчающее столь радикальные оценки мнение о том, что «в академическом научном сообществе Польши далеко не все склонны демонизировать политику России...». Более того, авторы провидчески подчеркивают тезис о том, что в конечном итоге «руссофобия... не соответствует польским национальным интересам...» (Туманин, Рокина, 2018: 237). Исследователи, работающие в рамках этой Комиссии, акцентируют внимание на том, что основополагающим должно быть стремление к научному взаимодействию для объективного исследования и формирования в общественном мнении научного представления об общей истории вне зависимости от политической конъюнктуры. Для специалистов и всех, интересующихся проблематикой, особенно важным является тот факт, что материалы этой конференции были изданы отдельным сборником (Россия в польской историографии, 2017).

4. Результаты

Исследование М. Рольфа поднимает сразу несколько вопросов, которые активно изучаются в современной отечественной историографии, для которой политическая борьба становится важным фоном. Среди таких вопросов следует выделить многовековое вооруженное противоборство России и Польши на просторах Восточной Европы. Эта тема по понятным причинам крайне популярна в современной украинской и белорусской историографии. Здесь мы видим нарочитую идеализацию Литвы и Польши и, в свою очередь, крайнюю демонизацию политики России. В частности, делается попытка раскрыть вопрос о соперничестве России и Польши в контексте панславизма XIX в. (Григорьева, 2015: 103–106). Две нации боролись за гегемонию в предполагавшемся будущем общеславянском государстве. Однако польский панславизм изначально отличался изрядной долей утопизма. Он заключался в том, что первоначально консолидирующий проект в польской трактовке трансформировался в очередную имперскую конструкцию. Более того, польские сторонники панславизма «предполагали образовать общеславянское государство под эгидой Польши, но без участия России» (Григорьева, 2015: 103).

Все эти вопросы имеют особое значение и для современного осмысления геополитической обстановки в Восточной Европе, где сильны тенденции к интеграции на антироссийской почве. Истоки всех этих споров восходят к XVI–XVII вв. В 1569 г. в результате Люблинской унии на пространстве Восточной Европы появилось новое государство – Речь Посполитая, которая проявила

себя деятельным геополитическим конкурентом Российского государства. Вопрос, связанный с этим противостоянием, – тема крайне политизированная, особенно в современных условиях активизации идеологической борьбы на постсоветском пространстве (Дворниченко, 2020: 414-432). Истоки этой политизированности хорошо можно проследить в развитии историографии истории Великого княжества Литовского за последнее столетие (Дворниченко, Кудрявцева, 2019: 935-945). Однако следует заметить, что истоки всего этого видны уже в XIX в. Вектор изучения истории Великого княжества Литовского был обозначен еще Н.М. Карамзиным (Дворниченко, Кудрявцева, 2020: 930-939), во время Венгерского похода русской армии 1849 г. дал о себе знать «русинский» вопрос (Дворниченко, 2019: 379-380), «украинский» вопрос также возник далеко не в XX в. (Миллер, 2000). В современной историографии все активнее пытаются сравнивать развитие Великого княжества Литовского и России того же времени, причем в совершенно разных аспектах. В частности, предметом изучения стала гендерная проблематика. Среди вопросов, посвященных «женской истории» ВКЛ, следует отметить изучение статуса «женщины в средневековых источниках, прежде всего – в Литовском Статуте», причем в ряде работ были пересмотрены «основополагающий тезис дореволюционных историков о небывалой свободе литовских шляхтянок, указав на дискриминационные нормы Статута, запрещавшие женщинам выступать в суде и быть свидетелями при составлении завещаний» (Пелипенко, 2020: 2280-2284). Актуальной в историографии является тема дипломатических отношений России и Речи Посполитой: обе стороны претендовали на статус великих держав в Вестфальской системе международных отношений (Кочегаров, 2008; Кочегаров, 2019; Санин, 2019). Проблема территориальных претензий поднималась во время восстаний XIX в., в ходе которых повстанцы выступали за Речь Посполитую в границах 1772 г. Однако и сочувствовавшие им в России либералы, и даже радикалы, были готовы рассматривать территорию будущей независимой Польши только в этнографических границах, по поводу же спорных территорий допускалась возможность референдума (Gusman, 2019: 1214-1225). Проблемы эти были актуальны и в начале XX в., в частности при активном обсуждении «холмского вопроса» (Верняев, 2018: 97-114). После образования II Речи Посполитой все это также стало объектом территориальных споров в регионе (Banaszkiwicz, 2020: 298-308) и сыграло особую роль в Гражданской войне в России (Пученков, 2020: 53-66).

Собственно польские этнические земли, бывшее герцогство Варшавское, оказались в составе Российской империи по решению Венского конгресса в 1815 г. В работе М. Рольфа можно увидеть особый взгляд на установление российской власти над территорией Польши. Прежде всего, автор не упоминает того факта, что «восточные области» Речи Посполитой были православными, и того, что, по признанию Екатерины II, во время разделов Россия не получила ни пяди польской этнической территории. Существует давняя западная историографическая традиция, по которой Россия является главным инициатором и вдохновителем этих разделов. В российской историографии эти тезисы подверглись переосмыслению, подчеркивается особое отношение Петербурга к существованию Речи Посполитой. От ее раздела отказался еще Петр I во время Северной войны (Молчанов, 1984) и первоначально пытались продолжить эту линию Екатерина II и Г.А. Потемкин (Елисеева, 2005; История внешней политики..., 1998; Стегний, 2002). М. Рольф в своей работе отстаивает традиционный западный взгляд на Россию как на главного виновника разделов, тогда как именно Россия выступала против этих разделов, и только действия самой Польши, когда она стала представлять потенциальную угрозу во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг., привели к изменению внешнеполитической позиции России (Стегний, 2002).

М. Рольф в традиционном для западной историографии ключе рассматривает и политику Александра I по отношению к Польше, одновременно умалчивая о тех привилегиях, которые Царство Польское получило, хотя и отмечает, что Польша стала полигоном для либеральных экспериментов. Трансформация этой политики от либерализма к «репрессиям» привела к изменению отношения к Александру I в Европе, в частности, во французской прессе – от восторга до резкого осуждения, когда в 1820 г. «интерес к польско-литовским делам начинает ослабевать, курс становится более консервативным. В результате французские газеты вернулись к дискурсу о варварском восточном соседе. Так, царь-освободитель превратился в жестокого деспота и узурпатора, стремящегося воспользоваться любой возможностью для подчинения европейских территорий» (Belousov, Belousov, 2019: 1196). Одновременно отмечается, что в русском образованном обществе накануне восстания 1830 г. было два диаметрально противоположных взгляда на Польшу. С одной стороны, существовало «негативное отношение к польской государственности», с другой – бытовало «восприятие Польши как источника вестернизации России» (Белоусов, Белоусов, 2020: 118). Обзор историографии относительно положения Царства Польского в составе Российской империи с точки зрения правовых аспектов приведен в работе Н.Г. Карнишиной (Карнишина, 2010: 19-26).

Политику Николая I М. Рольф представляет в обычном мрачном ключе. Рубежом представлено Январское восстание 1863 г., после чего Польша стала превращаться в Привислинский край. Одновременно следует отметить, что само название – Польша – не исчезло, к тому же сохранялась должность наместника Царства Польского. Хотя М. Рольф и предпочитает именовать эту должность «наместником Привислинского края», но ему приходится признавать, что для управления польскими

территориями существовала отдельная структура – Собственная Е.И.В. канцелярия по делам Царства Польского, что подчеркивало особый статус этого региона в системе Российской империи.

В сентябре 2013 г. в Москве Комиссия историков России и Польши провела конференцию, посвященную Январскому восстанию. Польские и российские историки рассмотрели проблемы формирования в общественном сознании представления о значении этого восстания в России и Польше. Материалы конференции затем были опубликованы. При этом, что особенно важно, немалое внимание было уделено вопросам, связанным с источниковедением и историографией (*Польское Январское восстание, 2014*). В связи со вторым Польским восстанием в современной российской печати поднимались вопросы, связанные с проблемами самоопределения как поляков, так и тех народов, которые некогда входили в состав Речи Посполитой. Более того, «многочисленные публикации источников и сочинений по истории русских земель Польско-Литовского государства носили по преимуществу тенденциозно-обвинительный антипольский характер» (*Котов, 2019b: 268*). Осуществлялись и планировались меры в сфере народного образования (*Комзолова, 2020: 159-173*). Часть общественности заняла враждебную по отношению к полякам позицию (*Тесля, 2020: 192-194*), хотя первоначально либеральная ее часть была настроена поддержать польских повстанцев.

М. Рольф особо отмечает нарастающую тенденцию к «деполонизации», «русификации» Польши. Недостатком такого взгляда является отсутствие сравнения с положением польских территорий в составе Пруссии (затем Германии) или Австрийской (затем Австро-Венгерской) империи. В.В. Титов, анализируя национальную политику Александра III, отмечает, что политика русификации не сопровождалась развитием системы образования на русском языке, что минимизировало ее эффективность. Подчеркивается непоследовательность и противоречивость этой политики, которая только обостряла национальные противоречия (*Титов, 2020: 1272-1280*). Неудачу попыток усиления позиций православия в регионе показывает в своей работе Е.Б. Лопатина (*Лопатина, 2016: 52-55*). Наконец, в отечественной историографии также отстаивается тезис о том, что польская политика Александра III не строилась на основе ксенофобии и в большей степени была связана с внешнеполитической угрозой, которая в 1880-е гг. стала реальностью в период обострения отношений с Германией и Австро-Венгрией (*Селезнев и др., 2020: 2679-2687*). Также следует обратить внимание на то, что даже представители консервативной части русской общественной мысли, в частности М.Н. Катков, Л.А. Тихомиров, К.Н. Леонтьев, С.Ф. Шарапов, К.Ф. Головин, подвергли критике такую непоследовательную политику верховной власти, видя в ней почву для дальнейшего обострения русско-польских отношений (*Крот, Дмитриева, 2018: 360-369*). Также исследователи обратили внимание на тот факт, что трансформация России из сословной империи в национальное государство была одним из проявлений «буржуазной» модернизации (*Котов, 2019a: 194-201*).

Особо М. Рольф подчеркивает жестокость российских властей при подавлении революции 1905–1907 гг. именно в Царстве Польском. В частности, подчеркивался тот факт, что здесь находились более 300 тыс. военнослужащих, что именно Польша была эпицентром революционной смуты (*Рольф, 2020: 409*). Одновременно с этим германский исследователь был вынужден признать то обстоятельство, что Царство Польское в составе Российской империи нельзя было назвать колонией (*Рольф, 2020: 530*). Всячески подчеркивается прогрессивность избавления польских земель от российской власти, приводятся слова А. Дёблина о том, что «бурлила городская суета современного мегаполиса..., проносится автомобиль..., сверкают современные витрины..., воспоминание о былом несчастье и унижении устранено» (*Рольф, 2020: 537*).

Этноконфессиональная политика российских властей на подчиненных территориях бывшей Речи Посполитой также является актуальной историографической темой. Процесс инкорпорации Царства Польского в состав Российской империи как один из аспектов этноконфессиональной политики российского правительства показывает М.С. Белоусов (*Белоусов, 2020: 77-87*). При этом отмечается стремление Александра I учредить в Польше конституционные порядки в качестве практики конституционной дипломатии после удачного опыта Ф.Ф. Ушакова на Ионических островах. Выход в свет в 2010 г. монографии М.Д. Долбилова (*Долбилов, 2010*) стало поводом для круглого стола, результаты которого были отражены на страницах «Российской истории», где свои замечания и наблюдения высказали исследователи России, Европы, США (*Бовуа, 2012; Верг, 2012; Вишленкова, 2012; Воронин, 2012; Гольдин, 2012; Комзолова, 2012; Мамонов, 2012; Миллер, 2012; Полунов, 2012; Секиринский, 2012; Смоленчук, 2012; Сталюнас, 2012; Христофоров, 2012*). Там же были помещены ответы на эти замечания самого М.Д. Долбилова (*Долбилов, 2012*), который в своей работе сконцентрировался на этноконфессиональной политике российских властей накануне и после Январского восстания 1863 г. в Северо-Западном крае, включавшем в себя шесть губерний – Виленскую, Гродненскую, Ковенскую, Минскую, Витебскую и Могилевскую. Наряду с критикой, присутствует и противоположный взгляд, подчеркивающий не только репрессивные, но и либеральные тенденции в политике российских властей (*Самыловская, 2020: 182-187*).

Присоединение к Российской империи территорий бывшей Речи Посполитой привело к появлению таких сложных вопросов, как еврейский, польский, украинский. Их трансформацию прослеживает коллективная монография, посвященная положению этих окраин в составе России

(*Западные окраины...*, 2006). Здесь рассматривается возникновение этой проблемы от периода распада Древнерусского государства в XII–XIII вв. и до начала XX в. Показаны взаимоотношения Речи Посполитой с Россией, постепенное включение части этого государства в состав России. Повествование доведено до завершения II мировой войны – показаны судьбы Польши накануне войны, приобретения после ее завершения и оформления границ в Восточной Европе. «Окраинную политику», начиная с XVI в. и до начала XX в., заостряя особое внимание на XVIII–XIX вв., рассматривают Л.М. Дамешек и И.Л. Дамешек (Дамешек, Дамешек, 2017: 23-29). В сфере их внимания оказались как западные, так и восточные окраины Российской империи. Такой подход представляется наиболее конструктивным, поскольку польские проблемы рассматриваются в контексте и национальной, и этноконфессиональной политики Российской империи, причем дифференцируя это по особым периодам, когда данная политика трансформировалась в соответствии с меняющейся как внутривнутриполитической, так и внешнеполитической конъюнктурой.

5. Заключение

Итак, как хорошо видно на примере обзора современной отечественной историографии российско-польских отношений XVII–XIX вв., от политической конъюнктуры никуда не уйти. Работы западных, либо либерально настроенных отечественных авторов проводят отчетливо выраженную тенденцию по обвинению России в экспансионизме и создании колониальной империи. Основная масса отечественных исследователей, используя широкий круг источников, пытается отстаивать более взвешенную позицию, одновременно признавая и ошибки, которые совершало российское правительство. В XVIII–XIX вв. не стояла задача по изучению национального или этноконфессионального вопросов. Поэтому решения, принимавшиеся верховной российской властью, носили противоречивый характер, что и нашло отражение в их обострении на рубеже XIX–XX вв. и в период Гражданской войны, последовавшей вслед за распадом Российской империи. К сожалению, приходится признать, что многие нерешенные вопросы остаются актуальными и на современном этапе непростых российско-польских отношений.

Литература

- Белоусов, Белоусов, 2020 – Белоусов М.С., Белоусов А.С. Русские интеллектуалы и польский вопрос в конце XVIII – начале XIX в. // *Вопросы истории*. 2020. № 1. С. 107-120.
- Бовуа, 2012 – Бовуа Д. «Другой» не должен быть безликим // *Российская история*. 2012. № 4. С. 58-61.
- Верняев, 2018 – Верняев И.И. Решение холмского вопроса: дискурсивные практики в Российской империи начала XX в. // *Русин*. 2018. Т. 53. Вып. 3. С. 97-114.
- Верт, 2012 – Верт П. Заметки на полях многочисленных страниц // *Российская история*. 2012. № 4. С. 48-52.
- Вишленкова, 2012 – Вишленкова Е.А. «А Вы, собственно, кто?» // *Российская история*. 2012. № 4. С. 84-85.
- Воронин, 2012 – Воронин В.Е. Конфессиональная политика самодержавия не отличалась «католикофобией» // *Российская история*. 2012. № 4. С. 71-73.
- Гольдин, 2012 – Гольдин С. Вызов историографическим канонам // *Российская история*. 2012. № 4. С. 64-66.
- Григорьева, 2015 – Григорьева А.А. Русско-польские отношения (панславистский контекст) // *Вестник Томского государственного университета*. 2015. № 392. С. 103-106.
- Дамешек, Дамешек, 2017 – Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Окраинная политика как фактор устойчивости Российской империи XVIII – начала XX в. // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «История»*. 2017. Т. 21. С. 23-29.
- Дворниченко, 2019 – Дворниченко А.Ю. Русины в уме и сердце русского историка (на примере Г.В. Вернадского и А.В. Флоровского) // *Русин*. 2019. № 57. С. 374-393.
- Дворниченко, 2020 – Дворниченко А.Ю. «Петропольский Тацит» возвращается... // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2020. Т. 13. № 1. С. 414-432.
- Долбилов, 2010 – Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 1000 с.
- Долбилов, 2012 – Долбилов М. О концепциях и эмоциях. Ответ автора книги участникам дискуссии // *Российская история*. 2012. № 4. С. 85-92.
- Елисеева, 2005 – Елисеева О.И. Григорий Потемкин. М.: Молодая гвардия, 2005. 665 с.
- Западные окраины..., 2006 – Западные окраины Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 608 с.
- История внешней политики..., 1998 – История внешней политики России. XVIII век (от Северной войны до войн России против Наполеона). М.: Международные отношения, 1998. 304 с.
- Карнишина, 2010 – Карнишина Н.Г. Положение Царства Польского в составе Российской империи в XIX в. в оценках современников // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2010. № 3 (15). С. 19-26.

- Комзолова, 2012** – Комзолова А.А. Отделить риторiku действующих лиц от «воображаемого» самого автора // *Российская история*. 2012. № 4. С. 66-69.
- Комзолова, 2020** – Комзолова А.А. Митрополит Иосиф (Семашко) и реформы народной школы в Северо-Западном крае // *Российская история*. 2020. № 2. С. 159-173.
- Котов, 2019a** – Котов А.Э. Между имперским и национальным // *Новое прошлое*. 2019. № 2. С. 194-201.
- Котов, 2019b** – Котов А.Э. Польский вопрос на страницах «Вестника Юго-Западной и Западной России» (1862–1864 годы) // *Научный диалог*. 2019. № 8. С. 258-272.
- Кочегаров, 2008** – Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах: Заключение договора о Вечном мире. М.: Индрик, 2008. 504 с.
- Кочегаров, 2019** – Кочегаров К.А. Украина и Россия во второй половине XVII века: политика, дипломатия, культура. Очерки. М.: Квадрига, 2019. 424 с.
- Кэндзёра, 2015** – Кэндзёра С.Э. Комиссия историков России и Польши в конце XX – начале XXI века: сохранение традиций и новые горизонты // *Славяноведение*. 2015. № 5. С. 92-97.
- Лопатина, 2016** – Лопатина Е.Б. О попытках усилить позиции православия в Привислинском крае в конце XIX века // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2016. Т. 8. № 6. Ч. 2. С. 52-55.
- Мамонов, 2012** – Мамонов А.В. «Чужая вера» и «родные кресты» // *Российская история*. 2012. № 4. С. 78-84.
- Миллер, 2000** – Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). М.: Алетейя, 2000. 260 с.
- Миллер, 2012** – Миллер А.И. Новый этап в изучении имперской окраинной политики // *Российская история*. 2012. № 4. С. 73-75.
- Молчанов, 1984** – Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Первого. М.: Международные отношения, 1984. 448 с.
- Носов, 2016** – Носов Б.В. Международная научная конференция «Россия в польской историографии, Польша в российской историографии (к 50-летию Комиссии историков России и Польши)» // *Славяноведение*. 2016. № 5. С. 118-123.
- Полунов, 2012** – Полунов А.Ю. Что осталось «за кадром»? // *Российская история*. 2012. № 4. С. 52-56.
- Польское Январское восстание, 2014** – Польское Январское восстание 1863 года: Исторические судьбы России и Польши. М.: Индрик, 2014. 416 с.
- Пученков, 2020** – Пученков А.С. Южнорусское белое движение и Польша в годы Гражданской войны (1919–1920 гг.) // *Вопросы истории*. 2020. № 3. С. 53-66.
- Рольф, 2020** – Рольф М. Польские земли под властью Петербурга: от Венского конгресса до Первой мировой. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 576 с.
- Россия в польской историографии, 2017** – Россия в польской историографии, Польша в российской историографии (к 50-летию Комиссии историков России и Польши). М.: Индрик, 2017. 488 с.
- Самыловская, 2020** – Самыловская Е.А. Рижские католики и протестанты в середине XVIII в. // *Российская история*. 2020. № 4. С. 182-187.
- Санин, 2019** – Санин Г.А. Россия и Украина в Вестфальской системе международных отношений. 1648–1667 гг. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. 360 с.
- Секиринский, 2012** – Секиринский С.С. Бюрократия как «коллективный Гамлет» // *Российская история*. 2012. № 4. С. 56-58.
- Смоленчук, 2012** – Смоленчук А. Имперская политика не укладывается в черно-белые схемы // *Российская история*. 2012. № 4. С. 69-71.
- Сталюнас, 2012** – Сталюнас Д. Вертикаль власти между риторикой и реальностью // *Российская история*. 2012. № 4. С. 61-64.
- Стегний, 2002** – Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М.: Международные отношения, 2002. 696 с.
- Тесля, 2020** – Тесля А.А. Поляки, иезуиты, евреи и «миф о заговоре»: эволюция «опасного другого» в славянофильстве // *Новое литературное обозрение*. 2020. № 2(162). С. 187-206.
- Туманин, Рокина, 2018** – Туманин В.Е., Рокина Г.В. Россия в польской историографии, Польша в российской историографии (к 50-летию Комиссии историков России и Польши) // *Новая и новейшая история*. 2018. № 5. С. 236-239.
- Христофоров, 2012** – Христофоров И.А. О необходимости «социального поворота»: русский национализм и крестьянская реформа // *Российская история*. 2012. № 4. С. 75-78.
- Banaszkiewicz, 2020** – Banaszkiewicz M. The Eastern Borderland in Polish Collective Memory // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2020. Т. 65. Вып. 1. С. 297-309.
- Belousov, 2020** – Belousov M.S. The Influence of an External Factor on the Polish Politics of Alexander I // *Bylye gody*. 2020. Vol. 55. Is. 1. Pp. 77-87.

[Belousov, Belousov, 2019](#) – *Belousov M. S., Belousov A. S.* The Beginning of Congress Poland in the Discourse of the French Press // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История.* 2019. Т. 64. Вып. 4. С. 1195-1212.

[Dvornichenko, Kudryavtseva, 2019](#) – *Dvornichenko A.Yu., Kudryavtseva R.E.A.* The Phenomenon of Great Duchy of Lithuania in a Scholar Discourse on the Boundary of Millenniums // *Bylye Gody.* 2019. Vol. 53. Is. 3. Pp. 935-955.

[Dvornichenko, Kudryavtseva, 2020](#) – *Dvornichenko A.Yu., Kudryavtseva R.E.A.* The First Russian Lithuanists: the Karamzin's Case // *Bylye Gody.* 2020. Vol. 57. Is. 3. Pp. 930-943.

[Gusman, 2019](#) – *Gusman L.Yu.* The Polish Question Through the Eyes of Russian Liberal Constitutionalists on the Eve and During the January Uprising // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История.* 2019. Т. 64. Вып. 4. С. 1213-1225.

[Krot, Dmitrieva, 2018](#) – *Krot M.N., Dmitrieva N.V.* Russification – Pro et Contra: Polemic in the Russian Conservative Thought in the late XIX century // *Bylye Gody.* 2018. Vol. 47. Is. 1. Pp. 360-369.

[Pelipenko, 2020](#) – *Pelipenko T.I.* Women's Studies and Gender History of Great Duchy of Lithuania in Soviet and Postsoviet Historiography (Main Tendencies) // *Bylye Gody.* 2020. Vol. 58. Is. 4. Pp. 2280-2291.

[Seleznev et al., 2020](#) – *Seleznev P. S., Pyrma R. V., Titov V. V.* The Solution of the "Polish Question" within the Framework of the Internal Policy of Alexander III // *Bylye gody.* 2020. Vol. 58. Is. 4. Pp. 2679-2687.

[Titov, 2020](#) – *Titov V.V.* National Policy of Alexander III: an Attempt to Form an "Imperial Identity" // *Bylye gody.* 2020. Vol. 57. Is. 4. Pp. 1272-1280.

References

[Banaszkiewicz, 2020](#) – *Banaszkiewicz, M.* (2020). The Eastern Borderland in Polish Collective Memory. *Vestnik of Saint Petersburg university. History.* 65(1): 297-309.

[Belousov, Belousov, 2019](#) – *Belousov, M.S., Belousov, A.S.* (2019). The Beginning of Congress Poland in the Discourse of the French Press. *Vestnik of Saint Petersburg university. History.* 64(4): 1195-1212.

[Belousov, Belousov, 2020](#) – *Belousov, M.S., Belousov, A.S.* (2020). Russkie intellektualy i pol'skii vopros v kontse XVIII – nachale XIX v. [Russian intellectuals and the Polish question at the end of the XVIII – beginning of the XIX century]. *Voprosy istorii.* 1: 107-120. [in Russian]

[Belousov, 2020](#) – *Belousov, M.S.* (2020). The Influence of an External Factor on the Polish Politics of Alexander I. *Bylye gody.* 55(1): 77-87.

[Bovua, 2012](#) – *Bovua, D.* (2012). «Drugoi» ne dolzhen byt' bezlikim [«The Other» should not be faceless]. *Rossiiskaya istoriya.* 4: 58-61. [in Russian]

[Dameshek, Dameshek, 2017](#) – *Dameshek, L.M., Dameshek, I.L.* (2017). Okrainnaya politika kak faktor ustoichivosti Rossiiskoi imperii XVIII – nachala XX v. [Fringe politics as a factor of stability of the Russian Empire of the XVIII-early XX century]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya».* 21: 23-29. [in Russian]

[Dolbilov, 2010](#) – *Dolbilov, M.D.* (2010). Russkii kraj, chuzhaya vera: Etnokonfessional'naya politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II [Russian Land, Alien Faith: The Ethno-confessional policy of the Empire in Lithuania and Belarus under Alexander II]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1000 p. [in Russian]

[Dolbilov, 2012](#) – *Dolbilov, M.* (2012). O kontseptsyakh i emotsiyakh. Otvet avtora knigi uchastnikam diskussii [About concepts and emotions. The author's response to the discussion participants]. *Rossiiskaya istoriya.* 4: 85-92. [in Russian]

[Dvornichenko, 2019](#) – *Dvornichenko, A.Yu.* (2019). Rusiny v ume i serdtse russkogo istorika (na primere G.V. Vernadskogo i A.V. Florovskogo) [Rusyns in the Mind and Heart of a Russian Historian (on the example of G. V. Vernadsky and A.V. Florovsky)]. *Rusin.* 57: 374-393. [in Russian]

[Dvornichenko, 2020](#) – *Dvornichenko, A.Yu.* (2020). «Petropol'skii Tatsit» vozvrashchaetsya... [«Petropavlovsk Tacitus» returns...]. *Journal of Modern Russian History and Historiography.* 1(13): 414-432. [in Russian]

[Dvornichenko, Kudryavtseva, 2019](#) – *Dvornichenko, A.Yu., Kudryavtseva, R.E.A.* (2019). The Phenomenon of Great Duchy of Lithuania in a Scholar Discourse on the Boundary of Millenniums. *Bylye Gody.* 53(3): 935-955.

[Dvornichenko, Kudryavtseva, 2020](#) – *Dvornichenko, A.Yu., Kudryavtseva, R.E.A.* (2020). The First Russian Lithuanists: the Karamzin's Case. *Bylye Gody.* 57(3): 930-943.

[Eliseeva, 2005](#) – *Eliseeva, O.I.* (2005). Grigorii Potemkin [Grigory Potemkin]. M.: Molodaya gvardiya, 665 p. [in Russian]

[Gol'din, 2012](#) – *Gol'din, S.* (2012). Vyzov istoriograficheskimi kanonami [Challenge to historiographical canons]. *Rossiiskaya istoriya.* 4: 64-66. [in Russian]

[Grigor'eva, 2015](#) – *Grigor'eva, A.A.* (2015). Russko-pol'skie otnosheniya (panslavistskii kontekst) [Russian-Polish relations (pan-Slavic context)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.* 392: 103-106. [in Russian]

[Gusman, 2019](#) – *Gusman, L.Yu.* (2019). The Polish Question Through the Eyes of Russian Liberal Constitutionalists on the Eve and During the January Uprising. *Vestnik of Saint Petersburg university. History.* 64(4): 1213-1225.

- Istoriya vneshnei politiki, 1998** – Istoriya vneshnei politiki Rossii. XVIII vek (ot Severnoi voyny do voyn Rossii protiv Napoleona). [History of Russian Foreign Policy. XVIII century (from the Northern War to the Wars of Russia against Napoleon)]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1998. 304 p. [in Russian]
- Karnishina, 2010** – *Karnishina, N.G.* (2010). Polozhenie Tsarstva Pol'skogo v sostave Rossiiskoi imperii v XIX v. v otsenkakh sovremennikov [The position of the Kingdom of Poland as part of the Russian Empire in the XIX century in the assessments of contemporaries]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki.* 15(3): 19-26. [in Russian]
- Kendzera, 2015** – *Kendzera, S.E.* (2015). Komissiya istorikov Rossii i Pol'shi v kontse XX – nachale XXI veka: sokhranenie traditsii i novye gorizonty [Commission of Historians of Russia and Poland at the end of the XX-beginning of the XXI century: preserving traditions and new horizons]. *Slavyanovedenie.* 5: 92-97. [in Russian]
- Khristoforov, 2012** – *Khristoforov, I.A.* (2012). O neobkhodimosti «sotsial'nogo povorota»: russkii natsionalizm i krest'yanskaya reforma [On the necessity of a «social turn»: Russian Nationalism and peasant reform]. *Rossiiskaya istoriya.* 4: 75-78. [in Russian]
- Kochegarov, 2008** – *Kochegarov, K.A.* (2008). Rech' Pospolitaya i Rossiya v 1680–1686 godakh: Zaklyuchenie dogovora o Vechnom mire. [Rzeczpospolita i Rossiya v 1680-1686: Conclusion of the treaty on Eternal Peace]. M.: Indrik, 504 p. [in Russian]
- Kochegarov, 2019** – *Kochegarov, K.A.* (2019). Ukraina i Rossiya vo vtoroi polovine XVII veka: politika, diplomatiya, kul'tura. ocherki. [Ukraine and Russia in the second half of the XVII century: Politics, Diplomacy, Culture. Essays]. M.: Kvadriga, 424 p. [in Russian]
- Komzolova, 2012** – *Komzolova, A.A.* (2012). Otdelit' ritoriku deistvuyushchikh lits ot «voobrazhaemogo» samogo avtora [To separate the rhetoric of the persons from the «imaginary» author himself]. *Rossiiskaya istoriya.* 4: 66-69. [in Russian]
- Komzolova, 2020** – *Komzolova, A.A.* (2020). Mitropolit Iosif (Semashko) i reformy narodnoi shkoly v Severo-Zapadnom krae [Metropolitan Joseph (Semashko) and the reforms of the national school in the North-Western Region]. *Rossiiskaya istoriya.* 2: 159-173. [in Russian]
- Kotov, 2019a** – *Kotov, A.E.* (2019). Mezhdru imperskim i natsional'nym [Between the imperial and the national]. *Novoe proshloe.* 2: 201. [in Russian]
- Kotov, 2019b** – *Kotov, A.E.* (2019). Pol'skii vopros na stranitsakh «Vestnika Yugo-Zapadnoi i Zapadnoi Rossii» (1862-1864 gody) [The Polish question on the pages of the «Bulletin of South-Western and Western Russia» (1862-1864)]. *Nauchnyi dialog.* 8: 258-272. [in Russian]
- Krot, Dmitrieva, 2018** – *Krot, M.N., Dmitrieva, N.V.* (2018). Russification – Pro et Contra: Polemic in the Russian Conservative Thought in the late XIX century. *Bylye gody.* 47(1): 360-369.
- Lopatina, 2016** – *Lopatina, E.B.* (2016). O popytkakh usilit' pozitsii pravoslaviya v Privislinskom krae v kontse XIX veka [On attempts to strengthen the position of Orthodoxy in the Privislinsky Region at the end of the XIX century]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'.* 6(8). Ch. 2. Pp. 52-55. [in Russian]
- Mamonov, 2012** – *Mamonov, A.V.* (2012). «Chuzhaya vera» i «rodnye kresty» [«Alien faith» and «native crosses»]. *Rossiiskaya istoriya.* 4: 78-84. [in Russian]
- Miller, 2000** – *Miller, A.I.* (2000). «Ukrainskii vopros» v politike vlastei i russkom obshchestvennom mnenii (vtoraya polovina XIX v.) [«The Ukrainian question» in the policy of the authorities and Russian public opinion (the second half of the XIX century)]. M.: Aleteiya, 260 p. [in Russian]
- Miller, 2012** – *Miller, A.I.* (2012). Novyi etap v izuchenii imperskoi okrainnoi politiki [A new stage in the study of Imperial fringe politics]. *Rossiiskaya istoriya.* 4: 73-75. [in Russian]
- Molchanov, 1984** – *Molchanov, N.N.* (1984). Diplomatiya Petra Pervogo [The Diplomacy of Peter the Great]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 448 p. [in Russian]
- Nosov, 2016** – *Nosov, B.V.* (2016). Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Rossiya v pol'skoi istoriografii, Pol'sha v rossiiskoi istoriografii (k 50-letiyu Komissii istorikov Rossii i Pol'shi) [International Scientific Conference «Russia in Polish Historiography, Poland in Russian Historiography (to the 50th anniversary of the Commission of Historians of Russia and Poland)»]. *Slavyanovedenie.* 5: 118-123. [in Russian]
- Pelipenko, 2020** – *Pelipenko, T.I.* (2020). Women's Studies and Gender History of Great Duchy of Lithuania in Soviet and Postsoviet Historiography (Main Tendencies). *Bylye gody.* 58(4): 2280-2291.
- Pol'skoe Yanvarskoe vosstanie, 2014** – Pol'skoe Yanvarskoe vosstanie 1863 goda: Istoricheskie sud'by Rossii i Pol'shi [Polish January Uprising of 1863: Historical destinies of Russia and Poland]. M.: Indrik, 2014. 416 p. [in Russian]
- Polunov, 2012** – *Polunov, A.Yu.* (2012). Chto ostalos' «za kadrom»? [What is left «behind the scenes»?]. *Rossiiskaya istoriya.* 4: 52-56. [in Russian]
- Puchenkov, 2020** – *Puchenkov, A.S.* (2020). Yuzhnorusskoe beloe dvizhenie i Pol'sha v gody Grazhdanskoi voyny (1919-1920 gg.) [The South Russian White Movement and Poland during the Civil War (1919-1920)]. *Voprosy istorii.* 3: 53-66. [in Russian]
- Rol'f, 2020** – *Rol'f, M.* (2020). Pol'skie zemli pod vlast'yu Peterburga: ot Venskogo kongressa do Pervoi mirovoi [Polish lands under the rule of St. Petersburg: from the Vienna Congress to the First World War]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 576 p. [in Russian]

Rossiya v pol'skoi istoriografii, 2017 – Rossiya v pol'skoi istoriografii, Pol'sha v rossiiskoi istoriografii (k 50-letiyu Komissii istorikov Rossii i Pol'shi). [Russia in Polish Historiography, Poland in Russian Historiography (to the 50th anniversary of the Commission of Historians of Russia and Poland)]. M.: Indrik, 2017. 488 p. [in Russian]

Samylovskaya, 2020 – *Samylovskaya E. A.* Rizhskie katoliki i protestanty v seredine XVIII v. [Riga Catholics and Protestants in the middle of the XVIII century]. *Rossiiskaya istoriya*. 4: 182-187. [in Russian]

Sanin, 2019 – *Sanin, G.A.* (2019). Rossiya i Ukraina v Vestfal'skoi sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii. 1648–1667 gg. [Russia and Ukraine in the Westphalian system of international relations. 1648–1667]. M.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 360 p. [in Russian]

Sekirinskii, 2012 – *Sekirinskii, S.S.* (2012). Byurokратиya kak «kollektivnyi Gamlet» [Bureaucracy as a «collective Hamlet»]. *Rossiiskaya istoriya*. 4: 56-58. [in Russian]

Seleznev et al., 2020 – *Seleznev, P.S., Pyrma, R.V., Titov, V.V.* (2020). The Solution of the "Polish Question" within the Framework of the Internal Policy of Alexander III. *Bylye gody*. 58(4): 2679-2687.

Smolenchuk, 2012 – *Smolenchuk, A.* (2012). Imperskaya politika ne ukladyvaetsya v cherno-belye skhemy [Imperial politics does not fit into black-and-white schemes]. *Rossiiskaya istoriya*. 4: 69-71. [in Russian]

Stalyunas, 2012 – *Stalyunas, D.* (2012). Vertikal' vlasti mezhdru ritorikoi i real'nost'yu [The Vertical of power between rhetoric and reality]. *Rossiiskaya istoriya*. 4: 61-64. [in Russian]

Stegnii, 2002 – *Stegnii, P.V.* (2002). Razdely Pol'shi i diplomatiya Ekateriny II. 1772. 1793. 1795. [Partitions of Poland and the diplomacy of Catherine II. 1772. 1793. 1795]. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 696 p. [in Russian]

Teslya, 2020 – *Teslya, A.A.* (2020). Polyaki, iezuity, evrei i «mif o zagovore»: evolyutsiya «opasnogo drugogo» v slavyanofil'stve [Poles, Jesuits, Jews and the «conspiracy Myth»: the evolution of the «dangerous other» in Slavophilia]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2(162): 187-206. [in Russian]

Titov, 2020 – *Titov, V.V.* (2020). National Policy of Alexander III: an Attempt to Form an “Imperial Identity”. *Bylye Gody*. 57(4): 1272-1280.

Tumanin, Rokina, 2018 – *Tumanin, V.E., Rokina, G.V.* (2018). Rossiya v pol'skoi istoriografii, Pol'sha v rossiiskoi istoriografii (k 50-letiyu Komissii istorikov Rossii i Pol'shi) [Russia in Polish Historiography, Poland in Russian historiography (to the 50th anniversary of the Commission of Historians of Russia and Poland)]. *Novaya i noveishaya istoriya*. 5. Pp. 236-239. [in Russian]

Vernyaev, 2018 – *Vernyaev, I.I.* (2018). Reshenie kholm'skogo voprosa: diskursivnye praktiki v Rossiiskoi imperii nachala XIX v. [The solution of the Kholm question: discursive practices in the Russian Empire of the early twentieth century]. *Rusin*. 53(3): 97-114. [in Russian]

Vert, 2012 – *Vert, P.* (2012). Zametki na polyakh mnogochislennykh stranits [Notes in the margins of numerous pages]. *Rossiiskaya istoriya*. 4: 48-52. [in Russian]

Vishlenkova, 2012 – *Vishlenkova, E.A.* (2012). «A Vy, sobstvenno, kto?» [«And you, actually, who?»]. *Rossiiskaya istoriya*. 4: 84-85. [in Russian]

Voronin, 2012 – *Voronin, V.E.* (2012). Konfessional'naya politika samodержaviya ne otlichalas' «katolikofobie» [The confessional policy of the Autocracy was not distinguished by «Catholicophobia»]. *Rossiiskaya istoriya*. 4: 71-73. [in Russian]

Zapadnye okrainy..., 2006 – *Zapadnye okrainy Rossiiskoi imperii* [Western fringes of the Russian Empire]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 608 p. [in Russian]

Русско-польские отношения XVII–XIX вв. в свете современной отечественной историографии

Владимир Борисович Лобанов ^{a, *}, Роман Алексеевич Наливайко ^b

^a Военная академия связи им. Маршала Советского Союза С.М. Буденного, Российская Федерация

^b Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные проблемы русско-польских отношений в XVII–XIX вв. в свете современной отечественной историографии. Особое внимание авторы акцентируют на переводе немецкого исследования М. Рольфа, посвященного статусу Царства Польского в составе Российской империи от Венского конгресса до начала Первой мировой войны. Основное содержание статьи составляет анализ тех трактовок, которые присутствуют в данной работе, и сопоставление их с концепциями отечественной историографии. Значительное внимание уделяется работе Комиссии историков России и Польши, в частности организованной ею конференции «Россия в польской историографии, Польша в российской историографии», которая состоялась 23–25 июня

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: lobanov19772009@yandex.ru (В.Б. Лобанов), r.nalivaiko@spbu.ru (П.А. Наливайко)

2015 г. Обосновывается идея о том, что изучение русско-польских отношений должно базироваться на научном взаимодействии для объективного исследования и формирования в общественном мнении научного представления об общей истории вне зависимости от политической конъюнктуры. В статье выделяются и описываются характерные особенности основных периодов русско-польских отношений, начиная с образования Речи Посполитой и до начала XX вв., при этом авторы дают обобщенную характеристику основных историографических трактовок отечественных и польских исследователей, приводится их сравнение и объяснение различий. В статье также анализируются взгляды историков на ранее малоизученные аспекты восстаний 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг. Затрагиваются вопросы этноконфессиональной политики российских властей в присоединенных к России территориях бывшей Речи Посполитой и тех «вопросов», которые возникли в Российской империи после их присоединения. В заключение отмечается зависимость историографических трактовок от политической конъюнктуры и стремление отечественных историков, используя широкий круг источников, отстаивать более взвешенную позицию.

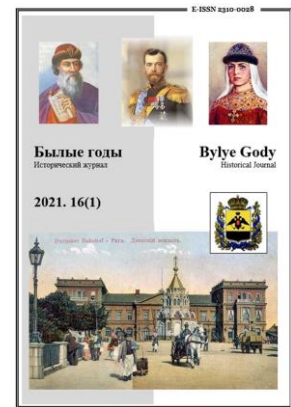
Ключевые слова: историография, Речь Посполитая, Царство Польское, Российская империя, Венский конгресс, польские восстания, Западный край, этноконфессиональная политика, национальная политика.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 15-24.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.15
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

“The Population is not Guaranteed Against Major Shocks”. Organization of Protection against Water Disasters in the South of the Russian Empire in the 18th – early 20th centuries

Vasily S. Semenov ^{a, *}, Olga V. Semenova ^a

^a Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract

The article examines the characteristic features and state of the system of protection from water elements, relief of its consequences and assistance to victims in the South of the Russian Empire. The materials for the article were gleaned from the funds of the State Archives of the Astrakhan Region and Krasnodar Territory, most of which are introduced into scientific circulation for the first time, as well as from the periodicals of the period under study. The study analyzes specific situations, organizational and managerial measures to prevent and protect against floods using the example of the Astrakhan province, as well as the organization of assistance to victims of the 1914 hurricane in the Kuban region.

The authors made conclusions about the insufficient legislative regulation in the Russian Empire of measures to combat the water element, rescue and restoration work and assistance to victims. The weak participation of the central government in the development of a system for preventing disasters and stopping their consequences, which was built mostly on public funds and initiatives, was noted. The key areas that required state participation were highlighted: the construction of capital coastal protection structures, the creation of a centralized fund to help victims of the disaster, the formation of a specialized rescue service.

Keywords: natural disaster, natural hazards, hurricane, storm, aid to victims, Caspian Sea, Sea of Azov.

1. Введение

Опасные природные явления существенно влияют на социально-экономические и политические процессы. Исследования подобных процессов весьма актуальны: они помогают понять и оценить алгоритмы нарастающей дисгармонии природы и общества, определить наиболее рациональные действия органов власти и управления, сформулировать предложения.

Меры предупреждения опасных природных явлений и противодействия им, купирования их последствий оформляются как система с XVIII века, когда в Российской империи складывается «регулярное государство» (Богословский, 1902: 18), чьи административно-управленческие потребности отразились в соответствующих узаконениях. В XIX веке успешность вхождения аграрной России в эпоху модернизации стала явственно зависеть от познаний о климате и закономерностях его изменений, эффективности системы предупреждения и противодействия природным катастрофам, а также в существенной степени от соразмерности и своевременности мер помощи пострадавшим от стихии.

Исследования исторических данных свидетельствуют о нарастании частоты и масштабов наводнений. Для Юга России характерно значительное количество опасных природных явлений (Матишов, 2015: 6), около половины которых связана с водной стихией – наводнения, паводки, нагоны и подобные. Комплексные исследования Южного научного центра РАН позволили пополнить сведения о взаимосвязи опасных природных явлений и общественных процессов. Задачами предлагаемой публикации являются обобщение имеющихся данных, анализ мер противодействия

* Corresponding author

E-mail addresses: semenov_unc@mail.ru (V.S. Semenov), oliko_sov@mail.ru (O.V. Semenova)

подобным явлениям в регионе, а также оценка особенностей оказания помощи пострадавшим от стихии в дореволюционный период.

2. Материалы и методы

В качестве источников, отражающих противодействие опасным стихийным явлениям со стороны общественных объединений и институтов власти, в статье были использованы документы нескольких видов: официальные (законодательные), делопроизводственные и материалы периодической печати.

Соответствующие законы первоначально касались почти исключительно Санкт-Петербурга, подверженного периодическим наводнениям. Господствовало мнение о невозможности предотвратить наводнения, поэтому ключевые требования касались строительно-архитектурных нормативов, нацеленных на минимизацию ущерба от водной стихии.

Примечательно, что некоторые требования закона, базировавшиеся на опыте северной столицы, уже были реализованы на Юге России. Так, запрет «устроения жилых этажей с полами ниже поверхности тротуара» в районах с угрозой наводнения ([Полное собрание законов, 1862: 935](#)) фактически уже исполнялся в прибрежных казачьих станицах Юга России, где традиционно строили дома с высоким фундаментом-подклетом, предусмотренным именно на случай затопления ([Попова, 2012: 83](#)).

Законы вменяли властям в обязанность укреплять берега и обустраивать защитные сооружения. Земской полиции предписывалось участвовать в спасении населения и имущества, были сформированы основы превентивного оповещения подданных о подъеме уровня воды. На губернаторов и их аппарат была возложена ответственность за организацию спасательно-восстановительных мер.

Авторы рассмотрели в статье два сюжета, типичных для исследуемой тематики: борьбу с водной стихией на примере Астраханской губернии и организацию помощи пострадавшим от наводнения 1914 г. в Кубанской области. Источники по названным темам представлены в Государственных архивах Астраханской области (ГАО) и Краснодарского края (ГАКК). Основной объем сведений в ГАО получен из дел, содержащих протоколы Астраханской городской управы о деятельности комиссий по укреплению береговых валов и расходные документы в части укрепления берегов (фонд 94). В ГАКК изучены дела Екатеринодарского биржевого комитета о пожертвованиях пострадавшим от урагана 28 февраля 1914 г. (фонд 599) и переписка Управления работ Ейского порта с отделом торговых портов об отпуске средств на ремонт сооружений, поврежденных штормом (фонд 792). Большинство архивных материалов впервые вводятся в научный оборот.

Значимые сведения почерпнуты из периодической печати исследуемого периода («Русское слово», «Приазовский край», «Маленькая Одесская вечерняя новости» и др.).

Статья основана на принципах историзма и объективности. Это стало возможным благодаря использованию большого количества архивных документов. В исследовании использован междисциплинарный подход, позволяющий применять методы ряда наук (истории, политологии, социологии, правоведения), что обусловлено разнообразием объектов и источников изучения. Применены научные методы периодизации, типологизации и сравнения, позволяющие сопоставить разные сведения о проблеме борьбы с последствиями проявлений опасных природных явлений. Использование общенаучных методов логического, источниковедческого и сравнительно-географического анализа позволило оценить особенности и состояние системы защиты от водной стихии и оказания помощи пострадавшим на Юге Российской империи.

3. Обсуждение

Число научно-исследовательских публикаций и краеведческих материалов, затрагивающих природные катастрофы и их связь с хозяйственными и общественными процессами на Юге Российской империи, невелико ([Евстафьев и др., 2015](#); [Малько и др., 2017](#); [Пашенко, Чуклина, 2019](#); [Пашенко, 2020](#); [Попова, 2013](#); [Таркова, 2012](#); [Штылько, 1896](#)). В соответствующей историографии рассматриваются меры предупреждения наводнений, купирования ущерба и восстановления социально-экономической деятельности в пострадавших регионах.

Отдельную группу представляют исследования, нацеленные на выявление алгоритмов проявлений стихии, прогноз и упреждение экстремальных явлений. Закономерности проявлений водной системы Юга России изучали специалисты в сфере гидрологии, океанологии, климатологии и других областях научного познания ([Бухарицин и др., 2010](#); [Шнюков и др., 1994](#); [Экологический атлас Азовского моря, 2011](#)). Исследуются периоды климатических изменений, их взаимовлияния с циклами солнечной активности и другими факторами. Анализ частоты проявлений водной стихии в Европе за последние пять веков позволил выявить девять циклов наводнений (в т.ч. в период, рассматриваемый в статье) и подтвердить рост их масштабов ([Blöschl et al., 2020: 560](#)).

Исследование узаконений Российской империи в сфере борьбы со стихийными бедствиями показывает, что лишь малая их часть касалась опасных природных явлений. Так, 69 % из 330 соответствующих правовых актов, принятых с начала XVIII века, касается противопожарных мер

(230 актов), более четверти (86 актов) относятся к борьбе с эпидемиями и только 5 % (18 актов) затрагивают вопросы противодействия наводнениям (Малько и др., 2017: 22). Лишь 7 из числа последних 18 узаконений касались компенсаций и оказания помощи пострадавшим от водной стихии. В целом система противодействия наводнениям и купирования их последствий была недостаточно эффективной.

4. Результаты

4.1. Борьба с наводнениями и половодьями (на примере Астраханской губернии)

История Астрахани, расположенной в верхней части дельты Волги, связана с постоянной необходимостью защиты от половодий и наводнений. Обширные территории затапливались штормовыми приливами (нагонами), наиболее опасными в сезон южных ветров. Проживать на заболоченной местности было сложно, а подтопления в меженный период затрудняли капитальное строительство и предпринимательство (Чуйков и др., 2017: 54). Борьба со стихией требовала постоянной и целенаправленной деятельности.

Системно эта работа разворачивается в XIX веке. Весенние разливы реки и прилегающих к городу ериков и проток заставляли городские власти изыскивать средства на создание и содержание валов, перемычек, плотин и мостов, искать решения для сокращения расходов на привлечение рабочей силы и закупку материалов. Астраханские архивы и ряд исследований содержат сведения о сильных наводнениях в 1709, 1719, 1835, 1853, 1856, 1867, 1895, 1908, 1914 и других годах (Евстафьев и др., 2015: 53).

Так, 16 мая 1867 г. половодье прорвало валы и угрожало затопить город, но городской голова А.А. Сапожников нашел выход, приказав изъять из лавок за свой счет мешки с мукой и укрепить ими берег, чем предотвратил катастрофу (Штылько, 1896: 49). Благодарность ему за спасение города высказал император Александр II. Но этот же пример свидетельствует о слабости защитных сооружений и организационных мер на случай наводнений.

С начала 1870-х годов работа по укреплению и ремонту защитных валов сосредоточена в ведении строительного отделения астраханского губернского правления (ГААО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 320. Л. 1-5). Также в конце 1870-х годов утверждены обязательные правила о принятии мер предосторожности во время разлива вод (ГААО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 395). Согласно им организован постоянный контроль уровня воды, налажены сообщения из городов, расположенных выше по течению, а при усилении опасности наводнения применялись различные способы оповещения жителей (ГААО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 395. Л. 4-40б.).

Но все же система предупреждения и противодействия паводкам была не соразмерна постоянной угрозе стихии. Документы последней четверти XIX века свидетельствуют о периодических попытках организовать углубление и укрепление внутригородских водных коммуникаций, для чего предлагались различные проекты, в том числе показавшие свою результативность за рубежом, но проблема осталась нерешенной (Таркова, 2012: 171).

В целом деятельность комитетов и комиссий по укреплению берегов, создававшихся Городской думой, была малоэффективна. Их члены в условиях нехватки денежных средств погрязли в решении малозначимых вопросов. В то же время серьезные проекты увязали в согласованиях и уточнениях.

Слабая отдача комиссий отразилась в нежелании горожан участвовать в их работе. Так, в 1861 г. Комиссию по укреплению городских берегов покинули пять человек (Липчанский и др., 2008: 174), а с началом XX века самоотводы становятся массовыми. В деле Астраханской городской управы «Об избрании Комиссии по укреплению городских береговых валов. 1908–1912 гг.» (ГААО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 24058) объемом в 51 лист 22 листа занимают отказы от участия в работе Комиссии. При этом поводы для самоотвода становятся все ничтожнее. Например, К.А. Бугарев просит городского голову его «из членов валовой комиссии исключить за неимением свободного времени» (ГААО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 24058. Л. 7). В.С. Васильев в заявлении 1908 г. аргументирует самоотвод еще проще: «вследствие слабости своего здоровья» (ГААО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 24058. Л. 8). И вовсе не приводит причин гласный Думы И.Г. Фабрикантов в заявлении от 1911 г. председателю Комиссии по укреплению берегов Е.Ф. Никитину: «Честь имею заявить, что приглашенный Вами на принятие хвороста для укрепления берегов, по причине некоторых обстоятельств прошу меня от этой комиссии освободить» (ГААО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 26274. Л. 3).

Протоколы заседаний берегоустроительной комиссии, датируемые концом XIX – началом XX веков, заполнены рассмотрением малозначимых вопросов о закупке хвороста для укрепительных работ (ГААО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 24673. Л. 65), оплате поденным рабочим за мелкие земляные работы (ГААО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 24284. Л. 24), закупке рогожных кулей, канифасовой ткани (ГААО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 24288) и т.п. Эти меры были необходимы, но вызывает вопросы неспособность или нежелание комиссии организовать сооружение твердых береговых покрытий и тем кардинально сократить необходимость ежегодно восстанавливать земляные валы, устранять промоины и менять деревянные конструкции.

Разгул водной стихии в 1914 году выявил эти недоработки. Астраханская городская управа и Комиссия по укреплению городских береговых валов на совещании 16 июня 1914 г. признали, что «наводнение этого года указало на непригодность и несоответствие существующих городских валов,

... население не гарантировано от крупных потрясений» (ГААО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 26274. Л. 23). Лишь в 1915 г. Комиссия решает «поручить инженеру В.А. Херувимову составить проект и смету на укрепление оснований откосов береговых валов кирпичным щебнем, с заливкой цементным раствором и устройством в основании их подпорных стоек по типу, предложенному Н.Н. Серебренниковым» (ГААО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 30763. Л. 2).

Заметим, что ураган 1914 г. проявил необходимость переустройства береговых укреплений не только в Астраханской губернии, но и в других регионах Юга России. Так, начальник работ Ейского порта инженер А. Ступишин в служебной записке в Отдел торговых портов от 16 мая 1914 г. высказывает следующие соображения: «Применявшийся до сего времени способ отделки береговых откосов ... не представляет прочной защиты от подмывов и разрушений во время бурных погод... Недостаточная сопротивляемость применяемого типа в условиях Ейского порта вызывает необходимость частых, дорогих и мало продуктивных ремонтных исправлений поврежденных... Наилучшим средством устранения постоянной надобности в ремонте и сохранения берегового укрепления является применение железобетонного типа перекрытия с устройством по низу откосов шунтовой стенки» (ГАКК. Ф. 792. Оп. 1. Д. 18. Л. 45).

Первая мировая война воспрепятствовала реализации требуемых и намечавшихся переустройств. Тем не менее к весеннему половодью 1916 г. в Астрахани была принята «предварительная система по охране городских валов от размыва» (ГААО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 30751. Л. 1-2). Губернатор писал городскому голове: «...Разлив реки этого года предвидится весьма значительным. Принимая во внимание, что некоторые участки оградительных валов г. Астрахани не вполне надежны и требуют ремонта и усиления, а между тем рабочей силы мало, предлагаю Вам заблаговременно озаботиться организацией работ по приведению города в безопасное от наводнения состояние и, если будет в том надобность, заблаговременно обратиться в Штаб Казанского Военного Округа об исходатайствовании потребного количества пленных» (ГААО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 30751. Л. 5-50б.).

Подводя промежуточный итог, можно согласиться с мнением специалиста, что «решались проблемы гораздо медленнее, чем накапливались» (Таркова 2012: 71). В стране назревал кризис и смена власти, которой предстояло внедрять новые меры противодействия и устранения последствий стихии.

4.2. Организация помощи пострадавшим от стихии (на примере последствий урагана 1914 года в Кубанской области)

1914 год ознаменовался серьезными природными катаклизмами, особенно на юго-востоке Российской империи, которые подробно исследованы сотрудниками ЮНЦ РАН (Пащенко, Чулкина, 2019). В нашей статье будут затронуты вопросы помощи пострадавшим.

Ураган в конце февраля 1914 г. и последовавшие штормы и бури вызвали катастрофический подъем воды, что привело к многочисленным человеческим жертвам и нанесло значительный урон хозяйству на обширных территориях Кубани, области Войска Донского, Северного Кавказа и Астраханской губернии, преимущественно в прибрежных районах. Газеты, телеграфные агентства сообщали о тысячах жертв стихии. Было потоплено множество судов и рыболовецких баркасов, разрушены дома, в снежных заносах застряли поезда, прервано телеграфное и телефонное сообщение. Ураган над Азовским морем, начавшийся 28 февраля, породил высокую волну, которая затопила побережье. На одной Ачуевской косе погибли, по разным оценкам, от одной до трех тысяч человек (Приазовский край, 03.03.1914, № 58: 3).

Газеты сообщали о трансконтинентальном характере урагана. В частности, заведующий метеорологическими наблюдениями в главной физической обсерватории И.П. Семенов-Тяньшанский отмечал, что первоначально ураган зафиксировали «26 февраля в северной Италии, 27-го – на Балканском полуострове, 27-го к вечеру – в Крыму. Затем, усиливаясь и развивая громадную скорость, он понесся на северо-восток. 28-го он был уже на верховьях Дона. 1-го – на Урале ... и дальше на Север» (Маленькия Одесския вечерняя новости, 06.03.1914: 2).

Каждый день сообщалось о жертвах стихии: «По последним сведениям, на пространстве от Темрюка до Ейска похоронено около 400 трупов. В Приморско-Ахтарской ежедневно хоронят по 8-10 человек. Рядом со старым станичным кладбищем выросло новое громадное кладбище» (Русское слово, 08.03.1914: 3).

В этих условиях наиболее острым являлся вопрос об организации, сборе и распределении помощи. Во многих регионах начали инициативно передавать средства пострадавшим через местные предпринимательские структуры, органы власти, редакции газет и другие каналы. Войсковой наказной атаман Кавказских казачьих войск граф И.И. Воронцов-Дашков писал 1 апреля 1914 г. об организации помощи пострадавшим: «На стоны и мольбы этих несчастных быстро откликнулось население области. Как отдельными лицами и организовавшимися комитетами, так и местной администрацией, и различными учреждениями была оказана первоначальная медицинская, имущественная и продовольственная помощь» (ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 624. Л. 45).

Пожертвования собирали по всей стране. Значительную роль в доведении средств потерпевшим сыграли местные предпринимательские структуры и сложившиеся при их участии комитеты по организации помощи пострадавшим. Так, организующим центром на Кубани, понесшей

наибольший урон, стал Екатеринодарский биржевой комитет. В архивах сохранились сведения о формах сбора пожертвований, путях доведения средств пострадавшим, мерах контроля их расходования.

Например, Московский биржевой комитет 12 марта 1914 г. уведомил коллег в Екатеринодаре: «Препровождая при сем перевод на Азовско-Донской Коммерческий Банк в Екатеринодар на 2.500 рублей, за № 35399, Московский биржевой комитет просит Екатеринодарский биржевой комитет употребить эту сумму на оказание помощи пострадавшим от урагана, направив таковую или через посредство какой-либо организации или непосредственно» (ГАКК. Ф. 599. Оп. 1. Д. 170. Л. 1).

Сразу после катастрофы Екатеринодарский биржевой комитет организует сбор пожертвований, разослав состоятельным гражданам обращение об открытии у себя подписки в пользу пострадавших на побережье Азовского моря в пределах Кубанской области от урагана 28 февраля (ГАКК. Ф. 599. Оп. 1. Д. 170. Л. 2). Воззвание гласит: «Ужасное стихийное бедствие разорило и осиротило множество семейств на побережье от Темрюка до Ейска. Не говоря о погибших, приходится слышать о том, как тяжело выпало жить прибрежным жителям, жилища которых, как у Ачучевцев, почти все смыты грозной стихией и унесены в море. Нужна немедленная медицинская помощь больным, необходима пища, одежда и кров, нужны средства производства рыбакам. На все это нужны деньги. Многие Городския Думы и Биржевые Комитеты за много тысяч верст откликнулись, прислав свои пожертвования. Надеюсь на отзывчивость Биржевого Общества и прочих граждан Екатеринодара и Кубанской области, Биржевой Комитет организует сбор пожертвований, а пока уполномочил своего Председателя отвезти уже пожертвованные суммы для распределения их среди наиболее нуждающихся» (ГАКК. Ф. 599. Оп. 1. Д. 170. Л. 3). Примечательно, что в конце возвания названы поступившие суммы и, таким образом, определены примерные размеры пожертвований.

В сжатые сроки удалось собрать значительные средства. Например, согласно «Отчету о приходе и расходе денег, поступивших в Гривенский комитет помощи пострадавшим от наводнения на Ачучевской косе 28 февраля 1914 года с 1 марта по 16 июля», всего было внесено 31745 руб. 45 коп. (ГАКК. Ф. 599. Оп. 1. Д. 170. Л. 52-520б.). В эту сумму наиболее крупные пожертвования поступили от атаманского Таманского отдела – 7991 руб. 98 коп., от редакции «Русского слова» 6000 руб., от Московской городской управы 2500 руб., от Екатеринодарского биржевого комитета и Товарищества на паях внутренней и внешней мануфактурной торговли по 2000 рублей. «От их величеств» в Гривенский комитет поступило 500 руб., столько же и «от города Ростова». Местных пожертвований – 873 руб. 92 коп.

Средства для помощи пострадавшим жертвовали не только августейшие особы, состоятельные предприниматели и высокооплачиваемые чиновники, но и представители небогатых слоев населения. Так, в подписном листе пожертвований, внесенных 20–29 марта 1914 г. на сумму 421 руб. 15 коп., среди крупных взносов есть и лепта в 5 копеек. Видимо, из-за скромности вклада жертвователь постеснялся указать свое имя, назвавшись «NNN» (ГАКК. Ф. 599. Оп. 1. Д. 170. Л. 6). Делались и коллективные пожертвования. Например, в этом же подписном листе указан взнос служащих Армавирского отделения Русского торгово-промышленного банка в сумме 11 руб. 10 коп. В другом подписном листе указано поступление от «учеников Кубанского реального училища» в сумме 2 руб. 50 коп. (ГАКК. Ф. 599. Оп. 1. Д. 170. Л. 520б.). Встречаются упоминания и о «кружечных сборах» в помощь жертвам наводнения.

В связи с поступлением значительных сумм и необходимостью их скорого доведения до пострадавших возник вопрос о контроле употребления пожертвований, или, выражаясь современно, о целевом расходовании средств.

В процитированном выше документе Московского биржевого комитета от 12 марта 1914 г., сопровождавшем пожертвование 2500 руб., в последней строке высказана просьба: «О последующем Московский биржевой комитет просит не оставить уведомлением». Примечательно, что 22 марта 1914 г. вопрос был продублирован: «Московский Биржевой Комитет имеет честь покорнейше просить Екатеринодарский Биржевой Комитет уведомить, какое направление дано препровожденной при отношении от 12 сего Марта за № 457 сумме в 2500 руб. на помощь пострадавшим от урагана, и не встречается ли в настоящее время потребность в дальнейшей помощи» (ГАКК. Ф. 599. Оп. 1. Д. 170. Л. 10). Любопытно, что, даже получив общий ответ, биржевики продолжают уточнять детали: «Московским Биржевым Комитетом получена телеграмма от Председателя Ахтарского Комитета Варварова, подтверждающего получение через Председателя Екатеринодарской Биржи 2500 рублей. Московский Биржевой Комитет имеет честь покорнейше просить Екатеринодарский Биржевой Комитет не отказать в сообщении, какому именно комитету, председателем которого состоит Варваров, направлена вышесказанная сумма» (ГАКК. Ф. 599. Оп. 1. Д. 170. Л. 11).

Видимо, понимание необходимости строгого отчета в использовании средств побудило Комитет для сбора пожертвований в пользу пострадавших в станице Приморско-Ахтарской рассылать наиболее крупным благотворителям типовые уведомления: «Милостивый Государь! Комитет для сбора пожертвований в пользу пострадавших от наводнения считает приятным долгом выразить Вам глубокую благодарность за Вашу отзывчивость и одновременно имеет честь подтвердить получение от Вас пожертвования в размере 420 руб. 00 коп.» (ГАКК. Ф. 599. Оп. 1. Д. 170. Л. 15).

Акты о собранных пожертвованиях (наиболее распространены были подписные листы), как правило, сопровождалась стандартной просьбой о выдаче квитанции, расписки. Так, 17 апреля 1914 г. управляющий Волжско-Камским коммерческим банком сообщил в Екатеринодарский биржевой комитет: «Милостивые Государи, ввиду Вашего письма от 15 Апреля сего года за № 315 при сем имею честь препроводить присланный Вами подписной лист за № 5 «на оказание помощи пострадавшим от урагана 28-го февраля 1914 года», по которому поступило пожертвований 324 руб. 40 коп. ... В этой и другой сумме благоволите /отдельно/ выдать квитанции для предоставления Правлению нашего Банка» (ГАКК. Ф. 599. Оп. 1. Д. 170. Л. 17).

Контроль осуществлялся не только посредством квитанций, во многих документах высказывалась просьба подтвердить получение пожертвования иным способом. Например, Екатеринодарское общество взаимного кредита 18 апреля 1914 г. сообщало Екатеринодарскому биржевому комитету: «В ответ на В/почтенное от 15 с/м за № 415 при сем возвращаем подписной лист за № 1 и прилагаем поступившие 15 р. наличными – на оказание помощи пострадавшим от урагана 28 февраля 1914 года. Получение денег просим нам подтвердить» (ГАКК. Ф. 599. Оп. 1. Д. 170. Л. 18). Таким образом, форма подтверждения нередко оставлялась на усмотрение получателя.

Особый интерес представляют способы и объекты распределения средств как итог и цель всей системы сбора пожертвований. Это, по сути, главный этап оказания помощи, поскольку злоупотребления, равно как и несвоевременность или недостаточная конкретизация распределения пособий, могут подорвать доверие ко всей кампании сбора пожертвований.

Определенное представление о направлениях и структуре распределения помощи дает упомянутый «Отчет о приходе и расходе денег, поступивших в Гривенский Комитет помощи пострадавшим ... с 1 марта по 16 июля» (ГАКК. Ф. 599. Оп. 1. Д. 170. Л. 52-520б.). Из собранных 31745 руб. 45 коп. самая крупная сумма 10455 руб. направлена «на устройство разрушенных заводов». Восстановление производства имело целью вернуть возможность зарабатывать на жизнь лицам, уцелевшим от разгула стихии. К этому направлению расходов можно отнести и 4254 руб. 45 коп. «на приобретение рыболовного инвентаря», и 6445 руб. «на покупку скота». Таким образом, две трети приходных сумм были в срочном порядке направлены на восстановление производства и пищевой базы.

Оставшиеся средства употреблены по десяти иным статьям расходов, в том числе 741 руб. 72 коп. «на продовольствие натурой» и 2615 руб. 80 коп. «на продовольствие деньгами». «На покупку одежды» израсходовано 3152 руб. 81 коп., «на лечение пострадавших» – 276 руб. 40 коп., «на наем квартир» – 285 руб. и 350 руб. «на покупку двух домов». Весьма значимым и милосердным расходом представляется вклад 2400 руб. «по книжкам Государственной сберегательной кассы на 12 сирот по 200 руб.».

Одна из самых малых сумм израсходована на «похороны утонувших» – 83 руб. 47 коп. Приведем для сравнения «почтовые и другие мелкие расходы», которые составили 352 руб. 09 коп. Очевидно, похороны проходили по самому скромному разряду, поскольку в подобных ситуациях основные ресурсы направляются на спасение и обустройство выживших.

Остаток наличных денег в Гривенском комитете помощи на 16 июля 1914 г. составил 183 руб. 71 коп. Непосредственный контроль распределения средств осуществлял представитель старинного казачьего рода, обладавший авторитетом, председатель Гривенского комитета подъесаул Г. Бруснев.

Есть примеры распределения средств между регионами самими жертвователями на основе своих представлений о наиболее пострадавших районах. Подобным образом разделило деньги правление товарищества мануфактур Н.Н. Коншина в Серпухове, указав в письме от 1 апреля 1914 г. в Екатеринодарский биржевой комитет следующее: «Милостивые Государи! 15 марта с/г. состоялось учредительное собрание высочайше утвержденного Товарищества на паях Внутренней и Вывозной Торговли Мануфактурными Товарами. Ввиду грозного бедствия, недавно посетившего юго-восточный район нашего отечества, Правление Товарищества ... постановило ... пожертвовать в пользу семейств, пострадавших от урагана, пять тысяч рублей, распределив эту сумму следующим образом: в распоряжение Астраханского Биржевого Комитета – Р.1000, в распоряжение Екатеринодарского Биржевого Комитета – Р.2000 и в распоряжение Ростовского Биржевого Комитета Р.2000» (ГАКК. Ф. 599. Оп. 1. Д. 170. Л. 32).

Также направленные средства могли перераспределяться и постфактум – сообразно уточненным сведениям о тяжести бедствий в других регионах. В частности, Московский биржевой комитет в письме от 19 июня 1914 г. в Екатеринодарский биржевой комитет высказывает пожелание: «Вследствие отношения от 11 сего июня за № 750 с уведомлением, что из 5000 руб., препровожденных переводом в Азовско-Донской Коммерческий Банк при отношении от 3 апреля с.г. за № 615 и предназначенных Екатеринодарским Биржевым Комитетом Приморско-Ахтарскому Комитету для оказания помощи пострадавшим от урагана, две тысячи рублей направлены такому же Гривенскому Комитету, Московский биржевой Комитет имеет честь просить Екатеринодарский Комитет не отказать в сообщении, какое направление получили со стороны Приморско-Ахтарского Комитета означенные три тысячи рублей. Если в настоящее время сумма эта является неизрасходованной целиком, то не будет ли признано со стороны Приморско-Ахтарского Комитета возможным остаток сказанной суммы направить также в Гривенский Комитет, в виду поступившей со

стороны последнего в Московский биржевой Комитет телеграммы об оказании помощи» (ГАКК. Ф. 599. Оп. 1. Д. 170. Л. 44).

Подводя промежуточный итог, следует отметить важность личностей в организации помощи жертвам опасных природных явлений. Основная роль в данной системе принадлежит определенным людям, которые участвуют в спасательно-восстановительных мероприятиях, распределяют средства, определяют объекты и способы финансовой и иной поддержки. Практика показывает, что не существует гарантии от неэффективной реализации помощи либо даже хищений, поскольку в конечном итоге все зависит от порядочности и компетентности организаторов. Уже в начале марта 1914 г. в населенных пунктах, наиболее потерпевших от стихии, сложились комитеты по оказанию помощи пострадавшим, объединившие уважаемых горожан и станичников (ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 624. Л. 15). В Ейске комиссию возглавил член городской управы А. Киселев, Гривенский комитет – подбесаул Г. Бруснев и другие.

Одним из таких людей был представитель известного купеческого рода – Михаил Васильевич Варваров, председатель комитета для сбора пожертвований в пользу пострадавших от наводнения станицы Приморско-Ахтарской. Именно на этих участках побережья стихийное бедствие нанесло наибольший урон. Начальник Кубанской области генерал-лейтенант Бабыч М.П., возглавивший спасательно-восстановительные работы в регионе, отметил, что «станция Приморско-Ахтарская – район, наиболее пострадавший» (ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 624. Л. 61). Здесь было наибольшее число жертв, значительный ущерб был причинен и предприятиям: «от урагана особенно пострадали хлебные ссыпки ... купца Варварова, который исчисляет свои убытки в 30000 рублей» (Русское слово, 07.03.1914: 2). Невзирая на потери, он лично включился в спасательные работы, оказывал помощь, организовал сбор и распределение средств. В «Отчете о движении сумм, поступивших через Екатеринодарский Биржевой Комитет на помощь пострадавшим от урагана 28/II.1914 г.», в графе «отослано» первой строкой зафиксировано: «отвезены И.Н. Дицманом в Приморско-Ахтарский Комитет М.В. Варварову 2500 руб.». Следующая строка гласит: «29/III. Переведены М.В. Варварову в Ахтари 420 руб.» (ГАКК. Ф. 599. Оп. 1. Д. 170. Л. 49). Эти и подобные строки свидетельствуют о деловой репутации и доверии М.В. Варварову, что подтверждается и его масштабной благотворительностью.

Однако заметим, что опора преимущественно на общественные силы и добровольные пожертвования далеко не всегда позволяла своевременно изыскать достаточные средства. В этом плане характерным является ответ Екатеринодарского отделения Азово-Донского коммерческого банка от 14 апреля 1914 г. в адрес Екатеринодарского биржевого комитета: «Милостивые Государи. В ответ на В/предложение от 21 Марта за № 327 о пожертвовании в пользу пострадавших от урагана 28 Февраля, имеем честь сообщить, что Правление к/банка уже сделало от имени банка общее пожертвование...» (ГАКК. Ф. 599. Оп. 1. Д. 170. Л. 16). Очевидно, все более насущной становилась потребность формирования общегосударственного фонда помощи пострадавшим от опасных природных явлений.

Между тем в пострадавших районах не хватало самого необходимого. В Приморско-Ахтарской не было больницы и врача. Хотя к 7 марта 1914 г. в станице развернули лазарет Красного Креста (ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 624. Л. 15), однако многие нуждавшиеся в срочной медицинской помощи не дожили до его открытия. Крестьяне и рабочие получали в первые дни после урагана пожертвования 3–6 руб., позже – 10–30 (редко до 50 руб.), которых хватало для пропитания и поднайма угла на первое время, но было мало для восстановления жилья и хозяйства. Практиковалась раздача продуктов и одежды, ремонт жилья, покупка рыболовных снастей и лодок наиболее пострадавшим рыбакам. Газеты сообщали о всенародном сборе пожертвований пострадавшим и значительной роли общественных комитетов в спасении людей. Но при этом многие издания критиковали пассивную позицию властей, административных органов, противопоставляя им общественные силы, которые почти всецело взяли на себя «тяжесть спасания и оказания помощи пострадавшим» (Приазовский край, 07.03.1914, № 62: 5).

5. Заключение

К началу XX века в Российской империи были в основном узаконены основные направления административно-управленческой деятельности в сфере внутренней безопасности, включая защиту от стихийных бедствий. Принятые уставы регламентировали меры противодействия пожарам, введение противоэпидемических карантин. Однако организация борьбы с водной стихией, спасательно-восстановительных работ и помощи пострадавшим осталась без кодифицированного акта.

Между тем практика показала необходимость усиления государственного участия в создании и развитии централизованной системы предупреждения катастроф и купирования их последствий. Прежде всего следовало строить берегоукрепительные сооружения с повышенным запасом прочности, надобность которых была неочевидной в повседневной жизни, но становилась явной при экстремальных проявлениях водной стихии. Также назрела необходимость создания централизованного фонда оказания помощи жертвам стихии, поскольку опора на добровольные пожертвования не позволяла своевременно и эффективно организовывать спасательно-

восстановительные мероприятия. Проявилась и потребность формирования специализированной спасательной службы и выработки алгоритмов ее взаимодействия с государственными структурами (армейскими и др.) на случай природных катастроф.

Российский социум был вынужден по преимуществу самостоятельно устранять последствия наводнений, паводков и морских ураганов, опираясь главным образом на общественные починки. Слабость либо отсутствие государственной системы социального обеспечения в данной сфере использовались оппозиционными силами для компрометации режима.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ «Опасные природные явления и социальные процессы в Причерноморье, Приазовье и Прикаспии: проблемы взаимосвязи и взаимообусловленности» (проект №18-05-80043).

Часть работы (раздел 2 и 4.2) выполнена по теме НИР «История и культура народов Юга России: между традицией и модернизацией» в рамках Государственного задания ЮНЦ РАН на 2021 г. (№ госрегистрации АААА-А19-119011190182-8).

Литература

Богословский, 1902 – Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–1729 гг. М., 1902. 582 с.

Бухарицин и др., 2010 – Бухарицин П.И., Синенко Л.Г., Кабдулова Р.Р. Штормовые нагоны в устье Волги // *Геология, география и глобальная энергия*. 2010. № 2 (37). С. 106-109.

ГААО – Государственный архив Астраханской области.

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.

Евстафьев и др., 2015 – Евстафьев И.Ю., Лункин А.В., Бульчев В.А., Романенко Е.В. Астраханская область. Азбука рисков. Астрахань, 2015. 198 с.

Липчанский и др., 2008 – Липчанский А.М., Тимофеева Е.Г., Лебедев С.В., Казаков П.В. Столица преславной провинции: История астраханского городского общественного самоуправления. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2008. 307 с.

Маленькая Одесская вечерняя новости, 1914 – *Маленькая Одесская вечерняя новости*. Ежедневная газета Российской империи, издавалась в г. Одессе в 1913–1914 гг.

Малько и др., 2017 – Малько А.В., Немченко С.Б., Смирнова А.А. Обзор законодательства Российской империи XVIII – 1-й пол. XIX в. в сфере борьбы со стихийными бедствиями // *Известия Алтайского государственного университета*, 1. 2017. № 3(95). С. 18-27.

Матишов, 2015 – Матишов Г.Г. Керченский пролив и дельта Дона: безопасность коммуникаций и населения // *Вестник Южного научного центра*. Т. 11. № 1. 2015. С. 6-16.

Полное собрание законов, 1862 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. XXXV. Ч. I. СПб., 1862.

Попова, 2012 – Попова Н.С. Жилище донских казаков в ареальном аспекте // *Вестник Южного научного центра*. Том 8. 2012. № 2. С. 79-87.

Приазовский край, 1914 – Приазовский край – ежедневная политическая, экономическая и литературная газета. Издавалась в г. Ростове-на-Дону, Типо-литография С.Х. Арутюнова, с 1891 по 1917 гг.

Русское слово, 1914 – Русское слово – ежедневная газета Российской империи, издавалась в Москве, начиная с 1895 г.

Таркова, 2012 – Таркова Р.А. Внутригородские водоемы Астрахани до революции: проблемы рационального использования // *Астраханский вестник экологического образования*. 2012. № 2. С. 165-172.

Чуйков и др., 2017 – Чуйков Ю.С., Чуйкова Л.Ю., Бадаков Р.Ю., Васильева Е.С., Студенькова Е.А. Очерки по социально-экологическим основам градостроения (исторический аспект) // *Астраханский вестник экологического образования*. 2017. № 3 (41). С. 42-55.

Шнюков и др., 1994 – Шнюков Е.Ф., Митин Л.И., Цемко В.П. Катастрофы в Черном море. Киев: Манускрипт, 1994. 296 с.

Штылько, 1896 – Штылько А.Н. Иллюстрированная Астрахань. Очерки прошлого и настоящего города, его достопримечательности и окрестности. Саратов. 1896. 212 с.

Экологический атлас, 2011 – Экологический атлас Азовского моря / Гл. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2011. 328 с.

Blöschl et al., 2000 – Blöschl, G., Kiss, A., Viglione, A. et al. Current European flood-rich period exceptional compared with past 500 years // *Nature*. 2000. № 583. Pp. 560-566. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41586-020-2478-3>

Pashchenko, Chuklina, 2019 – Pashchenko I.V., Chuklina E.Yu. Hurricane of 1914 and its Social Consequences in the South-East Azov Sea Region: Based on Periodicals and Archival Documents // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51. Is. 1: 423-436.

[Pashchenko, 2020](#) – *Pashchenko, I.V.* Retrospective Analysis of the Social Consequences of the 1910 Storm in the Caspian, Black and Azov Seas // *Bylye Gody*. 2020. № 56(2): 878-888.

References

- [Blöschl et al., 2000](#) – *Blöschl, G., Kiss, A., Viglione, A. et al.* (2000). Current European flood-rich period exceptional compared with past 500 years. *Nature*. 583: 560-566.
- [Bogoslovsky, 1902](#) – *Bogoslovskiy, M.M.* (1902). Oblastnaya reforma Petra Velikogo. Provintsiya 1719–1729. [Regional reform of Peter the Great. Province 1719–1729]. M., 582 p. [in Russian]
- [Bukharitsin i dr., 2010](#) – *Bukharitsin, P.I., Sinenko, L.G., Kabdulova, R.R.* (2010). Shtormovyye nagony v ust'ye Volgi [Storm surges at the mouth of the Volga]. *Geologiya, geografiya i global'naya energiya*. 37(3): 106-109. [in Russian]
- [Chuykov i dr., 2017](#) – *Chuykov, Yu.S., Chuykova, L.Yu., Badakov, R.Yu., Vasil'yeva, Ye.S., Studen'kova, Ye.A.* (2017). Ocherki po sotsial'no-ekologicheskim osnovam gradostroyeniya (istoricheskiy aspekt) [Essays on the social and ecological foundations of urban planning (historical aspect)]. *Astrakhanskiy vestnik ekologicheskogo obrazovaniya*. 41(3): 42-55. [in Russian]
- [Ekologicheskiy atlas, 2011](#) – *Ekologicheskiy atlas Azovskogo moraya*. Gl. red. akad. G.G. Matishov [Ecological atlas of the Sea of Azov. Ch. ed. acad. G.G. Matishov]. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo YUNTS RAN, 2011. 328 p. [in Russian]
- [GAAO](#) – Gosudarstvennyy arkhiv Astrakhanskoy oblasti [State Archive of the Astrakhan Region].
- [GAKK](#) – Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya [State archive of Krasnodar Krai].
- [Lipchanskiy i dr., 2008](#) – *Lipchanskiy, A.M., Timofeyeva, Ye.G., Lebedev, S.V., Kazakov, P.V.* (2008). Stolitsa preslavnoy provintsii: Istoriya astrakhanskogo gorodskogo obshchestvennogo samoupravleniya [The capital of the glorious province: The history of the Astrakhan city public self-government]. Astrakhan': Izdatel'skiy dom «Astrakhanskiy universitet», 307 p. [in Russian]
- [Malen'kiya Odesskiya vecherniya novosti, 1914](#) – *Malen'kiya Odesskiya vecherniya novosti*. Ezhednevnyaya gazeta Rossiyskoy imperii. [in Russian]
- [Mal'ko i dr. 2017](#) – *Mal'ko, A.V., Nemchenko, S.B., Smirnova, A.A.* (2017). Obzor zakonodatel'stva Rossiyskoy imperii XVIII – 1-y pol. XIX v. v sfere bor'by so stikhiynymi bedstvuyami [Review of the legislation of the Russian Empire XVIII – 1st half. XIX century. in the field of combating natural disasters]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1. 3(95): 18-27. [in Russian]
- [Matishov, 2015](#) – *Matishov, G.G.* (2015). Kerchenskiy proliv i del'ta Dona: bezopasnost' kommunikatsiy i naseleniya [Kerch Strait and Don delta: safety of communications and population]. *Vestnik Yuzhnogo nauchnogo tsentra*. T. 11. 1: 6-16. [in Russian]
- [Pashchenko, 2020](#) – *Pashchenko, I.V.* (2020). Retrospective Analysis of the Social Consequences of the 1910 Storm in the Caspian, Black and Azov Seas. *Bylye Gody*. 56(2): 878-888.
- [Pashchenko, Chuklina, 2019](#) – *Pashchenko, I.V., Chuklina, E.Yu.* (2019). Hurricane of 1914 and its Social Consequences in the South-East Azov Sea Region: Based on Periodicals and Archival Documents. *Bylye Gody*. 51(1): 423-436.
- [Polnoye sobraniye zakonov, 1862](#) – *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobraniye II. T. XXXV. Ch. I. SPb., 1862. [in Russian]
- [Popova, 2012](#) – *Popova, N.S.* (2012). Zhilishche donskikh kazakov v areal'nom aspekte [Dwelling of the Don Cossacks in the areal aspect]. *Vestnik Yuzhnogo nauchnogo tsentra*. T. 8. 2: 79-87. [in Russian]
- [Priazovskiy kray, 1914](#) – *Priazovskiy kray* – yezhednevnyaya politicheskaya, ekonomicheskaya i literaturnaya gazeta [Priazovsky Territory is a daily political, economic and literary newspaper]. Izdavalas' v g. Rostove-na-Donu, Tipolitografiya S.Kh. Arutyunova, s 1891 po 1917. [in Russian]
- [Russkoye slovo, 1914](#) – *Russkoye slovo* – yezhednevnyaya gazeta Rossiyskoy imperii. Izdavalas' v Moskve, nachinaya s 1895 g. [in Russian]
- [Shnyukov i dr., 1994](#) – *Shnyukov, Ye.F., Mitin, L.I., Tsemko, V.P.* (1994). Katastrofy v Chernom more [Disasters in the Black Sea]. Kiyev, 296 p. [in Russian]
- [Shtyl'ko, 1896](#) – *Shtyl'ko, A.N.* (1896). Illyustrirovannaya Astrakhan'. Ocherki proshlago i nastoyashchago goroda, yego dostoprimechatel'nosti i okrestnosti. [Illustrated Astrakhan. Essays on the past and present of the city, its sights and surroundings]. Saratov. 212 p. [in Russian]
- [Tarkova, 2012](#) – *Tarkova, R.A.* (2012). Vnutrigorodskiy vodoyemy Astrakhani do revolyutsii: problemy ratsional'nogo ispol'zovaniya [Intra-city reservoirs of Astrakhan before the revolution: problems of rational use]. *Astrakhanskiy vestnik ekologicheskogo obrazovaniya*. 2: 165-172. [in Russian]
- [Yevstafiyev i dr., 2015](#) – *Yevstafiyev, I.Yu., Lunkin, A.V., Bulychev, V.A., Romanenko, Ye.V.* (2015). Astrakhanskaya oblast'. Azbuka riskov [Astrakhan region. ABC of risks]. Astrakhan', 198 p. [in Russian]

«Население не гарантировано от крупных потрясений». Организация защиты от водной стихии на юге Российской империи в XVIII – начале XX веков

Василий Станиславович Семёнов ^{a, *}, Ольга Валерьевна Семёнова ^a

^a Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются характерные особенности и состояние системы защиты от водной стихии, купирования ее последствий и оказания помощи пострадавшим на Юге Российской империи. Материалы для статьи почерпнуты в фондах Государственных архивов Астраханской области и Краснодарского края, большинство из которых впервые вводится в научный оборот, а также в сообщениях периодической печати исследуемого времени. В работе проанализированы конкретные ситуации, организационно-управленческие меры предупреждения и защиты от наводнений на примере Астраханской губернии, а также организации помощи пострадавшим от урагана 1914 г. в Кубанской области.

Авторы сделали выводы о недостаточном законодательном регулировании в Российской империи мер борьбы с водной стихией, спасательно-восстановительных работ и помощи пострадавшим. Отмечено слабое участие центральной власти в развитии системы предупреждения катастроф и купирования их последствий, которая строилась большей частью на общественных средствах и инициативах. Выделены ключевые направления, требовавшие государственного участия: строительство капитальных берегоукрепительных сооружений, создание централизованного фонда помощи жертвам стихии, формирование специализированной спасательной службы.

Ключевые слова: стихийное бедствие, опасные природные явления, ураган, шторм, помощь пострадавшим, Каспийское море, Азовское море.

* Корреспондирующий автор

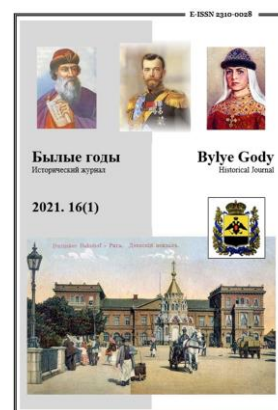
Адреса электронной почты: semenov_unc@mail.ru (В.С. Семенов), oliko_sov@mail.ru (О.В. Семенова)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 25-32.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.25
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Parish Clergy in the Tobolsk North in the 18th – early 20th centuries: Formation and Evolution

Valery V. Tsys' ^a, Olga P. Tsys' ^{a, *}

^aNizhnevartovsk State University, Russian Federation

Abstract

The article discusses the main issues related to the formation and further evolution of the parish clergy of the Tobolsk North in the synodal period (XVIII – early XX centuries). It is noted that the need for clergy and clergymen arose soon after the mass Christianization of the indigenous population of the region, which necessitated the construction of temples and the organization of parishes. The clergy was replenished at the expense of the Cossacks, prisoners of war who converted to Orthodoxy, exiled for minor offenses. Subsequently, the clergy was replenished by natural reproduction. In the post-reform period, the beginning of the process of erosion of the class isolation of the local clergy is observed, which, nevertheless, proceeded very slowly. It points to the initially low educational level of representatives of the clergy in the Tobolsk North, which made it necessary to organize the training of the sons of clergy and clergymen. Attempts to create Latin and Slavic-Russian schools cannot be considered successful. Therefore, the training of future clergy members for the parishes of the Tobolsk North was organized outside the region. The Tobolsk Theological Seminary and Theological Schools have become the “forge of personnel”. As a result, by the end of the 19th century the absence of any education other than home education is gradually turning from a rule into an exception. However, getting a complete education was still a serious problem for the northern clergy. It is concluded that in the conditions of the Tobolsk North, the modernization processes associated with the transformation of the clergy went with a significant lag. This shows the uneven development of the peripheral Russian regions in comparison with the central part of the country.

Keywords: Tobolsk and Siberian dioceses, Tobolsk North, clergy, clergy, parish, spiritual education, clergy and clergy, synodal period.

1. Введение

Неотъемлемой частью истории Русской православной церкви являются вопросы, связанные с формированием приходского духовенства. Потребность в привлечении в его ряды новых членов возникает параллельно с процессом создания новых храмов, увеличения числа верующих за счет естественного прироста или освоения новых географических пространств.

В течение более чем столетия после вхождения Тобольского Севера (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра и Ямало-Ненецкий автономный округ в нынешних границах) в состав Российского государства христианство здесь практически не выходило за пределы нескольких населенных пунктов, где сосредотачивалось русское служилое и торговое население (Березов, Сургут, Самарово). Положение кардинально меняется в петровскую эпоху. Стараниями «апостола Сибири» схимонаха Феодора (Филофея Лещинского) проводится массовая христианизация остяков и вогулов, в результате чего в течение 1710-х – 1730-х гг.) на Тобольском Севере организуется 19 «инородческих» приходов. Во второй половине 1730-х гг. два из них объединили (Сосьвинский и Ляпинский) (Туров, 2007: 18). С конца 1740-х до 1770-х гг. появилось еще три прихода. Затем наступил перерыв, продлившийся до 40-х гг. XIX века.

* Corresponding author

E-mail addresses: tsysv@rambler.ru (V.V. Tsys'), tsyso@rambler.ru (O.P. Tsys')

Развитие пароходного сообщения, стимулировавшее вовлечение региона в рыночные отношения, привело к притоку мигрантов, прибывавших преимущественно с Приуралья, Тобольского и Нарымского уездов. Это вызвало необходимость создания новых приходов и пропорционального увеличения численности духовенства. Как следствие, в середине XIX – начале XX вв. на Тобольском Севере открывается еще 10 приходов. Всего же к 1917 г. здесь функционировало 35 приходов. Из них в Березовском благочинии состояло 12, в Сургутском – 9, в северной части Тобольского уезда – 12 и северо-восточной части Туринского – 2.

Их создание и деятельность требовали соответствующего кадрового обеспечения. Изучение проблем формирования и последующей эволюции духовного сословия позволит глубже понять особенности протекавших на территории региона социальных процессов, а также государственной политики, направленной на его интеграцию со всей страной.

2. Материалы и методы

Исследование выполнено на основе комплекса впервые вовлекаемых в научных оборот документальных материалов (отчеты настоятелей, благочинных, епархиальных архиереев, рапорты, доношения, переписка по разным вопросам, а также клировые ведомости и ревизские сказки), которые хранятся в фондах Тобольской духовной консистории (Ф. И-156) Государственного бюджетного учреждения Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (далее – ГАТ), а также в фонде Святейшего Синода (Ф. 796) Российского государственного исторического архива (далее – РГИА).

В ходе работы над темой исследования авторы опирались на принципы историзма, всесторонности, целостности. Используются как общенаучные, так и традиционные для любого исторического исследования методы анализа, обобщения.

Вопросы рассмотрены в проблемно-хронологическом плане, благодаря чему удалось раскрыть изменения в уровне образования, качественном и количественном составе духовенства в течение рассматриваемого периода. Использование синхронно-исторического метода позволило проанализировать особенности эволюции характеристик представителей духовного сословия в сравнении с некоторыми соседними регионами, а также с Тобольской епархией в целом. Применение системного метода дало возможность рассматривать духовенство как неотъемлемую часть населения региона, органически с ним связанную. Исторический и логический методы необходимы в изложении, детальном описании исторических фактов, конструктивном использовании собранных источников.

3. Обсуждение

В изучении темы можно выделить три основных периода: дореволюционный, советский, современный.

До революции проблемы формирования духовного сословия на Тобольском Севере затрагивались преимущественно в контексте биографических жизнеописаний тобольских архиереев (Абрамов, 1868; Путинцев, 1892; Сулоцкий, 1867; Сулоцкий, 2000а). Более систематизированные сведения о составе духовенства, пусть и в ограниченных рамках миссионерских учреждений (Обдорской, Сургутской и Кондинской миссий во второй половине XIX – начале XX вв.) приводятся в работах А.И. Сулоцкого (Сулоцкий, 2000б) и игумена Иринарха (Шемановского) (Иринарх, 1906).

В советский период рассматриваемая тема в условиях господства марксистской идеологии утратила свою актуальность и исследовалась недостаточно. Показательны в этом отношении лишь труды Н.Д. Зольниковой и Н.А. Миненко (Миненко, 1975; Зольникова, 1990).

Ситуация начинает кардинально меняться в постсоветский период. Изучение темы нашло отражение в ряде публикаций, посвященных истории церковного строительства на территории региона (Цысь, Цысь, 2019), христианизации коренного населения (Мавлютова, 2001; Tsys', Tsys', 2019), проблемам модернизации Тобольского Севера в целом (Побережников, 2013; Цысь, 2019), а также отчасти в работах обзорного характера (Дулов, Санников, 2006; Леонтьева, 2002).

В зарубежной историографии основное внимание обращается на взаимодействие православного духовенства со светской властью, различными социальными и этническими группами в контексте имперской политики по отношению к национальным меньшинствам (Chulos, 2003; Forsyth, 1992; Freeze, 1983; Friesen, 2015).

В целом же сведения по данной теме в отечественной и зарубежной исторической литературе разноречивы и фрагментарны.

3. Результаты

В XVIII – первой половине XIX вв. в сельских храмах Тобольского Севера в штате состояли священник, дьячок и пономарь. Как следует из челобитной царю Петру Алексеевичу иеромонаха Пахомия и священника Петра Данилова от 15 мая 1716 г., велено было для служения во вновь создаваемых приходах «прибрать причетников: по дьячку, по пономарю, по просвирнице к церкви» (Цит. по: Книжные сокровища, 2003: 410).

Заполнить вновь возникшие вакансии требовало немалых усилий. Преосвященному Филофею (Лещинскому) приходилось верстать себе помощников из казачества Березова и Сургута. Так, к одному из соратников «апостола Сибири» восходил род Кайдаловых. В 1761 г. протопоп И. Кайдалов писал: «...Дед мой покойной, бывшей сургуцкой закащик священник Алексей Данилов сын Кайдалов по указу Петра Великого... просветил святым крещением северной страны идолопоклоннических народов сот до семи человек...» (Цит. по: [Книжные сокровища, 2003: 29](#)). Из сургутского же казачества происходили и другие представители многочисленных священнических родов XVIII–XIX вв. – Вергуновы и Тверитины ([Белобородов, 2017: 18-19, 51-52](#)). Спустя столетие известный историк Русской православной церкви в Сибири А.И. Сулоцкий писал, что к новокрещеным назначались «образованные надзиратели» из числа принявших православие пленных шведов и «сосланных за неважные вины малороссиян...» ([Сулоцкий, 2000: 790](#)). В 1762 г. Тобольская духовная консистория рассмотрела доношение Березовского духовного правления о производстве в пономари сына прапорщика из числа бывших шведских военнопленных Карпа Андреева ([ГАТ. Ф. И-156. Оп. 2. Д. 475. Л. 2](#)). Федор, получивший фамилию Карпов, стал родоначальником еще одной династии, несшей священно- и церковнослужение на территории края в течение последующих полутора столетий.

Несмотря на пополнение духовенства представителями служилых сословий, в течение всего XVIII в. продолжал ощущаться кадровый голод. Об этом, в частности, свидетельствует «всепокорнейшее доношение» митрополиту Павлу от 15 марта 1761 г., из которого следует, что сын священника Илья Кайдалов, служивший с 1724 г. дьячком «в думпокольских волостях» и спустя пять лет получивший ставленную грамоту от митрополита Антония (Стаховского), в 1734 г. непонятным для автора документа образом и неизвестно на основе какого решения был определен в казацки пятидесятники и таким образом вышел из духовного звания ([ГАТ. Ф. И-156. Оп. 2. Д. 58. Л. 2](#)). Как выяснилось в ходе следствия, в Сургутском заказе не были заполнены одиннадцать штатных вакансий, включая одного священника, двух дьяконов, двух пономарей и двух дьячков ([ГАТ. Ф. И-156. Оп. 2. Д. 58. Л. 3 об.-4](#)). После разбирательства было принято решение «за недостатком при святых церквях ... священно и церковно служителей» вернуть бывшего дьячка вместе со всем семейством на духовную службу.

В дальнейшем заметный кадровый дефицит ощущался только в некоторых городских приходах региона – в Сургутской Троицкой и Березовской Одигитриевской церквях, что связано с наличием в этих небольших населенных пунктах других приходов, где вакансии были заполнены ([Таблица 1](#)).

Таблица 1. Число священно- и церковнослужителей в приходах Тобольского Севера на 1806 г. (составлено по: [РГИА. Ф. 796. Оп. 87. Д. 846. Л. 19, 23-27, 58-59](#))

Должности	протоиереев	священников	дьяконов	пономарей	дьячков	Всего
По штату	2	28	6	27	26	89
Налицо	0	25	3	25	24	77

Указанная проблема постепенно становится все менее актуальной по демографическим причинам, а также из-за сокращения штатов в сельских приходах. По нашим подсчетам из 116 сыновей священно- и церковнослужителей Березовского благочиния (в то время включало и церкви ранее упраздненного Сургутского заказа), которым на момент проведения 8-й ревизии (1834 г.) было 10 лет и более, в период между текущей и предыдущей, 7-й ревизией (1815 г.) 67 (57,8 %) поступили на должности, связанные со службой в духовном ведомстве (включая копиистов духовных правлений, фельдшера духовной семинарии, сторожей церквей), 29 (25 %) – обучались в духовных учебных заведениях, 9 (7,8 %) находились при отцах, 10 (8,6 %) – выбыли в другие сословия (4 – в крестьяне, 3 – в мещане, 3 – без точного указания) (подсчитано по: [ГАТ. Ф. И-154. Оп. 20. Д. 233. Л. 2-26; Оп. 8. Д. 532. Л. 2 об.-55](#)).

В ходе проведенной в 1869 г. реформы были сокращены штаты сельских церквей, что, по мнению Г. Фриза, являлось первым серьезным преобразованием в данном вопросе со времен Петра I ([Freeze, 1983: 317](#)). Вводятся новые штаты, в соответствии с которыми в небольших сельских приходах причт был сокращен до двух человек: священника и псаломщика. В течение 1870-х гг. данная реформа проводится во всех епархиях, в том числе в 1877 г. – в Тобольской.

В результате уже к 1884 г. штаты всех сельских церквей Сургутского и Березовского благочиний оказались полностью укомплектованы (за исключением одного члена причта в Обдорской Петро-Павловской церкви) (См.: [ГАТ. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1410. Л. 10, 51](#)).

Дополнительные сведения о кадровом составе духовенства Тобольского Севера можно выявить по клировым ведомостям за различные периоды. Как показывают подсчеты, в 1841 г. 100 % священно- и церковнослужителей происходило из духовного сословия. Почти полвека спустя, в 1885 г., среди них появляются выходцы из «инородцев», мещанства, «военных чинов» и крестьян.

Начиная с архиепископа Варлаама (Успенского) (1862–1872 гг.), одной из своих задач тобольские и сибирские архиереи признавали качественное обновление духовенства в

«инородческих» приходах. Как следует из отчета преосвященного Ефрема (Рязанова) за 1873 г., в Тобольской епархии ощущался в целом недостаток в образованном пастырском корпусе, т.к. многие по окончании семинарии уходили на гражданскую службу, «которая гораздо более обеспечивает материальное положение и во всех отношениях выгоднее... Из епархий многолюдных трудно желающих найти и вызвать на духовную службу в Тобольской епархии, между прочим, и по суровости Сибирского климата, и потому, что поступающие из Европейской России в Сибирь на службу по духовному ведомству не пользуются теми преимуществами, которые предоставлены перемещающимся по гражданскому ведомству» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 554. Л. 150б.).

Специфика местного духовенства заключалась в том, что оно состояло из двух основных групп. К первой можно отнести представителей старинных священнических родов (Кайдаловы, Тверитины, Вергуновы, Поповы, Карповы и др.), происходивших из казачества и др. служилых людей. В начале 1840-х гг. они составляли основную массу духовенства. Эти люди хорошо знали «инородческие» языки, местную специфику. В 1880-х гг. номенклатура фамилий значительно расширяется. Священный сан принимают некоторые представители коренного населения. Кроме того, в приходы Березовского и Сургутского благочиний переводятся представители епархий Европейской России. В дальнейшем приток духовенства из других регионов страны продолжился.

Интерес представляет также средний возраст настоятелей приходов по данным клировых ведомостей, ревизских сказок и его динамика, свидетельствующие о постепенном омоложении священнических кадров. В 1815 г. по Березовскому и Сургутскому уездам он составлял 50,4 года (подсчитано по: ГАТ. Ф. И-154. Оп. 20. Д. 233. Л. 2-26; Оп. 8. Д. 532. Л. 2 об.-55), в 1841 г. – 45,6 лет, в 1885 г. – 45,7 лет, в 1908 г. – 42,1 года (подсчитано по: ГАТ. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 57, 163).

Изначально уровень образования и профессиональной подготовки священно- и церковнослужителей вновь образованных приходов был не очень высоким. Об этом, в частности, свидетельствует указ Березовского духовного правления от 20 июля 1753 г., где сообщалось, что по распоряжению преосвященного Сильвестра (Гловацкого) необходимо «Березовского ведомства всем священником без всякого отлагательства... чтоб каждый изучил в твердости Катехизис десяти заповедей, со истолкованием прочитывая изустно... також и книжицу «Известие учительное» всеизустно, опасаясь за нескорое обучение неотменного штрафования» (Церкви Обдорска, 2005: 90-91). Речь шла в данном случае об овладении хотя бы минимальным набором знаний, требуемых от священника.

Особое значение придавалось обучению сыновей духовенства, которые должны были со временем сменить отцов. Первые сведения об этом относятся к 1740-м гг. Так, воспитанник сургутского протопопа Якова Усольцова Мартемьян в 1744 г. обучался в Тобольской архиерейской славяно-русской школе, а в 1748 г. был определен «к Сургутским духовным делам» (ГАТ. Ф. И-156. Оп. 2. Д. 28. Л. 2). Сын пономаря Болчаровской церкви В. Караульщикова с 1759 г. обучался в низшем классе Тобольской духовной семинарии.

Подобные случаи не носили массового характера. Поэтому с начала 1760-х гг. наблюдаются попытки создания учебных заведений для духовенства на Тобольском Севере путем организации так называемых латинских и славяно-русских школ. Эти школы просуществовали сравнительно недолго и вскоре были закрыты. О низкой эффективности их работы свидетельствует следующий факт. Сын пономаря Болчаровской церкви, отосланный из Тобольской духовной семинарии в Самаровскую латинскую школу, показал, что «в той [Самаровской] школе не точию он Василей Караульщикова не обучался, но и все того заказа также и сургутского священно и церковнослужителей дети не обучались и поныне не обучаются» (ГАТ. Ф. И-156. Оп. 2. Д. 703. Л. 40б.). В конечном счете более целесообразным и эффективным признается обучение детей духовенства в епархиальном центре.

По данным на 1800 г., в Тобольской духовной семинарии (ТДС) из 219 учеников трое являлись сыновьями священно- и церковнослужителей Тобольского Севера (из с. Троицкого, Юганского и Кондинского). Все они состояли в младших классах (с 1-го по 3-й) и находились «на своем содержании» (Подсчитано по: РГИА. Ф. 796. Оп. 81. Д. 1064).

Ведомость за 1806 г. указывала, что из 61 сына священно- и церковнослужителей Тобольского Севера 34 находились «при отцах», 10 – в семинарии, 4 – «в русских училищах», 11 – были вызваны в семинарию для прохождения обучения, 2 – имели увечья или серьезную болезнь (подсчитано по: РГИА. Ф. 796. Оп. 87. Д. 846. Л. 3-10). Эти показатели в целом соответствовали общеепархиальным (Таблица 2).

Таблица 2. Число сыновей священно- и церковнослужителей Тобольской епархии, состоявших в учебных заведениях (на 1806 г.) (составлено по: РГИА. Ф. 796. Оп. 87. Д. 846. Л. 10)

	Обучаются в «русских училищах»	Находятся «при отцах»	Обучаются в семинарии	Вызваны в семинарию для обучения	Не учатся из-за увечья или болезни	Всего
Тобольский Север	4	34	10	11	2	61
%	6,6	55,7	16,4	18,0	3,3	100
Тобольская епархия	11	454	192	150	8	815
%	1,3	55,7	23,6	18,4	1,0	100

Анализ клировых ведомостей за 1841 г. показывает, что из 18 священников лишь трое закончили Тобольскую духовную семинарию, а большинство в учебных заведениях никогда не обучались. Из 26 церковнослужителей (дьячки и пономари) 8 обучались какое-то время в духовных училищах, 4 – в духовных семинариях, но не сумели их закончить (подсчитано по: ГАТ. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 17).

Ситуация постепенно менялась. В 1885 г. из 19 чел. 10 проходили обучение в ТДС, еще 8 – в духовных училищах. Не имел образования лишь один заштатный священник в возрасте 79 лет (подсчитано по: ГАТ. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 17, 35).

В целом же по приходам Тобольского Севера, по сведениям епархиального адрес-календаря, на январь 1884 г. из 53 священно- и церковнослужителей 16 обучались в духовной семинарии (закончили – 9), 34 – в духовных, приходских училищах (окончило – 3), 1 являлся выпускником светского вуза и лишь 2 имели «домашнее образование» (подсчитано по: Тобольский..., 1884: 89-150).

Положение мало изменилось и к началу XX века. Сведения на 1903 г. представлены в таблице, составленной на основе епархиального адрес-календаря (Таблица 3).

Таблица 3. Уровень образования духовенства Тобольского Севера на 1903 г. (подсчитано по: Сведения..., 1903: 13-16, 47, 91-93, 97-99)

	1	2	3	4	5	6	7	Всего:
священники	8	6	3	9	3	-	1	30
%	26,7	20	10	30	10	-	3,3	100
дьяконы, псаломщики	-	3	6	13	5	2	2	31
%	-	9,7	19,3	41,9	16,1	6,5	6,5	100

Примечание: 1 – окончили духовную семинарию; 2 – обучались в духовной семинарии, но не закончили; 3 – окончили духовные училища и др. духовные учебные заведения; 4 – обучались, но не закончили духовные училища и др. духовные учебные заведения; 5 – окончили светские учебные заведения (уездные, приходские, городские училища); 6 – обучались, но не окончили светские учебные заведения; 7 – имели «домашнее образование».

По данным на 1908 г., 12 из 19 настоятелей приходов Сургутского и Березовского уездов проходили обучение в духовной семинарии (однако окончило лишь четверо) и еще 6 – в др. учебных заведениях (Подсчитано по: ГАТ. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 57, 163).

К концу XIX в. наличие образования, пусть даже незаконченного, становится общим правилом для представителей духовного сословия. Однако получение полного образования по-прежнему оставалось для него серьезной проблемой. Можно привести сведения по Пермской епархии, где уже в первой половине XIX в. большинство приходского духовенства проходило обучение или в семинариях, или в духовных училищах (Мангилева, 2015: 165). На Тобольском Севере мы ничего подобного не наблюдаем.

5. Заключение

Приведенные данные свидетельствуют о том, что источником формирования духовенства Тобольского Севера являлись служилые сословия, в основном казачество, а также принявшие православие военнопленные, сосланные за различные незначительные проступки лица. В течение почти всего XIX в. только небольшая часть сыновей церковнослужителей переходила в податные сословия. Представители других социальных групп, в основном «инородцы», начали проникать в ряды северного духовенства лишь в конце столетия.

Государство шло по пути оптимизации штатов приходского духовенства, большое внимание уделялось повышению его образовательного уровня. Необходимо указать и на омоложение

священнических кадров. Однако в условиях Тобольского Севера модернизационные процессы, связанные с трансформацией духовного сословия, шли со значительным отставанием. Это показывает неравномерность развития периферийных российских регионов в сравнении с центральной частью страны.

Литература

- Абрамов, 1868** – Абрамов Н.А. Георгий Яшуржинский, архиепископ Тобольский и Сибирский. (1845–1852 гг.) // *Странник*. 1868. Т. III. № 8. Отд. I. С. 63–93.
- Белобородов, 2017** – Белобородов В.К. Русские старожилы Сургутского края: последняя книга очерков. Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2017. 400 с.
- ГАТ** – Государственный архив в г. Тобольске.
- Дулов, Санников, 2006** – Дулов А.В., Санников А.П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX веков. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2006. Ч. I. 323 с.
- Зольникова, 1990** – Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII веке. Новосибирск: Наука, 1990. 291 с.
- Иринарх, 1906** – Иринарх, иер. История Обдорской Духовной миссии (1854–1904). М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1906. 188 с.
- Книжные сокровища, 2003** – Книжные сокровища Югры: Рукописные и старопечатные книги из собраний города Ханты-Мансийска / Сост. С.А. Белобородов, Н.А. Мудрова, А.В. Полетаев, Е.А. Полетаева и др. Екатеринбург: Изд-во «Волот», 2003. 496 с.
- Леонтьева, 2002** – Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – в начале XX в. М.: Новый хронограф, 2002. 253 с.
- Мавлютова, 2001** – Мавлютова Г.Ш. Миссионерская деятельность Русской Православной церкви в Западной Сибири (XIX – начало XX века). Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2001. 264 с.
- Мангилева, 2015** – Мангилева А.В. Влияние модернизационных процессов на кадровую политику епархиальных властей в XIX в. // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI вв. / Отв. ред. А.Х. Элерт. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. С. 164–171.
- Миненко, 1975** – Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в.: Историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 1975. 308 с.
- Побережников, 2013** – Побережников И.В. Север Западной Сибири в контексте Российской модернизации XIX – начала XX века // *Вестник Пермского университета. Серия «История»*. 2013. Вып. 3 (23). С. 44–52.
- Путинцев, 1892** – Путинцев М. Тобольская епархия. Часть. 2. От. 1: Архипастыри Тобольской епархии. Жизнеописание Тобольских архипастырей. Омск: Типография А.К. Демидова, 1892. 158 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Сведения..., 1903** – Сведения о церквях и причтах // Тобольский епархиальный адрес-календарь на 1903 год. Тобольск: Тип. Епархиального Братства, 1903. С. 1–99.
- Сулоцкий, 1867** – Сулоцкий А., прот. Жизнеописание Афанасия, архиепископа Тобольского и Сибирского // *Странник*. 1867. Январь. С. 5–57.
- Сулоцкий, 2000а** – Сулоцкий А.И. Миссионерства Березовского края – обдорское, кондинское и в особенности сургутское // Сочинения в трех томах: Т. 2. О Сибирском духовенстве. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. С. 789–801.
- Сулоцкий, 2000б** – Сулоцкий А.И. Тобольские архипастыри: Антоний (Знаменский), Евгений (Казанцев) и Георгий (Яшуржинский) // Сочинения в трех томах: Т. 2. О сибирском духовенстве. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики. 2000. С. 521–536.
- Тобольский..., 1884** – Тобольский епархиальный адрес-календарь. Тобольск: Типо-литография А.Г. Калининой, 1884. [2], III, [1], 150, 94, VI, [2] с.
- Туров, 2007** – Туров С.В. Храмы на речных островах // Православие на Обь-Иртышском Севере: материалы к историко-культурному атласу / Под ред. Л.В. Степановой, С.В. Лазаревой, С.В. Турова. Екатеринбург: ООО «Баско», 2007. С. 3–55.
- Церкви Обдорска, 2005** – Церкви Обдорска: летопись в документах. Вып. 1.: Васильевская церковь (1746–1824) / Ред.-сост. В.Я. Темплинг. Тюмень: Мандр и Ка, 2005. 360 с.
- Цысь, Цысь, 2019** – Цысь В.В., Цысь О.П. Сельское храмовое строительство на Тобольском Севере в XVIII – начале XX веков // *Научный диалог*. 2019. № 4. С. 342–358. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-4-342-358
- Цысь, 2019** – Цысь О.П. О направлениях взаимодействия православного духовенства, светской власти и общества на Тобольском Севере в XIX – начале XX века // *Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология»*. 2019. Т. 29. № 4. С. 603–613. DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-4-603-613
- Tsys', Tsys', 2019** – Tsys' V.V., Tsys' O.P. The Struggle of the Russian Orthodox Church and Secular Authorities against the Pagan "Remnants" of The Peoples of the Tobolsk North in the XVIII–XIX centuries // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 52. Is. 2. Pp. 533–541. DOI: 10.13187/bg.2019.2.533

- Chulos, 2003** – *Chulos C.J.* Converging Words: Religion and Community in Peasant Russia, 1861–1917. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003, 201 p.
- Forsyth, 1992** – *Forsyth J.A.* History of the peoples of Siberia. Russia's north Asian colony 1581–1990. Cambridge: University Press, 1992, 455 p.
- Freeze, 1983** – *Freeze G.L.* The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton: Princeton University Press, 1983, 507 p.
- Friesen, 2015** – *Friesen A.* (2015). Building an orthodox empire: archpriest Ioann Vostorgov and Russian missionary aspirations // *Canadian Slavonic Papers*. 2015, vol. 57, no. 1-2, pp. 56–75.

References

- Abramov, 1868** – *Abramov, N.A.* (1868). Georgij Jashhurzhinskij, arhiepiskop Tobol'skij i Sibirskij. (1845–1852 gg.) [Georgy Yashchurzhinsky, Archbishop of Tobolsk and Siberia. (1845-1852)]. *Strannik*. Vol. III. № 8. Dep. I, pp. 63-93. [in Russian]
- Beloborodov, 2017** – *Beloborodov, V.K.* (2017). Russkie starozhily Surgutskogo kraja: poslednjaja kniga ocherkov [Russian old-timers of the Surgut region: the last book of essays]. Hanty-Mansijsk: Print-Klass, 400 p. [in Russian]
- Chulos, 2003** – *Chulos, C.J.* (2003). Converging Words: Religion and Community in Peasant Russia, 1861–1917. DeKalb: Northern Illinois University Press. 201 p.
- Dulov, Sannikov, 2006** – *Dulov, A.V., Sannikov, A.P.* (2006). Pravoslavnaya tserkov' v Vostochnoi Sibiri v XVII – nachale XX vekov [The Orthodox Church in Eastern Siberia in the XVII – early XX centuries]. Irkutsk: Izd-vo IGU. Dep. I. 323 p. [in Russian]
- Forsyth, 1992** – *Forsyth, J.A.* (1992). History of the peoples of Siberia. Russia's north Asian colony 1581–1990. Cambridge: University Press, 1992. 455 p.
- Freeze, 1983** – *Freeze, G.L.* (1983). The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton: Princeton University Press. 507 p.
- Friesen, 2015** – *Friesen, A.* (2015). Building an orthodox empire: archpriest Ioann Vostorgov and Russian missionary aspirations. *Canadian Slavonic Papers*. 57(1-2): 56-75.
- GAT** – Gosudarstvennyi arkhiv v g. Tobol'ske [State archive in Tobolsk].
- Irinarh, 1906** – *Irinarh, ier.* (1906). Istorija Obdorskoj Duhovnoj missii (1854–1904) [History of the Obdorsk Spiritual Mission (1854-1904)]. M.: Pechatnja A.I. Snegirevoj, 188 p. [in Russian]
- Knizhnye sokrovishcha, 2003** – Knizhnye sokrovishcha Yugry: Rukopisnye i staropechatnye knigi iz sobranii goroda Khanty-Mansijska [Book treasures of Yugra: Hand-written and early printed books from the collections of the city of Khanty-Mansiysk]. Sost. S.A. Beloborodov, N.A. Mudrova, A.V. Poletaev and etc. Ekaterinburg: izd-vo «Volot», 496 p. [in Russian]
- Leonteva, 2003** – *Leonteva, T.G.* (2003). Vera i progress: pravoslavnoe sel'skoe dukhovenstvo Rossii vo vtoroi polovine XIX – v nachale XX v. [Faith and progress: the Orthodox rural clergy of Russia in the second half of the XIX – at the beginning of the XX century]. Moscow: Novyi khronograf, 253 p. [in Russian]
- Mangileva, 2015** – *Mangileva, A.V.* (2015). Vlijanie modernizacionnyh processov na kadrovuju politiku eparhial'nyh vlastej v XIX v. [The impact of modernization processes in the personnel policy of the diocesan authorities in the XIX century]. Religioznye i politicheskie idei v proizvedenijah dejatelej russkoj kul'tury XVI–XXI vv. Otv. red. A.H. Jelert. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, pp. 164-171. [in Russian]
- Mavlyutova, 2001** – *Mavlyutova, G.Sh.* (2001). Missionerskaya deyatel'nost' russkoj pravoslavnoj tserkvi v Severo-Zapadnoj Sibiri (XIX – nachalo XX veka) [Missionary work of the Russian Orthodox Church in the north-west of Siberia (19 – early 20 centuries)]. Tyumen: izd-vo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 180 p. [in Russian]
- Minenko, 1975** – *Minenko, N.A.* (1975). Severo-Zapadnaja Sibir' v XVIII – pervoj polovine XIX v.: Istoriko-jetnograficheskiy ocherk [Northwestern Siberia in the 18th – first half of the 19th centuries: Historical and ethnographic sketch]. Novosibirsk: Nauka. 308 p. [in Russian]
- Poberezhnikov, 2013** – *Poberezhnikov, I.V.* (2013). Sever Zapadnoj Sibiri v kontekste Rossijskoj modernizacii XIX – nachala XX veka [North of Western Siberia in the context of the Russian modernization of the 19 – the beginning of the 20 century]. *Vestnik Permskogo universiteta. Serija «Istorija»*. 3(23): 44-52. [in Russian]
- Putincev, 1892** – *Putincev, M.* (1892). Tobol'skaja eparhija. Ch. 2. Ot. 1: Arhipastyri Tobol'skoj eparhii. Zhizneopisanie Tobol'skih arhipastyrej [Tobolsk diocese. Part 2. Dep. 1: Archpastors of the Tobolsk Diocese. Biography of the Tobolsk archpastors]. Omsk: Tipografija A.K. Demidova. 158 p. [in Russian]
- RGIA** – Rossijskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [Russian state historical archive].
- Sulockij, 1867** – *Sulockij, A., prot.* (1967). Zhizneopisanie Afanasija, arhiepiskopa Tobol'skogo i Sibirskogo [Biography of Athanasius, Archbishop of Tobolsk and Siberian]. *Strannik*. Janvar', pp. 5-57. [in Russian]
- Sulockij, 2000a** – *Sulockij, A.I.* (2000). Missionerstva Berezovskogo kraja – obdorskoe, kondinskoe i v osobennosti surgutskoe [Missionary work of the Berezovsky Territory - Obdorskoe, Kondinskoe and especially Surgutskoe]. Sochinenija v treh tomah: Vol. 2. O Sibirskom duhovenstve. Tjumen': Izd-vo Ju. Mandriki, pp. 789-801. [in Russian]

Sulockij, 2000b – *Sulockij, A.I.* (2000). Tobol'skie arhipastyri: Antonij (Znamenskij), Evgenij (Kazancev) i Georgij (Jashurzinskij) [Tobolsk archpastors: Anthony (Znamensky), Eugene (Kazantsev) and Georgy (Yashurzinsky)]. Sochinenija v treh tomah: Vol. 2. O sibirskom duhovenstve. Tjumen': Izd-vo Ju. Mandriki, pp. 521-536. [in Russian]

Svedenija..., 1903 – Svedenija o cerkvah i prichtah [Information about churches and clergymen]. Tobol'skij eparhial'nyj adres-kalendar' na 1903 god [Tobolsk diocesan address-calendar for 1903]. Tobol'sk: tip. Eparhial'nogo Bratstva, 1903, pp. 1-99. [in Russian]

Tobol'skij..., 1884 – Tobol'skij eparhial'nyj adres-kalendar' [Tobolsk diocesan address-calendar]. Tobol'sk: tipo-litografija A.G. Kalininoj, 1884. [2], III, [1], 150, 94, VI, [2] p. [in Russian].

Tserkvi Obdorska, 2005 – Tserkvi Obdorska: letopis' v dokumentakh. Vol. I: Vasil'evskaya tserkov' (1746–1824) [Churches of Obdorsk: the annals in documents Vol. I: Vasilievskaya church]. Red.-sost. V.Ya. Templing. Tyumen: Mandr i Ka, 2005. 360 p. [in Russian]

Tsys', Tsys', 2019 – *Tsys', V.V., Tsys', O.P.* (2019). Sel'skoe hramovoe stroitel'stvo na Tobol'skom Severe v XVIII – nachale XX vekov [Rural temple construction in the Tobolsk North in the 18 – early 20 centuries]. *Nauchnyj dialog*. 4: 342-358. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-4-342-358 [in Russian]

Tsys', 2019 – *Tsys', O.P.* (2019). O napravlenijah vzaimodejstvija pravoslavnogo duhovenstva, svetskoi vlasti i obshhestva na Tobol'skom Severe v XIX – nachale XX veka [On the directions of interaction of the Orthodox clergy, secular authorities and society in the Tobolsk North in the twentieth – early twentieth century]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija «Istorija i filologija»*. 29(4): 603-613. DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-4-603-613 [in Russian]

Tsys', Tsys', 2019 – *Tsys' V.V., Tsys' O.P.* (2019). The Struggle of the Russian Orthodox Church and Secular Authorities against the Pagan "Remnants" of The Peoples of the Tobolsk North in the XVIII–XIX centuries. *Bylye Gody*. 2(52): 533-541. DOI: 10.13187/bg.2019.2.533

Turov, 2007 – *Turov, S.V.* (2007). Khramy na rechnykh ostrovakh [Temples in the river islands]. *Pravoslaviye na Ob-Irtyshskom Severe: materialy k istoriko-kulturnomu atlasu*. Pod red.: Stepanovoy L.V., Turova S.V. Ekaterinburg: OOO «Basko», pp. 3-55. [in Russian]

Zolnikova, 1990 – *Zolnikova, N.D.* (1990). Sibirskaya prikhodskaya obshchina v XVIII veke [Siberian parish community in the XVIII century]. Novosibirsk: Nauka. 291 p. [in Russian]

Приходское духовенство на Тобольском Севере в XVIII – начале XX вв.: формирование и эволюция

Валерий Валентинович Цысь^a, Ольга Петровна Цысь^{a,*}

^a Нижневартровский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с формированием и последующей эволюцией приходского духовенства Тобольского Севера в синодальный период (XVIII – начало XX вв.). Отмечается, что потребность в кадрах священно- и церковнослужителей возникла вскоре после массовой христианизации коренного населения региона, что обусловило необходимость строительства храмов и организацию приходов. Духовенство пополнялось за счет казачества, перешедших в православие военнопленных, ссыльных за маловажные проступки и др. источников. В дальнейшем причты пополнялись путем естественного воспроизводства. В пореформенный период наблюдается начало процесса размывания сословной замкнутости местного духовенства, который тем не менее шел очень медленно.

Указывается на изначально низкий образовательный уровень представителей духовного сословия на Тобольском Севере, что сделало необходимым организацию обучения сыновей священно- и церковнослужителей. Попытки создания латинских и славяно-русских школ нельзя признать удачными. Поэтому подготовка будущих членов причта для приходов Тобольского Севера была организована за пределами региона. «Кузницей кадров» стали Тобольская духовная семинария и духовные училища. В результате к концу XIX в. наличие образования, пусть даже незаконченного, становится общим правилом для представителей духовного сословия. Однако получение полного образования по-прежнему оставалось для него серьезной проблемой.

Делается вывод, что в условиях Тобольского Севера модернизационные процессы, связанные с трансформацией духовного сословия, шли со значительным отставанием, что показывает неравномерность развития периферийных российских регионов в сравнении с центральной частью страны.

Ключевые слова: Тобольская и Сибирская епархия, Тобольский Север, духовенство, причт, приход, духовное образование, священно- и церковнослужители, синодальный период.

* Корреспондирующий автор

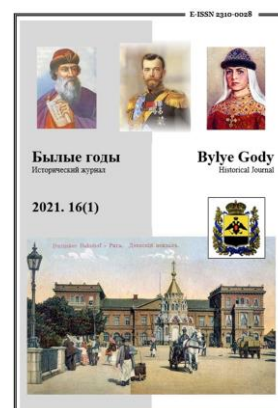
Адреса электронной почты: tsysv@rambler.ru (В.В. Цысь), tsyso@rambler.ru (О.П. Цысь)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 33-46.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.33
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

History of Institutionalization of Women's Entrepreneurship and Social, Political Activities in Russia in the 18th and until 1917

Marina L. Galas ^{a,*}, Pavel S. Seleznev ^a

^a Finance University under the Government of the Russian Federation, Russian Federation

Abstract

The scientific paper explore the institutionalisation of the business, social and political activities of Russians in the 18th and early 20th centuries. Entrepreneurial activity of women of different classes is associated with the process of becoming their legal personality. In this process, the role of a woman in marriage-family relations was formed, property relations (relative to ownership, inheritance), in the civil-legal system, in the economic sphere, in the system of power and government at all levels. Attention is drawn to the educational and educational role in society of economically active Russian women. The charity work of Russian women entrepreneurs is shown.

Statistics on the business activities of Russian women are presented: on the structure and industry composition of women's entrepreneurship, on the volume of production of enterprises, factories managed by Russians, share participation in various areas of the economy, production, the dynamics of the number of factories and enterprises owned by women. The socially oriented entrepreneurship of Russian women is considered.

The authors analyzed the main areas of the women's movement related to the struggle for civil equality, equal opportunities in the labor market and employment, social guarantees, labor protection, supporting of mother-hood and child population.

As part of the study's theme, the authors analyzed of the activities of women's civil society institutions. The forms of interaction between women's public organizations and the executive and legislative authorities in Russia are shown. The attention is drawn to the cooperation of such public organizations with the extranational women's movement. Multifaceted scrutiny of the topic allowed to show the importance of the women's movement for the development of economic, social, legal and management systems of pre-revolutionary Russia.

Keywords: women's entrepreneurship, social organizations, associations, cooperation, equal civil rights, market.

1. Введение

Современная Россия, регулируя предпринимательскую деятельность, гибко реагирует на внутренние и глобальные вызовы. Законодатель инициирует развитие предпринимательства малых и средних форм. Способы поддержки этого кластера законодательно регламентированы, разработаны в соответствии с государственными, региональными, муниципальными программами и подпрограммами. Стоит задача повышения их эффективности и востребованности. И в этой связи актуализируется исторический положительный опыт институционализации женского предпринимательства в России, которая была тесно связана с государственной политикой, правовым сопровождением, уровнем гражданской организации социума.

Направленность государственной политики на реализацию принципа равенства прав и свобод независимо от пола – одно из важных направлений «Национальной стратегии действий в интересах

* Corresponding author

E-mail addresses: MLGalas@fa.ru (M.L. Galas), Pseleznev@fa.ru (P.S. Seleznev)

женщин на 2017–2022 гг.». Улучшение экономического положения женщин предлагается решить посредством создания благоприятных условий для получения ими профессионального образования в инновационных и перспективных сферах экономики; преодоления гендерных диспропорций в оплате труда; расширения занятости женщин в предпринимательстве средних и малых форм; обеспечения социальной защищенности женщин.

Женщина-предприниматель структурирована в страты гражданского общества. Социально-экономическая защищенность, правовая обеспеченность возможности равного доступа к ресурсам, необходимым для конкурентного ведения бизнеса, важны для упреждения конфликтогенности интересов страт. Институты гражданского общества эффективны в адаптации и социальной имплементации в реальные условия жизнедеятельности общества норм-принципов Стратегии, в согласовании интересов страт населения, в реализации интересов женщин.

Статья актуальна также тем, что генезис институционализации женского предпринимательства в России изучен на основе материалов центральных и региональных государственных архивов, которые рассмотрены в контексте роли соотечественниц в решении не только бизнес-задач, но и социально значимых вопросов, в создании общественных организаций и объединений, в становлении гражданского гендерного равноправия и семейного права в России.

2. Материалы и методы

2.1. Источниковая база статьи состоит из нескольких групп. Первая из них – архивные материалы. Значительный пласт документов по предпринимательской и благотворительной деятельности россиянок купеческого сословия, по правовому статусу и обычному укладу женщин в семье, по их социальному положению содержит фонд Тамбовской городской управы Государственного архива Тамбовской области (ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 22, 32, 48). В нем находятся документы о торгово-промышленных предприятиях; данные о социальном и экономическом, инфраструктурном положении городов; отчеты о деятельности банков; окладные книги оценочного сбора и оброков, налогов; документы о торговых местах; журналы генеральных проверок торговых и промышленных заведений.

Процесс институционализации женского движения за гражданское равноправие, политические права, мероприятия женских общественных организаций в сфере социальной защиты россиянок, охраны труда, материнства и детства, обеспечения равных возможностей в экономической деятельности, средних и малых форм предпринимательства в России рассматриваемого периода исследован на основе широкого спектра документов фонда «Союза равноправия женщин», хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ. Ф. 516. Оп. 1). Отдельного внимания заслуживают материалы юридической комиссии данной общественной организации, которой был подготовлен, например, проект закона о равных правах женщин.

Социальная и политическая активность женщин России конца XIX – начала XX вв. ярко проявилась в издательском, просветительском деле. В этой связи показательны документы, характеризующие деятельность Петроградского комитета по делам печати МВД, которые собраны в фонде 777, оп. 5 Российского государственного исторического архива.

Вторую группу источников составили российские нормативно-правовые акты XVIII–XX вв.: Указ «Об отмене рядных и стоворы записей» от 03.04.1702 г.; Уставы о «паспортах, о предупреждении преступлений, о цензуре...», Указ о единонаследии 1714 г. и постановление 1716 г., Указ о распространении на поместья и вотчины статуса «недвижимого имения» от 17.03.1731 г., Свод уставов о паспортах и беглых 1833 г., Указ о правилах «совершения крепостей от имени владельцев обоого пола...» от 14.06.1753, Закон о выдаче купеческим женам свидетельства для ведения самостоятельной торговли (отдельной от супруга) от 10.06.1857 г., Манифест от 19.03.1875 «О высочайше дарованных разным сословиям милостях...», Закон об изменениях и дополнениях действующего законодательства о личных и имущественных правах состоящих в браке женщин от 12. 03.1914 г., Устав о промышленном труде 1915 г.

В третью группу вошли статистические материалы, опубликованные в специальных сборниках рассматриваемого периода, о численности, составе, персонaм собственников, производительности, направлениям деятельности мануфактур, промышленных предприятий, фабрик. Они характеризуют объемы, эффективность, направления женского предпринимательства в России. Также информативны материалы всеобщей переписи российского населения 1897 г.

Четвертая группа источников – периодические женские издания, которые важны для понимания круга проблем, связанных с предпринимательской, социальной и политической деятельностью женщин России, для выявления интересов россиянок, для изучения новаций в воспитании детей, в подходах к образованию, к роли женщины в семье и обществе. Следует отметить издания начала XX в.: ежемесячный журнал «Союз женщин», «Журнал для хозяек», «Женский вестник».

Следующая группа источников – авторские обозрения, исследования конца XIX – начала XX вв. по вопросам правового, экономического, социального, семейного, общественного, политического положения россиянок. Среди них монография В.И. Синайского о гражданских правах и

имущественном положении россиянок, исследование Н.В. Козловой по наследственному и семейному праву дворянства, очерки по состоянию народного хозяйства, законодательства и права И.И. Янжула, по обычному праву и имущественным отношениям в семье А.А. Савельева, М.И. Кулишера, а также работа по фабрично-заводскому законодательству В.П. Литвинова-Фалинского. Важную информацию содержат опубликованные в периодических изданиях статьи общественно-политических деятелей рассматриваемого периода: об эмансипации – М.П. Погодина, о воспитании, образовании женщины и ее роли в семье – М.Л. Михайлова, о женском движении – П. Лошилова.

2.2. Методологическая основа исследования – историзм. Применяя конкретно-исторический подход и следуя учению исторического детерминизма, мы проанализировали генезис женского предпринимательства в России с точки зрения объективных экономических, социальных и правовых закономерностей развития России и взаимообусловленности материальных и идеальных явлений, протекающих в российском обществе. Исследование проведено на основе репрезентативных источников и научных работ. Нами рассматривается процесс институционализации предпринимательской, социальной и политической деятельности россиянок в контексте генезиса правовой и государственно-управленческой систем Российской империи, гражданского, семейного, административного и избирательного законодательства, а также социума и экономической модели. Важное значение придается трансформации правового статуса женщин, их роли в семье и обществе, позволившей активно включиться в предпринимательскую деятельность, придав ей социально значимый характер. Рассматривается деятельность женщин в общественных организациях и объединениях. Анализируются правовое обеспечение предпринимательской деятельности, финансово-кредитные условия, основы государственной политики, а также общественно-политические настроения дореволюционной России.

3. Обсуждение

В периодических изданиях XIX в. общественные деятели остро полемизировали по вопросам воспитания, образования женщин, их социальной и экономической роли в обществе, семье (Михайлов, 1860: 474-498; Погодин, 1868).

В начале XX в. обсуждались вопросы о правовом статусе женщин в семье и влиянии законодательства на положение россиянок в обществе, их личных и имущественных правах, а также правовом регулировании материнства и детства (Гессен, 1908; Кулишер, 1896: 28-155; Савельев, 1898: 157-165; Синайский, 1910: 157-300). Первой россиянкой, которой была присвоена научная степень доктора права, А.М. Евреиновой было много сделано для уравнивания женщин России в праве наследования, расширения данных прав (Евреинова, 1884).

Ряд исследователей заинтересовали место россиянок в структуре отечественного предпринимательства, в промышленном производстве, роль их в модернизации экономики и социума в начале XX в. (Барышников, 2011: 134-152).

Хасбулатова О.А., Гафизова Н.Б. рассмотрели вопросы социально-экономической деятельности россиянок в контексте женского движения за гражданское и политическое равноправие в XIX в. (Хасбулатова, Гафизова, 2003: 175-181).

Д. Тиле, Д. Калла, Ф. Розенблют анализируют взаимосвязь социальной активности, семейного статуса и представительства женщин (Teele et al., 2018: 525-541).

Роль участия женщины в политических руководящих структурах, в развитии женского предпринимательства и особенности женского экономического поведения изучается С. Гольц, М.В. Буче, С. Патхак (Goltz et al., 2020: 605-625).

4. Результаты

Рассмотрение генезиса институционализации женского предпринимательства в России целесообразно начать с исторической аналогии имущественных прав и социального положения женщины в России. Со времен «Русской правды» в России действовало право имущественного главенства мужа, в этой связи женское имущественное право, предпринимательская деятельность реализовывались в квази-форме. Вдовы и незамужние дочери после смерти главы семьи получали право самостоятельного управления имуществом, коммерцией, собственностью. Уже в конце XVII в. наметился принцип раздельности имущественных прав супругов. Указом 1702 г. была отменена неустойка по нарушению условий брачной сделки, а условия определялись волеизъявлением сторон одновременно со стоимостью приданного (Указ..., 1830: 191-192). Указ 1716 г., последовавший за Указом о единонаследии 1714 г., закрепил неприкосновенность имущества жены. Вдовы получили право вечного владения $\frac{1}{4}$ движимого и недвижимого имущества супруга, которое могли продавать, закладывать и совершать иные законные операции.

Правила раздельного владения имуществом супругов были закреплены Указом 1731 г. Имущественные права супруги утверждались только после смерти мужа¹. В 1832 г. Сводом законов Российской империи легитимирован принцип раздельного имущества супругов. Закон 1753 г. разрешил женам самостоятельно совершать сделки купли-продажи имений, состоящих в их собственности. Закон регулировал договорную свободу женщины, состоящей в браке².

Жена не была свободна от волеизъявления мужа в вексельном праве, в выборе места проживания и вида деятельности. Даже в середине XIX в. замужнюю женщину, самовольно покинувшую место проживания мужа, в судебном порядке передавали на поруки супругу (*Уставы о паспортах..., 1857: 1-63*).

К середине XIX в. закрепились свобода частной сделки (безотносительно к полу), которая могла быть оспорена в случае нарушения свободы воли под принуждением. 10 июня 1857 г. вступил в силу Закон о разрешении купеческим женам оформлять свидетельство для осуществления торговой деятельности независимо от мужа. После смерти главы семейства вдова наделялась правом руководства его делом, оформив на свое имя купеческое свидетельство, вписав в него сыновей, дочерей, не состоявших в браке, и внуков. Вдова могла продолжить руководство коммерцией и в случае совершеннолетия сыновей, которые активно вместе с нею вели предпринимательскую деятельность. В случае вступления в брак дочери-наследницы вдова могла продолжить руководство коммерческим предприятием. Манифест о свободном предпринимательстве от 19.03.1775 г. закрепил равные права женщин и мужчин на ведение коммерческой деятельности (*Манифест..., 1775*). Супруги имели право владеть и приобретать имущество в собственность и вновь раздельно (посредством договора купли-продажи, дарения, наследования или другим легитимным способом). Таким образом, женщина России могла быть имущественно самостоятельной. Симптоматично, что дочерям в купеческих семьях обеспечивалось не только общее образование, культурное развитие, но и давались основы предпринимательства.

Между тем сохранялась личная зависимость женщин в семье: невозможность раздельного проживания, обязательное следование за мужем, запрет на трудоустройство, участие в судопроизводстве, коммерческой деятельности, оформлении векселей, ценных бумаг, документов без разрешения супруга – главы семейства.

Женщины содействовали развитию гуманитарной стороны жизнедеятельности российского общества, занимались благотворительностью, вопросами организации детского воспитания и образования, медицинской помощи, труда и занятости и др. В православном российском обществе сформировалась традиция социальной помощи и труда «во славу Божию». Россиянки разных сословий зачастую выступали в роли организаторов, попечителей, сотрудников институтов общественного призрения (социальной помощи и опеки малоимущим, нетрудоспособным). Так, во 2-й половине XVIII в. соотечественницы открыли сеть воспитательных домов для детей-сирот и незаконнорожденных.

Манифест об учреждении Московского воспитательного дома от 01.09.1763 г. институировал образовательно-просветительские проекты, создаваемые частными лицами и государственными деятелями, Домом Романовых. Известны Сиротский институт императора Николая I, организованные императрицей Марией Федоровной ремесленные мастерские. На содержание Московского воспитательного дома, профессиональную подготовку, социальную адаптацию воспитанников перечислялось ежегодно более 1 млн рублей. В конце XIX в. насчитывалось около 700 благотворительных учреждений императрицы Марии. В начале XX в. в Москве и Санкт-Петербурге функционировало более 40 общественных социальных и благотворительных организаций, возглавляемых женщинами, среди них – «Женское патриотическое общество» (1812–1917 гг.), «Дамское попечительство о бедных» (1845–1917 гг.), «Общество синего креста» (1882–1918 гг.), «Женская помощь» (1864–1917 гг.), «Ясли» (1900–1917 гг.) Благотворительная деятельность финансировалась пожертвованиями, чтением лекций, проведением концертов, балов, аукционов, предпринимательством.

Женские социально ориентированные объединения занимались вопросами социальной адаптации россиянок, их профессиональной подготовкой к достойно оплачиваемому труду; организовывали народные детские сады. М.Ф. Морозова, руководившая Никольской мануфактурой (одним из крупнейших текстильных предприятий Российской империи), жертвовала средства на социальные проекты, помощь нуждающимся, детям-сиротам. Не менее известна проектами строительства больниц, ремесленных школ для девочек из малообеспеченных и неблагополучных семей Варвара Яковлевна Лепешкина. Александра Владимировна Алексеева завещала на социальную

¹ Указ от 17.03.1731 г. «Об именовании поместий и вотчин недвижимым именем и о разделе оных между детьми по Уложению». ИПО ГАРАНТ. [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/55005106/> (проверено 06.02.2021).

² Указ Сената от 14.06.1753 «О порядке совершения крепостей от имени владельцев обоюбого пола на собственное имение каждого без различия». ИПО ГАРАНТ. [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/55005289/> (проверено 06.02.2021).

сферу и благотворительность 1,5 млн рублей. Детские сады, родильный приют, больницы строила Агриппина Александровна Абрикосова.

В 1907 г. лидеры женских социально ориентированных организаций инициировали включение Министерством народного просвещения детских садов в государственную учебно-воспитательную систему. Симптоматично, что 1-м Всероссийским съездом женщин, состоявшимся в 1908 году, была принята резолюция о запрете труда в ночное время детей и подростков.

В период с последней четверти XIX в. до 1917 г. статус женщины как предпринимателя, собственника трансформировался. Состоящие в браке россиянки купеческого сословия ввели в практику регистрацию на свое имя недвижимости, торговых и промышленных предприятий. Такое распределение купеческого имущества могло проводиться и в интересах упреждения рисков финансовых убытков. Ярким примером могут служить купеческие имущественные отношения Тамбовской губернии. Например, семья купцов Сергеевых, в которой супруг И.Т. Сергеев фактически вел торговлю сахаром, чаем, страховые операции, служил в местном управлении, но формально недвижимостью и предприятием владела и руководила его жена. Такие разделы имущества были характерны и для других супружеских купеческих чет (ГАТО. Ф. 17. Оп. 22. Д. 51. Л. 11-29. Оп. 32. Д. 5. Л. 1-8. Оп. 48. Д. 14. Л. 21-47; Ф. 145). Распространение получили завещания главой семьи (несмотря на совершеннолетних сыновей наследодателя) всего имущества и руководства делами после своей кончины супруге (ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1499. Л. 1-5). Известными предпринимательницами в Тамбовской губернии, унаследовавшими дело мужей, были П.В. Багрянцева, Е.А. Григорьева, А.И. Виноходова.

Для получения купеческого статуса женщина должна была, как и мужчина, приобрести и оформить гильдейское или торговое свидетельство. Успех предпринимательской деятельности женщины-наследницы в определенной мере зависел от рода деятельности супруга (подготовленности ее к определенному виду деятельности).

Имущественные отношения крестьянок в значительной степени регулировались обычным правом. Вдова была правомочна сохранять пожизненное главенство в отношении хозяйства, даже если имела взрослых и состоявших в браке сыновей, а также владение земельным наделом умершего супруга. Не состоявшие в браке дочери наследодателя, сестры наследников по мужской восходящей линии, не имевшие сыновей снохи и невестки не имели доли в общей наследственной массе семьи. При выделе из семейного имущества эти группы крестьянок могли получить ограниченное обычными правовыми нормами имущество, поскольку размер его законодательно не определялся. Волостные суды могли принять решение в пользу имущественных интересов крестьянок вышеназванной группы, обязав законных наследников выделить им долю из движимого или недвижимого имущества наследодателя. В исключительном случае допускалось наследование такими крестьянками всего объема имущества наследодателя (при отсутствии мужской прямой восходящей линии) или равной его доли с законными наследниками (Труды комиссии..., 1873; Труды редакционной комиссии..., 1904: 387-389).

Не имели гендерных различий правовые нормы фабричного и заводского предпринимательства (Устав о промышленности 1874 г., пробирные уставы 1878, 1893, 1908 гг.). Соблюдение правил предпринимательской деятельности предписывалось контролировать Комитетам торговли и мануфактур. Такие структуры создавались на основании решения городской думы, которое согласовывалось с Министерством финансов Российской империи.

Исторические тенденции институционализации женского предпринимательства в России можно выявить посредством сопоставления статистики. Сопоставимы по территориальному принципу и динамике статистические материалы Московской губернии 1813–1814 гг. (Ведомость о мануфактурах..., 1816), 1832 г. (Список фабрикантам..., 1833), 1853 г., 1855 гг. (Тарасов, 1856), 1871 г. (Матисен, 1872), 1890–1893 г. (Орлов, Будагов, 1894).

Таблица 1. Число российских женщин-предпринимателей и фабрик в их собственности в 1814–1890 гг. на примере Московской губернии

Годы	Число владельцев	Число фабрик в собственности женщин
1814	9	11
1832	35	35
1853	97	99
1871	76	79
1890	54	56

По социальному статусу женщины-предприниматели были купеческого, мещанского, дворянского, крестьянского сословий, супруги военнослужащих. По данным 1814 г., приведенным в таблице 1, семь из девяти женщин-владельцев приняли руководство фабриками после смерти супруга купеческого сословия (две из них унаследовали по две фабрики). Также в числе этих владельцев – незамужняя дочь, наследовавшая имущество отца купеческого сословия, мещанка.

В период 1813–1814 гг. россиянки владели 165 фабриками. В долевом исчислении их участия в отраслях российской экономики женское предпринимательство в писчебумажной промышленности составляло 13 %, в суконной – 12 %, металлообрабатывающей – 12 %, стекольной и хрустальной – 10 % (*Ведомости, 1816: 450-457*).

В 1832 г. число женщин-владелиц возросло в 3 раза (со 165 до 484 фабрик), но основания ведения фабричного дела не изменились: 27 из 35 фабриканток унаследовали дело после смерти супруга (*Список фабрикантам..., 1833: 295-844*).

Аналогичная ситуация наблюдалась в 1850-е гг. По мере роста объема производства и прибыли возрастали налоги, гильдейские сборы. Владелицы фабрик, входившие в первые купеческие гильдии, получали статус почетного гражданина. Это звание предоставило женщинам-предпринимателям не только экономические преференции, но и возможность защищать свои интересы посредством участия в деятельности органов самоуправления¹.

К 1879 г. 991 российская подданная владела 1045 предприятиями (общее число 26 067). Их предприятия производили в год продукции на 43,7 млн рублей, что составляло 4 % от общего объема российского промышленного производства (*Указатель фабрик и заводов, 1881: 10-753*).

В январе 1897 г. в ходе всероссийской переписи населения выяснилось, что женщины в статусе лиц, обладавших самостоятельным делом и торговлей, насчитывалось 35 694, что составляло 13 % всех лиц данной группы – 267 989 человек (*Первая всеобщая перепись..., 1897*).

По этническому показателю женщины-фабриканты российского подданства численно преобладали в первой половине XIX века, а в Германии, Франции, Италии – во второй половине XIX века. Наиболее крупными фабриками руководили женщины-предприниматели из Германии.

По отраслевому признаку в первой половине XIX в. преобладало текстильное направление женского предпринимательства. Например, в Московской губернии текстильная промышленность занимала в предпринимательской деятельности женщин в 1832 г. 74 %. К концу века приоритеты изменились и этот вид деятельности женщин-предпринимателей губернии в 1890 г. сократился до 36 %. Сферу интересов дополнили пищевое и перерабатывающее, табачное, химическое производство (косметики, свеч, бытовых средств, строительных материалов и др.), металлообрабатывающие предприятия (изделий из бронзы, меди, галантерейных предметов, колоколов).

В 1870-е–1890-е гг. наблюдалось сокращение числа промышленных предприятий в Москве за счет укрупнения, что отразилось, как показано в *Таблице 1*, на женском фабричном деле. В 1890 г. изменилась социальная структура женского предпринимательства. Так, в гг. Петербурге, Москве состав женщин, оформивших купеческие свидетельства, был следующим: до 53 % вдовы, до 35 % замужние женщины, до 16 % не состоявшие в браке женщины. Начался процесс размывания патриархальной гендерной социальной модели: женщины все более стали выполнять функции директора правления, руководителя фабрики, торгового дома.

Значительную роль в стекольном предпринимательстве сыграли женщины рода Мальцевых, взявшие бразды правления в свои руки после кончины основателя стекольной фабрики А. Мальцева. К примеру, Марья Мальцева в 1793 г. основала Дятьковский стекольный и хрустальный завод, с течением времени объединивший 10 фабрик.

К крупным предпринимателям этого периода можно отнести владелицу фабрики по производству шерстяных тканей (открыта в 1857 г.), вдову Зинаиду Федотову, приобретшую звание купца 1 гильдии, открывшую вместе с сыновьями в 1883 г. торговый дом «З.А. Федотова и К^о». Подданная Пруссии Анна-Катарина Генер после смерти супруга приняла в 1872 г. управление сахароваренным заводом «Генера Василия наследники». Ею был учрежден торговый дом 1-й гильдии в форме товарищества на вере «В. Гернер и К^о». Объединив свои капиталы и средства второго супруга, также уроженца Пруссии Ф.П. Эннерса, предпринимательница смогла в течение 10 лет увеличить объем производства в 13 раз. К 1881 г. производство сахара заводом А. Гернер оценивалось в 1,9 млн руб., выйдя на третье место в этой отрасли по г. Москве.

¹ Правовые основы института почетного гражданства были заданы «Грамотой на права и выгоды городам...» от 21.04.1785 г. Именитые горожане получили ряд имущественных прав, среди которых право на организацию собственных фабрик, заводов, приобретение морских и речных судов. В 1832 г. был издан Манифест об установлении особого почетного звания гражданства как для дворян, так и купцов. Звание почетного гражданина освобождало его обладателей от подушного оклада, предоставляло активное избирательное право в городских выборах по недвижимой собственности и пассивное право быть избранными в должности городских институтов самоуправления. До 1917 г. российские женщины не имели права непосредственного участия в органах государственного управления и самоуправления. Как следовало из статьи 17 «Положения о земских учреждениях» от 01.01.1864 г., женщинам разрешалось направлять на собрания выборщиков уполномоченных мужчин-родственников. Статья 25 «Городового положения» от 16.06.1870 г. расширила возможность косвенного избирательного права женщин посредством предоставления доверенности уполномоченному лицу.

Не менее легендарен кондитерский бизнес Е.С. Барышевой, в замужестве Леновой. Вступив в брак, она настояла на совместном вложении средств в кондитерскую фабрику и торговый дом «Леновы Г.А. и Е.С.» (ныне «Рот Фронт»), оформив на них право собственности. В 1885 г. оборот кондитерского производства Леновой составил 38 000 рублей (61,2 млн современных рублей в пересчете на стоимость грамма золота 999 пробы). Производство, основанное этим предпринимателем, продолжало развиваться как семейное в форме товарищества на паях до 1917 г.

Российское законодательство второй половины XIX в. включало правовые нормы, регламентирующие условия труда для женщин. Нормы Закона от 01.10.1885 г. о запрете выполнения несовершеннолетними и женщинами работы на фабриках, заводах и мануфактурах в ночное время распространялись на определенные отрасли, в которых преимущественно трудились женщины (хлопчатобумажную, полотняную, шерстяную), а впоследствии его юрисдикция была распространена на вредные работы в текстильной, фарфоровой, спичечной промышленности ([Полное собрание законов..., 1885](#)). Также женщины не допускались к труду на особо вредных производствах, связанных с трансмиссией, подвергаемых воздействию свинцовой пыли, газов, паров и др.

Уложением о наказаниях (статьями 14041, 14043) предусматривались санкции (арест до одного месяца, денежный штраф до 100 рублей) в отношении владельцев либо управляющих заводами, фабриками, иными предприятиями, не исполняющих утвержденных законом правил работы женщин в промышленных структурах ([Литвинов-Фалинский, 1900: 79](#)).

В начале XX в. женское предпринимательство стало активно осваивать ассоциативные формы, транспортные, посреднические компании. Число торговых домов, основанных женщинами, возросло более чем на 53 %, а акционерных компаний – на 42 % ([Барышников, 2001: 134-152](#)).

Основные предпринимательские интересы россиянок отражают периодические женские издания. Первая женская издательская артель в России была организована М.В. Трубниковой, Н.В. Стасовой, А.П. Философовой в 1863 г. Н.В. Стасова и М.В. Трубникова имели опыт организации малого предпринимательства: в 1850–1860-х гг. – женских трудовых артелей, в 1878 г. инициировали учреждение высшего образовательного учреждения для женщин – Бестужевских курсов. Философова организовала общество «для доставления средств» на содержание Бестужеских курсов, «взаимно-благотворительное общество», общество предоставления «дешевых квартир» и социальных пособий для нуждающихся жителей Санкт-Петербурга. В 1905 г. эти общественные деятели возглавили Союз равноправия женщин. Издательская артель как форма малого предпринимательства позволяла вовлечь в дело членов семьи, улучшив ее материальное положение и повысив социальный статус. Книги и журналы в XIX в. выполняли социальную функцию, публикуя зарубежные и отечественные произведения, осмысливающие будущее преобразование общества, государства, роль человека в нем, призывая к свободе, к движению за равные права. Журналы полемизировали по острым социальным, экономическим, культурологическим темам. В годы контрреформ артель была закрыта.

Формами женского социально ориентированного малого и среднего предпринимательства второй половины XIX в. были переплетные мастерские В.А. Иностранцевой, «Дом трудолюбия» для женщин, оказавшихся в трудной ситуации (получал в том числе государственные заказы для армии), Русское женское взаимно-благотворительное общество, занимавшееся организацией детских воспитательно-образовательных учреждений, оказывавшее материальную поддержку нуждающимся, проводившее антиалкогольные кампании.

В начале XX в. Русским женским взаимно-благотворительным обществом был открыт отдел избирательных прав, который направлял в органы государственной власти петиции и требования о защите гражданских прав.

Следует обратить внимание на социально-общественную деятельность женских периодических журналов начала XX в. «Женское дело» (1910–1918 гг.) публиковал среди прочих рубрик материалы по организации ремесел, хозяйственной деятельности, социальных мероприятий. В «Журнале для хозяек» (1912–1926 гг.) рассматривались вопросы организации детских домов и их социальной роли ([Виртин, 1915: 1](#)). Ход развития общества, говорилось на страницах этого журнала, «толкает женщину на арену общественного труда и борьбы». В этой связи, по мнению одного из авторов издания, для развития человеческой личности женщине недостаточно быть только женой и матерью и вести «теремное существование». Дети как «надежда будущего» должны воспитываться в общественных детских учреждениях (садах, школах, детских домах и пр.), чтобы стать «творцами новых, лучших форм жизни». В таком случае, по замыслу автора публикации, женщина могла заниматься общественно полезным трудом, социально значимым предпринимательством, а подрастающее поколение – получить прогрессивное воспитание и образование. О перспективных методах воспитания писали авторы рубрики «Письма молодым матерям». Специальная рубрика «Наша амбулатория» была посвящена вопросам здоровья женщин и детей. В рубрике «Женская жизнь» издавались статьи по вопросам правового, экономического, социального статуса российской женщины. Интересы общества, семьи, самой женщины рефреном проходили на страницах рубрики, требовали активного участия ее в трудовой и иной экономической деятельности. Достойное обеспечение себя и семьи – один из лозунгов женского движения того исторического времени ([Лоцилов, 1915: 16-17](#)). Показательно, что в рубрике «Почтовый ящик», где публиковались ответы на

письма читательниц, был организован юридический отдел. Женщины интересовались своими правами в финансово-экономической деятельности, в разделе собственности, в семейных отношениях, наследовании, вероисповедании, в правовом статусе.

Периодические издания социально-политической направленности «Женский вестник»¹, «Союз женщин»², «Работница»³ рассматривали на своих страницах тему женского движения за равноправие в Российской империи и в зарубежных государствах. Издание «Работница» являлось органом ЦК РСДРП, финансировалось за счет партийных и взносов работниц фабрик. Главным образом на страницах «Работницы» поднимались вопросы, связанные с условиями и оплатой труда, материальным положением, семейно-бытовыми проблемами. Значительную роль в журнале играли программные статьи партии, агитационные материалы. Печатались отзывы читательниц на публикации (представительниц фабрично-заводских комитетов, общественных, культурно-просветительных организаций, трудящихся женщин).

Эти периодические издания основными целями своей деятельности определили содействие установлению в России гендерного равноправия: улучшению социального и экономического положения женщин, их культурному развитию и образованию. Существенное внимание уделялось правам работающих на предприятиях женщин, нуждам и потребностям крестьянок. Издания вели просветительскую деятельность, развивали идею мирного реформирования жизнедеятельности общества, в том числе посредством парламентской деятельности.

«Женский вестник» издавался общественным деятелем, врачом М.И. Покровской. Журнал финансировался за счет подписчиков, не содержал рекламы. Тем не менее он смог осуществлять свою издательскую деятельность тринадцать лет, что говорит о востребованности в обществе таких глашатаев социальных, экономических проблем женщин (К сочувствующим..., 1911: 2-10. РГИА. Ф. 777. Оп. 5. Д. 124. Л. 1-2). Журнал на примере жизни и деятельности известных и состоявшихся российских и зарубежных женщин-предпринимателей, ученых, писателей, политических лидеров показывал подписчицам пути и методы достижения успеха в интересующих их сферах деятельности. Информация о зарубежных и международных организациях женского движения способствовала солидаризации и активизации женщин в достижении гражданского равноправия. Издание было интерактивным: на все злободневные вопросы, спорные темы редакция отвечала в рубрике «Вопросы и ответы». Основной контингент читательниц – «новые» активные, образованные и предприимчивые женщины, трудящиеся женщины.

«Союз женщин» как печатный орган «Союза равноправия женщин»⁴ (далее – СРЖ), публиковал политические декларации, воззвания, петиции. На первом учредительном конгрессе 1905 г. была принята программа, основанная на идеях: равноправия женщин в отношении прав собственности, в том числе земельного владения; социальной защиты прав трудящихся, отмены смертной казни, предоставления женщинам возможности участвовать во всех областях общественной и государственной жизни. Предполагалось объединить под эгидой СРЖ основные женские объединения России, аффилироваться в Международный женский совет. А.П. Филофова обращалась к министру внутренних дел П.А. Столыпину с ходатайством о разрешении создания национального женского совета (ГАРФ. Ф. 516. Оп. 1. Д. 1. Л. 3-75). Показательно, что в учредительном съезде СРЖ приняли участие делегаты его отделений из 28 городов России, а по мере деятельности число отделений возросло до 79 в 64 городах и поселениях. Помимо отделений, действовали десятки агитационных пунктов СРЖ. В августе 1906 г. СРЖ объединился с Международным союзом избирательных прав женщин, принимал участие в проводимых этой международной организацией конгрессах (ГАРФ. Ф. 516. Оп. 1. Д. 11. Л. 12-100). Активную внутрисоюзную и международную деятельность вели петербургское, харьковское, киевское, либавское, самарское, рижское отделения (ГАРФ. Ф. 516. Оп. 1. Д. 2. Л. 25-93; Д. 11. Л. 5-23; Д. 15. Л. 2-23, 74-112). Высшим органом СРЖ являлся Всероссийский съезд⁵ (ГАРФ. Ф. 516. Д. 5. Л. 8-30, 52-76, 83-112).

⁴ Политическое, научное и литературное ежемесячное периодическое издание, публиковалось в Петербурге в 1904–1917. Редактор – М.И. Покровская. Журнал вел активную общественно-политическую деятельность и добивался предоставления женщинам избирательных прав. Девизом журнала стал призыв «Женщины, объединяйтесь!». В 1906 редакция журнала развернула активную деятельность по учреждению прогрессивной женской партии.

² Печатный орган «Союза равноправия женщин», 1907–1909 гг.

³ 8 марта 1914 г. вышел первый номер журнала (1914 г. – до наших дней). В редакционную коллегию журнала входили Н.К. Крупская, И. Арманд, А. Елизарова, К. Самойлова. Вышло семь номеров тиражом 12 тысяч экземпляров. Но в связи с активной социалистической направленностью издание было закрыто и номера конфискованы. Дальнейшее развитие этого издания проходило в советской России.

⁴ В течение года ВСРЖ учредил 78 отделений в регионах общей численностью 8 тысяч членов.

⁵ В мае 1905 г. – учредительный Всероссийский съезд женщин, в октябре 1905 г. состоялся второй съезд, в марте 1906 – третий делегатский съезд.

В 1906 г. Государственной Думой рассматривался проект закона о равных правах женщин, разработанный юридической комиссией СРЖ. Роспуск Государственной Думы первого созыва не позволил завершить рассмотрение этого законопроекта. Следующая попытка добиться узаконения женского равноправия была связана с выборами в Государственную Думу второго созыва.

СРЖ направил петицию в Государственную Думу о предоставлении равного избирательного права россиянкам независимо от сословной принадлежности. В движении участвовали не только представительницы дворянской и разночинной интеллигенции, но и женщины-предприниматели, работницы, крестьянки. В петиции женщин России были декларированы принципы свободы, справедливости, социального равенства и гендерного гражданского равноправия, закрепленного законодательно (ГАРФ. Ф. 516. Д. 7. Л. 23). Петиция собрала подписи 19984 женщин 122 городов и мест России, которых поддержали жительницы Женевы, Берна, одного из местечек Финляндии. Женщин интересовали обсуждения в Государственной Думе нормативных актов об аграрной реформе, образовании, местном самоуправлении. Движение за избирательное право собрало тысячи россиянок в Москве, Петербурге, Тверской, Воронежской, Ярославской и иных губерниях.

При Центральном бюро работало издательство, которое публиковало широкий спектр работ по женскому движению (Л.Г. Сиригос «Греческая революция и женщина», М.В. Орловская «Теория и практика женского движения в России», «Женское движение 1905 г. в отзывах современных деятелей», Ленская Л.Н. «О прислуге», протоколы и отчеты публичных выступлений членов СРЖ, доклады в Императорском Вольно-экономическом обществе) (ГАРФ. Ф. 516. Оп. 1. Д. 6. Л. 5-34, 81-211, 310-420).

Центральным бюро СРЖ была инициирована работа членов и кандидатов в члены этой организации с представителями парламентских фракций Государственной Думы. С политиками вопросы женского движения и законопроекты, подготовленные Юридической комиссией СРЖ, обсуждали Л.Н. Ленская, Л.С. Макарьева, М.А. Чехова, Л.Я. Гуревич, В.М. Небезина. Был подготовлен законопроект о равноправии (ГАРФ. Д. 8. Л. 5-28, 36-80). Помимо положений о предоставлении россиянкам избирательных прав, проект содержал нормы, закрепляющие равный доступ женщин к должностям госслужбы, к образованию, уравнение с мужчинами в гражданских имущественных и иных правах (ГАРФ. Ф. 516. Оп. 1. Д. 8. Л. 7-50). Деятельность Всероссийского союза равноправия женщин получила поддержку председателя фракции Народной свободы князя Долгорукого, депутатов трудовой группы, социал-демократической фракции, социалистов-революционеров, магометанской фракции. В направлении взаимодействия с политическими, общественными, государственными деятелями, женскими организациями, россиянками, занимающимися экономической деятельностью и работницами, крестьянками в структуре СРЖ была создана агитационная комиссия и подкомиссии (библиотечная, лекционная, издательская, справочная). Организовывались воскресные, вечерние школы, образовательные и профессиональные курсы для трудящегося населения (ГАРФ. Ф. 516. Оп. 1. Д. 10. Л. 10). Главной политической целью СРЖ было содействие созыву Учредительного собрания, которое могло легитимировать основные экономические, социальные, гражданские проекты, предлагаемые активистками женского движения (ГАРФ. Ф. 516. Оп. 1. Д. 1. Л. 3-35).

Вопрос о гражданском равноправии женщин был поставлен крестьянками на учредительном съезде Крестьянского союза (июль 1905 г.). В материалах этого съезда выражена поддержка требования равного права женщин на пользование и владение землей, помимо политических прав. В то время как мужское крестьянское население уходило работать на промыслы, женщина оставалась хозяйкой, решала вопросы производства, переработки и сбыта произведенных продуктов. Данные материалы обсуждались затем «Союзом равноправия женщин». Так называемые «бабы петиции» были характерны для уездов Европейской России.

В 1906 г. Русское женское взаимно-благотворительное общество учредило Отдел избирательных прав женщин. Лига равноправия женщин под руководством М.А. Чеховой и активном участии членов СРЖ организовывала I Всероссийский женский съезд, который прошел в Александровском зале городской думы Петербурга. В 1909 г. Лига направила в городскую думу заявление о предоставлении избирательного права женщинам. Во взаимодействии с СРЖ Лига разрабатывала законопроекты и проводила обсуждение своих предложений с депутатами разных фракций Государственной Думы. В Государственную Думу III созыва в ноябре 1911 г. были направлены законопроект по реформированию волостного земства, а также в феврале 1912 г. – законопроект о порядке выборов в Государственную Думу (ГАРФ. Ф. 516. Оп. 1. Д. 13. Л. 39).

В декабре 1908 г. состоялся первый съезд СРЖ. Участие приняла группа революционных работниц под руководством А. Коллонтай. Одним из важнейших вопросов съезда, помимо равенства гражданских прав, были экономическое положение женщин и этика семейной жизни.

Уставом о службе гражданской 1896 г. регламентировался статус женщин – государственных служащих (в т.ч. преференции, служебные звания, разряды и пр.). В 1912 г. законодательно закреплялось право работников и работниц на страховые выплаты в связи с временной нетрудоспособностью ввиду болезни и несчастного случая на производстве, для чего работодателями учреждались на предприятиях больничные кассы. В них должны были вступить работники,

отслужившие на предприятии определенный срок. Работодатель был обязан финансировать предоставление первой медицинской помощи и амбулаторное лечение. С одной стороны, требовалось оплатить лечение в медицинском учреждении «до выздоровления» работника, но с другой – не более установленного срока (до 4 месяцев). Законодательно ограничивался объем и срок выплаты работникам пособия в связи с временной нетрудоспособностью. Работающим женщинам должно было выплачиваться пособие по родам (½ от полного объема оплаты труда в период 2 недель до рождения ребенка и 4 недель после родов). Работодатель стремился компенсировать социальные расходы, а потому поддерживающие пособия выплачивались исключительно роженицам, состоявшим в больничной кассе не менее установленного срока (Валетов, 2007: 34-44). Трудовым (фабричным) законодательством работодателям запрещалось использовать труд женщин сверхурочно, в ночное время, на вредном для здоровья производстве. Не решены были вопросы об отпуске в связи с беременностью и родами, об организации специальных условий труда для кормящей матери-работницы (Громан, 1915).

В начале XX века был значительно расширен правовой статус женщин, состоявших в браке, что позволило им активизировать свою предпринимательскую и социальную деятельность. Показателен Закон от 12.03.1914 об изменениях и дополнениях действующего законодательства о личных и имущественных правах женщин, состоявших в браке, о взаимоотношениях супругов между собой и с детьми. Этот нормативный правовой акт закрепил за женщинами, состоявшими в браке, право отказываться от совместной жизни с супругом в случае «невыносимости». Также жене было предоставлено право без разрешения мужа оформлять отдельный вид на жительство. Женщинам, состоявшим в браке, но отдельно проживающим от супруга, разрешалось без согласования с мужем наниматься на службу, а также поступать в образовательные учреждения (Закон 12 марта..., 1914).

Тем не менее женщинам был ограничен доступ к ряду видов деятельности: к государственной службе (в основном делопроизводство в структурах ведомства императрицы Марии Федоровны), к адвокатской и врачебной практике, к инженерному делу. Основными сферами деятельности в начале XX в. для женщин были акушерство, фармакология, телеграф, торговля, учебно-воспитательная сфера. В 1911 г. женщины-юристы Московского отдела избирательных прав Российской лиги равноправия женщин смогли добиться принятия к рассмотрению законопроекта о разрешении женщинам осуществлять адвокатскую деятельность.

В 1911 году Государственная Дума поддержала законопроект о порядке выборов земских гласных в уездах, который предусматривал введение в политический оборот избирательного права для женщин на уровне волостного земства, за исключением избрания на пост председателя или члена волостной управы. В то же время такая новация была прогрессивной в сравнении с косвенным избирательным буржуазным (основанным на имущественном положении) правом россиянок, введенным «Положением о губернских и уездных земских учреждениях» 1864 года: женщины, обладающие законодательно определенным имущественным состоянием, могли по доверенности делегировать активное избирательное право родственникам по мужской линии, а также третьим лицам мужского пола (Материалы по земскому общественному устройству. СПб., 1885. Т. 2. С. 33, 461, 467). Городовое положение 1870 года ограничило круг лиц, которым россиянки могли передать право на участие в выборах. В число доверенных входили только родственники по мужской линии (ПСЗ-2. Т. XLV. № 48498). На основании Положения о выборах в Государственную Думу от 06.08.1905 г. россиянкам, соответствующим избирательному цензу, было разрешено передавать по доверенности своим супругам и сыновьям право на участие в выборах, что еще более ограничило круг женщин, обладающих косвенным (опосредованным через родственников по мужской линии) избирательным правом. Указом Сената от 29.03.1912 г. был ограничен круг свойственников, которым россиянки были правомочны передать право на участие в выборах.

Пленарное заседание Государственной Думы в марте 1912 г. поддержало законопроект. Однако он был отклонен Государственным советом в 1913 г. (Отчет Российской лиги..., 1911–1913: 11-23). В 1915 г. Российская лига равноправия женщин добилась для женщин Петербурга права работать в почтовом ведомстве (Отчет Российской лиги..., 1915: 39). В годы Февральской революции Российская лига наций в обеспечении интересов россиянок прибегала к организации массовых протестных акций. Так, после многотысячной манифестации в марте 1917 г. Временное правительство пошло на уступки: 05.08.1917 г. легитимировало равные для женщин и мужчин права и обязанности по найму на госслужбу, включая пост министра; 20.06.1917 г. приняло один из самых демократичных среди конституционных государств избирательных актов своего времени – закон о выборах в Учредительное собрание, основанный на принципе всеобщего равного избирательного права независимо от пола, имущественного состояния, вероисповедания и иных дискриминационных цензовых ограничений.

5. Заключение

В XVII – начале XIX вв. россиянки руководили главным образом малым предпринимательством, розничной торговлей, небольшим промышленным производством. Наиболее активные женщины России были в средних и малых формах предпринимательства:

мельничного, стекольно-хрустального, химического, парфюмерного, винокуренного, кожевенного, крахмального, свечного, кирпичного. Такая ситуация связана с рядом факторов: общим развитием предпринимательства, кредитно-финансовыми, рыночными, сбытовыми, логистическими условиями, социальными положением и общественными устоями. Неравенство в правах, «теремной» уклад для женщин в семье, недостаточный уровень специального образования и квалификации, узкие социальные связи также сдерживали предпринимательскую активность россиянок.

К концу XIX – началу XX вв. женщинам удалось добиться важных прав в отношении собственности, имущественных, семейных, социальных, гражданских и экономических отношений. Женщина, сохранив свою традиционную социальную роль, имела правомочие ведения коммерческой деятельности. В конце XIX века и до 1917 г. россиянки стремились к реализации законодательно закрепленного права на предпринимательскую деятельность. Женщины стали экономически, социально и политически активны. Институционализация права собственности для женщин сделала возможным их активное участие в предпринимательстве, социально ориентированной экономической деятельности, в общественной жизни. Доля участия женщин в предпринимательстве и экономической деятельности в это время составляла 15–20%, что говорит о заметной роли россиянок в развитии и модернизации экономики России. Хотя взгляды политических деятелей, представителей парламентских партий, государственных чиновников и высших должностных лиц России относительно женского вопроса существенно разошлись в данный период. Сохранялся принцип имущественной и социальной подвластности женщины семье и супругу, а также принцип ограничения сфер экономической и трудовой деятельности женщин. К трудовой деятельности женщин мотивировали интересы повышения социального статуса, семейного достатка, самообеспечения и самореализации. К предпринимательству располагали те же интересы, а также стремление к успешности и независимости; возможность увеличить доход и передать бизнес и капитал наследникам, играть самостоятельную роль в обществе и приносить пользу государству и обществу. Трансформация статуса россиянки коррелировалась с уровнем образования и профессиональных умений.

Посредством женских общественных организаций формировались подходы к взаимодействию россиянок с органами власти, управления, с законодательными структурами, судебными, финансово-кредитными организациями. Значимую роль в расширении прав женщин, в формировании гражданского равноправия в России сыграли консультации, обсуждения и иные формы взаимодействия этих организаций с Государственной Думой и городскими думами, с министерствами и отдельными политическими деятелями. Помимо просветительной и политической деятельности, организации женщин реализовывали социально ориентированные проекты, выполняли важный социальный заказ на помощь россиянкам в трудоустройстве, в организации своего дела, в урегулировании семейных и имущественных отношений, в получении профессиональных навыков и общего образования и др. Сами организаторы и их лидеры активно занимались малым и средним предпринимательством, благотворительностью.

Литература

- Барышников, 2011 – Барышников М.Н. Женщины в структуре российского предпринимательства начала XX в. // Факты и версии: историко-культурологический альманах. Из истории экономики. Кн. 2. СПб.: ИМИСП, 2001. 381 с.
- Валетов, 2007 – Валетов Т.Я. Фабричное законодательство в России до Октябрьской революции // *Экономическая история. Обзорение*. Вып. 13. М.: Издательство МГУ. 2007. 240 с.
- Ведомость о мануфактурах..., 1816 – Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы. СПб.: Типография Правительствующего сената, 1816. 457 с.
- Виртин, 1915 – Виртин М. Детский дом // *Журнал для хозяйек*. 1 июня 1915. № 1. С. 1-3.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- ГАТО – Государственный архив Тамбовской области.
- Громан, 1915 – Громан В.В. Устав о промышленном труде. С разъяснениями к ним Правительствующего сената. Петроград: «Право». 1915. 439 с.
- Евреинова, 1884 – Евреинова А.М. Об уравнении женщин при наследовании // *Журнал гражданского и уголовного права*. 1884. № 3. С. 5-18.
- Закон 12 марта..., 1914 – Закон 12 марта 1914 г. о некоторых изменениях и дополнениях действующих узаконений о личных и имущественных правах замужних женщин и об отношениях супругов между собой и к детям. СПб.: Юридический книжный магазин И.И. Зубкова, 1914. 114 с.
- К сочувствующим..., 1911 – К сочувствующим равноправию женщин // *Женский вестник*. 1911. № 11.
- Кулишер, 1896 – Кулишер М.И. Развод и положение женщины. СПб., Б.И. 1896. 288 с.
- Литвинов-Фалинский, 1904 – Литвинов-Фалинский В.П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Типография А.С. Суворина, 1904. 344 с.
- Лоцилов, 1915 – Лоцилов П. «Железный закон» женского движения // *Журнал для хозяйек*. 1 июня 1915. № 1. С. 16-17.

- Манифест..., 1875** – Манифест о высочайше дарованных разным сословиям милостях, по случаю заключенного мира с Портою Оттоманскою. М.: Сенат, 19 марта 1775. 2 с.
- Матисен, 1872** – *Матисен Н.* Атлас промышленности Московской губернии. М.: Типография А. Рис, 1872. 188 с.
- Михайлов, 1860** – *Михайлов М.Л.* Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе // *Современник*. 1860. № 4. С. 473-500.
- Орлов, Будагов, 1894** – *Орлов П.А., Будагов С.Г.* Указатель фабрик и заводов Европейской России: материалы для фабрично-заводской статистики. СПб.: Типография В. Киршбаума. 1894. 753 с.
- Отчет Российской лиги..., 1911–1913** – Отчет Российской лиги равноправия женщин за 1911–1912 гг.: В 2 т. М., 1911–1913. Т. 1. 88 с.
- Отчет..., 1915** – Отчет Российской лиги равноправия женщин за 1914–1915 год. СПб., 1915. 144 с.
- Первая всеобщая перепись..., 1897** – Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. СПб.: Издательство Центрального Статистического комитета Министерства внутренних дел, 1897–1905. 89 тт., 119 книг.
- Погодин, 1868** – *Погодин М.П.* Эмансипация женщины // *Русский*. 1868. 12 ноября.
- Полное собрание законов..., 1885** – Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. 1 марта 1881–1913 гг. Т. 5. 1885. СПб.: Государственная типография. № 3013.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Савельев, 1878** – *Савельев А.А.* Очерк личных и имущественных отношений между супругами по русским законам и обычному праву // *Юридический вестник*. 1878. Кн. 12. С. 157-165.
- Свод уставов..., 1903** – Свод уставов о паспортах и беглых 1833 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XIV. 1903 г. № 10102.
- Синайский, 1910** – *Синайский В.И.* Личное и имущественное положение замужней женщины в гражданском праве. Юрьев: Тип. К. Матисен, 1910. 352 с.
- Список фабрикантам..., 1833** – Список фабрикантам и заводчикам Российской империи 1832 г. Ч. 2. СПб.: Типография Департамента внешней торговли. 1833. 859 с.
- Тарасов, 1856** – *Тарасов С.* Статистическое обозрение промышленности Московской губернии. М.: Типография Ведомства Московской городской полиции. 1856. 187 с.
- Труды комиссии..., 1873** – Труды комиссии по преобразованию волостных судов. СПб., 1873. Т. I. С. 53-55, 141-142; Т. II. С. 601-603; Т. IV. С. 172-174.
- Труды редакционной комиссии..., 1904** – Труды редакционной комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах. СПб., 1904. Т. IV. С. 387-389.
- Указ..., 1830** – Указ об отмене рядных и сговоры записей от 03.04.1702 г. № 1907 // Полное Собрание Законов Российской Империи. СПб.: Тип. II Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 4. 891 с.
- Уставы о паспортах..., 1857** – Уставы о паспортах, о предупреждении преступлений, о цензуре, о содержащихся под стражею и о ссыльных // Свод законов Российской империи. Том 14. СПб.: Издательство Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1857. 909 с. С. 1-63.
- Хасбулатова, Гафизова, 2003** – *Хасбулатова О.А., Гафизова Н.Б.* Женское движение в России (вторая половина XIX – начало XX века). Иваново, 2003. 255 с.
- Goltz et al., 2020** – *Goltz S., Buche M.W., Pathak S.* Political Empowerment, Rule of Law, and Women's Entry into Entrepreneurship // *Journal of Small Business Management*. 2020. Vol. 53, Is. 3. Pp. 605-626. DOI: <https://doi.org/10.1111/jsbm.12177>
- Teele et al., 2018** – *Teele D., Kalla J., Rosenbluth F.* The Ties That Double Bind: Social Roles and Women's Underrepresentation in Politics // *American Political Science Review*. 2018. T.112. V. 3 Pp. 525-541. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055418000217>

References

- Baryshnikov, 2011** – *Baryshnikov, M.N.* (2011). Zhenshchiny v strukture rossijskogo predprinimatel'stva nachala XX v. [Women in the structure of Russian entrepreneurship, the beginning of the 20th century]. *Fakty i versii: istoriko-kul'turologicheskij al'manah. Iz istorii ekonomiki*. Kn. 2. SPb.: IMISP. [in Russian]
- Evreinova, 1884** – *Evreinova A.M.* (1884). Ob uravnenii zhenshchin pri nasledovanii [On the equation of women in inheritance]. *Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogogo prava*. 3: 5-18. [in Russian]
- GARF** – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State archive of the Russian Federation].
- GATO** – Gosudarstvennyj arhiv Tambovskoj oblasti [State archive of the Tambov Region].
- Goltz et al., 2020** – *Goltz, S., Buche, M.W., Pathak, S.* (2020). Political Empowerment, Rule of Law, and Women's Entry into Entrepreneurship. *Journal of Small Business Management*. 53(3): 605-626. DOI: <https://doi.org/10.1111/jsbm.12177>
- Groman, 1915** – *Groman V.V.* (1915). Ustav o promyshlennom trude. S raz'yasneniyami k nim Pravitel'stvuyushchego Senata [The Charter on Industrial Labor]. Petrograd: «Pravo». [in Russian]

- Hasbulatova, Gafizova, 2003** – *Hasbulatova, O.A., Gafizova, N.B.* (2003). Zhenskoe dvizhenie v Rossii (vtoraya polovika XIX – nachalo XX veka) [Women's movement in Russia]. Ivanovo. [in Russian]
- K sochuvstvuyushchim..., 1911** – K sochuvstvuyushchim ravnopraviyu zhenshchin [To women's equality sympathizers]. *Zhenskij vestnik*. 1911. № 11. [in Russian]
- Kulisher, 1896** – *Kulisher, M.I.* (1896). Razvod i polozhenie zhenshchiny [Divorce and the position of a woman]. SPb., B.I. [in Russian]
- Litvinov-Falinskij, 1904** – *Litvinov-Falinskij, V.P.* (1904). Fabrichnoe zakonodatel'stvo i fabrichnaya inspekciya [Factory legislation and factory inspection]. Izd. 2-e, ispr. i dop. M.: Tipografiya A.S. Suvorina. [in Russian]
- Loshchilov, 1915** – *Loshchilov, P.* (1915). «Zheleznyj zakon» zhenskogo dvizheniya [The «Iron Law» of the women's movement] *Zhurnal dlya hozyaek*. 01.06.1915. 1: 3-5. [in Russian]
- Manifest..., 1875** – Manifest o vysochajshe darovannyh raznym sosloviyam milostyah, po sluchayu zaklyuchennogo mira s Portoyu Ottomanskoju. [Manifesto about the highest bestowed different estates]. M.: Senat. [in Russian]
- Matisen 1872** – *Matisen, N.* (1872). Atlas promyshlennosti Moskovskoj gubernii [Atlas industries of the Moscow province]. M.: Tipografiya A. Ris. [in Russian]
- Mihajlov, 1860** – *Mihajlov, M.L.* (1860). Zhenshchiny, ih vospitanie i znachenie v sem'e i obshchestve [Women, their upbringing and importance in the family and society]. *Sovremennik*. [in Russian]
- Orlov, Budagov, 1894** – *Orlov, P.A., Budagov, S.G.* (1894). Ukazatel' fabrik i zavodov Evropejskoj Rossii: materialy dlya fabrichno-zavodskoj statistiki [Pointer of factories and the European part of Russia: materials for manufacturing statistics]. SPb.: Tipografiya V. Kirshbauma. [in Russian]
- Otchet Rossijskoj ligi..., 1911–1913** – Otchet Rossijskoj ligi ravnopraviya zhenshchin za 1911-1912 god [Report by the Russian League for Women's Equality]. 2 t. M., 1911–1913. T. 1. [in Russian]
- Otchet..., 1915** – Otchet Rossijskoj ligi ravnopraviya zhenshchin za 1914-1915 god [Report by the Russian League for Women's Equality]. [in Russian]
- Pervaya vseobshchaya perepis'..., 1897** – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 goda. [The first general census of the population of the Russian Empire in 1897]. Spb.: Izdatel'stvo Central'nogo Statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennih delo vysochajshe ego imperatorskie velichestva povelinyu. 1897–1905. 89 tt., 119 books. [in Russian]
- Pogodin, 1868** – *Pogodin, M.P.* (1868). Emansipaciya zhenshchiny [Woman's emancipation Russkij]. *Russkii*. 1868 – 12 noyabrya. [in Russian]
- Polnoe sobranie zakonov..., 1885** – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Tret'e. 1 marta 1881–1913 gg. T.5, 1885. [The full collection of the laws of the Russian Empire]. SPb.: Gosudarstvennaya tipografiya. [in Russian]
- RGIA** – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian state historical archive].
- Savel'ev, 1878** – *Savel'ev, A.A.* (1878). Ocherk lichnyh i imushchestvennyh otnoshenij mezhdru suprugami po russkim zakonam i obychnomu pravu [Essay of personal and property relations between spouses under Russian laws and custom law]. *Yuridicheskij vestnik*. Kn. 12. Pp. 157-165. [in Russian]
- Sinajskij, 1910** – *Sinajskij, V.I.* (1910). Lichnoe i imushchestvennoe polozhenie zamuzhnej zhenshchiny v grazhdanskom prave. [The personal and property status of a married woman in civil law]. Yur'ev: tip. K. Mattisen. [in Russian]
- Spisok fabrikantam...** – Spisok fabrikantam i zavodchikam Rossijskoj imperii 1832 g. [List and industrialists, breeders of the Russian Empire, 1832]. Ch. 2. SPb.: Tipografiya Departamenta vneshej trgovli. [in Russian]
- Svod ustavov..., 1903** – Svod ustavov o pasportah i beglyh 1833 g. [A set of statutes on passports and runaway, 1833]. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie 2.T. XIV. № 10102. [in Russian]
- Tarasov, 1856** – *Tarasov, S.* (1856). Statisticheskoe obozrenie promyshlennosti Moskovskoj gubernii. [Statistical review industry of Moscow governorate]. M.: Tipografiya Vedomstva Moskovskoj gorodskoj policii. [in Russian]
- Teele et al., 2018** – *Teele, D., Kalla, J., Rosenbluth, F.* (2018). (The Ties That Double Bind: Social Roles and). Women's Underrepresentation in Politics. *American Political Science Review*. T. 112. 3: 525-541. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055418000217> [in Russian]
- Trudy komissii..., 1873** – Trudy komissii po preobrazovaniyu volostnyh sudov. [Commission's work on the transformation of the parish courts]. SPb., 1873. T. I. Pp. 53-55, 141-142; T.II. Pp. 601-603; T. IV. Pp. 172-174. [in Russian]
- Trudy redakcionnoj komissii..., 1904** – Trudy redakcionnoj komissii po peresmotru zakonopolozhenij o krest'yanah. [Works of the editorial commission to review the laws on peasants]. SPb., 1904. T. IV, pp. 387-389. [in Russian]
- Ukaz..., 1830** – Ukaz ob otmene ryadnyh i sgovory zapisej ot 03.04.1702 g. № 1907. [Decree on the abolition of the row and conspiracies from 03.04.1702 № 1907]. Polnoe Sobranie Zakonov Rossijskoj Imperii. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii. [in Russian]

[Ustavy o pasportah..., 1857](#) – Ustavy o pasportah, o preduprezhdenii prestuplenij, o cenzure, o soderzhashchihsy pod strazheyu, i o ssyl'nyh [Statutes on passports, on the prevention of crime, about censorship, the prisoners kept, and the exiles]. Svod zakonov Rossijskoj imperii. T. 14. SPb.: Izdatel'stvo Vtorogo Otdeleniya Sobstvennonoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelarii. [in Russian]

[Valetov, 2007](#) – *Valetov, T.Ya.* (2007). *Fabrichnoe zakonodatel'stvo v Rossii do Oktyabr'skoj revolyucii.* [Factory legislation in Russia before the October Revolution. *Ekonomicheskaya istoriya*]. *Obozrenie*. Vyp. 13. M.: Izdatel'stvo MGU. [in Russian]

[Vedomost' o manufakturah..., 1816](#) – Vedomost' o manufakturah v Rossii za 1813 i 1814 gg. [Statement on the manufactory in 1813 and 1814 in Russia for years]. SPb.: Tipografiya Pravitel'stvuyushchego Senata. [in Russian]

[Virtin, 1915](#) – *Virtin, M.* (1915). *Detskij dom* [Children's home]. *Zhurnal dlya hozyaek*. 01.06.1915. 1: 1-3. [in Russian]

[Zakon 12 marta., 1914](#) – Zakon 12 marta 1914 goda o nekotoryh izmeneniyah i dopolneniyah dejstvuyushchih zakonov o lichnyh i imushchestvennyh pravah zamuzhnyh zhenshchin i ob odnosheniyah suprugov mezhdru soboj i k detyam. [The Law of March 12, 1914 on some changes and additions to the legalizations on the personal and property rights of married women]. SPb.: Yuridicheskij knizhnyj magazin I.I. Zubkova. [in Russian]

История институционализации предпринимательской, социальной, политической деятельности женщин в России (XVIII в. – 1917 г.)

Марина Леонидовна Галас ^{a, *}, Павел Сергеевич Селезнев ^a

^a Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается институционализация предпринимательской, социальной и политической деятельности россиянок в XVIII – начале XX вв. Предпринимательская активность женщин разных сословий сопряжена с процессом становления их правосубъектности. В данном процессе формировался статус женщины в брачно-семейных отношениях, в имущественных отношениях (относительно права собственности, наследования), в гражданско-правовой системе, экономической сфере, в системе власти и управления на всех уровнях. Обращено внимание на образовательно-просветительную роль в обществе экономически активных россиянок. Показана благотворительная деятельность женщин-предпринимателей.

Представлены статистические данные по предпринимательской деятельности россиянок: по структуре и отраслевому составу женского предпринимательства; объему производства предприятий, фабрик, управляемых женщинами; доле участия в различных сферах экономики, производства; динамике численности фабрик и предприятий, находящихся в собственности женщин; социальному и этническому составу предпринимательниц. Рассмотрено социально ориентированное предпринимательство россиянок.

Авторы проанализировали основные направления женского движения, связанные с борьбой за гражданское равноправие, равные возможности на рынке труда и занятости, социальные гарантии, охрану труда, защиту материнства и детства.

В контексте темы исследования проведен анализ деятельности женских институтов гражданского общества, периодических изданий. Показано взаимодействие женских общественных организаций с органами власти в России. Обращено внимание на сотрудничество этих общественных организаций с международным женским движением. Комплексное изучение темы позволило показать значение женского движения для развития экономической, социальной, правовой и управленческой систем дореволюционной России.

Ключевые слова: женское предпринимательство, общественные организации, объединения, кооперация, земство, гражданские права, рынок.

* Корреспондирующий автор

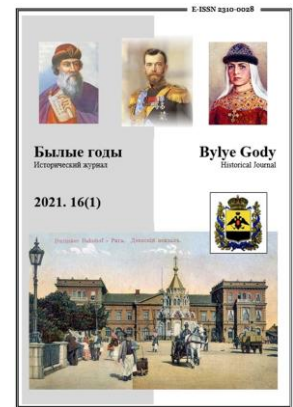
Адреса электронной почты: MLGalas@fa.ru (М.Л. Галас), Pseleznev@fa.ru (П.С. Селезнев)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 47-55.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.47
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Kazakh-Russian Embassy Relations in the Pre-Imperial Period: the Main Problems of Bilateral Relations in the early XVIII century

Nikolay S. Lapin ^{a, *}

^a Institute of the History of the State, Kazakhstan

Abstract

Based on RGADA documents and published written sources, the article shows the dynamics of the ambassadorial ties of the Kazakh Khanate and the Russia at the beginning of the 18th century. The author systematizes all known ambassadorial contacts between the two sides, and shows new ones previously unknown in historiography.

The main problems of bilateral relations, raised in the course of ambassadorial contacts, are identified: issues of military cooperation in the fight against the Dzungars, security problems of the Kazakh-Russian borderlands, suppression of mutual attacks, and the establishment of trade relations.

The regularity of issues raised in diplomatic correspondence and during mutual embassies indicates that many problems remained unresolved. At the same time, both sides were formally determined to overcome the problems that arose.

The materials showed that at the beginning of the 18th century, several centers of relations between Russia and the Kazakhs functioned at once; these are Kazan, Ufa and Tobolsk. At the same time, the Siberian administration was more active in establishing contacts with the Kazakhs during the period of the governor, Prince M.P. Gagarin.

A feature of this stage in the relationship between the Kazakhs and Russia was the difficult foreign policy situation in southern Siberia and Central Asia associated with the active policy of the Dzungarian state, which defended its interests in the region. The stage is also characterized by the revival of Russia's interest in the region in the middle of the second decade of the 18th century.

The intensity of ambassadorial ties in the second decade of the 18th century after the break allows us to single out this time as a separate stage in the history of diplomatic relations between the Kazakh rulers and the Russian state. The article specifies the duration of the new stage, the dating of a number of embassies and the content of the negotiations.

Keywords: RGADA, Russian state, Kazakh Khanate, embassies, early 18th century, Tobolsk, Kazan.

1. Введение

Двусторонние взаимоотношения казахских ханов и России до первой трети XVIII века носили прерывистый, нерегулярный характер, распадаясь на разные по продолжительности и интенсивности этапы. После серии взаимных посольств или переписки наступал продолжительный, иногда на многие годы перерыв, после которого следовало возобновление дипломатических отношений.

Отдельным таким этапом явился период, охвативший второе десятилетие XVIII столетия, когда после почти десятилетнего перерыва начался новый интенсивный обмен посольствами, что было обусловлено внешнеполитической обстановкой, сложившейся в регионе.

2. Материалы и методы

Источниковой базой работы стали материалы Российского государственного архива древних

* Corresponding author

E-mail addresses: lapin.79@mail.ru (N.S. Lapin)

актов (РГАДА). Фонды № 122 «Киргиз-кайсацкие дела» и № 248 «Сенат и его учреждения» (письма, отчеты, записи посольских сообщений) содержат важные, порой уникальные данные, позволяющие реконструировать историю двусторонних взаимоотношений Казахского ханства и России.

Кроме этих, дополнительно привлекались материалы Архива внешней политики Российской империи и опубликованные в разные годы документы, связанные с посольствами.

Основными методами исследования, кроме общенаучных, стали историко-генетический, историко-сравнительный, метод исторической периодизации и частично историко-биографический.

Историко-генетический метод позволил выявить закономерности исторических событий и процессов, обозначить факторы и события, повлиявшие на восстановление казахско-русских посольских связей в начале XVIII века. Историко-сравнительный метод дал возможность сопоставить и выявить общие и особенные черты в посольской практике казахских ханств и России в изучаемый период. Метод исторической периодизации позволил глубже понять развитие двусторонних отношений в исторической ретроспективе, упорядочить выявленные факты и, опираясь на полученные результаты, предложить динамику дипломатических контактов казахских правителей и Русского государства в исследуемый период. Благодаря историко-биографическому методу, удалось описать обстоятельства деятельности конкретных исторических личностей Казахстана и России, имевших влияние на ход, становление и развитие двусторонних взаимоотношений.

3. Обсуждение

Непосредственно посольские связи казахских правителей и России в начале XVIII столетия изучались крайне редко, чаще всего акцент делался на более позднем времени. Единственным автором, отдельно изучавшим проблемы двусторонних посольских отношений в этот период, был В.Я. Басин. Ему принадлежит единственная до сих пор монография, в которой исследовалась ранняя история казахско-русских отношений, в том числе особенности взаимоотношений в рассматриваемый период (Басин, 1971: 122-125). Несколько ранее дипломатические аспекты двусторонних отношений в начале XVIII века им были рассмотрены в ряде статей (Басин, 1965: 41-44; Басин, 1969: 68-73). Именно В.Я. Басин аргументировал возобновление посольских связей между казахами и Россией во втором десятилетии XVIII века, обосновывая начало нового этапа.

В последнее время вышло сразу несколько крупных работ, в которых рассматривались казахско-русские отношения и дипломатия казахских правителей в XVIII веке (Хафизова, 2019; Кундакбаева, 2019; Васильев, 2020). Однако в них непосредственно не ставилась задача изучения посольских связей и проблемных вопросов в отношениях Казахского ханства и России до 1720-х годов.

4. Результаты

Начало нового этапа в дипломатических связях казахских ханов и России датируется по-разному – 1715, 1716 или 1717 годами (Басин, 1969: 68; Ерофеева, 2007: 154; Жаппасов, 2011: 56; Дүйсен, 2018: 67).

Более обоснованной является дата, предложенная В.Я. Басиным, который относил возобновление связей к 1715 году (Басин, 1969: 68). При обосновании своего предположения он исходил из датировки письма старшего хана казахов Каипа русскому царю Петру I, составление которого относится к лету 1715 года. Данный документ известен по ряду публикаций, один из списков хранится в РГАДА (РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Д. 19. Л. 614-615 об.; Русские летописи, 2005: 267-271; Эпистолярное наследие, 2014: 93-94).

Содержание ханского письма позволяет предположить, что возобновление посольских контактов необходимо отнести к несколько более раннему времени. Во-первых, письмо Каипа стало ответом на «лист» русского царя, полученный ранее казахским ханом (РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Д. 19. Л. 614об.). Во-вторых, царское послание Каипу было доставлено подданным самого казахского хана, неким Чюрой, который, вероятно, был гоним Каипа, выполняя определенные посольские функции. Об этом явно свидетельствует его новое направление в Россию (РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Д. 19. Л. 615об.).

Таким образом, будет не точным начинать новый этап посольских контактов с лета 1715 г., что основывается на датировке ответного письма Каип-хана русскому царю.

Содержание письма позволяет предположить следующий ход событий. В Россию был направлен ханский гонец Чюра с посланием, далее последовало царское письмо, адресованное хану Каипу, доставленное ему Чюрой, и затем новое послание Каипа Петру I, датированное июлем 1715 г.

Учитывая скорость передвижения посланников в тот период, о чем свидетельствуют материалы других посольств того времени (Русские летописи, 2005: 371), можно предположить, что начало контактов и соответственно возобновление посольских связей следует отнести ко времени не позднее второй половины 1714 г.

Письмо Каипа было весной уже 1716 г. доставлено в Казань, однако до этого доставивший его посланник Тойгунур достиг Уфы, где, судя по всему, был задержан на несколько месяцев. В Уфу казахский посланник доставил письмо еще от одного казахского правителя, младшего хана Абулхаира (РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Д. 19. Л. 612-612об.). В этих посланиях раскрывается

значительная часть проблемных вопросов, стоявших между казахскими правителями и русскими властями.

Анализ содержания писем Каипа и Абулхаира позволяет выделить два основных вопроса, стоявших между странами – это взаимная торговля и набеги казахских отрядов на русские пограничные селения. При этом заметен разный приоритет в вопросах, поднимаемых перед русскими властями казахскими правителями.

Так, Каип, старший казахский хан, в своем послании Петру I делает акцент на создании условий и способах для открытия взаимной торговли (РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Д. 19. Л. 615об.). С другой стороны, Абулхаир, являвшийся одним из младших ханов и чьи владения находились ближе к русским границам, был более заинтересован в решении проблемы с набегами на пограничье. При этом одной из задач Абулхаира была оправдать себя. В письме, переданном русским властям через посланника, он сообщал, что лично никого не посылал в набеги, хотя признавал факт, что в казахских кочевьях «русских и татарских ясырей есть» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Д. 19. Л. 612об.). Доставивший письмо Тойгунур сообщил, что всего у казахских правителей, включая хана Каипа, на тот момент содержалось около двухсот русских невольников (Материалы..., 1936: 279).

Несмотря на то, что, судя по письмам, набеги чаще совершались со стороны казахских владетелей, в результате которых в казахской степи оказалось значительное количество русских пленников, пленные были и среди самих казахов. Так, Каип-хан в том же письме, кроме вопроса о торговле, просил русские власти отпустить двух своих людей, находившихся в русском плену, – некоего Текибачку Чурабаева и своего «сиповщика»¹ Бермухаммета, участвовавших в набегах и попавших в плен (РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Д. 19. Л. 615-615об.).

Середина второго десятилетия XVIII стала важной в отношениях России и стран Центральной Азии. Несмотря на приоритет европейского направления, особенно учитывая продолжавшуюся Северную войну, именно в это время Петр I обращает внимание на регион. Активизация русской политики внем выразилась в известных акциях – походе князя Бековича-Черкасского в Хиву, продвижении отряда подполковника Бухгольца по Иртышу и ряде других.

11 сентября 1716 г. в Tobольск прибывают несколько казахских посланников «с ведома хана и от всей Казачьи орды», которые привезли с собой вызволенных из джунгарского плена русского офицера и писаря, отправленных ранее Бухгольцем к джунгарам с письмом (РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1716 г. Д. 3. Л. 1). Как следует из заявления казахских послов Бекбулата Екешева и Байдаулета Буриева, сделанного через несколько дней после прибытия в Tobольск, основные вопросы, которые поднимала казахская сторона, в значительной степени были аналогичны проблемам предыдущих посольств Чюры и Тойгунара в 1714 и 1715 гг. Среди них вопросы восстановления взаимной торговли (в этот раз, кроме казахских купцов, по сообщению послов Каип-хана, он ходатайствовал и о бухарских купцах), предотвращения казахских нападений на русские пограничные поселения («государевы слободы») и желание в связи с этим установления «вечного мира» с Русским государством (Памятники..., 1885: 152-153).

Однако было одно важное дополнение в вопросах, которые в этот раз поднимала казахская сторона: джунгарский фактор, который для казахской и для русской стороны после неудачи экспедиции И.Д. Бухгольца в том же 1716 г. приобретал особое значение. Послы Каипа от имени своего хана просили «контайшу воевать бы вместе», то есть заключить военный союз для совместных действий против Джунгарии (РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1716 г. Д. 3. Л. 1). И.Я. Златкин, а вслед за ним В.А. Моисеев, ссылаясь на цитируемые выше документы посольства Бекбулата Екешева и Байдаулета Буриева, характеризуют обращение казахов к России именно в момент после неудачных действий И.Д. Бухгольца, приведших к обострению русско-джунгарских отношений, как попытку воспользоваться этой ситуацией (Златкин, 1983: 226-227; Моисеев, 1991: 84). Тот факт, что казахские послы привезли с собой в Tobольск двух русских пленников из отряда И.Д. Бухгольца, отбитых у джунгар, и их указание, что казахи были в курсе, что «контайши противитца» царю, позволяет согласиться с данной оценкой.

В.А. Моисеев, ссылаясь на донесение сибирского губернатора князя М.П. Гагарина царю Петру, отправленное сразу после встречи с казахскими послами, среди выдвинутых казахскими представителями вопросов называет, кроме союза против джунгар, предложение «дозволить строить города и прислать удостоверяющую о сем грамоту» (Моисеев, 1991: 83). Однако, как явно показывает содержание документа (РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1716 г. Д. 3. Л. 1-2об.), данные вопросы, отмеченные в донесении сибирского губернатора, касались сугубо русско-джунгарских отношений и к казахскому посольству не имели отношения. Таким образом, основными вопросами в 1716 г. стали создание антиджунгарского военного союза, развитие торговых контактов и казахские набеги на русские пограничные поселения.

Хотя с подобными предложениями, кроме Tobольска, казахские посольства одновременно

¹ «Сиповщик» – музыкант, в том числе военный, играющий на дудке (сиповке) (Словарь..., 2000: 155). При издании письма хана Каипа в 2005 г. неточно было прочитано – «чиповщик» (Русские летописи, 2005: 268), тогда как в самом архивном документе ясно читается «сиповщик».

были отправлены также в Уфу и Казань (РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1716 г. Д. 3. Л. 1), однако именно М.П. Гагарину принадлежит во многом инициатива по дальнейшему развитию двусторонних дипломатических связей. Убедив царя Петра в необходимости поддерживать связи с Казахским ханством и получив соответствующий указ, князь Гагарин отправляет в октябре 1716 г. в ставку Каип-хана посольство во главе с сыном боярским Никитой Белоусовым (Памятники..., 1885: 153-156). Как следует из наказа, данному Белоусову, было принято решение содействовать развитию торговли и открыть возможность для прибытия казахских купцов «с торгами на границех по 50 человек» (Памятники..., 1885: 155). Кроме того, Белоусову предписывалось определить возможные рамки военного сотрудничества с казахами и политический потенциал самого хана Каипа (Памятники..., 1885: 155-156). В продолжение развития экономического сотрудничества в письме к Каип-хану М.П. Гагарин обещал с казахов и бухарцев, приходящих для торговли в сибирские города, не брать пошлин и «торг... дать повольный и безобидной» (Памятники..., 1885: 157).

Материалы и результаты посольской миссии Белоусова, которая продолжалась с учетом времени, проведенного в пути, почти 11 месяцев (вернулся в Тобольск 26 сентября 1717 г.), в целом подтвердили настрой казахской стороны на продолжение контактов с Россией. Круг вопросов как в сфере сотрудничества, так и, наоборот, проблемных, мешавших отношениям, остается фактически неизменным: совместная борьба против джунгар, пресечение нападений на русское пограничье, наказание виновных и установление регулярных торговых отношений. Это все хорошо видно по содержанию письма Гагарина к Каипу (Памятники..., 1885: 156-157).

В 1717 г. из Казани было отправлено еще одно русское посольство, которое возглавил Федор Жилин (сопровождал это посольство, по-видимому, прибывший ранее от Каип-хана уже известный Тойгунур Култабаев). Обстоятельства этой миссии и дальнейший ход развития двусторонних отношений известны из писем казахских правителей, доставленных казахскими послами в декабре 1718 г. в Казань вместе с вернувшимся Жилиным.

Казахскими послами Тантай-батыром и Тойгунуром Култабаевым всего было доставлено четыре письма («листа»), получение которых в Казани датируется 10 декабря 1718 г. – два от Каип-хана (одно царю и одно к казанским властям), от Булхаир-султана (брата Абулхаир-хана) и одно от религиозного лидера казахов Суфи Азиза (РГАДА. Ф. 122. 1718 г. Оп. 2. Д. 2. Л. 5-7, 150б.-180б.).

Каип-хан в письме к царю Петру благодарил как за доставленный Жилиным «за золотую печатью милостивой лист», так и за освобождение без ходатайства доставленного к казахскому хану некоего Малдыбая Елболдина (РГАДА. Ф. 122. 1718 г. Оп. 2. Д. 2. Л. об., 15). Как становится ясным из письма Каипа, главными вопросами, которые ставила русская сторона, были освобождение пленников и поимка «вора Сеитки», бежавшего из русских пределов в казахские владения за несколько лет до этого и сумевшего организовать несколько набегов на пограничье. Однако, несмотря на повеление царя и все попытки поймать данного «вора», Каип вынужден был признать свое бессилие, но обещал не оставлять усилий и выполнить обязательство (РГАДА. Ф. 122. 1718 г. Оп. 2. Д. 2. Л. 6, 150б.).

Со своей стороны Каип-хан ставил те же, что и в предыдущие годы, вопросы – совместные действия против джунгар, наказание совершавших на пограничье набеги и чтобы «купецких людей пересылаться» (РГАДА. Ф. 122. 1718 г. Оп. 2. Д. 2. Л. 6-7, 150б.-16).

В письме, адресованном казанскому губернатору П.С. Салтыкову и вице-губернатору Н.А. Кудрявцеву,¹ Каип-хан практически воспроизвел свое обращение к царю. Хан резюмировал свои цели в отношениях с Россией желанием вечного мира и «союзно жить» (РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. Д. 2. Л. 7, 160б.). Также Каип пытался объяснить значительную задержку им Жилина нападением джунгар на казахов (РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. Д. 2. Л. 8, 17).

Султан Булхаир в своем небольшом письме, адресованном царю Петру и также доставленном в Казань казахским послом Тойгунуром, выразил стремление к военному сотрудничеству с Россией: «Доношу вам и желаю, что служить, а кто будут наши служить на конях, а я не токмо на конях, и пешей служить рад белому царю» (РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. Д. 2. Л. 9об., 18).

Несомненный интерес вызывает письмо Суфи Азиза,² адресованное русскому царю, отправленное, вероятно, не без санкции Каип-хана. Суфийский лидер, хотя и пишет, что «сей наши [казахской] орды все ханы нам отдались, из нашего слова выступать не будут» (РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. Д. 2. Л. 9, 170б.), показывая, таким образом, свою политическую самостоятельность, тем не менее

¹В ряде документальных публикаций (Казахско-русские..., 1961: 21; Русские летописи, 2005: 278-279; Эпистолярное наследие, 2014: 95) данное письмо издателями датируется 10 января 1718 г., однако и указание в источниках, и само содержание письма явно свидетельствуют о том, что письмо не могло быть доставлено в Казань в начале 1718 г.

²В документах той поры (см.: Памятники..., 1885: 161-162) встречается также написание Суфи Азлер. Азлер – в г. Туркестане один из влиятельных духовных лиц, являвшихся потомками мусульманского деятеля суфийского направления Ходжи Ахмета Ясави (Мустафина, 1992: 71-72; Исхаков, 2011: 158), поэтому вполне вероятно, что Суфи Азиз это не имя собственное, а указание на высокий духовный сан/должность в суфийском направлении ислама.

очерчивает фактически тот же самый круг вопросов, которые присутствуют во всех предыдущих посланиях самого Каип-хана. Суфи Азиз также пишет царю о необходимости установления мира «промеж двух орд», наказания мешающих поддержанию мирных отношений между государствами («А какие будут глупые розброды для разорения, и, таких поймав, дать им каранья») и восстановления торговых контактов (РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. Д. 2. Л. 9об, 18).

Любопытным является намек религиозного лидера казахов установить с ним отдельные посольские контакты. Именно так можно интерпретировать слова Суфи Азиза, написанные им после указания на подчиненность ему всех казахских правителей, – «а ваша милость [царь Петр Алексеевич] от себя к нам никакова посланца и письмо послать не могли» (РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. Д. 2. Л. 9, 18).

Содержание этих документов свидетельствует, что уровень взаимоотношений, который предполагала установить казахская сторона, определяется как военный союз, создаваемый для решения конкретных задач. Речи о политической зависимости, принятии «под высокую руку» или в подданство нет. Наоборот, Каип-хан подчеркивает: «Желаем вечной мир и союзно жить» (РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. Д. 2. Л. 7, 16об.).

Однако при всем желании «союзно жить» продолжали возникать обстоятельства, которые этому препятствовали. В своем ответном письме хану Каипу (датируется январем 1719 г.) казанский губернатор П.С. Салтыков обозначил имеющиеся проблемы. Первое, на что обращает внимание губернатор, – это невыполнение ханом Каипом обещания наказывать преступников, укрывающихся в казахских степях, например указанного ранее Сеита (РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. Д. 2. Л. 12, 19). Также подчеркивает казанский губернатор и торговые отношения, точнее их отсутствие. Несмотря на то, что инициатива исходила от казахской стороны, реальных шагов не последовало – «а что он же, Каип-хан, письмами своими обещевал присылать торговых своих людей с товары..., но и поныне от них, торговых людей с товары не прислано» (РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. Д. 2. Л. 12об., 19об.).

Кроме того, у П.С. Салтыкова вызвало недоумение следующее происшествие: «Аблай-султан [брат Каип-хана] у посланных к ним царского величества с уфинцом Федором Жилиным солдат ружье и патронные суммы отобрал, и у себя удержал, и им не отдал» (РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. Д. 2. Л. 12об., 19об.). Возмущаясь подобным отношением, он подчеркивает, что «ни в которых государствах нигде такого образца, что у посланных ружьи обирать, нет» (РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. Д. 2. Л. 13, 19об.).

В 1718 г. произошло еще несколько событий, которые в историографии оцениваются как дипломатические акции (посольства, переписка). Речь идет об отправлении сибирским губернатором князем М.П. Гагариным (в конце 1717 г.) в пределы Казахского ханства Бориса Брянцева, Якова Тарыштина и Кабая Мамеева, при этом руководителем посольства, или послом, называется Борис Брянцев (Басин, 1965: 43; Басин, 1969: 71; Ерофеева, 2007: 154). Однако документы, связанные с миссией Брянцева, не позволяют однозначно назвать ее только дипломатической, при том, что внешние признаки, такие как посещение казахских правителей, в том числе пребывание в ставке Каипа, передача им «листов», должны говорить в пользу официального дипломатического характера события (Памятники..., 1885: 157-163).

Миссия Брянцева, по крайней мере, как показывают документы, была организована сибирским губернатором Матвеем Гагариным с целью «осведомитця подлинно» о ситуации в казахской степи, то есть основной целью был сбор информации о положении, причем как внутреннем, так и даже в большей степени внешнем Казахского ханства. Речь идет в первую очередь о взаимоотношениях казахов с джунгарами.

Хотя В.Я. Басин и пишет, что Брянцев был отправлен «по указу Петра I и приказу сибирского губернатора М.П. Гагарина» (Басин, 1965: 43; Басин, 1969: 71), однако в отписках, периодически направляемых по мере прохождения экспедиции, встречи с казахскими владетелями и сбора информации в Тобольск, со стороны «посланников» ни разу не было ссылки на указ царя. При этом в документах миссии всегда подчеркивалось, что Брянцев и другие направлены к казахам «по указу светлости Вашей», то есть сибирского губернатора (Памятники..., 1885: 157-163), что разнится, например, с наказом Белоусову в 1716 г., где прямо следует – «по указу великого государя и по приказу губернатора Сибири» (Памятники..., 1885: 153).

По мере выполнения миссии Брянцева в течение 1718 г. в Тобольск прибыло несколько казахских посланников: 1 мая – Елмет Баулуков, который привез три послания: одно – от ханов Каипа и Абулхаира, одно – от султана Мамая и хана Абулхаира и одно – от хана Каипа и его сына – султана Батыра, а также устное сообщение от султана Мамая; 7 октября прибыли посланники от хана Абулхаира – Сафа-батыр и Итмамет-батыр; 28 октября – батыры Байбек и Тулебай от Каип-хана (Памятники..., 1885: 163-167).

Вопросы, которые ставили в письмах и через своих посланников казахские правители, варьировались в зависимости от уровня адресата. Так, султан Мамай, племянник хана Абулхаира, ставил локальный вопрос об угоне башкирами у казахов значительного количества лошадей. Удельный хан Абулхаир ставил вопрос шире – о взаимных набегах казахов и русских поданных, совместных действиях против джунгар и еще «купецким людям чтобы ездить». Старший же хан казахов Каип акцентировал внимание на совместных военных действиях против джунгарского

хунтайджи, вопросах, связанных с двусторонними посольскими контактами, и ряде других.

Как видно, круг проблем остается фактически прежним: действия против джунгар, взаимная торговля и взаимные нападения казахских и русских подданных.

В историографии дипломатические события 1718 г., связанные с миссией Федора Жилина и Бориса Брянцева, а также ответные казахские миссии и интенсивная переписка завершают этап дипломатических связей казахских правителей и России в предымперский период. Хронологически последним дипломатическим событием того времени является указанное ранее ответное письмо казанского губернатора П.С. Салтыкова хану Каипу, датируемое началом 1719 г. (Ерофеева, 2007: 154-156).

Имеющиеся источники, в том числе те, которые мало или вообще не привлекались исследователями, позволяют несколько скорректировать временные рамки этапа. Среди архивных материалов были обнаружены документы, связанные с еще одним дипломатическим эпизодом в истории казахско-русских отношений в предымперский период, который датируется 1720 г.

Исследователям известен сюжет, с которого во многом начинается следующий этап дипломатических отношений казахов с Россией уже в статусе империи. Речь идет о прибытии в Санкт-Петербург в начале 1726 г. казахского посла Койбагара Кобякова, представлявшего интересы части казахов Младшего жуза. Кроме привезенного письма, в котором содержались предложения казахских «владельцев» о взаимном освобождении пленных (АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 1. Л. 39-39об.), посол Кобяков сообщил, что «тому ныне лет с шесть послали они посланца своего Шахмамет Мурзу в Сибирь и при нем пятнадцать человек российских пленных для разменов, и тот посланец и донныне к ним не возвратился, и известия об нем никакого не имеется» (Под стягом..., 1992: 362).

Данное сообщение позволяет датировать посольство в Сибирь, то есть в Тобольск. Если посчитать буквально «лет с шесть» с момента сообщения, сделанного Кобяковым в январе 1726 г., то получается, что посольство Шахмамет-мурзы направлено было из Казахского ханства в российские пределы около 1719–1720 гг. Какие-либо другие подробности данного посольства, кроме уже обозначенных, были неизвестны.

Вновь выявленные документы из фондов РГАДА позволяют отчасти выяснить некоторые дополнительные моменты, в частности причины удержания казахского посольства в Тобольске. Среди материалов фонда № 248 «Сенат и его учреждения» имеется небольшое дело, в котором есть указание на казахских посланников, находившихся в Сибирской губернии в 1720 г. (РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 156. Л. 471-478об.).

Хронологическая близость и место событий позволяют связать посольство Шахмамет-мурзы с посольством, указанным в данных документах. Весной 1720 г. казахский отряд численностью «полтора ста и болши» совершил набег на русские пограничные деревни, а также напал и разграбил барабинских татар, уведя в полон около семисот человек и захватив пять тысяч лошадей (РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 156. Л. 471, 474). В связи с произошедшим находящиеся на тот момент в Тобольске казахские посланцы в количестве пяти человек были задержаны. В июне 1720 г. Сенат предписал новому сибирскому губернатору князю А.М. Черкасскому удержать в Тобольске «лутчих людей» из посольства, а остальных отпустить, выдвинув условие, чтобы казахи вернули захваченных пленников и имущество «и впредь такой обиды оне не чинили» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 156. Л. 474об.). Однако в сентябре последовал новый приказ, согласно которому дальнейшее удержание казахских посланцев возлагалось на усмотрение самого сибирского губернатора (РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 156. Л. 477). К сожалению, других подробностей не сообщается, и дальнейшая судьба посланцев остается неизвестной. Если предположение о тождественности посольства Шахмамет-мурзы и посольства, находящегося в Тобольске, верно, то картина вырисовывается следующим образом. В период обострения на казахско-русском пограничье в Тобольск прибыло казахское посольство в составе пяти человек («посланцев»), одной из целей которого был обмен русских пленников, находившихся в казахских кочевьях, на казахов, удерживаемых в русских пределах. Во главе посланцев находился Шахмамет-мурза. Из-за обострения отношений, вызванных набегом казахов на русские пределы, часть посланников была задержана в Тобольске на несколько лет.

5. Заключение

Таким образом, этап, который можно охарактеризовать как возобновление казахско-русских посольских связей в предымперский период, охватывает время с конца 1714 г., когда после значительного перерыва началась новая серия регулярных посольских контактов, до 1720 г., после которого отношения вновь на несколько лет прерываются.

Данный этап интенсификации двусторонних дипломатических контактов с 1714 по 1720 гг. не дает оснований охарактеризовать его в качестве ступени к началу присоединения казахов к Российской империи. Документы взаимных посольств не содержат упоминаний о присоединении или подданстве. Несмотря на присутствие в текстах посланий (текстах русскоязычных) дипломатических оборотов, которые демонстрируют неравный статус сторон, на что исследователи обращают внимание, содержание обсуждаемых проблем, круг поднимаемых вопросов явно показывает

самостоятельный статус не только Русского государства, но и Казахского ханства¹. При этом характер выстраиваемых отношений, по крайней мере на уровне дипломатических связей, показывает стремление к уровню взаимоотношений, выраженных в формуле, предложенной казахской стороной, – «вечной мир и союзно жить».

Всего в ходе работы удалось выявить за этот период 12 дипломатических событий: 3 русских посольских миссии (Белоусова, 1716–1717 гг.; Жилина, 1717–1718 гг.; Брянцева, 1717–1718 гг.) и 1 письмо казанского губернатора П.С. Салтыкова (1719 г.), адресованное старшему хану казахов Каипу и отправленное, по-видимому, с казахскими посланниками Тантай-батыром и Тойгунуром Култабаевыми, и 8 казахских посольских миссий (Чюры, 1714–1715 гг.; Тойгунура и Чюры, 1715–1716 гг.; Бекбулата и Байдаулета, 1716 г.; Елмета, 1718 г.; Сафа-батыра и Итмамет-батыра, 1718 г.; Байбек-батыра и Тулебай-батыра, 1718 г.; Тантай-батыра и Тойгунура, 1718–1719 гг.; Шахмаммет-мурзы, 1720 г.).

Анализ источников позволяет сделать вывод о формировании в это время разноуровневого характера двусторонних дипломатических связей, как с казахской, так и с русской стороны. То есть, кроме послов, направляемых царем в Казахское ханство или, наоборот, посольств и «листов» старшего казахского хана в Россию, были налажены также горизонтальные связи по линии «регион» ↔ «регион», например сибирская администрация и удельные казахские ханы и султаны.

В целом дипломатические отношения показывают стремление двух сторон к возобновлению и последующему продолжению контактов. Уже к 1717 г. в общем оформился круг вопросов, которые поднимались в ходе дипломатических контактов: совместная борьба с джунгарами, пресечение нападений на пограничье и наказание виновных, обмен пленниками и установление регулярных торговых отношений.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Республики Казахстан (Грант № АР08956348, «Материалы Российского государственного архива древних актов по ранней истории взаимоотношений Казахстана и России (до середины XVIII в.)»).

Литература

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.

Басин, 1965 – Басин В.Я. О русско-казахских дипломатических отношениях в начале XVIII века // *Известия Академии наук Казахской ССР. Серия общественных наук*. 1965. Вып. 5. С. 39-51.

Басин, 1969 – Басин В.Я. Казахстан в системе внешней политики России в первой половине XVIII века // *Казахстан в XV–XVIII веках (Вопросы социально-политической истории)*. Алма-Ата: Наука, 1969. С. 50-145.

Басин, 1971 – Басин В.Я. Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв.: Казахстан в системе внешней политики российской империи. Алма-Ата: Наука, 1971. 276 с.

Васильев, 2020 – Васильев Д.В. Рождение империи. Юго-восток России: XVIII – первая половина XIX в. СПб.: Дмитрий Буланин. 608 с.

Дүйсен, 2018 – Дүйсен С.Ж. Қазақстан дипломатиясы (тарихы аспекті). Астана, 2018. 336 с.

Ерофеева, 2007 – Ерофеева И.В. Хан Абулхайр: полководец, правитель, политик. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 456 с.

Жаппасов, 2011 – Жаппасов Ж.Е. XVI–XVIII ғғ. қазақ-орыс қарым-қатынастарының тарихы. Алматы: Қазақ университеті, 2011. 147 б.

Златкин, 1983 – Златкин И.Я. История Джунгарского ханства 1635–1758 гг. М.: Наука, 1983. 333 с.

Исхаков, 2011 – Исхаков Д.М. Институт сейидов в Улусе Джучи и позднезолотоордынских тюрко-татарских государствах. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2011. 228 с.

Казахско-русские..., 1961 – Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (сборник документов и материалов). Алма-Ата: Изд. АН КазССР, 1961. XVI+743 с.

Кундакбаева, 2019 – Кундакбаева Ж.Б. Организация имперского пространства в кочевой среде: казахи и волжские калмыки в орбите внимания России в XVIII веке. Алматы: Қазақ университеті, 2019. 384 с.

Материалы..., 1936 – Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1: Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. 630 с.

Моисеев, 1991 – Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв.). Алма-Ата: Гылым, 1991. 238 с.

Мустафина, 1992 – Мустафина Р.М. Представления, культы, обряды у казахов. Алма-Ата: Қазақ университеті, 1992. 176 с.

¹ Р.Ю. Почекаев, обративший внимание на это противоречие, объясняет его особенностями посольской канцелярской традиции России того времени (Почекаев, 2019).

- Памятники..., 1885** – Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713–1724. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1885. XXIV+541 с.
- Под стягом..., 1992** – Под стягом России: Сборник архивных документов. М.: Русская книга, 1992. 432 с.
- Почекаев, 2019** – *Почекаев Р.Ю.* Мнимый сюзеренитет: московские цари и казахские ханы (по русскоязычным посольским документам конца XVI – начала XVIII вв.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Выпуск 1 (75). [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840002567-2-1/>. DOI 10.18254/S0002567-2-1
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- Русские летописи, 2005** – Русские летописи и официальные материалы XVI – первой половины XVIII вв. о народах Казахстана. Т. 2. Алматы: Дайк Пресс, 2005. 448 с.
- Словарь..., 2000** – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 24. М.: Наука, 2000. 254 с.
- Хафизова, 2019** – *Хафизова К.Ш.* Степные владетели и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Монография. Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. 476 с.
- Эпистолярное наследие..., 2014** – Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг. Сборник исторических документов в 2-х томах. Т. I. Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. Алматы: АО «АБДИ Компани», 2014. 696 с.

References

- AVPRI** – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii [Archive of the foreign policy of the Russian Empire].
- Basin, 1965** – *Basin, V.Ya.* (1965). O russko-kazakhskikh diplomaticheskikh otnosheniyakh v nachale XVIII veka [On Russian-Kazakh diplomatic relations at the beginning of the 18th century]. *Izvestiya Akademii nauk Kazakhskoi SSR. Seriya obshchestvennykh nauk*. Vyp. 5. Pp. 39-51. [in Russian]
- Basin, 1969** – *Basin, V.Ya.* (1969). Kazakhstan v sisteme vneshnei politiki Rossii v pervoi polovine XVIII veka [Kazakhstan in the system of Russian foreign policy in the first half of the 18th century]. *Kazakhstan v XV–XVIII vekakh (Voprosy sotsial'no-politicheskoi istorii)*. Alma-Ata: Nauka. Pp. 50-145. [in Russian]
- Basin, 1971** – *Basin, V.Ya.* (1971). Rossiya i kazakhskie khanstva v XVI–XVIII vv.: Kazakhstan v sisteme vneshnei politiki rossiiskoi imperii [Russia and Kazakh khanates in the 16th – 18th centuries: Kazakhstan in the system of foreign policy of the Russian empire]. Alma-Ata: Nauka, 276 p. [in Russian]
- Dyisen, 2018** – *Dyisen, S.Zh.* (2018). Kazakstan diplomatiyasi (tarikhy aspekt) [Diplomacy of Kazakhstan (historical aspect)]. Astana, 336 p. [in Kazakh]
- Epistolyarnoe nasledie, 2014** – Epistolyarnoe nasledie kazahskoj pravjashhej jelity 1675–1821 gg. Sbornik istoricheskikh dokumentov v 2-h tomah. T. I. Pis'ma kazahskikh pravitelej. 1675–1780 gg. [Epistolary legacy of the Kazakh ruling elite in 1675-1821. Collection of historical documents in 2 volumes. T. I. Letters of Kazakh rulers. 1675-1780 Sbornik istoricheskikh dokumentov v 2-kh tomakh. T. I. Pis'ma kazahskikh pravitelei. 1675–1780 gg. Alma-Ata: АО «АБДИ Компани», 2014. 696 p. [in Russian]
- Erofeeva, 2007** – *Erofeeva, I.V.* (2007). Khan Abulkhair: polkovodets, pravitel, politik [Khan Abulkhair: commander, ruler, politician]. Alma-Ata: Daik-Press, 456 p. [in Russian]
- Hafizova, 2019** – *Hafizova, K.Sh.* (2019). Stepnye vlastiteli i ih diplomatiya v XVIII–XIX vekah [Steppe rulers and their diplomacy in the XVIII–XIX centuries]. Monografiya. Nur-Sultan: KISI pri Prezidente RK. 476 p. [in Russian]
- Iskhakov, 2011** – *Iskhakov, D.M.* (2011). Institut seiidov v Uluse Dzhuchi i pozdnezolotoordynskikh tyurko-tatarskikh gosudarstvakh [Institute of Sayyids in Ulus Jochi and the Late Golden Horde Turko-Tatar states]. Kazan: Izd-vo «Fen» AN RT, 228 p. [in Russian]
- Kazahsko-russkie..., 1961** – Kazahsko-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vekah (sbornik dokumentov i materialov) [Kazakh-Russian relations in the XVI–XVIII centuries (collection of documents and materials)]. Alma-Ata: Izd. AN KazSSR, 1961. XVI+743 p. [in Russian]
- Kundakbaeva, 2019** – *Kundakbaeva, Zh.B.* (2019). Organizaciya imperskogo prostranstva v kochevoj srede: kazahi i volzhskie kalmyki v orbite vnimaniya Rossii v XVIII veke [Organization of the Imperial space in a nomadic environment: Kazakhs and Volga Kalmyks in the orbit of Russia's attention in the XVIII century]. Alma-Ata: Kazak universiteti, 384 p. [in Russian]
- Materialy..., 1936** – Materialy po istorii Bashkirskoi ASSR. Ch. 1: Bashkirskie vosstaniya v XVII i pervoi polovine XVIII vv. [Materials on the history of the Bashkir ASSR. Part 1: Bashkir uprisings in the 17th and first half of the 18th centuries]. M.-L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1936. 630 p. [in Russian]
- Moiseev, 1991** – *Moiseev, V.A.* (1991). Dzhungarskoe khanstvo i kazakhi (XVII–XVIII vv.) [Dzungar Khanate and Kazakhs (XVII–XVIII centuries)]. Alma-Ata: Gylym, 238 p. [in Russian]
- Mustafina, 1992** – *Mustafina, R.M.* (1992). Predstavleniya, kulty, obryady u kazakhov [Performances, cults, rituals among the Kazakhs. Alma-Ata]. Alma-Ata: Kazak universiteti. 176 p. [in Russian]
- Pamyatniki..., 1885** – Pamyatniki Sibirskoi istorii XVIII veka. Кн. 2: 1713-1724 [Monuments of Siberian history of the 18th century. Book. 2: 1713-1724]. SPb.: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del, 1885. XXIV+541 p. [in Russian]

Pochekaev, 2019 – *Pochekaev, R.Yu.* (2019). Mnymi syuzerenitet: moskovskie tsari i kazakhskie khany (po russkoyazychnym posolskim dokumentam kontsa XVI – nachala XVIII vv.) [Imaginary suzerainty: Moscow tsars and Kazakh khans (according to Russian-language ambassadorial documents of the late XVI – early XVIII centuries)]. *Istoriya*. T. 10. Vypusk 1 (75). [Electronic resource]. URL: <https://history.jes.su/s207987840002567-2-1/>. DOI 10.18254/S0002567-2-1 [in Russian]

Pod styagom..., 1992 – Pod styagom Rossii: Sbornik arkhivnykh dokumentov [Under the Banner of Russia: Collection of Archival Documents]. M.: Russkaya kniga, 1992. 432 p. [in Russian]

RGADA – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian state archive of ancient acts]. [in Russian]

Russkie letopisi, 2005 – Russkie letopisi i ofitsialnye materialy XVI – pervoi poloviny XVIII vv. o narodakh Kazakhstana [Russian chronicles and official materials of the 16th – first half of the 18th centuries. about the peoples of Kazakhstan]. T. 2. Almaty: Daik Press, 2005. 448 p. [in Russian]

Slovar..., 2000 – Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries]. Vyp. 24. M.: Nauka, 2000. 254 p. [in Russian]

Vasil'ev, 2020 – *Vasil'ev, D.V.* (2020). Rozhdenie imperii. Yugo-vostok Rossii: XVIII – pervaya polovina XIX v. [The birth of an Empire. South-East of Russia: XVIII – first half of the XIX century]. SPb: Dmitriy Bulanin. 608 p. [in Russian]

Zhappasov, 2011 – *Zhappasov, Zh.E.* (2011). XVI–XVIII ff. kazak-orys qarym-qatynastarynyñ tarikhy [XVI–XVIII centuries. history of Kazakh-Russian relations]. Almaty: Kazakh University, 147 p. [in Kazakh]

Zlatkin, 1983 – *Zlatkin, I.Ya.* (1983). Istoriya Dzhungarskogo khanstva 1635-1758 gg. [History of the Dzungar Khanate 1635–1758]. M.: Nauka, 333 p. [in Russian]

Казахско-русские посольские связи в предимперский период: основные проблемы двусторонних отношений в начале XVIII века

Николай Сергеевич Лапин ^{a, *}

^a Институт истории государства, Казахстан

Аннотация. В статье на основе документов РГАДА и опубликованных письменных источников показана динамика посольских связей Казахского ханства и Русского государства в начале XVIII века. Автором систематизированы все известные посольские контакты между двумя сторонами и показаны новые, неизвестные ранее в историографии.

Выявлены основные проблемы двусторонних отношений, поднимаемые в ходе посольских контактов: вопросы военного сотрудничества в борьбе с джунгарами, проблемы безопасности казахско-русского пограничья, пресечение взаимных нападений и установление торговых отношений.

Регулярность поднимаемых в дипломатической переписке и в ходе взаимных посольств вопросов свидетельствует о том, что многие проблемы оставались нерешенными. При этом формально обе стороны были настроены на преодоление возникавших проблем.

Материалы показали, что в начале XVIII века функционировало сразу несколько центров взаимоотношений России с казахами – это Казань, Уфа и Тобольск. При этом большей активностью в налаживании контактов с казахами проявила сибирская администрация в период губернатора князя М.П. Гагарина.

Особенностью данного этапа во взаимоотношениях казахов и России стала сложная внешнеполитическая обстановка в южной Сибири и Центральной Азии, связанная с активной политикой Джунгарского государства, отстаивавшего свои интересы в регионе. Также этап характеризуется оживлением интереса России к региону в середине второго десятилетия XVIII века.

Интенсивность посольских связей во втором десятилетии XVIII века после перерыва позволяет выделить это время в отдельный этап в истории дипломатических отношений казахских правителей и Русского государства. В статье уточнена продолжительность нового этапа, датировка ряда посольств и содержание переговоров.

Ключевые слова: РГАДА, Русское государство, Казахское ханство, посольства, начало XVIII века, Тобольск, Казань.

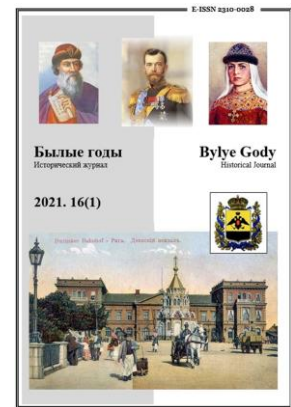
* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: lapin.79@mail.ru (Н.С. Лапин)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 56-63.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.56
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Representatives of the Unprivileged Social Groups of the Former Hetmanate on Public Service of the Russian Empire (on the example of the Peasant-Cossack Kunits Family)

Sergey I. Degtyarev ^{a, b, *}, Mykola S. Nazarov ^a, Lyubov G. Polyakova ^{b, c, d}, Jasmin Gut ^e

^a Sumy State University, Sumy, Ukraine

^b Cherkas Global University (International Network Center for Fundamental and Applied Research), Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^d East European History Society, Russian Federation

^e University of Geneva, Geneva, Switzerland

Abstract

Based on archival materials and other documentary sources, the authors studied the history of the little-known Ukrainian peasant-cossack Kunits family, who lived on the territory of the Konotop Cossack Hundred of the Hetmanate (eventually – Konotopsky uyezd of Chernihiv province). It was found out that the representatives of this family were peasants at the beginning of the XVIII century, but over time, probably, they were able to pass into the cossack state.

After the final incorporation of the Hetmanate into the empire, the Russian government made active attempts to reformat the social structure of the population of Ukraine on the Russian model. A large stratum of Cossacks was dissolved in almost all social groups. But many of its representatives were given the opportunity to serve in state institutions in lower positions. A large number of cossacks took advantage of this. This gave them the opportunity to occupy a relatively comfortable niche in the social structure of the Russian Empire. The representatives of the Kunits family clearly illustrate this.

According to the authors, the reconstruction of biographies of ordinary representatives of society, including small officials, makes it possible to more objectively assess certain historical phenomena and processes. In this case, some aspects of the development of the bureaucratic apparatus in the Ukrainian lands within the Russian Empire at the end of the XVIII – first half of the XIX centuries are clarified.

Keywords: district (uyezd, povit) court, Hetmanate, Russian Empire, Cossacks, official, XVIII – XIX centuries.

1. Введение

В течение XVIII–XIX веков численность государственных служащих в Российской империи постоянно росла. В значительной степени на это повлияли проводимые здесь административные реформы, а также расширение границ империи. Фактически в XVIII – первой половине XIX веков в общественной структуре Российской империи происходило формирование новой социальной группы – чиновничества. К концу XVIII века в общественном и правительственном сознании чиновники еще не воспринимались как отдельная такая группа, но при этом предпринимались попытки не допустить попадания в эту корпорацию представителей непривилегированных слоев населения (хотя де-юре доступ туда был открыт для всех). Именно чиновникам государство делегировало те или иные властные полномочия. Представители общественных и политических элит считали, что только они вправе пользоваться такой привилегией.

* Corresponding author

E-mail addresses: starsergo2014@gmail.com (S.I. Degtyarev)

Но к этому времени бюрократический аппарат империи активно начал разрастаться и заполнить все вакансии (особенно низшие должности) исключительно представителями привилегированных классов стало невозможно. Ситуация также усложнилась после того, как в 1762 году дворянство Российской империи было освобождено от обязательной государственной службы, и многие из них предпочли воспользоваться этим, особенно в нижних чинах, и оставаться в своих имениях. Кроме того, если перед дворянином стоял выбор между гражданской и военной службой, то предпочтение чаще отдавалось военной как более престижной.

На украинских землях, инкорпорированных в состав Российской империи, ситуация несколько отличалась. Государство остро нуждалось в кадрах для гражданской службы. И представители различных групп украинского населения могли удовлетворить этот «кадровый голод». К тому же они в целом имели сравнительно высокий образовательный уровень и сами желали попасть на государственную службу.

Здесь многочисленные представители украинской шляхты (особенно мелкой) или лица, которые пытались доказать свое шляхетское происхождение, более благосклонно относились к гражданской службе (Дегтярьов, 2014: 61). А это позволяло правительству предпринять попытку придать бюрократическому аппарату хотя бы видимость дворянского характера.

На землях бывшей Гетманщины также распространены были случаи, когда зажиточные казаки или представители других свободных податных состояний специально обучали своих детей грамоте (обычно в сельских школах), а затем пристраивали их на низшие канцелярские должности в судебных и других учреждениях. Там у них появлялась возможность без особых усилий выслужить чины коллежского регистратора (XIV класс по Табели о рангах), а иногда даже губернского секретаря (XII класс по Табели о рангах) (Лазаревский, 2004: 70-71).

Именно для представителей таких категорий населения возможность попасть на государственную службу была чрезвычайно важна: она позволяла им занять относительно комфортную нишу в общественной структуре Российской империи. Принадлежность к чиновничьей среде давала возможность избежать ряда тяжелых повинностей, например рекрутской. Со временем некоторым мелким служащим даже удавалось выслужить личное или потомственное дворянство (на это могли уйти десятилетия).

В данной статье мы рассмотрим историю одного из таких украинских родов бывшей Гетманщины, представители которого, не будучи богатыми людьми, смогли реализовать себя на имперской гражданской государственной службе в начале XIX века. Их предки-крестьяне, вероятно, сумели перейти в казачье состояние, что со временем открыло их потомкам возможность реализовать себя на государственной службе Российской империи после окончательной утраты Гетманщиной автономии.

2. Материалы и методы

В основу данной статьи легли документальные источники. Прежде всего, это материалы Государственного архива Сумской области (Украина); опись пожалованных в 1760 году императрицей Елизаветой Петровной гетману К.Г. Разумовскому городов Батурин и Почеп «с их уездами», хранящаяся в Конотопском краеведческом музее им. А.М. Лазаревского (Сумская область, Украина) (ГАСО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 573; ККМЛ, № ПП-1-72). Использован также опубликованный источник «Реестр Конотопской сотни за 1717 год» (Мицик, Тарасенко, 2020). Именно эти материалы позволили реконструировать историю украинского крестьянско-казацкого рода Куниц, представители которого с конца XVIII – начала XIX веков предпринимали попытки сделать карьеру в государственных учреждениях Российской империи низших инстанций.

При написании статьи нами использовались принципы историзма, объективности и исторического антропологизма. Принцип историзма позволил учесть особенности изучаемого периода, дал понимание причин тех или иных событий. В частности, на возможность в конце XVIII – начале XIX веков попасть на имперскую государственную службу представителям непривилегированных слоев украинского населения повлиял ряд факторов: ликвидация остатков автономии Гетманщины и ее инкорпорация в общественно-политический простор Российской империи, а также резкое расширение бюрократического аппарата, связанное с административными реформами, инициированными императрицей Екатериной II и ее сторонниками.

Принцип объективности дал возможность надлежащим образом использовать реальные факты и анализировать происходившие события. Принцип исторического антропологизма позволил сосредоточить внимание на гуманистической сути исследования, так как центральным ориентиром статьи являются определенные люди как носители конкретных ценностей. В работе активно использовались системный, сравнительный и ретроспективный методы, а также метод биографистики.

3. Обсуждение

Проблема эволюции бюрократического аппарата в Российской империи, включая национальные регионы, которые вошли в ее состав в XVIII–XIX веках, многократно становилась

предметом научного интереса. Подавляющее большинство исследований, посвященных бюрократии, имеет исторический, историко-правовой или философский характер. Большой массив работ затрагивает вопросы, связанные непосредственно с чиновничеством как элементом бюрократического механизма Российской империи.

Чиновничество как отдельное тематическое направление, которому посвящена большая историография, является многогранным. В отдельных исследованиях предпринимаются попытки даже систематизировать научные результаты по этой теме (Lebid et al., 2019; Lebid et al., 2020a; Lebid et al., 2020b). При этом, по нашему мнению, пока еще недостаточно работ, в которых ученые основное внимание уделяют национальной или региональной специфике чиновничества (особенно мелкого), а также особенностям формирования провинциального чиновничества по социальному признаку в различных национальных регионах.

Отдельные исследователи признают важность акцентирования внимания на указанных аспектах, поверхностно затрагивая эти вопросы в более обобщающих трудах. Так, известный ученый З. Когут в своих работах детально изучил условия, в которых оказались различные социальные группы украинского населения в результате инкорпорации Гетманщины в состав империи. Многие из них оказались перед опасностью попасть в низшие категории населения Российской империи (казаки, представители духовенства, мелкой шляхты и казацкой старшины, за которыми правительство не всегда признавало право на дворянство), поэтому они пытались обезопасить себя путем вступления на государственную службу (Когут, 1996; Когут, 2004).

В контексте изучения разных аспектов истории бюрократии вопросам социального происхождения чиновников, служащих в различных регионах Российской империи, также уделялось внимание И. Мельниковой (о чиновниках верхневолжских губерний) (Мельникова, 2010), А. Киселевым (о чиновниках белорусских губерний) (Киселев, 2007), В. Шандрой, С. Дегтяревым (об украинских чиновниках) (Дегтярьев, 2014; Шандра, 2009), Т. Карчаевой (о чиновниках Енисейской губернии и Сибири в целом) (Карчаева, 2020; Karchaeva et al., 2017; Karchaeva et al., 2019) и многими другими учеными. Изучая епархиальные коллегиальные структуры управления на украинских землях XVIII века, О. Прокоп'юк уделила внимание такому вопросу, как социопрофессиональный портрет персонала этих органов (Прокоп'юк, 2008: 93-152).

Некоторые исследователи подошли к изучению национальной и социальной специфики чиновничества в различных регионах Российской империи более предметно. Особенности формирования и службы чиновников-казачков проанализировала Г. Султангалиева (Султангалиева, 2009; Султангалиева, 2015). И. Габдуллин изучил ряд отличительных черт интеграции татарских элит в социальную и бюрократическую системы Российской империи (Габдуллин, 2006). Социальный портрет мелких (канцелярских) служащих Киевского наместничества конца XVIII века рассматривается в работах В. Володько (Володько, 2005). Т. Фролова социокультурному облику сибирского чиновничества посвятила целое диссертационное исследование (Фролова, 2006). Нами также уделялось внимание этим вопросам: предметом изучения становились чиновники Северо-Восточной Украины (территории бывших Слободской Украины и Гетманщины, к концу XVIII века окончательно инкорпорированные в состав Российской империи) (Degtyarev, 2013). В частности, мы обращали внимание на попытки представителей непривилегированных слоев населения северо-восточных украинских регионов реализоваться на государственной службе в Кавказском и других регионах в начале XIX века, где такие служащие пользовались дополнительными льготами и могли сделать более успешную и быструю карьеру (Degtyarev, 2016; Degtyarev et al., 2018).

Отдельное внимание именно выходцам из низших слоев казачества Слободской Украины, пытавшимся попасть на имперскую государственную службу, в своей монографии уделил В. Склюкин (Склюкін, 2019: 140-148). Ученый пришел к выводу, что выходцы из рядового казачества и войсковых обывателей, которые сумели попасть на государственную службу, имели возможность не только избежать ряда повинностей (в частности быть исключенным из подушного оклада), но и выслужить право на дворянство.

Таким образом, изучение национальной или региональной специфики рядового чиновничества, а также его социальных характеристик, по нашему мнению, является перспективным направлением научных исследований. Это поможет более объективно подойти к пониманию особенностей бюрократического аппарата Российской империи. Безусловно, важной составляющей подобных исследований является реконструкция истории конкретных чиновнических династий, биографий малоизвестных представителей низового звена бюрократии.

4. Результаты

В мае 1836 года молодой чиновник Конотопского уездного суда Трофим Васильевич Куница решил сменить место службы. Это была довольно распространенная практика среди многих гражданских служащих Российской империи в XIX веке, а особенно среди тех, кто занимал низшие должности в государственных учреждениях. В подавляющем большинстве случаев это делалось с целью продолжения карьеры в более престижном месте, с возможностью дальнейшего карьерного роста.

Из Конотопского уездного суда Т. Кунице были выданы свидетельство, где было зафиксировано желание 19-летнего канцеляриста сменить место службы, и формулярный (послужной) список. Это был стандартный набор документов, которые выдавались чиновнику при его увольнении или переходе в другое учреждение в конце XVIII – XIX веков. Подобные материалы являются ценным источником для изучения не только истории чиновничества в целом, но и малоизвестных или совсем неизвестных страниц биографий представителей бюрократического аппарата, в частности на украинских землях, которые в это время входили в состав Российской империи. Многие чиновники с левобережных украинских территорий были потомками старинных местных родов, о большинстве из которых сведений практически не сохранились.

Анализ свидетельства и формулярного списка Т. Куницы позволяет предположить, что он происходил из рода оказаченных крестьян Гетманщины. Фамилия Куница была нами обнаружена лишь в материалах, связанных с селом Подлипное на Конотопщине. Так, в реестре Конотопской сотни по состоянию на 1717 год в этом селе упоминаются посполитые Ничипор Куница и Касьян Куниченко ([Мицик, Тарасенко, 2020: 10](#)) (тут выдвинем еще одно предположение о том, что, имея такие созвучные фамилии и проживая в одном селе, эти люди, вероятно, были родственниками).

В другом документе – описи села Подлипное за 1760 год – находим также упоминание о Касияне Кунице (это мог быть упомянутый выше Касьян Куниченко, но уже в значительно более пожилом возрасте, или же его или Ничипора Куницы потомок). К сожалению, в этом документе его социальный статус не указывается, но перечисляется некоторая собственность, которая ему принадлежала, – «место пустое», а также «к оному месту принадлежащее пахотное поле шесть [дней] отобрано от козаков Павла Нероды и Василя Парпуры» ([ККМЛ, № ПП-1-72: 105; Degtyarev, 2015: 127](#)). Возможно, к этому времени Касиян Куница уже и сам был казаком.

Если указанные Куницы (или кто-то один из них) являются предками конотопского чиновника Т. Куницы, то можем предложить следующий вариант реконструкции социальной эволюции семьи Куниц, начиная с начала XVIII века.

1. В начале XVIII века Куницы были посполитыми крестьянами, лично свободными, имели в собственности определенные земельные наделы. Как представители этой категории населения они имели право перехода в казачество.

2. Позднее, но до 1760 года или максимум до 1763 года, возможно, они сумели перейти в казачество. Поскольку именно в 1760 году гетман Кирилл Разумовский издал универсал (указ), которым посполитым в частности запрещалось переходить в казачье состояние, но российским царским правительством этот документ был подтвержден только в конце 1763 года.

3. После окончательной ликвидации автономии Гетманщины и инкорпорации ее земель и населения в территориальную и общественную структуру Российской империи начался процесс растворения рядового казачества в непривилегированных общественных группах (крестьянства, мещанства). Попасть из этих классов в ряды элиты было уже фактически невозможно (хотя такие случаи и имели место). Но значительная часть казаков в последней четверти XVIII века имела опыт службы в различных учреждениях (канцеляриях, судах, магистратах, ратушах) или с детства готовилась к такой службе, поскольку она в свое время давала им возможность сделать карьеру, выслужить казачьи старшинские чины, которые предоставляли их обладателям высокий общественный статус. Этот факт в значительной степени повлиял на разрешение царским правительством выходцам из казаков занимать низшие (канцелярские) должности во многих государственных учреждениях.

Возможность реализовать себя на имперской государственной службе в конце XVIII – в первой половине XIX веков часто использовалась выходцами из непривилегированных слоев населения как попытка попасть в элитарные классы. Для этого нужно было выслужить соответствующие чины по Табели о рангах и отдать службе многие годы, а иногда и десятилетия. Но в 1830–1840-е годы на украинских землях, инкорпорированных в состав империи, это удалось сделать достаточно многим представителям непривилегированных классов (потомкам рядовых казаков, мещанам и даже некоторым крестьянам) или тем, чей статус долгое время в Российской империи оставался не до конца определенным (например, те потомки мелкой казацкой старшины, за которыми не признавались права российского дворянства) ([Дегтярьов, 2014: 50-101](#)).

По нашему мнению, вышеуказанное свидетельство, выданное Т.В. Кунице, и его формулярный список определенным образом иллюстрируют пример подобной попытки представителя малоизвестного крестьянско-казацкого украинского рода реализоваться через чиновническую службу и попасть в элитарную чиновническо-дворянскую корпорацию.

Из самого свидетельства становятся известны следующие факты из биографии Трофима Куницы: в Конотопском уездном суде он служил недолго – с января 1835 до 5 мая 1836 гг. (именно этим временем датирован документ). После этого канцелярист изъявил желание продолжить службу в другом учреждении, но, в каком именно, в свидетельстве не указано. Т. Куница характеризовался как добросовестный служащий, который «поручаемые ему дела отписывал с должным радением и прилежностью без упущения, в штрафах, пороках и под судом не был» ([ГАСО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 573: 5-50б.](#)).

Упоминается в свидетельстве и отец Т. Куницы – Василий, который тоже был мелким чиновником и имел чин коллежского регистратора (низший чин по Табели о рангах, относившийся к XIV классу).

Немного больше данных о Т. Кунице содержится в его формулярном списке. Кроме фактов, отмеченных в свидетельстве уездного суда, здесь указан возраст Трофима – 19 лет. Таким образом, можно считать, что он родился в промежутке времени между второй половиной 1816 года и первой половиной 1817 года. Вероисповедания он был православного (в документе оно обозначено как греко-русское).

На момент составления формулярного списка Трофим Куница еще был не женат и детей не имел. Что касается его имущественного положения, то непосредственно в его собственности никакого недвижимого имущества не было. Он жил с родителями, которые, похоже, на тот момент оба были еще живы. Им в городе Конотоп принадлежал небольшой участок незаселенной земли площадью две десятины и деревянный дом (ГАСО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 573: 6-7).

Скорее всего, Куницы состоянием в 1836 году еще не имели дворянского статуса. В разделе формулярного списка о происхождении чиновника («Из какого звания происходит») о Т. Кунице написано, что он «сын коллежского регистратора». Если бы отец Трофима был дворянином, то в формуляре стояла бы отметка «из дворян», поскольку такой статус был значительно престижнее в общественном сознании того времени, чем мелкий чин XIV класса.

5. Заключение

В целом род Куниц является одним из многих подобных на украинских землях в составе Российской империи, чьи представители, будучи выходцами из непривилегированных социальных групп, в конце XVIII – первой половине XIX веков сумели попасть на государственную службу и сделать карьеру. Одним из основных факторов, который дал такую возможность, безусловно, была принадлежность этих людей к казачеству. Ограничение правительством права крестьян, мещан, купцов, духовенства на государственную службу не распространялось на казаков. До 1760-х годов стать казаком было относительно легко. Таким образом многие украинцы, проживающие на территории бывшей Гетманщины и относящиеся к низшим слоям населения, перейдя в казачество, смогли со временем попасть на государственную службу и стать частью бюрократического аппарата Российской империи.

Реконструировав социальную эволюцию малоизвестного рода Куниц, мы получили возможность прояснить некоторые аспекты развития бюрократического аппарата на украинских землях в составе Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX веков.

6. Благодарности

Авторы выражают благодарность за помощь, предоставленную во время работы над публикацией, сотруднику Института украинской историографии и источниковедения им. М.С. Грушевского НАН Украины Инне Юрьевне Тарасенко и главе Сумской областной организации Национального союза краеведов Украины Олегу Николаевичу Корниенко.

Литература

Володько, 2005 – Володько В.В. Канцелярські службовці Київського намісництва середини 80-х рр. XVIII ст.: правове становище, чисельність, соціальний склад // *Наукові записки: Збірник наукових статей Національного педагогічного університету імені М.П. Драгоманова*. 2005. Випуск LIX. С. 172-181.

Габдуллин, 2006 – Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству. М., 2006. 320 с.

Дегтярьов, 2014 – Дегтярьов С.І. Цивільне чиновництво України у кінці XVIII – першій половині XIX ст.: монографія. Суми: ТОВ «Друкарський дім «Папірус», 2014. 472 с.

ГАСО – Государственный архив Сумской области.

Карчаева, 2020 – Карчаева Т.Г. О чиновниках Оренбуржья, служивших в Енисейской губернии в 1822–1917 гг. / *Десятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен*. Сборник статей Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Научный редактор С.В. Любичанковский. 2020. С. 51-53.

Киселев, 2007 – Киселев А.А. Система управления и чиновничество белорусских губерний в конце XVIII – первой половине XIX в. Минск: УО «Военная академия Республики Беларусь». 2007. 171 с.

ККМЛ – Конотопский краеведческий музей им. А.М. Лазаревского.

Когут, 1996 – Когут З. Російський централізм і українська автономія. Ліквідація Гетьманщини, 1760-1830. Київ: Основи, 1996. 317 с.

Когут, 2004 – Когут З. Українська еліта у XVIII столітті та її інтеграція в російське дворянство // *Коріння ідентичности*. Студії з ранньомодерної та модерної історії України. Київ: Критика, 2004. С. 46-79.

Лазаревский, 2004 – Лазаревский М.И. Памяти мои // *Спогади Матвія та Олександра Лазаревських*. Київ-Самара, 2004. С. 43-92.

- Мельникова, 2010 – Мельникова И.Г. Чиновничество верхневолжских губерний в первой четверти XIX века: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Ярославль, 2010.
- Мицик, Тарасенко, 2020 – Мицик Ю.А., Тарасенко І.Ю. Реєстр Конотопської сотні 1717 р. Київ: ПП «ПФ «Фолиант», 2020. 40 с.
- Прокоп'юк, 2008 – Прокоп'юк О.Б. Духовна консисторія в системі єпархіального управління (1721–1786 рр.). Київ: Фенікс, 2008. 296 с.
- Склокін, 2019 – Склокін В. Російська імперія і Слобідська Україна у другій половині XVIII ст.: просвічений абсолютизм, імперська інтеграція, локальне суспільство. Львів: Видавництво УКУ, 2019. 268 с.
- Султангалиева, 2009 – Султангалиева Г.С. Казахское чиновничество Оренбургского ведомства: формирование и направление деятельности (XIX) // *Acta Slavica Iaponica*. 2009. Т. 27. Рр. 77-101.
- Султангалиева, 2015 – Султангалиева Г.С. Казахские чиновники Российской империи XIX в.: особенности восприятия власти // *Cahiers du monde russe*. 2015. Vol. 56. № 4. Рр. 651-679.
- Фролова, 2006 – Фролова Т.А. Социокультурный облик чиновничества Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Омск, 2006. 185 с.
- Шандра, 2009 – Шандра В.С. Державна служба в українських губерніях Російської імперії // *Історія державної служби в Україні*. У 5 т. К.: Ніка-Центр, 2009. Т. 1. С. 279-318.
- Degtyarev, 2013 – Degtyarev S.I. The Problem of the Social Background of Government Officials within the Policies of the Romanovs (18th Century – First Half of the 19th Century) // *Bylye Gody*. 2013. 30(4). Рр. 28-35.
- Degtyarev, 2015 – Degtyarev S.I. Materials for the history of the human settlements of «Baturyn county»: hamlet (selo) Podlipnoe // *Gardarika*. 2015. Vol. 5. Is. 4. Рр. 121-132.
- Degtyarev, 2016 – Degtyarev S.I. Government officials from the north-eastern Ukrainian lands in the North Caucasus in the early XIX century // *Bylye Gody*. 2016. 39(1). Рр. 45-52.
- Degtyarev et al., 2018 – Degtyarev S.I., Zavorodnia V.M., Polyakova L.G. The Contribution of Nikolai Vasilievich Varadinov to the Development of Russian Civil Law and Historical and Legal Research // *Bylye Gody*. 2018. 50(4). Рр. 1530-1537.
- Karchaeva et al., 2017 – Karchaeva T.G., Gergilev D.N., Severyanov M.D. Who Were the Clerks in Siberia? Professional Characteristics of Russian Empire Local Governmental Officials from the 19th to the early 20ies Century // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 43. Is. 1. Рр. 86-93.
- Karchaeva et al., 2019 – Karchaeva T.G., Gergilev D.N., Luschaeva G.M. Hereditary Bureaucracy in East Siberian Government from XIX to the early XX century: Statistical Analysis on the Materials of the Yenisei Province // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51. Is. 1. Рр. 188-197.
- Lebid et al., 2019 – Lebid A., Shevchenko N., Chuikov O., Svechnikov V. The Officialdom of the Russian Empire: A Modern Historiography of the Issue. Part I // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 54. Is. 4. Рр. 1490-1505.
- Lebid et al., 2020a – Lebid A., Shevchenko N., Chuikov O., Svechnikov V. The Officialdom of the Russian Empire: A Modern Historiography of the Issue. Part II // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 55. Is. 1. Рр. 115-129.
- Lebid et al., 2020b – Lebid A., Shevchenko N., Volkov A., Ponomareva M. The Officialdom of the Russian Empire: A Modern Ukrainian Historiography // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 56. Is. 2. Рр. 495-507.

References

- Degtyarev, 2013 – Degtyarev, S.I. (2013). The Problem of the Social Background of Government Officials within the Policies of the Romanovs (18th Century – First Half of the 19th Century). *Bylye Gody*. 30(4): 28-35.
- Degtyarev, 2014 – Dehtiarov, S.I. (2014). Tsyvilne chynovnytstvo Ukrainy u kintsi XVIII – pershii polovyni XIX st.: monohrafiia [Civil officialdom in Ukraine at the end of the 18th –the beginning of the 19th centuries: monograph]. Sumy: TOV «Drukarskyi dim «Papyrus». 472 p. [in Ukrainian]
- Degtyarev, 2015 – Degtyarev, S.I. (2015). Materials for the history of the human settlements of «Baturyn county»: hamlet (selo) Podlipnoe. *Gardarika*. Vol. 5. Is. 4. Рр. 121-132.
- Degtyarev, 2016 – Degtyarev, S.I. (2016). Government officials from the north-eastern Ukrainian lands in the North Caucasus in the early XIX century. *Bylye Gody*. 39(1). Рр. 45-52.
- Degtyarev et al., 2018 – Degtyarev S.I., Zavorodnia V.M., Polyakova L.G. The Contribution of Nikolai Vasilievich Varadinov to the Development of Russian Civil Law and Historical and Legal Research. *Bylye Gody*. 50(4): 1530-1537.
- Frolova, 2006 – Frolova, T.A. (2006). Sotsiokulturnyy oblik chinovnichestva Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv. [The sociocultural image of the bureaucracy of Western Siberia in the late XIX – early XX centuries.]: diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Омск. 185 p. [in Russian]
- Gabdullin, 2006 – Gabdullin, I.R. (2006). Ot sluzhilykh tatar k tatarskomu dvoryanstvu [From serving Tatars to the Tatar nobility]. М., 320 p. [in Russian]
- GASO – Gosudarstvennyiy arhiv Sumskoy oblasti [State archive of Sumy Region].
- Karchaeva et al., 2017 – Karchaeva, T.G., Gergilev, D.N., Severyanov, M.D. (2017). Who Were the Clerks in Siberia? Professional Characteristics of Russian Empire Local Governmental Officials from the 19th to the early 20ies Century. *Bylye Gody*. 43(1): 86-93.

Karchaeva et al., 2019 – *Karchaeva, T.G., Gergilev, D.N., Luschaeva, G.M.* (2019). Hereditary Bureaucracy in East Siberian Government from XIX to the early XX century: Statistical Analysis on the Materials of the Yenisei Province. *Bylye Gody*. 51(1): 188-197.

Karchaeva, 2020 – *Karchaeva, T.G.* (2020). O chinovnikah Orenburzhya, sluzhivshih v Eniseyskoy gubernii v 1822-1917 gg. [On the officials of the Orenburg region who served in the Yenisei province in 1822-1917]. *Desyatye Bolshakovskie chteniya. Orenburgskiy kray kak istoriko-kulturnyy fenomen*. Sbornik statey mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. V 2-h tomah. Nauchniy redaktor S.V. Lyubichankovskiy. Pp. 51-53. [in Russian]

Kiselev, 2007 – *Kiselev, A.A.* (2007). Sistema upravleniya i chinovnichestvo belorusskikh guberniy v kontse XVIII – pervoy polovine XIX v. [The management system and bureaucracy of the Belarusian provinces in the late XVIII – first half of the XIX century.]. Minsk: UO «Voennaya akademiya Respubliki Belarus'». 171 p. [in Russian]

KKML – Konotopskiy kraevedcheskiy muzey im. A.M. Lazarevskogo [Konotop Museum of Local Lore A.M. Lazarevsky].

Kohut, 1996 – *Kohut, Z.* (1996). Rosiiskiy tsentralizm i ukrainska avtonomiia. Likvidatsiia Hetmanshchyny, 1760-1830 [Russian centralism and Ukrainian autonomy. Liquidation of the Hetmanate, 1760-1830]. Kyiv: Osnovy, 317 p. [in Ukrainian]

Kohut, 2004 – *Kohut, Z.* (2004). Ukrainska elita u XVIII stolitti ta yii intehratsiia v rosiiske dvorianstvo [The Ukrainian elite in the XVIII century and its integration into the Russian nobility]. *Korinnia identychnosti. Studii z rannomodernoï ta modernoi istorii Ukrainy*. Kyiv: Krytyka. Pp. 46-79. [in Ukrainian]

Lazarevskiy, 2004 – *Lazarevskiy, M.Y.* (2004). Pamiaty moy [In my memory]. *Spohady Matviia ta Oleksandra Lazarevskiykh*. Kyiv-Samara. Pp. 43-92. [in Russian]

Lebid et al., 2019 – *Lebid, A., Shevchenko, N., Chuikov, O., Svechnikov, V.* (2019). The Officialdom of the Russian Empire: A Modern Historiography of the Issue. Part I. *Bylye Gody*. 54(4): 1490-1505.

Lebid et al., 2020a – *Lebid, A., Shevchenko, N., Chuikov, O., Svechnikov, V.* (2020). The Officialdom of the Russian Empire: A Modern Historiography of the Issue. Part II. *Bylye Gody*. 55(1): 115-129.

Lebid et al., 2020b – *Lebid, A., Shevchenko, N., Volkov, A., Ponomareva, M.* (2020). The Officialdom of the Russian Empire: A Modern Ukrainian Historiography. *Bylye Gody*. 56(2): 495-507.

Mel'nikova, 2010 – *Mel'nikova, I.G.* (2010). Chinovnichestvo verkhnevolzhskikh guberniy v pervoy chetverti XIX veka [The officialdom of the Upper Volga provinces in the first quarter of the XIX century]: diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Yaroslavl'. [in Russian]

Mytsyk, Tarasenko, 2020 – *Mytsyk, Yu.A., Tarasenko, I.Iu.* (2020). Reiestr Konotopskoi sotni 1717 r. [Register of the Konotop Hundred 1717]. Kyiv: PP «PF «Folyant», 40 p. [in Ukrainian]

Prokopiuk, 2008 – *Prokopiuk, O.B.* (2008). Dukhovna konsystoriia v systemi yeparkhialnoho upravlinnia (1721–1786 rr.) [Religious consistory in the system of eparchial administration (1721–1786)]. Kyiv: Feniks, 296 p. [in Ukrainian]

Shandra, 2009 – *Shandra, V.S.* (2009). Derzhavna sluzhba v ukrainskykh huberniiakh Rosiiskoi imperii [Public service in the Ukrainian provinces of the Russian Empire]. *Istoriia derzhavnoi sluzhby v Ukraini*. U 5 t. K.: Nika-Tsentr. T. 1. Pp. 279-318. [in Ukrainian]

Sklokin, 2019 – *Sklokin, V.* (2019). Rosiiska imperiia i Slobidska Ukraina u druhii polovyni XVIII st.: prosvichenyi absoliutyzm, imperska intehratsiia, lokalne suspilstvo [Russian Empire and Sloboda Ukraine in the second half of the XVIII century: enlightened absolutism, imperial integration, local society]. Lviv: Vydavnytstvo UKU. 268 p. [in Ukrainian]

Sultangalieva, 2009 – *Sultangalieva, G.S.* (2009). Kazakhskoe chinovnichestvo Orenburgskogo vedomstva: formirovanie i napravlenie deyatel'nosti (XIX) [Kazakh bureaucracy of the Orenburg department: formation and direction of activity (19th century)]. *Acta Slavica Iaponica*. 27: 77-101. [in Russian]

Sultangalieva, 2015 – *Sultangalieva, G.S.* (2015). Kazakhskie chinovniki Rossiyskoy imperii XIX v.: Osobennosti vospriyatiya vlasti [Kazakh civil servants in nineteenth-century Imperial Russia: Specific aspects of the perception of power]. *Cahiers du monde russe*. 56(4): 651-679. [in Russian]

Volodko, 2005 – *Volodko, V.V.* (2005). Kantseliarski sluzhbovtsi Kyivskoho namisnytstva seredyny 80-kh rr. XVIII st.: pravove stanovyshche, chyselnist, sotsialnyi sklad. [Office clerks of the Kyiv governorate in the mid-80s XVIII c.: legal status, number, social structure]. *Naukovi zapysky: Zbirnyk naukovykh statei Natsionalnoho pedahohichnoho universytetu imeni M.P. Drahomanova*. Vypusk LIX. Pp. 172-181. [in Ukrainian]

**Представители непривилегированных социальных групп
бывшей Гетманщины на государственной службе Российской империи
(на примере крестьянско-казацкой семьи Куниц)**

Сергей Иванович Дегтярев ^{a, b, *}, Николай Сергеевич Назаров ^a, Любовь Георгиевна Полякова ^{b, c, d},
Ясмин Гут ^e

^a Сумский государственный университет, Украина

^b Черкас глобальный университет (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований), Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^d Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

^e Университет г. Женева, Женева, Швейцария

Аннотация. Опираясь на архивные материалы и другие документальные источники, авторы изучили историю малоизвестного украинского крестьянско-казацкого рода Куниц, проживавшего на территории Конотопской казацкой сотни Гетманщины (со временем – Конотопский уезд Черниговской губернии). Удалось выяснить, что представители этого рода в начале XVIII века были крестьянами, но со временем, вероятно, смогли перейти в казацье состояние.

После окончательной инкорпорации Гетманщины в состав империи российское правительство предпринимало активные попытки переформатировать социальную структуру населения Украины по российскому образцу. Многочисленная прослойка казаков была растворена практически во всех социальных группах. Но многим ее представителям была предоставлена возможность служить в государственных учреждениях на низших должностях. Большое количество казаков воспользовалось этим, что дало возможность занять относительно комфортную нишу в общественной структуре Российской империи. Представители рода Куниц иллюстрируют это.

По мнению авторов, реконструкция биографий рядовых представителей социума, в том числе мелких чиновников, дает возможность более объективно оценить те или иные исторические явления и процессы. В данном случае проясняются некоторые аспекты развития бюрократического аппарата на украинских землях в составе Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX веков.

Ключевые слова: уездный суд, Гетманщина, Российская империя, казачество, чиновник, XVIII–XIX века.

* Корреспондирующий автор

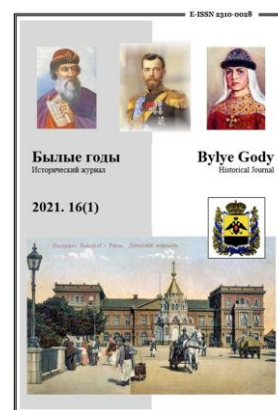
Адреса электронной почты: starsergo2014@gmail.com (С.И. Дегтярев)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 64-73.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.64
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Dynasties of Mining Engineers as a Subject of Historical Research

Vladimir G. Afanas'ev ^a, Andrey I. Leyberov ^{a,*}, Svetlana S. Gutman ^b

^a Saint-Petersburg Mining University, Russian Federation

^b Saint-Petersburg Polytechnic University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the analysis of the productive activities of the Soimonov Dynasty representatives, Mikhail Fedorovich and Petr Alexandrovich, and their contribution to the development of mining and mining education in Russia in the second half of the 18th century. The Soimonov cousins held important positions in the administration of Russia, at the court of Catherine II; they worked both in the capital and in the provinces, and held senior positions. Mikhail Fedorovich was the organizer and founder of the Mining School, and also its first director (1773–1776 and 1796–1801). Petr Alexandrovich also headed the Mining School (1784–1793) and contributed a great deal to its development and prosperity. It should be noted that the biography of M.F. Soimonov is covered in sufficient detail in the scientific literature, but there is no single detailed scientific publication about P.A. Soimonov. This article fills this gap in the historical record. The article uses original and largely unique archival materials (for example, journals from the personal cabinet of Catherine II), memoir sources and published scientific literature.

Keywords: mining, mining school, The Collegium of Mining, mine, pit, gems, mining plants, Siberia, Altai, Catherine II.

1. Introduction

The concept of dynasty is well established in historical literature. Usually, it is understood as a succession of monarchs from the same clan ruling a single country or empire. For example, in Russia, the Rurik and Romanov Dynasties are most often mentioned. During the Soviet period, considerable attention was paid to labor dynasties, particularly with regard to mastery of a trade and the transfer of professional skills and accumulated experience to affiliated individuals. While the timeframe of ruling or aristocratic dynasties could total as much as hundreds of years in some cases, the duration of the existence of labor dynasties, as a rule, was limited to several decades; this, however, does not preclude the importance of the contribution labor dynasties' representatives have made to the profession.

The latter consideration fully refers to the dynasties of mining engineers, although the very concept of a “mining engineer” only appeared in Russia on January 1, 1834 – much later than the beginning of the country's mining business, which originates from the well-known decree of Peter I of August 24, 1700 “On the establishment of the order of mining business”.

2. Materials and methods

This article, following the traditional direction of historical science and guided by the classical method of historicism, attempts to analyze the contribution of outstanding representatives of the famous noble family of the Soimonov Dynasty to the mining industry in Russia. It focuses on the activities of the cousins Mikhail Fedorovich (1730–1804) and Petr Alexandrovich (1737–1799). Other important members of the Soimonov Dynasty include Vladimir Yuryevich (1772–1825), who gained wide popularity due to his discovery of many deposits of gold and platinum, and Fedor Ivanovich (1692–1780), a famous hydrographer and

* Corresponding author

E-mail addresses: Leybmih@mail.ru (A.I. Leyberov)

geographer, who became the Governor of Siberia. Among the sources the authors drew upon was a large array of archival documents, including cases concerning the history of the Mining School and materials from the personal account of Catherine II from the collection of the Russian State Historical Archives. Information about the election of P.A. Soymonov as an honorary academician of the Russian Academy of Sciences were discovered in the archives of the Russian Academy of Sciences. Another important source was the Complete Collection of Laws of the Russian Empire, which contains imperial and senate decrees related to the issue under study.

3. Discussion

There were several stages in the formation of mining engineers' dynasties. This is reflected in the historical literature, which can be divided into two unequally sized parts. The first segment includes a wide range of publications, from articles and scientific reports to monographs about the lives and activities of certain mining specialists in Russia whose memory has become embedded in the history of the industry. The second segment includes a small number of published works, dating from the early 21st century, by the notable Russian historian E.M. Zablotsky, devoted to the problem of the dynasty of mining engineers (Zablotsky, 2003: 337-340; Zablotsky, 2004: 37-42; Zablotsky, 2014).

We would like to mention that, with the exception of brief reference articles, there is no single scientific publication or encyclopedic entries about P.A. Soimonov, even though the scale of his activities was very impressive. The same cannot be said of publications about the father and son, F.I. and M.F. Soimonov, about whom a number of monographic works have been written (Goldenberg, 1966; Goldenberg, 1973; Goldenberg, 1979; Tomilin-Brazol, 1991). The history of mining in Russia and its current state, as well as the teaching system at the Mining School (Institute) can be explored through the interesting publications of D.A. Shchukina and N.A. Egorenkova (Shchukina, Egorenkova, 2017: 376-384); V.V. Sharok (Sharok, 2018: 33-45); I.V. Voloshinova and A.B. Mokeev (Voloshinova, Mokeev, 2016: 5177-5182); I.V. Voloshinova, O.M. Lenkovets (Voloshinova et al., 2019: 477-482); S.N. Rudnik, I.V. Voloshinova, A.B. Mokeev, A.I. Leiberov (Rudnik et al., 2019: 1546-1553); O.I. Kazanin, K.A. Kolvak, M.L. Rudakov (Kazanin et al., 2018: 1333-1339); N.N. Sazonova and S.I. Sorokin (Sazonova, Sorokin, 2019: 744-747) and P. S. Tsvetkov, (Tsvetkov, 2017: 1-12). The modern state of geomechanics is discussed in a detailed article by V.L. Trushko and A.G. Protosenya (Trushko, Protosenya, 2019: 162-166).

4. Results

What unites Mikhail Fedorovich and Petr Alexandrovich Soimonov and provides a basis for analyzing their activities in the field of mining? First of all, the chronological framework of their life and activity, the peak of which was during the reign of Catherine II, when the mining industry in Russia entered a new, higher stage of development. It is noteworthy that, although they were contemporaries and close relatives, there is no single document discussing their protection of each other's interests, although this may well have contributed to the strengthening and development of their careers, given that everything that they achieved was the result of the application of the extensive knowledge and life experience the brothers accumulated.

The second factor is that a significant proportion of their activities are closely related to the history of the Mining School. As mentioned above, Mikhail Fedorovich was its first director, from 1773 to 1776, and also headed it from 1796 to 1801, while Petr Alexandrovich headed it from 1784 to 1793. It is noteworthy that under the directorship of Mikhail Fedorovich, the first students of the Mining School were the students of Moscow University, and Petr Alexandrovich himself was a graduate of this first Russian university.

The school was established as a result of an address given by the Perm miner Ismail Tasimov to the Collegium of Mining, in which he implored them to create a Mining School on the same terms as the cadet corps. On March 10, 1771, this proposal was approved, having been recognized as not only useful, but also necessary (Goldenberg, 1973: 44-45).

However, this proposal could not be implemented in a short time, primarily due to the death on June 29, 1771 of the President of the Collegium of Mining, Count A.E. Musin-Pushkin, who, nevertheless, managed to draw up a draft decree "On mining schools" before his death. Mikhail Fedorovich Soimonov was appointed the new president of this body by personal decree of Catherine II on August 27, 1771. Continuing the work started by his predecessors, he drew up a detailed plan for a specialized educational institution at the Collegium of Mining, which differed greatly from Musin-Pushkin's project for mining schools. One major difference was the new educational institution's structure, in terms of issues such as admissions, the number of cadets, backgrounds, clothing, exams and graduation. Mikhail Fedorovich's plan also included a new section: a list justifying the subjects studied, which were arithmetic, algebra, mineralogy, metallurgy, mechanics, hydraulics, physics, chemistry, and drawing.

When considering the history of the Mining School, it is worth paying attention to the fact that M.F. Soimonov began to prepare for the creation of an educational institution more than a year before Catherine II's decree. In July 1772, he commissioned a mechanic from the Mint, Kh.I. Leshenkol, to make a model of an ore cabinet with working models (bear in mind that the employees of the Mining School took an active part in the development of coinage in Russia) (Bazhin et al., 2019: 201-209). In 1774-1776, the operating models of smelting furnaces were made. M.F. Soimonov wrote in his autobiography, published

in 1887, that furnaces were made for students of chemical classes so that they knew what property and amount of fluxes to use and what degree of fire to keep during the melting process. In mine surveying and mechanical classes ... mining students studied, so that upon graduation and becoming mining officers, being in remote factories and in forest places, where not only mechanics, but also good artisans are difficult to find, they could show the mechanism of machines without error ([Gornyi zhurnal, 1887: 160](#)).

In the school yard, on the initiative of the director and under the leadership of I.M. Renovants, an educational mine was made: mine workings were made in the bulk of the mountain with the placement of “ore veins of those kinds, which are needed, so that students, listening to lectures on mineralogy, having entered these mountains, could more clearly see the properties of those veins with ore bergorts” ([Gornyi zhurnal, 1887: 160](#)).

Along with the resolution of a wide range of problems associated with setting up and operating the Mining School, attention was focused on the admission and accommodation of students. Since the business of schooling had, at that time in Russia, just begun its restoration in the spirit of Peter I’s plans, and also given the high entry requirements for applicants – which included knowledge of a foreign language and the basics of mathematics – no suitable applicants could be found from ordinary schools, so the first students were selected from Moscow University. The approach to student admissions required not only extensive correspondence, but also the personal participation of M.F. Soimonov in the admission process. Ultimately, he managed to select 19 students, whose surnames were first listed by D.I. Sokolov ([Sokolov, 1830: 7-8](#)). In general, the first cohort to study at the school comprised 24 state-supported students, 8 self-supported students and 7 “private” students ([Sokolov, 1830: 74](#)).

In 1776, a significant change was made to the admissions system, as it was considered expedient to admit not only students with appropriate knowledge of foreign languages, mathematics and general education disciplines, but also accommodate those who had not achieved such a high level of preparation. This innovation was driven by the realization that if the school's students were sourced from among the students of Moscow University only, they would soon run out of applicants. It was therefore necessary to look further afield, even at the expense of their own reserves, which fully corresponded to the prospects for developing the Mining School. This change in the admission conditions gave the children of mining officials a chance to enter the school. These young people, whose initial training took place in remote areas, came from what we today would describe as deprived backgrounds: essentially, they would not have received the level education required to meet the high requirements for applicants set out when the school first opened.

Two days before the opening of the school, which took place on June 28, 1774, M.F. Soimonov appointed the first five teachers: A. Martov (arithmetic and geometry), I.M. Renovantsa (mine surveying and mineralogy), A.M. Karamyshev (chemistry), Kh.I. Leshenkol (mechanics), and I. Bogdanov (drawing). Not long after that, I.I. Chemnitzer was appointed to teach French and German ([Gavrilova et al., 2000: 68](#)).

It should be noted that their appointments were made with great care. A native of Saxony and graduate of the Freiberg Mining Academy in 1772, Ivan Mikhailovich Renovants (1744–1798) came to Russia in the 1770s. From 1779 to 1785, he worked with the Kolyvanovo-Voskresensk factories of Altai and did a lot to improve their operations, and in 1779 he was elected a corresponding member of the Academy of Sciences.

Alexander Matveyevich Karamyshev (1744–1791) was no less successful in the scientific field. A student of the Yekaterinburg Mining School, he continued his education at Moscow University, after which, under the guidance of the famous Swedish naturalist Karl Linnaeus, he studied natural sciences at Uppsala University, and he defended his dissertation there in 1766. On his return to Russia, he became the first teacher of chemistry and metallurgy at the Mining School. In 1779 he was elected a corresponding member of the Academy of Sciences, was a corresponding member of the Stockholm Academy of Sciences and the Berlin Society of Natural Science Amateurs ([RBS, 1897: 514-515](#)).

Christian Leshenkol was known as a talented mechanic of the Mint and, quite logically, he became the first teacher of mining mechanics at the Mining School. As for Ivan Ivanovich Chemnitzer (1745–1784), his appointment was based both on his professional qualities and his good relations with the president of the Collegium of Mining. He is also widely known as the author of many fables that have been repeatedly published in Russia and are highly appreciated by literary critics.

The good organization of the educational process and the involvement of experienced teachers made it possible for the school’s first cohort to graduate two-and-a-half years after its official opening, on November 15, 1776.

However, M.F. Soimonov’s hard work led to a deterioration in his health. By 1776 he wanted to resign, but Catherine II instead provided him with leave and allocated him 10,000 rubles with full salary. During this trip, which lasted from October 26, 1776 to October 9, 1777, M.F. Soimonov visited Holland, Belgium, and France, where he not only underwent treatment for his ailments, but also took the opportunity to continue learning about mining.

Having returned to Russia, he found that nationally, mining was in a dire condition, which again required intense work from him. As a result, his health greatly deteriorated again, and this time in 1781, Mikhail Fedorovich retired. In 1783, Catherine II abolished the Collegium of Mining, but this did not improve the work of the mining industry in Russia. Paul I restored it in January 1797 and commissioned M.F. Soimonov to head the department, a

year after he had once again been made director the Mining School (in 1796). Paul I also elevated him to the rank of Privy Councilor and awarded him the Order of Alexander Nevsky.

What was the contingent of the students of the Mining School like when Mikhail Fedorovich became its director for a second time? The data on students, cadets, volunteers, and boarders of the educational institution is of great interest, and can be found in a report from the school's Assistant Inspector, P. Ilman, to the Director, M.F. Soimonov, dated December 20, 1796 (*TsGIA SPb. F. 963. Op. 1. D. 49. L. 1-40b.*). The report provides a detailed picture of the makeup of the student contingent.

The total numbers enrolled at the Mining School on December 20, 1796 were as follows: 15 non-boarding students, 2 boarding students, 90 non-boarding cadets, 23 boarding cadets and 9 volunteers, which gives a total of 139 people. The numbers were not much greater than for previous years for which we have data (1789, 1792 and 1793). This indicates a relatively stable number of students, with only minor changes occurring, mainly due to the number of boarders.

To break these figures down further, at the end of 1796, there were 15 students; all of them had enrolled as cadets between 1785 and 1794 and became students in 1795. In terms of age, four of them were 16 years old, one was 17, four were 18, three were 19, two were 20 and one was 21 years old.

Regarding social class, one of the students could not answer this question, since he did not remember his father. As for the rest, their parents were from various classes: five were children of junior or senior officers, three were children of civil servants, two were children of foreign merchants and the remaining four were sons of a seventh-grade mining official, a mechanic, an engraver and a priest. Of the two boarding students, aged 19 and 21, one was the son of a clerk, the other was the son of a doctor.

The data on enrollment date shows that the admission of cadets in general tended to increase. Of the 88 cadets covered in the data, there is no information about the age of two of them; among the rest, there were 17 aged 6-10, 12 of whom enrolled in 1796; 62 were aged 11-15 (19 aged 12-14, and 10 thirteen-year-olds and 10 fifteen-year-olds). Finally, there were nine people aged from 16 to 19 (there were no older cadets), including six who were 16 years old and one each at the ages of 17, 18 and 19 years old. The last was the son of a former student of Tobolsk seminary, Archpriest M. Karpinsky.

The social position of the cadets is also recorded. Half (45 cadets) were the children of officers. Among these officers, none were generals, only two were colonels, and 18 were chief officers and lieutenants, which, according to the class divisions of society at that time, corresponded to the lower class of officer. A similar picture emerges from the analysis of the children of civil servants, numbering 29 cadets, of whom 11 were children of court councilors and collegiate assessors, thus occupied the middle position in the hierarchical ladder. Relatively few – four cadets – were the children of mining officials. Three were children from families of priests, two cadets were from families of foreign citizens who were also professors (I. Martos and A. Salmaren), and there were also children of nobles. Finally, three were the children of court officials – a head waiter, a coffee maker and a mechanic.

Twenty-three students at the Mining School were boarders, and there were some differences between them: nine were state-supported, and the remaining 14 were not. It should also be mentioned that nine volunteers “without payment”, aged between 7 and 17, studied at the Mining School, having enrolled between 1793 and 1796.

The overwhelming majority of the students of the school were supported entirely or partially at the expense of the state. Admission was carried out throughout the entire calendar year, which created certain difficulties in the educational process. There is no information about the distribution of cadets into classes, taking into account their age. Those who had accumulated a suitable level of life experience by the age of 16-21 became students, especially since most of them spent considerable time within the school. As to the social status of students in all categories, the children of mid-level and, to an extent, lower-level officers and state officials was the norm. The training of children from families of senior officials was very much an exception to the rule. In addition, oddly enough, among the students of that time there were few children from families of mine workers, which can be explained by the relatively small number of mining officials in general. A final feature of the students cohort was that brothers of different ages were enrolled, which led to the formation of mining dynasties (*Vo glave Gornogo instituta, 2017, 2017: 13*).

Through his involvement in practical issues of the development of mining in Russia, combining visits to enterprises with paperwork, M.F. Soimonov undermined his health yet again and once more raised the question of resignation. Paul I refused to accept his resignation, but awarded him with the Order of St. Andrew the First-Called on July 31, 1799. The monarch instructed him to draw up a draft of the Mint, defining its place on the territory of the Peter and Paul Fortress. It was not until January 1, 1801 that M.F. Soimonov finally retired and left for Moscow. He died on October 17 (29 in the old calendar), 1804 in the town of Serpukhov, near Moscow, and was buried there next to his father's grave.

As for his cousin, Petr Alexandrovich was born in 1737. His father, Alexander Ivanovich, was a colonel and chief fiscal officer of the fleet and provided his son with excellent home schooling, which allowed him to attend and graduate successfully from Moscow University. After that, he served in the Izmailovsky Lifeguards Regiment. In 1779, after a long stay in the civil service, he was appointed to the Cabinet of Her Imperial Majesty as Secretary of State and remained in this post until the death of Catherine II in 1796.

Thus, having become Secretary of State, P.A. Soimonov became one of the most powerful officials of the Russian Empire. His work was good, and the empress was pleased with him, as can be judged by the awards and honors he was given. A personal decree dated June 25, 1782 declared: “We command to issue from the Cabinet ten thousand rubles granted from us to Major General Bezborodko, ... to Brigadier Soymonov ... five thousand rubles. Ekaterina” (RGIA. F. 468. Op. 1, part 2, 1782. D. 3897. L. 133).

P.A. Soymonov’s duties in Catherine II’s Cabinet were very diverse. He supervised construction work in Tsarskoye Selo and Pella, he was responsible for the compilation and publication of a new atlas of the Russian Empire, he found the craftsmen and painters who created the interiors of the empress’s palaces, and he provided her court ladies with a dowry (e.g. “By the oral command of Her Imperial Majesty, announced by Major General Soimonov, court lady Zakrevskaya is granted a dowry of twelve thousand rubles from the Cabinet” (RGIA. F. 468. Op. 1, part 2, 1785. D. 3990, pp. 180, 196, 197, 305). However, the main responsibility of Secretary of State P.A. Soimonov was the management of the Kolyvano-Voskresensk mining plants belonging to the Cabinet.

In the empress’s personal decree of June 27, 1784, it was said: “Soimonov has in his jurisdiction all matters relating to the management of the Kolyvan mining plants; however, upon the entry of these new members of the Cabinet into the position entrusted to them, and upon the admission of the Treasury and other things to their department, we will definitely provide them with detailed instructions. Ekaterina.” (RGIA. File 468. Op. 1, part 2, 1784. File 3899. L. 176).

By the empress’s decree of September 19, 1784 “On the transfer of the Mining School to the Soimonov department”, Petr Alexandrovich was appointed a director of the Mining School. She ordered that the educational institution created eleven years earlier “be transferred to the department of Major General Soimonov, who is present in our Cabinet, to manage the Expedition of our Kolyvanov mining plants.” The decree especially emphasized that Soimonov “must observe that knowledgeable people could not be borrowed from this school, not only for some factories of the department of our Cabinet, but in general for the mining.” (PSZ-1. T. XXII. No. 16070).

As head of the Mining School, P.A. Soimonov studied the state of the educational institution in detail and based on his assessment, submitted a memo Catherine II outlining specific proposals for improving the content of the school.

The response to that memo came in the form of another personal decree, given to Major General Soimonov on December 4, 1784. The empress ordered him to establish a post for Latin language teacher with a salary of 300 to 400 rubles a year; increase the budget for the maintenance of the school (paid by the state Treasury) from January 1, 1785 by 7,782 rubles a year; and to allocate 2,000 rubles annually for the purchase of books, tools and other property. The decree ordered the Mining School to “stay in its present place because there is a mountain [there] necessary for experiments; to try to spread this by acquiring a neighboring house for the Treasury and adding everything necessary.” (PSZ-1. T. XXII. No. 16103).

A little more than two years passed until, on January 5, 1787, Catherine II again issued a personal decree addressed to P.A. Soimonov, “On assigning him to the management of the Nerchinsk factories”, in which our attention was attracted by par. 9:

When instructed to run your Mining School, we deign ... to multiply the number of students by another 50 people including teachers, etc. ... so that upon completion of their studies, it would be possible to supply the Nerchinsk factories with them, so that we can meet all the requirements of the province; the sum for the maintenance of these surplus people is 15,000 annually, and for the construction of several apartments for living and classes, as well as for the premises of the library and the study – as required, to receive a lump sum from the Cabinet (PSZ-1. T. XXII. No. 16497).

The text of this paragraph of the decree testifies to the fact that the empress’s trust and his own practical experience of managing mining plants allowed P.A. Soimonov to successfully solve many issues in the interests of the further development of the educational institution. For example, he introduced a practice whereby students, after completing a course in science but before graduating from the School, were sent out to gain work experience at certain state factories. Also on his initiative, distinguished students were sent abroad for two years, mainly to Saxony, Hungary or Sweden, to become acquainted with foreign factories and mines where the art of mining had developed much further. This innovation was later consolidated in the Charter of the Mining Cadet Corps, adopted in 1804, but the practical implementation of the idea began to be widely carried out only in the first half of the 19th century.

Under P.A. Soimonov’s management, the number of students studying at the state’s expense continued to increase and reached 60 people; the cost of maintaining each of them also increased. He made sure that the School was equipped with all the necessary tools and preparations for carrying out physical, mechanical, hydraulic and chemical experiments, as well as the all the textbooks it needed over the entire period.

One of the major legacies of P.A. Soimonov’s term was a significant improvement in the financing of the educational institution. The school’s budget problems were resolved by means of imperial decrees. For example, on January 22, 1784, Catherine II, issued the following personal decree to Chief Prosecutor A.A. Vyazemsky: “Prince Alexander Alekseevich! Having considered the report submitted to us by the Senate on the amount required for the maintenance of the Mining School available at the Local Treasury Chamber,

we command [that on top of] the previously determined 3,657 rubles and 12 kopecks, a further 3,350 rubles per year be issued, starting from the 1st of this January.” (PSZ-1. T. XXII. No. 16103).

The same issues were touched upon by Catherine II in her previously mentioned personal decree of December 4, 1784, given to Major General P.A. Soimonov. Less than a year later, on August 13, 1785, the Senate decree “On the inclusion of money collected from Perm ore miners for the maintenance of the Mining School, to the general state income.” (PSZ-1. T. XXII. No. 16241) was issued.

The periods in which the school was run by M.F. and P.A. Soymonov were united by the fact that they attracted the best specialists of Russian science to teach there. These included the physicist L.Yu. Kraft, mineralogists V.M. Severgin and A.K. Schlegelmilch, corresponding members of the Academy of Sciences A.M. Karamyshev and I.M. Renovants, the mineralogist and chemist F.P. Moiseenko, and mathematician A.M. Wilbrecht. As the student contingent expanded, the teaching staff also grew, although this process was smooth. By the beginning of 1800, 15 teachers were employed, not counting the class inspector (RGIA. F. 1341. Op. 1.D. 284. L. 78).

A second feature of their management of the school was the gradual involvement of former students in the teaching staff, including one of the first graduates, P. Ilman, who matriculated in 1787, and I.G. Wolgemuth, who taught mine surveying, geometry, the fundamentals of physics, mining mechanics and hydraulics from 1799 to 1831. His authority was so great that he taught physics to the children of Emperor Paul I, Grand Dukes Nicholas and Paul. A graduate of 1790, P. Meder, taught geognosy, mining art and mineralogy from 1795 to 1808. Another graduate of the same year, F. Holm, taught drawing, which was one of the compulsory disciplines in the training of specialists-miners, to both students and secondary-level cadets (*Vo glave Gornogo instituta*, 2017: 12-13). It should be noted that the traditions established by the Soimonovs were promulgated throughout all subsequent years of the institution’s existence, and even today, most of its leaders are still its graduates.

P.A. Soimonov paid great attention to replenishing the collection of minerals and other exhibits for practical training of students.

In addition to the management of the Mining School, Mikhail Fedorovich and Petr Alexandrovich actively participated in improvements to the way mining plants operated. For M.F. Soimonov, this activity began immediately after his appointment in 1771 as president of the Collegium of Mining. Catherine II instructed him to deal with a situation at the Olonets factories, built by order of Peter I, where their dire mismanagement was causing serious concern. On December 7, 1771, she signed a decree “On the structure of the Olonets and Petrovsky factories”, instructing M.F. Soimonov to go there, providing for this trip “the required amount of money without frills” so that, “having appointed at his own discretion capable and reliable people to the positions,” he could “experience all the actions himself”. He was instructed to remove those culpable for the problems from the Petrozavodsk Chancellery and to appoint new officials in their place, entrusted with investigating the affairs (PSZ-I. T. XI. No. 13712).

Having familiarized himself with the position of the factories on the ground, M.F. Soimonov came to the conclusion that the situation was even worse than it had seemed in St. Petersburg. The new owners of private factories, instead of producing the necessary products (including armaments), had limited themselves to making tin, of which a small part was converted into lacquered dishes, and the large part, after tinning, was sent to European ports and exchanged for wines of different varieties, English beer, Kaportsa, olives and Provençal oil; of the so necessary and useful skills instituted by Peter the Great, nothing was found, and the guns were all taken to Kronstadt and placed in the merchant’s harbor, Kronstadt and the citadel, which they still serve to this day, and the guard battalion has been withdrawn; at the Konchezersk plant, [only] one small casting of military shells was carried out (*Gornyi zhurnal*, 1884: 157).

The owners were also failing in their social and environmental responsibilities: at the Marcial Waters, the hostels for the sick, established at the very source by the wise sovereign, as well as the palaces ... had rotted and almost completely collapsed; the source of the Marcial waters, which Their Majesties themselves used and the benefits of which were tested, is clogged (*Gornyi zhurnal*, 1884: 157).

During the two months M.F. Soimonov stayed at the Petrovsky plant, he achieved a huge amount. Up to 40 copper and iron ore veins were opened and prepared for exploitation, the deposit of copper ore was cleared at the Voitsky mine, and a convenient place was found for the construction of a new metallurgical plant on the Lososinka River.

On the recommendation of M.F. Soimonov, its construction was entrusted to Anikita Sergeevich Yartsov (1737–1819), a graduate of Moscow University, who was not only one of the leading mining specialists in Russia at the turn of the 19th century, but also headed the Mining School from 1783 to 1784. Finally, we note that, based on M.F. Soimonov’s report, the constructed plant began to be called Aleksandrovsky; it is still operating successfully today.

A notable period in M.F. Soimonov’s life at the end of the 18th century was concerned with supervising the construction of the Luginsk foundry, established by decree of Emperor Paul I on February 25, 1797 (PSZ-1. T. XXIV. No. 17832). The building of the plant began during the reign of Catherine II, but after her death, work was suspended.

Based on M.F. Soimonov’s report, general supervision of the work was entrusted to K. Gascoigne, whom he knew well from the Olonets plant. In addition, in the aforementioned decree of Paul I, we find

questions about the allotment of additional land, about the manning of the construction with labor force, about the forests located on the banks of the Donets river and others. The emperor did not disregard these essential issues, and his decrees of April 21 and August 14, 1798 gave M.F. Soimonov specific tasks, the implementation of which contributed to the completion of the construction of the plant.

While Mikhail Fedorovich's activity in solving mining issues extended mainly to the European part of Russia, the Kolyvanovo-Voskresensk plants of Altai, which were under the jurisdiction of the Cabinet of Her Imperial Majesty, were a subject of special concern for Petr Alexandrovich. This was due to the fact that, along with the Ural factories, they were the main suppliers of gold and silver to the state treasury. It should be borne in mind that while the gold mines of the Urals were mainly owned by private individuals, the Kolyvanovo-Voskresensk plants were owned by the state and the replenishment of the state treasury largely depended on their output.

The mining industry in Russia during this period was going through some difficult times, being negatively affected by ill-considered reorganizations – in particular, the liquidation of the Collegium of Mining in 1783. The state-owned enterprises controlled by the Collegium were transferred to the disposal of state chambers, headed by people who had little familiarity with mining. Predictably, this instantly led to a drop in the rate of development of production, the unproductive use of equipment, and a high staff turnover, all of which caused a decrease in treasury income. This then became a cause of serious concern for the authorities (Gavrilova et al., 2000: 89).

The state of affairs in Altai was of particular concern. A commission headed by P.A. Soimonov was sent there to analyze the situation. Under the personal decree of the empress dated May 20, 1785, P.A. Soimonov was instructed conduct “a personal review of the department of our Cabinet of the Kolyvan factories” and granted him power “for the execution of all the necessary orders, through which the various difficulties encountered here can be averted.” (PSZ. T. XVI. C. 206).

Catherine II took care of her employees. On his trip to Altai, P.A. Soimonov was given huge travel allowances. A decree of May 25, 1785 stated that “Major General Soimonov is granted four thousand rubles for the journey to the Kolyvan factories, until the return from there food money for five months, two hundred rubles per each month – a thousand rubles in total, and a thousand rubles for sending couriers, a total of six thousand rubles.” (RGIA. F. 468. Op. 1, 1785. D. 3999. L. 201). By way of comparison, we can provide data that characterize the level of Soimonov's trip. In the same month (May 1785), a separate imperial decree granted “to the Bergmeister of Nerchinsk factories Razderishin, one hundred-and-twenty-five rubles thirty-four kopecks for going to Perm” to be issued from the funds of the Cabinet (RGIA. F. 468. Op. 1, 1785. D. 3999. L. 243).

Having arrived in Altai, P.A. Soimonov visited mining camps, mines and factories and inspected the work of the main office and the mining expedition. As a result of this audit, he decided to centralize the management. To this end, he appointed G.S. Pitching, a prominent person in the mining department, as manager of the Kolyvan-Voskresensk factories (Rodionov, 1988: 70).

While in Altai, Petr Alexandrovich not only engaged in his assigned task to rationalize the management of mining plants, but also created a collection of semi-precious stones. To put this in context, in the second half of the 18th century, a new fashionable hobby in Russian aristocratic circles – mineralogy. Representatives of high society began to create collections of minerals; Maria Fedorovna, the wife of the heir to the throne, Pavel Petrovich, even took lessons in stone carving (Rodionov, 1988: 68). Having returned to St. Petersburg, P.A. Soimonov showed his collection of minerals to Catherine II, who immediately issued a decree: “We instruct Major General Soimonov to make efforts to spread mines of not just ores, but all kinds of stones and useful minerals.” (Rodionov, 1988: 70).

Not long after this, he sent instructions to G.S. Kachke, noting that “various porphyries and breccias, agates and jaspers, presented to Her Imperial Majesty, in the vicinity of Kolyvano-Voskresensk factories, were awarded the highest favor ... orally, Her Imperial Majesty deigned to indicate to me that from the side of the factory, efforts should be made to seek out those places where the stones I have described above are located, and, when possible, to ascertain where they can be found, then establish stone breaking and grinding workshops at factories for processing columns, vases, tables, fireplaces and other similar devices.” (Gulyaev, Ivachev, 1902: 6).

The same letter specifically indicated a desired timescale: “Upon the beginning of next spring, please send to the mountains of the Altai ridge, and especially to the sources of the rivers Charysh, Uba, Ulba and other flowing rivers from this belt, and other places, several parties” to search for such stones in those rivers. “To their greater encouragement, you can, at your discretion, determine some commensurate reward for being zealous and lucky in this exploration, but as I know, in the local region many of the willing people are accustomed to finding ores, so we can trust that there will be volunteers who will engage in this exercise.” (Gulyaev, Ivachev, 1902: 6-7).

Having received these instructions from St. Petersburg, G.S. Kachka began to implement them immediately, preparing geological exploration groups. In the spring of 1786, the chiefs of nine search parties received detailed instructions from P.A. Soimonov, which listed everything that could be worthy of attention: which rivers are navigable and rich in fish, whether the lands are suitable for arable use, what trees and grasses grow in the mountains and valleys, what birds and animals live in the natural boundaries, and by whom these regions are inhabited and how they live. It is noteworthy that archeology was not forgotten

either: information was provided on “whether there are rare ruins of buildings ... statues or signs carved on stone.” (Rodionov, 1988: 73).

One of the chiefs of the parties, a man called Ridder, was warned: “If you happen to travel to residences and to nomadic peoples, treat them with all kindness so as not to give occasion to any displeasure from them, and observe even more strictly the team entrusted to you.” (Rodionov, 1988: 82).

Nine search parties set off to explore the gems deposits. Their findings were incredible: giant deposits of gems were discovered in Altai, in connection with which the question of building a stone-cutting and grinding factory arose. The initiative and implementation of this project came from P.A. Soimonov.

In 1787, the first batch of items made of black porphyry, which was fashionable at that time, was sent from Barnaul to St. Petersburg: vases one arshine high, two semicircular tabletops and three inlays in the form of books. The products of Altai craftsmen made a strong impression on customers. An increasing number of orders were sent from St. Petersburg to Altai. P.A. Soimonov informed G.S. Kachka that “Her Imperial Majesty would be pleased to have two collections from each kind of porphyry, jasper and other cork stones.” (Rodionov, 1988: 95).

After a short period of time, another demand was sent to Barnaul – the empress had presented corks and books made of stone to the Grand Duke Alexander Pavlovich, and now she required the same for herself and for the Grand Duke Konstantin Pavlovich. A collection for the Mining School in St. Petersburg and one for the Moscow Engineering School was also needed. Further, the Cabinet ordered ten collections at once.

Each collection contained 130 Altai stones. P.A. Soimonov wrote to G.S. Kachka: “Our porphyries infatuated everyone here. That is why there is no day when foreigners do not ask us to deliver some specimen to their courtyards”. The Academy of Sciences did not wait patiently for their share. Its president, Princess E.R. Dashkova, was so persistent that Soimonov complained to Kachka: “the princess tortured me with her demand for pieces of ore; for God's sake, lend her some on my behalf!” (Rodionov, 1988: 95-96).

In 1793, P.A. Soimonov retired from the post of Director of the Mining School, leaving behind good memories of himself among students and teachers. However, his career did not end at this point.

P.A. Soimonov's efforts were greatly appreciated and recognized by the authorities. In 1787, according to the Highest Rescript, he was granted possession of 11,338 dessiatines of land in Saratov province (by way of comparison, Prince G.A. Bezborodko was given 12,000 des. and G.R. Derzhavin 6,000 des.) (RGIA, F. 1374. Op. 1. 1787. D. 361. L. 13). On August 27, 1795, he was accepted as an honorary member of the Imperial Academy of Sciences. The minutes of the academic conference recorded that “Mr. Bakunin informed the conference of the nomination of Lieutenant General Petr Soimonov, Senator and Knight of the Grand Cross of the Order of St. Vladimir, 2nd class, as an honorary member of the Academy. The conference took note of it, approved Soimonov's candidacy and instructed the secretary to issue a diploma.” (Arkhir Rossiiskoi akademii nauk. F. 1. Op. 1. D. 4. L. 444).

In 1796, great changes took place in the administrative structures of Russia. After the death of Empress Catherine II, her son Paul I ascended the throne and immediately began to remove from high posts the employees of his deceased mother. At first, the new emperor was disposed favorably towards the experienced manager P.A. Soimonov.

Two important appointments followed, one after the other. “By the name of His Imperial Majesty's decree, which took place during November of 1796, after His Majesty's own handwritten signature, which depicts: “We most mercifully command Lieutenant General Petr Soimonov to be the president of the Collegium of Commerce.” (RGIA. F. 796. Op. 77, 1796. D. 565. L. 1). In the same year he was inducted into the Governing Senate (Ocherki..., 2010: 14).

The disposition of the emperor, who appreciated the merits and abilities of Catherine II's former Secretary of State, was manifested in his 1797 decree awarding the roles of Privy Councilor and President of the Collegium of Commerce to P.A. Soimonov, along with 800 serfs in the Nizhny Novgorod province (RGIA. F. 1374. Op. 1, 1797. D. 394. L. 14).

However, the good will of Emperor Pavel Petrovich did not last long. In 1799, P.A. Soimonov lost his posts and retired. Disgraced, he was expelled from the capital and left for Moscow, where, on January 2, 1800 he suffered a stroke and died.

5. Conclusion

The 18th century occupies a special place in the history of Russia: it was a time of great achievements and a time of storms and onslaughts. The reforms initiated by Peter the Great required the involvement of active, talented and educated people in governing the country. There were few such people in Russia at that time. Mikhail Fedorovich and Petr Alexandrovich Soimonov, with their abilities and energy, were in much demand and both had impressive careers. Moreover, they flourished in completely different fields: both served in the army when they were young, then they both became high-level managers, courtiers of Catherine II, managers of mining plants and scientists. Petr Alexandrovich was the director of the imperial theaters for some time, and finally, both brothers at different times headed the Mining School which was the first higher technical educational institution in Russia. Thus, analyzing the activities of M.F. and P.A. Soimonov in the field of mining in Russia, we can confidently rank them among the country's most outstanding persons in this field.

References

- Arkhiv RAN** – Arkhiv Rossiiskoi akademii nauk [The Archive of the Russian Academy of Sciences (RAS)].
- Bazhin i dr., 2019** – Bazhin, V.Yu., Telyakov, N.M., Aleksandrova, T.A., Gorlenkov, D.V. (2019). Proizvodstvo serebryanogo rublya i uchastie Gornogo universiteta v razvitií monetnogo dela v Rossii [Production of the silver ruble and participation of the Mining University in the development of coinage in Russia]. *Zapiski Gornogo instituta*. 236: 201-209. [in Russian]
- Gavrilova i dr., 2000** – Gavrilova, L.M., Afanas'ev, V.G., Sevast'yanov, F.L. (2000). Razvitie gornogo dela v epokhu Ekateriny II [The development of mining in the times of Catherine II]. Saint Petersburg: Saint Petersburg Mining University. 176 p. [in Russian]
- Gol'denberg, 1966** – Gol'denberg, L.A. (1966). Fedor Ivanovich Soimonov (1692–1780) [Fyodor Ivanovich Soimonov (1692-1780)]. Moscow: Nauka. 264 p. [in Russian]
- Gol'denberg, 1973** – Gol'denberg, L.A. (1973). Mikhail Fedorovich Soimonov (1730–1804) [Mikhail Fedorovich Soimonov (1730-1804)]. Moscow: Nauka. 192 p. [in Russian]
- Gol'denberg, 1979** – Gol'denberg, L.A. (1979). Katorzhanin – sibirskii gubernator: Zhizn' i trudy F.I. Soimonova [Convict – siberian governor: The life and works of F.I. Soymonov]. Magadan: Magadansk. kn. izd-vo. 287 p. [in Russian]
- Gornyi zhurnal, 1887** – *Gornyi zhurnal* (1887). Mikhail Fedorovich Soimonov. Avtobiografiya [Mikhail Fedorovich Soimonov. Autobiography]. *Gornyi zhurnal*. 10: 160. [in Russian]
- Gulyaev, Ivachev, 1902** – Gulyaev, N.S., Ivachev, P.A. (1902). Kolyvanskaya shlifoval'naya fabrika na Altae [Kolyvan grinding factory in the Altai]. Barnaul: Tipo-Litografiya Upr. Alt. okruga. 70 p. [in Russian]
- Kazanin et al., 2018** – Kazanin, O.I., Rudakov, M.L., Kolvakh, K.A. (2018). Occupational safety and health in the sector of coal mining. *International Journal of Civil Engineering and Technology*. 9(6): 1333-1339.
- Nasse, 1884** – Nasse, E. (1884). Vspomogatel'nye kassy rabochikh na angliiskikh kamennougol'nykh kopyakh [Ancillary funds for workers in the English coal mines]. *Gornyi zhurnal*. Kn. 4, pp. 157-163. [in Russian]
- Ocherki..., 2010** – Ocherki istorii Gornogo instituta (1773–1917) [Essays on the history of the Mining Institute (1773-1917)]. V.G. Afanas'ev, L.T. Pozina, I.V. Voloshinova, T.V. Plyukhina, F.L. Sevast'yanov. Saint Petersburg: Saint Petersburg Mining University. 2010. 185 p. [in Russian]
- PSZ** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire].
- RBS, 1897** – RBS (1897). Russkii biograficheskii slovar'. T. VIII [Russian biographical dictionary. Vol. VIII]. Ibak-Klyucharev. Tip. Glavnogo Upravleniya Udelov. Saint Petersburg. 758 p. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].
- Rodionov, 1988** – Rodionov, A.M. (1988). Na kryl'yakh remesla. Povestvovatel'naya khronika kamnereznogo dela na Altae s 1786 goda i do nashikh dnei [On the wings of the craft. Narrative chronicle of stone-cutting work in the Altai from 1786 to the present day]. Moscow: Sovremennik. 277 p. [in Russian]
- Rudnik et al., 2019** – Rudnik, S.N., Voloshinova, I.V., Mokeev, A.B., Leyberov, A.I. (2019). The first Russian mineralogist – Nikolai Ivanovich Koksharov (1818–1892). *Bylye Gody*. 54(4): 1546-1553.
- Sazonova, Sorokin, 2019** – Sazonova, N.N., Sorokin, S.I. (2019). Challenges and Prospects of Management of Quality of Educational Services in Russian Technical University. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research: Materials of the International Conference on “Humanities and Social Sciences: Novations, Problems, Prospects”*. Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia, 5-6 March, pp. 744-747.
- Sharok, 2018** – Sharok, V.V. (2018). Emotional and motivational factors of satisfaction with university education. *Siberian journal of psychology*. 69: 33-45.
- Shchukina, Egorenkova, 2017** – Shchukina, D.A., Egorenkova, N.A. (2017). «Rhetoric practice» by I.S. Rizhsky (1796) at the Mining University: history and contemporaneity. *Zapiski Gornogo instituta*. 225: 376-384.
- Sokolov, 1830** – Sokolov, D.I. (1830). Istoricheskoe i statisticheskoe opisanie Gornogo kadetskogo korpusa [Historical and statistical description of the Mining Cadet Corps]. Saint Petersburg: Tip. Departamenta narod. prosveshcheniya. 171 p. [in Russian]
- Tsvetkov, 2017** – Tsvetkov, P.S. (2017). The history, present status and future prospects of the Russian fuel peat industry. *Mires and Peat*. 19(14): 1-12.
- Tomilin-Brazol', 1991** – Tomilin-Brazol', A. (1991). Zhizn' i sud'ba Fedora Soimonova. Istoricheskii roman-esse [The life and fate of Fyodor Soymonov. Historical novel-essay]. Leningrad: Sovetskii pisatel'. 541 p. [in Russian]
- Trushko, Protosenya, 2019** – Trushko, V.L., Protosenya, A.G. (2019). Perspektivy razvitiya geomekhaniki v usloviyakh novogo tekhnologicheskogo uklada [Prospects for the development of geomechanics in a new technological paradigm]. *Zapiski Gornogo instituta*. 236: 162-166. [in Russian]
- TsGIA SPb** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga [Central state historical archive of Saint Petersburg].

[Vo glave Gornogo instituta, 2017](#) – Vo glave Gornogo instituta (2017). Vo glave Gornogo instituta. Direktora uchebnogo zavedeniya (1773-1918) [At the head of the Mining Institute. Directors of the educational institution (1773-1918)]. V.G. Afanas'ev i dr. Saint Petersburg: Saint Petersburg Mining University. 240 p. [in Russian]

[Voloshinova et al., 2019](#) – *Voloshinova, I., Gorchakov, Y., Nikulina, I., Chekryzhova, O.* (2019). Industrial complex of Altai and its impact on the environment in the period from the second half of the 18th century until early 20th century. *International Multidisciplinary Scientific GeoConference-SGEM*. 19(5): 477-482.

[Voloshinova, Mokeev, 2016](#) – *Voloshinova, I.V., Mokeev, A.B.* (2016). Fuel sector development in Russia in the first half of the 20th century. *International Journal of Applied Engineering Research*. 11(7), 1 May, pp. 5177-5182.

[Zablotski, 2003](#) – *Zablotski, E.* (2003). Mining Dynasties in Pre-Revolutionary Russia. *Proceedings of the 6th International Mining History Congress*. September 26-29. Akabira City, Hokkaido, Japan. Pp. 337-340.

[Zablotskii, 2004](#) – *Zablotskii, E.* (2004). K genealogii gornykh dinastii Rossii XVIII-nachala XX v. [On the genealogy of the mining dynasties of Russia in the XVIII – early XX centuries]. *Genealogicheskii vestnik*. Vyp. 18. Saint Petersburg, pp. 37-42. [in Russian]

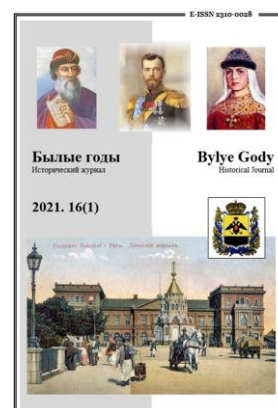
[Zablotskii, 2014](#) – *Zablotskii, E.M.* (2014). Gornoe vedomstvo dorevolyutsionnoi Rossii. Ocherk istorii. Biograficheskii slovar' [Mining department of Czarist-era Russia. History sketch. Biographical Dictionary]. Moscow: Novyi khronograf. 277 p. [in Russian]

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 74-84.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.74
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Results and Prospects of Studying the Process of Settlement and Development of Crafts in the Southern Settlements of the Trans-Urals (late XVIII – early XX centuries)

Alexander B. Khramtsov ^{a, *}

^a Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

Abstract

The article considers the results of studying the basic problems of social life arising in the process of settlement of the population, the formation of stable traditions, crafts and crafts in the southern villages of the Trans-Urals of the late XVIII – early XX centuries. Three periods of historiography were highlighted: pre-revolutionary, Soviet and modern. In each of them basic works are studied, their characteristics are given, fragmentation of works is shown. The scientific novelty of the work is associated with little knowledge of the process of resettlement and the specifics of rural crafts, where, under the influence and enrichment of different cultures, a special figurative system of folk applied art has developed. A review of historiography allowed the author to formulate promising directions for further study of the topic: highlighting the main stages, features and patterns of the resettlement process; a comprehensive typology of rural settlements in the south of the region; Identification of rural crafts, handicrafts and traditions; a study of the specifics of folk crafts, their evolution, the causes of the decline of some species; introduction into scientific circulation of new sources on the topic: archival documents, museum collections, materials of field surveys, periodicals, maps of areas; creation of a regional tourist route in the southern settlements of the Tyumen region. The results obtained during the study can become a theoretical basis for popularizing traditional culture and spiritual and moral education of young people.

Keywords: resettlement process, resettlement policy, historical rural settlements, folk crafts, wooden architecture, historical and cultural heritage, Trans-Ural region.

1. Введение

Сведения о событиях прошлого, о времени и месте их свершения нуждаются в сбережении в разных видах и формах, что закреплено принципом сохранения исторической памяти народа, так как именно она является фундаментом для воспитания и развития духовно-нравственной личности. Историко-культурные и краеведческие исследования способствуют формированию знаний о природе, истории, экономике и культуре конкретной местности. Комплексно данная проблема не рассматривалась, предметом специального анализа не являлась. Также новизна заключается в междисциплинарном подходе к исследованию системы расселения и промыслов как синтеза народных знаний, умений, ценностей, образов и др.

Актуальность исследования традиционных народных промыслов определяется необходимостью их сохранения как части историко-культурного наследия России. Изучение системы расселения населения и развития локальных особенностей народного творчества, внедрение в научный оборот новых источников – архивных документов, предметных памятников культуры, музейных коллекций, материалов натурных обследований и печати – позволяет воссоздать общую картину развития историко-культурного ландшафта региона, проследить эволюцию аутентичных ремесел и промыслов, что составляет социально-практическую значимость данного исследования.

* Corresponding author

E-mail addresses: khramtsov_ab@bk.ru (A.B. Khramtsov)

Цель нашей работы – рассмотреть итоги и перспективы изучения процесса расселения населения на юге Зауралья, а также специфику народных промыслов, сложившихся и получивших развитие на данной территории.

2. Материалы и методы

Для осмысления процесса расселения и развития народных промыслов в южных селах Зауралья использована обширная источниковая база. Материалами для исследования послужили труды ученых, архивные документы региональных архивов: сохранившиеся акты личного происхождения (в частности архивный фонд Н.Л. Скалозубова) и текущего делопроизводства учреждений и ведомств (отчеты и доклады Тобольского переселенческого управления). Ценные сведения о развитии промыслов содержат полевые материалы этнографических экспедиций и картографические источники, хранящиеся в музеях (Тобольском историко-архитектурном музее-заповеднике и Тюменском областном краеведческом музее). Обширный материал о селах края и географии переселенцев представлен в справочниках, путеводителях и каталогах кустарных выставок.

Методологической базой данной работы является междисциплинарный и историко-культурологический подход, который предполагает синтез исторического, этнографического и искусствоведческого знания. Работа основывается на принципе историзма, который рассматривает существующую действительность (реальность) в изменении и развитии во времени. Принцип историзма предполагает качественные изменения элементов системы в процессе развития.

Применяется метод исторической реконструкции, позволяющий воссоздать целостную картину процесса расселения населения в регионе, выделить этапы расселения, раскрыть их характерные черты. Используется также метод исторической рефлексии, дающий информацию о социальном поведении человека определенной эпохи, позволяющий понять движущие силы человеческого поведения, стереотипы и архетипы мышления.

Методы исторической антропологии направлены на изучение всех разновидностей социальных практик, повседневности во всем ее многообразии. Используется структурно-функциональный анализ – частный метод рассмотрения социальных феноменов в конкретном месте и времени. Перспективными остаются обращение к культуре повседневности, гендерный и историко-психологический подходы к изучению традиционных ремесел.

3. Обсуждение

Научная литература по истории расселения, переселения в Сибирь и развития народных промыслов достаточно обширна. Историографию темы традиционно можно подразделить на 3 основные периода:

- 1) дореволюционный (XVIII – начало XX вв.);
- 2) советский (1917–1991 гг.);
- 3) современный (1992 г. – по сегодняшний день).

Среди дореволюционных авторов отметим нескольких: академик Иоганн Фальк стал, пожалуй, первым ученым, посетившим окрестности Тюмени и Тобольска, Ишима, Тары и других поселений в 1768–1774 гг. (Фальк, 1822–1824). Путешественник заметил особое трудолюбие сельских крестьянок: они «прядут лен, пеньку и шерсть, ткнут холст, сукно, вяжут чулки и перчатки, плетут тесьмы, кружева и бахромку, ковры». В трудах местного историка, просветителя и общественного деятеля П. Словцова (Словцов, 1844) заложены основы сибирского краеведения первой половины XIX в. Его работы способствовали формированию воззрений и установок «могучей кучки» как историков и этнографов, так и географов и публицистов, среди которых Н. Абрамова, К. Голодников, И. Завалишина. Данные исследователи в деталях изучали сельский крестьянский быт, организацию домоводства, развитие промыслов. В последней трети XIX в. начинает издаваться историко-краеведческая литература с заметками о русских поселениях, крестьянских буднях и праздниках, путевые зарисовки Н. Шелгунова (Шелгунов, 1871) и Н. Чукмалдина (Чукмалдин, 1902).

Колонизацию Сибири русскими, их быт и промыслы исследовал П. Буцинский (Буцинский, 1889). Автор не только охарактеризовал процесс заселения русских в села региона, но и концентрировал внимание на состоянии некоторых крестьянских хозяйств. Серьезные шаги в изучении колонизации Сибири и развитии народных промыслов сделаны Н. Ядринцевым (Ядринцев, 1892) и П. Головачевым (Головачев, 1902). В их работах обосновывается самобытность сибирского населения (русского крестьянина-сибиряка), исследуются ключевые черты, отличающие его культуру от европейской и центральной части страны. Указанные авторы проследили маршруты движения переселенцев и их распределение по селам Зауралья с 1861 г. (то есть со времени отмены их крепостной зависимости). В частности, П. Головачев отмечал, что переселенцы из западных губерний России сформировали в Ялуторовском округе свой особый уклад жизни, наладили производство суконных тканей, шарфов, варежек, поясов (Головачев, 1914).

Изучением кустарных промыслов занимался Н. Скалозубов, агроном и депутат Государственной Думы от Тобольской губернии (Скалозубов, 1895). Он установил, как распределены кустарные промыслы в уездах, волостях и деревнях Зауралья. В целом дореволюционная историография заложила основы для

изучения системы расселения и развития народных промыслов в регионе. Важно, что сохранились публикации личных наблюдений авторов в виде очерков и обзоров.

Историки советского периода в основном развивали тему кустарного производства в русле общеаграрной тематики капиталистической истории России, показали эволюцию разных форм собственности в стране, уровень социального расслоения крестьянства. Советскими этнографами исследована промысловая культура местного населения как базовый компонент традиционной бытовой культуры, подробно изучены функции предметов быта и способы их изготовления. Пожалуй, первой работой об условиях жизни русского крестьянства в Сибирском регионе, его ремесленном занятии можно считать научную статью критика Д. Болдырева-Казарина ([Болдырев-Казарин, 1924](#)).

Евгений Ащепков затронул вопросы архитектуры крестьянских деревень, миграционные процессы и этнические особенности культуры и быта. По его мнению, «взаимодействие русских с коренными жителями в Сибири привело к усилению в декоре своеобразно переработанных элементов декоративного искусства Востока и элементов орнамента коренных народов края» ([Ащепков, 1950](#)). Коллективная монография по этнографии русского крестьянства Сибири (XVII – середина XIX вв.) впервые дала детальный анализ хронологии, исторических этапов и тенденций развития русской традиционной культуры Сибири, ее местной специфики в организации быта, народных праздников, изготовлении одежды, строительстве жилья, приготовлении пищи и т.п. ([Этнография..., 1981](#)). Итак, советский период углубил разработку проблемы заселения русских в Сибирь и формирования в крае особой традиционной культуры, начатую местными авторами до революции.

В начале 1990-х гг. происходит пересмотр старых концепций, начинаются попытки использования междисциплинарного подхода. В частности, Н.Х. Шайхтдинова положила начало большой практической музейной работе – обработке и систематизации памятников истории и культуры в регионе ([Шайхтдинова, 1999](#)). О.Н. Шелегина в рамках культурно-антропологического подхода предприняла исследование механизма жизнеобеспечения русских переселенцев в Западной Сибири XVIII–XX вв., провела ряд комплексных историко-этнографических экспедиций ([Шелегина, 2005](#)). Она ввела в научный оборот комплекс архивных документов и коллекционных собраний местных музеев и с помощью методов количественного анализа доказывает, что русские сибиряки сложились в единую общность, субэтнос. В ее монографии, посвященной этапам складывания традиционной культуры переселенцев в Сибирском регионе XIX–XX вв., рассмотрены проблемы взаимодействия сельской традиционной и городской урбанизированной формы культуры ([Традиционная культура..., 2003](#)).

Е.М. Козлова-Афанасьева исследовала специфику деревянной резьбы в южных селах Зауралья, ее региональную специфику и стилистические черты. Автор привлек обширный арсенал фотоматериалов и натурных обследований, ранее не выявленных памятников истории и культуры Тюменской области, а также музейных коллекций ([Козлова-Афанасьева, 2008](#)).

В целом, в советской и новейшей историографии проблема расселения и развития народных промыслов в сельских поселениях юга Тюменской области получила различную степень освещения. Советский этап характеризуется большим вниманием к проблемам социально-экономической жизни, чрезмерной политизацией и идеологизацией. Для новейшего этапа характерны расширение источниковой базы исследований, использование междисциплинарного и антропологического подходов, публикации обобщающих трудов с освещением локальных аспектов развития промыслов и ремесел.

4. Результаты

Сегодня проводятся выставки и музейные практики по сохранению и популяризации народного прикладного творчества. Осуществляется серия экспедиций по городам и селам, в научный оборот вводится уникальный материал по традиционному искусству, вещественные и изобразительные источники, архивные документы. Объединяющим для всех видов исследований на современном этапе является анализ факторов, влияющих на расселение в регионе (экономических, климатических), на размещение кустарных промыслов, особый быт и традиции переселенцев ([Туров, 2018](#)). В то же время на сегодняшний день нет обобщающих работ, воссоздающих картину эволюции системы сельского расселения и развития народных промыслов, формирования историко-культурного ландшафта в регионе. Имеющиеся труды фрагментарны и хронологически ограничены.

Недостаточно исследованы исторически сложившиеся центры народных промыслов. Необходимо изучение динамики и состояния (угасание или сохранение) промыслов и ремесел как материального и нематериального историко-культурного наследия России на современном этапе. На юге Тюменской области еще сохранилось несколько исторических сел для специального разбора процесса их заселения, размещения населения, строительства домов, объектов местного хозяйства, повседневных занятий, развития промыслов и др. Так, на юге Зауралья сформировались центры по переработке сырья, которые сегодня именуют «производственными». В частности, село Заводопетровское было основано в 1775 г. при казенном винокуренном заводе. К началу XIX в. поселение приобретает черты промышленного, складываются его инфраструктура и гидротехническая система с заводским прудом и плотиной ([Сенникова, 2019](#)).

Обзор историографии позволяет сформулировать результаты и перспективные направления для дальнейшего изучения проблемы. Во-первых, необходимо четко установить основные этапы, особенности и закономерности процесса расселения на юге Зауралья. Скажем, в рамках хронологических рамок выделить основные этапы расселения (1782–1797, 1798–1850, 1850–1885, 1885–1904, 1905–1917), каждый из которых имеет свои черты и отличия, вызванные разными факторами (первый период и его начальная дата связана с образованием Тобольского наместничества, а последняя – с его упразднением). Очевидно, что заселение происходило хаотично на нескольких территориях, со временем увеличиваясь, соответственно появлялись новые поселения вокруг административных центров. Сооружение Транссибирской магистрали (1885 г.) вызвало приток переселенцев из центральной части страны, внесло изменения в сложившуюся систему расселения (Журин, 2000: 11-16); на потоки переселенцев в регионе оказала влияние и русско-японская война 1904–1905 гг., и первая русская революция 1905–1907 гг. и пр.

Во-вторых, необходимо провести классификацию, выделить типы южных поселений Зауралья. В процессе переселения населения здесь сложились приречные, приозёрные и притрактовые села (рис. 1). Ряд ученых исследовал типы сельских поселений (Клименко, 2019: 141). Однако нет подробного описания конкретных сел, мало их картографических описаний, а также фотографий текущего состояния объектов историко-культурного наследия (рис. 2–4).

Приречные

Приозёрные

Притрактовые

Рис. 1. Типы сельских поселений

В-третьих, следует рассмотреть наиболее устойчивые (сложившиеся в селах) промыслы, ремесла и традиции. Основные народные промыслы данных сел: деревянное зодчество, косторезное ремесло, обработка металла; керамика; лозоплетение; обработка ткани: ткачество, ковроткачество, плетение кружев, валяние. К примеру, сельские поселения на Старо-Тобольском тракте стали центрами деревянного зодчества сел Ярково, Покровское, Созоново, Усалка и др. Кроме этого, можно провести фотофиксацию, составить карты сельских поселений с указанием доминирующего промысла.

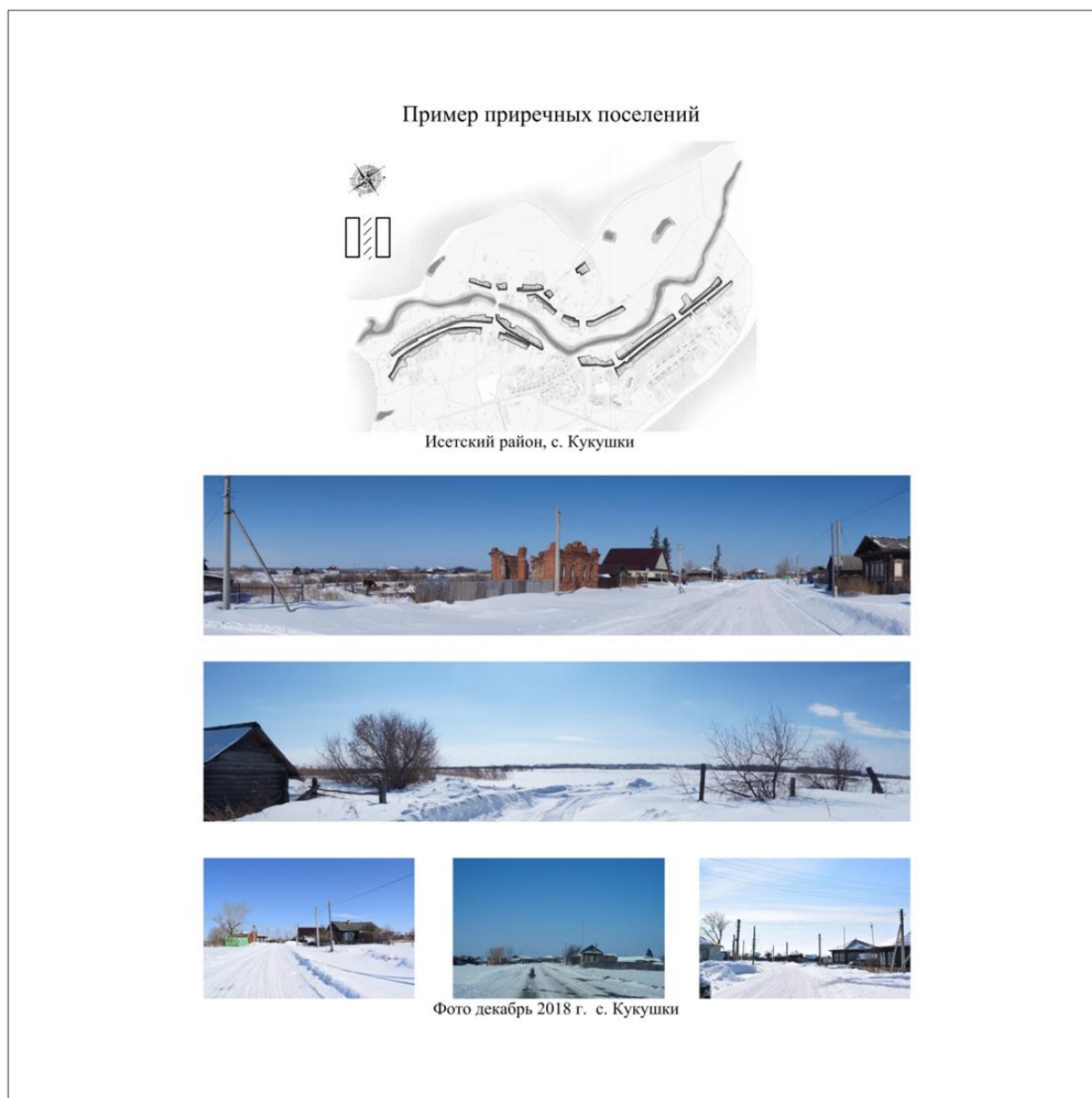

Рис. 2. Приречное поселение – с. Кукушки, Исетский район

В-четвертых, следует раскрыть специфику народных промыслов как синтеза разнокультурного влияния и взаимообогащения. В частности, памятники деревянного зодчества в селах воплотили традиции русского народа и местных обычаев, став уникальными. В числе первых сельских построек – церкви. В селах деревянные храмы имели ключевое общественное значение, формировали характерный ландшафт населенного пункта. В настоящее время многие церкви, имеющие историко-культурное значение и зачастую внесенные в реестр памятников архитектуры, остались без внимания государственных надзорных органов и специалистов-реставраторов.

Рис. 3. Приозерное поселение – с. Исетское, Исетский район

Работа по выявлению и сохранению памятников деревянного зодчества в селах юга региона включает ряд действий, например, по созданию «музеев под открытым небом» (Гайдук, 2020) и привлечению внимания государственных структур к процессу сохранения уникальных объектов в южных селах Зауралья. Исследование памятников деревянного зодчества позволяет показать их потенциал в контексте социально-экономического развития поселений, определить способы их использования (в частности музеефикация), выявить общие тенденции формирования деревянной застройки, стилевые направления и необходимость реконструкции, реставрации и консервации памятников (Обследование..., 1990).

Рис. 4. Притрактковое поселение – с. Усалка, Ярковский район

В селе Нижнеманай близ Тюмени церковь была построена в 1866 г. на средства прихожан. В состав прихода входило 6 деревень (463 двора), прихожан насчитывалось 3300 человек, расстояние до уездного города 92 версты. В селе был построен дом церковного притча. Служащими храма являлись священник, дьякон и псаломщик. На средства прихожан в 1886 г. была организована церковно-приходская школа. В 1937 г. церковь была закрыта. В советское время в здании располагался дом культуры. Деревянный храм на каменном фундаменте, расположенный вдоль ул. Нижнеманайской при въезде в село, характеризуется традициями деревянного зодчества XVII в. с влиянием псевдорусского стиля.

Рис. 5. Церковь Владимирская иконы Божией Матери, с. Нижнеманай. Фото 1990-х гг.

Сегодня церковь Владимирская сохранила свое градостроительное и общественное значение в формировании композиции и архитектурно-художественного облика села Нижнеманай. Статус церкви как объекта историко-культурного наследия подчеркивает ее значимость и диктует необходимость сохранения ее художественных и конструктивных характеристик.

В-пятых, следует проследить эволюцию народных промыслов, причины упадка некоторых видов. Например, в эволюции деревянной резьбы в селах региона исследователи выделяют шесть типов наличников, от простых (1850-е гг.) к сложным (1920-е гг.) (Клименко, 2019: 143).

В-шестых, нужно продолжить работу по внедрению в научный оборот новых источников: архивных документов, музейных коллекций, материалов натурных обследований, газет и журналов, картографических источников и др. Например, из фондов государственного архива Тюменской области (Ф. И-10. Тюменский земский суд; Ф. И-48. Курганско-Ялуторовская поземельно-устроительная партия) и государственного архива в г. Тобольске (Ф. И-175. Тобольское поселенческое управление) можно установить, как осуществлялась правительственная политика по переселению, раскрыть те или иные особенности процесса расселения. В частности, из документов ГАТО следует, что в 1850 г. 15 крестьянских семейств «за неплатеж государственных недоимок» из деревни Самодуровой Рязанской губернии были переселены в Курганский округ Тобольской губернии (ГАТО. Ф. И-48. Оп. 1. Д. 24. Л. 1-5); Тобольским губернским правлением 1,5 года (с марта 1840 по сентябрь 1841 гг.) решался вопрос размежевания спорных земель между татарами Асланинских и Новоатъяновских юрт Ялуторовского округа (ГАТО. Ф. И-48. Оп. 1. Д. 37. Л. 1-19).

В-седьмых, рекомендуется создать региональный познавательный туристический маршрут по сельским поселениям Зауралья (пилотный проект!) с тематическими экскурсиями, включая посещение музеев, мастерских, этноцентров, центров художественных ремесел, что будет способствовать сохранению и популяризации традиционной культуры края, воспитанию патриотизма, национального самосознания, формированию духовно-нравственной личности.

5. Заключение

Подводя итоги изучения процесса расселения в сельских поселениях Зауралья в досоветское время, следует отметить малоизученность проблемы, что также подтверждается обзором историографии. На развитие системы расселения на юге региона оказал влияние комплекс географических и социально-экономических факторов, а также переселенческая политика правительства. Процесс переселения во многом был хаотичным, с периодами спада и подъема. Население размещалось на территориях с благоприятным климатом для занятий земледелием и скотоводством. В результате расселения в конце XVIII–XIX вв. появились новые поселения вокруг городов, сложилась сеть притрактных, приозерных и приречных сел. Под влиянием и обогащением разных субкультур сформировался особый образный строй народных промыслов и ремесел, самобытный историко-культурный ландшафт региона, что в целом является перспективной сферой для дальнейшего исследования.

Литература

Ащепков, 1950 – *Ащепков Е.* Русское народное зодчество в Западной Сибири. Москва: Изд. Академии архитектуры СССР, 1950. 140 с.

Болдырев-Казарин, 1924 – *Болдырев-Казарин Д.А.* Народное искусство Сибири // Сибирская живая старина. 1924. Вып. II. С. 5-19.

Буцинский, 1889 – *Буцинский П.Н.* Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков: Типография губернского правления, 1889. 345 с.

Гайдук, 2020 – *Гайдук М.Ю., Клименко А.И.* Актуальность создания этнографических музеев деревянного народного зодчества в Тюменской области // Архитектура и архитектурная среда: вопросы исторического и современного развития: Материалы Международной научно-практической конференции. Тюмень: БИК ТИУ, 2020. С. 157-168.

Головачев, 1902 – *Головачев П.М.* Сибирь, природа, люди, жизнь. Москва: Изд. Ю.И. Базановой: Типо-литография Товарищества «Кушнерев и К°», 1902. 300 с.

Головачев, 1914 – *Головачев П.М.* Экономическая география Сибири. Москва: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1914. 183 с.

ГАТО – Государственный архив Тюменской области.

Журин, 2000 – *Журин Н.П.* Градостроительство в Сибири второй половины XIX – начала XX вв. Новосибирск: Темплан, 2000. 108 с.

Клименко, 2019 – *Клименко А.И.* Развитие системы расселения и народных промыслов в южных поселениях Зауралья (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Вопросы истории.* 2019. № 12–2. С. 140-145.

Козлова-Афанасьева, 2008 – *Козлова-Афанасьева Е.М.* Архитектурное наследие Тюменской области: иллюстрированный научно-практический каталог. Тюмень: Изд. Искусство, 2008. 488 с.

Обследование..., 1990 – Обследование памятников архитектуры Тюменской области. Научный отчет. Москва: Архив института «Спецпроектреставрация», 1990. Т. 1. Кн. 1.

Сенникова, 2019 – *Сенникова Е.А., Клименко А.И., Федоров А.Н.* Исторические производственные поселения юга Тюменской области на примере села Заводопетровское // Архитектура и архитектурная среда: вопросы исторического и современного развития–2019: Материалы Международной научно-практической конференции. Тюмень: ТИУ, 2019. С. 275-281.

Скалозубов, 1896 – *Скалозубов Н.Л.* Из поездок по Тобольской губернии в 1895 г. Тобольск: Типография Тоб. епарх. братства, 1896. 21 с.

Словцов, 1838–1844 – *Словцов П.А.* Историческое обозрение Сибири. Москва: Тип. А. Семена, при Медико-хирург. акад., 1838–1844. Кн. 1–2. Т. 2. 589 с.

Традиционная культура..., 2003 – Традиционная культура русских Западной Сибири XIX–XX вв. Очерки истории и быта / М.Л. Бережнова, Д.А. Алисов, Т.Н. Золотова. Омск: ООО Изд. дом «Наука», 2003. 243 с.

Туров, 2018 – *Туров С.В.* Освоение Западной Сибири в контексте исторической энтомологии (XVII – начало XX в.) // *Quaestio Rossica.* 2018. Т. 6. № 2. С. 550-562.

Фальк, 1822–1824 – *Фальк И.П.* Записки, путешествия. Санкт-Петербург: Импер. академия наук, 1822–1824. Т. 5–6. Т. 6. 546 с.

Чукмалдин, 1902 – *Чукмалдин Н.М.* Записки о моей жизни. Москва: Типо-литография А.В. Васильева и К°, 1902. 197 с.

Шайхтдинова, 1999 – *Шайхтдинова Н.Х.* Тюменские прялки XIX – начала XX веков в собрании Тюменского музея изобразительных искусств. Тюмень: Изд. Тюмень, 1999. 31 с.

Шелегина, 2005 – *Шелегина О.Н.* Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири в XVIII – начале XX вв.: К постановке проблемы. Новосибирск: Сибирская научная книга, 2005. 192 с.

Щелгунов, 1871 – *Щелгунов Н.В.* Сочинения. Сибирь на большой дороге. СПб.: Тип. В. Демакова, 1871. Т. 1. С. 183-299.

Этнография..., 1981 – Этнография русского крестьянства Сибири (XVII – середина XIX в.) / В.А. Александров, И.В. Власова, В.А. Липинская и др.; отв. ред. В.А. Александров. Москва: Наука, 1981. 270 с.

Ядринцев, 1892 – *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб.: Изд. И.М. Сибирякова, 1892. 720 с.

References

Ashchepkov, 1950 – *Ashchepkov, E.* (1950). Russkoe narodnoe zodchestvo v Zapadnoi Sibiri [Russian folk architecture in Western Siberia]. Moskva : Izd. Akademii arkhitektury SSSR, 1950. 140 p. [in Russian]

Boldyrev-Kazarin, 1924 – *Boldyrev-Kazarin, D.A.* (1924). Narodnoe iskusstvo Sibiri [Folk art of Siberia]. *Sibirskaya zhivaya starina.* Вып. II. pp. 5-19. [in Russian]

Butsinskii, 1889 – *Butsinskii, P.N.* (1889). Zaselenie Sibiri i byt ee pervykh nase'l'nikov [The settlement of Siberia and the life of its first inhabitants]. Khar'kov: Tipografiya gubernskogo pravleniya, 345 p. [in Russian]

- Chukmaldin, 1902** – *Chukmaldin, N.M.* (1902). Zapiski o moei zhizni [Notes on my life]. Moskva : Tipo-litografiya A.V. Vasil'eva i K^o, 197 p. [in Russian]
- Etnografiya..., 1981** – Etnografiya russkogo krest'yanstva Sibiri (XVII – seredina XIX v.) [Ethnography of the Russian peasantry of Siberia (XVII – mid XIX century)]. V.A. Aleksandrov, I.V. Vlasova, V.A. Lipinskaya i dr.; otv. red. V. A. Aleksandrov. Moskva: Nauka, 1981. 270 p. [in Russian]
- Fal'k, 1822–1824** – *Fal'k, I.P.* (1822–1824). Zapiski, puteshestviya [Notes, travel]. Sankt-Peterburg: Imper. Akademiya Nauk. T. 5-6. 6 t. 546 p. [in Russian]
- Gaiduk, 2020** – *Gaiduk, M.Yu., Klimenko, A.I.* (2020). Aktual'nost' sozdaniya etnograficheskikh muzeev derevyannogo narodnogo zodchestva v Tyumenskoj oblasti [Relevance of the creation of ethnographic museums of wooden folk architecture in the Tyumen region]. Arkhitektura i arkhitekturnaya sreda: voprosy istoricheskogo i sovremennogo razvitiya: mat. mezhdun. nauchno-prakt. konf. Tyumen': BIK TIU. Pp. 157-168. [in Russian]
- GATO** – Gosudarstvennyi arkhiv Tyumenskoj oblasti [State archive of the Tyumen region].
- Golovachev, 1902** – *Golovachev, P.M.* (1902). Sibir', priroda, lyudi, zhizn' [Siberia, nature, people, life]. Moskva : Izd. Yu. I. Bazanovoi : Tipo-litografiya Tovarishchestva «Kushnerev i K^o», 300 p. [in Russian]
- Golovachev, 1914** – *Golovachev, P.M.* (1914). Ekonomicheskaya geografiya Sibiri [Economic geography of Siberia]. Moskva: Tipografiya Tovarishchestva I.D. Sytina, 183 p. [in Russian]
- Klimenko, 2019** – *Klimenko, A.I.* (2019). Razvitie sistemy rasseleniya i narodnykh promyslov v yuzhnykh poseleniyakh Zaural'ya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [The development of the settlement system and crafts in the southern settlements of the Trans-Urals (the second half of the XIX – early XX centuries)]. *Voprosy istorii*. 12-2: 140-145. [in Russian]
- Kozlova-Afanas'eva, 2008** – *Kozlova-Afanas'eva, E.M.* (2008). Arkhitekturnoe nasledie Tyumenskoj oblasti: illyustrirovannyi nauchno-prakticheskii katalog [Architectural heritage of the Tyumen region: illustrated scientific and practical catalog]. Tyumen': Izd. Iskusstvo, 488 p. [in Russian]
- Obsledovanie..., 1990** – Obsledovanie pamyatnikov arkhitektury Tyumenskoj oblasti. Nauchnyi otchet [Survey of architectural monuments of the Tyumen region. Scientific report]. Moskva: Arkhiv instituta «Spetsproektrestavratsiya», 1990. T. 1, kn. 1. [in Russian]
- Sennikova, 2019** – *Sennikova, E.A., Klimenko, A.I., Fedorov, A.N.* (2019). Istoricheskie proizvodstvennye poseleniya yuga Tyumenskoj oblasti na primere sela Zavodopetrovskoe [Historical production settlements of the south of the Tyumen region using the example of the village of Zavodopetrovskoye]. Arkhitektura i arkhitekturnaya sreda: voprosy istoricheskogo i sovremennogo razvitiya-2019: mat. mezhdun. nauchno-prakt. konf. Tyumen': TIU, pp. 275-281. [in Russian]
- Shaikhtdinova, 1999** – *Shaikhtdinova, N.Kh.* (1999). Tyumenskie pryalki XIX – nachala XX vekov v sobranii Tyumenskogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv [Tyumen spindles of the XIX – early XX centuries in the collection of the Tyumen Museum of Fine Arts]. Tyumen': Izd. Tyumen', 31 p. [in Russian]
- Shchelgunov, 1871** – *Shchelgunov, N.V.* (1871). Sochineniya. Sibir' na bol'shoi doroge [Compositions. Siberia on the big road]. Sankt-Peterburg : Tip. V. Demakova. T. 1. pp. 183-299. [in Russian]
- Shelegina, 2005** – *Shelegina, O.N.* (2005). Adaptatsionnye protsessy v kul'ture zhizneobespecheniya russkogo naseleniya Sibiri v XVIII – nachale XX vv.: K postanovke problemy [Adaptation processes in the culture of life support of the Russian population of Siberia in the XVIII – early XX centuries: To the formulation of the problem]. Novosibirsk: Sibirskaya nauchnaya kniga, 192 p. [in Russian]
- Skalozubov, 1896** – *Skalozubov, N.L.* (1896). Iz poezdok po Tobol'skoi gubernii v 1895 g. [From trips to the Tobolsk province in 1895]. Tobol'sk: Tipografiya Tob. Eparkh. bratstva, 21 p. [in Russian]
- Slovtsov, 1838–1844** – *Slovtsov, P.A.* (1838–1844). Istoricheskoe obozrenie Sibiri [Historical review of Siberia]. Moskva: Tip. A. Semena, pri Mediko-khirurg. akad. Kn. 1-2. 2 t. 589 p. [in Russian]
- Traditsionnaya kul'tura..., 2003** – Traditsionnaya kul'tura russkikh Zapadnoi Sibiri XIX-XX vv. Ocherki istorii i byta [Traditional culture of Russian Western Siberia of the XIX-XX centuries. Essays on history and life]. *M.L. Berezhnova, D.A. Alisov, T.N. Zolotova.* Omsk: OOO Izd. dom «Nauka», 2003. 243 p. [in Russian]
- Turov, 2018** – *Turov, S.V.* (2018). Osvoenie Zapadnoi Sibiri v kontekste istoricheskoi entomologii (XVII – nachalo XX v.) [The development of Western Siberia in the context of historical entomology (XVII – early XX centuries)]. *Quaestio Rossica*. T. 6. 2: 550-562. [in Russian]
- Yadrintsev, 1892** – *Yadrintsev, N.M.* (1892). Sibir' kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnosheni [Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms]. Sankt-Peterburg: Izd. I.M. Sibiryakova, 720 p. [in Russian]
- Zhurin, 2000** – *Zhurin, N.P.* (2000) Gradostroitel'stvo v Sibiri vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv. [Urban planning in Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries]. Novosibirsk: Templan, 108 p. [in Russian]

Итоги и перспективы изучения процесса расселения и развития народных промыслов в южных поселениях Зауралья (конец XVIII – начало XX веков)

Александр Борисович Храмцов ^{а, *}

^а Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрены итоги изучения базовых проблем социальной жизни, возникающих в процессе расселения населения, формирования устойчивых традиций, промыслов и ремесел в южных селах Зауралья конца XVIII – начала XX вв. Выделены три периода историографии: дореволюционный, советский и современный. В каждом из них исследованы базовые труды, дана их характеристика, показана фрагментарность работ. Научная новизна исследования связана с малоизученностью процесса расселения и специфики сельских промыслов, где под взаимовлиянием и обогащением разных культур сложился особый образный строй народного прикладного творчества. Обзор историографии позволил автору сформулировать перспективные направления для дальнейшего изучения темы: выделение основных этапов, особенностей и закономерностей процесса расселения; комплексная типология сельских поселений юга региона; определение сложившихся в селах промыслов, ремесел и традиций; исследование специфики народных промыслов, их эволюции, причин упадка некоторых видов; внедрение в научный оборот новых источников по теме: архивных документов, музейных коллекций, материалов натурных обследований, периодических изданий, карт местностей; создание регионального туристского маршрута по южным поселениям Тюменской области. Полученные в ходе исследования результаты могут стать теоретической базой для популяризации традиционной культуры и духовно-нравственного воспитания молодежи.

Ключевые слова: процесс расселения, переселенческая политика, исторические сельские поселения; народные промыслы, деревянное зодчество, историко-культурное наследие, Зауралье.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: khramtsov_ab@bk.ru (А.Б. Храмцов)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 85-96.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.85
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Contribution of Russian Researchers in the Collection and Study of Materials on the Customary Law of the Kazakhs (late 18th – early 20th centuries)

Nursan A. Alimbay ^{a, *}, Bolat K. Smagulov ^b

^a Central State Museum of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (MES RK), Republic of Kazakhstan

Abstract

The article analyzes the works of pre-revolutionary Russian authors, affecting various aspects of customary law as one of the main institutions for regulating the life of Kazakh nomads. The article reveals the motives of the Russian authorities organization of the study of traditional customary legal practices in the nomadic environment in the context of the increasingly growing influence of the Russian Empire in the Kazakh steppe. In this context, special attention is paid to the analysis of the contribution of Russian scientists in the collection and publication of materials on customary law of the local population, as well as the factors that cause uneven in the process of collecting materials in various regions of the province. The authors conclude that the study process was more or less well organized, especially in the Western, northwestern and Northern regions, since they were previously drawn into the orbit of the active influence of the Russian Empire. While the emphasis is on the question of the relationship between customary law of the Kazakhs from the official Empire-wide legal standards, including in terms of administrative and legal reforms in the traditional system of justice of the Kazakhs from the 60-ies of the XIX century. We are talking about the attempt of the Russian authorities to include a number of General Imperial legal norms in the ordinary legal practice of the local population by adopting and implementing numerous normative legal acts. It is concluded that thanks to the efforts of pre-revolutionary Russian researchers, a large volume of materials on various aspects of customary law, as one of the institutional components of traditional social relations among nomads, was collected and systematized. These priceless materials, which have become the property of the current generation of nomadic scholars, in fact, represent an inexhaustible source of studying not only the proper customary legal relations in the nomadic environment, but also the historical Ethnography of the Kazakhs in a wide chronological range.

Keywords: Russian historiography, nomadic society, bii court, people's court, customary law, customary legal relations, normative ethnography, historical ethnography of Kazakhs, ethnic history.

1. Введение

Как известно, обычное право играет огромную роль в жизни традиционного общества, поскольку в условиях отсутствия централизованного государственного аппарата в ряде доиндустриальных обществ, в том числе и в кочевом обществе казахов, институты, нормы и принципы обычно-правовых отношений являются едва ли не единственными регуляторами жизнедеятельности этноса. Дело в том, что правоприменительные и регулятивные функции обычно-правовых установлений и институтов выступали мощным институциональным фактором неукоснительного соблюдения кочевниками традиционных норм и принципов линии поведения во всех сферах жизнедеятельности социума, в первую очередь в системе земле- и водопользования на родовой территории, а также внутри- и межродовых отношений. Иными словами, обычно-правовое

* Corresponding author

E-mail addresses: burgan555@gmail.com (N.A. Alimbay), bolat_alemdar@mail.ru (B.K. Smagulov)

обеспечение незыблемости сложившихся веками фундаментальных принципов и норм общественных отношений в кочевой социокультурной среде являлось основополагающим условием сохранения многовекового баланса взаимодействия между социумом, скотом и средой обитания.

Сказанное объясняет, почему российские власти изначально придавали первостепенное значение именно сбору и всестороннему изучению материалов по обычно-правовым отношениям, в особенности правоприменительным обычаям и традиционному судопроизводству в Степном крае.

Предлагаемая статья в известном смысле является продолжением нашего предыдущего исследования, посвященного изучению колониальной политики Российской империи в сфере земельных отношений (Alimbay, Smagulov, 2020), поскольку «дореволюционная российская историография в конечном счете выполняла и функцию идеологического обоснования неизбежности признания коренным населением Степного края, как выразился генерал-губернатор Оренбургской области Н.А. Крыжановский, «русской власти над собой» (Алиббай, 2015: 16-17).

2. Материалы и методы

Дореволюционная российская историография по теме традиционно характеризуется обилием разнохарактерных по уровню организации и подачи материалов, разнонаправленных по тематической структуре исследований. Вследствие этого для охвата всех имеющихся работ требуется специальное исследование монографического уровня. Поэтому с учетом объема и предметно-целевой установки статьи были выбраны те публикации, которые по уровню и направленности организации и подачи необходимого объема материала, на наш взгляд, олицетворяют основные достижения дореволюционных российских исследователей в области изучения казахских правовых обычаев и институтов. Иначе говоря, основная причина отбора этих трудов как более репрезентативной категории источников для нашей статьи заключается в том, что они действительно выгодно отличаются богатством своей источниковой базы и подробностью трактовки тех или иных аспектов интересующей нас проблематики.

При анализе материалов и их научной интерпретации нами использованы следующие методы: а) *сравнительно-исторический*, который позволил исследовать процесс изучения реального вклада дореволюционных российских исследователей в проблематику, во-первых, в социальном и политическом контексте становления и развития дореволюционной историографической традиции, во-вторых, с точки зрения преемственности одновременных научных разработок; б) *метод компаративного анализа* применялся в двух взаимообусловленных направлениях – диахронно-сравнительном и синхронно-сравнительном. Диахронно-сравнительный подход позволил исследовать процесс накопления знаний по конкретным аспектам темы, синхронно-сравнительный – определить реальный вклад того или иного исследователя в историографию вопроса; в) *метод структурно-проблемного анализа* применялся в целях изучения содержания исследований с точки зрения взаимообусловленных связей тех или иных аспектов проблематики, а также достигнутого уровня знаний в каждом из них.

3. Обсуждение

Количество публикаций, имеющих в настоящее время по интересующей нас теме, немного. Речь идет о тех исследованиях, где освещались те или иные аспекты вопросов правоприменительных функций обычно-правовых установлений, также механизма судопроизводства в кочевом обществе казахов. По предметно-целевой направленности и способу организации и подачи материала их условно можно разделить на две группы. Первую – составляет собственно историографическая часть специальных исследований, которая послужила определению степени изученности и одновременно обоснованию актуальности избранного авторами того или иного направления проблематики (Зиманов, 1958; Фукс, 1981; Кенжалин, 1997; Культелеев, 2004 и др.).

В следующую группу входят лишь две специальные научные публикации – О.В. Брусиной и Р.Ю. Почекаева. К этой группе с известной долей условности можно отнести и монографию американского специалиста в области юридической антропологии Вирджинии Мартин, поскольку российская дореволюционная историографическая традиция американским автором рассматривается и в качестве особого направления, как она выражается, имперского проекта колонизации территории Казахстана (Мартин, 2012: 20).

Что касается двух отмеченных исследователей, то диапазон их статей, как подобает такому виду научного исследования, носит ограниченный и тематически несколько специализированный характер. Исследование О.В. Брусиной, будучи вводной частью переизданного в 2011 году известного труда Н.И. Гродекова, генерал-губернатора Сырдарьинской области, целиком посвящено политической биографии и анализу историко-правоведческого исследования этого выдающегося представителя дореволюционной российской историографии (Брусина, 2011: 486-519).

В статье же Р.Ю. Почекаева, известного исследователя обычно-правовых традиций кочевников Центральной Азии, в том числе и казахов, анализируется лишь история изучения судебной власти и функции биев. Однако достоинство данной публикации в том, что изучаемый вопрос рассматривается в огромном хронологическом диапазоне – от XIX до начала XXI веков (Почекаев, 2012: 81-88).

4. Результаты

Сложение историографии «законов степи» связано с именем офицера регулярной российской армии И.Г. Андреева (1744–1824), создавшего в промежутке с 1785 по 1790 годы первое специальное исследование (Андреев, 1799). Труд примечателен тем, что в нем автор, пожалуй, впервые в российской историографии характеризует судебную функцию казахского султана (по терминологии автора – «салтана») (Андреев, 1998: 58). По свидетельству исследователя, потерпевшая сторона часто обращается к «салтану», когда «...бывает великий съезд» знатных представителей кочевой аристократии – султанов, биев, батыров, родоправителей, аксакалов (старейшин) (Андреев, 1998: 58). В труде имеются также сведения о барымте и куне как институциональных составляющих обычно-правовой практики кочевников (Андреев, 1998: 58).

Что касается его двух предшественников – П.С. Палласа (1741–1811) и И.Г. Георги (1729–1802), то диапазон их интересов по рассматриваемой теме ограничивается лишь упоминанием наличия в кочевой среде своей системы судопроизводства (Паллас, 1773: 574-575; Георги, 1799: 125).

Последующий этап – первая половина XIX века – в развитии историографии обычного права казахов преимущественно связан с изучением, прежде всего, свода законов «Жеті Жарғы» («Семь уложений»), принятого, как известно, при инициативе и непосредственном участии Тауке хана (1698–1715/1718) и верховных биев трех жузов¹ – Толе би, Казыбек би и Айтеке би (История Казахстана..., 1997: 424-433). Наукой установлено, что «Жеті Жарғы» представляет собой первый письменно зафиксированный свод кодифицированных обычно-правовых установлений в кочевой среде: имеется ряд документированных материалов, хотя и не совсем полных (Гавердовский, 2007, т. V: 388-392; Спасский, 1820, ч. 9: 129-133; Левшин, 1832, ч. 3: 170-178 и др.). При этом считается, что наиболее полная версия указанного свода законов была опубликована А.И. Левшиным в его труде по истории и культуре казахов (Левшин, 1832, ч. 3). Тем не менее в этом вопросе имеется ряд спорных аспектов. В первую очередь речь идет о недостаточной обоснованности позиции тех ученых, которые полагают, что именно Г. Спасскому, а вслед за ним А.И. Левшину (1798–1879) удалось зафиксировать в письменном виде «Жеті Жарғы» (Султанов, 2001: 233; Өсерұлы, 2005: 368-370; Мартин, 2012: 16-21 и др.). На самом же деле история письменной фиксации ряда уложений данного закона восходит все еще к малоизвестному труду по истории и этнографии казахов, написанному в начале XIX века офицером Оренбургской пограничной линии Я.П. Гавердовским (Гавердовский, 2007, т. V: 388-392). Попутно отметим, что этим трудом он, в сущности, заложил основу исторической этнографии казахов как одного из ключевых направлений дореволюционной российской историографической традиции по Казахстану.

В контексте сказанного заслуживает быть отмеченным еще один немаловажный вопрос относительно структурной и содержательной взаимосвязанности трудов Я.П. Гавердовского, Г. Спасского и А.И. Левшина, особенно в той их части, где речь идет о «Жеті Жарғы». Сравнительное изучение содержания и архитектоники этих исследований достаточно определенно свидетельствует о том, что А.И. Левшин в процессе создания работы активно заимствовал структуру и материалы трудов двух своих предшественников, особенно Г. Спасского. Правда, свою работу А.И. Левшин снабдил новыми сведениями, в частности относительно интересующего нас ее раздела по обычно-правовой практике у кочевников, в том числе по структуре «Жеті Жарғы». Действительно, если содержание «Жеті Жарғы» в варианте Я.П. Гавердовского состоит всего из 15 разделов (кодифицированных уложений – статей), а у Г. Спасского – из 11, то у А.И. Левшина – 34. Очевидно, именно поэтому вариант А.И. Левшина специалистами используется чаще всего как наиболее полная версия указанного свода обычно-правовых установлений.

Тем не менее материалы по «Жеті Жарғы» в трудах упомянутых выше двух авторов – Я.П. Гавердовского и Г. Спасского – как в историографическом, так и источниковедческом отношениях примечательны тем, что в них впервые в российской научной традиции документально зафиксированы действовавшие традиционные обычно-правовые нормы еще во времена правления вышеназванного хана Тауке. В этой связи особенно заслуживают быть отмеченными те установления «Жеті Жарғы», которые приводит в своей работе Г. Спасский (Спасский, 1820, ч. 9: 129-133). Речь идет, в частности, о содержавшемся в его варианте «Жеті Жарғы» принципа талиона («кровь за кровь»), однако с альтернативной возможностью замены смертной казни лицу, совершившему убийство человека, материальным возмещением, именуемым у казахов «кун». Здесь же в отмеченном русле сформулирована другая статья, в которой говорится, что «за честь женского пола, когда кто растлит или насильно учинит блудодеяние, того человека умерщвляли или за бесчестие зыскивали с него 200 лошадей» (Спасский, 1820: 130). При этом отметим, что указанные материалы, по собственному признанию Г. Спасского (Спасский, 1820: 130), были составлены им по письменному сообщению мусульмански грамотного человека – старшины рода жаппас Кобека Шукуралиева в 1804 году, как пишет автор, «на татарском (казахском – Авт.) языке».

¹ Жуз (каз. «жуз») – название высшей формы самоорганизации казахов-кочевников, выполнявшей в историческом прошлом функции, прежде всего, территориальной и политической интеграции генеалогически близких родов-общин. Примерно в начале XVII века казахи объединились в три жуза: старший, средний, младший (Алимбай, 2019: 113).

Активизация процесса изучения проблематики в указанный период связана собственно с принятием и реализацией двух административно-правовых актов: «Устава о сибирских киргизах» 1822 г. и «Устава об оренбургских киргизах» 1824 г., которыми было положено начало масштабной перестройке всей традиционной управленческо-властной структуры Среднего и Младшего жузов. Изменения же в сложившейся веками системе судопроизводства у казахов с перспективой окончательного замены этой самой системы российскими правовыми институтами и нормами являлись существенной частью имперского проекта по колонизации казахского края. Этим и объясняются и мотивы, и направленность сбора и изучения материалов по обычному праву кочевников.

В 1823 году в г. Омске был создан Временный комитет для собирания правовых обычаев казахов (Брусина, 2011: 487). А 8 февраля 1824 года было созвано специальное заседание, посвященное вопросам изучения обычного права казахов. В нем участвовали и некоторые известные среди местного населения видные представители кочевой аристократии, которые дали подробную информацию о местных правовых обычаях (Самоковасов, 1876: 245). В 1825 году на основе собранных материалов, по словам О.И. Брусиной, комитетом был подготовлен кодекс из 208 статей, который, однако, должным образом не был систематизирован (Брусина, 2011: 487). По неизвестным пока причинам указанные материалы были опубликованы лишь в 1876 году в г. Варшаве профессором Д.Я. Самоковасовым уже в виде систематизированного сборника (1876). В дальнейшем они использовались генералом С.Б. Броневским (1786–1858) в работе, опубликованной в 1830 году. Последующие собрания необходимых сведений по обычному праву казахов осуществлялись в северных регионах Степного края только в 1837–1838 гг. (Брусина, 2011: 491).

Примечательно, что в отмеченном труде Д.Я. Самоковасова, помимо правовых обычаев у казахов, рассматривались и некоторые нормы обычного права (по терминологии автора «обычай») тюркского населения юга Западной Сибири, а также угров и самодийцев северной части Западной Сибири и т.д. Такой способ организации и подачи материалов открывает для исследователей широкие возможности для сравнительного анализа рассмотренных автором соответствующих этнических параллелей в сфере обычно-правовых практик. В своей работе автор не делает никаких заключений, выводов, ограничиваясь простым изложением норм обычного права казахов. В интересующем нас аспекте заслуживает быть особо отмеченной та часть «сборника», в которой описаны активно функционировавшие на момент завершения сбора материалов для данного сборника (то есть к середине 20-х годов XIX века) следующие обычно-правовые нормы у казахов: а) возможность отвода судьи; б) ответственность судьи за свое решение; в) ответственность истцов и ответчиков за оскорбление суда; г) возможность лишения человека звания судьи; д) ответственность за лжесвидетельство; е) возможность апелляции на решение суда; ж) отказ от рассмотрения дела (в некоторых случаях) за давностью лет и т.д. (Самоковасов, 1876). При этом, по свидетельству автора, «султаны, хожи и старшины не имеют права наказывать виновных без совета общества, ...ибо народ сей почитает себя свободным, каждый может исполнять или не исполнять приказание» (Самоковасов, 1876: 258-259).

Сбор, систематизация и публикация обычно-правовых материалов по западным регионам Степного края для создания свода законов связаны с именем чиновника местных российских властей Л.И. д'Андре. В 1846 году он был командирован в западные регионы Казахстана Оренбургской пограничной комиссией. Созданный свод законов, по замыслу местных российских властей, должен был быть применен в традиционном судопроизводстве среди местного населения. При составлении данного свода д'Андре обратил внимание не только на специфические казахские термины, но и на их многозначность, что не всегда позволяло провести аналогии с соответствующими терминами русского языка. Так, в казахском социуме понятие «бий» означало не только знатоков правовых обычаев, но нередко и родоправителей. Кроме того, зачастую русские чиновники не различали правовые обычаи казахов и мусульманское право (Брусина, 2011: 487).

Как упоминалось выше, в 1830 году был опубликован большой, состоящий из шести частей труд генерала С.Б. Броневского «О Киргиз-Кайсаках средней Орды» (1830), в шестой части которого были описаны правоприменительные функции обычаев казахов в отношении различных видов преступлений. Однако структура труда тематически не совсем четко разграничена, что значительно затрудняет получение необходимой информации о тех или иных правовых установлениях с точки зрения их конкретного нормативно-целевого назначения. Тем не менее в нем содержатся практически не встречающиеся в трудах других российских авторов сведения о таком правовом обычае, как традиционный порядок усыновления (удочерения) в кочевой среде так называемых «незаконнорожденных» детей: «солтаны (султаны – Авт.) прижитых с сими наложницами детей признают законными детьми и дают им равные права с прижитыми от своих жен» (Броневский, 1830, ч. 6: 215).

В этой же части труда содержится весьма любопытная правовая норма, по которой поощрению подлежали лица, сумевшие уговорить иноверца, в частности христианина, принять ислам (Броневский, 1830, ч. 6: 262). В то же время по этому же установлению подвергались достаточно жесткому наказанию вступившие в христианство кочевники (Броневский, 1830, ч. 6: 215). Ценность данной информации заключается в том, что она достаточно определенно свидетельствует о глубоком

проникновении исламской идеологии во все поры жизнедеятельности кочевников в рассматриваемый период.

Представляет несомненный интерес и та часть его исследования, где говорится о порядке наказания виновных лиц за те или иные преступные деяния (убийство, кража, нанесение увечий и оскорблений и т.д.). При этом автор акцентирует внимание на том, что характер наказания виновных лиц, прежде всего, зависел от социального статуса потерпевших. К примеру, как отмечает автор, «ежели кто Хожу убьет до смерти, тот и вся волость платит родственникам убитого штраф такой, как платится за убийство простых семи человек, буде же не заплатят, то ближайших родственников убийцы, семь человек, повесить, в том числе и самого убийцу» и т.д. (Броневский, 1830, ч. 6: 263-264).

Аналогичные сведения содержатся и в упомянутом выше труде А.И. Левшина (Левшин, 1832: 170). Автор вслед за С.Б. Броневским также отмечает некоторое неприятие христианства казахами, что нашло отражение в нормах обычного права: «ежели кто примет христианскую веру, у того родственники отнимают все его имение» (Левшин, 1832: 174). Судя по стилистике и способу подачи материала в этой части труда, А.И. Левшин, похоже, использовал материалы и С.Б. Броневского.

К середине 1850-х годов российские власти взяли курс на отказ от попыток кодификации обычно-правовых норм у казахов, но их изучение продолжалось, поскольку региональные российские власти все-таки нуждались в конкретной этнографической и иной информации о местном населении (Брусина, 2011: 494).

То огромное значение, которое придавалось российскими властями изучению норм обычного права у казахов, подтверждается систематической организацией экспедиций российскими чиновниками в Степь в середине XIX века, в одной из которых (1862 г.) принимал участие и известный российский ученый-офицер Ч.Ч. Валиханов (Записка..., 1985, т. 4: 402). По итогам этой поездки в 1864 году из-под пера Ч.Ч. Валиханова вышла статья, посвященная судебной реформе, которую проводили в тот период русские власти (Валиханов, 1985, т. 4: 77-104). В ней автор, анализируя различия между судом биев у казахов и мировым судом Российской империи, приходит к выводу, что суд биев, главным достоинством которого он считал «отсутствие формальностей и всякой официальной рутины», в принципе можно было бы сохранить, поскольку судопроизводитель бий обладает глубокими «юридическими знаниями и ораторской способностью» (Валиханов, 1985, т. 4: 87), поэтому традиционная судебная система «вполне удовлетворяет развитию народа» (Валиханов, 1985, т. 4: 93, 95).

К сожалению, принятые российскими властями меры по приданию биям официального статуса так называемого «народного судьи» фактически превращали их в обычных чиновников со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями (к примеру, быстро распространившееся среди народных судей взяточничество, именуемое у казахов «пешкеш» и т.д.) (Валиханов, 1985, т. 4: 89; Записка о судебной реформе..., 1985, т. 4: 402).

Это обстоятельство подтверждается и материалами по обычному праву, собранными в различных частях казахских степей представителями российских властей, военными, путешественниками и т.д. Так, в сборнике материалов по северной части Казахстана в 60-х годах XIX века отмечается существенное ослабление традиционного судопроизводства у казахов вследствие внедрения в него общеимперских правовых норм (Материалы для географии и статистики..., 1868). В частности, как писал составитель данного сборника подполковник М. Красовский, принимаемое народными судьями судебное решение зачастую не реализовывалось, поскольку нередко сталкивалось с сопротивлением старшего султана или волостного управителя. Российские же власти, призванные обеспечить исполнение этого самого решения, фактически занимали стороннюю позицию (Материалы для географии и статистики..., 1868: 20).

Вместе с тем в указанных «Материалах...» подробно описывается и ряд норм традиционной обычно-правовой практики, который сохранил свою прежнюю нормативно-регулятивную функцию, особенно в сфере семейно-брачных отношений (Материалы для географии и статистики..., 1868: 48).

Все же, как отмечает М. Красовский, некоторые из приведенных в данном сборнике традиционных правовых норм вступили в противоречие с официальными имперскими юридическими нормами. Речь идет, в частности, о праве родных не свидетельствовать против любого родственника (Материалы для географии и статистики..., 1868: 84).

Один из крупных исследователей обычно-правовых отношений у казахов Л.Ф. Баллюзек (1822–1899), будучи в период 1865 по 1877 годы военным губернатором Тургайской области, организовал сбор материалов по обычному праву казахов Младшего и отчасти Среднего жузов. По его признанию, основная часть материалов была собрана штаб-ротмистром, султаном Т. Сейдалиным, «...более всех трудившимся в этом деле» (Баллюзек, 1873: 45). Судя по сравнительной характеристике стиля изложения и оформления текста данного труда и хранящейся в настоящее время в фондах Национальной библиотеки г. Санкт-Петербурга докторской диссертации Т. Сейдалина по юриспруденции, систематизация отмеченных обычно-правовых материалов, по всей видимости, также была осуществлена казахским султаном (Алимбай, 2015: 5-31; История..., 2015, т. II: 466-486).

Текстуально сравнивая труд Л.Ф. Баллюзека с другими дореволюционными исследованиями по правовым обычаям у казахов, нельзя не заметить, что в рассматриваемой работе охвачен практически

весь комплекс вопросов обычно-правовых отношений (основные установления обычного права с точки зрения их правоприменительных функций, особенности механизма судопроизводства, в частности процесс принятия присяги «жан беру» в различных вариантах, роль института биев и сам процесс приведения в действие судебного решения и т.д.). При этом Л.Ф. Баллюзек отмечает постепенное вытеснение прежних обычно-правовых положений нормами шариата (Баллюзек, 1873: 67). Любопытно отметить, что, будучи высокопоставленным представителем верховной власти Российской империи, Л.Ф. Баллюзек фактически оправдывает издревле существовавшую у кочевников традицию «барымты» – насильственного угона лошадей представителями одного рода у другого рода, члены которого по решению суда биев были признаны виновными в совершении преступления в отношении другого рода (Баллюзек, 1873: 124).

Итак, с точки зрения следующих параметров: хорошо продуманной структуры и достаточно богатой источниковой базы, а также научнообоснованной системы доказательств – рассматриваемый труд с полным правом следует квалифицировать как серьезное исследование.

Опубликованная же в 1876 году статья Г. Загряжского практически воспроизводит содержание трудов двух вышеотмеченных авторов – С.Б. Броневского и А.И. Левшина. Похоже, что автор при написании своей работы широко пользовался материалами двух своих предшественников с небольшими привнесениями. Сказанное относится особенно к той части его статьи, где речь идет о гражданско-правоприменительных нормах у казахов (порча чужого имущества, мена и продажа и др.) (Загряжский, 1976: 183). Вероятно, именно поэтому отмеченная работа в методическом отношении подверглась резкой критике со стороны Н.И. Гродекова (об этом см. ниже).

В 1882 году увидела свет статья И.А. Козлова «Обычное право киргизов», в которой автор останавливается на особенностях суда у казахов, особо выделяя, в частности, «гласный, публичный, совестный и мировой» принципы отправления традиционного судопроизводства (Козлов, 2007: 144). Гласность казахского суда, по мнению автора, означала, что проведение судебного разбирательства от народа никак не скрывалось, а публичность предполагала, что суд и его решения сразу становились предметом всенародного обсуждения (Козлов, 2007: 147). Сам судебный процесс предварялся достаточно сложной процедурой этического характера «салауат айту» (призывание даже враждующих сторон к примирению по принципу «карга тамырлы казак» («все казахи восходят к одному корню»). Эту функцию обычно осуществляли видные представители кочевой знати – авторитетные старейшины-аксакалы, прославленные батыры, нередко бии, за исключением биев-судопроизводителей. Кроме того, и в процессе судопроизводства бий, особенно «ара бий» (примерно соответствует статусу третейского судьи в российской судебной системе), всеми доступными методами также старался примирить тяжущиеся стороны (Өлімбай, 2017: 408-410). В этой связи И.А. Козлов обращает внимание на существование у казахов такой уникальной правовой практики, согласно которой основным свидетелем на суде выступал именно выбранный самим потерпевшим близкий родственник обвиняемого. Как пишет автор, свидетель клялся на Коране либо на родовом кладбище, громкогласно говоря: «Если я вру, то пусть покарают аруахи», то есть духи предков (Козлов, 2007: 147). Уникальность данной правовой традиции в том-то и заключается, что присягнувший свидетель никогда не осмеливался дать ложные показания не только из-за страха перед гневом всемогущих аруахов, но и из-за опасений опозорить своих соплеменников перед представителями других родов. Смысл этой правовой процедуры хорошо объясняется контекстом сложившихся веками мировоззренческих и этических установок у кочевников. И недаром процесс произнесения клятвы назывался «жан беру», что означает «отдавать душу» (Өлімбай, 2017: 410-412).

Необходимо отметить, что в работах русских авторов отмечен ряд институциональных изменений в традиционном судопроизводстве у казахов, происходивших особенно к концу XIX века. Так, из сферы традиционного казахского суда были изъяты наиболее тяжкие категории преступления (убийство, разбой, грабеж, поджог и др.). Они теперь были переданы в ведение имперского судопроизводства. Кроме того, помимо «вещевого штрафа» (по терминологии И.А. Козлова), именуемого у казахов «айып» (возмещение нанесенного ущерба потерпевшему со стороны виновных лиц в виде материальных ценностей), с конца 1870-х годов к казахам начали применяться принципиально новые виды наказания – денежные штрафы, арест и розги (Козлов, 2007: 145).

В 1886 году были опубликованы «Материалы для изучения юридических обычаев киргизов» в виде сборника, который осуществил П.Е. Маковецкий по поручению Семипалатинского статистического комитета. В сборник включены материалы по обычному праву казахов северо-восточных и центральных регионов Казахстана, собранные специальной экспедицией по поручению генерал-губернатора Западной Сибири в 1882 году. По первоначальному плану российских властей материалы экспедиции должны были быть опубликованы в виде трех сборников. Однако по ряду причин увидел свет лишь единственный сборник (1-й выпуск), состоящий из этнографических материалов, в том числе по действовавшей на момент работы экспедиции обычно-правовой практике казахов. К сожалению, по признанию самого составителя сборника, собранные материалы носили эклектичный характер. В частности, по непонятным причинам в состав сборника без разбору были включены и не совсем систематизированные установления традиционной обычно-правовой практики по семейному, имущественному, уголовному праву (Материалы для изучения..., 1886: I). Тем не менее

научно-познавательная ценность «Материалов...» достаточно высока в том смысле, что, с одной стороны, они содержат репрезентативные данные о повседневной жизни местного населения на рубеже XIX–XX веков, с другой – позволяют реально представить кризисное институциональное состояние, сложившееся в рассматриваемое время в сфере обычно-правовых отношений у казахов.

Историография конца XIX – начала XX веков отмечена появлением ряда монографических исследований российских авторов по обычно-правовой практике у казахов западных, южных и, частично, центральных регионов края. Речь идет, в частности, о трудах Н.И. Гродекова, Я.И. Гурлянда, Л.А. Словохотова и др. В ряду этих и других работ следует особо выделить изданный в 1889 году труд генерал-губернатора Сырдарьинской области Н.И. Гродекова (1843–1913), который в современной историографии по праву рассматривается как ценное историко-этнографическое исследование. В интересующем нас аспекте заслуживает быть особо отмеченной та часть книги, где обычно-правовая практика у казахов Сырдарьинского региона подвергается подробному разбору, особенно по таким параметрам, как способы наказания субъектов за совершение тяжких преступлений (убийство, изнасилование и т.д.) и «специфических» правонарушений гражданско-правового характера (поземельные споры, порча имущества и др.). Примечательно, что исследователь не оставляет вне внимания и те вопросы, которые связаны со сравнительным изучением правоприменительных функций как традиционных, так и несколько модернизированных обычно-правовых норм в кочевой среде. И что особенно важно, автор свою позицию последовательно обосновывает материалами «книг биев» (книги записей по судебным решениям – Авт.). Такое методическое решение изучения материала позволило автору доказательно продемонстрировать разительные изменения в прежних обычно-правовых нормах у казахов: «То, что было у киргизов (казахов – Авт.) при ханах, при султанах, управлявших ордами и группами родов, ...отчасти давно забыто, отчасти ...жизнь начала предъявлять новые требования» (Гродеков, 1889: 12-13). При этом он обращает особое внимание на такие действовавшие в это время «нововведения» в обычно-правовой практике, как смертная казнь, применение телесных наказаний, в частности плетью; отсечение конечностей и т.д.), которые, по свидетельству автора, ранее были «совсем не свойственны киргизам (казахам – Авт.)», поскольку у кочевников «почти все преступления оплачивались и оплачиваются вознаграждением» (Гродеков, 1889: II).

Необходимо отметить, что данное мнение Н.И. Гродекова резко контрастирует с методологической позицией другого исследователя обычно-правовой традиции кочевников Г. Загряжского, поскольку в исследовании последнего автора, по утверждению Н.И. Гродекова, «все разбито по параграфам и изложено в строго догматической форме, без вариантов по ордам и местностям; затем не указаны время составления, а также местность, в которой записывались адаты. Между тем в подобной работе все это имеет существенное значение, потому что юридические обычаи киргизов (казахов – Авт.) разных орд и местностей, далеко отстоящих одна от другой, значительно разнятся между собой» (Гродеков, 1889: III). Речь идет, как следует из логики научного построения автора, о необходимости учета всей совокупности факторов, влияющих на изменения обычно-правовой практики в различных регионах Казахского края.

В вышедшей в 1904 году монографии Я.И. Гурлянд обозначил задачу последовательного разбора процесса развития степного законодательства до XVII века с учетом особенностей его функционирования на том или ином отрезке времени (Гурлянд, 1904: 8). В соответствии с предметно-целевой установкой своей работы он специально останавливается на характеристике материалов по обычно-правовым традициям далеких предков казахов – гуннов и древних тюрков. При этом предметом особого внимания автора выступает изучение правовых обычаев монгольских кочевников времен правления Чингисхана и его потомков. В этой связи Я.И. Гурлянд с позиции предварительно им же обозначенных задач посвящает изучению «Чингисовой «Великой Ясы» специальную главу (Гурлянд, 1904: 14-34). Далее, исследуя обычное право казахов в специальном разделе монографии, автор убежденно заключает, что «Великая Яса» была важнейшим законодательным уложением киргизов (казахов – Авт.) того времени» (Гурлянд, 1904: 14-34), но при этом впоследствии на обычно-правовую традицию казахов наложились нормы мусульманского права (шариата) (Гурлянд, 1904: 108).

К некоторым теоретическим вопросам обычного права на материале казахов Младшего жуза обращался в своей работе и Л.А. Словохотов (1905). Любопытно, что в ней автор ставит вопрос о необходимости изучения обычного права в среде русского крестьянства только лишь в контексте обычно-правовых традиций других народов Российской империи, в частности казахов. Свою точку зрения он обосновывает тем, что «многие... бытовые юридические обычаи не могут быть поняты без изучения быта финских, монгольских и тюркских племен» (Словохотов, 1905: 20).

В то же время, по мнению автора, с научной точки зрения обычное право казахов практически не изучалось. Причиной тому были нередкие случаи, когда вместо профессионалов собирателями информации по обычному праву казахов выступали представители местной администрации и печатных органов. Вероятно, сказанным и объясняется стремление автора более или менее досконально изучить установления «Жеті жарғы» хана Тауке, следуя научным традициям своих предшественников – Г. Спасского, С.Б. Броневского, А.И. Левшина и других (Словохотов, 1905: 47-48).

В то же время, как и его предшественники, в частности П.Е. Маковецкий, Я.И. Гурлянд и ряд других авторов, Л.А. Словохотов также отмечает все возрастающее влияние ислама на обычно-правовую практику у казахов, нашедшее концентрированное выражение в ставшем популярном в то время в народе афоризме: «шарифатқа құлмыз, адатқа таласпаймыз» («мы целиком во власти шариата, однако не отрицаем и адат») (Словохотов, 1905: 40). При этом он особо останавливается на вопросе об усилении влияния на обычно-правовую практику и официальных юридических норм судопроизводства Российской империи (Словохотов, 1905: 40).

В опубликованной в 1910 году работе еще одного крупного знатока и исследователя обычно-правовой практики казахов А.В. Мякутина анализируются проблемы так называемого «вещного права» у казахов. Автор подробно рассматривает такой остро стоявший в то время вопрос, как неисполнение обязательств рядом субъектов отношений собственности на те или иные предметы и объекты как бытового, так хозяйственно-экономического назначения (найм рабочей силы, помещений, скота и т.д., обмен, сделки, находки и т.п.). При этом особый интерес представляет та часть его исследования, где автор проникновенно пытается изучить веками действовавший в кочевой среде институт барымты. Традиция барымты определяется им в целом как насильственный захват чужого имущества. Однако при этом исследователь считает необходимым отличать барымту от кражи или грабежа. Барымта же, по утверждению автора, отличается следующими особенностями, а именно: 1) она осуществляется в дневное время; 2) она открыто объявляется таковой; 3) цель барымты – получение соответствующего возмещения, материально эквивалентного какому-либо ущербу, даже убийству и т.д., причем барымта осуществляется пострадавшей стороной только в том случае, когда не выполняется судебное решение бия о выплате «куна» виновной стороной пострадавшим (Мякутин, 1910: 31).

С точки зрения источниковой базы и системы доказательств работу А.В. Мякутина по праву следует характеризовать как серьезный обобщающий труд по гражданско-правовым отношениям у казахов.

Резюмируя сказанное, отметим, что все исследования, написанные в конце XIX – первом десятилетии XX веков, характеризуются одной особенностью – в их содержании четко прослеживается осязаемое влияние резко изменившихся следующих факторов: а) окончательно утвердившихся общеимперских порядков в казахском социуме и б) глубоко зашедших кардинальных изменений, в особенности в системе обычно-правовых отношений у казахов.

5. Заключение

Итак, из проведенного анализа достижений дореволюционной российской историографии по обычно-правовым отношениям у казахов с точки зрения ее системо- и смыслообразующих аспектов и направлений следует два ключевых вывода: с одной стороны, именно российскими исследователями были заложены основы плодотворных научных традиций дальнейшего изучения темы, с другой – собранные, систематизированные, изученные и опубликованные в XIX – начале XX веков в виде трудов богатейшие материалы по рассматриваемой проблеме, в сущности, представляют собой неисчерпаемый источник информации не только по правовым обычаям и судопроизводству в кочевой среде, но и исторической этнографии казахов в достаточно широком хронологическом диапазоне. Вместе с тем в контексте сказанного трудно согласиться с точкой зрения одного из представителей американской историографии Вирджинии Мартин, которая, ссылаясь на аналогичные мнения своих коллег из различных стран Западной Европы, утверждает, что «для российского правительства «изобретение» обычного права [для коренного населения дореволюционного Казахстана] было частью колониального проекта «оцивилизации» местных обитателей и легитимизации имперского правления над коренным населением в пределах границ империи» (Мартин, 2012: 20, 194-195).

Литература

Алимбай, 2015 – Алимбай Н. Российская историография Казахстана досоветского периода как историко-этнографический источник. Введение в проблематику // *История и культура Атырау в русских источниках XVIII – 20–30-х гг. XX вв.* Атырау. 2015. Т. II. С. 5-31.

Алимбай, 2019 – Алимбай Н. Семипоклоленная экзогамная структура «жетігата» как община-социум (к проблеме совпадения рода и общины у казахов-кочевников) // *Исторический ежегодник.* Алматы: Ер-Жәнібек, 2019. С. 99-116.

Андреев, 1998 – Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Алматы: Ғылым, 1998. 280 с.

Баллюзек, 1871 – Баллюзек Л.Ф. Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие в Малой киргизской орде силу закона // *Записки Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества.* Казань, 1871. Вып. II. С. 45-167.

Броневский, 1830 – Броневский С.Б. О Киргиз-Кайсаках средней Орды (О рождении младенцев. Об обрезании. О сватовстве и свадьбах. О погребении умерших и поминовении. О Женщинах. О болезнях и лечених. О Шаманах. Удобопреклонность и непостоянство Киргизцев. Удовольствия и публичные зрелища. О Торговле. О местоположении степи, среднею Киргизскою Ордою занимаемой. О памятниках древности. О Законах. О Суде и Судьях. О Свидетелях. О Богопочитании.

О смертоубийстве и других преступлениях, также о драке и обидах. О насилии и прелюбодеянии. О воровстве и грабежах. По исковым делам. О Зажигательстве) // Отечественные записки. СПб., 1830. Ч. XLIII. Кн. СХХIV. Август. С. 194-285.

Брусина, 2011 – *Брусина О.И.* Труд Н.И. Гродекова «Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области» и проблемы изучения обычного права кочевых народов Средней Азии // Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2011. С. 486-519.

Валиханов, 1985 – *Валиханов Ч.Ч.* Записка о судебной реформе / Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1985. Т. 4. С. 77-104.

Гавердовский, 2007 – *Гавердовский Я.П.* Обзорение Киргиз-кайсацкой степи (часть 2-я) или описание страны и народа киргиз-кайсацкого // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Алматы, 2007. Т. V. С. 283-495.

Георги, 1799 – *Георги И.Г.* Описание всех в российском государстве обитающих народов. Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб.: Императорская академия наук, 1799. Ч. 2. О народах татарского племени и других нерешенного еще происхождения северных сибирских. 178 с.

Гродеков, 1889 – *Гродеков Н.И.* Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1889. Т. 1. 298 с.

Гурлянд, 1904 – *Гурлянд Я.И.* Степное законодательство с древнейших времен по 17 столетие. Казань: Лито-типография Императорского университета, 1904. 112 с.

Әлімбай, 2017 – *Әлімбай Н.* Әдеттік құқық // Қазақтың этнографиялық категориялар ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі: энциклопедия. Алматы, 2017. Т. 1. 394-429-б.

Загряжский, 1876 – *Загряжский Г.* Юридические обычаи киргизов и о народном суде у кочевого населения Туркестанского края по обычному праву (зан) // Материалы для статистики Туркестанского края: ежегодник. СПб., 1876. Вып. IV. С. 151-202.

Записка..., 1985 – Записка о судебной реформе. Примечания // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1985. Т. 4. С. 402-404.

Зиманов, 1958 – *Зиманов С.З.* Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата: АН КазССР, 1958. 296 с.

История Казахстана..., 2000 – История Казахстана с древнейших времен до наших дней. В пяти томах. Т. 2. Алматы: Атамура, 2000. 620 с.

История..., 2015 – История и культура Атырау в русских источниках XVIII – 20–30-х гг. XX вв. Атырау, 2015. Т. II. С. 466-486.

Кенжалиев, 1997 – *Кенжалиев З.* Көшпелі казак қоғамындағы дәстүрлі құқықтық мәдениет. Алматы: Жеті жарғы, 1997. 192 б.

Козлов, 2007 – *Козлов И.А.* Обычное право киргизов // Материалы по обычному праву казахов. Астана, 2007. Т. 30. С. 143-171.

Культелеев, 2004 – *Культелеев Т.М.* Уголовное обычное право казахов. Караганды, 2004. 430 с.

Левшин, 1832 – *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб.: Типография Карла Крайя, 1832. Ч. 3. Этнографические известия. 304 с.

Маковецкий, 1886 – *Маковецкий П.Е.* Материалы для изучения юридических обычаев киргизов. Омск: Типография Округного штаба, 1886. Вып. I. 84 с.

Мартин, 2012 – *Мартин В.* Закон и обычай в Степи: казахи Среднего жуза и российский колониализм в XIX веке. Алматы: Центр оперативной печати КазАТиСО, 2012. 282 с.

Материалы для географии..., 1868 – Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба (сост. подполковник Красовский). СПб., 1868. Ч. III. 250 с.

Мякутин, 1910 – *Мякутин А.И.* Юридический быт киргизов. Оренбург, 1910. 180 с.

Өсерұлы, 2005 – *Өсерұлы Н.* Тәуке хан және оның билік құрған кезені // Қазақтың ата заңдары. Алматы, 2005. 360-382-б.

Паллас, 1773 – *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб.: Императорская академия наук, 1773. Ч. 1. 657 с.

Почекаев, 2012 – *Почекаев Р.Ю.* Казахский суд биев глазами российских исследователей // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2012. № 1. С. 81-88.

Самоковасов, 1876 – *Самоковасов Д.Я.* Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава: Типография Ивана Носковского, 1876. 282 с.

Словохотов, 1905 – *Словохотов Л.А.* Народный суд обычного права Малой орды. Оренбург: Тургайская областная типо-литография, 1905. Вып. XV. 158 с.

Спасский, 1820 – *Спасский Г.* Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды // *Сибирский вестник*. 1820. Ч. 9. 152 с.

Султанов, 2001 – *Султанов Т.И.* Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 276 с.

Фукс, 1981 – *Фукс С.Л.* Обычное право казахов в XVIII – первой половине XIX века. Алма-Ата, 1981. 224 с.

[Alimbay, Smagulov, 2020](#) – *Alimbay N.A., Smagulov B.K.* (2020). Fundamental Changes in the Traditional System of the Kazakhs-Nomads in the Context of the Colonial Policy of the Russian Empire (late 19th – early 20th centuries): Factors and Consequences // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 58. Is. 4: 2765-2776. DOI: 10.13187/bg.2020.4.2765

References

[Alimbay, 2015](#) – *Alimbay, N.* (2015) Rossyskaya istoriografiya Kazakhstana dosovetskogo perioda kak istoriko-etnografichesky istochnik. Vvedeniye v problematiku [The Russian historiography of pre-Soviet Kazakhstan as historical-ethnographical source. Introduction into the statement]. *Istoriya i kultura Atyrau v russkikh istochnikakh XVIII – 20–30-kh gg. XX vv.* Atyrau, Vol. II. Pp. 5-31. [in Russian]

[Alimbay, 2017](#) – *Alimbay, N.* (2017) Adettik kutyk [Customary law]. *The traditional system of ethnographical categories, conceptions and designations of Kazakhs*, Almaty, Vol. 1. Pp. 394-429.

[Alimbay, 2019](#) – *Alimbay, N.* (2019). Semipokolennaya ekzogamnaya struktura «zhetiata» kak obshchina-sotsium (k probleme sovpadeniya roda i obshchiny u kazakhov-kochevnikov) [Seven-generation exogamous structure of "jetiata" as a community-society (on the problem of the coincidence of the clan and community among Kazakh nomads)]. *Istoricheskii ezhegodnik. Almaty: Er-Zhənibek*, pp. 99-116.

[Alimbay, Smagulov, 2020](#) – *Alimbay N.A., Smagulov B.K.* (2020). Fundamental Changes in the Traditional System of the Kazakhs-Nomads in the Context of the Colonial Policy of the Russian Empire (late 19th – early 20th centuries): Factors and Consequences // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 58. Is. 4: 2765-2776. DOI: 10.13187/bg.2020.4.2765

[Andreyev, 1998](#) – *Andreyev, I.G.* (1998) Opisanie Sredney ordy kirgiz-kaysakov [Description of the Middle Horde of the Kirghiz-Kaisaks]. Almaty, 280 p. [in Russian]

[Balluzek, 1871](#) – *Balluzek, L.F.* (1871). Narodnye obychai, imevshiy, a otchasti i nyne imeyushchiye v Maloy kirgizskoy orde silu zakona [National customs, which had, and partly still have, the force of law in the Small Kyrgyz Horde]. *Zapiski Orenburgskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Kazan, Issue II. Pp. 45-167.

[Bronevsky, 1830](#) – *Bronevsky, S.B.* (1830). O Kirgiz-Kaysakakh sredney Ordy (O rozhdenii mladentsev. Ob obrezanii. O svatovstve i svadbakh. O pogrebenii umershikh i pominovanii. O Zhenshchinakh. O boleznyakh i lecheniyakh. O Shamanakh. Udobopreklonnost i nepostoyanstvo Kirgiztsev. Udovolstviya i publichnye zrelischa. O Torgovle. O mestopolozhenii stepi, sredneyu Kirgizskoyu Ordoyu zanimayemoy. O pamyatnikakh drevnosti. O Zakonakh. O Sude i Sudyakh. O Svidetelyakh. O Bogopochitanii. O smertoubystve i drugikh prestupleniyakh, takzhe o drake i obidakh. O nasilii i prelyubodeyanii. O vorovstve i grabezhakh. Po iskovym delam. O Zazhigatelstve) [About the Kirghiz-Kaisaks of the Middle Horde (About the birth of babies. About circumcision. About matchmaking and weddings. On the burial of the dead and commemoration. About women. About diseases and treatments. About shamans. The ease and fickleness of the Kyrgyz. Pleasures and public spectacles. About Trade. About the location of the steppe occupied by the Middle Kirghiz Horde. On the monuments of antiquity. About the Laws. About the Court and Judges. About Witnesses. About the Worship of God. About murder and other crimes, about fighting and insults. About violence and adultery. About theft and robbery. On claims. About Ignition)]. St. Petersburg, pp. 194-285. [in Russian]

[Brusina, 2011](#) – *Brusina, O.I.* (2011). Trud N.I. Grodekova «Kirgizy i karakirgizy Syr-Darynskoj oblasti» i problemy izucheniya obychnogo prava kochevykh narodov Sredney Azii [Work of N.I. Grodekova "Kirghiz and Karakirgiz of Syr-Darya region" and problems of studying the customary law of nomadic peoples of Central Asia]. *Grodekov N.I. Kirgizy i karakirgizy Syr-Dar'inskoi oblasti*. Moscow, pp. 486-519. [in Russian]

[Fuchs, 1981](#) – *Fuchs, S.L.* (1981). Obychnoye pravo kazakhov v XVIII – pervoy polovine XIX veka [Customary law of Kazakhs in the 18th-first half of the 19th century]. Alma-Ata, 224 p.

[Gaverdovsky, 2007](#) – *Gaverdovsky, Ya.P.* (2007). Obozreniye Kirgiz-kaysakskoy stepi (chast 1-ya) ili Dnevnye zapiski v stepi Kirgiz-kaysakskoy 1803 i 1804 godov [Survey of Kirghiz-Kaisak steppes (part 1) or Daily notes in the steppes of Kirghiz-Kaisak 1803 and 1804]. *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov*. Almaty, pp. 155-282. [in Russian]

[Georgi, 1799](#) – *Georgi, I.G.* (1799). Opisanie vsekh v rossyskom gosudarstve obitayushchikh narodov. Ikh zhyteyskikh obryadov, obyknoveny, odezhd, zhilishch, uprazhneny, zabav, veroispovedany i drugikh dostopamyatnostey [Description of all the peoples living in the Russian state. Their everyday rites, customs, clothes, dwellings, exercises, amusements, creeds and other memorabilia. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1799. Part 2. About the peoples of the Tatar tribe and other unresolved origin of the Northern Siberian]. St. Petersburg, 178 p. [in Russian]

[Grodekov, 1889](#) – *Grodekov, N.I.* (1889). Kirgizy i karakirgizy Syr-Darynskoj oblasti [Kirghiz and Karakirgiz of Syr-Darya region]. Tashkent, Vol. 1. 298 p.

[Gurlyand, 1904](#) – *Gurlyand, Ya.I.* (1904). Stepnoye zakonodatelstvo s drevneyshikh vremen po 17 stoletiyu [Steppe legislation from ancient times to the 17th century]. Kazan, 112 p. [in Russian]

- Istoriya Kazakhstana..., 2000** – Istoriya Kazakhstana s drevneyshih vremen do nashih dnei. V pyati tomah (2000) [The history of Kazakhstan from the ancient time to our days. 5 Volumes]. Almaty, Vol. 2, 620 p. [in Russian]
- Istoriya..., 2015** – Istoriya i kul'tura Atyrau v russkikh istochnikakh XVIII – 20–30-kh gg. XX vv. [History and culture of Atyrau in Russian sources XVIII - 20-30-ies. XX centuries]. Atyrau, 2015. T. II. Pp. 466-486. [in Russian]
- Kenzhaliyev, 1997** – *Kenzhaliyev, Z.* (1997). Koshpeli kazak kogamyndagy dastyrli kukykyk madeniyet [Traditional legal culture in nomadic Kazakh society]. Almaty, 192 p. [in Kazakh]
- Kozlov, 2007** – *Kozlov, I.A.* (2007). Obychnoye pravo kirgizov [Customary law of the Kyrgyz], *Materialy po obychnomu pravu kazakhov*. Astana, pp. 143-171. [in Russian]
- Kultelev, 2004** – *Kultelev, T.M.* (2004). Ugolovnoye obychnoye pravo kazakhov [Criminal customary law of Kazakhs]. Karaganda, 430 p.
- Levshin, 1832** – *Levshin, A.I.* (1832). Opisiyaniye kirgiz-kazachyikh ili kirgiz-kaysatskikh ord i stepey [Description of Kirghiz-Cossack or Kirghiz-Kaisak hordes and steppes]. St. Petersburg, 304 p. [in Russian]
- Makovetsky, 1886** – *Makovetsky, P.E.* (1886). Materialy dlya izucheniya yuridicheskikh obychnoye kirgizov [Materials for studying the legal customs of the Kyrgyz people]. Omsk, 84 p. [in Russian]
- Martin, 2012** – *Martin, V.* (2012). Zakon i obychnoye v Stepi: kazakhi Srednego zhuza i rossysky kolonializm v XIX veke [Law and custom in the Steppe: the Kazakhs of the Middle Horde and Russian colonialism in the 19th century]. Almaty, 282 p. [in Russian]
- Materialy dlya geografii..., 1868** – Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami generalnogo shtaba (sost. podpolkovnik Krasovskiy) (1868) [Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff (compelled Lieutenant-colonel Krasovskiy)]. St. Petersburg, 250 p. [in Russian]
- Myakutin, 1910** – *Myakutin, A.I.* (1910). Yuridichesky byt kirgizov [Legal life of the Kyrgyz people]. Orenburgh, 180 p. [in Russian]
- Oseruly, 2005** – *Oseruly, N.* (2005). Tauke khan zhane onyn bilik kurgan kezeni [Tauke Khan and his reign]. Almaty, pp. 360-382.
- Pallas, 1773** – *Pallas, P.S.* (1773). Puteshestviye po raznym provintsiyam Rossyskoy imperii [Travel to different provinces of the Russian Empire]. St. Petersburg, 657 p. [in Russian]
- Pochekayev, 2012** – *Pochekayev, R.Yu.* (2012). Kazakhsky sud biyev glazami rossyskikh issledovateley [Kazakh Court of Biys through the eyes of Russian researchers], *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana*. Vol. 1, pp. 81–88. [in Russian]
- Samokvasov, 1876** – *Samokvasov, D.Ya.* (1876). Sbornik obychnogo prava sibirskikh inorodtsev [Collection of customary law of Siberian Foreigners]. Warsaw, 282 p.
- Slovokhotov, 1905** – *Slovokhotov, L.A.* (1905). Narodny sud obychnogo prava Maloy ordy [People's Court of Customary Law of the Little Horde]. Orenburgh, Vol. XV, 158 p. [in Russian]
- Spassky, 1820** – *Spassky, G.* (1820). Kirgiz-kaysaki Bolshoy, Sredney i Maloy ordy [Kirghiz-Kaisak of the Great, Middle and Small Horde]. *Sibirskii vestnik*. Vol. 9. 152 p.
- Sultanov, 2001** – *Sultanov, T.I.* (2001). Podnyatyie na beloy koshme. Potomki Chingiz-khana [Raised on a white felt. Descendants of Genghis Khan]. Almaty, 276 p.
- Valikhanov, 1985** – *Valikhanov, Ch.Ch.* (1985). Zapiska o sudebnoy reforme [Note on judicial reform]. *Sobranie sochinenii v pyati tomakh*. Almaty, pp. 77-104. [in Russian]
- Zagryazhsky, 1876** – *Zagryazhsky, G.* (1876). Yuridicheskiye obychnoye kirgizov i o narodnom sude u kochevogo naseleniya Turkestanskogo kraya po obychnomu pravu (zan) [Legal customs of the Kyrgyz and about the people's court among the nomadic population of the Turkestan region according to customary law (zan)]. *Materialy dlya statistiki Turkestanskogo kraya: ezhegodnik*. St. Petersburg, pp. 151-202. [in Russian]
- Zapiska..., 1985** – Zapiska o sudebnoy reforme. Primechaniya (1985) [A note on judicial reform. *Valikhanov Ch.Ch. Sobranie sochinenii v pyati tomakh*. Alma-Ata, pp. 402-404. [in Russian]
- Zimanov, 1958** – *Zimanov, S.Z.* (1958). Obshchestvennyy stroy kazakhov pervoy poloviny XIX veka [The social system of the Kazakhs of the first half of the 19th century]. Alma-Ata, 296 p.

Вклад российских исследователей в сбор и изучение материалов по обычному праву казахов (конец XVIII – начало XX вв.)

Нурсан Алимбайұлы Алимбай ^{a, *}, Болат Кудайбергенович Смагулов ^b

^a Центральный государственный музей Республики Казахстан, г. Алматы, Республика Казахстан

^b Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (КН МОН РК), Республика Казахстан

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: burgan555@gmail.com (Н.А. Алимбай), bolat_alemdar@mail.ru (Б.К. Смагулов)

Аннотация. В статье анализируются труды дореволюционных российских авторов, затрагивающие различные аспекты обычного права как одного из основных институтов регулирования жизнедеятельности казахов-кочевников. Выявляются мотивы организации российскими властями изучения традиционной обычно-правовой практики в кочевой среде в условиях все более усиливавшегося влияния Российской империи в Казахской степи. В контексте сказанного особое внимание уделяется анализу вклада российских исследователей в сбор и публикацию материалов по обычному праву местного населения, а также тем факторам, которыми обусловлен неравномерный характер процесса сбора материалов в различных регионах края. Авторы приходят к выводу, что процесс изучения был более или менее хорошо организован, особенно в западных, северо-западных и северных регионах, поскольку они были раньше втянуты в орбиту активного влияния Российской империи. При этом уделяется особое внимание вопросу о соотношении норм обычного права казахов с официальными общеимперскими правовыми нормами, в том числе в аспекте проведения административно-правовых реформ в традиционной системе судопроизводства у казахов, начиная с 60-х годов XIX века. Речь идет о попытке российских властей включить в обычно-правовую практику местного населения ряд общеимперских юридических норм путем принятия и реализации многочисленных нормативно-правовых актов. Сделан вывод, что благодаря усилиям дореволюционных российских исследователей был собран и систематизирован большой объем материалов по различным аспектам обычного права как одного из институциональных составляющих традиционных социальных отношений у кочевников. Ставшие достоянием для нынешнего поколения ученых-кочевниковедов эти бесценные материалы, в сущности, представляют собой неисчерпаемый источник изучения не только собственно обычно-правовых отношений в кочевой среде, но и исторической этнографии казахов в широком хронологическом диапазоне.

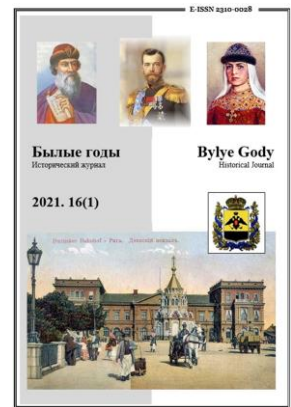
Ключевые слова: российская историография, кочевой социум, суд биев, народный суд, обычное право, обычно-правовые отношения, нормативная этнография, историческая этнография казахов, этническая история.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 97-109.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.97
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Nogai Exodus from Circassia (1793–1839) based on the materials of “The Circassian Slave Narratives”

Timur A. Magsumov ^{a, b, c, *}, Teymur E. Zulfugarzade ^d, Aleksey A. Korolev ^e, Elena V. Krasnenkova ^f

^a Cherkas Global University (International Network Center for Fundamental and Applied Research), Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russian Federation

^d Russian Economic University named after G.V. Plekhanov, Moscow, Russian Federation

^e Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russian Federation

^f Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article deals with the problem of the Nogais flight from Circassia in 1793–1839. The attention is paid to the causes of migration, as well as the influence of the Circassian slave capture and slave trade on the demography of Nogai families.

The main source on this issue is the collection of documents “The Circassian Slave Narratives”, which was published in October 2020 in a special issue of the journal “Bylye Gody”. This collection includes 1.2 thousand archival documents from the State archive of the Krasnodar Krai (Krasnodar city, Russian Federation). In total, due to the data of this collection, in the period from 1793 to 1839, 897 Nogais left Circassia according to incomplete data. The methodology is represented by a set of general and special methods of historical research. The content of the sources and their features determined the application of the statistical method used to account the Nogais who fled from Circassia, as well as to determine the generic ties and the number of people in one Nogai family. The analytical method was also used to systematize and evaluate general information about the Nogais and the reasons for their migration.

In conclusion, the authors state that the “The Circassian Slave Narratives” is a valuable source on the history of the Nogai people in the late XVIII – first half of the XIX centuries. In the late XVIII – early XIX centuries, the Nogais fled from the territory of Circassia, and were subjected to violence by the local population. About half of the families of the Nogai fugitives were abducted and killed, which predetermined the attempts of their departure on the territory of Russia. It is important to explain that the flight of the Nogai communities continued until 1808, and after that there were few cases of flight of the Nogai people who were abducted on the Russian side.

Keywords: the Nogais, Caucasus, Circassia, flight, 1793–1839, Russian Empire, slave capture, slave trade.

1. Введение

История ногайцев на территории Черкесии – это одна большая малоизученная тема. Как известно, крымские, да и степные ногайцы после захвата Российской империей Крыма и степных походов А.В. Суворова в 1782 г. в значительном числе перешли к своим единоверным братьям – черкесам – за Кубань. Это были спасительные земли для ногайцев, на которые не распространялось влияние Российской империи. Однако в 1792 г. Кубань была пожалована императрицей Екатериной II черноморским казакам и на границах с Закубанью появилось Черноморское казачье войско.

* Corresponding author

E-mail addresses: nabonid1@yandex.ru (T.A. Magsumov)

2. Материалы и методы

Основным источником по данной проблеме является сборник документов «Черкесские невольничьи повествования», который был опубликован в октябре 2020 г. в специальном номере журнала «Былые годы» (Cherkasov, 2020: 1415-2266). В него вошли 1,2 тыс. документов из государственного архива Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация). Всего, по данным этого сборника, в период с 1793 по 1839 гг. Черкесию покинуло 897 ногайцев (подсчитано нами). Помимо этого, в качестве дополнительного источника нами были использованы документы Государственного архива Краснодарского края.

Методология представлена совокупностью общих и специальных методов исторического исследования. Содержание источников и их особенности определили применение статистического метода, использованного для учета бежавших из Черкесии ногайцев, а также для определения родовых связей и численности людей в одном ногайском семействе. Также применялся аналитический метод при систематизации и оценке общих сведений о ногайцах и причинах их миграции.

3. Обсуждение

Тема рабства в Черкесии активно изучается уже более 200 лет, и если раньше об этой теме говорили путешественники и торговцы, которые являлись очевидцами описываемых событий (Пейсонель, 1891; Клапрот, 2008; Спенсер, 1994), то с конца XIX века начинают появляться исследования, в которых отражены и вопросы рабовладения. Одной из таких работ был двухтомный труд Ф.А. Щербина «История Кубанского казачьего войска» (Щербина, 1910-1913).

На закате советской эпохи тему черкесского рабовладения затронул кубанский историк М.В. Покровский (Покровский, 1989). Однако наиболее активно эта тема начала изучаться уже в современный российский период. Так, в 2016 г. ученые М. Шмигель и А.А. Черкасов предприняли попытку сравнительного исследования рабства в Черкесии и на территории Соединенных Штатов Америки (Smigel, Cherkasov, 2016: 1183). Рассматривались также причины бегства из Черкесии представителей других этнических групп (Cherkasov i dr., 2019).

Как отмечали в своих трудах А.И. Ермачков и другие, «...после 2016 г. к данной теме (имеется в виду тема рабства в Черкесии – Авт.) исследователи начали обращаться гораздо чаще» (Ermachkov et al., 2020: 2465). Так, вопросы кавказского рабства и работорговли изучали такие исследователи, как С.Л. Дударев (Dudarev, 2018), А.А. Черкасов (Cherkasov et al., 2017), Е.И. Иноземцева (Inozemtseva, 2017), В.Е. Возгрин (Vozgrin, 2018), Ю.Ю. Клычников (Klychnikov, 2017) и др. Важно также отметить, что на основе коллекции документов «Черкесские невольничье повествования» предпринималась попытка рассмотреть проблему детей в черкесском плену (Cherkasov et al., 2020).

Важное значение для изучения темы рабства на Кавказе в 2020 г. имеет учрежденный Международным сетевым центром фундаментальных и прикладных исследований (Вашингтон, США) совместно с «KAD International» (Ефибуаз-Кофоридиа, Гана) ежегодный международный конкурс «Рабство в прошлом и настоящем». По результатам конкурсного отбора был опубликован специальный номер журнала «Slavery: Theory and Practice».

4. Результаты

О жизни ногайцев на черкесской территории до 1793 г. никаких данных нет. Русская администрация (черноморские казаки) прибыла на Кубань только в 1792 г. Однако уже 22 июля 1793 г. на русскую границу выбежала первая ногайская семья – Магмет Магметов и его жена Китара (Cherkasov, 2020: 1911). В течение года из Черкесии выбежали еще два ногайца и это произошло 23 октября (Cherkasov, 2020: 1914). Составитель «Черкесских невольничьих повествований» А.А. Черкасов отмечал, что в коллекцию документов были включены все доступные источники, и связывал их неполноту с отсутствием документов в архиве или их плохой сохранностью, что делало невозможным работу с ними. Таким образом, как полагает А.А. Черкасов, плохо сохранившийся документооборот за 1794 г. не дает никаких сведений о выбегающих из Черкесии ногайцах, но в следующем 1795 г. из рабства в Черкесии выбежали два ногайца. Это произошло 6 июля 1795 г. в районе Платоногорского кордона (Cherkasov, 2020: 1916).

В 1796 г. был официально зафиксирован первый массовый переход ногайцев на территорию России 14 сентября 1796 г., когда 14 ногайских семейств в составе 74 человек бежали из Черкесии. В ходе разбирательства на границе было выяснено, что одно из черкесских племен – абазинцев – решило взять в плен всех ногайцев, живущих в деревне Адады. Чтобы избежать пленения с дальнейшей продажей в рабство, ногайцы предприняли побег (Cherkasov, 2020: 1459). Таким образом, черкесами-абазинцами была сделана попытка обратить в рабство целую ногайскую деревню. Помимо этого, в течение того же года небольшими группами из Черкесии бежало еще 22 ногайца. Так, 7 февраля выбежала семья ногайца Абдуллы из 9 человек, которая уже 12 лет была в рабстве у черкесов (Cherkasov, 2020: 1453). Удивительно то, что сам Абдулла говорил на русском языке и сразу объявил о своем желании перейти в православие. 12 сентября в одиночку из

черкесского плена выбежал ногаец Намез Малибетов (Cherkasov, 2020: 1457), а 13 октября – Али Смайлов (Cherkasov, 2020: 1460), 27 октября выбежали еще 11 ногайцев (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 339. Л. 34-34об.).

В 1797 г. группами выбежало не менее 21 ногайца: 8 января – группа из 4 человек (Cherkasov, 2020: 1921-1922), 13 января – 8 человек (в том числе Магмет Хвамам, который бежал из рабства) (Cherkasov, 2020: 1922), 20 января – еще 7 ногайцев, причины, побудившие этих людей к побегу, не указывались (Cherkasov, 2020: 1922-1923). 29 июля на главный Екатеринодарский кордон прибыл ногаец Ягий, совершивший удачный побег (он не помнил своего родства), который объявил, что был захвачен в плен и находился в рабстве у черкесов с 1782 г., то есть с момента перехода ногайцев на черкесскую территорию (Cherkasov, 2020: 1924). 25 августа выбежал еще один ногаец по имени Яесе (Cherkasov, 2020: 1924).

В 1798 г. из Черкесии выбежало 66 ногайцев. 5 января в районе Марьинского кордона выбежал грузин Иван Мамсин вместе с семейством. Вторая жена Ивана была ногайка по имени Бееза (Cherkasov, 2020: 1925). Если учесть, что жен для своих крепостных черкесы покупали, то станет понятно, что ногайка была куплена для Ивана как рабыня. 16 апреля состоялся очередной массовый переход ногайцев во главе с дворянином Шостаном Али, его семьей и подвластными (всего 50 человек). Этот переход через реку Кубань состоялся настолько быстро, что казачья стража застала ногайцев уже на своей стороне, несмотря на то, что пикет оповестил о начале сбора людей на черкесском берегу заблаговременно. О причине своих действий Шостан Али через переводчика пояснил следующее: «Поелику де я за приверженность мою издавна к России и склонение сыскать себе со всеми своими родными и подданными у России защиту и покровительство должен теперь неминуемо от мщения и жестокосердия абазинцов погибнуть, то решаюсь в виде христиан, у коих ищу издавна, спрашиваю покровительства, лучше умереть, утопив в Кубани себя, все семейство и всех его подданных, нежели варварски понести насильственную смерть, ему неминуемо от них определенную». После этого казачьей страже ничего не оставалось, как принять и этих беглецов (Cherkasov, 2020: 1478-1479). 4 июля в районе Новоекатеринодарского кордона выбежали два крымских ногайца, захваченных в плен черкесами в 1790 г. и пробывших в рабстве 8 лет (Cherkasov, 2020: 1931). 20 июля выбежали еще 2 ногайца (Cherkasov, 2020: 1931-1932), а 8 августа – еще 2 (Cherkasov, 2020: 1932). 29 августа на Елизаветинский кордон прибыли 2 ногайца, которые бежали, пробыв в рабстве у черкесов по 7 лет (Cherkasov, 2020: 1932). Учитывая, что бывшие рабы выбегали попарно и сроки пребывания в плену у них совпадали, мы можем сделать вывод: пленники бежали от одного и того же хозяина, а это означает, что ногайцы были в рабстве в множественном числе. Уже в последние дни осени 26 ноября на лодке бежали на русскую сторону сразу 8 мужчин-ногайцев (Cherkasov, 2020: 1933).

За 1799 г. в коллекции документы представлены очень слабо, поэтому данные о ногайцах не обнаружены.

В 1800 г. (17 августа) произошел третий массовый переход на русскую сторону: Черкесию покинуло 46 ногайцев – подданных умершего князя Алея Узуна из слободы Дадухай. Их попытались выдворить назад, но они заявили, что лучше смерть (Cherkasov, 2020: 1500-1501). Нужно пояснить, что, как и за 1799 г., документооборот в коллекции практически отсутствует.

За 1801 г. документов в коллекции вообще не оказалось.

В 1802 г. из плена у черкесов выбежал ногаец Шигас Каланч (Cherkasov, 2020: 1938). За этот год архивного материала также очень мало.

В 1803 г. состоялся самый массовый исход ногайцев: 22 мая Черкесию покинули 315 ногайцев (Cherkasov, 2020: 1514-1521), а 6 июня еще 150 ногайцев (Cherkasov, 2020: 1523-1524). При этом отдельных случаев выхода ногайцев зафиксировано не было.

В 1804 г. покинуло Черкесию 39 ногайцев. Из них 33 вышли 3 октября организованным порядком во главе с Султаном Селим Гиреем (Cherkasov, 2020: 1546). Остальные 6 человек выходили по отдельности. Так, 18 марта под Екатеринодаром вышел русскоподданный ногаец Баибов, который был захвачен в плен черкесами 13 лет назад и бежал из него (Cherkasov, 2020: 1956). 19 июня выбежал Селлам Куатов, проживший в рабстве 15 лет (Cherkasov, 2020: 1960). 24 июля выбежал бывший раб Дорд Смаилов (Cherkasov, 2020: 1961), 24 августа – турецкоподданный ногаец Мамбет (Cherkasov, 2020: 1961), по всей вероятности, попавший в плен еще в период существования Крымского ханства. 30 сентября вышел ногаец Мусса, который сразу изъявил желание поселиться в России (Cherkasov, 2020: 1962).

В 1805 г. состоялся последний из зафиксированных крупных переходов ногайцев на русскую сторону, точная дата которого в документах не обнаружена, но известно, что с ногайским дворянином Мурзой Ислямом на русскую сторону перешло 28 ногайских семейств в составе 147 человек (Cherkasov, 2020: 1962-1974).

В 1806 г. вышло 7 ногайцев: из них 5 человек – 20 января в дистанции Бугазской карантинной заставы (Cherkasov, 2020: 1974-1975), 12 мая и 27 июля – российскоподданные крымские ногайцы Самеле (Cherkasov, 2020: 1975) и Блел (Cherkasov, 2020: 1976).

За 1807 г. данных о вышедших ногайцах не обнаружено.

В 1808 г. в октябре в поисках защиты от черкесских грабежей вышли из Черкесии сразу 30 ногайцев (Cherkasov, 2020: 1981-1984).

С 1809 по 1814 гг. данные о выходе из Черкесии ногайцев не зафиксированы.

В 1815 г. выбежали из рабства два ногайца: 13 июля – Пшук, изъявивший желание поселиться у мирного князя Ханука (Cherkasov, 2020: 2018), 10 августа – Маруз, который жил на русской стороне, но был продан 10 лет назад мурзой за Кубань (Cherkasov, 2020: 2020).

В 1816 г. был зафиксирован один случай бегства из Черкесии: 28 мая из плена выбежала ногайка по имени Ханбине, которая 25 лет провела в рабстве у черкесов (Cherkasov, 2020: 2023).

С 1817 г. по 1822 г. случаев бегства ногайцев не было зафиксировано. Нужно пояснить, что за 1818 и 1819 гг. документы в коллекции практически отсутствовали. Однако в 1823 г. убежало сразу 12 человек (4 ногайские семьи), что произошло 21 февраля (Cherkasov, 2020: 2035-2036), о причинах данных нет.

В 1824 г. случаи бегства ногайцев не были зафиксированы. В 1825 г. (ввиду неполноты архивных документов) убежало всего 3 ногайца (одна семья: отец и два сына). Они были в рабстве у шапсугского владельца (Cherkasov, 2020: 2051).

Архивного материала было мало и в 1826 г., поэтому сведений о ногайцах нет.

За 1827 г. имеются данные о 4 ногайцах, захваченных на русской стороне и представленных на обмен: 8 марта – 36-летняя Насепкан с 17-летним сыном Ялкишем (Cherkasov, 2020: 2051), 29 октября – Отебике с грудным сыном (Cherkasov, 2020: 2053). Важно пояснить, что первые случаи выкупа пленников как российскоподданных фиксировались еще с 1797 г., этим занимались горские армяне. Однако подобной практики в отношении российскоподданных ногайцев практически не было, поэтому данный факт сыграл хорошую службу, так как резко сократились случаи нападения на ногайцев ввиду проблематичности сбыта такого товара.

С 1828 по 1838 гг. сведений о выбежавших или выкупленных ногайцах не было. Последний из документально подтвержденных случаев освобождения ногайцев из черкесского плена произошел в 1839 г. Так, 10 ноября к русской крепости Субаши убежал Якуп Мустапаев, который был взят в плен черкесами, перепродавался и в конечном счете благополучно бежал (Cherkasov, 2020: 2095).

Для визуального представления данные о вышедших из Черкесии ногайцах были сведены в диаграмму 1.

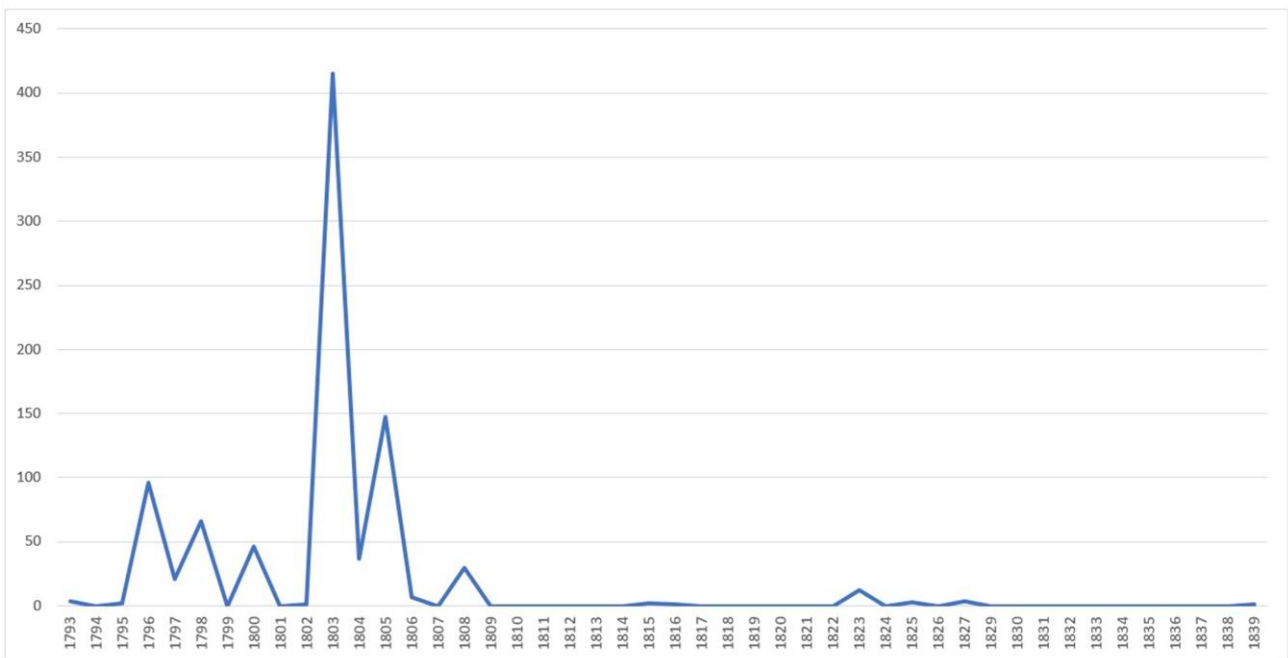

Диаграмма 1. Численность ногайцев, покинувших Черкесию в период 1793–1839 гг.

В рабовладельческих практиках на территории Черкесии сегодня нет ничего нового, так как это было присуще многим территориям Кавказа, в том числе Абхазии, Дагестану, Грузии, Осетии. Другое дело, что в отношении ногайцев речь вполне может идти о преследовании по национальному принципу. Нужно отметить, что случаи этнического преследования на территории Черкесии были и ранее: горские армяне – за иноверие, натухайцы – за проживание на территории шапсугов и т.д. По большому счету, важен был только повод, по которому человека можно было захватить и продать в рабство.

Мы уже отмечали, что 22 мая 1803 г. из Черкесии выбежали 315 ногайцев. В коллекции документов «Черкесские невольничьи повествования» представлены их имена и родовые связи. Согласно этим данным, мы можем определить число членов в семьях у ногайцев на момент перехода на русскую сторону.

Таблица 1. Посемейные списки 315 ногайцев, вышедших из Черкесии 22 мая 1803 г. ([Cherkasov, 2020: 1514-1521](#))

Количество семей	Список лиц	Всего	Семьи		Примечания
			Полная	Неполная	
Дворяне					
1.	1. Бек-Мурза Шам-Оглу 2. жена его Гедие Дети: 3. сын Адыл-Гирей 4. дочь Алим-Султан	4	1	-	
2	5. Мать Бек-Мурзы Аташехани Дети: 6. сын Бахты Герей 7. сын Пшимах 8. дочь Ногой-Гой.	4	-	1	
Крестьяне					
3	9. Калмук Оглу 10. жена его Салга. Дети – сыновья: 11. Мамут, 12. Джангай 13. Ямгурчи	5	1	-	
4	14. Амет 15. жена его Сеферхан Дети их – сыновья: 16. Мемет 17. Боранчи	4	1	-	
5	18. Бый Мурза 19. жена его Сабыр 20. сын их Мустафа	3	1	-	
6	21. Смаил Газы-Гирей 22. жена его Ханумужан Дети их – сыновья: 23. Чора-Мурза 24. Батыр 25. Сали	5	1	-	
7	26. Газы-Гирей Шумах 27. жена его Радбе Дети их – сыновья: 28. Халил 29. Сейдали 30. Мамет 31. дочь Аише	6	1	-	
8	32. Карамурза 33. жена его Бебей-Джане	2	1	-	Без детей
9	34. вдова Аевидже 35. сын ее Кокуз	2	-	1	
10	36. Менгъ Али-Муртаза 37. жена его Алель Дети их – сыновья: 38. Мамет 39. Мемет Дочери:	7	1	-	

	40. Сеферхан 41. Девлет-Хан 42. Кутлухан				
11	43. Селамет Ган-Оглу 44. жена его Актутай Дети их: 45. сын Джан Булат Дочери: 46. Алемхан 47. Бужахан Угрудей	5	1	-	
12	48. вдова Хартапай 49. сын ее Тангатай	2	-	1	
13	50. Джанбатыр 51. жена его Алемхан 52. дочь их Мейлихан	3	1	-	
14	53. вдова Хан Тутай 54. сын Али	2	-	1	
15	55. вдова Бай-Гаутай Дети ее – сыновья: 56. Тутай 57. Кендже	3	-	1	
16	58. вдова Фатима 59. сын ее Мустафа	2	-	1	
17	60. вдова Анифе Дети ее – сыновья: 61. Девлет-Герей 62. Цым-Герей	3	-	1	
18	63. Вдова Аише Дети ее – сыновья: 64. Смаил 65. Кара-Мурза 66. Насилтхан 67. Сеферхан	5	-	1	
19	68. Абдыш 69. жена его Бек-Тутай Дети их – сыновья: 70. Мамут 71. Амет 72. Мемет	5	1	-	
20	73. Омар 74. жена его Тауке 75. дочь их Аише Угрудей 76. Эреджеп	4	1	-	
21	77. Гаджи Оглу Мустафа 78. жена его Мелет Дети их – сыновья: 79. Смаил 80. Мемет 81. дочь Фатме	5	1	-	
22	82. брат Гаджи Оглу – Муласей	1	-	1	
23	83. Мошней (?) 84. жена его Аджикаш Дети – сыновья: 85. Султан Мурза 86. Смаил 87. Амет Угрудей Дочери: 88. Кокуй 89. Аише	7	1	-	
24	90. Тевтиш	2	1	-	Без детей

	91. жена его Карашеш				
25	92. Ислям 93. жена его Тотек Сыновья их: 94. Мусса 95. Мурза Бек 96. Смаил	5	1	-	
26	97. Фезла 98. жена его Шепай Дети их – сыновья: 99. Али 100. Ромозан Угрудей 101. дочь Фадиме 102. мать Фезла – Аише	6	1	-	
27	103. вдова Салбе 104. сын ее Смаил	2	-	1	
28	105. Ислям 106. жена его Сибе Дети их – сыновья: 107. Амет 108. Гасан 109. дочь Фадиме	5	1	-	
29	110. Гасан 111. жена его Гадие Дети их: 112. сын Усеин 113. дочь Фадиме	4	1	-	
30	114. Смаил 115. жена его Насымей Дети их: 116. сын Темирджан 117. дочь Ширан	4	1	-	
31	118. Алат 119. жена его Мауш Дети их – сыновья: 120. Кокоз 121. Смаил Дочери: 122. Карашеш 123. Аише	6	1	-	
32	124. Вдова Чашлы Сыновья ее: 127. Байтемир 128. Камлук	3	-	1	
33	125. Бек Темир 126. жена его Карашеш	2	1	-	
34	129. Кадыр-Але 130. жена его Аише	2	1	-	Без детей
35	131. Джавбатыр 132. жена его Разы Дети их – сыновья: 136. Байрам-Али 137. Амет 138. дочь Кутлухан	5	1	-	
36	133. Айтесул 134. жена его Гашме 135. дочь их Товкуш	3	1	-	
37	139. Осман 140. жена его Чраз Дети их – сыновья: 141. Кокуз 142. Арык	4	1	-	

38	143. мать Османа – Абыбе Сыновья ее: 144. Шосефи 145. Нурла 146. Карашора 147. Кара-Олан	5	-	1	
39	148. вдова Ирымхан 149. сын Ведиджан	2	-	1	
40	150. Амет 151. жена его Назлыхан	2	1	-	
41	152. Абдыкерым 153. жена его Джипар Дети их – сыновья: 154. Темир Булат 155. Карали	4	1	-	
42	156. брат Абдыкерыма – Але	1	-	1	
43	157. вдова Имине Дети ее: 158. сын Авбукадыр 159. дочь Кортлы	3	-	1	
44	160. вдова Севмес 161. Дочь Фатме	2	-	1	
45	162. сын Севмес – Урус Бый 163. жена его Керакиз 164. дочь Алимсеве	3	1	-	
46	165. Мамут 166. жена его Анифе	2	1	-	Без детей
47	167. вдова Бекшей 168. сын ее Темир	2	-	1	
48	169. Мусса 170. жена его Шерифе 171. сын их Девриш	3	1	-	
49	172. Чора 173. жена его Рабье Дети их – сыновья: 174. Али 175. Буджук 176. Мустафа 177. дочь Таунсым	6	1	-	
50	178. вдова Джансевир Дети ее: 179. сын Булат 180. дочь Буаде	3	-	1	
51	181. Бек Темир 182. жена его Хатче 183. дочь их Назлы	3	1	-	
52	184. Гасан 185. жена его Мейлапай Дети их – сыновья: 186. Юз Ашай 187. Мемет 188. дочь Имясе 189 – пропущено	6	1	-	
53	190. Али 191. жена его Карамиз Дети их: 192. сын Ураз Али 193. дочь Ураз	4	1	-	
54	194. вдова Фадиме	3	-	1	

	Сыновья ее: 195. Али 196. Мураз				
55	197. вдова Абдыше 198. сын ее Батыр-Али	2	-	1	
56	199. Мамбет 200. жена его Изытле 201. Омар Али 202. Менли Али Дочери: 203. Аман-Тотай 204. Ак Тутай	6	1	-	
57	205. вдова Сератли 206. Сын ее Мамбет	2	-	1	
58	207. Козакай 208. жена его Арухан Дети их – дочери: 209. Наслухан 210. Кутлу-Хан	4	1	-	
59	211. вдова Фадиме	1	-	1	
60	212. вдова Насытле	1	-	1	
61	213. Бекей 214. жена его Салбе 215. дочь их Ирслыхан	3	1	-	
62	216. Кевка	1	-	1	
63	217. Джумагазы Жены его: 218. Фатме 219. Арухан Дети их – сыновья: 220. Тавбеигр 221. Габылидым 222. Али 223. Авбештин 224. Алтыбарма 225. Абды Дочери: 226. Аршиле 227. Ирымхан	11	1	-	
64	228. Бекир 229. жена его Халем 230. сын их Смаил	3	1	-	
65	231. Темир 232. жена его Хатибе Дети их – сыновья: 233. Гасан 234. Усеин	4	1	-	
66	235. брат Темира – Калавбат	1	-	-	
67	236. Арык	1	-	-	
68	237. Халил Жены его: 238. Гулил-Хан 239. Окашаш Дети их – сыновья: 240. Суюн 241. Ашир Али 242. Крым-Гелды 243. дочь Насыпей	7	1	-	
69	244. Али 245. жена его Гедые Дети их:	5	1	-	

	246. сын Асан Дочери: 247. Хадыме 248. Гавва				
70	249. Сейтылла 250. жена его Кендже Дети их: 251. сын Гасан 252. дочь Алемхан	4	1	-	
71	253. вдова Аише 254. сын ее Мемет	2	-	1	
72	254. Суюн 255. жена его Калга Дети их: 256. сын Амет 257. дочь Гашиме	4	1	-	
73	260. Ачиазы 261. жена его Чриуя Дети их – дочери: 262. Фадыме 263. Аише 264. Гавва	5	1	-	
74	265. вдова Кендже Апай	1	-	1	
75	266. Усеин 267. жена его Каре Дети их: 268. сын Селим 269. дочь Мелек	4	1	-	
76	270. брат Усеина – Сулейман	1	1	-	
77	271. Хаз Герей 272. жена его Менлепай Дети их – сыновья: 273. Мустафа 274. Адыл 275. Смаил Дочери: 276. Гедые 277. Гадыбе	7	1	-	
78	278. Досали 280. жена его Абайхан	2	1	-	
79	281. Мустафа	1	-	-	
80	282. Чора 283. сын его Суюндук	1	1	-	
81	284. Амет	1	-	-	
82	285. Осман	1	-	-	
83	286. Али 287. жена его Калимхан Дети их – дочери: 288. Исав 289. Ботай 290. Арслангир	5	1	-	
84	291. Чора 292. жена его Как Тотай	2	1	-	
85	293. вдова Актике Дети ее: 294. сын Гасан 295. дочь Крымхан	3	-	1	
86	296. Чразали 297. жена его Сарайхан Дети их: 298. сын Смаил	4	1	-	

	299. дочь Арухан				
87	300. Каземай вдовец 301. дочь его Шешеман	2	1	-	
88	302. Халил 303. жена его Шатане Дети их – дочери: 304. Калмык 305. Хадыме	4	1	-	
89	306. девка Тике	1	-	-	
90	307. малолетний Селим	1	-	-	
91	308. вдова Гавва 309. дочь ее Сарайхан	1	-	1	
92	310. вдова Аише	1	-	-	
93	311. Мустафа	1	-	-	
94	312. Али	1	-	-	
95	313. Амет	1	-	-	
96	314. Сеит Али	1	-	-	
97	315. Мемет	1	-	-	
Итого		315	54	24	

Итак, согласно данным [Таблицы 1](#) мы можем видеть, что из 97 семейств только в 54 были оба родителя (полная семья), в 24 случаях – родитель был только один, а из них в 22 случаях – только вдова. Мы не исключаем, что и среди полных семей имелись случаи, где были похищены дети, так как дети являлись наиболее перспективным товаром для рабовладельцев в Черкесии ([Cherkasov et al., 2020: 2437-2442](#)). Таким образом, из 97 семейств как минимум половина потеряла кого-то из своих ближайших родственников на территории Черкесии. Иными словами, на территории Черкесии ногайцы подверглись этническому преследованию, побуждающим мотивом для которого был захват для последующей работорговли.

5. Заключение

В завершении хотелось бы отметить, что «Черкесские невольничьи повествования» являются ценным источником по истории ногайцев в период конца XVIII – первой половины XIX вв. В это время с территории Черкесии происходило массовое бегство ногайцев, которые подверглись насилию со стороны местного населения: около половины членов семей ногайских беглецов были похищены и убиты, что предопределило попытки их ухода на территорию России. Важно пояснить, что бегство ногайских общин продолжалось до 1808 г., а после этого происходили немногочисленные случаи бегства ногайцев, похищенных уже на русской стороне.

Литература

- ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.
[Клапрот, 2008](#) – *Клапрот Ю.* Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. Нальчик, 2008.
[Пейсонель, 1891](#) – *Пейсонель К.-III.* Трактат о торговле на Черном море // Кубанский сборник. Том 2. 1891, Екатеринодар. С. 3-32.
[Покровский, 1989](#) – *Покровский М.В.* Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века. Краснодар, 1989.
[Спенсер, 1994](#) – *Спенсер Э.* Путешествия в Черкесию / Пер. Н. Нефляшевой. Майкоп, 1994.
[Черкасов и др., 2019](#) – *Черкасов А.А., Королева Л.А., Братановский С.Н., Шмигель М.* Бегство из Черкесии накануне Кавказской войны // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История.* 2019. Т. 64. Вып. 4. С. 1355-1367.
[Щербина, 1910-1913](#) – *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска. В 2 т. Екатеринодар, 1910-1913.
[Cherkasov et al., 2017](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* (2017). The list of captives from the Turkish vessel *belifte* as a source of information on the slave trade in the north-western caucasus in the early 19th century. *Annales-Anali za Istrske in Mediteranske Studije – Series Historia et Sociologia.* 27(4): 851-864.
[Cherkasov et al., 2017a](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* (2017). The Losses of the Russian army during the Caucasian war (1801-1864): Historical and statistical research // *Bylye Gody.* 43(1): 68-85.
[Cherkasov et al., 2020](#) – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Zimovets L.G., Ponomareva M.A.* The Unknown Pages of the Caucasian War: Children in Circassian Captivity in 1812–1815 (based on the materials from “The Circassian Slave Narratives”) // *Bylye Gody.* 2020. 4 (58): 2437-2442.

- [Cherkasov, 2020](#) – Cherkasov A.A. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection) // *Bylye Gody*. 2020. 3-1 (57-1): 1415-2266.
- [Cherkasov, 2020](#) – Cherkasov A.A. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection) // *Bylye Gody*. 2020. 57-1(3-1): 1415-2266.
- [Dudarev, 2018](#) – Dudarev S.L. (2018). F.V. Totoev about Slavery in Chechnya in the Historical Past // *Slavery: Theory and Practice*. 3(1): 18-30.
- [Ermachkov et al., 2020](#) – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Mineeva E.K., Balanyuk L.L. Slave Trade in Circassia (first half of the XIX century): Some Characteristic Features // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 58. Is. 4: 2464-2470.
- [Inozemtseva, 2017](#) – Inozemtseva E.I. (2017). To the Issue of the Concepts and Terms of the Slavery Institution in the Late Medieval Dagestan // *Slavery: Theory and Practice*. 2(1): 31-41.
- [Klychnikov, 2017](#) – Klychnikov Yu.Yu. The Factor of Slave Trade in the Russian Politics in the Northern Caucasus // *Slavery: Theory and Practice*. 2017. 2(1): 42-51.
- [Smigel, Cherkasov, 2016](#) – Smigel M., Cherkasov A.A. (2016). The Slavery in Circassia and the United States (1850–1860-ies years): General and Special // *Bylye Gody*. 42(4): 1182-1197.
- [Vozgrin, 2018](#) – Vozgrin V.E. (2018). The Modern Times Slavery in the Countries of Black Sea and South Europe // *Slavery: Theory and Practice*. 3(1): 4-17.

References

- [Cherkasov et al., 2017](#) – Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Smigel, M., Molchanova, V.S. (2017). The list of captives from the Turkish vessel belifte as a source of information on the slave trade in the north-western caucasus in the early 19th century. *Annales-Anali za Istrske in Mediteranske Studije – Series Historia et Sociologia*. 27(4): 851-864.
- [Cherkasov et al., 2017a](#) – Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Smigel, M., Molchanova, V.S. (2017). The Losses of the Russian army during the Caucasian war (1801-1864): Historical and statistical research. *Bylye Gody*. 43(1): 68-85.
- [Cherkasov et al., 2020](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Zimovets, L.G., Ponomareva, M.A. (2020). The Unknown Pages of the Caucasian War: Children in Circassian Captivity in 1812–1815 (based on the materials from “The Circassian Slave Narratives”). *Bylye Gody*. 58(4): 2437-2442.
- [Cherkasov i dr., 2019](#) – Cherkasov, A., Koroleva, L., Bratanovskii, S., Šmigel', M. (2019). The Escape from Circassia on the Eve of the Caucasian War. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 64(4): 1355-1367.
- [Cherkasov i dr., 2019](#) – Cherkasov, A.A., Koroleva, L.A., Bratanovskii, S.N., Shmigel', M. (2019). Begstvo iz Cherkesii nakanune Kavkazskoi voiny [Flight from Circassia on the eve of the Caucasian War]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 64(4): 1355-1367. [in Russian]
- [Cherkasov, 2020](#) – Cherkasov, A.A. (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*. 3-1 (57-1): 1415-2266.
- [Cherkasov, 2020](#) – Cherkasov, A.A. (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*. 57-1(3-1): 1415-2266.
- [Dudarev, 2018](#) – Dudarev, S.L. (2018). F.V. Totoev about Slavery in Chechnya in the Historical Past. *Slavery: Theory and Practice*. 3(1): 18-30.
- [Ermachkov et al., 2020](#) – Ermachkov, I.A., Koroleva, L.A., Mineeva, E.K., Balanyuk, L.L. (2020). Slave Trade in Circassia (first half of the XIX century): Some Characteristic Features. *Bylye Gody*. 58(4): 2464-2470.
- [GAKK](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraja [The state archive of the Krasnodar Krai].
- [Inozemtseva, 2017](#) – Inozemtseva, E.I. (2017). To the Issue of the Concepts and Terms of the Slavery Institution in the Late Medieval Dagestan. *Slavery: Theory and Practice*. 2(1): 31-41.
- [Klaprot, 2008](#) – Klaprot, Yu. (2008). Opisanie poezdok po Kavkazu i Gruzii v 1807 i 1808 godakh. [Description of trips across the Caucasus and Georgia in 1807 and 1808]. Nal'chik. [in Russian]
- [Klychnikov, 2017](#) – Klychnikov, Yu.Yu. (2017). The Factor of Slave Trade in the Russian Politics in the Northern Caucasus. *Slavery: Theory and Practice*. 2(1): 42-51.
- [Peisonel', 1891](#) – Peisonel', K.-Sh. (1891). Traktat o torgovle na Chernom more [Treatise on trade on the Black Sea]. Kubanskii sbornik. T. 2. Ekaterinodar. Pp. 3-32. [in Russian]
- [Pokrovskii, 1989](#) – Pokrovskii, M.V. (1989). Iz istorii adygov v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka [From the history of the circassians at the end of the 18th – first half of the 19th century]. Krasnodar. 319 p. [in Russian]
- [Shcherbina, 1910–1913](#) – Shcherbina, F.A. (1910–1913). Istoriya Kubanskogo kazach'ego voiska [The history of the Kuban Cossack army]. V 2 t. Ekaterinodar. [in Russian]
- [Smigel, Cherkasov, 2016](#) – Smigel, M., Cherkasov, A.A. (2016). The Slavery in Circassia and the United States (1850–1860-ies years): General and Special. *Bylye Gody*. 42(4): 1182-1197.
- [Spenser, 1994](#) – Spenser, E. (1994). Puteshestviya v Cherkesiyu [Travel to Circassia]. Per. N. Neflyashevoi. Maikop. [in Russian]

Vozgrin, 2018 – Vozgrin, V.E. (2018). The Modern Times Slavery in the Countries of Black Sea and South Europe. *Slavery: Theory and Practice*. 3(1): 4-17.

Ногайский исход из Черкесии (1793–1839 гг.) на материалах «Черкесских невольничьих повествований»

Тимур Альбертович Магсумов ^{a, b, c, *}, Теймур Эльдарович Зульфугарзаде ^d
Алексей Александрович Королев ^e, Елена Валерьевна Красненкова ^f

^a Черкас глобальный университет (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований), Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны, Российская Федерация

^d Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Российская Федерация

^f Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается проблема бегства ногайцев из Черкесии в 1793–1839 гг. Уделено внимание причинам миграции, а также влиянию черкесского рабозахвата и работорговли на демографию ногайских семейств.

Основным источником по данной проблеме является сборник документов «Черкесские невольничьи повествования», который был опубликован в октябре 2020 г. в специальном номере журнала «Былые годы». В него вошли 1,2 тыс. архивных документов из государственного архива Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация). Всего, по сведениям этого сборника, в период с 1793 по 1839 гг. Черкесию покинуло, по неполным данным, 897 ногайцев. Методология представлена совокупностью общих и специальных методов исторического исследования. Содержание источников и их особенности определили применение статистического метода, использованного для учета бежавших из Черкесии ногайцев, а также для определения родовых связей и численности людей в одном ногайском семействе. Также применялся аналитический метод при систематизации и оценке общих сведений о ногайцах и причинах их миграции.

В заключении авторы отмечают, что «Черкесские невольничьи повествования» являются ценным источником по истории ногайцев в период конца XVIII – первой половины XIX вв. В это время с территории Черкесии происходило массовое бегство ногайцев, которые подверглись насилию со стороны местного населения: около половины их семей были похищены и убиты, что предопределило попытки их ухода на территорию России. Важно пояснить, что бегство ногайских общин продолжалось до 1808 г., а после этого происходили немногочисленные случаи бегства ногайцев, похищенных уже на русской стороне.

Ключевые слова: ногайцы, Кавказ, Черкесия, бегство, 1793–1839 гг., Российская империя, рабозахват, работорговля.

* Корреспондирующий автор

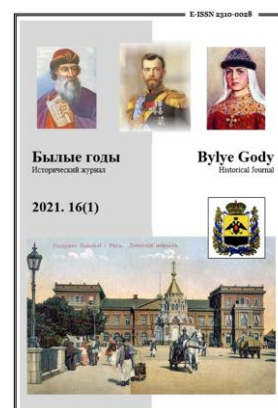
Адреса электронной почты: nabonid1@yandex.ru (Т.А. Магсумов)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 110-117.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.110
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Slavery in Central Asia (the first half of the XIX century): the Nature and Manifestations

Ivan A. Ermachkov ^{a, b, *}, Larisa A. Koroleva ^c, Elena K. Mineeva ^d, Leonid L. Balanyuk ^e

^a Cherkas Global University (International Network Center for Fundamental and Applied Research), Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Penza State University of Architecture and Construction, Russian Federation

^d I.N. Ulianov Chuvash State University, Russian Federation

^e Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article deals with slavery in the khanates of Central Asia, primarily in Khiva and Bukhara in the first half of the XIX century. The attention is paid to the capture of prisoners and their ethnic structure, the slave trade, the living conditions of slaves, as well as attempts to free slaves from slavery, which were made both personally by the captives and by different states.

As materials, we used various materials of personal origin. First of all, these are the materials of personal origin of representatives of Russian diplomatic missions, Russian officers of the participants in the Khiva campaigns, as well as Russian and foreign travelers.

In conclusion, the authors state that the slave trade and slave capture in Central Asia accounted for a significant part of the region's economic income. The prisoners were captured by nomadic Turkmens in Persia and Russia, and then taken to slave markets in the Asian khanates. It should be clarified that the status of Asian slaves was comparable to the status of domestic animals, and various forms of violence were used against the slaves, including for religious reasons.

For the captives brought to the slave market, the nomadic Turkmens received food, and the buyers sent the captives to agricultural work, for the food production. As a result, an economically attractive chain was created between the nomad, the slave trader and the exploiter. Due to the lack of slaves, the captives were harshly exploited, receiving a minimum of food and clothing from the slave owners. Most of the slaves in Central Asia were natives of Persia, slaves from Russia were much less due to the measures to protect the border – the Orenburg line. However, to completely stop the raids on the territory of Russia, more drastic measures were required, namely, the creation of fortifications directly in the Kyrgyz steppe.

Keywords: slavery, Central Asia, the first half of the 19th century, khanates, Bukhara, Khiva.

1. Введение

Институт рабства в первой половине XIX века был присущ многим государственным образованиям мира, не были исключением из правил и ханства Центральной Азии. Однако, как и на любых других территориях, центральноазиатское рабство имело свои региональные особенности. В данной работе нами рассмотрена его природа и в качестве иллюстраций приведены конкретные примеры.

2. Материалы и методы

Источниками статьи послужили различные материалы личного происхождения, в первую очередь документы русских дипломатических миссий и офицеров-участников Хивинских походов,

* Corresponding author

E-mail addresses: eia07sochi@yandex.ru (I.A. Ermachkov)

а также российских и иностранных путешественников. Здесь необходимо назвать записки А. Вамбери (Вамбери, 1865) и Ф. Назарова (Назаров, 1968), а также дневники А. Борнса (Борнс, 1849), Н.Н. Муравьев-Карсского (Муравьев-Карсский, 1822), Е.К. Мейендорфа (Мейендорф, 1975) и Э. Шайлера (Schuyler, 1876). Из участников Хивинского похода свои записки оставили М.И. Иванов (Иванов, 1874) и Е. Косырев (Косырев, 1898).

В работе широко применялся описательный метод, благодаря которому из массы эпизодически возникающих сюжетов была составлена картина рабовладения на территории Центральной Азии. Также был использован аналитический метод для сопоставления данных разных источников, например, сведений о числе освобожденных русских пленников после Хивинского похода.

3. Обсуждение

Историографию по теме исследования мы разделили по хронологическому принципу на три периода: дореволюционный, советский и современный российский.

Среди дореволюционных выделяется группа трудов по покорению Средней Азии российских и иностранных авторов. Так, например, необходимо отметить работы М.А. Терентьева «История завоевания Средней Азии» (Терентьев, 1903) и «Хивинские походы русской армии» (Терентьев, 2010), а также труд Г.А. Мас «Gahan. Campaigning an the Oxus and the Fall of Khiwa» (Мас, 1874). В это время также предпринимались попытки изучения Туркестанского региона, например, сборник статей А.П. Хорошхина (Хорошхин, 1876) и «Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска», составленный Ф. Стариковым (Историко-статистический очерк, 1891).

Среди работ советского периода можно назвать «Материалы по истории Казахской ССР. 1785–1828 гг.» (Материалы по истории..., 1940), труд Н.А. Халфина «Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.)» (Халфин, 1974). Также исследовались и торгово-экономические отношения, в качестве примера можно привести «Историю торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.)» М.И. Сладковского (Сладковский, 1977).

В современный российский период эту тему затрагивали Е.В. Bebeshko и другие при изучении внешней политики разных стран в Туркестане (Bebeshko et al., 2017). Проблемам безопасности торговых путей в Центральной Азии уделяли внимание Ю.А. Лысенко (Lysenko, 2019), а также В.А. Bulgarova и другие (Bulgarova et al., 2020). Ю.А. Лысенко также обращалась к изучению дипломатических отношений между Россией и азиатскими ханствами (Lysenko, 2018).

4. Результаты

Об отношении к персидским рабам А. Вамбери оставил следующие записки: «Я часто возвращался домой, где персидский раб Кюльхана молил о капле воды: его целых два дня кормили соленой рыбой вместо хлеба и после целого дня работы на дынных грядках ему отказывали даже в капле воды. Хорошо еще, что я был один в палатке; вид взрослого человека, заливающегося слезами, заставил меня забыть о риске: я подал ему череп с водою и он утолил жажду, пока я стоял на стороже в дверях. Поблагодарив меня горячо, он поспешил выйти. Этого несчастного мучили решительно все, особенно же вторая жена Кюльхана, бывшая персидская рабыня, желавшая доказать свою преданность новому отечеству» (Вамбери, 1865: 43).

Труд женщин-рабынь применялся и в гаремах. Так, например, у бухарского эмира Мозаффар-эд-Дин-Хана было четыре законных жены и до двадцати невольниц, которые, по мнению А. Вамбери, употреблялись только для ухода за детьми, которых у эмира было шестнадцать (десять девочек и шесть мальчиков) (Вамбери, 1865: 98). Гаремы были только для жен, и максимальное их количество было ограничено четырьмя.

На рабовладении зиждилась значительная часть сельского хозяйства. Так, например, в Хиве рабов-иноземцев практически не было, а земли обрабатывались невольниками, купленными или захваченными в плен (Муравьев-Карсский, 1822: 33). Хивинцы располагали значительным количеством русских невольников, которых им продавали киргизы. В свою очередь киргизы захватывали русских на Оренбургской линии. Обращение с этими невольниками, как отмечал Н.Н. Муравьев-Карсский, было «самое жестокое; по малейшему подозрению о побеге, они (хивинцы – Авт.) наказывали их жестоким образом, если же сие во второй раз случится, то пригвозживают их за ухо к дверям и оставляют в таком положении трое суток; если они вынесут сие наказание, то продолжают по-старому томиться в неволе» (Муравьев-Карсский, 1822: 92-93). Конечно, невольник мог бы убежать, пожертвовав ухом, но ханство было окружено обширными безводными степями, поэтому многие невольники часто сводили счеты с жизнью при помощи самоубийства (Муравьев-Карсский, 1822: 75). Принципиальным отличием Азии от Кавказа была практическая невозможность бегства из плена, так как на территории ханств Киргизской степи не было русских форпостов, которые могли бы стать убежищем для беглецов. Ситуация осложнялась еще и обширными пустынями, что значительно удлиняло период бегства, а также заставляло предпринимать значительные усилия для подготовки к побегу. Лишь к 1860-м и 1870-м гг. фиксировались единичные случаи удачного бегства из плена, но такие ситуации объяснялись специальным попустительством ханов, которые не желали идти на открытую конфронтацию с русской администрацией и деятельностью русских миссий, которые занимались вывозом пленников на родину.

На ярмарках в Хивинском ханстве туркмены покупали пшеницу и всякого рода хлеб в обмен на невольников, которые впоследствии применялись в самых тяжелых работах, по большей части в обработке земли. В.В. Муравьев-Карсский отмечал, что если бы торг рабами прекратился, то Хива лишилась бы единственного своего богатства, состоящего в хлебе, и обратилась бы в бесплодную пустыню (Муравьев-Карсский, 1822: 91). К сожалению, обычай ловить и продавать невольников для кочующих народов и покупать их для хивинцев стал необходимым. Кочующие племена нуждались в хлебе, который покупали в Хиве, хивинцам же для обработки своих полей нужны были невольники, что в результате приводило к процветанию отрасли рабозавхата, работорговли и рабовладения.

Власть хозяев над невольниками была полной. Они имели право убить их, но редко делали это, чтобы не лишиться работника. Обычно невольникам выкалывали один глаз или отрезали ухо в качестве наказания (Муравьев-Карсский, 1822: 110). Такое же отношение к пленникам было и на Кавказе, Ю.Ю. Клычников и С.С. Лазарян писали о кавказских рабах: «Это было (доброе отношение к рабам – Авт.) скорее рачительное отношение хозяина к своей вещи, которая может принести пользу, пока находится в хорошем состоянии» (Klychnikov, Lazaryan, 2018: 36).

Питание невольников – это особая тема. Их рацион состоял из хлебного пайка, который невольник получал от хозяина, но, продавая часть его для скопления денег на собственный выкуп и одежду, невольник часто целые дни проводил без пищи или кормился за счет подаяний или воровства (Муравьев-Карсский, 1822: 128).

Численность рабов в Хиве, по оценкам В.В. Муравьева-Карсского, составляла в начале 1820-х гг. до 3 тыс. русских, около 30 тыс. персов и значительное количество курдов (Муравьев-Карсский, 1822: 29-30).

По наблюдениям В.В. Муравьева-Карсского, все грабежи и разбои внутри Хивинского ханства большей частью производились невольниками и туркменами, особенно в то время, когда они ездили для жжения угля в степь. Нужно понимать, что угольный промысел представлял значительную выгоду, поэтому владельцы отправляли своих невольников на добычу угля; нередко случалось, что отправленные на угольный промысел партии встречались, грабили друг друга, нападали даже на караваны и проезжающих купцов. Однако в начале XIX века право грабежа стало принадлежать исключительно хану, который считал этот вопрос государственным: или войной, или мщением, или наказанием, или налогом на купцов. Когда же это делалось подданными, то хан наказывал за это преступление и сажал их на кол (Муравьев-Карсский, 1822: 71). Нужно также оговориться, что столь суровое наказание хана за грабежи могло быть заменено на лишение всего имущества у провинившегося.

Описывая виды преступлений и наказаний в Хивинском ханстве, нельзя не сказать еще о двух наказаниях, которые назывались домашними. Первое состояло в беспощадном избивании провинившегося по всем частям тела без разбора, а второе – состояло в разрезании рта до ушей; к последнему наказанию осуждали тех, кто курил табак. Важно пояснить, что в Хиве многие жители курили, и это оставалось без внимания, исполнение закона требовалось ханом в том случае, если на провинившегося не находилось других доказательств вины. Иными словами, наказания провинившихся ханом носили избирательный характер, но если человек попадал в немилость, то расправа над ним под «благовидным предлогом» была практически мгновенна (Муравьев-Карсский, 1822: 72).

Однако это далеко не все виды казней, которые применялись в Киргизской степи. Так, если учесть, что власть хана, например в Хиве, не была наследственной, то в борьбе за власть широко применялись смертные казни через отсечение головы саблей. Для послов и иноверцев применялось погребение их живыми в степи, так как считалось, что кровью неверных не должно обгагрять земли верной. Применялась и другая казнь – сдирание кожи с живого пленника, согласно сведениям В.В. Муравьева-Карсского, именно таким образом был казнен в 1717 г. князь Бекович-Черкасский. Снимая кожу с князя, люди хана «начали с колен и ею обтянули барабан» (Муравьев-Карсский, 1822: 73).

В Кокандском ханстве чиновник даже самого высокого ранга за измену, взяточничество, заговоры и так далее наказывался смертной казнью. Имя провинившихся передавалось в казну, а жен и взрослых дочерей выдавали замуж за простых солдат. За воровство отрубали руку. Ф. Назаров был свидетелем того, как за воровство 30 баранов вору отрубили мечом кисть правой руки, обмакнули обрубок руки в горячее масло для остановки крови и потом отпустили на волю. За убийство отдавали преступника в распоряжение родственников убитого: они могли его продать или потребовать казнить убийцу (Назаров, 1968: 52).

В Хивинском ханстве никакие исповедания не были терпимы, кроме господствующего – ислама суннитского течения; но русские невольники, находящиеся в Хиве, по твердости своей и приверженности к православию игнорировали ислам и, более того, нередко собирались в уединенные места для чтения молитв и там в смиренном умоляли Господа о ниспослании благодати на отдаленное от них, но тем не менее возлюбленное Отечество и о возвращении своем на родину. Способности, сила и трудолюбие русских, даже в состоянии неволи, возродило к ним уважение от угнетателей; так что хозяева их, ревностные мусульмане, нарушали для них главное постановление свое – нетерпимость других вер – и позволяли им ежегодно праздновать три важнейших торжества: рождение, крещение

и воскресенье Христово. В эти праздники христианам разрешалось не работать ([Муравьев-Карский, 1822: 135-136](#)).

Ф. Назаров упоминает в своих записях двух русских невольников, которые обратились к нему, когда он с посольством пришел в город Пишкет. Первым был Андреян Иванов, который был схвачен киргизами по дороге в Оренбург, привезен в Хивинское ханство и продан за 40 червонных, а оттуда отвезен был в подарок бухарскому владетелю, от которого бежал, услышав о прибытии русского посольства в город. Вторым русским был Максим Головаченков, который, будучи в малолетстве в Кременчуге, около 25 лет назад с отцом своим отправился к крымским татарам, был захвачен двумя армянами и двумя татарами и увезен в Персию, оттуда продан в Бухарию и, хотя через 8 лет предпринял попытку бегства, но опять был схвачен киргизами и возвращен в Бухару ([Назаров, 1968: 57](#)). В особенности второй случай наглядно демонстрирует, что единая работоторговая сеть действовала повсеместно на территории Крыма, Черкесии, Кавказа и Азии.

Рабы-персы в Хиве имели название «дугма» ([Хорошхин, 1876: 484](#)). Основными поставщиками в Хиву рабов были туркмены, которые доставляли пленников через Мервский невольничий рынок, а также иомуды и чаудоры – через Гюргенский. Случалось, что хивинские работоторговцы и сами приезжали в Мерв или кочевья туркменов, где и приобретали себе невольников. Главными же служили рынки всех больших городов: Хивы, Куны-Ургенча, Кунграда, Чимбая, Ходжеиля, Ханка и других, а на правом берегу Амударьи – Шура-ханы и Ша-Аббас-Вали, куда туркмены пригоняли рабов, по их выражению, «как баранов» ([Хорошхин, 1876: 484](#)). На один базар пригоняли за раз по 200 и более рабов, продажа при этом шла как в одиночку, так и партиями.

По словам советника хивинского хана Мат-Мурада, цены на рабов постоянно колебались, что зависело от спроса и наплыва невольников из Туркмении. Кроме того, цены зависели также от возраста и пола, а еще более – от физических качеств раба или рабыни. Вообще же крепкий, здоровый мужчина без физических недостатков стоил до 100 тиллей (малых); молодая женщина, а еще более девушка стоила до 300 тиллей. Дорого, до 300 тиллей, продавались только мальчики до 15 лет ([Хорошхин, 1876: 485](#)).

В 1860-х–1870-х гг. в Хиве фиксировались случаи, когда человек был в рабстве более 50 лет. В качестве примера назовем Дмитрия Матвеевича Постнова, уроженца Нижегородской губернии села Черноречья, который 55 лет жил в неволе в Хиве. Захвачен он был туркменами в 15-летнем возрасте ([Хорошхин, 1876: 485](#)). Нужно отметить, что аналогичные случаи пребывания в рабстве фиксировались и на Кавказе, например в Черкесии. Так, в 1837 г. из Черкесии на русскую сторону выбежал 73-летний черкес Асланж Джамбулат, который был захвачен в плен убыхами и 55 лет проживал в рабстве ([Cherkasov, 2020: 1424](#)). Несмотря на длительные сроки пребывания в рабстве, многие пленники не получали долгожданной свободы, несмотря на все свои усилия. Причин освобождения из рабства было две: многолетняя верная служба или выкуп (от 50 до 300 тиллей). Освободившиеся рабы носили название «азат», а рабы, освобожденные ханом, – «ханазат». К слову, также назывались ханские лошади, которые переходили в частные руки. Ханазаты в сравнении с азатами жили значительно лучше; многие из них оставались служить хану и даже занимали высокопоставленные посты. Большей частью освобожденные рабы нанимались на полевые работы к частным лицам, за что получали от 10 до 30 тиллей в год, в редких случаях больше. Почти все они были очень бедны ([Хорошхин, 1876: 485](#)).

Возвращение рабов на родину всегда было проблематичным, так как выкуп был дорог, а пытавшиеся бежать рисковали снова попасть в руки туркмен, что и происходило неоднократно. Впрочем, были и такие люди, которые свободно проходили всю туркменскую степь с караванами через Мерв до самых границ Персии. Для многих рабов возвращение на родину являлось делом сложным ввиду отсутствия средств или состоятельных родственников, поэтому многие предпочитали погибнуть в пустыне, нежели оставаться в ханстве. В начале 1870-х гг. документально фиксировались случаи многократного пребывания в рабстве некоторых невольников. Так, один молодой иранец свидетельствовал, что был освобожден первый раз из рабства в Ташкенте генералом Черняевым, незадолго до похода его к Джтзаку, вернулся через Оренбург, Самару, Астрахань и Астрабад на свою родину в Машад (Мешхед) и, женившись там, через два года снова попал в плен к туркменам в то время, когда пас баранов в степи ([Хорошхин, 1876: 486](#)).

Согласно сведениям, собранным при туркестанском и оренбургском отрядах, в 140 городах и деревнях Хивинского ханства число дугма (рабов-персов) составляло до 36806 человек. Из них собственно рабов 29291, а освобожденных рабов (азат и ханазат) – 6515 человек. Освобожденные рабы в начале 1870-х гг. владели 2634 танапами пашен и 3 танапами садов. Таким образом, на каждого освобожденного раба приходилось около 1/3 танапа земли для пропитания; рабы же вообще ничем не были обеспечены ([Хорошхин, 1876: 486](#)).

Набеги кочевников на населенные пункты Оренбургской линии совершенно не отличались от набегов черкесов на кубанские станицы. Так, 14 августа 1844 г. азиатские хищники напали на Екатерининскую станицу. В ходе налета было сожжено 36 домов, уничтожено или похищено имущества на 40 тыс. руб., убито 4 человека (помимо этого, в пожаре сторело еще 6 человек),

захвачено в плен 27 человек. Кочевниками было угнано более 2 тыс. голов разного скота (*Историко-статистический очерк, 1891: 110*).

Проводя параллели между тактикой русских войск на Кавказе и в Азии, нельзя не отметить запрещение русским войскам преследования хищников на их территории. Эти правила действовали как в Азии, так и на Кавказе. Главная причина их заключалась в том, чтобы как можно меньше провоцировать сопредельную сторону на новые налеты (*Историко-статистический очерк, 1891: 25*). В 1830-х гг. кочевники захватывали людей даже под Оренбургом.

Первые мероприятия по освобождению рабов в Хиве начались после ее захвата русскими войсками и ограничения хивинского хана во власти. Только тогда хивинский хан издал манифест об освобождении рабов, однако не все рабовладельцы прислушались к нему. В ряде мест они заковали своих рабов в цепи. Так, например, имелись сведения, что в городе Ханка в цепях находилось 2,5 тыс. рабов, в Сарголи – 100, в Ак-мечети – 25, в Тегене – 45 (*Хорошхин, 1876: 486-487*). Днем их выводили на работу в поле, а ночью в цепях запирали в саклях, чтобы они не убежали к русским (*Хорошхин, 1876: 487*).

В 1839–1840 гг. российские войска предприняли очередную репрессалию для возвращения русских пленников на родину и обеспечения защиты торговых караванов. Эта репрессалия называлась Хивинским походом. Продвижение русских войск в глубь Киргизской степи и несколько боевых столкновений заставили хивинского хана издать 19 июля 1840 г. фирман, в котором под угрозой смертной казни запрещалось хивинцам грабить и пленить русских подданных. Помимо этого, хан приказал вернуть всех русских пленных. Потери русских войск в боевых столкновениях Хивинского похода были невелики: около 5 человек, из них 4 погибли в бою, а один был захвачен в плен и умер во время пыток. Тело пленного было найдено обожженным, колени проколоты, а сквозь них была продета бечевка. Пленного жарили заживо, подвесив за руки и за ноги над костром. С целью устрашения почтарей-киргизов на русской службе кочевники, поймав одного такого посыльного, после истязаний разрубили пополам по поясу и обе половины поставили по обе стороны дороги. При этом рот жертвы был набит сургучными печатями, сорванными с пакетов, и мелкими кусочками изорванных писем (*Терентьев, 1903: 150*). Всего, по данным И.М. Иванина, было возвращено 416 человек (*Иванин, 1874: 158*). Однако имеются и другие данные о численности возвращенных пленников. Так, например, Е. Косырев называл цифру в 600 возвращенных пленных (*Косырев, 1898: 544*), при этом он полагал, что они были захвачены во время Хивинского похода (1839–1840 гг.) русскими солдатами. Мы полагаем, что мнение Косырева о том, что все пленные были захвачены в ходе Хивинского похода, ошибочно, скорее всего, там были и пленники, захваченные на линии. В подтверждении этих слов можно проиллюстрировать данную ситуацию следующим эпизодом: «...Хан освободил собственных невольников, приказал сделать то же и всем подданным своим» (*Терентьев, 1903: 175*). Однако бесспорно то, что в Россию вернулась самая большая партия русских пленников из Азии. Эти люди стали живым свидетельством рабства в Азии, они рассказывали о том, как их продавали, били кнутами и нагайками, держали в клоповниках без пищи. Глубокие шрамы на плечах и спине свидетельствовали об истязаниях, которым подвергались эти люди. Несколько человек были с выколотыми глазами (*Косырев, 1898: 544-545*). И.М. Иванин сравнивал Хиву с Алжиром: «Хиву по ее действиям в отношении к ее соседям можно было назвать Алжиром Средней Азии, так как главным промыслом ее правительства было грабить своих соседей и торговать людьми» (*Иванин, 1874: 19*).

К середине 1840-х гг. стало очевидным, что нападения на оренбургскую линию не прекратятся до тех пор, пока русские не выставят укрепления внутри Киргизской степи. Так возникли укрепления Раимское близ устья реки Сырдарья и промежуточные форты Карабутак и Косарал. С устройством фортов на пути отступления хищников нападения прекратились и Хива стала меньше получать русских пленников (*Терентьев, 1903: 204-205*).

5. Заключение

Подводя итоги, важно отметить, что работорговля и рабозахват в Центральной Азии в экономике региона составляли значительную часть доходов. Пленники захватывались кочевниками-туркменами в Персии и в России, после этого доставлялись на рабовладельческие рынки в азиатские ханства. Необходимо пояснить, что азиатские рабы были сопоставимы с домашними животными, к ним применялось разнообразное насилие, в том числе по религиозным мотивам.

За доставленных на рабовладельческий рынок пленников туркмены-кочевники получали продукты питания, а покупатели направляли пленников на сельскохозяйственные работы для производства продуктов питания. В результате создавалась экономически привлекательная цепочка между кочевником, работорговцем и эксплуататором. Ввиду отсутствия недостатка в рабах пленники жестко эксплуатировались, получая от рабовладельцев минимум еды и одежды. Большую часть рабов в Центральной Азии составляли выходцы из Персии, рабов из России было гораздо меньше, благодаря мерам по охране границы – Оренбургской линии. Однако для полного прекращения налетов на территорию России требовались более решительные меры, а именно создание фортификационных сооружений непосредственно в Киргизской степи.

Литература

- Борнс, 1849** – Борнс А. Путешествие в Бухару в 1831–1832 и 1833 гг. В 2 ч. Ч. 2. М., 1849.
- Вамбери, 1865** – Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. СПб., 1865. С. 157-158.
- Иванин, 1874** – Иванин М.И. Описание Зимнего похода в Хиву в 1839–1840 году. СПб., 1874.
- Историко-статистический очерк, 1891** – Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска / Сост. Ф. Стариков. Оренбург, 1891.
- Косырев, 1898** – Косырев Е. Поход в Хиву в 1839 г. (из записок участника) // Исторический вестник. 1898. № 8. С. 539-545.
- Материалы по истории..., 1940** – Материалы по истории Казахской ССР. 1785–1828 гг. М., 1940. Т. 4. 543 с.
- Мейендорф, 1975** – Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. 183 с.
- Муравьев-Карский, 1822** – Муравьев-Карский Н.Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах, гвардейского Генерального Штаба капитана Николая Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. М.: типография Августа Семена, 1822.
- Назаров, 1968** – Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. М., 1968.
- Сладковский, 1977** – Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1977. 440 с.
- Терентьев, 1903** – Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В 2 т. СПб., 1903.
- Терентьев, 2010** – Терентьев М. Хивинские походы русской армии. М., 2010. 448 с.
- Халфин, 1974** – Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М., 1974. 406 с.
- Хорошхин, 1876** – Хорошхин А.П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876.
- Bebeshko et al., 2017** – *Bebeshko E.V., Kryzhko E.V., Pashkovsky P.I., Shchevelev S.S.* The Problem of the Genesis of the «Great Game» in Turkestan at the beginning of the XIX century // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45. Is. 3: 853-860.
- Bulgarova et al., 2020** – *Bulgarova B.A., Barabash V.V., Muzykant V.L., Kasymalieva K.E.* The Trade Communication in the Kyrgyz Steppe (first half of the XIX century): Some Characteristic Features // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57. Is. 3: 1093-1100.
- Cherkasov, 2020** – *Cherkasov A.A.* The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection) // *Bylye Gody*. 2020. 57-1(3-1): 1415-2266.
- Lysenko, 2018** – *Lysenko Yu.A.* «Deputative missions» of the Kazakh khans, sultans and family governs in the court of the Russian emperors in the first half of the 19th century // *Bylye Gody*. 2018. № 50(4). Pp. 1518-1529.
- Lysenko, 2019** – *Lysenko Yu.A.* The Problem of Security of Trade Caravans in Russian-Kazakh Relations in the first half of the XIX century // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51. Is. 1. Pp. 138-148.
- Mac, 1874** – Mac G.A. Gahan. Campaigning an the Oxus and the Fall of Khiwa. London, 1874.
- Schuyler, 1876** – *Schuyler E.* Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kullja, London, 1876.
- Klychnikov, Lazaryan, 2018** – *Klychnikov Yu.Yu., Lazaryan S.S.* “I Ran Away to My People...”: Fates of Poles Captivated by Highlanders of the Northern Caucasus in the first half of the XIX century // *Slavery: Theory and Practice*. 2018. 3(1): 31-39.

References

- Bebeshko et al., 2017** – *Bebeshko, E.V., Kryzhko, E.V., Pashkovsky, P.I., Shchevelev, S.S.* (2017). The Problem of the Genesis of the «Great Game» in Turkestan at the beginning of the XIX century. *Bylye Gody*. Vol. 45, Is. 3. Pp. 853-860.
- Borns, 1849** – *Borns, A.* (1849). Puteshestvie v Bukharu v 1831–1832 i 1833 gg. [Travel to Bukhara in 1831-1832 and 1833]. V 2 ch. Ch. 2. M. [in Russian]
- Bulgarova et al., 2020** – *Bulgarova, B.A., Barabash, V.V., Muzykant, V.L., Kasymalieva, K.E.* (2020). The Trade Communication in the Kyrgyz Steppe (first half of the XIX century): Some Characteristic Features. *Bylye Gody*. 57(3): 1093-1100.
- Cherkasov, 2020** – *Cherkasov, A.A.* (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*. 57-1(3-1): 1415-2266.
- Istoriko-statisticheskii ocherk, 1891** – *Istoriko-statisticheskii ocherk Orenburgskogo kazach'ego voiska* [Historical and statistical sketch of the Orenburg Cossack army.]. Sost. F. Starikov. Orenburg, 1891. [in Russian]
- Ivanin, 1874** – *Ivanin, M.I.* (1874). Opisanie Zimnego pokhoda v Khivu v 1839-1840 godu [Description of the Winter campaign to Khiva in 1839-1840]. SPb. [in Russian]
- Khalfin, 1974** – *Khalfin, N.A.* (1974). Rossiya i khanstva Srednei Azii (pervaya polovina XIX v.) [Russia and the Khanates of Central Asia (first half of the 19th century)]. M. 406 p. [in Russian]

- Khoroshkhin, 1876** – *Khoroshkhin, A.P.* (1876). Sbornik statei kasayushchikhsya do Turkestanskogo kraja [Collection of articles related to the Turkestan region]. SPb. [in Russian]
- Klychnikov, Lazaryan, 2018** – *Klychnikov, Yu.Yu., Lazaryan, S.S.* (2018). “I Ran Away to My People...”: Fates of Poles Captivated by Highlanders of the Northern Caucasus in the first half of the XIX century. *Slavery: Theory and Practice*. 3(1): 31-39.
- Kosyrev, 1898** – *Kosyrev, E.* (1898). Pokhod v Khivu v 1839 g. (iz zapisok uchastnika) [Hike to Khiva in 1839 (from the participant's notes)]. *Istoricheskii vestnik*. 8: 539-545. [in Russian]
- Lysenko, 2018** – *Lysenko, Yu.A.* (2018). «Deputative missions» of the Kazakh khans, sultans and family governs in the court of the Russian emperors in the first half of the 19th century. *Bylye Gody*. 50(4): 1518-1529.
- Lysenko, 2019** – *Lysenko, Yu.A.* (2019). The Problem of Security of Trade Caravans in Russian-Kazakh Relations in the first half of the XIX century. *Bylye Gody*. 51(1): 138-148.
- Mac, 1874** – *Mac, G.A.* (1874). Gahan. Campaigning an the Oxus and the Fall of Khiwa. London.
- Materialy po istorii..., 1940** – *Materialy po istorii Kazakhskoi SSR. 1785–1828 gg.* [Materials on the history of the Kazakh SSR]. M., 1940. T. 4. 543 p. [in Russian]
- Meiendorf, 1975** – *Meiendorf, E.K.* (1975). Puteshestvie iz Orenburga v Bukharu [Travel from Orenburg to Bukhara]. M., 183 p. [in Russian]
- Murav'ev-Karsskii, 1822** – *Murav'ev-Karsskii, N.N.* (1822). Puteshestvie v Turkmeniyu i Khivu v 1819 i 1820 godakh, gvardeiskogo General'nogo Shtaba kapitana Nikolaya Murav'eva, poslannogo v sii strany dlya peregovorov [Travel to Turkmenistan and Khiva in 1819 and 1820, by the Guards General Staff of Captain Nikolay Muravyov, who was sent to these countries for negotiations]. M.: tipografiya Avgusta Semena. [in Russian]
- Nazarov, 1968** – *Nazarov, F.* (1968). Zapiski o nekotorykh narodakh i zemlyakh srednei chasti Azii [Notes on some peoples and lands of Central Asia]. M. [in Russian]
- Schuyler, 1876** – *Schuyler, E.* (1876). Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kullja, London.
- Sladkovskii, 1977** – *Sladkovskii, M.I.* (1977). Istoriya torgovo-ekonomicheskikh otnoshenii narodov Rossii s Kitaem (do 1917 g.) [The history of trade and economic relations between the peoples of Russia and China (until 1917)]. M. 440 p. [in Russian]
- Terent'ev, 1903** – *Terent'ev, M.A.* (1903). Istoriya zavoevaniya Srednei Azii [The history of the conquest of Central Asia]. V 2 t. SPb. [in Russian]
- Terent'ev, 2010** – *Terent'ev, M.* (2010). Khivinskie pokhody russkoi armii [Khiva campaigns of the Russian army]. M., 448 p. [in Russian]
- Vamberi, 1865** – *Vamberi, A.* (1865). Puteshestvie po Srednei Azii [Journey through Central Asia]. SPb. Pp. 157-158. [in Russian]

Рабство в Центральной Азии (первая половина XIX века): природа и проявления

Иван Анатольевич Ермачков ^{a, b, *}, Лариса Александровна Королева ^c, Елена Константиновна Минеева ^d, Леонид Леонидович Баланюк ^e

^a Черкас глобальный университет (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований), Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация

^d Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, Российская Федерация

^e Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается рабство в ханствах Центральной Азии, прежде всего в Хиве и Бухаре в первой половине XIX века. Уделено внимание захвату пленников и их национальному составу, работоторговле, условиям жизни рабов, а также попыткам их освобождения из неволи, которые предпринимались как лично пленниками, так и разными государствами.

В качестве источников были использованы различные материалы личного происхождения, в первую очередь документы представителей русских дипломатических миссий, русских офицеров – участников Хивинских походов, а также российских и иностранных путешественников.

В заключении авторы отмечают, что работоторговля и рабозахват в Центральной Азии в экономике региона составляли значительную часть доходов. Пленники захватывались кочевниками-туркменами в Персии и в России, после этого доставлялись на рабовладельческие рынки в азиатские

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: eia07sochi@yandex.ru (И.А. Ермачков)

ханства. Необходимо пояснить, что статус азиатских рабов был сопоставим со статусом домашних животных, к рабам применялось разнообразное насилие, в том числе по религиозным причинам.

За доставленных на рабовладельческий рынок пленников туркмены-кочевники получали продукты питания, а покупатели направляли невольников на сельскохозяйственные работы для производства продуктов питания. В результате создавалась экономически привлекательная цепочка между кочевником, работником и эксплуататором. Ввиду отсутствия недостатка в рабах пленники жестко эксплуатировались, получая от рабовладельцев минимум еды и одежды. Большую часть рабов в Центральной Азии составляли выходцы из Персии, рабов из России было гораздо меньше, благодаря мерам по охране границы – Оренбургской линии. Однако для полного прекращения налетов на территорию России требовались более решительные меры, а именно создание фортификационных сооружений непосредственно в Киргизской степи.

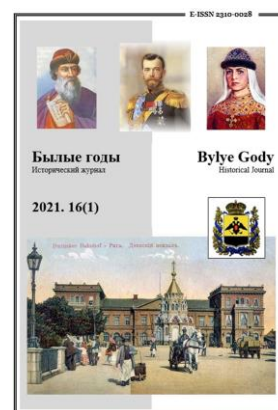
Ключевые слова: рабство, Центральная Азия, первая половина XIX века, ханства, Бухара, Хива.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 118-125.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.118
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

N.V. Varadinov's Research Papers and Publications as a Source on the History of the Russian Empire of the first half of the 19th century

Andrii E. Lebid ^{a, b, *}, Andriana M. Kostenko ^a, Natal'ya A. Shevchenko ^{b, c}

^a Sumy State University, Ukraine

^b Cherkas Global University (International Network Center for Fundamental and Applied Research), Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The article analyzed one of the most important sources on the history of the Russian Empire of the middle of the XIX c. – «History of the Ministry of Internal Affairs» N.V. Varadinov – Doctor of Law and Philosophy, the brightest representative of «enlightened bureaucracy».

The considerable heuristic potential of this source in the political, economic, social, spiritual and cultural life of the Russian State during this period is noted.

It is established that the history of the Ministry of Internal Affairs by N.V. Varadinov describes in the period from 1802 to 1855, singling out in it three periods: the period of formation of the ministry according to the manifesto of Emperor Alexander I, the period of transformation of the ministry (1810) when some of its functions were transferred to other agencies, and the third period when the basic functions and competencies of the Ministry of the Interior were almost formalized.

It is noted that the most important part of N.V. Varadinov's research is the 8th, an additional book in which the scholar explores religious issues, in particular issues related to the spread of splintering in the Russian Empire and government policies concerning it. The historian explores the history of the «split» on the example of the «sect» of the iconoclasts, khlists and others.

The distinguishing feature of N.V. Varadinov's work is factual accuracy, direct work with archival materials of the Ministry itself and other departments.

Keywords: Ministry of Internal Affairs, daily life, statistics.

1. Введение

Имя Н.В. Варадинова (1817–1886 гг.) – одного из ярчайших представителей «просвещенной бюрократии», историка, юриста, общественного и государственного деятеля, мецената – все еще незаслуженно остается вне поля зрения профессиональных историков, юристов, обществоведов. По крайней мере, внимание к его личности среди научных кругов не настолько пристально, чтобы говорить о систематическом исследовании основных вех его жизни и творчества.

И это, как представляется, актуализирует необходимость роста числа научных исследований по проблеме, особенно учитывая значимость вклада Николая Васильевича Варадинова в развитие науки, культуры и государственного строительства Российской империи. А вклад был действительно значимым: управляющий канцелярией при рижском генерал-губернаторе, чиновник по особым поручениям при Министерстве внутренних дел, член Главного управления по делам печати, начальник цензурного ведомства, член комиссии по пересмотру общеуниверситетского устава 1863 г., редактор «Журнала Министерства внутренних дел», реформатор делопроизводства в Российской империи и др.

* Corresponding author

E-mail addresses: a.lebid@socio.sumdu.edu.ua (A. Lebid)

Все это как минимум дает основания говорить о целесообразности активизации научных исследований и публикаций, посвященных личности доктора права и философии Н.В. Варадинова. Не менее важным представляется изучение результатов его научной деятельности, особенно с точки зрения анализа фактологического и статистического материала, содержащегося в его работах. В этом контексте особый интерес представляет его многотомный труд «История Министерства внутренних дел», содержащий неопределимые данные по истории Российской империи XIX в. Именно эта исследовательская задача положена в основу нашей рукописи.

2. Материалы и методы

В качестве материалов при подготовке статьи был проанализирован 8-томный труд Н.В. Варадинова «История Министерства внутренних дел», в котором содержатся фактологические и статистические сведения о деятельности как самого министерства, так и его структурных подразделений за 1802–1855 гг., а также информация, позволяющая проанализировать внутреннюю историю и быт Российской империи в указанный период.

В основу данной работы был положен системный метод научного исследования, использование которого дало возможность комплексного и всестороннего анализа поставленной научной проблемы, позволило оценить анализируемый нами источник с позиции комплексности и многоаспектности содержащихся в нем фактологических и статистических материалов, что по большей части сделало возможным всестороннее рассмотрение особенностей развития российского государства первой половины XIX в. в его многоаспектности.

Кроме того, при подготовке работы нами были использованы методы статистического анализа данных, на основании которых были определены основные проблемы, затронутые Н.В. Варадиновым в его научном исследовании, темы и направления анализа каждого из 8 томов, а также характер статистических данных, приводимых в каждом из них.

Биографический метод как наиболее используемый в современных исследованиях жизни и творчества Н.В. Варадинова нами был применен для понимания основных принципов и подходов при подготовке ученым фундаментального исследования по истории Министерства внутренних дел Российской империи. Среди важнейших вех его биографии, в той или иной мере повлиявших на результаты научной деятельности, были и получение Н.В. Варадиновым научной степени доктора права и доктора философии, и его работа на государственной службе, и его роль в деле реформирования делопроизводства в стране и т.д. Все это, по нашему мнению, предопределило в некотором роде как проблематику, так и методологию научных исследований Николая Васильевича Варадинова.

3. Обсуждение

Как уже было отмечено, личность и результаты научной деятельности Н.В. Варадинова не нашли должного отражения в специальных научных исследованиях, которые по большей части носят схематический и фрагментарный характер, рассматривая данный вопрос, как правило, в контексте общих вопросов истории Российской империи.

В основном эти научные работы представляют собой биографические и энциклопедические описания, что и не удивительно, поскольку первоочередным в этом контексте является вопрос раскрытия научного наследия Н.В. Варадинова и его своего рода популяризации среди общественности и научного сообщества.

Среди ученых, работы которых следует отметить в этом контексте, можно назвать исследования С.И. Дегтярева, В.Н. Завгородней, В.Н. Власенка и других ученых, предпринявших попытку «осветить основные вехи личной жизни, профессиональной и творческой деятельности» одного из ярких представителей «просвещенной бюрократии» Николая Васильевича Варадинова, а также дать общую характеристику его основным научным трудам (Венгеров, 1895; Дегтярьов, 2005а; Дегтярьов, 2007; Власенко, 2004; Курилов, 1898; Шилов, 2005).

Другой блок научных исследований посвящен различным аспектам кадрового делопроизводства и установления кадровой службы Российской империи (Леміш, 2013; Волянська-Савчук, 2018 и др.).

В этих работах Н.В. Варадинов предстает как «первый теоретик российского делопроизводства», изложивший законодательство и канцелярские традиции, правила организации документооборота. Как отмечается, заслуга Н.В. Варадинова состоит в том, что делопроизводство, благодаря ему, рассматривается «как наука и в то же время как процесс, неразрывно связанный с тем или иным видом деятельности учреждений» (Башкова, 2019).

Кроме прочего, научные работы Н.В. Варадинова представляют значительный интерес для изучения особенностей экономической, общественно-политической и культурной жизни Российской империи. В этом контексте следует отметить труды, в которых проанализированы различные аспекты гражданского права и развития российской цивилистики в трудах Н.В. Варадинова (Degtyarev et al., 2018), история медицины (Дегтярьов, 2005b); история зарождения и развития «сект» молокан,

хлыстов, духоборцев, иконоборцев и др. на основании судебных дел и других источников, опубликованных Н.В. Варадиновым (Арзуманова, 2016а; Арзуманова, 2016б; Сулова, 2017 и др.).

Особый интерес представляют научные работы, в которых рассмотрено развитие бюрократической системы Российской империи и проблемы реформирования ее структур, в том числе при непосредственном участии Николая Васильевича Варадинова (Красняков, 2014 и др.). Следует отметить, что систематический обзор трудов по формированию и становлению бюрократического аппарата Российской империи, включая и работы, посвященные представителям «просвещенной бюрократии», к числу которых, без сомнения, мы можем отнести и Н.В. Варадинова, был освещен в ряде общих историографических исследований (Degtyarev, 2015; Lebid et al., 2019; Lebid et al., 2020b; Lebid et al., 2020c).

В целом же, анализируя научные работы, посвященные личности Н.В. Варадинова, следует отметить, что в основном они не являются специальными научно-исследовательскими, аналитическими работами (таковых достаточно малое количество). Как правило, в них используется богатый фактический материал, опубликованный Н.В. Варадиновым, но напрочь отсутствует анализ его научного наследия.

Ввиду сказанного представляется необходимым рассмотреть один из главнейших научных трудов Н.В. Варадинова – «Историю Министерства внутренних дел» как источник по истории внутренней жизни и быта Российской империи XIX в.

4. Результаты

На образованное в 1802 г. по распоряжению Александра I Министерство внутренних дел изначально возлагался довольно широкий спектр полномочий и обязанностей, со временем менявшийся. Среди прочих оно выполняло хозяйственные и управленческие функции; занималось вопросами снабжения и обустройства дорог; в его веденье входили полиция, пожарные части, больницы, тюрьмы, а также вопросы государственной статистики; также под юрисдикцию МВД попадали сословные учреждения и губернаторы и др. При Министерстве действовали Медицинский совет, Главное правление мануфактур, Почтовое отделение, Департамент государственного хозяйства и публичных зданий и т.п.

Важным представляется тот факт, что ежегодно в Министерство поступали отчеты губернаторов и других должностных лиц, содержавшие информацию о развитии административно-территориальных единиц Российской империи. Таким образом, в распоряжении МВД имелась ценнейшая информация, позволяющая использовать ее в качестве фактологического материала по различным аспектам и вопросам истории Российской империи XIX в.

В этом контексте, по нашему мнению, ценнейшим источником данных выступает 8-томный труд Н.В. Варадинова «История Министерства внутренних дел».

Исследуя более чем 50-летнюю (1802–1855 гг.) историю Министерства внутренних дел, Н.В. Варадинов делит ее на три периода:

1-й: с 08.09.1802 г. по 1809 г. – «период первоначального учреждения Министерств». Ему соответствует первая часть 8-томного труда.

2-й: с 1810 г. по 19.11.1825 г. – «период преобразования Министерств». Ему соответствуют первая книга второй части (1810–1819 гг.); вторая книга второй части (1820–1825 гг.). Эта же часть 2-й книги содержит дополнения и исправления к первому и второму периоду, а также «Краткое общее обозрение деятельности Министерства внутренних дел в первые два периода истории его».

3-й: с 19.11.1825 г. по 20.08.1855 г. – «период установления Министерства внутренних дел в настоящем его составе». Ему соответствуют первая книга третьей части (1826–1834 гг.); вторая книга третьей части (1835–1842 гг.); третья книга третьей части (1843–1852 гг.); четвертая книга третьей части (1853–1855 гг.).

Отдельная (дополнительная) книга содержит «распоряжения по расколу» (1802–1855 гг.).

Таким образом, изданный в период с 1859 по 1863 гг. научный труд Н.В. Варадинова «История Министерства внутренних дел» и одобренный, как указано в самом издании, цензурой, составляет 8 книг (томов):

Книга 1 (1802–1809 гг.) общим объемом 300 стр.

Книга 2. Часть 1 (1810–1819 гг.) общим объемом 635 стр.

Книга 2. Часть 2 (1820–1825 гг.) общим объемом 615 стр.

Книга 3. Часть 1 (1826–1834 гг.) общим объемом 783 стр.

Книга 3. Часть 2 (1835–1842 гг.) общим объемом 766 стр.

Книга 3. Часть 3 (1843–1852 гг.) общим объемом 732 стр.

Книга 3. Часть 4 (1853–1855 гг.) общим объемом 228 стр.

Книга 8 (дополнительная) (1802–1855 гг.) общим объемом 656 стр.

В каждом периоде рассматривается история учреждений, а также история собственно Министерства внутренних дел. Указаны также источники, положенные в основу исследования (Варадинов, 1859а: 11).

Структура 7 «основных» книг «Истории» стандартна. Каждая новая книга (1-я, 2-я и 3-я) начинается с раздела «История учреждений», в котором помещены материалы по организационной структуре Министерства, штату министерских управлений, правилам делопроизводства и прочим «узаконениям по всему Министерскому управлению».

Следующие за ним разделы по годам определяют «Деятельность Министерства внутренних дел», которая в основном (за небольшим исключением) включает стандартный набор подразделов, как, например, первая книга за 1805 г. содержит данные по:

- части продовольственной;
- наделению казенными землями;
- приобретению земель свободными сословиями;
- переселениям;
- увольнению в государственные крестьяне;
- водворению иностранных выходцев;
- промыслам;
- фабрикам и заводам;
- губернскому управлению;
- восстановлению спокойствия;
- повинностям (городским, земским, рекрутской);
- части строительной;
- приказам общественного призрения;
- части врачебной;
- содействию военному ведомству в 1805–1806 г. (Варадинов, 1859а).

Со временем этот перечень несколько изменился: с 1810 г. «история деятельности министерства внутренних дел» была дополнена историей «деятельности министерства полиции» и историей «деятельности главного управления духовных дел иностранных исповеданий». Примечательно, что к полномочиям МВД после некоторой его реорганизации относились вопросы финансов, сельского хозяйства, переселения, промыслов, фабрично-заводского производства и строительства. К полномочиям Министерства полиции – вопросы губернского управления, устройство городов и их повинности, дела сословий и проч. К полномочиям Главного управления духовных дел иностранных исповеданий – вопросы статуса и функционирования религиозных общин («римско-католиков, протестантов, евреев, магометан, идолопоклонников»).

С 1820 г. «История» описывает деятельность уже не трех, а двух ведомств – Министерства внутренних дел и Главного управления духовных дел иностранных исповеданий. Вопросы, которыми ведало Министерство полиции, после его упразднения вновь были переданы МВД. А начиная с 1832 г., информация по управлению духовных дел подавалась в общей рубрике Министерства внутренних дел.

С 1826 г. «История» дополняется новой рубрикой – «частью статистической», в общих чертах описывающей «занятия этого Отделения», «труды которого нельзя назвать незначительными» (Варадинов, 1862а: 331).

Интересен тот факт, что, начиная со второй части второй книги, размещены сводные таблицы «изменений в составных частях» министерства. Помимо прочего, в «основных» книгах «Истории Министерства внутренних дел» приведена статистическая информация по народонаселению городов (Варадинов, 1862с: 734), «ведомости о состоянии доходов и расходов по городам Российской империи» (Варадинов, 1862с: 759), «ведомость о возрастании заведений приказов общественных призрений» (Варадинов, 1862d: 726-727), информация о ярмарочных торговых оборотах (Варадинов, 1862е: 198) и многие другие данные.

Отдельно следует отметить 8-ю дополнительную книгу (том) «Истории», посвященную вопросам религии в Российской империи первой половины XIX в., а именно данные по наличествующим в российском государстве «сектам». Книга содержит три «Отдела истории распоряжений по расколу», начиная с 1802 г. и заканчивая 1855 г.

Первый отдел:

А. 1802–1809 гг.

Б. 1810–1819 гг.

В. 1820–1824 гг.

Второй отдел:

А. 1825–1830 гг.

Б. 1831–1837 гг.

В. 1838–1841 гг.

Третий отдел:

А. 1842–1846 гг.

Б. 1847–1852 гг.

В. 1853–1855 гг.

Историю «раскола» Н.В. Варадинов писал в течение 6 лет, полностью отказавшись от исследований по юридической тематике (Варадинов, 1863: I). При подготовке рукописи им были

проанализированы более сотни источников. Сама книга содержит информацию об основных «ересях и лжеучителях», проповедовавших в губерниях Российской империи. К таковым (опротестовавшим догматику православного христианства) автор относит духоборцев, молокан, иконоборцев, скопцов, хлыстов, субботников. Приводятся статистические данные по численности «раскольников», а также основные действия правительства в их отношении.

5. Заключение

Таким образом, резонно заключить, что анализируемый нами исторический источник представляет собой ценнейший информативный ресурс по истории внутренней жизни и быта Российской империи первой половины XIX века, содержащий данные по многочисленным отраслям и сферам экономической, социальной, культурной и политической жизни российского государства

Как отмечает сам автор 8-томного исследования, «в Истории Министерства внутренних дел нет значительных пропусков»..., «написанная на основании подлинных дел и документов, недоступных для большинства..., составляет бесполезный труд в нашей литературе исторической» (Варадинов, 1863: III-IV), что предопределено, с одной стороны, – широким использованием материалов 7 архивов самого Министерства и архивов других ведомств, а с другой – ориентацией на «точность и полноту передаваемых фактов».

Особенно ценным для исследования внутренней жизни и быта Российской империи в рассматриваемый период этот исторический источник будет в сопоставлении сведений из других источников, содержащих богатейшие статистические данные по разным аспектам жизни империи. В качестве таковых может быть использовано и «Военно-статистическое обозрение Российской империи», содержащее бесценные статистические данные по социально-экономической истории Российской империи середины XIX в., которое нами уже было проанализировано в определенных контекстах (Lebid et al., 2020a), и другие источники.

Потенциально «История Министерства внутренних дел» может быть использована как источник фактологических и статистических данных для изучения экономической истории Российской империи первой половины XIX века, но в большей мере – социальной истории российского государства в указанный период: сословных отношений, устройства городов, «дел духовных» и других вопросов.

Литература

Арзуманова, 2016a – Арзуманова Т. Релігійне повсякдення хлістів у XIX ст. (на прикладі Харківської губернії) [The khlist's religious daily in XIX century (on Kharkiv province example)] // *Нові сторінки історії Донбасу*. 2016. 25: 134-145.

Арзуманова, 2016b – Арзуманова Т. Стереотипи щодо шлюбу та інтимного життя хлістів у XIX – на початку XX століття (на прикладі Харківської губернії) // *Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Серія «Історія України. Українознавство: історичні та філософські науки»*. 2016. 23: 53-59.

Башкова, 2019 – Башкова И.С. Эволюция процессов документирования в трудах отечественных исследователей XIX столетия // *Манускрипт*. 2019. № 12 (1). С. 23-27.

Варадинов, 1859a – Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел. Часть I. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1859. 300 с.

Варадинов, 1859b – Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел. Часть II. Книга 1. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1859. 635 с.

Варадинов, 1862a – Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел. Часть II. Книга 2. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1862. 615 с.

Варадинов, 1862b – Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел. Часть III. Книга 1. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1862. 783 с.

Варадинов, 1862c – Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел. Часть III. Книга 2. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1862. 766 с.

Варадинов, 1862d – Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел. Часть III. Книга 3. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1862. 732 с.

Варадинов, 1862e – Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел. Часть III. Книга 4. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1862. 228 с.

Варадинов, 1863 – Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел. Восьмая, дополнительная книга. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1863. 656 с.

Венгеров, 1895 – Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. IV. Отд. 2. СПб., 1895. С. 79-81.

Власенко, 2004 – Власенко В.М. Варадинов Микола Васильович. *Сумщина в іменах. Енциклопедичний довідник*. Суми, 2004. С. 62.

Волянська-Савчук et al., 2018 – Волянська-Савчук Л.В., Мендограло Д.В., Модіна Д.В. Історична ретроспектива сучасного кадрового діловодства в Україні [Historical retrospective of modern HR workflow in Ukraine] // *Східна Європа: економіка, бізнес та управління*. 2018. 3(14): 150-153.

- [Дегтярьов, 2005а](#) – Дегтярьов С.І. До біографії М.В. Варадінова. *Сумський обласний краєзнавчий музей: історія та сьогодення*. Суми, 2005. С. 133-141.
- [Дегтярьов, 2007](#) – Дегтярьов С.І. Микола Васильович Варадінов – юрист та історик. До 190-річчя від дня народження // *Земляки. Альманах Сумського земляцтва в Києві*. 2007. Вип.4. Суми: Собор, 2007. С. 93-95.
- [Дегтярьов, 2005б](#) – Дегтярьов С.І. Роботи М.В. Варадінова як джерело до вивчення історії медицини / *Актуальные проблемы истории медицины: материалы Международной научной конференции*. Суми: СумГУ, 2005. С. 124-127.
- [Красняков, 2014](#) – Красняков Н.И. Эволюция имперской иерархии бюрократии в России в начале XIX в. [Evolution of imperial bureaucratic hierarchy in Russia in the early 19th century] // *Вестник Кемеровского государственного университета. Юриспруденция*. 2014. 58(2): 283-287.
- [Курилов, 1898](#) – Курилов И.А. Роменская старина. Исторические, статистические и бытовые записки о городе Ромне и его обывателях, от начала города до нашего времени. В четырех частях, с прибавлением исторического и статистического описания всех городских церквей. Ромны: Типография Б. Ционсона, 1898. 345 с.
- [Леміш, 2013](#) – Леміш Н.О. Організація діловодства в адміністративних установах Лівобережної України першої половини XIX ст. Київ: ДІА, 2013. 176 с.
- [Суслова и др., 2017](#) – Суслова Л.Н., Зворыгина В.И., Яркова И.В. Проблемы классификации и типологии сект (по материалам Тобольской губернии второй половины XIX – начала XX вв.) // *Научный диалог*. 2017. № 3. С. 202-214.
- [Шилохвост, 2005](#) – Шилохвост О.Ю. Русские цивилисты: середина XVIII – начало XX в. Краткий биографический словарь. Москва: Статут, 2005. 192 с.
- [Degtyarev et al., 2018](#) – Degtyarev S., Zavorodnia V., Polyakova L. The Contribution of Nikolai Vasilevich Varadinov to the Development of Russian Civil Law and Historical and Legal Research // *Bylye Gody*. 2018. 50(4): 1530-1537.
- [Degtyarev, 2014](#) – Degtyarev S. (2014). Varadinov Nikolay Vasilevich – Representative of ‘Enlightened Bureaucracy’: Bureaucrat’s Biography // *Russkaya Starina*. 2014. 9(1): 4-10.
- [Degtyarev, 2015](#) – Degtyarev S. Bessarabian Functionaries in the Epistolary Legacy of Ivan Sergeevich Aksakov // *Bylye Gody*. 2015. 36(2): 254-259.
- [Lebid et al., 2019](#) – Lebid A., Shevchenko N., Chuikov O., Svechnikov V. The Officialdom of the Russian Empire: a Modern Historiography of the Issue. Part I // *Bylye Gody*. 2019. 54(4): 1490-1505.
- [Lebid et al., 2020a](#) – Lebid A., Honcharenko A., Shevchenko N. Social Portrait of the Population of Ukrainian Provinces in the middle of the 19th century (Based on Materials from the «Military Statistical Review of Russian Empire») // *Bylye Gody*. 2020. 57(3): 1142-1157.
- [Lebid et al., 2020b](#) – Lebid A., Shevchenko N., Chuikov O., Svechnikov V. The Officialdom of the Russian Empire: a Modern Historiography of the Issue. Part II // *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 115-129.
- [Lebid et al., 2020c](#) – Lebid A., Shevchenko N., Volkov A., Ponomareva M. The Officialdom of the Russian Empire: a Modern Ukrainian Historiography // *Bylye Gody*. 2020. 56(2): 495-507.

References

- [Arzumanova, 2016a](#) – Arzumanova, T. (2016). Relihiine povsiakdennia khlystiv u XIX st. (na prykladi Kharkivskoi hubernii) [The khlists religious daily in XIX century (on Kharkiv province example)]. *Novi storinky istorii Donbasu*. 25: 134-145. [in Ukrainian]
- [Arzumanova, 2016b](#) – Arzumanova, T. (2016). Stereotypy shchodo shliubu ta intymnoho zhyttia khlystiv u XIX –na pochatku XX stolittia (na prykladi Kharkivskoi hubernii). [Stereotypes about marriage and intimate life of Khlysts in the XIX – early XX century (on Kharkiv province example)]. *Visnyk Kharkivskoho natsionalnoho universytetu imeni V.N. Karazina. Seriiia «Istoriia Ukrainy. Ukrainoznavstvo: istorichni ta filosofski nauky»*. 23: 53-59. [in Ukrainian]
- [Bashkova, 2019](#) – Bashkova, I.S. (2019). Evolyutsiya protsessov dokumentirovaniya v trudah otechestvennykh issledovateley XIX stoletiya. [Document handling processes evolution in domestic researchers’ works of the XIX century]. *Manuskript*. 12(1): 23-27. [in Russian]
- [Degtyarev et al., 2018](#) – Degtyarev S., Zavorodnia V., Polyakova L. (2018). The Contribution of Nikolai Vasilevich Varadinov to the Development of Russian Civil Law and Historical and Legal Research. *Bylye Gody*. 50(4): 1530-1537.
- [Degtyarev, 2005a](#) – Degtyarev, S.I. (2005). Do biohrafii M.V. Varadinova. [To the biography of M.V. Varadinova]. *Sumskiyi oblasnyi kraieznauvchyi muzei: istoriia ta sohodennia*. Sumy. Pp. 133-141. [in Ukrainian]
- [Degtyarev, 2005b](#) – Degtyarev, S.I. (2005). Roboty M.V. Varadinova yak dzherelo do vvychennia istorii medytsyny. [Works by M.V. Varadinov as a source for studying the history of medicine]. *Aktualnyie problemy istorii meditsyny: materialyi Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Sumy: SumGU. Pp. 124-127. [in Ukrainian]
- [Degtyarev, 2007](#) – Degtyarev, S.I. (2007). Mykola Vasylovych Varadinov – yuryst ta istoryk. Do 190-richchia vid dnia narodzhennia. [Mykola Vasylovych Varadinov is a lawyer and historian. To the 190th

- anniversary of his birth]. *Zemliaky. Almanakh Sumskoho zemliatstva v Kyievi*. Vyp.4. Sumy: Sobor. Pp. 93-95. [in Ukrainian]
- [Degtyarev, 2014](#) – *Degtyarev, S.* (2014). Varadinov Nikolay Vasilevich – Representative of ‘Enlightened Bureaucracy’: Bureaucrat’s Biography. *Russkaya Starina*. 9(1): 4-10.
- [Degtyarev, 2015](#) – *Degtyarev, S.* (2015). Bessarabian Functionaries in the Epistolary Legacy of Ivan Sergeevich Aksakov. *Bylye Gody*. 36(2): 254-259.
- [Krasnyakov, 2014](#) – *Krasnyakov, N.I.* (2014). Evolyutsiya imperskoy ierarhii byurokratii v Rossii v nachale XIX v. [Evolution of imperial bureaucratic hierarchy in Russia in the early 19th century]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Yurisprudentsiya*. 58(2): 283-287. [in Russian]
- [Kurilov, 1898](#) – *Kurilov, I.A.* (1898). Romenskaya starina. Istoricheskie, statisticheskie i byitovyye zapiski o gorode Romne i ego obyvatel'nykh, ot nachala goroda do nashego vremeni. V chetyreh chastyah, s pribavleniem istoricheskogo i statisticheskogo opisaniya vseh gorodskih tserkvey [Romny antiquity. Historical, statistical and everyday notes about the city of Romn and its inhabitants, from the beginning of the city to our time]. Romny: Tipografiya B.Tsionsona. 345 p. [in Russian]
- [Lebid et al., 2019](#) – *Lebid, A., Shevchenko, N., Chuikov, O., Svechnikov, V.* (2019). The Officialdom of the Russian Empire: a Modern Historiography of the Issue. Part I. *Bylye Gody*. 54(4): 1490-1505.
- [Lebid et al., 2020a](#) – *Lebid, A., Honcharenko, A., Shevchenko, N.* (2020). Social Portrait of the Population of Ukrainian Provinces in the middle of the 19th century (Based on Materials from the «Military Statistical Review of Russian Empire»). *Bylye Gody*. 57(3): 1142-1157.
- [Lebid et al., 2020b](#) – *Lebid, A., Shevchenko, N., Chuikov, O., Svechnikov, V.* (2020). The Officialdom of the Russian Empire: a Modern Historiography of the Issue. Part II. *Bylye Gody*. 55(1): 115-129.
- [Lebid et al., 2020c](#) – *Lebid, A., Shevchenko, N., Volkov, A., Ponomareva, M.* (2020). The Officialdom of the Russian Empire: a Modern Ukrainian Historiography. *Bylye Gody*. 56(2): 495-507.
- [Lemish, 2013](#) – *Lemish, N.O.* (2013). Orhanizatsiia dilovodstva v administratyvnykh ustanovakh Livoberezhnoi Ukrainy pershoi polovyny XIX st. [Organization of office work in the administrative institutions of the Left Bank of Ukraine in the first half of the XIX century]. Kyiv: DIIa. 176 p. [in Ukrainian]
- [Shilohvost, 2005](#) – *Shilohvost, O.Yu.* (2005). Russkie tsivilisty: seredina XVIII - nachalo XX v. Kratkiy biograficheskii slovar. [Russian civilists: mid-18th – early 20th centuries Brief Biographical Dictionary]. Moskva: Statut, 192 p. [in Russian]
- [Suslova i dr., 2017](#) – *Suslova, L.N., Zvoryigina, V.I., Yarkova, I.V.* (2017). Problemy klassifikatsii i tipologii sekt (po materialam Tobolskoy gubernii vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.). [Problems of classification and typology of sects (based on materials of the Tobolsk province of the second half of the 19th - early 20th centuries)]. *Nauchnyy dialog*. 3: 202-214. [in Russian]
- [Varadinov, 1859a](#) – *Varadinov, N.V.* (1859). Istoriya Ministerstva vnutrennih del. [History of the Ministry of Interior]. Chast I. SPb: Tipografiya Ministerstva vnutrennih del, 300 p. [in Russian]
- [Varadinov, 1859b](#) – *Varadinov, N.V.* (1859). Istoriya Ministerstva vnutrennih del. [History of the Ministry of Interior]. Chast II. Kniga 1. SPb: Tipografiya Ministerstva vnutrennih del, 635 p. [in Russian]
- [Varadinov, 1862a](#) – *Varadinov, N.V.* (1862). Istoriya Ministerstva vnutrennih del. [History of the Ministry of Interior]. Chast II. Kniga 2. SPb: Tipografiya Ministerstva vnutrennih del, 615 p. [in Russian]
- [Varadinov, 1862b](#) – *Varadinov, N.V.* (1862). Istoriya Ministerstva vnutrennih del. [History of the Ministry of Interior]. Chast III. Kniga 1. SPb: Tipografiya Ministerstva vnutrennih del, 783 p. [in Russian]
- [Varadinov, 1862c](#) – *Varadinov, N.V.* (1862). Istoriya Ministerstva vnutrennih del. [History of the Ministry of Interior]. Chast III. Kniga 2. SPb: Tipografiya Ministerstva vnutrennih del, 766 p. [in Russian]
- [Varadinov, 1862d](#) – *Varadinov, N.V.* (1862). Istoriya Ministerstva vnutrennih del. [History of the Ministry of Interior]. Chast III. Kniga 3. SPb: Tipografiya Ministerstva vnutrennih del, 732 p. [in Russian]
- [Varadinov, 1862e](#) – *Varadinov, N.V.* (1862). Istoriya Ministerstva vnutrennih del. [History of the Ministry of Interior]. Chast III. Kniga 4. SPb: Tipografiya Ministerstva vnutrennih del, 228 p. [in Russian]
- [Varadinov, 1863](#) – *Varadinov, N.V.* (1863). Istoriya Ministerstva vnutrennih del. [History of the Ministry of Interior]. Vosmaya, dopolnitelnaya kniga. SPb: Tipografiya Ministerstva vnutrennih del, 656 p. [in Russian]
- [Vengerov, 1895](#) – *Vengerov, S.A.* (1895). Kritiko-biograficheskii slovar russkikh pisateley i uchenykh [Critical-biographical dictionary of Russian writers and scientists]. T. IV, otd. 2. SPb. Pp. 79-81. [in Russian]
- [Vlasenko, 2004](#) – *Vlasenko, V.M.* (2004). Varadinov Mykola Vasylovych. [Varadinov Mykola Vasylovych]. *Sumshchyna v imenakh. Entsyklopedychnyi dovidnyk*. Sumy. P. 62. [in Ukrainian]
- [Volianska-Savchuk et al., 2018](#) – *Volianska-Savchuk, L.V., Mendohralo, D.V., Modina, D.V.* (2018). Istorychna retrospektyva suchasnoho kadrovoho dilovodstva v Ukraini [Historical retrospective of modern HR workflow in Ukraine]. *Skhidna Yevropa: ekonomika, biznes ta upravlinnia*. 3(14): 150-153.

Работы Н.В. Варадинова как источник по истории Российской империи первой половины XIX века

Андрей Евгеньевич Лебедь ^{a, b, *}, Андриана Николаевна Костенко ^a,
Наталья Александровна Шевченко ^{b, c}

^a Сумской государственный университет, Украина

^b Черкас глобальный университет (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований), Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье проанализирован один из важнейших источников по истории Российской империи середины XIX в. – 8-томная «История Министерства внутренних дел» Н.В. Варадинова, доктора права и философии, ярчайшего представителя «просвещенной бюрократии».

Отмечается значительный эвристический потенциал данного источника по вопросам политической, экономической, социальной, духовной и культурной жизни российского государства в указанный период.

Установлено, что историю Министерства внутренних дел Н.В. Варадинов описывает с 1802 по 1855 гг., выделяя в ней три периода: формирования Министерства согласно манифесту императора Александра I; преобразования (1810 г.), когда некоторые его функции были переданы другим ведомствам; «период установления» Министерства, когда уже практически были оформлены его основные функции и компетенции.

Отмечается, что важнейшей частью исследования Н.В. Варадинова является 8-я, дополнительная книга, в которой ученый рассматривает вопросы религии, в частности связанные с распространением расколичества в Российской империи и правительственной политикой в его отношении, на примере сект духоборцев, иконоборцев, хлыстов и др.

Отличительной чертой работы Н.В. Варадинова является фактологическая точность, непосредственная работа с архивными материалами собственно Министерства и других ведомств.

Ключевые слова: Министерство внутренних дел, повседневность, статистика.

* Корреспондирующий автор

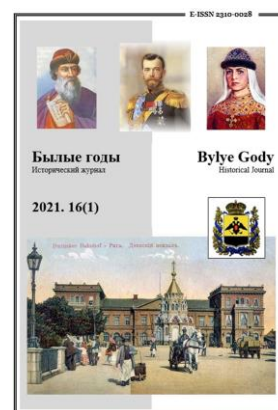
Адреса электронной почты: a.lebid@socio.sumdu.edu.ua (А.Е. Лебедь)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 126-137.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.126
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Activities of the Commission of Spiritual Schools on Organization and Support of the Spiritual Education System in the XIX century (on the materials of Orlov Province)

Evgeniia S. Matveeva ^{a,*}, Viktor A. Livtsov ^a, Vladimir I. Filonov ^a

^a Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa, Orel, Russian Federation

Abstract

The work examines the activities of the Commission of Theological Schools (1808–1839) on the organization and support of the system of spiritual education in Russia. At the turn of the 18th and 19th centuries, there was an active process of modernization of the education system. And immediately after the reform of secular education, questions began to be raised about the further change of the theological school, which was not orderly, did not have a general systematic education and sufficient provision for further improvement of conditions. The article is devoted to the consideration of proposals for funding, drawn up by highly educated and authoritative church-state leaders of the time. Speransky, Golitsyn, Feofilakt were the creators of the changes that breathed new standards into the old school, reflecting the progressive trends of the Alexander era. Based on a comparative analysis of the report of the Commission of Theological Schools on the allocation of church revenues for the maintenance of the system of spiritual education and diocesan reports, we see that the changes did not arouse general sympathy. The new orders for the subordination of the seminary to the academy or the limitation of the bishop's power over the schools were not supported by the public. The results of this study proved that initially good intentions, underlying innovations did not lead to the desired result. The transformations of the theological schools of the Russian Empire did not touch upon important issues of a class character in teaching and did not set goals in the upbringing of Orthodox Christians to become church-ed, changing regular curricula and lists of recommended Latin textbooks. The authors proved the influence of the regional aspect on the financing of theological schools, and this relationship reveals the achievements and results of the reform.

Keywords: Russian Empire, synodal period, social policy, spiritual education, the Commission of theological schools, theological school, church income.

1. Введение

Проблематика деятельности Комиссии духовных училищ и, как следствие, становление системы поддержки духовного образования в Российской империи синодального периода является дискуссионной в контексте воздействия различных независимо существующих факторов общественной, духовной, культурной и других сфер. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в настоящее время происходит переосмысление концепции Русской православной церкви в области образования: акцент делается на необходимости непрерывной и многоступенчатой профессиональной подготовки кадров при активном содействии духовных и светских учреждений разного уровня. Опыт финансирования и поддержки образовательных учреждений XIX века является достаточно интересным и в современный период.

2. Материалы и методы

2.1. В качестве источников авторами привлечены нормативные правовые акты собраний законов и сборников постановлений, регламентирующие развитие и финансирование системы

* Corresponding author

E-mail addresses: evgmatveeva@bk.ru (E.S. Matveeva), livcov@orel.ranepa.ru (V.A. Livtsov), filonovvi@mail.ru (V.I. Filonov)

образования, а также Уставы духовных академий и их текущие документы. Подробно анализируется содержание доклада Комиссии духовных училищ о выделении части церковных доходов на содержание системы духовного образования, общая отчетная церковная документация XIX века, а также региональные доклады Святейшему синоду из различных епархий центральной части России XIX века.

Используются публикации дореволюционных периодических духовных журналов и газет, таких как «Епархиальные ведомости», «Христианские чтения», дополненные данными фондов Государственного архива Орловской области (Орел, Российская Федерация).

2.2. Решение междисциплинарных задач основывается на совокупности исследовательских моделей социальной истории, включающих в себя различные фундаментальные, общенаучные, специальные и междисциплинарные методы. Анализ, дедукция, аналогия, сравнение и другие использовались как базовые методы в исследовании. Общие методы, такие как наблюдение, обобщение и научный эксперимент, способствовали выявлению общих показателей доходов Церкви и отдельных сумм, выделяемых на содержание духовного образования. Специально-историческая методология способствовала сопоставлению противоречивых событий и их признаков. Так, при помощи сравнительно-исторического метода выводились общие закономерности и прогнозы рассматриваемых явлений. Использование идиографического метода способствовало конкретизации целей в становлении духовного образования и их реализации. Интеграция научного познания базируется на методологическом синтезе, который объединяет теоретические обобщения, основанные на аналитике и наблюдениях за обеспечением системы духовного образования в России XIX века.

Классические принципы исторического познания раскрываются в динамике модернизации системы образования и во взаимодействии руководящих структур различных уровней с определенными социально-историческими условиями, ментальностью народов России и т.д. Деятельность Комиссии духовных училищ по вопросам организации и поддержки системы духовного образования раскрывается при помощи принципа историзма. Развитие системы духовного образования нельзя рассматривать фрагментарно, необходимо выстраивать взаимосвязанные эпизоды и определять закономерности их в общей системе. Только при таком подходе исторический опыт может продемонстрировать не только непосредственные итоги духовного воспитания, но и их отдаленные последствия.

3. Обсуждение

Определяя интерес к исследованию деятельности Комиссии духовных училищ по вопросам организации и поддержки системы обучения при Церкви в XIX веке, можно отметить дореволюционный, советский и постсоветский периоды.

Дореволюционный период в первую очередь характеризуется наличием подробных справочников и расширенных исторических очерков. Одной из первых исследований была монография П.В. Знаменского ([Знаменский, 1881](#)), подробно раскрывшего все особенности духовного образования дореформенного периода. Период создания новой системы духовного образования и его результаты достаточно подробно рассмотрен в работах Б.В. Титлинова ([Титлинов, 1908](#)). Именно он впервые раскрыл проблемные стороны этого процесса и того, что финансирование учебных заведений и реформы не было в полном объеме, что и привело к негативным последствиям. Предварительная работа Комитета по усовершенствованию духовных училищ изучена исследователем И.А. Чистовичем, который подробно раскрыл вопрос об их содержании и изыскании сумм на их работу ([Чистович, 1894: 21](#)). Далее хотелось бы отметить работу ученого Ф.Н. Белявского ([Белявский, 1907](#)), который подвел первые итоги реформирования духовных школ в XIX веке и в качестве главных недостатков отметил отсутствие сословного характера преобразований и должного финансирования. Все уровни духовного образования должны были способствовать именно духовному росту и воцерковлению, а не механическому заучиванию латинских слов. Региональный аспект духовного образования представлен в работах А.М. Дренякиной, а в наибольшей степени в «Епархиальных ведомостях» – периодических изданиях, которые выпускались всеми епархиями. Таким образом, характерной чертой дореволюционного периода является сбор архивного материала и его расширенное изложение без особой аналитической составляющей, что и предполагало дальнейшее использование тематики исследователями.

Советский период произведений, раскрывающих сущность духовного образования, не имеет ввиду распространения атеистических мыслей и полного отрицания духовности. Только юбилейное празднование Крещения Руси в 1988 году немного смягчило ситуацию, и авторы начали осторожно выстраивать новые видения о духовности и духовном образовании.

Современный период связан с профильным рассмотрением проблематики в высших духовных заведениях. Многие светские исследователи также раскрывают неизвестные страницы финансирования духовных учебных заведений в XIX веке. Так, профессор А.И. Осипов анализировал изменения системы православного духовного образования, С.Л. Фирсов, определяя структуру церковных иерархов, выявлял степень их влияния на становление духовных школ. Диссертационные исследования последних лет также затронули многие спорные и дискуссионные вопросы церковных доходов и их перераспределения – это работы Н.Н. Богемской, А.И. Конюченко, А.М. Торгашиной,

О.П. Федирко, Л.А. Шуклиной и др. Региональную специфику раскрывает А.Н. Купенкова, методологию и теорию содержания духовного воспитания и перевоспитания затрагивают В.С. Римский, Е.С. Матвеева, В.А. Федорова, А.В. Беляева, М.А. Бабкина и др. Отдельно можно отметить интернет-ресурсы, авторами которых являются священнослужители. Исследователи-священники Игорь (Затолокин) и Владимир (Русин) делали обзор региональных источников по деятельности духовных училищ.

Подводя итог обсуждениям данной тематики, можно констатировать, что дореволюционные источники раскрывали только идеальное содержание работы и финансирования духовных учебных заведений. Плурализм мнений и относительно объективное изложение общих вопросов финансирования на примерах конкретных учебных заведений появилось только в современной историографии.

4. Результаты

Становление христианства и развитие духовного просвещения – это взаимосвязанные процессы. Сословный характер духовного образования в России способствовал организации системы поддержки данного направления. К началу XIX века духовное ведомство уже окончательно трансформировалось в централизованное подобие министерства. Огромный аппарат управления включал светские лица и контролировал деятельность всех духовных округов (епархий), совпадающих с границами губерний в своем большинстве.

Духовное образование имело несколько уровней: средний – включал в себя работу семинарий и духовных училищ, низший – базировался на работе приходских школ. Эти учебные заведения находились в подчинении местных властей – архиереев, руководителей епархий.

На рубеже XVIII и XIX веков активно шел процесс модернизации системы образования России в целом. И сразу после проведения реформы светского образования начинают подниматься вопросы о дальнейшем изменении духовной школы, которая не была системно упорядоченной и не имела достаточного обеспечения для дальнейшего улучшения условий. Первоначально по распоряжению Александра I от 29 ноября 1807 года был создан Комитет по усовершенствованию духовных училищ в составе влиятельных светских и духовных лиц, наиболее деятельные из которых взяли работу под свой контроль (Титлинов, 1908: 422). Они занимались составлением плана усовершенствования духовных училищ, а также выявлением объемов и источников финансирования. Именно источники финансирования значительно усложняли работу Комитета. Правительство не располагало возможностью полного обеспечения духовных школ и поэтому предоставило самой Церкви изыскать способы их содержания. Уже в первом докладе Комитета обосновывалась необходимость предполагаемой реформы ввиду отсутствия адекватной системы в обучении, дальнейшей преемственности духовного образования (Merkulov et al., 2018) и, самое главное, отсутствия материальной базы. В докладе излагались направления изменений, а также прилагалась минимальная смета содержания училищ – 1 669 450 рублей в год. Отдельно была определена сумма в 7101 400 рублей ежегодно на содержание духовенства. Комитет проектировал восстановить дарованное еще при Петре I исключительное право Церкви на продажу свечей для религиозного употребления и доходы от этого направить для содержания духовных училищ.

При Комитете 26 июня 1808 года создалась соответствующая Комиссия, преобразованная с 1839 года в Духовно-учебное управление, в числе первоочередных дел которой было составление «Начертания правил об образовании Духовных Училищ». Подготовленный членами Комиссии доклад был направлен императору, среди первых предложений было высказано пожелание по контролю и систематизации прибыли на содержание духовных училищ как единовременных, так и ежегодных выплат с целью их лучшего устройства, а также передаче Церкви исключительного права на продажу свечей как основного источника этого финансирования (ГАОО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 65. Л. 2).

И хотя работа по реформированию доходов Церкви была начата в начале XIX века, но реформирование растянулось на несколько десятилетий. Регионы активно начали взаимодействовать только с середины 1850-х годов. По положению Святейшего синода указ был принят, поэтому хранение и передача церковных сумм происходила через Государственный заемный банк в Императорские воспитательные дома и Приказы общественного призрения. Синод разработал подробные наставления и правила об отделении церковных доходов и передаче их в указанные места епархиальным начальствам. Для производства этих дел во всех епархиях Святейший синод определял срок 6 месяцев со дня получения указа. По окончании года епархиальные начальства должны были представить в Комиссию отчеты о суммах, переданных по данному указу, а она должна была отчитываться перед Святейшим синодом (ГАОО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 65. Л. 2).

Основным источником доходов Церкви в тот период были продажи свечей. В целом по Российской империи торговлей церковными свечами занимались изначально купцы, мещане и небольшое количество крестьян. Только некоторые из них имели особенно устроенные фабрики для приготовления воска и свечей. Большую часть свечей производили в домашних мастерских. Продукция из этих частных больших и малых заведений наполняла все гуртовые лавки в столицах и городах. В этих «гуртовых» (оптовых) лавках закупались «мелкие торжники» – мелкие торговцы, которые продавали

свечи в уездных городах и селениях, на ярмарках и даже при сельских церквях на храмовые праздники в розницу (ГАОО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 65. Л. 206.). Такая множественная перепродажа свечей вызывала достаточно высокие цены и лишала Церковь принадлежащих ей доходов.

Еще Петр I обратил внимание на этот ущерб в церковных доходах, поэтому и предоставил Церкви возможность продавать религиозные атрибуты по указу Святейшего синода от 28 февраля 1722 года. Данное право распространялось как на розничную, так и гуртовую продажу: «... продающим не от лица церкви свечи и получающим от этой продажи для себя прибыль запрещается впредь оных свеч продавать, и в купечестве своем содержать. Свечи, находящиеся в наличии и приготовленные к продаже, отбирались в пользу Церкви, и за них выплачивалась настоящая цена...» (Указ..., 1881: 26). Это исключительное право Церкви постепенно ослабевало и впоследствии совершенно изменилось. Продажа церковных свечей снова перешла в частные руки, а соответственно вместе с этим и значительная часть церковных доходов.

Поэтому для восстановления существенного источника церковных доходов, по мнению Комиссии духовных училищ, необходимо было: 1) Святейшему синоду во исполнение Высочайшего повеления Государя Петра I Великого предписать преосвященным епархиальным архиереям о повсеместном запрещении продажи церковных свечей лицам, не относящимся к Церкви. Попросить помощи у Правительствующего сената с целью содействия с духовными начальствами по этому предмету; 2) отменить дозволение крестьянам в 4-й статье главы 10 Таможенного устава 1755 года, где свечи перечислялись среди другого незначительного товара.

С того времени Комиссия духовных училищ в соответствии с принятым законодательством по производству свечных продаж разработала правовую базу как для гуртовой, так и розничной продажи свечей (ГАОО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 65. Л. 3). Гуртовой считалась продажа, если вес свечей превышал 20 фунтов. Реализация в таких размерах могла идти через фабрики с целью дальнейшей перепродажи в мелкие точки, которые торговали в местах осуществления религиозных обрядов. Крупная реализация не одобрялась через мелкие точки, исключением являлись ярмарки. Розничная торговля могла быть только в церкви. Представители приходов были обязаны контролировать наличие свечей для реализации, наличие их впрок приветствовалось руководством, так как они применялись не только для внутреннего использования в церкви, но и были востребованы сторонними людьми и прихожанами. Для этого разрешалось и поощрялось устраивать при наиболее крупных и известных церквях особенные заведения для розничной продажи свечей и в пользу церкви (ГАОО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 65. Л. 3).

Особое внимание законодатель уделял подлогу при продаже церковных свечей. Градская и земская полиция наблюдали, чтобы розничная торговля свечей осуществлялась только в церквях, а гуртовая – только в обозначенных для этого местах. Розничная продажа церковных свечей, не соответствующая закону и утвержденным правилам, приравнивалась к подлогу. Хоть никто и не мог подумать, что кто-либо «...может дерзнуть из алчного корыстолюбия и наживаться на принадлежащем Церкви имуществе и против совести и закона покусится похищать себе доход, предназначенный на церковные заведения...». Но при обнаружении данных деяний было необходимо: а) обратиться в градскую и земскую полицию, так как именно они призваны были для наблюдения и пресечения противоправных деяний; б) обратиться к церковным старостам, так как именно они являлись ближайшими блюстителями церковного имущества и были обязаны по долгу совести и звания предупреждать и пресекать всякое расхищение церковного достояния. Старосты имели право надзирать за тем, чтобы нигде, и особенно во вверенном им приходе, не происходило противозаконной продажи свечей, обо всех спорных ситуациях они обязаны были доносить полиции для облегчения поиска и наказания преступников.

Если по донесению церковного старосты или любого другого человека подтверждалась подложная продажа церковных свечей, то полиция найденное количество свечей конфисковывала и отсылала в церковь того прихода, где подлог был обнаружен. Кроме этого, если человека, совершившего подлог, задержали впервые, то с него взыскивали только пеню вдвое больше, чем стоили его конфискованные свечи, отсылая суммы в церковь того же прихода. Если виновного в подлоге задержали уже второй раз, то, кроме конфискации и штрафа, его отсылали к законному суду. При этом конфискованные свечи и денежные взыскания причислялись к церковным доходам и вносились старостами в их книги особой статьей.

Представление Комиссии духовных училищ «О восстановлении права Церкви, данные государем Петром Великим, об исключительной продаже при церквях тех церковных свеч, которые в них употребляются...» было поддержано Святейшим правительствующим синодом и императором и в начале XIX века. Доходы с этих продаж были признаны Комитетом об усовершенствовании духовных училищ одним из важных пособий для содержания духовных училищ и церковных причтов, которые только на эти нужды и должны употребляться (ГАОО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 65. Л. 4). Комиссия эти распоряжения признавала на первый случай совершенно достаточными. Но на будущее время, если же открывались какие-либо неудобства в их исполнении, то можно было бы принимать какие-либо меры по их устранению (ГАОО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 65. Л. 306.).

Вследствие принятия этих указов Комиссия духовных училищ представила Святейшему правительствующему синоду и надлежащие предписания для епархиальных начальств. Были внесены

изменения в инструкции церковных старост, с этого момента на попечении их (п. 17), «...движимых усердием к пользе Церкви и чувством признательности к преимуществам, высочайше им дарованным...» (ГАОО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 65. Л. 4), находилось соблюдение верности церковного счета доходов и расходов, а также составление аккуратной ведомости (Матвеева, 2013: 21). Проверка деятельности старост, а также предоставление новых и хранение заполненных книг и ведомостей осуществляли благочинные и священники. Вся библиотека ведомостей должна была храниться «...в шкафах, но не в домах своих, а в церквях, в удобном и приличном месте...» (Распоряжение..., 1866: 4).

Прибыль от продажи церковных свечей должна была храниться и тратиться только на покупку свечей в запас для последующего года. Если же церковные доходы были для этого недостаточными, то об этом необходимо было заявлять и ждать разрешения Святейшего синода, при котором существовала Комиссия, определяющая содержание всех церковных сумм. Именно эта Комиссия предназначена была заниматься церковными доходами и определяла размер сумм на устройство учебных округов с уточнением назначения.

Но если при покупке и продаже церковных свечей оставались деньги, то по закону они должны были переводиться в непосредственное ведение Святейшего синода для предоставления их крайне нуждающимся церквям, на содержание духовных училищ, на пропитание бедных детей и духовенства и для учащих духовных училищ (О свечных..., 1865: 259). Эти выплаты назывались *свечные суммы*, которые первоначально в епархии передавались в консистории, а потом уже и в Синод. В зависимости от достатка церкви, размера прихода и нужд епархии зависели и определенные свечные выплаты.

По мнению епархиального начальства, свечная прибыль, которая законом с 1810 года была определена как сумма, выделяемая на погашение большинства «...нужд служителей алтаря Господня и пользу Церкви, а также на содержание духовных учебных заведений...» (Несколько..., 1865: 499), представлялась церквями далеко не полно и оставалась на внутренние потребности. Первоначально достоверность таких перечислений и подлогов невозможно было выявить даже по книгам. Причиной неполных выплат свечных сумм, по мнению духовного начальства, были неверные представления приходского духовенства, и особенно церковных старост. Они воспринимали эти доходы как законную собственность того храма, где они были приобретены. Поэтому и вкладывали эти суммы под видом законности и благовидности в ремонты и благотворительность, получали себе награды как «...усердные ревнители о благолепии храмов Божьих...», а на самом деле наносили большой ущерб Церкви и епархии. Большинство священно- и церковнослужителей не понимали важную значимость свечных сумм и не верили в помощь со стороны епархии, а поэтому старались оставить свободные суммы на разные случаи (Несколько слов..., 1866: 84).

Более страшной была ситуация, когда церковный староста утаивал и воровал деньги, воспринимал эту прибыль как свою собственную, «...распоряжаясь ею своевольно, без ведома и - церковнослужителей...». Эти не обозначенные в церковных книгах суммы могли тайно уходить далеко от Церкви и церковных нужд. По закону, если такое злоупотребление открывалось, то виновные, как отступившие от указа, подвергались суду и наказанию. По Манифесту от 30 августа 1810 года все упущения, до этого сделанные и не открытые, прощались. Но если Комиссия духовных училищ обнаруживала новые несоответствия в отчислениях свечных доходов, то по п. XIV указа Святейшего синода от 14 ноября 1810 года «... яко нерадивые и ослушающиеся установленной власти...» могли наказать строгим взысканием или штрафом (Yastrebova et al., 2017). Деньги взыскивали в равных частях со всех священно- и церковнослужителей, старост и благочинных тех церквей, где обнаруживалась недостача. Иногда для этих лиц делали «...на будущий год отсылку на приращение такой же суммы, где следует...» (ГАОО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 65. Л. 50б.).

Неверные и неучтенные свечные выплаты, по мнению орловского благочинного священника Виктора Введенского, были также и от того, что приходно-расходные книги велись по давно принятому порядку, не сообразуясь с настоящим положением дел. Старосты, заполняя новые годовые ведомости, подставляли к прошлогодним цифрам несколько копеек или не изменяли их вовсе, чтобы показатели резко не менялись. Хотя на самом деле это могла быть и десятая часть прибыли, и таким образом утаивались многие десятки рублей. Новые старосты, вступая в должность, просили помощи у церковного причта своей церкви или другого прихода, которые им и показывали сложившуюся систему заполнения книг, и те впоследствии этих цифр и придерживались (Несколько..., 1865: 449).

Еще одной важной проблемой в учете свечных сумм было их неверное деление с другими кошелековыми сборами. Ни священники, ни старосты не могли указать точную сумму, вырученную с продажи свечей, поэтому цифры ставились приблизительно (Несколько..., 1865: 450). Орловский священник Петр Маккавеев отмечал также, что это проблема не только Орловской епархии, это проблема в целом по России. В любой церкви возникал вопрос о точности свечной суммы, кроме некоторых бедных церквей, у которых вообще нет прибыли. Если в церкви продается свеча, то понятно, что это свечной доход, но сюда еще входит и цена огарочного воска. Проще старосте в обычные дни отделить эту прибыль, но при большом стечении народа – на престольные и двенадцатые праздники – это сделать очень трудно. Если даже и повесить отдельно кружки «на свечи» и «на церковь», то для обычных богомольцев эти понятия тождественны (Священник Маккавеев..., 1866: 90). Особенно трудно разграничивать церковные доходы во время приходского повсеместного молебна, например во время

Святой недели, когда местные святые иконы выносились из церкви и принимались каждым семейством. Ктитор должен был перед образами зажигать свечи, даже если они и отсутствовали у хозяев, а в завершении они отдавали общепринятую сумму оплаты, иногда более или менее – по доходу. В этих случаях выделить свечные суммы практически было невозможно.

По требованию епархиального начальства и Святейшего синода выплаты свечных сумм могли разово увеличиваться на определенные потребности в епархии. Но для этого сначала выходило распоряжение духовного начальства, передавалось благочинным, а уже они общались с церковными старостами и местным причтом, выясняя, насколько можно увеличить свечные суммы, предлагая, например, дополнить выплаты другими доходами из кошельков (*Несколько слов...*, 1865: 304). Но эти требования были частными, а важной задачей церковного руководства в этот период было глобальное увеличение выплат и отделение свечных сумм от других сборов.

Члены семинарских и училищных правлений от духовенства должны были также осуществлять и «живую связь» между духовно-учебными заведениями и епархиальным духовенством. Они должны были «...служить прямым и непосредственным орудием для заявления перед духовенством действительного положения духовно-учебных заведений и их нужд...» (ГАОО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 94. Л. 126). На основании §22 Устава духовных училищ члены этих правлений обязаны были присутствовать во всех частях учебного процесса (при предварительном извещении о своем посещении ректора семинарии или смотрителя училища), следить за ходом преподавания (не делая публичных замечаний), а также присутствовать на съездах духовенства, сообщая об общей ситуации в указанных учебных заведениях и предлагая собственные заявления о потребностях. Поэтому в епархиях неоднократно заслушивались доклады семинарского Правления «О состоянии Духовных училищ» (*Отчет...*, 1866: 697), проходили совещания с духовенством и их подведомственными церковными старостами при духовных консисториях, на которых они высказывали разные мнения, но в целом также признавали необходимость увеличения свечных сумм (*От семинарского...*, 1866: 548).

Некоторые священники предлагали просто увеличить свечные суммы вдвое, но если в одной церкви специально утаивали деньги, то все равно они будут платить меньшую сумму, чем те, которые платили несколько больше, но верно (*Священник Введенский...*, 1866: 80). В Орловских епархиальных ведомостях обращался к общественности церковный староста Воскресенской церкви села Залипаева Севского уезда – временнообязанный крестьянин Василий Боханов, который, находясь «... в особенной заботливости и попечении о благоустройстве и о благолепии приходского храма...», поддерживал увеличение вдвое свечных сумм и старался склонить к этому и других старост, за что и был награжден похвальным листом (*Распоряжение...*, 1866: 413).

Орловский священник Петр Маккавеев также соглашался с необходимостью увеличения свечной прибыли. Но, по его мнению, необходимо было разрешить по закону причтам и церковным старостам соединять суммы свечную, кошелевную и венчиковую вместе, фиксировать их в книгах общим списком и отчитываться за год (*Священник Маккавеев...*, 1866: 93). Это было бы выгодно для епархии, так как не было бы различных утаек, но трудность возникала при вычислении свечных сумм для каждого прихода, ведь единую пропорцию выводить было достаточно трудно.

Было также предложение, чтобы эти свечные выплаты сделать фиксированными. Например, орловский священник Иван Павловский, рассуждая о нуждах духовных училищ, предлагал взять за годовую норму свечных взносов 8 копеек с приходской души, т.е. 8 рублей со ста и 80 рублей с тысячи людей (*Несколько...*, 1865: 610). Эту инициативу не поддержали. Поэтому для увеличения выплат Святейший синод 16 сентября 1865 года издал требование за № 5190, предложенное обер-прокурором Святейшего Синода, графом Дмитрием Андреевичем Толстым, о выплатах от каждого прихода не менее 60 рублей свечных сумм в год (*Воззвание...*, 1865: 641). Таким образом, с этого периода свечные выплаты в епархиях незначительно, но увеличились (*Заметка...*, 1865: 721).

22 марта 1866 года был принят указ, по которому на улучшение содержания духовных учебных заведений было назначено пособие из государственного Казначейства в размере 1,5 млн. рублей ежегодно. Казначейство эти выплаты не могло сразу на себя взять без особого затруднения. Поэтому это пособие планировали увеличивать постепенно, в течение 5 лет, по согласованию с хозяйственным управлением при Святейшем синоде: в 1867 году 300 тыс. рублей, в 1868 году 600 тыс. рублей, в 1869 году 900 тыс. рублей, в 1870 году 1,2 млн. рублей и в 1871 году в полной сумме 1,5 млн. рублей (*О принятии...*, 1866: № 65). А соответственно по епархиям распространили распоряжение об увеличении свечного сбора, так как именно он шел на потребности этих заведений (*О всемиростивейшем...*, 1866: 472). На основании ходатайства от 25 марта 1866 года преосвященного Поликарпа, епископа Орловского и Севского, который просил об улучшении содержания духовно-учебных заведений в вверенной ему епархии, было разрешено увеличивать их содержание за счет взносов от церквей этой епархии. 17 апреля 1866 года в Орловскую епархию пришло распоряжение из Синода о разрешении содержания Орловской семинарии и подведомственных училищ с 1-го января 1867 года по составленной семинарским Правлением на этот предмет смете, за счет взносов от церквей, на тех же основаниях, что и в Смоленской епархии (*От семинарского...*, 1866: 523). В эти суммы входили и пенсии, и классные оклады. Основное денежное содержание было, конечно, из свечных доходов, но если был недостаток, то его компенсировали из прочих церковных сумм.

Далее изменения коснулись и кладбищенских церквей, которые были свободны от выплат свечных сумм, так как по статьям 1573 и 1584 Устава общего призрения (Т. XIII Свода законов от 1857 года) эти деньги передавали в состав средств епархиальных попечительств на призрение бедных духовного звания. По дополнительному указу теперь и кладбищенские церкви обязаны были выплачивать свечные суммы и обращать их на потребности духовно-учебных заведений (*Обращение...*, 1866: 473) и также вместе с прочими доставлять отчетность в консисторию.

В 1857 году Святейшим синодом в духовно-учебных заведениях были учреждены новые формы приходно-расходных шнурованных книг. Но и после этого неоднократно хозяйственное управление вводило дополнительные формы ведомостей для учета сумм. По новым требованиям статьи прихода вписывали в книги по порядку поступлений, согласно утвержденным в декабре 1865 года правилам отчетности, и без разделения их по предметам назначения, равно как и статьи расхода записывались по порядку выдач и отсылок, без разделения на отделы (*Указ...*, 1866: 811). Постепенно усовершенствовались и внутренние нормы через Уставы духовных семинарий и училищ. С 1867 года отчетность была прямая к епархиальным начальствам, которые в свою очередь отчитывались в головное ведомство. Обер-прокурор, предварительно ознакомившись с данными по всем округам, подводил итоги на съездах. Отчетная документация в виде копий журналов хранилась в архивах Синода для подведения общей статистики по годам (*ГАОО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 94. Л. 10*). С этого же периода полностью по всей епархии стали ежегодно отчитываться в Комиссию и о свечных доходах каждой церкви. Прибыль с продажи церковных свечей сдавалась с общей годичной ведомостью всех церковных доходов. Если Комиссия, выявляя все суммы доходов церквей, отмечала, что общие суммы за год не совпадали, то епархиальные преосвященные архиереи должны были приказать консисториям собрать точные сведения о причинах этих несоответствий с мнениями. *Мнение* – это определенные уважительные обстоятельства, на которые опиралось духовное лицо при объяснении несоответствия церковных доходов. Преосвященный лично (или назначенный им) просматривал расходные книги. При этом выяснялось, по каким причинам прибыли от продажи воска и церковных свечей уменьшились, не передавались ли эти суммы священно- и церковнослужителями и церковными старостами в сбор, не подлежащий к такой отсылке и т.д. В церквях доходы могли значительно различаться по сравнению с прошлыми годами: «...от ничтожно малой суммы до неимоверно большой...». В документах Орловской консистории сохранилась информация, которая объясняет некоторые причины несоответствия данных сумм (*ГАОО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 65. Л. 5*). Например, отмечалось, что в некоторых церквях ощутимо могла снизиться продажа свечей по сравнению с прошлыми годами вследствие недостатка прихожан, неурожайного года в крае или общей ситуации в стране. Например, благочинный Карачевского уезда села Шаблыкино, священник Василий Гедеоновский, отмечал, что «...упадок свечной суммы относится к тому, что в народе укореняется страсть к пьянству через дозволяемую в питейных домах продажу вина в воскресенье и праздничные дни во время богослужения» (*Распоряжения...*, 1866: 475). Священник даже просил содействия у гражданского начальства в запрете этой торговли, а также неоднократно обращался к авторитетным волостным старшинам, которые должны были призывать народ к посещению церкви и исполнению таинств, на что орловский губернатор откликнулся положительно и 8 марта 1866 года отношением № 1099 уведомил Преосвященство о запрете продажи вина в питейных домах в праздничные и воскресные дни до литургии (*Распоряжения...*, 1866: 476).

Причиной несоответствия сумм свечных доходов могли быть и невниманье, и отсутствие старания священно- и церковнослужителей в контроле продаж свечей за церковными старостами, которые ежемесячно должны были проводить счет и освидетельствование церковных сумм (согласно §9 инструкции церковных старост), и при этом обязательным было присутствие священно- и церковнослужителей, которые, не ожидая особого приглашения, сами должны осуществлять контроль (*Распоряжения, 1865: 304*).

Годовую закупку свечей производили церковные старосты. В некоторых приходах существовали лавки для продажи свечей от Церкви, и эти церкви по консисторским ведомостям шли отдельной статьей. Они не зависели от местного Духовного правления и находились в непосредственном ведении консистории. Епархиальные начальства наблюдали, чтобы консисторские ведомости о свечном доходе сопровождались бы подлинными ведомостями Духовных правлений, благочинных и церквей, поэтому отчетные ведомости они должны представлять двойным числом: один экземпляр должен был оставаться в консистории, а другой – прилагаться к консисторской ведомости (*ГАОО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 65. Л. 8*). Из консистории в Священный синод, в Комиссию духовных училищ этот доход представлялся также особенной статьей (*ГАОО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 65. Л. 8*).

С 1889 года в Орловской епархии начал свою работу свечной завод, который с развитием достаточно ощутимо стал помогать епархии. К 1897 году завод из чистой своей прибыли, превысившей сумму 31000 рублей, выплачивал за содержание параллельных классов при Орловской духовной семинарии, епархиального женского училища и причта некоторых приходов. В 1898 году чистый доход был уже 51 902 рубля, из которых на содержание этих же епархиальных учреждений завод выдавал 15 357 рублей и сверх этого вносил около 8 000 рублей на увеличение фонда эмеритальной кассы духовенства (*Священник Афонский...*, 1899: 572). К 1899 году прибыль достигала

уже 195 870 рублей. Орловский свечной завод подвергал в своих лабораториях тщательной экспертизе материалы от поставщиков, изготавливал свечи с клеймом «орловский епархиальный свечной завод» по всей длине, также переплавлял огарки, исключительно из пчелиного воска. Для облегчения церквям способов получения свечей и других предметов торговли епархиального завода повсеместно в городах епархии стали открываться благоустроенные склады свечей, масла, ладана, кадильного угля и др. В Орловской епархии была строго организована гуртовая и розничная продажа свечей в специально определенных при конкретных церквях палатках и лавках. Поэтому руководство епархии неоднократно обращалось к населению с просьбой о том, чтобы они не переплачивали за свечную продукцию разных частных заводов и фабрик, которые выпускают суррогатную продукцию и непригодные к употреблению церковные свечи. Сам епархиальный архиерей призывал приобретать продукцию епархиального завода, так как епархия в связи с этими внешними приобретениями свечей теряла больше 50 тыс. рублей в год (*Священник Афонский..., 1899: 575*).

Все церковные старосты градских и окружных церквей города Орла должны были покупать свечи на складе или в палатках при Успенской, Николаевской, Смоленской, Срегенской и Покровской церквях города Орла, Казанской церкви в Дмитровске и Успенской церкви в Севске, а также свечной лавке в Мценске при Успенской церкви. Но не все церкви, находящиеся в их окружении, там закупались, что подтверждается несоответствием годовых сумм продаж свечей в этих специальных палатках и лавках и сумм продаж свечей по епархии. Иногда товар приобретали у крестьян и у других частных лиц, занимающихся продажей воска и свечей, что несколько снижало прибыль специализированных палаток, но отследить места покупки было невозможно, так как они не отражались в книгах (*ГАОО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 65. Л. 5*). Поэтому Духовная комиссия на основании п. 15 инструкции церковных старост призывала указывать каждую покупку свечей и других продуктов в книгах, то есть уточнять: что, когда и у кого было куплено. Расходную книгу надо было бережно хранить и носить при себе для расписок в приеме продавцами денег. При этом церковные старосты и священно- и церковнослужители должны были удостоверить все записи в книге своей подписью: «...означенные вещи действительно были куплены у поименованных продавцов и показанное число денег теми продавцами бездоимочно уплачено...» (*ГАОО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 65. Л. 60б.*). Благодетельные должны были строго контролировать подведомственные им церкви, а в случаях упущения и бездействия их по этой части, они подвергали себя такой же ответственности, как старосты и священно- и церковнослужители. При этом духовные власти епархии обращались за поддержкой к светским властям. Например, орловский преосвященный архиерей обращался письменно к орловскому гражданскому губернатору за подтверждением соблюдения и выполнения своих должностных обязанностей всеми подведомственными градскими и земскими полициями, частными и кварталными приставами, сельскими старостами, сотскими и десятскими, чтобы они осуществляли надзор и ни под каким предлогом не допускали подложной продажи свечей, а в случае обнаружения подложной торговли содействовали бы конфискации товара и наказанию преступников (*ГАОО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 65. Л. 7*). Также в целях пресечения незаконной продажи и фабрикации свечей в приходах выходили узаконения правительства о том, чтобы в церквях использовались свечи только из пчелиного воска. Государство подчеркивало вредность и небезопасность использования и в домашних целях свечей из сала, церезина, японской смолы, сгущенного скипидара и прочих веществ. При этом нужно было приобретать свечи, изготовленные только на местных епархиальных свечных заводах, так как «...восковая свеча богоугодна, она сделана из чистейшего дара природы, употребление ее освящено веками, она не дает копоты, не портит здоровья и украшений храма...» (*Священник Афонский..., 1899: 577*).

Причиной также могла служить и «непечительность» старост (*Матвеева, 2013: 22*) в усилении свечных доходов, и несоблюдение выгод и пользы Церкви в закупке свечей в свое время. Священно- и церковнослужители, церковные старосты были обязаны усиливать свечной доход для их собственной и прямой пользы. Епархиальное начальство неоднократно обращалось в прессе к общественности и призывало обратить внимание на свечной доход, так как именно от него зависит «...уровень образованности пастырей и служителей Святой Церкви...» (*Об увеличении..., 1866: 74*). Отмечались удобства в продаже свечей при храмах и их безопасность по сравнению с продукцией частных торговцев, которые снижают доходы Церкви.

Священно- и церковнослужители должны были как можно более часто служить как общественные, так и частные службы для увеличения церковных доходов. При совершении крещения, венчания, погребения или при «молебных пениях» в домах прихожан они обязаны были объяснять, что свечи необходимо покупать в храме и уточнять при этом их нужное количество (*Несколько..., 1865: 600*). Деятельность старост в этом направлении держалась под строгим наблюдением. В случае отступления их от поставленных правил, бесхозяйственном распоряжении церковным расходом или непечительности в приращении церковных доходов на них доносили и заставляли объясняться по всем обстоятельствам (*ГАОО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 65. Л. 6*). Закупки товаров, употребляемых в церкви, таких как воск, свечи, красное вино, мука на просфоры и др., необходимо было приобретать по средним ценам, избегая излишней переплаты. Были постановления и о мерах заготовки запасов: товар нужно было покупать не по малым частям, а сразу на год, полугодие или треть года – фунтами свечи и вино бутылками. Если церкви находились вдали от губернских городов,

то позволялось покупать сразу и более половины, но не более всей годовой порции. Если в церквях к началу года оставался воск и свечи в таком количестве, какое назначено для запаса, то заготовок новых не делается или несколько докупается (ГАОО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 63. Л. 20б.).

Несоответствие свечных сумм могло возникнуть и вследствие того, что в приходно-расходных записях «...с крайним нерадением и с непростительной неопрятностью...» велась ведомость с общей закупкой вещей и товаров, употребляемых в церквях, а не только свечей и воска, что не соответствовало правилам инструкции церковных старост. Закупки должны были фиксироваться в книгах, которые заполнялись весь год, при этом старосты должны были подводить ежемесячные промежуточные итоги. Для каждого месяца в книге определялась отдельная страница, каждая статья расходов должна была написана «...ясно, чисто и четко, избегая поправок и поправок, и удалялись бы от малейшего поползновения к перечислению свечной суммы в сбор кошелевый и кружечный...» (ГАОО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 65. Л. 6). Для ясной видимости остающихся свечей и огарков церковным старостам давались рекомендации о внесении этих остатков ежемесячно в особую статью, так как они составляют наличный капитал. На отчетной странице надо уточнять, что в конкретный месяц было продано столько-то пудов или фунтов воска, свечей и огарков, а также какое количество осталось непроданным и по какой цене. Уже на основании указа Комиссии духовных училищ от 26 июня 1808 года были разработаны и составлены четыре генеральные (годовые) формы ведомостей о свечных доходах, эти формы с некоторыми изменениями были одобрены Святейшим синодом, напечатаны и разосланы всем епархиальным архиереям: первой формы по числу церквей, второй формы по числу благочинных, третьей формы по числу Духовных правлений, а четвертой формы в двойном экземпляре по числу консисторий (ГАОО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 65. Л. 8). Для удобства и облегчения работы священно- и церковнослужителей, церковных старост, благочинных, Духовных правлений и самих консисторий было принято решение, что отсылку ведомостей и денег для приращения свечных доходов производить в январе. Консистории после проверки ведомостей и денег делали донесение епархиальному архиерею и без промедления отсылали деньги в Императорские опекунские советы на имя Комиссии духовных училищ, как это было предписано в XIII отделении указа Святейшего синода от 8 июня 1809 года (ГАОО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 63. Л. 2-3). Впоследствии было разрешено деньги пересылать и в консистории, но если выплаты делались не вовремя, то их можно было напрямую перевести в духовное учебное заведение с донесением об этом в консисторию (Несколько..., 1865). При этом невниманье и неаккуратность в заполнении книг также могли являться причиной несоответствия денежных сумм.

5. Заключение

На протяжении всего XIX века была проделана масштабная работа по унификации и упорядочению доходов Церкви с продаж свечей и другой религиозной продукции. Комиссия духовных училищ старалась анализировать различного уровня информацию из регионов для достижения финансирования духовных школ. В целом при рассмотрении свечных ведомостей можно констатировать, что суммы по епархиям в зависимости от обстоятельств были достаточно разными. В некоторые года по епархиям были и значительные остатки, а по другим же высылались деньги дробными числами, например копейка или даже доли копейки. Поэтому Комиссия рекомендовала консисториям копить деньги и высылать их для приращения в размере от 100 рублей и выше круглыми числами на ассигнации, что в итоге привело к достаточно серьезному и стабильному содержанию духовного образования, не зависящего от других дотаций.

Литература

- ГАОО – Государственный архив Орловской области.
 Белявский, 1907 – Белявский Ф.Н. О реформе духовной школы: Ч. 1. Краткий очерк прошлого средней духовной школы. СПб.: Синодальная типография, 1907. 230 с.
 Воззвание..., 1865 – Воззвание, от Поликарпа, Епископа Орловского и Севского, к духовенству Орловской епархии от 25 октября 1865 года // *Орловские Епархиальные Ведомости*. 1865. № 22. 15 ноября. С. 641-645.
 Гончаров, 2012 – Гончаров С.А. Духовное ведомство и его место в системе управления духовно-учебными заведениями в середине – конце XIX в. // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология*. 2012. № 4(27). С. 113-124.
 Гончаров, 2013 – Гончаров С.А. Духовные училища как образовательные учреждения системы религиозного образования в Российской империи: логика взаимосвязи основных определений понятийной базы (XIX – начало XX вв.) // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2013. № 4. С. 261-264.
 Епархиальная..., 1865 – Епархиальная хроника // *Орловские Епархиальные Ведомости*. 1865. № 8. 15 апреля. С. 304-305.
 Заметка..., 1885 – Заметка по делу церковной свечной отсылочной суммы по Орловской епархии // *Орловские Епархиальные Ведомости*. 1865. № 23. 1 декабря. С. 721.
 Знаменский, 1881 – Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань: Типография Императорского университета, 1881. 807 с.

Матвеева, 2013 – *Матвеева Е.С.* Правовое положение церковных старост в условиях реформирования системы церковного управления в Орловской губернии в XVIII – начале XX века // *Вестник Санкт-Петербургской юридической академии*. 2013. № 2 (19). С. 21-26.

Несколько слов..., 1865 – Несколько слов об увеличении взноса прибыльной свечной суммы // Орловские Епархиальные Ведомости. 1865. № 19. 1 октября. С. 448-454.

Несколько..., 1865 – Несколько слов и предложений по поводу увеличения свечной церковной суммы по Орловской епархии ввиду предполагаемого улучшения быта духовно-учебных наших заведений // *Орловские Епархиальные Ведомости*. 1865. № 21. 1 ноября. С. 600-615.

О всемилостивейшем, 1866 – О всемилостивейшем назначении из государственного Казначейства 1 500 000 рублей, в Пособие Духовно-учебных заведениям // *Орловские Епархиальные Ведомости*. 1866. № 9. 1 мая. С. 470-473.

О принятии..., 1866 – О принятии Государем Императором, по представлению Обер-прокурора Святейшего Синода положения о Духовно-учебных заведениях // *Московские Ведомости*. 1866. № 65, 68.

О свечных..., 1865 – О свечных доходах // *Орловские Епархиальные Ведомости*. 1865. № 6. 15 марта. С. 259-261.

Об увеличении..., 1866 – Об увеличении взносов свечной церковной суммы // *Орловские Епархиальные Ведомости*. 1866. № 2. 15 января. С. 74.

Обращение..., 1866 – Обращение свечного дохода по кладбищенским церквям на потребности духовно-учебных заведений // *Орловские Епархиальные Ведомости*. 1866. № 9. 1 мая. С. 473-475.

От семинарского..., 1866 – От семинарского правления // *Орловские Епархиальные Ведомости*. 1866. № 10. 15 мая. С. 548-553.

Отчет..., 1866 – Отчет Семинарского правления о количестве взносов // *Орловские Епархиальные Ведомости*. 1866. № 12. 15 июня. С. 697.

Распоряжение..., 1866 – Распоряжение Епархиального Начальства // *Орловские Епархиальные Ведомости*. 1866. № 1. 1 января. С. 4.

Священник Афонский..., 1899 – *Священник М. Афонский*. Дело, заслуживающее особого сочувствия, поддержки со стороны духовенства Орловской епархии // *Орловские Епархиальные Ведомости*. 1899. № 15-16. 18 апреля. С. 572-579.

Священник Введенский..., 1866 – *Священник Виктор Введенский*. Об увеличении взноса прибыльной свечной суммы // *Орловские Епархиальные Ведомости*. 1866. № 2. 15 января. С. 80.

Священник Маккавеев..., 1866 – *Священник П. Маккавеев*. Несколько замечаний о причинах неполного показания свечной прибыли в прошлое время и несколько предложений о введении нового порядка в церковных хозяйствах // *Орловские Епархиальные Ведомости*. 1866. № 2. 15 января. С. 83-96.

Титлинов, 1908 – *Титлинов Б.В.* Духовная школа в России в XIX столетии. Вып. 1. Время Комиссии Духовных Училищ. К столетию духовно-учебной реформы 1808-го года. Вильна: Типография «Русский Почин», 1908. 385 с.

Титлинов, 1908 – *Титлинов Б.В.* Комитет духовных училищ 1807-1808 гг. и училищные заставы // *Христианские чтения*. 1908. № 3. С. 422-447.

Указ..., 1866 – Указ Святейшего Синода «О формах ведомостей о приходе и расходе и остатке сумм духовно-учебных заведений» от 30 июня 1866 года // *Орловские Епархиальные Ведомости*. 1866. № 15. 1 августа. С. 811.

Указ..., 1881 – Указ Синода о непродаже в монастырях и церквях чудотворного меда и масла и о присылке вериг // *Исторический вестник*. № 3. 1881.

Чистович, 1894 – *Чистович И.А.* Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия; Комиссия духовных училищ. СПб.: Синодальная типография, 1894. 381 с.

Merkulov et al., 2017 – *Merkulov P.A., Eliseev A.L., Aronov D.V.* State youth policy in pre-revolutionary Russia: From social stratification of society to full social regulation // *Bylye Gody*. 2018. 49(3). Pp. 1061-1073.

Yastrebova et al., 2017 – *Yastrebova A.I., Stakhov A.I., Merkulov P.A., Filonov V.I., Matveeva E.S.* Constitutional-legal and administrative-legal aspects of statutory regulation and maintenance of public security in the Russian federation by the state and private actors // *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 2017. 8(1). Pp. 272-290.

References

Belyavskiy, 1907 – *Belyavskiy, F.N.* (1907). O reforme dukhovnoy shkoly: CH. 1. Kratkiy ocherk proshlogo sredney dukhovnoy shkoly [On the reform of the theological school: Part 1. A brief outline of the past of the secondary spiritual school]. SPb.: Sinodal'naya tipografiya. 230 p. [in Russian]

Chistovich, 1894 – *Chistovich, I.A.* (1894). Rukovodyashchiye deyateli dukhovnago prosveshcheniya v Rossii v pervoy polovine tekushchago stoletiya; Kommisiya dukhovnykh uchilishch [Leading figures of spiritual education in Russia in the first half of the current century; Commission of theological schools]. SPb.: Sinodal'naya tipografiya. 381 p. [in Russian]

GAOO – Gosudarstvennyi arkhiv Orlovskoi oblasti [State archive of the Oryol Region].

Goncharov, 2012 – Goncharov, S.A. (2012). Dukhovnoye vedomstvo i yego mesto v sisteme upravleniya dukhovno-uchebnyimi zavedeniyami v seredine – kontse XIX v. [Spiritual department and its place in the management system of spiritual educational institutions in the middle – end of the 19th century]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psikhologiya.* 4(27): 113-124. [in Russian]

Goncharov, 2013 – Goncharov, S.A. (2013). Dukhovnyye uchilishcha kak obrazovatel'nyye uchrezhdeniya sistemy religioznogo obrazovaniya v Rossiyskoy imperii: logika vzaimosvyazi osnovnykh opredeleniy ponyatiynoy bazy (XIX – nachalo XX vv.) [Theological schools as educational institutions of the system of religious education in the Russian Empire: the logic of the relationship between the main definitions of the conceptual base (XIX - early XX centuries)]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki.* 4: 261-264. [in Russian]

Matveyeva, 2013 – Matveyeva, E.S. (2013). Pravovoye polozheniye tserkovnykh starost v usloviyakh reformirovaniya sistemy tserkovnogo upravleniya v Orlovskoy gubernii v XVIII – nachale XX veka [The legal status of church elders in the context of reforming the system of church administration in the Oryol province in the 18th – early 20th centuries]. *Vestnik Sankt-Peterburgskoi yuridicheskoi akademii.* 2(19): 21-26. [in Russian]

Merkulov et al., 2017 – Merkulov, P.A., Eliseev, A.L., Aronov, D.V. (2018). State youth policy in pre-revolutionary Russia: From social stratification of society to full social regulation. *Bylye Gody.* 49(3): 1061-1073.

Neskol'ko slov..., 1865 – Neskol'ko slov ob uvelichenii vznosa pribyl'noy svechnoy summy [A few words about increasing the contribution of a profitable candlestick amount]. *Oryol Eparchial Vedomosti.* 1865. №19. 1 oktyabrya. Pp. 448-454. [in Russian]

Neskol'ko..., 1865 – Neskol'ko slov i predlozheniy, po povodu uvelicheniya svechnoy tserkovnoy summy po Orlovskoy yeparkhii, vvidu predpolagayemogo uluchsheniya byta dukhovno-uchebnykh nashikh zavedeniy [A few words and suggestions regarding the increase in the church candlestick amount for the Oryol diocese, in view of the expected improvement in the life of our spiritual educational institutions]. *Oryol Eparchial Vedomosti.* 1865. №21. 1 noyabrya. Pp. 600-615. [in Russian]

O prinyatii..., 1866 – O prinyatii Gosudarem Imperatorom, po predstavleniyu Ober-prokurora Svyateyshego Sinoda polozheniya o Dukhovno-uchebnykh zavedeniyakh [On the adoption by the Sovereign Emperor, on the proposal of the Ober-Prosecutor of the Holy Synod, of the provision on Spiritual educational institutions]. *Moskovskie Vedomosti.* 1866. №65, 68. [in Russian]

O svechnykh..., 1865 – O svechnykh dokhodakh [On candle income]. *Oryol Eparchial Vedomosti.* 1865. №6. 15 marta. Pp. 259-261. [in Russian]

O vsemlostiveyshem..., 1866 – O vsemlostiveyshem naznachenii iz gosudarstvennogo Kaznacheystva 1500000 rubley, v Posobiye Dukhovno-uchebnykh zavedeniyam [About the all-merciful appointment of 1,500,000 rubles from the State Treasury to the Manual for Spiritual and Educational Institutions]. *Oryol Eparchial Vedomosti.* 1866. №9. 1 maya. Pp. 470-473. [in Russian]

Ob uvelichenii..., 1866 – Ob uvelichenii vnosov svechnoy tserkovnoy summy [On the increase in contributions of the candle church sum]. *Oryol Eparchial Vedomosti.* 1866. №2. 15 yanvarya. P. 74. [in Russian]

Obrashcheniye..., 1866 – Obrashcheniye svechnogo dokhoda po kladbishchenskim tserkvyam na potrebnosti dukhovno-uchebnykh zavedeniy [Conversion of candle income in cemetery churches to the needs of theological educational institutions]. *Oryol Eparchial Vedomosti.* 1866. № 9. 1 maya. Pp. 473-475. [in Russian]

Ot seminarskogo..., 1866 – Ot seminarskogo pravleniya [From the Seminary Board]. *Oryol Eparchial Vedomosti.* 1866. №10. 15 maya. Pp. 548-553. [in Russian]

Otchot..., 1866 – Otchot Seminarskogo pravleniya o kolichestve vnosov [Report of the Seminar Board on the number of contributions]. *Oryol Eparchial Vedomosti.* 1866. №12. 15 iyunya. P. 697. [in Russian]

Rasporyazheniye..., 1866 – Rasporyazheniye Yeparkhial'nogo Nachal'stva [Order of the Diocesan Administration]. *Oryol Eparchial Vedomosti.* 1866. №1. 1 yanvarya. P. 4. [in Russian]

Svyashchennik Afonskiy..., 1899 – Svyashchennik M. Afonskiy. Delo, zasluzhivayushcheye osobogo sochuvstviya podderzhki so storony dukhovenstva Orlovskoy yeparkhii [Priest M. Afonskiy A case that deserves special sympathy for the support of the clergy of the Oryol diocese]. *Oryol Eparchial Vedomosti.* 1899. №15-16. 18 aprelya. Pp. 572-579. [in Russian]

Svyashchennik Makkaveyev..., 1866 – Svyashchennik P. Makkaveyev" Neskol'ko zamechaniy o prichinakh nepolnogo pokazaniya svechnoy pribyli v proshloye vremya i neskol'ko predlozheniy o vvedenii novogo poryadka v tserkovnykh khozyaystvakh [Priest P. Makkaveyev Several remarks on the reasons for the incomplete indication of candle profit in the past and several proposals for the introduction of a new order in church farms]. *Oryol Eparchial Vedomosti.* 1866. №2. 15 yanvarya. Pp. 83-96. [in Russian]

Svyashchennik Vvedenskiy..., 1866 – Svyashchennik Viktor Vvedenskiy Ob uvelichenii vznosa pribyl'noy svechnoy summy [Priest Victor Vvedenskiy On increasing the contribution of a profitable candlestick amount]. *Oryol Eparchial Vedomosti.* 1866. №2. 15 yanvarya. P. 80. [in Russian]

Titlinov, 1908 – Titlinov, B.V. (1908). Dukhovnaya shkola v Rossii v XIX stoletii. Vyp.1. Vremya Komissii Dukhovnykh Uchilishch. K stoletiyu dukhovno-uchebnoy reformy 1808-go goda [Theological school in Russia in the 19th century. Issue 1. Time of the Commission of Theological Schools. To the centenary of the

spiritual and educational reform of 1808]. Vil'na: Tipografiya «Russkii Pochin». 385 p. [in Russian]

Titlinov, 1908 – Titlinov, B.V. (1908). Komitet dukhovnykh uchilishch 1807–1808gg. i uchilishchnyye zastavy [Committee of theological schools 1807–1808 and school outposts]. *Khristianskie chteniya*. 3. Pp. 422–447. [in Russian]

Ukaz..., 1866 – Ukaz Svyateyshego Sinoda «O formakh vedomostey o prikhode i raskhode i ostatke summ dukhovno-uchebnykh zavedeniy» ot 30 iyunya 1866 goda [Decree of the Holy Synod «On the forms of receipts and expenditures and the remainder of the sums of theological educational institutions» dated June 30, 1866]. *Oryol Eparchial Vedomosti*. 1866. №15. 1 avgusta. P. 811. [in Russian]

Ukaz..., 1881 – Ukaz Sinoda o neprodazhe v monastyryakh i tserkvakh chudotvornogo moda i masla i o prisylke verig [Synod's decree on the non-sale of miraculous honey and butter in monasteries and churches and on the sending of chains]. *Istoricheskiy vestnik*. 1881. № 3. [in Russian]

Vozzvaniye..., 1865 – Vozzvaniye, ot Polikarpa, Yepiskopa Orlovskogo i Sevskogo, k dukhovenstvu Orlovskoy yeparkhii ot 25 oktyabrya 1865 goda [Appeal, from Polycarp, Bishop of Oryol and Sevsky, to the clergy of the Oryol diocese of October 25, 1865]. *Oryol Eparchial Vedomosti*. 1865. № 22. 15 noyabrya. Pp. 641–645. [in Russian]

Yastrebova et al., 2017 – Yastrebova, A.I., Stakhov, A.I., Merkulov, P.A., Filonov, V.I., Matveeva, E.S. (2017). Constitutional-legal and administrative-legal aspects of statutory regulation and maintenance of public security in the Russian federation by the state and private actors. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 8(1): 272–290.

Yeparkhial'naya..., 1865 – Yeparkhial'naya khronika [Diocesan Chronicle]. *Oryol Eparchial Vedomosti*. 1865. №8. 15 aprelya. Pp. 304–305. [in Russian]

Zametka..., 1885 – Zametka po delu tserkovnoy svechnoy otsylochnoy summy po Orlovskoy yeparkhii [A note on the case of the church candle reference sum for the Oryol diocese]. *Oryol Eparchial Vedomosti*. 1865. №23. 1 dekabrya. P. 721. [in Russian]

Znamenskiy, 1881 – Znamenskiy, P.V. (1881). Dukhovnyye shkoly v Rossii do reformy 1808 goda [Theological schools in Russia before the 1808 reform]. Tipografiya Imperatorskogo universiteta. 807 p. [in Russian]

Деятельность комиссии духовных училищ по вопросам организации и поддержки системы духовного образования в XIX веке (на материалах орловской губернии)

Евгения Сергеевна Матвеева ^{a, *}, Виктор Анатольевич Ливцов ^a, Владимир Иванович Филонов ^a

^a Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, Орел, Российская Федерация

Аннотация. В работе исследуется деятельность Комиссии духовных училищ (1808–1839 гг.) по вопросам организации и поддержки системы духовного образования на территории России. На рубеже XVIII и XIX веков активно шел процесс модернизации системы образования. И сразу после проведения реформы светского образования начинают подниматься вопросы о дальнейшем изменении духовной школы, которая не была упорядоченной, не имела общего систематического образования и достаточного обеспечения для дальнейшего улучшения условий. Статья посвящена рассмотрению предложений о финансировании, составленных высокообразованными и авторитетными церковно-государственными деятелями того времени. Сперанский, Голицын, Феофилакт были создателями изменений, которые вдохнули в старую школу новые стандарты, отразившие прогрессивные веяния александровской эпохи. На основании сравнительного анализа доклада Комиссии духовных училищ о выделении церковных доходов на содержание системы духовного образования и епархиальных отчетов, мы видим, что изменения не вызвали всеобщего сочувствия. Новые порядки по подчинению семинарии академии или ограничению архиерейской власти над школами не были поддержаны общественностью. Результаты этого исследования доказали, что изначально добрые помыслы, лежавшие в основе нововведений, не привели к желаемому результату. Преобразования духовных школ Российской империи не затрагивали важных вопросов сословного характера в обучении и не ставили цели в воспитании по воцерковлению православных христиан, изменяя очередные учебные планы и списки рекомендованных латинских учебников. Авторами доказано влияние регионального аспекта на финансирование духовных школ, и эта взаимосвязь раскрывает достижения и итоги реформы.

Ключевые слова: Российская империя, синодальный период, социальная политика, духовное образование, Комиссия духовных училищ, духовная школа, церковные доходы.

* Корреспондирующий автор

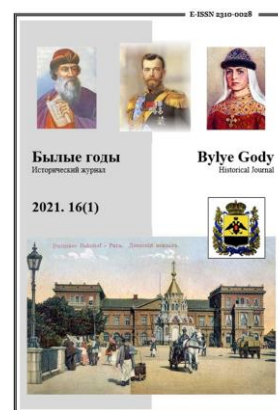
Адреса электронной почты: evgmatveeva@bk.ru (Е.С. Матвеева), livcov@orel.ranepa.ru (В.А. Ливцов), filonovi@mail.ru (В.И. Филонов)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 138-145.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.138
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Formation of the All-Russian Imperial Identity in the Grand Duchy of Finland during the Reign of Alexander III: Historical Contexts and Political Restrictions

Viktor V. Titov ^{a,*}

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

The presented study is devoted to the study of the specific and factors that hindered the effective implementation of the policy to promote the imperial form of national-state (all-Russian) identity in the Grand Duchy of Finland during the reign of Alexander III. The purpose of this study is a comprehensive assessment of the factors that acted as obstacles to the successful spread of imperial identity in Finland during the reign of Alexander III. The source base of the work includes materials from the State Archives of the Russian Federation (from the funds of the Police Department of the Ministry of Internal Affairs) and the Russian State Historical Archives (from the funds of the Department of General Affairs of the Ministry of Internal Affairs, the office of the Minister of Internal Affairs and the personal fund of the Minister of Education I.D. Delyanov). The methodology of the work is built through a combination of elements of descriptive, structural and comparative analysis. The author comes to the conclusion that already by the beginning of the reign of Alexander III, the policy of his predecessors led to the emergence of a situation in which the implementation of a comprehensive program for promoting imperial identity in Finland was fraught with undermining Russia's internal political stability. Favorable conditions were formed for the development of Finnish nationalism, first in a cultural and then in a political form. The Grand Duchy turned out to be economically isolated from Russia to a large extent. At the same time, the growth in living standards due to the benefits provided to Finland, along with the creation of a mass education system, contributed to the formation of outgroup discrimination against other subjects of the empire. Traditional institutions for the spread of identity (school, army, church) were isolated at the regional level. The situation was aggravated by the preservation of the image of the “Russian enemy” in the cultural memory of the Finns. As a result, the emperor was forced to choose a course of limited reforms, at the expense of refusing to fully integrate the border region, ensuring the stability of the state.

Keywords: Alexander III, nationality policy, “national question”, national-state identity, imperial identity, Finland, cultural memory.

1. Введение

Национальная политика Александра III традиционно относится к числу тем, актуальность которых всегда остается высокой вне зависимости от степени изученности. Причины этого достаточно очевидны. Как было отмечено Й. Рюзенем, события прошлого, несмотря на наличие жестких требований к уровню объективности исследователя, почти неизбежно интерпретируются в рамках культурного контекста периода жизни конкретного историка и испытывают на себе влияние присущей ему системы ценностей. Как следствие, почти любая тема, обладающая высокой социальной значимостью, периодически подвергается пересмотру в соответствии с текущими трендами, определяющими трансформацию политической и исторической мифологии в конкретном обществе (Баглай, 2016: 799).

* Corresponding author

E-mail addresses: VVTitov@fa.ru (V.V. Titov)

Национальная политика в период правления Александра III, безусловно, принадлежит к числу тех научных проблем, которые продолжают привлекать внимание как специалистов-историков, так и широкого круга общественности в России и Финляндии. Для официального Хельсинки соответствующий исторический период связан с общенациональным «мифом основания», в рамках которого фигуры Александра III, как впрочем и его сына Николая II, позиционируются преимущественно негативно, выступая в качестве оппонентов финских националистов – «отцов» государственности современной Финляндии (либо их прямых предшественников). Поддержание этого мифа требует сохранения яркого и эмоционально насыщенного «образа чужого» (а в отдельных случаях – и «врага»), в результате чего образ Александра III и представления о проводимой им политике в отношении Великого княжества Финляндского зачастую имеют крайне негативный окрас. Соответствующие оценки имеют мало общего с историческими исследованиями и фактами и по большому счету сводятся к использованию инструментов политики памяти в целях обеспечения воспроизводства финской национальной идентичности через отстройку от «завоевателя» в лице исторической России. Закономерной реакцией на это со стороны многих представителей сообщества профессиональных историков становится публикация научных исследований, достоверно отображающих национальную политику Александра III.

В современной России повышенное внимание к политике идентичности в эпоху Александра III обусловлено рядом факторов. С одной стороны, процесс изучения данной темы по-прежнему испытывает на себе влияние политико-конъюнктурных трендов. В советской историографии внутриполитический курс «царя-миротворца» (в контексте решения «национального вопроса») позиционировался сугубо негативно. В 1990-х гг. возникла возможность для ревизии соответствующих концепций на основе объективного, неполитизированного подхода и ввода в научный оборот корпуса новых источников. Однако она так и не была полностью реализована, в первую очередь в силу очередных попыток неумеренной политизации истории правления Александра III. Часть исследователей и лидеров общественного мнения идеализировала фигуру императора, часть – продолжила традицию ее демонизации в ключе парадигмы советской и дореволюционной либеральной историографии. При этом зачастую речь шла скорее о «войне политических символов», нежели расхождении во взглядах научных школ. Для многих сегодняшних монархистов и представителей прочих правых политических течений Александр III представляет собой во многом идеал самодержавного государя, для их политических оппонентов этот монарх служит «воплощением реакции» (Кудряшев, 2013: 58-59; Уикс, 2015: 70).

С другой стороны, высокий интерес к внутренней политике Александра III обусловлен наличием целого ряда острых проблем в функционировании институтов, призванных обеспечивать воспроизводство национально-государственной идентичности россиян сегодня, в начале XXI столетия. Поиск путей их решения неразрывно связан с освоением опыта национального строительства в дореволюционной России. При этом кейс Финляндии обладает особой значимостью. Ни императорская Россия, ни Советский Союз не сумели полноценно инкорпорировать эту страну в свои интеграционные проекты и обеспечить распространение на ее территории универсальной общенациональной политической (фактически – имперской) модели идентичности. За счет этого анализ опыта, накопленного и в период правления Александра III, дает возможность выявить новые базовые закономерности в процессе формирования и распространения национально-государственной идентичности, в том числе – в контексте ее экспансии на территории с интенсивно развивающимися моделями самоопределения, основанными на императивах этнической и конфессиональной принадлежности (Вортман, 1999: 234).

Таким образом, тема продвижения имперской формы национально-государственной идентичности в Великом княжестве Финляндском в период правления Александра III обладает высокой актуальностью для экспертной корпорации как России, так и Финляндии, одновременно привлекая интерес специалистов в области истории и политики памяти.

При этом особое значение имеет вопрос о барьерах, наличие которых снижало эффективность политики идентичности Александра III в отношении населения Великого княжества Финляндского. Последнее обусловлено тем, что результативность решений, принятых императором, зачастую оценивается на основе исторических мифов либо интерпретируется сквозь призму культурного контекста современной эпохи.

Целью данного исследования является комплексная оценка факторов, препятствовавших успешному распространению имперской идентичности на территории Великого княжества Финляндского в период правления Александра III.

2. Материалы и методы

Источниковая база представленного исследования была сформирована в первую очередь за счет привлечения прежде находившихся вне научного оборота документов, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и Российского государственного исторического архива (РГИА). В первом случае речь идет о материалах, отложившихся в фондах 2-го (законодательного) и 3-го (секретного) делопроизводств Департамента полиции Министерства внутренних дел, во втором – о документах Департамента общих дел МВД, канцелярии министра

внутренних дел и личного фонда министра просвещения И.Д. Делянова. В рамках работы над исследованием автор также активно обращался к дореволюционной литературе, посвященной внутренней ситуации в Великом княжестве Финляндском и политике официального Петербурга в отношении данного региона.

Теоретический фундамент исследования был сформирован за счет комбинации психологического и макрополитического подходов к интерпретации феномена идентичности. Методология работы выстроена на основе сочетания элементов дескриптивного, структурного и сравнительного анализа.

3. Обсуждение

В рамках дореволюционной историографии исследуемая нами тема получила сравнительно широкое освещение в контексте изучения национальной политики в отношении жителей Великого княжества. Однако оценка эффективности интеграционной политики в опубликованных в данный период работах во многом носила субъективный характер, отражая специфику политических взглядов авторов. Помимо того, исследователи зачастую широко использовали в качестве первоисточника публицистические материалы, достоверность которых представляется дискуссионной (Гильфердинг, 2009; Липранди, 1909).

В советский период тема получила развитие за счет ввода в научный оборот нового пласта источников, что позволило конкретизировать позицию отдельных представителей высшей бюрократии Российской империи по «финляндскому вопросу» и осмыслить влияние экономических факторов на распространение имперской идентичности в Великом княжестве Финляндском. Однако в то же время оценка ситуации вынуждено выстраивалась в строгом соответствии с базовыми положениями марксизма и точкой зрения младших современников Александра III (Дякин, 1995; Зайончковский, 1970).

В рамках современной историографии заявленная тема подверглась ревизии. Однако ее полномасштабной переоценке на основе принципов объективности и историзма препятствуют сохраняющиеся тенденции во многом конъюнктурной политизации истории правления «царя-мироотворца» и игнорирование многими исследователями современных теорий идентичности (Боханов, 2006; Майорова, 2012).

Соответственно, степень изученности темы свидетельствует о достаточно высоком уровне фундированности вопроса о национальной политике Александра III по отношению к Финляндии в целом. Но в то же время ее характеризует наличие лагун в плане изучения барьеров для эффективной реализации политики идентичности в Великом княжестве, а также осязаемое влияние политизированных версий трактовки событий прошлого и исторических мифов (под которыми в данном случае нужно понимать упрощенные и непротиворечивые варианты интерпретации истории, используемые для обеспечения консолидации той или иной макросоциальной группы).

4. Результаты

Вопреки широко распространенным стереотипам, Александр III не предпринимал мер, направленных на тотальную русификацию Финляндии, и его позиция в данном вопросе отличалась куда большей мягкостью, чем, например, позиция его наследника. В связи с этим весьма примечательно, что многие законодательные нормы, посредством которых Николай II пытался добиться распространения имперской идентичности в Великом княжестве, действительно были разработаны еще при его отце. Однако монарх-мироотворец в итоге отказался от их реализации, поскольку посчитал связанные с этим риски излишне высокими (Миллер, 2007: 335; Мюллер и др., 2017: 205).

Однако в годы своего правления Александр III действительно предпринял ряд шагов, направленный на углубление интеграции Финляндии в империю. В частности, в 1890 г. по воле монарха таможенная и монетная системы Великого княжества были приведены в соответствие с общим законодательством России. Одновременно почтовая система Финляндии была передана в ведение Министерства внутренних дел, а ее сотрудников обязали поднять уровень владения русским языком до свободного. Также на государственные учреждения и коммерческие структуры Финляндии было наложено обязательство принимать в качестве средства расчетов российский рубль. С 1881 г. должность генерал-губернатора Финляндии занимал Ф.Л. Гейден, последовательно проводивший курс на кодификацию законодательства Великого княжества, что заметно ограничивало свободу действий для местных политиков, использовавших неформальные правовые традиции для отстаивания автономии региона (Погодин, 2015: 349; РГИА. Ф. 1287. Оп. 35. Д. 1385. Л. 17-19). В то же время следует отметить, что император наделил местные власти рядом привилегий. В частности, в 1887 г. монарх даровал сейму Великого княжества право законодательной инициативы (Боханов, 2006: 117; Мессарош, 1897: 75-77).

Одновременно был предпринят ряд неоднозначных мер, в конечном счете затруднивший развитие экономической интеграции Финляндии в состав империи, что негативным образом отразилось на ситуации с продвижением общероссийской (имперской) модели идентичности в финском обществе. Так, в 1885 г. были повышены таможенные тарифы на ввоз товаров из

Финляндии в Россию. Данная мера носила, безусловно, протекционистский характер. В частности, за счет этого законодатель рассчитывал защитить российскую промышленность от экспансии финских конкурентов (за период с конца 1850-х до начала 1880-х гг. вывоз промышленной продукции из Великого княжества в «метрополию» вырос в среднем в 26,6 раз). Однако в итоге это привело к переориентации промышленности Финляндии на рынки Германии и Великобритании (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 43. Д. 187. Л. 81; Морозов, 1895: 57-59; Погодин, Рябова, 2016: 342).

Соответственно, меры, предпринятые Александром III, были ориентированы в первую очередь на развитие экономической и административной интеграции Великого княжества Финляндского с «метрополией». И в то же время они лишь ограниченно затрагивали сферу идентичности и массового сознания финского населения. Фактически речь шла лишь о мерах по русификации бюрократического аппарата. Однако эффективной реализации данного проекта, как и в целом распространению имперской идентичности в Великом княжестве Финляндском, препятствовал ряд системнозначимых факторов.

Во-первых, эффективность данного процесса снижалась за счет разнообразных льгот, предоставленных Финляндии еще Александром I и Александром II.

Так, Александр Благословенный на длительное время избавил население вновь присоединенной территории от уплаты налогов и содействовал учреждению Банка Финляндии, что придало импульс развитию национального капитала и, как следствие, активному становлению этнической финской интеллигенции как автономного социального слоя (Погодин, 2015: 349). В рамках торговли с бывшей метрополией (Швецией) были установлены перечни товаров, которые освобождались от уплаты пошлины либо подлежали обложению минимальным сбором. Последнее способствовало сохранению и расширению традиционных экономических связей финской буржуазии со Швецией и с западными государствами в целом, нивелируя потенциал интеграции Финляндии в экономическое пространство Российской империи и снижая заинтересованность местных коммерсантов в налаживании контактов с внутрироссийскими контрагентами (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 43. Д. 156. Л. 73; Сосновских, 2016b: 127).

К моменту начала правления Александра III уровень интеграции Финляндии в военную структуру империи был также невысок. Здесь следует отметить, что за несколько десятилетий до этого, еще в марте 1810 г., войсковые части, укомплектованные этническими финнами, были фактически ликвидированы. Местное население использовалось только при формировании «поселенческих батальонов», существовавших в период 1810–1867 гг. Их численность колебалась в пределах от 700 до 7 тыс. человек. Они не участвовали в боевых действиях за пределами Финляндии и комплектовались почти исключительно местными жителями. Кроме периода 1855–1867 гг., жители Великого княжества вплоть до 1881 г. также могли освободиться от службы в армии посредством выплаты денежного налога, равного полной стоимости содержания солдата (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 78. Д. 72. Л. 73; Липранди, 1909: 47).

Таким образом, армия как институт (также, как и школа, госучреждения и церковь) не играла роль центра распространения имперской идентичности или хотя бы главного фактора ее экспансии – русского языка.

В 1860-х гг. «царь-освободитель» сделал финский язык государственным (намереваясь за счет этого ослабить политическое влияние шведскоговорящей части местных элит). В 1872 г. была проведена школьная реформа, приведшая к созданию системы массового начального образования на национальном языке. Роль валюты в Великом княжестве стала играть финская марка. В 1865 г. она была отделена от рубля и привязана к международному серебряному стандарту, а в 1877 г. – к золотому. Ставки таможенного тарифа Великого княжества с 1877 г. были зафиксированы на уровне заметно ниже общероссийского, что облегчило для местных промышленников закупку дорогостоящего фабричного оборудования за рубежом. Отмена ограничений на лесопиление в 1861 г. и сопутствующее развитие бумагодельного производства способствовали модернизации транспортной системы и косвенно придали импульс развитию товарного сельского хозяйства, одновременно стимулируя рост урбанизации. Новый сеймовый устав 1869 г. открыл возможность создавать в Финляндии политические партии. Военная реформа Д.А. Милютин также не способствовала интеграции Финляндии (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 43. Д. 156. Л. 41; Мессарош, 1897: 41). В соответствии с законом о воинской повинности от 27 декабря 1878 г. укомплектованные жителями Финляндии подразделения сводились в так называемые «финские войска», обладавшие собственной системой управления, снабжения и даже судопроизводства. Примечательно, что смотры финских подразделений регулировались шведскими инструкциями 1794 и 1798 гг. При этом со временем финские подразделения превратились в инструмент давления на Санкт-Петербург со стороны местных националистов. Помимо 6 тыс. бойцов регулярной армии, к ним относилось то же количество резервистов, большая часть которых имела прекрасные навыки обращения с огнестрельным оружием и хорошую лыжную подготовку. На фоне растущего напряжения во взаимоотношениях с Германией и укрепления финского национализма у многих представителей петербургского истеблишмента начали возникать сомнения относительно того, на чьей стороне выступят 12 тыс. вооруженных финнов (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 78. Д. 24. Л. 15; Липранди, 1909: 50).

Ситуацию усугубляла относительно низкая степень инкорпорированности финской аристократии в российскую военную элиту. В начале 1870-х гг. в императорской армии служило лишь около 500 офицеров-выходцев из Финляндии. При этом нужно учитывать, что финскому дворянству была присуща развитая воинская традиция, сформировавшаяся в предшествующие столетия система бостелей (bostall) – освобожденных от налогов поместий, владельцы которых выступали в качестве основного источника комплектования офицерского корпуса. Таким образом, низкая доля выходцев из Финляндии в структуре офицерского корпуса является некой исторической аномалией с учетом того, что участие в многочисленных войнах, которые вела Россия, открывало для представителей финского дворянства широкие возможности с точки зрения карьерного продвижения и вхождения в военную элиту одной из ведущих мировых держав (Симонов, 2003: 24-25).

Таким образом, к моменту начала правления Александра III Великое княжество Финляндское, в течение более 70 лет формально являясь частью империи, так и не было охвачено целостной системой институтов трансляции российской идентичности, таких как сфера образования, армия и церковь. Проводимая Санкт-Петербургом политика способствовала экономическому обособлению Финляндии от России и развитию ее хозяйственных связей со странами Западной и Северной Европы. Интенсивное развитие экономики и создание системы массового образования способствовали резкому увеличению численности этнической интеллигенции и в целом росту национального самосознания финнов. При этом относительно высокий уровень образования (на массовом уровне) и материального благосостояния, а также наличие достаточно широких политических прав по сравнению с большинством русскоязычного населения империи, создавали благоприятные условия для формирования ингруппового фаворитизма (системы представлений о превосходстве собственной социальной общности над прочими) и аутгрупповой дискриминации (комплекса представлений о более низком статусе прочих общественных корпораций) (РГИА. Ф. 1604. Оп. 1. Д. 282. Л. 14; Гильфердинг, 2009: 28).

Таким образом, следует признать, что потенциал нивелирования упомянутых выше препятствий для формирования общероссийской национально-государственной идентичности на территории Финляндии был существенным образом ограничен. Попытки более интенсивной популяризации православия среди населения Финляндии также носили весьма сдержанный характер, поскольку они могли сыграть роль триггера межэтнического конфликта с учетом широкого распространения финского национализма и наличия у его последователей четкого культурного маркера в виде принадлежности к лютеранской церкви. Русификация школы не только представляла собой фактор повышенного риска с политической точки зрения, но и наталкивалась на серьезные барьеры в виде отсутствия кадровой и методологической базы (РГИА. Ф. 1604. Оп. 1. Д. 175. Л. 27; Сосновских, 2016а: 206). Следует помнить о том, что современная система массового начального образования в России начала складываться лишь при Николае II, и потому на время правления его отца поиск достаточного количества русскоязычных преподавателей представлял собой крайне сложную задачу. Тем более что они при этом должны были бы иметь подготовку, необходимую для обучения носителей другого языка. Первая (и единственная) попытка совместного обучения русских и финских воинских частей в летних полевых лагерях в 1893 г. закончилась массовой дракой, участники которой разделились по этническому принципу. Использование инструментов искусственного сдерживания развития экономики Финляндии привело бы к опасному росту недовольства среди всех слоев населения Великого княжества. Попытки развить хозяйственную интеграцию за счет предоставления Финляндии льгот, обеспечивающих местным производителям легкий доступ на внутренний рынок, натолкнулись бы на сопротивление со стороны российских фабрикантов и, вероятнее всего, привели бы к вытеснению промышленников «метрополии» из целого ряда экономических ниш (РГИА. Ф. 1274. Оп. 223. Д. 211. Л. 14; Симонов, 2003: 27).

Соответственно, даже осознавая масштабы и сущность имеющихся проблем, Александр III не мог реализовать комплексную программу распространения общероссийской национально-государственной идентичности в ее имперском варианте, не рискуя спровоцировать острый кризис внутри княжества либо на территории метрополии. Одновременно необходимо подчеркнуть, что реализация ряда проектов требовала бы значительного отвлечения ресурсов от иных, стратегически значимых направлений социально-экономической модернизации государства. И в этой ситуации императором было принято рациональное, на наш взгляд, решение отказаться в среднесрочной перспективе от планов форсированного распространения в Финляндии имперской идентичности. Попытка полноценной интеграции окраинного региона могла бы как осложнить реализацию других стратегических проектов общероссийского уровня, так и создать очаг напряженности в опасной близости от границ с все более враждебной Германией. В сложившейся ситуации оптимальным вариантом объективно оставался курс на частичную интеграцию Великого княжества Финляндского, обеспечивающий сохранение политической лояльности большинства его населения. Правильность данного решения косвенно подтверждают негативные последствия попыток более интенсивной «русификации» Финляндии при Николае II.

Помимо этого, следует учитывать культурный контекст, в рамках которого Александр III был вынужден выстраивать политику идентичности в отношении Финляндии. Данный регион в течение

многих столетий оставался «полем битвы» между Россией и Швецией. При этом необходимо учитывать и то, что реалии военных конфликтов XV–XIX вв. были достаточно суровы: мирное население неизбежно становилось жертвой (в той или иной степени) обеих воюющих сторон, что, в свою очередь, формировало негативный образ российских войск в сознании финского населения и, следовательно, самой империи. Значимость данной проблемы наглядно демонстрирует факт того, что в период войны 1808–1809 гг. в тылу российских войск развернулись широкомасштабные партизанские операции с участием финских крестьян, отличительной чертой которых являлись многочисленные факты крайне жестокого обращения с российскими пленными (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 219. Л. 57; Гильфердинг, 2009: 39). Из-за войн со Швецией Россия во многом превратилась для части финнов в «исторического врага», и специфика мировосприятия аграрно-патриархального на тот момент финского общества обеспечивала высокую ригидность соответствующих стереотипов.

В связи с этим необходимо вспомнить, что Финляндия полностью была завоевана Швецией уже к началу XIV в. Местное население, и в особенности знать, достаточно успешно инкорпорировались в культуру завоевателей. Значительная часть представителей пантеона этнических героев Великого княжества представляет собой не борцов против шведского владычества, а людей, добившихся крупных успехов на службе шведской короне. За счет этого система символов и ценностей, формирующих на массовом уровне коллективный образ прошлого, в случае Финляндии априори носила скорее антироссийский и прошведский характер.

5. Заключение

Можно констатировать, что уже к моменту начала правления Александра III ситуация в Великом княжестве Финляндском сложилась таким образом, что любые активные попытки продвижения имперской идентичности на его территории могли привести к стремительному росту политической нестабильности в регионе и, как следствие, усилению внешней опасности на западных границах России.

Это положение вещей было обусловлено в первую очередь воздействием двух факторов. С одной стороны, политика Александра I и Александра II в отношении Финляндии способствовала развитию сначала культурного, а потом и политического финского национализма. Традиционные институты социализации и распространения имперской идентичности, такие как школа и армия, были осознанно обособлены. Использование влияния православной церкви в качестве ресурса распространения идентичности купировалось традиционно высоким авторитетом лютеранства в Финляндии как стержневого компонента этноконфессиональной самоидентификации финнов. Экономическая система Великого княжества Финляндского все больше обретала обособленный характер и ориентировалась на европейские рынки. Одновременно экономический рост, во многом обусловленный предоставленными Финляндии льготами, способствовал увеличению численности этнической интеллигенции, укреплению системы массового образования на национальном языке, повышению уровня жизни и формированию установок аутгрупповой дискриминации по отношению к большинству других этносов, населявших Российскую империю. С другой стороны, в силу специфики исторического пути Финляндии Россия и русские отображались в культурной памяти местного населения преимущественно в качестве «чужих». В этой ситуации отказ Александра III от реализации идеи форсированного распространения имперской идентичности в Финляндии, сочетавшийся с «точечными» реформами, представлял собой оптимальный вариант действий со стороны центральных властей империи.

Литература

- Баглай, 2016 – Баглай С.С. Особенности национальной политики в период правления Александра III и Николая II / *Молодежь третьего тысячелетия. Сборник научных статей*. 2016. С. 798-801.
- Боханов, 2006 – Боханов А.Н. Император Александр III. 4-е изд. М., 2006. 509 с.
- Вортман, 1999 – Вортман Р. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // *РОССИЯ/RUSSIA*. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. М.: ОГИ, 1999. С. 233-244.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Гильфердинг, 2009 – Гильфердинг А.Ф. Россия и ее инородческие окраины на западе // *Россия и славянство*. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 278-295.
- Дякин, 1995 – Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // *Вопросы истории*. 1995. № 9. С. 130-142.
- Зайончковский, 1970 – Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. 444 с.
- Кудряшев, 2013 – Кудряшев В.Н. Идея русской нации в общественно-политической мысли России второй половины XIX в.: проблемы национальной идентичности // *Сибирские исторические исследования*. 2013. № 1. С. 58-66.
- Липранди, 1909 – Липранди А.П. Финляндский вопрос. СПб., 1909.

- Майорова, 2012 – Майорова Е.И. Александр III – богатырь на русском троне. М., 2012. 284 с.
- Мессарош, 1897 – Мессарош П.И. Финляндия – Государство или Русская Окраина? СПб., 1897.
- Миллер, 2007 – Миллер А.И. Русский национализм в империи Романовых // Национализм в мировой истории. М., 2007. С. 332-350.
- Миронов, 2003 – Миронов Б.Н. Социальная история периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2003. Т. 1. 547 с.
- Морозов, 1895 – Морозов П. Финляндия в торгово-промышленном отношении. СПб., 1895.
- Мюллер и др., 2017 – Мюллер А.М., Рябова А.Л., Саблина М.А. Национальная политика Александра III // Россия в глобальном мире. 2017. № 11 (34). С. 201-208.
- Погодин, 2015 – Погодин С.Н. Фенномания и процесс становления национальной самосознания в Российской Империи в XIX веке // Международные отношения и диалог культур. 2015. № 3(2014). С. 347-356.
- Погодин, Рябова, 2016 – Погодин С.Н., Рябова А.Л. Первый период русификации Финляндии (1899-1905 гг.) // Россия в глобальном мире. 2016. № 9(32). С. 338-348.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Симонов, 2003 – Симонов В.А. Национальная политика Российской империи на территории Великого княжества Финляндского и реформирование власти в субъектах Российской Федерации // Региональная и местная власть: проблемы реформирования. Омск, 2003. С. 6-53.
- Сосновских, 2016а – Сосновских А.В. Национальная политика к началу XX века и ее влияние на развитие кризисной ситуации в Российской империи // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 1(14). С. 205-207.
- Сосновских, 2016б – Сосновских А.В. Национальная политика Российской империи в отношении Финляндии в период конца XIX – начала XX века и ее влияние на развитие кризисной ситуации в государстве // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. 2016. № 11. С. 125-129.
- Уикс, 2015 – Уикс Т.П. Затишье между бурями // Родина. 2015. № 2. С. 69-71.

References

- Baglai, 2016 – Baglai, S.S. (2016). Osobennosti natsional'noi politiki v period pravleniya Aleksandra III I Nikolaya II [Features of national policy during the reign of Alexander III and Nicholas II]. *Molodezh' tret'ego tysyacheletiya. Sbornik nauchnykh statei*. Pp. 798-801. [in Russian]
- Bokhanov, 2016 – Bokhanov, A.N. (2006). Imperator Aleksandr III [Emperor Alexander III]. 4-e izd. M., 509 p. [in Russian]
- Dyakin, 1995 – Dyakin, V.S. (1995). Natsional'nyi vopros vo vnutrennei politike tsarizma (XIX v.) [The national question in the internal politics of tsarism (XIX century)]. *Voprosy istorii*. 9: 130-142. [in Russian]
- GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State archive of the Russian Federation].
- Gil'ferding, 2009 – Gil'ferding, A.F. (2009). Rossiya I ee inorodcheskie okrainy na zapade (Russia and its foreign suburbs in the west). *Rossiya i slavyanstvo*. M., Pp. 278-295. [in Russian]
- Kudryashev, 2013 – Kudryashev, V.N. (2013). Ideya russkoe natsii v obshchestvenno-politicheskoi mysli Rossii vtoroi poloviny XIX v.: problemy natsional'noi identichnosti [The idea of the Russian nation in the socio-political thought of Russia in the second half of the 19th century: problems of national identity] *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 1. Pp. 58-66. [in Russian]
- Liprandi, 1909 – Liprandi, A.P. (1909). Finlyandskiivopros [Finnish question]. SPb. [in Russian]
- Maierova, 2012 – Maierova, E.I. (2012). Aleksandr III – bogatyr' narusskomtrone [Alexander III is a hero on the Russian throne]. M., 284 p. [in Russian]
- Messarosh, 1897 – Messarosh, P.I. (1897). Finlyandiya – Gosudarstvo ili Russkaya Okraina? [Finland – State or Russian Outskirts?]. SPb. [in Russian]
- Miller, 2007 – Miller, A.I. (2007). Russkii natsionalizm v imperii Romanovykh. Natsionalizm v mirovoi istorii [Russian nationalism in the Romanov empire]. M., pp. 332-350. [in Russian]
- Mironov, 2003 – Mironov, B.N. (2003). Sotsial'naya istoriya perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) [The social history of the period of the empire (XVIII – beginning of the twentieth century)]. В 2 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб., Vol. 1. 547 p. [in Russian]
- Morozov, 1895 – Morozov, P. (1895). Finlyandiya v torгово-promyshlennom otnoshenii [Finland in trade and industry]. SPb. [in Russian]
- Myuller i dr., 2017 – Myuller, A.M., Ryabova, A.L., Sablina, M.A. (2017). Natsional'naya politika Aleksandra III [National policy of Alexander III]. *Rossiya v global'nom mire*. 11(34): 201-208. [in Russian]
- Pogodin, 2015 – Pogodin, S.N. (2015). Fennomaniya i protsess stanovleniya natsional'nogo samosoznaniya v Rossiiskoi Imperii v XIX veke [Fennomania and the process of formation of national identity in the Russian Empire in the XIX century]. *Mezhdunarodnye otnosheniya i dialog kul'tur*. 3: 347-356. [in Russian]

Pogodin, Ryabova, 2016 – Pogodin, S.N., Ryabova, A.L. (2016). Pervyi period rusifikatsii Finlyandii (1899–1905 gg.) [The first period of Russification of Finland (1899–1905)]. *Rossiya v global'nom mire*. 9(32): 338-348. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].

Simonov, 2003 – Simonov, V.A. (2003). Natsional'naya politika Rossiiskoi imperii na territorii Velikogo knyazhestva Finlyandskogo I reformirovanie vlasti v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii [National policy of the Russian Empire on the territory of the Grand Duchy of Finland and the reform of power in the constituent entities of the Russian Federation]. *Regional'naya i mestnaya vlast': problem reformirovaniya*. Omsk, Pp. 6-53. [in Russian]

Sosnovskikh, 2016a – Sosnovskikh, A.V. (2016). Natsional'naya politika k nachalu XX veka i ee vliyanie na razvitie krizisnoi situatsii v Rossiiskoi imperii [National policy by the beginning of the 20th century and its impact on the development of the crisis in the Russian Empire]. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*. T. 5. 1(14): 205-207. [in Russian]

Sosnovskikh, 2016b – Sosnovskikh, A.V. (2016). Natsional'naya politika Rossiiskoi imperii v otnoshenii Finlyandii v period kontsa XIX – nachala XX vekov i ee vliyanie na razvitie krizisnoi situatsii v gosudarstve [The national policy of the Russian Empire in relation to Finland during the late XIX – early XX centuries and its influence on the development of the crisis in the state]. *Sotsial'no-ekonomicheskie nauki i gumanitarnye issledovaniya*. 11: 125-129. [in Russian]

Uiks, 2015 – Uiks, T.R. (2015). Zatish'e mezhduburyami [The lull between storms]. *Rodina*. 2: 69-71. [in Russian]

Vortman, 1999 – Vortman, R. (1999). «Ofitsial'naya narodnost'» I natsional'nyi mif rossiiskoi monarkhii XIX veka [Political and economic situation of Jews in Russia]. *ROSSIYA/RUSSIA*. 3(11): *Kul'turnye praktiki v ideologicheskoi perspektive*. M., Pp. 233-244. [in Russian]

Zaionchkovskii, 1970 – Zaionchkovskii, P.A. (1970). Rossiiskoe samodержavie v kontse XIX stoletiya [Russian autocracy at the end of the XIX century]. M., 444 p. [in Russian]

Формирование общероссийской имперской идентичности в Великом княжестве Финляндском в период правления Александра III: исторические контексты и политические ограничения

Виктор Валериевич Титов ^{а,*}

^а Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Российская Федерация

Аннотация. Представленное исследование посвящено изучению факторов, препятствовавших эффективной реализации политики по продвижению имперской формы национально-государственной (общероссийской) идентичности в Великом княжестве Финляндском в период правления Александра III. Целью данного исследования является комплексная оценка факторов, выступавших в качестве препятствий для успешного распространения имперской идентичности на территории Финляндии в период правления Александра III. Источниковая база работы включает в себя материалы Государственного архива Российской Федерации (из фондов Департамента полиции МВД) и Российского государственного исторического архива (из фондов Департамента общих дел МВД, канцелярии министра внутренних дел и личного фонда министра просвещения И.Д. Делянова). Методология работы выстроена на основе комбинации элементов дескриптивного, структурного и сравнительного анализа. Автор приходит к выводу, что уже к началу правления Александра III политика его предшественников обусловила возникновение ситуации, при которой реализация комплексной программы продвижения имперской идентичности в Финляндии была чревата подрывом внутривнутриполитической стабильности в России. Были сформированы благоприятные условия для развития финского национализма сначала в культурной, а затем и политической форме. Великое княжество оказалось в значительной степени обособлено от России экономически. При этом рост уровня жизни, обусловленный предоставленными Финляндии льготами, наряду с созданием системы массового образования, способствовал формированию аутистической дискриминации в отношении прочих подданных империи. Традиционные институты распространения идентичности (школа, армия, церковь) были обособлены. Ситуацию усугубляло сохранение в культурной памяти финнов образа «русского врага». Как следствие, император был вынужден выбрать курс ограниченных реформ за счет отказа от полноценной интеграции Финляндии в политико-культурное пространство Российской империи.

Ключевые слова: Александр III, национальная политика, «национальный вопрос», национально-государственная идентичность, имперская идентичность, Финляндия, культурная память.

* Корреспондирующий автор

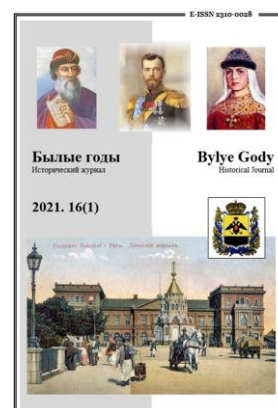
Адреса электронной почты: VVTitov@fa.ru (В.В. Титов)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 146-158.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.146
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The First Conflict over the Administrative Boundary Line Yekaterinoslav Province and Don Host Oblast: Experience of Historical Reconstruction

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, b, *}, Nikolay A. Trapsh ^c

^a Cherkas Global University (International Network Center for Fundamental and Applied Research), Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract

This article examines the first border conflict between the power structures of the Yekaterinoslav province and the Don Host Oblast, which began in the 1820s, developed for more than 10 years and was documented in differentiated sources. The involved empirical material made it possible to reconstruct in detail the complex relationships between two adjacent administrative subjects of the Russian Empire, the real features of land management practice in the regional space, and the specific features of the local bureaucracy. In particular, the author's reconstruction of individual managerial contacts between the executive branch and judicial institutions, illustrating the insufficiently effective coordination of joint actions, is of considerable interest. The collected facts made it possible to establish a systemic connection between the internal socio-political processes that developed during the period under review in the Don Army Region and the external ties of regional power structures. Special attention should be paid to local stories related to open and latent conflicts between the military authorities and the highest imperial administration, which led to a further reduction in the administrative powers of the local elite. It should be noted that a number of portrait sketches characterizing regional officials, for example, the military chieftain D.E. Kuteinikov, and allowing to organically illustrate synchronous administrative processes. The presented article is based on authentic archival materials, a significant part of which is being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: border, Yekaterinoslav province, Don Host Oblast, conflict, power, land surveying, ataman, official, administration, chancellery.

1. Введение

Территориальные споры, актуализирующие социально-политические процессы, являются традиционным исследовательским объектом исторической науки. В XIX столетии подобные споры были естественной частью административной практики, относящейся к земельному межеванию и практическому взаимодействию имперских субъектов. Территориальные споры Екатеринославской губернии и области Войска Донского нередко сопровождались открытыми конфликтами, в которых были задействованы не только местные власти, но и высшие органы Российской империи (Милютин 1947: 183; Милютин 1949: 25). Как представляется, значительный интерес представляет принципиальный вопрос о нижней хронологической границе конфликтной практики, позволяющий адекватно реконструировать разнообразные проблемы социально-экономического и политического характера. Следует учитывать также и то существенное обстоятельство, что общественная и правовая актуальность территориальных споров XIX столетия экстраполируется и в современные условия, связанные с трансграничным взаимодействием независимых государств.

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko), dukekeleshbey@gmail.com (N.A. Trapsh)

Специальное исследование избранной проблемы представляет и серьезный источниковедческий интерес, предполагающей комплексное изучение дифференцированных документальных комплексов атаманской канцелярии Войска Донского, значительная часть которых до настоящего времени не введена в научный оборот. Последовательный анализ отдельных дел, хранящихся в профильном фонде Государственного архива Ростовской области, привел к системной реконструкции поистине фарсовой истории, связанной с первым территориальным конфликтом между Екатеринославской губернией и Землей Войска Донского, наглядно демонстрирующим объективные трудности практического управления чересполосным краем. Необходимо отметить, что рассмотренные события отчетливо иллюстрируют не только сложную практику административного взаимодействия, но и оригинальную систему войскового управления, действовавшую до 1835 г., и своеобразные нравы донских чиновников первой половины XIX в.

2. Материалы и методы

2.1. Источниковую базу представленного исследования составили опубликованные и архивные материалы документального характера, а также отдельные нарративные источники (Новицкий, 1991; N..., 1875). Эмпирический материал был реконструирован в результате последовательного изучения отдельных разделов профильного фонда 46 «Атаманская канцелярия (канцелярия войскового наказного атамана)» Государственного архива Ростовской области (ГАРО), в том числе дела 484 «Дело об установлении границы между Екатеринославской губернией и землей войска Донского», дела 491 «Указы департамента военных поселений (1839 г.)», дела 513 «Указы департамента военных поселений (1843 г.)» и дела 1130 «Дело о присоединении Миусского округа к проектируемой Таганрогской губернии». Отдельные факты, осмысленные в рамках авторской концепции, были привлечены из неопубликованных материалов отдела рукописей Российской государственной библиотеки, а также документального сборника, посвященного пограничным спорам России и Украины в 20-е гг. XX столетия (Галкин, 2015).

2.2. Методологическая модель предлагаемого исследования сложилась на основе традиционного подхода, связанного с системным использованием компаративистских, генетических и функциональных приемов комплексного изучения эмпирического материала. Значительное внимание было уделено текстологическому анализу выявленных документов, имеющих существенные содержательные особенности. В отдельных случаях реконструированные факты подвергались перекрестной проверке, опирающейся как на синхронные исторические свидетельства, так и на объективные результаты предшествующей исследовательской практики. Применительно к системному изучению отдельных фактов и личностей авторская концепция предполагает активное использование микроисторических методов, предложенных известным французским исследователем Э. Ле Руа Ладюри и связанных с целенаправленным восстановлением целостного социального явления по дифференцированным фрагментам (Ле Руа Ладюри, 2001).

3. Обсуждение

Избранная проблема впервые в отечественной историографии рассматривается в комплексном формате, но объективное отсутствие предшествующих специальных работ не означает принципиального отрицания реальной значимости исследовательского опыта отдельных предшественников. Территориальные споры в рассматриваемом регионе вызывали серьезный интерес в контексте политических процессов 20-х гг. XX столетия, связанных с официальной демаркацией административной границы РСФСР и УССР в Приазовском крае. В данном ракурсе можно выделить известные публикации Е.Ф. Кринко и М.В. Медведева, посвященные официальной передаче Таганрогского и Шахтинского округов РСФСР (Krinko, Medvedev, 2015a: 204-219; Krinko, Medvedev, 2015b: 288-295). Кроме того, значительный интерес представляют профильные работы луганского историка И.Е. Татаринова, целенаправленно изучавшего сложный комплекс трансграничных проблем (Krinko, Татаринов, 2014: 639-644; Татаринов, 2019a: 47-55, Татаринов, 2019b: 103-113). Однако, как это часто бывает, предыстория данных событий остается почти не изученной историками. Хотя общеизвестно, что часть Екатеринославской губернии с Ростовом-на-Дону, Нахичеванью-на-Дону, Таганрогом и Азовом в конце XIX в. вошла в состав области Войска Донского, серьезных исследований, специально посвященных процессу территориальной трансформации Приазовья того времени, не существует до сих пор. Между тем пограничные споры и связанные с ними попытки территориальных изменений на этой территории продолжались как минимум с 1820 гг. по 1880 гг. Многие из этих споров были интересны сами по себе: например, как мы показали в одной из предыдущих статей, в 1870 гг. министр внутренних дел Российской империи А.Е. Тимашев утверждал, будто бы малороссы западных территорий Донского Войска не желают жить под властью казачьей администрации, и на этом основании призывал создать отдельную Таганрогскую губернию из восточных территорий губернии Екатеринославской и западных территорий области Войска Донского (Перетяцько, 2016: 448-456).

4. Результаты

Сложно сказать, с какого именно момента начались споры по поводу границы между Екатеринославской губернией и Землей Войска Донского. Дело в том, что в конце XVIII – начале XIX вв. сама система управления Донским краем только формировалась, и документооборот официальных учреждений не был в должной степени структурирован. Например, даже после введения в действие «Положения об управлении Донского войска» от 1835 г., регламентировавшего большую часть сфер жизни казачества, в 1839–1843 гг. Департамент военных поселений трижды менял инстанцию, куда донские власти должны были посылать финансовые отчеты, сперва предписав направлять их главному контролеру (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 491. Л. 93–94), затем в Министерство внутренних дел (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 491. Л. 104), а затем в Военное министерство (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 513. Л. 34). Кроме того, в 1858 г. войсковой архив горел, причем «этим пожаром было уничтожено 10 000 связок, заключавших 335 254 дела» (Стефанов, 1927: 16–22). Современники, возможно несколько преувеличивая масштаб катастрофы, утверждали, что «пропали все главнейшие исторические памятники XVIII столетия» (Краснов, 1863: 3). Таким образом, вполне вероятно, что информация о первых конфликтах между войсковыми и губернскими учреждениями просто не дошла до нас, и спор о том, где проходит граница казачьих областей и малороссийских губерний, возник еще раньше.

Не сохранились и первоначальные документы о первом подобном конфликте. Тем не менее о них достаточно подробно рассказывается в отчете войсковой канцелярии атаману Д.Е. Кутейникову от 3 ноября 1832 г. К сожалению, данный документ плохо сохранился, и местами его просто невозможно прочесть. И все же из него видно, что 15 сентября 1826 г. ростовский земский суд потребовал от войска прислать землемера для исправления «межи города Азова по реке Дону с Войском Донским» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 1).

Дальнейшие события хорошо объясняют как причины конфликтов между войсковыми и губернскими властями, так и то, почему вообще с 1830 гг. регулярно ставился вопрос о необходимости устранения чересполосицы между Землей Войска Донского и Екатеринославской губернией в Приазовье. Войсковая канцелярия ничего против пересмотра межи не имела и уже 30 октября 1826 г. приказала послать для выполнения этой задачи землемера Быхалова и чиновника Кунделекова (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 1об.). Однако затем началась полная неразбериха, хорошо иллюстрирующая уровень компетенции и ответственности донских чиновников того времени: Кунделеков не успел даже начать выполнения возложенной на него миссии, как был переведен на другую должность и заменен неким Калининым; но и Калинин мог заняться обмером межи не ранее, как закончив работу в особой комиссии в Старочеркасской станице; так дело протянулось до 1828 г., когда выяснилось, что Калинин в комиссии уже не состоит, но и к выполнению интересующей нас миссии не приступил; после этого ему и Быхалову было предписано срочно начать работы, однако теперь уже Быхалов уведомил начальство, что «хотя и следовало ему съезжать к поновлению межи города Азова с Войском Донским, но <...> он от означенной должности войскового землемера уволен» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 1об.-2).

Таким образом, войсковые власти фактически на ровном месте оттянули исполнение просьбы ростовского земского суда на два года. И подобные случаи вопиющей некомпетентности и халатности донских чиновников, тогда еще не назначавшихся, а избравшихся донскими дворянами, были типичны. Как раз незадолго до интересующих нас событий, в 1823 г., будущий военный министр российской империи А.И. Чернышев констатировал: «Многие из них (донских чиновников – Авт.) достойные, но недостаточные по своим способам часто не могли присутствовать при выборах и сами быть избираемы единственно потому, что за отдаленностью жительства своего от города и по трудному переезду не могли в оном быть, или неправильно от сего устранялись поводом войсковой власти. От сего в выборах к должностям участвовали не все чиновники войска, и нередко жребий падал на людей, не имеющих общего к себе доверия» (Столетие военного..., 1902: 275–276). Бесспорно, А.И. Чернышев не был беспристрастен по отношению к донским казакам, однако даже в 1867 г. начальник Главного управления иррегулярных войск Н.И. Карлгоф отмечал, что обязательная служба, не предполагавшая возможности выхода в отставку, глубоко развращает верхушку Донского Войска, поскольку «большинство офицеров, зная, что их не могут выгнать, нисколько не дорожат своей репутацией и ведут себя дурно» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 23. Ед. 19. Л. 16). Служивший в те же 1860 гг. чиновником для особых поручений при донском атамане В.Д. Новицкий видел донскую элиту и на военной, и на гражданской службе. По его словам, до милютинских реформ нередко были случаи, когда «полк входил в пределы войска без командира полка, который, укрываясь, из боязни, от казаков полка (не получавших положенных денег на службе – Авт.), исчезал в неизвестное пространство» (Новицкий, 1991: 56). Состоящие же на управленческих должностях казачьи чиновники и вовсе «на войсковую казну и собственность смотрели легко и зачастую приобретали право на эту собственность всевозможными незаконными путями и способами» (Новицкий, 1991: 53). Понятно, что в этих условиях ждать от основной массы донских чиновников дисциплины и исполнительности не приходилось.

Рис. 1. Карта спорных земель (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 81)

Но и когда в 1829 г. войсковой чиновник Щедров и землемер Груднев приступили к работам, ситуация не улучшилась. 9 октября 1829 г. они доносили, что дважды выезжали на межу и трижды посылали в ростовский земский суд отношения о присылке чиновников с его стороны, однако ответа так и не получили (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 4). Тем не менее никаких мер принято не было до 1831 г., когда уже Щедров был назначен на новое место и должен был сдать дела другому чиновнику, Леонову (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 40б.). И тогда войсковая канцелярия приняла достойное всего хода дела решение: 10 октября 1831 г. она постановила, что раз ростовский земский суд на связь не выходит, то необходимости в изменении границы между Землей Войска Донского и Екатеринославской губернии больше нет, о чем и следует известить этот суд (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 40б.). Однако на самом деле екатеринославские власти по-прежнему считали необходимым пересмотр границы, просто, как мы увидим ниже, инициатива в этом вопросе исходила вовсе не от ростовского земского суда, который выступал только посредником, а от азовской посадской ратуши, в которую донские чиновники обратиться не догадались. И 7 июня 1832 г. уже эта ратуша, устав ждать, прямо затребовала давно ею ожидаемых войскового чиновника и землемера для исправления межи, ссылаясь на требования ростовского земского суда от 15 сентября 1826 г. (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484.

Л. 1). 3 ноября войсковая канцелярия снова согласилась принять это требование, обвинив в произошедших «упущениях» исключительно черкасское сыскное начальство, которое должно было непосредственно контролировать пересмотр межевания (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 40б.).

Таким образом, еще четыре года оказались потеряны из-за отсутствия адекватных контактов между высшими войсковыми и губернскими властями. Как видно из описания событий выше, дело вообще велось крайне странно: со стороны Екатеринославской губернии пересмотра границы требовали самые низшие инстанции, земский суд и посадская ратуша, а со стороны Земли Войска Донского войсковая канцелярия реагировала на их предписания, но сама на прямой контакт с какими-либо государственными органами Екатеринославской губернии не выходила, оставляя организацию этого контакта чиновникам, непосредственно занимавшимся размежеванием. Тут уместно снова указать на то, что такое положение дел было типично, и позднейшее официальное «Столетие Военного Министерства» констатировало, что в начале XIX в. на Дону «отсутствовали точные и определительные законодательные положения, взамен которых войсковые учреждения, во многих случаях, руководствовались устаревшими, малоизвестными и часто противоречивыми обычаями и распоряжениями прежних войсковых атаманов» (Столетие военного министерства, 1902: 158). Кстати, и введение в действие «Положения об управлении Донского войска» от 1835 г. не устранило сложностей при сношениях с администрацией Екатеринославской губернии. Дело в том, что почти сразу после принятия этого законодательного акта, в 1837 г., был издан высочайший указ, согласно которому по большинству дел, выходящих за пределы его компетенции, войсковое начальство должно было обращаться в Военное министерство, чтобы «от Министерства сего зависели уже сношения с другими Министерствами» (Столетие военного министерства, 1902: 270). В итоге Екатеринославская губерния и Земля Войска Донского оказались подчинены различным министерствам, не всегда имевшим хорошие отношения между собой, и проблемы между этими регионами, включая и территориальные, постепенно стали решаться не напрямую, а с привлечением имперских властей (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1130. Л. 1-7).

Впрочем, в 1830 гг. взаимодействию губернских и земских властей мешало еще не подчинение разным министерствам, а банальная неорганизованность и своеобразное чиновничье высокомерие. В 1833 г. события прежних лет повторились: 19 апреля посланные войском для размежевания чиновники вместо того, чтобы вступить в адекватный контакт с екатеринославскими властями, снова напрямую обратились в ростовский земский суд, поставив его перед тем фактом, что они планируют начать размежевание 1 мая и ждут на эту дату чиновников противоположной стороны в Елисаветовской станице (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 60б.). Напомним, что донские власти искали чиновников для размежевания два года, а за изменение границы ратовала азовская посадская ратуша, а вовсе не ростовский суд. Поэтому вполне предсказуемо, что, когда 1 мая донские чиновники прибыли в Елисаветовскую станицу, они не обнаружили там екатеринославских чиновников и пожаловались в черкасское сыскное начальство (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 60б.). Это начальство полностью их поддержало, еще и распорядилось «понудить» чиновников ростовского суда к «самоскорейшей и неременной явке» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 70б.-8). Только после этого, 2 и 15 мая, войсковая канцелярия догадалась, наконец, поставить в известность обо всем происходящем екатеринославского губернатора (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 11).

Нужно сказать, что на этот момент екатеринославские власти были готовы на доброжелательное сотрудничество с властями донскими и немедленно согласовали назначение со своей стороны конкретных чиновников для уточнения границы. Ими стали дворянский заседатель Мускут и землемер Шаржинский (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 13). Однако и это ничуть не помогло найти контакт представителям соседних регионов. Черкасское сыскное начальство вместо продолжения доброжелательного диалога послало Мускуту и Шаржинскому ультимативную «просьбу» о «скорейшем прибытии для межевания» в установленное этим начальством место (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 13). Ответ был предсказуем: землемер Шаржинский сообщил, что, во-первых, он имеет предписание проводить размежевание только с ростовским предводителем дворянства, который в настоящее время занят; а во-вторых, и сам Шаржинский в настоящее время по приказу новороссийского генерал-губернатора М.С. Воронцова прикомандирован к Таганрогскому градоначальству, где выполняет срочные работы (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 130б.).

Именно с этого момента то, что начиналось как простое недопонимание, начало приобретать черты настоящего конфликта. 15 июня 1833 г. в документах впервые появляется жалоба казаков на нарушение границы жителями Екатеринославской губернии. Хорунжий Беспалов докладывал, что при подготовке к межеванию он принял эту жалобу от жителей косы Елисаветовской станицы, которые возмущались тем фактом, что кагальницкие поселяне «покосили в настоящее время траву в гирлах Дона на Песчаном и Бирючем островах, принадлежащих Донскому Войску» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 14). После этого назначенные для межевания донские чиновники Решетников, Беспалов и Груднев заявили о необходимости ставить вопрос не только о проведении границы между Землей Войска Донского и Екатеринославской губернией, но и о «произведении следствия о наказанном ростовскими жителями на войсковой земле» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 140б.).

Судя по всему, эта информация вызвала беспокойство войсковых властей и понудило активно вмешаться в ситуацию самого донского атамана Д.Е. Кутейникова. За 1833 г. он несколько раз просил екатеринославского губернатора Н.М. Лонгинова обеспечить своевременную явку своих чиновников, причем губернатор, в свою очередь, поддержал эту просьбу и несколько раз приказывал ростовскому земскому суду ускорить присылку заседателя Мускута для межевания (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 23а, 25). Суд, однако, не торопился; да и едва ли его представитель мог что-то сделать без землемера, занятого по указанию генерал-губернатора в Таганроге. Роли, по сравнению с концом 1820-х – началом 1830-х гг. поменялись: теперь войсковые власти, осознавшие, что крестьяне пользуются войсковой землей в гирлах Дона, требовали срочно принять меры, а екатеринославские чиновники не слишком торопились выезжать к меже, ссылаясь на занятость. Но принципиального конфликта из-за границы все еще не наблюдалось: напротив, 30 октября 1833 г. екатеринославское губернское правление в очередной раз информировало Д.Е. Кутейникова о том, что принимает меры к скорейшему решению проблемы и теперь пытается заменить Шаржинского другим землемером или добиться немедленного выполнения им работы (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 32-33).

Обострить ситуацию хотели скорее донские низовые чиновники, особенно хорунжий Беспалов, 11 ноября 1833 г. подавший атаману рапорт. В его интерпретации выходило, что с 1818 г. войсковые власти пытаются защитить казачьи довольствия от использования крестьянами устья Дона, и только неявка екатеринославских чиновников препятствует этому благому делу (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 34). Правда, даже из текста его рапорта становится ясно, что ситуация была не столь однозначной и, возможно, прежняя неторопливость местных властей в деле размежевания была связана и с личной выгодой. Во всяком случае, как сообщал Беспалов, многие казаки и калмыки соглашались пускать крестьянский скот на выгоны под видом своего, получая за это от одного до десяти рублей (очевидно, в год) (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 34об.). Екатеринославские власти согласились и с этим обвинением: 8 декабря 1833 г. года лично Н.М. Лонгинов признал факт использования крестьянами казачьих земель и в очередной раз заверил Д.Е. Кутейникова, что просьба помочь и принять меры отправлена во все соответствующие инстанции, включая ростовский суд и азовскую посадскую ратушу (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 37-37об.).

Рис. 2. Генерал от кавалерии, наказной атаман и кавалер Дмитрий Ефимович Кутейников (Военная галерея 1812 года. СПб., 1912. С. 37)

Однако новый 1834 г. начался с дальнейшей экспликацией конфликта. Начальник приморской войсковой команды 9 января сообщил Д.Е. Кутейникову, что крестьяне игнорируют попытки препятствовать нарушению границы (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 38). С «буйством и угрозами» нарушители просто отказывались подчиняться властям, ссылаясь на некую «позволительность» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 38). Да и сам начальник признавал, что в местах, где «нет признаков граничных», крестьяне издавна считают «часть земли донской своею» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 38-38об.). На этом фоне к 29 марта 1834 г. Д.Е. Кутейников соглашался уже на то, что дату и место

встречи для пересмотра границы выберут екатеринославские чиновники, а донские будут готовы прибыть на встречу с ними (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 420б.). Но 13 апреля того же года войсковая канцелярия вынесла очень своеобразное решение, в котором, вопреки предыдущим документам (и в полном согласии с рапортом хорунжего Беспалова), впервые заявила, что вопрос об уточнении границы с Екатеринославской губернией был поднят ими не в 1826 г. из-за требования ростовского земского суда, а еще в 1818 г. из-за «вторжения губернских жителей землями своими на землю войсковую» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 480б.). Данное утверждение выглядит сомнительным прежде всего потому, что в нарушение обычной практики при этом не было приведено ссылок на номера и даты соответствующих документов. В любом случае члены канцелярии потребовали от екатеринославских властей немедленно прислать чиновников для пересмотра границы в указанное донскими властями место, грозясь в противном случае, независимо от позиции атамана, «жаловаться правительствующему сенату» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 49-490б.).

На фоне начавшегося конфликта чиновников соседних регионов, забеспокоились и в войсковой чертежной. Еще в 1833 г. в нее обратилась войсковой землемер Груднев, вполне резонно указывая, что ему предстоит уточнить не «частную», а «губернскую» границу, и потому необходимо точно знать, где она должна проходить, а для этого необходима «межевая книга» с «подробным назначением и описанием» межи (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 520б.). После всего описанного выше не удивительно, что в войсковой чертежной соответствующей информации не нашли, да еще и отметили, что Грудневу должно было быть известно, что подобных документов в войсковых учреждениях просто нет (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 520б.). А 5 июня 1834 г. войсковая чертежная сообщила вышестоящим властям, что границы Земли Войска Донского с Екатеринославской губернией проводились в 1803 г. ростовским уездным землемером, который передал войсковым чиновникам только копию с итогового плана (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 52-53).

Только 16 июля 1834 г. в войсковую канцелярию, наконец, отписал «неуловимый» ростовский земский суд. Из него пришел рапорт Д.Е. Кутейникову, как ни в чем ни бывало сообщавший, что чиновник и землемер от суда, наконец, получили «строгое предписание» связаться со своими коллегами с казачьей стороны, а разбирательство по поводу захваченного на донской земле сена уже ведется (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 57-58). Возможно, это произошло даже не из-за активности донских чиновников, но благодаря азовской посадской ратуше, в мае 1834 г. обратившейся к екатеринославским властям и, похоже, разъяснившей им суть проблемы. Представители ратуши сообщали, что неудобства из-за неверно проведенной границы с Землей Войска Донского испытывали именно они: «От Елисаветовской станицы усиленным образом продолжается лов рыбы на реке Дону в местах, принадлежащих посаду Азову, под тем предлогом, что те места принадлежат одной станице» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 60). Соответственно, ратуша тоже задавала вопрос о том, почему проведение границы так затянулось, но, в отличие от донских чиновников, просто просила екатеринославские губернские власти указать время и место предполагаемого размежевания, чтобы выслать на него и своего депутата (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 600б.).

Таким образом, на первый взгляд странное поведение екатеринославских властей оказалось вполне объяснимым. Пересмотра границы, как мы уже отмечали выше, хотела преимущественно азовская посадская ратуша, в 1832 г. заново открывшая вроде бы уже законченное за ненадобностью дело о нем. И не только войсковые власти до получения известия о незаконном пользовании крестьянами земли, но и екатеринославские губернские власти, и даже ростовский земский суд не испытывали особой нужды в проведении окончательной границы, и поэтому затягивали начало работ. Возможно, дело было и в желании чиновников наживаться на покрытии незаконного пользования землей (вспомним оплату за выпас крестьянского скота на казачьих полях), и в страхе перед тем, что документы о правильном положении границы утеряны, что вскроется при новом размежевании. В любом случае все эти проблемы затянули дело на восемь лет, и только к 1834 г. войсковая канцелярия и ростовский земский суд смогли выйти на связь друг с другом.

Однако даже в этих условиях, когда вроде бы все стало ясно, чиновники продолжили своеобразный, доходящий уже до абсурда конфликт по поводу того, кто должен определять время и место размежевания. Обе стороны вроде бы решили начать размежевание в октябре 1834 г. 14 октября на границу прибыл войсковой депутат генерал Кирсанов, и екатеринославским чиновникам сообщили, что он встретится с ними 15 октября против Петровского ерика (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 64). Однако, выехав на место, генерал Кирсанов с сопровождающими никого не нашли, и 16 октября войсковой депутат отбыл в Таганрог (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 640б.). А 17 октября уже екатеринославская делегация прислала указание о необходимости срочной встречи, но теперь донские чиновники на нее не явились, ссылаясь на невозможность обсуждения в отсутствие генерала Кирсанова (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 640б.). Наконец, 16 ноября 1834 г. две делегации встретились и начали работу, но только для того, чтобы выяснить: даже местные старожилы помнят всего два межевых знака, причем один из них признается не всеми (напомним, что полноценную межевую книгу найти так и не удалось) (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 69). Землемеры Груднев и Шаржинский немедленно поссорились из-за достоверности второго знака, а генерал Кирсанов, очевидно, не горящий желанием вести землемерные работы в ноябре, через несколько дней, ссылаясь на свое слабое

здоровье, снова свернул работы и отбыл в Таганрог (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 69об.-70). К декабрю 1834 г. информация об этой становящейся все более абсурдной истории дошла уже до новороссийского генерал-губернатора М.С. Воронцова, которому Д.Е. Кутейников пожаловался на не проявляющих должной активности в деле размежевания екатеринославских чиновников (на наш взгляд, ему скорее следовало жаловаться на своего же генерала Кирсанова) (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 71).

Несмотря на все это, войсковая канцелярия продолжала свою прежнюю политику, направленную не столько на решение проблем, сколько на раздувание конфликта с не выполняющими ее постановления екатеринославскими чиновниками. В январе 1835 г. она разобрала события октября прошлого года, игнорируя события ноября и то, что сама граница, как стало ясно, должна была быть определена заново. Действия генерала Кирсанова оказались всецело одобрены, а екатеринославские чиновники были названы «уклонившими себя без законных причин» от дела уточнения границы (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 73об.-74). Войсковая канцелярия снова в одностороннем порядке постановила начать новый этап размежевания 10 мая 1835 г. во все той же Елисаветовской станице, а екатеринославским чиновникам приказала явиться в это время на нужное место (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 74). Кроме того, Кирсанов доложил начальству о «неуважении к чиновничеству» со стороны ростовского заседателя, а войсковая канцелярия обратилась в правительствующий сенат, чтобы он наказал екатеринославские власти (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 74-74об.). Более разумно действовал землемер Груднев, представивший свои соображения по поводу разночтений в деле проведения границы (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 81). Мы не будем приводить их технических деталей, вместо этого приложив архивную карту, из которой ясно видно: землемеры не сошлись в вопросе о том, кому должна принадлежать часть богатого рыбой устья Дона.

Рис. 3. Карта, поясняющая конфликт между войсковым и ростовским землемерами (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 81)

27 апреля войсковая канцелярия рассмотрела и этот конфликт и снова повела себя весьма оригинально: она не просто поддержала Груднева, но и, откровенно приказывая равному по статусу учреждению, потребовала, чтобы землемер, представляющий интересы Екатеринославской губернии при составлении новой границы, был заменен (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 94).

Мы позволим себе не останавливаться подробно на дальнейшей переписке войсковой канцелярии и екатеринославского губернского правления, значительно возросшей в объемах. Просто отметим, что на обвинение донских властей власти екатеринославские начали отвечать уже менее доброжелательно, порой и сами переходя в наступление и обвиняя донских чиновников. Например,

узнав о жалобах генерала Кирсанова на неявку представителей екатеринославских властей на встречу с ним, земский суд отвечал, что и на его предложение о встрече не отреагировали чины Черкасского сысского начальства (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 95). В любом случае, поскольку теперь донской стороне было важнее уладить вопросы о границе, войсковая канцелярия согласилась на перенос сроков начала межевания на 15 мая 1835 г. в станицу Батайскую, как предлагал ростовский уездный предводитель дворянства (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 102об.). Правда, снова возникла проблема с землемерами: Груднев по ходу дела сообщил, что полученная им из войсковой чертежной карта очень плохо соотносится с межевыми признаками, которые указывает местное население, и он может руководствоваться или картой, или этими признаками, но никак не тем и другими вместе (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 108-108об.). Но настоящая проблема была даже не в этом. Работы... снова забыли согласовать с екатеринославскими властями. Это кажется невероятным, но в конце мая Д.Е. Кутейников получил письмо от ростовского уездного предводителя дворянства, того самого, на предложения которого о переносе даты и места начала работ согласилась войсковая канцелярия. Отписать об этом самому предводителю просто забыли, и его письмо оканчивалось закономерной жалобой на то, что попытки размежевания «продолжаются уже более десяти лет единственно за неприкомандированием депутата со стороны Войска Донского» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 112-112об.).

Войсковая канцелярия, осознавая, что сроки межевания в очередной раз сорваны, наконец, поняла, что генерал Кирсанов совершенно не справляется с возложенным на него поручением. Оказалось, что генерал каким-то образом умудрился не получить указания о переносе места и времени размежевания и ждал екатеринославскую депутацию не 15 мая в Батайске, а 10 мая в Елисаветовской (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 118-118об.). Даже узнав о том, что ростовский предводитель дворянства с землемером ждут его в Батайске, Кирсанов туда не поехал, зато направил начальству прошение об освобождении его, за слабостью здоровья, от ведения работ (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 118об.). Нужно ли говорить, что просьба этого достойнейшего чиновника была удовлетворена, после чего войсковая канцелярия, демонстрируя удивительную неспособность учиться, единолично назначила новое размежевание на 25 августа (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 120об.-121)? Землемер Груднев получил не менее выдающееся указание: ему было велено руководствоваться не картой и не межевыми знаками, но «тем, что ближе к действительности и сохранению войсковых прав» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 121). Пожалуй, именно этот землемер, с самого начала пытавшийся вести работы на местах, вызывает жалость: пока войсковые власти разбирались с генералом Кирсановым, именно он пытался уговорить екатеринославскую депутацию «несколько пообождать» и не горячиться, но члены этой депутации тоже решили самостоятельно назначить грядущее обмежевание на 5 октября (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 122об.). Да и екатеринославское губернское правление уже начинало откровенно злиться и только летом 1835 г. прислало в Новочеркасск резкий ответ, отказываясь сменить землемера Шаржинского из-за «одного подозрения землемера Груднева» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 127об.).

Конфликт между донскими и екатеринославскими властями продолжал разгораться. Войсковая канцелярия требовала от Д.Е. Кутейникова принудить екатеринославских чиновников поставить дату размежевания на 25 августа (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 135). Екатеринославские власти, все больше устающие от донских, отвечали, что прошлую дату межевания сорвали исключительно войсковые чиновники, вовсе не прибывшие на согласованную встречу, где их ждали несколько дней («исключая одного только землемера Груднева, но и сей прибыл 18 числа уже поздно»), и посему, не желая отвлекать крестьян от полевых работ на межевание, они назначают его на 12 октября, о чем уже отправлены указания (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 136-136об.). Войсковая канцелярия в ответ обвиняла екатеринославцев в очередной неявке на предназначенную для начала межевания встречу 25 августа (Груднев и новый войсковой депутат полковник Попов на нее пришли), но выражала согласие встретиться 12 октября, чтобы все же покончить с делом (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 141об.). И 12 октября случилось что-то уж и вовсе необычайное: на встречу для обмежевания границы наконец вовремя приехали обе депутации, однако... не явился полковник Попов, а также оба землемера. Без землемеров точно установить границу было невозможно, и депутации разошлись, признав потерю еще одного года (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 144об.). В своих лучших традициях только после этого войсковая канцелярия внезапно обнаружила, что Груднев занят срочными межевыми работами в связи с введением в действие «Положения об управлении Донского войска» и не может отвлекаться (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 145).

Что же касается полковника Попова, то он оправдывал свою неявку тем, что, разобравшись со своим поручением, понял, что не обнаружил самого нужного документа: «описания границ Земли Войска Донского с Екатеринославской губернией» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 145). Затем, предвосхищая риторику казакоманов 1860 гг., рассматривавших Войско Донское как государство в государстве, полковник Попов утверждал, что отсутствие этого описания не просто затормозит работу, но и «может быть опорой екатеринославскому правительству» (курсив наш – Авт.) на продолжение его дела» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 146). Таким образом, к этому моменту то, что началось как невинная попытка уточнить прежнюю границу, превратилось в борьбу властей Донского

Войска и Екатеринославской губернии, и донские чиновники явно желали уберечь земли, которые считали своими, от претензий крестьян устья Дона.

Финал этой борьбы получился абсолютно внезапным. Дело в том, что донские чиновники позволяли себе весьма вызывающее поведение не только с местными, но и с имперскими властями. Введение в действие «Положения об управлении Донского войска» было принято ими демонстративно холодно (на публичную церемонию дарования нового закона почти никто не явился), и лично император, Николай I, пришел в ярость. Атаман Д.Е. Кутейников сразу же был заменен им на М.Г. Власова, причем адъютант последнего, А.П. Чеботарев, зафиксировал такие слова, сказанные императором: «Когда сенаторы обнародовали закон, то при этом было три-четыре генерала ваших, и только те, которых служба удерживала в Черкасске, а у вас их до тридцати. Я знаю, отчего не был Денисов, Сысоев, Иловайские. Отчего не были другие? И дворян ваших почти никого не было. Они пренебрегли мной, скажите им, что я ими тоже пренебрегаю. Да, пренебрегаю. Я знать их не хочу» (Volvenko, 2015: 108). Конечно, на Дону не могли знать точных слов Николая I, но сам факт смены атамана явно указывал на неудовлетворенность императора положением в войске. Однако даже в этих условиях Д.Е. Кутейников не только не поменял своей линии поведения, но и, напротив, продолжал действовать совершенно неадекватно. Бывший атаман пытался отказаться от личной встречи с новым для передачи ему своего звания и регалий; не желал отвечать на личный визит к нему М.Г. Власова; наконец, в день прощального обеда Д.Е. Кутейникова оказалось, что он показательно и оскорбительно не пригласил на него своего преемника (N..., 1875: 220-221)! Потребовалось вмешательство находящихся на Дону сенаторов, чтобы создать хотя бы видимость нормальной обстановки: только когда эти сенаторы отказались присутствовать на обеде, если на него не будет приглашен М.Г. Власов, Д.Е. Кутейников был вынужден отдать ему визит и заодно пригласить на прошедший крайне скучно и натянуто обед (N..., 1875: 221). Произошли изменения и в самой системе управления войском: в частности, как раз была упразднена войсковая канцелярия, вместо которой создавалось войсковое правление (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 151). О полноценной преемственности между прежней и новой войсковой администрацией в таких условиях говорить не приходилось.

На этом фоне про спор с чиновниками Екатеринославской губернии, по-видимому, просто забыли, осознано или случайно. При этом конфликт с крестьянами дельты Дона продолжался: в конце 1836 г. снова было возбуждено дело об использовании ими войсковых земель (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 151об.). Однако войсковое правление демонстрировало полную неосведомленность обо всей предыдущей ситуации: в январе 1837 г. оно уведомило новосозданную комиссию, занимающуюся размежеванием земель на Дону, что проведение границы между Екатеринославской губернией и Землей Войска Донского до сих пор не осуществлено «по неимению в бывшей войсковой канцелярии основных документов, по которым бы можно было безошибочно отыскать уничтожившуюся между старого времени» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 152). Обвинения чиновников местных органов Екатеринославской губернии в неявке для проведения размежевания, конфликты с ростовским земским судом – обо всем этом администрация М.Г. Власова то ли не знала, то ли делала вид, что не знала. Зато теперь войсковое правление осознало, что официальной межи нет не только в районе Азова, но и по всей западной границе Земли Войска Донского и эту проблему надо начинать решать (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 484. Л. 152об.). Новые попытки размежевания породили новые конфликты, заслуживающие отдельного изучения. Однако первый спор о границе земель донских казаков и малороссийских губерний был завершен, причем, что показательно, просто ничем: за десять лет чиновники соседних регионов не смогли ни разу полноценно встретиться для проведения измерительных работ, зато жалобы на эту ситуацию были направлены новороссийскому генерал-губернатору и в правительствующий сенат.

Более того, как раз в конце 1830 гг. возникла идея создать из восточных частей Екатеринославской губернии и западных частей области Войска Донского отдельную губернию. К сожалению, детали данного сюжета до сих пор не известны. Однако о нем, пускай и с серьезными разночтениями, упоминают как таганрогский краевед П.П. Филевский (Филевский, 1898: 193-195), так и документы Государственного архива Ростовской области (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1130. Л. 3). И, как мы видим, предпосылки для создания новой губернии действительно были: граница между Землей Войска Донского и Екатеринославской губернией, признаваемая обеими сторонами, во многих местах отсутствовала; региональные власти демонстрировали до 1836 г. просто патологическую неспособность договориться друг с другом; наконец, как мы видели, у екатеринославского губернатора ушел почти год на то, чтобы ростовский земский суд связался с войсковой канцелярией, т.е. контроль губернских властей над восточными окраинами был довольно условным. Таким образом, уже в 1830 гг. остро встал вопрос пересмотра, а фактически определения заново новых границ между казачьими и малороссийскими областями, однако на его решение ушло полвека.

5. Заключение

Подведем итог всему описанному выше. События вокруг проведения границы между Екатеринославской губернией и Землей Войска Донского в 1826–1836 гг. интересны сразу в двух отношениях. Прежде всего, они служат прекрасной иллюстрацией тому, что введение в действие

«Положения об управлении Донского войска» от 1835 г. было обосновано реальной необходимостью упорядочения управления Донским краем. Безусловно, отдельные положения данного документа могли быть спорными и даже прямо противоречить интересам донского казачества. Однако один факт того, что до принятия данного документа войсковые власти десять лет (!) решали элементарную задачу согласования встречи местных чиновников и землемеров со сторонними, доказывает, что вся система управления Войском Донским нуждалась в срочной реформе. Нужно сказать, что ближайшие современники понимали это, и, например, Н.И. Краснов прямо писал, что «положение привело в порядок все отрасли донского управления и хозяйства, укрепило судебную и административную власть во всех инстанциях и достигло главнейшей своей цели: централизации и порядка» (Краснов, 1863: 64). Однако у позднейших авторов часто начало преобладать односторонне-критическое отношение к данному документу как нарушающему исконные казачьи права. Характерно мнение на этот счет выдающегося историка казачества А.И. Козлова, утверждавшего, что «закрепощение <казачества>, начавшееся в 1721 г., получило правовое оформление в 1835 г.» (Козлов, Козлов, 2000: 110). Приведенные нами факты показывают, что до принятия «Положения об управлении Донского войска» от 1835 г. войсковые власти придерживались преувеличенного мнения о своих правах и пытались даже указывать равным по статусу губернским учреждениям, и потребность в четкой фиксации этих прав, неизбежно противоречащей интересам части казачества, давно назрела.

С другой стороны, разобранные нами события интересны как первый документально зафиксированный конфликт официальных властей Екатеринославской губернии и Земли Войска Донского из-за разделяющей их границы. Поскольку в дальнейшем основная часть территорий Екатеринославской губернии вошла в состав Украины, а основная часть территорий Земли Войска Донского – в состав России, этот конфликт представляет и самостоятельный исторический интерес. Сейчас вопрос о границе Украины и России сильно политизирован, предпринимаются попытки обосновать ту или иную конфигурацию этой границы историческими фактами и представить спорные территории как исконные земли той или иной нации (Галкин, 2015: 1). И на этом фоне очень иронично понимать, что первый конфликт между официальными властями Земли Войска Донского и Екатеринославской губернии начался не из-за реальных национальных или экономических противоречий, а из-за чиновничьих амбиций: хотя первоначально обе стороны были готовы добрососедски обсудить перенос межи, каждая считала, что время и место начала этого переноса должна выбирать она и противная сторона, не выполняя соответствующих указаний, а присылая свои, злостно препятствует установлению справедливой границы.

Литература

- Галкин, 2015 – Галкин Ю.И. Сборник документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920–1925 гг. за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донской области. Донецк, 2015. 52 с.
- ГАРО – Государственный архив Ростовской области.
- Козлов, Козлов, 2000 – Козлов А.А., Козлов А.И. Имперская политика огосударствления, милитаризации и закрепощения казаков в XIX – начале XX века // *Казачество: прошлое и настоящее*. Волгоград, 2000. С. 95-125.
- Краснов, 1863 – Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. СПб., 1863. 596 с.
- Ле Руа Ладюри, 2001 – Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294–1324). Екатеринбург, 2001. 541 с.
- Милютин, 1947 – Милютин Д.А. Дневник Д.А. Милютина. 1873–1875. Т. 1. М., 1947. 255 с.
- Милютин, 1949 – Милютин Д.А. Дневник Д.А. Милютина. 1876–1877. Т. 2. М., 1949. 297 с.
- Новицкий, 1991 – Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991. 288 с.
- ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
- Стефанов, 1927 – Стефанов А.Т. Архив крепости Святого Димитрия Ростовского и его судьба // *Записки Северо-Кавказского краеведческого общества археологи, истории и этнографии*. Ростов-на-Дону, 1927. Кн. 1 (Т. 3). Вып. 1. С. 16-22.
- Столетие военного министерства, 1902 – Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. XI. Ч. 2. СПб., 1902. 437 с.
- Татаринов, 2019 – Татаринов И.Е. Российско-украинское приграничье в 1917–1919 гг.: особенности политико-административных преобразований на Дону и в Крыму // *Вестник Академии наук Чеченской Республики*. 2019. № 1 (44). С. 47-55.
- Татаринов, 2019 – Татаринов И.Е. К вопросу о формировании российско-украинской границы на юге Центрального Черноземья в 1917–1925 гг. // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2019. № 1. С. 103-113.
- Филевский, 1898 – Филевский П.П. История города Таганрога. М., 1898. 376 с.
- Krinko, Medvedev, 2015a – Krinko E.F., Medvedev M.V. “...To Elect a Parity Commission”: Documents about the Transfer of Taganrog and Shakhty Districts to the RSFSR in 1924–1925 // *Russkii Arkhiv*. 2015. Vol. (9), Is. 3, pp. 204-219. DOI: 10.13187/ra.2015.9.204

[Krinko, Medvedev, 2015b](#) – *Krinko E.F., Medvedev M.V.* “...To Elect a Parity Commission”: Documents about the Transfer of Taganrog and Shakhty Districts to the RSFSR in 1924–1925 // *Russkii Arkhiv*. 2015. Vol. (10), Is. 4, pp. 288–295. DOI: 10.13187/ra.2015.10.288

[Krinko, Tatarinov, 2014](#) – *Krinko, E.F., Tatarinov, I.E.* (2014). «We Are Russia and You Are Ukraine and We Don't Care about You...»: Territorial Disputes within the Priazov Area and Donbas in 1920s. *Bylye Gody*. № 34 (4). Pp. 639–644.

[N..., 1875](#) – N. Максим Григорьевич Власов, атаман Войска Донского, 1836–1848 // *Русская старина*. 1875. Т. XIII. С. 220–221.

[Peretyatko, 2016](#) – *Peretyatko A.Yu.* Dispute about the Mius district in 1874: Inviolable Part of the Don Host Oblast or Historical Little Russia? // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 40. Is. 2, pp. 448–456.

[Volvenko, 2015](#) – *Volvenko A.A.* Chebotarev A.P. – “the Grey Cardinal” of Cossack Reforms of the Epoch of Liberation? // *History and Historians in the Context of the Time*. 2015. Vol. 15. Is. 2. P. 108.

References

[Filevskii, 1898](#) – *Filevskii, P.P.* (1898). Istoriya goroda Taganroga [The history of the city of Taganrog]. M., 376 p. [in Russian]

[Galkin, 2015](#) – *Galkin, Yu.I.* (2015). Sbornik dokumentov o pograničnom spore mezhdru Rossiei i Ukrainoi v 1920–1925 gg. za Taganrogsko-Shakhtinskuyu territoriyu Donskoi oblasti [Collection of documents on the border dispute between Russia and Ukraine in 1920–1925 for the Taganrog-Shakhty territory of the Don region]. Donetsk, 52 p. [in Russian]

[GARO](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State archive of the Rostov region].

[Kozlov, Kozlov, 2000](#) – *Kozlov, A.A., Kozlov, A.I.* (2000). Imperskaya politika ogosudarstveniya, militarizatsii i zakrepostcheniya kazakov v XIX – nachale XX veka [Imperial policy of nationalization, militarization and enslavement of the Cossacks in the XIX-early XX century]. *Kazachestvo: proshloe i nastoyashchee*. Volgograd. Pp. 95–125 [in Russian]

[Krasnov, 1863](#) – *Krasnov, N.I.* (1863). Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba [Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff]. SPb, 596 p. [in Russian]

[Krinko, Medvedev, 2015](#) – *Krinko, E.F., Medvedev, M.V.* (2015). “...To Elect a Parity Commission”: Documents about the Transfer of Taganrog and Shakhty Districts to the RSFSR in 1924–1925. *Russkii Arkhiv*. Vol. (9), Is. 3, pp. 204–219. DOI: 10.13187/ra.2015.9.204

[Krinko, Medvedev, 2015a](#) – *Krinko E.F., Medvedev M.V.* (2015). “...To Elect a Parity Commission”: Documents about the Transfer of Taganrog and Shakhty Districts to the RSFSR in 1924–1925. *Russkii Arkhiv*. Vol. (10), Is. 4, pp. 288–295. DOI: 10.13187/ra.2015.10.288

[Krinko, Tatarinov, 2014](#) – *Krinko, E.F., Tatarinov, I.E.* (2014). «We Are Russia and You Are Ukraine and We Don't Care about You...»: Territorial Disputes within the Priazov Area and Donbas in 1920s. *Bylye Gody*. № 34 (4). Pp. 639–644.

[Le Roy Ladurie, 2001](#) – *Le Roy Ladurie, E.* (2001). Montaiyu, oksitanskaya derevnya (1294–1324) [Montaillou, Occitan village (1294–1324)]. Ekaterinburg. P. 541. [in Russian]

[Miljutin, 1947](#) – *Miljutin, D.A.* (1947). Dnevnik D.A. Miljutina. 1873–1875 [D.A. Milyutin's Diary. 1873–1875]. M. Vol. 1. P. 255. [in Russian]

[Miljutin, 1949](#) – *Miljutin, D.A.* (1949). Dnevnik D.A. Miljutina. 1876–1877 [D. A. Milyutin's Diary. 1876–1877]. M., 1949. Vol. 2. P. 297. [in Russian]

[N..., 1875](#) – N. Maksim Grigor'evich Vlasov, ataman Voiska Donskogo, 1836–1848. *Russkaya starina*. 1875. Т. XIII. Pp. 220–221. [in Russian]

[Novitskii, 1991](#) – *Novitskii, V.D.* (1991). Iz vospominanii zhandarma [From the memoirs of a gendarme]. M., 288 p. [in Russian]

[OR RNB](#) – Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki [Department of manuscripts of Russian national library].

[Peretyatko, 2016](#) – *Peretyatko, A.Yu.* (2016). Dispute about the Mius district in 1874: Inviolable Part of the Don Host Oblast or Historical Little Russia? *Bylye Gody*. Vol. 40. Is. 2, pp. 448–456.

[Stefanov, 1927](#) – *Stefanov, A.T.* (1927). Arkhiv kreposti Svyatogo Dimitriya Rostovskogo i ego sud'ba [Archive of the fortress of st. Demetrius of Rostov and its fate]. *Zapiski Severo-Kavkazskogo kraevedcheskogo obshchestva arkheologii, istorii i etnografii*. Rostov-na-Donu. Kn. 1 (T. 3). Vyp. 1. Pp. 16–22. [in Russian]

[Stoletie voennogo ministerstva, 1902](#) – Stoletie voennogo ministerstva [Centenary of the war office]. 1802–1902. Т. XI. Ch. 2. SPb., 1902. 437 p. [in Russian]

[Tatarinov, 2019](#) – *Tatarinov, I.E.* (2019) Rossiisko-ukrainskoe prigranich'e v 1917–1919 gg.: osobennosti politiko-administrativnykh preobrazovaniy na Donu i v Krymu [Russian-Ukrainian Border Area in 1917–1919: Features of Political and Administrative Transformations on the Don and in the Crimea]. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki*. 1 (44): 47–55. [in Russian]

[Tatarinov, 2019](#) – *Tatarinov, I.E.* (2019). K voprosu o formirovanii rossiisko-ukrainskoi granitsy na yuge Tsentral'nogo Chernozem'ya v 1917–1925 gg. [On the formation of the Russian-Ukrainian border in the

south of the Central Chernozem region in 1917-1925]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. 1: 103-113. [in Russian]

Volvenko, 2015 – Volvenko, A.A. (2015). Chebotarev A.P. – "the Grey Cardinal" of Cossack Reforms of the Epoch of Liberation? *History and Historians in the Context of the Time*. Vol. 15. Is. 2. P. 108.

Первый конфликт вокруг административной границы Екатеринославской губернии и области Войска Донского: опыт исторической реконструкции

Артем Юрьевич Перетяtko ^{a, b, *}, Николай Алексеевич Трапш ^c

^a Черкас глобальный университет (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований), Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. В представленной статье рассматривается первый пограничный конфликт между властными структурами Екатеринославской губернии и области Войска Донского, начавшийся в 1820-е гг., развивавшийся более 10 лет и документально зафиксированный в дифференцированных источниках. Привлеченный эмпирический материал позволил детально реконструировать сложные взаимоотношения двух сопредельных административных субъектов Российской империи, реальные особенности землеустроительной практики в региональном пространстве, специфические черты местной бюрократии. В частности, значительный интерес представляет авторская реконструкция отдельных управленческих контактов исполнительной власти и судебных институтов, иллюстрирующих недостаточно эффективную координацию совместных действий. Собранные факты позволили установить системную связь между внутренними социально-политическими процессами, развивавшимися в рассматриваемый период в области Войска Донского, и внешними связями региональных властных структур. Отдельного внимания заслуживают локальные сюжеты, связанные с открытыми и латентными конфликтами войсковых властей с высшей имперской администрацией, приводившими к дальнейшему сокращению управленческих полномочий местной элиты. Следует отметить и целый ряд портретных зарисовок, характеризующих региональных чиновников, например войскового атамана Д.Е. Кутейникова, и позволяющих органично проиллюстрировать синхронные административные процессы. Представленная статья основана на аутентичных архивных материалах, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: граница, Екатеринославская губерния, область Войска Донского, конфликт, власть, межевание, атаман, чиновник, администрация, канцелярия.

* Корреспондирующий автор

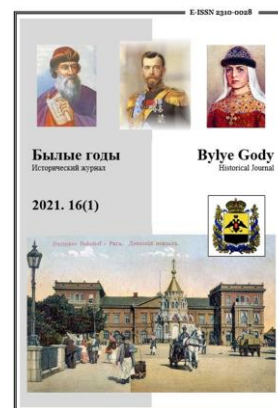
Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko),
dukekeleshbey@gmail.com (Н.А. Трапш)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 159-168.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.159
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Long-Livers of the Russian Empire (1836–1914): Historical and Statistical Research. Part 1

Aleksandr A. Cherkasov ^{a, b, c, *}, Sergei N. Bratanovskii ^{d, e}, Marina A. Ponomareva ^f,
 Ludmila G. Zimovets ^g

^a Cherkas Global University (International Network Center for Fundamental and Applied Research),
 Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c American Historical Association, Washington, USA

^d Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^e Institute of State and Law of RAS, Moscow, Russian Federation

^f Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^g Sochi State University, Sochi, Russian Federation

Abstract

The authors made an attempt to carry out a comprehensive historical and statistical study of the long-livers of the Russian Empire in the period of 1836–1914. This part of the work analyzes the period of 1836–1849, when only males of the Orthodox faith were registered. The attention is paid to the number of the long-livers, namely to persons whose age has exceeded 101 years, their places of residence, as well as the proportion of the long-livers to the total population.

There were used as materials the reports of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for the Spiritual Department of the Orthodox Confession for 1836–1914. The work is structured using the basic principles of historicism, consistency and objectivity. The statistical method is of great importance in the work, which allowed us to analyze as fully as possible the available statistical data on mortality on the territory of the Russian Empire in the period 1836–1849, as well as to reveal the important characteristic features.

In conclusion, the authors state that in the period of 1836–1849 among the deceased long-livers of the Russian Empire were: one person under the age of 165, one under 155, two under 150, seven under 145, two under 140 and 15 under 135. Overall, in the Russian Empire at the indicated time, more than 4.7 thousand people overcame the milestone of 101 years. The regions with the largest number of long-livers were in the European part of Russia (the Caucasus and the Chisinau-Kherson region), and one region in the Asian part of Russia – the Tomsk diocese – was also in the top 5 leaders.

Keywords: long-livers, the Russian Empire, the Caucasus, the Holy Synod, 1836–1849, historical and statistical research.

1. Введение

В 1865 г. на страницах «Журнала министерства народного просвещения» была опубликована статья академика В.Я. Буныковского «О законах смертности и народонаселения в России», которая являлась докладом, сделанным 7 мая 1865 г. на общем собрании Академии наук. Мы не будем останавливаться на основных положениях этой публикации, так как наше внимание было привлечено к следующему тезису: «...некоторые достигают необыкновенной старости... В обнародованном списке Святейшего синода зафиксировано, что в Российской империи в 1809 г. один человек достиг почти 160 лет, а другой в 1811 г. жил более 200 лет» (Буныковский, 1865: 125).

* Corresponding author

E-mail addresses: a.cherkasov@incfar.net (A.A. Cherkasov)

Нужно пояснить, что в это время Святейший синод собирал данные только о лицах православного вероисповедания, причем лишь мужского пола. Эта публикация вызвала наш интерес, и мы решили поднять имеющуюся статистику из метрических книг, чтобы посмотреть на ситуацию с долгожителями за более обширный период, а именно с 1836 по 1914 гг.

2. Материалы и методы

В качестве материалов нами были использованы отчеты обер-прокурора Святейшего синода по духовному ведомству православного вероисповедания за 1836–1914 гг. (Извлечение, 1838; Извлечение, 1839; Извлечение, 1841; Извлечение, 1842; Извлечение, 1843; Извлечение, 1845; Извлечение, 1846; Извлечение, 1847; Извлечение, 1849; Извлечение, 1850; Извлечение, 1851).

Под термином «долгожитель» мы понимаем человека, возраст которого в период 1836–1849 гг. превысил 101 год.

Работа построена с использованием базовых принципов историзма, системности и объективности. Важное значение в ней имеет статистический метод, который позволил максимально полно проанализировать имеющиеся статистические данные о смертности на территории Российской империи в период 1836–1849 гг., а также обнаружить важные характерные особенности.

3. Обсуждение

Историография по теме исследования не отличается обширностью, более того конкретно исторических работ очень мало. Здесь можно указать труд В.Я. Буныковского «О законах смертности и народонаселения в России» (Буныковский, 1865), работу Н.Ю. Лабутина и других «Социальная защищенность поморов европейского севера в зависимости от климатоэкологических факторов в динамике исторических процессов XX века» (Лабутин и др., 2007), исследование В.П. Пащенко и Е.В. Пащенко «Долгожители европейского севера России» (Пащенко, Пащенко, 1995). А.В. Алпатовым и Е.В. Гройсманом был сделан анализ старения населения Волгоградской области (Алпатов, Гройсман, 2017).

Предпринимались также попытки рассмотреть вопросы старения через мультидисциплинарные исследования. Так, В. Андрианов изучал социально-экономические и философские проблемы старения населения (Андрианов, 2011). На стыке медицины и социологии рассматривала эту проблему Д.М. Винокурова и другие (Винокурова и др., 2020).

Однако большинство исследований в области долголетия принадлежит специалистам в области медицины. Приведем лишь несколько примеров: так, Х.Г. Алиджанова и другие рассматривали социальные, клинические и некоторые метаболические аспекты долгожительства (Алиджанова и др., 2010). Демографическим доказательством адаптивных теорий старения занимался Д.Д. Миттельдорф (Миттельдорф, 2012). С.М. Кузнецова исследовала социально-средовые и генетические механизмы формирования феномена долголетия на Кавказе (Кузнецова, 2014).

4. Результаты

Как известно, сбор статистических сведений о числе родившихся и умерших в России начал осуществляться с 1722 г., то есть с периода царствования императора Петра I. Именно в это время он дал распоряжение Святейшему синоду начать учет убыли и прибыли населения. В свою очередь Святейший синод разработал метрические книги и санкционировал их заполнение при каждом православном приходе. С этого времени священнослужитель обязан был заполнять метрические книги и раз в год передавать материалы в епархиальное управление, которое сводило сведения от епархиальных священников в общую таблицу по губернии и отсылало эти данные в Святейший синод, где сводились данные из разных епархий в общероссийскую статистику.

Таблица 1. Лица, умершие в возрасте от 101 года в Российской империи (1836–1849 гг.) (Извлечение, 1838: 156-157; Извлечение, 1839: 32-33; Извлечение, 1841: 34-35; Извлечение, 1842: 34-35; Извлечение, 1843: 36-37; Извлечение, 1845: 40-41; Извлечение, 1846: 40-41; Извлечение, 1847: 40-41; Извлечение, 1849: 40-41; Извлечение, 1850: 40-41; Извлечение, 1851: 40-41)

Годы														Итого
	До 105	До 110	До 115	До 120	До 125	До 130	До 135	До 140	До 145	До 150	До 155	До 160	До 165	
1836	558	100	73	30	31	5	5	1	3	-	1	-	1	808
1837	545	126	62	21	24	1	1	-	1	1	-	-	-	782
1839	209	96	67	38	19	9	3	-	-	-	-	-	-	441
1840	236	108	59	45	25	4	-	-	2	-	-	-	-	479
1841	164	86	49	27	18	6	-	-	1	-	-	-	-	351
1843	158	69	25	18	6	6	2	1	-	-	-	-	-	285

1844	172	61	26	28	3	10	1	-	-	-	-	-	-	301
1845	172	73	39	25	11	4	1	-	-	-	-	-	-	325
1847	193	74	54	24	7	5	-	-	-	-	-	-	-	357
1848	162	95	52	23	15	11	2	-	-	1	-	-	-	361
1849	134	59	24	11	6	2	-	-	-	-	-	-	-	236
Итого	2703	947	530	290	165	63	15	2	7	2	1	-	1	4726

Напомним, что в период с 1836 по 1849 гг. в отчетах Святейшего синода велся учет только православного населения, и только мужчин. Лишь с 1850 г. в отчетах начали публиковаться сведения и о женщинах православного вероисповедания. Таким образом, реальное число должжителей в Российской империи за счет женщин должно было увеличиться примерно в 2 раза.

Значительный интерес представляют также территории, где фиксировалось большее количество должжителей. В указанное время эти территории назывались епархиями православной церкви. Для удобства ранжирования мы составили Топ-10 епархий по большему количеству должжителей. Рассмотрим эту динамику по годам.

Таблица 2. Топ-10 епархий с большим количеством должжителей за 1836 год
(Извлечение, 1838: 154-157)

Рейтинг	Епархия	Количество должжителей
1	Кишиневская	33
2	Екатеринославская	21
3	Тамбовская	16
4	Новочеркасская	16
5	Симбирская	15
6	Оренбургская	14
7	Новгородская	13
8	Саратовская	10
9	Казанская	9
10	Орловская	9

Важно дополнить, что в 1836 г. на территории Томской епархии скончался православный мужчина в возрастном диапазоне от 161 до 165 лет, в то же время в Кишиневской епархии был среди умерших должжитель возраста от 141 до 145 лет, а в Саратовской епархии скончались трое мужчин в возрасте от 131 до 135 лет.

Таблица 3. Топ-10 епархий с большим количеством должжителей за 1837 год
(Извлечение, 1839: 30-33)

Рейтинг	Епархия	Количество должжителей
1	Подольская	25
2	Новочеркасская	24
3	Екатеринославская	21
4	Орловская	19
5	Кишиневская	17
6	Тамбовская	15
7	Саратовская	12
8	Оренбургская	11
9	Новгородская	10
10	Полтавская	9

Необходимо дополнить, что в 1837 г. на территории Кишиневской епархии скончался православный мужчина в возрастном диапазоне от 146 до 150 лет. Важно отметить, что в 1836–1837 гг. в отчетах по епархиям не указывались лица в возрасте от 101 до 105 лет, публиковалась только общая цифра по Российской империи. Поэтому нам не представлялось возможным посчитать значение количества умерших должжителей на 1 тыс. умерших людей, с 1839 эти показатели в отчете появились.

Таблица 4. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей за 1839 год
(Извлечение, 1841: 26-27, 32-35)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Тамбовская	48	58353	0,82
2	Новочеркасская	37	25171	1,46
3	Херсонская	24	31466	0,76
4	Рязанская	21	39337	0,53
5	Кишиневская	21	18484	1,13
6	Новгородская	19	26136	0,72
7	Казанская	17	32563	0,52
8	Воронежская	16	60021	0,26
9	Саратовская	16	44253	0,36
10	Вятская	14	58960	0,23

В 1839 г. возраст умерших долгожителей-мужчин православного вероисповедания не превышал 135 лет.

Таблица 5. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей за 1841 год
(Извлечение, 1843: 28-31, 34-37)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Херсонская	28	36478	0,76
2	Тамбовская	26	77421	0,33
3	Новочеркасская	24	33034	0,72
4	Рязанская	14	49604	0,28
5	Полоцкая	13	12443	1,04
6	Казанская	13	39537	0,32
7	Томская	12	14566	0,82
8	Ярославская	12	39692	0,30
9	Киевская	11	44071	0,24
10	Орловская, Саратовская	11	69345/ 66250	0,15/ 0,16

В 1841 г. возраст умерших долгожителей-мужчин православного вероисповедания не превышал 145 лет. Единственный такой случай был зафиксирован в Пензенской епархии.

Таблица 6. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей за 1843 год
(Извлечение, 1845: 32-35, 38-41)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Оренбургская	27	38860	0,69
2	Херсонская	17	30243	0,56
3	Кавказская	15	13282	1,12
4	Тамбовская	13	67080	0,19
5	Кишиневская	13	22082	0,58
6	Рязанская	13	35448	0,36
7	Псковская	12	22736	0,52
8	Карталинская	10	3599	2,77
9	Томская	10	16294	0,61
10	Тобольская, Ярославская	10	31183/ 32123	0,32/ 0,31

В 1843 г. возраст умерших долгожителей-мужчин православного вероисповедания не превышал 140 лет. Единственный такой случай был зафиксирован в Минской епархии.

Таблица 7. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей за 1844 год
(Извлечение, 1846: 32-35, 38-41)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Оренбургская	34	37510	0,90
2	Херсонская	25	26294	0,95
3	Кавказская	22	14032	1,56
4	Воронежская	16	54787	0,29
5	Кишиневская	15	17560	0,85
6	Рязанская	14	35265	0,39
7	Калужская	13	29019	0,44
8	Тамбовская	13	51492	0,25
9	Томская	13	16274	0,79
10	Саратовская	13	58154	0,22

В 1844 г. возраст умерших долгожителей-мужчин православного вероисповедания не превышал 135 лет. Единственный случай имел место в Рязанской епархии.

Таблица 8. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей за 1845 год
(Извлечение, 1847: 32-35, 38-41)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Херсонская	34	38289	0,88
2	Кавказская	21	17151	1,22
3	Иркутская	19	16115	1,17
4	Псковская	15	39057	0,38
5	Харьковская	15	54767	0,27
6	Кишиневская	14	22741	0,61
7	Тобольская	14	28899	0,48
8	Томская	12	16458	0,72
9	Ярославская	11	35709	0,30
10	Воронежская	10	57050	0,17

В 1845 г. возраст умерших долгожителей-мужчин православного вероисповедания не превышал 135 лет. Единственный такой случай зафиксирован в Псковской епархии.

Таблица 9. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей за 1847 год
(Извлечение, 1849: 32-35, 38-41)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Новгородская	37	30647	1,20
2	Тамбовская	28	56505	0,49
3	Оренбургская	21	47798	0,43
4	Рязанская	15	45128	0,33
5	Херсонская	15	40476	0,37
6	Казанская	14	42766	0,32
7	Томская	13	16437	0,79
8	Иркутская	12	12822	0,93
9	Орловская	12	67132	0,17
10	Кишиневская, Донская, Саратовская	11	23995/ 24701/ 83608	0,45/ 0,44/ 0,13

В 1847 г. возраст умерших долгожителей-мужчин православного вероисповедания не превышал 130 лет. Таких случаев было зафиксировано пять, а именно по одному случаю в Московской, Псковской, Воронежской, Томской и Оренбургской епархиях.

Таблица 10. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей за 1848 год
(Извлечение, 1850: 32-35, 38-41)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Тамбовская	41	114938	0,35
2	Оренбургская	22	63651	0,34
3	Херсонская	17	68658	0,24
4	Курская	15	101004	0,14
5	Орловская	15	102065	0,14
6	Кавказская	15	25668	0,58
7	Томская	14	17843	0,78
8	Полоцкая	14	21063	0,66
9	Воронежская	13	139053	0,09
10	Казанская	12	60418	0,19

В 1848 г. в большей части православных епархий количество умерших значительно превысило количество родившихся – родилось 2508078, а умерло 2840354 (Извлечение, 1850: 34-35). К примеру в 1849 г. родилось 2337666, а умерло – 1887420 (Извлечение, 1851: 34-35). В 1848 г. возраст умерших долгожителей-мужчин православного вероисповедания не превышал 150 лет. Зафиксирован один такой случай в Тамбовской епархии.

Таблица 11. Топ-10 епархий с большим количеством долгожителей за 1849 год
(Извлечение, 1851: 32-35, 38-41)

Рейтинг	Епархия	Количество долгожителей	Общее количество умерших	Количество умерших долгожителей на 1 тыс. среди умерших
1	Тамбовская	28	60549	0,46
2	Херсонская	21	81708	0,25
3	Донская	14	18778	0,74
4	Воронежская	13	77005	0,16
5	Саратовская	12	61146	0,19
6	Харьковская	11	85395	0,12
7	Кишиневская	9	28621	0,31
8	Новгородская	9	29816	0,30
9	Казанская	8	35814	0,22
10	Рязанская	8	36444	0,21

В 1849 г. возраст умерших долгожителей-мужчин православного вероисповедания не превышал 130 лет. Зафиксировано два таких случая в Подольской и Томской епархиях.

Все показатели выше 0,5 % на 1 тыс. умерших из Таблиц 2-11 мы свели в сводную таблицу, чтобы выявить наивысший процент долгожителей на территории епархии. В результате нами отобрано 12 епархий: Новочеркасская (она же Донская), Кишиневская, Тамбовская, Херсонская, Новгородская, Полоцкая, Томская, Оренбургская, Кавказская (она же Астраханская), Псковская, Каргалинская и Иркутская. 10 епархий находились в европейской части России, а 2 – в азиатской.

Таблица 12. Количество лиц мужского пола православного вероисповедания, умерших в возрасте более 100 лет на 1 тыс. среди всех умерших на территории епархии в период 1839–1849 гг.

Рейтинг	Епархия	Годы								Среднее значение за 10 лет
		1839	1841	1843	1844	1845	1847	1848	1849	
1	Новочеркасская (Донская)	1,46	0,72	0,14	0,36	0,22	0,44	0,24	0,74	0,54

2	Кишиневская	1,13	0,54	0,58	0,85	0,61	0,45	0,27	0,31	0,59
3	Тамбовская	0,82	0,33	0,19	0,25	0,13	0,49	0,35	0,46	0,37
4	Херсонская	0,76	0,76	0,56	0,95	0,88	0,37	0,24	0,25	0,59
5	Новгородская	0,72	0,29	0,31	0,27	0,22	1,20	0,18	0,30	0,43
6	Полоцкая	-	1,04	0,52	-	0,17	0,27	0,66	-	0,33
7	Томская	0,46	0,82	0,61	0,79	0,72	0,79	0,78	0,33	0,66
8	Оренбургская	0,19	0,12	0,69	0,90	0,16	0,43	0,34	0,13	0,37
9	Кавказская (Астраханская)	0,67	0,87	1,12	1,56	1,22	0,38	0,58	0,31	0,83
10	Псковская	0,17	0,26	0,52	0,31	0,38	0,49	0,32	0,11	0,32
11	Карталинская	1,33	1,66	2,77	-	-	0,33	-	-	0,76
12	Иркутская	0,36	0,30	-	0,18	1,17	0,93	0,30	0,23	0,43

Анализируя [Таблицу 12](#), мы можем видеть, что наибольшее количество мужчин старше 100 лет было на территории Кавказской епархии – 0,83. На втором месте находилась грузинская Карталинская епархия – 0,76 (ей же принадлежал и рекорд 1843 г. – 2,77). На третьем месте была Томская епархия – 0,66, затем следовали Херсонская и Кишиневская – по 0,59.

Для лучшего визуального представления мы сделали географическую карту европейской части России и нанесли на нее регионы с большим количеством долгожителей. При этом топ-5 нами выделено темно-зеленым цветом, а епархии с 6-го по 11 место – светло-зеленым.

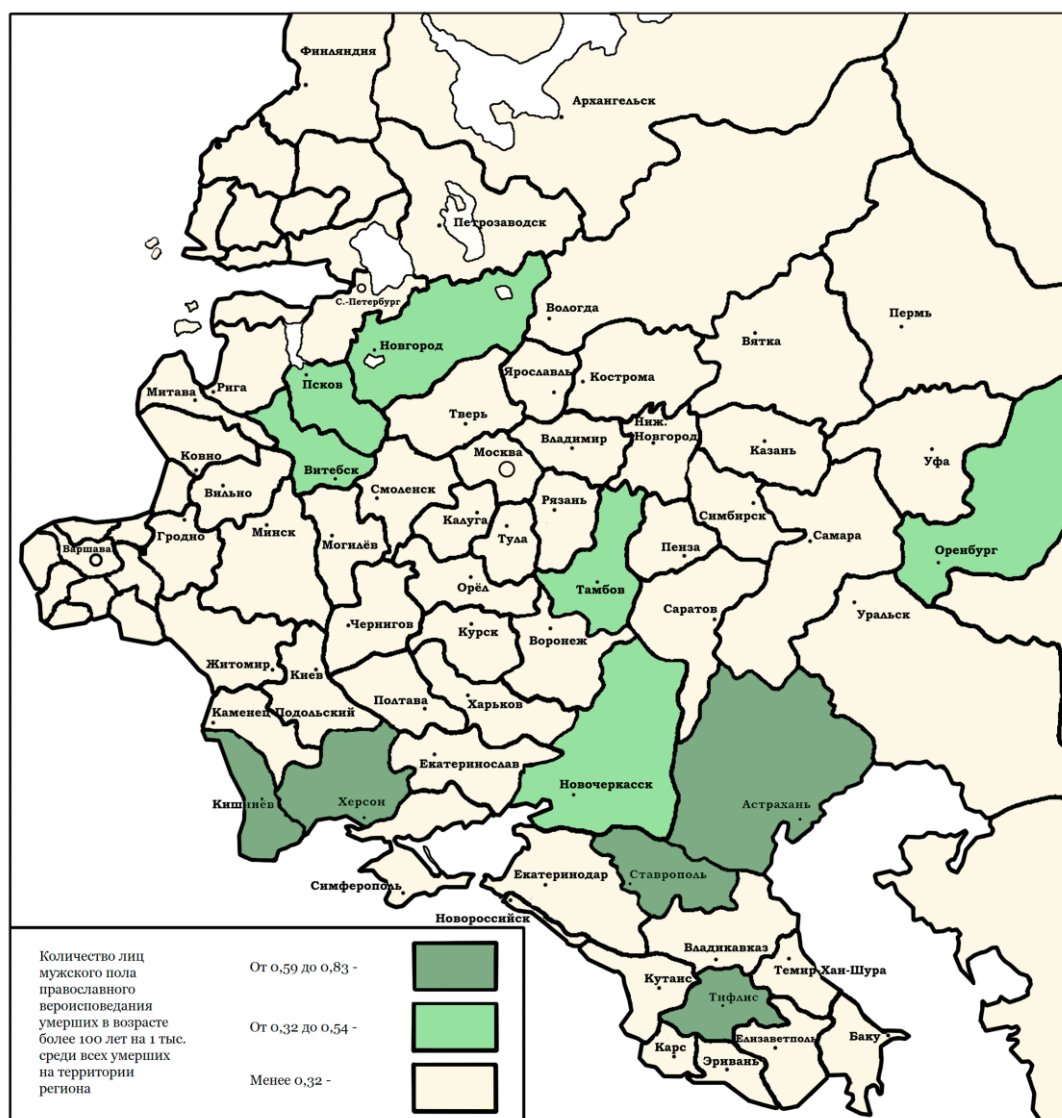

Рис. 1. Распределение долгожителей по регионам европейской части Российской империи

Анализируя [Рисунок 1](#), мы должны пояснить, что территории Ставрополя и Астрахани в середине 1840-х гг. входили в состав Кавказской губернии, поэтому на карте из топ-5 не 4, а 5 темно-зеленых территорий (еще одна епархия была на территории азиатской России). Весьма интересным является то, что территории с наибольшим количеством долгожителей в европейской части России оказались тесно связанными друг с другом (это кавказская агломерация и другая южная – кишиневско-херсонская). Совершенно уникально в их ряду смотрится Томская епархия. В епархиях второй группы (выделена светло-зеленым цветом) тоже есть свои закономерности: мы можем видеть сразу три соседствующие территории (Витебск, Псков, Новгород) и практически граничащие друг с другом Новочеркасск и Тамбов, а также стоящий отдельно Оренбургский регион. В азиатской России тоже был свой светло-зеленый регион – Иркутск.

5. Заключение

Подводя итоги, необходимо отметить, что в период 1836–1849 гг. среди умерших долгожителей Российской империи были: один человек в возрасте до 165 лет, один – до 155 лет, два – до 150, семь человек до 145 лет, два – до 140 и 15 – до 135 лет. Всего же по Российской империи в указанное время более 4,7 тыс. человек преодолели рубеж в 101 год. Регионами с наибольшим количеством долгожителей были в европейской части России Кавказ и Кишиневско-Херсонский регионы, в топ-5 лидеров входил также один регион в азиатской части России – Томская епархия.

Литература

- [Алиджанова и др., 2010](#) – *Алиджанова Х.Г., Кауров Б.А., Артемьева О.В.* Долгожительство: 1. Социальные, клинические и некоторые метаболические аспекты // *Успехи геронтологии*. 2010. № 4(23). С. 611-620.
- [Алпатов, Гройсман, 2017](#) – *Алпатов А.В., Гройсман Е.В.* Статистический анализ демографического старения населения Волгоградской области // *Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук*. 2017. № 3(72). С. 66-76.
- [Андрианов, 2011](#) – *Андрианов В.* Социально-экономические и философские проблемы старения населения // *Общество и экономика*. № 4–5. С. 87-121.
- [Буняковский, 1865](#) – *Буняковский В.Я.* О законах смертности и народонаселения в России // *ЖМНП*. 1865. № 7. С. 163-174.
- [Винокурова и др., 2020](#) – *Винокурова Д.М., Егорова А.Г., Чириков А.В.* Долголетие и старость: различия подходов медицины и социологии // *Социология*. 2020. № 3. С. 234-240.
- [Извлечение, 1838](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1837 г. Санкт-Петербург, 1838.
- [Извлечение, 1839](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1838 г. Санкт-Петербург, 1839.
- [Извлечение, 1841](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1840 г. Санкт-Петербург, 1841.
- [Извлечение, 1842](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1841 г. Санкт-Петербург, 1842.
- [Извлечение, 1843](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1842 г. Санкт-Петербург, 1843.
- [Извлечение, 1845](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1844 г. Санкт-Петербург, 1845.
- [Извлечение, 1846](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1845 г. Санкт-Петербург, 1846.
- [Извлечение, 1847](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1846 г. Санкт-Петербург, 1847.
- [Извлечение, 1849](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1848 г. Санкт-Петербург, 1849.
- [Извлечение, 1850](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1849 г. Санкт-Петербург, 1850.
- [Извлечение, 1851](#) – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1850 г. Санкт-Петербург, 1851.
- [Кузнецова, 2014](#) – *Кузнецова С.М.* Социально-средовые и генетические механизмы формирования феномена долголетия на Кавказе // *Неврология и нейрохирургия. Восточная Европа*. 2014. № 3(23). С. 83-89.
- [Лабутин и др., 2007](#) – *Лабутин Н.Ю., Санников А.Л., Лабутина Н.О.* Социальная защищенность поморов европейского севера в зависимости от климатоэкологических факторов в динамике исторических процессов XX века // *Экология человека*. 2007. № 8. С. 47-51.
- [Миттельдорф, 2012](#) – *Миттельдорф Д.Д.* Демографическое доказательство адаптивных теорий старения // *Биохимия*. 2012. № 7 (77). С. 871-875.

Пащенко, Пащенко, 1995 – Пащенко В.П., Пащенко Е.В. Долгожители европейского севера России // *Экология человека*. 1995. № 2. С. 114-117.

References

- Alidzhanova i dr., 2010** – *Alidzhanova, Kh.G., Kaurov, B.A., Artem'eva, O.V.* (2010). Dolgozhitel'stvo: 1. Sotsial'nye, klinicheskie i nekotorye metabolicheskie aspekty [Longevity: 1. Social, clinical and some metabolic aspects]. *Uspekhi gerontologii*. 4(23): 611-620. [in Russian]
- Alpatov, Groisman, 2017** – *Alpatov, A.V., Groisman, E.V.* (2017). Statisticheskii analiz demograficheskogo stareniya naseleniya Volgogradskoi oblasti [Statistical analysis of demographic aging of the population of the Volgograd region]. *Vestnik Tadzhijskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki. Seriya obshchestvennykh nauk*. 3(72): 66-76. [in Russian]
- Andrianov, 2011** – *Andrianov, V.* (2011). Sotsial'no-ekonomicheskie i filosofskie problemy stareniya naseleniya [Socio-economic and philosophical problems of population aging]. *Obshchestvo i ekonomika*. 4-5: 87-121. [in Russian]
- Bunyakovskii, 1865** – *Bunyakovskii, V.Ya.* (1865). O zakonakh smertnosti i narodonaseleniya v Rossii [On the laws of mortality and population in Russia]. *ZhMNP*. 7: 163-174. [in Russian]
- Izvlечение, 1838** – Izvlечение iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1837 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1837]. Sankt-Peterburg, 1838. [in Russian]
- Izvlечение, 1839** – Izvlечение iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1838 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1838]. Sankt-Peterburg, 1839. [in Russian]
- Izvlечение, 1841** – Izvlечение iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1840 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1840]. Sankt-Peterburg, 1841. [in Russian]
- Izvlечение, 1842** – Izvlечение iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1841 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1841]. Sankt-Peterburg, 1842. [in Russian]
- Izvlечение, 1843** – Izvlечение iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1842 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1842]. Sankt-Peterburg, 1843. [in Russian]
- Izvlечение, 1845** – Izvlечение iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1844 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1844]. Sankt-Peterburg, 1845. [in Russian]
- Izvlечение, 1846** – Izvlечение iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1845 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1845]. Sankt-Peterburg, 1846. [in Russian]
- Izvlечение, 1847** – Izvlечение iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1846 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1846]. Sankt-Peterburg, 1847. [in Russian]
- Izvlечение, 1849** – Izvlечение iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1848 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1848]. Sankt-Peterburg, 1849. [in Russian]
- Izvlечение, 1850** – Izvlечение iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1849 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1849]. Sankt-Peterburg, 1850. [in Russian]
- Izvlечение, 1851** – Izvlечение iz otcheta ober-prokurora Svyateishego sinoda za 1850 g. [Extract from the report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for 1850]. Sankt-Peterburg, 1851. [in Russian]
- Kuznetsova, 2014** – *Kuznetsova, S.M.* (2014). Sotsial'no-sredovye i geneticheskie mekhanizmy formirovaniya fenomena dolgoletiya na Kavkaze [Socio-environmental and genetic mechanisms of the formation of the phenomenon of longevity on the Caucasus]. *Neurologiya i neurokhirurgiya. Vostochnaya Evropa*. 3(23): 83-89. [in Russian]
- Labutin i dr., 2007** – *Labutin, N.Yu., Sannikov, A.L., Labutina, N.O.* (2007). Sotsial'naya zashchishchennost' pomorov evropeiskogo severa v zavisimosti ot klimatoekologicheskikh faktorov v dinamike istoricheskikh protsessov XX veka [Social security of the Pomors of the european north, depending on climatic and ecological factors in the dynamics of historical processes of the XX century]. *Ekologiya cheloveka*. 8: 47-51. [in Russian]
- Mittel'dorf, 2012** – *Mittel'dorf, D.D.* (2012). Demograficheskoe dokazatel'stvo adaptivnykh teorii stareniya [Demographic evidence of adaptive theories of aging]. *Biokhimiya*. 7 (77): 871-875. [in Russian]
- Pashchenko, Pashchenko, 1995** – *Pashchenko, V.P., Pashchenko, E.V.* (1995). Dolgozhiteli evropeiskogo severa Rossii [Long-livers of the European North of Russia]. *Ekologiya cheloveka*. 2: 114-117. [in Russian]
- Vinokurova i dr., 2020** – *Vinokurova, D.M., Egorova, A.G., Chirikov, A.V.* (2020). Dolgoletie i starost': razlichiya podkhodov meditsiny i sotsiologii [Longevity and old age: differences in the approaches of medicine and sociology]. *Sotsiologiya*. 3: 234-240. [in Russian]

Долгожители Российской империи (1836–1914 гг.): историко-статистическое исследование. Часть 1

Александр Арвелодович Черкасов ^{a, b, c, *}, Сергей Николаевич Братановский ^{d, e},
Марина Александровна Пономарева ^f, Людмила Григорьевна Зимовец ^g

^a Черкас глобальный университет (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований), Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Американская историческая ассоциация, Вашингтон, США

^d Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Институт государства и права РАН, Москва, Российская Федерация

^f Финансовый университет при Правительстве РФ, Российская Федерация

^g Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

Аннотация. Предпринята попытка комплексного историко-статистического исследования о долгожителях Российской империи в период 1836–1914 гг. В данной части работы анализируется период 1836–1849 гг., когда учет велся только лиц мужского пола православного вероисповедания. Уделено внимание количеству долгожителей, а именно лицам, возраст которых превысил 101 год, местам их проживания, а также удельному весу числа долгожителей к общему количеству населения.

В качестве материалов нами были использованы отчеты обер-прокурора Святейшего синода по духовному ведомству православного вероисповедания за 1836–1914 гг. Работа построена с использованием базовых принципов историзма, системности и объективности. Важное значение в ней имеет статистический метод, который позволил максимально полно проанализировать имеющиеся статистические данные о смертности на территории Российской империи в период 1836–1849 гг., а также обнаружить важные характерные особенности.

В заключении авторы отмечают, что в период 1836–1849 гг. среди умерших долгожителей Российской империи были: один человек в возрасте до 165 лет, один – до 155 лет, два – до 150, семь человек до 145 лет, два – до 140 и 15 – до 135 лет. Всего же по Российской империи в указанное время более 4,7 тыс. человек преодолели рубеж в 101 год. Регионами с наибольшим количеством долгожителей были в европейской части России Кавказ и Кишинев-Херсонский регионы, в топ-5 лидеров входил также один регион в азиатской части России – Томская епархия.

Ключевые слова: долгожители, Российская империя, Кавказ, Святейший Синод, 1836–1849 гг., историко-статистическое исследование.

* Корреспондирующий автор

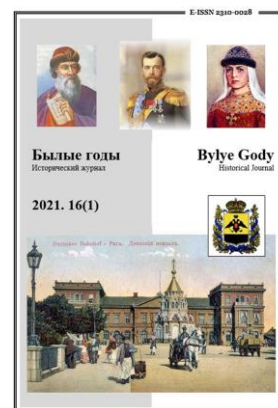
Адреса электронной почты: a.cherkasov@incfar.net (А.А. Черкасов)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 169-181.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.169
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 1

Anvar M. Mamadaliev ^{a, b, *}, Dmitrii V. Karpukhin ^c, Natalia V. Svechnikova ^d, Aude Médico ^e

^a Cherkas Global University (International Network Center for Fundamental and Applied Research), Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^d Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^e University of Geneva, Geneva, Switzerland

Abstract

A series of articles is devoted to the study of the education system in the Kutaisi province of the Russian Empire in the period from 1846 to 1917. Such methods of historical research as historical-system, historical-typological, statistical and others were used in the work. Their combination makes it possible to reconstruct a picture of public education in the Kutaisi province at a specified time, and also to pay attention to certain characteristics – the specificity of the region.

This article, which is the first part of the series, analyzes the period from 1846 to 1884, i.e., the time of the formation of the education system in the Kutaisi province and the beginning of its integration into the all-russian one. The paper presents statistical data taken from the reports of the trustees of the Caucasian educational district and other archival materials, and examines the main problems that the educational administration of the Kutaisi province had to face in the process of integrating the regional public education system into the all-russian one.

Also the article gives a brief analysis of national and foreign scientific works of pre-revolutionary, soviet and modern periods, dedicated to the establishment of the Imperial system of education in the Caucasus, as well as main sources: the Provisions “About the Caucasian educational district and schools” of October 29, 1853, Report of Trustees of the Caucasian educational district second half of the XIXth century, the Caucasus geographical Acts of the Commission, the Collection of laws of the Russian Empire, etc. The main geographical and socio-economic features of the Kutaisi province are briefly covered.

Keywords: public education system, Kutaisi province, Caucasian educational district, 1846–1884.

1. Введение

Исследователи истории становления системы образования на Кавказе (см., в частности, [Shevchenko et al., 2016](#); [Gogitidze, Shiukashvili, 2016](#)) отмечают сложность процесса интеграции коренного населения в образовательную систему Российской империи. Многие этносы не обладали собственной письменностью, и таковая была создана; также в учебные программы внедрялся так называемый «региональный компонент» ([Shevchenko et al., 2016: 363](#)). Ряд авторитетных исследователей полагает, что к 1917 году и, соответственно, периоду упадку империи процесс интеграции системы образования на Кавказе в общероссийскую фактически был завершён (см., напр., [Cherkasov, 2011: 148](#)). В данной, первой части работы, посвященной анализу становления системы народного образования в одной из частей Кавказского образовательного округа – Кутаисской дирекции, мы попробуем осветить проблемы, с которыми сталкивалась администрация

* Corresponding author

E-mail addresses: anvarm@mail.ru (A.M. Mamadaliev)

системы образования, а также качественные и количественные изменения в образовательной сфере, выявленные на основе изучения статистических материалов.

2. Материалы и методы

Материалом для данной статьи послужили положения, указы и прочие документы монаршей власти, регламентирующие работу образовательной системы, а также дореволюционные статистические отчеты.

Проанализируем вкратце основные использованные источники.

Изданное О.С. Евецким в 1835 г. в Санкт-Петербурге «Статистическое описание Закавказского края» посвящено весьма скрупулезному для своего времени исследованию экономики, географии и этнографии Кавказа и Закавказья ([Статистическое описание..., 1835](#)).

Одним из основных источников по указанному периоду является подписанное Николаем I Положение от 29 октября 1853 года «О Кавказском учебном округе и учебных заведениях», которое всецело отражает правительственные тенденции в реформировании сферы образования в Российской империи. Одной из главных задач указанного закона стала централизация и интеграция системы образования Кавказа в общероссийскую. Также документ регламентировал административно-организационную структуру учебного округа и входящих в него «губернских» дирекций (Кутаисской, Тифлисской, Эриванской и др.) ([Положение от 29.10.1853](#)).

Значительный интерес для обозначенных нами хронологических рамок представляют работы Н.И. Воронова – «Черноморские письма», которые автор публиковал в «Русском вестнике» ([Воронов, 1857](#)), и особенно изданный в 1869 году в Тифлисе «Сборник статистических сведений о Кавказе». Как и Евецкий, Воронов делает актуальный на момент издания (и достаточно глубокий) анализ социально-экономической сферы и этнографической составляющей Кавказа ([Сборник статистических сведений о Кавказе, 1896](#)).

Однако оба вышеуказанных труда по своей масштабности и глубине не идут в сравнение с 9-томным сборником российского этнографа Н.К. Зедлица, который получил мировое признание как ученый. Труд был издан в 1871–1885 годах ([Сборник сведений о Кавказе](#)). Через несколько лет в дополнение к сборнику Зейдлиц издал «краткий» «Свод статистических данных о населении Закавказья, с полным алфавитным указателем городов и деревень края» с десятью тысячами наименований населенных пунктов, этносов, терминов и пр. ([Зейдлиц, 1894](#)).

Этносоциальную статистику, которая также оказалась необходимой для нашего исследования, дает и изданная Н.А. Тройницким в Санкт-Петербурге Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. ([Всеобщая перепись населения, 1897](#)).

Нормативные акты, касающиеся системы Кутаисской губернии, можно найти в одном из наиболее обширных дореволюционных источников – «Полном собрании законов Российской Империи». В хронологических рамках нашей работы интерес представляют Второе (1825–1881 годы) и Третье (1881–1913 годы) Собрания ([ПСЗРИ](#)).

Нельзя не отметить и составленный С.В. Рождественским «Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения на протяжении XIX века (1802–1902 годы)», который также может дать краткие и наиболее важные статистические и фактологические сведения о деятельности системы образования ([Исторический обзор, 1902](#)).

Краткую информацию о губернии в целом, в том числе и некоторую статистику об образовательной системе, предоставляет Энциклопедия Брокгауза и Ефрона ([Брокгауз–Ефрон, 1896](#)).

Также были использованы ежегодные отчеты попечителя Кавказского учебного округа за 1848–1984 годы ([ЖМНП, 1848–1883; Отчет, 1884](#)), публикуемые в «образовательной столице» округа – Тифлисе, в которых содержится исчерпывающая статистика по деятельности системы образования округа в целом, однако статистику применительно к конкретному региону (губернии) по некоторым позициям вычлнить достаточно сложно (особенно с учетом того, что объем отчетов составляет в среднем около 800 страниц).

В работе использовались такие методы исторического исследования, как историко-системный, историко-типологический, статистический и другие. Их совокупность позволила воссоздать картину народного образования на территории Кутаисской губернии в указанное время, а также обратить внимание на некоторые характерные особенности – на специфику данного региона.

3. Обсуждение

Как мы уже отмечали в предыдущих наших работах (см., напр., [Mamadaliyev et al., 2020: 237-238](#)), трудов по вопросам становления системы образования относительно немного, так как налицо узкая источниковая база (в частности, это прежде всего отчеты попечителей, а также статистические сборники и нормативные акты), и в целом достаточная их изученность еще с советских времен. Определенные трудности доставляют и огромные объемы этих немногочисленных источников (в частности речь идет об отчетах попечителей Кавказского учебного округа), которые необходимо изучить для получения небольшой «крупницы» «нужной» информации. Поэтому многие исследователи освещающую нами тему рассматривают лишь в общих чертах, резонно предпочитая не

«погружаться» в «глубину» проблемы. Мы же в свою очередь ориентируемся именно на попечительские отчеты как основной источник и стараемся вводить в научный оборот новую, не опубликованную ранее в научных работах статистическую информацию, которая, как представляется, будет полезной в дальнейших комплексных исследованиях. Вместе с тем нельзя не отметить, что дореволюционные авторы тему развития образования на Кавказе старались освещать достаточно глубоко и полно.

В данной работе мы ориентировались на известные дореволюционные, советские и современные работы по проблеме исследования. Из дореволюционных отметим труды С.В. Рождественского «Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802–1902», посвященный 100-летию юбилею Министерства образования ([Исторический обзор, 1902](#)); Л. Модзалевского «Ход учебного дела в Кавказском крае с 1802 по 1880 год» ([Модзалевский, 1880](#)); серию работ А.А. Богоявленского «Библиотечное дело в начальных училищах Кавказского учебного округа» ([Богоявленский, 1911](#); [Богоявленский, 1912a](#); [Богоявленский, 1912b](#)); Н.И. Воронова «Черноморские письма» ([Воронов, 1857](#)); П. Зажаева «Городские училища по положению 1872 года в России и на Кавказе» ([Зажаев, 1909](#)) и др.

Среди советских исследований, посвященных анализу деятельности системы образования на Кавказе, следует отметить статьи, опубликованные в сборнике «Народное образование и педагогическая мысль России кануна и начала империализма (Малоисследованные проблемы и источники)» ([Народное образование, 1980](#)). Однако эти материалы не лишены идеологического влияния, так как безусловные заслуги дореволюционной образовательной системы авторы статей стараются не «замечать». Другая крайность наблюдается в зарубежных публикациях русскоязычных авторов, порой необоснованно критикующих советское образование (см., напр., [Бразоль, 1958](#)).

Современные работы более объективны, однако в некоторых имеется «склонность» завышать дореволюционные достижения, «не замечая» заслуг советской системы образования (см., например, [Голикова, Волчек; Лисюнин, 2011](#)). Более объективными, с фактологическими подтверждениями, нам представляются исследования Н.А. Шевченко, Е.В. Видищева, О.В. Емельянова ([Shevchenko et al., 2016](#)), А.А. Черкасова ([Cherkasov, 2011](#)), О.В. Натолочной, Н.И. Крюковой, С.И. Буслаева ([Natolochnaya et al., 2016](#)), Е.И. Кобахидзе ([Кобахидзе, 2015](#)), посвященные проблемам периодизации, нормативному регулированию становления дореволюционной системы образования на Кавказе в целом. Особо отметим фундаментальный труд Л.С. Гагаевой «Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в.» ([Гагаева, 1993](#)).

Важно также отметить работы, посвященные системе народного образования на Кавказе ([Natolochnaya et al., 2018](#); [Magsumov et al., 2018](#)) и Кавказскому учебному округу. Необходимо пояснить, что часть регионов Кавказа уже рассматривалась в современной историографии. Так, к теме народного образования на территории Карсской области обращались Т.А. Магсумов и другие ([Magsumov et al., 2020](#); [Magsumov et al., 2020a](#)), Тифлисская губерния ранее рассматривалась А.М. Мамадалиевым и другими ([Mamadaliyev et al., 2020a](#); [Mamadaliyev et al., 2020b](#); [Mamadaliyev et al., 2020c](#); [Mamadaliyev et al., 2020d](#)). К истории народного образования на территории Кубанской области обращались В.С. Молчанова и другие ([Molchanova et al., 2019](#); [Molchanova et al., 2019a](#); [Molchanova et al., 2020](#)). О.В. Натолочная и другие исследовали аналогичные проблемы на территории Ставропольской губернии Кавказа ([Natolochnaya et al., 2020](#); [Natolochnaya et al., 2020a](#); [Natolochnaya et al., 2020b](#)), к этим же проблемам на территории Черноморской губернии и Терской области обращались А.А. Черкасов и другие ([Cherkasov et al., 2020](#); [Cherkasov et al., 2020a](#); [Cherkasov et al., 2020b](#)).

4. Результаты

Географические рамки исследования, как было сказано выше, ограничены Кутаисской губернией, которая как самостоятельная административная единица была создана в 1846 году и просуществовала вплоть до свержения монархии в 1917 году. Образовалась она в результате разделения крупной Грузино-Имеретинской губернии, которая включала в себя значительную часть территорий нескольких современных (в том числе и непризнанных большей частью мирового сообщества) государств (Грузии, Абхазии, Южной Осетии, Азербайджана), а также части некоторых северокавказских республик Российской Федерации (Дагестана, Северной Осетии), на четыре независимых друг от друга региона – Тифлиссский, Кутаисский, Дербентский и Шемахинский. Цель подобного разделения заключалась прежде всего в облегчении управления регионом. Площадь Кутаисской губернии была почти 26 тыс. кв. верст ([Брокгауз–Ефрон, 1896](#)).

Административным центром был город Кутаис (в современном написании и произношении – Кутаиси), население которого на момент переписи 1897 года составляло 32 476 чел. ([Всеобщая перепись населения, 1897](#)). В отличие от Тифлиссской губернии, где «столица» региона г. Тифлис явно выделялся по численному, социально-экономическому и культурному развитию среди других городов, в Кутаисской губернии была «вторая» «столица» – город Батум (Батуми) – с населением в 28,5 тыс. человек и мало чем уступающая «официальному» административному центру. Этот факт в свою очередь обусловит вход и выход Батумского округа из Кутаисской губернии: Батумская область была присоединена к России в результате выигранной русско-турецкой войны 1877–1878 годов, в

1878–1883 годах она была самостоятельной территориально-административной единицей, в 1883–1903 годах находилась в составе Кутаисской губернии, а в 1903–1918 – вновь была самостоятельной единицей. На основании этого анализ учебных заведений Батумского округа нами будет сделан лишь в период 1883–1903 годов.

Третьим по численности был г. Сухум (8 тыс. чел.; Сухумский округ был включен в Кутаисскую губернию в 1883 году и находился в ее составе до 1903 года, став впоследствии одним из двух в Российской империи так называемых «особых округов»). Четвертым – захваченный у Османской империи по результатам той же войны 1877–1878 годов г. Артвин (причем с преимущественно – 65,5 % – армянским населением) с количеством жителей в 7091 чел. и располагавшийся южнее Батума. Другие населенные пункты – г. Озургеты (4 710 чел.), г. Зугдиди (3 407 чел.), с. Квирилы (2010 чел.), с. Они (1 255 чел.), с. Сенаки (1 248 чел.), с. Цагери (687 чел.). Нами перечислены лишь уездные и областные центры, однако учебные учреждения, расположенные в других населенных пунктах Кутаисской губернии, также являются предметом данного исследования.

Обосновав географические рамки работы, попробуем определить хронологические «границы». Как было указано выше, Кутаисская губерния образовалась в 1846 году, поэтому анализ источников мы начали именно с этого года. Некоторые регионы, как уже отмечалось, включались в состав губернии и выходили из нее, следовательно, они также «выпадают» из статистики.

Что касается верхней границы, то наиболее логичной является распад Российской империи, то есть февраль 1917 года. Однако объем статьи не позволяет нам полноценно раскрыть столь широкий период. Исходя из этого, представляется целесообразным разделить исследование на три части (каждой, соответственно, будет посвящена отдельная статья).

Первая, данная часть, является вводной и анализирует период начала интеграции системы образования Кутаисской губернии в общероссийскую. Учитывая значительный объем источников и вводный характер статьи, верхнюю хронологическую границу мы определим 1884 годом. Вторая часть будет охватывать период с 1884 по 1907 годы. Верхняя граница определяется изменением в законодательстве, а именно – принятием Закона от 3 мая 1908 года, который значительно расширил государственные ассигнования, выделяемые на народное образование; более того, в конце XIX – начале XX веков в южных регионах России был невероятный демографический рост, что также повлияло и на систему образования. Третья часть закономерно охватывает 1908–1917 годы – развитие образования в Кутаисской губернии в последние 10 лет существования империи, когда закон от 3 мая 1908 года в известной мере поменял подход власти к охвату образованием населения «вширь». Таким образом, хронологические рамки данной статьи 1846–1884 годы.

Наиболее глубокое энциклопедическое дореволюционное издание – Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона – по состоянию на конец XIX века приводит следующие общие данные о системе образования Кутаисской губернии: «На 1000 душ населения приходится грамотных из привилегированных сословий 35,7, из податных 21,8, а всего 57,5 душ, т.е. 57,5 %. На то же число душ, говорящих по-русски, из привилегированных сословий приходится 8,7, из податных 3,7 душ, т.е. всего 12,4 %. Кроме средних учебных заведений в гор. Кутаисе, в губ.(*ернии*) есть еще: сухумская горская школа (193), батумское ремесленное (44) и мариинское (147) училища, потийские мореходные кассы, городские училища в Кутаисе, Батуме, Озургетах и Поти, 128 начальных училищ (9362 уч.), до 500 приходских учил.(*иц*) различных вероисповеданий; в мусульманских медресе обучается более 6 т. ч., а в школах проч. вероисповеданий – более 9 т. ч. об. п.» (Брокгауз–Ефрон, 1896: 135). К так называемой «умственной» жизни в Кутаисской губернии В. Масальский, автор очерка, относится весьма скептически, указывая, что развита таковая «крайне слабо и сосредотачивается в Кутаисе, где издаются «К(утаисские). Губ.(*ернские*) Ведомости» (700 экз.), два духовных журнала на рус. и груз. языках и имеется К. отдел Имп. кавказ. общ. сельского хозяйства. В Батуме, где сосредотачиваются преимущественно торговые интересы губ., издается ежедневная газета на русском языке («Черноморский Вестник»). В 1890 г. типографий в губ. было 8, библиотек для чтения две» (Брокгауз–Ефрон, 1896: 135).

В соответствии с Положением «О Кавказском учебном округе и учебных заведениях» от 29 октября 1853 года округ включал в себя четыре дирекции училищ, одной из которых стала Кутаисская (включающая в себя училища Кутаисской и Эриванской губерний). По состоянию на октябрь 1853 года в Кутаисскую губернию входили следующие учебные заведения (Положение от 29.10.1853: 29-30):

- Кутаисская губернская гимназия с пансионом;
- четыре уездных училища в городах Ахалцых, Александрополь, Эривань, Нахичевань;
- шесть первоначальных училищ в Озургетах (двухклассное), Редуткале (двухклассное), Кутаиси, Новом Баязете, Ордубате и Раче.

Безусловно, политика расширения грамотности «вширь» требовала увеличения количества учебных заведений. В 1874 году в Кутаиси открылась мужская прогимназия.

В 1878 году, исполняя волю императора Александра II в части развития женского образования, в Кутаисской дирекции открылась первая женская гимназия. В этой связи нельзя не упомянуть ту огромную роль, которую играла императрица Мария в деле развития благотворительности и

женского образования в Российской империи, оказывая активное влияние на императора (более подробно см. [Mamadaliyev et al., 2020: 244](#); [Федорченко, 2003: 91](#))

Руководство в Кутаисской гимназии осуществляли директор и его помощник/заместитель (инспектор). Гимназия включала в себя семь основных классов и один подготовительный. Учащимися могли быть дети любых свободных сословий (следовательно, до 1861 года и отмены крепостного права – представители всех сословий, кроме крепостных крестьян). Возраст учащихся в подготовительном классе был 8–12 лет, 1-й класс – 9–13 лет, 2-й – 10–14 лет, 3-й – 11–15 лет, 4-й – 12–16 лет; выше 4-го класса ученики в гимназию не принимались и должны были продолжать обучение, отучившись в 4-м классе ([Положение от 29.10.1853: 37](#)).

Оплата за обучение составляла 5 рублей серебром с возможностью надбавки, если «прибавка эта не будет обременительна для учеников». Помимо основных предметов (Закон Божий Православного исповедания, русский язык, география, история, математика, физика, математическая и физическая география, естественная история, чистописание, черчение и рисование), в Кутаисской гимназии преподавались также Закон Божий Римско-католического исповедания (для учеников соответствующей веры), грузинский язык (для всех слушателей) и турецкий язык (для казеннокоштных¹ воспитанников) ([Положение от 29.10.1853: 37-38, 40](#)).

При Кутаисской гимназии находился «Благородный Пансион» на 135 воспитанников, 60 из которых (причем все из них – привилегированного дворянского сословия; большинство мест принадлежало местным князьям) содержались за государственный счет ([Положение от 29.10.1853: 43](#)).

Положением в Кавказском учебном округе учреждались высшие четырехклассные, уездные и окружные училища. Применительно к Кутаисской губернии, речь идет об уездных училищах. Руководство таковым осуществлял штатный смотритель, избираемый либо из учителей данного училища с лучшим послужным списком, либо чиновник из образовательной сферы с наличием высшего образования. Штат учителей состоял из лиц с высшим или специальным гимназическим образованием. Изучались Закон Божий, русский язык и русская грамматика, местный язык, арифметика, всеобщая и русская краткая география, краткий очерк всеобщей, русской и местной истории, чистописание и «начальные понятия о геометрии» ([Положение от 29.10.1853: 53](#)). Региональную специфику, в отличие от гимназий, в уездных училищах не учитывали. Пансион при училищах Кутаисской губернии не было.

Помимо высших, на Кавказе были и низшие, так называемые первоначальные одно- или двухклассные училища. Причем в отличие от других регионов Кавказа и Закавказья, где эти училища содержались за счет благотворительных обществ, в Кутаисской губернии они открывались за счет государства (в городах Кутаис, Редут-Кале, Озургет, Ордубат, Ново-Баязет и др.). Учащимися училищ были только мальчики возрастом не менее 8 лет, причем без каких-либо имеющихся познаний. Обучение было бесплатным. В одноклассных училищах преподавали Закон Божий или Мусульманский (того вероисповедания, к которому принадлежали жители населенного пункта), русское чтение и письмо (а также практическое изучение разговорного русского языка), чтение и письмо местного языка и основы арифметики (первые четыре действия и «действия над отвлеченными и именованными числами»). В двухклассных училищах дополнительно к названным предметам изучали «Краткий Катехизис и Краткую Священную Историю» (укороченный курс православной религии и истории ее возникновения), краткую русскую грамматику, чистописание и более углубленно – арифметику (знания «о простых дробях и действиях над ними») ([Положение от 29.10.1853: 58-59](#)).

Положение предусматривало и открытие частных школ, однако им полагалось быть «под непосредственным надзором» чиновников от образования: в региональных административных центрах (в частности Кутаиси) – директоров училищ, в других населенных пунктах – штатных смотрителей.

Представляется интересной информация о вознаграждении за труд образовательной администрации и педагогов в Кутаисской губернии.

Директор губернской дирекции² получал годовое денежное довольствие в размере заработной платы в 1000 руб. (гражданский служащий 6 ранга), 300 рублей на продовольственное обеспечение и 300 рублей на жилищное обеспечение. Письмоводитель (чиновник 14 ранга) и бухгалтер (чиновник 12 ранга) получали жалованья по 300 руб. и 90 рублей на «квартирные» расходы ([Положение от 29.10.1853: 85](#)).

Директор (инспектор) гимназии (7 ранг) получал 900 руб. и 200 руб. «столовых»; на жилье ему не полагалось, так как жить он должен был в одном из гимназических строений. Православный законоучитель зарабатывал 500 руб. (плюс 150 руб. «квартирных»), римско-католический – всего

¹ Казеннокоштные – т.е. обучающиеся за счет государства (кошт – буквально со старорусского «счет»).

² Наиболее близкий современный аналог данной должности – начальник управления образованием муниципалитета. Попечитель учебного округа соответствовал должности регионального министра образования.

100 руб. безо всяких расходов на жилье (**Положение от 29.10.1853: 85**). Мотив такой «дискриминации» мы объяснить не можем, кроме как из идеологических соображений в соответствии с насаждаемой при Николае I «формулой» – «православие, самодержавие, народность». Учителя старших классов (9 разряд) получали 700 руб./год (квартирных 210 руб./год), младших классов (языков и наук; чиновники 10 разряда) – 500 руб./год (квартирных 150 руб./год), учителя подготовительных классов, а также черчения, рисования и чистописания (7 разряд) – 400 руб./год (квартирных 120 руб./год) (**Положение от 29.10.1853: 86**).

В уездных училищах руководитель (штатный смотритель), будучи чиновником 8 разряда, получал 700 руб./год (без квартирных, так как размещался на территории училища), учителя наук (12 разряд) – 400 руб. (**Положение от 29.10.1853: 86-88**).

В первоначальных училищах смотрители с совмещением должности учителя турецкого, новогреческого и торговых наук, арифметики и русского языка приравнивались к чиновникам 10 разряда и в год зарабатывали 400 руб. (в Редут-Кале – 500 руб.), учителя первого класса (12 разряд) – 300 руб. (в Редут-Кале: учитель русского языка, арифметики и чистописания – 250 руб.), законоучитель православия при совмещении должности учителя грузинского языка (без разряда) – 150 руб. «Квартирных» денег не предусматривалось, так как педагоги «помещались в учительском доме» (**Положение от 29.10.1853: 89-91**).

По состоянию на конец 1884 года в Кутаисской губернии действовали:

1. Одна мужская гимназия, в которой учились 594 человека (по состоянию на 31 декабря отчетного года) (**Отчет попечителя, 1884: 272**). По конфессиональному признаку абсолютное большинство составляли православные христиане (506 чел.); католики (57 чел.) были на втором месте, и разрыв, как видим, огромен. Представителей других вероисповеданий было еще меньше: армяно-григорианцев – 19 чел., иудеев – 11 чел., протестантов – 1 чел. (**Отчет попечителя, 1884: 273**). Такое положение дел отчасти объясняет значительно более высокий размер зарплаты православных законоучителей: слушателей у них было значительно больше. По национальному составу наблюдаем следующую ситуацию: больше половины всех учащихся были представителями грузинской национальности (347 чел.), что вполне закономерно, так как представители грузинской знати даже в середине второй половины XIX века получали «квоты на поступление» в гимназию, что выражалось в государственном субсидировании образования детей грузинского княжества (**Отчет..., 1884: 273**). Представители русской национальности «прочно обосновались» на втором месте (156 чел.), что тоже можно объяснить «квотами», так как в Положении от 1853 года прямо указывались преференции (заключались они в обучении за казенный счет) детям местных чиновников, каковых было очень много русской национальности; эта ситуация также закономерна, так как правительство всячески старалось утвердить на недавно захваченных землях русскоязычную администрацию. Третье место занимали армяне (61 учащийся). Представителей других этносов было значительно меньше: иностранных подданных/граждан – 19 чел., евреев – 11 чел. (**Отчет..., 1884: 273**).

Что касается распределения по сословной принадлежности, то единственное в Российской империи привилегированное сословие – дворянское – занимало 2/3 от общего количества учащихся (393 чел. из 594 учеников), что, впрочем, не является удивительным по ряду причин. Во-первых, уже упомянутые государственные субсидии на «бесплатное» образование для местного дворянства и высших региональных чиновников: разного рода «квоты», предусмотренные Положением от 1853 года, являлись, на наш взгляд, весьма прагматичным подходом, когда власть всячески поддерживала аборигенную знать, давая ей преимущество перед непривилегированными сословиями, что, к слову сказать, вполне соответствовало кавказскому менталитету. Похожая ситуация, но значительно в менее выраженном варианте, наблюдалась и в Кутаисской прогимназии. Во-вторых, гимназическое образование в тот момент могли себе позволить далеко не все подданные из-за его дороговизны. Наконец, третья и, на наш взгляд, главная причина – это политика Александра III, который всячески препятствовал получению образования низшими сословиями для минимизации революционных настроений (которая в итоге выразится в так называемом «циркуляре о кухаркиных детях» министра народного просвещения И. Делянова, который де-факто закрывал доступ к высшему образованию низших сословий; более подробный анализ этого явления дан нами в других работах (см., в частности, **Mamadaliyev et al., 2020b**). Таким образом, в 80-е годы XIX века государственная политика развития образования «вширь» еще не могла быть реализована в полной мере; этот процесс, начатый при Александре II, фактически завершится в конце правления Николая II. Детей представителей духовенства в Кутаисской гимназии было 44, городских сословий (мещане, рабочие, купцы и др.) – 103, сельских сословий (казаки, крестьяне) – 28, нижних чинов – 24, иностранных подданных/граждан – 2 (**Отчет..., 1884: 272**).

2. Одна мужская прогимназия с количеством учащихся в 195 чел. по состоянию на 31 декабря отчетного года (**Отчет попечителя, 1884: 272**). Православных учащихся, как и в гимназии, было абсолютное большинство – 156 чел. На втором месте «шли» представители армяно-григорианского христианства (18 чел.), немного им «уступали» католики (14 чел.). Протестантов было в 4 раза больше, чем в гимназии (4 чел.); имелись также двое представителей ислама и один представитель иудаизма (**Отчет попечителя, 1884: 272**). По национальному составу вполне закономерно, что большую часть

составляли грузины – 138 учащихся. Русских было 28 чел., армян – 18 чел. Татар и горцев было по два человека, один еврей и шесть иностранных подданных/граждан (Отчет..., 1884: 273).

По сословному признаку распределение было похоже на ситуацию в гимназии: дворяне – 119 чел., городские сословия – 29 чел., духовенство – 19 чел., крестьяне – 17 чел., нижних чинов – 6 чел., иностранцев – 5 чел. В целом, что касается сословий, нельзя не отметить вполне логичную закономерность: чем выше уровень образовательного учреждения, тем больше в нем процент представителей привилегированного сословия. Причины этого были изложены нами выше (Отчет..., 1884: 272).

Нельзя не сказать и о развитии библиотечных фондов, так как не будет, на наш взгляд, преувеличением тезис о том, что этот показатель напрямую отражает уровень развития образовательной сферы.

В частности, в 1884 году фундаментальная библиотека Кутаисской гимназии насчитывала 2393 названия при 6241 томе стоимостью в 12390 руб.; в отчетном году стоимость увеличилась на 469 руб. По стоимости она уступала лишь фундаментальной библиотеке Кубанской гимназии (14816 руб., которая «подоржала» в 1884 году аж на 1415 руб., то есть почти в три раза в сравнении с кутаисской). Ученическая библиотека Кутаисской гимназии в отчетном году включала 1480 названий и 2524 тома стоимостью 4278 руб. (увеличение в отчетном 1884 году на 509 руб.), располагаясь по этому показателю на 3 месте в округе (Отчет..., 1884: 242).

Кутаисская прогимназия насчитывала в фундаментальной библиотеке в конце 1884 года 898 названий при 2181 томе при стоимости 5584 руб.; в ученической – было 305 названий при 407 томах и стоимости в 202 руб. (Отчет..., 1884: 242).

Оплата за обучение в 1884 году в Кутаисской гимназии составляла от 16 до 26 рублей (для разных категорий подданных), в прогимназии – 16–20 рублей (Отчет..., 1884: 252).

3. Женское гимназическое образование:

а) Одна женская гимназия (Кутаисская женская гимназия, основанная в 1878 году) в 8 классов, не включая один подготовительный класс. Плата за обучение составляла 50 руб. в год. Общее количество учениц по состоянию на 31 декабря 1884 года – 303 чел.

Этнически большую часть учениц составляли грузинки (164 чел.) и русские (112 чел.). Остальные национальностей было в разы меньше: армян – 16 чел., европейцев (национальность не уточняется) – 10 чел., евреев – 1 чел. (Отчет..., 1884: 393).

По вероисповеданию в гимназии преобладали православные христиане (259 чел.), которых было более чем в 10 раз больше, нежели католиков (25 чел.), занимавших «второе» место; армяно-григорианских христиан было 13 человек, протестантов (лютеран) – 5 чел., иудеев – 1 чел. (Отчет..., 1884: 393).

По сословному признаку распределение было похожим на мужскую гимназию: преобладали дети дворян (221 чел., почти 2/3 учащихся), дети городских сословий – 56 чел., представителей духовенства – 20 чел., крестьян – 4 чел., дочерей иностранцев – 2 чел. (Отчет..., 1884: 392).

Библиотечный фонд фундаментальной библиотеки Кутаисской женской гимназии включал в себя 363 названия при 644 томах и стоимости в 1472 руб. Ученическая библиотека насчитывала 826 названий при 607 томах, общей стоимостью 2000 руб. (Отчет..., 1884: 368).

б) Одна женская прогимназия (Сухумская женская прогимназия, основанная в 1882 году). Прогимназия была двухклассной. Плата за обучение составляла 18 руб. в год. Общее количество учениц по состоянию на 31 декабря 1884 года – 46 чел.

По национальному составу, в отличие от кутаисских заведений, значительно преобладали русские (20 чел.), на втором месте – горцы (10 чел.), далее – грузины (8 чел.), татары (6 чел.), евреи и европейцы – по одной ученице (Отчет..., 1884: 393).

По вероисповеданию традиционно преобладали православные ученицы (44 чел.), причем это преобладание было рекордным в учебных заведениях Кутаисской губернии – более чем в 40 раз! Лютеран и иудеев было по одной ученице (Отчет..., 1884: 393).

По условиям распределение было не таким односторонним, как в гимназиях. Традиционно больше других сословий были представлены дворяне (20 чел.), на втором месте – представительницы городских сословий (14 чел.), остальных было значительно меньше, но в относительно равных долях – по четыре ученицы от крестьянского сословия и нижних чинов, трое – от духовенства, и одна – дочь иностранного подданного/гражданина (Отчет..., 1884: 393).

Библиотечный фонд фундаментальной библиотеки прогимназии в г. Сухуме вполне закономерно был еще совсем невелик: 8 названий и 127 томов стоимостью 76 руб. Небольшой была и ученическая библиотека в 152 тома при 5 названиях и стоимостью 85 руб. (Отчет..., 1884: 368). Всецело сказывалось небольшое количество классов (точнее, двухклассность в отличие от 8-классных классических гимназий или наиболее «продвинутой» в Кавказском учебном округе 5-классной тифлисской прогимназии).

4. Три городских училища (Отчет..., 1884: 422):

а) Кутаисское городское училище (основано в 1882 г.);

б) Озургетское городское училище (основано в 1874 г.);

в) Мингрельское городское училище (основано в 1879 г.).

Батумская область на момент составления отчета была выведена из Кутаисской губернии; в г. Батуме также имелось городское училище.

Училища имели по три класса (не считая подготовительного). Вкупе по губернии классов в городских училищах насчитывалось 16 (по 6 в Кутаисском и Озургетском, четыре – в Мингрельском) (Отчет..., 1884: 423).

Учащихся в Кутаисском училище (по состоянию на 31 декабря 1884 г.) было 360 чел., из которых дворян – 142, сельских сословий – 117, городских сословий – 80, детей духовенства – 21. В Озургетском городском училище училось 368 чел., из которых дворян – 140, сельских сословий – 153, городских сословий – 56, детей духовенства – 17, иностранцев – 2. И, наконец, в Мингрельском городском училище числилось 224 чел., из которых дворян – 33, сельских сословий – 113, городских сословий – 60, детей духовенства – 10, иностранцев – 8. (Отчет..., 1884: 440). Как видим, полностью подтверждается высказанные выше предположения о сословном составе учащихся: чем ниже уровень образовательного учреждения, тем больше было представителей низших сословий. Количество дворянских и крестьянских детей в городских училищах практически сравнялось, в то время как детей представителей городских сословий значительно меньше, чем двух вышеуказанных.

Общее число учащихся в городских училищах – 952 чел. По религиозному признаку абсолютное большинство составляют православные христиане (932 чел.), то есть 98 % от всех учащихся. По национальному признаку большинство составляли грузины: 884 учащихся, или 93 % от общего количества (Отчет..., 1884: 441).

Книжный фонд фундаментальной библиотеки Озургетского городского училища составлял 336 названий при 1014 томах стоимостью 934 руб.; ученической библиотеки – 11 названий, 18 томов, 10 руб. Фундаментальная библиотека Кутаисского училища имела 278 названий при 455 томах стоимостью в 762 руб.; ученическая, соответственно, 20 названий и 20 томов (стоимость не указана). Самой богатой была библиотека Мингрельского городского училища: фундаментальная – 484 названия, 1097 томов, 1336 руб.; ученическая – 141 название, 280 томов и 438 руб. стоимости (Отчет..., 1884: 424).

5. Сухумская горская школа (1863–1879), в которой учились 117 учащихся (по состоянию на 31 декабря 1884 г.), из которых дворяне – 44 чел., городские сословия – 43 чел., сельские сословия – 27, духовенство – 3 (Отчет..., 1884: 474). Православные христиане в ней уже не преобладали столь явно, как в образовательных учреждениях, исследованных выше. Третью составляли мусульмане, треть – армяно-григорианцы и только треть – православные.

6. Начальные училища (число – 110). Общее число учащихся в них (по губернии в целом и по состоянию на 31 декабря 1884 г.) – 5949 чел. (5293 мальчика и 656 девочек) (Отчет..., 1884: 512). Дворянских детей было большинство. По конфессиональному признаку большую часть составляли православные христиане.

5. Заключение

Подытоживая сказанное, отметим ключевые моменты, обозначенные выше:

1. Положение от 1853 года положило начало интеграции системы образования Кутаисской губернии в общероссийскую, дав юридический инструмент с характерными для него нормативами, требованиями и содержанием образования (вплоть до попредметного перечисления преподаваемых дисциплин). Столь исчерпывающим же образом оговаривалась плата за обучение, вознаграждение преподавательскому и административно-управляющему персоналу. Таким же образом регулировалось функционирование пансионов при гимназиях и прогимназиях.

2. В мужских гимназиях и прогимназиях среди учеников всецело преобладало дворянское сословие. Главной причиной мы видим политику контрреформизма Александра III, который старался минимизировать революционные настроения подданных путем негласного запрета на получение низшими сословиями среднего и высшего образования. Нельзя также исключать и своеобразные «квоты» для дворян – местной княжеской элиты и высшего регионального чиновничества, которые выдавались в виде субсидий на бесплатное образование: дети указанных категорий обучались за государственный счет. И, наконец, отметим дороговизну гимназического образования в тот период: сельские и низшие городские сословия позволить своим детям такого не могли. С приходом к власти Николая II тенденция поменялась, о чем будет изложено в следующих статьях данной серии.

В низших же образовательных учреждениях процентное соотношение дворян, крестьян и городских сословий практически сравнялось.

3. Женское образование в распространенности вполне закономерно уступало мужскому: девочек-гимназисток было в два раза меньше, чем мальчиков. «Заслуга» такого положения дел, на наш взгляд, не только в консервативных взглядах императоров Николая I и Александра III, но и в особенностях кавказского менталитета (каковым предусматривалось, что женщина является прежде всего матерью и «хранительницей очага» и наличие у нее образования, в отличие от мужа-«добытчика», совершенно излишне). Император Александр II при полной поддержке и при

«идеологическом давлении» своей супруги императрицы Марии всячески старался ликвидировать этот «разрыв».

4. По национальному признаку среди учащихся закономерно преобладали представители грузинской национальности. На втором месте были русские. Такое положение дел наблюдалось практически во всех исследованных нами типах образовательных учреждений Кутаисской губернии.

Литература

- АКАК** – Акты, собранные Кавказской комиссией. Т. 8. Тифлис, 1881.
- Богоявленский, 1911** – Богоявленский А.А. Библиотечное дело в начальных училищах Кавказского учебного округа // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1911. № 6.
- Богоявленский, 1912a** – Богоявленский А.А. Библиотечное дело в начальных училищах Кавказского учебного округа // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1912. № 5.
- Богоявленский, 1912b** – Богоявленский А.А. Библиотечное дело в начальных училищах Кавказского учебного округа (продолжение) (Черноморская губерния в т.ч.) // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1912. № 6.
- Бразоль, 1958** – Бразоль Б.Л. Царствование Императора Николая II в цифрах, фактах (1894–1917 гг.). Нью-Йорк, 1958.
- Брокгауз–Ефрон, 1896** – Кутаисская губерния // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. Том XVII (33). СПб., 1896. С. 129–135.
- Воронов, 1857** – Воронов Н.И. Черноморские письма // *Русский вестник*. 1857. № 1, 3.
- Всеобщая перепись населения, 1897** – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Том LXVI. Кутаисская губерния / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1905.
- Гатагова, 1993** – Гатагова Л.С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. М., 1993.
- Голикова, Волчек** – Голикова О.А., Волчек В.А. Создание сети всеобщего начального обучения на территории Томской губернии в начале XX в. // [Электронный ресурс]. URL: http://conference.kemsu.ru/GetDocsFile?id=13949&table=papers_file&type=1&conn=confDB (дата обращения: 16.09.20)
- Зажаев, 1909** – Зажаев П. Городские училища по положению 1872 года в России и на Кавказе // *На Кавказе*. 1909. № 4.
- Зейдлиц, 1894** – Зейдлиц Н.К. Свод статистических данных о населении Закавказья, с полным алфавитным указателем городов и деревень края. Тифлис, 1894.
- Исторический обзор, 1902** – Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 / Сост. С.В. Рождественский. СПб., 1902.
- Кобахидзе, 2015** – Кобахидзе Е.И. Законодательство 1840–1870-х гг. в области образования как фактор интеграции кавказской школы в российскую систему народного просвещения // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2015. № 10. Ч. 3. С. 87–90.
- Лисюнин, 2011** – Лисюнин В. Просветительская функция православного духовенства в конце XIX – начале XX в. // *Вестник ТГУ*. 2011. Выпуск 2 (94). С. 335–337.
- Материалы по истории, 1942** – Материалы по истории осетинского народа: Сборник документов по истории завоевания осетин русским царизмом / Сост. В.С. Гальцев. Орджоникидзе, 1942. Т. II.
- Модзалевский, 1880** – Модзалевский Л. Ход учебного дела в Кавказском крае с 1802 по 1880 год // Памятная книжка Кавказского учебного округа на 1880 год. Тифлис, 1880.
- Народное образование, 1980** – Народное образование и педагогическая мысль России кануна и начала империализма (Малоисследованные проблемы и источники). Сб. научных трудов / Под ред. Э.Д. Днепров. М., 1980.
- Отчет..., 1884** – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1895 г. Тифлис, 1885.
- Положение от 29.10.1853** – Положение «О Кавказском учебном округе и учебных заведениях» от 29 октября 1853 года // *Журнал Министерства народного просвещения*. СПб., 1853. № 80.
- ПСЗРИ, 1911** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Том XXVIII. 1908. СПб., 1911.
- Сборник сведений о Кавказе** – Сборник сведений о Кавказе / Под ред. Н.К. Зейдлица. Т. 1–9. Тифлис, 1871–1885.
- Сборник статистических сведений, 1869** – Сборник статистических сведений о Кавказе / Сост. Н.И. Воронов. Ч. 1. Тифлис, 1869.
- Статистическое описание..., 1835** – Статистическое описание Закавказского края / Сост. О. Евецкий. В 2 ч. Ч. 1. СПб., 1835.
- Федорченко, 2003** – Федорченко В.И. Императорский Дом. Выдающиеся сановники: Энциклопедия биографий. Т. 2. Красноярск, 2003.

- [Штат КУО](#) – «Штат Кавказского учебного округа», утв. Повелением ЕВ от 29 октября 1853 года // *Журнал Министерства народного просвещения*. СПб., 1853. № 80.
- [Cherkasov et al., 2020](#) – Cherkasov A.A., Koroleva L.A., Bratanovskii S.N. The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 1 // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 65(3): 750-770.
- [Cherkasov et al., 2020a](#) – Cherkasov A.A., Koroleva L.A., Bratanovskii S.N. The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 2 // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2020. 65(4): 1067-1084.
- [Cherkasov et al., 2020b](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Zimovets L.G. The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(4): 963-970.
- [Cherkasov, 2011](#) – Cherkasov A.A. All-Russian Primary Education (1894-1917): Developmental Milestones // *Social Evolution & history*. 2011. № 2(10): 138-149.
- [Magsumov et al., 2018](#) – Magsumov T.A., Artemova S.F., Ustinova O.V., Vidishcheva E.V. Public education system in the Caucasus region in the 1850s: Unification and regulation of educational process // *European Journal of Contemporary Education*. 7(3): 598-607.
- [Magsumov et al., 2020](#) – Magsumov T.A., Korolev A.A., Ponomareva M.A., Zulfugarzade T.E. The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 221-234.
- [Magsumov et al., 2020a](#) – Magsumov T.A., Korolev A.A., Ponomareva M.A., Zulfugarzade T.E. The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 459-472.
- [Mamadaliev et al., 2020a](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 235-247.
- [Mamadaliev et al., 2020b](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 56(2): 530-540.
- [Mamadaliev et al., 2020c](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 3 // *Bylye Gody*. 57(3): 1065-1084.
- [Mamadaliev et al., 2020d](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 4 // *Bylye Gody*. 58(4): 2409-2426.
- [Molchanova et al., 2019](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1 // *Bylye Gody*. 53(3): 1049-1058.
- [Molchanova et al., 2019a](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. (2020). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2 // *Bylye Gody*. 54(2): 1524-1536.
- [Molchanova et al., 2020](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 3 // *Bylye Gody*. 55(1): 88-104.
- [Natolochnaya et al., 2016](#) – Natolochnaya O.V., Kryukova N.I., Buslaev S.I. The development of the public education system in the Caucasus in the pre-revolutionary period (1905–1917 years) // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 39. Is. 1: 222-228.
- [Natolochnaya et al., 2018](#) – Natolochnaya O.V., Miku N.V., Zulfugarzade T.E., Médico A. (2018). Highland schools in the Caucasus: Historical background // *European Journal of Contemporary Education*. 7(3): 608-614.
- [Natolochnaya et al., 2020](#) – Natolochnaya O.V., Zimovets L.G., Allalyev R.M., Svechnikov V.A. The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 473-480.
- [Natolochnaya et al., 2020a](#) – Natolochnaya O.V., Makarov Y.N., Allalyev R.M., Svechnikov V.A. The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 9(3): 679-688.
- [Natolochnaya et al., 2020b](#) – Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Svechnikov V.A., Ivantsov V.G. The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 3 // *European Journal of Contemporary Education*. 9(4): 984-992.
- [Shevchenko et al., 2016](#) – Shevchenko N.A., Vidishcheva E.V., Emelyanova O.V. The Establishment of the System of Public Education in the Caucasus (1802–1917 years): the Characteristic Features // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 40. Is. 2: 363-372.

References

- AKAK** – Akty, sobrannyye Kavkazskoi komissiei [Acts collected by the Caucasian Commission]. T. 8. Tiflis, 1881.
- Bogoyavlenskii, 1911** – *Bogoyavlenskii, A.A.* (1911). Bibliotechnoe delo v nachal'nykh uchilishchakh Kavkazskogo uchebnogo okruga [Librarianship in primary schools of the Caucasian educational district]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 6. [in Russian]
- Bogoyavlenskii, 1912a** – *Bogoyavlenskii, A.A.* (1912). Bibliotechnoe delo v nachal'nykh uchilishchakh Kavkazskogo uchebnogo okruga [Librarianship in primary schools of the Caucasian educational district]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 5. [in Russian]
- Bogoyavlenskii, 1912b** – *Bogoyavlenskii, A.A.* (1912). Bibliotechnoe delo v nachal'nykh uchilishchakh Kavkazskogo uchebnogo okruga (prodolzhenie) (Chernomorskaya guberniya v t.ch.) [Librarianship in primary schools of the Caucasian educational district (continued) (Black Sea province incl.)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 6. [in Russian]
- Brazol', 1959** – *Brazol', B.L.* (1959). Tsarstvovanie Imperatora Nikolaya II v tsifrakh i faktakh (1894–1917 gg.) [The reign of Emperor Nicholas II in figures and facts (1894–1917)]. N'yu Iork. [in Russian]
- Brokgauz–Efron, 1901** – Kuttaiskaya guberniya [Kutaisi province]. Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona. Tom XVII (33). SPb., 1896. Pp. 129-135. [in Russian]
- Cherkasov et al., 2020** – *Cherkasov, A.A., Koroleva, L.A., Bratanovskii, S.N.* (2020). The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 1. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 65(3): 750-770.
- Cherkasov et al., 2020a** – *Cherkasov, A.A., Koroleva, L.A., Bratanovskii, S.N.* (2020). The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 2. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 65(4): 1067-1084.
- Cherkasov et al., 2020b** – *Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Zimovets, L.G.* (2020). The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(4): 963-970.
- Cherkasov, 2011** – *Cherkasov, A.A.* (2011). All-Russian Primary Education (1894-1917): Developmental Milestones. *Social Evolution & history*. 2(10): 138-149.
- Fedorchenko, 2003** – *Fedorchenko, V.I.* (2003). Imperatorskii Dom. Vydayushchiesya sanovniki: Entsiklopediya biografii [Imperial House. Distinguished dignitaries: An Encyclopedia of biographies]. T. 2. Krasnoyarsk. [in Russian]
- Gatagova, 1993** – *Gatagova, L.S.* (1993). Pravitel'stvennaya politika i narodnoe obrazovanie na Kavkaze v XIX v. [Government policy and public education in the Caucasus in the 19th century]. M.: Rossiya molodaya. [in Russian]
- Golikova, Volchek** – *Golikova, O.A., Volchek, V.A.* Sozdanie seti vseobshchego nachal'nogo obucheniya na territorii Tomskoi gubernii v nachale XX v. [Creation of a network of universal primary education in the territory of Tomsk province at the beginning of the XX centur]. [Electronic resource]. URL: http://conference.kemsu.ru/GetDocsFile?id=13949&table=papers_file&type=1&conn=confDB (date of access: 16.09.20). [in Russian]
- Istoricheskii obzor, 1902** – Istoricheskii obzor deyatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1802–1902 [Historical review of the activities of the Ministry of Public Education. 1802-1902]. Sost. S.V. Rozhdestvenskii. SPb., 1902. [in Russian]
- Kobakhidze, 2015** – *Kobakhidze, E.I.* (2015). Zakonodatel'stvo 1840–1870-kh gg. v oblasti obrazovaniya kak faktor integratsii kavkazskoi shkoly v rossiiskuyu sistemu narodnogo prosveshcheniya [Legislation 1840-1870s in the field of education as a factor of integration of the Caucasian school into the Russian system of public education]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 10. Ch. 3. [in Russian]
- Lisyunin, 2011** – *Lisyunin, V.* (2011). Prosvetitel'skaya funktsiya pravoslavnogo dukhovenstva v kontse XIX – nachale XX v. [The educational function of the Orthodox clergy in the late 19th – early 20th centuries]. *Vestnik TGU*. 2(94): 335-337. [in Russian]
- Magsumov et al., 2018** – *Magsumov, T.A., Artemova, S.F., Ustinova, O.V., Vidishcheva, E.V.* (2018). Public education system in the Caucasus region in the 1850s: Unification and regulation of educational process. *European Journal of Contemporary Education*. 7(3): 598-607.
- Magsumov et al., 2020** – *Magsumov, T.A., Korolev, A.A., Ponomareva, M.A., Zulfugarzade, T.E.* (2020). The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 221-234.
- Magsumov et al., 2020a** – *Magsumov, T.A., Korolev, A.A., Ponomareva, M.A., Zulfugarzade, T.E.* (2020). The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 459-472.
- Mamadaliyev et al., 2020a** – *Mamadaliyev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A.* (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 235-247.

[Mamadaliyev et al., 2020b](#) – Mamadaliyev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 56(2): 530-540.

[Mamadaliyev et al., 2020c](#) – Mamadaliyev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 3. *Bylye Gody*. 57(3): 1065-1084.

[Mamadaliyev et al., 2020d](#) – Mamadaliyev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 4. *Bylye Gody*. 58(4): 2409-2426.

[Materialy po istorii, 1942](#) – Materialy po istorii osetinskogo naroda: Sbornik dokumentov po istorii zavoevaniya osetin russkim tsarizmom [Materials on the history of the Ossetian people: Collection of documents on the history of the conquest of the Ossetians by Russian tsarism]. Sost. V.S. Gal'tsev. Ordzhonikidze, 1942. T. II. [in Russian]

[Modzalevskii, 1880](#) – Modzalevskii, L. (1880). Khod uchebnogo dela v Kavkazskom krae s 1802 po 1880 god [The course of educational affairs in the Caucasian region from 1802 to 1880]. Pamyatnaya knizhka Kavkazskogo uchebnogo okruga na 1880 god. Tiflis. [in Russian]

[Molchanova et al., 2019](#) – Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I. (2020). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1. *Bylye Gody*. 53(3): 1049-1058.

[Molchanova et al., 2019a](#) – Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I. (2020). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2. *Bylye Gody*. 54(2): 1524-1536.

[Molchanova et al., 2020](#) – Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I. (2020). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 3. *Bylye Gody*. 55(1): 88-104.

[Narodnoe obrazovanie, 1980](#) – Narodnoe obrazovanie i pedagogicheskaya mysl' Rossii kanuna i nachala imperializma (Maloissledovannyye problemy i istochniki) [Public education and pedagogical thought in Russia on the eve and the beginning of imperialism (Little-researched problems and sources)]. Sb. nauchnykh trudov. Pod red. E.D. Dneprova. M., 1980. [in Russian]

[Natolochnaya et al., 2016](#) – Natolochnaya, O.V., Kryukova, N.I., Buslaev, S.I. (2016). The development of the public education system in the Caucasus in the pre-revolutionary period (1905–1917 years). *Bylye Gody*. 39(1): 222-228.

[Natolochnaya et al., 2018](#) – Natolochnaya, O.V., Miku, N.V., Zulfugarzade, T.E., Médico, A. (2018). Highland schools in the Caucasus: Historical background. *European Journal of Contemporary Education*. 7(3): 608-614.

[Natolochnaya et al., 2020](#) – Natolochnaya, O.V., Zimovets, L.G., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A. (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 473-480.

[Natolochnaya et al., 2020a](#) – Natolochnaya, O.V., Makarov, Y.N., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A. (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 9(3): 679-688.

[Natolochnaya et al., 2020b](#) – Natolochnaya, O.V., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A., Ivantsov, V.G. (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 9(4): 984-992.

[Otchet..., 1884](#) – Otchet popechitel'ya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1895 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district "On the state of educational institutions" for 1895]. Tiflis, 1885. [in Russian]

[Polozhenie ot 29.10.1853](#) – Polozhenie «O Kavkazskom uchebnom okruge i uchebnykh zavedeniyakh» ot 29 oktyabrya 1853 goda [Regulations "On the Caucasian educational district and educational institutions" of October 29, 1853]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. SPb., 1853. № 80. [in Russian]

[PSZRI, 1911](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie 3-e. Tom XXVIII. 1908. SPb., 1911. [in Russian]

[Sbornik statisticheskikh svedenii, 1869](#) – Sbornik statisticheskikh svedenii o Kavkaze [Collection of statistical information about the Caucasus]. Sost. N.I. Voronov. Ch. 1. Tiflis, 1869. [in Russian]

[Sbornik svedenii o Kavkaze](#) – Sbornik svedenii o Kavkaze [Collection of information about the Caucasus]. Pod red. N.K. Zeidlitsa. T. 1–9. Tiflis, 1871–1885. [in Russian]

[Shevchenko et al., 2016](#) – Shevchenko, N.A., Vidishcheva, E.V., Emelyanova, O.V. (2016). The Establishment of the System of Public Education in the Caucasus (1802–1917 years): the Characteristic Features. *Bylye Gody*. 40(2). 363-372.

[Shtat KUO](#) – «Shtat Kavkazskogo uchebnogo okruga», utv. Povelением EV ot 29 oktyabrya 1853 goda ["Staff of the Caucasian educational district", approved. By the order of the EB of October 29, 1853]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. SPb., 1853. № 80. [in Russian]

[Statisticheskoe opisanie..., 1835](#) – Statisticheskoe opisanie Zakavkazskogo kraja [Statistical

description of the Transcaucasian region]. Sost. O. Evetskii. V 2 ch. Ch. 1. SPb., 1835. [in Russian]

Voronov, 1857 – Voronov, N.I. (1857). Chernomorskie pis'ma [Black Sea Letters]. *Russkii vestnik*. 1, 3. [in Russian]

Vseobshchaya perepis' naseleniya, 1897 – Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. [The first general population census of the Russian Empire in 1897]. Tom LXVI. Kutaiskaya guberniya. Pod red. N.A. Troinitskogo. SPb., 1905. [in Russian]

Zazhaev, 1909 – Zazhaev, P. (1909). Gorodskie uchilishcha po polozheniyu 1872 goda v Rossii i na Kavkaze [City schools in 1872 in Russia and the Caucasus]. *Na Kavkaze*. 4. [in Russian]

Zeidlits, 1894 – Zeidlits, N.K. (1894). Svod statisticheskikh dannykh o naselenii Zakavkaz'ya, s polnym alfavitnym ukazatelem gorodov i dereven' kraia [A set of statistical data on the population of the Transcaucasus, with a complete alphabetical index of the towns and villages of the region]. Tiflis. [in Russian]

Система народного образования в Кутаисской губернии 1846–1917 гг. Часть 1

Анвар Мирзахматович Мамадалиев ^{a, b, *}, Дмитрий Вячеславович Карпунин ^c,
Наталья Викторовна Свечникова ^d, Ауде Медико ^e

^a Черкас глобальный университет (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований), Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^d Российский экономический университет им. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Женевский университет, Женева, Швейцария

Аннотация. Серия статей посвящена изучению системы образования в Кутаисской губернии Российской империи в период с 1846 по 1917 годы. В работе использовались такие методы исторического исследования, как историко-системный, историко-типологический, статистический и другие. Их совокупность позволила воссоздать картину народного образования на территории Кутаисской губернии в указанное время, а также обратить внимание на некоторые характерные особенности – специфику рассматриваемого региона.

В данной статье, являющейся первой частью серии, анализируется период с 1846 по 1884 гг., т.е. время становления системы образования в Кутаисской губернии и начала ее интеграции в общероссийскую. В работе приводятся статистические данные, взятые из отчетов попечителей Кавказского учебного округа и других архивных материалов, рассматриваются основные проблемы, с которыми пришлось столкнуться образовательной администрации Кутаисской губернии в процессе интеграции системы народного образования региона в общероссийскую.

Также в статье делается краткий анализ отечественных и зарубежных научных трудов дореволюционного, советского и современного периодов, посвященных становлению имперской системы образования на Кавказе, а также основных источников: Положения «О Кавказском учебном округе и учебных заведениях» от 29 октября 1853 года, Отчетов попечителей Кавказского учебного округа второй половины XIX века, Актов Кавказской географической комиссии, Собрания законов Российской империи и др. Вкратце освещаются основные географические и социально-экономические особенности Кутаисской губернии.

Ключевые слова: система народного образования, Кутаисская губерния, Кавказский учебный округ, 1846–1884 гг.

* Корреспондирующий автор

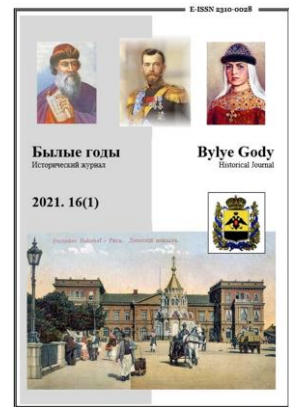
Адреса электронной почты: anvarm@mail.ru (А.М. Мамадалиев)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 182-190.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.182
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Nobility, Merchants and Clergy in the System of Social Movements in the 50s of the XIX – early XX centuries

Alexey A. Kiyashchenko ^a, Dmitry V. Naumov ^a, Dmitry S. Gudov ^{a, *}, Svetlana R. Gubaeva ^a

^aBelgorod State University, Russian Federation

Abstract

The study of social mobility and social lifts of the 50s of XIX century – early XX century is an urgent scientific problem of Russian history. The preparation and implementation of the great reforms of Alexander II led to the transformation of all spheres of public life, deeply affecting the estate system of the Russian Empire. The ensuing intensification of emancipation, leading to the evolution of inter-social relations, activated social lifts, stimulating both vertical and horizontal mobility. In this article, a team of authors analyzes the transformation in the second half of the 19th century of the main estates of Russia: the nobility, merchants and clergy, which were the final (or intermediate) goal for the transition of representatives of less privileged corporations.

The structure of this work is based on the principles of social ranking of the three specified estates in terms of their attractiveness for the transition. On the basis of this principle, methods of transition to the nobility, merchants and clergy, as well as the rights and obligations of newly entered individuals arising in connection with this transition, are consistently investigated. Based on the quantitative data of official sources, a conclusion is made about the mass character of the merchant's transition to the nobility, despite government measures aimed at complicating such a transition, at the same time, a regularity is drawn about the relative stability of the spiritual class, while softening the restrictive framework for its entry.

At the same time, the team of authors analyzes the gradual erosion of the estate framework during the last third of the 19th – early 20th centuries. and, in parallel, accompanied by this process, the interpenetration of moral norms, values and ideas inherent in the representatives of these estates, which, in turn, simultaneously contributed to the formation of the class structure of Russian society, instead of the de facto collapsing estate system.

Keywords: social mobility, social lift, nobility, merchants, clergy.

1. Введение

Эволюция сословной структуры российского общества периода Российской империи сегодня все больше привлекает внимание исследователей, так как межсословные и внутрисословные связи общества Российской империи до сих пор остаются недостаточно разработанными в исторической науке. С одной стороны, это связано с тем, что в советский период был накоплен большой багаж по истории отдельных социальных групп, в первую очередь пролетариата и крестьянства, но с акцентом на сословно-политические и хозяйственно-правовые процессы. В то же время практически не учитывались различные спектры межсословных и внутрисословных связей с учетом их внутренней стратификации. В этой связи особенно интересными и малоизученными остаются вопросы социальной мобильности в пореформенный период. Особую актуальность это приобретает при анализе переломных эпох, таких, каким и является пореформенный период. В статье рассматриваются три основных сословия Российской империи: дворянство, купечество и духовенство, переход в которые так или иначе являлся примером проявления

* Corresponding author

E-mail addresses: gudoff.dmitrij@yandex.ru (D.S. Gudov)

вертикальной мобильности по отношению к представителям других непривилегированных сословных групп, в первую очередь крестьянства.

2. Материалы и методы

При подготовке исследования были использованы документы Государственного архива Курской области (ГАКО), которые на отдельных локальных примерах могут проиллюстрировать общероссийские тенденции социальной эмансипации. Помимо архивных данных, была проведена работа с законодательными актами Российской империи: Табелью о рангах, Жалованной грамотой дворянству, Полным собранием законов и Сводом законов Российской империи. Важность этих документов заключается как в удобстве определения исходного состояния сословной структуры России на момент конца 1850-х гг., так и в возможности подробного изучения законодательного обеспечения реформ в социальной сфере на протяжении второй половины XIX века.

В основу исследования был положен принцип историзма и научной объективности, включающий в себя системный и диалектический подходы к анализу исторических процессов, что дает возможность рассмотрения динамики развития предмета исследования на протяжении всего изучаемого периода. В данной работе применялись историко-сравнительный и историко-генетический методы. Историко-сравнительный метод помог выявить общее и особенное в положении, особенностях перехода и возникновении новых норм для трех изучаемых сословий – дворянства, купечества и духовенства. Историко-генетический метод способствовал изучению трансформации как способов, так и всего процесса социальной мобильности в целом.

Таким образом, вышеописанные подходы позволили сформировать четкое представление о предмете исследования, изучив его различные аспекты с разных сторон, учитывая социально-экономические, культурные и правовые точки зрения.

3. Обсуждение

Социальная структура общества Российской империи привлекала внимание еще дореволюционных исследователей. При этом основным фокусом внимания зачастую служили психосоциальные факторы взаимодействия как различных сословий друг с другом, так и отдельных индивидов в рамках одного сословия. В советский период, основываясь на формационном подходе, исследователи начали уделять внимание социально-экономическим вопросам социального развития. Как правило, подробно изучалось определенное сословие и его представители в связях с остальными слоями населения Российской империи. Примерами таких работ могут являться труды Л.Е. Шепелева (Шепелев, 1977) и А.П. Корелина (Корелин, 1979), посвященные исследованию дворянства.

В 1990-е годы и в современный период проблема социальной мобильности и межсословных связей второй половины XIX – начала XX вв. привлекла значительное внимание исследователей. Так, работы Б.Н. Миронова (Миронов, 2003), Н.А. Ивановой и В.П. Желтовой (Иванова, Желтова, 2010) посвящены изучению всей сословной системы в целом, с учетом социальных связей и взаимодействия. Работы В.И. Буганова (Буганов, 1994) посвящены изучению дворянства, исследования М.Н. Барышникова (Барышников, 1998), Е.П. Хорьковой (Хорькова, 1998), Л.А. Лернера (Лернер, 2005), С.С. Михеева (Михеев, 2011) направлены на изучение положения купеческого сословия, а труды В. Цыпина (Цыпин, 2006) рассматривают одно из самых закрытых сословий – духовенство.

4. Результаты

При анализе трех исследуемых сословий можно сделать логичный вывод, что наиболее привлекательной корпорацией для вступления считалось дворянство. Окончание формирования и закрепления в законе дворянства как первого сословия в Российской империи в основных чертах было закончено к концу XVIII века. Оно юридически оформилось изданием в 1785 году «Жалованной Грамоты дворянству» (Миронов, 2003: 85). Согласно Своду законов Российской империи, вплоть до 1917 года «благородное» сословие подразделялось на 6 основных разрядов: 1) дворянство жалованное или действительное, 2) дворянство военное, 3) дворянство по чинам, получаемым в службе гражданской, 4) иностранные роды, 5) титулами отличенные роды и 6) древние благородные дворянские роды (Свод Законов..., 1857: 4). Особую группу среди дворянства составляли личные дворяне. Эта социальная группа появилась в 1722 г. и включала лиц, находившихся на государственной службе, но не выслуживших чина, который давал статус потомственного дворянина (Миронов, 2003: 86).

Дворянство на всем протяжении XIX века продолжало оставаться корпорацией, открытой для вступления выходцев из других сословий. Существовало три основных пути приобретения дворянского достоинства: пожалование императором, получение определенного чина на военной или гражданской службе и пожалование российского ордена (Корелин, 1979: 24). Рассмотрим подробнее каждый из этих способов.

Первый путь представлял собой получение статуса благородного при непосредственном участии монарха. Как отмечал В.И. Буганов, подобные случаи были достаточно редки: так, с 1872 по

1904 годы отмечено всего 79 таких пожалований (Буганов, 1994: 38). К примеру, за спасение Александра II от выстрела Д.В. Каракозова крестьянин Осип Комиссаров был возведен в потомственное дворянство.

Более распространенными путями пополнения «благородного сословия» были чины. Так, введенная Петром I Табель о рангах предусматривала получение дворянства при достижении XIV чина военной или VIII чина гражданской службы (Табель о рангах, 1986: 56-66). Правда, в 1845 г. класс, дававший потомственное дворянство на гражданской службе, был увеличен с VIII до V; в военной – до VIII, а с 1856 года – до IV класса гражданской службы и VI военной (Миронов, 2003: 97). Отмеченное историками затруднение доступа по службе в дворянство лиц неблагородного происхождения в пореформенный период привело к тому, что вплоть до начала XX века более удобным способом попадания в помещичье сословие являлось пожалование орденами.

Получение практически любого ордена давало право на потомственное дворянство. Исключение составляли награждения орденом Святой Анны и орденом Святого Станислава, когда лишь первая их степень давала право на потомственное дворянство, тогда как остальные степени – только на личное (Иванова, Желтова, 2010: 155). Также был затруднен процесс получения ордена Святого Владимира: с 1858 года он стал даваться не в порядке постепенности, а исключительно по особому пожалованию. Л.Е. Шепелев особо отметил факт важности получения орденов для приобретения статуса «благородного»: «в 1875–1884 гг. в правах потомственного дворянства 40 % лиц было утверждено по чину и 60 % по ордену; в 1882–1896 гг. соответственно 28 и 72 %» (Шепелев, 1977: 20).

Таким образом, мы можем отметить, что, несмотря на государственную политику по затруднению получения дворянства выходцами из других сословий, во второй половине XIX века пополнение высшего сословия «неблагородными» элементами не прекращалось. Однако представляется важным затронуть вопрос восприятия подобных «новых дворян» в кругу благородных. Огромную роль в этом восприятии играл как путь приобретения дворянства, так и личные качества «нового дворянина», его нравственно-психологические воззрения, принятия чувства сословной чести и т.д. Ведь, как отмечает Л.Е. Шепелев, «наследование дворянства порождало внимание к истории рода..., его происхождению, роли в истории страны... Это знание... вызывало чувство личного достоинства и гордости за своих предков, напоминало о единстве всех живущих представителей рода и побуждало к заботе о сохранении его доброго имени. Честь дворянина воспринималась и им самим, и окружающими как некая важная реальность, вызывающая доверие к нему» (Шепелев, 1991: 30). А какую честь и доброе имя, с точки зрения потомственных дворян, мог иметь выходец из «неблагородного сословия»?

Тем не менее известный купец начала XX века П.А. Бурьшкин подчеркивал серьезную зависимость восприятия подобных неофитов от пути получения ими дворянского достоинства. Если это было пожалование императора, то тогда «такого рода дворян дворянское общество признавало и обычно принимало в свой состав» (Бурьшкин, 1991: 109-110). Если же это было получение орденов и чинов, то к таким дворянам, по мнению Бурьшкина, отношение было неоднозначное. С одной стороны, дворян, «продолжавших сидеть в амбарах», сохранявших свои прежние жизненные установки и менталитет, презирали и ментально не принимали в свой круг, с другой стороны, помещиков, не только получивших дворянство, но и усвоивших привычки и понятия «благородных», рассматривали как равных, достойных и честных людей (Бурьшкин, 1991: 111).

Как мы видим из вышеперечисленных примеров, наиболее часто дворянское сословие пополнялось как раз выходцами из купечества либо мещанами, отличившимися на государственной службе. Исключения из этого правила встречаются, но достаточно редко. Отсюда представляется важным проанализировать эти полупривилегированные сословия, представители которых становились наиболее частыми кандидатами на вступление в дворянство. Структура и права купеческого состояния были закреплены законодательными актами 1775–1785 годов (Грамота на права...). Представителями купечества являлись высшие страты городских обывателей, которые делились на гильдии. Общая структура гильдейского купечества состояла из трех гильдий, однако в 1865 году третья гильдия была упразднена. Высшей стратой городских обывателей считалось именованное гражданство (утверждено в 1785 году), которое в последующем было заменено на почетное гражданство (утверждено в 1832 году), продолжавшее существовать вплоть до начала XX века (Михеев, 2011: 528-532).

Представителями купечества считались лица, которые добровольно занимались торговой или предпринимательской деятельностью, но факт получения купеческого состояния определялся приобретением специальных гильдейских свидетельств. Так, для вступления в первую гильдию нужно было объявить капитал размером более чем 10 000 рублей, во вторую – от 1 000 до 10 000 рублей, в третью – от 500 до 1 000 рублей. Также необходимо было заплатить гильдейский сбор в размере 1 % от объявленного капитала (Михеев, 2011: 528-532). Отдельно стоит отметить почетное гражданство, получение которого не давалось имущественным цензом, а по аналогии с дворянством его можно было получить за гражданскую службу (пример – звание мануфактур-советник), пожалование орденом или за отличия в науке или искусстве. Также за успешную

коммерческую деятельность можно было получить такое звание. Для этого нужно было десять лет состоять в первой или двадцать лет во второй гильдии. Отдельные исследователи считают почетное гражданство своеобразной «буферной зоной» на пути в дворянство (Лернер, 2011: 60-65).

В правовом отношении купечество выгодно отличалось от положения крестьянства и нижних страт городских обывателей. Современные исследователи отмечают, что при вступлении в любую из трех гильдий купцы освобождались от подушной подати и рекрутской повинности, которая была заменена денежной компенсацией, а первая и вторая гильдии были освобождены от телесных наказаний. Кроме того, лица, состоящие в первых двух гильдиях, могли носить шпагу или саблю, ездили по городу в карете, могли приезжать к императорскому двору. Данный факт поднимал социальный статус купечества и приближал его к привилегированным сословиям (Михеев, 2011: 528-532).

Наиболее часто ряды купечества пополняли представители низших страт городских обывателей, что было обусловлено порядком перехода в купеческое состояние. Получение гильдейского свидетельства давало права купеческого состояния на установленный срок, чаще всего на год. Если гильдейское свидетельство не возобновлялось, то происходили потеря прав купеческого состояния и переход в разряд мещан. Такой порядок определял главный признак купеческого состояния – платежеспособность.

Вторым по численности переходов в купеческое состояние были представители крестьянства. Б.Н. Миронов отмечал, что за период с 1719 по 1858 годы численность городских обывателей возросла на 1,3 млн человек, прежде всего за счет вступления из других сословий (Миронов, 1984: 117), в основном из крестьянского сословия.

По большей части переход представителей крестьянства в купеческое состояние был последователен: первоначально «припиской» в мещане, а в последующем в купцы. Ярким тому примером может считаться А.Ф. Бурьшкин. В середине XIX века он переехал в город и был включен в разряд мещан, а уже к 1882 году стал купцом первой гильдии (Бурьшкин, 1991: 5). Массовость такого явления отмечают и другие исследователи, в частности П.Г. Рындзюнский выделяет канал социальной мобильности крестьян в «городское сословие» – отходничество (Рындзюнский, 1978: 246-247). Формально это выглядело следующим образом: необходимо было переехать в город (получить вольную у помещика и (или) увольнение от своего общества), пройти необходимые бюрократические оформления в городской администрации и казенной палате, после этого происходила «приписка» в мещане. Важным обстоятельством являлась уплата всех повинностей по прежнему званию.

Однако были случаи непосредственного перехода из крестьянства в купечество. Так, Ф.П. Демидов, выкупившись на волю у дворянки Тутолминой, напрямую перешел в купеческое состояние (Чилегин, 2006: 124-128). Такой порядок был оформлен законодательно Жалованной грамотой городам от 1785 года (Грамота на права...). Тем не менее подобные примеры были редки. Так, в течение 1858–1861 годов переход в купечество из крестьян составлял лишь 4–12 % от общего числа пополнения купеческого состояния (Озеров, 2001: 57).

Представителями дворянства в меньшей степени пополнялись ряды купечества. Для дворянства купеческое состояние не было привлекательно, так как было связано с понижением социального статуса, что определило малочисленность таких переходов. Неоднозначное восприятие дворянством предпринимательской деятельности ставило социально-психологические преграды для подобного перехода, хотя юридическая возможность имелась. Так, Александр I манифестом от 1 января 1807 года снял запрет для представителей дворянского сословия на получение купеческого состояния, что было обусловлено необходимостью укрепить связи между двумя сословиями. Тем представителям дворянства, которые не состояли на государственной службе, разрешалось записываться в первую и вторую гильдии, а с 1827 года – и в третью. В свою очередь дворяне, которые получали гильдейские свидетельства, несли все городские повинности и имели привилегии обоих сословий (Барышников, 1998: 5). Это не нашло широкого распространения в среде дворян, но отдельные примеры все же присутствовали. Наиболее известными из них были братья Шиповы. Они происходили из старинной дворянской семьи, имевшей значительное земельное состояние, однако еще в пореформенный период начали заниматься предпринимательской деятельностью, сначала винным откупом, а потом стали крупными фабрикантами. Так, формально потомственный дворянин А.П. Шипов являлся купцом первой гильдии (Хорькова, 1998: 185). В купцы записывались дворяне с высоким социальным статусом, например, в материалах Курской казенной палаты есть дело о записи в купцы III-й гильдии генерал-майора Ребендера (ГАКО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 2334).

В пореформенные годы в связи с утратой дворянством монополии на земельную собственность переходы в купечество участились. Исследователи истории предпринимательства в России подчеркивают, что единичные случаи дворянского «окупечивания» к концу XIX века могли превратиться в тенденцию. В первую очередь на юге империи, где половину горнопромышленников составляли дворяне (Хорькова, 1998: 203). Законодательство пореформенного периода разрешало дворянству оставаться в рамках своего социального статуса, при этом занимаясь предпринимательской деятельностью. Тем не менее, архивные материалы Центрального Черноземья дают основания утверждать, что подобные переходы происходили значительно чаще, чем в

дореформенный период. Так, по материалам «Курской казенной палаты» за 1892 г., в Курской губернии представители дворянства получали гильдейские свидетельства на право торговли (ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 7526). Такой порядок был обусловлен развитием капиталистических отношений, где социальный статус становится тесно связан с наличием капитала, а не с сословной принадлежностью.

Таким образом, купечество, несмотря на полупривилегированный статус, являлось привлекательным для вступления представителей более низких страт – мещанства и крестьянства. Зачастую именно купечество являлось переходной стратой на пути к дворянству для предприимчивых и способных крестьян, что означало достаточно высокую степень открытости купечества по сравнению с дворянством.

Однако наиболее труднодоступным и закрытым сословием Российской империи считалось православное духовенство. Как отмечает Б.Н. Миронов, в первой половине XIX века оно «стало самым сословным из всех сословий» (Миронов, 2000: 103).

Православное духовенство делилось на две большие категории: белое и черное (монашествующее). К белому духовенству относились протопресвитеры, протоиереи, пресвитеры, иереи, протодьяконы, дьяконы, иподьяконы, церковные причетники в звании псаломщиков. Черное духовенство составляли митрополиты, архиепископы, епископы, архимандриты, игумены, игуменьи, настоятельницы женских монастырей, ризничий Московского синодального дома, ректоры и префекты духовных академий и семинарий, монашеская братия. Черное духовенство составляло меньшинство, но именно его представители занимали наиболее высокие должности в церковной иерархии. Белое же духовенство такой возможности не имело, зато у него было право заводить семью. Это приводило к тому, что передача церковных должностей стала фактически наследственной.

Еще одним фактором закрытости духовного сословия было нежелание представителей других сословий принимать духовный сан и заниматься церковным служением. Низкая материальная обеспеченность, тяжелые условия быта большей части приходского духовенства не вызвали у представителей других сословий стремления надеть на себя рясу. Стоит отметить, что возможность попасть в духовное сословие извне была. В духовное сословие могли вступать представители «из всех вообще состояний, кроме крепостных, пока они не будут отпущены узаконенным порядком на волю» (Свод Законов..., 1857: 269). Пожелавший перейти в духовенство лишался всего, что имел в светской жизни: личного дворянства, прав, титулов, чинов. Поэтому духовное сословие, по сути, воспроизводило само себя. Так, историк И. Знаменский указывает, что число светских лиц, определявшихся в духовное звание, не было больше 91 (в 40-е гг. XIX века). Жены лиц духовного звания получали права духовенства, если ранее их не имели. По указу от 11 октября 1875 г. вдовы священнослужителей получали права личного дворянства, если у них не имелось прав потомственного дворянства.

Если же человек пожелал выйти из духовного сословия, то этот процесс был сопряжен со значительными трудностями. Существовали различные указы и акты на этот счет, которые были оформлены в единую систему при Николае I. 28 июня 1833 г. вышел закон о порядке выхода из духовного звания (О священнослужителях... 1834: 397-381). Желающего сложить с себя сан священника требовалось «увещевать» в течение трех месяцев, если же он был непреклонен в своем желании, то ему давали соответствующее разрешение с позволения Синода. По выходе из духовного звания за ним сохранялись права дворянства (как потомственного, так и личного), если он их имел до вступления в духовенство, разрешалось поступление на государственную службу. Кроме того, если имелись ордена или ученые степени, то они тоже сохранялись. Ограничение составляла только ученая степень доктора богословия: сложивший сан мог получить лишь степень магистра богословия. При этом светские и военные чины не сохранялись, а в послужном списке не отмечались события периода церковного служения, указывался лишь общий срок пребывания в нем (О священнослужителях..., 1834: 397-381).

Также священника могли лишить сана за совершение определенных преступлений. Если это не были уголовные преступления, то лишенный сана определялся на низшие клировые должности: дьячков, пономарей, сторожей и т.п. Таким людям запрещалось не только проживать в обеих столицах, но даже посещать их (О священнослужителях..., 1834: 397-381). Кроме того, им запрещалось поступление на государственную или общественную службу, военная служба дозволялась только в звании рядового (О священнослужителях..., 1834: 397-381). Эти ограничения могли быть сняты по истечении семилетнего срока в случае отсутствия новых замечаний. Все вышеуказанные меры приводили к тому, что добровольный выход из духовного сословия был непривлекательным.

Отношение в обществе к духовному сословию не было однозначным. Зачастую оно воспринималось негативно. Дворянство смотрело на него сверху вниз, крестьянство усматривало в духовенстве дополнительный источник трат и расходов, связанный с вознаграждением за исполнение церковных обрядов – крещения, венчания, отпевания и многих других.

В ходе церковных преобразований 1860-х – 1870-х гг. правительством были предприняты усилия для «открытия» духовного сословия. Духовный статус переставал быть наследственным, дети духовенства получили возможность выбирать себе род занятий по своим интересам и стремлениям. Также была отменена практика женитьбы только в рамках духовного сословия. Зачастую дети

духовенства не горели желанием продолжать дело своих отцов и стремились пойти по стезе светской жизни. Наиболее способные семинаристы пытались сдать вступительные экзамены и поступить в университет. Такая возможность для выпускников семинарий просуществовала недолго – с 1863 г. по 1879 г. Представители других сословий шли учиться в духовные школы, но также неохотно шли на церковное служение. В период с 1880 по 1914 годы доля представителей других сословий среди семинаристов выросла с 8 до 16,4 %, среди учащихся духовных училищ до 25,3 %, но среди клира с 0 до 1,5 % (Миронов, 2003: 107). Также к концу XIX века выросло количество дворян, перешедших в духовное звание. Так, если в начале XIX века архиереями из дворян были Игнатий (Брянчанинов) и Ювеналий (Половцев), то к концу века из дворян происходили будущий Патриарх Алексий (Симанский), митрополит Антоний (Храповицкий), Серафим (Чичагов), митрополит Серафим (Александров), митрополит Трифон (князь Туркестанов), епископ Андрей (князь Ухтомский) (Ципин, 2010: 324-325).

В силу указанных выше особенностей черное духовенство могло пополняться либо представителями белого духовенства, пожелавшими принять монашеский постриг, либо выходцами из других сословий. Желаящему принять монашеский сан предъявлялся ряд обязательных требований. Мужчины должны были быть в возрасте не менее 30 лет, женщины – 40 лет. Запрещалось вступление в брак женатым мужчинам или замужним женщинам, имевшим на попечении детей, если только оба супруга одновременно не желали уйти в монастырь. Нахождение под судом, наличие непогашенных долгов также были препятствиями на пути в монахи. Разрешение на принятие монашеского пострига давало общество, к которому был приписан человек (для податных сословий) или начальство (для служащих). Окончательное разрешение необходимо было получить от губернатора (Свод Законов..., 1857: 84-85).

Пребывание в монашеском сане накладывало целый ряд не только сугубо церковных, но и гражданских запретов. Монахам было запрещено владение недвижимым имуществом, равно как и его приобретение; если до пострига человек обладал такой собственностью, он был обязан передать ее наследникам (Свод Законов..., 1857: 85). Монахи не имели права на получение пенсий, на владение имуществом (даже в случае оставления монашеского сана оно им не возвращалось), не могли быть поручителями и поверенными в делах, не касавшихся духовного ведомства и многое другое (Свод Законов..., 1857: 85).

Принятие монашеского пострига было пожизненным. Тем не менее существовала возможность выйти из монашеского звания. Впервые такие права были закреплены при Александре I. Желаящего выйти нужно было увещавать в течение шести месяцев. Увещевание надлежало проводить настоятелю монастыря, старшей братии и епархиальному начальству (Свод Законов..., 1857: 85). Если решение не менялось, то человек получал возможность вернуться к ранее имевшимся правам состояния. При этом все чины, звания, награды, имевшиеся до пострига, терялись. Также было запрещено поступление на государственную службу, проживание в течение семи лет в обеих столицах и на тех территориях, где происходило монашествование (Свод Законов..., 1857: 85).

Как уже было сказано выше, такие строгие правила приема и выхода из духовенства приводили к нежеланию представителей других сословий принимать духовный сан и заниматься церковным служением. В особенности это нежелание распространялось на представителей «благородного» сословия – дворянства, что можно объяснить потерей всех привилегий помещичьего сословия. Тем не менее существовали отдельные случаи принятия дворянами такого решения. Как правило, большинство упоминаний о подобных ситуациях встречается в источниках личного происхождения: мемуарах, письмах, воспоминаниях.

В этой связи достаточно интересным источником является «Докладная записка кафедрального протоиерея Иоанна Арсеньева Святейшему Патриарху Тихону (Беллавину)»: «Иван Васильевич Арсеньев, родился 7 марта 1862 г. в Москве в семье потомственного дворянина В.С. Арсеньева и Н.Ю. Арсеньевой (урожденной княжны Долгорукой). По достижении 17-летнего возраста поступил в Московскую духовную семинарию. Ректор семинарии Н. Благоразумов отметил перед началом учебного года на молебне, что поступление в семинарию дворян – явление новое, при этом выразил надежду, что подобного рода действие сможет послужить сближению церкви и интеллигенции. В 1884 г. Арсеньев закончил Московскую духовную семинарию. В 1885 г. Арсеньев поступил в Московскую духовную академию. В 1892 году о. Иоанн был назначен законоучителем московского Учительского института и священником домового институтского храма во имя мученика Андрея Стратилата» (Гончаров, 2011: 117-118).

5. Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что все рассмотренные выше сословия юридически не были закрытыми и допускали возможность не только горизонтальной, но и вертикальной социальной мобильности. Вступление в каждое из сословий было связано не только с изменением юридического состояния, но и всего образа жизни и сферы деятельности. Существовали не только юридические, но и социальные, а также психологические барьеры на вступление в то или иное сословие. Выход из него был сопряжен с утратой прежнего статуса. Тем не менее в пореформенный

период мы можем наблюдать увеличение интенсивности вертикальной социальной мобильности в среде высших сословий Российской империи.

Литература

- Барышников, 1998** – Барышников М.Н. Деловой мир России. М: Издательство «Искусство-СПБ», 1998. 448 с.
- Буганов, 1994** – Буганов В.И. Возникновение и становление дворянства как сословия с XII века и далее // *Вопросы истории*. 1994. №1. С. 29-41.
- Бурышкин, 1991** – Бурышкин П.А. Москва купеческая: Мемуары. М.: Высшая школа, 1991. 352 с.
- ГАКО** – Государственный архив Курской области.
- Грамота на права...** – Грамота на права и выгоды городам Российской империи от 21 апреля 1785 года // Полное собрание законов Российской империи / Собрание (1649–1825). [Электронный ресурс]. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/content.html#1(дата обращения: 20.01.2020).
- Иванова, Желтова, 2010** – Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М.: Новый хронограф, 2010. 752 с.
- Корелин, 1979** – Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг. М.: Наука, 1979. 304 с.
- Лернер, 2005** – Лернер Л.А. Торгово-промышленное законодательство и социальный статус купечества в России в XIX веке // *История, теория, практика Российского права*. 2005. № 1. С. 60-65.
- Миронов, 2003** – Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.): В 2 т. Т. 1. 3-е изд., испр., доп. СПб.: «Дмитрий Буланин». XL, 2003. 583 с.
- Миронов, 1984** – Миронов Б.Н. Историк и социология. Л.: Наука, 1984. 176 с.
- Михеев, 2011** – Михеев С.С. К вопросу о динамике развития купеческого сословия Российской империи через призму эволюции Российского законодательства // *Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского*. 2011. № 23. 528-532.
- О священнослужителях..., 1834** – О священнослужителях белого духовенства, слагающих сан сей по собственному их желанию и лишаемых оного за пороки / Полное Собрание Законов Российской империи. Собрание второе. Том 8. Отделение 1., СПб.: В типографии Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1834. С. 379-381.
- Озеров, 2001** – Озеров Ю.В. Курское купечество в середине XIX века. Курск: Маэстро-Принт, 2001. 79 с.
- Рындзюнский, 1978** – Рындзюнский П.Г. Утверждение капитализма в России. 1850–1880 гг. М.: Наука, 1978. С. 246-247.
- Свод Законов..., 1857** – Свод Законов Российской Империи. Том 9. Законы о состояниях, СПб.: В типографии Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1857. 572 с.
- Табель о рангах, 1986** – Табель о рангах... // Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. Отв. ред. А.Г. Маньков. М., Юридическая литература, 1986, С. 56-66.
- Хорькова, 1998** – Хорькова Е.П. История предпринимательства и меценатства в России: Учебное пособие для вузов. М.: «Издательство ПРИОР», 1998. 496 с.
- Цыпин, 2010** – Цыпин В. РПЦ в синодальную эпоху. 1700–1917 гг. М.: Издательство Сретинского монастыря, 2010. 816 с.
- Чилегин, 2006** – Чилегин В.А. Кризис полотняного производства 1820–1850 гг. (на примере Вязниковских полотняных фабрик) / *Древняя столица: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции*. Владимир, 2006. С. 124-128.
- Шепелев, 1977** – Шепелев Л.Е. Отмененные историей чины, титулы и звания в Российской империи. Л.: Наука, 1977. 154 с.
- Шепелев, 1991** – Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Л.: Наука, 1991. 222 с.

References

- Baryshnikov, 1998** – Baryshnikov, M.N. (1998). Delovoi mir Rossii [The business world of Russia]. Izdatel'stvo Moscow, «Iskusstvo-SPB». 448 p. [in Russian]
- Buganov, 1994** – Buganov, V.I. (1994). Vozniknovenie i stanovlenie dvoryanstva kak sosloviya s XII veka i dalee [The emergence and formation of the nobility as an estate from the XII century onwards]. *Voprosy istorii*. 1: 29-41. [in Russian]
- Buryshkin, 1991** – Buryshkin, P.A. (1991). Moskva kupecheskaya: Memuary [Merchant Moscow: Memoirs]. Moscow: Vysshaya shkola. 352 p. [in Russian]
- Chilegin, 2006** – Chilegin, V.A. (2006). Krizis polotnyanogo proizvodstva 1820-1850 gg. (na primere Vyaznikovskikh polotnyanykh fabrik) [Linen production crisis 1820-1850 (on the example of the Vязников linen factories)]. *Drevnyaya stolitsa: istoriya i sovremennost'. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Vladimir. Pp. 124-128. [in Russian]

GAKO – Gosudarstvennyi arkhiv Kurskoi oblasti [State Archive of the Kursk Region].

Gramota na prava... – Gramota na prava i vygody gorodam Rossiiskoi imperii ot 21 aprelya 1785 goda [Charter for rights and benefits to the cities of the Russian Empire dated April 21, 1785]. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie (1649–1825). [Electronic resource]. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/content.html#1 (date of access: 20.01.2020). [in Russian]

Ivanova, Zheltova, 2010 – *Ivanova, N.A., Zheltova, V.P.* (2010). Soslovnnoe obshchestvo Rossiiskoi imperii (XVIII – nachalo XX veka). [Estates society of the Russian Empire (XVIII – early XX century)]. Moscow: Novyi khronograf. 752 p. [in Russian]

Khor'kova, 1998 – *Khor'kova, E.P.* (1998). Istoriya predprinimatel'stva i metsenatstva v Rossii: uchebnoe posobie dlya vuzov [History of entrepreneurship and patronage in Russia: a textbook for universities]. Moscow: «Izdatel'stvo PRIOR». 496 p. [in Russian]

Korelin, 1979 – *Korelin, A.P.* (1979). Dvoryanstvo v poreformennoi Rossii 1861-1904 gg. [The nobility in post-reform Russia 1861-1904 Moscow]. Moscow: Nauka. 304 p [in Russian]

Lerner, 2005 – *Lerner, L.A.* (2005). Torgovo-promyshlennoe zakonodatel'stvo i sotsial'nyi status kupechestva v Rossii v XIX veke [Commercial and industrial legislation and the social status of the merchants in Russia in the 19th century]. *Istoriya, teoriya, praktika Rossiiskogo prava*. 1: 60-65. [in Russian]

Mikheev, 2011 – *Mikheev, S.S.* (2011). K voprosu o dinamike razvitiya kupecheskogo sosloviya Rossiiskoi imperii cherez prizmu evolyutsii Rossiiskogo zakonodatel'stva [On the dynamics of the development of the merchant class of the Russian Empire through the prism of the evolution of Russian legislation]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo Universiteta im. V.G. Belinskogo*. 23: 528-532. [in Russian]

Mironov, 2003 – *Mironov, B.N.* (2003). Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) [Social history of Russia during the period of the empire (XVIII – early XX century)]. V 2 t. T. 1, 3-e izd., ispr., dop. St. Petersburg: «Dmitrii Bulanin». XL. 583 p. [in Russian]

Mironov, 1984 – *Mironov, B.N.* (1984). Istorik i sotsiologiya [Historian and Sociology]. Leningrad: Nauka. 176 p. [in Russian]

O svyashchennosluzhitelyakh..., 1834 – O svyashchennosluzhitelyakh belogo dukhovenstva, slagayushchikh san sei po sobstvennomu ikh zhelaniiyu i lishaemykh onogo za poroki [On the clergy of the white clergy, reigning this at their own request and depriving it for their vices]. Polnoe Sobranie Zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoro. Tom 8. Otdelenie 1., St. Petersburg: V tipografii Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1834. Pp. 379-381. [in Russian]

Ozerov, 2001 – *Ozerov, Yu.V.* (2001). Kurskoe kupechestvo v seredine XIX veka [Kursk merchants in the middle of the 19th century]. Kursk: Maestro-Print. 79 p. [in Russian]

Ryndzyunskii, 1978 – *Ryndzyunskii, P.G.* (1978). Utverzhdenie kapitalizma v Rossii. 1850–1880 gg. [The establishment of capitalism in Russia. 1850-1880]. Moscow: Nauka. Pp. 246-247. [in Russian]

Shepelev, 1977 – *Shepelev, L.E.* (1977). Otmenennyye istoriei chiny, tituly i zvaniya v Rossiiskoi imperii [Canceled by history ranks, titles and titles in the Russian Empire]. Leningrad: Nauka. 154 p. [in Russian]

Shepelev, 1991 – *Shepelev, L.E.* (1991). Tituly, mundiry, ordena v Rossiiskoi imperii [Titles, uniforms, orders in the Russian Empire]. Leningrad: Nauka. 222 p. [in Russian]

Svod Zakonov..., 1857 – Svod Zakonov Rossiiskoi Imperii. Tom 9. Zakony o sostoyaniyakh. [Code of Laws of the Russian Empire. Volume 9. Laws of states]. St. Petersburg: V tipografii Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1857. 572 p. [in Russian]

Tabel' o rangakh, 1986 – Tabel' o rangakh... [Table of Ranks]. Rossiiskoe zakonodatel'stvo X-XX vv.: v 9 t. T.4. Zakonodatel'stvo perioda stanovleniya absolyutizma. Otv. red. A.G. Man'kov. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 1986, S. 56-66. [in Russian]

Tsypin, 2010 – *Tsypin, V.* (2010). RPTs v sinodal'nyu epokhu. 1700-1917 gg. [ROC in the synodal era. 1700-1917]. Moscow: Izdatel'stvo Sretinskogo monastyrya. 816 p. [in Russian]

Дворянство, купечество и духовенство в системе социальных перемещений в 50-х гг. XIX – начале XX вв.

Алексей Александрович Киященко ^a, Дмитрий Владимирович Наумов ^a,
Дмитрий Сергеевич Гудов ^{a, *}, Светлана Ренатовна Губаева ^a

^a Белгородский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Изучение социальной мобильности и социальных лифтов 50-х гг. XIX – начала XX вв. – актуальная научная проблема отечественной истории. Подготовка и проведение великих реформ Александра II привели к трансформации всех сфер общественной жизни, глубоко затронув

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gudoff.dmitrij@yandex.ru (Д.С. Гудов)

сословную систему Российской империи. Последовавшее за этим усиление эмансипации, приведя к эволюции межсословных отношений, активизировало социальные лифты, стимулируя как вертикальную, так и горизонтальную мобильности. В данной статье коллектив авторов анализирует трансформацию во второй половине XIX века основных сословий России: дворянства, купечества и духовенства – являвшихся конечной (или промежуточной) целью для перехода представителей менее привилегированных корпораций.

Структура данной работы построена на основе принципов социального ранжирования трех указанных сословий с точки зрения их привлекательности для перехода. На основании этого принципа последовательно исследуются способы перехода в дворянство, купечество и духовенство, а также возникающие в связи с этим права и обязанности вновь вступивших индивидов. Основываясь на количественных данных официальных источников, делается вывод о массовости купеческого перехода в дворянство, несмотря на правительственные меры, направленные на затруднение такого перехода, в это же время выводится закономерность относительной стабильности духовного сословия при смягчении ограничительных рамок на его вступление.

Вместе с тем коллектив авторов анализирует постепенное размывание сословных рамок на протяжении последней трети XIX – начала XX вв. и параллельно сопровождающееся вместе с этим процессом взаимопроникновение нравственных норм, ценностей и идей, присущих представителям указанных сословий, что, в свою очередь, одновременно содействовало складыванию классовой структуры российского общества вместо де-факто разрушающейся сословной системы.

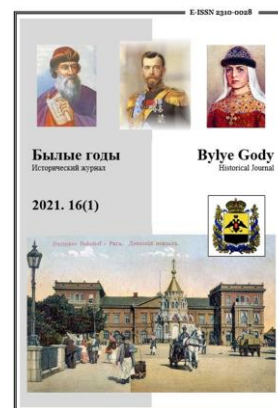
Ключевые слова: социальная мобильность, социальный лифт, дворянство, купечество, духовенство.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 191-199.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.191
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Russian-Iranian Secret Negotiations of 1853–1854 and the Conclusion of the Convention on Iran's Neutrality

Nugzar Ter-Oganov ^{a, b, c, *}

^a Tel Aviv University, Israel

^b Cherkas Global University (International Network Center for Fundamental and Applied Research), Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

At the turn of the 40-50s of the XIX century the aggravation of the imperial, geopolitical interests of the leading European powers both in Europe itself and in the Middle East, contributed to the formation of the anti-Russian coalition consisting of the Great Britain, France, Austria, and also Ottoman Turkey.

The alignment of forces that was not in favor of Russia before the start of the Crimean War (1853–1856) led the imperial court to the idea of the need to conclude a military alliance with Iran. The formation of such an alliance would help Russia prevent the creation of a Turkish-Iranian military bloc, whose actions would be directed against the Caucasus.

Fearing such an outcome, in anticipation of the war with Turkey, Russia proposed Iran to make a military alliance. The Russian-Iranian negotiations, which were held from July to December 1853, did not give the expected results, with the exception of the statement made by Naser ed-Din Shah (1848-1896) on Iran's strict neutrality in the case of war against Turkey. Nevertheless, during the next Russian-Iranian negotiations, discussion of two alternative versions of the agreement continued: 1. Conclusion of the Russian-Iranian military alliance or, 2. Declaration of neutrality by Iran. Taking into account the unfavorable foreign policy situation, the Russians decided not to conclude an agreement on a military alliance with Iran, after which, on September 29, 1854, the Convention of Iran's neutrality was signed.

Keywords: The Russian-Iranian secret negotiations of 1853–1854, Russian-Iranian military cooperation, the Convention of 1854 on the Iranian neutrality, Naser ed Din Shah Qajar, Nikolai I, Prince D.I. Dolgorukii, Count M.S. Vorontsov, K.S. Neselrode, General V.O. Beibutov, General N.A. Read, General A.S. Sankovsky, N.V. Khanikov.

1. Введение

В конце 40-х – начале 50-х годов XIX в. в Европе сложилась крайне напряженная политическая ситуация, когда интересы ее ведущих держав столкнулись не только на европейском континенте, но и на Ближнем Востоке. На этом фоне стало вырисовываться стремление России воспользоваться своими успехами по укреплению монархического режима в Европе и использовать их в деле окончательного решения в свою пользу вопроса о черноморских проливах. Следует заметить, что Николай I необоснованно полагал, что, посулив Британской империи кое-какие уступки в виде территориальных приобретений, можно получить у нее согласие на передачу проливов под юрисдикцию России. Вышло так, что планы Николая I по захвату проливов и его неоднократные высказывания по данному вопросу, изложенные во время его откровенной беседы с английским послом сэром Хамильтоном Сеймуром в Санкт-Петербурге в январе 1853 г., серьезно встревожили

* Corresponding author

E-mail addresses: nugzar19473@gmail.com (N. Ter-Oganov)

английское правительство (Vulliamy, 1939: 52-53). Еще более обеспокоились англичане после того, как стали проявляться контуры русско-турецкого военного противостояния.

На фоне будущего столкновения стала складываться европейская коалиция, которая вознамерилась воспрепятствовать распаду Османской империи, с одной стороны, и территориальному расширению Российской империи – с другой¹.

Следует заметить, что уверенность российского императора в скором развале Османской империи еще более окрепла после того, как в начале 1853 г. крайне обострились отношения между Австрией и Османской империей по вопросу Черногории (Монтенегро). По мнению М. Андерсона, это укрепило в Санкт-Петербурге опасную уверенность в том, что турки всегда уступают, когда на них как следует давят. А в Константинополе стали чувствовать нависшую над ними угрозу и готовиться к ее отражению (Anderson, 1968: 120).

Со своей стороны, чтобы нейтрализовать активность Турции в направлении Кавказа, Россия предложила Ирану заключение военного союза, для чего предложила начать переговоры по данному вопросу.

2. Материалы и методы

Основным документальным источником сведений о русско-иранских тайных переговорах 1853–1854 гг. стала хранящаяся в Центральном государственном историческом архиве Грузии «Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией» (ЦГИА Грузии. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2890). В ней не только изложен весь ход самих переговоров, но и дается детальная характеристика политической атмосферы процесса переговоров.

«Записка» является ценнейшим источником по исследованию процесса переговоров, а также задач, стоявших перед их участниками. Она раскрывает военно-политические цели, которые ставили перед собой переговорщики. Наряду с детальным описанием переговорного процесса в «Записке» изложены положения конвенции о нейтралитете Ирана в Крымской войне (1853–1856 гг.).

Следует заметить, что подробности о русско-иранских переговорах 1853–1854 гг. до сих пор не становились объектом специального исследования, за исключением двух работ. Труд О.А. Гокова «Русская военная миссия 1853–1854 гг. в Персию в контексте «Восточного вопроса» (Гоков, 2013. № III-IV), в которой рассказывается о направлении по договоренности в Иран русских офицеров для содействия иранской армии в борьбе против турецких войск на фоне военного противостояния с Турцией. В нашей публикации «Геополитические предпосылки Крымской войны (1853–1856 гг.) и тайные русско-иранские переговоры» (Тер-Оганов, 2019. XXXII) мы предприняли попытку установления причинно-следственной связи между формированием антирусской коалиции европейских стран на рубеже 40–50-х годов и началом русско-иранских переговоров 1853–1854 гг., завершившихся подписанием Ираном конвенции о нейтралитете в Крымской войне (Тер-Оганов, XXXII. 2019). При разработке темы была использована обширная специальная литература, посвященная различным аспектам военно-политической истории Крымской войны, а также исследования по каджарскому периоду истории Ирана.

Основным методом работы, примененным в данной публикации, является критический анализ документального материала, раскрывающего позиции участников русско-иранских переговоров. Вместе с тем для раскрытия темы был использован структурированный метод для установления причинно-следственной связи между Крымской войной и подписанием в Тегеране конвенции о нейтралитете Ирана.

3. Обсуждение

Как известно, к лету 1853 г. русско-турецкие отношения обострились настолько, что Россия разорвала дипломатические отношения с Турцией. Оказавшись наедине с европейской коалицией и Турцией, она стала зондировать почву для заключения военного союза с Ираном против Турции.

Между тем в Иране произошли существенные внутривнутриполитические изменения. В конце 40-х годов, осознав необходимость переустройства страны, иранский премьер Мирза Таги-хан Амир Кабир (1848–1851 гг.) приступил к целой серии реформ, включая военную. Под его руководством Иран стал преобразовываться: были заложены основы для создания единой регулярной армии, открыто военное училище для подготовки офицеров, стала развиваться промышленность, в том числе военное производство. За его активной деятельностью пристально следили два могущественных соседа Ирана – Россия и Англия. У каждой из этих стран были свои интересы в Иране и, следовательно, они остро реагировали на любые попытки их игнорирования. Россия была недовольна, например, мятежом в 1846–1850 гг. крупного хорасанского феодала Салара, поддержанного англичанами (История..., 1971: 208), приглашением иностранных военных

¹ Что касается позиции Николая I, то он был уверен в скорейшем распаде Османской империи и, исходя из этого, русская дипломатия стала действовать именно в этом ключе. Подробнее о европейской коалиции и позиции России по "Восточному вопросу" см. нашу статью (Тер-Оганов, 2019: 28-32).

специалистов из третьих стран для обучения иранской армии, а Англия – планами Мирзы Таги-хана по созданию собственного военно-морского флота в Персидском заливе, поскольку там его считали «английским озером», и любая активность в этом регионе английский политический истеблишмент воспринимал как угрозу национальным интересам Британской империи. Причем степень беспокойства в столицах этих империй была неравнозначна.

На этом внешнеполитическом фоне и в относительно спокойном внутривосточном положении, когда к концу 1850 г. было окончательно сломлено движение бабидов в Иране благодаря жестким мерам премьера, в шахском дворце стали плести интриги против инициативного и властолюбивого премьера. Опасаясь чрезмерного его усиления в ущерб шахской власти при попустительстве ближайшего окружения молодого шаха Насер эд-Дина (1848–1896 гг.), стали открыто выступать против него, в результате чего в ноябре 1851 г. он был отстранен от власти и сослан в Кашан. Следует заметить, что, несмотря на заступничество российского посланника, иранского премьера не только не восстановили в должности, но и поспешно физически устранили. По утверждению английского востоковеда П. Авери, «по иронии судьбы, меры предпринятые российским посланником по спасению Амира, скорее всего, ускорили его казнь» (Avery, 1965: 59), что дает нам основание полагать, что российская миссия не была за его смещение с должности, а тем более не желала ему смерти. Исходя из этого, можно высказать предположение, что его считали более приемлемым для России, чем для Англии, что могло породить необоснованное подозрение в его «русофильстве». Хотя последовавшее назначение на пост нового, проанглийски настроенного премьер-министра Мирзы Ага-хана (1851–1858 гг.), противопоставившего себя политическому курсу Мирзы Таги-Хана, говорит о многом.

Таким образом, попытка России в 1853 г. к сближению с Ираном с целью заключения антитурецкого пакта совпала с изменением внешнеполитической ориентации Ирана. Тем не менее российскому посланнику князю Д.И. Долгорукому, который не питал доверия к Мирзе Ага-хану из-за его связей с англичанами, все-таки пришлось с ним общаться (Avery, 1965: 68). Согласно Генри Роулинсону, англичанам было известно о том, что Россия предложила Тегерану участвовать в войне против Турции (Rowlinson, 1970: 86). Со своей стороны и Иран изъявил готовность использовать удобный момент для возвращения оккупированного Турцией района Котура, для чего он стал скапливать свои войска в приграничных с Турцией районах. Общность интересов подтолкнула обе стороны к обсуждению вопроса о заключении русско-иранского военного союза.

1 – Переговоры по заключению русско-иранского военного союза

Согласно дипломатической записке («Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией»), составленной по русско-иранским переговорам, шахское правительство было готово присоединиться к России при условии, что в случае заключения ею мирного договора с Турцией завоеванные Ираном турецкие земли останутся в его владении, о чем было доведено до сведения Министерства иностранных дел России. Уже 25 июля 1853 г. (по старому стилю) иранский премьер-министр Ага-хан Нури, заступший на эту должность с титулом Этемад од-Доуле сразу после убийства бывшего талантливого премьера Мирзы Таги-хана (Mostofi, 1997: 48), отправил российскому посланнику князю Долгорукому секретную программу, составленную самим Насер эд-Дин-шахом, суть которой состояла в следующем:

1. России следует принять во внимание скудность шахской казны и отказаться от одного *корура* туманов контрибуции¹.

2. Россия передаст необходимое количество военных припасов Ирану.

3. Россия должна дать свое согласие на союз с Ираном, пока эта страна будет воевать с Турцией.

4. После наступления мира не все захваченные турецкие земли следует вернуть. Но в случае, если Турция будет настаивать на возврат всех земель, тогда Иран потребует возмещения своих военных расходов.

При этом иранское правительство было готово держать под ружьем 60 тыс. пеших, конных и артиллеристов и воевать с Турцией. Более того, оно было готово принять русских офицеров для руководства иранской армией.

Не дождавшись ответа из Санкт-Петербурга на шахское предложение, Долгорукий предпочел проявлять осторожность и отказаться от излишней активности. Вместе с тем он посчитал целесообразным не раздражать англичан, а также не вызывать подозрение у турок преждевременной концентрацией иранских войск недалеко от турецкой границы в районе Солтание. Между тем стало известно, что, согласно депеше Долгорукого в МИД от 18 августа 1853 г., английская миссия высказалась против поездки шаха в Солтание, и, чтобы разругать ситуацию, она передала через иранского консула в Багдаде предложение Порты о необходимости заключения турецко-иранского союза с целью совместного нападения на Закавказье! Согласно Долгорукому, на это предложение англичан иранский премьер ответил отказом, заявив о том, что Иран будет сохранять нейтралитет.

¹ Речь идет о выплате Ираном последнего *корура* (пятьсот тысяч) туманов контрибуции, наложенной на эту страну Туркманчайским мирным договором.

Тем временем, несмотря на предупреждение англичан, шах все-таки отправился в Солтание, где к сентябрю 1853 г. были уже мобилизованы 29 тыс. пеших, 8 тысяч конных и 30 артиллерийских орудий (ЦГИАГ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2890. Л. 168), но вскоре из-за свирепствовавшей в лагере холеры ему пришлось распустить свои войска. Хотя, по нашему мнению, могла быть и другая причина роспуска войск: не дождавшись ответа из Санкт-Петербурга на свое предложение, то есть не прояснив позицию России с заключением военного союза, шах решил не риковать и не ввязываться в войну с Турцией. Об этом косвенно свидетельствует и обещание шаха приступить к сбору войск сразу после получения ответа из российской столицы.

Как выясняется из содержания личного письма Долгорукого на имя наместника на Кавказе графа М.С. Воронцова от 2 октября 1853 г., МИД России желал сохранения Ираном дружественного нейтралитета до начала войны с Турцией. Забегая вперед, следует заметить, что этой линии российский МИД придерживался на всем протяжении Крымской войны (1853–1856 гг.). Между тем в ответ на предложение шаха от 25 июля 1853 г. только 6 октября в своей депеше на имя Воронцова министр иностранных дел России К.В. Несельроде просил передать благодарность шаху за «дружественное предложение». Вместе с тем Долгорукому было рекомендовано воздерживаться от положительных оценок условий союза, поскольку, как там опасались, его неправильное толкование могло сыграть на руку противнику России (ЦГИАГ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2890. Л. 171).

Несмотря на уклонение от конкретного ответа, российский император приказал Долгорукому продолжить переговоры с Ираном, поскольку в случае нападения Турции на Закавказье Иран мог бы оказать большую помощь в виде «военной диверсии». Тем не менее, Николай I воздерживался от заключения военного союза с Ираном, но за оказанную военную поддержку был готов отказаться от выплаты оставшейся суммы контрибуции.

Между тем военные приготовления Ирана вынудили Англию объявить о прекращении политических отношений с этой страной. Тогда для ускорения ведения переговоров с Долгоруким Ага-хан Нури назначил своих уполномоченных Мирзу Джафар-хана и Фарух-хана.

Следует заметить, что после того, как Турция объявила войну России в начале октября 1853 г., вопрос о сборе иранского войска для русской стороны стал актуальным. Ввиду изменившейся ситуации Долгорукий предложил шаху следующее:

1. Передать в распоряжение императора 60-тысячное иранское войско.
2. Из этого количества войска 40 тысяч следовало отправить в район Хоя, на самый стык русско-иранско-турецкой границы.
3. Все военные операции следовало согласовывать с главнокомандующим императорскими войсками.
4. Иранский главнокомандующий – *сардар-е колл* – должен был отправиться в Тавриз для установления связи с русскими офицерами, которые предварительно были туда направлены.
5. Иранской стороне следовало действовать быстро.

После завершения переговоров иранские уполномоченные потребовали от Долгорукого передачи секретной депеши Несельроде. Необходимо заметить, что ее копию Долгорукий получил с тем условием, чтобы, с одной стороны, ее содержание не разглашалось, а с другой – иранские войска должны были немедленно быть направлены к турецкой границе. Следует заметить, что, несмотря на предпринятые меры предосторожности, о содержании переговоров и их судьбе изначально было известно англичанам, скорее всего благодаря англофильской позиции иранского Садр Азам Ага-хана Нури. Об этом свидетельствует и генерал-майор сэр Генри Роулинсон, который по этому поводу пишет следующее: «К счастью переговоры, начатые в 1853 г., провалились, отчасти благодаря оппозиции со стороны Садр Азама, который в тот момент, не обремененный личными соображениями, был больше склонен в сторону Англии, чем России» (Rowlinson, 1970: 86).

Как выясняется из письма Воронцова на имя Несельроде, отправленного 8 ноября 1853 г., для руководства стратегическими движениями иранских войск на линии Хоя, согласно высочайшему повелению, следовало отправить в Тавриз одного генерала и двух штабс-офицеров для встречи и совещания с иранским главнокомандующим Азиз-ханом. Как выясняется, для выполнения данного поручения был назначен генерал А.С. Санковский, который должен был связаться с командующим русскими войсками, начальником особого корпуса генералом В.О. Бейбутовым, находившимся на самой турецкой границе, и сообщать ему о передвижениях иранских войск. Для налаживания связи русских офицеров с иранцами был привлечен статский советник Н.В. Ханыков, в будущем известный русский востоковед (ЦГИАГ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2890. Л. 177).

В тот момент, когда русская сторона ждала начала движения иранских войск в сторону турецкой границы, согласно сообщению Долгорукого, возникло существенное разногласие между шахом и его премьером: если шах желал послать войско и установить союз с Россией, то Садр Азам хотел путем посылки на границу войск лишь предотвратить возможные нарушения. Однако, по заверению шаха, деньги для содержания войска уже были отправлены по назначению, кроме того готовился к отъезду и иранский главнокомандующий. Однако вскоре выяснилось, что стороны так и не смогли договориться по отдельным пунктам. Более того, Ага-хан Нури выдвинул требование, согласно которому прощение одного *корура* контрибуции должно было стать предисловием к

дальнейшим действиям (ЦГИАГ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2890. Л. 183). По справедливому заключению Долгорукого, Иран хотел воевать за свои интересы под покровительством русского оружия. Но когда затягивание переговоров дошло до предела, Ага-хан Нури был вынужден сослаться на ложный тезис о том, что якобы ведению наступательной войны против Турции не было оправдания в глазах духовенства и народа. С другой стороны, и шах, наткнувшись на такое сопротивление со стороны премьера, также не сдержал своего слова. Между тем, как выясняется, иранский премьер был готов оказать России всего лишь «моральную поддержку» (ЦГИАГ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2890. Л. 184).

Вскоре, как только стало известно об изменении иранской позиции, Воронцов приказал направлявшемуся в Иран генералу А.С. Санковскому и двум штаб-офицерам – гвардии полковнику И.А. Бартоломео и подполковнику Генерального штаба П.К. Услару¹ – оставаться в Ереване, о чем была уведомена русская дипломатическая миссия в Тегеране.

II – *От военного русско-иранского союза к нейтралитету Ирана*

Но, как вскоре выяснилось, шах изменил свою позицию относительно заключения военного союза и изъявил желание сохранить строгий нейтралитет, о чем уже 14 декабря 1853 г. Воронцов уведомил Несельроде. Таким образом, русско-иранские переговоры по вопросу заключения военного союза, которые велись с июля по декабрь 1853 г., окончились безрезультатно. Тем не менее, по мнению наместника на Кавказе, для России было важным, чтобы Иран не переметнулся в стан ее противников². Там считали, что Иран был в состоянии выставить один вооруженный отряд для предотвращения грабительских набегов иранских курдов на приграничные районы российской империи. Вместе с тем была высказана мысль о том, что следовало способствовать распространению мнения о праве Ирана на обладание Багдадом, что могло оттянуть турецкие силы от Кавказского фронта.

21 декабря 1853 г., после того как в Санкт-Петербурге узнали о провале русско-иранских переговоров, Несельроде через наместника направил Долгорукому депешу с двумя инструкциями, из которых одна была официальная, а другая – секретная. В официальной части выражалось сожаление по поводу несостоявшегося союза и указывалось, что Россия якобы не искала этого союза, но когда его предложили, то она приняла его. В связи с этим Долгорукому было указано на необходимость довести до сведения шахского правительства, что русская сторона не была готова принять моральную поддержку (*appui moral*), предложенную Садр Азамом вместо обещанной военной поддержки (*cooperation armee*), и предпочитала нейтралитет Ирана (ЦГИАГ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2890. Л. 189-190).

Как следует из содержания секретной части инструкции Несельроде Долгорукому, русское правительство изначально не надеялось на получение пользы от иранского войска. Главная цель заключалась в недопущении военного союза между Ираном и Турцией (ЦГИАГ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2890. Л. 191). По мнению Несельроде, «...удержать Персию в строгом нейтралитете должна быть цель всех усилий и стараний нашего посланника» (ЦГИАГ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2890. Л. 192).

Поскольку нейтралитет Ирана устраивал русское правительство, то по настоянию Долгорукого, согласно его депеше на имя Несельроде от 14 января 1854 г., «персидское правительство решилось опубликовать свой нейтралитет ввиду возникшей между Россией и Турцией войны, что и сделано посредством статьи, напечатанной в официальной газете Тегеранской» (ЦГИАГ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2890. Л. 194)³.

Но не прошел и месяц после объявления нейтралитета, как, узнав о победах России в Азиатской Турции, иранская сторона изъявила желание заключить с ней военный союз. Тогда Несельроде дал согласие на продолжение переговоров лишь с целью недопущения сближения Ирана с противниками России (ЦГИАГ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2890. Л. 194-195). Вместе с тем Долгорукому было рекомендовано неофициально подтолкнуть Иран к походу на Сулейманию или Багдад. Между тем о желании возобновления переговоров со стороны Ирана заявил представитель Садр Азама – Мирза Мохаммад Хосейни, отправившийся из Санкт-Петербурга в Тегеран. Со своей стороны и генеральный консул в Тифлисе Касем-хан передал письмо Мирзы Ага-хан Нури, в котором тот просил Воронцова оказать помощь в возобновлении переговоров. Кроме того, как выясняется, Садр Азам стал жаловаться на вызывающее поведение Долгорукого. Вместе с тем и генеральный консул в Тифлисе также стал жаловаться генералу Реаду, временно заменившему на посту наместника Воронцова, на не отражающие правду донесения князя Долгорукого императорскому двору с утверждением того, что якобы именно он препятствовал осуществлению данного проекта. Иранский консул заявил даже о том, что, явившись к шаху, Долгорукий якобы пригрозил Ирану экспедицией в Гилян и Мазендаран в случае отказа этой страны провозгласить свой нейтралитет (ЦГИАГ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2890. Л. 208). По мнению генерала Реада, такая интерпретация событий нужна была иранской стороне для оправдания провала переговоров, вину за который намеревались возложить на Долгорукого.

¹ Об истории отправки этих офицеров в Иран смотри (Гоков, 2013) (интернетверсия).

² Кстати, опасение того, что в случае образования коалиции из европейских стран и Турции, враждебных России, Иран, соблазненный финансовой помощью, обещаниями или просто под угрозами, мог к ней примкнуть, и позднее циркулировало в русских военных кругах (Артамонов, 1889: 1).

³ Скорее всего, имеется в виду издававшаяся в Тегеране по инициативе Мирзы Таги-хана газета «*Рузнаме-йе эттефакийе*».

Между тем 12 марта 1854 г. Англия и Франция подписали соглашение с Османской империей, по которому взяли на себя обязательство защищать ее от России. Вслед за этим 28 марта в Лондоне и Париже официально была объявлена война против России (Anderson, 1966: 131).

III – Очередной раунд русско-иранских переговоров по заключению союза

Это обстоятельство не могло не подвигнуть русское правительство на скорое заключение соглашения с Ираном. Как следует из депеши Несельроде генералу Реаду, отправленной 27 марта 1854 г., последнему было поручено вести переговоры с прибывшим в Тифлис иранским поверенным и заключить с ним трактат или конвенцию на следующих условиях:

1. Россия отказывается от одного *корура* туманов контрибуции, которую Иран должен был выплатить.
2. Обе стороны договариваются, что ни одна из сторон не заключит сепаратного мира.
3. Дать слово Ирану, что после окончания заключения мира Россия предусмотрит интересы Ирана.
4. Вместе с тем Россия осознает, что не может стать гарантом сохранения за Ираном захваченных им земель в результате похода на Багдад или Сулейманию. Но Россия гарантирует Ирану согласие на возврат Ирану оккупированных турками земель, принадлежащих ему согласно Эрзерумскому трактату.

Военное снаряжение и деньги, которые требует Иран от России, могут быть ему переданы лишь в случае продолжения военных действий более одного года.

Что касается обязательств Ирана, то, по мнению Несельроде, эта страна должна была взять на себя обязательство в кратчайшие сроки собрать в районе Хоя 40-тысячное войско, которое ранее было обещано русской стороне. Оно должно было подчиняться указаниям русских офицеров. Кроме того, Иран должен был не допустить нападения курдских племен на российскую границу.

28 апреля 1854 г. на основании указания из Санкт-Петербурга генерал Реад представил на рассмотрение императору Николаю I «Краткую записку по персидскому вопросу» (ЦГИАГ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2890. Л. 211).

Согласно этой записке, генерал Реад разделял точку зрения Воронцова о том, что в случае продолжения войны с Турцией наилучшей позицией Ирана было бы соблюдение им жесткого нейтралитета. При этом генерал не преминул упомянуть об «интригах» английского и турецкого консулов в Тегеране (ЦГИАГ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2890. Л. 212). По мнению генерала, не следовало требовать от Ирана сбора сильного войска в районе Хоя, поскольку в случае провала переговоров не была исключена возможность его использования против России. Генерал считал, что было бы целесообразнее направить иранское войско на сторону Багдада с целью отвлечения сил карсского корпуса турецкой армии (ЦГИАГ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2890. Л. 213-214). Вместе с тем генерал Реад проявлял осторожность, считая приезд иранского переговорщика в Тифлис всего лишь уловкой, поскольку, по его утверждению, иранская сторона одновременно вела тайные переговоры с турецким консулом. По его мнению, если подписание конвенции состоялось бы в Тегеране, то русская сторона наверняка потребовала бы ее исполнения, а также удаления английских и турецких агентов из Ирана (ЦГИАГ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2890. Л. 215-216).

Как выясняется, оправдались догадки генерала Реада о ведении иранской стороной закулисной игры. Так, в отправленной 14 апреля 1854 г. депеше Долгорукого был указан не только факт уклонения шаха и его первого министра от посылки уполномоченного по переговорам в Тифлис, но и возможного отказа от его ведения. Тем не менее после долгих проволочек 25 апреля 1854 г. Долгорукий наконец сообщил о предложении иранского премьера о разделе поровну расходов по содержанию иранского войска, сославшись на тяжелое финансовое положение своей страны. В случае согласия русской стороны Садр Азам был готов выставить 80 тысяч пехоты, 20 тысяч кавалерии и 10 тысяч артиллеристов. Кроме того, иранский премьер обещал передать в распоряжение России лучшие войска в количестве 35 тысяч человек, а остальную часть направить в Мохаммару, Багдад, Герат, Мерв и прочие места. В конце концов курьер был отправлен (ЦГИАГ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2890. Л. 219).

Чтобы далее не обострять ситуацию с Долгоруким, на которого жаловались шах и его премьер, Несельроде решил отозвать его из Тегерана и на его место назначить временно исполняющим обязанности поверенного в делах многопытного бывшего генерального консула в Тавризе Н.А. Аничкова. В конце концов иранское правительство передумало отправку своего уполномоченного в Тифлис. В этих условиях Аничкову было дано указание, согласно которому в случае отказа иранцев от союза для российской стороны нейтралитет был бы самым желательным (ЦГИАГ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2890. Л. 220-221). Тем не менее в Министерстве иностранных дел России все-таки теплилась надежда на заключение союза при содействии опытного Аничкова.

Исходя из этого, была составлена очередная «Официальная инструкция». Николай I считал, что в случае заключения военного союза с Ираном против Турции Англия могла напасть на Персидский залив со стороны Афганистана, Белуджистана и Кермана, однако Россия не смогла бы оказать ей военную помощь. Поэтому он полагал, что нужно было заключить такое соглашение, которое не дало бы повод Англии для вторжения: то есть этот союз не должен был носить наступательный характер. По указанию императора Аничков должен был подписать такое

соглашение, по которому Иран брал бы на себя обязательство не предоставлять врагам России никакой помощи, не допускать вывоза хлеба и военных припасов для турецкой армии, а также перехода турецкими войсками иранской границы, держать в узде иранских курдов с целью недопущения их грабительских набегов на русскую границу. Император указывал на необходимость сохранения этого акта в тайне. Со своей стороны Россия брала на себя обязательство простить Ирану выплату одного кошура туманов контрибуции.

Кроме «Официальной инструкции» Н.А. Аничкову была дана и «Секретная инструкция», согласно которой военная помощь со стороны иранцев признавалась бесполезной. В ней раскрывалась цель русско-иранских переговоров: недопущение заключения военного союза Ирана с противниками России. Отметалась опция передачи денег иранской стороне для содержания войска, поскольку, как справедливо полагали в России, с одной стороны, войска существовали на бумаге, а деньги были бы использованы исключительно в интересах Ирана и вместе с тем затруднили бы России заключение мира с Османской Турцией и ее союзниками. По мнению Николая I, поход на Сулейманию и Багдад был личным вопросом Ирана. Аничкову было дано указание не соглашаться с предложением об участии России в войне Ирана против Турции и Англии.

Заключение конвенции о нейтралитете Ирана

Наконец, в результате русско-иранских переговоров 29 сентября 1854 г. в Тегеране была подписана конвенция о нейтралитете¹. По требованию иранского правительства ее следовало хранить в тайне (ЦГИАГ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2890. Л. 223-225).

Статьи о нейтралитете сводились к следующим четырем пунктам:

1. Иран отказывается от оказания военной помощи врагам России на протяжении всей войны с Турцией и ее союзниками. Иран не допустит вывоза провианта для войск стран, действующих против русской армии. Не позволит им пересекать российскую границу с целью нападения. Не допустит курдские племена к границам России.

2. Иран не допустит вывоза военных припасов для войск стран, воюющих против России.

3. Россия берет на себя обязательство, что если Иран будет соблюдать условия конвенции на протяжении всей войны, то она откажется от взимания последнего кошура контрибуции.

4. Эта конвенция не меняет ничего в соглашениях, заключенных между двумя странами.

Следует заметить, что в связи подписанием конвенции о нейтралитете Ирана Садр Азам в своей ноте, переданной русской стороне иранским уполномоченным, подтвердил условия этой конвенции. В ней он подчеркнул, что будет запрещен вывоз провианта, хлеба и риса для войск, воюющих против России, из Азербайджана² и Геруса, а также Керманской провинции. Иран заявил об установлении квот на вывоз хлеба для нужд паломников в размере 100 выюков на один караван и их прохождение только через один таможенный пункт – Зохаб. Вместе с тем не запрещалась продажа хлеба кочевникам, живущим по обе стороны границы. Вслед за подписанием конвенции состоялась ее ратификация (ЦГИАГ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2890. Л. 229).

3. Заключение

Таким образом, противостояние России с европейской коалицией и Османской Турцией, разрыв дипломатических отношений с последней стали прелюдией начала Крымской войны 1853–1856 гг. В надежде найти союзника в борьбе против Турции Россия обратила свой взор в сторону Каджарского Ирана, которому она предложила заключение военного союза. В июле 1853 г. были заложены основы для ведения русско-иранских переговоров с целью согласования военных действий против Турции. Одним из важных пунктов переговоров был отказ России от выплаты Ираном последнего кошура контрибуции. Несмотря на обнадеживающее начало, из-за расхождения интересов сторон в декабре того же года переговоры были прерваны.

Как показал ход переговоров, при невозможности заключения военного союза с Ираном главной целью российской дипломатии стал нейтралитет Ирана. Хотя 14 января 1854 г. иранское правительство объявило о своем нейтралитете в Крымской войне, однако после победы русских войск над турками в начале 1854 г. шахский двор опять настроился на продолжение переговоров. Тем не менее вопрос о нейтралитете Ирана оставался в центре внимания русской дипломатии. Для облегчения переговоров был даже смещен со своего поста российский посланник Долгоруков и на его место назначен опытный генеральный консул в Тавризе Аничков. В конце переговоров российская сторона пришла к выводу о бесполезности военной помощи со стороны Ирана. В результате 29 сентября 1854 г. в Тегеране была подписана конвенция о нейтралитете Ирана, что обеспечило безопасность тыла русской армии, воевавшей с турками на Кавказском фронте.

Следует признать, что на конечный результат Крымской войны в некоторой степени повлияло и соблюдение Каджарским Ираном строго нейтралитета, что дало возможность России предотвратить

¹ Нельзя согласиться с утверждением Н.Н. Туманович о том, что якобы в период Крымской войны присутствие английского флота в водах Персидского залива вынудило шахское правительство в 1854 г. объявить о своем нейтралитете (Туманович, 1982: 146).

² Имеется в виду историческая, северо-западная область Ирана.

заклучение ирано-турецкого военного союза и склонить в свою пользу чашу весов в войне с Турцией на Кавказе.

Литература

- Артамонов, 1889** – *Артамонов Л.К.* (1889). Персия как наш противник в Закавказье. Тифлис, 1889. 193 с.
- Гоков, 2013** – *Гоков О.А.* Русская военная миссия 1853–1854 гг. в Персию в контексте «Восточного вопроса» // *Иерусалимский вестник ИППО*. 2013. № III–IV. С. 263–279.
- История..., 1971** – *История стран Азии и Африки в новое время* (Учебное пособие). Москва, 1971. 622 с.
- Тер-Оганов, 2019** – *Тер-Оганов Н.К.* Геополитические предпосылки Крымской войны (1853–1856 гг.) и тайные русско-иранские переговоры // *Сумский историко-архивный журнал*. 2019. № XXXII. С. 27–45.
- Туманович, 1982** – *Туманович Н.Н.* (1982). Европейские державы в Персидском заливе в 16–19 вв. Москва, 1982. 190 с.
- ЦГИАГ** – Центральный государственный исторический архив Грузии. Фонд 11. Оп. 1. Д. 2890.
- Anderson, 1966** – *Anderson M.S.* The Eastern Question 1774–1923. A Study in International Relations. London and Basingstoke, 1966. 463 p.
- Avery, 1965** – *Avery P.* Modern Iran. London, 1965. 527 p.
- Mostofi, 1997** – *Mostofi A.* The Administrative and Social History of the Qajar Period [The History of My Life]. Costa Mesa, California, 1997. Vol. I, 334 p.
- Rowlinson, 1875** – *Rowlinson Sir Henry.* England and Russia in the East; a Series of Papers on the Political and Geographical Condition of Central Asia. New York-Washington-London, 1875. 393 p.
- Vulliamy, 1939** – *Vulliamy C.E.* Crimea. The Campaign of 1854–1856. With the Outline of Politics and a Study of the Royal Quartet. London, 1939. 368 p.

References

- Anderson, 1966** – *Anderson, M.S.* (1966). The Eastern Question 1774–1923. A Study in International Relations. London and Basingstoke, 463 p.
- Artamonov, 1889** – *Artamonov, L.K.* (1889). Persiya kak nash protivnik v Zakavkaz'e [Persia as our enemy in the Transcaucasus]. Tiflis, 193 p. [in Russian]
- Avery, 1965** – *Avery P.* (1965). Modern Iran. London, 527 p.
- Gokov, 2013** – *Gokov, O.A.* (2013). Russkaya voennaya missiya 1853–1854 gg. v Persiyu v kontekste «Vostochnogo voprosa» [Russian military mission 1853–1854 to Persia in the context of the "Eastern question"]. *Ierusalimskii vestnik IPPO*. № III–IV. Pp. 263–279. [in Russian]
- Istoriya..., 1971** – *Istoriya stran Azii i Afriki v novoe vremya* (Uchebnoe posobie) [History of the countries of Asia and Africa in modern times (A textbook)]. Moskva, 1971. 622 p. [in Russian]
- Mostofi, 1997** – *Mostofi, A.* (1997). The Administrative and Social History of the Qajar Period [The History of My Life]. Costa Mesa, California. Vol. I, 334 p.
- Rowlinson, 1875** – *Rowlinson Sir Henry* (1875). England and Russia in the East; a Series of Papers on the Political and Geographical Condition of Central Asia. New York-Washington-London, 393 p.
- Ter-Oganov, 2019** – *Ter-Oganov, N.K.* (2019). Geopoliticheskie predposylki Krymskoi voiny (1853–1856 gg.) i тайные русско-иранские переговоры [Geopolitical premises of the Crimean War (1853–1856) and secret Russian-Iranian negotiations]. *Sumskii istoriko-arkhivnyi zhurnal*. XXXII: 27–45. [in Russian]
- TsGIAG** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Gruzii. Fond 11. Op. 1. D. 2890.
- Tumanovich, 1982** – *Tumanovich, N.N.* (1982). Evropeiskie derzhavy v Persidskom zalive v 16–19 vv. [European powers in the Persian Gulf in the 16–19 centuries]. Moskva, 190 p. [in Russian]
- Vulliamy, 1939** – *Vulliamy, C.E.* (1939). Crimea. The Campaign of 1854–1856. With the Outline of Politics and a Study of the Royal Quartet. London, 368 p.

Русско-иранские тайные переговоры 1853–1854 гг. и заключение конвенции о нейтралитете Ирана

Нугзар Константинович Тер-Оганов ^{a, b, c, *}

^a Тель-Авивский университет, Израиль

^b Черкас глобальный университет (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований), Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nugzar19473@gmail.com (Н.К. Тер-Оганов)

Аннотация. На рубеже 40-х – 50-х годов XIX в. обострение имперских, геополитических интересов ведущих европейских держав как в самой Европе, так и на Ближнем Востоке, способствовало формированию антирусской коалиции в составе Англии, Франции, Австрии, а также Османской Турции.

Сложившийся не в пользу России расклад сил перед началом Крымской войны (1853–1856 гг.) привел императорский двор к мысли о необходимости заключения военного союза с Ираном. Образование подобного союза помогло бы России предотвратить создание турецко-иранского военного блока, действия которого были бы направлены на Кавказ.

Опасаясь подобного исхода, в преддверии войны с Турцией Россия предложила Ирану заключение военного союза. Русско-иранские тайные переговоры, проводившиеся с июля по декабрь 1853 г., не дали ожидаемых результатов, за исключением устного заявления Насер эд-Дин-шаха Каджара (1848–1896 гг.) о соблюдении Ираном строгого нейтралитета в войне против Турции.

Тем не менее, как свидетельствует дипломатическая переписка российского посланника князя Д.И. Долгорукого с министром иностранных дел России К.В. Несельроде и заместителем царя на Кавказе графом М.С. Воронцовым, обе стороны были заинтересованы в заключении военного союза только на своих условиях. Сложившаяся внешнеполитическая ситуация также накладывала свой отпечаток на переговорный процесс, меняя его характер и тональность. Однако в результате первых побед Кавказской армии над турками начался следующий раунд русско-иранских переговоров, в ходе которых были обсуждены два альтернативных варианта соглашения: заключение русско-иранского военного союза или объявление Ираном нейтралитета.

Приняв во внимание неблагоприятное внешнеполитическое положение и избегая его дальнейшего обострения, российская сторона решила отказаться от заключения соглашения о военном союзе с Ираном, после чего 29 сентября 1854 г. в Тегеране в условиях секретности была подписана конвенция о нейтралитете Ирана.

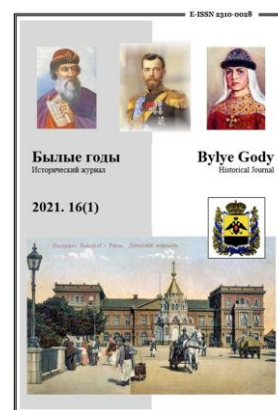
Ключевые слова: русско-иранские тайные переговоры 1853–1854 гг., конвенция 1854 г. о нейтралитете Ирана, Насер эд-Дин-шах Каджар, Николай I, князь Д.И. Долгорукий, граф М.С. Воронцов, К.В. Несельроде, генерал В.О. Бейбутов, генерал Н.А. Ред, генерал А.С. Санковский, Н.В. Ханыков.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 200-209.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.200
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Liberal Socialism in Russia: Genealogy of the Idea (Herzen and Mikhailovsky)

Vladimir V. Blokhin ^{a,*}

^a Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), Russian Federation

Abstract

In this article, V.V. Blokhin analyzes the worldview of Alexander Herzen and Nikolai Mikhailovsky, their projects for the social reconstruction of post-reform Russia in the second half of the 19th century. Scientific interest in the theorists of populism is caused by the similarity of their socio-political concepts, which are based on the ideas of liberal socialism. In modern Russian historiography, interest in the typology of trends in democratic thought is growing from year to year. In modern Russian historiography, interest in the typology of trends in democratic thought is growing from year to year. Modern researchers give priority attention to reformatory socialism, in which the right and left, conservative trends are distinguished.

The author believes that Herzen and Mikhailovsky expressed an unorthodox liberal-socialist trend in populism. Based on scientific journalism and memoirs, the author compares the socio-political views of Herzen and Mikhailovsky. The common foundations for theorists of liberal socialism are personalism, the idea of personality as the goal and meaning of progress. If Herzen formulated his doctrine of personality, relying on the philosophy of Hegel and the teachings of Saint-Simon, then Mikhailovsky – on the ideas of Proudhon. The philosophy of the Enlightenment with faith in man and a rational social structure became the theoretical prerequisite for the social theory of the populists.

Being people of a critical and free mind, both Herzen and Mikhailovsky viewed progress as a contradictory and unfinished process of gradual changes in society. They were decisive opponents of violence in history, believing that the state as a historical institution had not yet outlived its usefulness, and therefore believed in the reform potential of the autocratic power. The reformism of Herzen and Mikhailovsky was based both on the conservatism of the peasantry, who did not want to follow the revolutionaries, and on the unpreparedness of young people for revolutionary activity, their ignorance of the people. The idea of the intrinsic value of an individual and his freedom, of the priority of social reform over the revolution, of the struggle for political freedoms are the constituent components of liberal socialism, to which both Herzen and Mikhailovsky belonged.

Keywords: populism, socialism, liberalism, social reform, philistinism, reformism, liberal socialism, capitalism, autocracy, personality.

1. Введение

Выбор пути социальной реконструкции России в пореформенную эпоху стал важной политической проблемой, обусловленной проведением либеральных реформ 1860-х – 1870-х гг. Результаты правительственных преобразований, осуществляемая модернизация страны, становление капитализма – все это обнажило глубокие общественные противоречия, вызвав острую дискуссию о будущем страны. Демократическая мысль не давала единых рецептов переустройства общества, не будучи к тому же доктринально-единым идейным комплексом. В народническом учении причудливо сочетались революционные идеи с моделями реформаторского демократизма. Целью данной статьи является определение особенностей социализма Герцена и Михайловского, поиск типологического единства между идейными системами двух ярких представителей народничества.

* Corresponding author

E-mail addresses: blokhin_vv@pfur.ru (V.V. Blokhin)

Эвристической гипотезой исследования является тезис, что философско-социальные и политические идеи обоих теоретиков народничества могут быть отнесены к доктрине либерального социализма. По нашему убеждению, доктрина либерального социализма основывается на ряде фундаментальных идей, отличающих его от революционного, ортодоксального социализма (народничества) в России и составляют отдельную линию развития социалистической демократической мысли. По нашему мнению, в доктрине либерального социализма теоретически увязываются базовые идеи либерализма о свободе человека с идеями социальной справедливости.

2. Материалы и методы

Источниковой базой исследования является научная и общественная публицистика А.И. Герцена и Н.К. Михайловского, поскольку в ней отражены ключевые положения сравниваемых социальных доктрин мыслителей. В работе представлены мемуары современников П.В. Анненкова, П.Д. Боборыкина, А.И. Иванчина-Писарева, позволяющие восстановить культурно-психологический контекст времени.

Методология исследования опирается на сравнительный анализ, позволяющий выявить общее и особенное в концепциях обоих мыслителей. Критериями сравнения социалистических доктрин мыслителей являются учение о личности, факторах прогресса, методах и средствах переустройства общества.

3. Обсуждение

Многоаспектность и инвариантность народнической доктрины в пореформенной России объясняет и характер историографического дискурса. Генеральным направлением советского народниковедения являлось изучение революционного течения в демократическом движении России. С отказом от прежних советских идеологических приоритетов в 1990-х гг. исследовательские акценты заметно сместились к изучению реформаторского направления, к которому не без основания причисляли народников 1880-х гг., таких как В.П. Воронцов, И.И. Каблиц, Н.Ф. Даниельсон, Н.К. Михайловский, автор теории «малых дел» Я.В. Абрамов. В дальнейшем в реформаторском народничестве были определены концепции «правого и левого», «почвенного» и «консервативного» народничества, позволившие выявить оттенки демократической мысли (Зверев, 2019: 284). В работах Г.Н. Мокшина получило теоретическое обоснование исследование легального народничества (Мокшин, 2005).

Новым направлением современных исследований стало рассмотрение демократической мысли России во взаимодействии с леволиберальным течением общественной мысли (Арсланов, 2011: 5-22), что позволило изучить «пограничные», народническо-либеральные взгляды российской интеллигенции, отличавшиеся значительными теоретическими «вкраплениями» народнического демократизма.

Вместе с тем многие теоретические вопросы народничества до конца еще не ясны. В первую очередь это касается зарождения и трансформации народническо-демократической идеи, ее соединения с общественной практикой. В конечном счете важно выявить, сводимо ли народничество только лишь к общинно-коллективистской и революционной концепции или оно имеет точки соприкосновения с другими, в том числе либеральным течением. В этой связи обращение к наследию двух выдающихся теоретиков народничества – Александра Герцена и Николая Михайловского, в идейном творчестве которых нетрудно проследить неортодоксальные, нетипичные элементы народнической доктрины, более чем оправдано. Так, в начале XX века известный эсеровский исследователь народничества Р.В. Иванов-Разумник причислил обоих теоретиков к так называемому «критическому народничеству», особому направлению в русском социализме. В рамках своей теории Иванов-Разумник проследивал прямую связь между «антимещанством» Герцена и «индивидуализмом» Н.К. Михайловского (Иванов-Разумник, 1997: 284). Вместе с тем категории «антимещанство» А.И. Герцена и «социологический индивидуализм» Н.К. Михайловского отнюдь не являются явлениями одного порядка, к тому же время их формирования пришлось на разные этапы развития отечественного демократизма. Если появление «антимещанства» как философско-эстетической категории пришлось на рубеж 1840-х – 1850-х гг., то индивидуалистическая система Н.К. Михайловского получила обоснование в середине 1870-х гг.

4. Результаты

Важнейшим ключевым пунктом народнической философии и социологии является идея личности как высшей цели общественного прогресса. Эта идея, очевидно, сближает как либеральную, так и социалистическую мысль. И то и другое идейное течение общественной мысли имеет своим источником философию Просвещения, центральной темой которой являлся человек. Благо человека в философии Просвещения становится определяющей темой не только размышлений об обществе, но и побудительным мотивом для изменения исторической действительности.

В этой связи любопытны истоки герценовского персонализма. Г. Шпет, исследовавший философские взгляды Герцена, точно подметил, что «Личность – огненный центр» как

философского, так и практического мировоззрения Герцена, в котором переплавляется вся действительность, вливается в драгоценную «форму разумности» (Шпет, 1921: 24).

Идея личности была воспринята Герценом из философии Гегеля, ставшей неким интеллектуальным ферментом для формирования социалистической доктрины. Очевидно, что распространение гегелевской философии в Европе вызывалось пробуждением национального самосознания европейских народов, охватившим многие страны (Веселовский, 1896: 223). Растущее национальное самосознание охватило различные сферы – народную жизнь, фольклор, древние предания... Гегелевская философия повлияла на общественное сознание и России, явившись тем «духовным центром, из которого расходятся дальнейшие пути русской культуры, один из которых приводит к православному славянофильству, а другой (через Бакунина–Герцена–Маркса–Энгельса–Ленина) – к русскому коммунизму» (Сумин, 2005: 75).

Гегелизм был воспринят в России в первую очередь в форме «философской разумности» (Сумин, 2005: 62-63). Видимо, не случайно обаяние гегелевской философии оказалось столь захватывающим делом для людей 1830-х – 40-х гг., что «человек, не знакомый с Гегелем, считался почти что несуществующим человеком...», – вспоминал Анненков (Анненков, 1983: 142).

Вместе с тем интерпретация гегелевской философии приводила к неожиданным результатам. «Первый народник» А.И. Герцен был совершенно безразличен к философии Гегеля в прямом смысле... Герцену нужны были не философские принципы, а именно мировоззрение» (Шпет, 1921: 13).

Помимо Гегеля, на мировосприятие Герцена оказал сильное влияние еще один идейный источник – социальная концепция Сен-Симона. В сенсимонизме обосновывалось важное право человека бороться за условия жизни, за свое достоинство. «Сенсимонизм утверждал... права индивидуальности как силы, побуждающей человека отстаивать свое место среди других людей...» (Шпет, 1921: 24).

Усвоение философского опыта неуклонно вело Герцена к формулированию «философии действия», т.е. знания, способного изменить жизнь к лучшему. По существу, он стоял у истоков российского идейного утилитаризма. «В сочинениях же Герцена 40-х годов философия занимает место ближайшей отправной теоретической посылки для практического действия и социалистического идеала» (Володин, 1970: 145).

Отстаивание прав личности и человеческого достоинства обрело у Герцена историософскую перспективу и было осмыслено в качестве цели истории. «История превращается в продукт и процесс сознательной деятельности людей. Отныне люди будут руководить становлением истории по законам разума, поскольку они раскрылись им в гегелевской философии» (Володин, 1970: 150).

В трактовке природы человека Герцен поднялся до понимания императивности гармоничного развития личности, провозглашая, что «жизнь полная выше гениальной односторонности». Для мыслителя этот тезис являлся сознательной и продуманной формулой, вытекавшей из основ всего его мировоззрения. «Гениально односторонняя жизнь, гениальная в литературном, научном или ином творчестве, сплошь и рядом оказывается пустой и ничтожной в жизни личной и повседневной» (Шпет, 1921: 33).

Так, Герцен, осмысливая историю человечества, приходил к убеждению о противоречивости прогресса, идеи, весьма популярной среди социалистов того времени.

Схожие персоналистические идеалы были характерны и для Николая Константиновича Михайловского, идеолога народничества 1870-х – 1880-х гг. Очевидно, что его мысль также движется в русле философии Просвещения с ее бесконечной верой в устройство жизни на принципах разумности (Барг, 1990: 238).

В центре внимания Михайловского, как и Герцена, – проблема человека в обществе и истории. Личность он понимал как биосоциальное существо, наделенное могущественной нравственной силой. В отличие от Герцена Михайловский пытался объяснить развитие процессов в обществе, опираясь на результаты социологии, в частности на теорию «разделения труда».

Как и Герцен, свой персонализм Михайловский обосновывал историософски, будучи глубоко убежденным во всемогущей науке как средства освобождения человечества. По его убеждению, наука должна встать на точку зрения личности, «человека вообще», в решении практических нужд. Вслед за Ж.Ж. Руссо он повторял фразу о том, что «у нас есть ученые, но нет граждан». Подобно Герцену, искавшему действенного практического мировоззрения, Михайловский отрицал принцип «чистой науки», оторванной от жизни. Цели соединения практики и теории воедино служила оригинальная идея мыслителя о «двух правдах» – «правды истины и правды справедливости». Если поиск «правды-истины» удовлетворял потребность в решении фундаментальных теоретических аспектов бытия, то «правда-справедливость» ориентировала ученого на поиск конкретных и практических путей изменения действительности и преодоления неразумности жизни (Федотова, 1990: 202-203). Логично предположить, что преодоление дихотомии теории и практики, точнее их искусственного разрыва и противопоставления, было обусловлено российской реальностью, поиском теоретического инструментария изменения российской действительности (Михайловский, 1897: 616).

С этой точки зрения интеллектуальные интенции обоих мыслителей были созвучны, идейно пересекались: оба искали не отвлеченной теории, а действенного мировоззрения.

Рассматривая историю как науку о будущем, о формах желаемой организации общества, и Герцен, и Михайловский задавались вопросом о дисгармоничности жизни и истории. Герцен вводит в свою социально-философскую теорию термин «мещанство». Господство европейского мещанства он рассматривал как «признак культурной стагнации, «потухания идеалов», «стирания личностей», всеобщего линянья» (Гревцова, 2002: 53).

В «Западных арабесках» он емко выразил сам дух европейского мещанства. «Вся нравственность свелась на то, что неимущий должен всеми средствами приобретать, а имущий – хранить и увеличивать свою собственность; флаг, который поднимает на рынке для открытия торга, стал хоругвью нового общества» (Герцен, 1986: 266).

Трудно не согласиться с мнением Е. Гревцовой, что у Герцена мещанство не только внесословно и внепартийно, но и сословно, распространяется на все социальные слои (Гревцова, 2002: 54). Весьма показательным, что в этом пункте критики западной культуры сходились и социалисты, и консерваторы. «Русская религиозная общественная мысль критически относилась к эвдемонистическим устремлениям западной цивилизации», – отмечает А.Л. Семенова (Семенова, 2009: 65). Для консерваторов И. Аксакова, К. Леонтьева это состояние культуры было определено как «пошлость». Таким образом, и у Герцена, и философов «русской идеи» речь шла о духовном оскудении человека, об истончении его духовных сил, о погоне за мелкими и второстепенными ценностями.

Этому вопросу о дегуманизации Михайловский также придавал историософский смысл. Он расценивал этот процесс как нарушение целостности личности, однобокое развитие одних качеств человека вопреки другим. В отличие от Герцена, который определял мещанство в категориях духовных и эстетических, Михайловский сводил дегуманизацию к социальному отчуждению, вызванному общественным разделением труда, при котором человек становится «пальцем от ноги», функцией общественного организма. В рецензии на сочинения Спенсера (1866 г.) он доказывал тезис о противоположности общественного и индивидуального прогресса. Он не соглашался со Спенсером, что человек в его системе всего лишь необходимый, нравственно-индифферентный, бездушный элемент, орган социального тела, его средство (Михайловский, 1913: 717).

С этой точки зрения весьма любопытна оригинальная теория социальных типажей – «практических и идеальных типов».

Тип практический – конформистская личность, которая приспосабливается к условиям жизни, встраивается в существующий порядок вещей, признает господство факта. Выражаясь терминологией Э. Фромма, является носителем «модуса обладания». К типу идеальному относятся те, кто меняет среду вопреки объективному ходу социальной эволюции, для них характерен «модус бытия», восприятие жизни во всех ее многообразных проявлениях (Михайловский, 1911: 301-302).

Такое понимание типологии личности приводило к убеждению, что «идеальный тип» – это социально-психологическая модель интеллигента-нонконформиста, борца с системой. Таким образом, теория «практических и идеальных типов» Михайловского приобретала вполне конкретное социально-политическое содержание. «Идеальный тип» – это противник мещанства с его узкими и приземленными идеалами.

Герцен в отличие от Михайловского принадлежал к другой эпохе, его оценки интеллигенции не столь оптимистичны. В противоположность Михайловскому «...интеллигенция, по Герцену, не только не противостоит мещанству, но и во многом помогает усилению его господства, поскольку выполняет мещанские заказы, потакает его вкусам, даже предвосхищает и формирует их» (Гревцова, 2002: 54).

С этой точки зрения, без сомнения, Герцен смотрел иначе, видел неоднозначные культурные процессы современного ему мира. Вместе с тем и Герцен, и Михайловский были едины в понимании дегуманизации личности в ходе исторического процесса, что побуждало их рассматривать исторический процесс как борьбу за условия прогресса личности.

Широта интеллектуального горизонта Герцена уберегла его от прямолинейного, непротиворечивого понимания прогресса, что особенно ощутимо в публицистике конца 1860-х гг. История для Герцена – не линейная механическая схема, не физика, а многофакторный и трудноуловимый процесс. «В мире исторического развития это не так просто» (Герцен, 1960b: 578). Такое понимание природы прогресса соответствует идее постепенности и эволюции социальных форм.

«Собственность, семья, церковь, государство были огромными воспитательными формами человеческого освобождения и развития – мы выходим из них по миновании надобности. Обрушивать ответственность за былое и современное на последних представителей «прежней правды», делающейся «настоящей неправдой», так же нелепо, как было нелепо и несправедливо казнить французских маркизов за то, что они не якобинцы... Социальному перевороту ничего не нужно, кроме понимания и силы, знания – и средств», – писал Герцен в «Письме к старому товарищу» М.А. Бакунину (Герцен, 1960b: 580). Позже он еще отчетливее высказал мысль о постепенности. «Всякая попытка обойти, перескочить сразу – от нетерпения, увлечь авторитетом или страстью – приведет к страшнейшим столкновениям и, что хуже, к почти неминуемым поражениям» (Герцен, 1960b: 580). По этой причине для Герцена неприемлемо было насилие, идея которого была популярна в революционной среде. «Насильем можно разрушать и расчищать место – не больше. <...> Террор так же мало уничтожает предрассудки, как завоевания – народности» (Герцен, 1960b: 578).

В этом отношении вывод Герцена шел вразрез с революционной практикой. 4 апреля 1866 году Дмитрий Каракозов выстрелил в Александра II. Причем применение террора мыслилось его исполнителями как средство ускорения исторического развития, подстегивания ее темпа. По этой причине осуждение терроризма не могло не вызвать неприятия со стороны радикальных кругов. Этот вопрос об отношениях Герцена с представителями молодой генерации революционеров обстоятельно освещен Б.П. Козьминым. Радикалы нападали на «либеральные иллюзии Герцена и указывали на его колебания в сторону либерализма» (Козьмин, 1941: 29). Особенно непримиримым был А.А. Серно-Соловьевич, заявивший в своем листке: «Я протестую, чтобы засвидетельствовать, что «Колокол» не является больше знаменем молодой России, что он выражает только личные взгляды господ Герцена и Огарева» (Листовка, 1941: 114). П.Д. Бобрыкин, друг Герцена, очень тонко охарактеризовал социально-культурные различия между новым «кружковым поколением» революционеров и Герценом. Бобрыкин пишет о нем как о человеке, «который уже потерял обаяние на читающую массу своей родины», но притом оставался на недосягаемой высоте своей мысли. «В нем и тогда чувствовался все более и общечеловек, и европеец, который сам пережил и перестрадал все «проклятые» вопросы XIX века (Бобрыкин, 2003: 557-558).

Если Козьмин полагал, что Герцен, будучи представителем дворянского этапа революционного движения, и «колебался в сторону либерализма», то Н.М. Пирумова объясняла позицию Герцена его политическим реализмом. «Позиция Герцена, хотя и утопическая по своей сути, отвечала реальному соотношению классовых сил» (Пирумова, 1989: 222).

Анализ философско-исторической концепции Герцена убеждает, что эти разногласия между Герценом и молодой эмиграцией не были тактическими, а имели принципиальный характер. Спор шел о различном понимании характера прогресса.

Важной и методологически значимой идеей Герцена является мысль о значении внутренней свободы, к которой человечество идет сложным историческим путем. Герцен – противник осуществления формального освобождения, без соответствующих условий: «Нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены внутри. Как ни странно, но опыт показывает, что народам легче выносить насильственное бремя рабства, чем дар излишней свободы. В сущности, все формы исторические – *volens-nolens* – ведут от одного освобождения к другому» (Герцен, 1960b: 578).

Такая идея внутреннего духовного прогресса имеет мало общего с позитивистским мировоззрением революционеров, видевших все проблемы в существовании внешних политических форм, поскольку проблема свободы – проблема духовного самоопределения личности. В социалистической мысли этого времени вопрос о внутренней свободе тогда никто не ставил. В этой связи любопытно наблюдение И. Берлина, который считает, что Герцен, как и Милль, «ставит свободу личности в центр своего социально-политического учения... Без нее лишается смысла вся остальная деятельность». Для других свобода – «побочный продукт социально-политического переворота» или «переходная стадия, неизбежная в ходе истории» (Берлин, 2001: 111). Таким образом, для Герцена свобода лица имела субстанциональное, а не инструментальное значение.

Эту черту герценовского свободолобия констатировали даже его идейные оппоненты. Лев Тихомиров писал о значении Герцена для интеллигенции: «Учиться не у него, а на нем можно многому, но – именно не революционерам каких бы то ни было партий, а только тем людям, которые умеют ценить независимость мысли и сами способны к ней, способны взять у автора сильное, отбросить слабое, понять то, чего не успел почувствовать сам он» (Тихомиров, 1912).

Схожее понимание прогресса характерно и для Михайловского. Свою формулу прогресса он сформулировал еще в своем знаменитом трактате «Что такое прогресс?», связав прогресс личности со становлением социально-однородного общества. В последующей работе «Борьба за индивидуальность» Михайловский сформулировал оригинальную философско-историческую концепцию, согласно которой история человечества является нескончаемой борьбой «индивидуальностей», социальных форм, при которой каждая из которых стремится поработить другую. Смысл истории для Михайловского состоит в самоосвобождении человека, в нескончаемой борьбе «индивидуальности», первичной личности за свое достоинство. Прогресс для него не означал конкретного состояния человечества, а являлся некой незавершенной и открытой системой улучшения форм жизни, неким постоянным процессом движения. Именно поэтому Михайловский предпочитал не предсказывать и не давать детализированных описаний конечным состояниям жизни общества, поскольку общественная система, по его убеждениям, управляется разнородными социально-политическими и духовно-нравственными факторами, комбинация которых в зависимости от времени и места может быть непредсказуемой. В 1870-е гг. в статье «Теория Дарвина и общественная наука» Михайловский, восхищаясь величием и благородством идеала всесторонне развитой личности, отмечал, однако, «что все мы обязаны стремиться к нему хотя бы и без надежды осуществить его вполне» (Михайловский, 1911: 286).

Важным социально-политическим следствием социологического приложения теории прогресса к жизни, понимания его и противоречивости становится идея многообразия, инвариантности путей движения к новому обществу, предполагавшему неприятие прямых методов революционного

действия. Видимо, не случайно у Герцена в публицистике 1860-х гг. отчетливо звучит идея социальной реформы, осуществимой сверху.

Безусловно, для него стала важной исторической вехой Великая реформа Царя-освободителя. «Пятилетие, протекшее между смертью Николая и появлением манифеста об освобождении крестьян в марте 1861 года, образует великую эпоху не только в истории России, но и в истории XIX века» (Герцен, 1960а: 75).

В заметке «О выходе «Колокола» на французском языке» (декабрь 1867 г.) он подчеркивает неотвратимость реформ, невозможность их остановить. «Посев сделан, часть работы под землей, другая неуловима по своей повсюдности и рассыпчатости, потому что она лежит в необходимости нового положения, к которому Россия стремится гулом... Из ежедневной газеты они переходят в ежедневную жизнь, из книги – в суд, в земскую управу, в раскладку повинностей, в учет общественного достояния» (Герцен, 1960а: 13).

Герцен отмечал революционный характер перемен. «Самые невозможные вещи осуществляются у нас с невероятной быстротой; перемены, равные по своему значению революциям, совершаются не замеченные Европой» (Герцен, 1960а: 79).

Условием осуществления социалистического идеала он считал решение взаимосвязанного социального и политического вопроса. Будущее социализма он связывал с перспективой демократизации страны, с реализацией идеи республиканизма.

В заметке «Ответ на призыв к русским польского республиканского центра» Герцен восклицал: «Да, граждане, мы республиканцы, и республиканцы последовательные, т.е. социалисты... Республика, не ведущая к социализму, кажется нам абсурдной; промежуточная ступень, которая принимала бы себя за цель, социализм, который пытался бы обойтись без политической свободы, без равенства в правах, быстро выродился бы в авторитарный коммунизм» (Герцен, 1960а: 89). Любопытны последние строки: Герцен противопоставляет социализму с политической свободой авторитарный коммунизм. Резонно встает вопрос, как Герцен представлял осуществление своих республиканских намерений. Конкретную программу у него найти трудно, он ограничивался принципиальной постановкой вопроса о парламенте, «великом соборе» или «Учредительном собрании». «Каково бы ни было первое Учредительное собрание, первый парламент – мы получим свободу слова, обсуждения и законную почву под ногами» (Герцен, 1959: 79).

Герцен, отстаивая идею всесословного собора, полагал, что народная воля должна стать гарантией от реакции, попятного движения правительства. Четырьмя годами раньше, в статье «Письмо к Гарибальди» (1863 г.), он писал, что необходимо «затормозить колеса старой машины» и выяснить желания народа. «Для достижения этого надобно было подвинуть правительство на созвание Собора бессословного, всенародного, без различия вероисповеданий, с предоставлением каждому избирать каждого» (Герцен, 1959: 25).

В «Письмах к старому товарищу», написанных в Ницце за год до своей смерти (1869), Герцен решительно выступает за отказ от революционных методов изменения общества. «Государство не имеет собственного определенного содержания – оно служит одинаково реакции и революции – тому, с чьей стороны сила; это – сочетание колес около общей оси, их удобно направлять туда или сюда – потому что единство движения дано, потому что оно примкнуто к одному центру... крестьян, принадлежит самодержавному царю... Для чего же – думалось ему – ломать мельницу, когда ее жернова могут молотить и нашу муку? На том же самом основании и я не вижу разумной применимости – в отречении» (Герцен, 1960с: 591).

Последняя фраза, очевидно, говорит о пересмотре Герценом отношения к монархии и отказу от идеи отречения царя. Такой взгляд мог сложиться при условии признания прогрессивности деятельности государства.

Решительно пересматривает Герцен и роль идеализированного революционерами народа. Народ – консерватор по инстинкту и потому, что он не знает ничего другого, у него нет идеалов вне существующих условий; его идеал – буржуазное довольство... (Герцен, 1960b: 590). В этих условиях неизбежности исторических форм государства и церкви, консерватизма народа Герцен предъявлял требования к оппозиционному меньшинству, стремящемуся изменить Россию. По его убеждению, ответственность революционера состоит не в том, чтобы провоцировать на неоправданный бунт и революцию, а прислушиваться к народным интересам и мнениям. Народ революционную партию не слышит, а потому нельзя вести народ на революцию, зная о нем книжно и отвлеченно. «Честно мы не можем брать на себя ни роль Аттилы, ни даже роль Антона Петрова. Принимая их, мы должны будем обманывать других или самих себя. За эту ложь нам придется отвечать перед своей совестью и перед судом близких нам по духу... Мы не слышали голоса, призывавшего нас свыше к исполнению судеб, и не слышим подземного голоса снизу, который указывал бы путь» (Герцен, 1960b: 589).

Единственной стратегией социалистов, по убеждению мыслителя, может быть лишь просвещение и наука. «Наша сила – в силе мысли, в силе правды, в силе слова, в исторической попутности...», – подводил итог Герцен (Герцен, 1960в: 589).

Трудно не согласиться с мнением В.Ф. Антонова о том, что Герцен, «так и не взяв в руки топора, а лишь угрожал им в минуты приступов самодержавной реакции и террора. Герцен ушел из жизни

апостолом-пропагандистом и с надеждой на должное исполнение того, что было начато 19 февраля 1861 г., продолжено в 1864–1885 гг. и в чем виделась ему реализация программы его общественного идеала» (Антонов, 2000: 133).

Характеристика Герцена как «апостола-пропагандиста» между тем не позволяет определить его идеологическую принадлежность. И социологические идеи, и политическая программа, рассмотренные выше, дают возможность причислить Герцена к течению либерального социализма.

Схожие идеи высказывал и Михайловский. Еще в начале 1870-х гг., когда капиталистическая эволюция страны не была очевидной, Михайловский надеялся на реализацию реформаторского потенциала власти по развитию и стимулированию народного производства. В своих политических надеждах он опирался на представление о том, что государство в России является надклассовой и неклассовой организацией. Истоки идей о государстве как некоей внеклассовой форме можно найти в наследии французского социалиста реформистского направления Луи Блана. «Луи Блан требовал, как известно, государственного вмешательства в экономическую жизнь страны... Он видел в государстве не организм, состоящий из людей-органов, а орган, функция которого состоит в обеспечении развития и применения человеческих сил и способностей» (Михайловский, 1909а: 72).

С необходимостью государственного вмешательства в социально-экономическую жизнь коррелировалась мысль народника об оказании социальной поддержки мелкому производителю за счет развития народного кредита, обеспечения сбыта сельскохозяйственной продукции, устранения из торгового оборота посредников-спекулянтов. Предполагал Михайловский и активное участие земств и земской организации в улучшении условий аграрного быта. Основой экономического возрождения страны, по убеждению мыслителя, должны стать не акционерные компании, а производительные артели (Михайловский, 1911: 677).

Мыслитель был убежден, что государственное регулирование экономической жизни, учитывающее интересы производителей, является политической целесообразностью, продиктованной потребностью самосохранения власти, поскольку «в недалеком будущем выживет та комбинация общественных и политических сил, которая, в большей или меньшей степени, удовлетворяет массы» (Михайловский, 1909б: 999).

Очевидно, для Михайловского исторически-прогрессивная роль монархии была неисчерпанной, монархия могла служить народу. «Он (монархический принцип – Авт.) может вести народ вперед, остановиться на месте, идти назад, идти в ту или иную сторону» (Михайловский, 1879: 327).

В то же время он, подобно Герцену, ощущал культурную отчужденность социалистической молодежи и народа. В отличие от Герцена, писавшего о консерватизме народа, Михайловский увидел в народной массе даже проявления деструктивной энергии, угрозу самой культуре. В историю российской интеллигенции в качестве пророчества и предупреждения вошли обжигающие строки мыслителя: «У меня на столе стоит бюст Белинского, который мне очень дорог, вот шкаф с книгами, за которыми я провел много ночей. Если в мою комнату вломится русская жизнь со всеми ее бытовыми особенностями и разобьет бюст Белинского и сожжет мои книги, я не покорюсь и людям деревни; я буду драться, если у меня, разумеется, не будут связаны руки. И если бы даже меня осенил дух величайшей кротости и самоотвержения, я все-таки сказал бы: прости им, Боже истинный и справедливый, они не знают, что творят» (Михайловский, 1909а: 692).

Осознание отчужденности интеллигенции от народа, разочарование в революционных возможностях крестьянства побуждали Михайловского бороться за политические свободы, что создавало объективную почву для сближения народника с либералами-реформистами. Это настроение довольно емко передано в воспоминаниях А.И. Иванчина-Писарева, описавшего драму «хождения в народ». На вопрос Иванчина Михайловскому, следует ли продолжать пропаганду среди крестьян, последовал ответ: «По-моему, не следует... Вы работали при самых благоприятных условиях... Я прихожу к выводу, что при современных политических условиях всякая деятельность в пользу крестьян, не отвечающая видам правящих сфер, будет преследоваться и кончатся тюрьмой и ссылкой... Зачем же губить свои силы, когда им можно дать более ценное применение? ...Без «конституции» нельзя обойтись в России, и бояться ее, ввиду возможного развития буржуазии, значит, не понимать политических требований времени. Бросьте ваше паломничество в деревню и займитесь организацией политической борьбы... Давайте вместе работать!» (Иванчин-Писарев, 1914: 103-105).

Эта мысль внесения в народничество идеи политической борьбы крайне важна для понимания природы либерального социализма. Классическое ортодоксальное народничество отрицало борьбу за политические свободы, было аполитичным, концентрировалось на борьбе социальной. В этом вопросе Михайловский совершил решительную переоценку ценностей.

Без сомнения, Михайловский был противником революционного преобразования и это определило его статус общенационального лидера демократического движения России в начале XX века. Он был идейно близок как социалистам, так и либералам.

5. Заключение

Анализ общественно-политических программ А.И. Герцена и Н.К. Михайловского показывает типологическое единство их взглядов и позволяет характеризовать их как либеральный социализм. В центре мировоззрения обоих мыслителей находилась идея личности как высшей ценности. Если Герцен приходил к этой идее из философии Гегеля и теории Сен-Симона, то Михайловский в своей концепции опирался на идеи О. Конта и Прудона. С социалистической концепцией их взгляды объединяла идея целостного и всестороннего развития человека, с либерализмом – идея свободы как базовой характеристики. Не секрет, что для радикального социализма и казарменного коммунизма свобода является средством, а не высшей ценностью человека. В этом вопросе персонализм обоих мыслителей сближал с либерализмом.

Либерально-социалистическое направление мысли обоих мыслителей проявилось и в понимании прогресса. Для Герцена и Михайловского прогресс не имел обязательного, нормативного значения, он скорее выступал в качестве открытой и незавершенной системы, желаемого идеала, путь к которому был тернист и противоречив, а посему предполагал использование различных методов преобразования действительности.

Для сторонников концепции либерального социализма ведущим методом преобразования жизни является социальная реформа, проводимая при определенных условиях верховной властью. Представление об относительной прогрессивности традиционных социальных институтов, царской власти характерно для позднего Герцена конца 1860-х гг. и Н.К. Михайловского середины 1870-х гг. Такая позиция в значительной степени объяснима консерватизмом народа, живущего традиционными ценностями, и бессилием революционного меньшинства, психологически и культурно-оторванного от основной массы населения. По существу, либеральный социализм исходит из идеи отсутствия в России значимого субъекта социальных преобразований, которого еще необходимо воспитать. Единственно возможной силой для реформирования в этих условиях являлось тогда государство. По этой причине либеральные социалисты были убежденными сторонниками политической демократизации и борьбы за политические свободы, в то время как для ортодоксального народничества был характерен аполитизм и приоритет социального освобождения перед политическим.

Указанные особенности либерального народничества семантически роднят его с либерализмом, нацеливая общество на мирные и эволюционные формы изменения России.

Литература

- Анненков, 1983 – Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1983. 350 с.
- Антонов, 2000 – Антонов В.Ф. А.И. Герцен – общественный идеал анархиста. М., 2000. 157 с.
- Арсланов, 2011 – Арсланов Р.А. Становление и эволюция реформаторского демократизма в России конца XIX – начала XX вв. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России»*. 2011. № 2. С. 5-22.
- Барг, 1990 – Барг М. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1990. 342 с.
- Берлин, 2001 – Берлин И. История свободы. М., 2001. 544 с.
- Боборыкин, 2003 – Боборыкин П.Д. За полвека. Воспоминания. М., 2003. 672 с.
- Веселовский, 1896 – Веселовский А. Западное влияние в новой русской литературе. Историко-сравнительный очерк. М., 1896. 223 с.
- Володин, 1970 – Володин А.И. Герцен. М., 1970. 214 с.
- Герцен, 1960а – Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. М., 1960. Т. 20. кн. 1. 494 с.
- Герцен, 1960б – Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. М., 1960. Т. 20. кн. 2. 991 с.
- Герцен, 1959 – Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. М., 1959. Т. 18. 752 с.
- Герцен, 1986 – Герцен А.И. Сочинения в двух томах. М., 1986. Т. 2. 320 с.
- Гревцова, 2002 – Гревцова Е.С. Философия культуры А.И. Герцена и К.Н. Леонтьева (Сравнительный анализ). М., 2002. 121 с.
- Зверев, 2019 – Зверев В.В. Опыт политической биографии Г.П. Сазонова М.-СПб., 2019. 431 с.
- Иванчин-Писарев, 1914 – Иванчин-Писарев А.И. Из воспоминаний о Н.К. Михайловском // *Заветы*. 1914. № 1. С. 103-105.
- Иванов-Разумник, 1997 – Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли. М., 1997. Т. 2. 284 с.
- Козьмин, 1941 – Козьмин Б.П. Герцен, Огарев и «Молодая эмиграция» // *Литературное наследство*. М., 1941. Т. 41. С. 1-48.
- Листовка, 1941 – Листовка А.А. Серно-Соловьевича против Н.П. Огарева // *Литературное наследство*. М., 1941. Т. 41. С. 111-115.
- Михайловский, 1879 – Михайловский Н.К. Сочинения. СПб., 1879. Т. I. 980 с.
- Михайловский, 1914 – Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений. СПб., 1904. Т. VIII. 982 с.
- Михайловский, 1897 – Михайловский Н.К. Сочинения. СПб., 1897. Т. VI. 1048 с.
- Михайловский, 1909а – Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений. СПб., 1909. Т. III. 904 с.
- Михайловский, 1909б – Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений. СПб., 1909. Т. IV. 1024 с.

- Михайловский, 1911 – Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений. СПб., 1911. Т. I. 1011 с.
 Михайловский, 1913 – Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений. СПб., 1913. Т. X. 1138 с.
 Мокшин, 2005 – Мокшин Г.Н. Русское легальное народничество 60-90-х гг. XIX века: очерки истории и историографии. Воронеж, 2005. 179 с.
 Пирумова, 1989 – Пирумова Н.М. Александр Герцен – революционер, мыслитель, человек. М., 1989. 253 с.
 Семенова, 2009 – Семенова А.Л. Русская публицистика 1900-х годов: этический аспект критики мещанства // *Вестник Новгородского государственного университета*. 2009. № 52. С. 64-67.
 Сумин, 2005 – Сумин О.Ю. Гегель как судьба России. Краснодар, 2005. 253 с.
 Тихомиров, 1912 – Тихомиров Л.А. Дело жизни Герцена // *Московские ведомости*. 1912. № 72 (29 марта).
 Федотова, 1990 – Федотова В.Г. Истина и правда повседневности // *Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания*. М., 1990. С. 202-203.
 Шпет, 1921 – Шпет Г. Философское мировоззрение Герцена. Петроград. 1921. 441 с.

References

- Annenkov, 1983 – Annenkov, P.V. (1983). Literaturnye vospominaniya [Literary memoirs]. Moskva, 350 p. [in Russian]
 Antonov, 2000 – Antonov, V.F. (2000). A.I. Gertsen Obshchestvennyi ideal anarkhista [A.I. Herzen The social ideal of the anarchist]. Moskva, 157 p. [in Russian]
 Arslanov, 2011 – Arslanov, R.A. (2011). Stanovlenie i ehvolyutsiya reformatorskogo demokratizma v Rossii kontsa XIX – nachala XX v. [Formation and evolution of reformatory democracy in Russia at the end of the XIX beginning of the XX century]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*. 2: 5-22. [in Russian]
 Barg, 1990 – Barg, M. (1990). Ehpokhi i idei. Stanovlenie istorizma [Epochs and Ideas. Formation of historicism]. Moskva. 342 p. [in Russian]
 Berlin, 2001 – Berlin, I. (2001). Istoriya svobody [The history of freedom]. Moskva. 544 p. [in Russian]
 Boborykin, 2003 – Boborykin, P.D. (2003). Za polveka. Vospominaniya [For half a century. Memories]. Moskva, 672 p. [in Russian]
 Fedotova, 1990 – Fedotova, V.G. (1990). Istina i pravda povsednevnosti [Truth and truth of everyday life]. *Zabluzhdayushchiysya razum? Mnogoobrazie vnenauchnogo znaniya*. Moskva, pp. 202-203. [in Russian]
 Gertsen, 1959 – Gertsen, A.I. (1959). Sobranie Sochinenii v tridsati tomakh [Collected Works in thirty volumes]. Moskva. T. 18. Kn. 1. 752 p. [in Russian]
 Gertsen, 1960a – Gertsen, A.I. (1960). Sobranie Sochinenii v tridsati tomakh [Collected Works in thirty volumes]. Moskva. T. 20. Kn. 1. 494 p. [in Russian]
 Gertsen, 1960b – Gertsen, A.I. (1960). Sobranie Sochinenii v tridsati tomakh [Collected Works in thirty volumes]. Moskva. T.20. Kn. 2. 991 p. [in Russian]
 Gertsen, 1986 – Gertsen, A.I. (1986). Sochineniya v dvukh tomakh [Works in two volumes]. Moskva. T. 2. 320 p. [in Russian]
 Grevtsova, 2002 – Grevtsova, E.S. (2002). Filosofiya kul'tury A.I. Gertsena i K.N. Leont'eva (Sravnitel'nyi analiz) [Philosophy of culture A.I. Herzen and K. N. Leontiev (Comparative analysis)]. Moskva. 121 p. [in Russian]
 Ivanchin-Pisarev, 1914 – Ivanchin-Pisarev, A.I. (1914). Iz vospominanii o N.K. Mikhailovskom [From the memoirs of N.K. Mikhailovsky]. *Zavety*. 1: 103-105. [in Russian]
 Ivanov-Razumnik, 1997 – Ivanov-Razumnik, R.V. (1997). Istoriya russkoi obshchestvennoi mysli [History of Russian social thought]. Moskva. T. 2. 284 p. [in Russian]
 Koz'min, 1941 – Koz'min, B.P. (1941). Gertsen, Ogarev i «Molodaya eh migratsiya» [Herzen, Ogarev and "Young emigration"]. *Literaturnoe nasledstvo*. Moskva. T. 41. Pp. 1-48. [in Russian]
 Listovka, 1941 – Listovka, A.A. (1941). Serno-Solov'evicha protiv N.P. Ogareva [Leaflet A.A. of Serno-Solovievich against N.P. Ogarev]. *Literaturnoe nasledstvo*. Moskva. T. 41. Pp. 111-115. [in Russian]
 Mikhailovskii, 1879 – Mikhailovskii, N.K. (1879). Sochineniya [Collected Works]. Sankt-Peterburg. T. 1. 980 p. [in Russian]
 Mikhailovskii, 1897 – Mikhailovskii, N.K. (1897). Sochineniya [Collected Works]. Sankt-Peterburg. T. VI. 1048 p. [in Russian]
 Mikhailovskii, 1909a – Mikhailovskii, N.K. (1909). Polnoe sobranie sochinenii [Complete Works]. Sankt-Peterburg. T.III. 904 p. [in Russian]
 Mikhailovskii, 1909b – Mikhailovskii, N.K. (1909). Polnoe sobranie sochinenii [Complete Works]. Sankt-Peterburg. T. IV. 1024 p. [in Russian]
 Mikhailovskii, 1911 – Mikhailovskii, N.K. (1911). Polnoe sobranie sochinenii [Complete Works]. Sankt-Peterburg. T. I. 1011 p. [in Russian]
 Mikhailovskii, 1913 – Mikhailovskii, N.K. (1913). Polnoe sobranie sochinenii [Complete Works]. Sankt-Peterburg. T. X. 1138 p. [in Russian]

- Mikhailovskii, 1914** – *Mikhailovskii, N.K.* (1914). Polnoe sobranie sochinenii [Complete Works]. Sankt-Peterburg. T. VIII. 982 p. [in Russian]
- Mokshin, 2005** – *Mokshin, G.N.* (2005). Russkoe legal'noe narodnichestvo 60-90-kh gg. XIX veka: ocherki istorii i istoriografii [Russian legal populism of the 60-90s XIX century: essays on history and historiography]. Voronezh, 179 p. [in Russian]
- Pirumova, 1989** – *Pirumova, N.M.* (1989). Aleksandr Gertsen-revolutsioner, myslitel', chelovek [Alexander Herzen-revolutionary, thinker, man]. Moskva, 253 p. [in Russian]
- Semenova, 2009** – *Semenova, A.L.* (2009). Russkaya publitsistika 1900-kh godov: eticheskii aspekt kritiki meshchanstva [Russian journalism of the 1900s: the ethical aspect of criticism of the philistine]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 52: 64-67. [in Russian]
- Shpet, 1921** – *Shpet G.* (1921). Filosofskoe mirovozzrenie Gertsena [Herzen's philosophical worldview]. Petrograd. 441 p. [in Russian]
- Sumin, 2005** – *Sumin, O.Yu.* (2005). Gegel' kak sud'ba Rossii [Hegel as the fate of Russia]. Krasnodar, 253 p. [in Russian]
- Tikhomirov, 1912** – *Tikhomirov, L.A.* (1912). Delo zhizni Gertsena [Herzen's life work]. *Moskovskie vedomosti*. 72 (March 29). [in Russian]
- Veselovskii, 1896** – *Veselovskii, A.* (1896). Zapadnoe vliyanie v novoi russkoi literature. Istoriko-sravnitel'nyi ocherk [Western influence in the new Russian literature. Historical and comparative sketch]. Moskva, 223 p. [in Russian]
- Volodin, 1970** – *Volodin, A.I.* (1970). [Gertsen]. Moskva. 214 p. [in Russian]
- Zverev, 2019** – *Zverev, V.V.* (2019). Opyt politicheskoi biografii G.P. Sazonova [The experience of the political biography of G.P. Sazonova]. Moskva, Sankt-Peterburg. 431 p. [in Russian]

Либеральный социализм в России: генеалогия идеи (Герцен и Михайловский)

Владимир Владимирович Блохин ^{a, *}

^a Российский университет дружбы народов (РУДН), Российская Федерация

Аннотация. В статье автор анализирует мировоззрение Александра Герцена и Николая Михайловского, их проекты социальной реконструкции пореформенной России второй половины XIX века. Научный интерес к теоретикам народничества вызван сходством их социально-политических концепций, в основе которых лежат идеи либерального социализма. В современной российской историографии год от года растет интерес к вопросам типологии течений демократической мысли. Современные исследователи приоритетное внимание отдают реформаторскому социализму, в котором выделяют правое и левое, консервативное направления. Автор считает, что Герцен и Михайловский выражали неортодоксальное либерально-социалистическое течение в народничестве. Опираясь на научную публицистику и мемуары, автор сравнивает общественно-политические взгляды Герцена и Михайловского. Общими основаниями для теоретиков либерального социализма становится персонализм, представление о личности как цели и смысле прогресса. Если Герцен формулировал свое учение о личности, опираясь на философию Гегеля и учение Сен-Симона, то Михайловский – на идеи Прудона. Философия Просвещения с верой в человека и разумное общественное устройство стала теоретической предпосылкой социальной теории народников. Будучи людьми критического и свободного ума, и Герцен, и Михайловский рассматривали прогресс как противоречивый и незавершенный процесс постепенных изменений в обществе. Они выступали решительными противниками насилия в истории, считая, что государство как исторический институт еще себя не изжило, а потому верили в реформаторский потенциал самодержавной власти. Реформизм Герцена и Михайловского обосновывался как консерватизмом крестьянства, не желающего идти вслед за революционерами, так и неготовностью молодежи к революционной деятельности, незнания ими народа. Представление о самоценности личности и ее свободе, о приоритете социальной реформы перед революцией, о борьбе за политические свободы – это составляющие компоненты либерального социализма, к которому принадлежали и Герцен, и Михайловский.

Ключевые слова: народничество, социализм, либерализм, социальная реформа, мещанство, реформаторство, либеральный социализм, капитализм, самодержавие, личность.

* Корреспондирующий автор

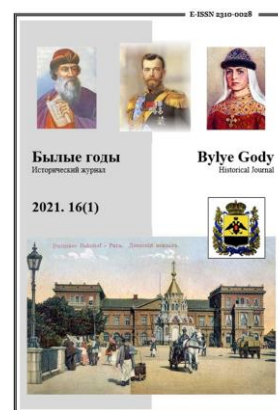
Адреса электронной почты: blokhin_vv@pfur.ru (В.В. Блохин)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 210-221.
 DOI: 10.13187/bg.2021.210
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Charity of Muslim Communities in Western and Southern Siberia in the second half of the XIX – early XX century

Petr K. Dashkovskiy^{a,*}, Elena A. Shershneva^a

^aAltay State University, Russian Federation

Abstract

The article deals with the organization of charity in the territory of Western and Southern Siberia in the second half of the XIX – early XX century. The authors, relying on an extensive range of archival materials and publications related to this problem, were able to imagine how the Institute of charity was formed in the Muslim environment in Siberia. The article raises the question of two types of donations – waqf and zakat, prescribed by Muslim law, but which have not found official recognition in the legal system of the Russian Empire. Both these forms throughout the existence of the Muslim Ummah as part of the Russian state remained voluntary donations of the community members themselves. In addition, it should be noted that the provincial authorities in the regions have repeatedly prevented any form of donations, relying on secular legislation in their decisions. Special attention is paid to the analysis of charity spheres. In particular, it was found that Muslims paid special attention to supporting the Institute of education and enlightenment. In addition, with the beginning of the First world war, the Russian Ummah saw as its task the need to provide assistance to all those in need. Muslims sought to actively contribute to the charitable activities that developed in the country during the war. Thus, followers of Islam took part in the activities of the red cross. However, constant monitoring of the activities of Muslim communities and the lack of legislative registration of a number of charitable forms led to difficulties in organizing charitable activities on the part of Muslims. The state's policy in this area also often caused Muslims to distrust public foundations, which led to the desire of Muslims to create their own charitable organizations.

Keywords: waqf, charity, the Muslim communities of the Russian Empire, Siberia, state-confessional policy.

1. Введение

Во второй половине XIX – начале XX вв. в Российской империи наметились коренные преобразования во всех сферах общественной и политической жизни страны. В указанный период проводились реформы, затрагивающие разные стороны жизни в многонациональном государстве. Отдельное внимание начинает уделяться экономическому развитию страны и роли мусульманских народов в данном процессе. Начавшиеся преобразования в экономической сфере, а также внешнеполитические события, а именно русско-турецкая, а затем и Первая мировая войны, вызвали особый интерес к благотворительности в российском обществе. В сложившихся условиях мусульмане не могли не принять самого деятельного участия в оказании материальной поддержки нуждающимся, т.к. религиозная мораль подразумевала участие верующих в благотворительности (Павленко, 2012: 189).

2. Материалы и методы

При анализе благотворительной деятельности мусульманского населения Сибири были использованы архивные материалы Государственного архива Красноярского края (ГАКК),

* Corresponding author

E-mail addresses: dashkovskiy@fpn.asu.ru (P.K. Dashkovskiy), D2703@yandex.ru (E.A. Shershneva)

Государственного архива Томской области (ГАТО), а также Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Архивные материалы представлены прошениями от мусульман Южной и Западной Сибири, направленными в Оренбургское магометанское собрание, выписками из журнала общего присутствия Енисейской губернии, донесениями и рапортами в губернские органы. Кроме того, анализируются документы Оренбургского магометанского духовного собрания. В архивных документах содержатся также уставы благотворительных обществ, подававших документы на регистрацию, клятвенные обещания мутаваккилей и священнослужителей, в обязанности которых входило распоряжение пожертвованным имуществом и средствами. Работа построена на методологических принципах историзма и объективности, позволяющих оценить роль органов государственной власти в формировании института благотворительности в мусульманской среде. При подготовке работы применялись, как общенаучные (анализ, синтез, обобщение), так и специальные исторические методы (сравнительно-исторический и ретроспективный). Использование комплекса данных методов позволяет раскрыть проблемы истории становления благотворительной деятельности мусульманской уммы в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи. Системный анализ источников по теме исследования дал возможность определить предпосылки возникновения благотворительных организаций в мусульманской среде Южной и Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.

3. Обсуждение

В последние годы в отечественной историографии возрастает интерес к экономическому положению российской уммы¹ в имперский период. Особое внимание в вопросе материального благополучия мусульманских общин на территории Российской империи занимает вопрос вакфа², или вакуфа (Азаматова, Азаматов, 2009; Миннуллин, 2007). Анализ проблемы формирования вакуфного фонда неразрывно связан в мусульманской среде с проблемой благотворительности, а также особой роли мусульманского купечества в этом процессе (Артамонычева, 2012; Габадуллин, 2016; Кузнецова, 2012; Салихов, 2012). Значительное внимание учеными уделяется проблеме определения роли благотворительности в организации мусульманского образования и просвещения на территории Российской империи (Таиров, 2008; Чубукчиева, 2018; Миннуллин, 2012).

В то же время следует подчеркнуть, что, несмотря на то, что в последние годы появляются работы, характеризующие региональный аспект организации благотворительной деятельности мусульман (Азаматова, Азаматов, 2009; Амелин, Денисов, Маргунов, 2014; Имашева, 2015; Махмутов, 2019), не до конца остается изученной проблема организации мусульманской благотворительности на территории Западной и Южной Сибири. Именно знакомство с архивными материалами Государственного архива Красноярского края, а также Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан позволяет более детально рассмотреть вопрос, касающийся формирования благотворительных обществ в данном регионе. Кроме того, знакомство с архивными документами и нормативно-правовыми актами дает возможность оценить те проблемы, с которыми сталкивалась мусульманская умма Сибири при оформлении пожертвований.

4. Результаты

Благотворительность имела важнейшее значение в жизни мусульман, формы которой зародились вместе с самой религиозной системой (Галкова, Савицкая, 2018: 199). В мусульманской культуре институт благотворительности делится на три части – закят³, садака⁴ и вакф. Данные нормы благотворительности закреплены в Коране. Однако в Российской империи к этим видам благотворительности обратились преимущественно с XIX в. До второй половины XIX в. практика оказания социальной помощи зависела от жизненной позиции организатора этой помощи и представляла собой частную инициативу. Таким образом, роль благотворительности в социальной

¹ Умма (араб. – община, нация), в исламе – религиозная община.

² Вакф (араб. – удержание), в мусульманском праве движимое и недвижимое имущество, переданное либо завещанное на благотворительные и религиозные нужды. В. не облагается налогом, не подлежит конфискации и аресту.

³ Закят – один из пяти столпов ислама, обязательный ежегодный налог в исламском праве, выплачиваемый с различного вида доходов и имущества (движимого и недвижимого) всеми самостоятельными, свободными, дееспособными и взрослыми мусульманами в пользу нуждающихся единоверцев. Согласно шариату, его выплата означает, что полученные доходы и нажитое богатство не являются греховными. Точные размеры закята, как и то, на какие виды собственности он распространяется, являются предметом дискуссий среди знатоков мусульманского права.

⁴ Садака – добровольная милостыня, которую мусульманин выплачивает нуждающимся по собственному усмотрению и желанию с намерением заслужить довольство Аллаха. В более широком смысле садака – это любое благодеяние (не только материальное), совершенное искренне ради Аллаха.

жизни не была однозначной. Некоторые предприниматели, оказывая поддержку мусульманскому приходу, стремились занять в нем более высокое общественное положение среди своих единоверцев, что ставило умму в зависимость от жертвователя (Салихов, 2012: 106-107). Во второй половине XIX – начале XX вв. в мусульманской предпринимательской среде возрастает роль благотворительности. Мусульмане стремились активно участвовать в улучшении жизни махалли, тем самым помогая как конкретным единоверцам, так и участвуя в содержании мусульманских приходов и учебных заведений (Габадуллин, 2016: 184-186; Кузнецова, 2012: 72).

Однако отсутствие организующего и контролирующего центра по сбору и распределению закята в Российской империи привело к нерациональному использованию собираемых средств. В связи со сложившимися проблемами в дореволюционные годы поднимался вопрос о передаче закята не конкретным духовным лицам, а на благотворительные общества, а также мечетям и медресе (Миннуллин, 2006: 31-32). В связи с этим в рассматриваемый период во всем мусульманском мире, в том числе и на территории Российской империи, возрастает роль общественно-благотворительных организаций (Имашева, 2015: 70).

Долгое время благотворительные организации находились под контролем государства и русской православной церкви, что мешало принимать в них активное участие представителям мусульманского мира. В то же время с появлением во второй половине XIX в. новых форм благотворительности мусульманам стала доступна и эта сфера общественной жизни (Свердлова, 2006: 55). Мусульмане-предприниматели по всей стране стали постепенно включаться в деятельность официальных благотворительных организаций. Однако большинство жертвователей из мусульманской среды относились с недоверием к неисламским организациям. В связи с этим основная масса пожертвований оформлялась через мечети. В конце XIX в. мусульманами начинает подниматься вопрос перед властями об открытии различного рода мусульманских благотворительных организаций и фондов. В результате мусульманская благотворительность постепенно приобретает организованную форму (Габадуллин, 2016: 187-188).

Во второй половине XIX в. в связи с возросшей ролью мусульманской буржуазии возникает вопрос и о возрождении традиционных форм благотворительности, в частности восстановления вакуфного института, который занимал особое место в благотворительной деятельности мусульман, являясь особым видом пожертвований, при котором собственность, выделенная в качестве дара, перестает быть собственностью дарителя. При этом она не становится и собственностью того, кому была подарена. Вакф мог быть предназначен только для благотворительных целей и не мог быть потрачен ни на какие другие нужды мусульманской общины или духовенства. Таким образом, вакф должен был приносить пользу либо в виде получаемых с него процентов, либо какого-либо дохода (Габадуллин, 2016: 203-204; Галкова, Савицкая, 2018: 202).

В 1860-е гг. стали предприниматься попытки легализации вакуфных актов на основе российского законодательства. Однако данные попытки не увенчались успехом и уже в 1891 г. в брошюре к столетию Оренбургского магометанского духовного собрания было отмечено, что никакого законного порядка управления вакуфным имуществом в государстве не установлено. С 1893 г. Оренбургскому магометанскому духовному собранию запрещалось регистрировать любые акты имущественного характера. Данный факт находит подтверждение в ответе на прошение инородца Волайской волости Тобольского уезда от 4 июля 1909 г. Он обратился в Оренбургское магометанское духовное собрание с прошением оказать ему помощь в возвращении приданого дочери после ее смерти. В данном прошении ему было отказано, т.к. на основании действующего в тот период законодательства духовные власти не могли рассматривать имущественные притязания верующих (ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 715. Л. 289). В 1894 г. запрещено было и использование термина «вакф» даже в переписке Оренбургского магометанского духовного собрания (Миннуллин, 2007: 117). Несмотря на отсутствие законного закрепления данной формы пожертвований, мусульмане оказывали помощь мечетям и учебным заведениям в форме вакфа. Данный факт подтверждается, например, сообщением от 1867 г. Департамента духовных дел иностранных исповеданий о том, что купцом г. Тары Тобольской губернии был внесен в казну в 1841 г. 8571 рубль. При этом процент от указанной суммы должен был идти на содержание духовенства указанного города (ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 6707). Однако, т.к. четких законодательных актов, регламентирующих использование данного рода пожертвований, не существовало, государство очень часть вмешивалось в распределение пожертвованных средств. Так, решением Министерства внутренних дел совместно с Министерством финансов была прекращена выплата процентов и выдача их на руки. Данное решение со стороны государственных органов обосновывалось нецелесообразностью использования полученных средств духовенством. В результате Оренбургское магометанское духовное собрание обратилось в Тарское уездное полицейское управление с просьбой выяснить у духовенства мечети г. Тары, кто именно получил деньги, дарованные купцом на содержание, и у кого находится билет на указанную сумму. Духовным управлением указывалась также необходимость предоставления актов о получении и расходовании денег с завещания купца Айтыкина. Духовенством мечети г. Тары было дано разъяснение, что никаких билетов в мечети не хранится, а после смерти купца Айтыкина его старший сын выделил на содержание мечети

100 рублей. Оренбургским магометанским духовным собранием было направлено распоряжение в полицейское управление, согласно которому средства следует выделять в виде процентов, как это и было завещано. При этом указывалось, что следует проследить, на какие нужды тратятся деньги и сколько каждый из духовных лиц данной мечети их получил. В процессе расследования по данному делу было выявлено, что все средства от пожертвования получал окружной мухтасиб Сайтыков, распределяя их по своему усмотрению в свою пользу. В результате следственных разбирательств губернским правлением в 1870 г. было направлено уведомление в Оренбургское магометанское духовное собрание, что мухтасиб Сайтыков от должности отстранен в силу незаконного присвоения капитала с пожертвования купца Айтыкина (ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 6707).

Следует отметить, что данный факт вакуфной благотворительности был не единичным явлением на территории Сибири. Так, в 1892 г. от имама мечети г. Петропавловска поступил рапорт в Оренбургское магометанское духовное собрание, в котором сообщалось, что 26 марта 1889 г. купцом Бичуриным было составлено духовное завещание, согласно которому купец жертвовал в пользу мечети 4000 рублей. Деньги были положены в банк, а банковский билет передан сыну купца Бичурина с той целью, чтобы он после смерти отца снимал проценты с указанной суммы и распределял на нужды мечети. В свою очередь Оренбургское магометанское духовное собрание отправило ходатайство в Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел о разрешении принять в качестве вакфа пожертвованные купцом Бичуриным 4000 рублей. При рассмотрении данного дела Департамент духовных дел иностранных исповеданий попросил Оренбургское магометанское духовное собрание указать, кто будет заведовать и по каким правилам указанным вакфом после смерти сына Бичурина. Оренбургским магометанским духовным собранием было дано пояснение, что, согласно мусульманскому праву, если мутаваккиль¹ не оставит после себя распорядителей, то владеющая организация может сама назначить мутаваккиля как из семьи жертвователя, так и со стороны. Министерством внутренних дел было разрешено оформить вакф в пользу указанной мечети, но распоряжаться им следовало по гражданскому закону, а не по духовному (ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 13232). В 1898 г. бухарцем юрт Ембаевских Тобольской губернии было подано прошение в Оренбургское магометанское духовное собрание о ходатайстве перед Министерством внутренних дел о принятии его пожертвования в сумме 19000 рублей в пользу мечети на вечное пользование. Кроме того, сообщалось, что жертвенный капитал будет внесен в Тюменское отделение государственного банка. Все указанные проценты от жертвенного капитала необходимо было тратить на содержание мечети, библиотеки и других объектов, а также на священнослужителей. Министерством внутренних дел было дано распоряжение о разрешении принять пожертвование от бухарца Нигматуллы Кармышакова Сейдукова и занести в установленную книгу. При этом распоряжаться после смерти Н.К. Сейдукова процентами, получаемыми от вклада, имело право Оренбургское магометанское духовное собрание, которое с особой тщательностью следило за использованием жертвенных средств, запрашивая отчеты об их распределении с назначенного мутаваккиля (ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 689).

Важно подчеркнуть, что пожертвования в пользу мечети делались мусульманами не только в виде денежных сумм или недвижимости. Так, например, в 1861 г. ахунот г. Петропавловска было подано прошение в Оренбургское магометанское духовное собрание с просьбой засвидетельствовать акт дарения купцом первой гильдии Ибатов Баязитовым 12 священных книг, представленных в 25 частях, и назначении его (ахуна) их хранителем. В силу отсутствия законодательной базы по вопросам пожертвований в пользу духовных учреждений мусульманского вероисповедания также отмечалось, что в 1866 г. бумаги, свидетельствующей об оформлении данного дара, так и не было получено ни купцом, ни самим ахунот (ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 3703. Л. 2-4).

В 1886 г. ахунот Петропавловской соборной мечети был подан рапорт в Оренбургское магометанское духовное собрание, к которому прилагалось духовное завещание жены купца Баязитова о пожертвовании Петропавловской подгорной соборной мечети 4000 рублей. Ахунот также сообщалось, что данное завещание было внесено Оренбургским магометанским духовным собранием в вакуфную книгу и передано ему на хранение. Сами же деньги были внесены в банк, а банковский билет передан купцу Бикбову, который в свою очередь не передал его имаму, что противоречило завещанию. Более того, купец Бикбов отказывался, как сообщал ахун, идти на контакт и обсуждать этот финансовый вопрос. В связи со сложившимися обстоятельствами ахун просил Оренбургское магометанское духовное собрание обратиться в Губернское полицейское управление с просьбой содействовать изъятию банковского билета у купца Бикбова. В мае 1888 г. купцом Бикбовым было написано заявление имаму подгорной мечети г. Петропавловска с просьбой самостоятельно распоряжаться пожертвованными средствами, т.к. он в силу своей деятельности этим заниматься не может, о чем уведомил банк и Оренбургское магометанское духовное собрание. Данным учреждением был составлен запрос о наличии вакфа в губернии, на который губернским ахунот сообщалось, что в силу бедности приходов вакф имелся только в Петропавловской подгорной мечети. При этом он представлял собой 12 книг, пожертвованных в 1861 г. купцом Баязитовым.

¹ Мутаваккиль – лицо, назначенное распоряжаться вакуфным имуществом.

Ахуном ежегодно велись записи расходов по вакфу, которые передавались в Оренбургское магометанское духовное собрание (ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3 Д. 11487). Начиная со второй половины XIX в., мусульманская община видела необходимость передачи вакуфного имущества от состоятельных жертвователей в ведение всей общины. Данные меры были связаны с частым злоупотреблением в рамках благотворительной деятельности. Управление жертвенным капиталом должно было возлагаться на выбранного мутаваккиля. При этом процедура его выборов официально не оговаривалась. Однако приговор о выборе попечителя должен был утверждаться сначала у нотариуса, а затем в Оренбургском магометанском духовном собрании. После официального утверждения мутаваккиля в должности он должен был направлять в Оренбургское магометанское духовное собрание ежегодный отчет о расходовании пожертвованных средств (Салихов, 2012: 107-108). Таким образом, правительство стремилось полностью контролировать финансовую жизнь мусульманских общин.

Отсутствие четкого законодательства в управлении вакуфным имуществом не могло способствовать тому, чтобы вакф выполнял возложенную на него функцию. Так, в 1888 г. был составлен по всем канонам шариата вакуфный акт о передаче библиотеки в пользование жителям д. Малчин Тюменского уезда Тобольской губернии. Однако в 1908 г. стало известно, что ее состояние было крайне запущенным. Следует также отметить, что это уникальный факт, т.к. вакф допускался только в исключительных случаях с разрешения генерал-губернатора (Миннуллин, 2007: 118). Важно обратить внимание на то, что активное вмешательство со стороны государственных органов в дарственные дела мусульман и их оформление на основании светских, а не духовных законов, не способствовало четкому распределению пожертвованных средств. В 1915 г. прокурор Тобольского окружного суда на основании ст. 1091 т. X части I свода гражданских законов препроводил в Оренбургское магометанское духовное собрание копию с решения суда об утверждении духовного завещания инородца Магди Мухаммед-Оглы, согласно которому он в виде вакфа жертвовал духовенству мечети 500 рублей. Кроме того, 700 рублей по завещанию предусматривалось для раздачи улемам¹, бедным и сиротам из деревни и 1500 рублей на ремонт мечети, находившейся в том же населенном пункте. В свою очередь Оренбургское магометанское духовное собрание было вынуждено просить Министерство внутренних дел разрешить принять указанные суммы на условиях завещания (ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 6. Д. 4043. Л. 1-70б.). Данная просьба Оренбургского магометанского духовного собрания была связана с тем, что завещательный акт был зарегистрирован на основании гражданских законов. Указанное обстоятельство не позволяло использовать жертвованные суммы как вакуфные.

Необходимо отметить, что в Российской империи государственные чиновники даже не имели представления о системе заключения вакуфных актов, которые отсутствовали в номенклатуре российских частнопубличных актов. В связи с этим российскому законодательству были знакомы другие две формы безвозмездного отчуждения имущества. В первом случае – это дарение, оформляемое дарственным актом. Второй формой безвозмездного отчуждения являлось завещание, оформлявшееся завещательным актом (Миннуллин, 2007: 115). Именно завещание становится наиболее простым способом благотворительности в Российской империи. В завещании дозволялось также оставить подробные инструкции по управлению завещанным имуществом или капиталом. Кроме того, оформление завещания не требовало никаких особых затрат при жизни филантропа (Павленко, 2012: 190).

Следует обратить внимание, что не все ходатайства о пожертвованиях принимались и утверждались губернскими властями. Так, в 1903 г. Оренбургское магометанское духовное собрание просило полицейское управление уведомить поверенного тюменского бухарца, проживающего в г. Семипалатинске, о том, что министром внутренних дел отказано в принятии земельного участка в качестве пожертвования на нужды мусульманского прихода. Данный запрет был обоснован степным генерал-губернатором на основании ст. 100 Степного положения, запрещающего вакф в крае (ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 8 Д. 1085. Л. 4-40б.). Оренбургское магометанское духовное собрание стремилось содействовать желанию жертвователя, поэтому обратилось к нему с просьбой определения границ земельного участка. Это было связано с тем, что без определения границ участка невозможно было подать прошение в Министерство внутренних дел о разрешении принять его в дар даже на основании светского законодательства (ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 8. Д. 1085. Л. 16-160б.). Сам вакф не всегда был богатым и значимым. В сельской местности он зачастую заключался в пожертвованием земли. В связи с этим, чтобы избежать всех сложностей в оформлении незначительных вакуфов, появляется форма устного незарегистрированного вакфа (Салихов, 2012: 108).

Нужно подчеркнуть, что вопросы законодательного управления вакуфным имуществом и его оформления поднимались неоднократно. Данная проблема решалась на III Всероссийском мусульманском съезде в 1906 г., а также на Всероссийском мусульманском съезде в 1914 г., где, наряду

¹ Улемы (арабское улама, множественное число от алим, буквально – знающий, ученый) – мусульманские богословы и законоведы. В средние века в ведении улемов находились мусульманские религиозные учреждения, школа, право, суд; они распоряжались также доходами от вакфов.

с обсуждением реформы Оренбургского магометанского духовного собрания, был выработан «Проект Положения об управлении духовными делами мусульман Российской империи». В разработанном документе была целая глава, которая посвящалась проблеме вакфа в стране (Миннуллин, 2007: 118).

В начале XX в. не был также решен вопрос с такой формой мусульманской благотворительности, как закят. Мусульманской общественностью активно обсуждался вопрос сбора и перераспределения закята, поскольку в официальном российском законодательстве такой формы налога не было. Мусульманское духовенство при сборе закята могло лишь рассчитывать на морально-этические качества жертвователей. К тому же отсутствие какого-либо финансирования приходских мулл позволяло им существовать только за счет закята. Муфтий М. Баязитов в своем циркуляре от 22 июля 1916 г. призывал верующих давать закят именно муллам и ничего не говорил о благотворительных организациях. Своим заявлением он вызвал недовольство со стороны прогрессивной общественности. Однако это позволяло обеспечить достойную жизнь приходскому духовенству, которое содержалось общиной (Миннуллин, 2006: 35-41).

Важное значение для мусульман имело образование, которое также никак не поддерживалось государством, поэтому содержание учебных заведений полностью осуществлялось самой общиной. В результате состоятельные представители уммы видели своей задачей поддержание системы школьного мусульманского образования. Благодаря финансовой поддержке мусульманского купечества, открывались школы как для мальчиков, так и для девочек, выплачивалось содержание учителям и оказывалась адресная финансовая помощь самим ученикам (Махмутов, 2019: 65-66; Азаматова, Азаматов, 2009: 43). Многие представители предпринимательства, исповедующие ислам, не забывали о социально-экономических и духовных потребностях своей религиозной общины. Добившись материального благополучия, зажиточные мусульмане обращали внимание на развитие и популяризацию образования и науки среди своих единоверцев (Артамонычева, 2012: 182). Мусульманское купечество принимало активное участие и в самом образовательном процессе, неоднократно посещая экзамены в учебных заведениях. В начале XX в. более активное участие в развитии школьного дела стали принимать женщины. Мусульмане стали активно поддерживать новометодные школы, а сами благотворители принимали непосредственное участие в привлечении учителей в открывающиеся учебные заведения (Таиров, 2008а: 52-55; Амелин и др., 2014: 192).

Рост благосостояния мусульманского купечества в конце XIX в. позволил усилить процесс благотворительности и увеличить суммы на содержание богоугодных заведений (Павленко, 2012: 192). Сложившаяся ситуация касалась и Сибири, где мусульманское купечество в середине XIX в. стало занимать достаточно сильные позиции в рамках данного сословия региона. Увеличение численности мусульманского купечества, а также отсутствие жесткого контроля со стороны духовенства способствовало развитию частных инициатив в исламской среде, выражавшейся в благотворительности (Артамонычева, 2012: 179). Так, особую роль в благотворительности, получившей распространение в стране в рассматриваемый период, стали играть всероссийские ярмарки. В частности, Нижегородская и Ирбитская ярмарки стали центрами совершения благотворительных акций. В 1892 г. ярмарочное купечество откликнулось на призыв со стороны Оренбургского магометанского духовного собрания об оказании помощи пострадавшим от неурожая. Примечательно, что данные акции были не единичными. На ярмарках регулярно собирались пожертвования на строительство мечетей и профессиональных учебных заведений (Таиров, 2008b: 98).

На рубеже XIX–XX вв. мусульманская умма стала адаптироваться к новым условиям жизни и формировать иные формы благотворительной деятельности, поскольку в рамках российского законодательства было проблематично использовать ее более традиционные. Община по-прежнему занималась организацией школьного образования, помощью нуждающимся. Однако, наряду с этим, прогрессивная мусульманская общественность стала открывать благотворительные и культурно-просветительские общества. Создание данного рода обществ способствовало более институализированной и адресной работе в социальной сфере (Амелин и др., 2014: 196-198). Следует отметить, что средства, необходимые для оказания благотворительной помощи, формировались как из пожертвований частных лиц, причем не всегда только мусульман, так и от коммерческих организаций России (Азаматова, Азаматов, 2009: 46). В мусульманской среде Российской империи в благотворительности принимали участие все социальные группы. Подобного рода всеобщая включенность мусульманского населения в такую социальноориентированную деятельность способствовала созданию благотворительных обществ. Упрощение порядка регистрации уставов общественных организаций в 1897 г., а также опубликование примерного устава благотворительных обществ активизируют процесс создания мусульманских благотворительных обществ. Импульсом для создания новых общественных организаций становится и закон от 4 марта 1906 г. «Временные правила об обществах и союзах» (Миннуллин, 2008: 198-199; Полное собрание..., 1909: 201-207).

Еще в 1893 г. буржуазия и интеллигенция мусульман выступили с инициативой создания Общества пособия бедным мусульманам, которое имперские власти вынуждены были поддержать. Однако его устав получил утверждение Министерства внутренних дел не сразу, оно потребовало для реализации поставленных обществом целей собрать минимальный капитал (Свердлова, 2006: 57-59). Начиная с последнего десятилетия XIX в., процесс создания благотворительных обществ охватил всю

Россию, и Сибирь не стала исключением. К началу XX в. появляется немало благотворительных организаций, созданных последователями ислама, среди которых одним из самых авторитетных и известных стало «Оренбургское мусульманское женское общество», зарегистрированное в 1912 г. Процесс сплочения мусульманских общин через благотворительную деятельность шел и в Сибири. В данный период отмечался прирост мусульманского населения в сибирских городах. Ярким представителем жертвователей стал томский купец К. Хамитов, благодаря которому была построена мечеть, открыта русско-татарская школа и частная женская школа. В 1909 г. томские мусульмане подали прошение о разрешении открытия общества по развитию образования. В результате было зарегистрировано «Томское общество мусульман прогрессивистов» (Габадуллин, 2016: 196-198; ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2508).

Главной задачей создаваемых в начале XX в. благотворительных обществ являлось улучшение нравственного и материального положения мусульман. В данный период начинают появляться и женские благотворительные общества. В 1917 г. было образовано «Общество атбарских мусульманок» (Акмолинская область), которое оказывало поддержку не только своим соотечественникам, но и единоверцам из других стран, оказавшимся в трудной ситуации (Махмутов, 2019: 66-67). Примечательно, что первые благотворительные женские общества мусульманок появились еще в конце XIX в. Так, в 1897 г. было создано «Общество попечения о молодых работницах», в 1899 г. – «Общество улучшения участи женщин», а также «Русское женское взаимоблаготворительное общество» (Чубукчиева, 2018: 202).

3 июля 1908 г. крестьянами Ачинского уезда Енисейской губернии было направлено прошение енисейскому губернатору об утверждении в г. Ачинске в установленном законом порядке устава «Ачинского Енисейской губернии мусульманского благотворительного общества». В прошении также содержалась просьба разрешить напечатать 1000 экземпляров данного устава для последующего его распространения. При его рассмотрении губернские власти основываются на статьях 17, 18, 22, 23 «Временных правил об обществах и союзах», утвержденных 4 марта 1906 г. Однако в регистрации данного общества имперские власти отказали, т.к. не были указаны его учредители и месторасположение (ГАКК. Ф. 595. Оп. 34. Д. 807. Л. 1-3 об.; Полное собрание..., 1909: 202-203).

Одной из задач, которую планировали решать благотворительные общества, являлась просветительская деятельность. В этой связи в рассматриваемый период активно стали организовываться библиотеки. При этом количество литературы религиозного характера в данных библиотеках было незначительно. Такие библиотеки служили в начале XX в. не только средством повышения общекультурного уровня, но и способствовали консолидации мусульманского населения (Миннуллин, 2012: 100-101). Накануне Первой мировой войны в Тюменском уезде Тобольской губернии происходила активизация деятельности мусульман по созданию неполитического общественного объединения, которое бы защищало их интересы в рамках губернии и приняло бы на себя заботы о развитии народного образования в татарской среде. Учредители мусульманского благотворительного и просветительного Общества юрт Янбаевских Бухарской волости Тюменского уезда ходатайствовали перед Министерством внутренних дел об утверждении проекта устава общества (Сулимов и др., 2014). В 1910 г. енисейскому губернатору было направлено прошение учредителей мусульманского общества попечения о мечетно-мектебных нуждах мусульман г. Минусинска. В прошении учредители указывали, что данное общество необходимо для поддержания нужд мечети и мектебов, а также бедных учеников. Вступление в общество, а также выход из него были регламентированы п. 6–13 его устава. Организованное общество, согласно уставу, должно было обеспечивать также контроль за преподаванием и сбором средств, а также закупку всего необходимого для мусульманского прихода г. Минусинска. При этом отмечалось, что в общество не могли входить лица, состоящие на военной службе. Правление общества состояло из 5 человек, выбранных на два года его членами. Однако в регистрации данного общества имперскими властями было отказано из-за недостаточного количества финансовых средств для оформления данного устава. Кроме того, было отказано и в вынесении его на обсуждение Енисейского губернского правления. Переписка о регистрации данного общества заняла 3 года. При этом оно так и не получило одобрения губернских властей (ГАКК. Ф. 595. Оп. 35. Д. 728). Следует подчеркнуть, что благотворительные общества, созданные по всей стране, оказывали помощь в деле культурного развития, общественной деятельности, а также пострадавшим от семиреченского землетрясения и стамбульского пожара. Их деятельность была разнообразна и не ограничивалась только поддержкой мусульман своего региона (Чубукчиева, 2018: 203).

В то же время нужно отметить, что власти были озабочены возросшей ролью благотворительных обществ, которые оказывали влияние на мусульманское население страны и способствовали формированию активной политической позиции в обществе, в связи с чем в начале XX в. в ряде регионов было отказано в открытии библиотек и читален для мусульманского населения. Со стороны государства в рамках борьбы с панисламистскими идеями 20 января 1910 г. было издано циркулярное распоряжение министра внутренних дел П.А. Столыпина, согласно которому губернаторам и градоначальникам следовало более пристально знакомиться с деятельностью мусульманских обществ с целью прекращения их деятельности (Амелин и др., 2014: 199-200).

В результате в 1912 г. Томскому мусульманскому благотворительному обществу было отказано в открытии библиотеки и организации вечеров чтения, т.к. данные пункты не были прописаны в уставе общества. Аналогичная ситуация сложилась в 1914 г. в г. Павлодаре. В частности, семипалатинским губернатором было отказано в регистрации устава «Общества для содержания Павлодарской Семипалатинской области мусульманской общественной библиотеки и читальни при ней в г. Павлодаре». Данный запрет был объяснен отсутствием возможности организации контроля за деятельностью данного учреждения (Миннуллин, 2012: 102; Миннуллин, 2008: 200). В 1912 г. Департаментом духовных дел иностранных исповеданий было направлено отношение енисейскому губернатору с запросом о наличии в губернии приходских попечительских организаций. В запросе указывалось на то, что в некоторых регионах Российской империи имелись подобные мусульманские общества, хотя действующее законодательство не предусматривало существование никаких общественных или благотворительных организаций при приходах. Енисейский губернатор должен был указать, где конкретно во вверенной ему губернии присутствуют такие общества, когда и кто разрешил их учреждение, какими правилами руководствуются они в своих действиях, какие преследуют цели, кто входит в их состав, располагают ли они какими-либо специальными средствами и в чем фактически проявляется их деятельность. В ответе на запрос следовало указать, насколько допустимо существование подобных обществ (ГАКК. Ф. 595. Оп. 7. Д. 645. Л. 1). Енисейскому губернатору был направлен рапорт ачинского уездного исправника, в котором сообщалось, что в г. Ачинске существовало общество попечения об учащих мусульманах. Это общество было утверждено определением общественного присутствия Енисейского губернского управления 28 апреля 1911 г. за № 14. Другой информации о деятельности данного попечительского общества не сообщалось (ГАКК. Ф. 595. Оп. 7. Д. 645. Л. 10-100б.).

Важно обратить внимание на то, что мусульманская благотворительность не ограничивалась только поддержкой своих единоверцев. Мусульмане часто не оставались в стороне от общероссийских трудностей. В 1877 г. был организован Комитет для оказания пособия вдовам и сиротам воинов, погибших в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., пожертвования в который перечисляли и мусульмане. Активное участие благотворители из мусульман принимали и в работе Красного Креста (Азаматова, Азаматов, 2009: 45). В 1904 г. мусульманами Акмолинска была собрана существенная сумма для укрепления флота в русско-японской кампании. Собирались также средства с целью оказания помощи нуждающимся и в годы Первой мировой войны. Мусульманское купечество в тяжелые для страны годы не только создавало собственные благотворительные общества, но и входило в общероссийские организации. Так, например, купец Нурмухамет Забиров входил в Акмолинский благотворительный комитет Ее Императорского Величества Великой княгини Елизаветы Федоровны, оказывающий помощь семьям, в которых отцы были призваны на фронт (Махмутов, 2019: 66). В январе 1915 г. имамом Тандавской соборной мечети Каинского уезда Томской губернии был подан рапорт в Оренбургское магометанское духовное собрание, в котором сообщалось, что на основании циркулярного распоряжения муфтия от 16 августа 1914 г. были собраны добровольные пожертвования в пользу Красного Креста с его прихода, а также Бакчитальской соборной мечети. Все собранные средства были переведены в Каинское уездное казначейство 19 января 1915 г. (ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 836. Л. 49). В рамках благотворительной деятельности в начале XX в. финансовую поддержку получает организация медицинского обслуживания (Амелин и др., 2014: 211).

Не оставалось в стороне от благотворительности и само Оренбургское магометанское духовное собрание. Несмотря на то, что финансовая деятельность данного органа была крайне ограничена, все собранные средства за метрические книги расходовались на жалованье и единовременное пособие духовенству, а также содержание здания. Муфтии стремились принять активное участие в помощи нуждающимся единоверцам. Оренбургское магометанское духовное собрание оказывало помощь пострадавшим во время русско-турецкой и русско-японской войн. Кроме того, оно оказывало помощь голодающим. В сентябре 1877 г. муфтий Оренбургского духовного собрания обратился к его членам с предложением выделить из 25000 рублей, собранных на браки, 10000 рублей на санитарные нужды армии. О своем решении муфтий уведомил Министерство внутренних дел. Он также обратил внимание на то, что и сами мусульмане делают пожертвования на нужды раненых и больных солдат в местные губернские управления (ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 9251. Л. 1, 6-70б.). Особенно активизировалась деятельность Оренбургского магометанского собрания в годы Первой мировой войны. В этот период велся сбор пожертвований на нужды армии и пострадавших от военных действий. В 1914 г. прошел съезд благотворительных обществ мусульман России, в его рамках был создан Центральный мусульманский комитет, задачей которого было открытие больниц, отправка на фронт продовольствия и одежды (Азаматова, Азаматов, 2009: 49-50; Миннуллин, 2008: 201).

Особенностью мусульманских благотворительных обществ стала организация сбора средств. В отличие от православных организаций, мусульмане прибегали к различным способам привлечения средств, используемых на благотворительность. В частности, они устраивали благотворительные спектакли, концерты, национальные праздники и другие увеселительные мероприятия (Миннуллин, 2006: 30). В начале XX в. мусульмане принимали участие не только в национальных, но и городских

благотворительных акциях, если только мероприятие не противоречило религиозной этике. Обеспеченные мусульмане должны были при этом жертвовать хотя бы символические суммы на развитие благотворительности в стране. Следует также обратить внимание, что, несмотря на участие в делах благотворительности, деятельность мусульманских жертвователей зачастую оставалась без внимания со стороны государства (Свердлова, 2006: 64). Лишь незначительная часть мусульман, активно участвующая в благотворительной деятельности, смогла занять более высокое социальное положение.

5. Заключение

Таким образом, во второй половине XIX в. с улучшением благосостояния основной массы мусульманского населения, получает активное развитие благотворительная деятельность в регионах Российской империи, в том числе в Сибири. Наряду с традиционными формами благотворительности, которым так и не удалось вписаться в систему российского законодательства, появляются новые формы организации филантропической деятельности. На рубеже XIX–XX вв. государством были предприняты меры, которые способствовали организации прогрессивных благотворительных обществ. Однако наметившееся влияние данных обществ на жизнь мусульманской уммы, активное их участие в просветительской деятельности единоверцев заставило имперские власти уже во втором десятилетии XX в. прибегнуть к ограничительным мерам в отношении существования данных обществ. Благотворительность мусульман, неразрывно связанная с экономическим состоянием российской уммы, требовала со стороны государства установления контроля над мусульманами Российской империи. В результате вмешательства в экономическую жизнь мусульман имперские власти фактически изъяли право на решение наследственных дел из ведения Оренбургского магометанского духовного собрания. Мусульмане, находящиеся во введении указанного учреждения, оказались лишены со стороны государства основного, исторически сложившегося для мусульманской традиции источника дохода на развитие общины – вакфа.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ по проекту "Социокультурная адаптация православных и не православных общин в Южной и Западной Сибири в контексте модернизационных процессов в России в имперский и советский периоды" (№20-39-70010).

Литература

- Азаматова, Азаматов, 2009 – Азаматова Г.Б., Азаматов Д.Д. Из истории мусульманской благотворительности в Уфимской губернии // *Проблемы востоковедения*. 2009. № 3 (45). С. 43-52.
- Амелин и др., 2014 – Амелин В.В., Денисов Д.Н., Маргунов К.А. Ислам в конфессиональном пространстве Оренбургского края. Оренбург, 2014. 304 с.
- Артамонычева, 2012 – Артамонычева А.Р. Предпринимательство и ислам: российский исторический опыт // *Российское предпринимательство*. 2012. № 10 (208). С. 178-182.
- Габадуллин, 2016 – Габадуллин М.З. Предпринимательство и ислам: российский исторический опыт. Казань, 2016. 252 с.
- ГАКК – Государственный архив Красноярского края.
- Галкова, Савицкая, 2018 – Галкова О.В., Савицкая О.Н. Конфессиональный взгляд на благотворительность // *Известия ВГПУ*. 2018. № 5. С. 197-204.
- ГАТО – Государственный архив Томской области.
- Имашева, 2015 – Имашева М.М. Деятельность мусульманской национально-конфессиональной благотворительной организации в Астраханской губернии в начале XX века // *Исламоведение*. 2015. № 1. С. 69-83.
- Кузнецова, 2012 – Кузнецова И.Б. Формирование социального капитала мусульман: роль благотворительности // *Россия и мусульманский мир*. 2012. № 8. С. 64-77.
- Махмутов, 2019 – Махмутов З.А. Благотворительная деятельность татарской общины Акмолинской области Республики Казахстан в начале XX века // *Манускрипт*. 2019. Т. 12. Выпуск 6. С. 65-68.
- Миннуллин, 2012 – Миннуллин З.С. Библиотеки татарских общественных организаций в национальной информационной сети (нач. XX в.) // *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств*. 2012. № 3 (2). С. 100-103.
- Миннуллин, 2006 – Миннуллин З.С. Благотворительные общества и проблемы закята у татар (конец XIX – нач. XX вв.) / *Татарские мусульманские приходы в Российской империи. Материалы научно-практической конференции*. Казань, 2006. С. 30-41.
- Миннуллин, 2008 – Миннуллин З.С. Возникновение и развитие мусульманских благотворительных организаций России (XIX – начало XX вв.) // *Ученые записки Казанского государственного университета*. 2008. Том 150. Кн. 8. С. 198-202.
- Миннуллин, 2007 – Миннуллин З.С. Институт вакуфа у татар-мусульман в исторической ретроспективе // *Ученые записки Казанского государственного университета*. 2007. Том 149. Кн. 4. С. 114-121.

Павленко, 2012 – Павленко Е.А. Нотариальное завещание как способ осуществления благотворительной деятельности в конце XIX – начале XX века (на примере Симбирской, Самарской и Саратовской губерний) // *Вестник Волгоградского государственного университета*. 2012. № 2 (22). С. 189-193.

Полное собрание..., 1909 – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1909. Собрание III. Т. XXVI. Часть I. 1141 с.

Салихов, 2012 – Салихов Р.Р. Благотворительная деятельность татарского предпринимательства России (2-я пол. XIX – нач. XX вв.) // *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств*. 2012. № 3 (2). С. 106-110.

Свердлова, 2006 – Свердлова Л.М. О некоторых особенностях благотворительной деятельности татарского купечества Казани в XIX веке // *Татарские мусульманские приходы в Российской империи. Материалы научно-практической конференции*. Казань, 2006. С. 54-65.

Сулимов и др., 2014 – Сулимов В.С., Валитов А.А., Федотова Д.Ю. О роли духовенства и общественных объединений мусульман Тюмени и Тобольска в развитии образования в начале XX века // *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=13317> (дата обращения: 29.10.2019).

Таиров, 2008a – Таиров Н.И. Татарские предприниматели и школьное образование в Поволжье и Приуралье (2-я половина XIX – начало XX вв.) // *Новый исторический вестник*. 2008a. № 2 (18). С. 50-56.

Таиров, 2008b – Таиров Н.И. Татарские предприниматели на всероссийских ярмарках (вторая половина XIX – начало XX веков) // *Ученые записки Казанского государственного университета*. 2008b. Том. 150. Кн. 1. С. 92-99.

ЦГИА РБ – Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан.

Чубукчиева, 2018 – Чубукчиева Л.З. Благотворительная и культурная жизнь мусульманок Крыма в конце XIX – 20-е гг. XX вв. // *Вопросы крымской филологии, истории и культуры*. 2018. Выпуск 5. С. 202-206.

References

Amelin i dr., 2014 – Amelin, V.V., Denisov, D.N., Margunov, K.A. (2014). Islam v konfessional'nom prostranstve Orenburgskogo kraja. [Islam in the confessional space of the Orenburg region]. Orenburg. 304 p. [in Russian]

Artamonycheva, 2012 – Artamonycheva, A.R. (2012). Predprinimatel'stvo i islam: rossijskij istoricheskij opyt [Entrepreneurship and Islam: Russian historical experience]. *Rossijskoe predprinimatel'stvo*. 10(208): 178-182. [in Russian]

Azamatova, Azamatov, 2009 – Azamatova, G.B., Azamatov, D.D. (2009). Iz istorii musul'manskoj blagotvoritel'nosti v Ufimskoj gubernii [From the history of Muslim charity in the Ufa province]. *Problemy vostokovedeniya*. 3(45): 43-52. [in Russian]

CGIA RB – Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Respubliki Bashkortostan [Central state historical archive of the Republic of Bashkortostan].

Chubukchieva, 2018 – Chubukchieva, L.Z. (2018). Blagotvoritel'naya i kul'turnaya zhizn' musul'manok Kryma v konce XIX – 20-e gg. XX vv. [Charitable and cultural life of Muslim women in the Crimea in the late XIX-20s of the XX century]. *Voprosy krymskoj filologii, istorii i kul'tury*. 5: 202-206. [in Russian]

Gabadullin, 2016 – Gabadullin, M.Z. (2016). Predprinimatel'stvo i islam: rossijskij istoricheskij opyt. [Entrepreneurship and Islam: Russian historical experience]. Kazan. 252 p. [in Russian]

GAKK – Gosudarstvennyj arhiv Krasnoyarskogo kraja [State archive of Krasnoyarsk Krai].

Galkova, Savickaya, 2018 – Galkova, O.V., Savickaya, O.N. (2018). Konfessional'nyj vzglyad na blagotvoritel'nost' [Confessional view of charity]. *Izvestiya VGPU*. 5: 197-204. [in Russian]

GATO – Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti [State archive of the Tomsk region].

Imasheva, 2015 – Imasheva, M.M. (2015). Deyatel'nost' musul'manskoj nacional'no-konfessional'noj blagotvoritel'noj organizacii v Astrahanskoj gubernii v nachale XX veka [Activity of a Muslim national-confessional charity organization in the Astrakhan province at the beginning of the XX century]. *Islamovedenie*. 1: 69-83. [in Russian]

Kuznecova, 2012 – Kuznecova, I.B. (2012). Formirovanie social'nogo kapitala musul'man: rol' blagotvoritel'nosti [Forming the social capital of Muslims: the role of charity]. *Rossiya i musul'manskij mir*. 8: 64-77. [in Russian]

Mahmutov, 2019 – Mahmutov, Z.A. (2019). Blagotvoritel'naya deyatelnost' tatarskoj obshchiny Akmolinskoj oblasti Respubliki Kazahstan v nachale XX veka [Charitable activities of the Tatar community of the Akmola region of the Republic of Kazakhstan at the beginning of the XX century]. *Manuskript*. T. 12. V. 6. Pp. 65-68. [in Russian]

Minnullin, 2006 – Minnullin, Z.S. (2006). Blagotvoritel'nye obshchestva i problemy zakyata u tatar (konets XIX – nach. XX vv.) [Charitable societies and problems of zakat among the Tatars (late XIX-early XX centuries)]. *Tatarskie musul'manskije prihody v Rossijskoj imperii. Materialy nauchno-prakticheskoi konferencii*. Kazan. Pp. 30-41. [in Russian]

Minnullin, 2007 – Minnullin, Z.S. (2007). Institut Vakufa u tatar-musul'man v istoricheskoy retrospektive [The institution of Waqf from the Tatars-Muslims in historical perspective]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta*. T. 149. Kn. 4. Pp. 114-121. [in Russian]

Minnullin, 2008 – Minnullin, Z.S. (2008). Vozniknovenie i razvitie musul'manskih blagotvoritel'nykh organizacij Rossii (XIX – nachalo XX vv.) [The emergence and development of Muslim charitable organizations in Russia (XIX – early XX centuries.)]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta*. T. 150. Kn. 8. Pp. 198-202. [in Russian]

Minnullin, 2012 – Minnullin, Z.S. (2012). Biblioteki tatarskih obshchestvennykh organizacij v nacional'noj informacionnoj seti (nach. XX v.) [Libraries of Tatar public organizations in the national information network (beginning of the XX century)]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 3(2): 100-103. [in Russian]

Pavlenko, 2012 – Pavlenko, E.A. (2012). Notarial'noe zaveshchanie kak sposob osushchestvleniya blagotvoritel'noj deyatel'nosti v konce XIX – nachale XX veka (na primere Simbirskoj, samarskoj i Saratovskoj gubernij) [Notarial will as a way of performing charitable activities in the late XIX – early XX centuries (on the example of Simbirsk, Samara and Saratov provinces)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2(22): 189-193. [in Russian]

Polnoe sobranie..., 1909 – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. [Complete collection of laws of the Russian Empire]. SPb., 1909. Sobranie III. T. XXVI. Chast' I. 1141 p. [in Russian]

Salihov, 2012 – Salihov, R.R. (2012). Blagotvoritel'naya deyatel'nost' tatarskogo predprinimatel'stva Rossii (2-ya pol. XIX – nach. XX vv.) [Charitable activities of Tatar entrepreneurship in Russia (2nd floor) XIX-early XX centuries.]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 3(2): 106-110. [in Russian]

Sulimov i dr., 2014 – Sulimov, V.S., Valitov, A.A., Fedotova, D.Yu. (2014). O roli duhovenstva i obshchestvennykh ob"edinenij musul'man Tyumeni i Tobol'ska v razvitii obrazovaniya v nachale XX veka [About the role of clergy and public associations of Muslims in Tyumen and Tobolsk in the development of education in the early twentieth century]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 3. [Electronic resource]. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=13317> (date of access: 29.10.2019). [in Russian]

Sverdlova, 2006 – Sverdlova, L.M. (2006). O nekotorykh osobennostyakh blagotvoritel'noj deyatel'nosti tatarskogo kupechestva Kazani v XIX veke [About some features of charitable activity of the Tatar merchants of Kazan in the XIX century]. *Tatarskie musul'manskije prihody v Rossijskoj imperii. Materialy nauchno-prakticheskoi konferencii*. Kazan. Pp. 54-65. [in Russian]

Tairov, 2008a – Tairov, N.I. (2008). Tatarskie predprinimateli i shkol'noe obrazovanie v Povolzh'e i Priural'e (2-ya polovina XIX – nachalo XX vv.) [Tatar entrepreneurs and school education in the Volga region and the Urals (2nd half of the XIX – early XX centuries)]. *Novyj istoricheskij vestnik*. 2(18): 50-56. [in Russian]

Tairov, 2008b – Tairov, N.I. (2008). Tatarskie predprinimateli na vserossijskikh yarmarkah (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vekov) [Tatar entrepreneurs at all-Russian fairs (the second half of the XIX – early XX centuries)]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta*. T. 150. Kn. 1. Pp. 92-99. [in Russian]

Благотворительность мусульманских общин Западной и Южной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.

Петр Константинович Дашковский^{a, *}, Елена Александровна Шершнева^a

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению организации благотворительности на территории Западной и Южной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. Авторы, опираясь на обширный круг архивных материалов и публикаций, касающихся данной проблемы, смогли представить, как формировался институт благотворительности в мусульманской среде на территории Сибири. В статье поднимается вопрос о двух видах пожертвований – вакф и закят, предписанных мусульманским законодательством, но которые не нашли официального закрепления в правовой системе Российской империи. Обе эти формы на протяжении всего существования мусульманской уммы в составе Российского государства оставались добровольными пожертвованиями самих членов общины. К тому же следует обратить внимание на то, что губернские власти в регионах неоднократно препятствовали любым формам пожертвований, опираясь на светское законодательство в своих

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dashkovskiy@fpm.asu.ru (П.К. Дашковский), D2703@yandex.ru (Е.А. Шершнева)

решениях. Отдельное внимание в статье уделяется анализу сфер благотворительности. В частности установлено, что особое внимание мусульмане уделяли поддержке института образования и просвещения. Кроме того, с началом Первой мировой войны российская умма видела своей задачей необходимость оказать помощь всем нуждающимся. Мусульмане стремились к активному участию в благотворительной деятельности, которая развернулась в стране в годы войны, например, помогали Красному Кресту. Однако постоянный контроль за деятельностью мусульманских общин и отсутствие законодательного оформления ряда благотворительных форм приводили к затруднениям организации благотворительной деятельности со стороны мусульман. Политика, проводимая в этой области государством, также зачастую вызывала недоверие со стороны мусульман к общественным фондам, что приводило к их стремлению создавать собственные благотворительные организации.

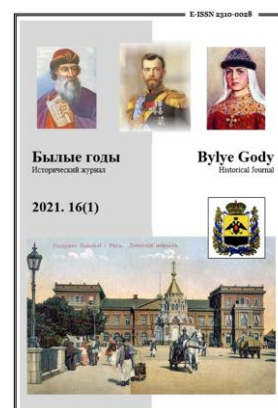
Ключевые слова: вакф, благотворительность, мусульманские общины, Российская империя, Сибирь, государственно-конфессиональная политика.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 222-230.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.222
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Reconstruction of Numbers of Shipbuilding Orders of the Votkinsk Plant of the Reform Period

Nicholas W. Mitiukov ^{a, b, c, *}, Anatoly N. Loshkarev ^{d, e}, Yurii N. Makarov ^f

^a Cherkas Global University (International Network Center for Fundamental and Applied Research), Washington, USA

^b Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^d Izhevsk State Technical University, Izhevsk, Russian Federation

^e Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russian Federation

^f Sochi State University, Sochi, Russian Federation

Abstract

The article concludes the cycle of works devoted to the reconstruction of order numbers of the shipbuilding shop of the Votkinsk plant. Based on the office documentation of the Votkinsk plant, a list of objects was compiled for which work was carried out in the period 1860–1867. These were orders from the Russian military department with a small number of ships for their own needs.

In the Ship's Lists of 1864, 1879, 1881 and 1904 the products of the Votkinsk plant of the reform period were identified and compared with the list drawn up according to the office documentation. During the comparison, it was found that barges No. 30 and 31 of the Astrakhan port are 75-foot barges built by the plant for the Sveaborg port, which were transferred to the Caspian, probably during the hostilities with the Kokand Khanate.

The resulting combined list of products from the Votkinsk plant was combined with the numbers of orders received. From which it was concluded that the bulk of the orders was received in 1859–1860 and was aimed at modernizing the auxiliary floating facilities of the Baltic Fleet. As a result of the orders received, the Votkinsk plant was able to survive the reform period relatively painlessly. Subsequently, he was forced to re-profile for private orders. The equipment produced in Votkinsk during this period made it possible to radically re-equip the capacities of the Kronstadt and Petersburg ports, and some of the ships produced during this period even participated in the Great Patriotic War.

Keywords: Votkinsk plant, shipbuilding, reform of 1861, Baltic fleet, Caspian flotilla.

1. Введение

Номера заказов судостроительного производства являются ценным историческим источником, так как дают возможность восстановить всю последовательность объектов, построенных на данном заводе. Как правило, они идут без пропусков, от меньших к большим номерам. На некоторых заводах применяется более сложная система, например, зависящая от типа, в рамках которого идет своя нумерация. На Воткинском заводе использовалась простая нумерация в порядке возрастания, но, по-видимому, иногда под одним номером могло идти несколько объектов. Ранее нами были реконструированы предположительные списки номеров дореформенного и пореформенного периодов, но, только начиная с № 248 (с 1910-х гг.), можно говорить о достоверной реконструкции всего списка. В начале 1860-х гг. Воткинский завод получил большой заказ от Военного ведомства

* Corresponding author

E-mail addresses: nico02@mail.ru (N.W. Mitiukov)

(Военведа) на строительство в основном несамоходных судов для Балтийского флота и Каспийской флотилии. Эти заказы дали заводу возможность относительно спокойно пережить реформу, когда в Российской империи закрывались целые отрасли. Реконструкция предположительных номеров заказов реформенного периода и является целью данной работы.

2. Материалы и методы

В качестве основных материалов для работы послужила делопроизводственная документация Воткинского завода, имеющаяся в фондах Центрального государственного архива Удмуртской республики (ЦГА УР). Поскольку большинство заказов рассматриваемого периода были получены от Военведа, основу эксплуатационной документации составили судовые списки 1879, 1881 и 1904 гг. Кроме Военведа небольшое количество заказов было выдано самим заводом для собственных нужд, в связи с чем эксплуатационная информация по этим заказам была взята из тех же фондов ЦГА УР.

Для анализа делопроизводственной документации в качестве основных послужили методы историзма и сравнительно-логический. Отдельные документы, описывающие судостроительную активность завода, располагались в хронологическом порядке, после чего выделялись повторяющиеся объекты. Первое упоминание о них соответствовало дате начала работы над данным заказом, а последнее – дате сдачи его заказчику. Аналогичным образом составлялся список объектов, фигурирующих в судовых списках, подробная методика обработки которых была обобщена нами в более ранней работе (Mitiukov, 2016). На следующем этапе происходило объединение обоих списков с использованием логического аппарата для объяснения несовпадения, и в заключении объединенный список накладывался на допустимый диапазон номеров.

3. Обсуждение

Имеющуюся литературу о судостроении на Воткинском заводе можно условно разделить на три группы (подобное разделение пошло еще с дореволюционных времен).

К первой группе стоит отнести специальную и техническую литературу. Это работы специалистов, чаще каких-то определенных отраслей, например металлургии. В частности, Воткинский завод через призму его влияния на водный транспорт Волги был рассмотрен в фундаментальной работе И.А. Шубина (Шубин, 1927). С другой стороны, имеются достаточно подробные описания и самого завода, в котором уделяется внимание и судостроительному производству (Котляревский, 1858). К сожалению, при богатом фактическом материале издания этого типа не выделяют особо воткинское судостроение: для них это скорее фон, на котором идет рассмотрение совершенно других процессов.

Имеющиеся справочники по корабельному составу Российского Императорского флота обычно обходят молчанием несамоходные плавсредства. Вероятно, эта традиция заложена еще с фундаментальных работ Ф.Ф. Веселаго (Веселаго, 1872) и С.П. Моисеева (Моисеев, 1948). Единственным справочником, упоминающим о несамоходных плавсредствах Балтфлота, стала работа В.В. Ярового (Яровой, 2018), в которой в числе портовых плавсредств упомянута баржа воткинской постройки № 15, ставшая брандвахтой Большого Невского фарватера.

Вторая группа – это источники статистического характера. Причем, если статистические данные о работе завода советского периода, подаваемые в ЦСУ, составлялись по понятным правилам и довольно жестко регламентировались, чтобы служить основой для дальнейших хозяйственных планов, то дореволюционные сборники имели скорее рекламный характер. В связи с этим, если выделение из советских статотчетов первичных материалов представляет собой хоть и сложную, но вполне реализуемую математически процедуру, то проведение подобной операции с дореволюционными отчетами, как правило, бессмысленно, как это было показано нами ранее (Mitiukov, Loshkarev, 2020). Однако обработка регистров и судовых списков перспективна, вполне реальна и может принести хорошие результаты (Mitiukov, 2016).

Третью группу составили источники, посвященные непосредственно Воткинскому судостроению. Однако рассматриваемый период в большинстве работ упомянут лишь вскользь. Так, имеются работы по постройке отдельных судов, например канонерских лодок «Секира» и «Пищаль» (Черников, 1986), судов для Аральской флотилии (Katorin et al., 2017) и судов заказа 1862 г. (Матвеев, 2015).

Таким образом, следует признать, что Воткинское судостроение реформенного периода в настоящее время рассмотрено в литературе достаточно эклектично и очень фрагментарно.

4. Результаты

Судя по отчету о действиях завода с мая 1860 г. по май 1861 г., в этот период он строил следующие суда: 12-сильный пароход для заводского пруда; 100-сильный пароход для Санкт-Петербургского порта («Работник»); две баржи для перевозки дров из-за пруда; шесть железных барж для Санкт-Петербургского порта; четыре речные баржи для Астраханского порта; две морские баржи для Астраханского порта; две баржи для Аральской флотилии (баржи № 8 и 9); три железные баржи для Астраханского порта; железный барказ для Санкт-Петербургского порта; 100-сильный

пароход для Астраханского порта («Тарки»); неназванное число судов для Аральского моря (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 7432).

В 1861 г. завод произвел сплав в Каму шести барж для Санкт-Петербургского порта, продолжил строительство 100-сильного парохода для Санкт-Петербурга («Работник»), четырех барж для Астраханского порта, неназванного числа барж для Санкт-Петербурга (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 7579).

В феврале 1862 г. Воткинский завод получил большой заказ на постройку плавсредств для Балтийского флота (в общей сложности 46 единиц) (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 7596). 9 февраля управляющий Морским министерством сообщил на завод, что в настоящее время имеется крайняя необходимость в постройке для Санкт-Петербургского порта четырех железных барж, для Кронштадтского порта 14 флашкоутов, 4 барж для перевозки мачтовых деревьев и других грузов, 2 беспалубных, 2 палубных баржи с большими люками, 5 18-весельных и 5 22-весельных барказов, 4 8-весельных и 3 12-весельных и 3 14-весельных катеров (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 7596. Л. 9). Еще 10 ноября 1861 г. он направил соответствующее требование министру финансов, и 18 июня 1862 г. завод получил заказ на постройку этих 46 судов (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 7596. Л. 20).

15 мая 1862 г. завод отрапортовал, что спуск двух речных барж для Астраханского порта произошел одновременно с закладкой двух флашкоутов и двух палубных барж для Петербургского порта (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 7596. Л. 13).

10 ноября 1862 г. завод заложил баржу № 56 для Кронштадтского порта (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 7596. Л. 29), а 8 марта 1863 г. № 57 для Кронштадтского порта (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 7596. Л. 30). 22 августа 1863 г. начались работы на железной барже № 58 и флашкоуте № 59 для Кронштадтского порта (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 7596. Л. 37-37 об.).

25 января 1864 г. завод спустил на воду баржи № 56 и 57 и провел их швартовые испытания. На освободившихся стапелях в тот же день приступили к работам по беспалубной барже № 62, флашкоуту № 63 для Кронштадтского порта и плавучему маяку для Астрабадского залива № 80 (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 7596. Л. 39-39 об.).

25 мая 1864 г. произошел спуск на воду баржи № 58 и флашкоута № 59, после спуска на судах провели швартовые испытания. В тот же день на освободившихся слипах заложили беспалубную баржу и семь флашкоутов для Кронштадтского порта (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 7596. Л. 43-43 об.). Номера последних в рапорте не сообщались. Этот факт становится понятным в рапорте от 14 августа 1864 г., в котором сообщалось, что 11 августа завод начал постройку флашкоутов для Кронштадтского порта № 63, 64, 65, 66, 67 и 68 (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 7596. Л. 131). Это означает, что в мае по каким-то причинам их не заложили, поэтому и не присвоили номера. Возможно, в мае заложили не указанные в августе беспалубную баржу и флашкоут – № 62 (?) и № 63 (?), которые должны были заложить в январе (?). В данном случае не обязательно завод пытался ввести в заблуждение Военное ведомство. Вполне возможно, что в указанные даты под словом «приступили к постройке» имелось в виду, что «приступили к заготовке материалов», и тогда закладка действительно могла произойти позже.

30 марта 1864 г. в рапорте Военведу указывалось, что к 1 июня завод будет готов сдать две палубные баржи для Кронштадтского порта длиной по 90', шириной по 22' и вместимостью по 4000 пудов, а также железный плавучий маяк для Астраханского порта для работы на Астрабадской станции длиной 71' 7", шириной 24', вместимостью 3500 пудов. К 1 августа будут готовы беспалубная баржа тех же размеров, что и палубные, весом 3800 пудов и флашкоут длиной 61', шириной 20' 4", весом 2000 пудов для Кронштадтского порта (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 7596. Л. 46-46 об.). Номера в документе не указывались, но, судя по предыдущим рапортам, это должны быть баржи № 56, № 57 (палубные), № 58 (беспалубная), а также флашкоут № 59 и маяк № 80. Однако в рапорте от 4 июня 1864 г. упомянуты две палубные баржи № 58 и № 59, беспалубная баржа № 60, флашкоут и маяк (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 7596. Л. 102). Очевидно, здесь имеет место описка (вся документация была рукописная).

8 октября 1864 г. Военведу доложили о закладке флашкоутов № 69, 70, 71 и 72 (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 7596. Л. 127), а 31 декабря 1864 г. заложили беспалубную баржу для Кронштадтского порта (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 7596. Л. 128). Из рапорта 24 февраля 1865 г. следует, что к этому времени на заводе идут работы по постройке двух 80-футовых барж для Кронштадта (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 7596. Л. 137).

В январе 1865 г. с завода докладывали, что к началу навигации на нем закончат работы по 13 флашкоутам с длиной корпуса 61' и шириной 20' 4", весом каждый по 2100 пудов, двум баржам длиной 80', шириной 22" и весом 2800 пудов и одной беспалубной барже длиной 90', шириной 22", весом 3300 пудов (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 7596. Л. 138). Номера, к сожалению, при этом не сообщались, но, судя по порядковым номерам, это, возможно, баржи № 60 (?) и 61 (?), беспалубная № 62 и флашкоуты – с № 63 по 72 (10 шт.). А фигурировали в рапортах, возможно, три оставшихся флашкоута: № 73 (?), 74 (?), 75 (?). В дальнейшей документации строительные номера более не упоминаются, а указанные флашкоуты названы как № 2–14, баржи как № 1 и 2 (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 7596. Л. 197-198).

В рапорте от 24 января 1866 г. докладывалось, что к началу навигации на заводе будут готовы четыре баржи для Кронштадтского порта длиной 120', шириной 22', две баржи для Астраханского порта (позднее они же названы для Санкт-Петербургского порта) длиной 80', шириной 20' и две канонерские лодки (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 7596. Л. 248). Номера снова не сообщались.

К навигации 1867 г. завод подготовил к отправке заказчикам для Санкт-Петербурга три мачтовые баржи длиной по 80 футов, для Кронштадтского порта пять 22-весельных и пять 18-весельных барказов, шесть 14-весельных и четыре 8-весельных катеров, для Свеаборгской крепости одну баржу длиной в 90 футов, две баржи в 75 футов и две баржи в 70 футов (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 7596. Л. 400-400 об.).

Тем временем, судя по бухгалтерским отчетам, завод с мая 1862 г. по май 1863 г. ведет работы по следующим судам: четырем баржам Астраханского порта, неназванному количеству барж для Кронштадтского порта и также неназванным плавсредствам для Аральской флотилии, 100-сильному пароходу для Санкт-Петербургского порта («Работник»), двум баржам для Аральской флотилии (№ 8 и 9) и 100-сильному пароходу для Астраханского порта («Тарки») (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 7747).

В 1864 г. строились 120-футовая баржа для Санкт-Петербургского порта, корпус 12-сильного барказа, две 80-футовые баржи для Кронштадта, плавучий маяк для Астрабадского залива, флашкоуты, 100-сильный пароход для Астраханского порта, две баржи для Аральской флотилии (№ 8 и 9), четыре баржи для Астраханского порта, шесть железных барж, флашкоуты для Кронштадтского порта (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 8019).

В 1866 г. в рапорте Военведу докладывалось, что с 1 мая 1865 г. по 1 мая 1866 г. заводом закончены и отправлены заказчику две 80-футовые баржи для Санкт-Петербургского порта, четыре 120-футовые баржи для Кронштадтского порта, канонерские лодки «Пищаль» и «Секира» для Каспийской флотилии (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 8095. Л. 5).

В ноябре 1865 г. стал вопрос о постройке на заводе шхуны (потом «Анапа») и парового транспорта (? – по-видимому, не строился) для Черноморского флота, парохода для Каспийской флотилии (потом «Тарки»), трех грузовых барж для Петербургского порта и пяти барж для Свеаборгского порта. Все суда необходимо было изготовить к навигации 1866 г. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 8100. Л. 19). Завод ответил о невозможности таких высоких темпов и указал на самый ранний срок готовности – к навигации 1867 г., а «Тарки» – к 1868 г. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 8100. Л. 36).

В 1867 г. с завода рапортовали, что к весне этого года подготовят к сдаче одну 90-футовую баржу, три 80-футовых, две 75-футовых, две 70-футовых и 20 весельных барказов и катеров (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 8100. Л. 76). К навигации 1868 г. завод предполагал отправить заказчику пароход «Тарки» (Каспийская флотилия) и шхуну «Анапа» (Черноморский флот) (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 8100. Л. 3).

В годовом отчете о работе завода за 1866 г. было указано, что в этом году сдали заказчику четыре 120-футовые баржи для Кронштадтского порта, две 80-футовые для Петербургского и две канонерские лодки для Каспийской флотилии (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 8161. Л. 30-31). Кроме них указывалось, что завод вел работы по 20 весельным барказам и катерам для Кронштадтского порта, трем 80-футовым баржам для Петербургского порта; двум 70-футовым, двум 75-футовым и одной 90-футовой барже для Свеаборгского порта, пароходу в 160 сил для Каспийской флотилии, паровой шхуне и паровому транспорту для Черного моря (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 8161. Л. 92 об.).

В январе 1867 г. с завода доложили, что изготовили для своих нужд две железные лодки: одну – весом 60 пудов для Камского броневоего завода и вторую – весом 50 пудов для судостроительного заведения (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 8232. Л. 2).

Все указанные объекты сведены в [Таблице 1](#).

Таблица 1. Объекты постройки по заводским документам

№ п/п	Наименование объектов	Год работы	Примечание
1.	12-сильный пароход для заводского пруда	1860-64	
2.	100-сильный пароход для Санкт-Петербургского порта («Работник»)	1860-62	
3-4.	Две баржи для перевозки дров из-за пруда	1860	
5-10.	Шесть железных барж для Санкт-Петербургского порта	1860-61	1861 сплав
11-14.	Четыре баржи для Астраханского порта	1860-64	
15-16.	Две баржи для Астраханского порта	1860	
17-18.	Две баржи для Аральской флотилии (№ 8 и 9)	1860-62	
19-21.	Три железные баржи для Астраханского порта	1860	
22.	Железный барказ для Санкт-Петербургского порта	1860	
23.	100-сильный пароход для Астраханского порта («Тарки»)	1860-68	Сдан 1868 г.
24-37.	14 флашкоутов для Кронштадтского порта	1862-66	№ 59 и №№ 63-72
38-41.	Четыре 80-футовых мачтовых баржи для Санкт-Петербургского порта	1864-67	Две сданы в 1866 г.

42–43.	Две беспалубные баржи для Кронштадтского порта	1863-66	№ 58
44–45.	Две палубные баржи для Кронштадтского порта	1862–64	№ 56 и № 57
46.	10 весельных катеров для Кронштадтского порта	1867	Сданы в 1867 г.
47.	10 весельных барказов для Кронштадтского порта	1867	Сданы в 1867 г.
48.	Маяк для Астрабадского залива	1864	№ 80
49-50.	Канонерские лодки «Пищаль» и «Секира»	1866	Сданы в 1866 г.
51.	90-футовая баржа для Свеаборгской крепости	1865-67	Сдана в 1867 г.
52-53.	Две 75-футовые баржи для Свеаборгской крепости	1865-67	Сданы в 1867 г.
54-55.	Две 70-футовые баржи для Свеаборгской крепости	1865-67	Сданы в 1867 г.
56-59.	Четыре 120-футовые баржи для Петербургского порта	1864-66	Сданы в 1866 г.
60.	Шхуна Черноморского флота «Анапа»	1865-68	Сдана в 1868 г.
61-63.	Три 80-футовые грузовые баржи для Петербургского порта	1865-67	Сданы в 1867 г.
64.	Паровой транспорт для Черного моря	1865-66	
65.	Две лодки для своих целей	1867	Сделаны в 1867 г.

Поскольку все самоходные суда [Таблицы 1](#) уже рассматривались нами ранее ([Mitiukov, 2020; Mitiukov et al., 2018](#)), имеет смысл сосредоточиться лишь на несамоходных плавсредствах, не рассмотренных ранее. Соответствие делопроизводственной документации Воткинского завода, сведенной в [Таблицу 1](#) и эксплуатационной документации, содержащейся в судовых списках, приведено в [Таблице 2](#).

По основному массиву барж вопросов не возникает. Хотя их номер может меняться от списка к списку, характеристики и количество остаются постоянными, как и указание, что они построены в Воткинске в нужном году.

Но, анализируя [Таблицу 2](#), можно заметить, что в судовых списках нет никаких данных о нахождении в составе Балтийского флота двух 75-футовых барж для Свеаборга. Как видно из приведенных выше документов, завод их действительно построил и сдал заказчику. Однако следует отметить наличие двух 75-футовых барж Каспийской флотилии, о постройке которых ничего не известно. Судя по архивным данным, их длина 75', ширина 17,6', вес корпуса 4400 пудов (72 т.) ([ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 8101. Л. 76](#)). Судовой список 1879 г. дает следующие характеристики барж № 30 и 31 Каспийской флотилии: водоизмещение 93 т. (стандартное ?) и 105 ⁶/₄ т. (полное ?), длина 75', ширина 17' 6", осадка 3' 3", изготовлены в Воткинске в 1867 г. ([Судовой список, 1879. 145](#)). Как видно, характеристики довольно хорошо совпадают, как и год постройки. Поэтому можно заключить, что эти две баржи вместо Балтийского моря ушли на Каспийское либо прямо с завода, либо уже после сдачи заказчику.

Следует отметить, что 1867–1868 гг. – это годы войны с Кокандским ханством. Поэтому вполне вероятно, что по опыту боевых действий решили усилить силы Каспийской флотилии.

Относительно еще одной баржи для Свеаборга также возникают сомнения, но не столь радикальные, как для 75-футовых. В судовом списке 1904 г. эти баржи идеально заполняются баржей № 27 Петербургского порта ([Судовой список, 1904. 199](#)) и водоотливным ботом № 1 Кронштадтского ([Судовой список, 1904. 216](#)). Совпадают как характеристики, так и год постройки, кроме того, для обоих местом постройки прямо назван Воткинский завод. Но если в судовых списках 1879 и 1881 гг. первая баржа прослеживается, то бота Кронштадтского порта там нет. Однако в составе плавсредств Кронштадтского порта имеется баржа № 35, характеристики которой совпадают с 75-футовыми баржами Воткинской постройки, но год и место постройки не указаны. А поскольку ее, в свою очередь, нет в судовом списке 1904 г. можно заключить, что именно она и стала водоотливным ботом.

Таблица 2. Соответствие между плавсредствами по разным судовым спискам (с годом постройки, указанным в судовом списке)

	1879 г.	1881 г.	1904 г.
Палубная баржа 90 фут. для Кронштадтского порта	КП № 8 1862-64 г.п.	КП № 8 1862-64 г.п.	КП № 8 1862-64 г.п.
	КП № 9 1862-64 г.п.	КП № 9 1862-64 г.п.	КП № 9 1862-64 г.п.
Беспалубная баржа 90 фут. для	КП № 10	КП № 10	КП № 10

Кронштадтского порта	1862-64 г.п.	1862-64 г.п.	1862-64 г.п.
	КП № 11 1862-64 г.п.	КП № 11 1862-64 г.п.	КП № 11 1862-64 г.п.
14 флашкоутов для Кронштадтского порта	КП № 20–33 1864 г.п.	КП № 20–33 1864 г.п.	КП № 20–33 1864 г.п.
80-футовая мачтовая баржа для Петербургского порта	СП № 19 1865 г.п.	СП № 15 1865 г.п.	СП № 15 1865 г.п.
	СП № 20 1865 г.п.	СП № 16 1865 г.п.	СП № 16 1865 г.п.
	СП № 21 1866 г.п.	СП № 17 1865 г.п.	СП № 17 1865 г.п.
	СП № 22 1866 г.п.	СП № 18 1866 г.п.	СП № 18 1866 г.п.
120-футовая баржа для Балтфлота	КП № 123 1867 г.п.	КП № 123 1867 г.п.	КП № 123 1867 г.п.
	КП № 124 1867 г.п.	КП № 124 1867 г.п.	КП № 124 1867 г.п.
	КП № 125 1867 г.п.	КП № 125 1867 г.п.	КП № 125 1867 г.п.
	КП № 126 1867 г.п.	КП № 126 1867 г.п.	КП № 126 1867 г.п.
80-футовая баржа для Балтфлота	СП № 34 1867 г.п.	СП № 19 1867 г.п.	СП № 19 1867 г.п.
	СП № 35 1867 г.п.	СП № 20 1867 г.п.	СП № 20 1867 г.п.
	СП № 36 1867 г.п.	СП № 21 1867 г.п.	КП № 21 1866 г.п.
90-футовая баржа для Свеаборга	СП Брандвахта 1867 г.п.	СП Брандвахта 1867 г.п.	Нет.
75-футовая баржа для Свеаборга	Нет.	Нет.	Нет.
	Нет.	Нет.	Нет.
70-футовая баржа для Свеаборга	СП № 29 1867 г.п.	СП № 27 1867 г.п.	СП № 27 1867 г.п.
	КП № 35 (?) б/г	КП № 35 (?) б/г	КП бот № 1 1867 г.п.
75-футовые баржи для Каспийской флотилии	№ 30 1867 г.п.	№ 30 1867 г.п.	Нет.
	№ 31 1867 г.п.	№ 31 1867 г.п.	Нет.

Примечание: КП – баржа Кронштадтского порта, СП – баржа Санкт-Петербургского порта.

Анализируя полученные сведения можно заключить следующее (см. [Таблицу 3](#)).

Баржи № 56 и 57 Кронштадтского порта (заложены 10.11.1862 и 8.03.1863, спущены 25.01.1864 и готовы к навигации 1864 г.) – это палубные баржи Кронштадтского порта (90-футовые) № 8 и № 9 по судовым спискам.

№ 58 – это беспалубная баржа (90-футовая), также для Кронштадтского порта (заложена 22.08.1863, спущена 25.05.1864, готова к навигации 1864 г.). По судовым спискам она № 10 или № 11, но, скорее всего, № 10, потому что вторая сдана позднее, а номера барж в Кронштадтском порту обычно присваивались в порядке возрастания.

Далее в номерах заказов идет № 59, это первый из флашкоутов Кронштадтского порта. Достоверно известные у других флашкоутов номера идут подряд с № 63 по 72 (10 штук). Еще остается три флашкоута с неясными номерами. С одной стороны, они как раз вписываются в диапазон с № 60 по № 62, но с другой – имеется два упоминания, что в этом числовом диапазоне указывались баржи Кронштадтского порта. Первое сообщение в рапорте от 25 января 1864 г., когда на освободившееся после спуска на воду место заложили беспалубную баржу № 62 (снова пропущены № 60 и № 61), а второе, когда говорится о сплаве беспалубной баржи № 60. Во втором рапорте явно ошибка, поскольку ранее речь шла о беспалубной барже № 58, и сомнений не возникает, что речь идет о сплаве именно ранее указанных судов.

Судя по реконструкции номеров заказов дореформенного ([Mitiukov, 2020](#)) и пореформенного периодов ([Mitiukov et al., 2018a](#)), в диапазоне номеров с № 1 по № 55 имеется множество вакантных номеров, в то время как номера с № 80 и далее, наоборот, насыщены более чем необходимо. В связи с этим имеется единственное логичное объяснение: номера заказов, по которым работал завод после

1865 г., были выданы в диапазоне до № 55. Поскольку весь заказ на 46 судов для Кронштадта и Санкт-Петербурга выдавался единовременно, логично предположить, что и номера для него шли подряд. Поскольку № 50 и 51 – это два транспорта для Каспийской флотилии, весь заказ 1862 г. практически идеально вписывается в свободный диапазон номеров № 52-79.

Это 21 номер заказов, куда должны поместиться 14 флашкоутов, две палубные и две беспалубные баржи, четыре мачтовые баржи для Кронштадтского порта, четыре баржи для Петербургского порта и по десять весельных катеров и барказов. Даже если допустить, что катера и барказы строились под одним или двумя номерами, общее число занятых этим заказом заводских номеров должно быть равно 27 или 28, то есть, начиная с № 52, они заканчиваются № 78 или № 79. А поскольку № 80 – это маяк Астрабадского залива, получается, что, скорее всего, барказы и катера идут под двумя разными номерами.

Судя по судовому списку 1864 г., на этот момент Воткинский завод строит одну 90-футовую баржу № 1, две 120-футовые баржи № 2 и № 3, флашкоут № 1 и маяк для Астрабадского залива (Судовой список, 1864). Таким образом, 120-футовые баржи вполне могли идти с самыми первыми номерами.

Предположительные номера заказов реформенного периода сведены в [Таблице 3](#). Как косвенное подтверждение корректности данного диапазона номеров можно указать следующее обстоятельство. В ЦГА УР имеется дело «Журнал учета на записку прихода и расхода материалов на постройку баржи 80’ для Кронштадтского порта» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 8028). Судя по всему, при постройке все объекты имели подобный журнал учета. На титульном листе документа имеется запись «Книга № 87», и, похоже, этот номер указывает на номер заказа. По хронологии, четыре 80-футовые баржи для Кронштадтского порта заказаны после пяти барж для Свеаборгского, так что полученный в [Таблице 3](#) для них диапазон номеров № 86-90 доказывает правильность выбора.

Таблица 3. Несамоходные плавсредства, заказанные Военведом Воткинскому заводу в реформенный период

№ п/п	№ заказа	Объект	Год постройки
52-55	?	Баржи Кронштадтского порта № 123–126 (4 шт.)	1865-66
56-57	56-57	Палубные баржи Кронштадтского порта № 8 и 9.	1862-65
58	58	Беспалубная баржа Кронштадтского порта № 10.	1863-65
59	59	Флашкоут Кронштадтского порта № 20	1863-65
60	60	Беспалубная баржа Кронштадтского порта № 11.	1864-65
61-62	61-62	Баржи Петербургского порта № 19, 20	1864-65
63-72	63-72	Флашкоуты Кронштадтского порта № 21-30 (10 шт.)	1864-65
73-75	?	Флашкоуты Кронштадтского порта № 31-33 (3 шт.)	1864-65
76-77	?	Баржи Петербургского порта № 21, 22	1865-66
78	?	22-весельные баркасы Кронштадтского порта (5 шт.) 18-весельные баркасы Кронштадтского порта (5 шт.)	1866-67
79	?	14-весельные катера Кронштадтского порта (6 шт.) 8-весельные катера Кронштадтского порта (4 шт.)	1866-67
80	80	Плавучий маяк Астрабадский	1864-65
81	?	90-футовая баржа Свеаборгского порта (брандвахта)	1866-67
82-83	?	75-футовые баржи для Астраханского порта № 30 и 31	1866-67
84-85	?	70-футовые баржи Свеаборгского порта № 26, 27 (2 шт.)	1866-67
86-88	87 и др.	80-футовые баржи для Петербургского порта № 34-36	1866-67

5. Заключение

Данная работа завершила собой цикл статей, посвященных анализу производственной активности судостроительного цеха Воткинского завода в дореволюционный период. В результате анализа заказов реформенного периода можно сделать следующие выводы.

1. В середине 1860-х гг. Воткинский завод работал по большому заказу, выданному Военным ведомством, из-за чего достаточно безболезненно пережил реформу 1861 г. По крайней мере доклады, аналогичные докладом других заводов о сложном финансовом положении в связи с реформой, в имеющейся делопроизводственной документации Воткинского завода отсутствуют.

2. Вероятно, весельные барказы и катера Кронштадтского порта шли двумя номерами. Поскольку их заказано два десятка штук, индивидуальный номер для каждого объекта просто исключен из-за отсутствия такого количества свободных номеров. Если предположить, что они шли под одним номером, то перед № 80 (Астрабадский маяк) получается вакантная позиция. Ее невозможно заполнить, поскольку после этого заказов на одиночные объекты завод не получал.

3. Баржи № 30 и 31 Астраханского порта – это заказанные для Свеаборга 75-футовые баржи. Данный вывод получается сравнением списка заводских заказов и продукции Воткинского завода по судовым спискам. В противном случае получается, что построенные баржи пропали в неизвестном направлении, а для Астрахани построена неучтенная продукция.

Литература

- ЦГА УР** – Центральный государственный архив Удмуртской республики.
- Веселаго, 1872** – *Веселаго Ф.Ф.* Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб.: Типография Морского министерства в Главном адмиралтействе, 1872. 754 с.
- Котляревский, 1858** – *Котляревский И.П.* Описание Воткинского завода. СПб., 1858. 98 с.
- Матвеев, 2015** – *Матвеев Д.В.* Самый большой военный заказ КВЖДЗ / *Молодежная наука в развитии регионов: Мат. V Всерос. конф. студентов и молодых ученых.* Пермь: Березниковский филиал Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2015. С. 451-453.
- Моисеев, 1948** – *Моисеев С.П.* Список кораблей русского парового и броненосного флота (с 1861 по 1917 г.). М.: Воениздат, 1948. 576 с.
- Судовой список, 1864** – Судовой список 1864 г. СПб., 1864.
- Судовой список, 1879** – Судовой список 1879 г. СПб., 1879.
- Судовой список, 1881** – Судовой список 1881 г. СПб., 1881.
- Судовой список, 1904** – Судовой список 1904 г. СПб., 1904.
- Черников, 1986** – *Черников И.И.* Канонерские лодки «Секира» и «Пищаль» // *Судостроение.* 1986. № 4. С. 55-57.
- Шубин, 1927** – *Шубин И.А.* Волга и волжское судоходство. (История, развитие и современное состояние судоходства и судостроения). М.: Транспечать НКПС, 1927. 908 с.
- Яровой, 2018** – *Яровой В.В.* Балтийский флот 1877–1878 гг. Справочник по корабельному составу // *Морская кампания.* 2018. № 6(82). 72 с.
- Katorin et al., 2017** – *Katorin Yu., Shadymov A.V., Glebanova A.Yu.* Participation of Aral Military Flotillain the Accession of Central Asia to the Russian Empire // *Bylye Gody.* 2017. № 43(1). Pp. 48-58. DOI: 10.13187/bg.2017.1.48
- Mitiukov et al., 2018** – *Mitiukov N.W., Loshkarev A.N., Matveev D.V.* Votkinsk's barges for the Baltic Fleet // *Voennyi Sbornik.* 2018. № 2 (6). Pp. 95-99. DOI: 10.13187/vs.2018.2.95.
- Mitiukov et al., 2018a** – *Mitiukov N.W., Loshkarev A.N., Matveev D.V.* Reconstruction of the order's numbers of the Votkinsk plant's shipbuilding workshop on 1865-1902 // *Bylye Gody.* 2018. Vol. 49. Is. 3. Pp. 1203-1215. DOI: 10.13187/bg.2018.3.1203
- Mitiukov, 2016** – *Mitiukov N.W.* Maritime and river registers as a historical source // *Bylye Gody.* 2016. № 2 (40). Pp. 469-478.
- Mitiukov, 2020** – *Mitiukov N.W.* Shipbuilding at the Votkinsk Plant in the Pre-Reform Period of 1846–1861 // *Bylye Gody.* 2020. Vol. 55. Is. 1. Pp. 130-141. DOI: 10.13187/bg.2020.1.130
- Mitiukov, Loshkarev, 2020** – *Mitiukov N.W., Loshkarev A.N.* Votkinsk's Hopper Lighters for Siberia. Experience of Correlation Analysis for Biography Reconstruction // *Bylye Gody.* 2020. Vol. 56. Is. 2. Pp. 558-570. DOI: 10.13187/bg.2020.2.558

References

- CGA UR** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi respubliki [Central State Archives of the Udmurt Republic].
- Chernikov, 1986** – *Chernikov, I.I.* (1986). Kanonerskie lodki «Sekira» i «Pishhal'» [Gunboats "Sekira" and "Pishchal'"]. *Sudostroenie.* 4: 55-57. [in Russian]
- Katorin et al., 2017** – *Katorin, Yu., Shadymov, A.V., Glebanova, A.Yu.* (2017) Participation of Aral Military Flotillain the Accession of Central Asia to the Russian Empire. *Bylye Gody.* 43(1): 48-58. DOI: 10.13187/bg.2017.1.48
- Kotljarevskij, 1858** – *Kotljarevskij, I.P.* (1858). Opisanie Votkinskogo zavoda [Description of the Votkinsk plant]. S-Peterburg. 98 p. [in Russian]
- Matveev, 2015** – *Matveev, D.V.* (2015). Samyj bol'shoj voennyj zakaz KVZhDZ [The largest military order of the KZDZ]. *Molodezhnaya nauka v razvitií regionov: Mat. V Vseros. konf. studentov i molodykh uchenykh. Perm': Bereznikovskii filial Perm. nats. issled. politekhn. un-ta.* Pp. 451–453. [in Russian]
- Mitiukov et al., 2018** – *Mitiukov, N.W., Loshkarev, A.N., Matveev, D.V.* (2018). Votkinsk's barges for the Baltic Fleet. *Voennyj sbornik.* 6(2): 95-99. DOI: 10.13187/vs.2018.2.95
- Mitiukov et al., 2018a** – *Mitiukov, N.W., Loshkarev, A.N., Matveev, D.V.* (2018). Reconstruction of the order's numbers of the Votkinsk plant's shipbuilding workshop on 1865-1902. *Bylye Gody.* 49(3): 1203-1215. DOI: 10.13187/bg.2018.3.1203
- Mitiukov, 2016** – *Mitiukov, N.W.* (2016). Maritime and river registers as a historical source. *Bylye Gody.* 40(2): 469-478.
- Mitiukov, 2020** – *Mitiukov, N.W.* (2020). Shipbuilding at the Votkinsk Plant in the Pre-Reform Period of 1846–1861. *Bylye Gody.* 55(1): 130-141. DOI: 10.13187/bg.2020.1.130

Mitiukov, Loshkarev, 2020 – Mitiukov, N.W., Loshkarev, A.N. (2020). Votkinsk's Hopper Lighters for Siberia. Experience of Correlation Analysis for Biography Reconstruction. *Bylye Gody*. 56(2): 558-570. DOI: 10.13187/bg.2020.2.558

Moiseev, 1948 – Moiseev, S.P. (1948). Spisok korablej russkogo parovogo i bronenosnogo flota (s 1861 po 1917 g.) [List of ships of the Russian steam and armored fleet (from 1861 to 1917)]. Moscow. 576 p. [in Russian]

Shubin, 1927 – Shubin, I.A. (1927). Volga i volzhskoe sudohodstvo. (Istorija, razvitie i sovremennoe sostojanie sudohodstva i sudostroenija) [Volga and Volga shipping. (History, development and current state of shipping and shipbuilding)]. Moscow. 908 p. [in Russian]

Sudovoj spisok, 1864 – Sudovoj spisok 1864 g. [Ship list 1864]. S-Petersburg, 1864. [in Russian]

Sudovoj spisok, 1879 – Sudovoj spisok 1879 g. [Ship list 1879]. S-Petersburg, 1879. [in Russian]

Sudovoj spisok, 1881 – Sudovoj spisok 1881 g. [Ship list 1881]. S-Petersburg, 1881. [in Russian]

Sudovoj spisok, 1904 – Sudovoj spisok 1904 g. [Ship list 1904]. S-Petersburg, 1904. [in Russian]

Veselago, 1872 – Veselago, F.F. (1872) Spisok russkih voennyh sudov s 1668 po 1860 god [List of Russian warships from 1668 to 1860]. S-Peterburg. 754 p. [in Russian]

Yarovoi, 2018 – Yarovoi, V.V. (2018). Baltijskij flot 1877–1878 gg. Spravochnik po korabel'nomu sostavu [Baltic Fleet 1877-1878 Handbook on the ship composition]. *Morskaja kampanija*. 6(82): 72. [in Russian]

Реконструкция номеров судостроительных заказов Воткинского завода реформенного периода

Николай Витальевич Митюков ^{a, b, c, *}, Анатолий Николаевич Лошкарев ^{d, e}, Юрий Николаевич Макаров ^f

^a Черкас глобальный университет (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований), Вашингтон, США

^b Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, Ижевск, Российская Федерация

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^d Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашникова, Ижевск, Российская Федерация

^e Московский институт психоанализа, Москва, Российская Федерация

^f Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

Аннотация. Статья завершает цикл работ, посвященных реконструкции номеров заказов судостроительного цеха Воткинского завода, на основе делопроизводственной документации которого составлен список объектов, по которым велись работы в период 1860–1867 гг. Это были заказы военного ведомства России с небольшим количеством судов для собственных нужд.

В судовых списках 1864, 1879, 1881 и 1904 гг. выявлена продукция Воткинского завода реформенного периода и сравнена со списком, составленным по делопроизводственной документации. В ходе сравнения обнаружено, что баржи № 30 и 31 Астраханского порта – это строившиеся заводом 75-футовые баржи для Свеаборгского порта, переведенные на Каспий, вероятно, во время боевых действий с Кокандским ханством.

Полученный объединенный список продукции Воткинского завода был совмещен с номерами полученных заказов, из чего сделан вывод, что основную массу заказов получили в 1859–1860 гг. и она была направлена на модернизацию вспомогательных плавсредств Балтийского флота. В результате полученных заказов Воткинский завод смог относительно безболезненно пережить реформенный период. Впоследствии он вынужден был перепрофилироваться на частные заказы. Произведенные в этот период в Воткинске плавсредства позволили кардинально перевооружить мощности Кронштадтского и Петербургского портов, а некоторые произведенные в этот период суда даже участвовали в Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: Воткинский завод, судостроение, реформа 1861 г., Балтийский флот, Каспийская флотилия.

* Корреспондирующий автор

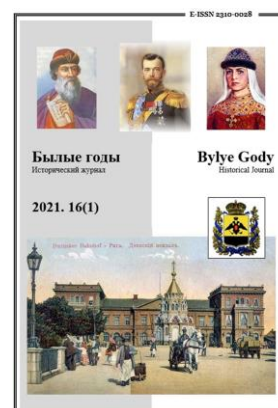
Адреса электронной почты: nico02@mail.ru (Н.В. Митюков)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 231-243.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.231
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Assessment of the Assimilation Potential of the Russian People in the National Social Thought of the 19th century

Anatoly I. Narezhny ^{a, b}, Amiran T. Urushadze ^{a, c, *}

^a Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Science, Rostov-on-Don, Russian Federation

^b Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

^c European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract

The article focuses on the analysis of assessments of the assimilation ability of the Russian people in Russian social thought of the 19th century. The term was used in relation to interaction between an alien and a Russian element in a role of a peaceful colonizer, while not supported at all, or supported to an insignificant degree by the state. The definition of assimilation ability was considered accordingly as the ability to transfer one's own cultural basis to other nations.

The process of assimilation of the peoples is defined as an essential component of the formation of an ethnical landscape. Its manifestations in Russian history are associated with the advancement of the Slavs to the northeastern lands, the process of the formation of the Russian state and the Great Russian nationality. Its assimilation abilities analysis allowed researchers to identify two stages. The first stage was defined as successful due to the superiority of the Slavic settlers in socio-cultural terms, the role of the Russian nationality in the formation of the Russian state, as well as the unity of its components. The subsequent loss of assimilation abilities was considered by the Slavophiles and representatives of the conservative-nationalist trend to be a result of the socio-cultural split in the Russian people and the loss of national identity of the intellectual elite. Researchers with a liberal-Western orientation pointed, as a rule, to a low level of culture and education among the Russian people.

The general conclusion of the study of the stated topic in Russian social thought suggests that its representatives explained the loss of the assimilation abilities of the Russian people by the peculiarities of the policy of autocracy, the behavior of the national elite, as well as the incompleteness of the process of theoretical understanding of the status of the Russian people within the state.

Keywords: social thought, relations of peoples, the Russian people, assimilation ability, state unity.

1. Введение

В перечне тем, занимавших внимание представителей русской общественной мысли в XIX в., оценка ассимиляционных способностей русского народа изначально возникает при изучении факторов, определявших условия формирования и закономерности развития русского государства. Позже она актуализируется под влиянием новейших европейских политических теорий в контексте «принципа национальности», влияние которых отразилось на постановке ряда вопросов, оставшихся ранее за рамками исследовательского интереса представителей отечественной общественной мысли. В их числе оказалась и проблема формирования «народности русской» (Надеждин, 1994: 108). Поясняя необходимость ее изучения, К.Д. Кавелин отмечал, что «история русского государства есть вместе история возникновения и образования целой отрасли русского племени, которая составляет главное его зерно». В ее образовании, расселении и обрусении финнов

* Corresponding author

E-mail addresses: ain@sfedu.ru (A.T. Urushadze)

состояла, по его мнению, «интимная, внутренняя история русского народа, оставшаяся доселе как-то в тени, почти забытая», в то время как «в ней-то именно и лежит ключ ко всему ходу русской истории» (Кавелин, 2013b: 153). Указанные соображения научного характера в 1860-е гг. приобрели политическую значимость в связи с проявлениями национального сепаратизма на окраинах и необходимостью консолидации русской нации, что обусловило потребность в осмыслении степени вовлеченности русского народа в разрешение этих процессов, в том числе посредством ассимиляции многочисленных народов в составе Российского государства. В историографии уже отмечалась актуальность обращения к изучению терминосистемы, которая описывает процессы генезиса идентичностей в империи Романовых (Миллер, 2006: 57). Данная статья сфокусирована на понятии «ассимиляция» в контексте развития русской общественной мысли XIX столетия.

2. Материалы и методы

Основными источниками при подготовке статьи послужили работы историков и правоведов Н.М. Карамзина, К.Д. Кавелина, В.О. Ключевского, А.Д. Градовского, С.М. Соловьева, В.Н. Татищева, Б.Н. Чичерина, этнографов Д.К. Зеленина, Н.И. Надеждина, И.Н. Смирнова, Н.Н. Харузина, которые содержат обширные фактические сведения об истории возникновения и особенностях взаимодействия народов в составе российского государства, а также исследования и оценки ассимиляционных способностей русского народа представителями различных идейно-политических направлений отечественной общественной мысли XIX в.

Теоретико-методологической основой работы являются общенаучные методы исследования. Принципиально важным для решения поставленных в ней исследовательских задач выступает принцип историзма, предполагающий взаимообусловленность теоретических представлений фактами и обстоятельствами истории. Историко-генетический метод помогает исследовать изучаемые явления в динамике, выделить и оценить этапы развития представлений и оценок ассимиляционных возможностей русского народа в течение XIX в. Определить особенности взглядов представителей различных теоретических направлений позволило использование историко-сравнительного метода. Применение историко-системного метода способствовало выяснению ассимиляционных возможностей русского народа в контексте общих проблем развития российской государственности. Наконец, метод историографического описания используется нами в сочетании с методами интеллектуальной истории и социокультурного контекстуального анализа.

3. Обсуждение и результаты

Вопрос об ассимиляционных способностях русского народа изначально возник в работах В.Н. Татищева и Н.М. Карамзина как составная часть истории народностей России, однако уже во второй половине XIX в. он обрел черты вопроса самостоятельного и значимого. Историк И.Н. Смирнов включил его в перечень проблем «первостепенной научной и практической важности» (Смирнов, 1892: 753), а этнограф Н.Н. Харузин отнес «к группе крупных вопросов, решение которых является задачей русской этнографии» (Харузин, 1894: 43). Солидарность с такими оценками выразили и представители общества. Славянофил И.С. Аксаков характеризовал его как вопрос «очень любопытный», который «заслуживает особенного изучения» (Аксаков, 1886a: 247). Как бы поясняя эту ситуацию, Л.А. Тихомиров позже заметил, что внутренние отношения различных племен и национальностей в государстве являются «одним из важнейших вопросов исторической политики», который в государствах «приобретает огромное и, при неудачном решении, роковое значение» (Тихомиров, 1905: 290). Отметим, наконец, что правомерность указанных оценок подтверждается и в современной отечественной историографии, где признается, что вопрос об ассимиляционном потенциале русского народа являлся проблемой, «острой для своего времени» (Лескинен, 2013: 100).

В этой связи не вызывает особого удивления тот факт, что практически все представители историко-общественной мысли XIX в. приняли участие в обсуждении различных аспектов данной проблемы. При этом выявилась некоторая смысловая неопределенность понятий, используемых в отечественной литературе при характеристике рассматриваемой темы, включая в том числе основной из них – «ассимиляция». Составители энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона трактовали его как «уподобление», однако ограничивали использование сферами физиологии и лингвистики (Энциклопедический словарь, 1890: 323-324). Публицист И.С. Аксаков и историк А.Д. Градовский распространили этот подход на социальную сферу, обозначив ассимиляцию процессом «об уподоблении себе одной народности другой» (Аксаков, 1886a: 247; Градовский, 1901: 246).

Со временем эта точка зрения утвердилась в отечественной общественной мысли в качестве приоритетной, при этом ее характерной особенностью является использование указанного термина для характеристики стихийного, добровольного взаимодействия народов, осуществляемого, как правило, без использования какого-либо внешнего воздействия. Это обстоятельство особо подчеркивали А.Д. Градовский, характеризовавший ассимиляцию как «процесс естественноисторический, не зависящий от воли государственной власти» (Градовский, 1901: 23), а также историк и этнограф И.Н. Смирнов, по мнению которого она «совершается самой жизнью, помимо всяких предписаний» (Смирнов, 1890: 71). Обобщая эти оценки и одновременно

исторический опыт взаимодействия народов Российской империи, Н.Н. Харузин приходит в конце XIX в. к выводу, что «решающее значение» при оценке ассимиляционных способностей могут иметь «только те случаи, когда русский элемент сталкивается с инородческим как мирный колонизатор, вовсе не поддерживаемый либо поддерживаемый лишь в незначительной степени государственной властью, когда он является, так сказать, сам по себе» (Харузин, 1894: 46).

В контексте данного заявления нуждается в уточнении вопрос о соотношении в литературе XIX в. понятий «ассимиляция» и «русификация». Исторически более распространенным являлось первое из них, в то время как определение «русификация», по наблюдению А.Ю. Батуриной, появляется в рамках историографии либерального направления лишь к концу XIX в. (Батурина, 2005: 115). В содержательном плане заслуживает внимания то обстоятельство, что термин «русификация» означал, прежде всего, направление и содержание правительственной политики. В этой связи достаточно показательным выглядит отношение представителей общественной мысли к предложению П.И. Ковалевского использовать в качестве синонима термина «ассимиляция» термин «национализация», понимаемый как «сознательное и умышленное насаждение национальных свойств и качеств державной нации в нациях культурно слабых и соподчиненных», которое «зависит от стойкости, древности и культурности одной и другой» (Ковалевский, 1922: 63). Попытка консервативного публициста представить ассимиляцию как политическое «действие», «сознательное и умышленное насаждение» определенной политики поддержки в литературе не получила.

Сказанное означает, на наш взгляд, что концепт «ассимиляционная способность русского народа», являясь понятием производным, понимался в отечественной литературе XIX в. как способность передавать другим этнополитическим сообществам основы собственной культуры, жизни и быта в процессе стихийного взаимодействия. В то же время заметим, что отношение к указанному термину является в литературе неоднозначным. Неудачным признавал его, в частности, этнограф Н.Н. Харузин, полагая, что «наделять какой-нибудь способностью тот или другой народ следует лишь после анализа фактов, в которых принято видеть ее проявления». Таковых в отношении свойств и качеств русского народа он находил к концу XIX в. недостаточно, а потому приходил к заключению, что «пока еще нельзя говорить об “ассимиляционной способности” русского народа». При этом правомерность использования самого определения он, по нашему мнению, под сомнение не ставил, не исключая того, что со временем, по мере накопления дополнительных сведений, это «быть может, приведет к открытию и “ассимиляционной способности” русского народа» (Харузин, 1894: 78).

В отечественной литературе процесс ассимиляции народов рассматривался учеными и публицистами в качестве неотъемлемой части формирования этнической структуры Российского государства, первые проявления которой они связывали с продвижением славян на северо-восточные земли, в ходе которого, как указывал в 1846 г. Н.И. Надеждин, «на безмерном пространстве нынешней России русский человек сложился в свой нынешний вид в постоянном соприкосновении, под непрерывным влиянием различнейших чуженародностей». В это время «северо-восточный русс» вместе с народами, которые Н.И. Надеждин именуется «сплошной чужью», «обще и дружно заложил основания той государственной цельности и жизненности, непосредственным действием которой выработался первенствующий ныне оттенок народности русской, оттенок так называемый великороссийский» (Надеждин, 1994: 116).

Процесс активного взаимодействия народов продолжался и в дальнейшем. Следы его Н.И. Надеждин обнаруживает, в частности, на «природной физиономии» русской народности, в юго-западном облике которой, «особенно в том оттенке его, который принадлежит казачеству», многое, по его мнению, «отзывается чистою Азией, изобличает в себе происхождение кавказское, или – еще далее – подальтайское» (Надеждин, 1994: 116). Эта мысль, отражающая процесс не столько ассимиляции, сколько этнического смешения, стала весьма популярной в отечественной общественной мысли XIX в. Ее образное изложение принадлежит Ф.М. Достоевскому, который указывал, что «мы первые объявили миру, что не чрез подавление личностей иноплеменных нам национальностей хотим достигнуть собственного преуспевания, а, напротив, видим его лишь в свободнейшем и самостоятельном развитии всех других наций и в братском единении с ними, восполняясь одна другою, прививая к себе их органические особенности и уделая им от себя ветви для прививки, сообщаясь с ними душой и духом, учась у них и уча их, и так до тех пор, когда человечество, восполняясь мировым общением народов до всеобщего единства, как великое и великолепное дерево, осенит собою счастливую землю» (Достоевский, 1883: 357).

Наряду с этим, практически одновременно, в литературе утверждается представление о приоритете русского народа в этом процессе. Н.И. Надеждин подчеркивал его указанием, что «при всем этом, русский человек не перестал быть человеком русским, не выродился – ни в чужь белоглазую, ни в сорочину долгополую, не обернулся ни ляхом – католиком, ни немцем алытором» (Надеждин, 1994: 116). Несколько позже эту мысль уточнил соредатор Н.И. Надеждина по первому тому «Этнографического сборника» К.Д. Кавелин, по утверждению которого русский славянин «везде и всегда остается при своих нравах и обычаях, даже одиноко и надолго заброшенный между иностранцами». Торговые отношения с иностранцами, полагает известный историк, «не могли несколько изменить внутреннего, домашнего и общественного быта русских славян – несколько слов и названий предметов, им неизвестных, вот все, что

могли передать им чужеземцы». Даже монгольское влияние, по мнению К.Д. Кавелина, ограничилось «несколькими словами, может быть, и даже вероятно, несколькими обычаями», но все они были «заимствованы, а не навязаны». И только скандинавы представляли некоторое исключение, однако и они в конце концов, по словам К.Д. Кавелина, «совершенно подчиняются туземному русско-славянскому элементу» (Кавелин, 2013а: 67-68, 81).

Тезисы К.Д. Кавелина обозначили важную проблему, состоящую в обосновании факторов, определявших ассимиляционные возможности русского народа. Европейский взгляд, в изложении экономиста Н.И. Тургенева, состоял в том, что ассимиляция, как правило, возможна в условиях, «когда различные народности окружены населением, превосходящим их не только по численности, но и по цивилизованности». Только в этом случае ассимиляция, как отметил Н.И. Тургенев, «происходит, можно сказать, сама собой, мало-помалу, плавно, и только в этом случае она хороша и основательна» (Тургенев, 2001). Эта позиция является достаточно распространенной и в отечественной историографии, признававшей, что «при прочих равных условиях, благоприятствующих сближению русских и инородцев, эти последние будут лишь там подвергаться обрусению, где их культурный уровень ниже» (Харузин, 1894: 78).

Отсюда понятен интерес представителей отечественной общественной мысли к данной проблеме. Одним из первых сведения о развитии у древних славян начал культуры и искусств приводит уже Н.М. Карамзин, который указывал, что «славяне имели некоторое понятие об искусствах, созданных с первыми успехами разума гражданского», а также отметил склонность славян к песням и пляскам, стихосложению, навыки в арифметике и хронологии (Карамзин, 1818: 76-77, 79-82). Дальнейшее развитие этой темы оказалось связано с работой П.И. Шафарика «Славянские древности», изданной в 1838 г. на русском языке. Автор признавал, что применительно к славянам, «конечно, нечего и толковать о греческой и римской образованности, о высших знаниях и искусствах», однако приходил к выводу, что «никакой беспристрастный судья не может отказать им в той степени самобытной и чисто человеческой образованности, которой еще нетронутые племена в течение лет достигают естественным путем» (Шафарик, 1838: 291).

Текст «Славянских древностей» довольно противоречив. В частности, П. Шафарик отметил, что «древние славяне... издавна имели свое собственное письмо, но, подобно немцам, редко употребляли его...» и, возможно, поэтому «сочинение книг, столько уже в это время процветавшее у греков и римлян, вовсе не имело у них никакого места». Отметив, что славяне в «пении, музыке и пляске превосходили все прочие европейские народы», автор одновременно признал, что потомкам «ничего не осталось ...от народных песен и сказаний того времени, коими славяне, без сомнения, обильно» и которые «показали бы глазам нашим внутреннее состояние жизни их в мифо-поэтическом покрове, как скандинавские сказания немцев» (Шафарик, 1838: 273, 287).

Выводы и оценки П. Шафарика были восприняты в России далеко не однозначно. В частности, скептически воспринимал их К.Д. Кавелин, заявляя, что попытки «некоторых авторов» выявить общий «уровень древнейшей славянской культуры» на самом деле лишают исследователей «возможности явно и отчетливо различать то, что в действительности могло бы быть весьма различно». Такая позиция ученого становится понятной при изучении его концепции образования великорусской народности в процессе продвижения западнорусских племен на северо-восточные земли, в рамках которой К.Д. Кавелин пришел к выводу, что переселенцы «не принесли с собой никакой культуры: ни умственной, ни гражданской» (Кавелин, 2013b: 159, 167).

Поясняя свою точку зрения, историк замечает, что «полтора-два или двухсот лет», прошедших со времени крещения Руси до «вероятного начала колонизации Великороссии», было недостаточно для «совершенного перерождения русских язычников», а потому культура их «не могла не быть тогда все еще по преимуществу языческой». Более того, исходя из анализа западнорусской мифологии, а также признания того факта, что на великорусской почве ее задатки «совсем исчезают», К.Д. Кавелин был уверен, что «у русских славян развитие в эпоху язычества стояло на весьма низкой ступени», когда «человек подчиняется силам и явлениям природы вполне, безусловно, безгранично», а кроме того, полагал он, «отсутствию культуры в мирозерцании древнейших великоруссов отвечало отсутствие ее и в их социальном быту» (Кавелин, 2013b: 160, 162-163, 165).

Близкую по смыслу позицию занимал в дальнейшей дискуссии С.В. Ешевский, который считал, что история «застает славянские и финские племена рядом и почти на одной степени развития». По его мнению, «славянин далеко не обладал сравнительно с финном не только тем громадным превосходством, какое имели испанские конкистадоры, или же англо-саксонский колонист над дикарем Америки, но даже и тем превосходством цивилизации, которое дало перевес римлянину над галлом и германцем» (Ешевский, 1870: 97).

Более оптимистично оценивали уровень развития культуры и образования переселенцев некоторые другие известные исследователи. В частности, Н.И. Надеждин считал, что «первенствующий ныне оттенок народности русской... собственно не что иное, как плод проникновения грубого чудства образовательной стихией русского» (Надеждин, 1994: 116), а В.С. Соловьев приходил к выводу, что языческая чудь «...постепенно и незаметно поглощалась христианской Русью, как высшим культурным элементом» (Соловьев, 1912: 77). Последнее замечание

известного философа вызывает необходимость обращения к оценкам роли христианства на данном этапе отечественной истории другими представителями общественной мысли. В свое время еще Н.М.Карамзин утверждал, что для русского народа «успехи разума и способностей его были ускорены в России христианскою верою» (Карамзин, 1818: 289).

В то же время К.Д. Кавелин, признавая тот факт, что западнорусские переселенцы уже были христианами и это «стало отличительным их признаком посреди язычников-туземцев и надолго заменило сознание народности» (Кавелин, 2013b: 168-169), все же предпочитал объяснять превосходство переселенцев тем обстоятельством, что на новой родине, «печальной и суровой, они не нашли ни образованных народов, ни даже остатков прежде бывшей культуры». Именно по этой причине, полагал он, местные племена финнов «подпали постепенно под власть и влияние переселенцев и, может быть, смешались с ними, всего вероятнее, стали обрусевать и таким образом внесли новую кровь, новые элементы в русское начало, принесенное колонистами с запада» (Кавелин, 2013b: 167).

Таким образом, на наш взгляд, можно говорить об определенном консенсусе во взглядах представителей отечественной общественной мысли по вопросу о наличии у русских славян-переселенцев некоторого превосходства в уровне развития культуры, обусловленного прежде всего фактором христианства. В дальнейшем наиболее активно отстаивали эту точку зрения представители славянофилов. Уже А.С. Хомяков в продолжение концепции П. Шафарика и, возможно, для снятия имеющихся в ней противоречий предложил использовать для определения уровня социокультурного развития народов термин «просвещение», который, в его понимании, «есть общее достояние и сила целого общества и целого народа». Обозначая границы понятия, автор пояснял, что просвещение «не есть только свод и собрание положительных знаний: оно глубже и шире таких определений», поскольку, с одной стороны, «может соединяться с наукой, ибо наука есть одно из его явлений», однако, уточнял при этом публицист, «оно сильно и без наукообразного знания». В подтверждение этого тезиса Хомяков писал, что просвещение, в таком понимании, некогда «было и у нас, несмотря на нашу бедность в наукообразном развитии, и от него остались великие, но слишком мало замеченные следы» (Хомяков, 1900: 26-27).

В данном случае, на наш взгляд, можно говорить о том, что представления об уровне социокультурного развития взаимодействующих народов, сложившиеся в отечественной общественной мысли, наряду с оценкой состояния культуры и образования, основывались ее представителями на признании особой значимости аспектов нематериального, духовного свойства, связанных с внутренним миром русского человека. В частности, А.С. Хомяковым был предложен вариант обоснования культурного превосходства русского народа чертами его народной жизни, такими как история, привычки, воспоминания, любовь к своей земле и «беспрестанные сношения с местной жизнью». Значимость своей концепции он стремился подчеркнуть указанием, что и на последующем этапе российской истории «все, что в нас не мертво, не бессильно, не бесплодно», было связано с этим (Хомяков, 1900: 24). Такая позиция получила поддержку К.Н. Леонтьева, утверждавшего позже, что «наш безграмотный народ более чем мы хранитель народной физиономии, без которой не может создаться своеобразная цивилизация» (Леонтьев, 1885: 9).

Дальнейшее обоснование предложенной точки зрения обнаруживается в работах И.С. Аксакова, заявившего в 60-е гг. XIX в. о необходимости изучения внутреннего потенциала народов, поскольку именно «в нравственных, ...духовных элементах каждой народности» содержался, по его мнению, наиболее значимый фактор ее влияния. Вызывает интерес стремление публициста обнаружить его «в самом отношении народа к своей народности, в большем или меньшем развитии народного самосознания, в его самоуважении, в чувстве своего личного достоинства, в том мнении, которое он сам о себе имеет, в той нередко безотчетной вере, которую он хранит в самого себя, в свои собственные нравственные силы, в свое историческое призвание» (Аксаков, 1886: 247-249). Принципиально выглядит его замечание о том, что в древней Руси «такая вера жила и не допускала места ни малейшему в себе сомнению» (Аксаков, 1886: 252). Заметим при этом, что тезис о наличии у русского народа некой «внутренней силы» упоминает, хотя и по несколько иному поводу, давний оппонент славянофилов В.С. Соловьев (Соловьев, 1912: 31).

В трактовке И.С. Аксакова данное качество приобретает принципиальное значение, более того, выступает в качестве основного, пожалуй, даже единственного фактора при обосновании притязаний русского народа на статус господствующего в государстве, поскольку, утверждал публицист, «народ, естественным ходом жизни, без всяких особенных насильственных и искусственных мер, способен подчинить своему нравственному влиянию другой, когда его вера в себя, в свою народность, в истину своих начал крепче веры этого другого» (Аксаков, 1886b: 252). Свообразным продолжением этой мысли можно рассматривать заявление В.С. Соловьева, согласно которому «история русского народа, от начала и до наших дней, знает только о безыскусственном и добровольном обрусении инородцев» (Соловьев, 1912: 77).

Таким образом, суммируя представления о значении уровня социокультурного развития взаимодействующих народов, сложившиеся в отечественной общественной мысли, отметим, что, наряду с оценкой состояния культуры и образования, ее представители уделяют первостепенное

значение аспектам нематериального, духовного свойства, связанным с внутренним миром русского человека. На этом фоне фактически более обоснованной выглядит характеристика еще одного фактора влияния русского народа, связанного с его статусом государствообразующей народности. В данном контексте в литературе отмечалось, что, несмотря на факты древней истории, свидетельствующие, что «ассимиляция племен совершается на каждом шагу» (Градовский, 1901: 22), широкое распространение этот процесс получает на Руси с середины XV в., в условиях, когда, по свидетельству В.О. Ключевского, «завершение территориального собирания северо-восточной Руси Москвой превратило Московское княжество в национальное великорусское государство» (Ключевский, 1988: 107). С этого времени случаи ассимиляции рассматриваются историком как процесс естественный и в чем-то даже неизбежный, поскольку отражают некий «закон развития», согласно которому «народности, соединенные в одно государство хотя бы искусственно, ассимилируются, становятся одной национальностью» (Ключевский, 1988: 21).

Много внимания обоснованию данного тезиса уделяли представители государственной школы отечественной историографии, позиция которых основывалась на убеждении, что взаимодействие народов России следует рассматривать как частный случай общей проблемы формирования государства в этнически неоднородной среде, когда правители «вследствие случайных обстоятельств подчиняли своему владычеству самые различные, в национальном отношении, земли». В результате, наряду с государствами, которые были «однородны в отношении всех своих элементов», образуются и другие, состоящие «из различных народностей» (Градовский, 1901: 7-8, 12), причем, заметил Б.Н. Чичерин, «новые европейские народы имеют по преимуществу смешанный характер» (Чичерин, 1896: 68). В частности, он напоминает, что «как французская, так и английская народность образовались из различных, насевших друг на друга племен», а также то обстоятельство, что славянские племена, среди которых «наиболее смешанным» ученый называет великорусское племя, не остались в стороне от этого процесса (Чичерин, 1894: 82).

Значимой компонентой этих отношений определяется процесс ассимиляции, в результате которого складывались и исчезали многие этнополитические сообщества. Отсюда, естественно, возникал и вопрос о принципах взаимоотношений народов, в том числе критериях, определявших их лидерство в составе государства. В отечественной общественной мысли много внимания выяснению данного аспекта проблемы уделялось в работах Б.Н. Чичерина. Видный ученый и публицист напоминал одно из базовых положений европейской политической теории, согласно которому «то только государство прочно, которое опирается на известную народность», и уточняет при этом, что в случаях, когда оно состоит из разных народностей, «одна из них должна быть преобладающей». Такая народность, утверждает он, «сознавая себя как единую духовную сущность», не только демонстрировала большую стабильность, но и «приобретала ассимиляционные способности», которые в свою очередь использовались для формирования многосоставных этнополитических образований (Чичерин, 1896: 70, 80-82).

Своеобразной иллюстрацией данного тезиса можно считать заявление А.С. Хомякова, который подчеркивал, что Россия приняла в свое великое лоно много разных племен, «но имя, бытие и значение получила она от Русского народа (т.е. человека Великой, Малой, Белой Руси)». Отсюда он заключал, что другие народы «должны с ним слиться вполне, разумные, если поймут эту необходимость, великие, если соединятся с этой великой личностью; ничтожные, если вздумают удержать свою ничтожную самобытность» (Хомяков, 1900: 27). Заметим при этом, что высказанная предопределенность ассимиляции смягчалась у него признанием разнообразных вариантов проявлений этого процесса, вплоть до сохранения народами своей «ничтожной самобытности». В то время как консервативный публицист и общественный деятель профессор П.И. Ковалевский формулировал эту мысль более определенно: поскольку «государство, известное под названием Российской империя, создано русскими славянами, то уже по одной этой причине эта нация по всем божеским и человеческим правам должна быть господствующей нацией, держащей в государстве власть, управление и преобладание, или державной нацией» (Ковалевский, 1922: 123).

Таковы некоторые свойства и качества русского народа, а также условия государственной жизни, которые, по мнению отечественных авторов, позволяли ему претендовать на ведущую роль среди других народов в российском государстве. При этом вызывает некоторое недоумение тот факт, что в отечественной общественной мысли фактически незамеченными остались феномен крепостного права и его влияние на ассимиляционные способности русского народа. Пожалуй, только в работе П.И. Ковалевского при характеристике начального периода истории Российского государства содержится признание, что «рабство угнетает человека и подавляет его чувства, – а потому и национальное чувство русского народа в период появления элемента рабства должно было тускнеть и меркнуть» (Ковалевский, 1922: 17).

Возможности реализации факторов, определявших ассимиляционные способности русского народа и их последствия, оцениваются представителями общественной мысли на данном этапе исторического развития вполне позитивно, несмотря даже на осознание незавидного положения тех этносов, которые «входят в состав господствующего народа, воспринимают его язык, понятия и нравы и окончательно сливаются с ним совершенно» (Чичерин, 1896: 68). Заметим, что в целом такая

позиция соответствовала постулатам европейской либеральной теории в XIX в., когда, как отмечает современный исследователь О.Ю. Малинова, «ассимиляция воспринималась как позитивное явление, если вследствие нее индивид вливался в более “высокую” культуру» (Малинова, 2003: 105).

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что позитивные оценки ассимиляционных способностей русского народа относятся, как правило, к доимперскому периоду истории России, когда, как отмечал С.В. Ешевский, «перевес славянской народности дан был уже соединением под власть варяжских князей, а еще более принятием христианства» (Ешевский, 1870: 98). Несколько дополнил его мысль о факторах ассимиляции профессор Харьковского университета В.П. Даневский (1852–1898), который утверждал в своей докторской диссертации, что «чуваши, мордва, черемисы, татары и пр. народности... слишком малочисленны сравнительно с окружающим их русским элементом, культура их ниже культуры господствующего племени, у них нет достаточных духовных сил, чтобы выработать сознание своего национально-политического “Я”. Они постепенно подвергаются ассимилирующему действию высшей культуры численно и духовно и исторически превосходящего их народа, имеющего богатые исторические традиции и сознание единства цели деятельности, проявившегося в создании государства, выразителя этой последней идеи, ее охранителя и развигателя» (Даневский, 1882: 293). Наконец, выражая, пожалуй, общее мнение представителей общественной мысли при оценке итогов взаимодействия народов России на ранней стадии развития, В.О. Ключевский заключает, что «русские, встретившись с финскими обитателями нашей равнины, кажется, сразу почувствовали свое превосходство над ними» (Ключевский, 1987: 297).

Вместе с тем при характеристике имперского периода российской истории получают распространение более пессимистичные оценки ассимиляционных способностей русского народа, основанием для которых называются различные причины. Приоритетной среди них является утверждение об утрате русским народом на данном этапе самобытных черт в области культуры. Справедливости ради напомним, что еще П. Шафарик при характеристике свойств славянских народов отмечал, что «все чужое им казалось всегда желаннейшим своего родного, чужой язык и образ жизни были приятнее, чем свой, отечественный» (Шафарик, 1838: 290). Эта мысль присутствовала и в оценке П.Я. Чаадаевым русской культуры как «всцело заимствованной и подражательной» (Чаадаев, 1991: 21). Сходные суждения высказывали В.Г. Белинский и Ф.М. Достоевский, которые, в изложении П.И. Милюкова, признавали «самой коренной чертой русского национального характера способность усваивать всевозможные черты любого национального типа». Другими словами, суммировал лидер русских либералов, «наиболее выделяющейся чертой русского народного склада оказалась полная неопределенность и отсутствие резко выраженного собственного национального облика» (Милюков, 1897: 6).

Более конкретный характер имела дискуссия в отечественной общественной мысли, начало которой положил Н.М. Карамзин, сформулировав положение о двух этапах в развитии русского национального самосознания. В ходе первого, указывал историк, «деды наши, уже в царствование Михаила и сына его, присваивая себе многие выгоды иноземных обычаев, все еще оставались в тех мыслях, что правоверный россиянин есть совершеннейший гражданин в мире, а Святая Русь – первое государство». Другую важную особенность этого времени ученый находил в том, что «от сохи до престола россияне сходствовали между собою некоторыми общими признаками наружности и в обыкновениях...» (Карамзин, 1991: 33–34). На втором этапе, «со времен Петровых», ситуация, по мнению Н.М. Карамзина, меняется кардинальным образом. Прежде всего он отметил негативные последствия отказа от русских обычаев, возлагая вину за это на дворянское сословие, представители которого не только оторвались от своих культурных корней, но, по его мнению, даже стали стыдиться национальной культуры. В результате, патетически вопрошает ученый, «имя русского имеет ли теперь для нас ту силу неисповедимую, какую оно имело прежде»? Объясняя свои сомнения на сей счет, он пояснял, что «высшие степени отделились от нижних, и русский земледелец, мещанин, купец увидел немцев в русских дворянах, ко вреду братского, народного единодушия государственных состояний» (Карамзин, 1991: 33–34).

Со временем подход Н.М. Карамзина закрепился в общественной мысли, прежде всего в работах отечественных славянофилов, которые пришли к заключению, что на каком-то этапе «в русском обществе дрогнула вера в свою народность (не в материальную силу народа, а в его начала), явилось сомнение в самом себе, в своем призвании, в своем нравственном праве на самостоятельное духовное развитие, поникло чувство своего народного (не политического) достоинства, ослабло самоуважение и закралось в душу какое-то душевное подобоострашие перед авторитетом Западной Европы» (Аксаков, 1886b: 250). Эта позиция получила выражение в концепции И.С. Аксакова, предложившего взамен формулы А.С. Хомякова «государство-народ», триаду «государство-общество-народ», в рамках которой «обществу» отводилась ведущая роль в развитии народного самосознания, что косвенным образом могло сказаться на сохранении и развитии ассимиляционных способностей русского народа. Могло бы, но не сказалось, поскольку беспокойство Н.М. Карамзина о национальной идентичности правящей элиты в российской империи выглядело вполне оправданным и в отношении элиты интеллектуальной, «общества», в трактовке И.С. Аксакова. Характеризуя его, публицист утверждал, что «мы расколоты сами в себе, внутренно, –

страдаем какою-то нравственной двойственностью, и общественный духовный наш организм не может похвалиться ни цельностью, ни крепостью» (Аксаков, 1886b: 222). В результате, признает он, и «народ слабеет, теряет власть претворять инородцев в свою органическую сущность, сам поддается и подчиняется вере крепчайшей другого народа» (Аксаков, 1886b: 248-249).

Последнее замечание, в числе прочих причин, стало результатом осмысления в общественной мысли последствий включения в состав Российской империи этносов, не уступавших, а нередко и опережавших русский народ по уровню цивилизационного развития, что, естественно, ставило под вопрос как целесообразность, так и саму возможность их ассимиляции. Одним из первых обратил внимание на это обстоятельство Н.И. Тургенев, указавший, что стремление к ассимиляции народов, достигших «равной или более развитой цивилизации», вовсе не способствует прочности государства, а «только ослабляет его, разжигая недовольство и законную ненависть» (Тургенев, 2001: 387). Обозреватель «Вестника Европы» Л.Г. Лопатинский дополнил его позицию заявлением, что если народ «имеет свою историю, свою окрепшую цивилизацию, свою культуру, богато развитый язык и обширную литературу, то ассимиляция или поглощение подобного народа – вещь недостижимая...» (Лопатинский, 1873: 948).

Обращает на себя внимание, что в обоснование своих взглядов авторы приводили разные аргументы. Если Л.Г. Лопатинский исходил из убеждения, что «никакого русско-культурного элемента наши деятели не вносят и не могут вносить в прочно организованную и культурно-окрепшую жизнь европейских наших окраин, потому что не имеют и не носят в себе такого элемента» (Лопатинский, 1873: 950), то В.С. Соловьев выражал несколько иную точку зрения. Ссылаясь на воспоминания одного из русских писателей об одесском Ришельевском лицее в 1830-е гг., он указывал, что «всевозможные инородцы, наполнявшие лицей, чувствовали и заявляли себя русскими по духу во имя общей любви к русской литературе, к поэзии Пушкина», и заключал, что так «притягательно действовали духовные силы России при первом своем расцвете». Другое дело, что, признавая сам факт того, что и «в новейшее время настоящие европейцы нередко подвергались добровольному обрусению и даже делались ревностными русскими патриотами», он называл в качестве причины такого положения и некоторые другие черты русского народа (Соловьев, 1912: 77-78).

Отмеченное нежелание В.С. Соловьева связывать причины «обрусения» представителей других этносов с наличием ассимиляционных способностей русского народа возможно объяснить тем, что и представители западного направления во второй половине XIX в. не демонстрируют особого оптимизма в данном вопросе. Отличительной чертой их взглядов выступает стремление к оценке ассимиляционного потенциала русского народа в рамках концепции национального государства. В частности, А.Д. Градовский категорически отрицал идею о нации как о сообществе, основанном только на политическом единстве и безразличном к этнической структуре, а потому признавал, что по мере развития цивилизационных процессов наступает время, когда «принцип национальности противоречит механическому, насильственному соединению в одно государство сложившихся уже народностей, из которых никоим образом не может образоваться новая народность» (Градовский, 1901: 22). Подтверждение своих взглядов он находил в неудачных попытках формирования единой народности, как в Австрии или Турции (в последнем случае посредством насильственной ассимиляции славянских народов), так и в Швейцарской конфедерации на основе равноправно сосуществовавших французов, немцев и итальянцев (Градовский, 1901: 23-24).

При этом можно утверждать, что представители государственной школы сохраняли во второй половине XIX в. подобный взгляд и в отношении ситуации в России. Возможность ассимиляции народов России при этом не исключалась, однако ее условием называлось соблюдение ряда условий. Основным из них Б.Н. Чичерин называл «количественное и качественное отношение подчиненных этносов к господствующему племени», поскольку полагал, что «мелкие племена, стоящие на низкой ступени развития, как, например, те, которые заселяют громадные пространства России, не представляют таких препятствий государственному объединению, как народности развитые и носящие в себе предания, каковы польская, чешская, венгерская» (Чичерин, 1896: 71). С другой стороны, отметим и принципиальное указание Б.Н. Чичерина, что не всякое объединение в рамках государства можно уподобить ассимиляции. Напротив, он разводит эти понятия, указывая лишь, что объединительная миссия государства тем легче, «чем более преобладающая народность имеет перевес над остальными и количественно и качественно, чем богаче она материальными и духовными силами, чем более она обладает способностью ассимилировать себе другие или распространяться на их счет» (Чичерин, 1896: 71).

В начале XX в. уже и в кругах русских националистов признавалась принципиальная невозможность провести ассимиляцию окраин империи. 8 апреля 1906 г. в бакинском обществе «Якорь», объединявшем русских правых Южного Кавказа, бывший тифлисский губернатор Ф.А. Быков (1897–1899) представил доклад «Национальный вопрос на Кавказе». Он отдельно подчеркнул необходимость сохранения русского языка в качестве основного во всех учебных заведениях южной окраины Российской империи и в этой связи отметил: «Требование, чтобы люди, желающие по своим познаниям и развитию занять место в высших слоях общества, приобретали бы это развитие и познание на языке государственном есть требование вполне разумное. Это не есть

обрусение во что бы то ни стало, то есть это не есть стремление всех не русских по происхождению людей превратить в русских, каковое стремление, как совершенно несбыточное, только химера, за которой ни один серьезный человек гоняться не станет, это есть потребность государственного единства» (РГИА. Ф. 1083. Оп. 1. Д. 32. Л. 8). Ф.А. Быков, как и другие лидеры русских правых организаций Южного Кавказа, выступал в защиту имперского порядка, разрушение которого в ходе революционных потрясений 1917 г. предопределил моментальный развал и региональных объединений русских националистов.

4. Заключение

Изучение оценок ассимиляционного потенциала русского народа позволяет определить данную проблему в качестве одной из актуальных в отечественной общественной мысли XIX в., возникновение которой связывается с процессами возникновения и развития российской государственности. Особенностью позиции и общей чертой взглядов исследователей является выделение двух этапов при характеристике указанных свойств и качеств русского народа. В рамках первого из них, представляющего собой доимперский период российской истории, признается наличие достаточно высокого уровня ассимиляционных способностей русского народа, что объясняется превосходством его в состоянии культуры и образования, особой ролью христианской религии во взаимоотношениях с местными народами, а также статусом русской народности как государствообразующей. Второй этап характеризуется как менее успешный, что объясняется изменениями в русской народности в результате петровских реформ. При этом представители славянофильского направления, развивая подходы, обозначенные в работах Н.М. Карамзина, связывали падение ассимиляционного потенциала народа с утратой правящим сословием национальной самобытности. Представители государственной школы объясняли пробуксовку ассимиляционных процессов включением в состав Российской империи народов, не уступавших, а нередко и превосходивших его по уровню развития. Правые и националисты считали ассимиляционную проблему следствием подавления национальных свойств русского народа, в том числе в условиях действия крепостного права.

В то же время некоторые авторы в своих суждениях выходили за рамки представленной схемы. В частности, М.Н. Катков в 1864 г. с явным удовольствием цитирует высказывание французского исследователя о том, что русская национальность «одарена большою расширительною силою; она захватывает и уподобляет себе мало-помалу чуждые ей элементы, из которых только польский имеет еще некоторое значение...» (Катков, 1897: 707), а И.С. Аксаков годом позже писал уже как о деле решенном, что, «слава Богу, у нас в России, несмотря на разные новейшие точки зрения, один народ – русский; одна национальность – русская, которой господство основывается не на количественной только, но преимущественно, на качественной силе» (Аксаков, 1886а: 49). Некоторые исследователи заявляли даже, что «общий взгляд склоняется к признанию за русским народом развитой в значительной степени ассимиляционной способности». Основанием для этих и подобных им заявлений служили данные о том, что «пределы распространения русского элемента с древнейших времен до настоящего времени... выросли в значительной степени», вследствие чего «много инородческих племен не только мелких, но и крупных сливались с русской народностью» (Харузин, 1894: 44).

Однако в конечном счете в литературе преобладают оценки скептического характера, многие авторы отмечают факты, свидетельствующие, что «русская народность наделена большою подражательной способностью», что она не только «мало склонна к ассимилированию инородцев», но, наоборот, в некоторых случаях при столкновении с ними «высказывает стремление подвергаться их влиянию и утрачивать свои национальные черты» (Харузин, 1894: 46, 49). Особо выделяются исследователями случаи восприятия русскими отдельных свойств и качеств «инородцев» в зонах взаимодействия. В начале XX в. это объяснялось тем, что «русская нация очень слабо национальна» и нуждается в помощи (Ковалевский, 1922: 62).

Характерной чертой отечественной общественной мысли XIX в. является тенденция объяснять утрату ассимиляционных способностей русского народа в Российской империи особенностями правительственной политики и взглядов представителей образованного общества. И если В.С. Соловьев ограничивался указанием, что власть оставалась по отношению к «инородцам» «в пределах чисто государственных задач» (Соловьев, 1912: 78), то М.Н. Катков был более критичен, признавая в ноябре 1864 г., что «мы приобрели бессознательную склонность давать не только особое положение инородческим элементам, но и сообщать им преимущества над русской народностью», а кроме того, утверждает он, «мы приобрели инстинктивную склонность унижать свою народность» (Катков, 1897: 706). В этих условиях сохранение ассимиляционного потенциала русского народа признавалось задачей едва ли возможной, что иллюстрировалось фактами утраты им лидирующей роли не только в отношении народов западных окраин, но и применительно к другим этносам, сформировавшим за время пребывания в Российской империи национальные элиты, развившим собственное национальное самосознание, что создавало предпосылки к развитию национальных движений в России в XX в.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации проекта Российского научного фонда 17-78-20117 «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли».

Литература

- Аксаков, 1886a** – Аксаков И.С. Сочинения И.С. Аксакова 1860–1886. Т. 1: Славянский вопрос: Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси»: Речи в Славянск. ком. в 1876, 1877 и 1878. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. 791 с.
- Аксаков, 1886b** – Аксаков И.С. Сочинения И.С. Аксакова 1860–1886. Т. 3: Славянофильство и западничество: Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. 846 с.
- Батурина, 2005** – Батурина А.Ю. «Национальный вопрос» в российской империи в постсоветской историографии // Русский национализм: социальный и культурный контекст / Сост. Марлен Ларюэль. М.: НЛЮ, 2008. С. 105-131.
- Градовский, 1901** – Градовский А.Д. Собрание сочинений А.Д. Градовского. Т. 6: Статьи и публичные лекции о национальном вопросе. Славянский вопрос и война 1877 года. Польский вопрос. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. 635 с.
- Даневский, 1882** – Даневский В.П. Система политического равновесия и легитимизма и начало национальности. Историко-догматическое исследование. СПб.: Тип. Р. Голике, 1882. 335 с.
- Достоевский, 1883** – Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского. Т. 1: Биография, письма и заметки из записной книжки с портретом Ф.М. Достоевского и приложениями. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1883. 839 с.
- Ешевский, 1870** – Ешевский С.В. Сочинения С.В. Ешевского. Часть первая. М.: Тип. Грачева и Ко, 1870. 674 с.
- Кавелин, 2013a** – Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт древней России // Государство и община / Сост., предисл., коммент. В.Б. Трофимова / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2013. С. 60-123.
- Кавелин, 2013b** – Кавелин К.Д. Мысли и заметки о русской истории // Государство и община / Сост., предисл., коммент. В.Б. Трофимова / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2013. С. 137-230.
- Карамзин, 1991** – Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. 125 с.
- Карамзин, 1818** – Карамзин Н.М. История государства Российского. 2-е изд., испр. Т. 1. СПб.: Тип. Н. Греча, 1818. 518 с.
- Катков, 1897** – Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1864 год. М.: Издание С.П. Катковой, 1897. 841 с.
- Ключевский, 1987** – Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 2. Курс русской истории. Ч. 1 [предисл. В.Л. Янина, В.А. Александрова; послесл. и коммент. составили В.А. Александров, В.Г. Зимица]. М.: Мысль, 1987. 430 с.
- Ключевский, 1988** – Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 2. Курс русской истории. Ч. 2 [послесл. и коммент. составили В.А. Александров, В.Г. Зимица]. М.: Мысль, 1988. 446 с.
- Ковалевский, 1922** – Ковалевский П.И. Национализм и национальное воспитание в России. Нью-Йорк: Союз «Единство Руси», 1922. 333 с.
- Леонтьев, 1885** – Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство: Сборник статей К. Леонтьева. Т. 1. М.: Типолиитография И.Н. Кушнерева и Ко, 1885. 312 с.
- Лескинен, 2013** – Лескинен М.В. Проблема ассимиляции финно-угорских народов в обосновании концепции «Волга – русская река» // Ежегодник финно-угорских исследований. 2013. № 4. С. 91-105.
- Лопатинский, 1873** – Лопатинский Л.Г. Варшавские письма. Письмо второе // Вестник Европы. 1873. Т. II. Кн. IV. С. 944-958.
- Малинова, 2003** – Малинова О.Ю. Либерализм и концепт нации // Полис. 2003. № 2. С. 96-111.
- Миллер, 2006** – Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 248 с.
- Миллюков, 1897** – Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. II. Церковь и школа (вера, творчество, образование). СПб.: Издание редакции журнала «Мир Божий», 1897. 375 с.
- Надеждин, 1994** – Надеждин Н.И. Об этнографическом изучении народности русской (Часть I) // Этнографическое обозрение. 1994. № 1. С. 107-117.
- Смирнов, 1890** – Смирнов И.Н. Вотяки. Историко-географический очерк // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. 8. Вып. 2. Казань, 1890. 308 с.
- Смирнов, 1892** – Смирнов И.Н. Обрусение инородцев и задачи обрусительной политики // Исторический вестник. 1892. Т. XLVII. С. 753-765.
- Соловьев, 1912** – Соловьев В.С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. V: Национальный вопрос и другие публицистические статьи. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1912. 488 с.

- Тихомиров, 1905** – *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. Ч. 4: Монархическая политика. М.: Унив. тип., 1905. 318 с.
- Тургенев, 2001** – *Тургенев Н.И.* Россия и русские. Пер. с фр. и ст. С.В. Житомирский; коммент. А.Р. Курилкина. М.: ОГИ, 2001. 742 с.
- Харузин, 1894** – *Харузин Н.Н.* К вопросу об ассимиляционной способности русского народа // Этнографическое обозрение. 1894. № 4. Кн. XXIII. С. 43-78.
- Хомяков, 1900** – *Хомяков А.С.* Полное собрание сочинений. Т. 1. М.: Университетская типография, 1900. 417 с.
- Шафарик, 1838** – *Шафарик П.И.* Славянские древности. Т. 1. Кн. 3. Часть Историческая. Пер. с чешского И. Бодянского. Издано М. Погодиным. М.: Тип. Николая Степанова, 1838. 305 с.
- Чаадаев, 1991** – *Чаадаев П.Я.* Полное собрание сочинений. В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1991. 768 с.
- Чичерин, 1894** – *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. Ч. I. М.: Типолитография И.Н. Кушнерева и Ко, 1896. 481 с.
- Чичерин, 1896** – *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. Ч. II. М.: Типолитография И.Н. Кушнерева и Ко, 1896. 432 с.
- Энциклопедический словарь..., 1890** – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. II (3): Араго–Аутка. СПб.: Семеновская типолитография, 1890. 495 с.

References

- Aksakov, 1886a** – *Aksakov, I.S.* (1886). Sochineniya I.S. Aksakova 1860–1886. T. 1: Slavyanskii vopros: Stat'i iz "Dnya", "Moskvy", "Moskvicha" i "Rusi": Rechi v Slavyansk. kom. v 1876, 1877 i 1878 [The works of I.S. Aksakov 1860-1886. Vol. 1: Slavic question: Articles from The Day, Moscow, Moskvich, and Rus: Speeches to Slavyansk. com. in 1876, 1877 and 1878]. M.: tip. M.G. Volchaninova. 791 p. [in Russian]
- Aksakov, 1886b** – *Aksakov, I.S.* (1886). Sochineniya I.S. Aksakova 1860–1886. T. 3: Slavyanofil'stvo i zapadnichestvo: stat'i iz "Dnya", "Moskvy", "Moskvicha" i "Rusi" [The works of I.S. Aksakov 1860-1886. Vol. 3: Slavophilism and Westernism: Articles from The Day, Moscow, Moskvich, and Rus]. M.: tip. M.G. Volchaninova. 846 p. [in Russian]
- Baturina, 2005** – *Baturina, A.* (2005). "Natsional'nyi vopros" v rossiiskoi imperii v postsovetskoii istoriografii ["National question" in the Russian empire in post-Soviet historiography]. *Russkii natsionalizm: sotsial'nyi i kul'turnyi kontekst* [Russian nationalism: social and cultural context]. Sost. Marlen Laryuel'. M.: NLO. Pp. 105-131. [in Russian]
- Chaadaev, 1991** – *Chaadaev, P.Ya.* (1991). Polnoe sobranie sochinenii: v 2-t. T. 1 [Complete works: in 2 volumes. T. 1]. M.: Nauka. 768 p. [in Russian]
- Chicherin, 1894** – *Chicherin, B.N.* (1894). Kurs gosudarstvennoi nauki. Ch. I [State Science Course. Part I]. M.: tipo-litografiya I.N. Kushnereva i Ko. 481 p. [in Russian]
- Chicherin, 1896** – *Chicherin, B.N.* (1896). Kurs gosudarstvennoi nauki. Ch. II [State Science Course. Part II]. M.: tipo-litografiya I.N. Kushnereva i Ko. 432 p. [in Russian]
- Danevskii, 1882** – *Danevskii, V.P.* (1882). Sistema politicheskogo ravnovesiya i legitimizma i nachalo natsional'nosti. Istoriko-dogmaticheskoe issledovanie [The system of political balance and legitimism and the beginning of nationality. Historical and dogmatic research]. SPb.: tip. R. Golike. 335 p. [in Russian]
- Dostoevskii, 1883** – *Dostoevskii, F.M.* (1883). Polnoe sobranie sochinenii F.M. Dostoevskogo. T. 1: Biografiya, pis'ma i zametki iz zapisnoi knizhki s portretom F.M. Dostoevskogo i prilozheniyami [Complete works of F.M. Dostoevsky. Volume 1: Biography, letters and notes from a notebook with a portrait of F.M. Dostoevsky and applications]. SPb.: tip. br. Panteleevykh. 839 p. [in Russian]
- Entsiklopedicheskii slovar'..., 1890** – *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona* [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron. Volume II (3): Arago–Outka]. T. II (3): Arago–Aotka. SPb.: Semenovskaya tipolitografiya. 1890. 495 p. [in Russian]
- Eshevskii, 1870** – *Eshevskii, S.V.* (1870). Sochineniya S.V. Eshevskogo. Chast' pervaya [The works of S.V. Eshevsky. Part one]. M.: Tip. Gracheva i K^o. 674 p. [in Russian]
- Gradovskii, 1901** – *Gradovskii, A.D.* (1901). Sobranie sochinenii A.D. Gradovskogo. T. 6: Stat'i i publichnye lektsii o natsional'nom voprose. Slavyanskii vopros i voina 1877 goda. Pol'skii vopros [Collected works of A.D. Gradovsky. T. 6: Articles and public lectures on the national question. Slavic question and the war of 1877. Polish question]. SPb.: tip. M.M. Stasyulevicha. 635 p. [in Russian]
- Karamzin, 1818** – *Karamzin, N.M.* (1818). Istoriya gosudarstva Rossiiskogo [History of Russian Government]. 2-e izd., ispr. T. 1. SPb.: Tip. N. Grecha. 518 p. [in Russian]
- Karamzin, 1991** – *Karamzin, N.M.* (1991). Zapiska o drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniyakh [A note on ancient and new Russia in its political and civil relations]. M.: Nauka. 125 p. [in Russian]
- Katkov, 1897** – *Katkov, M.N.* (1897). Sobranie peredovykh statei Moskovskikh vedomostei. 1864 god [Collection of leading articles of the Moscow Gazette. 1864 year]. M.: Izdanie S.P. Katkovoii. 841 p. [in Russian]

- Kavelin, 2013a** – *Kavelin, K.D.* (2013). Vzglyad na yuridicheskii byt drevnei Rossii [A look at the legal life of ancient Russia]. Gosudarstvo i obshchina [State and community]. Sost., predisl., komment. V.B. Trofimova. Otv. red. O.A. Platonov. M.: Institut russkoi tsivilizatsii. Pp. 60-123. [in Russian]
- Kavelin, 2013b** – *Kavelin, K.D.* (2013). Mysli i zametki o russkoi istorii [Thoughts and notes on Russian history]. Gosudarstvo i obshchina [State and community]. Sost., predisl., komment. V.B. Trofimova. Otv. red. O.A. Platonov. M.: Institut russkoi tsivilizatsii. Pp. 137-230. [in Russian]
- Kharuzin, 1894** – *Kharuzin, N.N.* (1894). K voprosu ob assimilyatsionnoi sposobnosti russkogo naroda [On the question of the assimilation ability of the Russian people]. *Etnograficheskoe obozrenie*. Nr 4. Kn. XXIII. pp. 43-78. [in Russian]
- Khomyakov, 1900** – *Khomyakov, A.S.* (1900). Polnoe sobranie sochinenii. T. 1 [Full composition of writings. T. 1]. M.: Universitetskaya tipografiya. 417 p. [in Russian]
- Klyuchevskii, 1988** – *Klyuchevskii, V.O.* (1987). Sochineniya: v 9 t. T. 2. Kurs russkoi istorii. Ch. 1 [Works: in 9 volumes. V. 2. Course of Russian history. Part 1] predisl. V.L.Yanina, V.A.Aleksandrova; poslesl. i komment. sostavili V.A. Aleksandrov, V.G. Zimina. M.: Mysl'. 430 p. [in Russian]
- Klyuchevskii, 1988** – *Klyuchevskii, V.O.* (1988). Sochineniya: v 9 t. T. 2. Kurs russkoi istorii. Ch. 2 [Works: in 9 volumes. V. 2. Course of Russian history. Part 2]. Poslesl. i komment. sostavili V.A. Aleksandrov, V.G. Zimina. M.: Mysl'. 446 p. [in Russian]
- Kovalevskii, 1922** – *Kovalevskii, P.I.* (1922). Natsionalizm i natsional'noe vospitanie v Rossii [Nationalism and national education in Russia]. N'yu-Iork: Soyuz "Edinstvo Rusi". 333 p. [in Russian]
- Leont'ev, 1885** – *Leont'ev, K.N.* (1885). Vostok, Rossiya i slavyanstvo: sbornik statei K. Leont'eva. T. 1 [East, Russia and Slavism: a collection of articles by K. Leontiev. T. 1]. M.: tipo-litografiya I.N. Kushnereva i Ko. 312 p. [in Russian]
- Leskinen, 2013** – *Leskinen, M.V.* (2013). Problema assimilyatsii finno-ugorskikh narodov v obosnovanii kontseptsii "Volga – russkaya reka" [The problem of assimilation of the Finno-Ugric peoples in the substantiation of the concept "Volga - Russian river"]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*. № 4. Pp. 91-105. [in Russian]
- Lopatinskii, 1873** – *Lopatinskii, L.G.* (1873). Varshavskie pis'ma. Pis'mo vtoroe [Warsaw letters. Second letter]. *Vestnik Evropy*. T. II. Kn. IV. Pp. 944-958. [in Russian]
- Malinova, 2003** – *Malinova, O.Yu.* (2003). Liberalizm i kontsept natsii [Liberalism and the concept of a nation]. *Polis*. № 2. Pp. 96-111. [in Russian]
- Miller, 2006** – *Miller, A.I.* (2006). Imperiya Romanovykh i nacionalizm: Jesse po metodologii istoricheskogo issledovaniya [The Romanov Empire and Nationalism: An Essay on the Methodology of Historical Research]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 248 p. [in Russian]
- Milyukov, 1897** – *Milyukov, P.N.* (1897). Ocherki po istorii russkoi kul'tury. Ch. II. Tserkov' i shkola (vera, tvorchestvo, obrazovanie) [Essays on the history of Russian culture. Part II. Church and school (faith, creativity, education)]. SPb.: Izdanie redaktsii zhurnala Mir Bozhii. 375 p. [in Russian]
- Nadezhdin, 1994** – *Nadezhdin, N.I.* (1994). Ob etnograficheskom izuchenii narodnosti russkoi (Chast' I) [On the ethnographic study of the Russian people (Part I)]. *Etnograficheskoe obozrenie*. № 1. pp. 107-117. [in Russian]
- Shafarik, 1838** – *Shafarik, P.I.* (1838). Slavyanskie drevnosti. T. 1. Kn. 3. Chast' Istoricheskaya [Slavic antiquities. T. 1. Book. 3. The Historical Part]. Per. s cheshskogo I. Bodyanskogo. Izdano M. Pogodinym. M.: tip. Nikolaya Stepanova. 305 p. [in Russian]
- Smirnov, 1890** – *Smirnov, I.N.* (1890). Votyaki. Istoriko-geograficheskii ocherk [Votyaki. Historical and geographical sketch]. *Izvestiya Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete*. T. 8. Vyp. 2. Kazan'. 308 p. [in Russian]
- Smirnov, 1892** – *Smirnov, I.N.* (1892). Obrusenie inorodtsev i zadachi obrusitel'noi politiki [Russification of foreigners and the tasks of Russified politics]. *Istoricheskii vestnik*. T. XLVII. pp. 753-765. [in Russian]
- Solov'ev, 1912** – *Solov'ev, V.S.* (1912). Sobranie sochinenii. V 10 t. T. V: Natsional'nyi vopros i drugie publitsisticheskie stat'i [Collected Works. In 10 volumes. T. V: National question and other journalistic articles]. SPb.: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo "Prosveshchenie". 488 p. [in Russian]
- Tikhomirov, 1905** – *Tikhomirov, L.A.* (1905). Monarkhicheskaya gosudarstvennost'. Ch. 4: Monarkhicheskaya politika [Monarchical statehood. Part 4: Monarchist politics]. M.: Univ. tip. 318 p. [in Russian]
- Turgenev, 2001** – *Turgenev, N.I.* (2001). Rossiya i russkie [Russia and Russians]. Per. s fr. i st. S.V. Zhitomirskii; komment. A.R. Kurilkina. M.: OGI. 742 p. [in Russian]

Оценка ассимиляционного потенциала русского народа в отечественной общественной мысли XIX в.

Анатолий Иванович Нарезный ^{a, b}, Амиран Тариелович Урушадзе ^{a, c, *}

^a Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

^b Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

^c Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу оценок ассимиляционной способности русского народа в отечественной общественной мысли XIX в. Указанный термин использовался для характеристики взаимоотношений, когда русский элемент сталкивается с инородческим как мирный колонизатор, вовсе не поддерживаемый, либо поддерживаемый лишь в незначительной степени государственной властью. Соответственно, определение «ассимиляционная способность» рассматривалось как наличие у народа возможности и способности передавать основы собственной культуры другим народам.

Процесс ассимиляции народов исследователи определяют неотъемлемой частью формирования этнической картины мира. Его проявления в российской истории связаны с продвижением славян на северо-восточные земли, процессом образования русского государства и складывания великорусской народности. Анализ ее ассимиляционных способностей свидетельствует о выделении исследователями двух этапов. Первый из них отмечен как весьма успешный, что объясняется превосходством славянских переселенцев в социокультурном отношении, ролью русской народности в образовании русского государства, а также единством ее составляющих. Последующая утрата ассимиляционных способностей объясняется славянофилами и представителями консервативно-националистического направления социокультурным расколом в русском народе и утратой национальной идентичности интеллектуальной элитой. Исследователи либерально-западнической ориентации указывают, как правило, невысокий уровень культуры и образования в русском народе.

Общий вывод изучения заявленной темы в отечественной общественной мысли позволяет утверждать, что ее представители объясняли утрату ассимиляционных способностей русского народа особенностями политики самодержавия, поведением национальной элиты, а также незавершенностью процесса теоретического осмысления статуса русского народа в составе государства.

Ключевые слова: общественная мысль, взаимоотношения народов, русский народ, ассимиляционная способность, государственное единство.

* Корреспондирующий автор

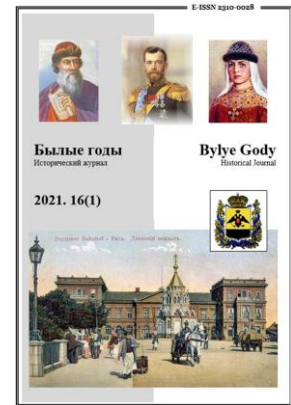
Адреса электронной почты: ain@sfedu.ru (А.Т. Урушадзе)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 244-252.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.244
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Brilliant Promotion for a Doubtful Invention: the Blood Transfusion Device of Doctor Joseph-Antoine Roussel (1837–1901) in European Medical Science and Practice in 1860–1880

Maria S. Sergeeva ^{a, *}, Evgeniya L. Panova ^{a, b}

^a I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University), Russian Federation

^b Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Russian Federation

Abstract

In modern European historiography, the name of Dr. Joseph-Antoine Roussel and the device for blood transfusion he invented are commonly associated with the studies of the revival of transfusion in medicine in the 1870s. The discussion about the clinical application of transfusion methods, developed in the medical community during this period, was mostly confined to the technical issues: who should become a blood donor (animals or humans), which blood should be transfused (whole or defibrinated), and which method and device was better to use. Roussel was a proponent of transfusions of whole, unaltered venous human blood. The history of Roussel's device is presented in this article as an example of one of the first successful marketing campaigns, which was actively introduced into medical practice in the middle of the 19th century. Based on archival documents, articles, evaluations and reviews of the doctor's contemporaries, the authors have attempted to reconstruct the circumstances which determined the success of his "transfuser" among numerous competitors in the mid-1870s. Roussel's strategy was based on the needs of military field surgery, the development of means and methods of scientific communication, and the expansion of social interest in scientific and technical discoveries and inventions. The key elements of Roussel's advertising campaign were accessible and open demonstrations of the device for professionals, his reliance on the support of influential representatives from both the aristocracy and the professional community, and popularization of the device among ordinary people. As a result, in the 1870s Dr. Roussel managed not only to organize an international clinical trial of his device "in experiments on patients" with the involvement of the leading European and Russian doctors, but also to arrange the supply of his own device to the armies of Austria-Hungary, Russia, and Belgium.

Keywords: blood transfusion, Joseph-Antoine Roussel, Russia, military medicine, animal blood, St.-Petersburg, transfuser.

1. Introduction

Blood transfusion in the 1870s was one of the most controversial practices in both European and Russian medicine. It was a challenge of the time to existing scientific and medical knowledge, clinical experience, and ethical standards. The miraculous effect of blood transfusion in the treatment of severe social diseases (tuberculosis, typhoid, neurasthenia), as well as the sudden death of patients, reported by doctors who had the experience of using blood transfusion in practice, could not be scientifically justified. In the second half of the 19th century, the only available way to ensure the safety and effectiveness of this procedure for specialists was to find the ideal conditions for its implementation. However, as we know now, the lack of knowledge about the group compatibility of blood devalued any scientists' attempts to achieve the predicted result (Sergeeva, 2015: 422). What is more surprising is the story of the unprecedented commercial success of the blood transfusion device, invented in 1864 by the Swiss doctor Joseph-Antoine Roussel

* Corresponding author

E-mail addresses: serma@list.ru (M.S. Sergeeva), evepanova@gmail.com (E.L. Panova)

(1837–1901). In the 1870s, he managed not only to organize the international clinical trials of his device “in experiments on patients” and to attract leading European and Russian specialists for conducting it, but also to introduce the author’s device into the military medical support of the armies of leading European states. The purpose of this article is to identify the factors that allowed Roussel’s transfuser to surpass its numerous competitors and become the first blood transfusion device purchased in 1874–1876 by the military ministries of Austria-Hungary, Russia, and Belgium.

2. Materials and methods

Materials from the collections of the Russian State Military Historical Archive (RSMHA), the State Archive of the Republic of Buryatia (SARB), and works by Roussel and his contemporaries on blood transfusions were used.

2.1. The main sources were data from fund № 546 of the RSMHA, “Main Military Sanitary Department (1867–1918)” and № 12651, “Main Department of the Russian Red Cross Society (1867–1918)”. The materials of case № 241, “On the proposal of a foreign doctor Roussel to acquaint Russian military doctors with the use of an instrument invented by him for blood transfusion from a healthy person to a sick person and on the Highest permission to present Roussel with 600 rubles to let him come from Vienna to St. Petersburg and back 29.12.1873–04.08.1874” (F. 546. Op. 3. D. 241) contain Dr. Roussel’s letters to the Russian military leadership, interdepartmental correspondence, and reports about the stay and activities of the Geneva specialist in Russia, including the results of clinical trials of his device conducted in Russian hospitals. In case № 83, “On the order of Dr. Roussel 200 devices for blood transfusion operation 09.05.1874–04.02.1876” (F. 546. Op. 4. D. 83), the contract for the supply of 200 original devices to Russia, and the reports on the reception and distribution of devices among medical institutions of the military department are presented. Fund № 12651 contains data on the creation of an international medical commission to evaluate the “military-sanitary” exhibits presented at the world industrial exhibition in Vienna in 1873 (F. 12651. Op. 1. D. 1278). The files of the SARB Fund № 10, “Verkhneudinskaya city council 1874–1875” contain information about the attempt of the Ministry of Internal Affairs to introduce the Roussel apparatus into use in Zemstvo hospitals.

Works published in 1860–1880 characterize the views of the specialists of that time on the possibility of using blood transfusion for medical purposes in general, and Roussel’s device in particular. Thus, the works of L. Landois, V.M. Rautenberg, and N. Tabure reflect the results of experimental studies aimed at finding the most effective methods of blood transfusion (Landois, 1875; Rautenberg, 1867; Tabure, 1873). The articles and monographs of J. Roussel, F. Gesellius, and O.F. Heufelder describe the experience of using various devices and methods of blood transfusion in clinical practice (Roussel, 1873; Roussel, 1877; Roussel, 1884; Gesellius, 1868; Gesellius, 1873; Gesellius, 1874; Heufelder, 1875a). The works of G.O. Dujardin-Beaumetz and Ch. Jennings allow us to assess the extent to which the blood transfusion procedure and the Roussel’s apparatus were used in European medicine during the study period (Dujardin-Beaumetz, 1886; Jennings, 1883).

2.2. The research methodology is based on the principles of historicism and objectivity, in which Roussel’s invention was considered as a revolutionary medical technique in the last quarter of the 19th century. The use of the comparative method allowed the evaluation of the advantages and shortcomings of Roussel’s invention, and consideration of the physiological ideas about the functions and properties of blood, as well as methods and devices used for blood transfusion, which were widespread in the study period. The methods of analysis and synthesis used in this work enabled us to restore cause-and-effect relationships and identify the medical and socio-political aspects of Dr. Roussel’s work that contributed to the implementation of the device he invented into the medical support system of the armies of Austria-Hungary, Russia, and Belgium. The combination of systematic and interdisciplinary approaches allowed us to assess the progress achieved by Roussel in terms of the commercial success of his apparatus.

3. Discussion

In modern European historiography, the name of Dr. Roussel is found in studies of the revival of the interest in blood transfusion in medicine in the 1870s. In the scientific work of the Swedish historian and sociologist B. Berner, Roussel is presented as one of the specialists whose activities played a crucial role in the spread of both intra- and interspecific blood transfusion in European medicine in the 1870s and 1880s. At the same time, the author gives the doctor an unflattering professional description, calling him “a cosmopolitan medical entrepreneur with irregular medical practice” (Berner, 2020: 40). A.L. Kibbie reveals Roussel’s role in the development of blood transfusion in England in the 1870s, paying special attention to his utopian ideas about the benefits of “live blood” and an educational campaign aimed at both specialists and the general public (Kibbie, 2019). Roussel’s contribution to the development of blood transfusion methods was examined by R. Van Hee, who mistakenly believed him to be the founder of arterial blood transfusion. At the same time, the author correctly noted the inventor’s desire to replace the driving force of the heart with his device (Van Hee, 2015: 2). Thus, there are scattered studies that cover different aspects of Roussel’s work in fragments in the existing European historiography. However, there are no such works in Russian historiography at all. The influence of Roussel and his device on the development of blood

transfusion practice in Russia in 1870–1880 has not yet been the subject of independent research. The scientific papers do not reflect Roussel's initiative in introducing blood transfusions into the military field medicine of this period. Moreover, in modern works, there is no comprehensive understanding of the marketing campaign conducted by Roussel to promote his own invention.

4. Results

The introduction of blood transfusion into clinical practice in the last quarter of the 19th century depended on the answering of key questions: Who should be a blood donor (animals or humans)? Which blood should be transfused (whole or defibrinated)? Which method and device should be used? (Sergeeva, Panova, 2020: 2) A key role in this process was played by the rivalry of Roussel, a proponent of transfusion of whole human venous blood, and F. Gesellius (1840–1900), who promoted the transfusion of the arterial blood of animals (Buess, 1953: 253).

In 1864, Roussel, a native of Geneva and graduate of the medical faculty of the University of Paris, designed his first blood transfusion device (Roussel, 1876a: 8). The German military surgeon O.F. Heufelder (1828–1890), who practiced in Russia, compared the device to the circulatory system: “the elastic pump ... corresponds to the heart; the constriction and expansion imitate the systole and diastole of the heart ... the valves ... prevent the return of blood ... like the valves in the veins” (Heufelder, 1875a: 200). The operating of the device was based on three main principles: the use of the classical method of bloodletting for drawing the donor's venous blood, mechanical pumping of the latter into the patient's vein, and filling the device with an aqueous solution of sodium bicarbonate (Roussel, 1877: 40). A sealed cup with bloodletting lancets fixed in it was fixed on the donor's hand (Figure 1).

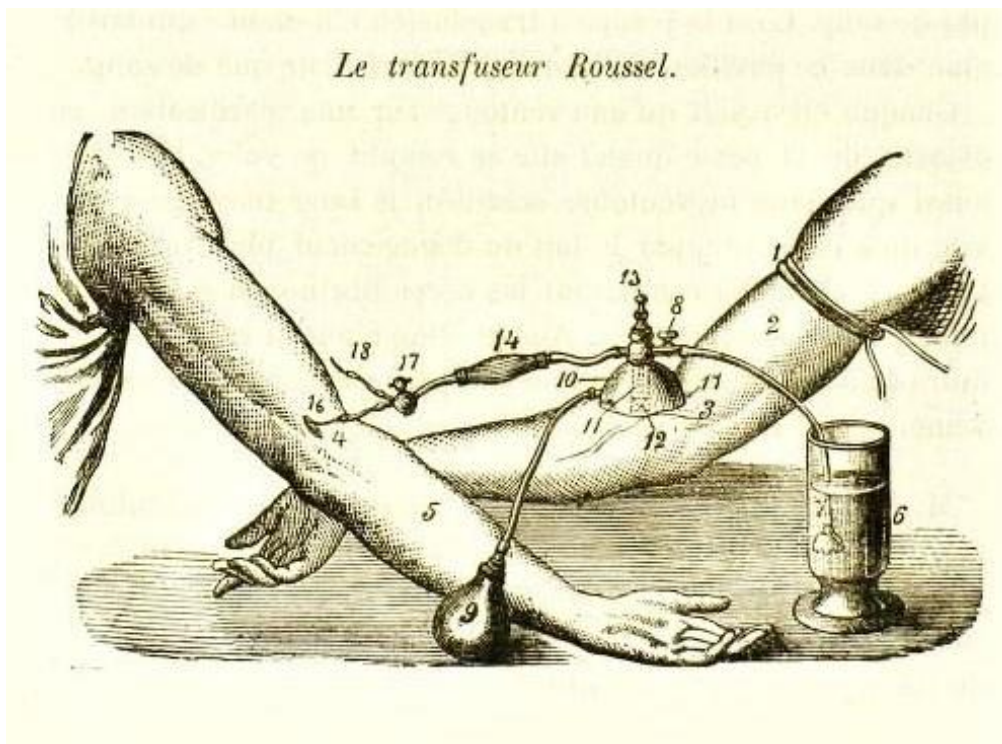

Fig. 1. A blood transfusion device of J. Roussel (Roussel, 1876a: 142)

When pressed, the lancets punctured a vein; blood flowed into the cup, forced water out of the system, and filled the “balloon pump”. By mechanical compression of the balloon, the surgeon pushed a portion of blood into the patient's vein (RSMHA. F. 546. Op. 3. D. 241. L. 37). The procedure of bloodletting did not require a surgeon's invasion, and making only shallow incisions on the donor's arm meant phlebitis could be avoided. The surgeon could regulate the volume of blood and the process of transfusion. Water heated the device, preserved the rheological properties of the blood, cleaned the device from the inside, and prevented air from penetrating the patient's veins (Roussel, 1876b: 4). In addition, it allowed transfusion to be combined with the injecting of drugs or the stimulating effect of an electric current (Roussel, 1877: 40-41). In December 1865, Roussel first used the device in clinical practice (Roussel, 1877: 56). In 1867 he presented it at the Paris International Exposition and published the first report on its work in the French editions of “Gazette des Hopitaux de Paris” and “Archives de l'anatomie et de Physiologie” (Roussel, 1873: 39).

A year later in St. Petersburg a brochure was published dedicated to a similar device for “capillary blood transfusion” (Figure 2), invented by Gesellius, a native of Mecklenburg, and a doctor of medicine and surgery.

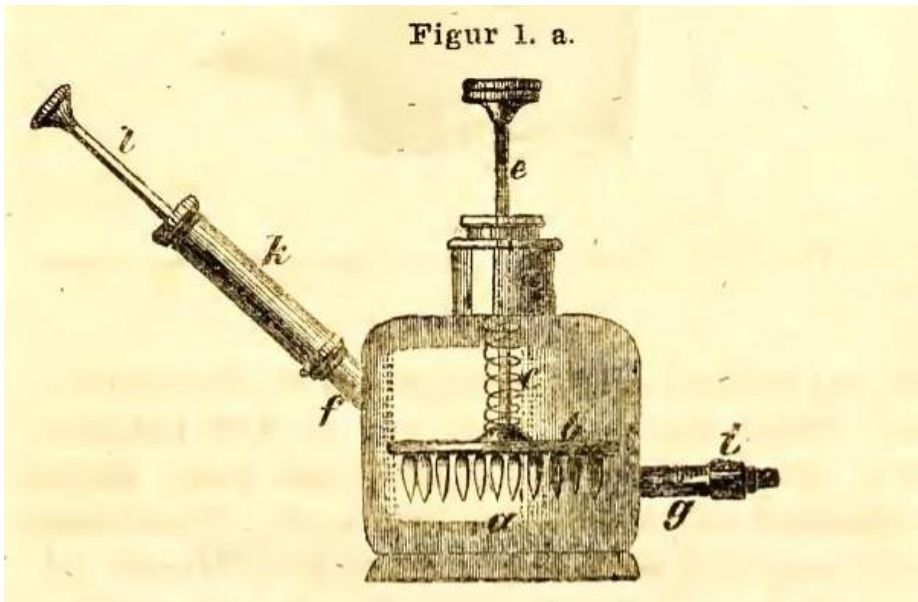

Fig. 2. F. Gesellius' capillary blood transfusion device (Gesellius, 1868: 29)

In the preface to this work, the author wrote: “I have a competitor... Roussel describes what seems to be a very complex instrument for direct arm to arm transfusion” (Gesellius, 1868: ii). In turn, Roussel criticized the Gesellius apparatus for “a false understanding of the role of the blood-sucking can in transfusion” (Roussel, 1873: 239). A more serious rivalry between them appeared in the mid-1870s and the cornerstone of the discussion was animal blood transfusions.

In 1873, at the Vienna World's Fair, Roussel presented the improved version of his transfuser. He simplified its design, standardized the capacity of the “balloon pump” and the materials used in the production of the device (RSMHA. F. 546. Op. 3. D. 241. L. 37; Roussel, 1876a: 9). The inventor was convinced that the key to successful transfusion was to keep all the blood parameters unchanged, so only whole venous human blood should be injected into the patient's veins, maintaining its natural temperature and preventing the formation of blood clots. “Any contact with metal, as well as with glass, ivory, etc. is harmful to the blood and provokes its clotting” – said Roussel. In this connection, all the details of his device were made of natural, pure, sulfur-free “black rubber”, which “did not have the slightest effect on the blood” (Roussel, 1876b: 4; Roussel, 1873: 56; Roussel, 1877: 38).

In the same year, Gesellius published the treatise “Blood transfusion: Historical, critical, and physiological research” (Gesellius, 1873), where he stated: “The transfusion of lamb's blood will open a new era in medicine” (Gesellius, 1873: 159). This idea was supported by a wide range of private practitioners and military doctors, both in Europe and in Russia: O. Hasse (1837–1898), I.J. Neudorfer (1825–1898), V.M. Rautenberg (1840–1879), Heufelder, and others. Roussel criticized interspecific transfusions for the physiological discrepancy between animal and human blood. In the clinical state of the patient after this procedure (heavy sweat, rapid breathing, lower back pain, and the presence of red blood cells and protein in the urine), he saw evidence that the human body was trying to get rid of foreign blood “by all available physiological and pathological ways”: through the skin, kidneys, and lungs (Roussel, 1873: 394). However, yielding to the growing popularity of this method, Roussel adapted his device for animal blood transfusions. In February 1874, Roussel and Gesellius arranged public demonstrations of their devices injecting patients with lambs' blood in the clinic of the St. Petersburg Medical and Surgical Academy (Roussel, 1873: 276).

The outcomes of blood transfusion at that time were evaluated by the visible changes in the patient's condition (skin color, sweating, conditions of the pupil and breathing, urine composition) and his subjective sensations (pain, hunger, emotional state). The patient of Gesellius experienced several crises (anxiety, suffocation, cyanosis, and severe pain in the chest, back of the head and lower back) during the operation, describing which the founder of obstetrics in Russia, Professor A.Ya. Krassovsky (1823–1898) noticed: “Although I saw terrible pictures during childbirth, I have never witnessed such a stunning sight” (Borchsenius, 1874: 66). The patient endured the transfusion performed by Roussel calmly, for which the performer, according to his own words, was rewarded with applause (Roussel, 1873: 278). Thus, the outcome of these operations not only demonstrated the competitive advantages of Roussel's transfuser, but also predetermined its commercial success in Russia.

Another controversial issue in the application of blood transfusion was the variety of methods, fluids, and devices used for this procedure in the 1870s. Whole blood was transfused into the veins or arteries. Defibrinated blood could also be administered subcutaneously and intraperitoneally. The alternative options

were infusion of milk or saline solution into the veins, or autotransfusion. According to the Austrian military doctor Neudorfer, by 1873 about 25 devices for blood transfusion (Roussel, 1876a: 159) had been developed. This diversity was due to the attempts of scientists and doctors to eliminate the factors that negatively affected the outcomes of the operation: cooling of donor blood, its contact with air or its entering the vessels, and inflammation of the veins (Rautenberg, 1867: 285).

Roussel considered the use of defibrinated blood dangerous, and other fluids insufficiently studied. "I would say to the supporters of defibrinated blood," he stated, "there is no parallel between two different things... Their artificial fluid is no longer blood ... they inject an intravenous medicinal fluid made from blood ... they raise the difficult question of which artificial fluid is better to inject into the veins: defibrinated blood or with salt added? Artificial whey, protein water, alcohol solution, or just milk? ... I confine myself to direct transfusion of live human blood, the single operation I trust" (Roussel, 1876b: 17). Roussel's opinion was based on the previously mentioned study of Gesellius (1873), in which the author proved that the mortality of patients with defibrinated blood transfusion was several times higher than with whole blood (Gesellius, 1873: 152, 155).

The "ideal" device for blood transfusion, according to the Russian medical scientist Rautenberg, who studied the implementation of this method in clinical medicine, should have had a simple design that allowed control of the presence of air, and the amount and temperature of the blood in the device (Rautenberg, 1867: 286). Roussel supplemented these requirements with the device's indifference to the blood composition, safety for the donor, and the ability to adjust the speed of movement and the force of blood pressure (Roussel, 1873: 48, 50, 51, 52). The single device that met all these requirements, as he considered, was his transfuser (RSMHA. F. 546. Op. 3. D. 241. L. 37). However, not all experts shared this point of view.

The design of the Roussel device was so complex that the German physiologist L. Landois (1837–1902) ironically noted that the inventor should think about creating an even more complex instrument with an electric heater, thermometer, timer, and "God knows what else" (Landois, 1875: 324–325). Heufelder testified that the doctor "had to make so many preparations, take so many precautions, and open and close so many taps that even Roussel himself did not always remember this" (Heufelder, 1875b: 219). A number of remarks were directed to the bloodletting lancet of the device. Belgian experts noted that its metal part could provoke the formation of blood clots (Roussel, 1876b: 27). Their English colleagues had serious concerns that the lancet would pierce the donor's vein and damage the underlying tissues (Jennings, 1883: 38). French professor L.-J. Behier (1813–1876) pointed out that the black rubber bowl hid the lancet, depriving the surgeon of the ability to control the process of bloodletting (Perelivanie krovi..., 1874: 167). Another source of doubt was the material used in the device. During long-term storage or at high temperatures, the rubber dried and broke (RSMHA. F. 546. Op. 3. D. 241. L. 52–53; Heufelder, 1875b: 219). In this regard, the storage of the device required special conditions, and its use the presence of special surgical skills, which could not be obtained without a proper practical training. Thus, the versatility of Roussel's transfuser allowed equally successful transfer of either human or animal blood, or alternative medicinal solutions. However, the possibility of its widespread use was limited by the complexity of the design. As a result, the inventor had to use additional measures to promote his device.

In 1867, at the Paris International Exposition, Roussel's transfuser did not attract wide attention from specialists. At the beginning of the Franco-Prussian war (1870–1871), there was no reaction from the French military administration, despite an article published in the newspaper "La Science pour tous" about the advantages of this device in the fight against blood loss. The inventor did not receive support from the International Committee of the Red Cross, to whom he sent the device in 1872 (Roussel, 1876a: 8; Roussel, 1876b: 3; Roussel, 1873: 40). He attributed the indifference to his invention to the lack of influential connections and patrons, and the interference of competitors (Bernier, 2020: 38). It is also worth noting the conservatism of military administrations in matters of medical support for armies, based on the use of pre-approved treatment regimens and lists of medical products.

Military campaigns in the mid-1850s and 1870s were characterized by the transience of combat clashes and mass wound damages. In 1873, a correspondent for the military newspaper "Militar-Zeitung" stated: "It is a fact that more than half of the wounded left on the battlefield do not die because of their own wounds, but due to bleeding" (RSMHA. F. 546. Op. 3. D. 241. L. 8). Neudorfer suggested that those who lost consciousness on a battlefield "can be brought back to life by a rush of living blood" (Roussel, 1876a: 159). Thus, Roussel realized that military medicine was the most promising field for the mass application of his invention.

In 1873, at the Vienna World's Fair, Roussel presented his transfuser as a new device necessary for military sanitary purposes and held the first public demonstrations of the device on patients. The International Medical Commission, then under the leadership of T. Billroth (1829–1894), which evaluated the merits of the presented exhibits, recognized the transfuser as "an ideal device for direct blood transfusion" and recommended it for use in military surgery (RSMHA. F. 12651. Op. 1. D. 1278. L. 2 Ob. 3; Sergeeva, Panova, 2020: 4–5). In 1873–1876 Roussel presented his instrument at the meetings of the societies of Viennese, Russian, and Belgian doctors; in clinics and hospitals of the Imperial Medical and Surgical Academy in St. Petersburg, the Royal Medical Academy in Brussels, and the University of Louvain; in military and civil hospitals of Vienna, St. Petersburg, Kronstadt, Brussels, Ghent, and other cities

(RSMHA. F. 546. Op. 3. D. 241. L. 22; Roussel, 1876b: 21; Roussel, 1873: 40; Kibbie, 2019: 18). Thus, the inventor actively toured European and Russian cities, organizing public demonstrations of blood transfusion, and promoting the device he invented among the medical community, government officials and the public in the mid-1870s. (RSMHA. F. 546. Op. 3. D. 241. L. 36; Roussel, 1876a: 5; Kibbie, 2019: 18). This allowed him to make the contacts necessary to promote his device.

Roussel's practice of sending copies of the device and his own monograph "La Transfusion" for review to the leading experts in Europe and Russia played an important role in the formation of personal contacts and scientific recognition of the transfuser. In 1873, the Roussel device was tested by surgeons L. von Dittel (1815–1898), Neudorfer, and Korzhenevsky; psychiatrist M. Leidesdorf (1818–1889); obstetrician Krassovsky, and others. A review of the French edition of Roussel's monograph (Roussel, 1876a: 166) was published in 1876 by the Belgian military surgeon and editor of the "Archives de la médecine belge", M. Titek (?–1885) (Roussel, 1876b: 21–28). In 1877, J. Paget (1814–1899), a member of the London Clinical Society, compiled the preface to its English translation (Roussel, 1877: 96). According to experts, Roussel's device took into account "all physical and physiological laws", which enabled the quick and safe injection of patients with human blood in large quantities, and in case of its deficiency, animal blood (Roussel, 1876b: 27). Thus, the reviewers not only unanimously recognized the transfuser as "the best among the currently known [devices]", but also recommended providing it to the military medical institutions of their states (RSMHA. F. 546. Op. 3. D. 241. L. 37 Ob.; Roussel, 1873: 42).

Roussel immediately tried to bring his achievements to the attention of the world community. To this end, he published official reports, reviews, letters from ministries and departments, and summary tables with data on the number and results of operations performed by his apparatus in leading national and international professional journals: "Le progrès médical" and "Archives générales de médecine" (France), "Berliner klinische Wochenschrift" (German Empire), "Archives de la médecine belge" (Belgium), "Voenno-meditsinskij zhurnal" ("Military medical journal") and "Protokoly zasedanij obshchestva Russkikh Vrachey v Sankt-Peterburge" ("Protocols of meetings of the society of Russian doctors in St. Petersburg") (Russia) (Roussel, 1873: 39; Roussel, 1882: 24–25; Roussel, 1876a: 21). His scientific papers did not include original content, being a compilation of various translations of previously published works. The author's journalistic style made them accessible to the general medical community. It was supposed that laudatory reviews and testimonials should have increased trust in the transfuser due to the community's respect for the reputations of the experts who gave them. However, the obvious simplification and tendency towards utopian ideas and self-glorification caused reproaches from the scientific medical community and editorial boards. Thus, the editor of the "Voenno-meditsinskij zhurnal" ("Military medical journal") (St. Petersburg) wrote in the preface to Roussel's article: "Due to the attention that was given to the operations performed with the use of the device invented by the author, the editorial board considered itself obliged to publish his article, although in the details of the evaluation of the projectile, in some views, and, finally, in the very method of presentation, it cannot agree with him" (Roussel, 1873: 39).

The notes published by Roussel in non-scientific literature were clearly advertising in nature. One of the examples is the picture of an ideal blood transfusion on the battlefield (Figure 3), placed by him on the pages of the military newspaper "Militar-Zeitung" (1873) (RSMHA. F. 546. Op. 3. D. 241. L. 12ob.) and the secular magazine "Daheim" (1874) (Gesellius, 1874: 13). The purpose of these notes was to form a romantic idea in the minds of readers about the benefits of blood transfusion and the possibility that everyone could become a donor (Kibbie, 2019: 6), although experts objectively noted the impossibility of performing this procedure in the military field (Berner, 2020: 52; Gesellius, 1874: 15).

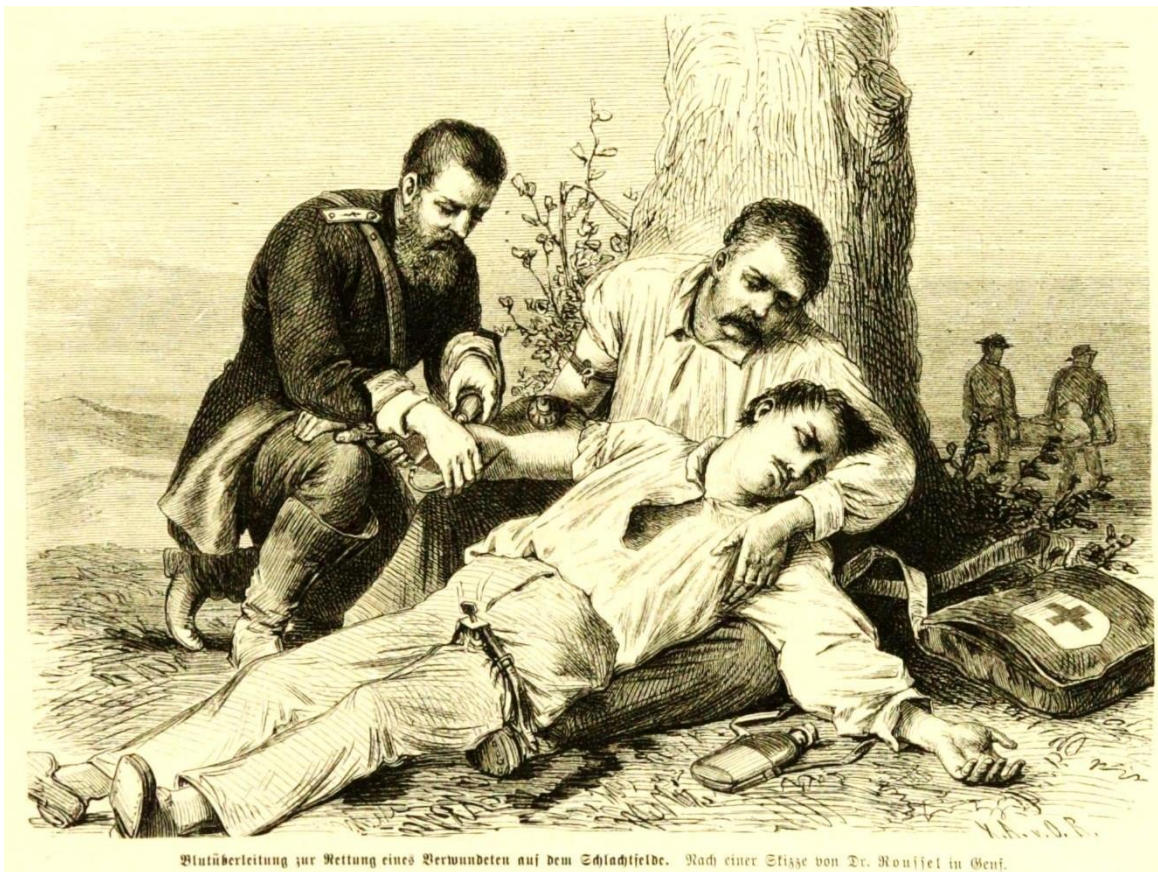

Fig. 3. Blood transfusion on the battlefield (RSMHA. F. 546. Op. 3. D. 241. L. 120b.)

It should be noted that there were no official data on the use of the Roussel's apparatus in military medicine, especially on the battlefield (Bernier, 2020: 45). The tests of the transfuser performed by Neudorfer in Austria-Hungary (10 cases) and public demonstrations performed by Roussel in Russia (25 cases) were carried out on patients who did not have a direct indication for transfusion – acute blood loss (Sergeeva, Panova, 2020: 6). Most of them had anemia as a secondary characteristic, being a consequence of other conditions (consumption, burns, inflammation, scurvy, gangrene, etc.). Moreover, Neudorfer “deliberately” selected for patients this procedure “who were already hopeless, and whose life had to stop, even despite the transfusion” (Roussel, 1873: 42). Operations on patients who died in agony were used in Russia to demonstrate the technique of performing the procedure and the features of the device (RSMHA. F. 546. Op. 3. D. 241. L. 67–67ob.). According to Roussel, only 11 of the 34 operations carried out with his apparatus in 1867–1874 were performed “for the sake of healing”. All other cases were of an experimental nature: “palliative blood transfusions to incurable patients”, “attempts to cure in hopeless cases”, and “demonstrations and experiments”, and had either no result or the improvement was short-lived (Roussel, 1873: 398). These data, on the one hand, indicate that blood transfusion in medicine in the 1870s had the character of a clinical experiment. At the same time, the use of dying patients as living manuals for educational and research purposes was a common practice at that time. On the other hand, there were no direct indications for blood transfusion in civilian medicine, except for uterine bleeding, and the advantages of using the transfuser in military field conditions were not proven. However, in 1874 the military ministries of Austria-Hungary and Russia concluded contracts with Roussel for the supply of his devices to their armies. The inventor was awarded the orders of Franz Joseph and Saint Prince Vladimir of the fourth degree for his scientific merits (RSMHA. F. 546. Op. 3. D. 241. L. 111; Roussel, 1877: 95). Moreover, the Russian Ministry of Internal Affairs recommended to the local authorities to purchase these devices in order to equip regional hospitals with them (SARB. F. 10. Op. 1. D. 1. L. 36). In 1875, 200 of Dr. Roussel's transfusers were distributed to all Russian military hospitals (RSMHA. F. 546. Op. 4. D. 83. L. 123–124). In 1876, the Belgian army purchased his devices, and the inventor received of the Order of Leopold (Roussel, 1876b: 30). According to Roussel, in 1877, British army ambulances and Marine Corps introduced his apparatus (Bernier, 2020: 155). However, Roussel's success was temporary. We could not find evidence of the use of this device in Russian military or civilian medical institutions, or of its repeated purchases. Russian military surgeon N.I. Pirogov (1810–1881) wrote that during the Russo-Turkish war (1877–1878), Russian doctors “did not resort to blood transfusions at dressing stations in Bulgaria” (Pirogov, 1879: 207). For Zemstvo administrations, the device turned out to be too expensive (SARB. F. 10. Op. 1. D. 1. L. 33). Ch. Jennings

(1859–1930), a member of the Royal College of Physicians of London, testified that in 1883 the Roussel device did not have commercial success and was not actually used in private practice (Jennings, 1883: 38). The French and German authorities did not purchase Roussel devices for either civilian hospitals or army health services (Berner, 2020: 155). In 1886, French Professor G.O. Dujardin-Bometz (1833–1895), addressing students, noted: “Today, despite the efforts made by Roussel ... blood transfusion is an exceptional procedure in practice, and there are certainly few people among you who were present at this operation” (Dujardin-Beaumetz, 1886: 347). German surgeons considered the transfusion of lamb blood questionable; it was impossible to find a suitable human blood donor in war conditions, and any injections or infusions on the battlefield were unacceptable. The autotransfusion method successfully solved the problem of acute blood loss, and aseptic and antiseptic methods reduced the amount of secondary bleeding (Berner, 2020: 156). Thus, in the late 1870s and early 1880s, blood transfusion as a complex surgical method that required special conditions did not guarantee a favorable outcome of the operation and, therefore, was not widely used in military medicine. Contracts for the purchase of transfusers concluded by Roussel with the military ministries of Austria-Hungary, Russia, and Belgium in 1874–1876 became the only major trade deals for the inventor, and for the governments of these countries – a diplomatic signal to allies and opponents about the implementation of the latest technologies not only in weapons, but also in the medical support of their armies.

5. Conclusion

Dr. Joseph-Antoine Roussel was a talented medical entrepreneur who managed to conduct one of the first successful international marketing campaigns in practical medicine during the second half of the 19th century. In the 1870s, he became the first and only official supplier of blood transfusion devices to the governments of Austria-Hungary, Russia, and Belgium. This success was possible, on the one hand, due to the original approach to the design of the author’s device, and on the other, to the skillful use of the social and political conditions prevailing at that time. Roussel was able to correctly identify the main cause of the high mortality rate of a modern war and offer the authorities an original piece of apparatus (technology) to combat it. The main competitive advantage of Roussel’s invention was its versatility, which allowed human-to-human and animal-to-human blood transfusions to be carried out equally effectively, as well as enabling the transfusion of other medicinal solutions. Roussel’s advertising campaign, based on public demonstration of the device’s operation, support of influential people, and popularization of the blood transfusion procedure among ordinary people played the key role in the promotion of the transfuser. He used various means available at that time: exhibitions, conferences, professional and public press, and personal connections. However, despite all of Roussel’s efforts, his device did not find mass use in practical medicine in 1870–1880 (by 1883 only 62 blood transfusions had been performed using his apparatus) (Dujardin-Beaumetz, 1886: 354). This can be explained not only by the design features of the device, national priorities, and high competition from existing methods of blood transfusion, but also by the lack of knowledge about blood physiology in 1870–1880 and the widespread introduction of the principles of asepsis and antiseptics into medical practice.

6. Acknowledgments

This work was carried out as part of a project to improve the competitiveness of leading Russian universities among the world’s leading research and educational centers.

References

- Berner, 2020 – Berner, B. (2020). Strange Blood. The Rise and Fall of Lamb Blood Transfusion in 19th Century Medicine and Beyond. *Medical humanities*. 5: 214.
- Borchsenius, 1874 – Borchsenius, N. (1874). Sluchaj perelivaniya krovi po sposobu doktora Gezelliusa [The case of blood transfusion according to the method of Dr. Gesellius]. *Voenno-medicinskij zhurnal*. CXX: 63-70. [in Russian]
- Buess, 1953 – Buess, H. (1953). Der Ausbau der Bluttransfusion in neuester Zeit [The expansion of blood transfusion in recent times]. *Bulletin der schweizerischen Akademie der Wissenschaften*, 9: 248-269. [in German]
- Dujardin-Beaumetz, 1886 – Dujardin-Beaumetz, G.O. (1886). Leçons de clinique thérapeutique [Therapeutic clinic lessons]. Tome 3. Paris. 878 p. [in French]
- Gesellius, 1868 – Gesellius, F. (1868). Capillar-blut undefibrinirtes zur transfusion [Capillary blood undefibrinated for transfusion]. Ein neuer apparat zur transfusion. St. Petersburg, 49 p. [in German]
- Gesellius, 1873 – Gesellius, F. (1873). Die Transfusion des Blutes. Eine historische, kritische und physiologische Studie [The transfusion of blood. A historical, critical, and physiological study]. St. Petersburg, Leipzig, 189 p. [in German]
- Gesellius, 1874 – Gesellius, F. (1874). Zur Tierblut-Transfusion beim Menschen [For animal blood transfusion in humans]. St. Petersburg, Leipzig, 17 p. [in German]

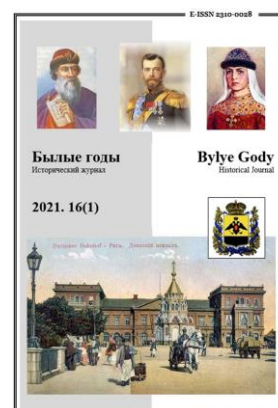
- [Heufelder, 1875a](#) – *Heufelder, O.F.* (1875). O perelivanii krovi [On blood transfusion]. *Medicinskij vestnik*. 20: 198-199. [in Russian]
- [Heufelder, 1875b](#) – *Heufelder, O.F.* (1875). O perelivanii krovi [On blood transfusion]. *Medicinskij vestnik*. 22: 219-221. [in Russian]
- [Jennings, 1883](#) – *Jennings, Ch.* (1883). *Transfusion: its History, Endications, and Modes of Application*. London, 69 p.
- [Kibbie, 2019](#) – *Kibbie, A.L.* (2019). *Transfusion: Blood and Sympathy in the Nineteenth-Century Literary Imagination*. USA, 294 p.
- [Landois, 1875](#) – *Landois, L.* (1875). Die Transfusion des Blutes: Versuch einer physiologischen Begründung nach eigenen Experimental-Untersuchungen: mit Berücksichtigung der Geschichte, der Indicationen, der operativen Technik und der Statistik [The transfusion of the blood: attempt of a physiological justification after own experimental investigations: with consideration of the history, the indications, the operative technique and the statistics]. Leipzig, 362 p. [in German]
- [Perelivanie krovi..., 1874](#) – Perelivanie krovi pri anemii [Blood transfusion for anemia]. *Medicinskij vestnik*. 1874. 17: 167-168. [in Russian]
- [Pirogov, 1879](#) – *Pirogov, N.I.* (1879). Voенно-vrachebnoe delo i chastnaya pomoshch' na teatre voyny v Bolgarii v tylu dejstvuyushchej armii. V 1877–1878 gg. Chast' 2 [Military medical care and private assistance at the theater of war in Bulgaria in the rear of the active army. In 1877–1878. Part 2]. SPb., 385 p. [in Russian]
- [Rautenberg, 1867](#) – *Rautenberg, V.* (1867). Die Transfusion des Blutes. Vortrag, gehalten im allgemeinen Verein St. Petersburger Aerzte am 28 Novbr. 1867. [The transfusion of blood. Lecture given in the general association of St. Petersburg doctors on November 28th, 1867.]. *St. Petersburger medicinische zeitschrift*. Heft. 7: 261-302. [in German]
- [Roussel, 1873](#) – *Roussel, J.* (1873). O snaryade doktora Russelya dlya perelivaniya krovi [About Dr. Roussel's blood transfusion device]. *Voенно-medicinskij zhurnal*. CXXII: 39-66, 233-280, 381-405. [in Russian]
- [Roussel, 1876b](#) – *Roussel, J.* (1876). Rapports sur la méthode de transfusion directe de a veine entier et vivant [Reports on the method of direct transfusion of a whole and living vein]. Bruxelles, 31 p. [in French]
- [Roussel, 1876a](#) – *Roussel, J.* (1876). La Transfusion. 1re serie 35 operations [The transfusion. 1st series of 35 operations]. Paris, 166 p. [in French]
- [Roussel, 1877](#) – *Roussel, J.* (1877). *Transfusion of human blood by the method of J. Roussel (of Geneva)*. London, 96 p.
- [Roussel, 1882](#) – *Roussel, J.* (1882). *Transfusion directe du sang vivant [Direct transfusion of live blood]*. Paris, 32 p. [in French]
- [RSMHA](#) – Rossijskij gosudarstvennyj voенно-istoricheskij arhiv [Russian State Military Historical Archive].
- [SARB](#) – Gosudarstvennyj arhiv respubliki Buryatiya [State Archive of the Republic of Buryatia].
- [Sergeeva, 2015](#) – *Sergeeva, M.S.* (2015). “Physiological collectivism”: The origins of the Institute of Blood Transfusion's ideas and their practical realization. *History of Medicine*. 2(4): 420-430.
- [Sergeeva, Panova, 2020](#) – *Sergeeva, M., Panova, E.* (2020). The studies of blood transfusion and the attempts of its implementation into medical practice in 1800–1875: the fate of J.-A. Roussel's device in Russia. *Medicina Historica*. 4(2): 1-9.
- [Tabure, 1873](#) – *Tabure, N.A.* (1873). O perelivanii krovi [About blood transfusion]. SPb., 96 p. [in Russian]
- [Van Hee, 2015](#) – *Van Hee, R.* (2015). The development of blood transfusion: the role of Albert Hustin and the influence of World War I. *Acta chirurgica Belgica*. 115: 1-9. [Electronic resource]. URL: <https://www.researchgate.net/publication/279989937>

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 253-261.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.253
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Discussion Aspects of the Establishment and Development of Serfdom in Russia (to the 160th Anniversary of the Peasant Reform of 1861)

Vitaly Yu. Zakharov ^{a, b, *}, Vladimir A. Volkov ^a, Anna N. Ivanova ^{b, c}, Sergey N. Shkarubo ^b

^a Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation

^b Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russian Federation

^c Russian Technological University (MIREA), Moscow, Russian Federation

Abstract

In the article the discussion questions are considered, connected to implementing and developing of serfdom in Russia. There is the contest of the concept itself and main concepts, which differently explain reasons of implementing serfdom in Russia in the second half of XVI – the first half of XVII centuries. A significant attention is paid to the characteristic of serfdom estimating stages in Russia and specialties of this process, concluding why in Russia serfdom was estimated when in most European states it was either canceled or significantly softened.

Further there are reasons of serfdom development in Russia in XVIII century in direction of maximum strengthening and depriving serfs of their remaining personal rights. There is a special attention on the role of Manifest of 1762 and Honorary Diploma to the Russian nobility of 1785, which freed nobles from compulsory service, and thus deprived the continued existence of serfdom of logical and moral justification. Exactly from this moment there starts changing of the managing course in direction of firstly softening, and then gradual cancellation of serfdom (Pavel I, Alexander I, Nicolas I). At the same time, there are reasons of failures of mentioned above Russian monarchs' attempts to cancel serfdom in the first half of XIX century.

Keywords: history of Russia, serfdom, concept of establishing serfdom in Russia, reasons for the tightening of serfdom in Russia in the XVIII century, attempts to cancel serfdom in Russia in the first half of XIX century.

1. Introduction

On the February 19, 2021 it will be 160 years since the moment of cancelling serfdom in Russia. It was really significant and epochal event in the history of Russia, which has finally ended up with shameful phenomenon, which has caused disagreements in the enlightened part of Russian society, but which was at the same time the basis of socially-economic and political development of Russian imperia during two centuries. In Russian and foreign historiography to the theme of estimating and developing serfdom there are a lot of works. However, a lot of aspects of this theme are still unsolved. The *goal* of this article is analysis of discussion problems, connected to estimation and development of serfdom in Russia up to 1861. In the center of authors attention, there are the following questions: what are the reasons of implementing serfdom in Russia and why this happened at the moment when in most European countries it was at the stage of liquidation (end of XVI – first half of XVII centuries); why did the serfdom receive hard forms in Russia, equal to slavery; why did it exist in Russia for a long time and why the attempts to begin cancellation of serfdom in the first half of XIX century did end up with failure.)

* Corresponding author

E-mail addresses: vz1974@yandex.ru (V.Yu. Zakharov), lee8@mail.ru (V.A. Volkov), rusivanova@mail.ru (A.N. Ivanova), serge_philosof@mail.ru (S.N. Shkarubo)

2. Materials and methods

The article is an analytical review of the main concepts that explain the establishment and specificity of the development of serfdom in Russia. Therefore, it was prepared on the basis, first of all, of a historiographic analysis and study of the sources presented mainly in the works of Russian scientists. Among used published materials, it is necessary to highlight the legislative sources presented in the Complete Collection of Laws of the Russian Empire, as well as Code of Laws of 1497 and 1550. From archival sources, special attention should be paid to the materials of the scribal books of the XV-XVI centuries, which are mainly in the Russian State Archive of the Ancients acts, which reflect the dynamics of the establishment of serf relations in the central regions of the country.

The article uses, first of all, logical research methods: analysis, synthesis, comparison; modeling method; private scientific methods of historical research: historical-genetic (when analyzing the reasons for the introduction of serfdom in the late XVI – mid-XVII centuries, as well as the reasons for the failure to implement projects for the abolition of serfdom in the first half of XIX century), historical-comparative and historical-typological. The work also used the method of structural and functional analysis (for example, when analyzing the content of projects for the abolition of serfdom in the first half of XIX century, their explicit and hidden goals, interest in the expected results of certain social and political structures and institutions). The re-productive method is also used (in the comparative analysis of theories of enslavement of the peasants) and the abductive method, which is a logical step-by-step comparison of research concepts with documents included in the analysis.

3. Discussion

At this moment in historiography there are at least *four theories*, which differently explain the process of enslavement and its reasons. The first was “*index*” theory of peasants’ enslavement. Its authors are known Russian historicists of the middle of XIX century, the representors of “public school”, *S.M. Solovyev* and *B.N. Chicherin*. Its meaning is led to the fact that serfdom was implemented with targeted actions of government authority as series of orders in the end of XVI century (from here comes the name of theory: index). The main reason is the necessity to provide the state’s defenses with the lack of resources. In other words, the state had nothing to pay for the military service of nobles. In the result, the state went by the way of adding peasants to the land, in order to provide land’s owners (landlords) the minimal level of income and fulfillment of military duty (during the war, the landowner had to arrive at the assembly point with a certain number of soldiers, providing himself and their weapons at his own expense). Peasants were sacrificed to the government interests (*Soloviev, 1997; Chicherin, 1858*). The strong side of this theory was a logical explanation of peasants’ enslavement, and the weak side was ignoring socially-economic reasons and long lasting of the enslavement process.

In the result in the second half of XIX century there was alternative “*unspecified*” enslavement theory. Its developer is *V.O. Klyuchevsky*, the best student of *S.M. Solovyev*, but totally disagreed on this question with his teacher. Truly, recently there was the opinion that the main states of unspecified theory were developed much earlier and come up to the labors of historic *M.P. Pogodin* (*Pogodin, 1867; Pochivalova, 2012*). Supporters of this theory did not deny the main states of mentioned theory, but at the same time thought that the main reasons of enslavement were socially-psychological and the process itself continued for some centuries and ended in the middle of XVII century. The beginning of the enslavement process was set up by Mongol-Tatar invasion, which led to the desolation of vast tracts of land. After some time, their new owners began inviting peasants from less suffered districts, promising different privileges. Migrants in economical and psychological plan lost connection with previous community and got into more and more dependency from their new owner. Gradually, this dependency transformed into serfdom. It has developed by itself, and the government only retroactively approved the relation that developed without its participation (*Klyuchevsky, 1885; Klyuchevsky, 1988*).

In the soviet period in 1930s – 1940s the third theory appeared: “*corvee*” enslavement theory, based on dogmatically understood Marxism. Its author was academic *B.D. Grekov*. In his opinion, the main reason was economical reason and, in more details, a strong growth of prices on production in West countries in XVI century (“prices’ revolution”), which has caused the desire of Russian merchants to increase incomes by increasing bread’s export. It was possible to be done through implementing corvee (free cultivation of the land of a feudal lord by peasants as a special type of feudal obligation), which supposed peasants’ personal freedom and attachment to the land and the identity of the owner. The government, which has shown interests of leading class, has fully satisfied the demand of its social support: nobility and enslaved the peasants in the end of XVI century (*Grekov, 1940; Grekov, 1946*). At first sight, the theory looked rather logical and reasoned, but all further researches have denied all thoughts of *B.D. Grekov*. At this moment Russia was in terms of self-isolation from West countries, the level of outer trade was rather low, that is why “prices’ revolution” on the West, which truly had place, did not reflect on Russian economy.

Finally, in 1970s – 1980s there was the fourth theory of enslavement, in the most systematized type, formed in works of *V.B. Kobrin*. In general it reminded the indicated theory of *S.M. Solovyev*, but was less tiring and more specific. Reasons of enslaving were seen in two concrete events: *aftermath of the Oprichnina and the Livonian War*. Punitive campaigns of guardsmen and a sharp increase in taxes during the long

Livonian War (1558–1583) led to the mass peasants' escape to the state edges. In the result there was a misbalance between the number of merchants, which constantly increased due to new sets to the army during the Livonian War and the number of peasants, which constantly decreased, especially in the central areas of the country. By this, a greater number of merchants could not provide themselves with arming, which sharply weakened the army and endangered the country's defense. In the end the state went by the way of implementing firstly temporary restrictions of peasants' transfer from one owner to another ("forbidden years"), and then total cancellation of transfers and implementing "fixed years" in 1590s (Kobrin, 1991).

The second discussion problem is *question about the reality of existing hypothetical order about full cancellation of peasants' transfers in 1592*. There exist two main points of view. Supporters of the first one, especially V.I. Sergeevich and V.I. Korecky, proved existence of order from 1592 about a full cancellation of "Saint George's Day" (it is still not found in archives), giving arguments on their position with the fact that without existence of such legal basis in the form of such an order, it was impossible to apply in practice the order of 1597 on a five-year period for the search for escaped peasants. Thus, the counting itself was made exactly from 1592 (Sergeevich, 1903; Koretsky, 1970; Koretsky, 1975). Supporters of the second point of view, for example Russian soviet scientists G.N. Anpilogov and V.M. Paneah, modern Russian historic V.A. Arakcheev, consider Korecky's and his fellows' proof as not enough one and in the whole deny existence of hypothetical order of 1592 year. In their minds, lack of the order's text itself does not allow making future-looking conclusions on this question, but estimating of exactly the five-year long period of the search for fugitive peasants is explained by the established tradition of land taxation in relation to migrant peasants (Anpilogov, 1972; Paneakh, 1972; Arakcheev, 2004; Arakcheev, 2008).

About the questions *why in Russia serfdom received such harsh forms, equal to slavery and which existed for so long, and also why attempts to begin serfdom cancellation in the first half of XIX century*, there exist a large massive of scientific literature. In our point of view, the most significant contribution into studying these questions added P.A. Zayonchkovsky, M.M. Safonov, S.V. Mironenko and B.G. Litvak (Zayonchkovsky, 1968; Safonov, 1988; Mironenko, 1989; Litvak, 1991).

Nevertheless, despite studying many plots, connected with estimation and development of serfdom in Russia, some questions, which were mentioned above, are discussion and unsolved ones. Their analysis is the subject of this article.

4. Results

Before talking about peasants reform in 1861 and its results, we think that we should begin with sources and find out, why serfdom was introduced in Russia comparatively late, when in most European countries it has already been cancelled or seriously deformed in the direction of reducing the peasants' addiction from land owners, and also why in Russia in XVIII century serfdom was made maximally hard and was almost completely close to classical slavery.

We begin with the concept. *Serfdom* is one of the elements of the development of feudal relations, this is a special form of personal dependence of the peasant as the main producer on the owner of the land (feudal lord), in which the peasant is deprived of freedom of movement, is attached to the land and the owner's personality and for using a plot of land is obliged to bear feudal obligations (payment (quitrent), labor (corvee) and others). A comparative study of the historical development of different peoples and states has shown that serfdom is not an integral part of the development of feudal relations. As the comparative studying of historical development of different nations, serfdom is not a non-replaced part of feudal relations' development. A row of countries, especially on the north of Europe (for example, Norway) escaped the establishment of serfdom. The same applies to the northern regions of European Russia and Siberia.

The question about *reasons and chronological gates of estimating serfdom* in Russia is still a discussion one. Scientists agree only in one thing: this process was lengthened in time, lasted more than one hundred years and finally ended in 1649, when according to the Cathedral Code, the peasants were deprived of the right of free movement, attached to the land on which they worked, an unlimited search for escaped peasants was introduced. As it was mentioned above, there exist four main theories, differently explaining reasons of enslaving peasants in Russia. In our point of view, the most reasoned is the *concept of V.B. Kobrin*, linking enslavement to specific events, the consequences of the Oprichnina and the Livonian War. Researches, first of all, Russian historians, truly allow making a conclusion that punitive campaigns of guardsmen and a sharp increase in taxes during the long Livonian War (1558–1583) led to the mass peasants' escape on state's edges and appearance of misbalance between the number of the nobility (which constantly increased due to more and more recruits in the army during the Livonian War), and the number of peasants (which constantly decreased, especially in the central regions of the country). In the result of mass nobility's impoverishment there appeared a threat of the county's defense and the government had to take the way of implementation of temporary restrictions of peasants' transfer from one owner to another ("forbidden years"), and then total cancellation of transfers and implementing "fixed years" in 1590s (Skrynnikov, 1973; Kobrin, 1991). In our point of view, this concept is more conveniently and logically explains the process of peasants' enslavement in Russia and is the most according to the real events.

The second discussion moment is the *question about stages and concrete events*, connected to serfdom estimation in Russia, especially about the *reality of existing of hypothetical order about the full*

cancellation of peasants' transfers in 1592. Nowadays, most scientists point out the following stages of enslavement. *The first stage*, which can be called preparative, is connected with publication of *Sudebnikov in 1497 and 1550*, in which there was *Saint George's Day rule*: peasants' transfers from one owner to another were restricted only by only 2 weeks per year (a week before and a week after Saint George's Day in autumn (in an old style it is November, 26), when the cycle of agricultural works ended up and the owner of the land during the winter period could find a replacement for the departed peasant) with paying the compensation: "pojiloe". Thus, according to *Sudebnik of 1550*, the size of compensation increased on 30%, which made the transfer process much harder. The following stage starts in 1581, when there are "forbidden years" in connection with peasants' mass escape and lowering the nobility incomes. Now, in the beginning of every year (at that time the year began on the first of September) the government said, what year will be the next, an ordinary or "forbidden", when transfers in Saint George's Day were cancelled. Thus, for the time being, temporary restrictions on the movement of peasants around the country were introduced, which with good reason can be considered as the first real step towards the establishment of serfdom.

The following stage can be considered an *order of 1597* about implementing «fixed years», i.e. five-year terms of finding escaped peasants. In 1970, the historian V.I. Korecky, basing on works of pre-revolutionary historian V.I. Sergeevich, proposed the theory about existing *hypothetical order of 1592-1593*, which text did not save until today and in which transfers on Saint George's Day were cancelled forever. The main argumentation was led to the fact that for using an order "fixed years" of 1597, we had to have the legal basis on which the peasant could be considered a fugitive. Such basis could be only an order about full restrict a rule of Saint George's Day. In addition, in 1597, there was implemented exactly five-year term of finding escaped peasants, consequently, the count was made from 1592 (Koretsky, 1970; Koretsky, 1975; Sergeevich, 1903). Scientists' opinions on the theory of V.I. Korecky were separated. Some of them, such as V.B. Kobrin and partly R.G. Skrynnikov, in general, with the concept of V.I. Korecky were agree (Kobrin, 1991; Skrynnikov, 1973). Others, such as G.N. Anpilogov, V.M. Paneah, recently V.A. Arakcheev, consider Korecky's argumentation insufficient and generally deny the existence of a hypothetical order of 1592 (Anpilogov, 1972; Paneakh, 1972; Arakcheev, 2004).

In our opinion, arguments of supporters of the order of 1592 come as rather reasonable and logical. In addition, there can be given another argument. In 1607 an order of Vasily Shuisky about increasing the term of finding escaped peasants from 5 to 15 years was accepted. As we see, the count was made from an event, which had happened 15 years before this, i.e. in 1592. However, the opposite side has a reasonable argument: supposed order from 1592-1593, which still has not been found in archives and thoughts of V.I. Korecky and his supporters were built on indirect data, not on the analysis of concrete resource. Thus, the question about the order from 1592-1593 about a full cancellation stays unsolved and discussion.

Anyway, in the end of XVI century a significant number of peasants was left without personal freedom and stitched to the place, where they lived, which can be considered as the main element of serfdom addiction estimation. However, as the following events showed, it was not final. Measures, which were taken in 1590s, caused a sharp growth of society's disagreement, which was made worse by hunger in 1601-1603. From our point of view, enslavement policy of B. Godunov and negative reaction on it from peasants and Cossacks and their desire to return lost freedom, can be considered as a social reason of Time of Troubles. Without getting in details, we have to point out that in time of Time of Troubles, the policy of different governments to peasants' enslavement was really controversial. Outspoken concessions to the lower classes (for example orders of B. Godunov during hunger in 1602-1603, which temporarily solved peasants' transfers, who suffered from hunger in districts) changed by measures of making enslavement policy harder (the already mentioned order of V. Shuisky of 1607 on the introduction of a fifteen-year term for the search for fugitive peasants, which, however, was almost never observed and was of a declarative nature). In the whole, in our point of view, active participation of the lower classes in Smuta's events slowed the enslavement process down, in fact there was recovered the rule of Saint George's Day, though enslavement orders formally continued to act. Such duality continued until the end of recovery period, i.e. until 1640s, when during central authority impact defense, the government under pressure of nobility re-started attack measures against peasants' rights. The conclusion was *Resolutions of the Cathedral Code of 1649*, which have finally cancelled peasants' transfers in Saint George's Day and which have established termless finding of escaped peasants. This meant the second and now final implementation of serfdom. The consequences of this were rather contractionary. From the one side, there was provided a minimum level of merchants' incomes, which were the main social basis of the ruled regime, and by this there was guaranteed state defense. At the same time there was increased the monarch's power, because nobility turned out to completely depend on central authority, without having the possibility to individually cope with peasants' rivals. Enslavement was useful for the government and from *fiscal considerations*: attaching peasants to the land and the citizens to the place of living eased the taxes' collections. From the other side, after 1649 in Russia there was destroyed market of free workforce, which sharply slowed the formation of new capitalistic relations down. In the future, this determined more and more progressing lag from West countries, firstly, in the sphere of economy. Enslavement of the most part of society had and negative psychological consequences: lowered state of personality in the society and formation of slavery psychology in all parts of society, including nobility. While having peasants, the merchants themselves more and more turned into "government slaves",

which came out in, for example, the fact that while turning to the tsar with requests, they had to sign it in this way “your slave, Sovereign...” and call themselves diminutive or even derogatory names. Such practice was destroyed only in the times of Ekaterina II. At the same time, implementation of serfdom sharply *increased mobilization possibilities* of existing system. The government any time could direct on free works or in an army large mass of government and landlord peasants. All this led to the fact that serfdom turned into the main element of further socially-economic and political development of Russia. The fact that serfdom was introduced in Russia at that moment, when in Western Europe countries was cancelled or was in the stage of destruction, is explained by the main stadial lag of Russia, which arose due to the Mongol-Tatar invasion and two centuries of dependence on the Golden Horde.

Further development of Russia went by the way of more *tightening of serf relationships*. Especially it showed during reforms of Petr I in the first quarter of XVIII century. Peasantry was used as the main provider of people and material resources for reaching set up foreign policy tasks (sending recruits to the army and navy, forced labor on the construction of canals, Saint Petersburg, etc.). The level of exploitation has significantly increased, and the level of life of a big peasants’ mass has sharply decreased. Thus, during the times of Peter I real enslavement was made on the nobility itself, which had a task of the *duty of an indefinite* (essentially lifelong) *public service*. In such system of total unfreedom really free person was only the autocratic monarch and his closest surrounding, and not even the full one. During *post-Peter the Great era of palace coups* (1725–1801) nobility more actively started fighting for their rights, and in the end, it reached its goal. During the times of Anna Ioannovna (1730–1740) there was cancelled the indefinite service and was introduced the term in 25 years. With Elizaveta Petrovna this term was more reduced. Finally, in 1762 by the *Manifest on the liberty of the nobility*, which was signed by Peter III, merchants were freed from the necessary service and corporal punishment. Ekaterina II in 1785 in Charter to the nobility confirmed all these privileges, giving the nobility status of “noble class”.

Peasants’ (government and merchants) right status during XVIII century always got worse. In 1760 in the end of Elizaveta Petrovna’s rule and in the beginning of Ekaterina II comes out a full row of orders, which forbade peasants to complain about their landowners, who allowed the landowners to sell peasants without land and exile them to settle in Siberia without a court decision with a credit as recruits, etc. At the same time serfdom expanded broad wise, taking new and new territories (for example, in 1775, serf relationships were spread on Little Russia). Except from this, starting from Anna Ioannovna, there became popular *practice of giving government peasants into good hands* as presents to favorites, courtiers, generals and officials. It has reached its top during the rule of Ekaterina II (1762–1796), in the years if whose rule there were given about 800 000 revision souls, and together with women and children it was about 2 000 000 people. Exactly during the times of Elizaveta II peasants have lost remnants of rights and were actually turned into slaves. From the classical slaves they were distinguished in the period of antiquity only by the formal saving of the right to life. The murder of a serf was considered as a criminal offense. Cases of murder of serfs rarely reached the court, although precedents did happen (one can recall the notorious “Saltychikha case” in 1768). The fact that such a policy was carried out exactly during the reign of Catherine II, at first glance, is surprising. After all, it was at the beginning of her reign that she became famous for liberal measures (convocation of the Legislative Commission with the election of deputies, writing of Instruction to the deputies of this commission with discussions on the rule of law, equality of all before the law, etc.), correspondence with Voltaire and other figures of the French Enlightenment, statements in personal conversations in a negative way about serfdom, organization in 1765 of the Free Economic Society competition on the possible granting of property rights to peasants, etc. And, nevertheless, exactly during the rule of Ekaterina, peasantry turned into absolutely disenfranchised estate, and the level of serf exploitation and merchant’s outrage reached it maximum. In our point of view, this contradiction can be explained very simply. Ekaterina II did not have any rights to the throne; she was brought to rule by the nobles in the person of the guards as a result of a palace coup. Thus, she found herself in complete dependence on the nobility, and was forced to “pay the bills” throughout all her reign, giving the nobility more and more privileges, primarily at the expense of the peasants. However, giving the nobility maximum privileges, self-freedom, getting rid of necessary state service in fact in historical perspective meant beginning of the serfdom end as political and socially-economic perspective, at least in the ways it formed in Russia. Because serfdom was implemented under the excuse of providing material tools to nobility that it could normally complete its duties on the government and firstly military service. This looked like a reasonable and convincing reason for the saving of the serfdom institution in Russia. Even illiterate peasants understood that, yes, life was bad, we were oppressed, but our masters and nobles were also tried to work for the good of the state. Thus, it was necessary, it is necessary and it was fair. Everything for the good of the common cause, for the good of the state, its greatness, i.e. what Peter I was trying to do: all estates serve the greatness of the Russian state. And now, with the release of the nobles from compulsory service (in 1762), this explanation destructed itself. Under the new conditions, the saving of serfdom lost all meaning. Now it was impossible to explain why it was needed at all, since the nobles were no longer forced to serve. Serfdom after 1762 was like an unjust institution, which finally turned into an exploitation instrument of the mass of the population by a minority, and nothing justified its continued existence. However, the idea of justice has always had a huge role in the process of social relations regulation, especially in pre-industrial societies, in which the mass of the

population is illiterate. And now this fundamental and at the same time preventing factor began to fast disappear. In the future, this could lead to serious social cataclysms. And the Pugachev peasant war in 1773–1775, with difficulty suppressed by government militaries, was the first warning. The most enlightened members of the nobility also started understanding this. At the end of the reign of Ekaterina II, at first very shy, and then more and more bravely, voices began to be heard about the necessity of the gradual serfdom cancellation. The most striking example is the famous "*Journey from Saint Petersburg to Moscow*" of A.N. Radishchev, in which the author, who, incidentally, held an important position in the central administration and a former friend of the influential dignitary, Count A.R. Vorontsov, came down with a sharp criticism of serfdom, and not only from a moral and ethical standpoint, but also based on state interests in general (Radishchev, 1981). However, the getting older empress, found the work of A.N. Radishchev as a challenge to herself, she said that the author is "rebel, worse than Pugachev", ordered to bring him to trial by the Senate, which in 1790 indicatively (so that others would disagree) sentenced Radishchev to death, "mercifully" replaced by Ekaterina with reference to Siberia. A similar fate reached another public figure, educator and concurrently head of the Moscow Masons N.I. Novikov, sent in 1792 to prison in the Shlisselburg fortress.

At the same time, despite the repression, the sprouts of new ideas gradually gatecrashed into the highest government circles. They also began to understand, at least, the unfairness of the existing relations between landlords and peasants. So, the new Emperor Pavel I, continuing the practice of distributing state peasants to private hands, at the same time for the first time intervened in the arrangements between peasants and landowners and took a number of measures that limited the level of exploitation of serfs. The most striking example is the so-called Manifest on the three-day corvee, adopted during the coronation on April 5, 1797, which emphasized the importance of this event. Landowners had no right to involve peasants to work in the serfdom on Sundays and no more than three days a week. Thus, the peasants were given the remaining three days to work "for themselves", which guaranteed the peasants at least a minimum level of income and increase the stability of the peasant economy, which was also important for the interests of the Treasury. All attempts by Soviet historians to belittle the significance of this Manifest and prove its purely recommendatory nature, in our opinion, do not stand up to any criticism (Zakharov, 2017; Zakharov, 2019). When Pavel ascended the throne, serfs were directly sworn in to the Emperor for the first time in a hundred years. Before that, landlords did it for them. That way, for the first time, serfs were recognized as people and subjects, not just objects of law. In any case, during the reign of Pavel I, which was characterized by extreme contradictions, the situation of the peasants, and especially the serfs, for the first time did not become the worst, but at least slightly improved. The foundations were laid for a new policy aimed at easing and, in the future, gradually eliminating serfdom (Ataeva, 2007).

Such policy was continued by the sons of Pavel I: Alexander I and Nicolas I. During the rule of Alexander I (1801–1825), who was focused, especially firstly, very liberally, there was *taken the course on gradual serfdom cancelation*. Alexander himself, due to impact of his teacher F.C. Lagarpa, was certain oppositionist of serfdom. However, the state was made worse by pro-serf moods of the most part of the nobility. And the emperor had to take into account that in front of him there was an example of his father, who dared to encroach on the privileges of the nobility and became a victim of a palace coup. That is why all events on peasants' questions were prepared in totally secret state and proceeded from the principle of voluntariness on the part of the nobility (Safonov, 1988). Alexander I began by ending the practice of distributing state peasants into private hands and eliminating the noblemen's monopoly on land ownership. By order on December 12, 1801, merchants, bourgeois and state peasants received the right to acquire uninhabited lands. In 1803–1804 the government moved to concrete measures to gradually cancel serfdom, but on the basis of the principle of voluntariness on the part of the landowners. By the order of February 20, 1803 (called the order on "free cultivators"), which was based on the initiative of the large landowner S.P. Rumyantsev, the landowners received the right to release the peasants for ransom with the obligatory allotment of land to them on the basis of the right of private ownership. The liberated peasants passed into a special category of free people or free farmers. However, the emperor's hopes for the humanism of the enlightened nobles did not come true. By 1825, a little more than a dozen landowners took advantage of this decree, having freed 33 782 male souls, which was only about 0.5 % of the total number of serfs (Zayonchkovsky, 1968). A year later, on February 20, 1804, an order was issued to improve the situation of the Ostsee peasants (in Livonia), and on August 27, 1804, it was extended to Estland. Here it was possible to achieve that the local nobility came forward with the initiative to free the peasants. The Baltic provinces were at a higher stage of socio-economic development, and most of the local nobility realized the economic disadvantage of serf relations. However, under this reform, local peasants received only personal freedom, albeit free of charge, but all the land remained in the ownership of the landowners. The reform was finally completed in 1816–1819, while it was extended to Courland.

Thus by 1820 there were tested two possible variants of peasants' freeing: with land and for a ransom (according to the order "on free farmers" in 1803) and free, but landless liberation in the Baltics. Among the anti-serfdom measures of the era of Alexander I, one can also note the cancelation in 1809 of the right of landowners to exile peasants to Siberia without trial and the original project of the gradual cancelation of serfdom, prepared in 1817 on behalf of the emperor by his confidant General A.A. Arakcheev. The project

came with the gradual redemption of the peasants from the landlords by the state and their transfer to the category of government peasants. For these purposes, it was supposed to annually allocate 5 000 000 rubles from the treasury. A.A. Arakcheev was not implemented, because was deemed overwhelming for the budget. At the same time, like the previous measures on the peasants' question, it was based on the principle of voluntariness on the part of the landowners (Mironenko, 1989).

If summarizing all the actions of Alexander I on the peasants' question, then we can say that the first real steps were taken to begin the serfdom cancellation in Russia, but the results were minimal. The principle of voluntariness on the part of the landowners worked only in the Baltic States, while in the main part of the Russian Empire, the nobility was sharply against any measures to improve the situation of the peasants. Alexander I did not dare to go against the opinion of his social support, remembering the fate of his father. In addition, the *foreign policy environment* did not made success for the reform implementation. After the victory over Napoleon, in the eyes of the nobility, there was no reason and no need to change anything. In addition, in 1820 a new series of revolutions began in Europe, which frightened the emperor himself and buried plans for further reforms, including the peasants' question.

His smaller brother Nicolas I (1825–1855) in the whole also was the supporter of gradual serfdom cancellation. The same position held the highest dignitaries from the closest circle of the emperor. In particular, the head of the III Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, Count A.Kh. Benckendorff, who enjoyed the special trust of Nicholas I, directly called serfdom a "powder cellar" under the foundations of the empire (Zayonchkovsky, 1968). The failed revel of the Decembrists also played a role. During the investigation, Decembrists, who developed several options for the elimination of serfdom, in every possible way tried to show the perniciousness of this institution for the further development of the country and also induce Nicholas I to carry out the necessary reforms. However, all this ran into the pro-serf position of the overwhelming part of the nobility. Nicholas I, like his predecessor, was not brave enough to go against to the opinion of the main social support of the ruling regime. In addition, the extreme conservatism of the world outlook of the emperor himself affected.

In the result, during the rule of Nicolas I, Secret Committees on the peasant question were constantly created: in 1826, 1835, 1839–1840, 1844, 1846–1847 and 1848. But the effect of their activities was minimal. In 1837–1840 the reform of the state peasants was carried out under the leadership of P.D. Kiselyov ("chief manager for peasant affairs" as Nicholas I called him), which improved the position of almost half of the peasant population (size of land allotments and duties were clearly regulated, volost self-government was introduced), but did not affect the landlord peasants. On April 2, 1842, an order on "obliged peasants" was issued, which can be considered a conservative addition to the order on "free farmers". Its essence boiled down to the fact that in the event of an agreement with the landowner, the peasant received personal freedom and was transferred to the category of "obligated peasants". He received the land allotment not as property, as according to the order of 1803, but only for use for the performance of duties, the amount of which was determined in the contract. The conditions of release were extremely unfavorable for the peasants, and there were few who wanted to use this order. The result of its application turned out to be even more modest than that of the order on "free farmers". By 1857, according to it, several landowners had freed 24 708 revision souls or 0.25 % of the total number of serfs (Zayonchkovsky, 1968). In 1847–1848 the so-called Inventory Reform was carried out in the Western Territory (Right-Bank Ukraine and Belarus), which had a pronounced political orientation. The exact sizes of allotments (they could not be reduced arbitrarily) and duties (they could not be increased arbitrarily) were established. For the first time, the government directly intervened in the relationship between peasants and landowners, in fact, on the side of the peasants. This is explained by the fact that most of the landowners were Poles, and the government tried to isolate them in the event of a new possible uprising, winning over the peasants (among whom Ukrainians and Belarusians predominated). It can also be noted the order of June 12, 1844 on the right of the landowner to release the household servants without land and on the right to release the household servants in the estates mortgaged in banks, the order on November 8, 1848 on the right of peasants to buy back the land in the event of the sale of the estate at auction, and the order of March 3, 1848 on the right of peasants to acquire real estate, but with the consent of the landlords (Zayonchkovsky, 1968; Litvak, 1991).

Thus, there continued the course of Alexander I, which was focused on gradual peasants' freeing, but taken measures had private character and were reduced to a partial improvement in the situation of certain categories of peasants or extended to strictly defined territories (such as the Inventory Reform). There still prevailed the principle of voluntariness on the part of the nobility. The question of the forced cancellation of serfdom was not even considered. The foreign policy factor also did not contribute to the successful implementation of the peasant reform. Until the Crimean War, foreign policy successes created the illusion of visible prosperity and strengthened the desire of the ruling circles for maximum stability and preservation of the existing order and relations.

5. Conclusion

In the course of the research, the authors came to the following conclusions. Firstly, the process of serfdom establishing in Russia was stretched in time and lasted at least a century and a half from 1497 to 1649. The question about the reasons of enslavement is still being discussed. Most likely, there was a

combination of several factors: desire of the government to ensure the country's defense with a minimum of financial resources (concept of S.M. Solovyov); consequences of the Oprichnina and the Livonian war, which caused a mass escape of peasants to the suburbs, decline of tax collection and at the same time the revenue of the nobles, which had a negative impact on their ability to sustain military duties (concept of V.B. Kobrin); long process of enslavement of the peasantry in the reclaiming new territories (concept of V.O. Klyuchevsky). At the same time, serfdom in Russia was finally established when in the countries of Western Europe it was cancelled many years ago, or was in the stage of destruction, which once again testifies the socially-economic delay of Russia because of the Mongol invasion and long-term dependence on the Golden Horde.

Secondly, serfdom in Russia had really hard forms, starting from the rule of Peter I, which has turned into system-forming factor of socially-economic and political development. In terms of militarily-mobilization development model exactly serf relation allowed reaching industrial production expansion, treasury revenues and the achievement of foreign policy goals. However, all these achievements were reached due to sharp tightening of society's exploitation and falling of the life level, especially peasants. During the rule of Ekaterina II serfdom in Russia reached its apogee. Being addicted to nobility, which in the face of guard led it to power, it had to constantly increase the amount of nobility's privileges, mostly by using peasants. During her reign peasants, whose number constantly increased because of giving peasants away to good hands, were out of remained rights. Their right status came very close to the status of slaves. At the same time, the liberation of the nobility from compulsory public service (1762, 1785) left serfdom without any meaning for its further existence, both in moral and state terms. Therefore, it is quite logical that Russian monarchs, beginning from Pavel I, are taking a course towards improving the situation of the peasants and the gradual cancellation of serfdom, such policy was especially actively pursued under Alexander I. However, the state was made worse by the fact that the main social base of ruling regime, nobility, most part of which was against any measures, focused on serfdom cancellation. The government was really afraid of going against the opinions of the most nobility. Only the defeat in the Crimean War (1853–1856), which showed the full degree of Russia's backwardness from the advanced countries of the West, forced the government to take action and take a course towards the forced cancellation of serfdom, despite protests from the nobility.

References

- Anpilogov, 1972** – *Anpilogov, G.N.* (1972). K voprosu o zakone 1592-1593 gg., otmenivshem vykhod krest'yanam v «urochnykh letakh». [On the issue of the law of 1592-1593, which abolished the output of the peasants in the "fixed years"]. *Istoriya SSSR*. 5: 161-171. [in Russian]
- Arakcheev, 2004** – *Arakcheev, V.A.* (2004). Zapovednyye gody na Severo-zapade Rossii: istoriografiya, istochniki, metody issledovaniya [Forbidden years in North-West Russia: historiography, sources, research methods]. *Otechestvennaya istoriya*. 3: 128-140. [in Russian]
- Arakcheev, 2008** – *Arakcheev, V.A.* (2008). Zakrepostitel'nyye meropriyatiya v russkom gosudarstve v nachale 1590-kh gg. [Fortification measures in the Russian state in the early 1590s]. *Izvestiya RPGU im. A.I. Gertsena*. 81: 60-66. [in Russian]
- Ataeva, 2007** – *Ataeva, A.A.* (2007). Kontseptsiya krepostnogo prava V.O. Klyuchevskogo [The concept of serfdom V.O. Klyuchevsky]. *Izvestiya RPGU im. A.I. Gertsena*. 16(40): 20-24. [in Russian]
- Chicherin, 1858** – *Chicherin, B.N.* (1858). Opyty po istorii russkogo prava [Experiments on the history of Russian law]. M. [in Russian]
- Grekov, 1940** – *Grekov, B.D.* (1940). Glavneyshiye etapy v istorii krepostnogo prava v Rossii [The main stages in the history of serfdom in Russia]. M. [in Russian]
- Grekov, 1946** – *Grekov, B.D.* (1946). Krest'yane na Rusi s drevneyshikh vremen do XVII v. [Peasants in Russia from ancient times to the 17th century]. M. [in Russian]
- Klyuchevsky, 1885** – *Klyuchevsky, V.O.* (1885). Proiskhozhdeniye krepostnogo prava v Rossii [The origin of serfdom in Russia]. *Russkaya mysl'*. 8, 9, 10. [in Russian]
- Klyuchevsky, 1988** – *Klyuchevsky, V.O.* (1988). Sochineniya v 9 tomakh. Tom 2 [Works in 9 volumes. Volume 2]. M. [in Russian]
- Kobrin, 1991** – *Kobrin, V.B.* (1991). Izbrannaya Rada ili Oprichnina? [Chosen Rada or Oprichnina?]. In *Istoriya Otechestva: lyudi, idei, resheniya. Kn. 1. Ocherki istorii Rossii IX – nachala XX vv.* [History of the Fatherland: people, ideas, solutions. Book. 1. Essays on the history of Russia IX - early XX centuries]. M. [in Russian]
- Koretsky, 1970** – *Koretsky, V.I.* (1970). Zakrepostshcheniye krest'yan i klassovaya bor'ba v Rossii vo 2-oy polovine XVI veka [The enslavement of the peasants and the class struggle in Russia in the 2nd half of the 16th century]. M. [in Russian]
- Koretsky, 1975** – *Koretsky, V.I.* (1975). Formirovaniye krepostnogo prava i pervaya krest'yanskaya voyna v Rossii [Formation of serfdom and the first peasant war in Russia]. M. [in Russian]
- Litvak, 1991** – *Litvak, B.G.* (1991). Perevorot 1861 g. v Rossii: pochemu ne realizovalas' reformatorskaya al'ternativa. [The coup of 1861 in Russia: why the reformist alternative was not realized]. M. [in Russian]

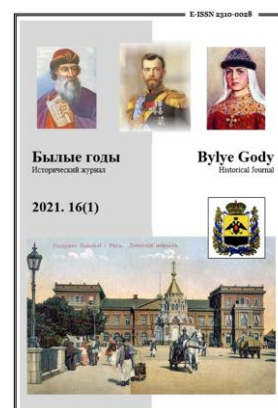
- Mironenko, 1989** – *Mironenko, S.V.* (1989). Samoderzhaviye i reformy: politicheskaya bor'ba v Rossii v nachale XIX v. [Autocracy and reforms: political struggle in Russia at the beginning of the 19th century]. M. [in Russian]
- Paneakh, 1972** – *Paneakh, V.M.* (1972). Zakreposhcheniye krest'yan v XVII veke. Novyye materialy, kontseptsii, perspektivy izucheniya [The enslavement of the peasants in the 17th century. New materials, concepts, research perspectives]. *Istoriya SSSR*. 1: 160-163. [in Russian]
- Pochivalova, 2012** – *Pochivalova, A.V.* (2012). M.P. Pogodin o probleme krepostnogo prava v Rossii. [M.P. Pogodin on the problem of serfdom in Russia]. *Izvestiya Penzenskogo gos.ped.un-ta im. V.G. Belinskogo. Gumanitarnyye nauki*. 27(4): 933-937. [in Russian]
- Pogodin, 1867** – *Pogodin, M.P.* (1867). Dolzhno li schitat' B. Godunova osnovatelem krepostnogo prava [Should B. Godunov be considered the founder of serfdom]. In *Istoriko-kriticheskiye otryvki: v 2-kh knigakh* [Historical and critical passages: in 2 books] M. [in Russian]
- Radishchev, 1981** – *Radishchev, A.N.* (1981). Puteshestviye iz Peterburga v Moskvu [Travel from Saint Petersburg to Moscow]. Leningrad. [in Russian]
- Safonov, 1988** – *Safonov, M.M.* (1988). Problema reform v pravitel'stvennoy politike Rossii na rubezhe XVIII – XIX vv. [The problem of reforms in the government policy of Russia at the turn of the XVIII – XIX centuries]. Leningrad. [in Russian]
- Sergeevich, 1903** – *Sergeevich, V.I.* (1903). Russkiye yuridicheskiye drevnosti. Tom 1 [Russian legal antiquities. Volume 1]. Leningrad. [in Russian]
- Skrynnikov, 1973** – *Skrynnikov, R.G.* (1973). «Zapovednyye» i «urochnyye» gody tsarya Fodora Ivanovicha [The "forbidden" and "fixed" years of Tsar Fyodor Ivanovich]. *Istoriya SSSR*. 1: 99-129. [in Russian]
- Soloviev, 1997** – *Soloviev, S.M.* (1997). Sochneniya v 18 knigakh. Kniga 7 [Compositions in 18 books. Book 7]. M. [in Russian]
- Zakharov, 2017** – *Zakharov, V.Yu.* (2017). Rossiyskiy i zarubezhnyy konstitutsionalizm kontsa XVIII – 1-oy chetverti XIX vv.: opyt sravnitel'no-istoricheskogo analiza. Ch. 2 [Russian and foreign constitutionalism of the late 18th – 1st quarter of the 19th centuries: the experience of comparative historical analysis. Part 2]. M. [in Russian]
- Zakharov, 2019** – *Zakharov, V.Yu.* (2019). Osobennosti sotsial'noy politiki Pavla I [Features of the social policy of Paul I]. *U istokov rossiyskoy gosudarstvennosti. Issledovaniya, materialy. Materialy XII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Meshchovskkiye chteniya"*. Pp. 150-153. [in Russian]
- Zayonchkovsky, 1968** – *Zayonchkovsky, P.A.* (1968). Otmena krepostnogo prava v Rossii. Izdaniye 3-e. [Abolition of serfdom in Russia. 3rd edition]. M. [in Russian]

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 262-269.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.262
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

State Policy Towards the Participants of the Polish Uprising of 1863–1864: the Novgorod Exile of the Catholic Bishop Vikenty Theophil Popel

Galina I. Sinko ^a, Vladimir N. Shaidurov ^{a, b, *}

^a Pushkin Leningrad State University, Russian Federation

^b East European Historical Society, Russian Federation

Abstract

After the suppression of the January uprising of 1863, the anti-Polish policy in the Russian Empire intensified. Many participants of the uprising ended up in hard labor, in prisons and in exile. The degree of the rebels' guilt determined the severity of the punishment. In the Novgorod region, which was located between the two capitals, people who did not pose a great threat to security, relatives of exiles, participants of the uprising who had already served many years of hard labor and exile in Siberia were exiled. Persons with a special social status could serve their exile in Novgorod. Such an exile in Novgorod was the bishop of the Roman Catholic Church, Vikenty Theophilus Popel. The peculiarity of the Polish events of 1863–1864 was that in the mass armed uprising organized in the North-Western region of the Russian Empire, there was a pronounced religious component. The Catholic clergy led the ideological struggle against the imperial power, actively carried out propaganda, using clerical methods of mobilization. The exile of Bishop Popel to Novgorod (1868–1875), who did not take an active part in the uprising, was not punitive, but isolated in nature, and therefore limited the bishop's ability to communicate with the Catholic clergy and flock. The article deals with the actual topic of the influence of a historical event on the life of an individual on the example of Bishop Popel. The consideration of the conditions for serving the exile by priest F. Sidorovich allows us to conclude how the social and confessional status of the exiled influenced the repressive nature of the measures of influence on him by the state.

Keywords: January Uprising of 1863, Polish question, Catholic Church, political exile, police supervision, perustration.

1. Введение

Для императорской России польский вопрос на протяжении нескольких столетий являлся одним из сложных в национальной политике. В XIX в. борьба Польши за независимость от России стала «болевым точкой» международных отношений в Европе. Независимость Польши рассматривалась как многовекторная проблема, для решения которой необходимо было выполнить широкий круг задач: экономических, этнических, геополитических, культурных, религиозных. В российской патриотической литературе имперская политика России оправдывалась борьбой за интересы славянского мира: «Под наше знамя история поставила самобытность Славянского племени, свободную будущность общественного и духовного развития Славянства» (Гильфердинг, 1885: 69). Сами поляки в духе идеологии европейского либерализма противостояние с Россией называли борьбой за свободу, национальную независимость, историческую справедливость.

Славянофил Ю. Самарин, рассуждая о сложности польского вопроса, утверждал, что он складывается из трех понятий, по существу различных, но тесно связанных между собой. «Поляки – как народ, как особенная стихия, в группе славянских племен. Польша – как самостоятельное государство. Наконец, полонизм – как просветительное начало, как представительство,

* Corresponding author

E-mail addresses: s-w-n@mail.ru (V.N. Shaidurov), sinko70@mail.ru (G.I. Sinko)

и вооруженная пропаганда латинства в среде Славянского мира. Эти три понятия беспрестанно смешиваются и переходят одно в другое. Вся политика поляков заключается в их отождествлении; наша политика – в их разъединении» (Самарин, 1885: 1).

Польское восстание 1863–1864 гг., известное еще как Январское восстание, на землях бывшей Речи Посполитой, отошедших к Российской империи за восстановление независимости Польши в границах 1772 г., было подавлено и вызвало усиление антипольской политики в государстве.

Настоящее исследование посвящено актуальной теме анализа влияния исторических событий на жизнь и судьбу отдельного человека. Историю творят люди, которые хотят сделать жизнь лучше, справедливей, с их точки зрения. Они могут действовать поодиночке или объединяться в группы с единомышленниками и часто готовы идти до конца, отдать жизнь за свои идеи. История, в свою очередь, свершаясь в значимых событиях и процессах, увлекает в поток перемен целые народы. Жизнь отдельного человека нередко теряется в масштабе изменений, превращаясь в судьбу класса, общности, народа. Поэтому так важно в исторических событиях увидеть уникальную, неповторимую, такую важную жизнь одного человека.

2. Материалы и методы

В данной статье рассматриваются некоторые общие и частные аспекты ссылки римско-католических священников, симпатизировавших участникам Январского восстания 1863–1864 гг. В центре внимания находится повседневная жизнь католического епископа Викентия Феофана Попеля (1825–1912) во время его нахождения под надзором полиции в Новгороде (1868–1875).

В основу работы легли, в первую очередь, материалы фонда новгородского губернатора (Ф. 138) Государственного архива Новгородской области. Были использованы ведомственная переписка министра внутренних дел и новгородского губернатора, донесения полицейских исправников г. Новгорода, материалы периодической печати. Одним из самых важных источников, позволивших восстановить некоторые подробности пребывания епископа Попеля в новгородской ссылке, стали его письма, перлюстрированные местными чиновниками, владевшими польским языком. Переписка с родственниками, друзьями, подопечными имела разное содержание. Но ее анализ позволяет выявить изменения в личной жизни, психологию людей, настроения в обществе.

Методологической основой исследования стала теория адаптации. С ее позиции мы рассматриваем процессы приспособления служителей римско-католической церкви различного уровня к новым условиям жизни во время ссылки. Для достижения поставленной цели были использованы как общенаучные, так и узкоспециальные методы. Так, работа с историческими источниками основана на методах архивной эвристики (выявление достоверных документов), а использование писем как одного из видов нарративных источников – на методах внешней и внутренней критики. Проблемно-хронологический подход в исследовании обусловил использование историко-сравнительного метода. Именно использование комплекса методов позволяет полноценно решить исследовательские задачи.

3. Обсуждение

История изучения польской ссылки в имперский период насчитывает почти 150 лет. «Пионерами» стали польские исследователи. Первые публикации появились уже в середине 1880-х гг. за пределами России (Librowicz, 1884). В XX в. эта тема активно развивалась преимущественно с позиций мартирологического подхода (Janik, 1928). Но в течение длительного времени в центре внимания польскоязычных историков была ссылка поляков в Сибирь (Kuczyński, 1993; Masiarz, 1999). Этот факт объясняется не только глубоким следом, который оставила сибирская ссылка в исторической памяти поляков, но и тем, что с 1960–1970-х гг. именно в Сибири в рамках изучения истории общественно-политических движений XIX в. эта тема стала чрезвычайно популярной.

В современной отечественной исторической науке рассматриваются многие аспекты последствий Польского восстания 1863–1864 гг. Из исследований современных авторов хотелось бы выделить работы М.Д. Долбилова (Долбилов, 2000), В.Н. Шайдурова (Шайдуров, 2013), С.В. Римского (Римский, 1998), А.А. Загорнова (Загорнов, 2013), А.А. Камзоловой (Камзолова, 2002).

Основное внимание исследователей концентрируется на изучении польской ссылки. Особенностью историографии является тот факт, что она рассматривается либо сквозь призму отдельной личности, либо обезличено. И уж совсем мало исследований, посвященных отдельным социальным группам ссылке. На этом фоне следует выделить публикации И.Н. Никулиной, которая на протяжении многих лет изучает разные аспекты ссылки в Сибирь римско-католических священников, акцентируя внимание на тех из них, кто оказался за Уралом в ходе репрессий середины 1860-х гг. (Никулина, 2004; 2005; 2007; 2011).

Особенностью не только польской, но и российской историографии является «сибирское» доминирование. Сложившиеся в Барнауле, Иркутске, Омске, Томске научные школы активно разрабатывают эту тему. На этом фоне практически теряются немногочисленные исследования, посвященные принудительному пребыванию польских ссылке в других регионах. Они носят, как

правило, ситуативный характер, не являясь систематическими. В полной мере это можно отнести, например, к ссылке в Новгородскую губернию (Алексеева, 2013; Ковалев, 2019).

Изучение литературы по истории польской ссылки середины 1860-х – 1870-х гг. позволяет нам сделать вывод о том, что к настоящему моменту эта страница общей польско-русской истории до конца не изучена. Вне поля зрения в силу обстоятельств оказывались различные аспекты повседневной жизни ссыльных. Эти вопросы требуют дальнейшего изучения.

4. Результаты

Роль католической церкви в восстании была особой. Католические священники были духовными вдохновителями борьбы поляков за независимость от России, помимо всех ее прочих причин, выделяя отсутствие религиозного единства. По словам польского публициста второй половины XIX в. Мирославского: «Польша – это острый клин, вогнанный латинством в самую сердцевину славянского мира с целью расколоть его в щепы» (Самарин, 1885: 6).

После утраты независимости Польша римско-католическое духовенство не могло смириться с утратой господствующего правового статуса и привилегий государственной идеологии. Положение церкви, хоть и «покровительствуемой» православным императором, но только «терпимой» при господствующем положении Церкви Православной в государстве, было невыносимо для католических священников и епископата (Свод законов, 1857). Поэтому часто именно представители римско-католического духовенства за свои патриотические проповеди обвинялись властью в подстрекательстве к бунту, осуждались по приговору суда к тюремному заключению, каторге, ссылке.

Одним из мест ссылки после Январского восстания 1863 г. была Новгородская губерния. Она находилась между двух столиц и была местом ссылки для лиц, не представляющих большой угрозы для безопасности государства, которые не были активными участниками восстания либо уже отбыли многолетнюю ссылку в Сибири. Также в Новгородскую губернию ссылались члены семей повстанцев. Ссыльные, имеющие высокий социальный статус, могли размещаться в самом г. Новгороде.

Особым ссыльным в Новгороде был католический епископ Викентий (Винцентий) Теофил (Теофил) Попель (1825–1912). В молодые годы он обучался в Лёвенском католическом университете (Бельгия), а затем в Риме. Несколько лет занимался педагогической деятельностью в духовной семинарии в Кельцах. Иерейское рукоположение им было принято 5 августа 1849 г. В 1862 г. Попель возглавил Варшавскую духовную академию, став ее ректором, а 16 марта 1863 г. Папа Римский Пий IX назначил его епископом-ординарием епархии Плоцка.

В самом восстании Попель активного участия не принимал, но являлся явным идейным противником власти. Газета «Биржевые новости» № 239 от 28–30 августа 1868 г. так характеризовала епископа и факт его ссылки в г. Новгород: «Он... постоянно отличался оппозиционным характером. Все новые реформы, даже не касающиеся Церкви, находили в нем тайного или явного сопротивника, и не пропускал он случая возбуждать и в населении подобные же чувства» (ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2513. Л. 18). В вину епископу вменялась особая духовная близость с паствой и возможность влиять на нее в бунтарском духе. Непосредственным поводом ссылки в Новгород стал отказ Попеля как Плоцкого епископа выслать в Санкт-Петербург депутата в учреждающуюся там Коллегию или Синод католический (ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2513. Л. 18).

Впервые информация о приезде ссыльного епископа в Новгород появляется в телеграмме министра внутренних дел А.Е. Тимашева новгородскому губернатору Э.В. Лерхе 14 августа 1868 г., в которой последнему было поручено подобрать приличное помещение для заселения Попеля (ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2513. Л. 1).

19 августа 1868 г. новгородский губернатор сообщил в столицу, что из Варшавы в Новгород прибыл и занял приготовленную квартиру католический епископ Попель (ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2513. Л. 4). Квартира была нанята в доме купца Федорова по Чудиновской улице с платой в месяц по 20 руб. и за меблировку комнат 15 руб. – всего 35 руб. в месяц.

О высоком общественном статусе епископа Попеля свидетельствует то, что вопросы его пребывания в новгородской ссылке решались на самом высоком государственном уровне. Так, 27 августа Тимашев в секретном письме к Лерхе интересовался подробностями размещения высокопоставленного ссыльного. Уже 7 сентября он известил начальника Новгородской губернии о повелении Александра II назначить ежегодное содержание католическому епископу Попелю в размере 3000 руб., включая в эту сумму расходы на квартиру и отопление (ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2513. Л. 22).

В июле 1869 г. новгородский губернатор Лерхе в телеграмме на имя министра внутренних дел пишет о просьбе епископа Попеля приветствовать Великих князей Дмитрия и Константина Константиновичей при их проезде через Новгород. Ответ, данный 23 июля 1869 г. министром внутренних дел Тимашевым, содержит указание препятствовать епископу Попелю в приветствии Великих князей (ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2513. Л. 36–37). Несмотря на полученный отказ, само рассмотрение данного вопроса на уровне министра внутренних дел говорит об особом отношении власти к ссыльному епископу.

Недоверие власти к Попелю выражалось в стремлении изолировать его, свести к минимуму общение с католическими священниками и представителями немногочисленной католической общины Новгорода.

4 сентября 1868 г. министр внутренних дел Тимашев в своем письме информирует начальника Новгородской губернии о том, что епископ Попель извещает о своем прибытии в Новгород управляющего Могилевской архиепархией епископа Станевского и о том, что он служит литургию в местном костеле за неимением домашней каплицы и просит о дозволении совершать духовные требы для католиков и назначения ему особого капеллана. Министр считает, что разрешить это невозможно, хотя епископ Станевский в духовном отношении возражений не имеет. Попелю разрешается иметь домашнюю каплицу для личного использования без присутствия посторонних лиц, без проповедей и отправления духовных треб (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2513. Л. 10-11, 14-15).

После запрещения Попелю проводить службы и совершать духовные требы в местном костеле католики Новгорода начали приходить в домашнюю каплицу епископа. Следует отметить, что в традиционной религиозности происходит трансформация как ответная реакция на изменяющуюся культурную реальность (Синько, 2019: 18). Прихожанам было важно не место службы, а возможность общения с духовным лицом.

Новгородский полицеймейстер в объявлении обнародовал запрет на посещение церковных служб, проводимых Попелем в каплице, устроенной в его квартире. Для удостоверения об информировании католиков они должны были расписаться под текстом объявления (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2513. Л. 50-51).

В конце апреля 1872 г. новгородскому губернатору пришло сообщение о том, что многие из ксендзов, освобожденных от надзора полиции, отправились в место пребывания католического епископа Попеля. Сближение с подобными неблагонадежными лицами свидетельствует далеко не в пользу политических убеждений означенных ксендзов, поэтому губернатору дается распоряжение от министра внутренних дел об учреждении строгого секретного наблюдения и в случае обнаружения неблагонадежности этих ксендзов донести до сведения министерства для принятия соответствующих мер (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2513. Л. 55).

Об изоляционном характере воздействия на епископа Попеля свидетельствует разрешение на перемещение его в пределах Новгородской области. В 1873 г. ему было разрешено провести два летних месяца в местности Собачьи Горбы Новгородского уезда (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2513. Л. 62-63). Тем не менее ходатайство Попеля о разрешении ему поездки в Санкт-Петербург было отклонено (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2513. Л. 62-63).

Высочайшим указом, данным Правительствующему сенату 29 августа 1875 г., находящийся в Новгороде римско-католический епископ Викентий Попель назначен Куявско-Калишским епархиальным епископом, при этом ему Александром II пожалована тысяча рублей на обзаведение и проезд в г. Санкт-Петербург для принятия присяги по новой должности (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2513. Л. 74, 76).

Материалы по содержанию Попеля собраны в двух делах Государственного архива Новгородской области: «Материалы о назначении содержания Попелю, Римско-католическому ссыльному епископу (рапорты, распоряжения и др.). Октябрь 1868 – январь 1875 гг. (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2514) и «О назначении денежного содержания ссыльному епископу Попелю (и другим). Январь 1872 – февраль 1876 гг. (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2664). В нем представлен подробный отчет о материальном содержании Попеля, назначении ему годовых выплат из казны на содержание, отдельных согласованных выплат на определенные нужды. Годовое содержание Попеля составляло 3000 руб. и было самым высоким из всех сосланных в г. Новгород поляков (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2664. Л. 49). Тем не менее оно было в два раза меньше, чем описывается в газете «Биржевые ведомости», где жизнь Попеля в ссылке представляется как полная довольства и роскоши (карета, личный повар, прислуга, 6000 руб. годового содержания) и указывается на несоответствие статуса ссыльного мученика, пострадавшего за свои убеждения, который он имеет у своих соотечественников (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2513. Л. 18).

Особое место в архивных материалах о епископе Попеле занимает его переписка с родственниками, знакомыми, католическими священниками.

Эпистолярные формы коммуникации были основной возможностью ссыльных получать информацию с покинутой родины, поддерживать связь с семьей, близкими и знакомыми людьми. Вся корреспонденция, которая поступала к ссыльным и которую отправляли они сами, подвергалась процессу перлюстрации. «Поскольку переписка ссыльных была под контролем, адресовать ее следовало на канцелярию губернатора. Для осуществления контроля в штат Новгородского губернского правления был определен специальный переводчик, хорошо знающий польский язык, штабс-капитан Николай Леохновский» (Ковалев, 2019: 167). Если письмо не содержало опасной, с точки зрения властей, информации, то осуществлялся его краткий перевод или пересказ основных мыслей. Если в письме встречались предосудительные, подозрительные высказывания, обсуждения политических событий, иносказания, упоминание августейших особ, письмо переводилось дословно,

а автор брался на особый учет. Каждый перевод письма должен был заканчиваться фразой о том, что содержание письма не содержит ничего, что препятствовало бы его передаче адресату.

Знакомство с перепиской позволяет почувствовать атмосферу времени, взглянуть на события и судьбы людей не как на предмет исторической фактологии, а как на феномен жизни во всех ее проявлениях. Чувства, эмоции, переживания людей, которые они выражают друг другу, дают возможность понять мотивацию их поступков в тех или иных общественных процессах. Анализ жизни, наполненной важностью повседневных событий, помогает запечатлеть портрет эпохи.

В фондах Государственного архива Новгородской области сохранилась объемная почтовая переписка Попеля с родными и знакомыми за годы его ссылки в Новгороде (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2666). Большое количество писем приходило Попелю из Польши от родственников. Все они содержат уверения уважения к нему, пожелания здоровья и скорейшего возвращения, обещания молиться за него. Письма брата Ипполита за 1872 год в основном посвящены вопросам ведения хозяйства. Ипполит благодарит брата за поддержку и посылки, просит не упрекать его за неумелое ведение хозяйства. Он жалуется, что дела у него идут плохо и что четыре года кряду были неурожаи, которые привели к голоду. Он дает подробное описание того, что им было сделано за четыре года и куда были израсходованы деньги (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2666. Л. 70). Подробный хозяйственный отчет дает понять, что в отсутствие брата именно Ипполит вел все дела семьи.

Другие братья Попеля, Павел и Вацлав, также состояли в активной с ним переписке, уделяя много внимания хозяйственным вопросам (урожаи, градобитие, найм мужиков, денежные расходы). Племянницы Попеля в письмах извещают о здоровье родственников, воспитании детей, родственных поездках и встречах на семейных праздниках (свадьбах, именинах), расходах и дороговизне жизни. Практически все родственники с волнением и заботой пишут Попелю о болезни Казимира: как они ухаживают за ним, о враче, выписанном из Германии для проведения операции. По содержанию писем можно составить представление о течении повседневной жизни, уровне доходов, родственной близости и теплоте отношений в этой большой семье, центральной фигурой которой, несомненно, был епископ Попель. Родственники благодарят Попеля за посылки, письма со словами поддержки и добрыми советами, часто извиняются за задержку с ответом, из чего можно сделать вывод, что переписка была насыщенной и ссыльный епископ искренне интересовался проблемами семьи, оказывал материальную и духовную помощь многим родственникам.

Много писем получал Попель от других католических священников, представителей папства из разных губерний страны. Многие письма содержат описание проблем, связанных с переездом, обустройством, церковным служением. Большинство адресантов выражают благодарность Попелю за участие в их делах, просят молиться о них.

Анализ переписки епископа Попеля позволяет судить о нем как о духовно сильном, участливом человеке, который в условиях ссылки словом и делом оказывал поддержку другим людям, попавшим в тяжелые жизненные обстоятельства.

Насколько репрессивными были меры государственного воздействия на осужденных за участие (в той или иной степени) в польском восстании 1863–1864 гг. католических священников, можно судить, сравнивая условия ссылки для признанных виновными.

В архиве Новгородской области сохранились документы, содержащие информацию о жизни в ссылке после Январского восстания католического священника Франца Сидоровича, который в 1863 г. был ксендзом Белостокского костела (Белостокский уезд, Гродненская губерния). Активного участия в восстании он не принимал, но был выслан в Вологодскую губернию как «признанный по сочувствию к мятежникам неблагонадежным в политическом отношении» (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2762. Л. 5-6). Впоследствии (апрель 1870 г.) ксендз был отправлен из Вологодской в Астраханскую губернию, но к месту поселения в г. Царев он прибыл только в январе 1872 г. Позже Сидорович обратился с ходатайством о возмещении ему денежного содержания за время самовольной отлучки в разных местах. Хотя в прошении в октябре 1874 г. было отказано, но и никакого наказания за самовольную отлучку из места ссылки тоже не последовало (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2762. Л. 140б.).

В июне 1873 г. Сидорович был перемещен из Астраханской губернии в Харьковскую губернию, где служил при костеле г. Харькова, имея бесплатную квартиру с прислугой и отоплением и денежное содержание из казны в 72 рубля.

Знакомство с ссыльным епископом Попелем сослужило Сидоровичу хорошую службу. Вероятно, они поддерживали связь и во время пребывания в ссылке. Церковные каноны требовали, чтобы епископу во время богослужений помогал капеллан. Попель неоднократно просил назначить ему духовного помощника, но только в мае 1874 г. его просьба была удовлетворена: именно Сидорович был назначен ему капелланом с разрешением последнему переехать из Харькова в Новгород (ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2762. Л. 1).

Служа капелланом, Сидорович жил и бесплатно питался в доме Попеля, что делало его существование в новгородской ссылке вполне благополучным. Все изменилось после отъезда из Новгорода епископа Попеля в июле 1875 г. Сидорович оказался в очень сложной жизненной ситуации (лишения, нищета, положение каторжника), и в прошении на имя новгородского губернатора в январе 1876 г. Он ходатайствовал о назначении ему денежного содержания для избавления от

жестокой участи (ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2762. Л. 44). 6 мая 1876 г. министр внутренних дел дает распоряжение назначить денежное пособие Сидоровичу в размере, получаемом им во время бытности под надзором (72 руб. 75 коп. Из них 15 коп. – суточное содержание, 1 руб. 50 коп. в месяц – на наем квартиры), выплаты рассчитать с 1 января 1876 г. (ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2762. Л. 55). Таким образом, власть не осталась равнодушной к судьбе Сидоровича и исправила ситуацию, допущенную по отношению к ссыльному католическому священнику.

В октябре 1877 г. Министерство внутренних дел дало разрешение на назначение ксендза Сидоровича викарием Новгородского костела по ходатайству римско-католического митрополита Могилевского (ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2762. Л. 71). Статус викария улучшил положение Сидоровича в новгородской ссылке.

В феврале 1878 г. губернатор Новгородской губернии Лерхе извещает министра внутренних дел о просьбе Сидоровича разрешить ему поездку в г. Санкт-Петербург для лечения болезни глаз (ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2762. Л. 76). Разрешение было получено, и священник несколько месяцев провел в столице на лечении.

30 ноября 1880 г. император высшим соизволением дозволил новгородскому викарию Римско-католической церкви Францу Сидоровичу повсеместное жительство в империи (ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2762. Л. 1090б.). Сидорович вернулся в Виленскую губернию, где был назначен на приходскую должность в Виленской Римско-католической епархии.

5. Заключение

Приведенные факты жизни В.Ф. Попеля и Ф. Сидоровича позволяют сравнить условия ссылки для высших католических иерархов и простых священников. Несомненно, наиболее тяжелым испытанием стала практическая изоляция от паствы и невозможность осуществлять духовные требы для немногочисленных единоверцев. Но статус епископа римско-католической церкви позволял Попелю пользоваться преимуществами церковного сана даже в ссылке. Денежное содержание, более чем в сорок раз превышающее пособие простого ксендза, большая свобода передвижения, лучшие условия жизни, внимание представителей центральной и местной власти – вот те привилегии, которые даже в условиях несвободы давали возможность епископу Попелю жить достойно, в соответствии с общественным положением. В то же время материальное положение десятков ксендзов, сосланных в Уфимскую, Томскую, Тобольскую, Иркутскую губернии, оставалось тяжелым. При скудости казенного пособия многие из них вынуждены были влачить едва ли не нищенское существование. Помогала выжить и адаптироваться к новым условиям жизни лишь поддержка по стороны других представителей ссыльной колонии или родственников.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-59-00010 «Этнические меньшинства в Беларуси и России в условиях общественных трансформаций 19–20 вв.»

Литература

Алексеева, 2013 – Алексеева М.А. Польская политическая ссылка после восстания 1863–1864 годов // К 150-летию Январского восстания в Польше: Польские ссыльные в Новгородской губернии. Великий Новгород, 2013. С. 74–83.

ГАНО – Государственный архив Новгородской области.

Гильфердинг, 1885 – Гильфердинг А.Ф. За что борются русские с поляками? // Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению в Западной России. Вып. 1 / Сост. и изд. С. Шолкович, Вильна. С. 328.

Долбилов, 2000 – Долбилов М.Д. Конструирование образов мятежа: политика М.Н. Муравьева в Литовско-белорусском крае в 1863–1865 гг. как объект историко-антропологического анализа // Actio Nova. 2000., М., Глобус. С. 338–408

Загорнов, 2013 – Загорнов А.А. Восстание 1863 г. и судебная модернизация Северо-Западного края // Русский Сборник: исследования по истории России. М., Модест Колеров, Том XV. С. 273–285.

Камзолова, 2002 – Камзолова А.А. Проблема выбора русского правительственного курса в Северо-Западном крае в 1860-е гг. // Вестник МГУ, Серия 8. № 1. С. 36–53.

Ковалев, 2019 – Ковалев Б.Н. Феофил Попель и другие: польская политическая ссылка в Новгородскую губернию после восстания 1863–1864 гг. / Россия и Польша: опыт тысячелетнего соседства. Материалы Международной научной конференции / Под ред. С.В. Леонова, Г.В. Талиной. Москва. С. 164–175.

Никулина, 2004 – Никулина И.Н. Из истории польской ссылки второй половины XIX века в Западной Сибири // Известия Томского политехнического университета. Т. 307. № 4. С. 169–174.

Никулина, 2005 – Никулина И.Н. Из истории пребывания поляков на Алтае (60-е гг. XIX в.) // Диаспоры. № 4. С. 83–99.

Никулина, 2007 – *Никулина И.Н.* Представители католического духовенства в западносибирской ссылке (60-е–70-е гг. XIX в.) // *Известия Иркутского государственного университета*. Серия «Политология. Религиоведение». № 1. С. 155-160.

Никулина, 2011 – *Никулина И.Н.* Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в. (20-е – первая половина 70-х гг. XIX в.). Иркутск.

Римский, 1998 – *Римский С.В.* Конфессиональная политика в России в Западном крае и Прибалтике в XIX в. // *Вопросы истории*. № 3. С. 25-44.

Самарин, 1885 – *Самарин Ю.Ф.* Современный объем Польского вопроса // *Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению в Западной России*. Вып. 1 / Сост. и изд. С. Шолкович, Вильна, 1885.

Свод законов Российской империи – Свод законов Российской империи. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. Об управлении духовных дел христиан римско-католического исповедания. Т. XI. Ч. 1. СПб., 1857. Ст. 1.

Синько, 2019 – *Синько Г.И.* Религиозное сознание в современном мегаполисе: тенденции к трансформации / *Феномен новых религий в ситуации религиозного плюрализма и религиозной конкуренции*. Материалы Международной научно-практической конференции. СПб., С. 15-19.

Шайдунов, 2013 – *Шайдунов В.Н.* О некоторых особенностях формирования и экономического развития польской общины Западной Сибири XIX – начала XX в. // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. № 2(21). С. 88-97.

Janik, 1928 – *Janik M.* Dzieje polakow na Syberji. Krakow, 1928.

Kuczyński, 1993 – *Kuczyński A.* Syberia. Cztery lata polskiej diaspory. Wrocław, Warszawa, Krakow, 1993.

Librowicz, 1884 – *Librowicz, Z.* Polacy w Syberji. Krakow. G. Gebethner i Spolka, 1884.

Masiarz, 1999 – *Masiarz V.* Dzieje kościoła I polskiej diaspory w Tobolsku na Syberii. 1838–1922. Krakow, 1999.

References

Alekseeva, 2013 – *Alekseeva, M.A.* (2013). Pol'skaya politicheskaya sсыlka posle vosstaniya 1863–1864 godov [Polish political exile after the uprising of 1863-1864]. *K 150-letiyu Yanvar'skogo vosstaniya v Pol'she: Pol'skie sсыl'nye v Novgorodskoi gubernii*. Velikii Novgorod, 2013. Pp. 74-83. [in Russian]

Dolbilov, 2000 – *Dolbilov, M.D.* (2000). Konstruirovaniye obrazov myatezha: politika M.N. Murav'eva v Litovsko-belorusskom krae v 1863-1865 gg. kak ob"ekt istoriko-antropologicheskogo analiza [Constructing Images of Rebellion: the Policy of M. N. Muravyov in the Lithuanian-Belarusian Region in 1863-1865 as an object of historical and anthropological analysis]. *Actio Nova*. Moskva, Globus. Pp. 338-408. [in Russian]

GANO – Gosudarstvennyi arkhiv Novgorodskoi oblasti [State archive of the Novgorod region].

Gil'ferding, 1885 – *Gil'ferding, A.F.* (1885). Za chto boryutsya russkie s polyakami? [What are the Russians fighting the Poles for?]. *Sbornik statej, raz"yasnyayushchih pol'skoe delo po otnosheniyu v Zapadnoj Rossii*. Vyp.1 Sost. i izd. S. Sholkovich, Vil'na. [in Russian]

Janik, 1928 – *Janik, M.* (1928). Dzieje polakow na Syberji [The history of Poles in Siberia]. Krakow. [in Polish]

Kamzolova, 2002 – *Kamzolova, A.A.* (2002). Problema vybora russkogo pravitel'stvennogo kursa v Severo-Zapadnom krae v 1860-e gg. [The problem of Choosing the Russian Government Course in the North-Western Region in the 1860s]. *Vestnik MGU*, Seriya 8. 1: 36-53. [in Russian]

Kovalev, 2019 – *Kovalev, B.N.* (2019). Feofil Popel' i drugie: pol'skaya politicheskaya sсыlka v Novgorodskuyu guberniyu posle vosstaniya 1863 – 1864 gg. [Feofil Popel and others: Polish political exile to Novgorod province after the uprising of 1863-1864]. *Rossiya i Pol'sha: opyt tysyacheletnego sosiedstva*. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Pod red. S.V. Leonova, G.V. Talinoi. Moskva. Pp. 164-175. [in Russian]

Kuczyński, 1993 – *Kuczyński, A.* (1993). Syberia. Cztery lata polskiej diaspory [Siberia. Four hundred years of the Polish diaspora]. Wrocław, Warszawa, Krakow. [in Polish]

Librowicz, 1884 – *Librowicz, Z.* (1884). Polacy w Syberji [Poles in Siberia]. Krakow. G. Gebethner i Spolka. [in Polish]

Masiarz, 1999 – *Masiarz, V.* (1999). Dzieje kościoła I polskiej diaspory w Tobolsku na Syberii. 1838–1922 [History of the Church of the First Polish Diaspora in Tobolsk, Siberia. 1838–1922]. Krakow. [in Polish]

Nikulina, 2004 – *Nikulina, I.N.* (2004). Iz istorii pol'skoi sсыlki vtoroi poloviny XIX veka v Zapadnoi Sibiri [From the history of Polish exile in the second half of the XIX century in Western Siberia]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*. 4(307): 169-174. [in Russian]

Nikulina, 2005 – *Nikulina, I.N.* (2005). Iz istorii prebyvaniya polyakov na Altae (60-e gg. XIX v.) [From the history of the poles' stay in the Altai (60s of the XIX century)]. *Diaspory*. 4: 83-99. [in Russian]

Nikulina, 2007 – *Nikulina, I.N.* (2007). Predstaviteli katolicheskogo dukhovenstva v zapadnosibirskoi sсыlke (60-70-e gg. XIX v.) [Representatives of the Catholic clergy in the West Siberian exile (60-70-ies of the XIX century.)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Politologiya. Religiovedenie"*. 1: 155-160. [in Russian]

Nikulina, 2011 – *Nikulina, I.N.* (2011). *Religiya i politicheskie ssyl'nye Zapadnoi Sibiri v XIX v. (20-e – pervaya polovina 70-kh gg. XIX v.)* [Religion and political exiles of Western Siberia in the XIX century (20s–first half of the 70s of the XIX century)]. Irkutsk. [in Russian]

Rimskij, 1998 – *Rimskij, S.V.* (1998). *Konfessional'naya politika v Rossii v Zapadnom krae i Pribaltike v XIX v.* [Confessional politics in Russia in the Western Region and the Baltic States in the XIX century]. *Voprosy istorii*. 3: 25–44. [in Russian]

Samarin, 1885 – *Samarin, Yu.F.* (1885). *Sovremennyj ob'em Pol'skogo voprosa* [The current scope of the Polish Question]. *Sbornik statej, raz'yasnyayushchih pol'skoe delo po otnosheniyu v Zapadnoj Rossii*. Vyp. 1. Sost. i izd. S. Sholkovich, Vil'na. [in Russian]

Shaidurov, 2013 – *Shaidurov, V.N.* (2013). *O nekotoryh osobennostyah formirovaniya i ekonomicheskogo razvitiya pol'skoj obshchiny Zapadnoj Sibiri XIX – nachala XX v.* [On some features of the formation and economic development of the Polish community of Western Siberia in the XIX – early XX centuries]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*. 2(21): 88–97. [in Russian]

Sin'ko, 2019 – *Sin'ko, G.I.* (2019). *Religioznoe soznanie v sovremennom megapolise: tendencii k transformacii* [Religious Consciousness in the Modern Megalopolis: Trends towards Transformation]. *Fenomen novyh religij v situacii religioznogo plyuralizma i religioznoj konkurencii*. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. St-Petersburg. Pp. 15–19. [in Russian]

Svod zakonov Rossijskoj imperii – *Svod zakonov Rossijskoj imperii. Ustavy duhovnyh del inostrannyh ispovedanij. O upravlenii duhovnyh del hristian rimsko-katolicheskogo ispovedaniya.* [Code of Laws of the Russian Empire. Charters of spiritual affairs of foreign confessions. On the management of spiritual affairs of Christians of the Roman Catholic Confession]. T. XI. Ch. 1. SPb., 1857. St.1. [in Russian]

Zagornov, 2013 – *Zagornov, A.A.* (2013). *Vosstanie 1863 g. i sudebnaya modernizaciya Severo-Zapadnogo kraja.* [The uprising of 1863 and the judicial modernization of the North-West Region]. *Russkij Sbornik: issledovaniya po istorii Rossii*. Moskva, Modest Kolerov, Tom XV. Pp. 273–285. [in Russian]

Государственная политика по отношению к участникам Польского восстания 1863–1864 гг.: новгородская ссылка католического епископа Викентия Феофила Попеля

Галина Иосифовна Синько ^a, Владимир Николаевич Шайдуров ^{a,*}

^a Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Российская Федерация

Аннотация. После подавления Январского восстания 1863 г. усилилась антипольская политика в Российской империи. Многие участники восстания оказались на каторге, в тюрьмах и ссылках. Степень вины повстанцев определяла тяжесть наказания. В Новгородскую область, которая находилась между двух столиц, ссылались люди, не представлявшие большой угрозы для безопасности, родственники ссыльных, участники восстания, уже отбывшие многолетнюю каторгу и ссылку в Сибири. Отбывать ссылку в г. Новгороде могли лица, имеющие особый общественный статус. Таким ссыльным в Новгороде был епископ Римско-католической церкви Викентий Феофил Попель. Особенностью польских событий 1863–1864 гг. было то, что в массовом вооруженном восстании, организованном в Северо-Западном крае Российской империи, существовала ярко выраженная религиозная составляющая. Католическое духовенство возглавило идейную борьбу с имперской властью, активно проводило пропаганду, используя клерикальные методы мобилизации. Ссылка епископа Попеля в г. Новгород (1868–1875 гг.), не принимавшего активного участия в восстании, носила не карательный, а изоляционный характер, в связи с чем ограничивалась возможность общения епископа с католическим духовенством и паствой. В статье исследуется актуальная тема влияния исторического события на жизнь отдельного человека на примере епископа Попеля. Рассмотрение условий отбывания ссылки ксендзом Ф. Сидоровичем позволяет сделать вывод о том, насколько общественный и конфессиональный статус ссыльного влиял на репрессивный характер мер воздействия на него со стороны государства.

Ключевые слова: Январское восстание 1863 г., польский вопрос, католическая церковь, политическая ссылка, полицейский надзор, перлюстрация.

* Корреспондирующий автор

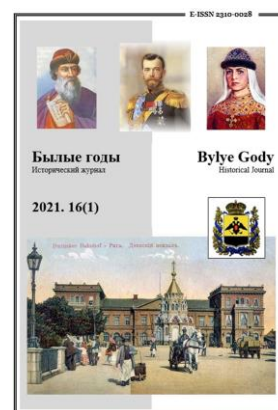
Адреса электронной почты: s-w-n@mail.ru (В.Н. Шайдуров), sinko70@mail.ru (Г.И. Синько)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 270-280.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.270
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Trends and Features of the Organization of State Property Management in the Turkestan General Government (second half of the 19th – early 20th century)

Yuliya A. Lysenko ^{a, b, c, *}

^aAltai State University, Russian Federation

^bCherkas Global University (International Network Center for Fundamental and Applied Research), Washington, USA

^cVolgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

Based on a wide range of sources, the article analyzes the process of creation and development of the Department of Agriculture and State Property in the Turkestan General Government. The need for it arose after the completion of the annexation of the Central Asian outskirts to the Russian Empire in the 60s of XIX century and legal consolidation of all natural resources of the region of the state. The department was supposed to protect state property, increase their profitability through leasing, identify new land resources, build irrigation systems on them, and contribute in every way to the development of agriculture in the region. Initially, the functions of the Department were carried out by regional and district governments of the Turkestan Territory, in the staff of which additional positions of officials of special assignments were formed for the mountain, forest, water, quitrent parts. At the end of the 19th century, in connection with the unification of the management system of national outskirts, a branch Administration appeared in Turkestan, reporting to the Ministry of Agriculture and State Property. However, its autonomy in the system of administrative and state bodies of Turkestan was not ensured. The head of the Department was subordinate not only to the relevant ministry, but also to the Turkestan governor-general. In the regions and counties of the region, the functions of managing state property were retained for the regional and county governments.

The vague distribution of the tasks of managing state property between the Department and regional boards led to tough confrontation between them, mutual claims, inconsistency in the implementation of specific work and decision-making. All this, in general, did not allow the formation of an effective service for the protection and augmentation of state property in Turkestan.

Keywords: Russian Empire, Turkestan Territory, sectoral management, Ministry of Agriculture and State Property.

1. Введение

На протяжении XIX в. происходило расширение границ Российской империи за счет включения в ее состав прежде всего национальных окраин – Царства Польского, Великого княжества Финляндского, Кавказа, Степного края, Туркестана. Неоднородность имперского пространства, обусловленная различиями цивилизационного и социально-экономического развития национальных окраин, привела к формированию вариативной модели управления ими. В нестабильных приграничных регионах – Кавказе, Степном крае и Туркестане – опорой центральной власти стал институт генерал-губернаторов (наместников), наделенных широкими полномочиями и ставших фактически местными региональными правителями от имени императорской власти.

Однако логика империостроительства второй половины XIX – начала XX вв. требовала оптимизации, централизации и унификации системы государственно-административного устройства.

* Corresponding author

E-mail addresses: iulia_199674@mail.ru (Yu.A. Lysenko)

Именно поэтому министерский (отраслевой) принцип управления, связанный с формированием региональных отделений профильных министерств Российской империи в национальных окраинах, стал основным в системе отношений «центр–регионы».

Как отмечает Е.М. Шушкова, «входящие в состав региональной администрации структуры оказались в двойном подчинении – собственно министерствам по вертикали и генерал-губернаторам на местах» (Шушкова, 2015: 3). Зачастую это приводило к рассогласованию в принятии директивных решений и снижало эффективность управления национальной окраиной. Кроме этого, реализация отраслевого принципа управления неизбежно сопровождалась сокращением полномочий генерал-губернаторов, что сопровождалось борьбой между ними и центральными правительственными органами за власть. Ярким примером может служить история Туркестанского управления Министерства землеустройства и государственных имуществ, деятельность которого во многом дублировала аналогичную структуру в областных правлениях Туркестанского генерал-губернаторства. Резкая критика в адрес друг друга, асинхронность в действиях и конкурирование между собой не позволили в конечном итоге сформировать эффективную службу по охране и приумножению государственной собственности в регионе и повысить ее рентабельность.

2. Материалы и методы

При подготовке статьи использовались несколько групп исторических источников. Прежде всего, это нормативно-правовые акты, отражающие структурное развитие органов власти в Туркестанском генерал-губернаторстве, ответственных за сохранность и развитие государственной собственности в регионе, – управлений земледелия и государственных имуществ и профильного отдела в областных управлениях края. Среди них Положение об управлении Туркестанским краем 1886 г., Правила о порядке местного заведования государственными имуществами в Туркестанском крае от 1897 г., Инструкция по управлению государственными имуществами и по заведованию государственной частью в Туркестанском крае 1902 г.

В статье также использовались материалы сенаторской ревизии Туркестанского генерал-губернаторства под руководством К.К. Палена, состоявшейся в 1908 г. Данный тип источников позволил проследить в динамике развитие Управления земледелия и государственных имуществ Туркестанского края, выявить круг задач, которые перед ним ставили правительственные органы, определить направления деятельности и ее результативность. Важной информацией в материалах ревизии являются сюжеты, отражающие характер взаимодействия Управления земледелия и государственных имуществ с отделом государственных имуществ в областных управлениях края, их противостояние в стремлении возложить работу по надзору за государственной собственностью.

К числу источников, привлекаемых к написанию статьи, следует отнести и материалы делопроизводства, а именно переписку региональных органов власти – военных губернаторов областей и туркестанских генерал-губернаторов между собой и центральными органами власти, их записки, заключения и проекты законов, направленных на совершенствование работы по охране регионального государственного имущества.

Методологической основой статьи выступила теория модернизации, в рамках которой формирование и развитие системы контроля за государственной собственностью в Туркестанском генерал-губернаторстве рассматривается как составная часть процесса его интеграции в общеимперское политико-правовое поле России и преобразований традиционного пространства. Для реализации задач исследования применялись историко-генетический и историко-сравнительный методы.

3. Обсуждение

Вопросы формирования и эволюции системы управления национальными окраинами Российской империи достаточно широко представлены в исторической литературе. Значительная часть исследователей, изучавших данную проблему, рассматривает ее в контексте присоединения/завоевания/включения национальных окраин в состав России и последующих реформ (Бахтурина, 2004; Бикташева, 2011: 95-99; Гордин, 2000; Национальные окраины Российской империи..., 1998; Трепавлов, 1999: 115-120).

Анализ системы управления Туркестанским генерал-губернаторством рассматривается в историографии в двух плоскостях: пространственном (административно-территориальном) и вертикальном (система отраслевого управления). Вопросы формирования и эволюции административно-территориальной системы управления регионом, роли генерал-губернаторов в ней представлены в исследованиях Н.А. Абдурахимовой, Г.К. Рустамовой, Д.В. Васильева, Е.А. Глущенко и ряда других ученых (Абдурахимова, Рустамова, 1999; Васильев, 2018; Глущенко, 2010; Центральная Азия в составе..., 2008). Тенденции и особенности формирования региональных органов Министерства финансов в Туркестане, финансовой, банковской и налоговой политики рассматривали А. Сапелкин, Е. Правилова, Ю.А. Лысенко; А.С. Жанбосинова (Сапелкин, 1963; Правилова, 2007; Лысенко, 2013; Лысенко, Жанбосинова, 2019). Система региональных органов Военного министерства и Министерства внутренних дел, в том числе Департамента полиции, анализировалась П.П. Литвиновым (Литвинов, 2007). Политика в области образования, деятельность краевых органов

Министерства народного просвещения в Туркестане нашла отражение в работах Ф.Б. Исхакова, Т.В. Котюковой, Е.М. Шушковой (Исхаков, 1997; Котюкова, 2010; Шушкова, 2015). Следует отметить, что большинство указанных авторов, вслед за А.В. Ремневым, рассматривают передачу управления Туркестаном в ведение общеимперских центральных органов при сохранении генерал-губернаторской власти как важное достижение на пути территориальной консолидации Российской империи (Ремнев, 2010: 150-173).

Собственно история регионального управления Министерства земледелия и государственных имуществ в Туркестане анализировалась в контексте организации переселенческого движения в регион, деятельности Переселенческого управления, проблемы переселения в целом (Галузо, 1933). Вопросы формирования и развития данной структуры лишь фрагментарно рассматривались в исследовании Е.М. Шушковой (Шушкова, 2015). Весь спектр проблемы, представленный в данной статье, будет анализироваться в историографии впервые.

4. Результаты

Как известно, с завершением присоединения центральноазиатских окраин к Российской империи и принятия первых Временных положений об управлении степными областями Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств, а также Туркестанского генерал-губернаторства 1867–1868 гг. все природные ресурсы региона – земля, вода, леса и т.д. – объявлялись государственной собственностью. Кочевому казахскому населению земельные пастбища были переданы в безвозмездное пользование. Вопрос о юридическом статусе земельных участков, принадлежавших коренному оседлому населению Туркестана, решался в 1880–1890-е гг.

С закреплением на законодательном уровне природных ресурсов Туркестана за государством актуализировался вопрос об их охране и правилах эксплуатации. Однако практические шаги в данном направлении стали приниматься не сразу: формирование системы контроля за государственными имуществами, его рациональным использованием и получением доходов в Туркестанском генерал-губернаторстве началось в 80-е гг. XIX столетия. Инертность властей в этом вопросе объяснялась рядом обстоятельств: поэтапностью формирования региональной управленческой системы, решением более значимых задач, опасением выступлений коренного населения против запрета пользования лесными, водными и иными ресурсами.

Только в 1886 г. в связи с принятием Положения об управлении Туркестанским краем 1886 г. охрана и управление государственными имуществами были возложены на генерал-губернатора (Положение об управлении..., 1886: 649-703). К числу государственных имуществ были вновь отнесены все земельные ресурсы региона, лесные массивы, водные системы, оброчные статьи и рыбные промыслы. В штат созданного подразделения при Канцелярии генерал-губернатора были введены дополнительные должности чиновников по лесной, горной, оброчной и сельскохозяйственной части. В 1891 г. добавилась должность чиновника особых поручений по ирригации.

Непосредственное заведование государственной собственностью было возложено на уездные администрации, подчинявшиеся областным правлениям. На областном уровне вопросы созданной службы курировали помощники военных губернаторов, которые осуществляли свою деятельность на основании общеимперского законодательства – на правах управлений государственными имуществами в губерниях Европейской России.

Таким образом, контроль за использованием и эксплуатацией значительных природных ресурсов огромного по территории Туркестана был сосредоточен в руках малочисленной и обремененной массой других обязанностей уездной и областной администрации. Ситуация усугублялась тем, что государственные имуществы в областях края – земля, лес, минеральные, водные, рыбные ресурсы – не имели полного описания. К тому же не была завершена работа по поземельному устройству коренного оседлого населения. Все это изначально предопределило крайне низкую эффективность работы краевой администрации по охране и рациональной эксплуатации природных ресурсов (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 20б.).

Между тем на рубеже XIX–XX вв. вопрос о повышении рентабельности центральноазиатских окраин Российской империи становился одним из ключевых в правительственной дискуссии о дальнейшей политике в данном регионе (Правилова, 2007: 3-8). Он напрямую был связан с его экономической интеграцией в систему производственных капиталистических отношений страны. От МВД и ряда отраслевых министерств поступали предложения о поэтапном снижении выделяемых из бюджета средств на содержание вооруженных сил Туркестанского военного округа. Наиболее эффективной мерой, направленной на увеличение доходности Туркестанского края, признавалось повышение прямого и косвенного обложения коренного населения.

Однако для всех было очевидно, что добиться роста финансовых поступлений туркестанской экономики в государственный бюджет возможно только посредством ввода в эксплуатацию природных ресурсов, прежде всего земельных, развития аграрного сектора экономики со ставкой на хлопководческую отрасль и крестьянское переселение. Успешность реализации данной экономической программы могло обеспечить формирование в Туркестане полноценного

регионального отделения Министерства земледелия и государственных имуществ, способного решать вопросы учета, рационального использования, приумножения природных ресурсов края (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 3).

Именно поэтому в начале 1890 г. Министерство земледелия и государственных имуществ и Министерство финансов инициировали процесс создания регионального отделения Министерства государственных имуществ в Туркестане. В ходе работы над соответствующим законопроектом столкнулись интересы двух указанных выше министерств и Военного министерства. Как отмечает Е.М. Шушкова, министр финансов С.Ю. Витте выступал за полную автономию и самостоятельность Управления государственным имуществом в Туркестане, как, например, финансового ведомства, контрольной палаты и некоторых других учреждений. Позицию С.Ю. Витте поддерживал А.С. Ермолов, новый министр земледелия и государственных имуществ (Шушкова, 2015: 14).

Военное министерство, ведомству которого непосредственно подчинялись туркестанские генерал-губернаторы, высказалось категорически против передачи всех функций по контролю за государственными имуществами в регионе автономной структуре. Оно настаивало на сохранении за генерал-губернатором права осуществлять данный вид деятельности. Аргументы Военного министерства сводились к тому, что введение в эксплуатацию природных, прежде всего земельных, ресурсов Туркестана возможно только после их кадастрового учета и решения проблемы землеустройства коренного оседлого населения. Решить столь фундаментальную задачу было под силу только генерал-губернатору, наделенному всей полнотой власти и более детально знакомому с реальной социально-экономической ситуацией в регионе. Очевидно, что за этой риторикой стояла задача сохранения за туркестанскими генерал-губернаторами важного рычага власти и управления – контроля за государственными имуществами и права ими распоряжаться.

Компромиссом между министерскими интересами стал закон «О порядке местного заведования государственными имуществами в Туркестанском генерал-губернаторстве и утверждении временного штата чинов по заведованию означенными имуществами в названном крае» от 2 июня 1897 г. (ПСЗРИ. 1900. Т. XVII. № 14250). Согласно закону, контроль и заведование государственным имуществом в Туркестанском крае возлагались на генерал-губернатора, при котором учреждалось Управление земледелия и государственных имуществ. Следующий уровень управления составляли областные правления на правах управлений государственным имуществом, а на местах – уездные начальники и местные чины Управления земледелия и государственных имуществ. При Управлении учреждались всего две должности чиновников по ирригации, в обязанности которых возлагались технический надзор за существующими в регионе ирригационными сооружениями и исполнение поручений генерал-губернатора и Главного управления.

В функционал областных и уездных отделений Управления государственным имуществом были переданы задачи, направленные на «разработку вопросов и мероприятий, касающихся развития сельскохозяйственной промышленности, изыскания целесообразных способов управления имуществами, приведения таковых в известность и описание их, а также наблюдение за существующими ирригационными сооружениями и постройки новых оросительных систем» (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 60б.).

Таким образом, вопросы заведования государственной собственностью в Туркестанском крае оказались в компетенции двух структур – краевых административных органов и краевого Управления земледелия и государственных имуществ, по оценке участников событий – «совершенно обособленного и лишенного фактически возможности руководствоваться делом на местах, где оно по-прежнему оставалось в руках областной администрации» (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 7).

К непосредственной деятельности Туркестанское управление государственным имуществом и земледелием приступило в ноябре 1897 г. Его задачами должны были стать оценка всех природных ресурсов в Туркестанском генерал-губернаторстве, их регистрация и учет, выявление «свободных участков» для формирования переселенческих участков или сдача их в аренду (оброчные статьи). К моменту создания Управления была проведена только классификация земельных ресурсов: земли, находящиеся во владении оседлого местного населения и обложенные земельным налогом; земли вакуфные, земли под переселение крестьян, земли городские, земли, предоставленные в общественное пользование кочевникам, богарные земли (неполивные), свободные земли (огромные пространства в горах и предгорьях, непригодные для хозяйственной деятельности) (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 11).

Оброчное хозяйство в Туркестане составляло к моменту создания Управления земледелия и государственных имуществ всего 570 статей, которые приносили казне доход около 100 тыс. руб. в год. Большая его часть поступала от сдачи в аренду частным лицам переправ через р. Сырдарью, Амударью и моста в г. Ходженте.

В крайне неудовлетворительном состоянии находилось в Туркестане и лесное хозяйство. Общая площадь равнинных и горных лесов составляла порядка 10 млн десятин. В 1879 г. указом генерал-губернатора К.П. Кауфмана была запрещена самовольная рубка леса. Но, несмотря на указ, его рубка, причем в хищнических размерах, продолжалась. Отслеживать ситуацию не представлялось возможным из-за отсутствия специального штата лесничих. Расхищались и саксаульные заросли,

призванные задерживать движение песков в степных лесах. Управление также должно было осуществлять деятельность, связанную с искусственным разведением лесов. Успешные опытные работы в данном направлении начали проводиться в Туркестане еще в 1880 г. в Шахриябских горах (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 60б.).

Министерство земледелия и государственных имуществ стремилось всячески поддерживать Туркестанское управление. В 1898 г. по распоряжению Министерства к нему были причислены 4 ирригационные изыскательные партии. В апреле 1900 г. специальным положением Комитета министров в ведение Управления были переданы вопросы рыболовства на Аральском море и его островах. Необходимость надзора за рыболовством на Амударье и Сырдарье привела к ассигнованию дополнительных денежных средств – 3000 руб. в год на расходы по надзору за рыболовством в Аральском бассейне (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 9-90б.).

Заведование государственными имуществами в областях Туркестанского края было сосредоточено в особых отделениях или делопроизводствах при областных правлениях. Каждое из них находилось в непосредственном ведении помощника военного губернатора в должности исполняющего обязанности управляющего государственными имуществами. Особое отделение состояло из управляющего-делопроизводителя, его помощника и писца. Кроме этого, при областных правлениях числились чиновники по сельскохозяйственным и оброчным статьям, а также лесничие. По заключению сенаторской ревизии Туркестанского края под руководством К.П. Палена в 1909 г. «помощник военного губернатора, обремененный своими административными обязанностями и не имеющий к сельскохозяйственному отделению особого советника или докладчика, не в состоянии был уделять должного внимания делу заведования делами государственных имуществ. ...Выследив сложности этой отрасли государственного хозяйства, ограниченности личного состава канцелярских чинов и отсутствия надлежащего руководства со стороны специалистов, дело продолжает находиться в том же хаотическом состоянии, в каком оно было принято краевым Управлением землеустройства и государственных имуществ в 1897 г.» (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 15-150б.).

Неудовлетворительным было и управление государственными имуществами на уездном уровне. Согласно Инструкции по управлению государственными имуществами и по заведованию государственной частью в Туркестанском крае 1902 г., выявление свободных и пригодных для занятия сельским хозяйством казенных земель, образование из них оброчных статей, контроль за ними, попечение об улучшении их состояния и повышения доходности были возложены на особых заведующих государственными имуществами в уездах. Но на 14 уездов трех областей Туркестана – Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской – приходилось всего 8 заведующих (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 17).

Нерешенной оставалась проблема материального обеспечения, неудовлетворительных условий работы служащих уездных администраций. Значительные территории подведомственных им районов, объединяющих по 2 уезда, исключали возможность продуктивных результатов работы. Наблюдение за оброчными статьями и их эксплуатацией, тем более выявление новых оброчных статей, всегда были связаны с постоянными разъездами, работой «по выяснению и разграничению прав казны и населения на пустующие земли». Так, например, в Самаркандском и Катта-Курганском уездах Самаркандской области 78 оброчных статей располагались на расстоянии от 6 до 75 верст от места жительства заведующего (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 17).

Сложившаяся в Туркестане система перераспределения полномочий по управлению государственной собственностью между профильным Управлением и местной администрацией значительно сдерживала решение всего комплекса вопросов в данной сфере, снижала в целом эффективность работы в этом направлении. Отчужденность областной администрации от Управления приводила к тому, что чиновники обеих структур игнорировали друг друга, часто даже не обменивались служебной информацией (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 19).

Ситуация осложнялась попытками туркестанских генерал-губернаторов усилить свои позиции в вопросах заведования государственной собственностью. Так, в 1901 г. генерал-губернатор Н.А. Иванов разрешил передать из Управления земледелия и государственных имуществ в компетенцию областных правлений все дела по оброчным статьям, лесным порубкам, штрафам, заведованию лесной стражей. Уведомляя об этом министра земледелия и государственных имуществ, он отмечал, что «права и обязанности Управления государственными имуществами в Туркестане вполне можно возложить на помощников военных губернаторов областей, а генерал-губернатору предоставить право отменять распоряжения и постановления областных правлений, связанных с предметом ведомства Министерства земледелия и государственных имуществ» (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 19).

В ситуацию были вынуждены вмешаться центральные органы власти. Так, в 1902 г. Министерство земледелия и государственных имуществ разработало Инструкцию по разграничению прав и обязанностей Туркестанского управления и областных правлений по заведованию государственной собственностью в крае. Согласно Инструкции, к обязанностям Управления были отнесены: технический надзор за оросительными работами, курирование сельскохозяйственных учреждений и школ, «наблюдение за успехами сельского хозяйства, участие в борьбе с вредителями

сельского хозяйства», проведение выставок, лесоохранных работ, заведование рыбными промыслами, выдача свидетельств на разведку полезных ископаемых (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 19).

Таким образом, функционал Управления был значительно расширен. Однако в областных и уездных администрациях структуры, ответственные за сохранность государственных имуществ, также были сохранены. Это давало основания для дальнейшей конкуренции между ними.

Двойственным было положение и самого Управляющего государственными имуществами Туркестана. С одной стороны, он являлся выразителем интересов и представителем Министерства земледелия и государственных имуществ. С другой, по делам высшего надзора и заведования государственными имуществами вынужден был подчиняться туркестанскому генерал-губернатору, считаться с его взглядами и позицией по тому или иному вопросу.

Аналогичные противоречия были заложены и в должности помощников военных губернаторов областей, занимавшихся вопросами заведования государственной собственностью. Двойственность позиции выражалась в том, что по одному и тому же вопросу, связанному с управлением государственными имуществами им в одном случае приходилось выступать в качестве представителей администрации, «призванной заботиться об экономическом благосостоянии вверенного ей населения», а в другом – защищать интересы казны, которая «как крупный земельный собственник стремилась к увеличению доходности своих имуществ в ущерб выгоде населения» (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 27-27об.).

Проводящая ревизию Туркестанского края комиссия под председательством К.П. Палена приводила в связи с этим конкретные примеры. Так, в 1908 г. Военное министерство возбудило вопрос о передаче ему для создания военного полигона участка казенной земли близ с. Троицкого Ташкентского уезда площадью около 100 кв. км. Однако Управление земледелия и государственных имуществ отказалось в передаче данного участка, мотивируя свои действия тем, что участок пригоден для занятия земледелием и готовится под переселение крестьян. Туркестанский генерал-губернатор П.И. Мищенко созвал для рассмотрения возникшей ситуации специальную комиссию, которая решила вопрос в пользу Военного министерства. В Фергане имел место случай, когда военный губернатор ходатайствовал об отводе участка земли под поселения для крестьян-переселенцев. Помощник губернатора в это же время возбуждал ходатайство об образовании из того же участка казенно-оброчной статьи, чего и достиг.

В дальнейшем краевая администрация крайне критично оценивала работу Управления земледелия и государственных имуществ. По мнению военных губернаторов Туркестанского края, несмотря на расширение функционала Управления в рамках Инструкции 1902 г., оно фактически бездействовало. Технический надзор за оросительными работами и лесоохранными мероприятиями ограничивался лишь рассмотрением сметы и ассигнованием кредитов; наблюдение за опытными полями в г. Андижане и «Голодной степи», за гидротехнической школой в Ташкенте и школой садоводов в г. Верном «сводились исключительно к поездке чиновников особых поручений Управления по одному разу в год». Фактическое наблюдение за развитием сельского хозяйства в регионе осуществлялось чиновниками областных правлений, отчеты которых Управление лишь пересылало в Петербург. В борьбе с вредителями сельского хозяйства и в организации и проведении выставок Управление никакого участия не принимало.

Данные оценки были небеспочвенны, на что были свои причины. Уже в первом годовом отчете Управления за 1897 г. отмечался факт полного отсутствия специально подготовленных кадров, способных квалифицированно выполнять свои должностные обязанности. Наиболее плачевная картина складывалась в области надзора за оросительными системами и строительством новых гидротехнических сооружений. Ко времени сенаторской ревизии К.П. Палена в 1908 г. в составе Ташкентского управления земледелия и государственных имуществ числились управляющий, 10 чиновников и 14 лесничих – количество, «крайне малое для такого огромного региона» (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 13).

Значительно сдерживала развитие системы контроля за государственными имуществами Туркестанского края проблема финансирования Управления. Начиная с 1897 г., в среднем на его содержание из казны выделялось 550 тыс. руб. в год. Эта сумма, по оценке экспертов, была крайне незначительной для решения всех задач Управления. В его ежегодных отчетах отмечались и ничтожные ассигнования на лесоохранные мероприятия, составлявшие в среднем 41 тыс. руб. Расходы по оброчным статьям (содержание при краевом управлении топографов, опытного поля, развитие сельскохозяйственного образования, распространение технических знаний, орудий, машин) за период с 1897 по 1908 гг. неизменно понижались с 8640 до 3600 руб. На мероприятия, связанные с улучшением сельского хозяйства, отпускалось в среднем ежегодно не более 63500 руб. Средний ежегодный расход на гидротехнические изыскания и работы составлял около 240 тыс. в год (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 18).

Таким образом, объективные обстоятельства, прежде всего штат Управления и объемы финансирования его работы, не соответствовали тем задачам, которые перед ним ставились. По заключению Туркестанской казенной палаты, оно было «поставлено в весьма странное положение по сравнению со всеми прочими Управлениями империи» и «обречено силой обстоятельств на

бездеятельность, активное же заведование государственными имуществами по-прежнему было сосредоточено в областных правлениях» (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 24).

Период 1905–1907 гг. в истории заведования государственной собственностью в Туркестане связан с всплеском борьбы между областными правлениями и Управлением за право возглавлять и контролировать процесс. Управление несколько раз обращалось в вышестоящие инстанции с предложением изъять делопроизводство по заведованию государственными имуществами из областных правлений. Их главный аргумент сводился к тому, что систему управления имуществами в Туркестане необходимо привести в соответствие с общеимперской.

Еще одним аргументом Управления стал факт «занятости» областных правлений, «не имеющих возможности уделять достаточное внимание вопросам заведования государственными имуществами в крае» (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 290б.). В доказательство предоставлялась масса примеров. Приведем один из них. В 1908 г. в одной из областей Туркестанского генерал-губернаторства за несколько лет накопились недоимки по не выплаченным коренным населением налогам. Помощник военного губернатора предложил уездной администрации в месячный срок провести перепись по взысканию за 10-летний период. На его предписании военный губернатор написал резолюцию: «невозможен такой срок, тогда нужно будет все бросить и заняться службой по Министерству государственных имуществ. Нужно это дело поручить другому» (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 290б.).

В свою очередь областные правления приводили аргументы в пользу передачи им права заведования государственной собственностью в крае. В 1906 г. военный губернатор Ферганской области Н. Покатило представил на имя туркестанского генерал-губернатора служебную записку, в которой подверг резкой критике деятельность Ташкентского управления земледелия и государственных имуществ. По его мнению, эта деятельность была вредна и опасна в «политическом смысле». Год спустя в докладе туркестанскому генерал-губернатору Н. Покатило снова подчеркивал: «Стремление Управления государственных имуществ к образованию оброчных статей и сдача последних в аренду из земель, находящихся в пользовании оседлого туземного населения, права на которые, однако, за ведомством государственных имуществ еще не признаны, и сбор (особенно с камышовых зарослей) является чрезвычайно рискованным, тем более что иногда эти оброчные статьи образуются без выполнения требуемых законом формальностей и без указания границ. В конце концов областному правлению и военному губернатору приходится искать способы для устранения последствий подобных распоряжений» (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 30). Военного губернатора Ферганской области поддерживали военные губернаторы Сырдарьинской и Самаркандской областей.

В сентябре 1908 г. Совет министров признал существующую проблему и «необходимость скорейшего преобразования всей системы управления государственными имуществами в Туркестанском крае». Кроме этого, к моменту создания Ташкентского регионального управления в 1897 г. в состав генерал-губернаторства входило три области – Самаркандская, Сырдарьинская и Ферганская. К 1908 г. добавилось еще две области – Семиреческая и Закаспийская. Государственными имуществами последней продолжало заниматься Военное министерство. Принятие этих двух областей в функционал Ташкентского управления было невозможно, так как этого не позволял, прежде всего, незначительный штат. Таким образом, в 1908 г. была начата работа по созданию нового проекта по Управлению государственными имуществами Туркестанского генерал-губернаторства (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 300б.).

Определенную точку в данном вопросе поставили итоги сенаторской ревизии Туркестанского края К.П. Паленом в 1908 г. Комиссия признавала «состояние казенных земельных имуществ в Туркестане неудовлетворительным». Ею был выявлен ряд нарушений. Например, наряду с окладными оброчными статьями, образованными по правилам Оброчного устава, в регионе активно применялась практика использования так называемых неокладных статей, которые создавались с разрешения военных губернаторов областей. Эти статьи не имели определенного юридического статуса, т.к. не фиксировались в окладных книгах, не были обмежеваны, занесены на план и огорожены. Поэтому часто вокруг таких земельных участков возникали споры с коренным оседлым населением.

Порядок сдачи оброчных статей часто осуществлялся в нарушение закона, без проведения торгов. Так, в Ташкентском уезде из 22 оброчных статей в 1908 г. только три были сданы с торгов. Среди оброчных статей большую часть составляли не земельные имущества, а базарные лавки, караван-сарай, чайханы, переправы и пр., доставшиеся туркестанской администрации от Кокандского хана. Ревизией К.П. Палена отмечалась их ничтожная доходность и высказывалась рекомендация «продать эти имущества городам, селениям и обществам или частным лицам» (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 32).

По оценке ревизии, 10 млн десятин казенного леса и 411 оброчных статей, имевшихся в Туркестане, приносили всего 187 тыс. руб. Причем доход от оброчных статей из года в год падал. Казенные лесные дачи разрабатывались не в полном объеме, таксы на продажу леса в 1902, 1903 гг. вообще не были установлены, торгов на продажу леса не проводилось. В отчетах чиновников по сельскому хозяйству Управления государственными имуществами указывалось, что «областные

правления не имеют, да и не стремятся иметь точных сведений обо всех государственных землях в области». Инвентаризация земельных угодий Туркестанского генерал-губернаторства так и не была проведена в полном объеме.

Ревизией также отмечалось, что в Туркестане так и не была организована работа по учету свободных казенных земель и лесов, не проводилась их кадастровая перепись. «Ни Туркестанское управление государственными имуществами, ни областные правления и заведующие государственными имуществами в уездах, ни лесничие не знали, где начинаются и где кончаются права казны и коренного населения», – отмечалось в отчете ревизии (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 320б.).

В оценке работы Ташкентского управления государственными имуществами заключение ревизии К.П. Палена совпало с позицией региональной администрации. В частности, было отмечено, что Управление «выполняет в основном роль конкурента местному сельскому хозяину, отнимающего у последнего по праву сильного необходимые для него угодья и сея таким образом вражду к русской власти. Поэтому освободить областные правления от участия в делах заведования государственным имуществом, конечно, можно, но при существующей ситуации они не смогут иметь возможности как-то регулировать этот процесс и воздействовать на принятие окончательных решений и «принимать на себя нравственную ответственность за могущие быть последствия» (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 33). В итоге ревизия пришла к заключению о целесообразности сохранения за региональной администрацией права участия в руководстве деятельностью органов Министерства земледелия и государственных имуществ. Данное заключение фактически поставило точку в противостоянии туркестанских властей по вопросу автономности Ташкентского управления. Больше к проблеме распределения полномочий по надзору за государственными имуществами Туркестана центральные органы власти не возвращались.

5. Заключение

С конца 80-х гг. XIX в. наблюдается стремление имперских властей унифицировать структуру административного управления Туркестана, привести ее к общеимперским стандартам. Значительное влияние на эти процессы оказала его интеграция в общеимперское экономическое пространство, формирование новых отраслей экономики, активное развитие торговли. Юридическое закрепление за государством всех природных ресурсов региона в 60-е гг. XIX в. привело к необходимости создания регионального Управления Министерства земледелия и государственных имуществ. Первоначально функции Управления выполняли областные и уездные правления Туркестанского края. В конце XIX в. в Туркестане появилось отраслевое Управление, подотчетное Министерству земледелия и государственных имуществ. Однако его автономность в системе административно-государственных органов Туркестана не была обеспечена. Руководитель Управления подчинялся не только профильному министерству, но и туркестанскому генерал-губернатору. В областях и уездах края функции заведования государственными имуществами были сохранены за областными и уездными правлениями.

Нечеткое распределение задач заведования государственными имуществами между Управлением и областными правлениями приводило к жесткому противостоянию между ними, взаимным претензиям, рассогласованности в выполнении конкретной работы и принятии решений. Все это в целом не позволило сформировать в Туркестане эффективную службу по охране и приумножению государственной собственности.

Литература

- Абдурахимова, Рустамова, 1999 – Абдурахимова Н.А., Рустамова Г.К. Колониальная система власти в Туркестане во второй половине XIX – первой четверти XX в. Ташкент, 1999. 162 с.
- Алимджанов, 2016 – Алимджанов Б.А. Налоговая политика Российской империи в туркестанском генерал-губернаторстве // *Вестник Московского городского педагогического университета*. 2015. № 3(19). С. 27-33.
- Бахтурина, 2004 – Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004. 388 с.
- Бикшаева, 2011 – Бикташева А.Н. Правовое положение губернатора в период становления министерского управления в Российской империи // *Вестник экономики, права и социологии*. 2011. № 1. С. 95-99.
- Васильев, 2018 – Васильев Д.В. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М., 2018. 636 с.
- Галузо, 1935 – Галузо П.Г. Туркестан – колония (Очерк истории колониальной политики русского царизма в Средней Азии). Ташкент, 1935. 222 с.
- Глуценко, 2010 – Глуценко Е.А. Россия в Средней Азии: завоевания и преобразования. М., 2010. 573 с.
- Гордин, 2000 – Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб., 2000. 132 с.

- Исхаков, 1997** – Исхаков Ф.Б. Национальная политика царизма в Туркестане (1867–1917). Ташкент, 1997. 135 с.
- Национальные окраины Российской империи..., 1998** – Национальные окраины Российской империи: Становление и развитие системы управления. М., 1998. 415 с.
- Котюкова, 2010** – Котюкова Т.В. Проблемы российской переселенческой политики в Туркестане в начале XX века // *Военно-исторический журнал*. 2010. № 2. С. 54-57.
- Лысенко, 2013** – Лысенко Ю.А. К вопросу о налоговой политике Российской империи в отношении казахского общества // *Известия Алтайского государственного университета*. 2013. № 4–2 (80). С. 176-183.
- Лысенко, Жанбосинова, 2019** – Лысенко Ю.А., Жанбосинова А.С. Система государственного налогообложения городского недвижимого имущества в центральноазиатских окраинах Российской империи (конец XIX – начало XX в.) // *Известия Алтайского государственного университета*, 2019. № 5(109). С. 49-54.
- Литвинов, 2007** – Литвинов П.П. Органы департамента полиции МВД в системе военно-административного управления русским Туркестаном. Елец, 2007. 539 с.
- Правилова, 2006** – Правилова Е. Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801–1917 гг. М., 2006. 453 с.
- ПСЗРИ** – Полное собрание законов Российской империи.
- Положение об управлении..., 1886** – Положение об управлении Туркестанского края. Т. 2. Ч. 2 // *Россия: законы и постановления*. СПб., 1886. С. 649-703.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Сапелкин, 1963** – Сапелкин А. Налоговая политика царизма в Киргизии / *Материалы по истории и экономике Киргизии*. Фрунзе, 1963. С. 27-74.
- Трепавлов, 1999** – Трепавлов В.В. Формирование системы отношений между центром и национальными окраинами России (XI–XX века) / *Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений*. М., 1999. С. 115-120.
- Центральная Азия в составе..., 2008** – Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. 451 с.
- Шушкова, 2015** – Шушкова Е.М. Организация управления Туркестаном в начале XX века / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2015. 26 с.

References

- Abdurakhimova, Rustamova, 1999** – Abdurakhimova, N.A. Rustamova, G.K. (1999). Kolonialnaya sistema vlasti v Turkestane vo vtoroy polovine XIX – pervoy chetverti XX v. [Colonial system of power in Turkestan in the second half of the XIX – first quarter of the XX century]. Tashkent, p. 162. [in Russian]
- Alimdzhанov, 2016** – Alimdzhанov B. A. Nalogovaya politika Rossiyskoy imperii v turkestanskom general-gubernatorstve. [Tax policy of the Russian Empire in the Turkestan General Government]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta*. 3(19): 27-33. [in Russian]
- Bahturina, 2004** – Bahturina, A.Yu. (2004). Okrainy Rossijskoj imperii: gosudarstvennoe upravlenie i nacional'naya politika v gody Pervoj mirovoj vojny (1914-1917 gg.). [Outskirts of the Russian Empire: State Administration and National Policy during the First World War (1914-1917)]. Moscow, p. 388. [in Russian]
- Bikshaeva, 2011** – Biktasheva, A.N. (2011). Pravovoe polozhenie gubernatora v period stanovleniya ministerskogo upravleniya v Rossijskoj imperii. [The legal status of the governor during the formation of the ministerial administration in the Russian Empire]. *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii*. 1: 95-99. [in Russian]
- Central'naya Aziya v sostave..., 2008** – Central'naya Aziya v sostave Rossijskoj imperii [Central Asia within the Russian Empire]. Moscow, 2008, p. 451. [in Russian]
- Galuzo, 1935** – Galuzo, P.G. (1935). Turkestan – koloniya: (Ocherk istorii kolonial'noj politiki russkogo carizma v Srednej Azii). [Turkestan – a colony: (Essay on the history of the colonial policy of Russian tsarism in Central Asia)]. Tashkent, p. 222. [in Russian]
- Glushchenko, 2010** – Glushchenko, E.A. (2010). Rossiya v Srednej Azii: zavoevaniya i preobrazovaniya. [Russia in Central Asia: conquests and transformations]. Moscow, p. 573. [in Russian]
- Gordin, 2000** – Gordin, Ya.A. (2000). Kavkaz: zemlya i krov'. Rossiya v Kavkazskoj vojne XIX veka. [Caucasus: earth and blood. Russia in the Caucasian War of the 19th century]. Saint-Petersburg. [in Russian]
- Iskhakov, 1997** – Iskhakov, F.B. (1997). Nacional'naya politika carizma v Turkestane (1867–1917). [National policy of tsarism in Turkestan (1867-1917)]. Tashkent, p. 135. [in Russian]
- Kotyukova, 2010** – Kotyukova, T.V. (2010). Problemy rossijskoj pereselencheskoj politiki v Turkestane v nachale XX veka. [Problems of Russian resettlement policy in Turkestan at the beginning of the XX century]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*. 2: 54-57.
- Litvinov, 2007** – Litvinov, P.P. (2007). Organy departamenta policii MVD v sisteme voенно-administrativnogo upravleniya russkim Turkestanom. [Bodies of the Police Department of the Ministry of Internal Affairs in the system of military-administrative management of Russian Turkestan]. Elets, p. 539. [in Russian]

Lysenko, 2013 – *Lysenko, Yu.A.* (2013). K voprosu o nalogovoj politike Rossijskoj imperii v otnoshenii kazahskogo obshchestva. [On the issue of the tax policy of the Russian Empire in relation to the Kazakh society]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4–2(80): 176–183.

Lysenko, Zhanbosinova, 2019 – *Lysenko, Yu.A., Zhanbosinova, A.S.* (2019). Sistema gosudarstvennogo nalogooblozheniya gorodskogo nedvizhimogo imushchestva v central'noaziatskikh okrainah Rossijskoj imperii (konec XIX – nachalo XX v.). [The system of state taxation of urban real estate in the Central Asian outskirts of the Russian Empire (late 19th – early 20th centuries)]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. 5(109): 49–54. [in Russian]

Nacional'nye okrainy Rossijskoj imperii..., 1998 – Nacional'nye okrainy Rossijskoj imperii: Stanovlenie i razvitie sistemy upravleniya. [National outskirts of the Russian Empire: Formation and development of the management system]. Moscow, p. 415. [in Russian]

Polozhenie ob upravlenii..., 1886 – Polozhenie ob upravlenii Turkestanskogo kraja. [Regulation on the management of the Turkestan region]. T. 2 CH. 2. Rossiya: zakony i postanovleniya. Saint-Peterburg, 1886, pp. 649–703. [in Russian]

Pravilova, 2006 – *Pravilova, E.* (2006). Finansy imperii: Dengi i vlast v politike Rossii na natsionalnykh okrainakh. 1801–1917 gg. [The finances of the empire: Money and power in Russian politics on the national outskirts. 1801–1917]. Moscow, p. 453. [in Russian]

PSZRI – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire].

RGIA – Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [Russian state historical archive].

Sapelkin, 1963 – *Sapelkin, A.* (1963). Nalogovaya politika tsarizma v Kirgizii. [Tax policy of tsarism in Kyrgyzstan]. *Materialy po istorii i ekonomike Kirgizii*. Frunze, pp. 27–74. [in Russian]

Shushkova, 2015 – *Shushkova, E.M.* (2015). Organizatsiya upravleniya Turkestanom v nachale XX veka [Organization of management of Turkestan at the beginning of the twentieth century]. Avtoref. diss. ... k.i.n. Moscow, p. 26. [in Russian]

Trepavlov, 1999 – *Trepavlov, V.V.* (1999). Formirovanie sistemy otnoshenij mezhdru centrom i nacional'nymi okrainami Rossii (XI–XX veka). [Formation of a system of relations between the center and the national outskirts of Russia (XI–XX centuries)]. *Rossiia v XX veke: Problemy nacional'nyh otnoshenij*. Moscow, pp. 115–120. [in Russian]

Vasilyev, 2018 – *Vasilyev, D.V.* (2018). Bremya imperii. Administrativnaya politika Rossii v Tsentralnoy Azii. Vtoraya polovina XIX v. [The burden of the empire. Administrative policy of Russia in Central Asia. Second half of the 19th century]. Moscow, p. 636. [in Russian]

Тенденции и особенности организации управления государственным имуществом в Туркестанском генерал-губернаторстве (вторая половина XIX – начало XX вв.)

Юлия Александровна Лысенко ^{a, b, c, *}

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

^b Черкас глобальный университет (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований), Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе широкого круга источников анализируется процесс создания и развития в Туркестанском генерал-губернаторстве Управления земледелия и государственных имуществ. Необходимость в нем возникла после завершения присоединения центральноазиатских окраин к Российской империи в 60-е гг. XIX в. и юридического закрепления за государством всех природных ресурсов региона. Ведомство должно было осуществлять охрану государственных имуществ, повышать их рентабельность посредством сдачи в аренду, выявлять новые земельные ресурсы, строить оросительные системы на них, всячески способствовать развитию агрикультуры в крае.

Первоначально функции Управления выполняли областные и уездные правления Туркестанского края, в штате которых были сформированы дополнительные должности чиновников особых поручений по горной, лесной, водной, оброчным частям. В конце XIX в. в связи с унификацией системы управления национальными окраинами в Туркестане появилось отраслевое Управление, подотчетное Министерству земледелия и государственных имуществ. Однако его автономность в системе административно-государственных органов Туркестана не была обеспечена. Руководитель Управления подчинялся не только профильному министерству, но и туркестанскому генерал-губернатору. В областях и уездах края функции заведования государственными имуществами были сохранены за областными и уездными правлениями.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iulia_199674@mail.ru (Ю.А. Лысенко)

Нечеткое распределение задач заведования государственными имуществами между Управлением и областными правлениями приводило к жесткому противостоянию между ними, взаимным претензиям, рассогласованности в выполнении конкретной работы и принятии решений. Все это в целом не позволило сформировать в Туркестане эффективную службу по охране и приумножению государственной собственности.

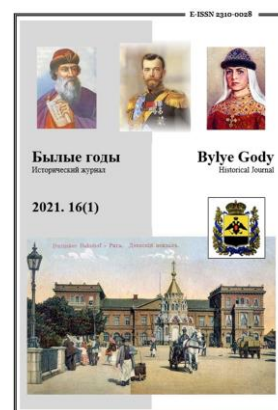
Ключевые слова: Российская империя, Туркестанский край, отраслевое управление, Министерство земледелия и государственных имуществ.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 281-287.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.281
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Development of the Mineral and Raw Materials Base of Russia in the Works of Scientists of the Mining Institute (second half of the 19th and early 20th centuries)

Igor A. Tropov ^{a,*}, Sergey I. Podolskiy ^a, Sergey V. Lyubichankovskiy ^{b,c}

^a Saint Petersburg Mining University, Russian Federation

^b Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

^c Samara Federal Research Center Russian Academy of Sciences, Samara, Russian Federation

Abstract

The article examines the contribution of the scientists of the Mining Institute to the study of the mineral resources of the Russian Empire in the second half of the 19th century to the early XXth century. For the first time, we present the results of a comprehensive analysis of the scientific, theoretical and practical activities of such prominent representatives of mining in post-reform Russia as K.I. Lisenko, I.F. Schroeder, L.I. Lutugin, N.S. Kurnakov and others. On the basis of published materials and using archival sources, it is shown that scientists of the Mining Institute were at the forefront of scientific developments in the fields of exploration, production and use of mineral resources (oil and coal mining, potassium salt production, etc.). Their high scientific potential was in demand by the state, which often acted as the initiator of scientific research on the mineral resource base of the Russian Empire. Scientists of the Mining Institute, being experts in mining, acted at the same time as popularizers of science, undertaking this work both through the meetings of various public organizations and through publishing in periodicals. A high level of scientific training, ensuring continuity in the development of scientific schools, exceptional diligence, and striving for a combination of scientific achievements and production practices have all determined the significance of the results obtained by the scientists of the Mining Institute, which became an important basis for further study of the mineral resource base of Russia and, in general, for the development of the Russian economy.

Keywords: mineral resource base, economic modernization, Mining Institute, scientific research, mining, mining industry.

1. Introduction

The rapid process of bourgeois modernization that unfolded in the post-reform Russian Empire, primarily in the fields of industry and transport, was accompanied by active scientific, theoretical and practical work in the fields of exploration, extraction and use of mineral resources. This term is defined as the entire “totality of reserves of various minerals suitable for using in various sectors of the economy, both in modern conditions and in the future” (TSB, 1974: 282).

Those mineral resources that are directly discovered in the bowels of the earth as a result of geological exploration are denoted by the term “mineral-resource base” (Mineral'no-syr'evaya baza, 2020). This concept is historical, since the composition of the mineral-resource base, methods of extraction and processing of mineral raw materials (oil, gas, rare earth metals, etc.) change over time under the influence of various objective and anthropogenic factors (Gladkova et al., 2018: 8-12; Zuev et al., 2019: 8-12; Cheremisina et al., 2019: 1-16; Cheremisina et al., 2020: 1-15).

* Corresponding author

E-mail addresses: tropov_ia@pers.spmi.ru (I.A. Tropov), podolskiy_si@pers.spmi.ru (S.I. Podolskiy), svlubich@yandex.ru (S.V. Lyubichankovskiy)

The relevance of examining the role of scientists of the Mining Institute in studying the mineral-resource base of the Russian Empire is due, first of all, to the role that representatives of the scientific community played in ensuring scientific, technical and economic progress in the country in the post-reform decades.

In addition, this research is relevant to the modern realities in which the development of science, technics and technology is taking place. Their ever-increasing roles in ensuring the sustainable socio-economic development of the country encourages the most attentive attitude to the historical experience in studying and using the resources of the mineral-resource base of Russia, which has a significant impact on the formation of the sectoral and territorial structure of the economy, as well as on the development of specialized sectors of the economy.

2. Materials and methods

The most important sources on the history of the development of knowledge about the mineral-resource base of Russia for us are the works of the scientists of the second half of the 19th and early 20th centuries. First of all, these are the works of Professor K.I. Lisenko on oil production and oil pipeline construction (Lisenko, 1868; Lisenko, 1878; Lisenko, 1886). No less important are the scientific works of his student I.F. Schroeder. He wrote the most important works on the state of Donetsk coal and salt production (Schroeder, 1909; Schroeder, 1911). The report of the prominent geologist F.N. Chernyshev on the results of the Pechora expedition is of great interest (Chernyshev, 1889). We find fundamental works on geology in the scientific heritage of L.I. Lutugin and P.I. Stepanov (Stepanov, 1909; Lutugin, Stepanov, 1913).

The archival materials contained in the fund of the Mining Institute, kept in the Central State Historical Archive of St. Petersburg (TsGIA SPb. F. 963), were also of great importance for the study.

Memories of the personal qualities of scientists are found in I.F. Schroeder's memoirs about K.I. Lisenko (Schroeder, 1904) and in the necrologue dedicated to the memory of L.I. Lutugin (Stepanov, 1916: 240).

Some useful facts were gleaned from the regional press, in particular, the newspapers Yuzhny Krai and Zabaikalskaya Nov'.

The research methodology is based on the basic principles of historicism, objectivity and consistency. In the process of the research, we tried to base it not on the biographies of scientists, but on the evolution of their scientific concepts and views regarding the development and use of mineral resources. At the same time, based on an understanding of the commonality of objective and subjective factors, we widely used the biographical method, which made it possible to focus on the unique aspects of the work of scientists of the Mining Institute, and to assess the personal contributions of individual scientists to the study of the mineral-resource base of Russia. The diachronic method was used to study the main stages in the development of scientific thought in the field of mining. Finally, the method of comparative analysis allowed us to identify common features and peculiarities in the activities of the scientists of the Mining Institute in the study of the mineral-resource base of the Russian Empire.

3. Discussion

In the pre-revolutionary period, generalizing works on the mineral resources of Russia were very rare. One of the typical works of this kind was the composition of V.I. Islavin on the role of the Donetsk basin in the Russian economy (Islavin, 1875). Yet, during this period, there was an accumulation of practical knowledge about the state of oil production, coal basins and salt sources.

In Soviet times, detailed biographies of scientists who made an outstanding contribution to the development of the mineral-resource base of Russia began to appear or were republished (Gapeev, 1951: 59; Lipin, 1951: 98). Interest in the biographical genre with detailed scientific calculations continued in the following decades (Soloviev, Zvyagintsev, 1960).

In the post-Soviet period, new biographical works about K.I. Lisenko, I.F. Schroeder, D.I. Mushketov and other prominent scientists were published (Matveichuk, 2002; Morachevsky, 2009; Afanasyev et al., 2010; Bazhin et al., 2018). The problems of institutional history in the field of mining began to be developed more actively (Mokeyev, 2015; Valieev, Shorin, 2017; Voloshinova et al., 2018). We separately highlight the collective monograph on the economic and industrial potential of Russia before the revolution (Lomkin et al., 2016).

4. Results

One of the most important minerals extracted in Russia since the beginning of the 18th century, and occupying a significant place in the country's raw material balance, was oil. Its production significantly increased when it began to be extracted by industrial methods in the late 1870s-1880s (Matveychuk, 2020). At that time, a prominent Russian chemist and professor of the Mining Institute, Konon Ivanovich Lisenko (1836–1903), was at the forefront of oil research. Lisenko combined the qualities of a theoretical chemist, a practical scientist and an industrial expert (TsGIA SPb. F. 963. Op. 1. D. 5440. Sheet 1). He advocated that scientific developments find wide application in practice, in particular, in the field of industrial production (Schroeder, 1904: 3).

Since 1876, on the instructions of the Imperial Russian Technical Society (IRTS), Lisenko was based in the Caucasus, where he studied the methods of oil production and processing. It was then that he met Ludwig Nobel, one of the founders of the Nobel Brothers Oil Production Partnership in Baku in 1879. This meeting determined Lisenko's interest in the problems of oil production and transportation (Lisenko, 1878; Lisenko, 1886). In particular, his work "Oil Production", which was published in 1878 in three issues of the IRTO Notes, became the first Russian manual on the technology of oil production and refining.

Lisenko cited the results of studying oil from domestic deposits and turned to the peculiarities of kerosene made from it, which was actively used to illuminate houses, streets and various structures. The technological peculiarity of lighting in Russia was that kerosene lamps worked only on American kerosene, and it was impossible to burn a domestic product in them. A chemist from the Mining Institute identified differences in the hydrocarbon composition of Russian and American oil (Schroeder, 1904: 2), which was later confirmed in the studies of F.F. Beilstein and V.V. Markovnikov (Morachevsky, 2009: 74).

Among Lisenko's students who contributed to the study of the properties of regional oil fields, Ivan Fedorovich Schroeder stands out. Following the advice of his scientific advisor, he developed both theoretical issues and problems of a purely practical nature (TsGIA St. Petersburg, F. 963. Op. 1. D. 5478. Sheet 1). He also trained talented chemists, among whom a special mention is due to one graduate of the Mining Institute who graduated in 1918, Pyotr Petrovich von Weimarn (1879–1935), known as the creator of a new direction – colloidal chemistry (Valiev, 2017: 617).

The career of Schroeder, one of the prominent industrial experts in Russia, began in 1889 with the study of oil samples obtained during an expedition to the Ukhta oil basin under the leadership of F.N. Chernyshev (Matveychuk, 2002: 174-175). For the entire space explored by the expedition, which is over 150 thousand square versts, adjacent to the Arctic Ocean, "a new topographic map was developed, on the basis of which F.N. Chernyshev compiled a geological map that greatly changes the previous ideas about the geological structure of this region" (Afanasyev, 2014: 121). In the report on the results of the expedition it was emphasized that "only a comprehensive scientific study of the northern regions can clarify their industrial significance and give a solid foundation for practical work" (Chernyshev, 1889). I.F. Schroeder highly appreciated the samples brought by Chernyshev, and on the basis of these he predicted the glory of the famous oil field (Matveichuk, 2002: 174-175).

Yet coal has long been the king of fuel. Like iron ores, nickel, cobalt and potash salts, it belongs to the group of so-called non-scarce minerals, the exhaustion of which is not expected in the foreseeable future. Although the demand for coal in the 21st century in a number of countries has fallen, interest in it as a fuel still persists, which forces scientists to improve the methods of its extraction.

The fuel base of the country in the period under research was very narrow, the fuel balance of Russia was reduced to a deficit, and the country was experiencing fuel difficulties even before the First World War (Voloshinova et al., 2018: 15). In this regard, the interest of scientists of that time in the problems of the development of the country's coal base, first of all, in Donbass, is understandable. "If to the natural wealth of the region", wrote V.A. Islavin, ethnographer and member of the Council of the Ministry of State Property, in the mid-1870s – "labor, knowledge and capital will be applied, in less than ten years our Donetsk steppes will be covered with a forest of chimneys and Russia will have a manufacturing district, which in its favorable conditions is not inferior to the well-known manufacturing districts of Western Europe" (Islavin, 1875: 59).

The study of the properties of Donetsk coal was productively carried out at the end of the 19th century by K.I. Lisenko, who was the first to characterize the coals of the Donetsk basin and carried out a number of successful experiments on the coking of coal hydrates (Schroeder, 1904: 1). At the beginning of the 20th century, I.F. Schroeder was engaged in this activity (Schroeder, 1909). He proposed to use furnaces more extensively for pulverized fuel in order to stimulate the process of utilization of Donetsk coal (Schroeder, 1909: 89, 96).

Schroeder was a supporter of a protectionist policy, dreamed of "exporting the southern metal made on Donetsk coal" and added that "if the people should make sacrifices in the form of additional payments for the development of industry, then it would be more right to do this in the form of a premium for the export of metals, than to bear these sacrifices for the rise in fuel prices" (Schroeder, 1909: 29). The works of I.F. Schroeder were aimed at finding ways to make the most rational use of the rich resources of the Donbass.

Another scientist of the Mining Institute, who became famous for the study of coal, was Professor Nikolai Semenovich Kurnakov. He carried out work in the mines of the Donetsk Basin, studying the properties of detonating gas and explosions, as well as the explosive properties of coal dust. In 1912–1914, Kurnakov analyzed the toxic properties of ferrosilicon – an alloy of silicon and iron (Nemilov, 1951: 52). His student, a prominent specialist in alloys and solutes, Nikolai Ivanovich Stepanov (1879–1938), continued to study the explosive properties of coal dust from the mines of the Donetsk basin in 1913 (Lipin, 1951: 98).

The talented scientist Leonid Ivanovich Lutugin (1865–1915) devoted more than 20 years to studying the Donetsk and Kuznetsk coal basins. He made a huge personal contribution to the compilation of the geological map of Donbass. He managed not only to identify the mines, but also to trace and depict their areas. The map was able to solve the problem of accurately parallelizing the coal seams of the entire basin. In addition, as a result of painstaking surveys completed by 1914, Lutugin proved that the reserves of Kuzbass are 20 times greater than previously thought (Romanovsky, 1997: 133-144, 154).

Lutugin was a convinced and passionate popularizer of geology and repeatedly explained its practical benefits to entrepreneurs: "... In simple phrases that are understandable to everyone, often in a humorous tone, he gave valuable advice for industrialists. Yet under this playfulness there was always a strict scientific consistency, which industrialists gradually sensed and began to appreciate" (Romanovsky, 1997: 154). Contemporaries recalled how, in a dispute with businessmen at one of the congresses of miners in the South of Russia, Leonid Ilyich won an unconditional victory "over the conviction of industrialists about the needlessness and uselessness of "scientific lectures" about some kind of geology" (Stepanov, 1916: 241).

L.I. Lutugin was a great authority abroad. When the XII International Geological Congress was preparing a monograph on world coal reserves for publication, Lutugin provided a map and calculations of Donbass coal reserves. In 1911, when an international exhibition took place in Turin, the geologist provided a map of the Donetsk basin with a scale of one inch to three versts. The map received the Great Gold Medal of the exhibition (Stepanov, 1916: 240-241).

One of the outstanding students of Lutugin was Pavel Ivanovich Stepanov – the best expert on the country's coal deposits. He devoted most of his life to studying and identifying new industrial areas in the Donetsk coal basin. In 1903 he participated in the development of a new survey technique based on lithological analysis of sediments. This technique is the basis of modern lithological survey work. The maps compiled using this technique have received the highest praise and widespread popularity. A detailed geological survey carried out directly by Pavel Ivanovich, or with his participation, in the period from 1903 to 1917, covered the eastern anthracite regions of Donbass (Dolzhanovsky, Gukovsky, Likhovsky, Sulinsky, Shakhtinsky). These works, in addition to their deep scientific significance, were distinguished by the thoroughness of their execution (Stepanov, 1909: 395-413).

In 1913, together with L.I. Lutugin, Stepanov published a complete calculation of coal reserves in the basin, which for the first time gave a clear understanding of the industrial significance of the region (Lutugin, Stepanov, 1913).

Under the guidance of L.I. Lutugin, geologist Dmitry Ivanovich Mushketov began his activities. In particular, he was the author of a geological and geomorphological description of the area of the Suchansky railway region, which was detailed and thorough in many respects. It was here, in the Far East, in 1908, that Mushketov discovered and explored previously unknown coal-bearing areas. A little later, in 1909–1916, fulfilling the assignments of the Geolkom, D.I. Mushketov went to Eastern Fergana to make up a geological map of Central Asia. There, in the course of long-term field observations, Dmitry Ivanovich systematized the richest factual material on stratigraphy, seismicity, tectonics, geomorphology and minerals. In May 1915, D.I. Mushketov successfully defended his thesis for a Master's degree in geology on the geological structure, tectonics and geomorphology of the area between the Altai and Fergana mountain ranges. At the end of 1915, Mushketov was elected to the post of professor of the Department of General Geology (Voloshinova et al., 2018: 16-17).

With the outbreak of the World War I, the demand for fuel increased greatly in connection with the needs of the defense industry and the needs of military transport by rail. The war and the emergency conditions generated by this war clearly showed that the fuel industry did not have the potential that, even in the conditions of mobilization measures, could help in solving fuel problems. The loss of front-line industrial areas, primarily the Dombrovsky coal basin and a number of other economically important territories, also played a negative role (Lomkin et al., 2016: 26, 29). Under these conditions, the search for coal deposits in the Kuznetsk Basin and in other less-studied areas became especially valuable.

One of the most important parts of the mineral-resource base of the Russian Empire, in addition to oil and coal, were potash (potassium) salts. They found wide application in electrometallurgy, medicine and photography, as well as in the production of glass, soap, paints and leather dressing, and in the chemical industry. The production of potassium salts began in Germany in the middle of the 19th century and spread rather quickly, in particular in Russia. The most famous salt deposits are still found in Siberia.

When I.F. Schroeder was already an ordinary professor at the Mining Institute, D.P. Konovalov, on behalf of the Ministry of Trade and Industry, invited him to write a paper on salt mining in Siberia. In the summer of 1910, Schroeder visited Irkutsk, Tomsk and other large centers. He was interested, in particular, in the state of salt production on Lake Koryak (not far from the modern Kazakh city of Pavlodar) and Lake Iletsk, located 70 km from Orenburg (Schroeder, 1911: 3-4, 13-15). Schroeder gave practical advice on the development of salt production. He believed that the owner of the Ilimovsk salt plant, merchant S.I. Serebrennikov, had to conduct exploration by drilling several new salt wells, since the old ones used by the previous owners had already been depleted. He also recommended organizing the sale of Ilimovsk salt to the Turukhansk region, rich in fish, and to the Bratsk and Namyr volosts (Schroeder, 1911: 14).

At approximately the same time, several studies of salts were carried out by Professor N.S. Kurnakov (1860–1941), who was interested in salt water and waterless systems, and natural salt brines. Together with his closest student, a graduate of the Mining Institute in 1900, Sergei Fedorovich Zhemchuzhny (1873–1929), he studied the exchange between magnesium chloride and sodium sulfate. This reaction is extremely important in the life of natural salt lakes. In 1909, Nikolai Semenovich organized an expedition to survey the Kara-Bogaz Bay in the Caspian Sea and obtained rich data used to create the so-called equilibrium diagram. It contains a picture of salt transformations, conditions for the crystallization of various salts, and the

boundaries of their stable existence. All this was necessary for the development and use of Lake Kara-Bogaz-Gola and is applicable to other sulfate lakes. In particular, the method of isolating individual substances in a pure form became known due to this research (Nemilov, 1951: 53).

In 1912, based on the study of brines and salts of Solikamsk and other salt-making plants, N.S. Kurnakov predicted the existence in Solikamsk's vicinity of the richest deposits containing potassium chloride and magnesium, sodium and bromine, and rare elements – such as rubidium and cesium (Nemilov, 1951: 53-54). The construction of the Solikamsk potash plant later was of strategic importance for a manufacturer of products made of rare earth metals – carbonates and oxides of europium, promethium, cerium, samarium, etc. (Lobacheva, Dzhevaga, 2017).

One of the most important groups of metals mined in Russia is the so-called “non-scarce minerals”: gold, platinum group metals, silver and diamonds. The study of the properties of these substances has been carried out at the Mining Institute for a long time. Back in 1826, a joint laboratory of the Department of Mining and Salt Affairs and the Mining Cadet Corps was created. Peter Georgievich Sobolevsky became its headmaster (Nemilov, 1951: 55). In the period of 1828–1834, in the laboratory of the Mining Corps, 476 poods of pure platinum were obtained. Sobolevsky established the minting of platinum coins at the St. Petersburg Mint (Bazhin et al., 2018). In our time, the tradition of the deep scientific research of platinum continues at the Mining University in full (Stepanov et al., 2019; Stepanov et al., 2020).

During World War I, the use of non-scarce metals in defense technologies became especially important. In January 1915 at the Academy of Sciences, V.I. Vernadsky, A.E. Fersman and N.S. Kurnakov created the Commission for the Study of Natural Productive Forces. The commission, in turn, organized the Institute for Physical and Chemical Analysis under the leadership of Kurnakov and the Institute for the Study of Platinum and Other Noble Metals. Its director, Professor L.A. Chuguev, invited Kurnakov to work on the study of alloys of platinum metals (Koltsov, 2015: 29-30).

At that time, global platinum mining was concentrated in Russia, but crude platinum was exported abroad – to Britain, France and Germany, where it was subjected to refining, i.e. the removal of impurities. In 1910, on the initiative of N.S. Kurnakov at the Mining Department of the Ministry of Trade and Industry, a meeting on the organization of crude platinum refining directly in Russia was established (Soloviev, Zvyagintsev, 1960: 90). At a special meeting of the Commission for the Study of Natural Productive Forces held in April 1916, Kurnakov spoke in favor of “the possible widespread use of platinum in Russia, the organization of the production of pure metals – platinum, iridium, rhodium”, which was of particular importance for the manufacture of platinum-rhodium thermoelements that were used in furnaces, boilers, water heaters and – most importantly – in aircraft engines (Soloviev, Zvyagintsev, 1960: 90).

5. Conclusion

The scientists of the Mining Institute in the second half of the 19th and early 20th centuries made a significant contribution to the study of the mineral-resource base of the Russian Empire. Responding to the objective needs of the country's modernizing economy, they launched serious, large-scale work to study the problems of the extraction of oil, coal, potassium salts and other mineral resources necessary for the progressive development of industry and transport, and also the household sphere.

The scientists of the Mining Institute for the most part were not only prominent theoreticians, well known abroad, but also active popularizers of science, and supporters of the practical implementation of scientific achievements in the field of mining. To this end, they made extensive use of the tribunes of the congresses of miners, other public organizations, periodicals and other opportunities available at that time for communication with interested organizations and with entrepreneurs.

An important factor that favored the success of the scientific endeavors of the representatives of the Mining Institute was the support of expeditions and other forms of scientific activity from the state, in particular, the Ministry of Trade and Industry. Such cooperation not only ensured the concentration of scientists' efforts in the most important, breakthrough areas, but also clearly demonstrated the state's interest in the development of scientific research in mining in the country.

Throughout the period under review, the scientists of the Mining Institute managed to ensure continuity in the organization and conducting of scientific research, both in the study of the fuel base of the Russian Empire, and in other studies of the country's mineral resources. As a result, whole scientific schools were formed and successfully functioned, the results of which enriched the national mining science, and in many respects have not lost their relevance to this day.

References

- Afanas'ev i dr., 2010 – Afanas'ev, V.G., Pozina, L.T., Sevast'yanov, F.L., Voloshinova, I.V., Plyukhina, T.I. (2010). Ocherki istorii Gornogo instituta (1773–1917) [Essays on the history of the Mining Institute (1773–1917)]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State Mining University. 185 p. [in Russian]
- Afanas'ev, 2014 – Afanas'ev, V.G. (2014). Akademik Feodosii Nikolaevich Chernyshev (1856–1914) [Academician Feodosiy Nikolaevich Chernyshev (1856–1914)]. *Klio*. 12 (96): 120-124. [in Russian]
- Bazhin i dr., 2018 – Bazhin, V.Yu., Aleksandrova, T.A., Kotova, E.L., Gorlenkov, D.V., Susorov, R.S. (2018). Metallurgi gornogo universiteta i razvitie monetnogo dela. 245 let istorii [Metallurgists of the Mining

- University and the development of coinage. 245 years of history]. *Zapiski Gornogo instituta*. 230: 131-138. DOI: 10.25515/PMI.2018.2.131 [in Russian]
- BSE, 1974** – Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya [Great Soviet Encyclopedia]. T. 16. Moscow: Izd-vo Sovetskaya entsiklopediya, 1974. 616 p. [in Russian]
- Cheremisina et al., 2019** – *Cheremisina, O.V., Sergeev, V.V., Fedorov, A.T.* (2019). Concentration and separation of Heavy rare-earth metals at stripping stage. *Metals*. 9(12): 1-16.
- Cheremisina et al., 2020** – *Cheremisina, O. et al.* Kulagin V., Suad El-Salem, Nikulchev Evgeny (2020). Multisensory gas analysis system based on reconstruction attractors. *Symmetry*. Vol. 964. 12(6): 1-15.
- Chernyshev, 1889** – *Chernyshev, F.N.* (1889) Nekotorye dannye o mineral'nykh bogatstvakh Severa Evropeiskoi Rossii [Some data on the mineral wealth of the North of European Russia and St. Petersburg]. *Gornyi zhurnal*. 4: 116-122. [in Russian]
- Gapeev, 1951** – *Gapeev, A.A.* (1951). Professor Leonid Ivanovich Lutugin [Professor Leonid Ivanovich Lutugin]. Vydayushchiesya uchenye Gornogo instituta: Sb. statei, posvyashch. 175-letiyu Gornogo instituta. 1773–1948. Vyp. 2. Red.-sost. I.I. Shafranovskii. Moscow, Leningrad: Metallurgizdat. 132 p. [in Russian]
- Gladkova et al., 2018** – *Gladkova, V.V., Kazakov, S.V., Karapetyan, K.G., Otroshchenko, A.A.* (2018). Vibratory treatment of a particularly brittle mineral. *Obogashenie Rud*. 2: 8-12.
- Islavin, 1875** – *Islavin, V.I.* (1875). Obzor kamennougol'noi i zhelezodelatel'noi promyshlennosti Donetskogo kryazha [Overview of the coal and iron industry of the Donetsk ridge]. Saint Petersburg: tip. i khromolit. A. Transhelya. 59 p. [in Russian]
- Kol'tsov, 2015** – *Kol'tsov, A.V.* (2015). Deyatel'nost' Komissii po izucheniyu estestvennykh proizvoditel'nykh sil Rossii: 1914–1918 gody [Activities of the Commission for the Study of the Natural Productive Forces of Russia: 1914–1918]. *Sovremennye proizvoditel'nye sily*. 1: 26-36. [in Russian]
- Lipin, 1951** – *Lipin, S.V.* (1951). Chlen-korrespondent Akademii Nauk SSSR Nikolai Ivanovich Stepanov (1879–1938) [Corresponding Member of the Academy of Sciences of the USSR Nikolai Ivanovich Stepanov (1879–1938)]. Vydayushchiesya uchenye Gornogo instituta: Sb. statei, posvyashch. 175-letiyu Gornogo instituta. 1773–1948. Vyp. 2. Red.-sost. I.I. Shafranovskii. Moscow, Leningrad: Metallurgizdat. 132 p. [in Russian]
- Lisenko, 1868** – *Lisenko, K.I.* (1876). Ocherk sovremennogo sostoyaniya proizvodstva nefi v Rossii i o primeneniі nefi kak topliva [Essay on the current state of oil production in Russia and the use of oil as a fuel]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo Tekhnicheskogo obshchestva*. Vyp. 6. Pp. 353-449. [in Russian]
- Lisenko, 1878** – *Lisenko, K.I.* (1878). Neftyanoe proizvodstvo [Oil production]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo Tekhnicheskogo obshchestva*. Vyp. 4. pp. 81-144, Vyp. 5. pp. 145-208, Vyp. 6. pp. 209-282. [in Russian]
- Lisenko, 1886** – *Lisenko, K.I.* (1886). Po povodu proekta transkavkazskogo truboprovoda [On the Transcaucasian pipeline project]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo Tekhnicheskogo obshchestva*. Vyp. 3. Pp. 133-160. [in Russian]
- Lobacheva, Dzhevaga, 2017** – *Lobacheva, O.L., Dzhevaga, N.V.* (2017). Rare-earth recovery on the example of Europium (III) from lean tehnogenic raw materials. *Journal of Ecological Engineering*. 6(18): 122-126.
- Lomkin i dr., 2016** – *Lomkin, A.V., Pogrebinskaya, V.A., Savinova, T.A.* (2016). Pervaya mirovaya voina: vliyanie na ekonomiku Rossii i mira [World War I: impact on the economy of Russia and the world]. Moscow: TEIS. 200 p. [in Russian]
- Lutugin, Stepanov, 1913** – *Lutugin, L.I., Stepanov, P.I.* (1913). Donetskii kamennougol'nyi bassein: Sost. na osnovanii materialov, sobr. L.I. Lutuginym, N.N. Yakovlevym i dr. [Donetsk coal basin: Compiled on the basis of materials collected by L.I. Lutugin, N.N. Yakovlev and others]. Ocherk mestorozhdenii iskopaemykh uglei Rossii. Saint Petersburg: tip. M.M. Stasyulevicha. Pp. 59-110. [in Russian]
- Matveichuk, 2002** – *Matveichuk, A.A.* (2002). Pervye inzhenery-neftyaniki Rossii [The first petroleum engineers of Russia. Historical sketches]. Istoricheskie ocherki. Moscow: Interdialekt+. 375 p. [in Russian]
- Matveichuk, 2020** – *Matveichuk, A.A.* (2020). Ocherki istorii neftyanoi promyshlennosti Rossii [Essays on the history of the Russian oil industry]. Moscow: Drevlekhranilishche. 346 p. [in Russian]
- Mineral'no-syr'evaya baza, 2020** – Mineral'no-syr'evaya baza. 2020. [Electronic resource]. URL: <http://neftegaz.ru/tech-library/geology/148063-mineralno-syrevaya-baza> (date of access: 21.08.2020). [in Russian]
- Mokeev, 2015** – *Mokeev, A.B.* (2015). The Development of the System of Mining Education in the «Kingdom of Poland» in the XIX Century. *Bylye Gody*. 38(4): 982-991.
- Morachevskii, 2009** – *Morachevskii, A.G.* (2009). Ocherki o khimikakh Rossii [Essays on the chemists of Russia]. Saint Petersburg: Izd-vo Politekhnikeskogo universiteta. 153 p. [in Russian]
- Nemilov, 1951** – *Nemilov, V.A.* (1951). Akademik Nikolai Semenovich Kurnakov (1860–1941) [Academician Nikolai Semenovich Kurnakov (1860–1941)]. Vydayushchiesya uchenye Gornogo instituta: Sb. statei, posvyashch. 175-letiyu Gornogo instituta. 1773–1948. Vyp. 2. Red.-sost. I.I. Shafranovskii. Moscow, Leningrad: Metallurgizdat. 132 p. [in Russian]
- Romanovskii, 1997** – *Romanovskii, S.I.* (1997). Leonid Ivanovich Lutugin, 1864–1915 [Leonid Ivanovich Lutugin, 1864–1915]. Saint Petersburg: *Nauka*. 189 p. [in Russian]

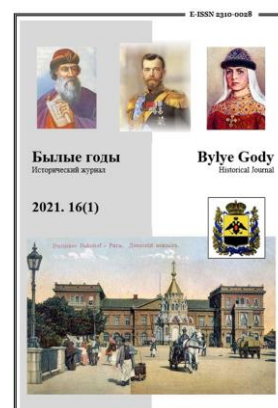
- Shreder, 1904** – *Shreder, I.F.* (1904). K.I. Lisenko: Kratkaya biografiya [Lisenko: Brief biography]. Saint Petersburg: Tip. V. Demakova. 3 p. [in Russian]
- Shreder, 1909** – *Shreder, I.F.* (1909). Donetskie kamennye ugli i ikh sostav i svoistva [Donetsk coal and their composition and properties]. Saint Petersburg: Tip.-lit. «Yakor'». 119 p. [in Russian]
- Shreder, 1911** – *Shreder, I.F.* (1911). Sol' v Vostochnoi Sibiri [Salt in Eastern Siberia]. Saint Petersburg: Tip.-lit. «Yakor'». 79 p. [in Russian]
- Solov'ev, Zvyagintsev, 1960** – *Solov'ev, Yu.I., Zvyagintsev, O.E.* (1960). Nikolai Semenovich Kurnakov: Zhizn' i deyatel'nost' [Nikolay Semenovich Kurnakov: Life and Activity]. Moscow: Izd-vo AN SSSR. 207 p. [in Russian]
- Stepanov et al., 2019** – *Stepanov, S.U., Palamarchuk, R.S., Kozlov, A.V.* (2019). Platinum-group minerals of Pt-Plaser deposits associated with the Svetloborsky Ural-Alaskan Tupe Massif, Middle Urals, Russia. *Minerals*. 9(77): 2-25.
- Stepanov et al., 2020** – *Stepanov, S.U., Palamarchuk, R.S., Kozlov, A.V.* (2020). Morphology, composition, and ontogenesis of platinum-group minerals in chromitites of zoned Clinopyroxenite-Dunite massifs of the Middle Urals. *Russian Geology and Geophysics*. 1(61). pp. 47-67.
- Stepanov, 1909** – *Stepanov, P.I.* (1909). Geologicheskii razrez Donetskogo kamennougol'nogo basseina po linii: sloboda Agrafenovskaya, stantsiya Dolzhanskaya, khutor Talovyi [Geological section of the Donetsk coal basin along the line: Agrafenovskaya settlement, Dolzhanskaya station, Talovy farm]. *Izvestiya Geologicheskogo komiteta*. 28(5): 395-413. [in Russian]
- Stepanov, 1916** – *Stepanov, P.I.* (1916). Lutugin Leonid Ivanovich (nekrolog) [Lutugin Leonid Ivanovich (obituary)]. *Gornyi zhurnal*. 3: 240-241. [in Russian]
- TsGIA SPb** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga [Central state historical archive of St. Petersburg]. [in Russian]
- Valiev, Shorin, 2017** – *Valiev, N.G., Shorin, A.G.* (2017). Pedagogicheskii eksperiment pervogo rektora Ural'skogo Gornogo instituta P.P. fon Veimarna kak popytka reformirovaniya vysshei shkoly v 1917–1920 godakh [Pedagogical experiment of the first rector of the Ural Mining Institute P.P. von Weimarn as an attempt to reform system of higher education in 1917–1920]. *Zapiski Gornogo instituta*. 228: 616-623. DOI: 10.25515/PMI.2017.6.616 [in Russian]
- Voloshinova i dr., 2018** – *Voloshinova, I.V., Mokeev, A.B., Podol'skii, S.I.* (2018). Gornyi institut imperatritsy Ekateriny II (nyne – Sankt-Peterburgskii gornyi universitet) [Mining Institute of Empress Catherine II (now – Saint Petersburg Mining University)]. *Vuzy Petrograda v gody Pervoi mirovoi voyny*. Pod red. M.L. Tsekhanovich. Saint Petersburg: Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. 309 p. [in Russian]
- Zuev et al., 2019** – *Zuev, B.U., Zubov, V.P., Fedorov, A.S.* (2019). Application prospects for models of equivalent materials in studies of geomechanical processes in underground mining of solid minerals. *Eurasian Mining*. 1: 8-12.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 288-295.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.288
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Features of Rational Nature Management in Agriculture of Large Estates in the Tambov Province at the end of the XIX century

Ruslan M. Zhitin ^{a, *}, Alexey G. Topilsky ^a

^aTambov state university named after G. R. Derzhavin, Russian Federation

Abstract

The article studies the issues of conceptualization and design of natural resources by the landowners of the Tambov province at the end of the 19th century. The object of the study was 489 economies of large landowners, who in practice proved the importance of ecological and economic mechanisms for the capitalist modernization of their estates. The relevance of the work is due to the need to fill the historiographic gap in the study of rationalization and socio-economic modernization of latifundial complexes in the post-reform period. The main source was the materials of complex zemstvo statistical descriptions of estates in the Tambov province. Due to the abundance of quantitative and qualitative information in the selected source, its streamlining required the creation of an integrated information system "Rational use of natural resources in the estates of the landowners of the Tambov province at the end of the 19th century", reflecting all available information on the rationalization of agricultural production in the landowners of the region. The work made it possible to determine the logic of transforming the owners' estates, the peculiarities of the system of exploiting natural resources, the nature of the application of agricultural innovations in the economic practice of large owners of the Tambov province. The article shows that in order to increase the efficiency of savings, the latifundists specialized in the field cultivation of estates, introduced a closed production cycle, intensified and increased production with existing natural resources. The use of intensive technologies was expressed in the use of intensive crop rotations, the operation of improved agricultural mechanisms, the introduction of organic and inorganic fertilizers into landlord agriculture. The rationalization undertaken, in turn, was an important factor in the modernization of the owner's economy, determined the formation of a new business economy of estates, was one of the factors of the socio-ecological and economic transformation of the economies of landowners.

Keywords: landlord economy, rational nature management, Tambov province, modernization, land tenure.

1. Введение

Дискуссионность проблемы изучения рационального природопользования в хозяйствах помещиков определяется противоречивым характером развития имений до Революции. Аграрный кризис обусловил появление особых форм экономической адаптации сельскохозяйственного бизнеса к реалиям «эпохи перемен». С одной стороны, латифундиальные хозяйства России оказывали огромное влияние на развитие всероссийского аграрного рынка, с другой – предпринимательская стратегия владельцев долгое время развивалась без учета экологической опасности экстенсивной эксплуатации ресурсов. Последовавший за этим экологический кризис Центрального Черноземья конца XIX века заставил помещиков пересмотреть характер дальнейшей модернизации. В условиях, когда природа превратилась в естественный регулятор уровня и характера развития экономий, помещики вынуждены были выбирать между парадигмами минимального, оптимального или максимального использования природных ресурсов. В данном контексте модернизации хозяйств практически не рассматривались в отечественной науке. Тем не менее постановка проблемы позволяет обновить историографические

* Corresponding author

E-mail addresses: istorik08@mail.ru (R.M. Zhitin), a-topil@yandex.ru (A.G. Topilsky)

характеристики латифундиального хозяйства, впервые комплексно оценить процессы хозяйственной динамики аграрного сектора под влиянием экономической деятельности владельцев.

2. Материалы и методы

Основным источником рассматриваемой темы стали материалы статистических обследований тамбовских имений, проведенных тамбовским земством в 1870–1880 гг. (*Сборник..., 1880–1900*). В источнике представлено детальное описание структуры сельскохозяйственных угодий (пахотная земля, сенокос, выгон, лес), определены системы землевладения экономий, масштабы использования удобрений и степень применения инвентаря. Также в работе использовались данные поземельной статистики по обследованию Тамбовской губернии за 1887 год (*Статистика..., 1896*). Анализ этих материалов дает возможность комплексного исследования особенности развития имений.

Значительный интерес представляют материалы Государственного архива Тамбовской области. В фондах 176 и 195 содержатся документы по землевладению помещиков, способам повышения урожайности, применяемому в имениях инвентарю. Из материалов по отдельным владениям следует отметить данные по крупнейшему в губернии Ново-Покровскому имению Орловых-Давыдовых (*ГАТО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 102*). Информация о Ново-Покровском имении также имеется в фонде Ф. 1273 Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Там находятся материалы по лесоводству, животноводству и земледелию поместий. Выявленные источники позволяют на микроуровне раскрыть способы интенсификации помещичьего хозяйства.

В целях систематизации материалов выбранных источников в исследовании была создана информационная система «Рациональное природопользование в имениях помещиков Тамбовской губернии в конце XIX века». Основой системы стала реляционная база данных (БД), в которую заносилась значимая информация по крупным имениям края (размер владений – свыше 500 десятин). В число отобранных признаков вошли данные по площади имений, количественные характеристики землевладения, материалы по применяемым в экономиях удобрениям и сельскохозяйственному инвентарю, распределению посева по культурам. Материалы БД стали основой для детального анализа особенностей проходившей в поместьях модернизации.

В работе в первую очередь применяются основные принципы гуманитарного познания. Применение принципа историзма позволило комплексно и беспристрастно оценить значение крупных хозяйств в формировании системы рационального природопользования. При изучении динамики развития отдельных хозяйств был применен системный подход. Он обусловливал разработку проблемы рационализации имений как целостных систем, отдельные компоненты которых (природопользование, экология, хозяйство) развивались в тесном взаимодействии между собой.

Другим ключевым аспектом работы стал принцип единства микро- и макроподхода. Системное описание десятков владений, развивающихся в условиях доминирования внешних экономических факторов, велось на макроуровне. Рассмотрение латифундий как комплексных систем, несущих обилие количественных характеристик, потребовало использование микроуровневого анализа. Для разработки конкретных аспектов истории имений края также были задействованы проблемно-хронологический, сравнительно-сопоставительный и историко-типологический методы.

Принципиально новым исследовательским подходом является изучение помещичьих имений через комплексное, синергетическое взаимодействие различных факторов модернизации, представленных в системе «рациональное природопользование – экономические эффекты». Такая постановка вопроса позволяет использовать положения перспективных направлений современной исторической науки, связанных с наработками социоестественной истории.

3. Обсуждение

Экологический фактор развития помещичьих хозяйств принадлежит к малоизученным аспектам российской историографии. Ученых интересовала общая экономическая динамика помещичьей собственности, а непосредственный опыт хозяйственной рационализации имений признавался фрагментарным, бессодержательным и не оказывающим существенного влияния на аграрную эволюцию.

Дореволюционные исследования помещичьего хозяйства оставались в пределах доэкологического сознания. На это влияла убежденность в неисчерпаемости земельных, водных, лесных ресурсов поместий. Понятие «рациональное природопользование» в этот период связывалось исключительно с налаживанием эффективной системы хозяйствования. Опыт помещиков-рационализаторов в своих исследованиях актуализировал представитель либеральной историографии А.А. Кауфман (*Кауфман, 1918: 171*). Он одним из первых описал значение «образцовых» экономий в социально-экономическом развитии аграрного сектора.

Апологет дворянского хозяйствования А.Д. Пазухин (*Пазухин, 1886: 17*) признавал общий кризис владельческих экономий (применение отработочных систем хозяйства, слабая механизация труда), однако основным фактором его развития называл недостаточную поддержку государства.

Вопросы функционирования сельскохозяйственного предпринимательства и использования природных ресурсов решались дворянскими апологетами в контексте сословной этики. При этом бизнес-активность первенствующего сословия оценивалась авторами отрицательно. Как результат,

в конце XIX века среди российских владельцев возникла «испольная теория» К.Д. Дмитриева. Автор предлагал «во что бы то ни стало удешевить полевые работы ухудшением техники земледелия, возвратившись к плохому сравнительно, но более дешевому уходу за землей» (Дмитриев, 1894: 23). Низкая доходность сельского хозяйства, значительные природные ресурсы в руках помещиков сделали обозначенные подходы крайне популярными в кругах помещиков.

Представитель народнического направления аграрной историографии А.Н. Энгельгардт (Энгельгардт, 1956: 562) отстаивал приоритет крестьянского землевладения и выступал за ликвидацию помещичьих хозяйств. Аналогичные позиции занимали представители социал-демократии (Ленин, 1957: 185).

На первом этапе развития (1920–1950 гг.) советской историографии специального внимания проблемам рационализации помещичьих хозяйств не уделялось. Отдельные аспекты становления отработочной системы, особенности лесного хозяйства имений, промышленного предпринимательства затрагивались в рамках общих трудов (Дубровский, 1963: 400).

Наиболее обстоятельно тема социально-экономического развития частных имений разрабатывалась в 60–80-х гг. XX века. Среди работ, вышедших в этот период, необходимо выделить труды А.М. Анфимова (Анфимов, 1969) и И.Д. Ковальченко (Ковальченко и др., 1982).

Рассматривая латифундиальный тип землевладения помещиков, А.М. Анфимов приходит к выводу о превалировании в крупных имениях конца XIX в. отработочной системы хозяйства. Данное положение было обусловлено широкими возможностями экстенсивного освоения природных богатств, сосредоточенных в руках помещиков. Чрезвычайно сильную концентрацию лесных и земельных ресурсов в латифундиальном землевладении подчеркивал и И.Д. Ковальченко. При этом системы хозяйствования ряда имений признавались исследователем вполне буржуазными.

В начале 1990-х годов начали выходить работы, которые рассматривали развитие хозяйств в контексте экологической проблематики. Наиболее крупным трудом этого периода является сборник «Историческая экология и историческая демография», обобщавший исторический опыт землепользования в Тамбовском крае, влияние природных факторов на экономическую деятельность (Историческая..., 2003). Некоторые аспекты рационального природопользования в хозяйствах помещиков второй половины XIX века были затронуты в трудах Н.С. Цинцадзе и В.В. Канищева (Канищев, Цинцадзе, 2011).

Большое значение в разработку проблемы внесли научные проекты в области аграрной истории. Фундаментальное значение имеет исследование «Междисциплинарные подходы в изучении истории позднего аграрного общества России (вторая половина XIX – первая треть XX в.)», реализованное тамбовскими учеными в 2014 году. Изучение конкретно-исторического взаимодействия природного и антропогенного факторов в российском аграрном социуме позволило определить истоки рационального природопользования владельцев, выявить основные формы эксплуатации природных ресурсов. И хотя сельскохозяйственная новатика практиковалась лишь в наиболее крупных поместьях, исследование показало, что подобные нововведения стали важным фактором прогресса пореформенного сельского хозяйства.

Таким образом, на сегодняшний день накоплен обширный материал по истории владений помещиков, проработаны многие важные вопросы развития крупных имений. Однако комплексный анализ модернизации экономий в контексте эффективного природопользования на данный момент отсутствует, что делает данные исследования чрезвычайно актуальными.

4. Результаты

Согласно данным, полученным в ходе земского обследования 1880-х годов, фонд частновладельческих земель Тамбовской губернии вбирал в себя 2,2 млн десятин или 36 % площади всех владений края (Статистика..., 1896: 5). Характерной особенностью развития местных поместий являлась сильная концентрация ресурсов в руках латифундистов и территориальная неоднородность распределения имений. 489 латифундий губернии объединяли 822 тыс. десятин (38 % частного фонда), преимущественно концентрировавшихся на территории Тамбовского, Кирсановского и Козловского уездов (320 из 490 имений).

Характерной особенностью развития имений в этот период стала многоотраслевая направленность хозяйственной активности помещиков. Земское обследование показало активность латифундистов в сферах земледелия, животноводства, лесопользования, пчеловодства, садоводства и перерабатывающей промышленности. Многоотраслевыми по своему значению были крупнейшие хозяйства края: экономии Строгоновых, Долгоруких, Орловых-Давыдовых, развивавших на своей территории не только различные отрасли полеводства, но и сахарные производства (Обзор..., 1911: 96).

Главным капиталом латифундий Тамбовской губернии на протяжении всего рассматриваемого периода являлась земля. Практически трехкратный рост стоимости десятины в 1880–1910 гг. (со 106 руб. в 1885 году до 300 руб. в 1912 году) (Сборник..., 1890: 59) способствовал росту ценности имений. Вместе с тем перспективе выгодной продажи своей собственности владельцы предпочитали развитие производства. Так, за почти 35 лет (1885–1912 гг.) нахождения у Орловых-Давыдовых Ново-Покровского имения площадь их поместья возросла на 38,5 %, (с 7014 до 11411 дес.) (ГАТО. Ф. 195.

Оп. 1. Д. 102), а стоимость земли – на 78,3 %. Однако, несмотря на возможность продажи имения, помещики сосредоточились на его развитии.

Основой хозяйства латифундистов-новаторов в конце XIX – начале XX веков являлось полеводство. В отличие от владельцев мелких и средних имений, эксплуатировавших трехпольные севообороты, латифундисты практиковали сложное многополье «с травами и иногда корнеплодами» (Сборник..., 1894: 135). В одном из имений Софьинской волости Кирсановского уезда за основу был взят 12-летний севооборот, включающий в себя «удобренный пар, озимую пшеницу, овес с подкосом клевера и тимофеевки, клевер для семян, выгон, озимый лен, рожь или яровую пшеницу, просо, пар». При таком подходе «трехпольное хозяйство занимало всего шестую часть посевной площади».

Отдельные владельцы экспериментировали с объединением разных по типам севооборотов. Так, в ряде имений Кирсановского уезда земский корреспондент зафиксировал совмещение классического трехполья с многопольными посевами. В этом случае «каждое поле делилось на части», причем в озимом сеялась «рожь и частью пшеница, в яровом – овес, просо, горох, лен и клевер». В созданной таким образом системе «соблюдается правило, чтобы посев гороха не возобновлялся на одном месте ранее 12 лет, а на месте пшеницы помещалось просо». Владельцы экономий в Ирской волости Кирсановского уезда предпочитали установить различные по типу севообороты на смежных участках земель. В результате «на одном поле оказывался введен четырехлетний оборот, на другом – девятилетний» (Сборник..., 1891: 185).

По мнению владельцев тамбовских имений, основным фактором перехода к многополью являлось «истощение трехпольной пашни при недостаточном удобрении и уменьшение урожаев вследствие частого повторения одних и тех же посевов» (Сборник..., 1894: 136). Другой причиной называлось изменение конъюнктуры хлебного рынка (Анфимов, 1969: 198). Подсчитав доходы от продажи зерна, тамбовский помещик Н.Д. Скалон определил, что реализация собственного урожая дает ему на 173 рубля больше, чем арендная раздача земли (Сельскохозяйственная жизнь, 1914: 751).

Формирование латифундиального типа производства обуславливала особые формы адаптации землевладения к хозяйственной модернизации. Само по себе изменение природных ресурсов никогда не являлось самостоятельной функцией помещиков, однако именно рационализация создавала условия для развития имений как единого комплекса экономических и экологических факторов. В условиях аграрного кризиса второй половины XIX века эффективное природопользование способствовало стабилизации деятельности владельцев, активизировало развитие новой инфраструктуры, формировало особую культуру отношения к природным ресурсам.

Большая площадь земель у латифундистов способствовала интенсификации традиционной для помещиков залежно-переложной системы хозяйства. Использование залежи означало, что часть площади имений намеренно изымалась из оборота при изменении общей схемы расположения полевых угодий. Как правило, срок этого изъятия не превышал 7–10 лет. Однако в ряде редких исключений в южных имениях Тамбовского уезда земскими корреспондентами зафиксированы случаи оставления земли на 30–35 лет (Сборник..., 1894: 136). Рациональным способом повышения экономического значения залежных земель было их совмещение с определенным севооборотом. Здесь следует отметить популярную среди владельцев Пересыпкинской волости Кирсановского уезда систему комплексного полеводства. Земледелие здесь было тесно связано с животноводством, поэтому «залежь под травами держалась 8–10 лет для косьбы, да 1–3 года как выгон, что зависело от урожаев трав». Первоначально по выгону сеяли яровую пшеницу и горчицу, но из-за низких урожаев они были заменены на озимую рожь (Сборник..., 1891: 186).

Изучение проблемы развития имений на микроуровне позволило наметить ряд новых направлений изучения модернизации частновладельческих хозяйств. В частности, на материалах имений Орловых-Давыдовых и Чичериных было замечено, что для противостояния аграрному кризису помещики переходили к интенсификации своих имений за счет увеличения капитала и сосредоточения его на меньшей площади. Например в Усольской и Жигулевской вотчинах Орловых-Давыдовых (Симбирской губернии) в 1900–1910 гг. владельческое землевладение было сокращено с 17,2 тыс. дес. до 10,6 тыс. дес., в Рязаново-Городищенской и Борковской экономиях (Самарская губерния) экономическая запашка уменьшилась с 16,5 тыс. дес. до 8 тыс. дес. Вместе с этим Орловыми-Давыдовыми активно выделялись деньги на строительство хозяйственной инфраструктуры и закупку сельскохозяйственного инвентаря. В результате в начале XX века основная стоимость рассматриваемых хозяйств увеличилась на 61,4 % (с 739 до 1193 тыс. руб.). А совокупный расход на десятину (при общем сокращении пахотной площади) возрос с 19 руб. 82 коп. до 53 руб. 71 коп. (Анфимов, 1969: 147–148) Таким образом, наблюдался своеобразный процесс интенсификации владений за счет умножения основного капитала при фактическом изъятии собственной запашки из производства.

Некоторая часть крупных владельцев (имевшая в большинстве случаев несколько имений) использовала особый механизм реинвестирования средств, при котором развивались не все принадлежавшие им владения, а только одно или два, социально-экономический потенциал которых гарантировал получение высоких прибылей. Остальные экономии выступали финансовыми донорами и переводились на регрессивные формы работы. Так, если в симбирских имениях Орловых-Давыдовых в 1909–1910 гг. наблюдалось сокращение собственного хозяйства (с 37,9 тыс. дес. до 23,1 тыс. дес.) и

одновременный рост арендных раздач (в 1900 – 50 тыс. дес., в 1914 г. – 74 тыс. дес.), то в тамбовских экономиях семьи в эти же годы шла коренная ликвидация аренды, а дополнительные доходы реинвестировались из симбирских поместий (РГАДА. Ф. 1273. Оп. 4. Д. 2592, Л. 47–58). Такая система была направлена на постепенное включение перспективных владений в капиталистический рынок.

Изучение этих и других предпринимательских новаций позволяет по-иному посмотреть на модернизацию экономий России. В частности, проясняются причины некоторой неравномерности капиталистического развития помещичьего хозяйства в различных регионах России, присутствия в структуре аграрного сектора областей высокого и низкого развития.

Стремление владельцев повысить доходность своих экономий обуславливало отраслевую специализацию помещичьего полеводства. В конце XIX века именно рожь стала основной культурой тамбовских латифундий. В 1900–1915 году ее посевы в губернии увеличились с 346,1 до 401,1 тыс. дес., а общая доля злака в общей структуре владельческой запашки возросла до рекордных 47,9 % (Анфимов, 1969: 207). Процесс специализации районов, таким образом, отражал ориентацию владельцев на выращивание наиболее прибыльных культур, определяя факторы и формы землепользования.

Использование сильных севооборотов, включение в посевы технических культур вызывало быстрое истощение почвы. В пореформенное время владельцы имений проводили большую работу по повышению урожайности пашни. Помещики использовали как естественные удобрения, так и различные химические добавки. Широко применялись суперфосфаты, чилийская селитра, калийная соль, дефекационная грязь (ГАТО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 583. Л. 137). По подсчетам инспектора сельского хозяйства общее количество суперфосфата, потребляемого в губернии в начале XX века, определялось в 1200 пудов (ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 262. Л. 94).

Включение в процесс интенсификации владельческих полей навозных удобрений способствовало формированию производства замкнутого цикла, в котором развитие сфер животноводства гарантировало прогресс полеводства. В ходе обследования скотоводства латифундий Тамбовского края земские корреспонденты отмечали систематическое внесение «удобрений под озимый посев». По их подсчетам, объем расходуемого материала мог «достигать 150 пудов на одну десятину» (Сборник..., 1891: 210). Другим источником повышения плодородия почвы являлись отходы от собственного промышленного производства. В Земетчинском имении семьи Долгоруких была налажена отправка на поля дефекационной грязи, остающейся от работающего в имении сахарного завода, а располагавшаяся здесь же костемольно-клеевая фабрика производила костную муку, активно применявшуюся в местном полеводстве (Культурный уголок, 1900: 2). Развитие подобных производств способствовало полной утилизации хозяйственных отходов и формировало эксплуатацию ресурсов, связанную с вторичным использованием сырья в латифундиях.

Техника внесения удобрений определялась характером использовавшегося в имениях севооборота. Вывозка навоза практиковалась в весенне-летний период, «преимущественно в мае, частью в начале июня, когда кончаются яровые посевы и начинается период взмета пара». Для оперативного распределения органики по площади она «сваливалась в особую яму», а затем «перевозилась в поле большими кучами». Здесь навоз обсыпался известью или «солью на палец толщины». Подчеркивая полезность таких добавок, помещики замечали, что «на мало урожайных участках удобрения действуют 3–4 года и повышают урожай на 20–30 %». В виде исключения в ряде имений Тамбовской губернии практиковались «зеленые посевы», в ходе которых «в паровом поле высаживалась горчица, вика и гречиха, а затем (после цветения) культуры запахивались плугами Рамсона» (Сборник..., 1894: 151–152).

В отличие от крестьянских хозяйств, удобрявших свои лучшие участки, агротехника латифундистов допускала подпитку наименее пригодных для полеводства земель (песчаников, известняков). Одновременно в структуре крупного хозяйства считалось важным удобрять участки под подсолнечником, маком, табаком, отличавшимися высокой нагрузкой на землю. С этой же целью практиковалась подпитка пашни золой, полученной после сжигания технических культур (Сборник..., 1894: 151).

В условиях модернизации экономий развитие замкнутых безотходных производств явилось средством рационального регулирования экономики владений. В имении Вернадского Вернадовка Моршанского уезда к 1903 г. была введена в эксплуатацию особая система прудов с четким функциональным разграничением работы каждого водоема. Первый пруд служил для отстаивания и фильтрации местных сточных вод. Второй резервуар представлял собой водозаборник, снабжавший железнодорожную станцию при имении. Самый большой пруд Вернадские использовали для повседневных хозяйственных нужд (Каштанов, 2002: 17).

Важнейшим фактором сформированной в тамбовских имениях системы природопользования являлась механизация сельского хозяйства. Согласно обобщенному материалу, полученному в ходе анализа земских обследований, наибольшую обеспеченность инвентарем имели латифундии, площадь которых превышала 5 тыс. дес. земли (Сборник..., 1894: 149–159). При этом фиксировалось преимущественное распространение орудий для обработки почвы и посева (83,4 %) по сравнению с механизмами по переработке урожая (16,6 %). Среди наиболее распространенных средств производства назывались бороны (46 %), плуги (34 %), сеялки, веялки, сортировки (16 %), молотилки (6 %).

В ряде владений Тамбовской губернии в начале XX века стали использоваться колесные тракторы с двигателем внутреннего сгорания. В поместье В.Т. Асеева Алексеевка (Тамбовский уезд),

экономиях А.К. Бенкендорфа (Моршанский уезд) и имении Чертковых (Тамбовский уезд) применялась техника фирмы Hart-Parr (США), повышавшая скорость обработки пашни благодаря высокой проходимости и многокорпусным плугам (ГАТО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 11. Л. 116). Для уборки посевов использовались косилки фирм М.-Гарриса, зерносортировки Клейтона, сноповязалки Осборна (Сборник..., 1894: 149-159). Латифундии, таким образом, выступали крупными очагами концентрации капитала, усовершенствованных орудий и инновационных форм хозяйствования в аграрном секторе Тамбовской губернии.

Обилие сельскохозяйственного инвентаря позволяло тамбовским владельцам нивелировать проблемы обеспечения поместий рабочей силой. «Новые условия хозяйства, – писал ракицкий управляющий, – требуют все более и более спешной молотбы, почему в каждом хозяйстве число паровых гарнитур увеличивается. В настоящее время есть паровые молотилки-«самоходы», которые применяются для молотбы и пахоты. Такое качество техники очень желательно, так как цены на скот и рабочие руки все увеличиваются» (Житин, 2018: 156).

Становление эффективной рационализации в полеводстве требовало новых форматов экономической активности. В рассматриваемый период в деятельность ряда владельцев Тамбовской губернии входит практика организации опытных полей для отбора и выращивания качественного семенного материала. Наибольшую популярность среди местных помещиков приобрели семеноводческие производства Циммермановской экономии М.А. Фроловой (Тамбовский уезд), Гавриловского владения М.И. Сатина (Кирсановский уезд), Александровского имения помещиков Хлудовых (Кирсановский уезд). На продажу предлагались семена улучшенной и обыкновенной ржи, сандомирской озимой пшеницы, австрийского овса, синего мака, эрфрутского аниса (Сборник..., 1894: 157). Для выращивания этих растений у Сатиных было задействовано 2307 десятин земли, Хлудовы выделили 1052 десятины, Фроловы – более 1000 десятин.

Качество тамбовского семенного материала подтверждалось высокой рентабельностью производящих хозяйств и признанием достижений растениеводов на выставках разного уровня. Хозяйство Фроловых имело награды Императорского вольного экономического общества за 1887 и 1888 гг. (Объявление..., 1889). На семенной выставке Северного общества в Санкт-Петербурге была отмечена коллекция образцов гороха, озимой ржи и конопли кирсановского помещика И.А. Тирана (Сельский хозяин, 1905: 285).

5. Заключение

Рассмотрение особенностей природопользования тамбовских латифундистов углубляет историографические представления о специфике производственной деятельности крупных владельцев. Становление новых систем земледелия в местных хозяйствах, с одной стороны, способствовало развитию экономически выгодного производства, с другой – обуславливало формирование экологически эффективной системы использования помещичьих земель. Тенденция к интенсификации природопользования в земледельческом хозяйстве проявляла себя во внедрении многопольных севооборотов, росте механизации сельского производства, широком применении удобрений. Значимым эффектом интенсификации являлась отраслевая специализация имений латифундистов и формирование потребности в создании производств замкнутого цикла. Все это вело к максимальной интенсификации существующих систем ведения хозяйства.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации для поддержки молодых ученых (Проект № МК-476.2020.6)

Литература

- Анфимов, 1969 – Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX века). Москва, 1969. 393 с.
- ГАТО – Государственный архив Тамбовской области.
- Дмитриев, 1894 – Дмитриев К.Д. Обеспеченный доход с имением без капитала на ведение хозяйства. Москва, 1894. 96 с.
- Дубровский, 1963 – Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. Москва, 1963. 599 с.
- Житин, 2018 – Житин Р.М. Некоторые особенности экономики крупного помещичьего хозяйства в конце XIX – начале XX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2018 год. М., Брянск, 2018. С. 153-162.
- Историческая..., 2003 – Историческая экология и историческая демография: Сборник научных статей. М., 2003. 383 с.
- Канищев, Цинцадзе, 2011 – Канищев В.В., Цинцадзе Н.С. Восприятие государственной властью эколого-демографических проблем развития аграрного общества // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. 2011. № 8. С. 273-283.
- Кауфман, 1918 – Кауфман А.А. Аграрный вопрос в России. Москва, 1918. 267 с.

- Каштанов, 2002** – *Каштанов А.В.* В.И. Вернадский и Вернадовка // В.И. Вернадский и Тамбовский край. М., 2002. 190 с.
- Ковальченко и др., 1982** – *Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М.* Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. Москва, 1982. 264 с.
- Культурный уголок, 1900** – Культурный уголок // *Тамбовские губернские ведомости. 1900.* 11 марта. С. 2-3.
- Ленин, 1957** – *Ленин В.И.* Развитие капитализма в России. Полное собрание сочинений. Москва, 1957. Т. 3. 791 с.
- Обзор..., 1911** – Обзор Тамбовской губернии за 1910 год: приложение к всеподданнейшему отчету Тамбовского губернатора. Тамбов, 1911. 121 с.
- Объявление..., 1889** – Объявление о продаже семян из Циммермановской экономии М.А. Фроловой. СПб., 1889. 1 с.
- Пазухин, 1886** – *Пазухин А.* Современное состояние России и сословный вопрос. Москва, 1886. 63 с.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- Сборник..., 1890** – Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии: В 24 т. Т. 14: краткий свод данных о крестьянском населении, землевладении и хозяйстве по всей губернии. Тамбов, 1890. 224 с.
- Сборник..., 1880–1900** – Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии: Т. 1–24. Тамбов, 1880–1900.
- Сборник..., 1891** – Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии: Частное землевладение Кирсановского уезда. Тамбов, 1891. Т. 16. 673 с.
- Сборник..., 1894** – Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии: Частное землевладение Тамбовского уезда. Тамбов, 1894. Т. 19. 370 с.
- Сельский хозяин, 1905** – *Сельский хозяин.* 1905. 4 февраля (№ 14). С. 285-287.
- Сельскохозяйственная жизнь, 1914** – *Сельскохозяйственная жизнь.* 1914. № 3. С. 751.
- Статистика..., 1896** – Статистика Российской империи. Том XXII: главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 года. Выпуск XLII. Санкт-Петербург, 1896. 20 с.
- Энгельгардт, 1956** – *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем. 1872–1887. Москва, 1956. 491 с.

References

- Anfimov, 1969** – *Anfimov, A.M.* (1969). Krupnoe pomeshchich'e hozyajstvo Evropejskoj Rossii (konec XIX – nachalo XX veka) [Large landowner economy of European Russia (late XIX – early XX century)]. Moscow, 393 p. [in Russian]
- Dmitriev, 1894** – *Dmitriev, K.D.* (1894). Obespechennyj dohod s imeniem bez kapitala na vedenie hozyajstva [Provided the income from the estate without capital to farming]. Moscow, 96 p. [in Russian]
- Dubrovskij, 1963** – *Dubrovsky, S.M.* (1963). Stolypinskaya zemel'naya reforma [Stolypin land reform]. Moscow, 599 p. [in Russian]
- Engelhardt, 1956** – *Engelhardt, A.N.* (1956). Iz derevni. 12 pisem. 1872–1887. [From the village. 12 mails. 1872–1887]. Moscow, 1956. 491 p. [in Russian]
- GATO** – Gosudarstvennyj arhiv Tambovskoj oblasti [State archive of the Tambov region].
- Istoricheskaya..., 2003** – Istoricheskaya ekologiya i istoricheskaya demografiya [Historical ecology and historical demography]: *Sbornik nauchnykh statei.* Moscow, 2003. 383 p. [in Russian]
- Kanishchev, Tsintsadze, 2011** – *Kanishchev, V.V., Tsintsadze, N.S.* (2011). Vospriyatie gosudarstvennoj vlast'yu ekologo-demograficheskikh problem razvitiya agrarnogo obshchestva [Perception of ecological and demographic problems of agricultural society development by the state authorities]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki.* 8: 273-283. [in Russian]
- Kashtanov, 2002** – *Kashtanov, A.V.* (2002). V.I. Vernadskij i Vernadovka [V.I. Vernadskij and Vernadovka]. *V.I. Vernadsky and Tambov region.* Moscow, 190 p. [in Russian]
- Kaufman, 1918** – *Kaufman, A.A.* (1918). Agrarnyj vopros v Rossii [Agrarian question in Russia]. Moscow, 267 p. [in Russian]
- Kovalchenko i dr., 1982** – *Kovalchenko, I.D., Selunskaya, N.B., Litvakov, B.M.* (1982). Social'no-ekonomicheskij stroj pomeshchich'ego hozyajstva Evropejskoj Rossii v epohu kapitalizma [Socio-economic structure of the landlord economy of European Russia in the era of capitalism]. Moscow, 264 p. [in Russian]
- Kul'turnyj..., 1900** – Kul'turnyj ugolok [Cultural corner]. *Tambov Gubernskie Vedomosti,* 1900. March 11, pp. 2-3. [in Russian]
- Lenin, 1957** – *Lenin, V.I.* (1957). Razvitie kapitalizma v Rossii Polnoe sobranie sochinenii [Development of capitalism in Russia. Complete works]. Moscow, v. 3, 791 p. [in Russian]
- Ob'yavlenie..., 1889** – Ob'yavlenie o prodazhe semyan iz Cimmermanovskoj ekonomii M.A. Frolovoj [Ad for the sale of seeds from the Zimmermann economy of M. A. Frolova]. (1889). СПб., 1 p. [in Russian]
- Obzor..., 1911** – Obzor Tambovskoj gubernii za 1910 god: prilozhenie k vsepoddannejshemu otchetu Tambovskogo gubernatora [Review of the Tambov province for 1910: Appendix to the most comprehensive report of the Tambov Governor]. Tambov, 1911. 121 p. [in Russian]

- Pazukhin, 1886** – *Pazukhin, A.* (1886). *Sovremennoe sostoyanie Rossii i soslovnyj vopros* [The current state of Russia and the estate question]. Moscow, 63 p. [in Russian]
- RGADA** – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian state archive of ancient acts].
- Sbornik..., 1880–1900** – *Sbornik statisticheskikh svedenij po Tambovskoj gubernii: T. 1-24.* [Collection of statistical data on the Tambov province: Vol. 1-24] (1880–1900). Tambov [in Russian]
- Sbornik..., 1891** – *Sbornik statisticheskikh svedenij po Tambovskoj gubernii: Chastnoe zemlevladienie Kirsanovskogo uezda* [Collection of statistical data on Tambov province: Private land ownership of Kirsanovsky uyezd]. Tambov, 1891. V. 16, 673 p. [in Russian]
- Sbornik..., 1890** – *Sbornik statisticheskikh svedenij po Tambovskoj gubernii: v 24 t. T. 14: kratkij svod dannyh o krest'yanskom naselenii, zemlevladienii i hozyajstve po vsej gubernii* [Collection of statistical data on the Tambov province: in 24 vol. T. 14: a brief summary of data on the peasant population, land ownership and economy throughout the province]. Tambov, 1890. 224 p. [in Russian]
- Sbornik..., 1894** – *Sbornik statisticheskikh svedenij po Tambovskoj gubernii: Chastnoe zemlevladienie Tambovskogo uezda* [Collection of statistical data on the Tambov province: Private land ownership of the Tambov district]. Tambov, 1894. V. 19, 370 p. [in Russian]
- Sel'skij hozyain, 1905** – *Sel'skij hozyain* [Rural owner]. 1905. February 4 (№ 14). Pp. 285-287. [in Russian]
- Sel'skohozyajstvennaya zhizn', 1914** – *Sel'skohozyajstvennaya zhizn'* [Agricultural life]. 1914. № 3. P. 751. [in Russian]
- Statistika..., 1896** – *Statistika Rossijskoj imperii. Tom XXII : glavnejšie dannye pozemel'noj statistiki po obsledovaniju 1887 goda. Vypusk XLII* [Statistics of the Russian Empire. Volume XXII: the main data of land statistics on the survey of 1887. Issue XLII]. SPb, 1896. 20 p. [in Russian]
- Zhitin, 2018** – *Zhitin, R.M.* (2018). *Nekotorye osobennosti ekonomiki krupnogo pomeshchich'ego hozyajstva v konce XIX – nachale XX v.* [Some features of the economy of a large landowner economy in the late XIX – early XX century]. *Ezhegodnik po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy. 2018 god.* Moscow, Bryansk, pp. 153-162. [in Russian]

Особенности рационального природопользования в земледельческом хозяйстве крупных имений Тамбовской губернии в конце XIX века

Руслан Магомедович Житин ^{a, *}, Алексей Геннадьевич Топильский ^a

^a Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Российская Федерация

Аннотация. В статье изучены вопросы концептуализации и конструирования природных ресурсов латифундистами Тамбовской губернии в конце XIX века. В качестве объекта исследования выступили 489 экономий крупных помещиков, на практике доказавших важность эколого-экономических механизмов для капиталистической модернизации своих поместий. Актуальность работы обуславливается необходимостью восполнения историографического пробела в изучении рационализации и социально-экономической модернизации латифундиальных комплексов в пореформенное время. В качестве основного источника были выбраны материалы комплексных земских статистических описаний усадебных хозяйств Тамбовской губернии. В силу обилия в выбранном источнике количественной и качественной информации, ее упорядочение потребовало создание комплексной информационной системы «Рациональное природопользование в имениях помещиков Тамбовской губернии в конце XIX века», отражающей всю имеющуюся информацию о рационализации земледельческого производства в латифундиях края. Работа позволила определить логику преобразований имений владельцев, особенности системы эксплуатации природных ресурсов, характер применения сельскохозяйственной новатки в экономической практике крупных владельцев Тамбовской губернии. В статье показано, что для повышения эффективности экономий латифундисты специализировали полеводство поместий, внедряли замкнутый цикл производства, интенсифицировали и увеличивали производство при существующих природных ресурсах. Использование интенсивных технологий выражалось в применении интенсивных севооборотов, эксплуатации улучшенных сельскохозяйственных механизмов, внедрении в помещичье земледелие органических и неорганических удобрений. Предпринятая рационализация, в свою очередь, выступала важным фактором модернизации владельческого хозяйства, обусловила формирование новой бизнес-экономики имений, являлась одним из факторов социо-экологической и экономической трансформации экономий помещиков.

Ключевые слова: помещичье хозяйство, рациональное природопользование, Тамбовская губерния, модернизация, землевладение.

* Корреспондирующий автор

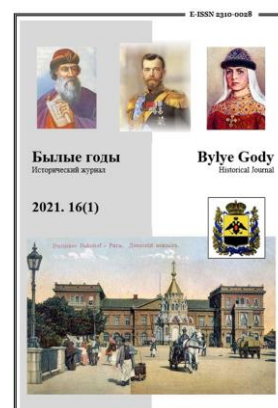
Адреса электронной почты: istoriko8@mail.ru (Р.М. Житин), a-topil@yandex.ru (А.Г. Топильский)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 296-306.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.296
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Zheltuginsky Issue as a Reflection of the Russian-Chinese Interaction at the end of 19th century

Zhanna V. Petrunina ^{a, *}, Galina A. Shusharina ^a, Roman A. Gromov ^a

^a Komsomolsk-na-Amure State University, Russian Federation

Abstract

Zheltuginsky issue arose with the beginning of the active development of gold-bearing deposits by Russian and Chinese subjects in northern Manchuria, which led to the emergence of a large illegal mine settlement. The chronological framework of the study covers the period from 1883 after the first miners appeared on the Zheltuga River and ended in 1886 with the burning of the winter quarters of the Zheltuga Republic. Amur California was able to emerge due to insufficient control on the Russian-Chinese border and the undevelopment of northern Manchuria. In 1883–1886, the activities of workers in Zheltuga led to the creation of an independent social and political entity, which had an impact on the economies of both states. The events on the Zheltuga were examined by authors from the point of view of the development of Russian-Chinese relations at the end of the XIX century, from the standpoint of studying the organization of life in a territory where there was no obvious interference of state power, and the development of intercultural interaction between the Russian and Chinese peoples. The authors analyzed issues of organizing the labor of a mine worker in the last quarter of the XIX century. The resulting picture of the events of 1883–1886, which took place on the Zheltuga, supplements the image of Russian mine workers and become an example of the organization of people's lives. The source base of the research was materials from periodicals, official documents and works of contemporaries of the events. The authors come to the conclusion that the interest of people in consolidating themselves in almost uninhabited territories is possible with the assistance of state authorities and fair distribution of income. In this case, trade relations, infrastructure will receive an additional impetus, the population will consolidate, and, ultimately, the authority of the state itself will be strengthened.

Keywords: Zheltuginsky issue, Russian-Chinese border relations, gold mining, work of a mine worker.

1. Введение

Социально-экономическое развитие российского Дальнего Востока напрямую связано с решением вопроса сохранения населения на этой территории. На протяжении почти двух веков руководством России использовались разные механизмы и способы, направленные на борьбу с оттоком населения и создание комфортных условий жизни в регионе. Одним из успешных проектов по привлечению населения на Дальний Восток стала Желтугинская республика, которая просуществовала в Приамурье с 1883 по 1886 гг. Прииски располагались на территории северной Маньчжурии. Однако пересечение границы между Российской и Китайской империями в тот период не являлось сложным делом. На переживавший «золотую лихорадку» Дальний Восток потянулись российские подданные в поисках легкого заработка. Значительный приток населения способствовал активизации торговли, развитию промышленного производства, появлению новых населенных пунктов как на севере Маньчжурии, так и на Дальнем Востоке Российской империи. Приисковое поселение за свое короткое существование отметилось красочными названиями: «Новая Калифорния», «Амурская Калифорния», «Прииск вольных промышленников», «Прииск вольных

* Corresponding author

E-mail addresses: petrunina71@bk.ru (Z.V. Petrunina)

желтугинских промышленников», «Эльдорадо», «Желтугинская община», «Желтугинская республика», «Желтуга». Наряду с характеристикой российско-китайских отношений в конце XIX в., изучение истории Желтугинской республики позволяет проанализировать комплекс социальных и экономических вопросов, затрагивающих уникальный опыт самоорганизации русских рабочих в необжитых условиях; выявить факторы, оказавшие влияние на развитие региона, включая и развитие межкультурных связей; определить причины, которые повлияли на отток населения с дальневосточных территорий в конце XIX в. Рассмотрение отмеченных вопросов позволит приблизиться к решению проблемы сохранения населения в регионах, отдаленных от центра страны.

Актуальность статьи определяется и избранным ракурсом исследования. В научно-исследовательской литературе при рассмотрении Желтугинского вопроса пристальное внимание уделялось феномену организации власти на неподконтрольной территории и созданию подобия демократического общества. В настоящем исследовании Желтугинский вопрос рассмотрен с точки зрения решения пограничного вопроса, проблемы организации труда приискового рабочего и активизации прироста населения на Дальнем Востоке. В работе выявлена связь между фактом высокого числа рабочих, бежавших с приамурских приисков, и условиями (законодательными и бытовыми) для рабочих Российской империи, которые стимулировали их искать выгоду на территории сопредельного государства.

2. Материалы и методы

2.1. Основу источниковой базы исследования составили материалы периодической печати, мемуарная литература, официальные документы.

Важным источником для рассмотрения условий труда и качества жизни рабочих на частных приисках стали материалы региональных газет «Сибирь», «Сибирская газета», «Восточное обозрение» (Желтуга, 1885; Благовещенск, 1885; Корреспонденции. Благовещенск, 1885), выходящих в 1880-х гг. Большое значение для выявления специфики труда русского приискового рабочего на Желтуге имели воспоминания и свидетельства очевидцев развития золотопромышленных приисков (Латкин, 1898; Старая..., 1939).

Богатый материал, касающийся вопросов управления горной и соляной промышленностью в Восточной Сибири, почерпнут в «Сборнике главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью», издаваемом по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири Д.Г. Анучина.

Особое место среди источников занимают официальные документы, представленные соглашениями между двумя империями (Айгунский договор 1858 г., Тяньцзиньский русско-китайский трактат 1858 г.) (Юзефович, 2005). Привлечение международных соглашений позволило еще раз отметить, что русско-китайские отношения в середине XIX в. находились на стадии активного становления, а нерешенный пограничный вопрос между двумя империями предоставлял возможность как российским, так и китайским подданным переплывать Амур и самостоятельно пересекать границу.

2.2. Научное исследование было проведено с использованием традиционных специально-исторических методов.

Историко-генетический метод позволил исследовать генезис нелегального приискового образования на китайской территории и определить причины высокого наплыва русских подданных в приграничные территории Китая. В работе был использован нарративный анализ, благодаря которому удалось последовательно изучить события на Желтуге сквозь призму их восприятия очевидцами и участниками происходившего.

Исследование проведено на основе принципов историзма и объективности.

3. Обсуждение

Первые работы по истории золотоносных россыпей на Желтуге стали появляться в отечественной историографии уже в конце XIX в. Научные исследования того периода были максимально приближены ко времени существования Желтугинской республики и основывались на данных, полученных как от исследователей, побывавших на приисках, так и самих «калифорнийцев». В сборнике «Описание Маньчжурии» представлен обзор материалов периодической печати, в которых были затронуты вопросы развития золотопромышленности на Желтуге (Описание Маньчжурии, 1897). Фактически в этот период началась фиксация и накопление исторического материала. Данные о Желтугинской республике содержатся и в работе русского краеведа Ф.С. Груздева (Груздев, 1900), а также представлены в материалах Сибирского сборника, который издавался русским писателем и публицистом Н.М. Ядринцевым в качестве приложения к еженедельной газете «Восточное обозрение» (Сибирский сборник, 1886). Краткие сведения о жизни на приисках сохранились в работе русского золотопромышленника и писателя Н.В. Латкина (Латкин, 1898).

Упоминания о Желтугинской республике можно встретить в работах авторов XIX в., которые описывали жизнь и быт обитателей разных приисков, существовавших на территории Приамурья (Васильев, 1897; Завитков, 1888; Сретенский, 1888; Уманьский, 1888).

В последующие годы интерес исследователей к Желтугинской республике заметно утих. По всей видимости, это было связано с непростым периодом в жизни России и Китая, а также неоднозначными оценками отечественных и зарубежных авторов фактически незаконной деятельности старателей.

Активизация исследовательского внимания к истории желтугинских приисков произошла на рубеже XX–XXI вв. (Игнаткин, 1994; Русанов, 1995; Русанов, 1996). Опираясь на материалы периодической печати, авторы вновь обратились к изучению истории Желтугинской республики, стремясь обобщить сохранившиеся исторические источники. Среди недавних исследований необходимо отметить работу научного коллектива сотрудников Музея землеведения МГУ (Скрипко и др., 2009), в фондах которого сохранились фотодокументы о жизни золотоискателей на Желтуге. В числе заметных работ по исследуемой проблеме необходимо указать статьи О.И. Курто. При характеристике жизни в Желтугинской республике автор сосредоточила внимание на рассмотрении гендерных проблем (Курто, 2011; Курто, 2011а; Курто, 2013).

Для общей характеристики развития золотопромышленности в Сибири в настоящей работе оказались полезными научные исследования и Л.В. Сапоговской (Сапоговская, 1998), В.А. Ламина (Ламин, 2002), В.Г. Дацышена (Дацышен, 2000), Ж.В. Петруниной, Г.А. Шушариной и Р.А. Громова (Petrunina et al., 2020).

4. Результаты

Поскольку Амурская Калифорния возникла на китайской территории и не последнюю роль в этом сыграли русские подданные, которые практически беспрепятственно пересекали границу, следует рассмотреть пограничную ситуацию, сложившуюся между Россией и Китаем в предшествовавшие четверть века.

Важным документом в российско-китайском пограничном урегулировании выступал Айгунский договор 1858 г., которым территории левого берега р. Амур, начиная от р. Аргунь до морского устья р. Амур, были закреплены за Россией, а правый берег, вниз по течению Амура до р. Усури, – за Китаем. От р. Усури далее до моря находящиеся места и земли были установлены в общем владении Китая и России (Юзефович, 2005: 250–251). Ближайшим населенным пунктом к желтугинским приискам была станция Амазар на берегу Амура. От реки прииск отделяло расстояние в 20 верст (Описание Маньчжурии, 1897: 485).

Другим значимым соглашением, подписанным Россией и Китаем, стал Тяньцзиньский трактат 1858 г. Документ определял условия ведения сухопутной и морской торговли между сторонами, подтверждал право России отправлять посланников в Китай «всякий раз, когда российское правительство признает это нужным». Согласно Тяньцзиньскому трактату неопределенные части границ между Китаем и Россией должны были «без отлагательства исследованы на местах доверенными лицами от обоих правительств». После определения российско-китайской границы должны были быть составлены карты, которые являлись документом о границах (Юзефович, 2005: 251–256).

В середине XIX в. российско-китайские отношения не были крепкими. В конце 1858 г. цинское правительство, не захотев отдавать Приамурье, отказалось ратифицировать Айгунский договор. В 1860 г., благодаря умелым действиям русской дипломатии, был заключен Пекинский договор, в котором стороны вновь обратились к решению вопроса о границе. Согласно статьям соглашения, земли, лежащие по левому берегу (на север) реки Амур, принадлежат российскому государству, а земли, лежащие на правом берегу (на юг), до устья реки Усури, принадлежат китайскому государству. Последующие положения о границе подтверждали и уточняли Айгунский и Тяньцзиньский договоры (Юзефович, 2005: 257–266). В 1881 г. был заключен «Договор между Россией и Китаем об Илийском крае», согласно которому на территории Илийского края восстанавливалась власть Китая. Однако и после этого вопросы о границе продолжали уточняться (Дацышен, 2000: 88, 102).

Таким образом, на момент появления в 1883 г. Амурской Калифорнии процесс формирования границы российского и китайского государств продолжался. Несмотря на то что к началу 1880-х гг. ряд вопросов по пограничному урегулированию был снят, говорить об окончательном установлении межгосударственной границы было преждевременно. Именно этот факт способствовал проникновению русских на китайскую территорию. Правительства двух империй были заняты решением важных вопросов на западном участке границы, поэтому не придавали особого значения и не препятствовали неконтролируемому переходу русских и китайских подданных через границу.

Минеральные богатства Амурского края длительное время оставались почти не исследованными. Развитие золотопромышленности в Амурском крае началось в конце 1860-х гг. В последующие тридцать лет (с 1868 по 1892 гг.) на этой территории было добыто 6,500 пудов золота, и по добыче золота Амурский край стал опережать многие части страны, занимая второе место по этому показателю среди разных частей Российской империи (Груздев, 1900: 87).

Открытие золота на территории будущей Амурской Калифорнии приписывают русским казакам в 1860-е гг. В последующие годы золотоносность района не афишировалась, а разработка

золотоносных месторождений производилась тайно. На период последней трети XIX в. пришлось время «золотой лихорадки», начавшейся с открытия старателями месторождений золота на реках Средний Витим и Зея, на Охотском побережье, в Олёкминском округе, на Чукотке и в Северном Китае ([Описание Маньчжурии, 1897: 476-478](#)).

Слух об открытых богатых и никому не принадлежавших золотых приисках быстро распространился по всей Сибири и Дальнему Востоку, привлекая в регион людей, которые трудились на приисках и организовывали свою жизнь.

Именно такой опыт организации жизни на приисках представляла Желтугинская республика, начало которой было положено в 1883 г. Под названием Желтугинская республика, или Желтуга, принято понимать богатые золотые прииски, находившиеся на правой, китайской стороне Амура, напротив станции Игнашино. Местность была слабозаселенная, «не занятая оседлым маньчжуро-китайским населением и ... изредка посещавшаяся бродячими ороचनाми, русско-подданными» ([Груздев, 1900: 88](#)). Название было связано с названием протекавшей в этой местности спокойной реки, которую орочи называли Желта, а русские из-за наличия золота стали называть ее Желтугой. Река тянулась с юго-запада на северо-восток, была длиной 16 верст и имела глубину до половины аршина ([Амурская, 1886: 144](#)).

По легенде один ороchon (представитель тунгусской народности) весной 1883 г., устраивая могилу для своей матери в долине реки Желтуги, нашел несколько золотых самородков. О найденном ороchon сообщил русскому золотопромышленнику Середкину, который организовал поисковую партию рабочих во главе с горным инженером Лебединым. Результаты поисков оказались положительными, и вскоре началась правильная разработка прииска. Рабочие трудились на свой риск и собственные траты, а с пограничных станиц начинали прибывать молодые казаки. Старые казаки-хлебопашцы, понимая опасность подобной деятельности на иноземной территории, созвали казачий сход, на котором было решено запретить казакам заниматься золотым промыслом на китайском прииске, но разрешить осуществление доставки и продажи припасов рабочим на прииск. Казаки стали активно распространять рассказы о богатом месторождении, так как от количества рабочих, прибывавших на прииски, зависели размеры их торговли и экономической выгоды ([Описание Маньчжурии, 1897: 485](#)).

Первое время на желтугинских приисках не было никакой власти и царил полный хаос. Поэтому важной задачей для старателей стала организация жизнедеятельности.

Русские рабочие в основном собирались в артели и действовали на правах артельной собственности. В артелях не было сословных различий, и каждый, кто вступал в артель, должен был трудиться наравне со всеми. Расходы для нужд артели (покупка инструментов, продовольствия и т.д.) осуществлялись за счет средств, вносимых каждым членом артели. Добытое золото делилось поровну. Процедура принятия нового члена в артель носила коллегиальный характер и зависела от мнения членов всей артели ([Описание Маньчжурии, 1897: 495](#)).

Работы артелью велись по принципу заготовления ям для добычи золота. Артели могли разрабатывать ямы и продавать их другим артелям. Со временем вся золотоносная территория Желтуги была разбита на ямы, которые стали продавать всем прибывающим рабочим по 2/2,5 тыс. рублей. Однако покупка артелью ямы не означала, что в яме окажется золото. В этом случае часть рабочих, которым не улыбнулась удача, шла поденщиками к разбогатевшим золотодобытчикам за 3–5 рублей в день. Другие в силу разных причин не могли найти работу и образовывали группы нищих, в то время как у некоторых артелей появлялись даже запасные ямы ([Описание Маньчжурии, 1897: 496](#)). Россыши разрабатывались без соблюдения требований и технологий, поэтому получаемые при промывке отбросы зачастую засоряли прииск.

Служивший агрономом при приамурском генерал-губернаторе (в 1890–1897 гг.) Н.А. Крюков отмечал, что именно в этот период на амурских приисках стало заметным хищничество, начало которому было положено на желтугинских приисках. Простой и «первобытной формой» хищничества стала тайная добыча золота на казенных и частных землях. Причинами такого явления Н.А. Крюков считал безлюдность и обширность амурских земель, часть из которых находилась «вне пределов распространения оседлой русской колонизации», а часть – не охранялась ([Крюков, 1896: 160](#)).

Промывка золота на прииске осуществлялась двумя способами – на ручных бутарах и на лотках ([Амурская, 1886: 144](#)). Воду для орошения брали из притоков Желтуги или грели лед на камнях. В среднем в артелях, состоявших из 10–12 человек (Гармановская, Нелюбинская, Зыковская и другие), при промывке двухсот пудов песка получалось 150 золотников ([С Амура, 1885: 8-9](#)).

Золотоносная разрабатываемая площадь растянулась по обоим берегам реки Желтуги на расстояние 12–15 верст в длину и на 20–100 сажень в ширину. Территория представляла узкую долину, покрытую болотами. Наиболее удачным временем для проведения работ на приисках была зима, поскольку в этот период насыщенные водой почвы замерзали ([Описание Маньчжурии, 1897: 497](#)).

К Амурской Калифорнии вели две дороги – от станции Игнашино (35 верст) и станции Амазар (20 верст). Состояние дорог, ведущих к прииску, считалось удовлетворительным. Мерилом выступала возможность провозить по дорогам сорокаведерные бочки со спиртом ([С Амура, 1885: 8-9](#)).

По дороге к Амурской Калифорнии через обширные леса можно было встретить вьючный транспорт с лошадьми, на котором сидели хорошо вооруженные ямщики. Это отражало тот факт, что все, кто шел к Желтуге, должны были быть готовы защитить самих себя, так как закона там не было. При въезде в Амурскую Калифорнию встречалось много разных людей, от каторжника до свободного гражданина, идущих с котомками и мирно ведущих разговоры на житейские темы ([Амурская, 1886: 143](#)).

Пароходное сообщение по Амуру с приисками началось с мая 1885 г., когда бывший мясник Штейн и бывший ссыльнокаторжный Лягушенко, став активными деятелями Амурской Калифорнии, выкупили пароход «Налим» с целью сообщения Стретенска с Амурской Калифорнией. Пароход ходил от Стретенска до Покровки, имел цену билета 10–25 рублей с человека и провозил за рейс до трехсот человек. Впоследствии также ходили пароходы «Гражданин», «Русский» и другие ([С Амура пишут, 1885: 5-7](#)).

Количество рабочих на приисках быстро увеличивалось. Ежедневно на прииске появлялось от 100 до 150 человек ([Амурская, 1886: 147](#)). Уже к сентябрю 1883 г. на приисках Желтути по разным подсчетам трудилось от 5 до 7 тыс., а к началу 1885 г. – свыше 10 тыс. человек ([Описание Маньчжурии, 1897: 487](#)). Национальный состав старателей был очень разнообразным. Среди рабочих встречались русские (наибольшее количество), китайцы (вторые по численности), корейцы, орочоны, евреи, немцы, французы, поляки, американцы, сибирские инородцы. Социальный состав также отличался пестротой. На приисках бок о бок могли трудиться бывшие каторжники, ссыльные поселенцы, представители офицерского состава, отставные чиновники, торговцы, ремесленники и бродяги. Золотые прииски притягивали и разного рода аферистов. Часть русских работников, узнав про Желтугу, уходила с приисков Благовещенских золотопромышленных компаний (Ниманской, Бутинской и др.) ([Описание Маньчжурии, 1897: 487](#)). Основной приток рабочих в Амурскую Калифорнию из русских подданных составляли люди, которые имели опыт работы на приисках Российской империи. Большой процент рабочих на Желтуге представляли старатели, ушедшие с приисков Верхне-Амурской и Зейской компаний ([С Амура, 1885: 8-9](#)).

Русские люди на прииске жили в основном в зимовьях, которые представляли собой обыкновенный сруб из бревен, законопаченный со всех сторон мхом. Цена зимовья была достаточно высокой и могла доходить до двухсот рублей. На прииске насчитывалось несколько сотен срубов, выстроенных в улицу. Одна из таких улиц называлась «Миллионной», поскольку находилась в непосредственной близости от россыпей. Жилища возводились на главном стане «Орлово поле». Название было связано с тем, что в этом месте работал кабак, вокруг которого собирался праздный люд, просяживавший деньги в игру «орлянка» (суть игры – угадывать, какой стороной упадет монетка, пока ее подбрасывают) ([Амурская, 1886](#)). Китайские старатели жили отдельно от русских, подчиняясь своим законам.

Постепенно на желтугинских приисках появились заведения для жизни и отдыха. В местности, которая была почти пустынной еще несколько лет назад, появились гостиницы «Марсель», «Беседа», «Тайга», «Калифорния», работали две бани, несколько пекарен. Для развлечения желтугинцев был организован зверинец, работали оркестр, фокусники и труппа жонглеров. В Желтуге было открыто казино «Чита», в народе прозванное «Монте-Карло» ([Амурская, 1886: 147; Описание Маньчжурии, 1897: 489](#)).

На приисках было организовано и медицинское обслуживание. Здание открывшегося лазарета было разделено на четыре отделения: аптека, кабинет для приема больных, помещение для прислуги и палата для больных, рассчитанная на 15 коек. Больным был обеспечен уход лечащего врача, возможность пользоваться аптекой, уходом и попечением прислуги и нехитрым продовольственным довольствием, включавшим утренний чай, завтрак, обед (из трех блюд) и вечерний чай с белых хлебом ([Амурская, 1886: 159](#)).

В первое время в Амурской Калифорнии была очень высокая преступность. Рядовыми явлениями были грабежи, кражи и разбой. Убийства случались каждый день. Тела умерших относили в лес. Там они могли лежать долгое время не преданными земле, зачастую становясь добычей дикого зверя.

Вопрос о необходимости установить законность на прииске актуализировался после жестокого убийства приискового повара. После этого происшествия было решено выбрать управляющего и принять законы, которые бы действовали на приисках. Постановлением общего схода прииск был разделен на пять участков (по количеству зимовьев), которые стали называть штатами (4 зимовья были «белыми», 1 – китайским). В каждом штате жители должны были выбрать из своей среды двух старост сроком на 4 месяца. От каждой артельной команды был выбран доверенный. Эти доверенные, в свою очередь, определяли выборного. Выборному (которого еще называли «старшина» или «президент») предоставлялась полная власть над всеми, кто находился в Амурской Калифорнии и в местах, лежавших на китайской стороне и примыкавших к желтугинскому прииску. В помощь выборному образовался и совет правления Амурской Калифорнии. В него входили десять человек (старшины), двое из которых были китайцами. Сходом были определены принципы существования «русской Калифорнии»: выборность органов самоуправления, товарищество артелей (кодекс экономических взаимоотношений) и свод законов, которые в целом формировали основной на приисках, названный Конституция. Был составлен Желтугинский статут, в котором после слов

«...дерзаем помощью Всевышнего, неотступно трудиться на пользу ближнего нашего, дабы совратившихся наставить на путь истинный и устранить этим самым неугодные Богу дела, совершаемые многими, из среды нашей, заблудившихся во мраке прегрешений...» следовали 18 статей, регламентировавших приисковую, судебную, управленческую, торговую деятельность (Амурская, 1886: 149; Законы..., 1886: 10).

На сходе было официально закреплено наименование «Желтугинская республика» или «Амурская Калифорния». Среди людей, в разное время возглавлявших Желтугинскую республику, встречается имя «некоего» Н.А. Прокудина (Груздев, 1900: 89) и горного исправника Еремея Сахарова (С Амура, 1885: 8-9). Наибольшие дискуссии в научной, мемуарной и художественной литературе вызывает имя и национальность первого президента Желтугинской республики. Большинство исследователей полагают, что первым президентом Амурской Калифорнии стал Карл Иоганн Фассе. Известно, что Карл Иоганн Фассе родился в 1847 г. в Австро-Венгрии. В 1870-х гг. он трудился чиновником Датского телеграфного ведомства во Владивостоке. С начала 1880-х гг. он оказался на золотых приисках Желтуги. Фассе отличался лидерскими качествами и пользовался авторитетом среди старателей.

Президент республики получал жалованье в 400 рублей в месяц, что соответствовало генеральскому жалованью того времени, а старосты – 200 рублей (Описание Маньчжурии, 1897: 492). В Желтугинской республике был учрежден черно-желтый флаг, где черный цвет означал землю, а желтый – золото.

В Республике действовали строгие законы. В основу трудовых отношений были положены суровые правила, действовавшие на многих дальневосточных приисках. Рабочий день приискового рабочего определялся от 12 до 14 часов. В реалии он мог длиться до 18 часов. К примеру, рабочее время могло составлять 11 часов, рабочий день начинался в 5 часов утра, а заканчивался в 7 часов вечера, с промежутками в 2 часа на обед и 1 час на чай (Приложение, 1884: 336). При этом работник не должен был покидать место работы, не выполнив плана на день. Рабочие артели не имели права требовать от приискового управления каких-либо дней отдыха ни в воскресенье, ни в табельные дни, за исключением одного дня в месяц на одного члена артели по усмотрению управления (Сибирское обозрение, 1881: 820-821).

Расчет с рабочими производился перед православным праздником Покровым днем (14 октября). В период, когда выпадали обильные снега и лед сковывал реки так, что промывка песков была невозможна, расчет мог быть произведен раньше (Латкин, 1898: 205). Траты на имущество, вещи, инструменты и прочее рабочие брали на себя и по сезону платили налог на нужды золотопромышленника. Часто рабочие еще оставались в долгу у приискового управления, но, получив паспорта, шли домой. Часть рабочих гибла в дороге домой, заблудившись в лесах тайги (Старая..., 1939: 137).

Поскольку население Амурской Калифорнии отличалось буйным нравом, то нарушение принятых законов каралось жестокими наказаниями. За учиненный ночной шум было положено 200 ударов палкой, за пьянство – 100. Подделка золотого песка, беспричинная стрельба и мужеложство наказывались 500 ударами терновником (кнутом, набитым гвоздями). За убийство грозило повешенье или 1000 ударов кнутом. Наказание кнутом было наиболее тяжелым, избежать его не могли помочь ни происхождение, ни деньги, а слава об этом наказании шла далеко по Сибири (Груздев, 1900: 89-90). Время установления порядка на Желтуге точно не обозначено, однако есть свидетельства очевидца, который, въезжая в 1885 г. в Амурскую Калифорнию, выражал удивление от тишины и спокойствия, царивших среди рабочих, и был поражен наличием устава и системы наказаний (С Амура, 1885: 8-9). В результате в самое короткое время в Желтугинской республике установился «хоть и не образцовый, но примерный порядок» (Груздев, 1900: 89-90).

Одновременно было организовано регулярное снабжение «калифорнийцев» предметами первой необходимости и питания. Вначале доставкой провианта занимались казаки пограничных станиц. Увеличение населения на Желтуге привлекло на прииски большое количество мелких торговцев со всего Забайкалья. Они привозили сухари, мясо, хлеб, водку, спирт и другие товары, которые продавали с большой выгодой. Так, мясо, стоившее в Благовещенске 4 рубля за пуд, на приисках Желтуги продавалось за 10–15 рублей, а цена пуда сухарей с 3 рублей 20 копеек возрастала до 12 рублей. Цена на орудия труда возрастала в два раза: топор, стоимостью 5 рублей, продавался за 10 (Описание Маньчжурии, 1897: 488). Те, кто был вовлечен в торговые отношения на желтугинских приисках, должны были вносить в общую казну 10 % от стоимости всех своих товаров, за исключением мяса и сухарей. Несмотря на то что товары продавались по завышенным ценам, приисковый люд, демонстрируя сострадание и великодушие, угощал, кормил и обогревал продавцов как родных или близких знакомых, без всякого вознаграждения (С Амура, 1885: 8-9). За относительно небольшой период на территории приисков, расположенных в глухой тайге, можно было купить самые разнообразные товары. Основной мерой расчета стал золотник песка (4,266 г), вес которого определялся на самодельных весах. Гириями зачастую служили игральные карты. Вес одной карты соответствовал четверти золотника.

В целом за период с осени 1883 г. до весны 1885 г. на желтугинских приисках было добыто свыше 400 пудов золота, а за весь период существования – до 500 пудов (С Амура, 1885: 8-9). В перспективе жители Желтугинской республики рассчитывали на помощь российских властей в решении вопроса о присоединении богатых месторождений к Российской империи и прилагали к этому все усилия. Однако ситуация складывалась не в пользу старателей.

Региональные российские власти с самого начала образования поселений на Желтуге заявили о том, что российские подданные в случае сложной ситуации не смогут рассчитывать на «покровительство русских законов» (Описание Маньчжурии, 1897: 489). Такая позиция могла быть объяснена, во-первых, геополитическими задачами России в регионе и нежеланием возможных обострений с Китаем. Во-вторых, необходимостью решения актуализировавшихся вопросов обеспечения рабочими руками российских приисков, располагавшихся от Благовещенска до Иркутска и лишившихся старателей после их бегства на желтугинские прииски. В-третьих, потребностью немедленного обеспечения продовольствием населения на иноземной территории. Это, в свою очередь, приводило к сильному удорожанию, а затем и дефициту товаров в Чите, Благовещенске, станицах Амазар, Игнашино и других населенных пунктах. В-четвертых, тем, что в государственную казну Российской империи почти не поступало никаких доходов от добычи золота на желтугинских приисках. Российские региональные чиновники скупали золото у рабочих по крайне низкой цене (3 рубля 40 копеек или 3 рубля 60 копеек), в то время как сахалинские торговцы предлагали 4 рубля за золотник, а на месте можно было сдать золото по цене 3 рубля 50 копеек за золотник. Выбор для старателей был очевиден. С целью противодействия продаже драгоценного металла частным лицам на станции Игнашино была открыта контора. Регламентация скупки золота породила злоупотребления среди российских чиновников, которые, пользуясь своим положением, получили возможность конфисковывать металл, продавать его китайцам по завышенным ценам, а полученные средства присваивать (Описание Маньчжурии, 1897: 489, 499).

Для ограничения притока российских подданных на Желтугу в 1884 г. в станицах Амазар, Игнашино и Сгибнево были устроены кордоны, которые препятствовали продвижению людей, шедших за золотом. Положение на Желтуге усугубил факт длительной засухи лета 1885 г. (Корреспонденции. Благовещенск, 1885: 1020-1021). Теперь кордоны ставили не только против прибавления новых рабочих в Желтугинской республике, но и против провоза продовольствия. Однако находились торговцы (преимущественно евреи), успешно провозившие продукты на китайскую землю (Из Покровки, 1885: 7).

Запрет на провоз продуктов вызвал в Амурской Калифорнии голод. Вследствие этого возникли беспорядки от тех старателей, кто приходил на русскую границу. Для прекращения грабежей 16 декабря 1885 г. был снят запрет на ввоз хлеба в Желтугу и искатели наживы снова двинулись за Амур. В свою очередь, на китайской стороне примерно в то же время поставили пикеты пограничной стражи, которые брали плату за проход на прииски со своих собратьев. Но это было ненадолго, пока китайские войска собирались с силами, чтобы покончить с Желтугинской республикой (Китайский погром, 1886: 8-10).

К началу 1885 г. среди населения Амурской Калифорнии начали ходить слухи, что из маньчжурского города Мэргэн выступило десятитысячное войско с целью подобраться к Амуру в момент ледохода, тогда русским подданным (и некоторым иностранным) будет отрезан путь на русскую территорию и китайские войска смогут покарать золотокопателей. В условиях, когда помощи от российских властей ждать не приходилось, «приискатели» были решительно настроены дать отпор китайским властям своими силами (С Амура пишут, 1885: 5-7).

Китайские чиновники выражали неудовольствие тем, что на территории Поднебесной золото добывают старатели со всех частей света. Однако сложные природные условия не позволяли китайским властям оперативно решить этот вопрос. Наибольшее «озлобление» китайцев вызывали предложения русских золотопромышленников на выгодных для Китая условиях выкупить желтугинские прииски (Благовещенск, 1885: 6). Столь богатая территория постепенно могла стать предметом территориальных споров и между Российской и Китайской империями. В целях недопущения конфликта стороны должны были вновь вернуться к решению вопроса о границе.

Айгуньский амбань (титул высших китайских чиновников) несколько раз обращался к амурскому губернатору с официальными бумагами, в которых предлагал двум дружественным империям совместно решить проблему с выселением российских подданных с китайской территории. В ответ российские власти заявили о своем невмешательстве в сложившуюся ситуацию, фактически отстранились от нее, предложив китайцам поступать с российскими гражданами согласно своим законам (Амурская..., 1886: 159).

В августе 1885 г. китайские власти предприняли первую попытку навести порядок на своих территориях. В Желтугинскую республику прибыл отряд во главе с китайским офицером и предложил всем жителям поселка в течение шести дней покинуть территорию приисков. Спустя указанное время отряды китайских военных вернулись, обезглавили несколько старателей и сожгли ряд построек. В газетах стала появляться информация о том, что «большая часть народа» покидает прииск, а оставшимся «грозит опасность». Рассчитывая, что голод погонит людей с нажитых мест,

китайская администрация ввела запрет русским купцам на торговлю мукой и мясом (Желтуга, 1885: 6). Однако эта мера не принесла результата. Золотой промысел на Желтуге восстановился и продолжал расти. В сентябре 1885 г. стало известно, что в восьми верстах от Желтуги были разработаны новые прииски с рабочим составом около трехсот человек (Корреспонденции..., 1885: 9).

В январе 1886 г. китайские войска численностью свыше 1000 человек подошли к Амурской Калифорнии, требуя от старателей покинуть территорию прииска в кратчайшие сроки. Причины настойчивости китайских властей объяснялись тем, что в Китае была запрещена добыча золота, а нарушивших закон ждало суровое наказание.

Желтугинцы решили покинуть Амурскую Калифорнию все вместе. Русские рабочие оставили прииск почти сразу при появлении китайских военных, они выходили с маршем, держа знамя «Мы, Александр III». Китайские рабочие под страхом казни в спешке разбежались поодиночке по ближайшим горам и лесам. Китайские солдаты характеризовались очевидцами как «народ малоцеремонный» (Игнашино..., 1886: 4). Применяемые наказания наводили ужас на не успевших спастись китайских рабочих, которых без пощады избивали, кололи и рубили головы, а «вернее резали не особенно острыми саблями» (Китайский погром, 1886: 8-10; Игнашино, 1886: 4). Следует отметить, что частыми были случаи защиты русскими китайских рабочих. Так, когда в очередной раз китайские воины искали своих собратьев желтугинцев по улицам одной из русских станиц, у русских рабочих кончилось терпенье. Увидев, что китайцы поймали троих своих старателей и уже собирались их казнить, русские рабочие приняли их на колья и отбили, а затем и спрятали приискателей, обратив в бегство китайские отряды (Китайский погром, 1886: 8-10).

К моменту полного освобождения Желтуги все зимовья были сожжены, а для предотвращения появления новых приискателей был оставлен сторожевой отряд численностью в пятьсот человек (Описание Маньчжурии, 1897: 506).

5. Заключение

Итак, Желтугинский вопрос можно рассматривать как один из этапов взаимодействия России и Китая в приграничных территориях. Стороны были вынуждены решать общие задачи, связанные с освоением территорий и решением социально-экономических и военно-политических вопросов. Разрешение сложившейся ситуации между Российской и Китайской империями в середине 1880-х гг. свидетельствует о важности и необходимости четкого определения межгосударственных границ. Недостаточной решенный вопрос о границах позволил российским подданным обосноваться на китайской территории, а китайским военным вторгнуться на российские земли. Подобная политика могла бы привести к межгосударственному конфликту.

Появление российских подданных на китайской территории и организация ими жизни в глухой тайге свидетельствовали о способности и желании граждан Российской империи осваивать территории Дальнего Востока, расширяя влияние российского государства в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Не обладая первоначально практически никакими средствами, не имея поддержки со стороны официальных властей, старатели Амурской Калифорнии в рамках отдельно взятой территории определили условия для экономического развития региона, испытывавшего проблемы разного плана. Желтугинская республика продемонстрировала, что стремление получить выгоду способно привести людей к решению, казалось бы, нерешаемых задач.

Одновременно работники приисков в конце XIX в. актуализировали и вопрос отношения государственной власти к землям Сибири и Дальнего Востока, заставляя воспринимать эти территории как часть страны, а не в качестве колоний, предназначенных только для выкачивания ресурсов, жителей же этих земель считать равноправными гражданами государства, которым гарантирована защита со стороны российской власти.

Не менее значимым для укрепления взаимодействия народов оказался и вопрос межкультурного российско-китайского взаимодействия. За весь рассматриваемый период существования Желтугинской республики между русскими и китайцами не было обнаружено сколь-нибудь серьезных конфликтов. Причиной этому послужили характер русских и китайских рабочих и имеющийся опыт их совместной работы в предыдущие годы. Это позволило китайским рабочим, бежавшим с Желтуги, закрепиться на территории Забайкалья, получить работу. Отличавшиеся трудолюбием, дисциплинированностью и неприхотливостью в быту китайские рабочие постепенно осваивали русский язык, а некоторые даже были готовы принять православие.

Образование и существование Желтугинской республики является свидетельством общности задач Китая и России на Дальнем Востоке, а проблемы, поднятые в конце XIX в. в рамках рассматриваемого вопроса, сохраняют актуальность и в наши дни.

Литература

Амурская..., 1886 – Амурская Калифорния (по рассказам очевидца) // Сибирский сборник. Научно-литературное периодическое издание под редакцией Н.М. Ядринцева. Книга I. СПб., 1886. С. 138-168.

- Благовещенск, 1885 – Благовещенск (Ходатайство одного золотопромышленника об отдаче ему Желтуги) // *Восточное обозрение*. 1885. № 28. С. 6.
- Васильев, 1897 – Васильев Е.И. Миллионный ключ // *Горный журнал*. 1897. Т. 1. С. 109-112.
- Груздев, 1900 – Груздев Ф.С. Амур (Природа и люди Амурск. края). СПб., 1900. 176 с.
- Дацьшен, 2000 – Дацьшен В.Г. История российско-китайских отношений в конце XIX – начале XX в. Красноярск, 2000. 472 с.
- Желтуга, 1885 – Желтуга // *Сибирь*. 1885. № 7. С. 6-7.
- Завитков, 1888 – Завитков. В тайге // *Сибирские рассказы из жизни приискового люда*. СПб., 1888. С. 1-91.
- Законы..., 1886 – Законы Желтугинской Калифорнии // *Восточное обозрение*. 1886. № 42. С. 9-10.
- Игнаткин, 1994 – Игнаткин Ю.А. По диким степям Забайкалья (Очерки золота Забайкалья). Чита, 1994. 112 с.
- Игнашино..., 1886 – Игнашино (Изгнание рабочих из Желтуги) // *Сибирский Вестник*. 1886. № 22. С. 4.
- Из Покровки, 1885 – Из Покровки на Амур // *Сибирь*. 1885. № 50. С. 7.
- Китайский погром, 1886 – Китайский погром в Амурской Калифорнии // *Восточное обозрение*. 1886. № 11. С. 8-10.
- Крюков, 1896 – Крюков Н.А. Приамурский край на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде. Нижний Новгород, 1896. 234 с.
- Корреспонденции..., 1885 – Корреспонденции. Благовещенск // *Сибирь*. 1885. № 38. С. 9-10.
- Корреспонденции. Благовещенск, 1885 – Корреспонденции. Благовещенск на Амуре // *Сибирская Газета*. 1885. № 39. С. 1020-1021.
- Курто, 2011 – Курто О.И. Желтугинская республика: опыт социального обустройства на границе России и Китая // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2011. № 3 (47). С. 135-142.
- Курто, 2011а – Курто О.И. Мужской мир, мужские ценности: повседневность мужчин-старателей «Желтугинской республики» 1883–1886 гг. // *Женщина в российской обществе*. 2011. № 1 (58). С. 66-76.
- Курто, 2013 – Курто О.И. «Мы, поселившиеся самовольно на китайской стороне для добычи золота...» // *Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: Сборник статей / Ответ. ред. и сост. Н.Л. Пушкарева*. М., 2013. С. 416-446.
- Ламин, 2002 – Ламин В.А. Золотой след Сибири. Новосибирск, 2002. 144 с.
- Латкин, 1898 – Латкин Н.В. На сибирских золотых приисках. (Из таеж. воспоминаний). СПб., 1898. 223 с.
- Описание Маньчжурии, 1897 – Описание Маньчжурии / Сост. в Канцелярии министра финансов под ред. Димитрия Позднеева. Т. 1. СПб., 1897. 620 с.
- Приложение, 1884 – Приложение 1 к выпуску 1 [тома 7] Сборника главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Иркутск, 1884. 424 с.
- Русанов, 1996 – Русанов А.П. Золото Желтуги. Чита, 1996. 17 с.
- Русанов, 1995 – Русанов А.П. Старательская вольница. Чита, 1995. 145 с.
- Сапоговская, 1998 – Сапоговская Л.В. Частная золотопромышленность России на рубеже XIX–XX вв. Урал и Сибирь – модели развития. Екатеринбург, 1998. 313 с.
- Сибирское обозрение, 1881 – Сибирское обозрение. Обязанности рабочих артелей, которые нанимаются на частные золотые прииски // *Сибирская газета*. 1881. № 29. С. 820-821.
- Сибирский сборник, 1886 – Сибирский сборник. Прил. к «Восточному обозрению» / Под ред. Н.М. Ядринцева. СПб., 1886. 216 с.
- Скрипко и др., 2009 – Скрипко К.А., Семенова Л.Д., Снаткин В.В. и др. «Амурская Калифорния» – малоизвестная страница истории золотодобычи в Приамурье в фотографиях из архива земледелия МГУ // *История наук о земле*. 2009. Т. 2. № 2. С. 53-77.
- Сретенский, 1888 – Сретенский. Сибирские мученики // *Сибирские рассказы из жизни приискового люда*. СПб., 1888. С. 92-237.
- Старая..., 1939 – Старая Сибирь в воспоминаниях современников. Иркутск, 1939. 194 с.
- С Амура, 1885 – С Амура // *Сибирь*. 1885. № 5. С. 8-9.
- С Амура пишут, 1885 – С Амура пишут // *Сибирь*. 1885. № 26. С. 5-7.
- Уманьский, 1888 – Уманьский А. Очерки золотопромышленности в Енисейской тайге. СПб., 1888. 167 с.
- Юзефович, 2005 – Юзефович Т. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. М., 2005. 292 с.
- Petrunina et al, 2020 – Petrunina Z.V., Shusharina G.A., Gromov R.A. Development peculiarities of gold mining industry in the Amur Region of the East Siberian Governorate General in the second half of the XIX century // *Bylye Gody*. 2020. 56 (2): 759-768.

References

- Amurskaya..., 1886** – Amurskaya Kaliforniya (po rasskazam ochevidtsov) [Amur California (according to eyewitness accounts)]. *Sibirskii sbornik. Nauchno-literaturnoe periodicheskoe izdanie pod redaktsiei N.M. Yadrintseva*, Kniga I, SPb., 1886, pp. 138-168. [in Russian]
- Blagoveshchensk, 1885** – Blagoveshchensk (Khodataistvo odnogo zolotopromyshlennika ob otdache emu Zheltugi) [Blagoveshchensk (The petition of one gold miner to give him Zheltuga)]. *Vostochnoe obozrenie*. 1885. 28. P. 6. [in Russian]
- Vasil'ev, 1897** – *Vasil'ev, E.I.* (1897). Millionnyi klyuch [The million key]. *Gornyi zhurnal*. T. 1. Pp. 109-112. [in Russian]
- Gruzdev, 1900** – *Gruzdev, F.S.* (1900). Amur (Priroda i lyudi Amursk. kraia) [Amur (Nature and people of the Amur region)]. SPb., 176 p. [in Russian]
- Datsyshen, 2000** – *Datsyshen, V.G.* (2000). Istoriya rossiisko-kitaiskikh otnoshenii v kontse XIX – nachale XX v. [History of Russian-Chinese relations in the late XIX – early XX centuries]. Krasnoyarsk, 472 p. [in Russian]
- Zheltuga, 1885** – Zheltuga [Zheltuga]. *Sibir'*. 1885. 7. Pp. 6-7. [in Russian]
- Zavitkov, 1888** – *Zavitkov* (1888). V taige [In the taiga]. *Sibirskie rasskazy iz zhizni priiskovogo lyuda*. SPb. Pp. 1-91. [in Russian]
- Zakony..., 1886** – Zakony Zheltuginskoi Kalifornii [The laws of Zheltuga California]. *Vostochnoe obozrenie*. 1886. 42: 9-10. [in Russian]
- Ignatkin, 1994** – *Ignatkin, Yu.A.* (1994). Po dikim stepyam Zabaikal'ya (Ocherki zolota Zabaikal'ya) [On the wild steppes of Transbaikal (Essays on the gold of Transbaikal)]. Chita, 112 p. [in Russian]
- Ignashino..., 1886** – Ignashino (Izgnanie rabochikh iz Zheltugi) [Ignashino (Expulsion of workers from Zheltuga)]. *Sibirskii Vestnik*. 22: 4. [in Russian]
- Iz Pokrovki, 1885** – Iz Pokrovki na Amur [From Pokrovka to the Amur]. *Sibir'*. 50: 7. [in Russian]
- Kitaiskii pogrom, 1886** – Kitaiskii pogrom v Amurskoi Kalifornii [Chinese demolition in Amur California]. *Vostochnoe obozrenie*. 1886. Nr 11. pp. 8-10. [in Russian]
- Kryukov, 1896** – *Kryukov, N.A.* (1896). Priamurskii kraj na Vserossiiskoi vystavke v Nizhnem Novgorode [Priamursky Krai at the All-Russian Dog Show in Nizhny Novgorod]. Nizhnii Novgorod, 234 p. [in Russian]
- Korrespondentsii, 1885** – Korrespondentsii. Blagoveshchensk [Correspondence. Blagoveshchensk]. *Sibir'*. 1885. Nr 38. pp. 9-10. [in Russian]
- Korrespondentsii. Blagoveshchensk, 1885** – Korrespondentsii. Blagoveshchensk na Amure [Correspondence. Blagoveshchensk on the Amur]. *Sibirskaya Gazeta*. Nr 39. pp. 1020-1021. [in Russian]
- Kurto, 2011** – *Kurto, O.I.* (2011). Zheltuginskaya respublika: opyt sotsial'nogo obustroistva na granitse Rossii i Kitaya [Zheltuga Republic: Experience of Social Development on the Border of Russia and China]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 3(47): 135-142. [in Russian]
- Kurto, 2011a** – *Kurto, O.I.* (2011). Muzhskoi mir, muzhskie tsennosti: povsednevnost' muzhchin-staratelei «Zheltuginskoi respubliki» 1883–1886 gg. [Men's world, men's values: everyday life of male prospectors of the "Zheltuga republic" 1883-1886]. *Zhenshchina v rossiiskoi obshchestve*. 1(58): 66-76. [in Russian]
- Kurto, 2013** – *Kurto, O.I.* (2013) «My, poselivshiesya samovol'no na kitaiskoi storone dlya dobychi zolota...» ["We, who settled arbitrarily on the Chinese side for gold mining ..."]. *Rossiiskaya povsednevnost' v zerkale gendernykh otnoshenii: Sbornik statei*. Otvet. red. i sost. N.L. Pushkareva. M. Pp. 416-446. [in Russian]
- Lamin, 2002** – *Lamin, V.A.* (2002). Zolotoi sled Sibiri [Siberia's golden trace]. Novosibirsk, 144 p. [in Russian]
- Latkin, 1898** – *Latkin, N. V.* (1898). Na sibirskikh zolotykh priiskakh: (Iz taezh. vospominanii) [On the Siberian gold mines: (From taiga memoirs)]. SPb. 223 p. [in Russian]
- Opisanie Man'chzhurii, 1897** – Opisanie Man'chzhurii [Description of Manchuria]. Sost. v Kantselyarii ministra finansov pod red. Dimitriya Pozdneeva. T. 1. SPb., 1897. 620 p. [in Russian]
- Prilozhenie, 1884** – Prilozhenie 1 k vypusku 1 [toma 7] Sbornika glav-neishikh ofitsial'nykh dokumentov po upravleniyu Vostochnoyu Sibir'yu. [Appendix 1 to issue 1 [volume 7] of the Collection of the most important official documents on East Siberia management]. Irkutsk, 1884. 424 p. [in Russian]
- Rusanov, 1996** – *Rusanov, A.P.* (1996). Zoloto Zheltugi [Gold of Zheltuga]. Chita, 17 p. [in Russian]
- Rusanov, 1995** – *Rusanov, A.P.* (1995). Staratel'skaya vol'nitsa [Prospector freeman]. Chita, 145 p. [in Russian]
- Sapogovskaya, 1998** – *Sapogovskaya, L.V.* (1998). Chastnaya zolotopromyshlennost' Rossii na rubezhe XIX – XX vv. Ural i Sibir' – modeli razvitiya [Private gold industry of Russia at the turn of XIX–XX centuries. Ural and Siberia – development models]. Ekaterinburg, 313 p. [in Russian]
- Sibirskoe obozrenie, 1881** – Sibirskoe obozrenie. Obyazannosti rabochikh artelei, kotorye nanimayutsya na chastnye zoloty priiski [Siberian Review. Responsibilities of workers of cooperatives who are hired in private gold mines]. *Sibirskaya Gazeta*. 1881. 29: 820-821. [in Russian]

- Sibirskii sbornik, 1886** – Sibirskii sbornik. Pril. k «Vostochnomu obozreniyu» [Siberian collection. Adj. to the "Eastern Review"]. Pod red. N.M. Yadrintseva. SPb., 1886. 216 p. [in Russian]
- Skripko i dr., 2009** – Skripko, K.A., Semenova, L.D., Snatkin, V.V. i dr. (2009). «Amurskaya Kaliforniya» – maloizvestnaya stranitsa istorii zolotodobychi v Priamur'e v fotografiyakh iz arkhiva zemlevedeniya MGU ["Amur California" – a little-known page in the history of gold mining in the Amur region in photographs from the archive of geosciences of Moscow State University]. *Istoriya nauk o zemle*. 2(2): 53-77. [in Russian]
- Sretenskii, 1888** – Sretenskii (1888). Sibirskie mucheniki [Siberian martyrs]. Sibirskie rasskazy iz zhizni priiskovogo lyuda. SPb. Pp. 92-237. [in Russian]
- Staraya..., 1939** – Staraya Sibir' v vospominaniyakh sovremennikov [Old Siberia in the memoirs of contemporaries]. Irkutsk, 1939. 194 p. [in Russian]
- S Amura, 1885** – S Amura [From the Amur]. *Sibir'*. 1885. 5: 8-9. [in Russian]
- S Amura pishut, 1885** – S Amura pishut [They write from the Amur]. *Sibir'*. 1885. 26: 5-7. [in Russian]
- Uman'skii, 1888** – Uman'skii, A. (1888). Ocherki zolotopromyshlennosti v Eni-seiskoi taiga [Essays on gold mining in the Yenisei taiga]. SPb., 167 p. [in Russian]
- Yuzefovich, 2005** – Yuzefovich, T. (2005). Dogovory Rossii s Vostokom. Politicheskie i torgovye [Treaties between Russia and the East. Political and commercial. M., 292 p. [in Russian]
- Petrunina et al., 2020** – Petrunina, Z.V., Shusharina, G.A., Gromov, R.A. (2020). Development peculiarities of gold mining industry in the Amur Region of the East Siberian Governorate General in the second half of the XIX century. *Bylye Gody*. 56(2): 759-768.

Желтугинский вопрос как отражение российско-китайского взаимодействия в конце XIX в.

Жанна Валерьяновна Петрунина ^{a, *}, Галина Алексеевна Шушарина ^a,
Роман Алексеевич Громов ^a

^a Комсомольский-на-Амуре государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Желтугинский вопрос возник с началом активной разработки золотоносных месторождений русскими и китайскими подданными на территории северной Маньчжурии, что привело к появлению крупного незаконного приискового поселения. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1883 г. (после появления на реке Желтуге первых приискателей) по 1886 г. (сожжение зимовий Желтугинской республики). Амурская Калифорния смогла возникнуть по причине недостаточного контроля на русско-китайской границе и неосвоенности северной Маньчжурии. В 1883–1886 гг. деятельность рабочих на Желтуге привела к созданию самостоятельного социального и политического образования, которое оказало влияние на экономику обоих государств. События на Желтуге были рассмотрены авторами с точки зрения развития российско-китайских отношений в конце XIX в., с позиций изучения организации жизни на территории, где не было явного вмешательства государственной власти, и развития межкультурного взаимодействия между русским и китайским народами. Авторы подвергли анализу вопросы организации труда приискового рабочего в последней четверти XIX столетия. Полученная картина событий 1883–1886 гг., происходивших на Желтуге, сможет дополнить представления о русских приисковых рабочих и стать примером организации жизни людей. Источниковой базой исследования послужили материалы периодической печати, официальные документы и труды современников событий. Авторы приходят к выводу, что заинтересованность людей в закреплении на почти не обжитых территориях возможна при содействии государственных властей и справедливом распределении доходов. В этом случае дополнительный импульс получают торговые отношения, инфраструктура, начнется закрепление населения, а, в конечном счете, укрепится авторитет самого государства.

Ключевые слова: Желтугинский вопрос, российско-китайские приграничные отношения, золотопромышленность, труд приискового рабочего.

* Корреспондирующий автор

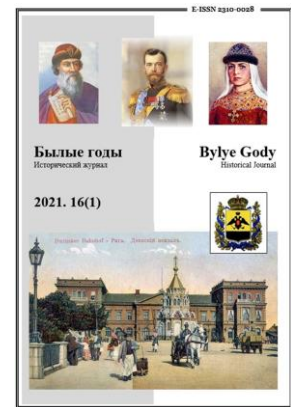
Адреса электронной почты: petrunina71@bk.ru (Ж.В. Петрунина)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 307-315.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.307
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Mining Industry and Education in the Kingdom of Poland in the second half of the 19th – early 20th centuries

Anton B. Mokeev ^{a,*}, Sergey I. Podolsky ^a, Denis G. Yanchenko ^b

^a Saint Petersburg Mining University, Russian Federation

^b Saint Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The second half of the 19th century in the Russian Empire was the time of intensive growth of capitalism accompanied by the industrial growth. At the same time, the diversification of industry persisted for a long time: large machine industry coexisted with manufacturing and small-scale (handicraft) production. During the reign of Emperor Alexander III, there was a strengthening of the position of heavy industry, an increasingly widespread use of hired labor and an increase in production and capital. Capitalism established itself as the dominant mode of production. Russia was characterized by strong government interference in the industrial sphere via government lending, government orders, financial and customs policy. This laid the foundation for the formation of the system of state capitalism. The Russian government paid a great deal of attention to the extractive industries. After the accession of the Kingdom (or in Russian terms “Tsardom” – auth.) of Poland to Russia, the rich natural resources of the territory entered the empire. For the effective use of natural resources, it was necessary to study foreign expertise and develop an appropriate training system.

This article is devoted to the study of mining industry and education in the Kingdom of Poland in the second half of the 19th – early 20th centuries. The features of using an industrially important coal formation are considered. Close attention is paid to the history of the foundation and functioning of the Dombrova (nowadays: Dabrowa-Gornicza, Poland) Mining School. The administrative structure of this educational institution, the admission of students and their training are described. The article also connects the development of vocational education with general government policy in the Vistula region and the position of officials and employees in educational institutions. The main historical sources for this article were archival documents from the Russian State Historical Archives (RGIA). In addition, the memoirs of domestic mining engineers whose professional activities were associated with the Kingdom of Poland were studied.

Keywords: Russian Empire, Kingdom (Tsardom) of Poland, Dombrova, mining industry, mining schools, engineering education.

1. Introduction

From the time it became part of the Russian Empire, the Kingdom of Poland obtained a special status. The Polish were initially granted extensive rights in the local legislation and government. However, after the riots of 1830-1831, the Polish Kingdom was equated with other regions of Russia in terms of law and local administration ([Administrativno-territorial'noe ustroistvo Rossii, 2003: 175](#)). The fact that the Polish territory was now included in the common government system in Russia did, on the one hand, stabilize the situation in the area. On the other hand, it revealed weak points and controversies in the administrative system of the Russian Empire in that period. The Empire's administrative system was, in fact, not well adapted to cope with the fast-growing social and economic modernization ([Liubichanovski, Tropov, 2015: 311](#)).

* Corresponding author

E-mail addresses: amokeev@yandex.ru (A.B. Mokeev)

2. Materials and methods

The research is based on materials from the Russian State Historical Archive (RGIA). Documents from fund №37 (“Mining Department”) were analyzed. These archival funds contain materials related to the history of the mining industry and educational institutions of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries. The authors applied the comparative historical method, comparing various archival documents from fund № 37 (“Mining Department”). As a result, using the example of the leading specialized school in the region, it was possible to identify and describe details of the work of mining technical educational institutions and to trace the development of the issue of training professional personnel and the attitude of the Russian authorities to this problem.

3. Discussion

In historiography, the history of the “Polish question”, its political and economic foundations, and the administrative attempts to strengthen Russian influence in the region undertaken by the central and regional authorities before World War I are receiving increased attention. State support for the Russian population in the Vistula region was expressed with the help of legislative norms and a system of privileges which confirmed the special importance of Russians in the social and political life of the Polish lands. Relocation on business matters was often seen “as a necessary sacrifice in the name of state and national ideas. These ideas were Russification, unification, smoothing of organic, cultural and religious peculiarities of Polish lands, protection and dissemination of Russian ideas, nationality, language, religion and culture” (Vekh, 2013: 210). In Polish society, Russian officials, regardless of their departmental affiliation, were considered “leaders of Russification”. In our article, we will try to show that technical specialists in specialized education remained, first of all, teachers who were responsible for training professional personnel.

The history of the mining industry and education in the Kingdom of Poland in the second half of the of the 19th – early 20th centuries is an important issue within historical science, because it was the region where the educational system of foreign schools of mining was put into practice for the first time. It is thus important to consider that the establishment of mining schools was accompanied by complicated local political situation in the region.

In Russian historiography the history of mining education in the Kingdom of Poland has been touched on only fragmentarily, within works dealing with government education policy in general. One of the first generalizing works on this issue was the “Historical Review of the Activities of the Ministry of Public Education”, compiled by S.V. Rozhdestvensky to mark the centenary of the department. The review represents an official perspective on the development of mining education in the western regions; it is factually substantial, but contains practically no evaluative moments (Rozhdestvensky, 1902).

In research on the Soviet period, the main object of research tends to be the state of affairs in the Russian provinces: the Poles are mentioned only occasionally as one of the peoples oppressed by Tsarism. These narratives are covered in somewhat more detail in generalizing works on the history of Poland, but, as a rule, in a negative way, in the context of the russification and repressive actions of the Russian government in the Kingdom of Poland (Manusevich, 1952).

Modern Russian historiography is also not populated by works focusing exclusively on the history of mining and special technical education in the Vistula region. All this once again emphasizes the relevance of studying this topic as an important component of the history of the domestic mining industry. The research interest in this under-studied stage in the history of specialized education explains the involvement of the authors of this article as the main source of documents from the Mining Department, which at different periods (and under different names) was part of the Ministry of Internal Affairs, the Ministry of Finance, the Ministry of State Property, and finally, the Ministry of Agriculture and State Property.

At the same time, we note that in recent decades, a large number of encyclopedic and generalizing articles have been published on the history of all mining engineering education in the Russian Empire. In them you can find individual stories about the Kingdom of Poland. It is necessary to highlight two fundamental works by a team of authors, edited by Professor V.G. Afanas'ev. On the basis of archival materials, they reveal important aspects from the history of mining education in Russia, using the example of the Mining University (Afanas'ev et al., 2010; Afanas'ev et al., 2019). In those surveys one can find the biographies of brilliant Russian scholars who graduated from the Mining Institute and were sent to the Polish Kingdom to work. This is also the topic of a number of articles by V.G. Afanas'ev (Afanas'ev, 2016: 36-42; Afanas'ev, Voloshinova, 2017: 140-166).

Russian methods of education of mining engineers in the second half of the 19th – early 20th centuries are the topic of works by I.V. Voloshinova (Voloshinova, Mokeev, 2016: 5177-5181). Social and cultural aspects of teaching in the technical schools in the Russian Empire are examined in articles by D.A. Schukina (Schukina, Egorenkova, 2017: 198-206), S.A. Rassadina (Rassadina, 2016: 498-503), V.V. Sharok (Sharok, 2016: 604-607; Sharok, 2018: 281-296) and Y.M. Sishchuk (Sishchuk et al., 2018: 631-637). The importance of the physical and ethical education of the students of technical institutions is the focus of the works by E.A. Izotov (Izotov et al., 2018a: 43-45; Izotov et al., 2018b: 14-16) and I.A. Kuvanov (Kuvanov et al., 2019: 12-14).

4. Results

Mining industry in the Kingdom of Poland. The coal formation was of great industrial importance for the development of the mining industry of the Kingdom of Poland: the deposits of coal located there were used as fuel in metallurgical operations. The formation occupied the southwestern area of the Kingdom of Poland and stretched in a strip along the Prussian and Austrian border, in the Bendinsky and Olkushsky districts of Petrokovskaya governorate, forming a well-known “coal basin” which developed in many places near Dombrova. There were also reserves of iron ore. Mount Dombrova became the center of the coal industry of the entire region (Zhivopisnaya Rossiya, 1896: 405).

Professor Ivan Fedorovich Shreder (1858–1918) was a brilliant scholar and lecturer at the Mining Institute, who dealt with mining in the Polish Kingdom. A student of Professor K.I. Lisenko, he graduated from the Mining Institute with highest grades, after which, in 1885, he started working as an assistant at the analytical chemistry department. I.F. Schreder then defended his thesis and, by 1898, he had been elected to the Council of the Mining Institute as professor of inorganic chemistry and assaying (Morachevsky, 2009: 87).

Having obtained the position of professor, I.F. Shreder had the opportunity to be sent abroad for work. Thus in 1898 he was sent to Scotland and to Austria-Hungary by the Mining Institute. His colleague N.I. Stepanov, who was also from the chemistry department of the Mining Institute, wrote that in those years I.F. Schreder often travelled for work and thus participated in solving some of the most important questions of the mining plant industry (Stepanov, 1926: 96).

The purpose of the trip to Scotland and Austria-Hungary was to find solutions to the economic problems in places such as the Dombrovsky basin, an important area of the Polish Kingdom. It was the location of the biggest metallurgy plants in the Russian Empire, such as the giant plant Huta Bancowa, which produced rails. It was 1846 when the plant, the first of its kind in the country, started producing iron rails for the railway from Warsaw to Vienna. The plant was then abandoned, but in 1877 it was rented by French investors who modernized it to produce modern steel rails, which were purchased by the government (Tarasova, Trinkova, 2012: 145, 149). The Polish rails could compete with Swedish ones, considered the best in Europe.

The turn of the 1880s was characterized by a steady increase in government attention to the development of heavy metallurgy. “In 1882, the range of activities of the mining department was expanded by subordinating to it, in the order of supervision, all metallurgical plants that produced iron, steel and rails, and at the same time, a Geological Committee was established under the department to systematically study the geological structure of Russia, compile and publish a detailed geological map of the state and collecting and compiling collections of rocks and minerals” (Ministerskaya sistema..., 2007, 723).

The Dombrovsky basin initially seemed set to become the biggest raw material base. The local coal, however, according to the professional view, turned out to be raw and thus unfit for coking. For this reason, the rail producing plants had to purchase coke from other regions as, for example, in 1890-1895, when Huta Bancowa bought 10 million tons of coke from Silesia. Due to the high cost of railway transportation, the Polish plants reduced costs buying raw material from Austria-Hungary rather than from Donetsk region in the south of Russia (Pustula, 1958: 86-88). Russian officials were furious about the fact that the Polish plants were using coke from abroad. In that way, maintaining international trade was more efficient than setting up an internal system of import substitution (Khatkov, Boyarko, 2018: 683-692).

As a result, the Ministry of finances declined petitions presented at both sessions (in 1883 and 1885) from mining entrepreneurs from the Polish Kingdom to eliminate the tax for coke from abroad. The ministry introduced a bonus for the first million items (1 item = 16.38 kg) of cast iron produced using local raw materials. They expected coking coal to be found in the territory of the Polish Kingdom. An attempt to do so was made in 1880 in the Bedzin area when French and Italian owned bank gave funds for mining in Seczawa, but the works were stopped due to water flow. During the Third (1893) and the Fourth (1896) Conventions of the Polish professionals of mining industry several mines were considered for the extraction of coking coal. In particular, as hypothesised by the engineer Lempitsky, such coal could potentially be extracted from Flora, Logisza, Grozdec or Count Renard mines. His theory was based on the fact that the bed of the Dombrovsky basin is similar to that of the Ostrawsky basin, which had been developed for coke. The professionals continued to carry out research on where it might be possible to develop coking coal, asking the government for funds, taking into account the fact that there were no problems with that material in the South of Russia (O proizvodstve opytov..., 1900: 397-398).

Due to the failure in finding coking coal deposits, the governmental Mining Department and scientists took particular interest in how the problem is solved abroad. An example was found in Scotland where the coal was also raw. The British had found the solution to the problem and I.F. Shreder was tasked with discovering the technology they were using to melt metal using raw coal. The technology he brought from Scotland, as he reported, could be successfully applied to the mining industry in Poland as well. “During my trip to Scotland I became familiar with the modern method of melting using raw coal. I became convinced that the method was correct. I thought it was necessary to test the technical possibility of melting metal using the raw coal of the Dombrovsky basin” (Shreder, 1902: 1-2).

Later on, Shreder went to Bohemia, in Austria-Hungary, where he visited a plant in Hladno (now called Kladno – auth.). He discovered that the Czech coal, like the Scottish, was very similar to the deposits in

Dombrova. The chemist's experience in mixing coal from Kladno with coke from Westfall produced excellent results. Thus, he came to the conclusion that it was quite possible to substitute at least a proportion of coke for raw coal ([O proizvodstve opytov..., 1900: 392](#)).

On his return, I.F. Shreder made a complete report on the trip. Those papers, together with the documents from other experts, were summarized and then printed in March 1900. Shreder suggested the following three possible solutions for the problem in Dombrov: I) coking the coal of the Dombrovsky basin again; II) coking a mix of Dombrovsky coal with fat coal from the Donetsk region; III) melting metal using raw coal from Dombrova ([O proizvodstve opytov..., 1900: 391](#)). In his view, the second solution was the most efficient one.

Besides Shreder from the Mining Institute, The Dombrovsky basin problem was also an issue for the Polish scholar Swedzinski, who was sent to work in Austria-Hungary. After a trip to the Czech plant in Ostrava, he suggested coking the Polish coal abroad. However, as Shreder reasonably stated, such experiments in foreign plants cost a lot and their owners were not happy to relinquish profits to their competitors ([O proizvodstve opytov..., 1900: 392](#)).

I.F. Shreder came to the conclusion that further experiments with coal from Dombrova would be better done at the Bzinsk plant in Poland, because its construction could be adapted for such experiments with relative ease. To make it suitable, the height of the blast furnace had to be increased, the air-blower modified and the blowing-in of the blast furnace adapted to the use of coke ([O proizvodstve opytov..., 1900: 392](#)). All these modifications could be achieved without destroying the machinery or the plant construction, if the necessary calculations to keep the construction stable were carried out ([Goldobina, 2019: 583-595](#)). The new experiments were supposed to use raw coal. While, on the one hand, I.V. Shreder presumed that the change to coal from Dombrova was inevitable, on the other, he advised carrying out the operation with care, as the Polish plants were already efficient and profitable, so there was no rush for the immediate change in favor of raw coal. The Mining Scientific Committee decided that, considering the importance of the issue, the funds for the experiments must be provided by the State, with the help of local mining entrepreneurs. They focused on the works of engineer Swedzinsky in Dombrov and Tsapek in the Ostrava basin. At the same time I.N. Urbanovich proposed that the engineer Alexander Kandaki (a young graduate of the Mining Institute) should also be sent to Scotland. The purpose of the trip was not only to study the melting of metal using raw coal, but also to invite British professionals to Russia ([O proizvodstve opytov..., 1900: 400-401](#)).

The Western Mining Department, represented by its director Khoroshevsky, decided to commission operations that mixed in Dombrovsky coal at the Huta Bancowa plant, as agreed with Gating, its director. For the plants that would take part in the experiment, Khoroshevsky proposed to apply modern mechanical methods of coal compaction, along with devices for grinding and mixing coal. During a meeting on the question of coking, Khoroshevsky mentioned a proposition to issue a bonus to the plants working with Dombrovsky coal. But because the Mining Department expected coking coal to be discovered in the Dombrovsky basin, that bonus remained only a proposal. Subsequently, Khoroshevsky proposed the bonus again at the Fifth Convention of Mining Industry Professionals of the Polish Kingdom, while Gating expected a refund from the Mining Department should the experiment fail ([O proizvodstve opytov..., 1900: 400](#)).

Shreder's suggestions, along with those from other experts, were sent to the engineers in the Polish Kingdom. The experiment was carried out, as stated, at the Huta Bancowa metallurgy plants and in the laboratory of the Warsaw-Vienna railway. It was expected that both experiments would succeed. However, the Polish engineers made several mistakes and thus the experiment failed. It also turned out that one of the Dombrovsky engineers – Karpinsky – had been quite skeptical toward the whole experiment.

Thus, at the beginning of 1900, the experiments with raw coal were sent back to Shreder in Saint-Petersburg. He was assisted by his colleague, Alexey Ivanovich Stepanov (1866–1937), a talented chemist from the Institute of Technology. Shreder and Stepanov were both students of Professor K.I. Lisenko. Shreder was also assisted by the chemists Gvozdarev and Buradkov. Together with Ivan Fedorovich, Gvozdarev analyzed the samples taken from the Coltness plant in North Lanarkshire, Scotland. The Scottish samples were compared to Polish ones from various mines. I.F. Shreder successfully completed the experiments with Polish coal and came to the strategic conclusion that the use of raw coal from Dombrov was quite efficient. Scientist wrote that the use of raw coal in the blast furnace gave more benefits (compared to coking): for example, release of a large amount of pure flammable gas that could potentially be used to replace steam engines with those that work on gas. He also pointed out that, since raw coal is half the price of coke, such a change could make a substantial difference to running costs. Shreder's conclusions were confirmed by metallurgy engineers from Aachen (Germany) as well as by professors from the Rhine-Westfall Technical University whom he consulted about the issue ([Shreder, 1902: 16-17, 19-20, 27, 39](#)).

Structurally, the management of the Polish mining industry, almost until the beginning of the 20th century, stood out in the system of the Mining Department and central government institutions. In 1870, the Department of Polish Mining Plants was formed (05.05.1870-1891) and entrusted with managing the mining business in the Kingdom of Poland ([Vysshie i tsentral'nye gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii. 1801-1917, 2001: 201, 203](#)). From January 21, 1894, the Mining Council approved assignments for the provinces of Vistula region ([Vysshie i tsentral'nye gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii. 1801-1917, 2001: 207](#)). The reorganization of 1894, in which the Ministry of State Property was

transformed into the Ministry of Agriculture and State Property, had little effect on the central institutions of the mining department. The maintenance salaries were equalized “with the new salaries established for other institutions of the ministry and several positions were formed. For the Mining Council and the Mining Scientific Committee, new regulations were issued to replace those that existed in the Code of Laws, [which were] outdated and incomplete” (*Ministerskaya sistema...*, 2007: 723).

However, there was no transformation of metallurgy or mining of the Dombrovsky basin before WWI. Nevertheless, in 1909, I.F. Shreder continued to write that it was particularly absurd that ore from the south of Russia was being melted in the Polish Kingdom with the use of coke from Germany or Austria (*Shreder, 1909: 97*). But the entrepreneurs decided not to make any changes, due to the fact that metallurgy at that moment was already efficient, even without using Dombrovsky coal.

Mining education in the Kingdom of Poland. Given the availability of mineral resources and the improvement of its use, the question of training professionals for the fast-growing mining industry of the Kingdom of Poland was raised repeatedly.

In 1875, in the Western Mining District of the Kingdom of Poland, readings and talks were arranged for students and trainees who were engaged in mining sciences. In 1881, a group of Polish mining engineers, including Jan Marian Hempel, Vincent Choroczewski, Vincent Kosinski and Stanislaw Kontkiewicz, undertook intensive efforts to open a mining school in the Dombrova area (*Vivat Akademia: 2010, 12*). The tsarist government did not allow them to do this on their own – probably because the Petrokov province of the Kingdom of Poland was not one of the pro-Russian-minded regions. In 1867-1871 (according to the reports of the gendarmerie) 62 officials arrived from Russia, “but less than a third remained in their posts, and even these are in such a position that they do not see a future for themselves here.” Having no means to return, they were forced to remain in the province. In the 1870s a campaign was carried out to “cleanse institutions of the Polish element”, as a result of which the number of Russian employees increased from 5-7 % to 20 % of the total number of officials in the region (*Vekh, 2013: 202*). These measures were carried out sequentially during the judicial reform of 1876, the Russification of primary schools in 1885, and actions to remove Poles from the railways in the 1880s and 1890s (*Vekh, 2013: 202*).

Only in the late 1880s was the question of foundation of mining school finally resolved. The State Council, at meetings of the joint Departments of state economy and laws, considered a presentation by the Minister of State Property, M.N. Ostrovsky, on the establishment of the Dombrovsky Mining School.

On the February 13, 1889, Emperor Alexander III issued a decree (*RGIA. F. 37. Op. 77. D. 536. L. 5*). Dombrova mining school was founded in the same year. The main goal was to train of mine supervisors and heads of plant operators for the mining industry of that district of the Polish Kingdom. According to the Decree of Dombrovsky mining school, the educational institution was attributed to the Ministry of State Property and would fall under the supervision of the Head of State-owned mining plants in the Polish Kingdom. The school was financed by Russian budget (*RGIA. F. 37. Op. 53. D. 3067. L. 15*).

The school was managed directly by its administrator, with the participation of a School Council. The school administrator was appointed by the Minister of State Property from among the most honored engineers. The lecturers and the doctor employed by the school were appointed by the Mining Department, as advised by the Head of State-owned Mining Plants in the Kingdom of Poland. Other staff members were selected by the school administrator directly. It was the administrator who managed all the staff and all departments of the school.

The duties and responsibilities of the administrator were clearly written into the Statute of the Dombrova Mining School, dated January 9, 1890. The administrator was responsible for the welfare and improvement of the educational institution entrusted to him. He was obliged to ensure that an appropriate volume of material was taught at the mining school, that the syllabus was laid out according to the approved programs, and that practical classes were carried out with the greatest benefit for the students. The administrator was also responsible for service and academic discipline, order and serviceability of all educational and economic structures at the school, expenditure of funds according to budget, and the integrity of state property.

Besides that, the administrator was also a lecturer in one of the specific subjects in the school program. He managed the funds commissioned for the school. He had the right to expel students in case of long-term illness, failure to pay tuition fees, or delayed return from vacations. However, students who left the school of their own volition or who had been expelled for one of the above reasons could return during the year to the same grade without sitting exams. Temporary or permanent expulsion for bad behavior had to be approved by the Minister of State Property. Such an issue would first be examined by the School Council and, after all members had been heard, it would be reported in written form to the Mining Department. However, the most important and urgent cases for expelling students for bad behavior fell to the responsibility of the school administrator. If that happened, the student had no chance to enter other schools and all such expulsions were reported to the Minister of State Property (*RGIA. F. 37. Op. 53. D. 3067. L. 20-30*).

Dmitry Mikhailovich Brilkin was appointed the first head of the Dombrova Mining School. A hereditary nobleman, D.M. Brilkin graduated from the Mining Institute in St. Petersburg in 1881. In the 1880s, he served as manager of the Nizhniy Tagil copper and iron mines in the Urals District. Then, from 1887, he served as a mining chief at the Goroblagodatsky factories. Thanks to his successful promotion,

D.M. Brilkin was noted by the management as a talented and capable mining engineer. In 1889, in the rank of collegiate assessor, he became the head of the Dombrova Mining School. According to the unanimous opinion of his students, D.M. Brilkin was not only an excellent specialist and a consummate professional in his field, but also a great friend of young people. He immediately immersed himself in the affairs of the new mining school, accepting the tests of student candidates, and then took personal patronage over the first grade of the new school. In 1896, he was awarded the Order of St. Anna, 3rd degree. His career as an engineer developed further: from 1903 he was made deputy head, and from 1913 head of the Western Mining Administration, chaired the VIII Congress miners of the Kingdom of Poland. In 1906, he received the title of full state councilor, and he held a professorship in Soviet Russia (RGIA. F. 37. Op. 57. D. 458. L. 8).

The administrator was the head of the School Council, which played an important role in the school's management. The Council was composed of two lecturers, two engineers from the Kingdom of Poland, and two members elected from among the local mining entrepreneurs. The school administrator determined, opened and closed the sessions of the School Council. If the head of state-owned plants of the Polish Kingdom was present at the council session, he became its chairman. The issues the Council dealt with were: the admission and expulsion of students; issuing certificates for mine supervisors and heads of factory workers; selecting manuals and distribution of school subjects among the lecturers; and administrative questions concerning the correct education program. A majority of votes was decisive; in case of an even split, the chairman provided a casting vote. A valid session required a quorum that included the administrator or his deputy and at least half the members of the Council (RGIA. F. 37. Op. 53. D. 3067. L. 32-34).

The Dombrova Mining School employed both teachers of specific subjects and of general subjects. The teachers of specialist subjects, such as mineralogy, geology, mechanics, mining and land surveying, chemistry, assaying and metallurgy, were selected mostly from among mining engineers. General subjects were taught by teachers who had such ability for secondary and high schools, supervised by the Ministry of Education. The school doctor taught first aid in case of emergency. The school administrator had to teach at least one of the specialist subjects. One teacher could be assigned more than one subject. Two teachers were considered members of the school staff as they also had particular tasks assigned by the school administrator and the Council. The school doctor had to help students and school staff free of charge, inside and outside school (RGIA. F. 733. Op. 194. D. 1400. L. 28).

Around this time, the Russian Empire's border policy was aimed at financial incentives for the Russian administration at all levels. In 1867, in order to attract Russians to work in the Kingdom of Poland, a system of privileges for Russian officials was approved. They received irrevocable financial assistance from 300 to 1000 rubles (depending on the position), with the condition that officials remain in the service in the Kingdom for at least two years. Every five years the salary for Russian officials was increased by 15 % (for employees of educational institutions – by 25 %). The allowance could not exceed twice the initial salary, and, according to the estimates of the modern researcher, S. Vekh, “the privilege extended only to 30% of the total number of officials serving in this department” (Vekh, 2013: 200). Russian workers could expect accelerated achievement of rank from serving in the periphery, also extended to the Privilinsky region: three years' work in the Kingdom of Poland counted as four years of service in Russia; 25 years of service brought the right to receive a pension.

The first teachers of the Dombrova mining school were S. Kontkiewicz – Polish language, mineralogy and geology; I. Kondratovich – mining; Krusser – Russian language, physics and mathematical sciences; I. Sventokhovskiy – geodesy and mine surveying; and Popov – chemistry and metallurgy. Only two – Krusser and Popov – were full-time. The administrator of the school, D.M. Brilkin taught mechanics and construction art (RGIA. F. 37. Op. 57. D. 458. L. 12).

In the Kingdom of Poland, the authorities tried to maintain the proportions of Russian and Polish teachers in schools: “according to the Warsaw Governor-General, Alexander Imeretinsky, in 1897 ... in schools, for a total of 17,258 teachers and female teachers, there were 6,088 Russians, that is, 35.3 %” (Vekh, 2013: 202).

Let us consider the organization of the educational process. Applicants to Dombrova Mining School had to meet certain criteria. They had to be older than 15 but less than 20 years old. They had to certify they had physical defects that could prevent them from becoming a mine supervisor or head of plant operators. It was also necessary to have knowledge of two grades of a local school or its equivalent. According to point 20 of the Dombrovsky Mining School Statute, those who could demonstrate at least half a year's experience of mine work had an advantage in the application process. This was a particular feature of the Dombrova school: other Russian schools did not require practical experience. Moreover, as correctly stated by D.M. Brilkin, practice is extremely useful as it gives students knowledge that allows them to understand a subject much quicker. Besides that, the students enrolled in the mining school already had an idea about their future job (RGIA. F. 37. Op. 77. D. 536. L. 57). It is important to note that for admission to mining schools in France or Germany, practical experience was an essential requirement.

There were four grades at the Dombrova mining school, and each grade lasted one year. The third and the fourth grades had the highest rank and were divided into two departments: mining and the facility one. For practice, there was also a library and a collection of mineralogy and geology artefacts, thanks to the Mining Institute which, in 1901, donated a portion of its samples to the Dombrova school. This included a

collection of rare but useful mining tools and devices, as well as mechanisms used in ore mining and at the mining plants. The bulk the exhibit was provided by local mine owners, as they were interested in producing well-trained professionals. There was also a chemical laboratory and workshops. Students were free to use the library, collections, materials and tools and all to practice as much as they needed in the laboratory and workshops (RGIA. F. 37. Op. 53. D. 3067. L. 40-45).

The academic year for theory at the Dombrova mining school ran from September 1 to May 31, final exams included. Practical classes started after the exams. At the end of the third grade, during the vacation, students were required to carry out a geodetic survey and engage in no less than six weeks' practical training in a mine or factory, in order to graduate to the fourth grade.

The training at Dombrova Mining School included the following subjects:

1) General subjects – religion (for Orthodox and Catholic students), Russian language, Polish language, arithmetic, algebra, geometry and trigonometry.

2) Specific subjects – basic physics, chemistry, geodesic, mechanics and construction, mineralogy and geology, mining and land surveying, metallurgy and assaying, drafting, basics of accounting and mining law, as well as first aid.

Subjects were taught in Russian, according to the syllabus approved by the Mining Scientific Committee.

Apart from classroom studies, there were mandatory practical classes on chemistry, assaying, mineralogy and land surveying, as well as carpentry, woodworking, blacksmithing, metalwork and the use of plant machinery. The program could be modified only after confirmation from the Mining Department on the request of the School Council. At the end of the school year, the students always had exams (either to pass to the next grade or a final graduation exam). The students who completed the whole course and passed the final exam received, depending on the major they had chosen, the rank of mine supervisor or factory master (RGIA. F. 37. Op. 74. D. 472. L. 55-58).

In 1890, I.N. Durnovo, the Minister of Internal Affairs, allowed the Dombrova Mining School to be designated a second rank educational institution. This meant that students could postpone mandatory military service until the age of 24, the same privilege granted to students of secondary technical schools (RGIA. F. 37. Op. 53. D. 3067. L. 145).

The beginning of the 20th century was a fairly hard time for the Dombrova Mining School. In 1905, due to revolutionary action in the area, the school was closed; it reopened only in 1910. The story of the school was again interrupted by WWI. After Austrian troops entered the area, the studies were suspended. Only after the Great War the school was restored, this time as the State School of Ore and Metallurgy named after S. Staszic (Vivat Akademia: 2010: 14).

5. Conclusion

In the Dombrova basin of the Kingdom of Poland lay a great mining basin with thick layers of coal unique in Russian territory. In the late 19th century, industrialization was developing rapidly in Russia, but the technology needed to mine and use Polish coal was far from perfect. As a result, industrialists in the Kingdom of Poland continued to use German and Austrian coke. They did not dare to make the necessary changes to adapt to Polish raw materials, given the existing profitability of metallurgical production without using Dombrovsky coal. The ignorance of new technologies and the limited use of local coal hampered the development of the mining industry in this region.

Things were much better with the mining education system in this region. From the first decade of its foundation, the Dombrova Mining School was of great importance in training professionals for the mining industry. This fact was underlined several times during the Conventions of the mining entrepreneurs of the Kingdom of Poland. The school was established to train especially lower-ranked mining technicians, in order to replace foreigners, the Germans and the Austrians, who flooded the area. There were no graduates from Russian schools of mines in that region. Before the school was founded, mine supervisors were all selected from among the foreigners who, compared to the mine supervisors from the Lisichansk and the Ural area, had an advantage, as they spoke the local language and were aware of local traditions. In time, graduates from the Dombrova Mining School came to take most of the posts that had previously been filled by foreigners.

References

Administrativno-territorial'noe ustroistvo Rossii, 2003 – Administrative and territorial structure of Russia. History and modernity (2003). Administrativno-territorial'noe ustroistvo Rossii. Istoriya i sovremennost' [Administrative and territorial structure of Russia. History and modernity]. M. 320 p. [in Russian]

Afanas'ev et al., 2017 – Afanas'ev, V.G., Voloshinova, I.V., Druzin, M.V. (2017). Vo glave Gornogo instituta. Direktora uchebnogo zavedeniya (1773-1918) [At the head of The Mining Institute. Managers of the educational institution (1773-1918)]. St. Petersburg. 238 p. [in Russian]

Afanas'ev et al., 2010 – Afanas'ev, V.G., Posina, L.T., Sevastianov, P.L., Voloshinova, I.V., Pliukhina, T.V. (2010). Ocherki istorii Gornogo instituta (1773–1917) [Essays on the History of the Mining Institute (1773–1917)]. St. Petersburg. 185 p. [in Russian]

- [Afanas'ev, 2016](#) – Afanas'ev, V.G. (2016). From the history of mining in Russia: K. Bogdanovich and G. Romanovsky – founders of petroleum geology. *Social Sciences*. 11(1): 36-42.
- [Afanas'ev, Voloshinova, 2017](#) – Afanas'ev, V.G., Voloshinova, I.V. (2017). The Mining Institute and its student Peter Wrangel. *Novyj Istoriceskij Vestnik*. 52(2): 140-166.
- [Goldobina et al., 2019](#) – Goldobina, L.A., Demenkov, P.A., Trushko, O.V. (2019). Obespechenie bezopasnosti stroitel'no-montazhnykh rabot pri vozvedenii zdaniy i sooruzhenii [Ensuring the safety of construction and installation works during the construction of buildings and structures]. *Journal of Mining Institute (Zapiski Gornogo Instituta)*. 239: 583-595. [in Russian]
- [Vysshie i tsentral'nye gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii. 1801–1917](#) – Vysshie i tsentral'nye gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii. 1801–1917 [Higher and Central State Institutions of Russia. 1801–1917]. 2001. St. Petersburg. 260 p. [in Russian]
- [Izotov i dr., 2018](#) – Izotov, E.A., Kuvanov, V.A., Korostelev, E.N. (2018). Relationship between teachers' professional motivation and students' motivation for physical training. *Teoriya i praktika fizicheskoy kultury*. 12: 43-45.
- [Izotov i dr., 2018](#) – Izotov, E.A., Soldatova, G.V., Filatov, A.O. (2018). Attitudes to physical education at technical university. *Teoriya i praktika fizicheskoy kultury*. 4: 14-16.
- [Khatkov, Boyarko, 2018](#) – Khatkov, V.Y., Boyarko, G.Y. (2018). Administrativnye metody upravleniya importozameshcheniya defitsitnykh vidov mineral'nogo syr'ya [Administrative methods of management of import substitution of scarce types of mineral raw materials]. *Journal of Mining Institute (Zapiski Gornogo Instituta)*. 234: 683-692. [in Russian]
- [Kuvanov et al., 2019](#) – Kuvanov, Y.A., Ponomarev, G.N., Selyukin, D.B. (2019). Role of academic physical education in higher education system. *Teoriya i praktika fizicheskoy kultury*. 3: 12-14.
- [Manusevich, 1952](#) – Manusevich, A.Y. (1952). Ocherki po istorii Pol'shi [Essays on the history of Poland]. M. 407 p. [in Russian]
- [Morachevsky, 2009](#) – Morachevsky, A.G. (2009). Khimiki Gornogo instituta / Ocherki o khimikakh Rossii [Chemists of the Mining Institute. Essays on the chemists of Russia]. St. Petersburg. P. 87. [in Russian]
- [O proizvodstve opytov..., 1900](#) – O proizvodstve opytov pri domennoi plavke Dombrovskogo uglya [On the experiment on blast furnace melting of Dombrovsky coal]. *Mining journal*. 1900. 3: 392-401 [in Russian]
- [Zhivopisnaya Rossiya, 1896](#) – Zhivopisnaya Rossiya [Picturesque Russia]. 1896. Vol. 4. Part 1. P. 405. [in Russian]
- [Pustula, 1958](#) – Pustula, Z. (1958). Monopolii v metallurgicheskoi promyshlennosti Tsarstva Pol'skogo i ikh uchastie v «Podamete» [Monopolies in the metallurgical industry of the Kingdom of Poland and their participation in «Podamet»]. *Historical Notes. Academy of Sciences of the USSR. Institute of History*. 62: 86-88. [in Russian]
- [Rassadina, 2016](#) – Rassadina, S.A. (2016). Kul'turologicheskie osnovaniya kontseptsii «edutainment» kak strategii formirovaniya obshchekul'turnykh kompetentsii v vuzakh negumanitarnogo profilya [Cultural foundations of the concept of "edutainment" as a strategy for the formation of general cultural competencies in non-humanitarian universities]. *Journal of Mining Institute (Zapiski Gornogo Instituta)*. 219: 498-503. [in Russian]
- [RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].
- [Rozhdestvensky, 1902](#) – Rozhdestvensky, S.V. (1902). Istoricheskii obzor deyatelnosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya 1802-1902 [Historical overview of the activities of the Ministry of Public Education. 1802-1902]. St. Petersburg. 785 p. [in Russian]
- [Sharok, 2016](#) – Sharok, V.V. (2016). Estimation of health hazards of risky behaviors and psychological features related to its degree. *Research Journal of Medical Sciences*. 10(6): 604-607.
- [Sharok, 2018](#) – Sharok, V.V. (2018). Role of socio-psychological factors of satisfaction with education in the quality assessment of university. *International Journal for Quality Research*. 12(2): 281-296.
- [Shchukina, Egorenkova, 2017](#) – Shchukina, D.A., Egorenkova, N.A. (2017). Opyt ritoriki I.S. Rizhskogo (1796) v Gornom universitete: istoriya i sovremennost' [Experience of rhetoric I.S. Rizhsky (1796) at the Mining University: history and modernity]. *Journal of Mining Institute (Zapiski Gornogo Instituta)*. 225: 198-206. [in Russian]
- [Shreder, 1909](#) – Shreder, I.F. (1909). Donetskies kamennye ugli i ikh sostav i svoistva [Donetsk coal and its composition and properties]. St. Petersburg. 97 p. [in Russian]
- [Shreder, 1902](#) – Shreder, I.F. (1902). Shotlandskaya domennaya plavka i vozmozhnost' ee osushchestvleniya na zavodakh Dombrovskogo basseina. Po povodu opytov na zavodakh Huta-Bankova [Scottish blast-furnace smelting and the possibility of its implementation at the plants of the Dombrovsky basin. About the experiments at the Huta-Bankov factories]. St. Petersburg. 102 p. [in Russian]
- [Sishchuk et al., 2018](#) – Sishchuk, J.M., Fedorova, M.A., Tsyguleva, M.V., Vinnikova, T.A. (2018). Distance education opportunities in teaching a foreign language to people with limited health possibilities. *Astra Salvensis*. 6: 631-637.

[Stepanov, 1926](#) – *Stepanov, N.I.* (1926). Khimiya. Leningradskii gornyi institut. Yubileinyi sbornik. 1773–1926 [Chemistry. Leningrad Mining Institute. Jubilee collection. 1773–1926]. Leningrad. P. 96. [in Russian]

[Tarasova, Trynkova, 2012](#) – *Tarasova, V.N., Trynkova, O.N.* (2012). Stanovlenie rel'soprokata v Rossii [Formation of rail rolling in Russia]. *World of transport*. 5. P. 145, 149. [in Russian]

[Ministerskaya sistema..., 2007](#) – *Ministerskaya sistema v Rossiiskoi imperii: k 200-letiyu ministerstv v Rossii* [The ministerial system in the Russian Empire: to the 200th anniversary of ministries in Russia]. Moscow, 2007. 920 p. [in Russian]

[Vekh, 2013](#) – *Vekh, S.* (2013). Russkie v Tsarstve Pol'skom vo vtoroi polovine XIX v. i nachale XX v. [Russians in the Kingdom of Poland in the second half of the 19th century and early XX century]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2(14): 198-215. [in Russian]

[Vivat Akademia, 2010](#) – *Vivat Akademia* (2010). Krakow. Nr. 5. pp. 12-14.

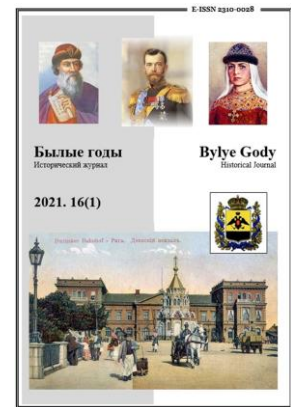
[Voloshinova, Mokeev, 2016](#) – *Voloshinova, I.V., Mokeev, A.B.* (2016). Fuel sector development in Russia in the first half of the 20th century. *International Journal of Applied Engineering Research*. 11: 5177-5181.

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 316-323.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.316
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Family and Ideas of the Worldview of the Russian Local Nobility at the turn of the XIX – early XX centuries (on the Example of the Memoirs of S.E. Trubetskoy, A.A. Kornilov, V.V. Rozanov)

Maria A. Ponomareva ^{a, *}

^aSouthern Federal University, Russian Federation

Abstract

The article is about actual new methodological approaches, various types of worldview of the local nobility are considered in the new socio-economic and political conditions. The main attention is paid to the subjects of the memoirs of S.Y. Trubetskoy, A.A. Kornilov, as well as the autobiographical notes of V.V. Rozanov, liberal periodical press. On the basis of new methodological approaches, the question of self-identification of the Russian local nobility is raised. The review of the current modern historiography on the problem is carried out. It defines the basic methodological approaches and methods: micro-historical approach, narrative modeling. The analysis of sources was carried out using comparative-historical, historical-typological and historical-biographical research methods. Several worldview types of the Russian local nobility of the XIX-XX centuries are revealed, their distinctive characteristics are given: «new local nobility» (A.A. Kornilov); «local bison» (S.E. Trubetskoy, A.A. Shcherbatov); «enterprising type» (Kubrin); «philosophical» (V.V. Rozanov). The proposed classification is determined by family traditions, the way of life and way of family life, the existing environment.

Keywords: post-reform Russia, landlords, local nobility, S.E. Trubetskoy, A.A. Kornilov, V.V. Rozanov, worldview of the Russian nobility, Russia in the late XIX – early XX centuries, socio-cultural models, the history of everyday life.

1. Введение

Конец XIX – начало XX веков характеризуется усиливающимся идентификационным расколом верхних слоев российского общества, носившим в этот период разрозненный и многоаспектный характер. Одну из важнейших его позиций занимали помещики, которые, пережив отмену крепостного права, вступили на сложный путь политического и идеологического самоопределения. Среди российских помещенных дворян мы находим значительное количество писателей, поэтов, политических и общественных деятелей различных убеждений. Более сложная политическая идентификация определяла взгляды каждого конкретного помещика на государственное устройство, крестьянский быт и судьбу России. В данной статье мы предлагаем сосредоточиться на изучении процесса становления мировоззренческой позиции трех представителей данного сословия, занимавших разные позиции в новой социально-общественной структуре российского пореформенного общества.

Сергей Евгеньевич Трубецкой (1890–1949 годы) – выпускник историко-филологического факультета Московского университета, известный философ и литератор, общественный и политический деятель. Он являлся активным участником Всероссийского земского союза, в 1919–1920 годах – одним из руководителей Всероссийского национального центра и Тактического центра. Был выслан за границу 23 августа 1922 года, в эмиграции принимал участие в деятельности Русского общевоинского союза.

* Corresponding author

E-mail addresses: ponomariya@sfedu.ru (M.A. Ponomareva)

Александр Александрович Корнилов (1862–1925 годы) – доктор исторических наук, профессор Политехнического института в Санкт-Петербурге. Известный историк, исследователь крестьянской реформы 1861 года, ее результатов для России и российского крестьянства; общественной мысли XIX века (по материалам семьи Бакуниных прежде всего); XIX века в целом как особой стадии исторического процесса в России. Являлся активным участником земского движения, гласным Иркутской городской думы, одним из основателей Партии народной свободы, секретарем ее ЦК и председателем Петроградского городского комитета.

Василий Васильевич Розанов (1856–1919 годы), как и С.Е. Трубецкой, – выпускник историко-филологического факультета Московского госуниверситета, выдающийся российский философ, публицист. Как мы видим, в данном случае С.Е. Трубецкого, А.А. Корнилова, В.В. Розанова сближали три фактора: принадлежность к дворянскому сословию, активная общественная позиция, академический статус.

2. Материалы и методы

Статья построена на анализе корпуса опубликованных материалов. Воспоминания князя С.Е. Трубецкого «Минувшее» представляют собой осмысление повседневной жизни части поколения помещичьего дворянства, подверженного идеям переустройства общества. Воспоминания охватывают период с 1890-х до начала 1930-х годов. Мысли Трубецкого во многом перекликаются с нравственными исканиями Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, Г.И. Успенского. Характерная черта воспоминаний А.А. Корнилова – значительный объем, посвященный личной жизни, особенностям земского быта. Автобиографическая статья В.В. Розанова наглядно показывает основные черты его мировоззрения. Сравнительный анализ воспоминаний дает возможность проследить процесс становления русского пореформенного дворянства, выявить влияние на его взгляды ближайшего окружения и семейного уклада. Наконец, заметки, эссе и наблюдения, опубликованные в либеральной периодической печати, позволяют типологизировать личностный опыт, выделить общие и особенные черты, свойственные дворянскому сословию. Статистические же материалы помещают выявленные нами сюжеты в конкретную историческую картину пореформенной России.

Для нас важен подход, согласно которому «другой XIX век» понимается как мыслительный жест, нарративное моделирование событийных цепочек, особый взгляд на реальность (Уайт, 2002). Кроме того, при анализе материалов мы опираемся на понимание «повествовательной идентичности» как осознания человеком собственной идентичности через повествование (Рикер, 1995: 19).

Основываясь на сравнительно-историческом методе исследования, мы планируем провести компаративный анализ процесса становления и развития мировоззренческих позиций С.Е. Трубецкого, А.А. Корнилова и В.В. Розанова. Мировоззрение представляется как «интегральный взгляд на мир», включающий в себя искусство, религию, науку, народное сознание (Лосев, 1995). Основываясь на историко-типологическом методе, мы предполагаем выделить процессы становления взглядов пореформенного помещичьего дворянства в семейных, бытовых, личностно-поведенческих условиях.

Изучение нарративной истории мировоззрения конца XIX – начала XX веков опирается на микроисторический подход, в рамках которого возможно изучение микроявления, то есть событий, связанных с деятельностью отдельных людей, микрогрупп, социальных групп, во временном плане изучение может касаться как краткого исторического момента, так и биографии отдельного человека или семьи, социальной группы (Чубарьян, Репина, 2016). Применение методов микроистории (Леви, 1996) позволяет путем изучения кратковременного, локального, индивидуального в конкретно-исторических данностях конца XIX – начала XX веков интерпретировать процесс становления и развития мировоззрения российского помещика. Наконец, необходимо отметить важность применения методологии «публичных образов чувствования», особенностей эмоционального «кодирования» события, предложенной А. Зориным для анализа произведений российских писателей, которые, собственно, описывали житейские ситуации своего времени (Зорин, 2010: 119, 123). Анализ воспоминаний основывается также на историко-биографическом методе, или методе жизнеописаний.

3. Обсуждение

В новейшей историографии данной темы по-прежнему существует интеллектуальный спор об особом пути России. В данной работе мы опираемся на тройственное и одномоментное понимание данного конструкта – как части идеологического дискурса в стране, как основы историографической методологии, а также в качестве признания множественности и альтернативности путей развития России и необходимости снятия жестких нормативных оппозиций («Запад–Восток», «модерность–архаика», «норма–отклонение», «случайность–предназначенность») (Атнашев и др., 2018: 27, 29, 30).

В работах Б.Н. Миронова рубеж XIX–XX веков рассматривается, в частности, в качестве перехода от традиции к модерну. Автор считает, что характерной чертой данного периода являлось поступательное развитие общества и экономики, что, в свою очередь, подтверждало процессы модернизации страны (Миронов, 2003; Миронов, 2014–2015). В новейшей историографии также принято считать характерной

чертой периода «великих потрясений» постепенную дифференциацию поместного дворянства. Данный тезис последовательно доказывает российский исследователь Е.П. Баринаева. Она сосредотачивается на выявлении особенностей соотношения в дворянстве его экономического статуса и социокультурного облика (Баринаева, 2014). В последнее время появляются работы, подробно исследующие вопросы сохранения «форм личности» дворянства как элитарного слоя, в частности, обращается внимание на трансформацию кодекса чести российского дворянина (Каященко, 2019). В новейшей историографии появляются работы, анализирующие ранее неизвестные архивные материалы о повседневной жизни российского помещика, акцент делается на провинциальных помещиках и их месте в системе социальных и общественных отношений в России (Ларионова, 2015). Интересны аспекты, вызванные стремлением выявить, как изменилась жизнь помещичьего дворянства после отмены крепостного права в условиях урбанизации, каким образом они адаптировались в городской среде и в каких формах сохранялось либо изменялось их мировоззрение (Bratolyubova et al., 2019).

4. Результаты

С.Е. Трубецкой родился 14 февраля 1890 года (по строму стилю) в доме деда по материнской линии – князя А.А. Щербатова в Москве по адресу: Большая Никитская, 54. По светским обычаям это был «приемный день» его бабушки – М.И. Щербатовой, единственным посетителем в соответствующей главе специальной книги был записан младенец. С.Е. Трубецкой, как он справедливо отмечал в воспоминаниях, являлся представителем последнего поколения, которое жило еще в дореформенный период и, следовательно, могло понимать и переживать судьбы бывших помещиков и крестьян (Трубецкой, 1991: 9).

Помещики к концу XIX века становились все более малочисленным социальным слоем даже в традиционно сельскохозяйственных регионах, славившихся своими землями и результатами крестьянского труда, имевшими богатые помещичьи усадьбы в дореформенное время: «... теперь – увы! – от послереформенного измора остались лишь последние могикане...» (Абрамова, 1885: 635).

В свою очередь, только в Московской губернии земледельческое хозяйство в 80-е–90-е годы XIX века давало крестьянству 45 % его прихода (Санитарные условия..., 1902: 65). При этом население губернии не только было не в состоянии существовать от одного занятия сельским хозяйством, но и могло вести это последнее только если имело в течение зимы постоянные заработки: «не будь их, у него не хватил хлеба на продовольствие, не говоря об обсеменении полей» (Санитарные условия..., 1902: 67). Все это – на фоне постепенного ухудшения урожайности. Данная негативная ситуация наравне с демографическими причинами, метеорологическими изменениями, миграционными потоками и т.п. напрямую влияла на рост смертности в особо неурожайные годы: 1885, 1889–1890, 1895, 1897 годы (Санитарные условия..., 1902: 79–80). Однако в представлении крупных помещиков, в семье которых воспитывался С.Е. Трубецкой, «старое отживало и постепенно уходило, а не рухнуло так, как это случилось на нашей памяти» (Трубецкой, 1991: 9).

С.Е. Трубецкой пишет, что помнит себя лет с 3–4 ярко и достоверно. Одно из самых запомнившихся событий, пережитых в этом возрасте, составило часть его позднее сложившегося мировоззрения как убежденного монархиста и патриота. Запомнившееся ему событие – известие о смерти Александра III – повергло в глубокие переживания все слои российского общества, включая службу Трубецких, и сформировало ощущение «торжественной подавленности», трагическое предчувствие в будущем «только белого и черного» (Трубецкой, 1991: 10). Необходимо отметить, что С.Е. Трубецкой неоднократно писал, что он не чувствовал никакой грани между своими «детской» и «взрослой» психологиями. А детские воспоминания воспринимались им как неотъемлемая часть его дальнейшей жизненной философии.

Идеи коллективного, общинного мира, оформившиеся в детскую пору в Наре (Верейский уезд, имение А.А. Щербатова – Авт.), «высокий социальный ранг, материальная независимость, иногда значительное богатство – казались совершенно естественной и неотъемлемой принадлежностью обязывающей» (Трубецкой, 1991: 11). Совершенно особенная атмосфера почтения царила в доме по отношению к отцу – Евгению Николаевичу Трубецкому, который воспринимался детьми как совершенно особенный, не похожий на других «обычных» людей и возвышающийся над ними: «Уходя к себе в кабинет, папа как будто покидал землю...» (Трубецкой, 1991: 17). Но отец вовсе не был отдален от детей, ежедневно играл по вечерам и рассказывал нескончаемую историю о приключениях «Коли и Миши». Причем считалось, что это удел совсем маленьких, и когда Сергей почувствовал себя взрослым, он отказался слушать эту историю, хотя ему очень хотелось. Эту семейную традицию С.Е. Трубецкой продолжил в собственной семье. Дети «боялись не папа, а папа в кабинете..., но это был не страх, какое-то полумистическое чувство...» (Трубецкой, 1991: 18). Во многом такие отношения и атмосфера были созданы матерью – Верой Александровной Трубецкой, урожденной Щербатовой, старавшейся оградить мужа от множества скучных и тяжелых забот: «Мама незаметно создавала земные условия для надземного парения папа» (Трубецкой, 1991: 19). С.Е. Трубецкой пишет о взаимоотношениях родителей с гордостью. Они были пунктуальны, ценили время. Особое влияние на мировоззрение С.Е. Трубецкого оказал дед – князь Александр Алексеевич Щербатов, известный благотворитель, всесословно выборный городской голова Москвы с 1863 по

1869 годы. Кн. А.А. Щербатов, по словам С.Е. Трубецкого, «... был признанным авторитетом в кругу мыслящих людей своего времени...» (Трубецкой, 1991: 26). Высокую оценку А. Щербатову дает Б.Н. Чичерин, который неоднократно отмечал, что при решении вопросов, требующих нравственной оценки, он мог «с доверием» обращаться к Щербатову за советом (Чичерин, 1929: 54).

Тем не менее, несмотря на высокое положение, семья была далека от активной светской жизни, узкий круг знакомых составляли близкие по духу и взглядам люди. Тем не менее В.А. Трубецкая была вынуждена поддерживать отношения с «профессорскими женами», чтобы не давать пищу нареканиям, что «княжеская семья снобировала профессорский мир» (Трубецкой, 1991: 21). При необходимости в семье устраивались широкие застолья на 40–50 человек, поскольку подобного рода мероприятия являлись обязательными для семей «их круга». По мнению С.Е. Трубецкого, в пореформенной России такого рода «широта» являлась либо отражением русского гостеприимства, либо сохранившейся традицией крепостного хозяйства: «...общественное мнение принуждало к «широте» даже скупых людей» (Трубецкой, 1991: 21). Тем не менее, если положение в свете семьи С.Е. Трубецкого обязывало родителей организовывать приемы и выезжать с визитами, то у значительного количества женщин-помещиц данная часть жизни если и существовала, то была отодвинута на дальний план. Главная роль заключалась в воспитании детей и ведении рутинного домашнего хозяйства. День был распisan до мелочей: «... не знаешь даже, когда отдохнуть» (Абрамова, 1885: 647).

Как бы то ни было, но объединяло помещичьи семьи разного статуса одно: их повседневной жизнью руководило в основном не удобство, а традиции – были выделены определенные часы на обед, для занятий, игр. Даже одежда и ежедневное поведение являлось, с одной стороны, отражением определенного «стиля», а с другой – гарантией дальнейшей стабильности жизни семьи и окружающих. Так, бабушка С.Е. Трубецкого в любое время года был неизменно одет в жилет, сюртук, накрахмаленную рубашку: «о том, чтобы из-за жары снять хотя бы жилет, не могло быть и речи» (Трубецкой, 1991: 26). Почтение к страшинам, дисциплинированность, умение правильно использовать время являлись частью воспитания молодого поколения дворян конца XIX – начала XX веков.

С.Е. Трубецкой находился на домашнем обучении. Тем не менее, чтобы наследники «столкнулись с детьми из других социальных слоев», родители решили с пятнадцати лет отдать Сергея и его брата в обычную гимназию (Трубецкой, 1991: 37). Если образованием занимались приходские учителя, а затем – гимназические преподаватели, то воспитание лежало на плечах родителей. Основой воспитания были религия, смирение, нравственная дисциплина и чувство долга: «Мама прививала нам именно любовь к Богу, а не «страх Божий» (Трубецкой, 1991: 39). Немаловажное значение имело воспитание эстетического вкуса. В семье не принято было вести «пустые» беседы: «Я помню, как совсем маленьким мальчиком я спрашивал, кто были Бисмарк, Гладстон, Пастер, Менделеев; что такое славянофилы или земство» (Трубецкой, 1991: 47).

Домашнее обучение было нормой, как известно, не только в состоятельных помещичьих семьях. Часто за неимением денег или иной возможности сами родители обучали детей. Так, помещик Кубрин из рассказа «Люди провинции», сравнивая занятия своих девяти детей в учебных заведениях Петербурга, Москвы, Харькова, Киева, делает вывод о полезности и даже обязательности именно такого типа обучения. Репетитор, которого он нанял для старшего сына – Кости, «... заставлял долбить, ничего не объяснял, кричал на него..., так бедный мальчик и погиб...» (Абрамова, 1885: 645). После этого случая Кубрин «поналег на себя» и решил самостоятельно «выводить детей на дорогу», что, по его мнению, давало весомые результаты, один из детей уже обучался в университете. Вполне закономерно, что отношения с сыновьями у Кубрина складывались по-разному: о старшем сыне, Косте, которого постоянно «просили» со службы, отец и мать переживали: «Я лучше убью моего сына, чем он будет шалопаем!» (Абрамова, 1885: 649). Другими детьми, которые как раз были «подготовлены» им самим, отец гордился: Мишей, который «вечно приедут и начнут выдумывать что-нибудь. Навезут книг разных, наберутся мыслей... и меня пичкают ими» (Абрамова, 1885: 651), Колей, который рисовал: «копии зверей были очень хороши для восьмилетнего мальчика», Олей, которая пела голосом «серебряного колокольчика» (Абрамова, 1885: 654). Как верно отметила М. Могильнер, реформы второй половины XIX века среди российского общества сформировали иллюзорные представления о том, что в новых условиях будут необходимы новые знания о законах общественно-политического и экономического развития (Могильнер, 2008: 15-16).

Воспоминания другого выдающегося представителя российского помещичьего дворянства – А.А. Корнилова – позволяют выявить, каковы результаты влияния быта и семейного воспитания на общественную деятельность российского передового дворянства. А.А. Корнилов, потомственный дворянин, предки которого владели землями в Тверской губернии, согласно писцовым книгам, с 7106 (1598) года, отмечал, что «лишь в XIX веке род дворян Корниловых стал давать более известных представителей на поприще военной и административной службы» (Корнилов, 1994: 147). Сам же А.А. Корнилов, пребывая на службе комиссара по крестьянским делам в Конском уезде Радомской губернии с апреля 1887 года, поставил себе задачу служить честно и исполнять свои обязанности так, как он их понимал. С самого начала, попав в уезд, характеризовавшийся сложной социальной структурой и отношениями между крестьянами и помещиками, он решил поднять авторитет занимаемой должности и по справедливости решать возникающие проблемы по службе.

Останавливаясь в своих воспоминаниях преимущественно на годах службы, А.А. Корнилов тем не менее описывает несколько моментов из личной жизни, которые могут служить наглядной иллюстрацией мировоззрения и жизненных принципов. В частности, он достаточно подробно описывает процесс усыновления незаконнорожденного ребенка молодой девушки, бывшей у него в услужении в Конске. Молодая мать отказывалась от ребенка. Для А. Корнилова это была драматичная ситуация, поскольку усыновление грозило общественным осуждением. Поддержка «трех близких женщин», которые готовы были заменить ребенку мать, – «... моя мать, сестра моя Таня и Н.Е. Вернадская» – помогли А. Корнилову в принятии решения об усыновлении.

Отметим еще одну черту мировоззрения А.А. Корнилова: убеждение, что равенство является одним из важнейших принципов взаимоотношений между людьми. Как он отмечал в своих воспоминаниях, будучи комиссаром, «ради достижения справедливости» он взял за правило не пользоваться гостеприимством той или иной стороны в разъездах по вопросам решения спорных вопросов. Помещики этого не понимали. Лишь спустя некоторое время «... наиболее развитые и беспристрастные из них... поняли, наконец, что видят перед собой отнюдь не русификатора и не ненавистника поляков» (Корнилов, 1994: 151).

Прослужив семь лет, с 1894 по 1900 годы, в Иркутске, сначала в качестве чиновника особых поручений, а затем на посту гласного городской думы, А.А. Корнилов активно участвовал в общественной жизни города. Он занимался вопросами устройства электрического освещения, являлся членом нескольких попечительских советов. Когда пришла пора уезжать, ему было трудно расстаться с «пущенными корнями», поскольку он «чувствовал, что принес пользу Сибири, насколько вообще мы можем принести ее» (Корнилов, 1994: 144).

А.А. Корнилов являлся активным участником земского движения. Когда в России наступил «грозный голодный год», он подал в отставку и отправился в Тамбовскую губернию, где принял деятельное участие в организации помощи голодающим крестьянам, позже стал вести активную общественную деятельность в Воронежской губернии. Наряду с этим, А. Корнилов с соратниками развили достаточно широкую санитарно-медицинскую помощь. А.А. Корнилов в воспоминаниях описывает знакомство со многими передовыми людьми своего времени. В Сибири, например, он встречал «бабушку русской революции» Брешко-Брешковскую: «Екатерина Константиновна попросила пользоваться моей библиотекой...» (Корнилов, 1994: 129-130). Своим знакомством с Н.Ф. Анненским и В.Г. Короленко Корнилов дорожил ввиду общности политических взглядов так же, как и с М.И. Туган-Барановским и П.Б. Струве. Эта общность заключалась в осознании недопустимости жестокой распри между народниками и марксистами, поскольку и у тех, и у других был единый враг – бюрократическое самодержавие (Корнилов, 1994: 135). С В.Г. Короленко знакомство началось заочно: А. Корнилов переслал ему как одному из видных деятелей по борьбе с голодом свою книгу «Семь месяцев среди голодающих крестьян», на что В. Короленко прислал свою книгу «Голодный год». Обмен книгами стал залогом тесных товарищеских взаимоотношений. Знакомство со Л.Н. Толстым произошло на большом общественном собрании. В квартире И.И. Петрункевича, где обсуждались злободневные вопросы второго подряд «голодного года», присутствовали Д.И. и А.Н. Шаховские, В.С. Соловьев, В.А. Гольцев, П.Н. Милуков (с которым А. Корнилов также познакомился в этот вечер впервые). Л.Н. Толстой горячо поддержал идею А. Корнилова о переносе деятельности по борьбе с голодом из Воронежской губернии в Тульскую. Несмотря на существенное расхождение во взглядах на земское движение в целом, Л. Толстой пригласил А. Корнилова к себе, чтобы дать последнему письменную рекомендацию к своим сыновьям, которые уже «вели подобную деятельность на месте» (Корнилов, 1994: 158).

В.В. Розанов представляет собой несколько иной тип российского дворянина: равноудаленный от политического поприща, экономических обязательств, обладающий устоявшимися взглядами. В анкете для библиографического словаря В.В. Розанов писал, что, потеряв рано отца и мать, он остался на попечении старших братьев и сестер (всего в семье было семеро детей). Его воспитанием занимался преимущественно старший брат Николай, который к моменту смерти матери окончил Казанский университет, был учителем, а затем – директором гимназии. В. Розанов пишет, что супруга брата заменила ему мать, а сам Николай стал вторым отцом. Тем не менее с братом у них постоянно происходили ссоры на почве разных политических взглядов. В. Розанов постоянно доказывал, что «... и Боклю с Дрэпером могут ошибаться» (Розанов, 1991: 249). Горячие споры порой заканчивались для В. Розанова «воспитательными мерами», например, временным отлучением от общего стола (Розанов, 1991: 249). Поступив в университет, В. Розанов «учился тоже «так себе», служба учителем тоже ему не нравилась: «что-то течет вокруг меня: и все мешает думать» (Розанов, 1991: 251). Но это равнодушие определялось глубокой религиозностью, также пробудившейся в Розанове в студенческие годы: «я как бы «заснул со своим Богом» и сплю непробудно счастливым сном» (Розанов, 1991: 251).

5. Заключение

К началу XX века первенствующее сословие размывалось на множество социальных слоев: фабриканты, помещики, чиновники, юристы, преподаватели, писатели, политические деятели и т.д.

С.Е. Трубецкой, А.А. Корнилов, В.В. Розанов, имевшие разный статус, но принадлежавшие к первенствующему сословию, внесшие весомый вклад в общественно-политическое и идейное развитие страны, являлись представителями разных типов российского пореформенного помещного дворянства. На примере их воспоминаний и автобиографических описаний мы можем типологизировать взгляды российского дворянства, учитывая семейные, бытовые, личностно-поведенческие условия становления характерных черт их мировоззренческой позиции.

Например, А.А. Корнилов представлял собой тип так называемого «нового помещного дворянства». Действительно, голод в России конце XIX века отправил в деревню «тысячи молодых людей» – студентов и курсисток, чиновников и помещных дворян, воодушевленных стремлением помочь народу в данной беде, объединиться с ним (Корнилов, 1994: 158). Этот процесс оставил значительный след в дальнейшей политической и общественной деятельности, в мировоззрении целого поколения русских дворян. Борьба с голодом способствовала сплочению и объединению разрозненных общественных сил, но одновременно и усилению раскола между ними. Одним из важнейших вопросов самоидентификации российского помещичьего дворянства стало представление о собственной роли в будущем России. Мировоззрение указанного типа дворянства на примере А.А. Корнилова определялось такими чертами, как ответственность, польза, равенство и долг.

Второй тип – так называемые «баре-киты, на которых вся земля держится», о которых неоднократно упоминалось и в статьях ведущих изданий того времени (Матвеев, 1916: 123-124). О них очень емко пишет в своих воспоминаниях А.А. Корнилов, когда отмечает, что в помощи голодающим были солидарны практически все помещики объезженных им губерний, за исключением «породы местных зубров» (Корнилов, 1994: 153). К такого рода помещикам, к которым заезжал «сам генерал-губернатор», относился князь А.А. Щербатов, описанный в воспоминаниях «Минувшее» С.Е. Трубецкой, по сути, и сам С.Е. Трубецкой, воспитанный в той же среде. Отношение к России среди «зубров» было различным: от негатива к власти по причине «мужицкой свободы» до уверенности в необходимости дальнейших мер по сохранению крестьянской независимости и дальнейших аграрных реформ. С.Е. Трубецкой отразил дух России конца XIX века – глубоко монархичной, но одновременно подверженной новым идеям и течениям. На становление внутреннего мира С.Е. Трубецкого оказала важнейшее влияние семья – уклад жизни, воспитание и образование, полученные в детстве и юности. Уже будучи взрослым человеком, прошедшим ряд испытаний, он писал о любви к Отечеству как памяти о предках: «Россия – наша Родина и наше Отечество – страна, где мы родились, страна, созданная нашими предками. Всем этим мы с рождения дышали, как воздухом, – воздухом, который даже не замечаешь, но без которого жить невозможно» (Трубецкой, 1991: 44).

Третий тип – помещики, которые, по сути, в наибольшей степени стали близки после реформы 1861 года предприимчивому мужику, поскольку являли с ним один характер – делового человека, умевшего вести хозяйство и получать от него выгоду. Главное кредо этого типа помещиков – «нужно родиться хозяином», «не надо зарываться» (Абрамова, 1885: 652). Образование для них стало важнейшим фактором успешного будущего их хозяйств, следовательно, должно было носить конкретный, практический характер.

О различиях в мировоззрении этих типов помещиков, как известно, прекрасно писал в пьесе «Вишневый сад» А.П. Чехов. Однако даже третий – предпринимательский тип помещиков – в условиях конца XIX – начала XX веков, подчиняясь необходимости изменений, происходивших со страной в этот период, имел «задушевное желание»: «если б было кому сдать на руки хозяйство, я бы так и жил все в саду» (Абрамова, 1885: 653). И вот этот четвертый тип русского дворянства олицетворяет В.В. Розанов, отгородившись от новых экономических реалий, увидевший в мистике и религиозности народа особый путь России.

Итак, процесс становления и развития мировоззрения помещного российского дворянства в конце XIX – начале XX веков, в частности его видение будущего России и собственной роли в нем, определялось семейными традициями, бытом и укладом семейной жизни, существовавшим окружением, в которых проходили детство и юность наших героев. Политическое и экономическое развитие страны каждый из них воспринимал, также основываясь на приобретенном ранее социальном и личном опыте.

Литература

- Абрамова, 1885 – Абрамова В. Люди провинции // *Вестник Европы*. 1885. Август. С. 626-657.
- Атнашев и др., 2018 – Атнашев Т., Велижев М., Зорин А. «Особый путь»: от идеологии к методу. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 488 с.
- Барина, 2014 – Барина Е.П. Дворянство России второй половины XIX – начала XX века: современная историография // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2014. Т. 16. № 3–2. С. 548-557.
- Зорин, 2010 – Зорин А. Импорт чувств: к истории эмоциональной европеизации русского дворянства // *Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций*. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 512 с. С. 117-131.
- Каященко, 2019 – Каященко А.А. Клевета и оскорбление в отражении представлений о чести и

- достоинстве российского дворянства конца XVIII – начала XX вв. // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История, политология»*. 2019. № 3. Т. 46. С. 499-506.
- [Корнилов, 1994](#) – Корнилов А.А. Воспоминания // *Вопросы истории*. 1994. № 2. С. 143-159.
- [Ларионова, 2015](#) – Ларионова М.Б. Повседневная жизнь провинциального имения: дневник слуги уральских помещиков Голубцовых // *QUESTIO ROSSICA*. 2015. № 1. С. 255-274.
- [Леви, 1996](#) – Леви Дж. К вопросу о микроистории // *Современные методы преподавания новейшей истории*. М.: Наука, 1996. С.167-190.
- [Лосев, 1995](#) – Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1995. 320 с.
- [Матвеев, 1916](#) – Матвеев С. Из жизни современного крестьянского мира // *Русское богатство*. 1916. Сентябрь. С. 116-142.
- [Мионов, 2003](#) – Мионов Б.Н. Социальная история России: Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х тт. СПб.: Изд. Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 547 с.; Т. 2. 582 с.
- [Мионов, 2014–2015](#) – Мионов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х т. СПб.: Изд. Дмитрий Буланин. 2014–2015. Т. 1. 2014. 892 с.; Т. 2. 2014. 907 с.; Т. 3. 2015. 989 с.
- [Могильнер, 2008](#) – Могильнер М. Homo imperii: История физической антропологии в России (конец XIX – начало XX вв.) М.: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.
- [Рикер, 1995](#) – Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика (Московские лекции и интервью). М., 1995. 160 с.
- [Розанов, 1991](#) – Розанов В.В. Материалы к биографии. Анкета для Библиографического словаря деятелей Нижегородского Поволжья // *Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.* Вып. 1. М.: Студия «ТРИТЭ», «Российский архив», 1991. 463 с. С. 249-261.
- [Санитарные условия..., 1902](#) – Санитарные условия в связи с экономическим в Московской губернии // *Русская мысль*. 1902. Август. С. 64-86.
- [Трубецкой, 1991](#) – Трубецкой С.Е. Минувшее. М.: ДЭМ, 1991. 382 с.
- [Уайт, 2002](#) – Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 528 с.
- [Чичерин, 1929](#) – Чичерин Б.Н. Воспоминания. Москва сороковых годов. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1929. 293 с.
- [Чубарьян, Репина, 2016](#) – Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. М.: Аквилон, 2016. 543 с.
- [Bratolyubova et al., 2019](#) – Bratolyubova M.V., Bryzgalova I.G., Ponomareva M.A. (2019). Leisure of Rostov-on-Don Citizens in the late XIX – early XX century // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 54. Is. 4. Pp. 1726-1736.

References

- [Abramova, 1885](#) – Abramova, V. (1885). Lyudi provintsii [People of the province]. *Vestnik Evropy*. August. Pp. 626-657. [in Russian]
- [Atnashev et al., 2018](#) – Atnashev, T., Velizhev, M., Zorin, A. (2018). «Osobyi put'»: ot ideologii k metodu [«A special way»: from ideology to method.]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 488 p. [in Russian]
- [Barinova, 2014](#) – Barinova, E.P. (2014). Dvoryanstvo Rossii vtoroi poloviny XIX-nachala XX veka: sovremennaya istoriografiya [The Nobility of Russia in the second half of the XIX-early XX century: modern historiography]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*. 16(3-2): 548-557. [in Russian]
- [Bratolyubova et al., 2019](#) – Bratolyubova, M.V., Bryzgalova, I.G., Ponomareva, M.A. (2019). Leisure of Rostov-on-Don Citizens in the late XIX – early XX century. *Bylye Gody*. 54(4): 1726-1736.
- [Chicherin, 1929](#) – Chicherin, B.N. (1929). Vospominaniya. Moskva sorokovykh godov [Memories. Moscow of the forties years]. Moscow: izd-vo M. i S. Sabashnikovykh. 293 p. [in Russian]
- [Chubar'yan, Repina, 2016](#) – Teoriya i metodologiya istoricheskoi nauki. Terminologicheskii slovar' [Theory and methodology of Historical Science. Dictionary of terms]. Ed. by. A.O. Chubar'yan, L.P. Repina. (2016). Moscow: Akvilon. 543 p. [in Russian]
- [Kayashchenko, 2019](#) – Kayashchenko, A.A. (2019). Kleveta i oskorblenie v otrazhenii predstavlenii o chesti i dostoinstve rossiiskogo dvoryanstva kontsa XVIII – nachala XX vv. [Slander and insult in reflecting the ideas of honor and dignity of the Russian nobility of the late XVIII-early XX centuries]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, politologiya*. 3(46): 499-506. [in Russian]
- [Kornilov, 1994](#) – Kornilov, A.A. (1994). Vospominaniya [Memories]. *Voprosy istorii*. 2: 143-159. [in Russian]
- [Larionova, 2015](#) – Larionova, M.B. (2015). Povsednevnyaya zhizn' provintsial'nogo imeniya: dnevnik slugi ural'skikh pomeshchikov Golubtsovykh [Everyday life of a provincial estate: diary of a servant of the Ural landowners Golubtsov]. *QUESTIO ROSSICA*. 1: 255-274. [in Russian]
- [Levi, 1996](#) – Levi, Dzh. (1996). K voprosu o mikroistorii. Sovremennye metody prepodavaniya noveishei istorii [To the question about microhistory]. Moscow: Nauka. Pp. 167-190. [in Russian]

- Losev, 1995 – Losev, A.F. (1995). Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo [The problem of symbol and realistic art]. Moscow: Iskusstvo. 320 p. [in Russian]
- Matveev, 1916 – Matveev, S. (1916). Iz zhizni sovremennogo krest'yanskogo mira [From the life of the modern peasant world]. *Russkoe bogatstvo*. Sentyabr'. Pp. 116-142. [in Russian]
- Mironov, 2003 – Mironov, B.N. (2003). Sotsial'naya istoriya Rossii: Genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva [Social history of Russia: The genesis of the individual, the democratic family, civil society and the rule of law]. V 2-kh tt. Saint-Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 1. 547 p.; Vol. 2. 582 p. [in Russian]
- Mironov, 2014–2015 – Mironov, B.N. (2014–2015). Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modern [The Russian Empire: from Tradition to Modernity]. V 3-kh tt. Saint-Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 1. 892 p.; Vol. 2. 907 p.; Vol. 3. 989 p. [in Russian]
- Mogil'ner, 2008 – Mogil'ner, M. (2008). Homo imperii: Istoriya fizicheskoi antropologii v Rossii (konets XIX – nachalo XX vv.) [Homo imperii: The History of Physical Anthropology in Russia (late XIX – early XX centuries)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 512 p. [in Russian]
- Riker, 1995 – Riker, P. (1995). Germenevtika. Etika. Politika. (Moskovskie leksii i interv'yu) [Hermeneutics. Ethics. Politics. (Moscow lectures and Interviews)]. Moscow. 160 p.
- RozaNov, 1991 – RozaNov, V.V. (1991). Materialy k biografii. Anketa dlya Bibliograficheskogo slovarya deyatelei Nizhegorodskogo Povolzh'ya [Materials for a biography. Questionnaire for the Bibliographic dictionary of figures of the Nizhny Novgorod Volga region]. *Rossiiskii arkhiv. Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.* Vol. 1. Moscow: Studiya «TRITE», «Rossiiskii arkhiv». 463 p. Pp. 249-261. [in Russian]
- Sanitarnye usloviya..., 1902 – Sanitarnye usloviya v svyazi s ekonomicheskim v Moskovskoi gubernii (1902) [Sanitary conditions in connection with economic conditions in the Russian Province]. *Russkaya mysl'*. avgust. Pp. 64-86. [in Russian]
- Trubetskoi, 1991 – Trubetskoi, S.E. (1991). Minuvshee [Old time]. Moscow: DEM. 382 p. [in Russian]
- Uait, 2002 – Uait, Kh. (2002). Metaistoriya: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka [Metahistory: The Historical Imagination in nineteenth-century Europe]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. 528 p. [in Russian]
- Zorin, 2010 – Zorin, A. (2010). Import chuvstv: k istorii emotsional'noi evropeizatsii russkogo dvoryanstva [Import of feelings: to the history of emotional Europeanization of the Russian nobility]. *Rossiiskaya imperiya chuvstv: Podkhody k kul'turnoi istorii emotsii* [The Russian Empire of Feelings: approaches to the cultural history of emotions]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 512 p. Pp. 117-131. [in Russian]

Семейный уклад и его роль в становлении мировоззрения российского помещного дворянства в конце XIX – начале XX веков (на примере воспоминаний С.Е. Трубецкого, А.А. Корнилова, В.В. Розанова)

Мария Александровна Пономарева^{а,*}

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена роли семейной жизни, традиций и других внешних влияний на формирование мировоззрения русского помещного дворянства в конце XIX – начале XX веков. Новизна исследования видится в том, что на основе комплекса методологических подходов проводится типологизация мировоззрения местного дворянства в новых социально-экономических и политических условиях. Основное внимание уделено мемуарам С.Ю. Трубецкого, А.А. Корнилова, а также автобиографическим заметкам В.В. Розанова, публикациям в либеральной периодической печати. Ставится вопрос о самоидентификации русского помещного дворянства. Проведен обзор современной историографии по данной проблеме. Определены основные методологические подходы и методы: микроисторический подход, нарративное моделирование. Анализ источников проводился с использованием сравнительно-исторического, историко-типологического и историко-биографического методов исследования. Выявлено несколько мировоззренческих типов русского помещного дворянства XIX–XX веков, даны их отличительные характеристики: «новое помещное дворянство» (А.А. Корнилов); «местные зубры» (С.Е. Трубецкой, А.А. Щербатов); «предприимчивый тип» (Кубрин); «философский тип» (В.В. Розанов). Предлагаемая классификация определяется семейными традициями, а также особенностями политического и экономического развития страны в конце XIX – начале XX веков.

Ключевые слова: пореформенная Россия, помещики, помещное дворянство, С.Е. Трубецкой, А.А. Корнилов, В.В. Розанов, мировоззрение русского дворянства, Россия конца XIX – начала XX веков, социокультурный раскол помещичьего дворянства, история повседневности.

* Корреспондирующий автор

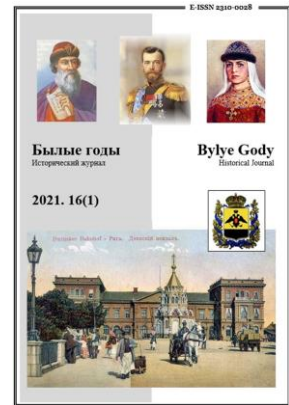
Адреса электронной почты: ponomariya@sfedu.ru (М.А. Пономарева)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 324-331.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.324
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Grand Duke Vladimir Alexandrovich and Grand Duke Sergey Alexandrovich: Sources for the Study of their Relationship

Dmitriy M. Sofjin ^{a, *}, Marina V. Sofjina ^b

^a Perm State National Research University, Russian Federation

^b Perm State Institute of Culture, Russian Federation

Abstract

This article analyzes the sources that reveal the topic of relations between such representatives of the Russian Imperial House as Grand Duke Vladimir Alexandrovich and his brother, Grand Duke Sergey Alexandrovich. Both of them, holding important posts at the reigns of Emperor Alexander III and Emperor Nicholas II, had a significant impact on the political processes in the Russian Empire and on public activity. The diaries of Grand Duke Sergey Alexandrovich and his correspondence with Grand Duke Vladimir Alexandrovich, which lasted for 40 years, contain valuable information about the brothers' personal relationships, their daily life, reveal their character traits, as well as their reflection on family, dynastic and political events. These documents, which are stored in the State Archive of the Russian Federation and the Research Department of Manuscripts of the Russian State Library, have so far been published only partially and are far from being fully introduced into scientific circulation. As an example of the possibilities of these sources for studying the relationship between Grand Duke Vladimir Alexandrovich and Grand Duke Sergey Alexandrovich, information about their contacts in 1895 from the diary of Grand Duke Sergey Alexandrovich is given. Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-09-41012 Palestine "Diaries of Grand Duke Sergey Alexandrovich, 1895–1897".

Keywords: Russian Imperial House, Grand Duke Vladimir Alexandrovich, Grand Duke Sergey Alexandrovich, Russian Empire, source criticism, personal sources, diaries, correspondence, letters.

1. Введение

В государствах с монархической формой правления царствующая династия, как правило, является центром государственной и общественной жизни. Такое положение было характерно и для Российской империи. На рубеже XIX–XX вв. Дом Романовых был достаточно разветвленным и насчитывал около полусотни представителей обоего пола. Далекое не все из них оказывали значительное влияние на внутривнутриполитические процессы. На общем фоне резко выделяются два брата императора Александра III – Великие князья Владимир и Сергей Александровичи.

В годы царствования Александра III и Николая II Великий князь Владимир Александрович (1847–1909) занимал пост главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа, был президентом Императорской академии художеств. Великий князь Сергей Александрович (1857–1905) был московским генерал-губернатором и командующим войсками Московского военного округа, руководил Императорским православным палестинским обществом. Оба Великих князя состояли членами Государственного совета, помимо того, Владимир Александрович был членом Комитета министров.

Наряду с высокими должностными позициями, они в силу личных качеств и близких родственных отношений с двумя последними российскими монархами имели значительное внеинституциональное влияние на внутривнутриполитические процессы. Император Александр III часто

* Corresponding author

E-mail addresses: sofjindm@yandex.ru (D.M. Sofjin), mar-sofina@mail.ru (M.V. Sofjina)

советовался с Великим князем Владимиром Александровичем по государственным и династическим вопросам. В частности, прослеживается участие Владимира Александровича в появлении Высочайшего манифеста 29 апреля 1881 г. (известного как манифест о незыблемости самодержавия) и в разработке новой редакции Учреждения об императорской фамилии, появившейся в 1886 г.

В эпоху императора Николая II на передний план выходит Великий князь Сергей Александрович. Царствующий племянник и его дядя давно находились в особо доверительных отношениях, были женаты на сестрах – гессенских принцессах. Сергей Александрович оказывал большое влияние в целом на выработку внутривосточного курса Николая II и его последующую корректировку, способствовал продвижению на министерские посты ряда крупных деятелей – Н.П. Боголепова и Г.Э. Зенгера (министры народного просвещения), В.К. фон Плеве (министр внутренних дел).

В связи с тем влиянием, которые братья имели на выработку и проведение внутривосточного курса России, изучение их взаимоотношений, в том числе их солидарность или, наоборот, расхождения по тем или иным вопросам, имеет особое значение для всестороннего понимания процессов, проходивших в стране.

2. Материалы и методы

Тема взаимоотношений Великих князей Владимира и Сергея Александровича раскрывается в их дневниках и переписке. Дневники Великого князя Сергея Александровича хранятся в его личном фонде в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 20-41) и охватывают юношеские годы автора (1872–1878) и зрелый период его жизни (1892–1905). Дневниковые записи Великий князь вел на русском языке, время от времени вставляя слова и фразы по-французски. Что касается дневников Великого князя Владимира Александровича, то они отсутствуют, за исключением отрывков на шести листах из дневника за 1871 г., хранящихся в его личном фонде (ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 9).

Письма Великого князя Сергея Александровича Великому князю Владимиру Александровичу хранятся в личном фонде Великого князя Владимира Александровича (ГАРФ. Ф. 653. Оп. 1. Д. 672). Письма Великого князя Владимира Александровича Великому князю Сергею Александровичу находятся в ГАРФ, в личном фонде Великого князя Сергея Александровича (ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 54) и в коллекции документов рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2793), а также в другом личном фонде Великого князя Сергея Александровича, в научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ. Ф. 253. Т. I. Оп. 16. Д. 8).

Наиболее полно и всесторонне изучить особенности взаимоотношений Великих князей Владимира и Сергея Александровичей может позволить метод сравнительного анализа, дающий возможность сопоставлять информацию, содержащуюся в переписке между братьями, со сведениями из дневников Великого князя Сергея Александровича и переписки братьев с третьими лицами, прежде всего ближайшими родственниками. Также информация, извлеченная из дневников и переписки, может сравниваться с текстами из иных опубликованных и архивных источников. При проведении сравнительного анализа необходимо проводить сопоставление между собой не только текстов разных авторов, но и текстов одного автора, различающихся как по виду источника (письма, дневники), так и по времени описания того или иного события – непосредственно под впечатлением от происходящего и после значительного промежутка времени.

Характер и содержание имеющихся источников позволяет также применять метод количественного анализа, при помощи которого можно определить динамику эпистолярных контактов между Великими князьями Владимиром и Сергеем Александровичами, а также количество и качество их личных встреч, которые фиксировались в дневниках Великого князя Сергея Александровича.

3. Обсуждение

Дому Романовых и ряду его представителей, живших на рубеже XIX–XX вв., их взаимоотношениям, участию в политической и общественной жизни России в историографии уделялось и уделяется значительное внимание.

Первые исследования, посвященные Великому князю Сергею Александровичу и различным аспектам его деятельности, начали появляться еще в дореволюционный период (Авчинников, 1915). Современная российская историография о Великом князе Сергее Александровиче включает научную монографию (Софьин, 2016) и ряд научно-популярных изданий (Гришин, 2006; Мельник, 2009), сборники материалов конференций (Великий князь..., 2007; На службе у России..., 2013; Великий князь..., 2015; Великий князь..., 2017), посвященных Великому князю, а также немалое количество статей, анализирующих отдельные сферы государственной и общественной деятельности Сергея Александровича, среди которых следует особо выделить большую работу А.Н. Боханова (Боханов, 1997). Кроме того, к настоящему времени издано пять томов сборника документальных материалов, освещающих биографию Великого князя Сергея Александровича вплоть до 1899 г. (Великий Князь..., 2006; Великий Князь..., 2007; Великий Князь..., 2009; Великий Князь..., 2011; Великий Князь..., 2018).

Великий князь Владимир Александрович значительно уступает брату по количеству и качеству исследований. Внимание этому крупному государственному и общественному деятелю стало уделяться лишь в последнее время, но в достаточно небольшом объеме, ограниченном популярным изданием (Крылов-Толстикевич, Барковец, 2010) и двумя диссертациями (Герасимова, 2007; Хмельницкая, 2011), посвященными преимущественно его культурной деятельности, а также монографией, созданной на основе одной из этих диссертаций (Хмельницкая, 2013). Конференций, посвященных Великому князю Владимиру Александровичу, не проводилось, сборников биографических материалов о его жизни и деятельности не издавалось.

4. Результаты

Документы личного происхождения, прежде всего личные дневники и эпистолярное наследие, являются особо ценным источником. Дневники и письма близких людей друг другу, как правило, отличаются искренностью и доверительностью, проливают свет на обстоятельства и мотивы, остающиеся за рамками официального дискурса. Исследование взаимоотношений Великих князей Владимира и Сергея Александровичей целесообразно основывать в первую очередь на сведениях, содержащихся в их переписке, а также в дневниках Сергея Александровича.

В научный оборот дневники Великого князя Сергея Александровича были введены еще в 1990-е гг. (Боханов, 1997; Волгин, 1998) и с тех пор широко использовались в исследованиях, посвященных Великому князю. Работа по публикации его дневников началась в 2000-е гг. К настоящему времени полностью опубликованы дневники Сергея Александровича за 1892–1894 гг. и 1905 г. (Дневник великого князя..., 2014; Дневник московского генерал-губернатора..., 2018; Дневник московского генерал-губернатора..., 2019; Дневник московского генерал-губернатора..., 2020). Кроме того, не считая отдельных тематических фрагментов, публиковавшихся в периодических изданиях, выдержки из дневников Сергея Александровича разных лет приводились в изданиях документальных материалов (Великий Князь..., 2006; Великий Князь..., 2007; Великий Князь..., 2011; Великий Князь..., 2018; Великая княгиня..., 2009).

В своих дневниках Великий князь Сергей Александрович фиксирует различные события и встречи. В дневниках, которые Великий князь вел уже в период пребывания на посту московского генерал-губернатора, содержатся упоминания обо всех встречах с Великим князем Владимиром Александровичем. В ряде случаев, например в дневнике 1895 г., встречаются сведения об их взаимодействии по разным вопросам, например, по делам о принятии нового устава Московского художественного общества, председателем которого был Великий князь Сергей Александрович (ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 31. Запись от 21 октября). В том же дневнике 1895 г., переходя на французский язык, Сергей Александрович характеризует брата Владимира Александровича следующими словами: «...il un ange de bonté mais un jouir de première force!» [«...он ангел доброты, но жуир первостатейный!» – франц.] (ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 31. Запись от 4 октября).

Как свидетельствуют дневники Великого князя Сергея Александровича, его встречи с Владимиром Александровичем носили частый характер и происходили, как правило, во время приездов августейшего московского генерал-губернатора в Санкт-Петербург. Для примера можно рассмотреть информацию о личных контактах братьев из дневника Сергея Александровича за 1895 г., не беря в расчет общесемейные романовские собрания по разным поводам.

В январе Великий князь Сергей Александрович приезжал в северную столицу на несколько дней и перед отъездом завтракал у Владимира Александровича (ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 31. Запись от 20 января). Во время следующего посещения Санкт-Петербурга Сергеем Александровичем, продлившегося три недели (с 23 февраля по 14 марта), он четыре раза встречался с братом. На третий день после его приезда Владимир Александрович вместе со своей женой, Великой княгиней Марией Павловной, посещал Сергея Александровича в принадлежавшем ему Сергиевском дворце на Невском проспекте (бывший дворец князей Белосельских-Белозерских), где они и «болтали». В тот же день Сергей Александрович и его жена, Великая княгиня Елизавета Федоровна, вместе с младшим братом, Великим князем Павлом Александровичем, обедали у Владимира Александровича в узком кругу и «провели там вечер очень приятно – перебирая многое» (ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 31. Запись от 25 февраля). В начале марта Владимир и Сергей Александровичи встречали на вокзале тело недавно скончавшейся М.А. Степановой, вдовы царскосельского коменданта генерала П.А. Степанова, матери состоящего при Великом князе Сергее Александровиче генерала М.П. Степанова (ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 31. Запись от 2 марта). Спустя несколько дней Сергей Александрович вместе с Владимиром Александровичем осматривали новые «интерес[ные] раскопанные вещи», собранные Императорской археологической комиссией (ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 31. Запись от 8 марта). Накануне возвращения в Москву Сергей Александрович и Елизавета Федоровна снова обедали у Владимира Александровича. В отличие от 25 февраля, обед прошел в более широком кругу: помимо Великой княгини Марии Павловны и Великого князя Павла Александровича, присутствовали еще супружеские пары князей Юсуповых и князей Васильчиковых. Их связывали с Сергеем Александровичем тесные отношения: князь Ф.Ф. Юсупов, граф Сумароков-Эльстон, был его адъютантом, а княгиня М.Н. Васильчикова,

урожденная Исакова, – подругой детства. Во время обеда хозяева и гости «слушали итальян[скую] оперу по телефону» (ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 31. Запись от 13 марта).

Кратковременный приезд Сергея Александровича в Санкт-Петербург в апреле, продливший пять дней, также не обошелся без встреч с Владимиром Александровичем. В первый день Сергей Александрович нанес визит старшему брату, а на следующий день обедал у него (ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 31. Записи от 19 и 20 апреля).

В середине лета перед отъездом за границу Сергей Александрович и Елизавета Федоровна приезжали в Красное Село во время ежегодных лагерных сборов войск гвардии и Петербургского военного округа и присутствовали на семейном обеде у Владимира Александровича в канун его именин, а на следующий день были на обеде и большом завтраке по этому же поводу (ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 31. Записи от 14 и 15 июля). По возвращении великокняжеской четы из длительного зарубежного путешествия Владимир Александрович их лично встречал на железнодорожной станции в Царском Селе, что очень тронуло Сергея Александровича (ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 31. Запись от 1 октября). Через несколько дней Сергей Александрович с женой навещали Владимира Александровича (ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 31. Запись от 4 октября).

Спустя полмесяца, когда московский генерал-губернатор снова приехал в Царское Село, его навещали Владимир Александрович с Марией Павловной (ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 31. Запись от 19 октября). Через пару дней Сергей Александрович вместе с Владимиром и Павлом Александровичами выезжали из Царского Села в Санкт-Петербург, по пути ведя «томительный разговор» об уставе Московского художественного общества (ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 31. Запись от 21 октября). Вскоре Сергей Александрович и Елизавета Федоровна снова выезжали из Царского Села в Санкт-Петербург в компании тех же Владимира и Павла Александровичей (ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 31. Запись от 23 октября). В конце октября, перед своим отъездом на охоту в Германию, Владимир Александрович завтракал у Сергея Александровича (ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 31. Запись от 31 октября).

Отложившаяся в фондах отечественных архивов переписка Великих князей Владимира и Сергея Александровичей, охватывающая сорокалетний период (1864–1904 гг.), ранее специально не изучалась и практически не введена в научный оборот. Из всего объема переписки публиковались лишь пять писем Великого князя Сергея Александровича Великому князю Владимиру Александровичу – по одному письму 1886, 1895 и 1897 гг. и два письма за 1898 г. (Великий Князь..., 2011: 53–54; Великий Князь..., 2018: 20–21, 375–376, 511–512). Кроме того, письма Сергея Александровича Владимиру Александровичу от 1902 г. о реакции на морганатический брак их младшего брата Павла цитировались в исследованиях (Софьин, 2013; Софьин, 2016).

Что касается писем Великого князя Владимира Александровича Сергею Александровичу, то они никогда не публиковались и не цитировались.

Между тем, переписка братьев представляет несомненный научный интерес и способна пролить свет не только на их личные взаимоотношения, но также внести вклад в понимание их мировоззрения (как в персональном, так и в династическом аспектах), жизненных приоритетах Великих князей, мотивах их действий на государственных и общественных постах, углубить существующие представления о повседневной жизни Дома Романовых.

Анализ переписки Великих князей Владимира и Сергея Александровичей показывает, что августейшие корреспонденты редко затрагивают в письмах вопросы государственной политики, наибольшее внимание уделяя личным и семейным вопросам. В переписке раскрывается повседневная жизнь императорской семьи, характеризуется придворное окружение, содержится информация по династическому кризису 1902 г., вызванному морганатическим браком младшего брата Владимира и Сергея Александровичей, Великого князя Павла Александровича. Кроме того, переписка затрагивает события русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в которой оба корреспондента принимали непосредственное участие, внутривосточную обстановку в России начала XX в.

Исследование писем способствует более глубокому пониманию внутреннего мира Великих князей, их личных интересов и предпочтений, жизненных ценностей, что в конечном счете дает возможность более обстоятельно анализировать их взаимоотношения, а также многогранную государственную и общественную деятельность.

Динамику переписки Великих князей Владимира и Сергея Александровичей сложно назвать интенсивной. Так, Сергей Александрович в течение своей жизни отправил брату 41 письмо и записку, не считая телеграмм (при представляющемся наиболее вероятном условии, что в личном фонде Великого князя Владимира Александровича отложились все или почти все письма его корреспондента) (ГАРФ. Ф. 653. Оп. 1. Д. 672). Такое количество контрастирует с гораздо более интенсивной перепиской, например, Великого князя Сергея Александровича с его младшим братом, Великим князем Павлом Александровичем (ГАРФ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 192–222; ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 74; НИОР РГБ. Ф. 253. Т. I. П. 21. Д. 3–14). Подобное положение объясняется тем, что дети императора Александра II делились на две условные группы – «старших» и «младших». К «старшим» относились рано умершие Великая княжна Александра Александровна (1842–1849) и наследник цесаревич Николай Александрович (1843–1865), а также император Александр III (1845–1894), Великий князь Владимир Александрович (1847–1909) и Великий князь Алексей Александрович (1850–1908).

К «младшим» – Великая княгиня Мария Александровна (1853–1920), Великий князь Сергей Александрович (1857–1905) и Великий князь Павел Александрович (1860–1919). В силу естественных возрастных причин, кроме того, в связи с условиями воспитания, наиболее близкие и доверительные отношения между братьями и сестрами изначально устанавливались внутри этих возрастных групп (Боханов, 1997: 327).

Вместе с тем, как видно из дневников Сергея Александровича, невзирая на возрастные различия, братские чувства и постоянные контакты, хотя и различающиеся по степени интенсивности, объединяли всех сыновей Александра II. Их солидарность прошла проверку на прочность в 1896 г., когда во время коронационных торжеств в Москве по случаю венчания на царство императора Николая II произошло трагическое происшествие на Ходыньском поле. Великий князь Сергей Александрович как московский генерал-губернатор столкнулся тогда с критикой в свой адрес со стороны многих лиц, в том числе некоторых представителей императорской фамилии, но все родные братья, Великие князья Владимир, Алексей и Павел Александровичи, без колебаний, твердо и решительно встали на его сторону (Богданович, 1990: 212; Воспоминания великого князя..., 2001: 167-168).

5. Заключение

Авторитет Великих князей Владимира и Сергея Александровича и их значение во внутривластической жизни Российской империи к началу XX в. стали настолько значительными, что в 1905 г. оба эти представителя Дома Романовых стали приоритетными целями для террористической деятельности Боевой организации партии социалистов-революционеров. Великий князь Сергей Александрович был убит 4 февраля 1905 г., до его брата террористы не смогли добраться. Великий князь Владимир Александрович умер от болезни спустя четыре года, 4 февраля 1909 г., в годовщину гибели Сергея Александровича.

Исследование вопроса о взаимоотношениях Великих князей Владимира и Сергея Александровичей, основанное на их дневниках и переписке с привлечением иных документов, способно существенно расширить возможности глубокого понимания внутреннего мира и взаимосвязи двух крупных представителей императорской фамилии, оказавших значительное влияние на политическую и общественную жизнь России рубежа XIX–XX вв.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-41012 Палестина «Дневники Великого князя Сергея Александровича, 1895–1897 гг.».

Литература

- Авчинников, 1915 – Авчинников А.Г. Великий Князь Сергей Александрович. Екатеринбург: Тип. М.С. Копылова, 1915. 76 с.
- Богданович, 1990 – Богданович А.В. Три последних самодержца: дневник. М.: Новости, 1990. 608 с.
- Боханов, 1997 – Боханов А.Н. Великий князь Сергей Александрович // Российские консерваторы. М.: Русский мир, 1997. С. 323-371.
- Великая княгиня..., 2009 – Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II: документы и материалы (1884–1909 гг.) / Авт.-сост. А.Б. Ефимов, Е.Ю. Ковальская. СПб.: Алетей, 2009. 848 с.
- Великий князь..., 2017 – Великий князь Сергей Александрович и Великая княгиня Елисавета Феодоровна: московский период: XVI–XVIII Елисаветинско-Сергиевские чтения, Москва, 2013–2015 гг.: избранные статьи / Отв. ред. А.В. Громова. М.: Фонд содействия возрождению традиций милосердия и благотворительности «Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество», 2017. 268 с.
- Великий Князь..., 2006 – Великий Князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы / Сост. И.В. Плотникова. Кн. 1: 1857–1877. М.: Новоспасский монастырь, 2006. 399 с.
- Великий Князь..., 2007 – Великий Князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы / Сост. И.В. Плотникова. Кн. 2: 1877–1880. М.: Новоспасский монастырь, 2007. 277 с.
- Великий Князь..., 2009 – Великий Князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы / Сост. И.В. Плотникова. Кн. 3: 1880–1884. М.: Новоспасский монастырь, 2009. 359 с.
- Великий Князь..., 2011 – Великий Князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы / Сост. И.В. Плотникова. Кн. 4: 1884–1894. М.: Новоспасский монастырь, 2011. 671 с.
- Великий Князь..., 2018 – Великий Князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы / Сост. И.В. Плотникова. Кн. 5: 1895–1899. М.: Новоспасский монастырь, 2018. 751 с.
- Великий князь..., 2007 – Великий князь Сергей Александрович в истории русского государства и культуры: Материалы церковно-научной конференции, посвященной 100-летию со дня трагической гибели великого князя Сергея Александровича (1857–1905) 17–18 февраля 2005 г. / Отв. ред. А.В. Назаренко, Н.Н. Лисовой. М.: Паломнический центр Московского патриархата, 2007. 160 с.

Великий князь..., 2015 – Великий князь Сергей Александрович на службе Москве и Отечеству: Сборник материалов Межрегиональной научной конференции, 29–30 мая 2013 г. М.: Союз Дизайн, 2015. 272 с.

Волгин, 1998 – *Волгин И.Л.* Колеблясь над бездной: Достоевский и императорский дом. М.: Центр гуманитарного образования, 1998. 656 с.

Воспоминания великого князя..., 2001 – Воспоминания великого князя Александра Михайловича. М.: Захаров, 2001. 526 с.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Герасимова, 2007 – *Герасимова Е.В.* Великий князь Владимир Александрович – государственный деятель, исследователь и библиофил, 1847–1909: Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. 259 с.

Гришин, 2006 – *Гришин Д.Б.* Трагическая судьба Великого князя. М.: Вече, 2006. 304 с.

Дневник великого князя..., 2014 – Дневник великого князя Сергея Александровича, 1905 год / Публикация Д.М. Софьина // *Вестник Пермского университета. Серия «История»*. 2014. Вып. 2 (25). С. 188–200.

Дневник московского генерал-губернатора..., 2018 – Дневник московского генерал-губернатора Великого князя Сергея Александровича, 1892 г. / Сост., вступ. статья, комментарии Д.М. Софьина, М.В. Софьиной. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермский государственный институт культуры, 2018. 320 с.

Дневник московского генерал-губернатора..., 2019 – Дневник московского генерал-губернатора Великого князя Сергея Александровича, 1893 г. / Сост., вступ. статья, комментарии Д.М. Софьина, М.В. Софьиной. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермский государственный институт культуры, 2019. 324 с.

Дневник московского генерал-губернатора..., 2020 – Дневник московского генерал-губернатора Великого князя Сергея Александровича, 1894 г. / Сост., вступ. статья, комментарии Д.М. Софьина, М.В. Софьиной. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермский государственный институт культуры, 2020. 328 с.

Крылов-Толстикевич, Барковец, 2010 – *Крылов-Толстикевич А., Барковец О.* Великий князь Владимир Александрович: страницы биографии. СПб.: АБРИС, 2010. 367 с.

Мельник, 2009 – *Мельник В.И.* Царственный витязь и подвижник земли русской Великий князь Сергей Александрович Романов. М.: [б.и.], 2009. 160 с.

На службе у России..., 2013 – *На службе у России:* Великий Князь Сергей Александрович: Материалы научных конференций 2011–2012 гг. / Ред. И.В. Плотникова. М.: Фонд памяти Великого Князя Сергея Александровича, 2013. 244 с.

НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

Софьин, 2013 – *Софьин Д.М.* Романовы. Консерваторы. Власть: политико-династические представления российских консерваторов и членов Императорского Дома, конец XIX – начало XX века. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2013. 282 с.

Софьин, 2016 – *Софьин Д.М.* Великий князь Сергей Александрович: путь русского консерватора. М.: Фонд содействия возрождению традиций милосердия и благотворительности «Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество», 2016. 240 с.

Хмельницкая, 2011 – *Хмельницкая И.И.* Деятельность великого князя Владимира Александровича в сфере русской художественной культуры: Дисс. ... канд. культурологии. СПб., 2011. 178 с.

Хмельницкая, 2013 – *Хмельницкая И.И.* «Жизнь и служение России»: Великий князь Владимир Александрович и русская культура. СПб.: Ассоциация графических искусств, 2013. 143 с.

References

Avchinnikov, 1915 – *Avchinnikov, A.G.* (1915). Velikii Knyaz' Sergei Aleksandrovich [Grand Duke Sergey Alexandrovich]. Ekaterinoslav: Tip. M.S. Kopylova. 76 p. [in Russian]

Bogdanovich, 1990 – *Bogdanovich, A.V.* (1990). Tri poslednikh samoderzhtsa: dnevnik [Three of the last Tsar: the diary]. Moscow: Novosti. 608 p. [in Russian]

Bokhanov, 1997 – *Bokhanov, A.N.* (1997). Velikii knyaz' Sergei Aleksandrovich [Grand Duke Sergey Alexandrovich]. *Rossiiskie konservatory*. Moscow: Russkii mir. Pp. 323–371.

Dnevnik moskovskogo general-gubernatora..., 2018 – Dnevnik moskovskogo general-gubernatora Velikogo knyazya Sergeya Aleksandrovicha, 1892 g. [The diary of Moscow Governor-General Grand Duke Sergey Alexandrovich, 1892] (2018). Perm: Permskii gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skii universitet, Permskii gosudarstvennyi institut kul'tury. 320 p. [in Russian]

Dnevnik moskovskogo general-gubernatora..., 2019 – Dnevnik moskovskogo general-gubernatora Velikogo knyazya Sergeya Aleksandrovicha, 1893 g. [The diary of Moscow Governor-General Grand Duke

- Sergey Alexandrovich, 1893] (2019). Perm: Permskii gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skii universitet, Permskii gosudarstvennyi institut kul'tury. 324 p. [in Russian]
- [Dnevnik moskovskogo general-gubernatora..., 2020](#) – Dnevnik moskovskogo general-gubernatora Velikogo knyazya Sergeya Aleksandrovicha, 1894 g. [The diary of Moscow Governor-General Grand Duke Sergey Alexandrovich, 1894] (2020). Perm: Permskii gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skii universitet, Permskii gosudarstvennyi institut kul'tury. 328 p. [in Russian]
- [Dnevnik velikogo knyazya..., 2014](#) – Dnevnik velikogo knyazya Sergeya Aleksandrovicha, 1905 god [The diary of Grand Duke Sergey Alexandrovich, 1905] (2014). *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Istoriya»*. 2(25): 188-200. [in Russian]
- [GARF](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State archive of the Russian Federation].
- [Gerasimova, 2007](#) – *Gerasimova, E.V.* (2007). Velikii knyaz' Vladimir Aleksandrovich – gosudarstvennyi deyatel', issledovatel' i bibliofil, 1847–1909 [Grand Duke Vladimir Aleksandrovich as statesman, researcher and bibliophile, 1847–1909]. Saint-Petersburg. 259 p. [in Russian]
- [Grishin, 2006](#) – *Grishin, D.B.* (2006). Tragicheskaya sud'ba Velikogo knyazya [The tragic fate of the Grand Duke]. Moscow: Veche. 304 p. [in Russian]
- [Khmel'nitskaya, 2011](#) – *Khmel'nitskaya, I.I.* (2011). Deyatel'nost' velikogo knyazya Vladimira Aleksandrovicha v sfere russkoi khudozhestvennoi kul'tury [The activities of Grand Duke Vladimir Aleksandrovich in the field of Russian artistic culture]. Saint-Petersburg. 178 p. [in Russian]
- [Khmel'nitskaya, 2013](#) – *Khmel'nitskaya, I.I.* (2013). “Zhizn' i sluzhenie Rossii”: Velikii knyaz' Vladimir Aleksandrovich i russkaya kul'tura [“Life and service for Russia”: Grand Duke Vladimir Aleksandrovich and Russian culture]. Saint-Petersburg: Assotsiatsiya graficheskikh iskusstv. 143 p. [in Russian]
- [Krylov-Tolstikovich, Barkovets, 2010](#) – *Krylov-Tolstikovich, A., Barkovets, O.* (2010). Velikii knyaz' Vladimir Aleksandrovich: stranitsy biografii [Grand Duke Vladimir Aleksandrovich: biography pages]. Saint-Petersburg: ABRIS. 367 p. [in Russian]
- [Mel'nik, 2009](#) – *Mel'nik, V.I.* (2009). Tsarstvennyi vityaz' i podvizhnik zemli russkoi Velikii knyaz' Sergei Aleksandrovich Romanov [The Royal knight and ascetic of the Russian land Grand Duke Sergey Aleksandrovich Romanov]. Moscow: [s.p.]. 160 p. [in Russian]
- [Na sluzhbe u Rossii..., 2013](#) – Na sluzhbe u Rossii: Velikii Knyaz' Sergei Aleksandrovich [In the service of Russia: Grand Duke Sergey Aleksandrovich] (2013). Moscow: Fond pamyati Velikogo Knyazya Sergeya Aleksandrovicha. 244 p. [in Russian]
- [NIOR RGB](#) – Nauchno-issledovatel'skii otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki [The research department of manuscripts of the Russian state library].
- [Sofin, 2013](#) – *Sofin, D.M.* (2013). Romanovy. Konservatory. Vlast': politiko-dinasticheskie predstavleniya rossiiskikh konservatorov i chlenov Imperatorskogo Doma, konets XIX – nachalo XX veka [The Romanovs. Conservatives. Power. Political and dynastic views of Russian conservatives and members of the Imperial House, late XIX century – early XX century]. Perm': Permskii gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skii universitet. 282 p. [in Russian]
- [Sofin, 2016](#) – *Sofin, D.M.* (2016). Velikii knyaz' Sergei Aleksandrovich: put' russkogo konservatora [Grand Duke Sergey Aleksandrovich. The path of the Russian conservative]. Moscow: Fond sodeistviya vozrozhdeniyu traditsii miloserdiya i blagotvoritel'nosti “Elisavetinsko-Sergievscoe prosvetitel'skoe obshchestvo”. 240 p. [in Russian]
- [Velikaya knyaginya..., 2009](#) – Velikaya knyaginya Elisaveta Feodorovna i imperator Nikolai II: dokumenty i materialy (1884–1909 gg.) [Grand Duchess Elizabeth Feodorovna and Emperor Nicholas II. Documents and materials (1884–1909)] (2009). St. Petersburg: Aleteiya. 848 p. [in Russian]
- [Velikii Knyaz'..., 2006](#) – Velikii Knyaz' Sergei Aleksandrovich Romanov: biograficheskie materialy [Grand Duke Sergey Aleksandrovich Romanov. Biographical documents] (2006). Vol. 1: 1857–1877. Moscow: Novospasskii monastyr'. 399 p. [in Russian]
- [Velikii Knyaz'..., 2007](#) – Velikii Knyaz' Sergei Aleksandrovich Romanov: biograficheskie materialy [Grand Duke Sergey Aleksandrovich Romanov. Biographical documents] (2007). Vol. 2: 1877–1880. Moscow: Novospasskii monastyr'. 277 p. [in Russian]
- [Velikii knyaz'..., 2007](#) – Velikii knyaz' Sergii Aleksandrovich v istorii russkogo gosudarstva i kul'tury [Grand Duke Sergey Aleksandrovich in the history of the Russian state and culture] (2007). Moscow: Palomnicheskii tsentr Moskovskogo Patriarkhata. 160 p. [in Russian]
- [Velikii Knyaz'..., 2009](#) – Velikii Knyaz' Sergei Aleksandrovich Romanov: biograficheskie materialy [Grand Duke Sergey Aleksandrovich Romanov. Biographical documents] (2007). Vol. 3: 1880–1884. Moscow: Novospasskii monastyr'. 359 p. [in Russian]
- [Velikii Knyaz'..., 2011](#) – Velikii Knyaz' Sergei Aleksandrovich Romanov: biograficheskie materialy [Grand Duke Sergey Aleksandrovich Romanov. Biographical documents] (2011). Vol. 4: 1884–1894. Moscow: Novospasskii monastyr'. 671 p. [in Russian]
- [Velikii knyaz'..., 2015](#) – Velikii knyaz' Sergii Aleksandrovich na sluzhbe Moskve i Otechestvu [Grand Duke Sergey Aleksandrovich in the service of Moscow and the Fatherland] (2015). Moscow: Soyuz Dizain. 272 p. [in Russian]

[Velikii knyaz'..., 2017](#) – Velikii knyaz' Sergei Aleksandrovich i Velikaya knyaginya Elizaveta Fedorovna: moskovskii period [Grand Duke Sergey Alexandrovich and Grand Duchess Elizabeth Feodorovna. Moscow period] (2017). Moscow: Fond sodeistviya vozrozhdeniyu traditsii miloserdiya i blagotvoritel'nosti "Elisavetinsko-Sergievskoe prosvetitel'skoe obshchestvo". 268 p. [in Russian]

[Velikii Knyaz'..., 2018](#) – Velikii Knyaz' Sergei Aleksandrovich Romanov: biograficheskie materialy [Grand Duke Sergey Alexandrovich Romanov. Biographical documents] (2018). Vol. 5: 1895–1899. Moscow: Novospasskii monastyr'. 751 p. [in Russian]

[Volgin, 1998](#) – *Volgin, I.L.* (1998). Koleblyas' nad bezdnoi: Dostoevskii i imperatorskii dom [Hesitating over the abyss: Dostoevsky and the Imperial House]. Moscow: Tsentr gumanitarnogo obrazovaniya. 656 p. [in Russian]

[Vospominaniya velikogo knyazya..., 2001](#) – Vospominaniya velikogo knyazya Aleksandra Mikhailovicha [Memoirs of Grand Duke Alexander Mikhailovich] (2001). Moscow: Zakharov. 526 p. [in Russian]

Великие князья Владимир и Сергей Александровичи: источники для исследования их взаимоотношений

Дмитрий Михайлович Софьин ^{a, *}, Марина Владимировна Софьина ^b

^a Пермский государственный национальный исследовательский университет, Российская Федерация

^b Пермский государственный институт культуры, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются источники, раскрывающие тему взаимоотношений таких представителей российского Императорского Дома, как Великий князь Владимир Александрович и его брат, Великий князь Сергей Александрович. Оба они, занимая крупные посты в царствования императоров Александра III и Николая II, оказывали значительное влияние и на политические процессы в стране, и на общественную жизнь. Дневники Великого князя Сергея Александровича и его переписка с Великим князем Владимиром Александровичем, продолжавшаяся в течение 40 лет, содержат ценные сведения о личных взаимоотношениях братьев, их повседневной жизни, выявляют черты их характеров, а также их рефлексию по поводу семейных, династических и политических событий. Данные документы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации и научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки, к настоящему времени опубликованы лишь частично и далеко не в полном объеме введены в научный оборот. В качестве примера возможностей указанных источников для исследования взаимоотношений Великих князей Владимира и Сергея Александровичей приводятся сведения об их контактах в 1895 г. из дневника Великого князя Сергея Александровича.

Ключевые слова: Дом Романовых, Великий князь Владимир Александрович, Великий князь Сергей Александрович, Российская империя, источниковедение, источники личного происхождения, дневники, переписка, письма.

* Корреспондирующий автор

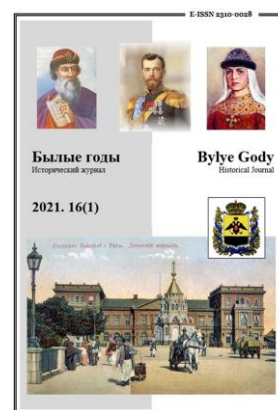
Адреса электронной почты: sofjindm@yandex.ru (Д.М. Софьин), mar-sofina@mail.ru (М.В. Софьина)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 332-342.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.332
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Legislative Regulation of Tax Relations in the Russian Empire (late XIX – early XX centuries)

Vladislav F. Antonov ^{a, *}

^a Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

Abstract

The presented article is devoted to the organization and principles of fiscal institutions in pre-revolutionary Russia. The study shows the historical and legal conditionality of a number of legislative acts that ensure the flow of monetary incomes to state institutions, and analyzes scientific approaches to the essence and purpose of tax payments in the period under review. Legislative acts reflecting and consolidating the evolution of tax legislation of the pre-revolutionary period are studied successively. Due to the wide range of historical documents, the specifics of collecting individual tax payments and fees have been analyzed. The theoretical aspects of the system of fiscal institutions are highlighted, and the system of financial bodies dealing with taxation issues is reviewed. The analysis of historical sources shows a balance of revenues and expenses maintaining the activities of state institutions. It is emphasized that the tax legislation of the pre-revolutionary period was based on the need for the participation of all social classes in the formation of the revenue side of the budget. The primary focus is on the specifics of the regulatory framework in the field of tax regulation, as well as on the interaction of state bodies in the implementation of the fiscal function. The peculiarities of the tax system in pre-revolutionary Russia were manifested in the centralized management of public finances which were intended to solve the most important state issues. The characteristics of legal acts regulating the procedure for collecting taxes and fees are provided. The study is based on a wide range of historical materials reflecting the organizational and legal issues of financial institutions in pre-revolutionary Russia. Illustrated by specific legislative acts, the socio-economic content of certain types of taxation is revealed. The system of legislative acts is studied in connection with the political and economic situation of the period under review.

Keywords: taxes, fees, taxation, finance, state budget breakdown, legislative acts, government bodies, tax legislation.

1. Введение

Обращение к историческим аспектам налогообложения обуславливается эволюционными изменениями налогового законодательства, его приверженностью к исторически сложившимся формам налогообложения, прослеживающимся стремлением к формированию оптимальных способов и методов взимания налогов. По оценкам исследователей налоговое законодательство дореволюционного периода создавало необходимые условия для своевременной уплаты установленных налогов и сборов, органично сочетало стимулирующие факторы налогообложения с принудительными механизмами взыскания налоговых платежей.

2. Материалы и методы

Основным источником (материалом) для изучения обозначенной темы явились опубликованные законодательные и иные нормативно-правовые акты, освещающие организационные и правовые вопросы деятельности фискальных учреждений дореволюционной России. При написании работы исследовались финансово-экономические отношения, отражающие

* Corresponding author

E-mail addresses: 5592606@bk.ru (V.F. Antonov)

особенности формирования и расходования финансовых средств, поступавших в распоряжение государственных учреждений. Особое внимание уделяется исследованию конкретных форм и методов деятельности финансовых органов по взысканию налоговых платежей в государственный бюджет.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы познания: историко-правового анализа, конкретно-социологический метод, методы анализа и синтеза, позволившие на основе обобщения обширного эмпирического материала провести исследование основных закономерностей развития налогового законодательства дореволюционного периода. При подготовке статьи использовались методы системности и объективности, способствовавшие выявлению наиболее значимых отношений в системе взаимодействия государственных органов с плательщиками налогов и сборов.

В работе нашли отражение междисциплинарные и комплексные подходы к исследованию законодательного регулирования налоговых отношений рассматриваемого периода.

3. Обсуждение

Вопросы организации налогообложения исследовались в дореволюционных работах. В литературе этого времени рассматривалось экономическое содержание налогов, а также целесообразность установления отдельных видов налогов, пошлин и сборов, общественно-политическое значение налогов.

Выдающимся событием русской финансовой науки стал выход книги Н.И. Тургенева «Опыт теории налогов» (Тургенев, 1818), в которой рассматривались основные принципы функционирования государственного хозяйства, исследовалось общественное значение отдельных налогов, обосновывалась их экономическая необходимость, определялись основные источники формирования государственных финансов. В середине XIX века широкую известность получили работы графа Е.Ф. Канкрин. Большинство его исследований было посвящено финансовой политике, статистике, вопросам повышения доходной части государственного бюджета (Канкрин, 1894).

Вопросы социально-экономической сущности налогов и их теоретического обоснования рассматривались в сочинениях И.И. Горлова, М.Н. Капустина, И.Х. Озерова, И.Т. Тарасова, Л.В. Ходского, С.И. Иловайского, И.И. Янжула, Л.Н. Яснопольского (Горлов, 1845; Капустин, 1879; Озеров, 1917; Тарасов, 1889; Ходский, 1901; Иловайский, 1912; Янжул, 1890; Яснопольский, 1912) и других экономистов исследуемого периода.

Отдельные вопросы законодательного регулирования налоговых отношений конца XIX – начала XX веков нашли отражение в трудах советских исследователей Б.В. Ананьича, Д.П. Боголепова, А.И. Буковецкого, Н.П. Ерошкина, И.М. Кулишера, А.И. Коняева, А.П. Погребинского, И.И. Рейнгольда (Ананьич, 1970; Боголепов, 1925; Буковецкий, 1962; Ерошкин, 1983; Кулишер, 1923; Коняев, 1959; Погребинский, 1954; Рейнгольд, 1926).

Среди современных исследований следует выделить работу А.В. Толкушкина «История налогов в России», раскрывающую содержание важнейших налоговых реформ рассматриваемого периода, а также особенности практики взимания налоговых платежей или сборов во взаимосвязи с изменениями в государственном устройстве, управлением и распоряжением государственной собственностью (Толкушкин, 2001).

В последнее время правовые аспекты налогообложения дореволюционного периода рассматривались в работах С.В. Баулина, В.Н. Захарова, З.В. Дмитриевой, Ю.А. Петрова, С.А. Козлова, И.А. Майбурова, Н.Е. Петуховой, В.М. Пушкаревой, Н.В. Ушак, М.К. Шаццлло, В.Н. Шитова (Баулин, 2006; Захаров и др., 2006; Козлов, Дмитриева, 1999; Петров, 2009; Майбуров, 2011; Петухова, 2009; Пушкарева, 2003; Ушак, 2009; Шитов, 2016) и других исследователей.

4. Результаты

Система налогообложения дореволюционной России значительно отличалась от европейских систем налогообложения: ей был присущ ряд специфических признаков. В силу исторически сложившейся монархической формы государственного правления основные экономические институты были направлены на поддержание централизованного управления государственными финансами, сохранение сословных привилегий (податного ценза) в отношении отдельных налогоплательщиков, стимулирование государственно значимых видов производств и промыслов и др.

Характерным признаком функционирования налоговой системы дореволюционной России являлась зависимость общей массы собранных налогов от экономических и политических задач, стоящих перед государственными учреждениями в определенный период времени. В основу формирования государственного бюджета ложилась расходная часть, отражавшая насущные потребности государственных учреждений в решении важнейших стратегических задач. Доходная часть бюджета рассчитывалась исходя из сумм, необходимых государству для осуществления мероприятий, направленных на благоустройство общества, поддержание и развитие государственных институтов.

Считалось, что для достижения определенных целей государство обязано вести учет необходимых затрат, производить выплаты по внешнему государственному долгу, обеспечивать

погашение государственных займов и др. При этом государственные учреждения правомочны были решать, когда, кому и в каких размерах должны быть выделены соответствующие денежные суммы. Наиболее значимыми расходными статьями государственного бюджета являлись средства, выделяемые на поддержание государственного аппарата, содержание воинских чинов, оказание военной помощи союзникам, обеспечение потребностей государственных учреждений и др.

В соответствии с порядком утверждения государственного бюджета представительные органы не могли отказать правительственным учреждениям в расходовании денежных средств, идущих на покрытие их текущих расходов. Русский юрист В.А. Лебедев писал: «По монархическому принципу в согласии на расход заключается и согласие на дарование средств для его покрытия; ясно, что было бы явным противоречием уполномочить правительство на какой-либо расход и тут же отказать ему в средствах на его покрытие. Поэтому право отказа может состоять только в ограничении расходов, иначе оно переходит в полное отвержение предполагаемого бюджета, что равносильно остановке нормального хода государственной жизни и водворению анархии» (Лебедев, 1893: 607).

Налоги в дореволюционной России преследовали цель обеспечить потребности государственных учреждений, осуществлявших функции государственного управления. Считалось общепризнанным, что обязанность выплаты налога являлась естественной и бесспорной. Для частного лица указанная обязанность приравнивалась к отбытию воинской повинности. Система налоговых сборов позволяла функционировать государственным учреждениям, деятельность которых требовала определенных финансовых затрат. Полученные денежные средства предназначались для покрытия расходов городских управ, дворянских обществ, земских учреждений, сельских и волостных общин. Поскольку данные учреждения вели свое хозяйство, результаты деятельности данных органов зависели от своевременного поступления необходимых им средств.

Согласно государственной росписи Российской империи 1910 года средства государственного бюджета направлялись на покрытие следующих расходов: 1) обыкновенных расходов: Министерство императорского двора – 16 359 595 рублей; высшие государственные учреждения – 91 291 117; ведомство Священного синода – 34 195 217; Министерство внутренних дел – 155 236 482; Министерство финансов – 424 089 866; Министерство юстиции – 74 503 989; Министерство иностранных дел – 6 174 307; Министерство народного просвещения – 75 998 458; Министерство торговли и промышленности – 38 618 909; главные управления землеустройства и земледелия – 85 553 655; государственное конезаводство – 1 981 448; Военное министерство – 480 716 322; Морское министерство – 89 247 426; государственный контроль – 10 196 857; платежи по государственным займам – 406 812 174; расходов, не предусмотренных сметами, на экстренные в течение года надобности – 10 000 000; 2) чрезвычайных расходов, связанных с Русско-японской войной, – 2 818 565; хозяйственно-операционных расходов хозяйственного ведомства – 50 000 000; на сооружение железных дорог – 62 710 310; на выдачу общественных железных дорог – 1 400 000; на погашение государственного долга – 4 723 692 (Иловайский, 1912: 129).

Налоговое законодательство являлось частью финансового законодательства, общего кодифицированного акта, регламентирующего сбор налогов в дореволюционной России, не существовало. Нормы о порядке изъятия налогов содержались в различных законодательных актах, определявших порядок уплаты отдельных налоговых платежей, а также порядок управления отдельными государственными учреждениями. Таковыми, в частности, являлись Устав о прямых налогах (1893), Устав об акцизных сборах (1883), Устав таможенный (1819), Устав монетный (1899), Устав горный (1893), Устав лесной (1905), Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов (1863), Устав о воинских повинностях (1874), Временные правила земских учреждений по делам о земских правительствах (1864) и др.

Налоговые отношения непосредственно связывали экономические интересы государства и частных лиц. В структуре данных отношений наблюдалась взаимная корреспонденция прав и обязанностей. Считалось, что государство осуществляло задачи, полезные для граждан, в свою очередь граждане платили государству за то, что оно обеспечивало удовлетворение их интересов. Право правительства взимать налоги исходило из функции государства выявлять нужды и потребности населения, самостоятельно определять средства достижения поставленных целей, а также направления финансовой политики с учетом складывающейся политической обстановки и обстоятельств времени.

Законодательство различало налоги прямые и косвенные. Прямыми налогами являлись: поземельный сбор, оброчная подать, государственный промысловый налог, налог на освобождение от воинской повинности, подушная подать, налог с недвижимых имуществ, квартирный налог, сбор от денежных капиталов, дополнительный, раскладочный, процентный сбор и др. Порядок сбора налогов определялся Уставом о прямых налогах (1893). Прямые налоги имели вид окладного сбора, поскольку плательщик налога заранее был знаком с условиями его выплаты, сроком уплаты налога, последствиями уклонения от его уплаты. Прямой налог применялся к отдельным видам имущества, а также к определенным видам деятельности (Устав о прямых налогах, 1903).

В отличие от прямых, косвенные налоги носили обезличенный характер, поскольку государство конкретно не устанавливало субъект подати. Плательщиком косвенного налога становилось любое

лицо, приобретавшее определенное имущество. Сумма косвенного налога была пропорциональна стоимости продаваемого имущества. Косвенными являлись налоги с осветительных масел, налоги с зажигательных спичек, налоги с табака, налоги с торговли сахарной свеклой и др. Косвенные налоги были преимущественно распространены в сфере розничной торговли.

Косвенные налоги характеризовались акцизной формой взимания. Сущность акцизов заключалась в том, что торговец приобретал в государственных учреждениях специальные марки (бандероли), при этом численность приобретаемых марок соответствовала предполагаемому количеству продаваемых товаров. Уплата налогов происходила путем покупки торговых бандеролей, поскольку полученные марки наклеивались на продаваемый товар. Данная процедура значительно облегчала сбор налога, избавляла государство от исследования бухгалтерских документов. Торговая марка входила в стоимость товара, но несущественно влияла на процессы установления цены, которая складывалась под влиянием спроса и предложения.

Особым видом косвенных налогов являлись государственные пошлины и сборы. Под пошлиной понимались суммы, вносимые юридическими либо частными лицами при приобретении особых прав либо при пользовании определенными услугами государственных учреждений. Пошлины взимались в виде неокладных сборов. Законодательство различало следующие виды пошлин: пошлины за право торговли и занятие отдельными промыслами, крепостные пошлины, канцелярские сборы, пошлины на безвозмездный переход имущества, гербовый сбор, сборы с государственных жалований, дорожные сборы, пошлины с пассажиров железных дорог (*Положение...*, 1863).

По уровню государственной значимости налоги в дореволюционной России разделялись на государственные и местные (земские). Государственные налоги преследовали цель обеспечить материальные нужды государственных учреждений. Местные налоги собирались местной администрацией и шли на покрытие расходов сельских и волостных общин, местных дворянских собраний, городских и земских общин и пр. Местными налогами являлись земские, городские, мирские сборы.

Земские и городские сборы обеспечивали покрытие средств, выделяемых на содержание судебных департаментов, уездных полицейских управлений, устройство арестных домов, обеспечение деятельности судебных следователей и судебных приставов, жалование местных чиновников, содержание губернских комитетов и собраний, выплату жалований мировым судьям, благоустройство мест общественного пользования, содержание пожарных команд, уездных исправников, поддержание состояния городских парков, обеспечение водоснабжения. Земские управы могли по своему усмотрению создавать и иные виды налогов в зависимости от условий местности и необходимости стимулирования открывающихся промыслов.

Разновидностью местных налогов являлись мирские сборы, предназначавшиеся для поддержания церквей, обеспечения деятельности общественных учреждений, содержания приютов, домов для немощных стариков, борьбы с вредными насекомыми и сорными растениями и др.

Местные налоги налагались на отдельные промыслы (банный промысел, конский извоз, содержание постоянных дворов, рыбные промыслы и др.), на занятие торговлей, передачу имущества, доходы физических и юридических лиц. Сбором местных налогов занимались податные и квартирные присутствия, городские думы, земские собрания.

Собираемые налоги входили в общую роспись предполагаемых доходов города либо земства, которая составлялась ежегодно. Так, например, роспись доходов города Казани на 1887 год предусматривала следующие источники доходов: доход от принадлежащего городу недвижимого имущества (гостиного двора, лавок, мельниц и др.); доход от городского леса, арендная плата за предоставление пастбищ скоту; доход от разных земельных участков; доходы от фабрик, заводов, пароходств; доходы с перевозных судов; проценты с пожертвованных капиталов; налог на недвижимое имущество; налог с трактирных заведений; налог с постоянных дворов; налог с извозного промысла; пошлины за клеймение мер и весов и аукционные продажи; пени за несвоевременный взнос сборов; оборотные доходы; вычеты из налога на недвижимое имущество; квартирные оклады для найма войсковых помещений; налоги от мещанского общества; прибыль городского общественного банка (*Львов, 1887: 502*).

Исторически налоги в России произошли от натуральных повинностей, которые позднее приобрели характер денежного взноса. В допетровский период на фоне развития финансовой системы и централизации государственной власти сложились идеи об обязанности различных сословий и слоев населения проявлять заботу о самодержавной власти. Считалось, что каждое сословие обязано было передавать государству нужные ему средства (продукты, необходимое имущество и др.). В случае участия государства в военных действиях крестьянское население обязано было нести воинскую повинность, в свою очередь купцам, торговцам и ремесленникам вменялась обязанность предоставлять государству необходимые денежные суммы для покрытия военных расходов. Поскольку военные кампании проводились регулярно, то повинности стали характерной чертой жизни податных сословий.

Названные исторические предпосылки наложили отпечаток на формирование теоретических представлений о сущности и назначении налоговых платежей. По утверждению профессора

С.И. Иловайского, хозяйственные жертвы, приносимые гражданами государству, необходимо разделять на две категории: а) жертвы, содержащие в себе элемент личного труда, а потому называемые личными повинностями; б) жертвы, заключающиеся лишь в материальных благах и называемые сборами. Соответственно, сборы по предмету пожертвования могут быть вещными (или натуральными в этом смысле слова) или вещными повинностями, причем последние в течение времени утрачивают свое былое значение (Иловайский, 1912: 11).

Стоит отметить, что налоговое бремя в дореволюционной России распределялось крайне неравномерно. Все население Российской империи разделялось на представителей податного сословия и свободных граждан. Принадлежность к привилегированному сословию почетных граждан освобождала от исполнения некоторых общегражданских обязанностей, и в первую очередь – налоговой обязанности и воинской повинности.

По дореволюционному законодательству основанием приобретения почетного гражданства являлись личные заслуги, а в некоторых случаях – потомственные привилегии, служившие основанием предоставления разнообразных льгот (Мейер, 1914: 112). По праву рождения потомственное почетное гражданство предоставлялось детям личных дворян; детям священнослужителей; детям чиновников, получивших ордена, сообщающие личное дворянство и др. В свою очередь, личное почетное гражданство приобреталось образованием, рождением, чинами, полученными на гражданской службе. Некоторые лица наделялись правом ходатайствовать о причислении себя к потомственным почетным гражданам. Данная привилегия устанавливалась для лиц торгового сословия в целях поощрения частных лиц, которые состояли в торговом звании беспорочно в течение многих лет и приобрели себе известное отличие от правительства за услуги, оказанные государству. Эта льгота распространялась и на лиц, имеющих ученые степени доктора или магистра, приобретенные в одном из русских университетов, и на артистов и художников (по истечении известного срока после получения диплома), и на иностранных ученых и художников (Коркунов, 1904: 209).

Податными сословиями считались мещане и крестьяне. На данные сословия ложилась основная тяжесть налогового бремени. Представители податных сословий были подчинены строгой дисциплине и находились под властью сословных собраний и представительств. Сословные общества в случае отказа одного из членов отработать повинности, платить налоги имели право предоставить его правительственной власти, что нередко приводило к ссылке в Сибирь. Это было обусловлено лежащей на податных сословиях круговой порукой, сущность которой заключалась в том, что в случае неисполнения одним членом сословного союза обязанности выплаты налога данная обязанность ложилась на других его членов. Следует отметить, что податные сословия могли в принудительном порядке привлекаться к общественным работам (например, к расчистке железнодорожных путей в случае аварии).

Законодательство дореволюционной России содержало нормы об обязанности отработки повинностей, которые возлагались на представителей податных сословий. К числу таких повинностей законодательство относило содержание поселковых, военных дорог, поставку подвод для императорского дома, конную воинскую повинность, арестантскую повинность, продовольственную повинность военных чинов, земские повинности и др.

Система фискальных учреждений неоднократно подвергалась реформированию. Долгое время сбор налогов осуществлялся с участием военных. В целях обеспечения полноты взимания сборов в провинции направлялись капитаны и унтер-офицеры военных полков, которые занимались сбором подушной подати и другими налогами. В 1733 году в помощь камер-коллегии был учрежден особый Доимочный приказ, которому предписывалось от всех коллегий, канцелярий и губерний требовать доимочные ведомости и «взыскивать по ведомостям недоимки, смотря по состоянию должников с рассрочкой в годы, а где в недоимке были виновны губернаторы или воеводы своей сноровкой или слабостью, то на таковых губернаторах или воеводах и других чиновниках взыскивать штрафы никак не меньше 10 процентов с доимочного рубля, и таковые штрафы налагать на самих должников» (Беляев, 1999: 546).

На протяжении XVIII–XIX веков в России сбором налогов занимались финансовые учреждения, полномочия которых обуславливались тем, что государственная власть передавала им функции фискального управления. Помимо этого, финансовые органы занимались изучением доходов местности, расходов государственных средств, готовили отчеты по произведенным операциям.

Организацией сборов налогов в Российской империи занимались одновременно несколько государственных учреждений. В системе финансовых учреждений предусматривалась возможность передачи административных полномочий, обусловленных обязанностями взыскания налоговых платежей, от одного учреждения другому. Сбором налогов и пошлин занимались, в частности, Министерство финансов, Министерство государственного имущества и земледелия, органы государственного контроля, отдельные министерства. Вопросами организации сбора финансовых поступлений занимались правительственные учреждения, административно-финансовые органы, органы местного самоуправления.

Сложная система устройства фискальных органов была обусловлена особым статусом государственных органов. Государственным учреждениям были переданы две финансово-хозяйственные функции: сбора налогов и расходования государственных средств. Указанные органы вели учет доходов и расходов, осуществляли расчет предполагаемых доходов, готовили документы финансовой отчетности для правительственных учреждений. Так, Сметные правила от 22 мая 1862 года устанавливали особый порядок определения доходности местного земского, городского, а также сословного бюджета. Данная сумма исчислялась с учетом: а) доходов и расходов сословий или обществ на их собственные надобности, а также сумм, назначаемых на удовлетворение губернских и частных земских повинностей; б) доходов и расходов отдельных благотворительных учреждений или государственных доходов в виде пособия и иных указанных законом источников; в) денежных средств, отводимых для специальных целей, к которым преимущественно относились пожертвования и иные доходы, состоявшие под наблюдением правительства.

Расход денежных средств производился с учетом потребностей государства, принимались во внимание местные традиции и обычаи. По окончании произведенных расходов государственные чиновники были обязаны впоследствии представить соответствующие отчетные документы. Аналогичные обязанности вменялись и при сборе налогов. Функция сбора налогов сводилась не только к взиманию установленного налога, сбора или пошлины, но и нередко сочеталась с обязанностями определения источников доходов, изучения доходности промысла, распределения налога по лицам, освобождения от уплаты недоимок по налогам и т.д.

Государственные учреждения наделялись правами определения окончательного размера доходов, установления срока поступления сбора, осуществления контроля за своевременным поступлением средств. Право проверки правильности расчетов, обоснованности взимания налога, право надзора за движением денежных сумм принадлежало учреждениям государственного контроля. В систему сборов налогов включались различные объединения и общественные союзы (крестьянские сельские сходы, дворянские собрания и др.).

Перед финансовыми учреждениями стояла задача сохранения доходности облагаемого налогом промысла. Нельзя было допустить, чтобы применяемые налоги привели к несостоятельности плательщика, поскольку это вело к уменьшению общественного благосостояния. Процедура взимания налога должна была наносить минимальный ущерб плательщику. Не позволялось брать сверх меры, облагать физическое либо юридическое лицо налогом, непредусмотренным законодательством.

Основным документом, регламентирующим деятельность финансовых органов, являлась ежегодно составляемая роспись государственных доходов и расходов. На основании данного законодательного акта министром финансов готовился исходный план покрытия и удовлетворения государственных расходов. Данный документ носил предположительный характер и составлялся с учетом выяснения обстоятельств и условий исполнения государственного бюджета. Максимальные размеры налогов определялись на основании изучения местных промыслов (областей и местностей), этнического состава населения. Учитывались и такие факторы, как концентрация производства, ожидаемые цены на урожай и сезонную продукцию, особенности производства, состояние местного бюджета и т.д.

Ежегодно составляемая государственная роспись детально перечисляла основные источники покрытия государственных расходов. Так, например, Государственная роспись Российской империи за 1910 год различала следующие статьи доходов: 1) прямые налоги: налоги поземельные с недвижимых имуществ и подати – 67 804 389 рублей; государственный промысловый налог – 107 337 100; сбор с доходов от денежных капиталов – 23 105 000; 2) косвенные налоги: сбор с питей – 40 214 000; табачный доход – 57 049 500; доход от обложения папиросных гильз и разрезанной папиросной бумаги – 5 027 000; сахарный доход – 124 805 000; нефтяной доход – 41 045 200; спичечный доход – 18 015 750; таможенный доход – 284 055 000; 3) пошлины: гербовые, судебные, канцелярские и с записи документов – 74 600 100; с переходящего имущества – 34 675 000; с товаров и судов в портах – 3 170 000; с пассажиров и грузов, перевозимых по железным дорогам, – 22 900 000; с застрахованного от огня имущества – 5 300 000; пошлины с разных наименований – 4 967 898; 4) правительственные регалии: горный доход – 358 700; монетный доход – 3 393 500; почтовый доход – 59 372 050; телеграфный и телефонный доход – 27 730 000; доход от казенной винной операции – 718 768 000; 5) казенные имущества и капиталы: оброчные статьи и промыслы – 32 846 304; лесной доход – 67 314 400; казенные железные дороги – 568 154 100; казенные заводы, технические заведения и склады – 18 996 295; прибыли от принадлежащих казне капиталов и банковских операций – 407 788 289; прибыли от участия казны в доходах частных железных дорог – 2 281 000; 6) отчуждение государственных имуществ: доход от продажи недвижимого имущества – 1 480 823; 7) выкупные платежи: от бывших помещичьих, удельных, государственных крестьян – 722 700; 8) возмещение расходов государственного казначейства: обязательные платежи общественных железных дорог – 14 306 313; возврат ссуд и других расходов – 44 637 098; пособия государственному казначейству из государственных источников – 31 657 390; военные вознаграждения – 10 692 405 (Иловайский, 1912: 256).

Исполнением росписи занимались органы финансового управления: Казенные палаты, податные присутствия, квартирные присутствия, земские (городские) управы и прочие учреждения. Финансовые учреждения составляли окладные листы, направляли их плательщикам налога – частным лицам, акционерным предприятиям, объединениям и союзам. В конце года Министерство финансов подводило итоги исполнения государственных росписей доходов и расходов, в которых содержались окончательные данные о налоговых поступлениях.

При составлении окладных листов учитывались недоимки по налогам и сборам. Расследование недоимок производилось по каждому случаю отдельно и велось на основании заявлений управляющих Казенными палатами. После расследования принималось решение либо о прощении недоимки, либо о беспорном ее взыскании. Данное решение могло быть обжаловано в Министерстве финансов.

Если в ходе расследования выяснялось, что плательщик налога не способен в силу объективных обстоятельств рассчитаться с фискальными органами, то он мог быть освобожден от его уплаты. Прощение недоимки являлось проявлением особой милости государственной власти к провинившемуся плательщику. Налоговая амнистия была, как правило, приурочена к особо торжественным случаям. Так, широкий общественный резонанс вызвал «Высочайший Манифест о прощении недоимок по окладным сборам, по подушной подати по всей Империи, по кибиточному сбору и подымной подати в Кубанской и Тверской областях и в Западной Сибири, поясочному сбору и оборочной подати <...> выкупным платежам всех размеров и др.» от 15 мая 1883 года (Толкушкин, 2001: 97).

Непосредственно на местах сбором налогов занималось Особое присутствие о земских повинностях. В состав данного органа входили губернатор, губернские предводители дворянства, председатель Казенной палаты, управляющий Палатой государственных имуществ, городской голова губернского города. Особые присутствия занимались рассмотрением и составлением денежных смет, проверкой отчетов по земским повинностям (Толкушкин, 2001: 81).

В общую структуру учреждений и ведомств, осуществлявших взыскание налоговых платежей, входили также присутствия по квартирному налогу, присутствия по промысловому налогу, присутствия по налогу с недвижимости. Городские присутствия по квартирному налогу осуществляли следующие мероприятия: непосредственно участвовали в операциях по извлечению квартирного налога, накладывали установленные законом взыскания за несвоевременную уплату налога, проводили проверку арифметических подсчетов, осуществляли распорядительные операции по перечислению налогов, участвовали в составлении окладных листов.

Присутствие по промысловому налогу занималось исключительно вопросами взыскания налогов с промышленных и торговых предприятий и промыслов. Налоги с предприятий и промыслов взимались в форме уплаты окладов, а также в форме раскладочного сбора. Присутствия по промысловому налогу подчинялись Казенной палате. В состав губернского присутствия по промысловому налогу входили губернатор, вице-губернатор, председатель губернской земской управы, управляющий Казенной палатой, прокурор местного окружного суда, управляющий акцизными сборами и др.

Столь представительный состав присутствия по промысловому налогу объяснялся повышенной значимостью промыслового налогообложения, поскольку он формировал основную массу собираемых средств в городах и на местах. Кроме того, большинство предприятий были связаны кредитными обязательствами с государственными и частными банками (Яснопольский, 1912: 285). Промысловые налоги взимались с крупных торговых и промышленных предприятий, акционерных обществ и товариществ.

Помимо единой государственной сметы доходов и расходов, финансовые органы рассматривали и утверждали специальные сметы, к разряду которых относились капиталы отдельных сословий и групп населения. Таковыми, в частности, являлись крестьянский и калмыцкий капиталы, капиталы и доходы духовенства, капиталы казачьих войск, продовольственный капитал, общественный капитал иностранных поселенцев и коннозаводских крестьян, частный хозяйственный капитал поселян южного края, мирской капитал вспомогательных и сберегательных касс (Лебедев, 1893: 769). Сословные сборы и доходы не являлись налогами в прямом смысле слова, поскольку окончательные объемы собираемых средств определялись исходя из потребностей отдельных слоев населения. В ряде случаев государственным учреждениям не было известно об объемах исполнения специальных росписей, так как данные сведения не имели государственной значимости.

Статьи доходов местного и сословного капитала формировались за счет взимания данных сборов с физических либо юридических лиц. Последние уплачивали данные взносы совместно с общими налогами. В некоторых областях капиталы входили в общие городские и земские сметы и обозначались как отдельные денежные средства.

Значительным по размерам являлся духовный капитал. В целях поддержания церковных иерархий составлялись отдельные росписи доходов монастырей, архиерейских домов, соборов и церквей. Сюда же включались суммы попечительства о призрении бедных православного исповедания, сборы с недвижимых имуществ и капиталов армяно-григорианского и евангелическо-

лютеранского духовенства, кошелевый, кружечный сбор православных церквей, еврейский коробочный и свечной сбор, сборы за совершение браков. Денежные средства от данной деятельности поступали в распоряжение Святейшего синода (Лебедев, 1893: 770). С февраля 1861 года законодательно был учрежден крестьянский капитал, который формировался на основе поступавших от крестьян выкупных платежей и участвовал в поддержке крестьянских хозяйств. Значительная часть средств данного денежного фонда, согласно государственной росписи, перечислялась государственному казначейству.

5. Заключение

Исторический анализ показывает, что законодательное регулирование налоговых отношений дореволюционной России осуществлялось посредством различных законодательных актов, закреплявших порядок взыскания налоговых платежей и сборов. В целом фискальная политика, проводимая государственными учреждениями, характеризовалась следующими признаками: крайняя централизация органов финансового управления, полная подотчетность местных финансовых учреждений органам государственного контроля, разделение всей совокупности налогов и сборов на местные налоги и государственные, неравномерность налогообложения между отдельными группами населения и сословиями, перенесение тяжести налогового бремени на низшие сословия (крестьян, горожан и др.), участие представительных и сословных органов в распределении налогового бремени.

Литература

- Ананьич, 1970 – Ананьич Б.В. Россия и международный капитал. 1897–1914: очерки истории финансовых отношений. Ленинград: Наука, 1970. 316 с.
- Баулин, 2006 – Баулин С.В. Теория и история налогообложения. Москва: Экономистъ, 2006. 319 с.
- Беляев, 1999 – Беляев И.Д. История русского законодательства. СПб., 1999. 639 с.
- Боголепов, 1925 – Боголепов Д.П. Краткий курс финансовой науки. Харьков: Пролетарий, 1925. 280 с.
- Буковецкий, 1962 – Буковецкий А.И. «Свободная наличность» и золотой запас царского правительства в конце XIX – начале XX в. // Труды Ленинградского отделения Института истории АН СССР. М.-Л., 1962. Вып. 4. С. 359-376.
- Горлов, 1845 – Горлов И.И. Теория финансов. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1845. 272 с.
- Ерошкин, 1983 – Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России / Учебник для студентов по специальности «историкоархивоведение». М., 1983. 240 с.
- Захаров и др., 2006 – Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шаццлло М.К. История налогов в России. IX – начало XX в. М.: РОССПЭН, 2006. 296 с.
- Иловайский, 1912 – Иловайский С.И. Учебник финансового права. Одесса. 1912. 616 с.
- Канкрин, 1894 – Канкрин Е.Ф. Очерки политической экономии и финансов. СПб., 1894. 316 с.
- Капустин, 1879 – Капустин М. Чтения о политической экономии и финансах. Ярославль, 1879. 372 с.
- Козлов, Дмитриева, 1999 – Козлов С.А., Дмитриева З.Д. Налоги в России до XIX века. Курс лекций и материалы для семинарских занятий. СПб., 1999. 286 с.
- Коняев, 1959 – Коняев А.И. Финансовый контроль в дореволюционной России (Очерки истории). Москва: Госфиниздат, 1959. 164 с.
- Коркунов, 1904 – Коркунов Н.М. Русское государственное право: Введение и общая часть. Т. 1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1904. 573 с.
- Кулишер, 1923 – Кулишер И.М. Очерк истории русской торговли. Петербург: Атений, 1923. 318 с.
- Лебедев, 1893 – Лебедев В.А. Финансовое право. Том 1. СПб., 1893. 545 с.
- Львов, 1887 – Львов Д. Курс финансового права. Казань. 1887. 537 с.
- Майбуров, 2011 – Майбуров И.А. Теория и история налогообложения. М., 2011. 237 с.
- Мейер, 1914 – Мейер Д.И. Русское гражданское право. Петроград, 1914. 790 с.
- Озеров, 1917 – Озеров И.Х. Основы финансовой науки. М.: Типография Тов-ва И.Д. Сытина, 1917. 544 с.
- Петров, 2009 – Петров Ю.И. Фискальные органы в истории налогообложения в России, IX–XIX века. Москва: URSS : Ленанд. 2016. 233 с.
- Петухова, 2009 – Петухова Н.Е. История налогов России. М., 2009. 214 с.
- Погребинский, 1954 – Погребинский А.П. Очерки истории финансов дореволюционной России (XIX–XX вв.) Москва: Госфиниздат, 1954. 268 с.
- Положение..., 1863 – Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов. СПб., 1863. 35 с.
- Пушкарева, 2003 – Пушкарева В.М. История мировой и русской финансовой науки и политики. М.: Финансы и статистика, 2003. 269 с.

- Рейнгольд, 1926 – *Рейнгольд И.И.* Бюджет СССР и царской России. Москва: Финансовое издательство НКФ СССР, 1926. 42 с.
- Сапилов, 2001 – *Сапилов Е.В.* Государственные доходы, расходы, налоги в дореволюционной России (1898–1914 гг.) Институт экономики Российской академии наук. Центринформ. М., 2001. 161 с.
- Свод законов Российской Империи, 1893 – Свод законов Российской Империи. Т. 5: Уставы о прямых налогах, о пошлинах и об акцизных сборах. Санкт-Петербург. 1893. 328 с.
- Тарасов, 1889 – *Тарасов И.Т.* Очерк науки финансового права: Введение. Конспект лекции. Ярославль: 1889. 211 с.
- Толкушкин, 2001 – *Толкушкин А.В.* История налогов в России. М.: Юристъ, 2001. 432 с.
- Тургенев, 1818 – *Тургенев Н.* Опыт теории налогов. СПб., 1818. 368 с.
- Удинцов, 1907 – *Удинцов В.А.* Русское торгово-промышленное право. Киев, 1907. 635 с.
- Устав о прямых налогах, 1903 – Устав о прямых налогах. СПб., 1903. 250 с.
- Устав о земских повинностях, 1914 – Устав о земских повинностях. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1914. 436 с.
- Ушак, 2009 – *Ушак Н.В.* Теория и история налогообложения. М.: Кнорус, 2009. 328 с.
- Ходский, 1901 – *Ходский Л.В.* Основы государственного хозяйства. Пособие по финансовой науке. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1901. 568 с.
- Шитов, 2016 – *Шитов В.Н.* История финансов России. М.: Кнорус, 2016. 156 с.
- Яснопольский, 1912 – *Яснопольский Л.Н.* Очерки русского бюджетного права. М.: Издание В.П. Рябушинского, 1912. 298 с.
- Янжул, 1890 – *Янжул И.И.* Основные начала финансовой науки. Учение о государственных доходах (в двух выпусках). СПб.: Типография М.М. Стасюлевича. 1890. 541 с.

References

- Anan'ich, 1970 – *Anan'ich, B.V.* (1970). Rossiya i mezhdunarodnyi kapital. 1897–1914: ocherki istorii finansovykh otnoshenii [Russia and International capital. 1897–1914: Essays on the history of financial relations]. Leningrad: Nauka, 316 p. [in Russian]
- Baulin, 2006 – *Baulin, S.V.* (2006). Teoriya i istoriya nalogooblozheniya [Theory and history of taxation]. Moskva: Ekonomist, 319 p. [in Russian]
- Belyaev, 1999 – *Belyaev, I.D.* (1999). Istoriya russkogo zakonodatel'stva [The history of the Russian legislation]. SPb. 639 p. [in Russian]
- Bogolepov, 1925 – *Bogolepov, D.P.* (1925). Kratkii kurs finansovoi nauki [Short course of financial science]. Khar'kov: Proletarii. 280 p. [in Russian]
- Bukovetskii, 1962 – *Bukovetskii, A.I.* (1962). «Svobodnaya nalichnost'» i zolotoi zapas tsarskogo pravitel'stva v kontse XIX – nachale XX v. ["Free cash" and the gold reserves of the tsarist government in the late XIX – early XX century]. Trudy Leningradskogo otdeleniya Instituta istorii AN SSSR. M.; L. Vyp. 4. Pp. 359-376. [in Russian]
- Eroshkin, 1983 – *Eroshkin, N.P.* (1983). Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdenii dorevolutsionnoi Rossii [History of state institutions of pre-revolutionary Russia]. Uchebnik dlya studentov po spetsial'nosti «istorikoarkhivovede-nie». M. 240 p. [in Russian]
- Gorlov, 1845 – *Gorlov, I.I.* (1845). Teoriya finansov [Theory of Finance]. Sankt-Peterburg. Tip. I. Glazunova. 272 p. [in Russian]
- Ilovaiskii, 1912 – *Ilovaiskii, S.I.* (1912). Uchebnik finansovogo prava [A Textbook of financial law. Odessa. 616 p. [in Russian]
- Kankrin, 1894 – *Kankrin, E.F.* (1894). Ocherki politicheskoi ekonomii i finansii [Essays on political economy and Finance]. SPb. 316 p. [in Russian]
- Kapustin, 1879 – *Kapustin, M.* (1879). Chteniya o politicheskoi ekonomii i finansakh [Essays on political economy and Finance]. Yaroslavl'. 372 p. [in Russian]
- Khodskii, 1901 – *Khodskii, L.V.* (1901). Osnovy gosudarstvennogo khozyaistva. Posobie po finansovoi nauke [Fundamentals of state economy. Handbook of financial science]. SPb.: Tip. M. Stasyulevicha, 568 p. [in Russian]
- Konyaev, 1959 – *Konyaev, A.I.* (1959). Finansovyi kontrol' v dorevolutsionnoi Rossii: (Ocherki istorii) [Financial control in Pre-revolutionary Russia: (Essays on History)]. Moskva: Gosfinizdat. 164 p. [in Russian]
- Korkunov, 1904 – *Korkunov, N.M.* (1904). Russkoe gosudarstvennoe pravo: Vvedenie i obshchaya chast' [Russian state law: Introduction and General part]. T. 1. SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 573 p. [in Russian]
- Kozlov, Dmitrieva, 1999 – *Kozlov, S.A., Dmitrieva, Z.D.* (1999). Nalogi v Rossii do XIX veka. Kurs lektsii i materialy dlya seminarikh zanyatii [Taxes in Russia before the XIX century. Course of lectures and materials for seminars]. SPb. 286 p. [in Russian]
- Kulisher, 1923 – *Kulisher, I.M.* (1923). Ocherk istorii russkoi trgovli [Essay on the history of Russian trade] Peterburg: Ateney. 318 p. [in Russian]

- [Lebedev, 1893](#) – *Lebedev, V.A.* (1893). *Finansovoe pravo. Tom 1* [Financial law. Volume 1]. S.-Peterburg, 545 p. [in Russian]
- [L'vov, 1887](#) – *L'vov, D.* (1887). *Kurs finansovogo prava* [Course in financial law]. Kazan', 537 p. [in Russian]
- [Maiburov, 2011](#) – *Maiburov, I.A.* (2011). *Teoriya i istoriya nalogooblozheniya* [Theory and history of taxation]. M. 237 p. [in Russian]
- [Meier, 1914](#) – *Meier, D.I.* (1914). *Russkoe grazhdanskoe parvo* [Russian civil law]. Petrograd, 790 p. [in Russian]
- [Ozerov, 1917](#) – *Ozerov, I.Kh.* (1914). *Osnovy finansovoi nauki* [Fundamentals of financial science]. M.: Tipografiya Tov-va I.D. Sytina, 544 p. [in Russian]
- [Petrov, 2016](#) – *Petrov, Yu.I.* (2016). *Fiskal'nye organy v istorii nalogooblozheniya v Rossii, IX–XIX veka* [Fiscal authorities in the history of taxation in Russia, IX–XIX centuries]. Moskva: URSS: Lenand. 233 p. [in Russian]
- [Petukhova, 2009](#) – *Petukhova, N.E.* (2009). *Istoriya nalogov Rossii* [History of taxes of Russia]. M., 214 p. [in Russian]
- [Pogrebinskii, 1954](#) – *Pogrebinskii, A.P.* (1954). *Ocherki istorii finansov dorevolutsionnoi Rossii. (XIX–XX vv.)* [Essays on the history of finance in pre-revolutionary Russia. (XIX–XX centuries)]. Moskva: Gosfinizdat. 268 p. [in Russian]
- [Polozhenie..., 1863](#) – *Polozhenie o poshlinakh za pravo trgovli i drugikh promyslov* [Regulations on duties for the right to trade and other trades]. SPb. 35 p. [in Russian]
- [Pushkareva, 2003](#) – *Pushkareva, V.M.* (2003). *Istoriya mirovoi i russkoi finansovoi nauki i politiki* [History of world and Russian financial science and politics]. M.: Finansy i statistika, 269 p. [in Russian]
- [Reingol'd, 1926](#) – *Reingol'd, I.I.* (1926). *Byudzhet SSSR i tsarskoi Rossii* [Budget of the USSR and Tsarist Russia]. Moskva: Finansovoe izdatel'stvo NKF SSSR, 42 p. [in Russian]
- [Sapilov, 2001](#) – *Sapilov, E.V.* (2001). *Gosudarstvennye dokhody, rashkody, nalogi v dorevolutsionnoi Rossii (1898–1914 gg.)* [Public revenues, spending and taxes in pre-revolutionary Russia (1898–1914)]. Institut ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk. Tsentrinform. M., 161 p. [in Russian]
- [Shitov, 2016](#) – *Shitov, V.N.* (2016). *Istoriya finansov Rossii* [Istoriya finansov Rossii]. M.: Knorus. 156 p. [in Russian]
- [Svod zakonov Rossiiskoi Imperii, 1893](#) – *Svod zakonov Rossiiskoi Imperii T. 5: Ustavy o pryamykh nalogakh, o poshlinakh i ob aktsiznykh sborakh* [Code of Laws of the Russian Empire. Vol. 5: Statutes on direct taxes, duties and excise duties]. S.-Peterburg. 328 p. [in Russian]
- [Tarasov, 1889](#) – *Tarasov, I.T.* (1889). *Ocherk nauki finansovogo prava: Vvedenie. Konspekt lektsii* [Essay on the science of financial law: Introduction. Lecture notes]. Yaroslavl, 211 p. [in Russian]
- [Tolkushkin, 2001](#) – *Tolkushkin, A.V.* (2001). *Istoriya nalogov v Rossii* [History of taxes in Russia]. M.: Yurist, 432 p. [in Russian]
- [Turgenev, 1818](#) – *Turgenev, N.* (1818). *Opyt teorii nalogov* [Experience of the theory of taxes]. SPb. 368 p. [in Russian]
- [Udintsov, 1907](#) – *Udintsov, V.A.* (1907). *Russkoe trgovno-promyshlennoe parvo* [Russian commercial and industrial law]. Kiev, 635 p. [in Russian]
- [Ushak, 2009](#) – *Ushak, N.V.* (2009). *Teoriya i istoriya nalogooblozheniya* [Theory and history of taxation]. M.: Knorus, 328 p. [in Russian]
- [Ustav o pryamykh nalogakh, 1903](#) – *Ustav o pryamykh nalogakh* [Charter on direct taxes, 1903-Charter on direct taxes]. SPb, 250 p. [in Russian]
- [Ustav o zemskikh povinnostyakh, 1914](#) – *Ustav o zemskikh povinnostyakh* [The Charter on zemstvo duties]. SPb.: Tipografiya V.F. Kirshbauma, 436 p. [in Russian]
- [Yanzhul, 1890](#) – *Yanzhul, I.I.* (1890). *Osnovnye nachala finansovoi nauki. Uchenie o gosudarstvennykh dokhodakh (v dvukh vypuskakh)* [Basic principles of financial science. The doctrine of state revenue (in two issues)]. SPb. Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 541 p. [in Russian]
- [Yasnopol'skii, 1912](#) – *Yasnopol'skii, L.N.* (1912). *Ocherki russkogo byudzhetnogo prava* [Essays of Russian budget law]. M.: Izdanie V.P. Ryabushinskogo, 298 p. [in Russian]
- [Zakharov i dr., 2006](#) – *Zakharov, V.N., Petrov, Yu.A., Shatsillo, M.K.* (2006). *Istoriya nalogov v Rossii. IX – nachalo XX v.* [History of taxes in Russia. IX – the beginning of the XX century]. M.: ROSSPEN. 296 p. [in Russian]

Законодательное регулирование налоговых отношений в Российской империи (конец XIX – начало XX веков)

Владислав Федорович Антонов ^{а, *}

^а Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Российская Федерация

Аннотация. Представленная статья посвящена организации и принципам деятельности фискальных учреждений дореволюционной России. В исследовании показывается историко-правовая обусловленность ряда законодательных актов, обеспечивающих поступление денежных доходов в государственные учреждения, анализируются научные подходы к сущности и назначению налоговых платежей в изучаемый период. Последовательно рассматриваются законодательные акты, отражающие и закрепляющие эволюцию налогового законодательства дореволюционного периода. С привлечением широкого круга исторических документов проанализированы особенности взыскания отдельных налоговых платежей и сборов. Освещаются теоретические аспекты организации деятельности системы фискальных учреждений, рассматривается система финансовых органов, занимавшихся вопросами налогообложения. Анализ исторических источников свидетельствует о сбалансированности доходов и расходов, обеспечивавших деятельность государственных учреждений. Обращается внимание на то, что налоговое законодательство дореволюционного периода исходило из необходимости участия всех общественных классов в процессах формирования доходной части бюджета. Фискальные учреждения осуществляли контроль за поступлением денежных средств, обеспечивающих покрытие государственных расходов. Основное внимание уделяется специфике нормативно-правовой базы в сфере регулирования налогообложения, а также вопросам взаимодействия государственных органов при осуществлении фискальной функции. Особенности налоговой системы дореволюционной России проявлялись в централизованном управлении государственными финансами, предназначенными для решения важнейших государственных вопросов. Приводится характеристика нормативно-правовых актов, регламентировавших процедуру взыскания налогов и сборов. Исследование подготовлено на основании широкого комплекса исторических материалов, отражающих организационные и правовые вопросы деятельности финансовых учреждений дореволюционной России. На примере конкретных законодательных актов раскрывается социально-экономическое содержание отдельных видов налогообложения. Система законодательных актов исследуется в связи с политической и экономической обстановкой рассматриваемого периода.

Ключевые слова: налоги, сборы, налогообложение, финансы, государственная роспись, законодательные акты, государственные органы, налоговое законодательство.

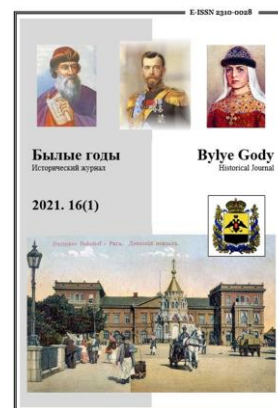
* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: 5592606@bk.ru (В.Ф. Антонов)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 343-356.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.343
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Journal «North» (1903) as a Historical Source: the Issue of Education Reform in the Russian Empire

Natalia P. Koptseva ^{a, *}, Natalia N. Seredkina ^a

^aSiberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article discusses the possibilities of «The North» Journal to be a reliable historical source on the events of the educational reform in the Russian Empire in 1903. The main types of publications in this journal, reflecting the features of the educational reform in the Russian Empire, are considered. The main problematic of journal articles are revealed, which raise the problems of the high status of teachers, current events in the schools of the Russian Empire, and consider social events in the field of education. The article considers various elements of publications in the Sever magazine as separate types of historical sources. As a result, the main problems that are posed and solved by the authors of the articles are highlighted. Much attention is paid to the instructions of Emperor of All Russia Nikolai II Alexandrovich to improve education in the Russian Empire. Sever magazine focuses on the moral qualities of a teacher and a teacher, the authors of the articles proceed from the fact that being a teacher is a highly spiritual mission. Special attention is paid to the problems of education in rural areas. The authors of the articles give their own assessments of current educational events. The analysis showed that various publications in the journal «The North» are significant historical sources on the history of the educational reform in the Russian Empire in 1903.

Keywords: journal «The North», Russian Empire, 1903, Educational Reform, Emperor of All Russia Nikolai II Alexandrovich, Russian teacher, Russian education.

1. Введение

Реформы российского образования XIX – начала XX веков представляют большой интерес для ученых. Во многом он обусловлен стремлением понять и при необходимости учесть опыт прошлого в рамках модернизации современного образования (Катунцев, 2005; Сысоева, 2010; Гончаров, 2011; Паладьева, 2013). Основными источниками для исследований в данном направлении являются официальные документы. Периодическая печать получает в данном аспекте не столь пристальное внимание, тогда как средства массовой информации представляют собой один из значимых социальных институтов (Рынков, 2010: 48). Именно в периодике публикуются текущие реалии общественной, культурной и политической жизни, являющиеся маркерами конкретной эпохи. Данная статья посвящена анализу группы источников по теме образования, опубликованных в еженедельном обозрении политической и общественной жизни «Север» в 1903 году. В начале XX века вопрос образования в России стоял особо остро. Нередко обсуждение реформ образования выносилось на страницы прессы, и журнал «Север» не стал исключением, освещая вопросы образования достаточно широко.

2. Материалы и методы

2.1. Основным источником для исследования стало одно из приложений журнала «Север», основателем которого был В.С. Соловьев. Данное приложение представляло собой еженедельное обозрение политической и общественной жизни. В выборку вошли тексты, посвященные теме

* Corresponding author

E-mail addresses: decanka@mail.ru (N.P. Koptseva)

образования. Временные рамки нашей выборки ограничены 1903 годом, одним из периодов, в течение которого активно разрабатывались проекты реформирования системы российского образования. Всего в выборку вошли материалы 21 номера. Это 37 источников, опубликованных в номерах № 2–6, 9, 13–15, 17, 24–30, 32–33, 35–36 еженедельного обозрения политической и общественной жизни «Север».

2.2. Теоретическим основанием исследования стал подход к анализу периодической печати как комплексу исторических источников. В основе данного подхода «источниковой» единицей выступает каждая отдельная публикация, а не издание в целом, что позволяет определить все многообразие опубликованных в прессе материалов и специфику каждого из них (Рынков, 2010: 46).

Основным в работе с текстами на всех этапах являлся метод системного анализа. На первом этапе была проведена систематизация выборки текстов по видам источников и жанрам публикаций. На втором – был проведен анализ содержания источников с целью их систематизации по проблематике. На этом этапе был применен также количественный контент-анализ, который был необходим для выявления частотного распределения вопросов, поднимаемых на страницах издания «Север» в рамках темы образования.

3. Обсуждение

Исследованием вопроса реформирования российского образования в XIX – начале XX веков занимались Е.К. Сысоева, Ф.А. Насуцева, А.Н. Поздняков, С.И. Катунцев, А.Ф. Паладьева, В.В. Перцев, И.В. Зубков.

Исторические предпосылки развития системы начального обучения в начале XX века подробно раскрываются С.И. Катунцевым в диссертационном исследовании «Реформы начальной школы России: общественно-политическая мысль и государственная политика второй половины XIX века» (Катунцев, 2005). Хронологические рамки его исследования приходятся на годы правления императоров Александра II и Александра III (1860–1890-е гг.), которые характеризуются С.И. Катунцевым временем закономерного преобразования системы начального народного образования в контексте индустриального развития страны (Катунцев, 2005: 23). Проанализировав большое количество архивных материалов различной направленности, он выделяет три этапа (1864–1874 – первый этап; 1874–1884 – второй этап; 1884–1890-е гг. – третий этап) в процессе реформирования начального российского образования. Каждый из этапов рассматривается автором как в отдельности, со своими особенностями, так и в единстве с другими этапами. В результате И.С. Катунцев формулирует целостное представление о системе начального обучения в России в выделенный период. Данное представление складывается автором на основе выявления позитивных тенденций в развитии начальной школы. Во-первых, И.С. Катунцев фиксирует качественное улучшение преподавания в учебных заведениях к концу XIX века в связи с введением практики повышения квалификации учительского состава. Во-вторых, отмечается увеличение количества начальных учебных заведений и учащихся в них. В-третьих, автору удалось показать динамику развития системы начального обучения: от ситуации нестабильности на первом этапе к достижению большей стабильности и подчиненности педагогических основ образовательного процесса политическим целям государства. Большое внимание уделено исследователем соотношению светского и религиозного подходов к воспитанию и образованию в начальной школе. Согласно И.С. Катунцеву, церковная школа, сыграв положительную роль в распространении грамотности среди сельского населения, тем не менее постепенно стала проигрывать светской земской школе к концу XIX века (Катунцев, 2005: 24). В целом труд И.С. Катунцева ценен тем, что автором фиксируются основные тенденции в системе начального обучения, которые сложились во второй половине XIX века и которые будут определять систему обучения в начале XX века. Это и ведущая роль императора в решении вопросов относительно сроков обучения, содержания и направления образовательных реформ, и выделение в качестве ведущего фактора общественной мысли, и наделение светской школы статусом приоритетной школы, и широкая дискуссионная практика решения вопросов образования.

Проблемам средней школы, а именно гимназического образования в России во второй половине XIX – начале XX веков, посвящает свое исследование В.В. Перцев (Перцев, 2013). Согласно автору, определяющим фактором системы обучения в том или ином типе гимназии являлось преподавание древних языков. Им отводится значимая роль, поскольку знание этих языков давало возможность поступления в высшие учебные заведения. В противовес исследователям советского периода, критикующим деятельность министра народного просвещения Д.А. Толстого, В.В. Перцев находит критику министра не вполне оправданной, поскольку, как отмечает автор, именно при этом министре фактически берет свое начало высшее женское образование в России. Это весьма значимый прорыв в системе образования в России, поскольку отсутствие возможности для женщин получать высшее образование у себя на родине способствовало массовому оттоку женщин за границу (Перцев, 2013: 2). Кроме того, претензии к Толстому в связи с упразднением реальных гимназий также не имеют достаточных оснований, так как они, по мысли В.В. Перцева, не играли важной роли в системе российского образования, тем более что их функции стали нести на себе реальные училища. В целом автором дается высокая оценка системе гимназического образования в России, связанная с тем

фактом, что многие русские выпускники гимназий могли довольно легко продолжить свое образование в европейских странах (Перцев, 2013: 5). Вопросу преподавания древних языков посвящает свое исследование А.Ф. Паладьева, называя период 1898–1905 гг. «периодом углубления кризиса в преподавании древних языков» (Паладьева, 2013: 46). Согласно автору, в результате процесса реформирования школы количество часов на изучение древних языков постоянно уменьшалось, что и привело к ситуации кризиса в области преподавания древних языков в гимназиях на рубеже XIX–XX веков.

Не столь однозначным видят процесс реформирования российского образования в начале XX века исследователи Е.К. Сысоева, А.Н. Поздняков, Ф.А. Насуцева. Согласно ученым, этот процесс характеризуется сложностью и противоречивостью.

Е.К. Сысоева в статье «Общеобразовательная школа в России в условиях модернизации начала XX в.» анализирует систему образования в период с 1861 по 1917 гг. (Сысоева, 2010). Эмпирической базой исследования послужил большой массив архивных данных, на основе которого автору удалось показать противоречивую динамику развития образования в России в данный период. Согласно автору, в образовании со времени отмены крепостного права произошли значительные изменения, связанные, прежде всего, с положительными тенденциями. Это и включение в просветительскую деятельность общественных сил, и расширение сети школ для народа, и, как следствие, увеличение доли грамотных крестьян. Одновременно с этими позитивными изменениями исследователь отмечает сложность процесса реформирования школы в начале XX века в силу столкновения интересов общества, главным образом правящего сословия и не правящего. Согласно автору, ключевыми проблемами, вокруг которых развернулась полемика общественных, педагогических и правящих сил, были введение всеобщего начального образования и его обязательность; реформирование системы общего образования на базе создания единой школы, связанной на всех ступенях преемственностью, дающей своим выпускникам равные возможности для продолжения образования в высших учебных заведениях (Сысоева, 2010: 63).

Вокруг этих же проблем выстраивает свое исследование А.Н. Поздняков (Поздняков, 2013). Внимание автора обращено к дискуссионному характеру реформирования системы образования в России, в частности дискуссиям, которые разворачивались среди научного сообщества и представителей общественности по поводу преподавания в школах латинского и греческого языков, проблемам создания единой школы, ее связи с христианским мировоззрением, а также относительно будущего российского образования, предполагаемой модели реформирования школы. По замечанию автора, особо остро разворачивались дискуссии вокруг состояния среднего образования, его содержания и организационной структуры. Разногласия возникали и по поводу отсутствия связи между образовательными программами гимназий и реальных училищ. Они принципиально различались, что делало невозможным переход из одного учебного заведения в другой (Поздняков, 2013: 121). Согласно взглядам А.Н. Позднякова, модернизация системы российского образования шла путем незначительных изменений в силу нежелания государственной власти, во-первых, «идти в русле ...так называемого общественного мнения» (Поздняков, 2013: 122), во-вторых, идти по пути кардинальной модернизации системы образования, того, что было уже требованием времени и общества. В целом исследование А.Н. Позднякова раскрывает ситуацию в сфере образования в начале XX века с позиции научного сообщества и представителей общественности, современников императора Николая II.

Противоречивость процесса реформирования системы образования в России в конце XIX – начале XX веков отмечается также Ф.А. Насуцовой в статье «Реформы российской школы начала XX века как отражение государственной образовательной политики» (Насуцева, 2014). Причинами подобной ситуации в образовании автор называет сложившийся в это время конфликт между государством и обществом, а также постоянное противостояние реформ и контрреформ (Насуцева, 2014: 45). Тем не менее автор называет эпоху Николая II «временем беспрецедентного в истории нашей страны внимания к образовательным вопросам со стороны государства» (Насуцева, 2014: 45). Главный вопрос, к которому было обращено государство в этот период, состоял в необходимости решения проблемы введения в стране всеобщего начального образования. Данная проблема входила в компетенции министра народного просвещения. Анализ Ф.А. Насуцовой ряда проектов разных министров народного просвещения – Н.П. Боголепова, П.С. Ванновского, Г.Э. Зенгера, В.И. Фармаковского, П.Н. Игнатьева – показывает, насколько данный вопрос был важен для государства. Исследователь рассматривает вопрос системы образования как потенциал, используемый государством в деле модернизации страны. Одновременно с этим отмечается незавершенность и противоречивость реформационного процесса, что объясняется автором как нежелание и неспособность правящих кругов встать на путь последовательного реформирования всех общественных институтов (Насуцева, 2014: 49). Среди позитивных тенденций в области образования при правлении императора Николая II автором отмечается создание сложно дифференцированной системы, включающей в себя разные типы школ, предоставляющих возможность представителям всех слоев общества получать образование, соответствующее их способностям и потребностям.

Исследование И.В. Зубкова посвящено другой стороне процесса реформирования российского образования на рубеже XIX–XX веков, а именно анализу образа учителя. В статье «Общества взаимопомощи учителей в Российской империи (1890–1910-е гг.)» автор характеризует учителя как того, кто не имеет особого значения и признания в обществе (Зубков, 2011). Причинами тому явились материальная необеспеченность учителей, одиночество и разобщенность между собой, правовая незащищенность, неуверенность в своем будущем. Все это стало причиной распространения обществ «взаимного вспомоществования учащим и учившим», являющихся одними из наиболее массовых общественных организаций в Российской империи, важнейшим фактором формирования корпоративного самосознания педагогов (Зубков, 2011: 46, 57). Автор проводит сравнительный анализ деятельности данных обществ различных российских губерний в период с 1890-х по 1910-е годы и приходит к выводу о нестабильности работы обществ в рамках своей профессиональной деятельности, своего предназначения, а именно поддержки учителей как в материальном, так и профессиональном самоопределении. Отмечается тенденция сближения учительских обществ, с одной стороны, с другими, более развитыми и лучше образованными слоями интеллигенции, с другой – превращение профессиональных организаций в политизированные сообщества, имеющие в ряде случаев революционный характер. Подобные сообщества уже служили чуждым своим непосредственным интересам задачам либо вовсе подвергались закрытию. Созданию же полноценных педагогических профсоюзов, как отмечает автор, препятствовали уровень образования и общего развития учителей сельской школы, а также условия их жизни (Зубков, 2011: 53, 57).

В рамках нашего исследования интерес представляют также работы, посвященные анализу периодических изданий эпохи XIX – начала XX веков. В данном направлении работали Д.В. Боднарчук, М.А. Гончаров, В. Полежай, А.Н. Поздняков. Собственно анализу журнала «Север» 1888–1891 годов издания посвящает свои исследования С.А. Васильева.

Издательское дело в XIX – начале XX веков было широко развито. В свет выходили журналы различной тематической направленности. Сегодня данные материалы представляют большую ценность для исследователей, изучающих опыт прошлого (Боднарчук, 2019). Одним из направлений российской периодической печати была педагогическая журналистика, возникшая и активно развивающаяся в XIX веке. Многообразие педагогических журналов того времени показывает в своем исследовании М.А. Гончаров (Гончаров, 2011). Обширность поднимаемых в педагогических журналах тем и проблем позволило автору назвать данный вид издания энциклопедией педагогики, психологии и народного образования (Гончаров, 2011: 55). Педагогические статьи нередко входили в содержание журналов более широкой тематической направленности. Одним из таких журналов являлось издание «Печатное искусство», в котором именно статьи педагогического характера вызывали у читателей наибольший интерес (Полежай, 2011: 50). В целом журнал в эпоху реформирования системы российского образования во второй половине XIX – начале XX веков выступал одним из основных инструментов донесения до общества принятых государством решений. Кроме того, журнал являлся некой площадкой для обширных дискуссий со стороны различных слоев населения. На его страницах публиковались различные точки зрения. Здесь могли выразить свое мнение о теме образования и представители научного сообщества, и представители общественности, и педагоги (Поздняков, 2013). Не исключением был и журнал «Север», начальному периоду существования которого посвящает свои исследования С.А. Васильева (Васильева, 2006; 2007).

Данная работа посвящена анализу содержания еженедельного обозрения политической и общественной жизни «Север» 1903 года издания.

4. Результаты

4.1. Общая характеристика журнала «Север»

Иллюстрированный еженедельный журнал «Север» был основан в конце 1887 года русскими писателями Всеволодом Сергеевичем Соловьевым и Петром Петровичем Гнедичем (Васильева, 2009а: 174). Помимо написания художественных произведений, писатели занимались редакционно-издательской деятельностью (Васильева, 2007е). П.П. Гнедич занимал должность редактора до 1891 года. Ему принадлежала ведущая роль в определении художественного оформления журнала. В.С. Соловьев был руководителем журнала. Под его руководством 1 декабря 1887 года был издан первый рекламный номер журнала «Север» (Васильева, 2007а).

Тематическая направленность журнала во многом была определена основной деятельностью В.С. Соловьева (1849–1903), а именно литературоведением (Ляпина, 2011). В журнале публиковались художественные произведения русских писателей, в том числе и за авторством самого В.С. Соловьева (Васильева, 2009b). Основной функцией журнала была просветительско-воспитательная (Васильева, 2006). Преимуществом пользовались тексты, отражающие исключительно русскую культуру. Таким образом, «Север» выступал как исключительно отечественный и патриотический журнал, что определяло содержание и круг потенциальных авторов статей, преимущественно среди которых были русские писатели, литераторы, журналисты, а также русские художники и граверы.

На первом этапе развития еженедельника указывалось в обязательном порядке авторство каждого текста и рисунка (Васильева, 2007b, c). Рубрики – «Текст» и «Рисунки» – составляли основу

содержания каждого номера журнала за 1888–1890 года. При этом существовало равноправие текста и иллюстраций на его страницах (Васильева, 2007а). Уже с первого номера 1891 года исчезает деление разделов на «Текст» и «Рисунки», появляется нумерация столбцов, исчезает указание авторства текстов и иллюстраций (Васильева, 2007d).

По своей тематике содержание первых номеров журнала отличалось большим разнообразием в силу того, что с самого начала он был ориентирован на «самый широкий круг читателей» (цит. по Васильева, 2007а). Так, первый номер содержал 8 рубрик: беллетристика (издание художественных произведений различных жанров); статьи исторического содержания, биографии, описания достопримечательных древностей; биографии современных деятелей; современное обозрение как политической, так и общественной жизни; литературно-художественная критика и библиография; статьи по науке и искусству; смесь; рисунки как дополнения и объяснения ко всем отделам программы (Васильева, 2007а).

Широта охвата тем, к которым обращается редакция журнала «Север», позволила С.А. Васильевой сравнить содержание издания с росписью (Васильева, 2007b; 2007c). Как в росписи присутствует большое количество разных элементов, так и в журнале «Север» присутствует множество отдельных тем, сопровождающихся тематическими рисунками русских художников, что в своем единстве отличало журнал от всех остальных многочисленных изданий того времени.

За три года своего существования под руководством В.С. Соловьева, с 1888 по 1891 года, журнал стал хорошо известен читателю. Был достигнут достаточно высокий уровень данного издания, сформирована достойная репутация журнала. Однако совмещение высокого качества литературно-художественных публикаций и низкой стоимости журнала оказалось непосильной задачей для В.С. Соловьева. Как замечает С.А. Васильева, это стало основной причиной перехода журнала в другие руки в 1891 году (Васильева, 2007а). С этого года начинается череда смены редакторов: с № 27 1891 г. – В.С. Соловьев (руководитель Е.А. Евдокимов), с № 40 1891 г. – В.А. Тихонов; с 1891 по 1895 гг. – М.К. Ремезов, с № 19 1895 г. редактором работал Н.А. Александров, с 1896 г. право издания журнала перешло Н.Ф. Мертцу. Три года, с 1896 по 1899 гг., он редактировался А.А. Коринфским. Тем не менее журнал просуществовал 26 лет, вплоть до 1914 года.

Отдельно следует сказать о такой структурной единице журнала, как приложения. К журналу «Север» разрабатывались и издавались отдельные самостоятельные издания. Данная практика была введена при В.С. Соловьеве по причине востребованности со стороны читателей необходимости освещения ряда вопросов, которые выходили за рамки литературно-художественного журнала. Разрабатывались приложения, посвященные вопросам парижской моды или ведения хозяйства и домоводства (Васильева, 2007а). За подписку на журнал в 1905 году читатели получили, например, 52 номера иллюстрированного литературно-художественного журнала большого формата; 52 номера обозрения политической и общественной жизни с иллюстрированной хроникой русско-японской войны; 12 номеров журнала «Парижские моды. Хозяйство и домоводство» со множеством рисунков, описаний и полезных указаний; 12 выкроек на отдельных больших листах; 18 книг полного собрания сочинений А.И. Левитова; 10 книг полного собрания сочинений Н.И. Гнедича; 6 книг полного собрания сочинений Т.Н. Грановского; 6 книг полного собрания сочинений Е.А. Ган. Кроме того, годовые подписчики получали бесплатно 2 картины двух художников – К.Ф. Гуна и С.В. Бакаловича. Кроме всего вышеуказанного, подписчики «Севера» могли получить в виде особой премии альбом «Галерея красавиц» в формате журнала «Север», содержащего более 200 картин известных русских и зарубежных художников и пояснительный текст. На этот альбом устанавливалась отдельная цена (5 руб. без доставки и пересылки, 5 руб. 50 к. с доставкой и пересылкой). Однако указывалось, что подписчики «Севера» обладают исключительным правом приобрести это издание за полцены (2 руб. 50 к. без доставки, 3 руб. с доставкой). Иными словами, только добросовестные подписчики, уплатившие в срок подписную стоимость журнала, имели право на приобретение данного издания за полцены.

4.2. Общая характеристика еженедельного обозрения политической и общественной жизни «Север»

Еженедельное обозрение политической и общественной жизни «Север» издавалось в виде самостоятельного приложения (Рисунки 1, 2).

Рис. 1. Начало титульной страницы еженедельного обозрения политической и общественной жизни «Север», 1903

Рис. 2. Начало титульной страницы литературно-художественного журнала «Север», 1903

Данное приложение являлось неотъемлемым структурным элементом литературно-художественного журнала «Север». Выходило оно также один раз в неделю, как и журнал, что свидетельствует о значимости данного приложения для российского общества, о стремлении редакции донести до читателя самые актуальные вопросы не только в сфере литературы и художественной жизни России, но и общественной и политической жизни. Структура расположения постоянных элементов изданий на титульной странице совпадает у обозрения и литературно-художественного журнала: заголовок, вид издания, адрес редакции, стоимость подписки.

Стоит особо обратить внимание на оформлении заголовка в обозрении политической и общественной жизни. Как и на странице литературно-художественного журнала, заголовок выделяется размером и жирным шрифтом. Однако если в журнале заголовок украшен декоративными элементами растительного характера, то в обозрении заголовок представлен на декоративно-орнаментальном фоне, напоминающем государственные знаки отличия: ордена, медали (Рисунки 3, 4).

Рис. 3. Заголовок еженедельного обозрения политической и общественной жизни «Север»

Рис. 4. Заголовок еженедельного литературно-художественного журнала «Север»

Подобное визуальное оформление заголовка обозрения придает изданию официальный характер, подчеркивает его общественно-политическую значимость.

В 1903 году журнал «Север» отмечал свое 16-летие со дня выхода первого номера. Издание в этот период выходило под руководством редактора-издателя Н.Ф. Мертца. Главная контора и редакция журнала находилась в Санкт-Петербурге по адресу: Невский проспект, дом № 170.

По своей специфике вида издания в обозрении (в отличие от литературно-художественного журнала) визуальную материалу отводилось весьма незначительная роль. И рисунки в данном приложении встречаются крайне редко.

Обозрение «Север» выходило с использованием дореформенной орфографии русского языка. В данной статье все цитаты, взятые из анализируемого еженедельника, представлены на языке современного русского языка для удобства восприятия информации.

4.3. Анализ содержания статей еженедельного обозрения политической и общественной жизни «Север» по теме образования: систематизация по видам источников

Систематизация источников по теме образования, опубликованных в обозрении «Север» в 1903 году, была осуществлена на основе общей классификации видов источников периодической печати, выделенной В.М. Рынковым (Рынков, 2010).

Используя данную классификацию как основу, все анализируемые источники «Севера» мы разделили на два вида: повествовательные источники и произведения художественной литературы.

Самой многочисленной является группа повествовательных источников, составляющая 86 % от общего числа выборки. Данная группа представлена жанрами хроники (23 статьи, 62 % от общего числа выборки) и обзора периодических изданий (9 статей, 24 % от общего числа выборки). Произведения художественной литературы (14 %) как вид источника представлен текстами, написанными в жанре очерка (5 статей). Общее распределение статей по видам источников таково: 86 % публикаций – повествовательные источники, 14 % – произведения художественных литературных жанров.

Распределение источников по жанрам представлено следующими пропорциями: 23 источника – это хроника, 9 источников – обзор периодики, 5 источников – очерки. Именно хроника является наиболее частотным жанром, в котором освещается тема образования в обозрении «Север». Данный источник в «Севере» представляет собой информационно-новостную рубрику, предназначение которой состоит в том, чтобы донести до читателя текущие вопросы разного характера, в том числе по теме образования. Подаваемая в хронике информация не всегда основывается на официальных данных. Это может быть и информация, дошедшая до редакции «по слухам». И авторы текстов так и пишут: «По слухам, Санкт-Петербургским комитетом грамотности решено» (Хроника, № 9: 9); «Нам передают, что...» (Хроника, № 2: 12); «Министерством народного просвещения выработаны, как слышно, новые правила...» (Хроника, № 29: 230). Кроме того, в хрониках «Севера» прослеживается увлеченность авторов через использование ими экспрессивно-оценочных суждений («...издан чрезвычайно интересный циркуляр...» (Хроника, № 3: 22) или введение местоимений 1 лица множественного числа («Как мы услышали...» (Хроника, № 14: 110).

Обзор периодических изданий в «Севере» представлен рубрикой «Среди газет и журналов». Это постоянная рубрика еженедельника, в которой публикуются различные точки зрения или новости, опубликованные в других изданиях – газетах или журналах. Наряду с этим, редакция «Севера» предлагает и свою точку зрения, некий «ответ» на поднимаемую в других изданиях тему. Данный комментарий может содержать информацию разъясняющего характера или носить риторический характер.

В жанре очерка в журнале «Север» представлены тексты раздела «Простые речи». Следует заметить, что это не художественные произведения в полном смысле этого слова, несмотря на то, что они отнесены к виду источников «Произведения художественной литературы». В очерках «Севера» сочетаются художественная повествовательность и разговорный стиль, выраженный в речи автора текста, который выступает не как один из персонажей, а как комментатор, поясняющий со стороны описываемую в очерке ситуацию, либо дающий оценку сложившемуся положению дел, либо предлагающего дополнительную информацию по данной проблеме. Кроме того, все очерки «Севера» носят проблемный характер. Это можно заметить и в самих названиях очерков – «Деревенская драма» (№ 5: 35-36), «Злобы дня» (№ 33: 261). Сюжетной основой очерков служат острые проблемы, существующие в реальной жизни и, очевидно, требующие своего решения.

4.4. Анализ содержания статей еженедельного обозрения политической и общественной жизни «Север» на тему образования: систематизация источников по темам

Тема образования освещается в еженедельнике «Север» достаточно широко. В результате анализа выделено 7 вопросов, с позиции которых раскрывается данная тема:

- 1) о реорганизации начального и среднего образования;
- 2) о процессе обучения;
- 3) о высшем образовании;
- 4) о положении сельских учителей;
- 5) о социальном обеспечении учителей;
- 6) о внешкольном народном образовании;
- 7) о юбилеях учебных заведений.

Рассмотрим содержание каждого из выделенных вопросов.

1. О реорганизации начального и среднего образования.

Наиболее обсуждаемой на страницах приложения журнала «Север» является тема реорганизации образования. Ей посвящено 38 % статей от общего количества выборки.

Большая часть материала (71 %) по этому вопросу опубликована в жанре хроники (№ 2, 3 (2 сводки), 4, 9, 13, 14, 15, 24, 29), остальная часть (29 %) представлена в материалах обзора периодических изданий (№ 17, 28, 36) и очерке (№ 33).

Важную роль в реформировании системы образования играл император Николай II. Еще в 1901 году он призвал министерства приступить к пересмотру системы образования. В 1903 году «Север» в 15 номере в рубрике «Правительственные сообщения» публикует поручения императора управляющему Министерством народного просвещения, которые определили приоритетные направления развития российского образования. В частности, в данном списке указаний затрагивается вопрос о необходимости актуализации учебных планов гимназий и реальных училищ (греческий язык становился необязательным предметом для изучения), об утверждении сроков обучения в различных типах учебных заведениях, о возможности поступления в высшие учебные заведения после окончания средней школы («...усвоение гимназического курса открывает доступ к высшему университетскому образованию», окончание седьмого класса реального училища «открывает доступ в высшие технические заведения» ([Правительственное сообщение, № 15: 114-115](#))).

Кроме того, оговаривается необходимость развития технического и профессионального образования в сторону практикоориентированного подхода, удовлетворения «практических потребностей жизни» (там же).

Рекомендуется разработать способы религиозно-нравственного и воспитательного воздействия школ на учащихся, укрепления в них «преданности русской государственности и народности» (там же). Наконец, затрагивается вопрос о целесообразной подготовке учителей для соответствующих типов школ.

Таким образом, образовательная реформа предопределена самим Николаем II, который уделял этому вопросу особое внимание. В рамках указанных поручений министру народного просвещения разрабатываются законодательные проекты реорганизации образования.

В еженедельном обозрении политической и общественной жизни «Север» за 1903 год приводится описание ряда подобных проектов, раскрывающих содержание процесса реорганизации образования.

Во-первых, предполагалось расширить программы обучения в ряде учебных заведений, а также актуализировать учебные планы. В частности, в художественных училищах предлагалось увеличить число лет обучения и соответственно расширить содержание программы ([Хроника, № 2: 12](#)). Особое внимание уделялось сельскохозяйственным школам. В них корректируется содержание обучения в сторону усиления распространения в народе именно сельскохозяйственных знаний. Преобразовать сельскохозяйственные школы необходимо было «в целях наибольшего их приспособления к удовлетворению местных нужд крестьян по сельскому хозяйству и сельской промышленности» ([Хроника, № 4: 28](#)).

По отношению к сельскохозяйственному образованию вводится новое положение, согласно которому организуется особый практико-ориентированный тип сельскохозяйственных училищ. Задача данных «практических школ» состояла в том, чтобы подготовить техников и рабочих по различным отраслям сельского хозяйства. В зависимости от характера специальной подготовки разрабатывались курсы от одного до трех лет ([Хроника, № 9: 9](#)). Насколько сельскохозяйственному направлению в системе российского образования уделялось внимание, можно судить по тому, что даже в церковно-приходских школах предлагалось ввести практику преподавания сельского хозяйства. С целью поддержки учителей, преподающих сельскохозяйственные предметы, вводились особые «награды» в виде дополнительного дохода «до 10 % с вырученных от продажи растений и семян сумм» ([Хроника, № 3: 22](#)).

Актуализация учебных планов классических гимназий связана была, главным образом, с уменьшением количества часов на изучение классических языков, в особенности греческого. Отмечается постепенная тенденция его вытеснения новыми языками – французским и немецким ([Простые речи, № 33: 261](#)). Сохранение в учебном плане греческого языка рассматривалось нецелесообразным в силу того, что желающих его изучать становилось все меньше и меньше, а возможность оплачивать работу преподавателя с небольшим классом ставилась под сомнение ([Среди газет и журналов, № 36: 280](#)).

Во-вторых, реорганизация образования предполагала открытие как новых структурных единиц внутри уже существующих учебных заведений, так и открытие совершенно нового типа учебных заведений. Так, например, при художественных училищах предполагалось организовать «обширные художественные музеи и целый ряд практических художественных мастерских для усовершенствования учащихся» ([Хроника, № 2: 12](#)). Разрабатывался также вопрос об учреждении школ корзиночного дела. С этой целью предлагалось открыть при народных школах ремесленные отделения по изготовлению плетеных изделий. Ввиду данного нововведения возникает потребность подготовки учителей. С этой целью вводятся соответствующие занятия в тех общеобразовательных и специальных заведениях народного просвещения, в которых преподаются сельскохозяйственные предметы ([Хроника, № 13: 102](#)). Разрабатываются правила организации бесплатных народных библиотек, разрешение на открытие которых будет зависеть от директоров народных училищ ([Хроника, № 29: 230](#)). Сообщается также об учреждении нового женского коммерческого училища: «В августе нынешнего года в Петербурге открывается первое женское коммерческое училище ведомства министерства финансов... Первое время училище будет семиклассное, впоследствии же –

восьмиклассное..., кроме предметов общеобразовательных и коммерческих наук, будут преподаваться языки: немецкий, французский и английский» (Хроника, № 24: 189). По своей программе общеобразовательного курса училище было схоже с женской гимназией, поэтому выпускницам училища также предоставлялось право поступать на высшие женские курсы и в женский медицинский институт.

В-третьих, в текстах, посвященных вопросу реорганизации образования, немалое внимание уделено роли учителя в системе образования, а также проблеме подготовки кадров. Стоит обратить внимание на то, что учитель на страницах «Севера» предстает как один из значимых участников реформирования образования. Ему отводится, например, наряду с врачом, решающая роль в решении вопросов постройки школьных зданий, устройства школьной мебели и т.п. Обосновывается необходимость назначения учителей членами строительных комиссий как «лиц, знакомых с требованиями гигиены и педагогики» (Хроника, № 3: 22). Кроме того, учителя, обладающие сельскохозяйственным образованием или «доказавшие долговременной практикой свои способности в этом деле» (Хроника, № 3: 22), выделяются в категорию «особых лиц». В силу того, что педагогам отводится важная роль в системе образования, проблема подготовки кадров занимает не последнее место в вопросе реорганизации образования. Однако в обозрении «Север» приводится точка зрения некоего господина Арсения Г., опубликованная в издании «Новости дня», согласно которой проблема подготовленности учителей остается за рамками законодательных решений, ей отводится миссия саморазрешающейся проблемы, тогда как она «потребуется напряженного труда, а главное – внимания от нескольких поколений...» (Среди газет и журналов, № 17: 131-132). Согласно следующему высказыванию этого же господина, приведенному в «Севере», проблема подготовки кадров остается зачастую в стороне от процесса реформирования системы образования: «Мы ни о чем так охотно не спорим, – справедливо замечает г. Арсений Г. в «Новостях дня», – как о преимуществах классической системы над реальной или реальной над классической, а когда речь заходит об учителях, мы говорим только: ну, да, конечно, это разумеется само собой» (Среди газет и журналов, № 17: 131-132).

Наконец, в «Севере» поднимается проблема неравномерности развития начального образования в отдельных губерниях и уездах России: «...В земской России дело идет не одинаково успешно: есть земские губернии, земские уезды, к сожалению, очень отсталые по начальному образованию» (Среди газет и журналов, № 28: 219). Данный вопрос, равно как и вопрос о всеобщем обучении, рассматривается в качестве неотложного и обязательного. Именно в 1903 году данная задача признается как вполне осуществимая в отличие от более раннего времени, когда «исполнение этой важной задачи казалось неосуществимым» (там же).

2. О процессе обучения.

Вопрос о процессе обучения освещается в «Севере» во всех трех видах источников: хронике (1 статья, № 27), обзоре периодических изданий (2 статьи, №№ 26, 32), очерке (1 статья, № 6).

В хронике и обзоре периодических изданий поднимаются две проблемы: переполненность школ и отсутствие должного воспитания учащихся школ вследствие разделения задач воспитания и задач образования. В качестве примера переполненности школ приводится Волынская губерния, в которой на 8111 человек приходится одна начальная школа (Среди газет и журналов, № 26: 203). Проблеме воспитания посвящено большее внимание на страницах «Севера». Она фиксируется, как и констатируется бездеятельность школы, «ничего не делающей для воспитания и облагораживания нравов» (Среди газет и журналов, № 32: 251-252). В качестве причин упадка дисциплины редакция «Севера» называет слабость учебной администрации и педагогических советов, безразличие окружающих и безнаказанность при наличии «в распоряжении начальств средних учебных заведений и педагогических советов достаточных средств для воздействия на учащихся, как для кары, так и для исправления» (Хроника, № 27: 213-214).

В очерке освещается еще одна проблема, касающаяся процесса обучения в школах, – это взаимоотношение учителя и ученика. На примере описанного случая из школьной жизни, представленного от лица одной из учениц, демонстрируется тягостность процесса обучения для учеников. И причиной тому не программа обучения, а личность учителя и его манера вести урок. Учитель в глазах ученицы выступает в роли строгого мучителя. Вот как описывает его автор очерка: «Прозвонил звонок. Сейчас он войдет. Войдет тот, который измучил всех нас, довел нас своими издевательствами, непонятным обращением до болезненного состояния... Нервы наши напряжены. Нас бьет лихорадка...» (Штрихи и блески, № 6: 47). Урок в такой атмосфере предстает настоящей пыткой для учеников: «Я прекрасно знаю урок, но я не смогу слова вымолвить, когда он спросит меня...» (там же). Согласно автору, учитель предстает незаинтересованным и безразличным: «Она отвечает дрожащим голосом, а он смотрит в сторону... Какой удручающий вид... Этот искривившийся рот... Эти блуждающие глаза ...» (там же). Таким образом, редакция «Севера» обращает внимание на психологическую составляющую процесса обучения, которая является не менее важной в процессе реорганизации всей системы образования.

3. О высшем образовании.

Вопросу высшего образования посвящено 7 статей: 4 статьи в группе хроники (№ 26, 29, 33, 35), 2 статьи – в группе обзора периодических изданий (№ 29, 30) и 1 статья – в группе очерков (№ 35).

Содержание статей, посвященных высшему образованию, носит главным образом проблемный характер. Проблемы связаны, во-первых, с вопросом вступительных экзаменов в высшие учебные заведения. Приводится точка зрения некоего г. Варяга, опубликованная в «Новом времени», согласно которой при поступлении в высшие учебные заведения ценность приобретают скорее не знания, аттестат и медали, а умения показывать «фокусы, разрешать разного рода казуистические вопросы». Это порождает «ненормальную ситуацию», связанную с активизацией целого ряда так называемых «натаскивателей», которые извлекают из этого личную выгоду, созывая себе молодых людей, желающих поступать в высшие учебные заведения. Согласно источнику, об этом много говорили, но разговоры ни к чему не привели (*Среди газет и журналов, № 29*). В другом источнике – хронике – сообщается о принятии решения отказать выпускникам реальных училищ в возможности поступать в университеты (*Хроника, № 29: 230*). Согласно приведенной статистике, особым интересом среди поступающих пользовался женский медицинский институт, в котором конкурс составлял 3 человека на место: «Предпочтение будет отдано получившим золотые медали» (*Хроника, № 33: 262*). Кроме того, преимущественным правом при поступлении в медицинскую академию пользовались те, кто выдержал экзамен по латинскому языку в объеме четырех лет гимназии. Тем же, кто не прошел данное испытание, давалась возможность сдать латинский язык в течение первого года обучения, в противном случае они должны были оставить учебное заведение (*Хроника, № 25: 198*).

Во-вторых, проблема высшего образования связана с незаполненностью кадрами к началу учебного года ряда «важнейших» кафедр в Томском университете в связи с выходом в отставку некоторых профессоров, в частности Живаго, Рейснера, Судакова (ректор), Вернера (*Томск, № 35: 279*).

К позитивным тенденциям развития высшего образования можно отнести открытие нового высшего учебного заведения для женщин – педагогического института, появившегося на основе женских педагогических курсов, существовавших при Санкт-петербургских женских гимназиях. С этого времени женщинам официально открывалась карьера в их преподавательской деятельности (*Среди газет и журналов, № 30: 235*). Интересна также новостная сводка, посвященная вопросу членства в распорядительном комитете русской высшей школы общественных наук в Париже. Данное сообщение демонстрирует сильную сторону высшего российского образования, одним из направлений которого является международное сотрудничество (*Хроника, № 35: 279*).

4. О положении сельских учителей.

Вопросу о положении сельских учителей посвящены 4 статьи: 1 статья представлена в группе хроники (№ 32), 1 статья – в обзоре периодических изданий (№ 4), две другие статьи – в группе очерков (№ 5, 26).

В «Севере» положение народных учителей раскрывается через литературно-художественные формы, описания различных историй. Это позволило редакции журнала в образной форме поднять проблему нравственности как самих учителей, так и окружающих их людей. Если учитель предстает в образе воспитанного, интеллигентного человека, то остальные по отношению к этому же учителю выступают в роли безнравственных личностей, не ценящих и не уважающих учителя (*Среди газет и журналов, № 4*). В очерке, например, под названием «Деревенская драма» сельская учительница – это еще и незащищенная труженица, находящаяся под неустанным контролем попечителя школы: «...Вечером в квартиру Р.¹, находящуюся при училище, вдруг ворвался «попечитель» школы с криком: «Как ты смеешь созывать к себе гостей без моего разрешения? Я здесь начальник! Затем последовал поток беспощадной брани» (*Простые речи, № 5: 35-36*). Насколько тяжелой была судьба у сельской учительницы, показывает еще один очерк того же автора, именуемого в «Севере» как Скромный. В очерке «Учительница» он пишет: «Положение сельской учительницы страшно тяжелое. В большинстве случаев юной неопытной девушке приходится вечно бороться и с рутиной старого мира, с его духовной тьмой, с невежественными и грубыми представителями его местного управления, буквально выклянчивая и свое скудное жалованье, и дрова для школы...» (*Учительница, № 26: 205-206*). Следом же автор дает пояснение о том, что государство во главе с императором проинформированы о подобной ситуации с сельскими учительницами, в результате чего императором были даны поручения предпринять меры «к ограждению учительниц от тяжелых нравственных и бытовых условий, которые ставят в беспомощное положение беззащитных тружениц» (там же). Какие это меры, автору неизвестны, как и неясна ситуация с тем, кто именно должен будет эти меры реализовывать.

Возможно подобное тяжелое положение, в котором оказался сельский учитель, привело к тому, что в 1903 году остро встала проблема нехватки учителей. Согласно хронике, «во все столичные заведения поступают в настоящее время объявления от различных провинциальных учебных заведений с просьбой о присылке лиц, кончивших курс высшего учебного заведения... Преимущественный недостаток учителей замечается в различных городах Сибири» (*Хроника, № 32: 254*).

5. О социальном обеспечении учителей.

Вопросу социального обеспечения учителей посвящено три статьи в номерах 4, 5, 9. Все они представлены в разделе «Хроника».

¹ Р. – это учительница, согласно очерку «Деревенская драма».

Согласно хронике, данный вопрос активно разрабатывается в профильных ведомствах, о чем можно судить по ряду описываемых проектов. В частности, это проект всероссийской пенсионной кассы преподавателей церковных школ разных наименований, согласно которому учителя церковных школ будут получать не только пенсии за выслугу лет, но и единовременные пособия. В проекте предусмотрены различные выплаты в зависимости от стажа участия в кассе и трудоспособности (Хроника, № 4: 28-29). Особые права и преимущества предоставлялись детям учителей церковно-приходских школ, лишенных возможности «в будущем существовать собственным трудом» (Хроника, № 9: 9).

Помимо обеспечения учителей материальной поддержкой, разрабатываются лечебно-оздоровительные проекты. Разработку одного из них – по учреждению «врачебных санаторий» для учителей школ духовного ведомства – поручили врачу – члену при училищном совете А.Ф. Анисимову. Предполагалось, согласно хронике, открытие санатория на Черном море для лечения больных учителей (Хроника, № 5: 36).

6. О внешкольном образовании народа.

Вопросу всеобщего обучения посвящены три статьи: две статьи представлены в группе источников хроники (№ 9, 28), одна статья – в группе обзора периодических изданий (№ 28).

Согласно хронике, проводится активная работа со стороны обществ грамотности, направленная на развитие внешкольного образования народа. В рамках подготовки к съезду 1904 года выработаны правила и программа съезда. Внимание редакции «Севера» обращено на следующие вопросы: 1) об учреждении в возможно большем количестве воскресно-вечерних школ и курсов; 2) об укреплении и развитии познаний, преподанных народу в школах; 3) об устройстве народных чтений, собеседований и спектаклей; 4) о формировании народных оркестров и хоров; 5) об изыскании способов распространения в народе дешевых просветительских книг (Хроника, № 28: 221).

Создание подобных обществ грамотности является уникальным проектом начала XX века, направленным на поднятие общей культуры народа. Судя по рассматриваемым на съезде вопросам, значение придается не только закреплению школьных знаний, но и приобщению народа к наследию русской культуры через книги, музыку.

7. О юбилее учебных заведений.

Еженедельное обозрение «Север» в виде двух небольших по объему новостных лент сообщает о некоторых круглых датах учебных заведений. Так, в 1903 году прекратили свое 25-летнее существование высшие женские курсы и состоящее при них общество (Хроника, № 33: 262). Кроме того, этот же год является юбилейным для Ярославского высшего учебного заведения имени Демидова, празднующего сто лет со дня своего основания. Описываются в связи с этим наиболее значимые события в истории этого заведения, среди них преобразование в Демидовский юридический лицей (1868) и учреждение «нормального» устава лицея (1874) (Хроника, № 36: 285).

5. Заключение

Результаты анализа выборки статей по теме образования, опубликованных в еженедельном обозрении политической и общественной жизни «Север» в 1903 году, показывают, что данная тема освещалась достаточно широко. Выделено 7 проблемных вопросов, с позиции которых освещается тема образования: реорганизация начального и среднего образования, вопрос о процессе обучения, о высшем образовании, о положении сельских учителей, о социальном обеспечении учителей, о внешкольном образовании и круглых датах учебных заведений. Изучив выбранную для анализа группу источников, можно сделать вывод о достаточно активном процессе реформирования системы образования, который проводился при императоре Николае II. Именно по его поручениям, выделенным им приоритетным направлениям проводились реформы в области образования. В это время широко проводились съезды заинтересованных в развитии образования лиц, активно разрабатывались проекты по реорганизации образования, открывались новые учебные заведения, в том числе в целях внешкольного образования народа, актуализировались учебные планы и программы в сторону практикоориентированного подхода и современных требований жизни (в частности, вводились новые языки для изучения – немецкий, французский, английский; латинский и греческий языки приобретают статус необязательных для изучения, тем не менее они остаются необходимыми для поступления в высшие учебные заведения), разрабатывались меры по социальной поддержке учителей. Сама личность учителя в «Севере» представляется как высоконравственная. Учитель – это прежде всего труженик, тот, кто готов трудиться, несмотря на суровые условия работы, особенно в сельских местностях. Именно на этой позитивной нравственной стороне учительства и концентрирует внимание «Север». Наряду с этим, он освещает и остропроблемные ситуации, существующие в образовании в начале XX века. Прежде всего, это проблемы, связанные с сельским образованием, отношением к личности учителя и его материальной обеспеченностью и с нехваткой кадров. По отношению к высшему образованию поднимается проблема, связанная с поступлением в высшие учебные заведения, в частности так называемая проблема «натаскивателей». Таким образом, «Север» стремится максимально широко осветить все события из сферы образования, актуальные на текущий 1903 год.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Красноярского края и Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта № 20-49-240001.

Литература

- Васильева, 2006** – Васильева С.А. Проблемы воспитания в журнале «Север» (1888–1891) // *Детская литература и воспитание*. 2006. С. 179-182.
- Васильева, 2007a** – Васильева С.А. Журнал «Север» под руководством В.С. Соловьева // *Новое литературное обозрение*. 2007. № 5 (87). С. 479-486.
- Васильева, 2007b** – Васильева С.А. Роспись содержания журнала «Север» (1888–1891) // *Новое литературное обозрение*. 2007. № 5 (87). С. 487-507.
- Васильева, 2007c** – Васильева С.А. Роспись содержания журнала «Север» (окончание) // *Новое литературное обозрение*. 2007. № 88. С. 438-453.
- Васильева, 2007d** – Васильева С.А. Художественный отдел журнала «Север» // *Вестник ТвГУ. Серия «Филология»*. 2007. № 8. С. 27-34.
- Васильева, 2007e** – Васильева С.А. Редакционно-издательская деятельность В.С. Соловьева. Тверь: Марина, 2007. 205 с.
- Васильева, 2009a** – Васильева С.А. Проблемы народного чтения в трактовке В.С. Соловьева // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. № 30 (168). С. 167-172.
- Васильева, 2009b** – Васильева С.А. Творчество Л.Н. Толстого в восприятии В.С. Соловьева // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2009. № 4–1 (11). С. 173-179.
- Гончаров, 2011** – Гончаров М.А. Русские педагогические журналы и их влияние на общее и педагогическое образование середины XIX – начала XX вв. (к 150-летию со дня выхода журнала «Учитель») // *Проблемы современного образования*. 2011. № 4. С. 47-59.
- Зубков, 2011** – Зубков И.В. Общества взаимопомощи учителей в Российской империи (1890–1910-е гг.) // *Российская история*. 2011. № 2. С. 45-59.
- Катунцев, 2005** – Катунцев С.И. Реформы начальной школы России: общественно-педагогическая мысль и государственная политика второй половины XIX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2005. 25 с.
- Ляпина, 2011** – Ляпина С.М. К вопросу о символике женских образов в романе В.С. Соловьева «Царь-девица» // *Вопросы филологии*. 2011. № 1. С. 121-124.
- Насуцева, 2014** – Насуцева Ф.А. Реформы российской школы начала XX века как отражение государственной образовательной политики // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2014. № 4. С. 44-50.
- Паладьева, 2013** – Паладьева А.Ф. Особенности полемики вокруг проблемы преподавания древних языков в гимназиях (1898–1905 гг.) // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2013. № 4. С. 44-46.
- Перцев, 2013** – Перцев В.В. Гимназическое образование в дореволюционной России: вторая половина XIX – начало XX века // *Концепт*. 2013. № 1 (17). С. 1-7.
- Поздняков, 2013** – Поздняков А.Н. Российская школа рубежа XIX–XX веков в оценках современников // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика»*. 2013. № 2–1 (13). С. 118-122.
- Полежай, 2011** – Полежай В. Проблемы профессионального образования в журнале «Печатное искусство» (1901–1903) // *МедиаАльманах*. 2011. № 6. С. 47-52.
- Рынков, 2010** – Рынков В.М. Периодическая печать: место в системе исторических источников // *Отечественные архивы*. 2010. № 3. С. 44-50.
- Сысоева, 2010** – Сысоева Е.К. Общеобразовательная школа в России в условиях модернизации начала XX в. // *Вестник Московского университета. Серия 8 «История»*. 2010. № 2. С. 61-76.
- Bodnarchuk, 2019** – Bodnarchuk, D.V. The Image of the "West" on the Pages of Magazines "Notes of the Fatherland" and "Son of the Fatherland" in the 20s, 30s of XIX century // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 53. Is. 3: 1086-1095. DOI: 10.13187/bg.2019.3.1086

References

- Bodnarchuk, 2019** – Bodnarchuk, D.V. (2019). The Image of the "West" on the Pages of Magazines "Notes of the Fatherland" and "Son of the Fatherland" in the 20s, 30s of XIX century. *Bylye Gody*. Vol. 53. Is. 3: 1086-1095. DOI: 10.13187/bg.2019.3.1086
- Goncharov, 2011** – Goncharov, M.A. (2011). Russkie pedagogicheskie zhurnaly i ikh vliyanie na obshchee i pedagogicheskoe obrazovanie serediny XIX nachala XX vv. (k 150-letiyu so dnya vykhoda zhurnala «Uchitel») [Russian pedagogical journals and their impact on general and pedagogical education in the mid-19th and early 20th centuries. (to the 150th anniversary of the publication of the magazine "Teacher")]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*. 4: 47-59. [in Russian]
- Katuntsev, 2005** – Katuntsev, S.I. (2005). Reformy nachal'noi shkoly Rossii: obshchestvenno-pedagogicheskaya mysl' i gosudarstvennaya politika vtoroi poloviny XIX veka [Primary school reforms in

Russia: social and pedagogical thought and state policy of the second half of the 19th century]: Avtoref. dis. kan. istor. nauk. Saratov, 25 p.

Lyapina, 2011 – *Lyapina, S.M.* (2011). K voprosu o simvolike zhenskikh obrazov v romane Vs.S. Solov'eva "Tsar'-devitsa" [On the question of the symbolism of female images in the novel by Vs. S. Solovyova "Tsar Maiden"]. *Voprosy filologii*. 1: 121-124. [in Russian]

Nasutseva, 2014 – *Nasutseva, F.A.* (2014). Reformy rossiiskoi shkoly nachala XX veka kak otrazhenie gosudarstvennoi obrazovatel'noi politiki [Reforms of the Russian school of the early twentieth century as a reflection of the state educational policy]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura*. 4: 44-50. [in Russian]

Palad'eva, 2013 – *Palad'eva, A.F.* (2013). Osobennosti polemiki vokrug problemy prepodavaniya drevnikh yazykov v gimnaziakh (1898-1905 gg.) [Features of the polemic around the problem of teaching ancient languages in gymnasiums (1898-1905)]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiy*. 4: 44-46. [in Russian]

Pertsev, 2013 – *Pertsev, V.V.* (2013). Gimnazicheskoe obrazovanie v dorevolutsionnoi Rossii: vtoraya polovina XIX–nachalo XX veka [Gymnasium education in pre-revolutionary Russia: the second half of the 19th - early 20th centuries]. *Kontsept*. 1 (17): 1-7. [in Russian]

Polezhai, 2011 – *Polezhai, V.* (2011). Problemy professional'nogo obrazovaniya v zhurnale "Pechatnoe iskusstvo" (1901-1903) [Problems of professional education in the journal "Printing Art" (1901-1903)]. *MediaAl'manakh*. 6: 47-52. [in Russian]

Pozdnyakov, 2013 – *Pozdnyakov, A.N.* (2013). Rossiiskaya shkola rubezha XIX–XX vekov v otsenkakh sovremennikov [Russian school at the turn of the XIX-XX centuries in the assessments of contemporaries]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*. 2-1 (13): 118-122. [in Russian]

Rynkov, 2010 – *Rynkov, V.M.* (2010). Periodicheskaya pechat': mesto v sisteme istoricheskikh istochnikov [Periodicals: a place in the system of historical sources]. *Otechestvennye arkhivy*. 3: 44-50. [in Russian]

Sysoeva, 2010 – *Sysoeva, E.K.* (2010). Obshcheobrazovatel'naya shkola v Rossii v usloviyakh modernizatsii nachala XX v. [Secondary school in Russia in the context of modernization at the beginning of the XX century]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya*. 2: 61-76. [in Russian]

Vasil'eva, 2006 – *Vasil'eva, S.A.* (2006). Problemy vospitaniya v zhurnale «Sever» (1888-1891) [Education problems in the journal "North" (1888-1891)]. *Detskaya literatura i vospitanie*, pp. 179-182. [in Russian]

Vasil'eva, 2007a – *Vasil'eva, S.A.* (2007). Zhurnal "Sever" pod rukovodstvom Vs. S. Solov'eva [Journal «North» by the leadership of Vs. S. Solovyov]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 5 (87): 479-486. [in Russian]

Vasil'eva, 2007b – *Vasil'eva, S.A.* (2007). Rospis' soderzhaniya zhurnala "Sever" (1888-1891) [Fill of the content of the journal «North» (1888-1891)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 5 (87): 487-507. [in Russian]

Vasil'eva, 2007c – *Vasil'eva, S.A.* (2007). Rospis' soderzhaniya zhurnala "Sever" (okonchanie) [Fill of the content of the journal «North» (ending)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 88: 438-453. [in Russian]

Vasil'eva, 2007d – *Vasil'eva, S.A.* (2007). Khudozhestvennyi otdel zhurnala «Sever» [Art department of the journal "North"]. *Vestnik TvGU. Seriya: Filologiya*. 8: 27-34. [in Russian]

Vasil'eva, 2007e – *Vasil'eva, S.A.* (2007). Redaktsionno-izdatel'skaya deyatel'nost' Vs. S. Solov'eva [Editorial and publishing activities of Vs. S. Solovyov]. Tver; Marina, 205 p. [in Russian]

Vasil'eva, 2009a – *Vasil'eva, S.A.* (2009). Problemy narodnogo chteniya v traktovke Vs. S. Solov'eva [Problems of folk reading in the interpretation of Vs. S. Solovyov]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 30 (168): 167-172. [in Russian]

Vasil'eva, 2009b – *Vasil'eva, S.A.* (2009). Tvorchestvo L.N. Tolstogo v vospriyatii Vs. S. Solov'eva [The work by L.N. Tolstoy in the perception of Vs. S. Solovyov]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*. 4–1 (11): 173-179. [in Russian]

Zubkov, 2011 – *Zubkov, I.V.* (2011). Obshchestva vzaimopomoshchi uchitelei v rossiiskoi imperii (1890-1910-e gg.) [Societies for mutual aid of teachers in the Russian empire (1890-1910s)]. *Rossiiskaya istoriya*. 2: 45-59. [in Russian]

**Журнал «Север» (1903 г.) как исторический источник:
к вопросу о реформе образования в Российской империи**

Наталья Петровна Кошцева^{а, *}, Наталья Николаевна Середкина^а

^а Сибирский федеральный университет», Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются возможности журнала «Север» быть достоверным историческим источником по вопросу событий реформы образования в Российской империи в 1903 году. Выявлены основные виды публикаций в этом журнале, отражающие особенности образовательной реформы в Российской империи. Раскрыта основная проблематика журнальных статей, в которых ставятся проблемы высокого статуса учителя, обсуждаются текущие события как в школах, так и в сфере образования в целом. Статья рассматривает различные элементы публикаций в еженедельнике журнала «Север» как отдельные типы исторических источников. В результате выделены основные проблемы, которые ставятся и решаются авторами статей. Большое внимание уделяется поручениям императора Николая II для усовершенствования образования в государстве. Журнал «Север» делает акцент на моральных качествах учителя, авторы статей исходят из того, что быть учителем – это высокодуховная миссия. Особое внимание уделяется проблемам образования в сельской местности. Авторы статей дают собственные оценки актуальным образовательным событиям. Анализ показал, что различные публикации в журнале «Север» являются значимыми историческими источниками по истории реформы образования в Российской империи в 1903 году.

Ключевые слова: журнал «Север», Российская империя, 1903 год, образовательная реформа, император Николай II, российский учитель, российское образование.

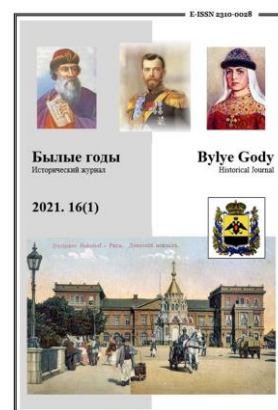
* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: decanka@mail.ru (Н.П. Кошцева)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 357-364.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.357
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Social and Political Views of Siberian Officials on the Prospects of Russia in the early XX century

Tatyana G. Karchaeva ^{a, *}, Alexander G. Gryaznukhin ^a, Tatyana V. Gryaznukhina ^a,
 Nikolai R. Novosel'tsev ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

This article tested the facts of the disunity of the socio-political views of local officials at the beginning of the 20th century. It's previously unknown to historical science. Territorial boundaries are defined by Siberia as a remote territory of the Russian Empire, characterized by greater class heterogeneity among civil servants than in European Russia. Thus, the last governor of the Yenisei province, Ya. G. Gololobov, before his appointment to Siberia, was a member of the "Soyuz 17 October party", a deputy of the Third State Duma of the Russian Empire, a hereditary nobleman, but openly opposing conservatism in the system of government. He had many supporters of his ideas in the parliament. The reasons for the formation of his socio-political views were ideological principles, which consisted in the need for changes. On the basis of archival materials, it has been proved that officials in Siberia (natives of the peasant and bourgeois environment) were more susceptible to tendencies characteristic of the oppositional mass consciousness of the early 20th century. For example, the stories of an employee of the notary office of the city of Kansk (M.D. Yudin) and a clerical employee of the Yenisei Provincial Administration (A.F. Ilyushin), who committed crimes against the order of administration, but were not brought to the appropriate legal responsibility for unknown reasons, are shown. The first of them, a peasant by origin M.D. Yudin participated in the shooting at Gorodovoy of the Kansk district police in 1910. M.D. Yudin was sentenced to short-term arrest. He was listed in the police structures as a politically unreliable person. He was involved in revolutionary sabotage; however, he continued his career and in 1916 even served as a notary of the city Kansk. The second, official A.F. Ilyushin was the tradesman of the city of Achinsk. He outraged the state flag of the Russian Empire publicly in 1908. He told slogans of proclamation of the revolutionary events of 1905–1907. He tried unsuccessfully to continue his career in the Tomsk province, but he managed to recover in the staff of the Yenisei provincial administration. Archival data indicate that AF Ilyushin worked in the system of public administration until 1919. The top officials of the Irkutsk Governor-General saw the reasons for the disunity and opposition of political views among officials in the low level of salaries. The statistics presented in the article from the reports of officials of the interdepartmental meeting proves that the remuneration of civil servants does not correspond to the requirements of the time in the conditions of the high cost of the beginning of the 20th century.

Keywords: bureaucracy, civil servants, official's salary, standard of living, revolutionary movement, socio-political sentiments, Yenisei province, Irkutsk province, Irkutsk governor-general, Siberia, Russian Empire.

1. Введение

В начале XX в. Российская империя была уже другой страной по сравнению с той, которая была еще полвека назад. К началу XX в. в руках бюрократии сосредоточились распорядительные и исполнительные функции. К этому времени уже произошло укрепление бюрократического

* Corresponding author

E-mail addresses: tatyana-verkhoturova@yandex.ru (T.G. Karchaeva)

централизма. Однако в начале XX в. возрастает количество чиновников в стране, характеризовавшееся сословной неоднородностью, что подразумевало идеологическую разобщенность. Это было наиболее выражено в системе местной государственной власти, а особенно на окраинах – Сибири, Кавказе, Привислинском крае, степных и среднеазиатских областях (Дамешек, Дамешек, 2020: 103-107; Dyatlov, Dyatlova, 2020: 624; Maluytina et al., 2019: 1430; Lyubichankovskiy, 2020: 728-230). В исторической науке уже доказано, что наличие служебных привилегий, распространенных за пределами Европейской России, объясняло присутствие в кадровом составе местных чиновников – выходцев из крестьянской и мещанской среды (Карчаева, 2017: 48-53). В этом отношении интересен опыт Сибири – огромной территории на востоке империи. Здесь в составе высшего, среднего и низшего эшелонов власти находились государственные служащие, которые имели оппозиционные взгляды, то есть не были сторонниками безусловного авторитета абсолютной монархии. Среди них были, например, последний губернатор Енисейской губернии Яков Георгиевич Гололобов, член Третьей Государственной Думы Российской империи, до назначения в Сибирь – вице-губернатор Полтавской губернии (1912–1915 гг.), губернатор Вольнской губернии (1915 г.), а также другие, более мелкие служащие.

Цель статьи – установить факты разобщенности общественно-политических взглядов местных чиновников отдаленных территорий Российской империи. Хронологические рамки статьи – начало XX в. – определены временем внутривосточных волнений, предшествовавших и сопровождавших революционные события 1905–1907 гг., 1917 г. и период Парламентаризма.

Территориальные рамки исследования ограничены Сибирью, а именно Енисейской и Иркутской губерниями, входившими в состав Иркутского генерал-губернаторства и имевшими статус отдаленных территорий. Заметим, с 1882 г. в губерниях Западной Сибири действовал общероссийский принцип прямого управления (Центр – губерния), что исключало их из системы «особого управления».

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования представлена впервые описанными в исторической науке архивными материалами – формулярными (послужными) списками, составленными на местных государственных служащих Енисейской и Иркутской губерний, делопроизводственными документами (протоколами совещаний, служебными записками), поднятыми из фонда № 595 «Енисейское Губернское управление» (опись 45 «Отделение “Канцелярия”, 1854–1919 гг.») Государственного архива Красноярского края (далее – ГАКК), а также из фонда № 32 «Иркутское Губернское управление» (опись 8 «Отделения I и II, 1864–1916 гг.») Государственного архива Иркутской области (далее – ГАИО). В качестве нарративного источника, описывающего внутренние взгляды местных чиновников в первом десятилетии XX в., использована опубликованная речь депутата Государственной Думы III созыва Я.Г. Гололобова, в последующем – губернатора Енисейской губернии, политические взгляды которого также приведены в результатах работы.

В основе исследования лежит антропологический подход, использование которого позволило рассмотреть местных сибирских чиновников как действующих лиц истории, носителей массового сознания, оппозиционного в большей или меньшей степени к абсолютной монархии. Методы историзма, системного анализа и реконструкции позволили зафиксировать и воссоздать историческую ситуацию начала XX в.

3. Обсуждение

Несмотря на достаточно широко представленную информацию о настроениях различных категорий населения Российской империи в предреволюционные годы, в данной статье приведены ранее не опубликованные факты наличия оппозиционных общественно-политических взглядов среди местных чиновников.

В зарубежной и отечественной историографии достаточно актуальны работы, которые изучают государственных служащих XIX – начала XX вв. на провинциальном уровне власти (Gentes, 2003; Bloch, 2005; Друзяка, Дударенок, 2018; Чуб, 2018; Плех, 2019). На примере Сибири вопрос деятельности чиновников в региональном аспекте популярен среди краеведов и историков, дающих историческое описание эпохи, конкретных реформ и преобразований (Anisimova et al., 2018; Vititneva et al., 2020; Gryaznukhin et al., 2020; Матханова, 2020). Кадровый состав местных администраторов достаточно подробно рассмотрен одним из соавторов данной статьи на примере Енисейской губернии (Karchaeva et al., 2018; Karchaeva et al., 2019; Карчаева, 2019; Жулаева и др., 2019).

4. Результаты

4.1. Енисейский губернатор «октябрист» – Яков Георгиевич Гололобов

Яков Георгиевич Гололобов родился в 1855 г. в Коротоякском уезде Воронежской губернии. По вероисповеданию – православный, по сословно-социальному происхождению – потомственный дворянин, землевладелец, он сумел использовать свои возможности и перспективы для реализации идеи об успешной карьере царского чиновника. После окончания Воронежской губернской гимназии

Я.Г. Гололобов поступил на гражданскую службу в возрасте 16 лет. Его первым местом службы было полицейское управление Коротоякского уезда, в которое он был принят на должность регистратора (22 декабря 1871 г.), затем через два года получил первый классный чин коллежского регистратора и был повышен до должности протоколиста. Однако, понимая недостаточность уровня образования, 20-летний Я.Г. Гололобов по собственному прошению ушел в отставку и поступил в Александровское техническое училище, находившееся в городе Череповце и готовившее машинистов и вообще мастеров по машиностроительному делу. Он его успешно окончил в 1879 г. (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 451. Л. 1-2об.).

Я.Г. Гололобов вернулся в Воронежскую губернию, потому что в Коротоякском уезде в личной наследственной собственности у него находилось 70 десятин земли, в «благоприобретенной» – 117 ½ десятин, а также дом в уездном центре – городе Коротояке. В апреле 1886 г. он был избран гласным в Коротоякскую городскую думу, участвуя в деятельности которой получил значимые политические навыки (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 451. Л. 3).

Дальнейшая карьера Я.Г. Гололобова была связана с государственной гражданской службой. В июне 1893 г. он был назначен помощником правителя канцелярии Екатеринославского губернатора и временно исполняющим должность редактора газеты «Екатеринославские губернские ведомости». Творческая натура местного царского чиновника была причиной его активного участия в журналистской и издательской деятельности многих печатных общественно-политических и литературных изданий (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 451. Л. 4-6об.).

Архивные материалы свидетельствуют, что дальнейшее его назначение на должность вице-губернатора Екатеринославской губернии предопределило отказ чиновника от цензурной и литературной деятельности в пользу политической карьеры. 14 октября 1907 г. Я.Г. Гололобов был избран членом Третьей Государственной Думы из числа выборщиков Первого съезда городских избирателей Екатеринослава, отработал весь срок, входил во фракцию октябристов (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 451. Л. 7).

Сохранившаяся в книжном собрании известного красноярского bibliофила Г.В. Юдина, опубликованная в 1910 г. «Речь члена Государственной Думы Гололобова 28 апреля» свидетельствует о его идеологической смелости и оппозиционной направленности (Гололобов, 1910: 1).

На апрельском парламентском заседании депутат Я.Г. Гололобов поднял не решенные центристской партией «Союз 17 октября» вопросы «о конституции» и «о самодержавии». Несмотря на возгласы слева «К делу!», и справа «Верно!», Я.Г. Гололобов критиковал представителей фракции октябристов, которые были, с одной стороны, убежденными конституционалистами, противниками парламентаризма, сторонниками Российского империи – наследственной, конституционной монархии, в которой император – носитель верховной власти, с другой – ограничен постановлениями Основных законов, при котором сильное правительство ответственно перед монархом, но не ответственно перед политическими партиями (Гололобов, 1910: 2-3).

Как депутат и избиратель Я.Г. Гололобов требовал разобраться октябристам, что они поддерживают – конституцию или самодержавие. Он говорил, что «если Государственная Дума – фабрика законопроектов, если это поварня для варки законодательной вермишели, это я понимаю; но это законодательный храм, созидающий будущую историю России, то нужно знать, как здесь молятся и какая молитва у решающего центра. Вот почему я обращаюсь к этому... (Голоса: браво; рукоплескание справа) (Гололобов, 1910: 4).

На заседаниях Третьей Государственной Думы Я.Г. Гололобов вступал в ораторскую схватку с депутатами левого и правого крыла, особенно с непревзойденным оратором Второй, Третьей, Четвертой Государственной Думы В.А. Маклаковым – членом центрального комитета партии конституционных демократов (кадетов), а также спорил с признанным лидером кадетской партии П.Н. Милюковым. На упреки, что он – октябрист, Яков Георгиевич отвечал, что в Екатеринославе не было отдела партии «Союз 17 октября», там была особая «Екатеринославская народная партия 17 октября», которую никак не заподозрить в политическом бесчестии (Гололобов, 1910: 7).

В декабре 1907 г. Яков Георгиевич Гололобов был причислен к Министерству внутренних дел. После окончания срока работы Третьей Государственной Думы он продолжил чиновничью карьеру в Малороссии. В 1912–1915 гг. служил полтавским вице-губернатором, неоднократно командировался в Волынскую губернию в качестве губернатора (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 451. Л. 18).

Сибирь его ждала в 1915 г., когда высочайшим приказом по гражданскому ведомству в октябре этого года он был назначен исполняющим должность Енисейского губернатора и утвержден в ней через пару месяцев (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 451. Л. 18).

Данное время было беспокойным для России. Новому енисейскому губернатору пришлось столкнуться в Сибири с массой забот. В его руках находились вопросы мобилизации на фронт Первой мировой войны, ему пришлось решать проблемы реализации неугодного народу «сухого закона». Все это сопровождали конфликты с подчиненными местными служащими. В итоге октябрист по взглядам Я.Г. Гололобов во время революционных событий февраля–марта 1917 г. сложил с себя полномочия енисейского губернатора (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 451. Л. 18).

Из документа «Прошение бывшего Енисейского губернатора Я.Г. Гололобова Господину МВД» узнаем, что 6 марта в Красноярске в своей квартире он был арестован представителем Исполнительного бюро Совета солдатских и рабочих депутатов, с которым находились два прапорщика. В служебном кабинете губернатора был произведен обыск. Находившиеся в письменном столе дела и официальные бумаги по служебной и частной переписке были изъяты. Кроме того, взяты два браунинга, один – большого калибра, другой – малого (принадлежавший жене). При обыске губернатор Я.Г. Гололобов не присутствовал, так как «лежал по болезни в постели». Присутствовавшему в кабинете при обыске сыну, гимназисту 4-го класса, один из прапорщиков объявил, что личные бумаги и браунинги будут губернатору возвращены, но этого так и не было сделано (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 451. Л. 39 об.).

После освобождения от должности бывший губернатор отбыл с семьей в город Екатеринослав. С ним уехали жена Мария Семеновна Васильева, дочери – Ксения (21 год), Татьяна (19 лет), Екатерина (14 лет), сын Виктор (16 лет). Прибыв на место, Яков Георгиевич Гололобов из Екатеринослава просил министра внутренних дел о распоряжении возвратить ему взятые при обыске бумаги и браунинги. Особенно настаивал на возврате оружия, объяснив, что в тех революционных обстоятельствах оружие имело немалую ценность (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 451. Л. 39 об.).

Архивные данные свидетельствуют, что Я.Г. Гололобов в Екатеринославе прожил недолго. Местом его пребывания с семьей был ранее приобретенный собственный дом, находившийся по адресу: город Екатеринослав, улица Новая, дом № 1. По данным из книги О.О. Несвицкого «Полтава в дни революции в период смуты 1917–1922 гг.», в конце декабря 1918 г. Я.Г. Гололобов был расстрелян в Екатеринославе отрядами Н.И. Махно.

4.2. Тайные революционеры среди местных низших чиновников

По материалам делопроизводственной переписки Губернского управления Енисейской губернии, входившего в структуру Министерства внутренних дел, в провинциальных нотариальных конторах, казалось бы, монархическом институте, обеспечивавшем функционирование капиталистической системы через право частной собственности, работали лица, разделявшие идеи революции. Таким был, например, Михаил Дмитриевич Юдин – фактически в 1916–1917 гг. первый заместитель нотариуса уездного города Канска Енисейской губернии Якова Павловича Поляшова (ГАКК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 3624. Л. 53).

Нотариальный служащий М.Д. Юдин в полицейских структурах числился политически неблагонадежным лицом, имевшим причастность к саботажу революционной направленности. Из установленных биографических данных следует, что он был рожден вне брака, отчество носил крестного отца, по сословному происхождению был крестьянин, родился в деревне Юдиной Рыбинской волости Канского уезда Енисейской губернии (ГАКК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 3624. Л. 53).

Согласно докладной записке начальника Енисейского губернского жандармского управления, адресованной в 1916 г. енисейскому губернатору Я.Г. Гололобову, помощник канского нотариуса М.Д. Юдин, будучи еще в 1910 г. писцом конторы, участвовал в стрельбе по городскому Канской уездной полиции – Чухломину. Однако за данный инцидент М.Д. Юдин не понес никакого наказания, помимо краткосрочного ареста. Он продолжал работать в нотариальной конторе и даже в апреле 1916 г. на законных основаниях исполнял обязанности нотариуса по городу Канску. Впрочем, после случая 1910 г. М.Д. Юдин не был замечен в других преступлениях.

Интересным представляется судьба местного чиновника Енисейской губернии Александра Фелуменовича Илюшина, по сословной принадлежности имевшего происхождение из мещан уездного города Ачинска. На момент 1908 г. он состоял в штате Енисейского губернского управления и во время нахождения в родном городе Ачинске оскорбил Российский флаг в дни празднования одного из церковных праздников. В приложенной записке к послужному списку указано: «Выходя из церкви, увидев государственный штандарт, прокричав бранные слова в защиту бунтарских революционных идей 1905 г., осквернил государственный флаг, объяснив затем это временным помутнением рассудка» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 189. Л. 56-58).

После происшествия в Ачинске не имеющий чина канцелярский служащий А.Ф. Илюшин уволился со службы с формулировкой «по домашним обстоятельствам», однако через полгода вновь поступил на государственную службу в штат Томской казенной палаты, в которой так и не получил никакой должности. В апреле 1909 г. он вновь оставил службу с объяснением причины – «по домашним обстоятельствам». Вернувшись в Енисейскую губернию, он написал прошение причислить его к штату Енисейского губернского управления. Получив положительный ответ, он был назначен 30 июня 1909 г. исполняющим должность помощника делопроизводителя третьего отделения данного ведомства (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 189. Л. 57-58).

Как и в предыдущем примере со служащим Канской нотариальной конторы М.Д. Юдиным, участвовавшим в стрельбе по городскому Канской уездной полиции, какого-либо наказания служащий Енисейского губернского управления А.Ф. Илюшин за осквернение государственного флага не понес.

Более поздний формулярный список 1917 г., составленный уже на коллежского секретаря А.Ф. Илюшина, сообщает, что на момент революционных событий 1917 г. он находился на должности

делопроизводителя Енисейского губернского управления, затем был уволен со службы в отставку по болезни приказом Енисейского губернского комиссара от 17 июня 1917 г. (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 189. Л. 64-67). События Гражданской войны в Сибири не позволили большевикам надолго устояться у власти. Из формулярного списка от 21 августа 1919 г. читаем: 17–25 июля 1918 г. Александр Фелуменович Илюшин находился на должности секретаря Енисейской губернской управы; с 1 июля 1919 г. был заведующим продовольственным отделом Губернского земства; с 15 августа 1919 г. – временно исполнял должность чиновника особых поручений VI класса при Управлении Енисейской губернии (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 189. Л. 68-71). После реставрации Советской власти в Енисейской губернии судьба чиновника губернской администрации, сторонника революционных идей 1905–1907 гг., точно неизвестна.

4.3. Причины формирования оппозиционных взглядов у местных чиновников

Внутренний взгляд со стороны высшей губернской администрации на проблему роста недовольных местных чиновников общественно-политическим положением в стране заключался в констатации факта низкого размера жалованья. В начале XX в. на территории Сибири жизнь была дороже, чем в Европейской России.

Межведомственное совещание по вопросу необходимости процентных надбавок к содержанию служащих гражданских ведомств Иркутской губернии свидетельствует, что существовавшие на тот момент проценты прибавки к окладу за сибирскую службу не покрывали высоких расходов чиновников как в мирное, так и военное время начала XX в. (ГАИО. Ф. 32. Оп. 8. Д. 342. Л. 4).

Список лиц, приглашенных на данное межведомственное совещание и приводивших доводы снижения общественно-политического напряжения в ведомствах, был авторитетным: Александр Николаевич Югак – иркутский губернатор, Михаил Иванович Измайлов – иркутский вице-губернатор, Иван Александрович Лавров – управляющий Иркутской казенной палатой, Иван Арсеньевич Исаев – управляющий Иркутской контрольной палатой, Константин Аполлонович Лебедев – начальник Управления земледелия и государственных имуществ, Иван Сафронович Иконников – заведующий землеустройством и переселением в Иркутской губернии, Петр Петрович Смирнов – председатель Иркутского окружного суда (его представлял Николай Александрович Татаровский), Дмитрий Иванович Колесников – прокурор Иркутского губернского суда (за него был Александр Евгеньевич Левберг), Николай Алексеевич Зайцевский – начальник Горного управления, Григорий Петр Васильевич – главный инспектор народных училищ, Василий Федорович Таранов – исполняющий обязанности начальника почтово-телеграфного округа (его представлял Александр Яковлевич Хреновский), Сергей Дмитриевич Татищев – управляющий Иркутской таможней, Евстафий Христофорович Гадзяцкий – управляющий Иркутским отделением государственного банка, Петр Петрович Никольский – управляющий акцизными сборами Иркутской губернии и Якутской области. Запись протокола совещания вел Владимир Людвигович Першке – делопроизводитель канцелярии иркутского генерал-губернатора (ГАИО. Ф. 32. Оп. 8. Д. 342. Л. 5).

Аргументы были убедительными: во-первых, жизнь в Иркутске, Красноярске и уездных городах Иркутского генерал-губернаторства всегда отличалась дороговизной даже в мирное время, а в годы революционных потрясений 1905–1907 гг. и особенно с началом военных действий (1914–1915 гг.) еще сильнее подорожала:

- пищевые продукты – рост на 50–60 %;
- галантерея – 125–150 %;
- одежда, белье – 100–120 %;
- кожаные товары, обувь – 125–150 %;
- рабочие руки – 150–175 % (ГАИО. Ф. 32. Оп. 8. Д. 342. Л. 17).

Во-вторых, высшей администрацией Иркутской губернии признавался факт высказывания провокационных по отношению к режиму мнений только со стороны молодых холостых служащих. Как они считали, вследствие подорожания цен даже у мало-мальски обеспеченных жителей появилась острая нужда, а у служащего люда при самых скромных потребностях нужда выразилась в большей степени. Так, оклад вновь поступающего на службу ввиду требований закона определялся по окладу низших служащих – от 25 до 50 руб. в месяц; труд вольнонаемных – всего 25–30 руб. в месяц. Отмечалось, что данный факт низкого жалованья неблагоприятно сказывался на работе, так как продолжительность службы таких низкооплачиваемых лиц зачастую ограничивалась несколькими днями, реже – 2–3 месяцами, в исключительных случаях – 0,5–1 годами (ГАИО. Ф. 32. Оп. 8. Д. 342. Л. 17об.).

В-третьих, материальное положение чиновников в разных ведомствах одной губернии было разным. Так, по Министерству финансов на примере Контрольной и Казенной палат отличия в окладе служащих при равных условиях (ранг чина и уровень занимаемой должности) составляли 10–15 руб. в месяц, то есть в Казенной палате на 20–50 % выше, чем в Контрольной палате. Данный факт объяснялся политикой сверху, так как Иркутская казенная палата по экономическому развитию края и оборотам сумм была переведена из III-го во II-ой разряд, и содержание чиновников ввиду особых местных условий жизни производилось из окладов, присвоенных Казенным палатам I-го разряда, так как по II-му разряду они были официально признаны недостаточными.

В-четвертых, указывалось на диспропорцию размеров окладов и ответственности чинов одних и тех же классов в разных учреждениях. Примером выступали те же Казенная и Контрольная палаты Иркутской губернии. Так, чины Казенной палаты VII–VIII классов находились под непосредственным руководством чинов VI классов (начальников отделений) и получали жалованье выше, чем чины этих же классов в Контрольной палате, которым поручалось самостоятельное ответственное дело не только в самой Палате (заведование отделением), но и при контроле разного рода ответственных операций (ГАИО. Ф. 32. Оп. 8. Д. 342. Л. 18).

Таким образом, приведенные данные дороговизны жизни, а также диспропорции размеров оплаты труда и служебных обязанностей, без сомнения, вызывали недовольство со стороны ущемленных в правах чиновников. Высшее руководство на уровне Иркутского генерал-губернаторства считало факт низкого уровня жалования причиной разобщенности и оппозиционности политических взглядов в среде местных чиновников.

5. Заключение

В начале XX в. ожидание перемен захлестнуло все слои российского общества. Монархия уже не искала подкрепления в его высших слоях, не стремилась к юридическому обоснованию существующего режима, тем самым подрывала веру в себя со стороны бюрократии. В Сибири это выражалось в ярких примерах, поскольку кадровый состав местных служащих в государственных правительственных учреждениях был более разночинным, чем в Европейской России.

Приведенные в статье факты противоправных действий служащего Канской нотариальной конторы, участвовавшего в начале своей карьеры в покушении на жизнь городского уездной полиции, а также канцелярского служащего Енисейского губернского управления, осквернившего штандарт Российской империи, представляют собой примеры присутствия оппозиционных политических взглядов среди служащих местного уровня власти. Недостаток средств к существованию вызывал недовольство и в данной категории населения Сибири.

Пример последнего губернатора Енисейской губернии свидетельствует, что не все государственные служащие даже на высших должностях губернской администрации были монархистами, и на это были уже не материальные, а идеологические причины. Я.Г. Гололобов – член партии «Союз 17 октября», будучи членом Государственной Думы III-го созыва, открыто провозглашал и защищал собственные взгляды на будущее России в столь трудный период выбора вектора ее развития. Встречающиеся Я.Г. Гололобову на жизненном пути препятствия определили его роль в истории как идеологически смелого политического деятеля и одновременно нерешительного в действиях чиновника.

Литература

ГАИО – Государственный архив Иркутской области.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

Дамешек, Дамешек, 2020 – Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Образы сибирских окраин империи как предмет зарубежной историографии XX–XXI вв. // *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук*. 2020. № 1 (37). С. 84–96.

Друзьяка, Дударенок, 2018 – Друзьяка А.В., Дударенок С.М. Институт нотариата на Дальнем Востоке России и в Маньчжурии (1879–1930-е гг.) // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2018. № 2 (45). С. 76–83.

Жулаева и др., 2019 – Жулаева А.С., Карчаева Т.Г., Северьянов М.Д. История нотариата Приенисейской Сибири (XVIII–XX вв.). Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2019. 262 с.

Карчаева, 2017 – Карчаева Т.Г. Енисейская губернская администрация: численность и состав (1822–1917 гг.). Красноярск: Изд-во СФУ, 2017. 252 с.

Карчаева, 2019 – Карчаева Т.Г. Роль инородческих органов власти в имущественных отношениях хакасов в 1822–1913 гг. (исторический аспект) // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «История»*. 2019. Т. 29. С. 91–99.

Матханова, 2020 – Матханова Н.П. Хабаровские съезды сведущих людей и приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф: поиски каналов коммуникации между властью и обществом в Имперской России // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2020. Т. 27(3). С. 65–71. DOI: 10.15372/HSS20200311

Плех, 2019 – Плех О.А. Провинциальное чиновничество России в первой половине XIX в.: отечественная историография конца XX – начала XXI в. // *Вопросы истории*. 2019. № 11. С. 258–272.

Чуб, 2018 – Чуб Н.В. Кадровая деятельность губернских органов России XIX в. в фондах федерального и региональных архивов // *Вестник архивиста*. 2018. № 2. С. 343–351.

Anisimova et al., 2018 – Anisimova L. J., Andusev B. E., Akhtamov E. A. The Problems of Socialization of the Convicts in Old Resident Community in the Yenisei Region of Siberia in the XIX century // *Bylye Gody*. 2018. 48(2): 728–735.

Bloch, 2005 – Bloch A. Longing for the kollektiv: Gender, power, and residential schools in central Siberia // *Cultural Anthropology*. 2005. 20(4): 534–569.

[Dyatlov, Dyatlova, 2020](#) – *Dyatlov, V.I., Dyatlova, E.V.* From the “Influx of the Yellow Race” to “Migrant Workers”: Dynamics of the Languages for Describing Cross-Border Migrations in Russia // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 13(5): 623-638. DOI: 10.17516/1997-1370-0594

[Gentes, 2003](#) – *Gentes A.* Licentious girls' and frontier domesticators: women and Siberian exile from the late 16th to the early 19th centuries // *Sibirica*. 2003. 3(1). Pp. 3-20.

[Gryaznukhin et al., 2020](#) – *Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Belgorodskaya L.V., Malyutina L.F.* Charity as the Demonstration of Mentality of the Merchant Class and Entrepreneurs of Russia in the XIX century // *Bylye Gody*. 2020. 57(3). Pp. 1132-1141.

[Karchaeva et al., 2018](#) – *Karchaeva T.G., Garin E.N., Severyanov M.D.* Who were the clerks in Siberia? Professional characteristics of Russian Empire local governmental officials from the 19th to the early 20ies century // *Bylye Gody*. 2018. 49 (3), pp. 1287-1295.

[Karchaeva et al., 2019](#) – *Karchaeva T.G., Gergilev D.N., Luschaeva G.M.* Hereditary Bureaucracy in East Siberian Government from XIX to the early XX century: Statistical Analysis on the Materials of the Yenisei Province // *Bylye Gody*. 2019. 51(1): 188-197.

[Lyubichankovskiy, 2020](#) – *Lyubichankovskiy S.V.* Imperial Acculturation on Russian's Southeastern Frontier: An International Survey // *RUDN Journal of Russian History*. 2020. 19(3): 727-740.

[Malyutina et al., 2019](#) – *Malyutina L.F., Gergilev D.N., Gryaznukhin A.G., Zhabaeva L.B.* Social Thought in Russia of Its Czarist-Era about the Place of Siberia in the State Structure of the Country // *Bylye Gody*. 2019. 54(4): 1429-1438.

[Vitimneva et al., 2020](#) – *Vitimneva E.V., Lushchaeva G.M., Pahomova N.V., Lushchaeva M.D.* The violations of public order by students of the Imperial Tomsk University and its regulation in the late XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 242-249.

References

[Anisimova et al., 2018](#) – *Anisimova, L.J., Andusev, B.E., Akhtamov, E.A.* (2018). The Problems of Socialization of the Convicts in Old Resident Community in the Yenisei Region of Siberia in the XIX century. *Bylye Gody*. 48(2): 728-735.

[Chub, 2018](#) – *Chub, N.V.* (2018). Kadrovaja dejatel'nost' gubernskih organov Rossii XIX v. v fondah federal'nogo i regional'nyh arhivov [Human resource management in the Russian gubernia institutions of the 19th century in the fonds of federal and regional archives]. *Vestnik arhivista*. 2: 343-351. [in Russian]

[Dameshek, Dameshek, 2020](#) – *Dameshek, L.M., Dameshek, I.L.* (2020). Obrazy sibirskikh okrain imperii kak predmet zarubezhnoi istoriografii XX–XXI vv. [Images of the Siberian edge of the Empire as a subject of foreign historiography of the 20th – 21st centuries]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossijskoi akademii nauk*. 37(1): 84-96. [in Russian]

[Druzyaka, Dudarenok, 2018](#) – *Druzyaka, A.V., Dudarenok, S.M.* (2018). Institut notariata na Dal'nem Vostoke Rossii i v Man'chzhurii (1879–1930-e gg.) [Institute of the notariate in the Russian Far East and Manchuria (1879–1930s)]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. 45(2): 76-83. [in Russian]

[Dyatlov, Dyatlova, 2020](#) – *Dyatlov, V.I., Dyatlova, E.V.* (2020). From the “Influx of the Yellow Race” to “Migrant Workers”: Dynamics of the Languages for Describing Cross-Border Migrations in Russia. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 13 (5). pp. 623-638. DOI: 10.17516/1997-1370-0594

GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja [State archive of the Krasnoyarsk Region].

[Gololobov, 1910](#) – *Gololobov, Ya.G.* (1910). Rech' chlena Gosudarstvennoy dumy Gololobova 28 aprelya (o partii oktyabristov) [State Duma member Gololobov's speech on April 28 [about the Octobrist party]]. SPb. [in Russian]

[Gryaznukhin et al., 2020](#) – *Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Belgorodskaya, L.V., Malyutina, L.F.* (2020). Charity as the Demonstration of Mentality of the Merchant Class and Entrepreneurs of Russia in the XIX century. *Bylye Gody*. 57(3): 1132-1141.

[Karchaeva, 2017](#) – *Karchaeva, T.G.* (2017). Eniseiskaya gubernskaya administratsiya: chislennost' i sostav (1822–1917 gg.) [The Yenisei Provincial Administration: number: number and composition from 1822 to 1917]. Krasnoyarsk. [in Russian]

[Karchaeva et al., 2018](#) – *Karchaeva, T.G., Garin, E.N., Severyanov, M.D.* (2018). Who were the clerks in Siberia? Professional characteristics of Russian Empire local governmental officials from the 19th to the early 20ies century. *Bylye Gody*. 49(3): 1287-1295.

[Karchaeva et al., 2019](#) – *Karchaeva, T.G., Gergilev, D.N., Luschaeva, G.M.* (2019). Hereditary Bureaucracy in East Siberian Government from XIX to the early XX century: Statistical Analysis on the Materials of the Yenisei Province. *Bylye Gody*. 51(1): 188-197.

[Lyubichankovskiy, 2020](#) – *Lyubichankovskiy, S.V.* (2020). Imperial Acculturation on Russian's Southeastern Frontier: An International Survey. *RUDN Journal of Russian History*. 19(3): 727-740.

[Malyutina et al., 2019](#) – *Malyutina, L.F., Gergilev, D.N., Gryaznukhin, A.G., Zhabaeva, L.B.* (2019). Social Thought in Russia of Its Czarist-Era about the Place of Siberia in the State Structure of the Country. *Bylye Gody*. 54(4): 1429-1438.

Mathanova, 2020 – *Mathanova, N.P.* (2020). Habarovskie s"ezdy "svedushchih lyudej" i priamurskij general-gubernator A.N. Korf: poiski kanalov kommunikacii mezhdru vlast'yu i obshchestvom v Imperskoj Rossii [Meetings of "Well-Informed People" in Khabarovsk and the Priamur Governor-General A.N. Korf: searching of communication channels between the authority and society in Imperial Russia]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 27(3): 65-71. [in Russian]

Plekh, 2019 – *Plekh, O.A.* (2019). Provintsial'noe chinovnichestvo Rossii v pervoi polovine XIX v.: otechestvennaya istoriografiya kontsa XX – nachala XXI v. [Provincial bureaucracy of Russia in the first half of the XIX century: domestic historiography of the end of the XX – early XXI century 2019]. *Voprosy istorii*. 11: 258-272. [in Russian]

Vititneva et al., 2020 – *Vititneva, E.V., Lushchaeva, G.M., Pahomova, N.V., Lushchaeva, M.D.* (2020). The violations of public order by students of the Imperial Tomsk University and its regulation in the late XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 55(1): 242-249.

Общественно-политические взгляды сибирских чиновников на перспективы России в начале XX в.

Татьяна Геннадьевна Карчаева ^{a, *}, Александр Григорьевич Грязнухин ^a,
Татьяна Владимировна Грязнухина ^a, Николай Рзавич Новосельцев ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрены ранее неизвестные исторической науке факты разобщенности общественно-политических взглядов местных чиновников начала XX в. Территориальные границы определены Сибирью в качестве отдаленной территории Российской империи, характеризовавшейся большей сословной неоднородностью среди государственных служащих, чем в Европейской России. Так, последний губернатор Енисейской губернии Я.Г. Гололобов до назначения в Сибирь был членом партии «Союз 17 октября», депутатом Третьей Государственной Думы Российской империи, открыто выступавшим против консерватизма в системе государственного управления. Он имел много сторонников своих идей в составе парламента. Причинами формирования его общественно-политических взглядов были идейные принципы, заключавшиеся в необходимости изменений. На архивных материалах доказано, что в Сибири чиновники (выходцы из крестьянской и мещанской среды) были более подвержены тенденциям, характерным для оппозиционного массового сознания начала XX в. В качестве примера показаны факты из биографий служащего нотариальной конторы города Канска М.Д. Юдина и канцелярского служащего Енисейского губернского управления А.Ф. Илюшина, которые совершили преступления против порядка управления, но не были привлечены по неизвестным причинам к соответствующей юридической ответственности. Первый из них, крестьянин по происхождению М.Д. Юдин участвовал в 1910 г. в стрельбе по городскому Канской уездной полиции, был приговорен к краткосрочному аресту, затем в полицейских структурах числился политически неблагонадежным лицом, имевшим причастность к саботажу революционной направленности, однако продолжил карьеру и в 1916 г. даже исполнял обязанности нотариуса города Канска. Второй из них, мещанин города Ачинска А.Ф. Илюшин во время краткосрочного отпуска в родном городе прилюдно в 1908 г. совершил надругательство над государственным флагом Российской империи с провозглашением лозунгов в защиту революционных идей 1905–1907 гг. После происшествия он уволился по домашним обстоятельствам со службы, затем пытался безуспешно продолжить карьеру в Томской губернии, но сумел восстановиться в штат Енисейской губернской администрации. Архивные данные свидетельствуют, что А.Ф. Илюшин работал в системе государственного управления вплоть до 1919 г. Важно отметить, что высшее чиновничество Иркутского генерал-губернаторства видело в низком уровне жалованья причину разобщенности и оппозиционности политических взглядов в среде чиновников. Приведенная в статье статистика из докладов чиновников межведомственного совещания доказывает несоответствие оплаты труда государственных служащих требованиям времени в условиях дороговизны начала XX в.

Ключевые слова: чиновничество, государственные служащие, жалованье, уровень жизни, революционное движение, общественно-политические настроения, Енисейская губерния, Иркутская губерния, Иркутское генерал-губернаторство, Сибирь, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

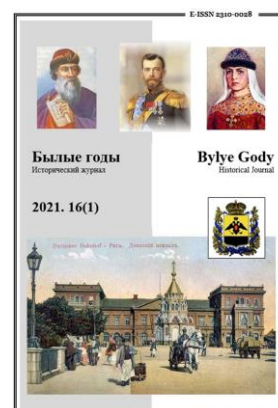
Адреса электронной почты: tatyana-verkhoturova@yandex.ru (Т.Г. Карчаева)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 365-374.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.365
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Transformation of Approaches to Solving the Agrarian Question in the Programs of Right-Wing and Liberal Parties in the period 1905–1913

Sergey V. Rastorguev ^{a, *}

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

This study is devoted to the topic of the transformation of approaches to solving the agrarian issue in the programs of right-wing and liberal parties in the Russian Empire in the period 1905-1913. The source base of the work was formed by attracting materials from the funds of the parties of cadets, octobrists and the All-Russian "Dubrovin" Union of the Russian people, stored in the funds of the State Archive of the Russian Federation (GARF). When writing the study, pre-revolutionary literature on the stated topic was widely involved.

The methodology of the work is based on the principles of historicism and consistency, a combination of general scientific and special methods. Analysis and synthesis were used as general scientific methods. A special historical narrative method was used to identify and represent causal relationships in the process of transforming approaches to the interpretation and articulation of provisions related to the solution of the agrarian question. The method of comparative analysis was used to study the similarities and differences in the formation and evolution of the approaches of right-wing and liberal parties.

The author comes to the conclusion that the logic of the development of the agrarian programs of the liberal and right-wing parties was largely reactive. Right-wing and liberal parties responded to inquiries from below, acting as a feedback mechanism for their electorate. However, they also experienced pressure from various interest groups of the Russian elite, primarily the government and the monarch. As a result, the transformation of agrarian programs was often determined by the short-term dynamics of the political and socio-economic environment. The development of a proactive position on the agrarian issue of the right-wing and liberal parties was hampered not only by strong ties with interest groups, the multifactorial nature and complexity of demographic, social, technological challenges to agriculture, but also by the strategy of embedding parties in the political structure of the Russian monarchy.

Keywords: agrarian question, agrarian programs, political parties, the Cadets, the Octobrists, the Union of the Russian People, the Union of Archangel Michael, Dubrovinians, the rightists, liberals.

1. Введение

На рубеже XIX–XX вв. аграрный вопрос стал одним из ключевых элементов политической повестки дня Российской империи, что обусловлено накоплением критической массы социально-экономических противоречий в главной отрасли экономики страны. Российские политические партии сформировали аграрные разделы программ как результат агрегирования и артикуляции требований различных социальных групп и инструмент позиционирования в условиях становления парламентаризма. Содержание данных разделов достаточно широко освещено в научной литературе. В рамках сравнительных исследований акцентировались отличия партийных позиций, гораздо меньше внимания уделялось сходству программных положений, отражавших определенную универсальность подходов к решению некоторых аспектов аграрного вопроса.

Вместе с тем наблюдался и иной структурный перекоп, проявлявшийся в значительном внимании к анализу влияния групп интересов на аграрные программы партий при гораздо меньшем

* Corresponding author

E-mail addresses: SRastorguev@fa.ru (S.V. Rastorguev)

внимании к долгосрочным стратегиям и краткосрочным электоральным тактикам идеологических оппонентов политического пространства.

Актуальность предмета исследования обусловлена двойственностью наследия советской парадигмы исторической науки. С одной стороны, на системе представлений об аграрных программах политических партий негативно отражаются элементы когнитивных схем, заданных еще официальной советской идеологией и воспринятых современной научной школой, с другой – ревизия истории аграрных реформ в рассматриваемый период не только позволила объективно исследовать обозначенные процессы, но и содействовала возникновению сопутствующих эффектов в виде идеализации тех или иных аграрных проектов политических партий под воздействием социально-политической конъюнктуры.

В силу вышеуказанных обстоятельств тема трансформации аграрных программ политических партий сохраняет высокую степень актуальности до настоящего времени. И в первую очередь это касается позиций, занимаемых по аграрному вопросу правыми (консервативными) и либеральными партиями. В марксистско-ленинской идеологической рамке их программы оценивались весьма критично как провалившиеся проекты части российской элиты встроить традиционные рентные отношения в объективно модернизирующееся по капиталистическому образцу общество. В постсоветский период наметилась тенденция идеализации правых и либеральных альтернатив решения аграрного вопроса в рамках деконструкции официального исторического мифа СССР.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования в первую очередь состоит из материалов фондов Конституционно-демократической партии, «Всероссийского «дубровинского» Союза русского народа» и «Союза 17 октября», хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Для написания работы использовалась дореволюционная литература, отражающая интерпретации аграрных программ правых и либеральных партий в период становления парламентаризма в 1905–1913 гг., а также опубликованные сборники документов по данной теме.

Исследование базируется на методологических принципах историзма и системности, которые предполагают изучение трансформации подходов к решению аграрного вопроса в программах правых и либеральных партий с учетом выявления первоисточков, динамики этапов «аграрной повестки дня» как отражения стратегии и тактики политических партий, агрегирующих требования и поддержку внешней среды, артикулирующих аграрные проекты в публичном поле, обеспечивающих обратную связь с внешней средой.

Методология работы основывается на сочетании общенаучных и специальных методов. С помощью общенаучных методов анализа и синтеза осуществлялось исследование конкретных положений аграрных программ либеральных и правых партий, а также устанавливалась взаимосвязь данных положений как элементов системы политических институтов. Специально-исторический нарративный метод использован для выявления и репрезентации причинно-следственных связей в процессе трансформации подходов к интерпретации и артикуляции положений, связанных с решением аграрного вопроса. Метод сравнительного анализа применялся для изучения сходства и различия в формировании и эволюции подходов, закрепленных в программных документах, как между правыми и либеральными партиями, представляющими политический спектр, так и между различными партиями внутри категорий политического спектра.

3. Обсуждение

В дореволюционной историографии тема исследовалась преимущественно в рамках изучения смежных или более широких вопросов, таких как развитие парламентаризма в России, идеологическое противостояние партий, аграрная реформа. При этом на оценки исследователей почти неизбежно влияли их собственные политические предпочтения (Зворыкин, 1905; Львович, 1906; Мышцин, 1906; Винавер, 1907; Езерский, 1907). Для советской историографии характерны, с одной стороны, значительная степень разработанности источниковой базы, с другой – безальтернативность марксистско-ленинского исследовательского подхода и жесткие рамки официальной идеологии (Комин, 1965; Шелухаев, 1970; Спиринов, 1977; Иллерицкая, 1981; Волобуев и др., 1989). Значительный эмпирический и теоретический задел советской школы историков-аграриев обусловил тот факт, что постсоветская наука сконцентрировалась на критике идеологизированных выводов и стереотипов предшественников. При этом в отдельных публикациях обнаруживается как полное отрицание советских моделей и концепций, так и их реинкарнация в иных парадигмах и терминах (Кирияков, 2001; Верховилова, 2007; Дорофеев, 2006; Марченя, Разин, 2012; Курицын, 2018; Кочешков, 2019 и др.).

Таким образом, выбранный нами предмет исследования позволяет провести анализ вне широкого контекста и смежной проблематики дореволюционных работ, а также обойти дискурсы апологетики или критики советской историографии.

4. Результаты

Говоря о правых политических партиях в дореволюционной России, в большинстве случаев имеют в виду такие крупные структуры, как «Союз русского народа» и «Русский народный союз имени Михаила Архангела». Однако данный подход в значительной степени упрощает реальную структуру правого политического фланга и пригоден скорее для схематичного описания партийного спектра России в описываемый период.

Следует помнить о том, что правые политические организации в дореволюционный период активно блокировались и фрагментировались. В 1905 г. на базе «Русского собрания» была сформирована партия «Союз русского народа». Однако конфликты внутри нее, обострившись в период 1907–1908 гг., привели к отделению от организации группы членов во главе с В.М. Пуришкевичем, образовавших «Русский народный союз имени Михаила Архангела». В 1910–1911 гг. внутри «Союза русского народа» произошел новый раскол: один из основателей партии А.И. Дубровин вышел из ее состава, следствием чего стало возникновение в 1912 г. двух одноименных организаций, получивших в историографии обозначения «дубровинская» и «обновленческая» (Омельянчук, 2020: 429; Спирин, 1968: 78).

Помимо упомянутых выше структур, на правом фланге действовали многочисленные малые объединения (такие как «Русская монархическая партия») и отчасти подменявшие собой политические партии корпорации собственников (в качестве примера можно привести «Всероссийский союз землевладельцев» и съезды уполномоченных губернских дворянских обществ). Их роль в политической жизни России в целом, и реализации аграрной политики в частности, характеризуется незначительным влиянием или краткосрочностью активной деятельности.

Поэтому в качестве источника информации о взглядах и целях правых политиков, обладавших реальным влиянием на формирование государственной политики по аграрному вопросу, наиболее репрезентативны именно программы относительно крупных партий, таких как обе вариации «Союза Русского народа» и «Союз Михаила Архангела».

Большинство консенсусных положений относительно решения аграрного вопроса, разделяемых большинством правых политиков, нашли свое отображение в «Уставе и основоположениях Союза русского народа» (1906 г.). В данном документе декларировалась необходимость предоставить этническим русским исключительное право на приобретение и аренду казенных, удельных, церковных и монастырских земель, приобретение и аренду участков, находящихся в частном владении, заселение свободных земель в рамках всей территории империи. Авторы партийной программы выделяли аграрное производство и традиционные формы землевладения в качестве «главных устоев, на которых основано благосостояние и строй русского государства». Все это выступало в качестве обоснования необходимости придания земельной собственности «коренных земледельческо-владельческих сословий» неотчуждаемого характера с целью ее защиты от посягательств «пришлых элементов» (Устав и основоположения, 1906: 7, 8).

В силу аффилированности с крупными землевладельцами, артикуляции интересов института Русской православной церкви, правые, за редким исключением, ожидаемо негативно оценивали идею изъятия помещичьих, монастырских, церковных земель. Однако они признавали сам факт крестьянского малоземелья и остроту соответствующей проблематики. Облегчить положение основной массы мелких собственников, согласно «Уставу и основоположениям Союза русского народа», предполагалось за счет создания системы казенных зернохранилищ (элеваторов) для покупки крестьянского хлеба, а также выдачи ссуд под зерно. Последнее должно было защитить крестьян от злоупотреблений со стороны скупщиков и комиссионеров, одновременно способствуя упорядочению экспорта хлеба. Также «Союз русского народа» выступал с инициативой по созданию и развитию системы «малого кредитования» (на государственной основе и посредством кредитных товариществ) для поддержки крестьян, что должно было облегчить для основной массы сельского населения задачу приобретения скота и инвентаря. Помимо того, партия настаивала на необходимости страхования всех видов сельскохозяйственного инвентаря и скота (Устав и основоположения, 1906: 8).

Следует подчеркнуть, что в данном случае упомянутые пункты программы «Союза русского народа» свидетельствуют о возможном наличии обратной связи с населением: соответствующие требования и предложения часто озвучивались в рамках требований и наказов крестьян еще в 1905 г.

Однако в то же время необходимо подчеркнуть, что в качестве ключевого фактора улучшения положения крестьян партия рассматривала совершенствование механизма сбыта продукции сельского хозяйства за рубежом: бедность крестьян рассматривалась как производная от спекуляций перекупщиков и в первую очередь низких мировых цен на хлеб. С учетом того, что большая часть экспортируемого империей хлеба производилась в крупных товарных хозяйствах, данный тезис носил дискуссионный характер, однако позволял, пусть и формально, согласовать интересы собственников земли разного уровня (ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 3. Л. 7, 8; Программы..., 1995: 435–437).

В партийной платформе «Союза русского народа» накануне выборов во II Государственную думу также декларировалась возможность приобретения государством земель частных собственников (добровольно согласившихся на сделку) с целью ее дальнейшей перепродажи крестьянам по

доступным ценам, увеличения размеров помощи переселенцам, устранения чересполосицы посредством сведения мелких участков в крупные и прекращения переделов земли, находившейся в пользовании хозяйства в течение не менее 24 лет. В пределах каждой местности предлагалось установить наименьший размер земельного участка, не подлежащего принудительной продаже за долги (ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 19. Л. 25).

По мере развития правого движения, конкретизации партийных программ и платформ и роста внутренних конфликтов среди правых наметился раскол и в отношении многих аспектов решения аграрного вопроса. Роль естественного катализатора в рамках данного процесса сыграла аграрная реформа П.А. Столыпина. Если руководство «Союза Михаила Архангела» и представители «обновленческого» «Союза русского народа» настаивали на необходимости интенсификации выхода крестьян из общины, то «дубровинцы» выступали резко против этого, отмечая, что данный институт выполняет в том числе функции социальной защиты, обеспечивает содержание храмов, школ и больниц и его быстрая ликвидация приведет к росту бедности и маргинализации значительной части сельских жителей. В связи с этим партия настаивала на необходимости распространить действие программы предоставления казенных оброчных земель не только выделившимся из общины, но и оставшимся в ней крестьянам. Аналогичным образом предполагалось скорректировать и программу продажи земли Крестьянским банком. Одновременно партия рекомендовала предоставить мелким землевладельцам право на выпас скота, сбор валежника, ягод и фруктов в казенных лесах, сдавать на льготных условиях расположенные там участки под покос и открыть свободную продажу леса на территории казенных дач по фиксированным ценам (ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 43. Л. 72-74, 87).

«Дубровинцы» также акцентировали внимание на росте числа случаев перехода земельных участков к скупщикам и кулакам, в том числе в рамках реализации мошеннических схем. В силу этого сторонники А.И. Дубровина выступали за ограничение права продажи крестьянских наделов и выкупленной земли, в том числе вплоть до наложения полного моратория для «семейных» сельских жителей. Также отмечалось увеличение числа случаев спекуляций с земельными участками. Борьба с эти предлагалось посредством выработки мер, препятствующих участию в торгах подставных лиц и манипуляциям с ценами, в том числе по линии Крестьянского и Земельного банков. Помимо того, партия призывала упорядочить механизм формирования арендной платы. В качестве соответствующего инструмента на обсуждение был вынесен проект наделения уездных землеустроительных комиссий правом определять среднюю стоимость аренды земельного участка на определенный срок (ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 45. Л. 14).

В ходе прошедших в мае 1912 г. съездов свои аграрные программы попытались актуализировать «обновленческий» «Союз русского народа» и «Союз Михаила Архангела» (по итогам совместного заседания с прочими членами «Союза русских людей», в который также входили «Русский монархический союз» и «Русское собрание»). Общее собрание съездов приняло «Свод основных положений», который, однако, включал в себя лишь декларацию необходимости реализации мер, уже ранее заявленных в своей программе объединенным «Союзом русского народа». Новые моменты в программе носили в целом незначительный характер и представляли собой результат конкретизации более ранних инициатив. В частности, появился тезис о создании элеваторов на крупных железнодорожных станциях и пристанях, задействованных в логистике экспорта хлеба (Программы..., 1995: 443-447).

Стратегии решения аграрного вопроса, закрепленные в программах и платформах правых партий, объединяли ориентация на отказ от системного изъятия земель в пользу крестьянства (в том числе на возмездной основе) и стремление обеспечить рост благосостояния мелких и средних хозяйств за счет обеспечения доступного кредитования, создания элементов системы логистики потоков товарного зерна за счет государства, уничтожения чересполосицы и прекращения переделов участков, длительное время находящихся в пользовании общинников. Большинство крупных объединений правых поддержали столыпинскую реформу, настаивая на ее коррекции лишь в плане ускорения процесса выхода крестьян из общины и расширения помощи переселенцам. Исключением из общего правила стала позиция «дубровинцев», акцентировавших внимание на отрицательных моментах разрушения общины, негативном влиянии земельных спекулянтов и рисках, порождаемых разорением и маргинализацией беднейших крестьян.

Обращает на себя внимание и то, что в качестве базового условия успешного решения аграрного вопроса лидеры правых позиционировали повышение цен на экспортное зерно на внешних рынках и устранение большинства посредников между производителями и экспортерами хлеба. Данный тезис априори носит дискуссионный характер, поскольку большая часть товарного хлеба в империи производилась крупными товарными хозяйствами. Полезный эффект от мер, стимулирующих экспорт, ощутили бы только крестьяне, обладающие достаточно крупными наделами и способные позволить себе привлечение наемных работников.

В рамках освещения истории поиска путей решения аграрного вопроса представителями либеральных партий исследователи чаще всего концентрируются на изучении позиций кадетов и октябристов, несмотря на наличие оригинальных программ у таких объединений, как «Партия мирного обновления» и прогрессистов. Данный подход, на наш взгляд, следует рассматривать как

вполне обоснованный. Во-первых, в рассматриваемый период (1905–1913 гг.) упомянутые «альтернативные» партии пользовались сравнительно слабой поддержкой и не оказывали определяющего влияния на формирование политической повестки и принятие соответствующих решений. Во-вторых, во многом они обоснованно расценивались как центры притяжения бывших членов крупных либеральных партий, по тем или иным причинам вышедших из их состава. Таким образом, зачастую малые либеральные партии представляли собой во многом отколовшиеся фракции кадетов и октябристов (Нефедова, 2017: 12).

Следует обратить внимание на то, что в исторической публицистике широко распространено мнение об отсутствии сильной связи представителей либеральных партий с крупными землевладельцами и наличии таковой с группами интересов делового сообщества – купцами и фабрикантами. Подобного рода упрощения базируются в первую очередь на игнорировании того, что многие дворяне из числа крупных землевладельцев стали предпринимателями, а преуспевающие коммерсанты активно скупали участки у разорившихся помещиков. Как следствие, по данным за период 1905–1907 гг., 53,22 % членов «Союза 17 октября» являлись потомственными дворянами, а 38,93 % – собственниками земли. Таким образом, дальнейшее сравнение аграрных программ кадетов и октябристов будет осуществляться вне контекста противостояния условных «помещиков и буржуазии», а на основе противопоставления целей, интересов и мотивов политических партий.

Аграрная программа октябристов выстраивалась в первую очередь вокруг концепции распространения в деревне хозяйств товарно-денежного типа и интенсификации аграрного производства.

В воззвании лидера «Союза 17 октября» А.И. Гучкова, подписанного членами комитетов партии в Москве и Санкт-Петербурге 10–14 ноября 1905 г., было заявлено о необходимости повышения производительности земледелия, а также давались рекомендации относительно усиления регулирования мелкой аренды, реформы Крестьянского банка, реализации программ расселения и переселения крестьян. Также глава партии и его единомышленники призывали к созданию за счет государственных и удельных владений особого фонда, используемого для наделения земель нуждающихся в ней крестьян, межеванию «чересполосных» участков помещиков и крестьян. В случае возникновения обстоятельств, способствующих резкому обострению «аграрного вопроса», в силу государственной важности октябристы допускали отчуждение находящихся в частном владении земель при условии справедливого вознаграждения, фиксируемого законодательно. Важно отметить, что при этом октябристы не поднимали вопроса о ликвидации общины, создании хуторов и выделения крестьянских наделов в отрубы (ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 2. Л. 14).

В ходе прошедшего 8–12 февраля 1906 г. первого съезда партии октябристы приняли две резолюции по аграрному вопросу. В рамках первой предлагалось провести реформу Крестьянского банка, наделив правом решающего голоса его региональные учреждения, формируемые путем выборов среди землевладельцев и земледельцев. Вторая резолюция содержала призыв к созданию на локальном уровне землеустроительных комиссий. В сферу их компетенции предлагалось включить вопросы межевания земель, переселения крестьян, содействия проведению сделок по купле-продаже земли, организации выдачи мелиоративных кредитов и мониторинга малоземелья. При этом были четко обозначены приоритеты партии: стратегическое значение придавалось не борьбе с малоземельем, а повышению производительности агротехники, созданию конкурентоспособных хозяйств (ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 8. Л. 32; Езерский, 1907: 41).

Вместе с тем на первом съезде произошли существенные изменения в вопросе аграрной программы. Так, борьба с безземельем и малоземельем отступила на задний план, а на первый – вышло повышение производительности земли, которое в основном связывалось с «содействием к образованию мелкой земельной собственности на отрубках и хуторских участках» (ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 8. Л. 34).

В период работы I Думы октябристы настаивали на том, что проблема малоземелья должна решаться в первую очередь за счет перераспределения земель из казенных и удельных фондов. Лишь при исчерпании этого ресурса предлагалось приступить к изъятию частновладельческих участков. При этом была прописана последовательность использования соответствующих ресурсов. Первоначально планировалось изымать чересполосные участки, а затем земли, заявленные на продажу. После этого наступала очередь сдаваемых в аренду земледельцам участков, отчуждение которых не создавало чересполосицу и не нарушало целостности сложившихся хозяйственных комплексов. Затем наступал черед необрабатываемых земель, имеющих хозяйственное значение, и, наконец, латифундий, превышающих установленный для каждой конкретной местности стандарт размера. После острой дискуссии с председателем Совета министров И.Л. Горемыкиным было принято решение внести поправки в эту модель, закрепив в ней тезис об отчуждении земли исключительно на возмездной основе и за справедливую цену (ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 14. Л. 19; Программы..., 1995: 324; Скворцов, 1906: 44).

Октябристы выразили всестороннюю поддержку столыпинской реформы, после чего партия решительно отмежевалась от проектов, связанных с принудительным изъятием частновладельческих земель. Более того, 29 ноября 1906 г. газета «Русское слово» опубликовала заявление Центрального

комитета партии об упразднении посвященного аграрному вопросу раздела в программе октябристов, поскольку все ее основные положения реализованы правительством (Винавер, 1907: 37).

Впрочем, отдельные положения «аграрного» характера прослеживались и в более поздних программных документах и платформах партии. Более того, октябристы в итоге вернулись к обсуждению вопроса об изъятии участков с целью нивелирования проблемы крестьянского малоземелья. С одной стороны, октябристы выдвигали идею создания земельных комитетов, которые занимались бы передачей крестьянам пустующих участков удельных, казенных и кабинетских земель. С другой – они допускали (в исключительных случаях) отчуждение земель, находящихся в частной собственности, но только по закрепленной законом справедливой цене. Также октябристы настаивали на необходимости более четкой регуляции аренды земель крестьянами (ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 25. Л. 71; Ухтубужский, 1912: 53).

В целом можно констатировать, что аграрная программа октябристов была изначально ориентирована в первую очередь на создание высокоэффективных товарных хозяйств за счет создания кредитных инструментов и устранения чересполосицы. Партия крайне осторожно подходила к решению вопроса об отчуждении земель, после длительных дебатов и консультаций с представителями правительства ограничившись признанием возможности данного шага на возмездной основе при условии справедливой и законодательно зафиксированного вознаграждения. При этом наблюдалась четкая иерархия приоритетов: октябристы относительно терпимо воспринимали идею отчуждения государственных земель или владений правящей династии, занимая куда более жесткую позицию в рамках защиты неприкосновенности частных владений.

Начало развитию аграрного вопроса в программах кадетов заочно было положено на съезде земцев-конституционалистов (объединения, наряду с «Союзом освобождения», сформировавшего партию) 24–26 февраля 1905 г. В рамках выработанного делегатами консенсуса конституционалисты настаивали на необходимости реализовать следующие меры:

- обеспечить сокращение масштабов крестьянского малоземелья за счет формирования государственного земельного фонда (включающего казенные и часть удельных участков, а также приобретенные посредством обязательного выкупа «необходимые прирезки» в частных владениях). Важно указать, что отчуждение частных земель предполагалось осуществить по справедливой цене. В первую очередь предлагалось изъять земли, используемые под выгоны, чересполосные участки, прилегающие к усадьбам крестьян участки земли, водопой и аналогичные в функциональном плане угодья. В качестве крайней меры рассматривалась возможность отчуждения участков, арендуемых крестьянами у помещиков;

- четко регламентировать арендные отношения в аграрной сфере;
- организовать на государственном уровне программы переселения и расселения крестьян;
- повысить доступность для мелких и средних собственников различных видов кредита;
- реформировать Крестьянский банк и создать программы содействия кооперативным объединениям крестьян;
- провести ревизию земельного законодательства;
- положить конец чересполосице и практике обмена участками (Львович, 1906: 28; Шардыко, 2005: 127).

Реализацию перечисленных инициатив будущие кадеты предлагали доверить общественно-государственным посредническим комиссиям.

В программе, принятой в марте 1905 г. III съездом «Союза освобождения», также было изложено видение путей решения «аграрного вопроса». Решать его предполагалось посредством:

- предоставления безземельным и малоземельным крестьянам участков за счет отчуждения государственных и кабинетских земель, а в регионах, где они отсутствовали, – посредством изъятия частных владений на возмездной основе;

- создания государственного земельного фонда, целью работы которого станет организация переселения крестьян;

- формирования системы арендного права, ориентированного на обеспечение интересов арендатора и обеспечивающего работу институтов медиации;

- распространения норм рабочего законодательства на сельскохозяйственных работников с учетом особых условий их труда (Мышцин, 1906: 24; Шелохаев, 1970: 182).

В рамках первоначальной редакции программы Конституционно-демократической партии, принятой учредительным съездом 12–18 октября 1905 г., к числу ключевых положений позиций кадетов по аграрному вопросу были выделены:

- увеличение площади земельных участков, обрабатываемых при помощи личного труда владельцев;

- допустимость отчуждения частновладельческих земель в необходимых размерах при условии компенсации по справедливой (но не рыночной) оценке за счет средств государственного бюджета;

- создание государственного земельного фонда, формируемого за счет изъятия казенных, удельных, кабинетских, монастырских и отчужденных частных земель (ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 1. Л. 10-11).

На II съезде кадетов (январь 1906 г.) было озвучено предложение разделить частновладельческие земли, потенциально подлежащие отчуждению, на 3 категории:

1) безусловно подлежащие отчуждению (к ним отнесли участки, которые являлись источниками рентного дохода – сдаваемые в аренду или обрабатываемые крестьянским инвентарем земли);

2) условно подлежащие отчуждению (к ним отнесли земли, «состоящие всецело в собственной эксплуатации владельцев», изъятие которых несет риски нарушения сложившегося хозяйственного комплекса);

3) изъятые из отчуждения земли (обладающие исключительным культурным значением) (ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 35. Л. 49-51).

21–25 апреля 1906 г. на III съезде кадетов был оглашен проект основных положений аграрной реформы, разработанный партией, который представлял собой результат конкретизации и развития заявленных ранее положений партийной программы. Его разработчики предложили расширить круг источников формирования государственного земельного фонда посредством принудительного отчуждения церковных земель, земель частных учреждений, помещичьих имений и некоторых лесных массивов. Предполагалось, что государственному земельному фонду будет придан характер постоянного учреждения. Применение принудительного отчуждения предлагалось распространить на частные земельные владения:

- превышающие высший установленный законом размер площади для конкретной местности;
- участки, сдаваемые собственником в аренду либо за отработки, или обрабатываемые преимущественно за счет наемного труда крестьян;
- «впусте лежащие» (необрабатываемые) участки в случае признания их профильными учреждениями пригодными для земледельческой культуры (ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 47. Л. 29-30).

В качестве крайней и исключительной меры проект предусматривал возможность изъятия части помещичьих земель ниже высшего размера в пределах конкретной территории.

В аграрном проекте кадетов также были определены целевые нормы наделения крестьян землей. Она составляла 6 десятин на средний двор. При этом авторы проекта признавали, что в отсутствие сторонних заработков среднее хозяйство, располагающее 6 десятинами земли, не сможет обеспечить свои потребности хотя бы в продовольствии. Последнее увязывалось с защитой большей части земель помещиков от принудительного отчуждения: работа на владельцев имений рассматривалась как главный источник дополнительного заработка для крестьян.

Также на III съезде кадетской партии было предложено дополнить аграрную программу нормой, согласно которой земли из государственного земельного фонда начали сдаваться крестьянам в долгосрочное пользование (ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 47. 31-33).

В последующем аграрная программа партии не претерпела значительных изменений (Щукин, 2004: 24).

Таким образом, мы можем заключить, что кадеты рассматривали решение аграрного вопроса в первую очередь в контексте решения социально-политической задачи устранения крестьянского малоземелья. В их программах также уделялось большое внимание повышению эффективности аграрного производства, однако эта задача не являлась приоритетной. Вероятнее всего, последнее было обусловлено осознанием угрозы, которую несли в себе процессы дальнейшей экономической поляризации сельского населения и увеличения его численности. Программа кадетов не содержала в себе радикальных мер, способных так или иначе полностью устранить проблему аграрного перенаселения. Партия скорее предлагала обеспечить за счет проведения масштабных реформ запас времени для решения «аграрного вопроса» в отдаленном будущем.

4. Заключение

Таким образом, представители как правых, так и либеральных партий дореволюционной России прекрасно осознавали наличие и остроту аграрного вопроса. Они проявляли солидарность в отношении большинства вопросов тактического уровня: относительно необходимости увеличения доступности для крестьян кредита и объектов сельскохозяйственной инфраструктуры, урегулирования их отношений с арендодателями и ликвидации негативных последствий существования общины (в первую очередь – чересполосицы).

И в то же время правые и либералы кардинально расходились во взглядах относительно самой стратегии решения аграрного вопроса. С точки зрения правых, первоисточником социальных проблем села являлись низкие цены на зерно на международных рынках и деятельность посредников-спекулянтов. Таким образом, решение аграрного вопроса представлялось возможным без масштабного изменения структуры земельной собственности.

Либералы изначально настаивали на сочетании мер, призванных повысить эффективность индивидуальных хозяйств, ликвидировав общинные пережитки в землепользовании, и создании государственного земельного фонда (октябристы впоследствии отошли от этой позиции).

Примечательно, что и кадеты, и представители «Союза 17 октября» первоначально настаивали на необходимости изъятия в государственный фонд преимущественно казенных, удельных, кабинетских и

монастырских земель. Это создавало конфликт интересов между данными партиями и рядом влиятельных групп среди элиты Российской империи. Однако в итоге октябристы переориентировались на задачу создания системы высокоэффективных хозяйств, интегрированных в рынок. Кадеты, напротив, акцентировали внимание на решении задачи перераспределения земель, защищая в первую очередь позиции собственников частновладельческих земель и в то же время призывая пожертвовать интересами казны, правящей династии и церкви. В крайнем случае кадеты были готовы пожертвовать частью крупных латифундий, не приспособившихся к самостоятельному товарному производству, а сдававших землю в аренду крестьянам с условием выкупа участков по справедливой оценке.

Можно отметить, что логика развития аграрных программ как либеральных, так и правых партий носила во многом реактивный характер. С одной стороны, и те, и другие отвечали на поступающие к ним запросы «снизу», выполняя роль механизма обратной связи, с другой – они чаще всего остро реагировали на сигналы со стороны правительства. В качестве исключения из этого правила можно упомянуть кадетов и «дубровинцев», которые критиковали аграрную реформу П.А. Столыпина. Разработке проактивной позиции в аграрном вопросе правых и либеральных партий препятствовали не только сильные связи с группами интересов, многофакторность и комплексность демографических, социальных, технологических вызовов сельского хозяйства, но и стратегии на встраивание партий в политическую структуру российской монархии.

Литература

- Верхолюмова, 2007 – Верхолюмова С.Н. Аграрный законопроект Пешехонова в I и II Государственных Думах: постановка вопроса о характере крестьянского землепользования // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2007. № 4 (140). С. 74-77.
- Винавер, 1907 – Винавер М.М. Конфликты в первой Думе. СПб., 1907. 184 с.
- Волобуев и др., 1989 – Волобуев О.В., Миллер В.И., Шелохаев В.В. Непролетарские партии России: итоги изучения и нерешенные проблемы // *Непролетарские партии России в трех революциях. Сборник статей*. М., 1989. С. 10-11.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Дорофеев, 2006 – Дорофеев М.В. Земельный вопрос и переселение в Сибирь в годы столыпинской аграрной реформы // *Омский научный вестник*. 2006. № 9 (47). С. 32-34.
- Езерский, 1907 – Езерский Н.Ф. Государственная дума первого созыва. Пенза, 1907. 203 с.
- Зворыкин, 1905 – Зворыкин Н.Н. Крестьянское землеустройство и необходимая аграрная реформа в России. СПб., 1905. 220 с.
- Иллерицкая, 1981 – Иллерицкая Е.В. Аграрный вопрос: провал аграрных программ и политики непролетарских партий в России. М., 1981. 168 с.
- Кирьяков, 2001 – Кирьяков Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001. 464 с.
- Комин, 1965 – Комин В.В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965. 644 с.
- Кочешков, 2019 – Кочешков Г.Н. Русская революция и аграрный вопрос: время несбывшихся надежд. Ярославль, 2019. 231 с.
- Курицын, 2018 – Курицын А.И. Избирательная программа Союза русского народа на выборах в I и II Государственную Думу // *Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия «Stadia Historica Jenium»*. 2018. № 1 (14). С. 83-93.
- Львович, 1906 – Львович А. Партии и крестьянство в Государственной думе. Ростов-на-Дону, 1906. 108 с.
- Марченя, Разин, 2012 – Марченя П.П., Разин С.Ю. Аграрный вопрос и русская революция: первое заседание теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» // *Российская история*. 2012. № 5. С. 219.
- Мышцин, 1906 – Мышцин В.Н. Политические партии и их идеалы. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1906. 111 с.
- Нефедова, 2017 – Нефедова О.М. Аграрный вопрос в программах и практике российских либералов начала XX в. / *Прорывные научные исследования: проблемы, закономерности, перспективы. Сборник статей IX Международной научно-практической конференции*. В 4 ч. Пенза, 2017. С. 11-14.
- Омельянчук, 2020 – Омельянчук И.В. Социальный аспект идеологии российских консерваторов начала XX столетия // *Тетради по консерватизму*. 2020. № 1. С. 428-463.
- Программы..., 1995 – Программы политических партий России (конец XIX в. – XX в.). М., 1995. 464 с.
- Скворцов, 1906 – Скворцов Л.И. Аграрный вопрос и государственная дума. СПб., 1906. 143 с.
- Спирин, 1968 – Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968. 438 с.
- Спирин, 1977 – Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М., 1977. 366 с.

- Устав и Основоположения, 1906** – Устав и Основоположения Союза русского народа. М., 1906. 42 с.
- Ухтубужский, 1912** – *Ухтубужский П.* Наши идеалы и русская современность // *Прямой путь*. 1912. № 10. С. 13-15.
- Шардыко, 2005** – *Шардыко И.В.* Аграрный вопрос в программных документах партии кадетов (1907–1917 гг.) // *Романовские чтения. Сборник трудов Международной научной конференции. Могилев, 2005.* С. 126-131.
- Шелохаев, 1970** – *Шелохаев В.В.* Аграрная программа кадетов // *Исторические записки.* М., 1970. Т. 86. С. 172-230.
- Щукин, 2004** – *Щукин Д.В.* Позиция партии кадетов по аграрному вопросу в III Государственной Думе // *Проблемы Российской политической истории. Сборник научных статей. Воронежский государственный университет.* Воронеж, 2004. С. 20-25.

References

- Dorofeev, 2006** – *Dorofeev, M.V.* (2006). Zemel'nyi vopros i pereselenie v Sibir' v gody stolypinskoj agrarnoi reformy [The land issue and resettlement to Siberia during the Stolypin agrarian reform]. *Omskii nauchnyi vestnik*. 9(47): 32-34. [in Russian]
- Ezerskii, 1907** – *Ezerskii, N.F.* (1907). Gosudarstvennaya дума pervogo sozyva [State Duma of the first convocation]. Penza, 203 p. [in Russian]
- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State archive of the Russian Federation]
- Illeritskaya, 1981** – *Illeritskaya, E.V.* (1981). Agrarnyi vopros: proval agrarnykh program i politiki neproletarskikh partii v Rossii [The agrarian question: the failure of agrarian programs and policies of non-proletarian parties in Russia]. М., 168 p. [in Russian]
- Kir'yakov, 2001** – *Kir'yakov, Yu.I.* (2001). Pravye partii v Rossii 1911-1917 gg. [Right-wing parties in Russia. 1911–1917]. М., 464 p. [in Russian]
- Kocheshkov, 2019** – *Kocheshkov, G.N.* (2019). Russkaya revolyutsiya i agrarnyi vopros: vremya nesbyvshikhsya nadezhd [Russian revolution and the agrarian question: the time of unfulfilled hopes]. Yaroslavl', 231 p. [in Russian]
- Komin, 1965** – *Komin, V.V.* (1965). Bankrotstvo burzhuaznykh i melkoburzhuaznykh partii Rossii v period podgotovki i pobedy Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii [Bankruptcy of the bourgeois and petty bourgeois parties of Russia during the preparation and victory of the Great October Socialist Revolution]. М., 644 p. [in Russian]
- Kuritsyn, 2018** – *Kuritsyn, A.I.* (2018). Izbiratel'naya programma Soyuza russkogo naroda na vyborah v I i II Gosudarstvennyu Dumu [The electoral program of the Union of the Russian people in the elections to the I and II State Duma]. *Vestnik nauchnoi assotsiatsii studentov i aspirantov istoricheskogo fakul'teta Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Stadia Historica Jenium*. 1(14): 83-93. [in Russian]
- L'vovich, 1906** – *L'vovich, A.* (1906). Partii i krest'yanstvo v Gosudarstvennoi dume [Parties and peasantry in the State Duma]. Rostov-na-Donu, 108 p. [in Russian]
- Marchenya, Razin, 2012** – *Marchenya, P.P., Razin, S.Yu.* (2012). Agrarnyi vopros I russkaya revolyutsiya: pervoe zasedanie teoreticheskogo seminarara «krest'yanskii vopros v otechestvennoi i mirovoi istorii» [The agrarian question and the Russian revolution: the first meeting of the theoretical seminar "the peasant question in national and world history"]. *Rossiiskaya istoriya*. 5: 219. [in Russian]
- Myshtsin, 1906** – *Myshtsin, V.N.* (1906). Politicheskie partii i ikh idealy [Political parties and their ideals]. Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra. 111 p. [in Russian]
- Nefedova, 2017** – *Nefedova, O.M.* (2017). Agrarnyi vopros v programmakh i praktike rossiiskikh liberalov nachala XX v. [The agrarian issue in the programs and practice of Russian liberals at the beginning of the 20th century]. *Proryvnye nauchnye issledovaniya: problemy, zakonomernosti, perspektivy. Sbornik statei IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. V 4-kh chastyakh.* Penza. Pp. 11-14. [in Russian]
- Omel'yanchuk, 2020** – *Omel'yanchuk, I.V.* (2020). Sotsial'nyi aspekt ideologii rossiiskikh konservatorov nachala XX stoletiya [The social aspect of the ideology of Russian conservatives at the beginning of the 20th century]. *Tetradi po konservatizmu*. 1: 428-463. [in Russian]
- Programmy..., 1995** – *Programmy politicheskikh partii Rossii (konets XIX v. – XX v.)* [Programs of political parties in Russia (late XIX century – XX century)]. М., 1995. 464 p. [in Russian]
- Shardyko, 2005** – *Shardyko, I.V.* (2005). Agrarnyi vopros v programmnykh dokumentakh partii kadetov (1907–1917 gg.) [The agrarian question in the program documents of the Cadet party (1907–1917)]. *Romanovskie chteniya. Sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* Mogilev. Pp. 126-131. [in Russian]
- Shchukin, 2004** – *Shchukin, D.V.* (2004). Pozitsiya partii kadetov po agrarnomu voprosu v III Gosudarstvennoi Dume [Position of the Cadet Party on the agrarian question in the III State Duma]. *Problemy Rossiiskoi politicheskoi istorii. Sbornik nauchnykh statei. Voronezhskii gosudarstvennyi universitet.* Voronezh. Pp. 20-25. [in Russian]

- [Shelokhaev, 1970](#) – *Shelokhaev, V.V.* (1970). Agrarnaya programma kadetov [Agrarian cadet program]. *Istoricheskie zapiski*. M. Vol. 86: 172-230. [in Russian]
- [Skvortsov, 1906](#) – *Skvortsov, L.I.* (1906). Agrarnyi vopros I gosudarstvennaya дума [The agrarian question and the State Duma]. S-Pb., 143 p. [in Russian]
- [Spirin, 1968](#) – *Spirin, L.M.* (1968). Klassy I partii v grazhdanskoi voine v Rossii [Classes and parties in the Russian civil war]. M., 438 p. [in Russian]
- [Spirin, 1977](#) – *Spirin, L.M.* (1977). Krushenie pomeshchich'ikh I burzhuaznykh partii v Rossii (nachalo XX v. – 1920 g.) [The collapse of the landlord and bourgeois parties in Russia (early XX century – 1920)]. M., 366 p. [in Russian]
- [Ukhtubuzhskii, 1912](#) – *Ukhtubuzhskii, P.* (1912). Nashi idealy I russkaya sovremennost' [Our ideals and Russian modernity]. *Pryamoi put'*. 10: 13-15. [in Russian]
- [Ustav I Osnovopolozheniya, 1906](#) – Ustav I Osnovopolozheniya Soyuza russkogo naroda [Charter and Foundations of the Union of the Russian People]. M., 1906. 42 p. [in Russian]
- [Verkholomova, 2007](#) – *Verkholomova, S.N.* (2007). Agrarnyi zakonoproekt peshekhonova v I i II Gosudarstvennykh Dumakh: postanovka voprosa o kharaktere krest'yanskogo zemlepol'zovaniya. [Peshekhonov's agrarian bill in the I and II State Dumas: raising the question of the nature of peasant land use]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*. 4(140): 74-77. [in Russian]
- [Vinaver, 1907](#) – *Vinaver, M.M.* (1907). Konflikty v pervoi Dume [Conflicts in the first Duma]. S-Pb., 184 p. [in Russian]
- [Volobuev i dr., 1989](#) – *Volobuev, O.V., Miller, V.I., Shelokhaev, V.V.* (1989). Neproletarskie partii Rossii: itogi izucheniya I nereshennye problemy [Non-proletarian parties of Russia: the results of the study and unsolved problems]. *Neproletarskie partii Rossii v trekh revolyutsiyakh*. M. Pp. 10-11. [in Russian]
- [Zvorykin, 1905](#) – *Zvorykin, N.N.* (1905). Krest'yanskoe zemleustroistvo I neobkhodimaya agrarnaya reforma v Rossii [Peasant land management and the necessary agrarian reform in Russia]. SPb., 220 p. [in Russian]

Трансформация подходов к решению аграрного вопроса в программах правых и либеральных партий в период 1905–1913 гг.

Сергей Викторович Расторгуев ^{a, *}

^a Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Данное исследование посвящено теме трансформации подходов к решению аграрного вопроса в программах правых и либеральных партий в Российской империи в период 1905–1913 гг. Источниковая база работы сформирована за счет привлечения материалов из фондов партий кадетов, октябристов и Всероссийского «дубровинского» Союза русского народа, хранящихся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). При написании исследования широко привлекалась дореволюционная литература по заявленной теме.

Методология работы основывается на принципах историзма и системности, сочетании общенаучных и специальных методов. В качестве общенаучных методов использованы анализ и синтез, специальных – исторический нарративный метод для выявления и репрезентации причинно-следственных связей в процессе трансформации подходов к интерпретации и артикуляции положений, связанных с решением аграрного вопроса. Метод сравнительного анализа применялся для изучения сходства и различия в формировании и эволюции подходов правых и либеральных партий.

Автор приходит к выводу, что логику развития аграрных программ либеральных и правых партий отличал во многом реактивный характер. Правые и либеральные партии отвечали на поступающие к ним запросы «снизу», выполняя роль механизма обратной связи для своего электората. Однако они одновременно испытывали и давление со стороны разнообразных групп интересов российской элиты, прежде всего правительства и монарха. Как следствие, трансформацию аграрных программ зачастую определяла краткосрочная динамика политической и социально-экономической конъюнктуры. Разработке проактивной позиции в аграрном вопросе правых и либеральных партий препятствовали не только сильные связи с группами интересов, многофакторность и комплексность демографических, социальных, технологических вызовов сельского хозяйства, но и стратегии на встраивание партий в политическую структуру российской монархии.

Ключевые слова: аграрный вопрос, аграрные программы, политические партии, кадеты, октябристы, Союз русского народа, Союз Михаила Архангела, дубровинцы, правые, либералы.

* Корреспондирующий автор

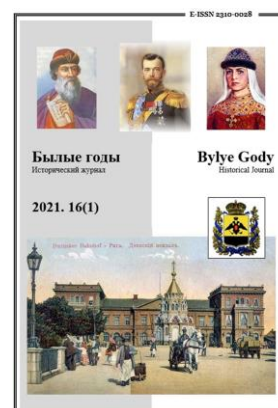
Адреса электронной почты: SRastorguev@fa.ru (С.В. Расторгуев)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 375-383.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.375
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Craft Activities of Stolypin Migrants in the Altai Okrug

Viktor N. Razgon ^{a, *}, Dmitry N. Belyanin ^b, Anton V. Razgon ^c

^a Altai state University, Russian Federation

^b Kuzbass state technical University, Russian Federation

^c Financial University under the Government of the Russian Federation, Russian Federation

Abstract

Based on the analysis of the materials of the all-Russian agricultural census of 1917, the article characterizes the role of craft activities in the adaptation of immigrants who settled in the Altai region during the implementation of the Stolypin reforms. The involvement of settlers of the Stolypin period in crafts was wider than that of old-timers and migrants of earlier times, which reflects the important role of crafts in the process of adaptation of migrants to the new natural and social environment. Hiring for agricultural work and handicrafts were the main economic activities of the settlers outside of agricultural occupations on their farms. The crafts of the Stolypin settlers were less technically equipped than those of the old-timers and in the vast majority of cases did not go beyond small-scale handicraft production. Most of the settlers-artisans combined crafts with agriculture, but there was also a significant layer of professional artisans who were not engaged in land cultivation, who arrived in Siberia in the expectation of increased demand for their services in a region with a weak development of the manufacturing industry. Stolypin settlers were included in extractive industries (hunting, fishing, beekeeping, collecting wild plants) to a much lesser extent than the old-timers, which indicates their still weak adaptation to the new natural environment.

Keywords: craft, Stolypin reforms, migration, adaptation, peasantry, village, hire work, agricultural census, Siberia, Altai.

1. Введение

Алтайский округ, занимавший наиболее развитую в сельскохозяйственном отношении южную часть Томской губернии, являлся крупнейшим районом водворения переселенцев, направлявшихся из европейской части страны в Сибирь в период реализации Столыпинских реформ. С 1906 по 1914 гг. в этот регион, издавна привлекавший переселенцев благоприятными для ведения сельского хозяйства природно-климатическими условиями, вселилось 735 тыс. чел., что составило около трети от общего миграционного притока в Сибирь (Разгон и др., 2013: 69-70).

Переселенческое движение крестьян из Европейской России способствовало не только модернизации аграрных технологий, распространению в регионе ранее не возделываемых сельскохозяйственных культур, разведению новых пород скота, но и развитию здесь сельских промыслов. Согласно результатам обследования промыслов, проведенного в Томской губернии в 1914 году, в большинстве селений губернии промыслы появились со времени массового притока переселенцев (20–28 лет назад), а в Барнаульском уезде в 60 % случаев они возникли в течение последних 10 лет (т.е. фактически в период реализации переселенческого проекта Столыпина) и лишь в 17,5 % – до 1894 г. (Бочанова, 1978: 33; Алтай, 1986: 146).

Для многих переселенцев занятие промыслами являлось важным элементом их адаптационной стратегии, приспособления к условиям жизни и хозяйствования в новой природно-географической и социальной среде обитания. Услуги, предлагавшиеся носителями таких профессий, как плотник,

* Corresponding author

E-mail addresses: vrazgon@rambler.ru (V.N. Razgon)

столяр, печник, кузнец, портной и пр., являлись жизненно необходимыми для обитателей переселенческих поселков при освоении целинных земель, обустройстве жилищ, хозяйственными постройками, предметами бытового обихода. С другой стороны, для самих переселенцев-промысловиков занятия промыслами являлись способом зарабатывания средств, необходимых для их собственного хозяйственного и бытового устройства в местах нового поселения.

2. Материалы и методы

Источниковую основу для изучения авторами настоящей статьи промыслов крестьян, переселившихся в Алтайский округ в период реализации Столыпинских реформ, составили материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. Для структуризации информации, содержащейся в подворных анкетах этой переписи, использовались методы и технологии баз данных. База данных, созданная на основе обработки анкет переписи, включает статистическую информацию об экономическом и демографическом состоянии 2714 хозяйств, переселившихся в Алтайский округ в 1907–1917 гг., 4850 хозяйств мигрантов более раннего времени и 4072 старожильческих домохозяйств, анкеты которых были отобраны на основе случайной 5-процентной выборки из общего числа сохранившихся анкет переписи (*Крестьянские хозяйства...*, 2009). Это создает возможность применения сравнительного метода для изучения промыслов крестьян, принадлежавших к разным поселенческим группам, и определения специфики промысловых занятий столыпинских переселенцев.

Программой сельскохозяйственной переписи 1917 г. к промысловым занятиям были отнесены различные виды найма на сельскохозяйственные работы (батрак, сельхозработник, поденщик, пастух), отходничество крестьян на городские промышленные предприятия, обработка лесных материалов, минерального сырья, животных и растительных продуктов, торговля, извоз, а также профессиональная деятельность, связанная со службой в государственных и церковных учреждениях, расположенных в сельской местности. При этом подлежали учету промысловые занятия лишь тех лиц, у которых они являлись источником заработка (единственным или дополнительным), а производимая при этом продукция или оказываемые услуги предназначались не только для внутрисельскохозяйственного потребления, но и на продажу. То есть предметом учета являлись всякого рода заработки и доходы, получаемые крестьянами вне сельскохозяйственных занятий в собственных хозяйствах. При проведении переписи учитывались не только конкретные промысловые занятия каждого из членов домохозяйства, но и его положение в промысле (хозяин или работник), что создает возможность для выявления социальной сущности промыслов столыпинских мигрантов.

Для определения роли промыслов в хозяйственной адаптации переселенческого населения в новых местах жительства авторами использовались методы компьютеризованного статистического анализа другой, помимо сведений о промыслах, информации о демографическом и экономическом состоянии переселенческих хозяйств (о губернии выхода, национальности, составе семьи, землеобеспечении, земледельческих и животноводческих занятиях и др.).

3. Обсуждение

В дореволюционной литературе сведения, характеризующие промыслы сибирского крестьянства, публиковались в статистических сборниках и обзорах, содержащих материалы о хозяйственных занятиях и экономическом быте сибирских крестьян, в том числе и переселенцев (*Крестьянское землепользование...*, 1894; *Материалы...*, 1900).

В советский период наиболее активно изучалось развитие обрабатывающих промыслов в сибирской деревне (*Бочанова, 1978; Соловьева, 1981*). Вместе с тем в ряде исследований получили отражение и некоторые вопросы, характеризующие состояние добывающих промыслов сельского населения региона: участие в них различных групп сибирского населения, формы организации промыслов, формирование трудовых традиций в промысловой деятельности, связь промыслов с рынком и торгово-ростовщическим капиталом и др. (*Горьковская, 1981; Изергина, 1985; Старцев, 1989; Зиновьев, 1991*).

Проблематика изучения промыслов сибирских крестьян в постсоветской историографии определяется изменениями, произошедшими в методологических и концептуальных подходах, определяющих развитие исторических исследований. В частности, характерный для современной отечественной историографии рост интереса исследователей к истории предпринимательства актуализировал изучение проблемы перерастания хозяйственной деятельности крестьян из мелкоотоварной в предпринимательскую форму (*Кротт, 2009*). Влияние модернизационных теорий обусловило разработку проблематики, связанной с исследованием влияния на развитие промыслов усовершенствований в транспортной инфраструктуре сибирского региона (*Вечер, 2002; Катюнов, 2004*), профессионализации крестьянских промыслов (*Разгон, 2004*). «Социокультурный поворот» в современной исторической науке вызвал повышение интереса исследователей к истории художественных промыслов (*Октябрьская, Павлова, 2010; Шокорова, 2014*), экологическим проблемам природопользования, связанным с развитием промыслов в сибирском регионе (*Бочанова, 1985; Старцев, 1992; Олейникова, 1998*).

Многие исследователи отмечали важную роль, которую сыграло переселенческое движение в развитии промыслов в Сибири. Вместе с тем материалы сельскохозяйственной переписи 1917 г. еще не использовались в качестве источниковой основы для изучения промыслов крестьян-переселенцев.

4. Результаты

В ходе проведения переписи 1917 г. занятия различными видами промыслов были учтены в 19,6 % хозяйствах столыпинских переселенцев, тогда как у старожилов и более ранних переселенцев этот показатель был ниже – соответственно 14,5 % и 16,0 %. Однако более высокий уровень вовлеченности переселенцев столыпинского периода в промысловые занятия, зафиксированный переписью 1917 г., отражает в первую очередь их активный отход на сельскохозяйственные заработки. Анализ данных [Таблицы 1](#), которые характеризуют сравнительную распространенность различных видов промысловых занятий среди столыпинских переселенцев и старожилов, показывает, что доля «промысловиков», чьи промысловые занятия были связаны с наймом в сельском хозяйстве (сельхозработники, батраки, поденщики, пастухи), у первых была существенно выше: 37,3 % против 22,8 %. Во многом это объясняется наличием среди переселенцев большого числа самовольных мигрантов, переселившихся на Алтай с нарушением официально установленных правил и не получивших из-за этого земельных наделов (к этой категории относились 39,2 % столыпинских переселенцев, имевших промысловые занятия) ([Крестьянские хозяйства..., 2009](#)). Многие переселенцы, не обеспеченные землей и не имевшие средств для организации сельскохозяйственного производства в размерах, удовлетворяющих потребительские нужды семьи, вынуждены были использовать наем на сельскохозяйственные работы как наиболее доступную для них возможность получения доходов, которые можно было использовать для аренды земли, покупки инвентаря и скота, необходимых для обзаведения собственным хозяйством.

Таблица 1. Промысловые занятия столыпинских переселенцев в Алтайском округе, в сравнении со старожилами ([Крестьянские хозяйства..., 2009](#))

Название промыслового занятия	Столыпинские переселенцы	Старо-жилы	Название промыслового занятия	Столыпинские переселенцы	Старо-жилы
сельхоз-работник	29,74	19,09	пчеловод	0,44	12,6
плотник	8,02	7,55	подпасок	0,44	–
кузнец	5,98	3,43	кирпичник	0,29	–
сапожник	5,10	2,47	мастер	0,29	0,14
пастух	4,52	1,51	колесник	0,29	0,27
работник	3,79	4,94	ямщик	0,29	2,33
портной	3,50	1,24	прасол	0,29	–
чернорабочий	2,62	5,22	гончар	0,29	0,14
столяр	2,19	0,55	рыбак	–	4,26
торговец	1,89	2,33	охотник	0,14	2,61
домохозяйка	1,89	–	лесное собира- рательство	–	1,78
маслодел	1,75	0,55	дегтярь	0,14	0,82
пимокат	1,75	0,41	смолокур	0,14	0,82
батрак	1,75	1,10	скотовод	–	1,24
нянька	1,60	1,78	мараловод	–	1,10
бондарь	1,60	0,55	бакалейщик	–	0,55
учитель	1,46	0,14	коновал	–	0,41
мельник	1,31	3,16	горнорабочий	–	0,41
писарь	1,17	0,27	мясник	–	0,27
секретарь	1,17	0,41	модистка	–	0,27
овчинник	1,17	–	кассир	–	0,27
хлебопек	1,02	–	десятник	–	0,27
прислуга	0,87	0,55	пром. рабочий	–	0,27
поденщик	0,87	1,10	скушник	–	0,27
слесарь	0,87	0,55	чеботарь	–	0,27

швея	0,87	0,69	каменщик	0,14	0,27
псаломщик	0,73	0,14	шорник	0,14	0,27
печник	0,73	0,14	стекольщик	0,14	0,27
приказчик	0,58	0,69	почтальон	0,14	0,27
пильщик	0,58	0,96	сторож	0,14	0,27
кожевник	0,44	0,41	маляр	0,14	0,27
объездчик	0,44	0,14	др. занятия	3,71	3,98
служащий	0,44	0,96	всего:	100,0	100,0

Как видно из данных **Таблицы 1**, значительный спрос в районах массового водворения переселенцев, где разворачивалось строительство жилья и хозяйственных построек, существовал на профессиональные услуги плотников, столяров, печников. Удельный вес обладателей этих профессий среди промысловиков-переселенцев (10,9 %) был выше, чем среди старожилов (8,2 %). Более востребованными в переселенческой деревне, чем в старожильской, были услуги мастеров кузнечного дела: на этапе становления земледельческого производства, связанного с обработкой целинных и залежных земель, для мигрантов особую актуальность приобретала проблема поддержания сельскохозяйственного инвентаря в рабочем состоянии. Обращает внимание и более широкая сравнительная распространенность среди переселенцев промысловых специальностей, связанных с удовлетворением бытовых и потребительских нужд обустроившихся в новых местах жительства крестьян-новоселов (швея, портной, пимокат, сапожник, овчинник, бондарь и др.).

Хотя переселенцы, селившиеся в таежных и предгорных местностях, использовали богатые природные ресурсы региона для зарабатывания средств, необходимых для хозяйственного и бытового устройства, данные **Таблицы 1** свидетельствуют, что в целом такие традиционные для Сибири промыслы, как пчеловодство, рыболовство, охота, сбор дикоросов у столыпинских переселенцев не получили сколько-нибудь значительного распространения, что является важным показателем, характеризующим незавершенность процесса адаптации к новой среде обитания. У столыпинских мигрантов на этих видах промыслов специализировались только 0,6 % всех промысловиков, тогда как у старожилов – 21,3 %. Даже в Бийском уезде, где значительная часть мигрантов оседала в предгорных таежных районах, в которых имелись богатые возможности для использования «кормящего ландшафта», добывающими промыслами занимались лишь 2,8 % переселенцев, имевших промысловые занятия, тогда как у старожилов доля таких промысловиков достигала 32,1 %. Многим мигрантам недоставало средств для покупки необходимого для участия в добывающих промыслах снаряжения, сказывалось также отсутствие у них необходимых знаний о местонахождении охотничьих и рыболовных угодий, специфике организации промыслов в суровых природно-климатических условиях Сибири.

Сравнение данных о занятости в промыслах и содержании промысловых занятий столыпинских переселенцев разных национальностей (**Таблица 2**) показывает, что наиболее высоким удельный вес промысловиков был среди немецких колонистов (самые распространенные промысловые профессии – кузнец, плотник, сапожник, торговец) и представителей других западных национальностей, за исключением эстонцев (преобладающими были занятия, связанные с сельскохозяйственным наймом), а наименее вовлеченной в промысловую деятельность была украинская диаспора, основную часть которой составляли выходцы из непромысловых губерний Малороссии. Немногим более широким, чем у украинцев, было участие в промыслах русских переселенцев, среди которых также преобладали мигранты из земледельческих центрально-черноземных губерний. Вместе с тем среди русских переселенцев из нечерноземных (промышленных) губерний удельный вес хозяйств с промыслами был выше среднего показателя – 29,3 %. Более высокий, чем у русских и украинцев, показатель занятости в промыслах у переселенцев-белорусов отражал процесс широкого развития промыслов в местах их прежнего проживания. Таким образом, включенность в промысловые занятия на прежнем месте жительства во многом определяла и уровень вовлеченности переселенцев в промысловые занятия в Сибири.

Таблица 2. Занятость в промыслах столыпинских переселенцев разных национальностей (*Крестьянские хозяйства..., 2009*)

Национальность	Принимали участие в промыслах	
	В % от общего числа хозяйств переселенцев данной национальности	В % от общего числа лиц трудоспособного возраста данной национальности
Русские	20,8	6,7
Украинцы	16,6	5,8

Белорусы	22,7	8,2
Немцы	100,0	10,0
Мордва	21,7	7,4
Литовцы	50,0	75,0
Поляки	100,0	33,3
Латыши	100,0	50,0
Эстонцы	0	0

Как видно из [Таблицы 3](#), в которой отражено положение имевших промышленные занятия столыпинских переселенцев, занимаемое ими в домохозяйствах, главы хозяйств (домохозяева) составляли более половины (54,5 %) от общего их числа. Лишь в 30 % переселенческих хозяйств, у членов которых по результатам переписи были зафиксированы промышленные занятия, домохозяева не принимали в них участия, а в 70 % хозяйств они являлись их основными (или единственными) носителями, что свидетельствует о важности промыслов для экономики данных хозяйств.

Таблица 3. Распределение переселенцев, имевших промышленные занятия, по положению, занимаемому в домохозяйствах ([Крестьянские хозяйства..., 2009](#))

Статус в домохозяйстве	Процент от общего числа
Домохозяин	54,5
Сын, дочь	25,1
Жена	9,6
Наемный работник	3,8
Брат, сестра	3,3
Отец, мать	0,9
Другие члены домохозяйства	2,8
Всего	100

В большинстве случаев промышленная деятельность крестьян-переселенцев столыпинского периода не выходила за рамки ремесленного и мелкотоварного производства, не требовавшего наличия специальных производственных помещений, поэтому у них на 6 хозяйств с обрабатывающими промыслами приходилось лишь одно торгово-промышленное заведение, у переселенцев более раннего времени и старожилов уровень технической оснащенности промысловых занятий был более высоким: одно заведение приходилось на 3,5 и 3 хозяйства соответственно.

Лишь некоторые крестьяне-переселенцы столыпинского периода успели завести к 1917 г. сколько-нибудь значительные по сельским меркам торговые и промышленные производства. Так, переселенец из Пермской губернии Михаил Семенович Попов, обосновавшийся в 1907 г. в с. Волчиха Покровской волости Барнаульского уезда, открыл здесь магазин для торговли мануфактурными товарами и кожевенное заведение, для работы в котором нанимал 5 наемных работников. Два промысловых заведения – крупорушку и маслобойный завод – имел и выходец из Киевской губернии Артемий Алферович Хошенко, поселившийся в 1907 г. в пос. Дмитриевском Ленковской волости. Прибывший на Алтай в 1909 г. из Терской области Иван Григорьевич Моронцев нанимал двух работников для открытой им на новом месте жительство (пос. Воскресенский Змеиногорского уезда) столярной мастерской. Ранее обосновавшиеся на Алтае переселенцы и старожилы владели более крупными торгово-промышленными заведениями. Так, например, на учтенном в базе данных кожевенном заводе Л.И. Коптелова, крестьянина с. Анисимово Боровлянской волости, было занято 29 наемных рабочих.

Большинство переселенцев, имевших промыслы, совмещали их с занятием сельским хозяйством. Так, 3/4 переселенческих хозяйств (76,6 %), члены которых были заняты в обрабатывающих промыслах и торговле, имели посеы зерновых и других культур, в том числе: от 1 до 4 дес. – 21,9 %, от 4 до 12 дес. – 28,5 %, свыше 12 дес. – 15,7 % хозяйств. Вместе с тем у трети хозяйств столыпинских переселенцев, занятых в этих промыслах, посевов не было вообще или они не превышали 1 дес., что может свидетельствовать о наличии среди мигрантов довольно значительной прослойки профессиональных ремесленников и торговцев, прибывавших в Сибирь в расчете на то, что из-за слабого развития здесь обрабатывающих производств их профессиональные умения и навыки будут востребованы как в переселенческих, так и старожильческих поселениях (большая часть самовольных переселенцев приселялась к старожилам).

Наличие в анкетах переписи 1917 г. пункта о социально-производственном положении промысловиков («хозяин» или «работник»), позволяет составить представление о социальной сущности промыслов, проявлявшейся в дифференциации промысловиков на нанимателей и наемных работников. Как следует из данных [Таблицы 4](#), в которой приводятся сведения о социальном

положении промысловиков, самую многочисленную группу среди лиц, занятых в промыслах, составляли наемные работники.

Таблица 4. Социальная сущность промыслов столыпинских переселенцев в Алтайском округе (Крестьянские хозяйства, 2009)

Положение в промысле	%
Хозяин	28,03
Наемный работник	50,07
Служащий	6,72
В анкетах переписи не указ.	15,18
Всего:	100,0

Однако необходимо учитывать, что 3/4 от общего числа наемных работников (74,6 %) составляли занятые в сельскохозяйственном найме (батраки, сельхозработчие, поденщики, пастухи). Что касается промыслов по обработке древесины, минерального сырья, растительных и животных продуктов, составлявших почти половину названий в перечне промысловых специальностей, приведенном в таблице 1, то в преобладающем большинстве случаев они не выходили за рамки мелкого кустарного производства, обходившегося без использования наемного труда, и основывались на семейном труде: на шесть занятых в них семейных работников приходился лишь один наемный. Именно эти семейные работники (домохозяева и члены их семей) и были учтены при проведении переписи как «хозяева». Промысловые хозяйства с промышленными и торговыми заведениями, действовавшими с применением наемного труда, т.е. имевшие признаки хозяйств предпринимательского типа, составили только 2,9 % от числа переселенческих хозяйств, занимавшихся обрабатывающими промыслами и торговлей, и 0,29 % от общего количества хозяйств столыпинских переселенцев.

5. Заключение

Общий уровень вовлеченности переселенцев столыпинского периода в промыслы был выше, чем старожилов и мигрантов более раннего времени, что доказывает значимость промысловых занятий как средства адаптации мигрантов, находящихся на первоначальной стадии вживания в новую среду обитания. На уровень включенности переселенцев в промысловые занятия на территории Алтайского округа существенное влияние оказывала их промысловая активность на прежнем месте жительства: выходцы из губерний Европейской России с более развитыми промыслами демонстрировали и большую вовлеченность в промысловые занятия на новых местах поселения.

Для более чем трети столыпинских переселенцев, у которых в ходе переписи были зафиксированы промысловые занятия, участие в промыслах состояло в найме на работу в других хозяйствах (как старожильческих, так и переселенческих), что было наиболее доступным способом зарабатывания средств, необходимых для их хозяйственного и бытового устройства в местах нового поселения. Распространенность найма на сельскохозяйственные работы среди занятий столыпинских мигрантов во многом объясняется наличием среди них большого числа самовольных переселенцев, не получивших земельных наделов. Вместе с тем почти половина переселенцев-промысловиков была занята в обрабатывающих промыслах, способствуя тем самым их распространению в регионе. Хотя большинство переселенцев, имевших промыслы, совмещали их с земледелием, вместе с тем примерно треть занятых в обрабатывающих промыслах была представлена не имевшими земледельческих занятий профессиональными ремесленниками, мигрировавшими в Сибирь с целью найти здесь повышенный спрос на свои услуги из-за слабого развития в регионе обрабатывающей промышленности.

По уровню технической оснащенности обрабатывающие промыслы мигрантов столыпинского периода уступали как старожильческим, так и промыслам переселенцев более раннего времени. В подавляющем большинстве случаев промысловые занятия столыпинских переселенцев не выходили за рамки мелкотоварного кустарного производства, доля переселенческих промысловых хозяйств, имевших признаки предпринимательской деятельности (наличие торгово-промышленного заведения и применение наемных рабочих), была мизерной и даже в обрабатывающих промыслах и торговле, более продвинувшихся по пути укрупнения, не превышала 3 %.

По уровню вовлеченности в добывающие промыслы, связанные с использованием природного «кормящего ландшафта», столыпинские переселенцы значительно уступали старожилам, что свидетельствует о незавершенности процесса адаптации их к новой природно-географической среде обитания.

Литература

Алтай..., 1986 – Алтай в период капитализма: Учебное пособие. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1986. 271 с.

- Бочанова, 1978** – Бочанова Г.А. Обработывающая промышленность Западной Сибири (конец XIX – начало XX вв.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1978. 255 с.
- Бочанова, 1985** – Бочанова Г.А. Промысловое освоение Сибири в конце XX – начале XX вв. (вопросы экологии) // *Земледельческое освоение Сибири в конце XVII – начале XX вв.: Трудовые традиции крестьян*. Новосибирск, 1985. С. 129-146.
- Вечер, 2002** – Вечер Е.В. Влияние строительства Транссибирской железнодорожной магистрали на развитие маслоделия в Томской губернии / *Сборник трудов VI межрегиональной научно-практической конференции «Научное творчество молодежи»*. Томск, 2002. С. 26-28.
- Горьковская, 1981** – Горьковская З.П. Трудовые традиции русских крестьян в промыслах Сибири периода капитализма // *Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма*. Новосибирск, 1981. С. 113-122.
- Зиновьев, 1991** – Зиновьев В.П. Озерное рыболовство в Сибири в XIX–начале XX вв. // *Хозяйственное освоение Сибири: История, историография, источники*. Томск, 1991. С. 62-81.
- Изергина, 1985** – Изергина Е.Л. Добывающие промыслы крестьянства Сибири эпохи капитализма // *Земледельческое и промысловое освоение Сибири. XVII – начало XX вв.* Новосибирск, 1985. С. 105-113.
- Катионов, 2004** – Катионов О.Н. Московско-сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2004. 567 с.
- Крестьянские хозяйства..., 2009** – Крестьянские хозяйства Алтайской губернии в 1917 г. [Электронный ресурс]: база данных / Сост. В.Н. Разгон, Д.В. Колдаков, К.А. Пожарская. Электрон. дан. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2009. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). № госрегистрации 2009620044.
- Крестьянское землепользование..., 1894** – Крестьянское землепользование и хозяйство в Тобольской и Томской губерниях. СПб., 1894. VI. 428 с.
- Кротт, 2009** – Кротт И.И. Сельскохозяйственное предпринимательство Западной Сибири в конце XIX– начале XX века. Омск: Наука, 2009. 204 с.
- Материалы..., 1900** – Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Бийском уезде. Вып. 3. Бийская волость. Барнаул: Типо-литогр. при Главном управлении Алтайского округа, 1900. 2, 78, 66, 268 с.
- Октябрьская, Павлова, 2010** – Октябрьская И.В., Павлова Е.Ю. Из истории художественных промыслов Сибири начала XX в. // *Проблемы истории, филологии, культуры. Серия «История и археология»*. 2010. № 4(30). С. 362-376.
- Олейникова, 1998** – Олейникова Ю.В. Экологические аспекты промысловой деятельности сибирских крестьян в конце XIX – начале XX вв. / *Сибирь на пороге третьего тысячелетия: прошлое, настоящее, будущее. Материалы региональной научно-теоретической конференции*. Новосибирск, 1998. С. 75-82.
- Разгон, 2004** – Разгон В.Н. Промысловые занятия сельского населения Алтая по материалам сельскохозяйственной переписи 1917 г. // *Историческое профессиональное образование*. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. С. 136-159.
- Разгон и др., 2013** – Разгон В.Н., Храмков А.А., Пожарская К.А. Столыпинские мигранты в Алтайском округе: переселение, землеобеспечение, хозяйственная и социокультурная адаптация. Барнаул: Азбука, 2013. 347 с.
- Соловьева, 1981** – Соловьева Е.И. Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1981. 329 с.
- Старцев, 1989** – Старцев А.В. Техническое состояние и организация пушного промысла в Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // *Взаимодействие технического и социально-экономического развития в период капитализма*. Свердловск, 1989. С. 76-78.
- Старцев, 1992** – Старцев А.В. Сибирский пушной промысел и проблемы охраны промысловых животных в эпоху капитализма // *Культурный потенциал Сибири в досоветский период*. Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1992. С. 18-37.
- Шокорова, 2014** – Шокорова Л.В. Художественные промыслы Западной Сибири. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. 142 с.

References

- Altai..., 1986** – Altai v epokhu kapitalizma [Altai in the period of capitalism]. Barnaul: Publishing house of the Altai state University. 271 p. [in Russian]
- Bochanova, 1978** – Bochanova, G.A. (1978). Obrabatyvayushchaya promyshlennost' Zapadnoi Sibiri (konets XIX – nachalo XX vv.) [Manufacturing industry of Western Siberia (late XIX – early XX centuries)]. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 255 p. [in Russian]
- Bochanova, 1985** – Bochanova, G.A. (1985). Promyslovoe osvoenie Sibiri v kontse XX – nachale XX vv. (voprosy ekologii) [Commercial development of Siberia in the late XX – early XX centuries. (environmental issues)]. Zemledel'cheskoe osvoenie Sibiri v kontse XVII – nachale XX vv.: Trudovye traditsii krest'yan. Novosibirsk, pp. 129-146. [in Russian]

Gor'kovskaya, 1981 – *Gor'kovskaya, Z.P.* (1981). Trudovye traditsii russkikh krest'yan v promyslakh Sibiri perioda kapitalizma [Labor traditions of Russian peasants in the Siberian handicrafts of the capitalist period]. *Krest'yanstvo Sibiri perioda razlozheniya feodalizma i razvitiya kapitalizma*. Novosibirsk, pp. 113-122. [in Russian]

Izergina, 1985 – *Izergina, E.L.* (1985). Dobyvayushchie promysly krest'yanstva Sibiri epokhi kapitalizma [Extractive crafts of the Siberian peasantry during the capitalist era]. *Zemledel'cheskoe i promyslovoe osvoenie Sibiri. XVII–nachalo XX vv.* Novosibirsk, pp. 105-113. [in Russian]

Kationov, 2004 – *Kationov, O.N.* (2004). Moskovsko-sibirskii trakt i ego zhiteli v XVII–XIX vv. [The Moscow-Siberian tract and its inhabitants in the XVII–XIX centuries]. Novosibirsk: Izd-vo NGPU. 567 p. [in Russian]

Krest'yanskoe hozyajstva..., 2009 – *Krest'yanskoe hozyajstva Altajskoj gubernii v 1917 g.* [Peasant farms in the Altai province in 1917]. [Electronic resource]: baza dannykh. Sost. V.N. Razgon, D.V. Koldakov, K.A. Pozharskaya. Elektron. dan. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi universitet, 2009. 1 elektron. opt. disk (CD-ROM). № gosregistratsii 2009620044. [in Russian]

Krest'yanskoe zemlepol'zovanie..., 1894 – *Krest'yanskoe zemlepol'zovanie i khozyaistvo v Tobol'skoi i Tomskoi guberniyakh* [Peasant use of land and agriculture in the Tobolsk and Tomsk provinces]. SPb. VI, 428 p. [in Russian]

Krott, 2009 – *Krott, I.I.* (2009). Sel'skokhozyaistvennoe predprinimatel'stvo Zapadnoi Sibiri v kontse XIX– nachale XX veka [Agricultural entrepreneurship in Western Siberia in the late XIX – early XX centuries]. Omsk: Nauka. 204 p. [in Russian]

Materialy..., 1900 – *Materialy po issledovaniyu krest'yanskogo i inorodcheskogo khozyaistva v Biiskom uezde. Vyp. 3. Biiskaya volost'* [Materials for the study of peasant and indigenous agriculture in the Biysk district. Issue 3. Biysk parish]. Barnaul. 2, 78, 66, 268 p. [in Russian]

Oktyabr'skaya, Pavlova, 2010 – *Oktyabr'skaya, I.V., Pavlova, E.Yu.* (2010). Iz istorii khudozhestvennykh promyslov Sibiri nachala XX v. [From the history of art crafts in Siberia of the early twentieth century]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury. Ser. istoriya i arkheologiya*. 4(30): 362-376. [in Russian]

Oleinikova, 1998 – *Oleinikova, Yu.V.* (1998). Ekologicheskie aspekty promyslovoi deyatel'nosti sibirskikh krest'yan v kontse XIX – nachale XX v. [Ecological aspects of craft activities of Siberian peasants in the late XIX-early XX centuries]. *Sibir' na poroge tret'ego tysyacheletiya: proshloe, nastoyashchee, budushchee. Materialy regional'noi nauchno-teoreticheskoi konferentsii*. Novosibirsk, pp. 75-82. [in Russian]

Razgon i dr., 2013 – *Razgon, V.N., Khramkov, A.A., Pozharskaya, K.A.* (2013). Stolypinskie migranty v Altaiskom okruge: reseselenie, zemleobespechenie, khozyaistvennaya i sotsiokul'turnaya adaptatsiya [Stolypin migrants in the Altai region: resettlement, land provision, economic and socio-cultural adaptation]. Barnaul. 348 p. [in Russian]

Razgon, 2004 – *Razgon, V.N.* (2004) Promyslovye zanyatiya sel'skogo naseleniya Altaya po materialam sel'skokhozyaistvennoi perepisi 1917 g. [Crafts of the rural population of Altai based on the materials of the agricultural census of 1917]. *Istoricheskoe professiovedenie*. Barnaul: Izd-vo AltGU, pp. 136-159. [in Russian]

Shokorova, 2014 – *Shokorova, L.V.* (2014). Khudozhestvennye promysly Zapadnoi Sibiri [Art crafts of Western Siberia]. Barnaul: Izd-vo AltGU, 142 p. [in Russian]

Solov'eva, 1981 – *Solov'eva, E.I.* (1981). Promysly sibirskogo krest'yanstva v poreformennyi period [Crafts of the Siberian peasantry in the post-reform period]. Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-nie, 329 p. [in Russian]

Startsev, 1989 – *Startsev, A.V.* (1989). Tekhnicheskoe sostoyanie i organizatsiya pushnogo promysla v Sibiri vo vtoroi polovine XIX–nachale XX vv. [Technical condition and organization of hunting for fur-bearing animals in Siberia in the second half of the XIX–early XX centuries]. *Vzaimodeistvie tekhnicheskogo i sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya v period kapitalizma*. Sverdlovsk, pp. 76-78. [in Russian]

Startsev, 1992 – *Startsev, A.V.* (1992). Sibirskii pushnoi promysel i problemy okhrany promyslovykh zhivotnykh v epokhu kapitalizma [Hunting for fur-bearing animals in Siberia and problems of protection of commercial animals in the era of capitalism]. *Kul'turnyi potentsial Sibiri v dosovetskii period*. Novosibirsk: Izd-vo NGPI, pp. 18-37. [in Russian]

Veher, 2002 – *Veher, E.V.* (2002). Vliyanie stroitel'stva Transsibirskoi zheleznodorozhnoi magistrali na razvitie maslodeliya v Tomskoi gubernii [The impact of the construction of the TRANS-Siberian railway on the development of oil production in the Tomsk province]. *Sbornik trudov VI mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Nauchnoe tvorchestvo molodezhi»*. Tomsk, pp. 26-28. [in Russian]

Zinov'ev, 1991 – *Zinov'ev V.P.* (1991). Ozerne rybolovstvo v Sibiri v XIX–nachale XX vv. [Lake fishing in Siberia in the XIX–early XX centuries]. *Khozyaistvennoe osvoenie Sibiri: Istoriya, istoriografiya, istochniki*. Tomsk, pp. 62-81. [in Russian]

Промысловые занятия переселенцев периода Столыпинских реформ в Алтайском округе

Виктор Николаевич Разгон ^{a, *}, Дмитрий Николаевич Белянин ^b,
Антон Викторович Разгон ^c

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

^b Кузбасский государственный технический университет, Российская Федерация

^c Финансовый университет при правительстве РФ, Российская Федерация

Аннотация. На основе анализа материалов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года в статье характеризуется роль промысловых занятий в адаптации переселенцев, водворившихся в Алтайском округе в период реализации Столыпинских реформ. Распространенность занятий промыслами у переселенцев столыпинского периода была большей, чем у старожилов и мигрантов более раннего времени, что отражает их важную роль в процессе адаптации переселенцев к новой природной и социальной среде обитания. Основными видами промыслов столыпинских мигрантов в Алтайском округе были наем на сельскохозяйственные работы и ремесленные занятия. Обработывающие промыслы столыпинских переселенцев по уровню технической оснащенности уступали старожильческим и в подавляющем большинстве случаев не выходили за рамки мелкотоварного кустарного производства. Большинство переселенцев-промысловиков совмещали их с занятием сельским хозяйством, но среди них имелся и значительный слой профессиональных ремесленников, не занимавшихся обработкой земли, прибывавших в Сибирь в расчете на повышенную востребованность их услуг в регионе со слабым развитием обрабатывающей промышленности. Переселенцы столыпинского периода в гораздо меньшей степени, чем старожилы, были включены в добывающие промыслы, что отражает незавершенность их адаптации к новой природно-географической среде обитания.

Ключевые слова: переселенцы, крестьянские промыслы, ремесло, столыпинские реформы, сельскохозяйственная перепись, крестьянство, деревня, миграция, адаптация, Сибирь, Алтай.

* Корреспондирующий автор

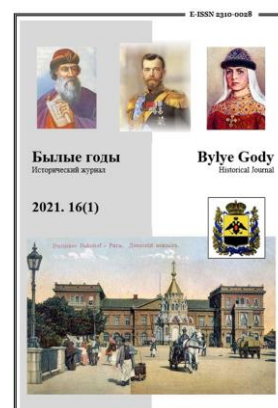
Адреса электронной почты: vrazgon@rambler.ru (В.Н. Разгон)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 384-391.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.384
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Activities of the Orthodox Clergy of the Penza Diocese during the First World War

Olga V. Kolpakova ^{a, *}, Sergei V. Belousov ^a

^a Penza State University, Russian Federation

Abstract

The article examines the activities of the orthodox clergy of the Penza diocese during the First world war. The work is based on materials from the local periodical press of the First world war ("Penza diocesan vedomosti") and archival data. The author states that the charitable activity of the orthodox clergy of the Penza diocese has been manifested since the beginning of military operations. An important role in providing assistance to the families of the victims was played by the boards of Trustees, in which the parish clergy took an active part. The clergy of the Penza diocese provided spiritual and material assistance to the refugees. To provide assistance, parish priests came to places and railway stations. When refugees arrived, parish priests also organized donations of money and clothing, agricultural products, and provided them for the first time. Attention is drawn to the activities of the clergy in collecting donations for the needs of the army. In addition, the clergy made personal contributions for the maintenance of sick and wounded soldiers. During the First world war, the clergy of the Penza diocese opened infirmaries and orphanages, maintained "beds", arranged and fed refugees, and also made voluntary donations and interest payments for various needs of the war.

Keywords: Russian Orthodox Church, First world war, Penza diocese, clergy, assistance to military personnel and their families, donations, Board of Trustees, charity.

1. Введение

На современном этапе развития исторической науки исследователи все чаще обращаются к истории Русской православной церкви и, в частности, к различным аспектам деятельности православного духовенства в годы Первой мировой войны. Православное духовенство Пензенской епархии приняло активное участие в событиях этой войны. Помощь оказывали монастыри, приходское духовенство, а также прихожане. Пастыри Пензенской епархии поддерживали инициативы государства в начатой войне, обеспечивая рост патриотических настроений в обществе, организуя помощь солдатам на фронте, семьям погибших, а также беженцам.

2. Материалы и методы

При подготовке статьи «Деятельность православного духовенства Пензенской епархии в годы Первой мировой войны» использовались материалы Российского государственного исторического архива (Ф. 796. Оп. 442), Государственного архива Пензенской области (Ф. 182. Оп. 1).

Важным источником в отношении рассматриваемой темы стали «Пензенские епархиальные ведомости», в которых раскрывается патриотическая деятельность, а также взгляды на реалии военного времени.

В основу исследования были положены принципы научной объективности, историзма и системности. Изучение деятельности православного духовенства Пензенской епархии в годы Первой мировой войны основывалось на методе комплексного анализа источников и литературы. В работе

* Corresponding author

E-mail addresses: al.olga3443@yandex.ru (O.V. Kolpakova), sergbel_1812@mail.ru (S.V. Belousov)

используются традиционные методы исторического исследования: историко-системный, проблемно-хронологический.

Историко-генетический метод применялся при изучении различных направлений деятельности священно- и церковнослужителей в военное время, таких как благотворительность, организация деятельности попечительных советов, оказание помощи населению и воинам.

3. Обсуждение

Изучение отдельных аспектов деятельности духовенства в годы Первой мировой войны имеет обширную историографию. Деятельность духовенства в этот период отражена в работах Т.Г. Леонтьевой (Леонтьева, 2013; Леонтьева, 2014).

Обращался к данному вопросу Г. Фриз, который считал, что духовенство РПЦ оказало существенную поддержку материально и духовно с самого начала войны. Сравнивая деятельность духовенства РПЦ и западноевропейских церквей, исследователь пришел к выводу, что она не отличалась, и духовенство РПЦ и Запада с большим энтузиазмом оказало безоговорочную поддержку «национальному делу» с самого начала войны (Фриз, 2015).

В 2014 г. к 100-летию юбилею начала Первой мировой войны в г. Пензе состоялась Международная конференция «Первая мировая война в истории российской нации», где были рассмотрены различные вопросы деятельности РПЦ и пензенского духовенства в данном военном конфликте. В.В. Кондрашин обратился к вопросу о неизвестных страницах истории Пензенской губернии в годы Первой мировой войны, в том числе и относительно Пензенской епархии (Кондрашин, 2014).

К теме церковно-приходских школ Пензенской губернии в годы войны обращался С.А. Никушкин (Никушкин, 2014). Анализ «Пензенских епархиальных ведомостей» о деятельности РПЦ в годы Первой мировой войны посвящена статья В.Н. Паршиной (Паршина, 2014).

Т.Г. Дорофеева обратилась к вопросу деятельности РПЦ в годы Первой мировой войны (Дорофеева, 2014). В том же году в рамках проекта «Документальная история Пензенского края» был издан сборник «Пензенская губерния в годы Первой мировой войны 1914 – март 1918 гг.», где уделяется внимание патриотической деятельности духовенства губернии, он посвящен 100-летию Первой мировой войны и является первой обобщающей работой пензенских историков и архивистов в указанный период.

Анализ проблем провинциального измерения эпохи Первой мировой войны был предпринят в монографии «Пензенская губерния в эпоху Первой мировой войны» (Белоусов, 2015).

4. Результаты

28 июля 1914 г. началась Первая мировая война, после чего Святейший Синод издал определение, согласно которому было необходимо обнародовать информацию о войне, ежедневно проводить ежедневные молитвы о победе, приступить к сбору пожертвований в пользу Красного Креста (Молчагин, 2020: 35-36). Православное духовенство Пензенской епархии незамедлительно приступило к выполнению распоряжения Св. Синода. Т.Г. Лентьева отмечала, что «трудно сказать, что руководило людьми: настоящее патриотическое чувство или испуг перед неизвестностью, но неперенными их участниками становились священники, семинаристы и воспитанницы епархиальных училищ. Практически в каждой духовной семинарии и академии обнаружилось добровольцы» (Леонтьева, 2014).

Некоторые приходские священники направлялись в войсковые части и госпитали для исполнения священнослужительских обязанностей, также призыву на действительную службу подлежали псаломщики, не окончившие курса в духовных семинариях и училищах. В связи с этим благочинным были даны указания:

- «озаботиться поручением» заведования теми приходами, из которых священники ушли на войну, соседним священникам в одноштатных приходах и вторым священником в двухштатных приходах;

- предписать настоятелям тех церквей, откуда псаломщики призваны в войска, дать поручения о временном исполнении псаломщических обязанностей по вольному найму способным лицам из своих или соседних сел, а также монастырей с вознаграждением лиц особым жалованием из церковных средств (Распоряжения..., 1914: 484-485).

Благотворительная деятельность монастырей проявилась со времени начала военных действий. Пайгармский Параскево-Вознесенский монастырь пожертвовал 1000 р. на раненых воинов, кроме того была оказана помощь некоторым семьям солдат деньгами и хлебом. Больные и раненые воины получали от обители хлеб, молоко, овощи и прислугу (Памяти настоятельницы..., 1917: 28).

Женский монастырь израсходовал в октябре на содержание монастырского лазарета ржаного хлеба 158 п. 28 ф., молока 64 ведра, мяса 2 п. 25 ф., пшеничной муки 1 и. 20 ф., булок 184 штуки и яблок 1 п. 30 ф., холста 350 аршин (Померанцев, 1915: 901-902).

Керенский Тихвинский женский монастырь израсходовал в октябре на содержание монастырского лазарета 462 р. 16 к. (По епархии..., 1917: 32).

Наиболее крупные пожертвования поступали от монастырей: Саранский Петропавловский, Краснослободский Троицкий, Тихвинский Саранского уезда Чуфаровский Троицкий Саранского уезда, Мокшанский Казанский, Александро-Невский Краснослободский, Нижнеломовский Казанский, Наровчатский Троицкий Сканов, Вьясский Владимирский Саранского уезда).

Согласно отчету о состоянии Пензенской епархии за 1914 г., монастырями Пензенской епархии пожертвовано на нужды войны 2890 р. и открыто лазаретов для 127 раненых и больных воинов на полном и для 229 человек на неполном монастырском иждивении. К тому же для ухода за ранеными командировано 97 послушниц, пожертвовано 3377 бельевых предметов из монастырского материала и сшито из присланного разными учреждениями материала (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2657. Л. 11).

Первые лазареты в Пензе открылись уже в августе 1914 г., а к концу года в губернии было сформировано 2081 место, из которых было занято 1215 коек (Спиридонова, 2017: 191).

В дальнейшем количество лазаретов на территории Пензенской губернии увеличивалось. 22 сентября 1915 г. на Пензенском епархиальном съезде было высказано предложение секретаря Пензенской духовной консистории об открытии самостоятельного епархиального лазарета на средства, получаемые от отчислений из личных доходов духовенства и церквей на содержание больных и раненых воинов. Согласно ведомости о количестве ежемесячных отчислений с церквей и духовенства на содержание предполагаемого к открытию епархиального лазарета для больных и раненых воинов, в 1915 г. узды Пензенской епархии собрали сумму в 1724 р. 33 к. (наибольшие суммы собраны Пензенским уездом – 311 р., Краснослободским – 248 р. 92 к. и Чембарским – 190 р.) (Ведомость, 1915: 518-520).

Лазарет было решено разместить в освободившейся при семинарском общежитии квартире надзирателя духовной семинарии на двадцать кроватей и присоединить к лазарету общеземского союза как особое отделение с наименованием «епархиальное». Все ежемесячные пожертвования, собираемые на местах на нужды военного времени, за исключением кружечных сборов в церквях, направлялись благочинным непосредственно в Комитет епархиального свечного завода, которому и было поручено входить в соглашение с общеземским союзом относительно уплаты денег за содержание больных и раненых воинов в епархиальном отделении лазарета.

Важную роль в оказании помощи семьям погибших играли попечительные советы, которые необходимо было образовать во всех приходах. На данные советы была возложена обязанность вести списки семей, члены которых призваны на войну, выяснять их имущественное положение и помогать пособиями до тех пор, пока в этом будет надобность (Деятельность, 1916: 15-16).

Так, в приходе села Аракчеева Краснослободского уезда 17 августа 1914 г. был открыт попечительный совет о семействах лиц, призванных на войну. В его состав входили причт, церковный староста и трое прихожан, деятельность которых заключалась в сборе пожертвований в храме и по приходу, а также привлечении крестьян к общественной обработке полей солдаткам, мужья которых призваны на войну (ГАПО. Ф. 182. Д. 2687. Л. 94-94об.).

С 17 августа 1914 г. действовал приходской попечительный совет по приходу Владимирской церкви г. Краснослободска, в который входило два члена из клира и шесть прихожан (ГАПО. Ф. 182. Д. 2687. Л. 56).

За период с сентября по декабрь 1914 г. в советы поступило 36869 р. 25 к. (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2657. Л. 19). С начала военных действий и до 1 января 1916 года попечительными советами было собрано денежных пожертвований 74126 р. (По епархии..., 1916: 203).

По определению Св. Синода от 11 ноября 1916 года за № 8369 во всех церквях епархии должен быть произведен тарелочный сбор (Распоряжения..., 1917: 4).

На нужды войны в пользу Красного Креста от церквей и монастырей Пензенской епархии через Духовную консисторию в течение 1916 г. поступило 21300 руб. Всего с начала войны от церквей и монастырей епархии кружечного сбора и пожертвований в пользу Красного Креста поступило 82160 р.

Церквями епархии в период с 19 июля 1914 г. по 19 июля 1915 г. послано в действующую армию 3601 руб. 17 к., 3132 вещи, 796 аршин холста, 24 посылки и 3 п. табака, пожертвовано на другие военные нужды 4919 руб. 11 к. и 41 посылка с вещами (Пожертвования..., 1915: 817).

По инициативе проходившего 27 октября 1914 г. съезда настоятелей и настоятельниц монастырей Пензенской епархии было предложено все бельевые вещи пересылать в консисторию для отправки их от имени духовенства и монашествующих епархии в действующую армию и для нужд раненых.

Монастыри и духовенство горячо откликнулись на призыв и за один ноябрь в консисторию поступило: 1017 рубашек, кальсон – 621, перчаток и варежек – 1232 пары, полотенец – 575, чулок и носков теплых – 1364 пары, платков – 94, одеял – 9, халатов – 7, простынь – 100, теплых фуфаяк – 939, портянок – 259 пар, шинелей – 1, брюк – 3, наволочек – 28, нагрудников – 30, холста – 1637 аршин, кисетов – 132, нитки, мундир – 1, штанов теплых – 21, сапог – 12 пар, а всего – 6526 предметов и 1637 аршин холста общим весом на 139 п. 31 ф. Часть вещей весом в 51 п. отправлена в 317 Дрисский полк, составленный из уроженцев Пензенской губернии, через поручика Николаева. Остальное также препровождено на передовые позиции в 45 артиллерийскую парковую бригаду через командира 3 бригады И.А. Дихта (Ведомости..., 1915: 20-21).

Духовенство Пензенской епархии оказывало духовную и материальную помощь беженцам, для чего приходские священники являлись на места и станции железных дорог. При появлении беженцев они также организовывали сбор пожертвований деньгами и одеждой, продуктами сельского хозяйства и на первое время снабжали ими беженцев. Во многих местах первая материальная помощь бедствующим оказывалась из церковных средств. Приходские священники многих уездов епархии являлись сотрудниками и главными руководителями порайонных, волостных и сельских попечительств по устройству быта беженцев, нанимали для них квартиры и, получая денежные суммы из уездных управ, покупали продукты.

Например, протоиерей Европейцев созвал духовенство, церковных старост и некоторых других лиц г. В. Ломова для совещания по вопросу о помощи беженцам. Собравшиеся с готовностью отозвались на призыв оказать помощь беженцам, собрали для этого более 40 руб. деньгами. Собрание выразило желание организовать «Верхнеломовское церковно-приходское попечительство по призрению беженцев», о чем и было составлено постановление. Ввиду неотложных нужд беженцев в питании, одежде и др. протоиереем Европейцевым было предложено в воскресный день принять участие в сборе в приходах ржи и вещей, предварительно призвав прихожан с церковной кафедры. Священники Изумрудов, Теплов и Перовский после произнесения в церкви соответствующих поучений отправились с церковными старостами для сбора ржи. Было собрано ими около 200 пудов ржи, до 15 руб. деньгами, а также вещей (По епархии..., 1915: 806-807).

В записке об оживлении и обновлении церковно-приходской жизни Пензенской епархии, составленной по указаниям и поручению епархиального съезда духовенства и церковных старост (1916 г.), отмечалось, что благотворительность крайне нужна для оживления прихода, она должна была совершаться при помощи прихожан, посредством различных церковно-приходских организаций (братства, приходские и попечительные советы, кружки ревнителей православия и пр.).

Состоявшийся 20–25 июня 1916 г. Пензенский епархиальный съезд представителей духовенства и церковных старост в количестве 65 депутатов создан был, главным образом, для обсуждения вопроса о подготовке и мероприятиях к введению в жизнь закона об устройстве церковно-приходской жизни, ее обновлении и возрождении.

В связи с благотворительной приходской деятельностью обсуждался и вопрос об участии духовенства в кредитных товариществах и потребительных обществах. Собранием признано, что современная жизнь, помимо усиленной духовной деятельности, требует от священника также заботливого отношения к материальным нуждам своих прихожан, что необходимо для успеха самой духовной деятельности (Записка..., 1916: 9).

Духовенство помогало в доставлении сведений об умерших беженцах. Комитет был озабочен числом беженцев, отставших во время пути при следовании по железным дорогам и водным путям сообщения, так как, имея сведения о беженцах с указанием их адресов, можно было бы соединить разрозненные семьи. Немало беженцев погибло во время пути, о чем также были необходимы сведения. По указу Св. Синода от 13 октября 1915 г. духовенство и учителя церковных школ были привлечены к участию и в деле регистрации беженцев (Указы..., 1915: 447-448).

Согласно отчету о состоянии Пензенской епархии за 1914 г., деятельность пастырей совершалась с должным усердием, священнослужители прилагали все усилия, старания, чтобы совершать богослужения неспешно, уставно, осмысленно, к чему побуждали и низших членов причтов. Дьяконы, по отзывам благочинных, почти всегда служили литургии с приготовлением к принятию Св. таинств. В двухклирных и трехклирных церквях богослужение совершалось ежедневно. В воскресные и праздничные дни совершали две литургии – раннюю и позднюю, в одноклирных городских церквях не менее трех дней в неделю, а в селах кроме воскресных и праздничных дней, иногда по субботам, не считая тех литургий по усопшим, которые прихожане заказывали отдельно (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2657. Л. 210б.).

По распоряжению архиепископа Митрофана, согласно указаниям Св. Синода, в целях объединения всего духовенства Пензенской епархии и лучшего руководства его (духовенства) в выполнении возлагаемых исторически важным временем на православное духовенство обязанностей, епархиальным начальством был дан ряд указаний и распоряжений, касающихся времени мобилизации войск и дальнейших событий. Прежде всего духовенству было поручено принять со своей стороны меры пастырского воздействия «против бесчинств при мобилизации», а также предписано неустанно развивать и поддерживать в населении патриотическое воодушевление, внушать прихожанам спокойствие и полную готовность отдать все за царя и Родину.

При отправлении воинских чинов на место службы необходимо было совершать торжественные молебствия в уездных городах при участии всего городского духовенства с произнесением соответствующих напутственных слов, провожать призываемых за селения и города, возможно, далее с крестным ходом и колокольным звоном. Важной мерой являлось предупреждение силой пастырского авторитета проявлений отрицательного характера в настроении населения, которое могло бы препятствовать успешному ходу мобилизации. В случае возникновения каких-либо беспорядков необходимо было выходить с крестным ходом и колокольным звоном к народу и

прилагать все усилия к прекращению волнения, в уездных городах в этих случаях выходить с крестным ходом к месту волнений из всех храмов по приглашению настоятеля собора.

Во время богослужений в лазаретах иногда говорились поучения, а перед их началом или после окончания некоторые протоиереи и священники одаривали раненых крестиками и брошюрами. В лазарете, помещающемся в здании Первой мужской гимназии г. Пензы, настоятелем гимназической церкви вечером в воскресные дни читались жития святых и другие книги религиозно-нравственного содержания. Чаще всего содержание проповедей, произносимых пастырями церкви, были направлены на искоренение существующих пороков (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2657. Л. 25-250б.). Благотворительная деятельность пензенского духовенства была отмечена императором Николаем II, который в сентябре 1914 г. направил телеграмму архиепископу Митрофану с благодарностью пензенскому духовенству за его патриотизм (Кондрашин, 2014: 15).

Со времени объявления манифеста о начале военных действий пастыри старались развивать и поддерживать преданность к отечеству, принимать меры для облегчения тяжелого положения призванных на войну. В храмах и на площадях проходили торжественные молебны, пастырь благословлял призванных крестиками или иконами, а после молебна провожали с крестным ходом за село с пением. В Нижнем Ломове торжественно было освящено воинское знамя для Нижнеломовской дружины, вручение знамени и проводы в действующую армию. Во многих приходах епархии, по сообщениям благочинного Ягодинского, священники вели чтения и беседы по поводу военных действий, привлекавшие массу слушателей, особенно лиц женского пола. Священник И. Померанцев отмечал, что в воскресные и праздничные дни местные храмы были переполнены молящимися. Частыми являлись обращения к духовенству о совершении перед иконами зазданных молебных пений с прочтением акафистов Спасителю, Божьей Матери и Святым, соименным сражающимся воинам.

5. Заключение

Начало Первой мировой войны пензенское духовенство встретило с патриотическим воодушевлением, т.к. осознавало необходимость поддержания высокого морального духа среди населения в тяжелое время.

Деятельность духовенства в годы Первой мировой войны заключалась в ежемесячных взносах из личных причтов и церковных сумм, производстве церковных сборов в пользу главного управления Красного Креста, организации при церквях попечительных советов, цель которых состояла в оказании помощи семьям лиц, взятых на войну, а также в устройстве сборов пожертвований вещами на нужды воинства (Кондрашин, 2014: 129). Кроме того, православное духовенство Пензенской епархии оказывало материальную и духовную помощь беженцам, при отправлении воинских чинов на место службы совершались торжественные молебствия, а во время богослужений в лазаретах говорились поучения. Пастыри церкви способствовали успешному ходу мобилизации, предотвращая проявления отрицательного характера в настроении населения.

В годы Первой мировой войны запросы на духовное просвещение и нравственное руководство предъявлялись духовенству, особенно пастырям церкви как со стороны интеллигенции, так и простого народа. Сложившаяся ситуация требовала от духовенства единения с паствой и согласованных действий со светской властью.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-39-90007.

Литература

Белюсов и др., 2015 – Белюсов С.В., Сухова О.А., Юдин С.О. Пензенская губерния в эпоху Первой мировой войны. Пенза: ПГУ, 2015. 442 с.

Ведомости..., 1915 – По епархии // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1915. № 1. С. 20-21.

Ведомость..., 1915 – Ведомость о количестве ежемесячных отчислений с церкви и духовенства по благочиниям на содержание предполагаемого к открытию епархиального лазарета для больных и раненых воинов // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1915. № 24. С. 518-520.

ГАПО – Государственный архив Пензенской области.

Деятельность..., 1916 – Деятельность Отечественной церкви во время войны России с Германией, Австрией и Турцией // *Всепоподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1914 г.* Петроград, 1916. С. 15-16.

Дорофеева, 2014 – Дорофеева Т.Г. Русская Православная церковь в годы Первой мировой войны / *Первая мировая война в истории российской нации. Сборник научных статей Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию начала Первой мировой войны*. Пенза, 2014. С. 38-40.

Записка..., 1916 – Записка об оживлении и обновлении церковно-приходской жизни Пензенской епархии, составленная по указаниям и поручению епархиального съезда духовенства и

церковных старост, состоявшегося 20–25 июня 1916 года, председателем протоиереем Иоанном Ягодинским // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1916. № 16–17. С. 1–31.

Кондрашин, 2014 – Кондрашин В.В. Документальная история Пензенского края. Пензенская губерния в годы Первой мировой войны. 1914 – март 1918. Книга 1. Прага, 2014. 544 с.

Кондрашин, 2014 – Кондрашин В.В. Новые документы о неизвестных страницах истории Пензенской губернии в годы Первой мировой войны / *Первая мировая война в истории российской нации. Сборник научных статей Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию начала Первой мировой войны*. 2014. С. 68–73.

Леонтьева, 2013 – Леонтьева Т.Г. War and Peace in Tver Province: 1914–1917 // *European researcher*. 2013. Vol. 63. № 11–12. Pp. 2700–2707.

Леонтьева, 2014 – Леонтьева Т.Г. Православное духовенство в годы Первой мировой войны // *Россия и современный мир*. 2014. С. 104–119.

Молчагин, 2020 – Молчагин И.Е. Духовенство Вятской епархии в годы Первой мировой войны / *Сборник статей III международной научно-практической конференции European science forum*. 2020. С. 35–39.

Никушкин, 2014 – Никушкин С.А. Церковно-приходские школы Пензенской губернии в годы Первой мировой войны / *Первая мировая война в истории российской нации. Сборник научных статей Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию начала Первой мировой войны*. Пенза, 2014. С. 82–85.

Памяти настоятельницы..., 1917 – Памяти настоятельницы Пайгармского монастыря игумении Евпраксии // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1917. № 1. С. 26–29.

Паршина, 2014 – Паршина В.Н. Пензенские епархиальные ведомости о деятельности Русской Православной Церкви в годы Первой мировой войны / *Первая мировая война в истории российской нации. Сборник научных статей Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию начала Первой мировой войны*. Пенза, 2014. С. 92–96.

По епархии..., 1915 – По епархии // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1915. № 18. С. 806–807.

По епархии..., 1916 – По епархии // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1916. № 5. С. 203.

По епархии..., 1917 – По епархии // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1917. № 1. С. 32.

Пожертвования..., 1915 – Пожертвования учреждений и духовенства епархии на военные нужды за год войны (с 19 июля 1914 года по 19 июля 1915 г.) // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1915. № 19. С. 817.

Померанцев, 1915 – Померанцев И. В защиту православного духовенства и монастырей в переживаемое нами время // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1915. № 21. С. 891–903.

Распоряжения..., 1914 – Распоряжения Пензенского епархиального начальства // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1914. № 16. С. 484–485.

Распоряжения..., 1917 – Распоряжения епархиального начальства // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1917. № 1. С. 4.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Спиридонова, 2017 – Спиридонова Л.М. Организация медицинской помощи раненым Православной церковью Пензенской губернии в годы Первой мировой войны // *Уроки истории: 1917–2017 годы. Материалы Четвертых региональных Рождественских образовательных чтений (Пенза, 22–26 ноября 2016 г.)*. 2017. С. 189–194.

Указы..., 1915 – Указы Святейшего Синода // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1915. № 22. С. 447–448.

Фриз, 2015 – Фриз Г. Война и реформа: Российская Православная Церковь в годы Первой мировой войны, 1914–1917 годы // *Вестник Тверского государственного университета. Серия «История»*. 2015. № 1. С. 96–116.

References

Belousov et al., 2015 – Belousov, S.V., Sukhova, O.A., Yudin, S.O. (2015). Penzenskaya guberniya v epokhu Pervoi mirovoi voyny [Penza province in the era of the First world war] Penza: PGU. 442 p. [in Russian]

Deyatel'nost'..., 1916 – Deyatel'nost' Otechestvennoi tserkvi vovremya voyny Rossii s Germaniei, Avstriei i Turtsiei [Activities of the Russian Orthodox Church during the war between Russia and Germany, Austria and Turkey]. *Vsepoddanneishii otchet Ober-prokurora Svyateishego sinoda K. Pobedonostseva po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1914 g.* Petrograd, 1916. Pp. 15–16. [in Russian]

Dorofeeva, 2014 – Dorofeeva, T.G. (2014). Russkaya Pravoslavnaya tserkov' v gody Pervoi mirovoi voyny [Russian Orthodox Church during the First world war]. *Pervaya mirovaya voina v istorii rossiiskoi natsii. Sbornik nauchnykh statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu nachala Pervoi mirovoi voyny*. Pp. 38–40. [in Russian]

Friz, 2015 – Friz, G. (2015). Voina i reforma: Rossiiskaya Pravoslavnaya Tserkov' v gody Pervoi mirovoi voyny, 1914–1917 gody [War and reform: Russian Orthodox Church during the First world war, 1914–1917]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya*. 1: 96–116. [in Russian]

GAPO – Gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoi oblasti [State archive of the Penza region].

Kondrashin, 2014 – Kondrashin, V.V. (2014). Dokumental'naya istoriya Penzenskogo kraya. Penzenskaya guberniya v gody Pervoi mirovoi voiny 1914-mart 1918. [Documentary history of the Penza region. Penza province during the First world war 1914-march 1918.]. Kniga 1. Praga. 544 p.

Kondrashin, 2014 – Kondrashin, V.V. (2014). Novye dokumenty o neizvestnykh stranitsakh istorii Penzenskoi gubernii v gody Pervoi mirovoi voiny [New documents about unknown pages of the history of the Penza province during the First world war]. *Pervaya mirovaya voina v istorii rossiiskoi natsii. Sbornik nauchnykh statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu nachala Pervoi mirovoi voiny*. Penza. Pp. 68-73. [in Russian]

Leont'eva, 2013 – Leont'eva, T.G. (2013). War and Peace in Tver Province: 1914-1917. *European researcher*. 11-12(63): 2700-2707.

Leont'eva, 2014 – Leont'eva, T.G. (2014). Pravoslavnoe dukhovenstvo v gody Pervoi mirovoi voiny [Orthodox clergy during the First world war]. *Rossiya i sovremennyyi mir*. Pp. 104-119. [in Russian]

Molchagin, 2020 – Molchagin, I.E. (2020). Dukhovenstvo Vyatskoi eparkhii v gody Pervoi mirovoi voiny [Clergy of the Vyatka diocese during the First world war]. *Sbornik statei III mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii European science forum*. Pp. 35-39. [in Russian]

Nikushkin, 2014 – Nikushkin, S.A. (2014). Tserkovno-prikhodskie shkoly Penzenskoi gubernii v gody Pervoi mirovoi voiny [Parochial schools of the Penza province during the First world war]. *Pervaya mirovaya voina v istorii rossiiskoi natsii. Sbornik nauchnykh statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu nachala Pervoi mirovoi voiny*. Penza. Pp. 82-85. [in Russian]

Pamyati nastoyatel'nitsy..., 1917 – Pamyati nastoyatel'nitsy Paigarmskago monastyrya igumenii Evpraksii [Memory Pogarskogo prioress of the monastery abbess Eupraxia]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1917. № 1. Pp. 26-29. [in Russian]

Parshina, 2014 – Parshina, V.N. (2014). Penzenskie eparkhial'nye vedomosti o deyatel'nosti Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v gody Pervoi mirovoi voiny [Penza diocesan Bulletin on the activities of the Russian Orthodox Church during the First world war]. *Pervaya mirovaya voina v istorii rossiiskoi natsii. Sbornik nauchnykh statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu nachala Pervoi mirovoi voiny*. Penza. Pp. 92-96. [in Russian]

Po eparkhii..., 1915 – Po eparkhii [Throughout the diocese]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1915. № 18. Pp. 806-807. [in Russian]

Po eparkhii..., 1916 – Po eparkhii [Throughout the diocese]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1916. № 5. Pp. 203. [in Russian]

Po eparkhii, 1917 – Po eparkhii [Throughout the diocese]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1917. № 1. Pp. 32. [in Russian]

Pomerantsev, 1915 – Pomerantsev, I. (1915). V zashchitu pravoslavnogo dukhovenstva i monastyrei v perezhivaemoe nami vremya [In defense of the Orthodox clergy and monasteries in the time we are experiencing]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 21: 891-903. [in Russian]

Pozhertvovaniya..., 1915 – Pozhertvovaniya uchrezhdenii i dukhovenstva eparkhii na voennye nuzhdy za god voiny (s 19 iyulya 1914 goda po 19 iyulya 1915 g.) [Donations of institutions and clergy of the diocese for military needs during the year of the war (from July 19, 1914 to July 19, 1915)]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. № 19. P. 817. [in Russian]

Rasporyazheniya..., 1914 – Rasporyazheniya Penzenskogo eparkhial'nogo nachal'stva [Orders of the Penza diocesan administration]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1914. № 16. Pp. 484-485. [in Russian]

Rasporyazheniya..., 1917 – Rasporyazheniya eparkhial'nogo nachal'stva [Orders of the diocesan authorities]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1917. № 1. P. 4. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].

Spiridonova, 2017 – Spiridonova, L.M. (2017). Organizatsiya meditsinskoi pomoshchi ranenym Pravoslavnoi tserkov'yu Penzenskoi gubernii v gody Pervoi mirovoi voiny [Organization of medical care for the wounded by the Orthodox Church of the Penza province during the First world war]. *Uroki istorii: 1917-2017 gody. Materialy Chetvertykh regional'nykh Rozhdestvenskikh obrazovatel'nykh chtenii (Penza, 22-26 noyabrya 2016 g.)*. Pp. 189-194. [in Russian]

Ukazy..., 1915 – Ukazy Svyateishego Sinoda [Decrees of The Holy Synod]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1915. № 22. Pp. 447-448. [in Russian]

Vedomost'..., 1915 – Vedomost' o kolichestve ezhemesyachnykh otchislenii s tserkvei i dukhovenstva po blagochiniyam na sodержanie predpolagaemogo k otkrytiyu eparkhial'nogo lazareta dlya bol'nykh i ranenyykh voynov [Statement on the number of monthly payments from churches and clergy in deaneries for the maintenance of the proposed opening of the diocesan infirmary for sick and wounded soldiers.] *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1915. № 24. Pp. 518-520. [in Russian]

Vedomosti..., 1915 – Po eparkhii [Throughout the diocese]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1915. № 1. Pp. 20-21. [in Russian]

Zapiska..., 1916 – Zapiska ob ozhivlenii i obnovlenii tserkovno-prikhodskoi zhizni Penzenskoi eparkhii, sostavlenaya po ukazaniyam i porucheniyu eparkhial'nogo s"ezda dukhovenstva i tserkovnykh starost, sostoyavshegosya 20-25 iyunya 1916 goda, predsedatelem protoiereem Ioannom Yagodinskim [Note on the

revitalization and renewal of the parish life of the Penza diocese, drawn up on the instructions and instructions of the diocesan congress of the clergy and church elders, held on June 20-25, 1916, by the chairman, Archpriest John Yagodinsky]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1916. № 16-17. Pp. 1-31. [in Russian]

Деятельность православного духовенства Пензенской епархии в годы Первой мировой войны

Ольга Васильевна Колпакова ^{a, *}, Сергей Владиславович Белоусов ^a

^a Пензенский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуется деятельность православного духовенства Пензенской епархии в годы Первой мировой войны. Работа базируется на материалах местной периодической печати времен Первой мировой войны («Пензенские епархиальные ведомости») и архивных данных. Авторы констатируют, что благотворительная деятельность православного духовенства Пензенской епархии проявилась со времени начала военных действий. Важную роль в оказании помощи семьям погибших играли попечительные советы, в деятельности которых активное участие принимало приходское духовенство. Духовенство Пензенской епархии оказывало духовную и материальную помощь беженцам, для чего приходские священники являлись на места и станции железных дорог. При появлении беженцев они также организовывали сборы пожертвований деньгами и одеждой, продуктами сельского хозяйства и на первое время снабжали ими беженцев. Обращается внимание на деятельность духовенства по сбору пожертвований на нужды армии. Кроме того, духовенство делало и личные отчисления на содержание больных и раненых воинов. В годы Первой мировой войны духовенство Пензенской епархии открывало лазареты и приюты для сирот, содержало «койки», устраивало и кормило беженцев, а также делало добровольные пожертвования и процентные отчисления на разнообразные нужды войны.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Первая мировая война, Пензенская епархия, духовенство, помощь военнослужащим и их семьям, пожертвования, попечительный совет, благотворительность.

* Корреспондирующий автор

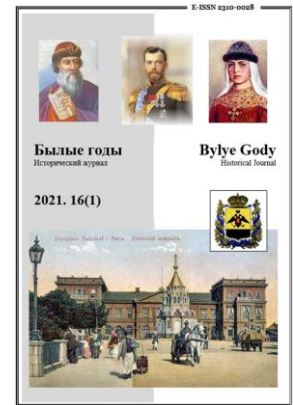
Адреса электронной почты: al.olga3443@yandex.ru (О.В. Колпакова), sergbel_1812@mail.ru (С.В. Белоусов)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 392-403.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.392
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Development of the Social Assistance System in the Russian Empire during the World War I

Pavel A. Merkulov ^{a, *}, Svetlana V. Bukalova ^a, Oksana V. Leonova ^b

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, branch of the Central Russian Institute of administration, Russian Federation

^b Bank College of the Central Russian Institute of administration – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration branch, Russian Federation

Abstract

The article presents a comprehensive description of the main trends in the development of the social assistance system in the Russian Empire during the World War I (1914–1917) as a part of the fundamental problem of the evolution the role of the state in the management of social sphere. It is argues that the concept of "social policy" is applicable to the researched period, and charitable activities are considered as an element of a pluralistic model of social policy. The authors note that during the World War I, state social guarantees were established, detailed and legislated for certain categories of the population, which can be combined with the concept of "war victims". It were families of conscripts, soldiers ' orphans, refugees, and war invalids. The article describes the mechanism of social guarantees realization by the public organizations activity. It was peasant self-government, local self-government and their national units, major Russian charities semi-formal character, i.e. under the auspices of the members of the Imperial family, and numerous local charities. The authors concludes that the "supporting structure" of this system was the Supreme Council for the care of families of conscripts, which performed organizational and administrative functions and financed specialized committees and commissions subordinate to it, as well as charitable organizations and institutions. The all-Russian Zemstvo Union and the all-Russian Union of Cities, which were interested in expanding the participation of local governments in the implementation of state social policy, tried to create an alternative to it. According to the authors, the multi-subject nature of the social assistance system, typical of the Russian Empire, can mobilize society's resources for assistance to war victims more flexibly and effectively.

Keywords: Russian Empire, World War I, social policy, charity, families of conscripts, refugees, orphans, war invalids.

1. Введение

Социальная политика составляет важнейшую сферу деятельности любого современного демократического государства: цели социальной политики во многом определяют механизмы государственного управления, воздействуют на приоритеты экономической политики. Между тем не выработано общепринятого универсального определения социальной политики; границы этого понятия остаются размытыми. В России, которая является социальным государством согласно своей Конституции, не существует законодательно закрепленного определения социальной политики. Спорным является и вопрос о генезисе государственной социальной политики в нашей стране. Ряд исследователей отводит существованию этого явления немногим более столетия, отсчитывая этот срок от создания Временным правительством в мае 1917 года Министерства государственного призрения. Другие возводят это явление к «Учреждению о губерниях» Екатерины II, создавшей в регионах Приказы общественного призрения. Третьи указывают, что социальная инфраструктура в России начинает активно

* Corresponding author

E-mail addresses: nio-ranepa57@mail.ru (P.A. Merkulov), stl1612@yandex.ru (S.V. Bukalova), oks980@rambler.ru (O.V. Leonova)

развиваться в конце XIX века в рамках системы земского самоуправления. При этом необходимо отметить, что уже в XVI веке государственная власть принимала отдельные меры организационного воздействия на социальную сферу; при императоре Петре I делались шаги в сторону создания светских заведений общественного призрения (богаделен, госпиталей, работных домов).

Качество социальности присуще любому государству; имеет место исторически обусловленное распределение ответственности за благополучие каждого члена общества между самим индивидом, общиной и государством. Их баланс определяет возможные модели социальной политики: корпоративную, либеральную, общественную и патерналистскую. Следует подчеркнуть, что идеологические основания социальной политики государства берут начало в социокультурных и религиозных традициях данного социума.

Раскрытие сущности социальной политики на том или ином историческом этапе возможно через комплексный анализ трех аспектов проявления роли государства в социальной сфере: особых социальных групп, выделяемых в качестве объекта социальной политики; нормативно-правовой базы этой политики и органов, реализующих соответствующий комплекс мер, с присущей им правовой природой (Меркулов и др., 2018: 1061-1062).

Уже в раннее время государство регулировало отдельные элементы социальной сферы, не рассматривая ее как исключительную область частных или религиозных интересов. В этой связи необходимо остановиться на соотношении понятий «социальная политика» и «благотворительность». Благотворительность – явление, принадлежащее сфере как межличностных, так и общественных отношений. Следовательно, как феномен социальной сферы, благотворительность также является объектом государственного регулирования, встраиваясь, таким образом, в систему государственной социальной политики. Государство может ограничивать благотворительную активность в целом (советская модель) или отдельные ее формы (ограничения создания благотворительных обществ, действовавшие в Российской империи до 1906 года); также государство может стимулировать благотворительную деятельность в приоритетных сферах, как это имело место в годы Первой мировой войны.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили периодические издания и отчеты учреждений, участвовавших в годы Первой мировой войны в оказании социальной помощи пострадавшим категориям населения: Верховного совета, Романовского и Татьянинского комитетов, Земского союза и Союза городов, материалы журнала «Трудовая помощь» и «Городское дело», дополненные архивными данными фондов Елизаветинского комитета (ЦИАМ), Земского союза и Союза городов (РГВИА).

Методологическую рамку исследования составляют системный подход и структурно-функциональный метод, позволяющие установить совокупность элементов системы социальной помощи жертвам войны, отношения и связи между ними. Сравнительный подход ориентирован на выявление общего и особенного в устройстве и деятельности системы социальной помощи в период Первой мировой войны, предшествующие и последующие периоды.

3. Обсуждение

Начиная с 1990-х годов, значительно активизируется изучение различных аспектов развития социальной сферы Российской империи, которое характеризуется тематическим разнообразием и введением в научный оборот новых источников. Появились многочисленные исследования благотворительных практик Российской империи, в том числе и в годы Первой мировой войны. Среди них выделяются обобщающие работы Н.Л. Матвеевой (Матвеева, 2004), Г.Н. Ульяновой (Ульянова, 2005), А.Р. Соколова и И.В. Зимина (Соколов, Зимин, 2015).

Отдельную группу исследований составляют работы, посвященные различным социальным группам жертв войны. Тему беженства развивают И.Б. Белова (Белова, 2014), Л.В. Жванко (Жванко, 2012). Положение семей мобилизованных, сирот военного времени и инвалидов войны освещены в статьях П.П. Щербинина, А.И. Чубарова, С.В. Букаловой (Пушкарева, Щербинин, 2005; Щербинин, Букалова, 2019; Чубаров, Букалова, 2020; Чубаров, Щербинин, 2020).

Однако обобщающих работ, которые рассматривали бы эволюцию социальной сферы Российской империи пореформенного периода в контексте задач государственного управления, все еще немного. К ним можно отнести книгу И.П. Павловой (Павлова, 2003), работу Т.Ю. Сидориной (Сидорина, 2005), новейшую монографию белорусской исследовательницы Н.С. Моторовой (Моторова, 2019).

Авторы признают сложность четкого разграничения понятий «благотворительность» и «социальная политика», что приводит к неоправданному расширению сферы благотворительности и игнорированию роли государства в развитии социальной сферы, вплоть до того, что Г.Н. Ульянова предлагает считать Земский союз и Союз городов благотворительными институтами, а организацию лечения раненых – благотворительной деятельностью (Ульянова, 2014).

Представляется продуктивным рассмотрение развития системы помощи жертвам Первой мировой войны как сочетания нормативно-организационной деятельности государства и квазигосударственных «именных» благотворительных комитетов и ее реализации структурами гражданского общества. Такой подход позволит отразить преемственность в становлении российской социальной политики предреволюционного и постреволюционного периодов.

4. Результаты

Расширение воздействия государства на социальную сферу связано с модернизационной трансформацией экономических и социальных отношений. Создание в пореформенный период системы органов местного самоуправления породило тенденцию формирования социальной политики на уровне местного самоуправления как базовом. Устав об общественном призрении относил социальную сферу к ведению органов земского и городского самоуправления. За полвека, прошедших с момента появления в России независимого местного самоуправления, ему удалось достичь впечатляющих успехов в развитии образования и здравоохранения.

Особенностью российской дореволюционной системы общественного призрения была ее «бедноцентричность» – ориентация на преодоление крайней нищеты и пауперизации населения. Другой значимой характеристикой российской сферы социальной помощи стало присутствие в ней всероссийских благотворительных организаций, состоящих под покровительством членов императорской фамилии, таких как Императорское человеколюбивое общество, Ведомство учреждений Императрицы Марии и Российское общество Красного Креста. Эти ведомства составляли группу учреждений, управляемых на особых основаниях: не подчиняясь никакому министерству, но имея организацию полуправительственного характера. Каждое из таких учреждений имело свой центральный орган, состоящий из лиц, назначаемых верховной властью, и канцелярию, служащие которой были приравнены к государственным служащим.

В начале XX века сложившаяся практика благотворительности подвергалась критике за свою неравномерность, произвольность, неспособность обеспечить нуждающихся надежными гарантиями. Как отмечалось, общественное призрение «не знало ни количества нуждающихся, ни характера нужды» (План..., 1916). Благотворительность рассматривалась как паллиативная мера, не способная решить какую-либо из актуальных социальных проблем.

В годы Первой мировой войны социальная ситуация в России существенно изменилась: возникли многочисленные социальные группы, лишившиеся по вине государства средств к существованию и привычного места в социальной иерархии. Наиболее многочисленной из них, конечно, были семьи мобилизованных, но и другие социальные категории – вдовы и сироты павших воинов, беженцы, инвалиды войны – также насчитывали по несколько миллионов человек каждая. Как с их стороны, так и со стороны общества в целом, вполне однозначно был выражен запрос на предоставление систематизированной государственной поддержки этим людям. Рассмотрим комплекс мер социального обеспечения и социальной поддержки таких категорий в качестве институтов государственной социальной политики, выделяя соотношение государственных, общественных и частных элементов.

Опыт русско-японской войны показал, что общественная система местного самоуправления и частная благотворительность не способны предоставить надежных социальных гарантий семьям солдат массовых армий, комплектуемых на основе всеобщей воинской обязанности. Исходя из этого, был принят поистине революционный для социальной сферы Российской империи закон от 25 июня 1912 года «О призрении нижних воинских чинов и их семейств», гарантирующий со стороны государства удовлетворение минимальных потребностей солдатских семей и вводящий пенсии для военных инвалидов, солдатских вдов и круглых сирот.

Однако пособие, получаемое солдатками, не предполагало удовлетворения всех их нужд. Если на селе оставшиеся без главы семьи женщины нуждались преимущественно в трудовой помощи, то в городе важной, но неучтенной статьей расходов была оплата жилища. Неизбежно возникли расходы на лечение, обучение детей, другие неотложные потребности. Для предоставления расширенных мер социальной поддержки уже 11 августа 1914 года был учрежден Верховный совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Верховный совет, который возглавила императрица Александра Федоровна, продолжил традиции благотворительной деятельности членов императорской фамилии, принявшей в XIX веке институционализированные формы. Верховный совет не имел своих местных отделений и осуществлял координацию работы общественных организаций, занятых непосредственной помощью семьям призванных, раненых и погибших. Он участвовал в финансировании их деятельности, распределяя между специализированными филантропическими организациями и отдельными учреждениями как казенные средства, так и поступившие в адрес Верховного совета пожертвования. Кроме того, Верховный совет при активном и непосредственном участии императрицы разрабатывал общие правила деятельности таких учреждений, таким образом, исполняя не только филантропические, но и организационно-распорядительные функции.

К 1 января 1916 года Верховный совет собрал 774,5 тыс. руб. пожертвований (еще 170 тыс. были переданы жертвователями в ценных бумагах); из казны в его адрес был ассигнован 1 млн руб. и более 16 млн руб. составил доход от лотереи, организованной Верховным советом. Эти средства Совет распределил главным образом между «именными» комитетами: Елизаветинским (3,5 млн), Ольгинским (2,2 млн), Татьянинским (3 млн руб.), складами императрицы-матери Марии Федоровны (1,5 млн) и Александры Федоровны (3 млн) ([Отчет о деятельности Верховного совета, 1916](#)).

Под эгиду Верховного совета перешли Алексеевский главный комитет, поддерживавший детей убитых солдат, и Романовский комитет для призрения сирот сельского состояния, начавший свою деятельность в июне 1914 года и находившийся под покровительством самого императора. Были созданы Комитет по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну, великой княгини Елизаветы Федоровны; Петроградский особый комитет великой княжны Ольги Николаевны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну; Комитет великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий.

Елизаветинский комитет развил наиболее широкую и разнообразную активность: первоначально предметом его деятельности предполагалось сделать сбор и распределение благотворительной помощи среди тех категорий, которые по каким-либо причинам не могли претендовать на получение казенного пайка. Затем Комитет включился в оказание семьям мобилизованных дополнительных видов помощи: предоставления работы солдатским женам, организации присмотра за солдатскими детьми, трудовой помощи хозяйствам мобилизованных. Елизаветинский комитет создал разветвленную сеть местных организаций, представленную губернскими отделениями, уездными комиссиями, волостными попечительствами и, наконец, учреждениями социальной помощи (приютами, столовыми, яслями, мастерскими и т.п.). Согласно руководству, составленному для местных отделений, в уездных комиссиях председательство предоставляли местному предводителю дворянства. В состав отделений Елизаветинского комитета входили чиновники, деятели местного самоуправления, представители духовенства. Комитет охватывал своей деятельностью всю Россию, кроме Кавказа, а также за исключением Петрограда с губернией и Финляндии, где это делал Ольгинский комитет ([ЦИАМ. Ф. 113. Оп. 1. Д. 76. Л. 270б., 99](#)).

Татьянинский комитет сосредоточил свои усилия на оказании помощи беженцам через свои губернские отделения. В январе 1915 года в составе Верховного совета была образована Особая комиссия по призрению воинских чинов и других лиц, пострадавших в войне, а также их семей, которую возглавила великая княгиня Ксения Александровна. Особая комиссия занялась организацией помощи «военно-увечным». При этом осуществление на местах поставленных перед нею задач возлагалось опять-таки на местные отделения Елизаветинского комитета ([Отчет образованной..., 1916](#)). Киевский областной отдел по снабжению искусственными конечностями Елизаветинского комитета состоял под покровительством великих княгинь Анастасии Николаевны и Милицы Николаевны, известных как «сестры-черногорки». В январе 1915 г. в компетенцию Верховного совета были включены «мероприятия по снабжению одеждой и оказанию денежной помощи нижним чинам, выписываемым из госпиталей». Великая княгиня Мария Павловна-старшая, которую за амбиции и пышность двора называли «третьей императрицей», возглавила вновь созданный «Комитет по снабжению одеждой нижних чинов». В январе 1916 г. для попечения о нуждающихся семьях георгиевских кавалеров был учрежден Георгиевский комитет великого князя Михаила Александровича.

Все эти организации получали через Верховный совет значительные средства, а также сами осуществляли сбор благотворительных пожертвований. Показательно, что руководящие органы состоявших под высочайшим покровительством благотворительных организаций в составе Верховного совета в большинстве случаев комплектовались по должностному принципу, их местные отделения нередко открывались по распоряжению губернаторов. Кроме того, необходимо отметить, что августейшие председательницы благотворительных комитетов (за исключением великих княжон Ольги и Татьяны) состояли в натянутых личных отношениях с главой Верховного совета – царствующей императрицей Александрой Федоровной.

Еще более напряженные отношения складывались между структурами Верховного совета и всероссийскими объединениями органов местного самоуправления – Земским союзом и Союзом городов. Нелишним будет упомянуть, что полное название Земского союза звучало как «Всероссийский Земский Союз помощи больным и раненым воинам». Возникший в первые дни войны, когда «патриотическое единение власти и общества» смогло преодолеть многолетние препятствия на пути создания объединений органов местного самоуправления, ВЗС (как и ВСГ) должен был играть роль инструмента мобилизации местных ресурсов для оказания помощи раненым в тылу. Как санитарная организация, Земский союз и Союз городов были подчинены Российскому обществу Красного Креста, которое возглавляла вдовствующая императрица Мария Федоровна, проживавшая в годы войны в Киеве. Однако эта связь была чисто формальной и ни в чем не выражалась. Очень скоро деятельность Союзов вышла за очерченные для них рамки, распространившись как на фронтовые районы, так и на другие сферы. Как убедительно показал С.В. Куликов, принявшая значительный размах деятельность Союзов финансировалась государством

(Куликов, 2008). Взносы, сделанные земствами и городами, имели своим источником уплаченные жителями налоги. Лечение раненых, составлявшее *raison d'être* существования ВЗС и ВСГ, имело своей целью возвращение солдат в строй, и должно быть отнесено к мобилизационной, а не социальной деятельности. Таким образом, основная деятельность Земского и Городского союзов не была благотворительной. Однако они выполняли и функции, которые можно отнести к сфере социальной помощи.

Число тех, кого война сделала калекой, определяется в широких пределах от 350 тысяч до 1 млн человек (Щербинин, Букалова, 2019). Потерявшим на войне здоровье и трудоспособность полагалась пенсия от казны по пяти разрядам, размер которой для нижних чинов составлял от 30 до 216 рублей в год. Выплата пенсий военным инвалидам производилась через уездные или городские по воинской повинности присутствия, там же велся учет получающих пенсии.

Земским союзом и Союзом городов был разработан план создания общеимперской сети специализированных учреждений для инвалидов войны – приютов и реабилитационных центров. При этом Особая комиссия Верховного совета была признана центральным органом, утверждавшим и финансировавшим общероссийский план помощи увечным, а также осуществлявшим контроль за его исполнением. Казенные ассигнования направлялись через Ксениинскую комиссию напрямую органам МСУ и отдельным учреждениям. Предполагалось, что органы местного самоуправления создадут сеть всесословных участковых, уездных и губернских попечительств, которые и будут оказывать необходимую помощь военным инвалидам по окончании войны.

При Главных комитетах Земского и Городского союзов были учреждены Отделы помощи увечным воинам, координирующие взаимодействие Союзов, организацию и деятельность финансировавшихся ими местных учреждений помощи военно-увечным. Позже появилась Соединенная комиссия по организации помощи увечным воинам при Земском и Городском союзах, которая, однако, не сыграла заметной роли.

Смета расходов на помощь военно-увечным в 1917 году превышала 15 млн рублей (РГВИА. Ф. 12564. Оп. 1. Д. 1177. Л. 9). Необходимо было точно установить общее число инвалидов войны, численность различных категорий и их территориальное распределение. Перепись инвалидов войны давала ценную информацию, непосредственно связанную с последующим долговременным финансированием адресованных им мероприятий, а потому проведение переписи стало предметом спора между Верховным советом и Союзом. Расходы на проведение переписи приближались к полумиллиону рублей, и Ксениинская комиссия не спешила выделять эти деньги Союзам, что означало бы и право этих общественных организаций на владение и распоряжение наиболее полными сведениями о военных инвалидах в России. По мнению Особой комиссии, проведение учета инвалидов могло быть осуществлено непосредственно уездными и городскими органами МСУ с передачей результатов в Комиссию (РГВИА. Ф. 12593. Оп. 1. Д. 2122. Л. 25; РГВИА. Ф. 12564. Д. 1177. Л. 362).

На повестке дня стояло принятие закона, регламентирующего предоставление инвалидам всех видов помощи, и создание системы попечительств, которые будут непосредственно осуществлять помощь военно-увечным. Земские деятели настаивали, что помощь инвалидам войны должна быть организована «не на началах благотворительности, а как учреждение государственное – с определенным кругом прав и обязанностей и ответственностью за их исполнение» (РГВИА. Ф. 12564. Оп. 1. Д. 987. Л. 390б.).

В годы войны были достигнуты определенные успехи в создании системы помощи военно-увечным. Был открыт ряд учреждений, практически не существовавших до того в России: физиотерапевтические институты, протезные мастерские, санатории, специализированные приюты, многочисленные учебные курсы. Эти учреждения имели самое разное подчинение и источники финансирования: частную благотворительность, средства местных самоуправлений, ВЗС и ВСГ, Елизаветинского комитета. Еще шире были планы по развитию этой деятельности после окончания войны.

Весной–летом 1915 года ряды нуждавшихся в помощи пополнились массой беженцев, вынужденных экстренно покинуть места своего проживания в оставляемых русской армией западных губерниях. Число этих людей определяется исследователями цифрой 2,5–5 млн чел. Регламентацией статуса вынужденных мигрантов и системы помощи им было занято Особое совещание по устройству беженцев (Особож) – чрезвычайный межведомственный государственный орган. 30 августа 1915 года появился «Закон об обеспечении нужд беженцев». На местах были созданы совещания по устройству беженцев под руководством губернаторов, в работе которых могли участвовать чиновники, деятели самоуправления, представители общественности и национальных беженских организаций. В марте 1916 года Руководящие положения закрепили за губернаторами общее руководство беженским делом, а организацию всех необходимых форм помощи – за органами местного самоуправления. Возникли губернские комитеты попечения о беженцах при губернских земских управах и уездные беженские комитеты. Уездные комитеты занимались расселением беженцев, подысканием работы для них и их медико-санитарное обслуживанием. Казенные продовольственные и квартирные пайки распределялись между беженцами уездными земскими управами, получавшими средства от губернского совещания.

Согласно закону, общественные организации не могли призывать беженцев без предварительного согласия губернатора. Национальным и благотворительным организациям отводилась вспомогательная роль по оказанию дополнительной помощи: они могли выдавать беженцам вещи, организовывать проведение религиозных церемоний и обучение детей на родном языке. Национальные беженские организации – польские, еврейские, латышские и др. – могли получать казенные средства и регулярно выплачивать пайки своим соплеменникам. Татьянинский комитет прилагал усилия к снабжению беженцев одеждой и обувью, старался оплачивать обучение детей-беженцев, вел большую работу по воссоединению беженских семей. Земский и Городской союзы сыграли большую роль в период исхода беженцев. В сентябре 1915 года ими был создан Объединенный отдел ВЗС и ВСГ по устройству беженцев (Щепкин, 1916). Объединенный отдел содержал детские приюты, врачебные пункты, вел юридическую консультацию беженцев, однако его деятельность ограничивалась преимущественно Московской губернией (Краткий очерк деятельности..., 1916). Собственные учреждения помощи беженцам имел Союз Городов и национальные организации, но большая их часть состояла в ведении органов местного самоуправления.

Проведение регистрации беженцев вызвало конкуренцию между Статистическим подотделом Объединенного отдела ВЗС и ВСГ и Особым отделом Татьянинского комитета по регистрации беженцев (Отчет о деятельности Особого отдела, 1916). В результате в разных губерниях перепись беженцев была проведена по-разному, а их общее количество не установлено до сих пор.

В систему «беженского дела» входили центральные и местные правительственные органы – Особеж, Отдел по устройству беженцев при МВД, главноуполномоченные по устройству беженцев на фронтах и в тыловых районах империи, губернаторы и губернская администрация. Роль исполнительных органов в этой системе принадлежала местному самоуправлению. Наряду с ними действовали отделения Татьянинского комитета, учреждения Земского и Городского союзов, национальных и местных благотворительных организаций. С 1916 года государственная политика в отношении беженцев была переориентирована на резкое сокращение казенных пайков и форсированное привлечение беженцев к работе. В этих условиях значение благотворительной поддержки беженцев возрастало.

Наиболее многочисленной социальной категорией, подвергшейся негативному воздействию войны, были семьи мобилизованных, в одночасье лишившиеся работников-кормильцев. За время Первой мировой войны в России под знамена было призвано около 15,5–16 млн человек (Россия в мировой, 1925: 4). На 1 марта 1917 года паек получали 26,7 млн человек – жены, дети, родители, бабки и деды, братья и сестры, состоявшие на иждивении мобилизованного (Россия в мировой, 1925: 50). Выплаты осуществлялись волостным правлением ежеквартально, на три месяца вперед; была предусмотрена ежегодная индексация размера пособий. Размер пайка рассчитывался губернским присутствием, оно же было высшей апелляционной инстанцией для споров о назначении пособия. Обязанность назначать казенные пособия возлагалась на волостные попечительства о семьях призванных. Право на государственное призрение не было обусловлено материальным положением адресата, а основывалось на зависимости родственников от труда мобилизованного. Закон обеспечивал солдатские семьи лишь одним видом призрения – продовольственным пособием, выдаваемым в денежном эквиваленте стоимости определенного рациона (включавшего лишь муку, крупу, постное масло и соль), т.е. государство в буквальном смысле заменяло взятого в армию кормильца.

При казенном финансировании попечение о солдатских семьях было изъято из рук местного самоуправления и закреплено за низовыми всесословными структурами. Существенно, что образование волостных попечительств о семьях призванных проектировалось с расчетом на «преобразование волостного управления на началах всесословия», о чем упоминалось в представлении министра внутренних (Доклад комиссии..., 1914: 3).

Как правило, в состав попечительств на сходе избирались представители сельской администрации (староста, писарь) и сельской интеллигенции (земские врачи и учителя, священники, кооператоры). Деятельность волостного попечительства протекала под контролем земского начальника. Большинство волостных попечительств ограничивалось функциями технического аппарата распределения казенных средств, но при благоприятных условиях они расширяли свою деятельность, эволюционируя в сторону благотворительных организаций.

Наряду с волостными попечительствами, земства также участвовали в удовлетворении нужд солдатских семей, выплачивая «добавку» к казенному пайку, размер которого все больше отставал от роста цен, или наделяя пособием тех, кто оказался обойден законом и лишен средств к существованию – в основном это были невенчаные жены и незаконнорожденные солдатские дети. Широкое распространение приобрела агрономическая помощь земств крестьянским хозяйствам, оставшимся без рабочих рук. Им предоставлялись семенные ссуды, был организован прокат сельхозтехники. В этом роде помощи принимали участие и правительственные агрономы. Их поддержкой, земской помощью, а также пособиями Елизаветинского комитета пользовались ученические трудовые дружины – уникальная форма волонтерской активности, возникшая в

Российской империи в годы Первой мировой войны. Во время летних каникул учащиеся гимназий и реальных училищ, студенты и семинаристы бесплатно работали на полях мобилизованных.

Широкое распространение получило устройство на селе детских яслей, дающих матерям возможность работать в своем хозяйстве или по найму. Они организовывались земствами, отделениями крупных благотворительных организаций, таких как Елизаветинский комитет, Попечительство о трудовой помощи, Всероссийское попечительство по охране материнства и младенчества, местными благотворительными кружками.

Параллельно с волостными сложилась сеть церковных приходских попечительств. По предписанию Св. синода в каждом приходе создавались попечительские советы, которые должны были изыскивать меры помощи солдатским семьям (Рункевич, 1916). К 1 марта 1915 года действовало 26 784 приходских попечительных совета о семьях запасных и ратников. Ими было собрано 1 764 844 руб. пожертвований, еще 124 114 руб. было передано из церковных сумм; помощь от приходских советов получили 1 211 194 семейств. Также приходские попечительства раздавали нуждавшимся еду и топливо, оказывали трудовую помощь, открывали ясли и временные детские приюты (Помощь семьям запасных, 1915а: 475).

В городах возможности для помощи солдатским семьям были шире, как шире были и их потребности в помощи. Ряд городских самоуправлений с первых дней войны дополнительно к казенному пайку выдавал пособия на наем жилья, отопление, покупку одежды. Зачастую заботу о семьях призванных принимали на себя участковые попечительства о бедных при городской управе. Чаще, чем на селе, в городах проводились благотворительные сборы в пользу семей мобилизованных. Практиковалось устройство мастерских, дающих солдатским женам работу по изготовлению госпитального белья и воинского обмундирования.

Участие в жизни солдатских семей принимали также различные благотворительные организации, которые собирали для нуждающихся продукты, одежду и обувь, предоставляли дешевые и бесплатные квартиры, организовывали детские сады, оказывали юридическую помощь.

Особой категорией нуждавшихся в общественной помощи жертв войны были дети-сироты. Дети как адресат социальной помощи были в центре внимания власти со времени первых Воспитательных домов, открытых Екатериной II в Москве и Санкт-Петербурге. К началу XX века сложилась целая сеть приютов Ведомства учреждений Императрицы Марии (Матвеева и др., 2019: 221). Первая мировая война приоткрыла новую страницу в истории этих заведений. В крестьянской России большинство военных сирот проживало в деревне. Их отец мог погибнуть на фронте, а мать – умереть; полусиротами считались те потерявшие отца-солдата дети, о которых не могла позаботиться мать; наконец, отец мог вернуться с войны калекой, обрекая свою семью на нищету.

По мнению председателя Романовского комитета И.А. Куломзина, поддержанному Николаем II, для России как преимущественно земледельческой страны наилучшим подходом было бы создание сети земледельческих колоний для сельских сирот, которые обеспечат их подготовку к самостоятельной трудовой жизни. На заседании Романовского комитета в апреле 1915 года было решено отпустить четверть миллиона рублей на создание 41 приюта, с ходатайствами об открытии которых обратились 14 уездных земств, 8 местных отделений Романовского комитета, 3 монастыря и 16 благотворительных организаций. Это перечисление прекрасно иллюстрирует многообразие организационных форм акторов реализации социальной политики в Российской империи, придававшее ей плюралистический характер.

Императорским указом от 7 июня 1915 года было утверждено Положение о земледельческих приютах для детей увечных и павших воинов, которое положило начало созданию в сельской местности нового типа социальных учреждений – земледельческих приютов для сирот и детей воинов. К сентябрю 1916 года было открыто и получали пособие от Романовского комитета 25 сельских приютов, к открытию по согласованию с Комитетом было намечено 227 приютов на 7663 сироты. В существующих 369 приютах призревалося 5 368 детей, еще 1558 сирот за годовую плату от Комитета были помещены под патронаж благонадежных семей (Отчет о деятельности Романовского, 1917).

Детские приюты открывались не только под эгидой Романовского комитета, но и в частном порядке. Так, в Корочанском уезде Курской губернии на средства князя П.А. Волконского был устроен приют для 25 детей-сирот и полусирот воинов из сельского населения уезда, в возрасте от 1 года до 12 лет. Князем было пожертвовано 1500 руб. и предоставлен дом из 8 комнат, Корочанское уездное земство ассигновало 1200 руб. ежегодно на содержание приюта (Помощь семьям запасных, 1916b: 336).

Десять приютов для увечных воинов и тридцать приютов для сирот были открыты Обществом повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям (Помощь семьям запасных, 1916с: 107). В учреждениях Елизаветинского комитета призревалося 45 тысяч детей различного возраста – как сирот, так и тех, о ком не могли позаботиться родители (Помощь семьям запасных, 1916d: 250).

Земский и Городской союзы выступили с намерением привнести упорядоченность в дело призрения военных сирот (во Франции их именовали «детьми Отечества»). 17–20 марта 1916 года по инициативе Объединенного отдела по устройству беженцев ВЗС и ВСГ в Москве прошло совещание по

вопросу призрения детей в связи с войной, собравшее 300 участников. Оно постановило, что дети – сироты воинов и жертв войны – подлежат государственному попечению, осуществить которое могут ВЗС и ВСГ. Юридическому отделу ВСГ совместно с Отделом по устройству беженцев совещание поручило разработать и внести в Государственную Думу законопроект на эту тему (*Совещание..., 1916: 331*).

В 1916 году Романовский комитет с помощью Центрального статистического комитета МВД начал проведение всероссийской переписи сирот, которая выполнялась волостными правлениями при помощи земских начальников, народных учителей и духовенства. Завершение разработки результатов переписи ожидалось к середине 1917 года. Отмечалось, что истинные масштабы сельского сиротства, полусиротства и потребности во внешней опеке трудно установить без проведения переписи, так как получаемые сиротой казенный паек или пособие Алексеевского комитета обеспечивают ребенку место в большой крестьянской семье. Предполагалось, что с окончанием войны проблема сиротства, обострявшаяся с каждым военным месяцем, проявится в полную силу.

5. Заключение

Можно говорить о том, что к началу XX века в социальной сфере Российской империи сложились и действовали три независимые системы поддержки нуждавшихся: государственное призрение, социальные инициативы органов местного самоуправления и благотворительность. Чрезвычайные условия Первой мировой войны привели к взаимопроникновению и координации между ними.

Государство постепенно расширяло свои функции по решению социальных проблем, в первую очередь принимая на себя решение специфических вопросов, порожденных войной, которые наиболее остро воспринимались обществом и были слишком масштабными для существовавших структур. Государственная политика в данном направлении шла по пути расширения социальных гарантий со стороны государства для отдельных категорий населения, их детализации и законодательного закрепления. В годы войны сложился определенный алгоритм выстраивания государственной социальной политики в отношении семей мобилизованных, вдов и сирот убитых солдат, беженцев, военных инвалидов. Все они наделялись пайком/пенсией от казны; их статус был упорядочен и регламентирован специальными правовыми актами. При этом размер казенного пособия был минимальным; даже без учета инфляции он нередко не мог удовлетворить базовые физиологические потребности. Дополнительную поддержку отдельным категориям пострадавших от войны оказывали крупные формальные благотворительные организации, состоящие под покровительством членов императорской фамилии, подчиненные чрезвычайно межведомственному государственному органу – Верховному совету по призрению семей призванных. Они образовали сеть местных отделений губернского и уездного, а в ряде случаев также волостного и участкового уровня, и приступили к созданию специализированных социальных учреждений – детских приютов и яслей, инвалидных домов, протезных мастерских и т.п.

Можно утверждать, что правовые и организационные основы помощи жертвам войны подготовили почву для централизации социальной политики государства. Структура, источник финансирования и кадровый состав благотворительных комитетов в составе Верховного совета по призрению семей призванных позволяют увидеть в нем непосредственного предшественника государственного органа исполнительной власти в сфере социальной политики. Особенностью сложившейся в годы Первой мировой войны системы социальной поддержки нуждавшихся категорий было отсутствие специализированного бюрократического аппарата, функции которого возлагались на чиновников коронной администрации и местного самоуправления в качестве дополнительных обязанностей. Также широко практиковалось привлечение частной инициативы к решению социальных проблем государственного уровня, что являлось отличительной чертой развития социальной сферы Российской империи. Расширение государственного воздействия на социальную сферу не уменьшало, а напротив, увеличивало разнообразие негосударственных форм социальной поддержки. При этом мелкие благотворительные организации оставались вне зоны государственного внимания; в условиях дефицита ресурсов их роль становилась второстепенной. Благотворительные организации, возникавшие в связи с войной, действовали локально и имели, как правило, узкий профиль. По мере нарастания хозяйственных трудностей, продолжавшегося оттока работоспособных мужчин в армию, сокращалась и частная поддержка благотворительных учреждений и мероприятий. Между тем число нуждавшихся в помощи, напротив, росло.

Нахождение государственной властью успешной траектории противостояния порожденным войной социальным вызовам продуктивно рассматривать через призму концепта состоятельности государства. Состоятельность при этом будет пониматься как потенциал концентрации и мобилизации ресурсного потенциала, степень лояльности населения государству, способность власти к реализации базовых функций (*Куманичкин, 2018: 118-119*). Перечисленные качества имели критическую важность для участвовавшей в мировой войне Российской империи. Опыт развития системы российской социальной помощи в годы Первой мировой войны указывает на значительный институциональный потенциал государственного управления данного периода.

Поиск баланса между правительственными и частными усилиями в социальной сфере вел к развитию модели плюралистической социальной политики, несущий каркас которой составляли государственно-общественные организации, к каковым относились состоящие под высочайшим покровительством комитеты.

Литература

- Белова, 2014** – Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М.: АИРО-XXI, 2014. 431 с.
- Доклад комиссии..., 1914** – Доклад комиссии, избранной Московским обществом сельского хозяйства в заседании 5 сентября 1914 года для разработки вопроса о задачах земства в деле призрения семейств нижних чинов, призванных на войну, в связи с Высочайшим указом 20 августа с.г. М.: типография О.Л. Сомовой, 1914. 50 с.
- Жванко, 2012** – Жванко Л.Н. Беженцы Первой мировой войны: украинская реальность (1914–1918 гг.): Монография. Харьков: Апостроф, 2012. 568 с.
- Краткий очерк деятельности..., 1916** – Краткий очерк деятельности Всероссийского Земского Союза. Январь 1916 года. М.: Типография Товарищества Рябушинских, 1916. 52 с.
- Куликов, 2008** – Куликов С.В. Финансовые аспекты деятельности российских благотворительных организаций военного времени (июль 1914 – февраль 1917 г.) // Благотворительность в истории России: Новые документы и исследования. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 369–396.
- Куманичкин, 2018** – Куманичкин П.С. Состоятельность современного государства: новые подходы к оценке // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2018. Т. 13. № 2. С. 115–127.
- Матвеева и др., 2019** – Матвеева Е.С., Меркулов А.В., Молоткова Е.Д. Роль благотворительных ведомств и общественных организаций дома Романовых в процессе поддержания быта детей во второй половине XIX – начале XX в. // *Власть*. 2019. № 2. Т. 27. С. 217–224.
- Матвеева, 2004** – Матвеева Н.Л. Благотворительная деятельность именных комитетов членов императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Московский государственный областной университет, 2004. 189 с.
- Моторова, 2019** – Моторова Н.С. Социальная политика Российской империи на территории Беларуси (1861–1914): Монография. Минск: Национальная библиотека Беларуси, 2019. 350 с.
- Отчет о деятельности Верховного Совета, 1916** – Отчет о деятельности Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов, и подведомых ему учреждений. Пг.: Государственная типография, 1916. 204 с.
- Отчет о деятельности Особого отдела, 1916** – Отчет о деятельности Особого отдела Комитета Великой Княжны Татьяны Николаевны по регистрации беженцев в 1915 г. Пг.: Б.и., 1916. 69 с.
- Отчет о деятельности Романовского комитета, 1917** – Отчет о деятельности Романовского комитета за 1916 год. Б.м., Б.и., 1917. 28 с.
- Отчет образованной..., 1916** – Отчет образованной в составе Верховного совета Особой комиссии по призрению воинских чинов и других лиц, пострадавших в продолжение настоящей войны, а также их семей за 1915 год. Пг.: Государственная типография, 1916. 196 с.
- Павлова, 2003** – Павлова И.П. Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2003. 150 с.
- План..., 1916** – План регистрации увечных воинов, выработанный Отделом помощи увечным воинам Главного Комитета Всероссийского Земского Союза. М.: Типография Товарищества Рябушинских, 1916. 28 с.
- Помощь семьям запасных, 1915a** – Помощь семьям запасных и ратников // *Трудовая помощь*. 1915. № 5. С. 475–483.
- Помощь семьям запасных, 1916b** – Помощь семьям запасных и ратников b // *Трудовая помощь*. 1916. № 4. С. 335–342.
- Помощь семьям запасных, 1916c** – Помощь семьям запасных и ратников c // *Трудовая помощь*. 1916. № 7. С. 103–114.
- Помощь семьям запасных, 1916d** – Помощь семьям запасных и ратников d // *Трудовая помощь*. 1916. № 8. С. 250–255.
- Пушкарева, Щербинин, 2005** – Пушкарева Н.Л., Щербинин П.П. Организация призрения семей нижних чинов в годы Первой мировой войны // *Журнал исследований социальной политики*. 2005. Т. 3. № 2. С. 147–162.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- Россия в мировой войне, 1925** – Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М.: Типография МКХ им. Лаврова, 1925. 103 с.
- Рункевич, 1916** – Рункевич С.Г. Великая Отечественная война и церковная жизнь. Кн. 1. Распоряжения и действия Святейшего Синода в 1914–1915 гг. Пг.: Б.и., 1916. 356 с.
- Сидорина, 2005** – Сидорина Т.Ю. Два века социальной политики. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2005. 442 с.

Совещание по вопросу призрения детей, 1916 – Совещание по вопросу призрения детей в связи с войной // *Городское дело*. 1916. № 8. С. 311-334.

Соколов, Зимин, 2015 – Соколов А.Р., Зимин И.В. Благотворительность семьи Романовых. XIX – начало XX века. М.: Центрполиграф, 2015. 603 с.

Ульянова, 2005 – Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи, конец XVIII – начало XX века. М.: Наука, 2005. 402 с.

Ульянова, 2014 – Ульянова Г.Н. Благотворительная помощь общества жертвам войны в 1914–1918 гг. / *Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: Материалы Международной научной конференции*. М.: Институт российской истории РАН, 2014. С. 230-237.

ЦИАМ – Центральный исторический архив Москвы.

Чубаров, Букалова, 2020 – Чубаров А.И., Букалова С.В. Обучение военно-увечных нижних чинов посильным ремеслам в России во второй четверти XIX – начале XX в. // *Вестник государственного и муниципального управления*. 2020. № 2. С. 43-54.

Чубаров, Щербинин, 2020 – Чубаров А.И., Щербинин П.П. Социальное призрение детей во время Первой мировой войны // *Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки»*. 2020. Т. 25. № 188. С. 195-202.

Щепкин, 1916 – Щепкин М.М. Беженцы и организация помощи им в связи с работами Особого совещания: доклад Главным комитетам уполномоченного, председателя отдела М.М. Щепкина, март 1916 г.. М.: Типография Товарищества Рябушинских, 1916. 98 с.

Щербинин, Букалова, 2019 – Щербинин П.П., Букалова С.В. Военные инвалиды в повседневной жизни провинциального социума в годы Первой мировой войны // *Вестник государственного и муниципального управления*. 2019. № 2. С. 86-99.

Merkulov et al., 2018 – Merkulov P.A. Eliseev A.L. Aronov D.V. State youth policy in pre-revolutionary Russia: From social stratification of society to full social regulation // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 49. Is. 3. Pp. 1061-1073.

References

Belova, 2014 – Belova, I.B. (2014). Vynuzhdenные migranty: bezhency i voennoplennые Pervoj mirovoj vojny v Rossii. 1914–1925 gg. [Forced migrants: refugees and prisoners of war of the First World War in Russia. 1914–1925]. Moscow: AIRO-XXI. 431 p. [in Russian]

Chubarov, Bukalova, 2020 – Chubarov, A.I., Bukalova, S.V. (2020). Obuchenie voenno-uvechnyh nizhnih chinov posil'nym remeslam v Rossii vo vtoroj chetverti XIX – nachale XX v. [Training of military-disabled lower ranks in feasible crafts in Russia in the second quarter of the XIX-early XX century]. *Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*. 2: 43-54. [in Russian]

Chubarov, Shcherbinin, 2020 – Chubarov, A.I., Shcherbinin, P.P. (2020). Social'noe prizrenie detej vo vremya Pervoj mirovoj vojny [Social vision of children during the First World War]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. T. 25. 188: 195-202. [in Russian]

ЦИАМ – Central'nyj istoricheskij arhiv Moskvy [Central historical archive of Moscow].

Doklad komissii..., 2014 – Doklad komissii, izbrannoj Moskovskim obshchestvom sel'skogo hozyajstva v zasedanii 5 sentyabrya 1914 goda dlya razrabotki voprosa o zadachah zemstva v dele prizreniya semejstv nizhnih chinov, prizvannyh na vojnu, v svyazi s Vysochajshim ukazom 20 avgusta s.g. [Report of the Commission elected by the Moscow society of agriculture at its session on September 5, 1914, to develop the question of the tasks of the Zemstvo in providing for the families of lower ranks called up for war, in connection with the Supreme decree of August 20, 1914] (1914). Moscow: Tipografiya O. L. Somovoj. 50 p. [in Russian]

Kratkij ocherk deyatel'nosti..., 2016 – Kratkij ocherk deyatel'nosti Vserossijskogo Zemskogo Soyuzа. Yanvar' 1916 goda [A brief outline of the activities of the all-Russian Zemstvo Union. January 1916] (1916). Moscow: Tipografiya Tovarishchestva Ryabushinskih. 52 p. [in Russian]

Kulikov, 2008 – Kulikov, S.V. (2008). Finansovye aspekty deyatel'nosti rossijskih blagotvoritel'nyh organizacij voennogo vremeni (iyul' 1914 – fevral' 1917 g.) [Financial aspects of the activities of Russian wartime charitable organizations (July 1914-February 1917)]. *Blagotvoritel'nost' v istorii Rossii: Novye dokumenty i issledovaniya*. St Petersburg: Nestor-Istoria. pp. 369-396. [in Russian]

Kumanichkin, 2018 – Kumanichkin, P.S. (2018). Sostoyatel'nost' sovremennogo gosudarstva: novye podhody k ocenke [Viability of the modern state: new approaches to assessment]. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk*. T. 13. 2: 115-127. [in Russian]

Matveeva i dr., 2019 – Matveeva, E.S., Merkulov, A.V., Molotkova, E.D. (2019). Rol' blagotvoritel'nyh vedomstv i obshchestvennyh organizacij doma Romanovyh v processe podderzhaniya byta detej vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v [Role of charitable departments and public organizations of the Romanov house in the process of maintaining the life of children in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Vlast'*. 27(2): 217-224. [in Russian]

Matveeva, 2004 – Matveeva, N.L. (2004). Blagotvoritel'naya deyatel'nost' imennyh komitetov chlenov imperatorskoj sem'i v gody Pervoj mirovoj vojny [Charitable activities of named committees of members of

the Imperial family during the First World War]. Moscow: Moskovskij gosudarstvennyj oblastnoj universitet. 189 p. [in Russian]

Merkulov et al., 2018 – Merkulov, P.A. Eliseev, A.L. Aronov, D.V. (2018). State youth policy in pre-revolutionary Russia: From social stratification of society to full social regulation. *Bylye Gody*. 49(3): 1061-1073.

Motorova, 2019 – Motorova, N.S. (2019). Social'naya politika Rossijskoj imperii na territorii Belarusi (1861–1914) [Social policy of the Russian Empire on the territory of Belarus (1861-1914)]. Minsk: Nacional'naya biblioteka Belarusi. 350 p. [in Russian]

Otchet o deyatel'nosti Verhovnogo Soveta, 1916 – Otchet o deyatel'nosti Verhovnogo Soveta po prizreniyu semej lic, prizvannyh na vojnu, a takzhe semej ranenyyh i pavshih voynov, i podvedomyh emu uchrezhdenij [Report on the activities of the Supreme Council for the care of families of persons called up for war, as well as families of wounded and fallen soldiers, and institutions subordinate to it] (1916). Petrograd: Gosudarstvennaya tipografiya. 204 p. [in Russian]

Otchet o deyatel'nosti Osobogo otdela, 1916 – Otchet o deyatel'nosti Osobogo otdela Komiteta Velikoj Knyazhny Tat'yany Nikolaevny po registracii bezhencev v 1915 g. [Report on the activities of the Special Department of the Committee of Grand Duchess Tatiana Nikolaevna on registration of refugees in 1915] (1916). Petrograd. 69 p. [in Russian]

Otchet o deyatel'nosti Romanovskogo komiteta, 1917 – Otchet o deyatel'nosti Romanovskogo komiteta za 1916 god. [Report on the activities of the Romanov Committee for 1916] (1917). without place, 28 p. [in Russian]

Otchet obrazovanoj v sostave Verhovnogo sojeta, 1916 – Otchet obrazovanoj v sostave Verhovnogo sojeta Osoboj komissii po prizreniyu voinskih chinov i drugih lic, postradavshih v prodolzhenie nastoyashchej vojny, a takzhe ih semej za 1915 god [Report of the Special Commission formed as part of the Supreme Council for the care of military ranks and other persons who suffered during the present war, as well as their families for 1915] (1916). Petrograd: Gosudarstvennaya tipografiya. 196 p. [in Russian]

Pavlova, 2003 – Pavlova, I.P. (2003). Social'noe popechenie v Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny [Social care in Russia during the First World War]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskij gosudarstvennyj agrarnyj universitet. 150 p. [in Russian]

Plan registracii uvechnyyh voynov, 1916 – Plan registracii uvechnyyh voynov, vyrabotannyj Otdelom pomoshchi uvechnym voynam Glavnogo Komiteta Vserossijskogo Zemskogo Soyuza [Plan for the registration of maimed soldiers, developed by The Department of assistance to maimed soldiers of the Main Committee of the all-Russian Zemstvo Union] (1916). Moscow: Tipografiya Tovarishchestva Ryabushinskih. 28 p. [in Russian]

Pomoshch' sem'yam zapasnyh, 1915a – Pomoshch' sem'yam zapasnyh i ratnikov [Assistance to families of spares and warriors]. (1915). *Trudovaya pomoshch'*. 5: 475-483. [in Russian]

Pomoshch' sem'yam zapasnyh, 1916b – Pomoshch' sem'yam zapasnyh i ratnikov [Assistance to families of spares and warriors]. (1916b). *Trudovaya pomoshch'*. 4: 335-342. [in Russian]

Pomoshch' sem'yam zapasnyh, 1916c – Pomoshch' sem'yam zapasnyh i ratnikov [Assistance to families of spares and warriors]. (1916c). *Trudovaya pomoshch'*. 7: 103-114. [in Russian]

Pomoshch' sem'yam zapasnyh, 1916d – Pomoshch' sem'yam zapasnyh i ratnikov [Assistance to families of spares and warriors]. (1916d). *Trudovaya pomoshch'*. 8: 250-255. [in Russian]

Pushkareva, Shcherbinin, 2005 – Pushkareva, N.L., Shcherbinin, P.P. (2005). Organizaciya prizreniya semej niznih chinov v gody Pervoj mirovoj vojny [Organization of charity for families of lower ranks during the First World War]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki*. T. 3. 2: 147-162. [in Russian]

RGVIA – Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian state military historical archive].

Rossiya v mirovoj vojne, 1925 – Rossiya v mirovoj vojne 1914-1918 goda (v cifrah) [Russia in the world war of 1914-1918 (in numbers)] (1925). Moscow: Tipografiya MKKH im. Lavrova. 103 p. [in Russian]

Runkevich, 1916 – Runkevich, S.G. (1916). Velikaya Otechestvennaya vojna i cerkovnaya zhizn'. Kn. 1. Rasporyazheniya i dejstviya Svyatejshego Sinoda v 1914-1915gg. [Great Patriotic war and Church life. Book 1. Orders and actions of the Holy Synod in 1914-1915]. Petrograd. 356 p. [in Russian]

Shchepkin, 1916 – Shchepkin, M.M. (1916). Bezhenicy i organizaciya pomoshchi im v svyazi s rabotami Osobogo soveshchaniya: doklad Glavnym komitetam upolnomochennogo, predsedatelya otdela M.M. Shchepkina, mart 1916 g. [Refugees and the organization of assistance to them in connection with the work of a Special meeting: report to the Main committees of the Commissioner, Chairman of the Department M.M. Shchepkin, March 1916]. Moscow: Tipografiya Tovarishchestva Ryabushinskih. 98 p. [in Russian]

Shcherbinin, Bukalova, 2019 – Shcherbinin, P.P., Bukalova, S.V. (2019). Voennye invalidy v povsednevnoj zhizni provincial'nogo sociuma v gody Pervoj mirovoj vojny [Military invalids in everyday life of the provincial society during the First World War]. *Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*. 2: 86-99. [in Russian]

Sidorina, 2005 – Sidorina, T.Yu. (2005). Dva veka social'noj politiki [Two centuries of social policy]. Moscow: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet. 442 p. [in Russian]

Sokolov, Zimin, 2015 – Sokolov, A.R., Zimin, I.V. (2015). Blagotvoritel'nost' sem'i Romanovyh. XIX – nachalo XX veka [Charity of the Romanov family. XIX – early XX century]. Moscow: Centrpoligraf. 603 p. [in Russian]

[Soveshchanie po voprosu prizreniya detej, 2016](#) – Soveshchanie po voprosu prizreniya detej v svyazi s vojnoj [Meeting on the issue of children's charity in connection with the war] (1916). *Gorodskoe delo*. 8: 311-334. [in Russian]

[Ul'yanova, 2005](#) – *Ul'yanova, G.N.* (2005). Blagotvoritel'nost' v Rossijskoj imperii, konec XVIII – nachalo XX veka [Charity in the Russian Empire, late XVIII – early XX century]. Moscow: Nauka. 402 p. [in Russian]

[Ul'yanova, 2014](#) – *Ul'yanova, G.N.* (2014). Blagotvoritel'naya pomoshch' obshchestva zhertvam vojny v 1914–1918 gg. [Charitable assistance of the society to victims of war in 1914-1918]. *Rossiia v gody Pervoj mirovoj vojny, 1914–1918: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Moscow: Institut rossijskoj istorii RAN. Pp. 230-237. [in Russian]

[Zhvanko, 2012](#) – *Zhvanko, L.N.* (2012). Bezhency Pervoj mirovoj vojny: ukrainskaya real'nost' (1914 – 1918 gg.) [Refugees of the First World War: Ukrainian reality (1914-1918)]. Har'kov: Apostrof. 568 p. [in Ukrainian]

Развитие системы социальной помощи в Российской империи в годы Первой мировой войны

Павел Александрович Меркулов ^{a, *}, Светлана Владимировна Букалова ^a,
Оксана Вячеславовна Леонова ^b

^a Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации Среднерусский институт управления – филиал, Российская Федерация

^b Банковский колледж Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, Российская Федерация

Аннотация. В рамках фундаментальной проблемы эволюции роли государства в управлении социальной сферой представлена комплексная характеристика основных тенденций развития системы социальной помощи в Российской империи в годы Первой мировой войны (1914–1917). Утверждается, что понятие «социальная политика» применимо к исследуемому периоду, причем благотворительная деятельность рассматривается как элемент плюралистической модели социальной политики. Авторы отмечают, что во время Первой мировой войны происходило установление, детализация и законодательное закрепление государственных социальных гарантий отдельным категориям населения, которые можно объединить понятием «жертвы войны». Такими категориями были семьи мобилизованных, солдатские сироты, беженцы, инвалиды войны. Статья раскрывает механизм реализации данных социальных гарантий в деятельности общественных организаций различной природы: органов сословного крестьянского самоуправления, местного самоуправления, всероссийских объединений органов МСУ, крупных всероссийских благотворительных обществ полуофициального характера, состоящих под покровительством членов императорской фамилии, многочисленных местных благотворительных организаций. Авторы приходят к выводу, что «несущей конструкцией» этой системы был Верховный совет по призрению семей лиц, призванных на войну, исполнявший организационно-распорядительные функции и осуществлявший финансирование подчиненных ему специализированных комитетов и комиссий, а также благотворительных организаций и учреждений. Альтернативу ему пытались составить Всероссийский земский союз и Всероссийский союз городов, заинтересованные в расширении участия органов местного самоуправления в реализации государственной социальной политики. По мнению авторов, многосубъектный характер системы социальной помощи, характерный для Российской империи, позволял более гибко и эффективно мобилизовывать ресурсы общества для организации помощи жертвам войны.

Ключевые слова: Российская империя, Первая мировая война, социальная политика, благотворительность, семьи мобилизованных, беженцы, сироты, инвалиды войны.

* Корреспондирующий автор

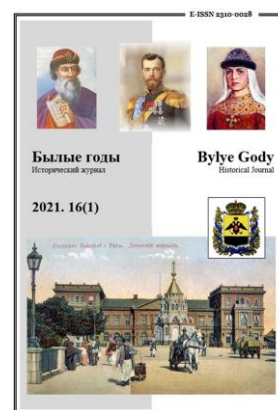
Адреса электронной почты: nio-ranepa57@mail.ru (П.А. Меркулов), stl1612@yandex.ru (С.В. Букалова), oks980@rambler.ru (О.В. Леонова)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 404-412.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.404
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Planning the Blockade of the Bosphorus by the Black Sea Fleet in 1916. Part 1

Olga V. Natolochnaya ^{a, b, *}, Ruslan M. Allalyev ^c, Vladimir A. Svechnikov ^d, Svetlana V. Petrova ^e

^a Cherkas Global University (International Network Center for Fundamental and Applied Research), Washington, USA

^b Volgograd State University, Russian Federation

^c Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^d Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

^e Sochi State University, Russian Federation

Abstract

The article deals with the planning of the blockade of the Bosphorus by the Black sea fleet in the 1916 campaign of the First World War. The special attention is paid to the planning of the use of hydroaeroplanes in the operation to deliver massive bomb attacks on Constantinople.

The work is based on the documents of the Russian state naval archive (St. Petersburg, Russian Federation). Previously, these documents were not published. The plan for the blockade of the Bosphorus, which was prepared by Captain 2nd Rank B. Tyagin on July 1, 1916 at the Sevastopol roadstead, is important in the work. In methodological terms, the study is based on the basic principles of historical research, namely, the principles of objectivity and reliability. The problem-historical method, which allowed us to consider the planning of the blockade of the Bosphorus in the context of the specific historical situation that developed in 1916 is of great importance in the study.

In conclusion, the authors state that when planning the operation to blockade the Bosphorus, it was assumed that the operation could last up to two months. The most favorable time of the year of the blockade was the end of spring, the beginning of summer, November and the beginning of December. The blockade must be established after the enemy completes any major submarine operation in the Black Sea. Battleships of the Black Sea Fleet blocking the Bosphorus could be located at a distance of 30-35 miles from the Strait. It was also taken into account that the barrier should be strongly stretched along the coast, and on its flanks there should be Russian submarines. A special role was given to the massive use of hydroaeroplanes, which had to be equipped with heavy bombs.

Keywords: Bosphorus blockade, World War I, Black sea fleet, 1916, operation planning.

1. Введение

К 1916 г. для русских войск Кавказского фронта сложилась весьма благоприятная обстановка, так как в ходе наступления вдоль по анатолийскому побережью Османской империи были взяты несколько крупных турецких крепостей (Эрзерум, Трапезунд). В связи с этим летом 1916 г. перед Ставкой Верховного главнокомандующего русской армией стояла задача о захвате Босфора, а для этого требовалось сперва блокировать Босфорский пролив. Этим и занялись старшие офицеры Черноморского флота. В данной части статьи мы рассмотрим место для проведения блокады, а также влияние на него погодных условий.

* Corresponding author

E-mail addresses: incfar.natolochnaya@gmail.com (O.V. Natolochnaya)

2. Материалы и методы

Работа выполнена на основе документов Российского государственного военно-морского архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация), которые ранее не публиковались. Важное значение в ней имеет план блокады Босфора, подготовленный капитаном 2-го ранга Б. Тягиным 1 июля 1916 г. на Севастопольском рейде.

В методологическом плане данный труд опирается на базовые принципы исторического исследования, а именно на принципы объективности и достоверности. Большую роль в нем играет проблемно-исторический метод, который позволяет рассмотреть планирование блокады Босфора в контексте конкретно-исторической обстановки, сложившейся в 1916 г.

3. Обсуждение

Несколько слов об историографии. Несмотря на то, что первые упоминания о планировании взятия Босфора силами Черноморского флота относятся еще к дореволюционному периоду (например работа Е.А. Мязговского (Мязговский, 1914) по истории Черноморского флота), тем не менее эта тема в советский период не получила значительного освещения (здесь можно отметить только труд Н. Новикова (Новиков, 1937) об операциях Черноморского флота в период Первой мировой войны). В результате интенсивное изучение началось только в современный период.

Так, экспедиции Черноморского флота на Босфор в 1833 г. было уделено внимание таких исследователей, как А.Ш. Кадырбаев (Кадырбаев, 2018), Г.А. Гребенщикова (Гребенщикова, 2012; Гребенщикова, 2018) и Е.Н. Рукавишников (Рукавишников, 2014).

Теме подготовки и планирования Босфорской операции в конце XIX века уделили свое внимание В.В. Крестьянников (Крестьянников, 2011) и А.А. Черкасов (Cherkasov, 2011). Период до Первой мировой войны также изучался специалистами. Так, военная игра 1902 г. по захвату Босфора рассматривалась С.А. Чекмаревым (Чекмарев, 2019). Борьба за черноморские проливы происходила и на внешнеполитическом уровне, к некоторым ее аспектам обратился Б.С. Котов (Котов, 2011). Попытку сравнения планов по захвату Босфора 1897 г. и 1915 г. предприняла авторская группа О.В. Натолочной и др. (Natolochnaya et al., 2020). Также имеется несколько работ о самом периоде Первой мировой войны, в которых находит свое отражение изучаемая нами тема (Шорников, 2016; Ивицкая, 2010).

4. Результаты

Блокада Босфора как самостоятельная операция преследовала цель – преградить доступ в Черное море неприятельскому флоту, подводному и надводному, на время предстоящей десантной операции в районе Босфора, а также на весь период войны.

В начале войны, в 1914 г., на черноморском театре войны у неприятельского флота имелась только одна сильно укрепленная база – Босфор.

Однако с присоединением Болгарии к центральным державам к портам неприятеля прибавились Бургас и Варна (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 1). Но и тот, и другой порт не были оборудованы достаточно сильным приморским фронтом укреплений и портовыми сооружениями, всегда доступны были для операции русского Черноморского флота и легко могли быть разгромлены или заблокированы сравнительно малыми силами и потому не могли быть выбраны неприятелем для базирования на них своего надводного флота. Таким образом, для надводного флота неприятеля по-прежнему оставалась только одна база – Босфор – и без него германо-турецкий флот был обречен на верную гибель в Черном море или на бездеятельность где-нибудь в Мраморном море.

Что касается подводного флота, то он при своих малых размерах и требованиях мог удовлетвориться незначительными средствами временных баз и базы такие лишь с необходимыми запасами топлива и боевых припасов могли быть раскиданы по всему неприятельскому побережью Черного моря от Иероса до границы Румынии, но такие базы всегда могли быть уничтожены русским флотом и могли послужить даже ловушками для самих подлодок.

Кроме того, для более или менее крупного ремонта или для подъема в доки все подлодки когда-либо должны были вернуться на свои основные базы, которыми могли быть только Босфор или Варна.

Иными словами, для блокады доступа неприятельского подводного флота к Черному морю необходимо заблокировать один Босфор, для прекращения же движения по Черному морю неприятельских подводных лодок необходимо было, кроме блокирования Босфора от прорыва подлодок, обезвредить и все остальные мелкие базы по Черному морю. Из них базы, только снабжающие и более доступные с моря, просто постепенно уничтожить малыми силами флота и не допустить более базирования на них подлодок. Другие, более крупные и менее доступные случайным средствам флота потребуют для обезвреживания себя целой операции части флота с длительными разведками, тралением, бомбардировками с моря и воздуха и даже установлением постоянной блокады (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 1).

Такие операции при полном превосходстве в силах Черноморского флота легко могли быть организуемы и выполняемы и не вызывали особых сомнений в своей успешности. А при

уничтожении баз противник должен был сам по себе прекратить сопротивление, в особенности при развитии активной борьбы с ним, и также все те подлодки, уже выпущенные германо-турками в Черное море и оперирующие у русских берегов.

Таким образом, исходя из краткого рассмотрения одного только базирования неприятельского флота, можно было сделать следующие выводы. Для недопущения в Черное море неприятельского надводного и подводного флота необходимо: а) заблокировать Босфор; б) уничтожить и поставить под неослабное наблюдение все остальные базы неприятеля на Черном море; в) активными мерами Черноморского флота уничтожить оперирующие в Черном море неприятельские подводные лодки.

Для правильной организации блокады необходимо было учитывать совокупность разных факторов, таких как элементы места и времени.

Что касается места, то здесь важное значение имели глубины и течения. Глубины менее 216 метров (около 100 сажений) тянулись вдоль азиатского и европейского берега широкой полосой от десяти миль (у Шиле), двенадцати миль (у Кара-Бурну), пятнадцати миль (у Ривы), восемнадцати миль (у Килиоса) и двадцати и более миль (у Кара-Бурну Европ.) (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 10б.).

Глубины, благодаря находящимся в распоряжении штаба Черноморского флота точным и подробным картам Английского адмиралтейства (карта М.Г.Ш. № 19), а также местные условия способствовали тому, что разные минные или сетевые заграждения могли быть без всякого предварительного просмотра размещены на карты и выполнены в действительности по определениям по берегу или своевременному обозначению нужных точек на воде знаками. Таким образом, и минные заграждения, и сетевые против подлодок, и кольчужные боны против мин могли быть использованы здесь с успехом.

Значительную услугу блокирующему флоту должно было оказать сильное, доходящее до двух узлов¹ течение в Босфоре, что дает широкое поле деятельности для дрейфующих мин, разного рода плавучих заграждений, создания в устье Босфора всевозможных дымовых (днем), световых (ночью) и ядовитых газовых (всегда) завес. Наконец, то же течение могло быть использовано для уничтожения заграждений и бонов неприятеля в устье и самом Босфоре и для постановки русских заграждений в проливе вне сферы плавания судов Черноморского флота. И самое главное – все это без всякого риска для русского флота, так как каждая неудача, каждая сорвавшаяся мина или сеть в большинстве случаев должна была быть унесена в Босфор к неприятелю (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 20б.). Таким образом, сильное течение в Босфоре могло быть использовано Черноморским флотом при блокаде для применения всех способов и средств заграждения пролива и устья его.

Так называемая линия стосаженных глубин в прибосфорском районе Черного моря проходила, как выше было указано, в 10–20 милях от берега. При нормальной блокаде пролива это расстояние должно было как раз отгораживать район, занятый русскими заграждениями, от позиций Черноморского флота как при поддержании самой блокады, так и при бое с выходящим из пролива неприятелем. Иначе говоря, расположение линий стосаженных глубин позволяло Черноморскому флоту использовать во вред неприятелю все русские позиционные средства и одновременно оставить для маневрирования Черноморского линейного флота глубокие, недоступные для правильного минирования неприятелем пространства.

Значительное удобство для блокирующего флота представляло наличие только одного выхода для неприятеля в море. Внимание штаба Черноморского флота, как полагали офицеры, будет фиксироваться только на одной точке. В хорошую погоду и днем такое наблюдение могло быть осуществлено всего одним-двумя опытными гидроаэропланами с налаженной связью с блокирующим флотом. В ветреную погоду днем такое наблюдение можно было осуществлять с одного-трех малых мелкосидящих судов, держащихся от устья Босфора в недостижимости для береговых артиллерийских батарей.

Ночью подобное наблюдение можно было провести такими же малыми и мелкосидящими судами, с темной в плотную подходящими к устью, и в особо важные, по оперативным соображениям, ночи могло быть проведено, пользуясь течением, искусственное освещение устья Босфора зажженными шхунами, фелюгами и т.п. Кроме того, ночью тралить русское поле было бы не так-то легко, а без тралов германо-турецкий флот вряд ли решился бы прорываться ночью в море на верную гибель. Также здесь должны были быть применены новые средства противодействия выходу судов, плавучие минные боны, связанные мины, вахтенные мины, защитники и т.п.

Кроме развития боеспособности, радиуса действия и свободы маневрирования русских гидроаэропланов, немалую пользу блокирующему флоту должна была оказать близость к позициям Черноморского флота: столицы неприятельского государства – Константинополя, который находился в 15 милях; единственного у неприятеля адмиралтейства с доками, мастерскими и складами; главной и постоянной стоянки неприятельского флота и всех его вспомогательных средств.

Важное значение в блокаде Босфора отводилось гидроаэропланам. К 1916 г. подъем современных гидроаэропланов мог легко осуществляться почти на любой корабль, крейсер,

¹ Один узел – скорость, равная 1852 метрам в час.

заградитель, транспорт и т.д. (не говоря уже о специальных гидрокрейсерах), и при дешевизне и скорости постройки самих гидроаэропланов их количество у блокирующего флота могло и должно было быть доведено до подавляющего над неприятелем числа. С первого же дня блокады должны были проводиться постоянные налеты эскадрильями (с учетом опыта союзников по Антанте) русских гидроаэропланов на сам Константинополь и его государственные учреждения для создания паники среди населения и правительства. При этом не должна быть допущена никакая жалость: нужно было разрушать дворцы, министерства, мосты, вокзалы, базары, дороги, все перевозочные средства для ликвидации всякой возможности городу продолжать нормальный образ жизни. Одновременно для военных целей должны были самым интенсивным образом бомбардироваться прежде всего все мелкие суда неприятеля (пароходы, катера, миноносцы и другие способные тралению суда), затем доки и мастерские, потом склады пристани и вокзалы (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 30б.). Для прекращения сопротивления неприятеля необходимо было найти и уничтожить ангары врага.

Особое внимание русским гидроаэропланам надо было уделять неприятельским подводным лодкам, их базам, складам, топливу и, главное, заводам для сборки подводных лодок, привозимых из Германии.

Таким образом, блокада флотом главного центра политической, хозяйственной и боевой жизни неприятельского государства позволила бы русской армии наносить нескончаемые удары по столице неприятеля, причем при блокаде Босфора планировалось широко использовать все возможные на данное время средства и силы воздушного флота, столь же необходимого и для целей разведки блокады.

Значение заблокирования неприятельского флота именно в Босфоре является еще и потому важным, что никаких железных дорог от Зунгулдака и Гераклийских угольных копей к Константинополю до сих пор противником не было построено. Все снабжение углем неприятельского флота шло только морем, и при сравнительной близости угольного района к Босфору никакие другие меры Черноморского флота, кроме блокады Босфора, подвоз угля вдоль берега окончательно не прервут. Блокада же Босфора даст возможность оставить не только весь его флот, но и заводы боевых припасов и снабжения без топлива, в итоге единственный снабжающий боевым снаряжением и припасами всю турецкую армию центр скоро останется без движущей силы. Отсюда вывод, что при блокаде Босфора должны были быть приняты все меры для прекращения какого бы то ни было подвоза угля морем вдоль берега (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 40б.).

Как известно, от Севастополя до Босфора дистанция была в 280 миль. В 1916 г. практически для любого боевого судна Черноморского флота это был менее чем суточный переход. Исходя из того, что каждое русское военное судно имело при себе запасы топлива не менее чем на пять суток, даже при необходимости две трети флота держать у Босфора, одна треть всегда успевала бы сходить на свою базу, пополнить все запасы и вернуться к проливу. Кроме того, так как операция блокады должна быть приурочена к наиболее тихому времени года, то вполне возможна погрузка всякого рода снабжения и в открытом море, миноносцы угольные могли бы принимать уголь непосредственно с кораблей и мелких вспомогательных судов, нефтяные – с нефтеналивного парохода, большие суда вообще не нуждались в частой погрузке или тоже могли подгрузиться в море со специально приспособленного угольщика.

Черноморский флот должен был быть поделен на части, приходить к Босфору на смену и все свое снабжение, ремонт и отдых иметь в Севастополе в период подмены. Но одновременно с боевыми судами флота в блокаде должны были принять участие и разного рода мелкие суда не боевые, в виде тральщиков, бомбардирских судов, катеров, самоходов, шхун и т.п.

И если с глубинами, течением и снабжением ситуация в общих чертах была ясна, то нужно было учитывать еще и погодные факторы.

Метеорологические наблюдения показывали, что штормы от норда даже в самое тихое время года все-таки были возможны. Так как они по большей части в этот период были очень кратковременны, то для боевых судов опасности не представляли, а для мелких не боевых судов могли быть обезврежены путем временной постановки их на буксиры к судам, более крупным. Боевая деятельность таких судов во время шторма и не нужна, т.к. главная их обязанность – мешать неприятелю тралить заграждения. В шторм от норда не покажется в море и ни один неприятельский тральщик. Таким образом, как полагали офицеры Черноморского флота, шторм от норда не нарушал блокады, а закреплял ее на все время шторма, т.к. в это время тралить было бы невозможно, а навстречу неприятелю, рискующему прорваться без тралов, должны были дрейфовать по течению сорванные мины, плавучие минные боны, бочки, концы и т.п. (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 50б.). Все это должно было затруднить выход из пролива, а не облегчить его.

Одним из самых крупных неудобств при выполнении блокады выхода из Босфора являлось наличие на флангах и в тылу блокирующего флота мелких неприятельских баз, которые могли быть использованы врагом для помехи блокаде с тыла. Иначе говоря, флот, блокирующий Босфор, должен быть всегда готов к ударам не только с фронта, т.е. из Инады, Бургаса, Варны, Шиле, Эрегли, Зунгулдайка, Синопа и т.д.

Как уже говорилось выше, такой удар могли пытаться нанести лишь подводные лодки неприятеля, оказавшиеся к моменту установления блокады Босфора в Черном море, или подлодки, постоянно базирующиеся в неприятельских портах Черноморского побережья. Надводный флот в данном случае не мог применяться, т.к. в каком бы порту, кроме Босфора, он ни укрылся, как бы ни был неуловим в открытом море, при существовавшем превосходстве русского флота и в силах, и в средствах, он все-таки был бы скоро или заблокирован в одном из портов и уничтожен тесной блокадой, или пойман в море и уничтожен в неравном бою с русскими линейными кораблями. Речь могла идти только о подводных лодках. Их наличие в тылу блокирующего флота, конечно, было опасно, но был и целый ряд мер, которым можно было эту опасность или уничтожить совсем, или частью локализовать, а частью обезвредить (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 60б.).

Первая мера была указана выше и заключалась в обследовании всего неприятельского побережья Черного моря с точки зрения базирования на нем неприятельских подводных лодок, постепенном, но всегда внезапном уничтожении и разгроме таких второстепенных баз, истреблении в этих базах укрывающихся в них подлодок. Это так называемый захват подлодок в их базах. При превосходстве в силах Черноморского флота над противником операции такие в большинстве портов вполне возможны и должны лечь в основное задание деятельности русского отряда «противолодочной обороны», который должен был изменить свое назначение с «обороны» на «истребление подводных лодок неприятеля на Черном море». Почти все порты, бухты и заливы Черного моря, кроме, может быть, Варны и Бургаса, легко поддавались такому истреблению.

Второй мерой против подлодок в тылу блокирующего флота должен был быть разгром более крупных портов неприятеля, таких как Варна и Бургас, где были и довольно солидный приморский фронт укреплений, и ряд минных заграждений, и организованная служба охраны рейдов, и портовые сооружения, и соответствующие гарнизоны, и стапели или доки для сборки подлодок. Такие базы легкому набегу отряда истребителей не поддаются, и тут придется разработать, подготовить и провести целую, хотя и небольшую, операцию со всеми ее элементами. Здесь должна быть произведена разведка, пододвинуты тральщики для очистки подходов, заградители для обеспечения своего подхода, корабли для уничтожения батарей неприятеля, боевые гидроаэропланы для борьбы с воздушными защитниками базы неприятеля или для бомбардировки заблокированных подлодок, сети для закупорки этих подлодок, малые суда для блокады такого порта до уничтожения подлодок, так как оба эти порта болгарские. Для выполнения этого дела ответственным начальнику должен быть выделен особый болгарский отряд со всеми необходимыми силами и средствами для разгрома этих портов, уничтожения в них подлодок и блокады этих портов до конца главной блокады – Босфора.

Третья мера должна была защитить суда блокирующего флота от последствий атак подводных лодок на позициях блокады. Это, так сказать, мера местная и последняя и должна она заключаться в следующем: все пространство позиций больших судов блокирующего флота должно быть прикрыто со стороны пролива системой минных заграждений, противолодочных сетей и, наконец, противоминными бонами. Производство этих простых средств уже было налажено (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 60б.-70б.).

Для обеспечения же и защиты от атак подлодок, приходящих с моря, должны были быть применены изобретенные и испытанные движущиеся противоминные боны лейтенанта Салова, или щиты лейтенанта Длусского, или что-либо в этом роде, все весьма несложное и требующее только настойчивости и труда по известному плану.

Одновременно у всех держащихся на позиции судах должна быть охрана из миноносцев или катеров и гидроаэропланов.

В том и другом случае корабли должны были ходить у позиции всегда с опущенными своими сетями, которые, конечно, теперь должны были быть переделаны по системе того же лейтенанта Салова, испытанной комиссией на линейном корабле «Пантелеймон» в 1915 г. и признанной весьма действенной, к этим же мерам необходимо было отнести осуществление на деле удачных опытов контр-адмирала Каськова – пришивания к бортам судов особых помещений для приема на себя силы взрыва и т.д. Кроме того, отражению атак значительно могла помочь русская противоминная артиллерия с ныряющими снарядами.

Исходя из этих соображений, можно сделать вывод, что держаться русским даже линейным судам на позиции у Босфора не так уж и опасно, если принять соответствующие меры охраны по испытанным методам с испытанными средствами (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 70б.).

Таким образом, блокада Босфора с моря была верным средством не допустить в Черное море неприятельский подводный и надводный флот во время десантной операции. Прибосфорский район был вполне удобен для установления и поддержания эффективной блокады пролива. В штабе Черноморского флота отдавали себе отчет, что такая блокада вполне возможна для русского флота при базировании на Севастополь и малую плавучую базу. Вспомогательными к блокаде Босфора операциями должны были быть истребление неприятельских: подводных лодок на Черном море активными операциями и охрана блокирующих Босфор частей флота с временными средствами.

Несколько слов необходимо сказать и о длительности блокады. По основному заданию операции не допустить выход неприятельского флота в Черное море надо с момента начала и до

момента завершения десантной операции на неприятельское побережье. Так как такая крупная операция с силами не менее 4-х армейских корпусов¹ (Natolochnaya et al., 2020: 811), очевидно, имеет своей целью столь же крупный объект действий, то таковым по понятным причинам на Черном море может быть только Босфор, ибо взятием Босфора решаются все задачи, какие только можно поставить флоту на Черном море. Поэтому офицеры штаба Черноморского флота считали, что длительность операции блокады измеряется длительностью десантной операции, а именно – если она будет произведена где-либо вблизи Босфора, не далее Эрегли, может потребоваться не более 2-х месяцев. На этот срок и должна быть установлена блокада.

Длительность блокады как фактор, затрудняющий ее, играл роль в трех вопросах: утомление личного состава, задержка в снабжении, а также материальные потери блокирующего флота (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 8об.).

Черноморский флот должен был блокировать Босфор, работая в три смены, базируясь на Севастополь, чем исключалось отрицательное влияние двух первых вопросов.

Что касается третьего вопроса, т.е. возможных потерь блокирующего флота во время длительной блокады, то, во-первых, таковые потери неизбежны на войне, они могли быть доведены превентивными мерами до минимума. Во-вторых, наибольшую роль при поддержании блокады должны были иметь всякие вспомогательные средства и суда, которых у Черноморского флота было много, они были не так уже дороги и могли служить расходным материалом при ведении крупномасштабной операции. И в-третьих, русское превосходство в силах над неприятельским флотом было так велико, что если бы русские и понесли какие-либо потери в своем линейном флоте, то это далеко не поражение, а известная страховая плата за достижение наконец основной цели существования Черноморского флота – помощи десантной армии захватить Босфор.

Отсюда можно сделать следующий вывод, что даже двухмесячная блокада Босфора Черноморским флотом вполне возможна, она не вызывает каких-либо особых сомнений и не потребует для выполнения своего никаких сверхъестественных средств и сил. Вся блокада могла вестись посменно, каждой сменой всей системы блокады должен был командовать один определенный и ответственный начальник, и длительность такого дежурства у Босфора определялась радиусом действий в сутках и милях такого специального соединения флота.

Целью блокады являлось недопущение неприятельского флота в Черное море во время десантной операции. По местным атмосферным условиям можно было быть уверенным в успехе высадки на Анатолийское побережье крупных масс войск только на весеннее и раннее летнее время или глубокой осенью в ноябре, когда северный ветер – большая редкость и обычно длительно стоит тихая погода. Таким образом, в эти же месяцы необходимо было ожидать и операцию блокады, то есть она будет происходить в оптимальных условиях, когда такая погода позволяет свободно произвести необходимые разведки, протралить под заградители целые поля, ставить днем и ночью всякого рода минные, сетевые и боновые заграждения и держаться у заграждения малым мелкосидящим судам (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 9об.). Как вывод – условие одновременности блокады и десанта выгодно для успешности блокады.

Что касается действий ночью и днем, то при блокаде они должны были носить несколько разный характер. Прорыв в море линейных судов штабом флота не рассматривался совсем, так как он был бы бесцелен и обречен на провал. Оставались, следовательно, только миноносцы, мелкие заградители и подводные лодки.

Днем со стороны неприятеля должны были действовать подводные лодки, ночью миноносцы. Следовательно, днем все внимание блокирующего флота должно было быть направлено на подводные лодки неприятеля и использование всех средств для противодействия им: наблюдения, гидроаэропланов, привязанных шаров и сторожевых судов, противолодочных сетей, минных малых заграждений на большие глубины, буксирных мин быстроходных катеров и миноносцев, гидростатических бомб, противоминных бон, судовых сетей и, наконец, соответствующего маневрирования и самозащиты судов.

Учитывалось также, что ночью со стороны неприятеля могли быть использованы миноносцы для внезапных атак судов блокирующего флота. В этом случае главное внимание должно было быть обращено на те же средства заграждения, затем на специальные плавучие минные боны, приближение к устью Босфора вплотную русских сторожевых судов с артиллерией и отходе больших судов в открытое море, каждый раз в новое место на большие глубины, а в лунные ночи наблюдение и за подлодками (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 9об.).

Так как блокада преследовала своей целью запереть в Босфоре подводные лодки неприятеля и подлодки эти, главным образом, собирались и базировались на Босфоре, то момент установления блокады должен был быть назначен так, чтобы наибольшее количество подлодок к этому моменту было в Босфоре. Конечно, угадать такой момент было нелегко, но до некоторой степени вероятности можно было судить о нем по обычному радиусу действий немецких подлодок и по обычаю их оперировать в Черном море не поодиночке, а целой группой сразу во всех концах Черного моря. Для

¹ Цифра о четырех армейских корпусах фигурировала в планах русской ставки еще в 1915 г.

назначения момента установления блокады полезно было вести подробную статистику операций и плаваний неприятельских подводных лодок, и блокаду устанавливать тогда, когда закончилась какая-либо явно замеченная операция подлодок и после нее прошло дня два на уход лодок в Босфор на ремонт, отдых и снабжение.

При этом условии будет иметься некоторый шанс, как полагали морские офицеры, что часть лодок блокирована в Босфоре.

Штабом Черноморского флота учитывалось, что если заграждение будет занимать поле не менее десяти миль глубиной от устья Босфора на север, а флот неприятеля обычно будет стоять в Буюк-Дере, то, принимая во внимание необходимость идти за тралами на этом выходе, потребуется не менее 2 часов.

Отсюда можно заключить, что русским дежурным линейным судам нужно держаться на таком расстоянии от позиции, чтобы успеть на нее через 1–1,5 часа.

Иными словами, русским линейным дежурным судам достаточно было держаться от Босфора в 30–35 милях, чтобы успеть встретить выходящий неприятельский корабль еще на заграждении. А при этом условии офицеры штаба Черноморского флота не сомневались, что неприятель будет утоплен в несколько минут (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 100б.). Ему останется только один путь из Босфора вдоль берега на запад или на восток, идя долгое время по малым глубинам. Для противодействия такому маневру неприятеля минное заграждение должно иметь наибольшую глубину вдоль берега, доходя до Кара-Бурну и Килиоса, и заграждения эти должны образовать препятствие для больших и малых судов и подводных лодок, т.е. оно должно было состоять из сетей и мин на разные глубины, на флангах таких заграждений для их усиления должны дежурить подводные лодки при дежурном корабле; ночью – особые сторожевые суда, которые бы мешали тралению их и уничтожению.

Итак, как вывод из рассмотрения быстроты выхода неприятельского флота в море был

- 1) линейный дежурный корабль не мог приближаться в обычное время к Босфору ближе 30–35 миль;
- 2) заграждение должно иметь до 10 миль по широте на север, и до Кара-Бурну на запад, и на восток до Шиле;
- 3) на флангах заграждения должны дежурить подводные лодки.

От позиции блокирующего флота до Константинополя всего 25 миль. Следовательно, для полета туда и обратно должно было требоваться менее часа, т.е. для полета гидроаэроплана можно было брать только четверть своего запаса топлива, а вес остального запаса топлива мог быть использован для увеличения числа бомб, что было важно для надежности разрушения той или иной цели.

По этим соображениям следовало создать для назначенных в операцию гидроаэропланов особую тяжелую бомбу и снабдить такими бомбами гидро-суда.

Для того чтобы при установлении блокады быть уверенным, что в Черном море не осталось ни одного неприятельского боевого надводного судна, конечно, должна была быть произведена соответствующая разведка. Она перед самым моментом установления блокады должна была захватить как можно большее пространство Черного моря, чтобы затралить своей завесой все то подводное, что могло бы выйти в море из Босфора в текущий день и предыдущую ночь. Для этого к рассвету суток установления блокады завеса разведки должна быть в наибольшем расстоянии от объекта блокады, на таком, чтобы, идя большим ходом на Босфор, еще засветло дойти до пролива. С подходом завесы к Босфору, для того чтобы в следующую ночь не потерять результаты судовой разведки, должна фактически начаться блокада пролива всеми подходящими средствами.

Ввиду слабости этих сил и рискованности подхода к Босфору до окончания разведки все русские заградители первое минирование должны были произвести вечером с первой темнотой, принимая все меры, чтобы и слабые силы добились за эту ночь осуществления действительной блокады. Итак, установление блокады и первое минирование необходимо было назначить на первый час темноты.

5. Заключение

Таким образом, при планировании операции по блокаде Босфора предполагалось, что операция может тянуться до двух месяцев. Наиболее выгодным временем для блокады были конец весны, начало лета, ноябрь и начало декабря. Блокада должна была быть установлена после завершения неприятелем какой-либо крупной операции подлодок на Черном море. Линейные корабли Черноморского флота, блокируя Босфор, могли находиться на расстоянии в 30–35 миль от пролива. Учитывалось также, что заграждение должно быть сильно растянуто вдоль берега, а на его флангах должны находиться русские подлодки. Особая роль отводилась массивированному применению гидроаэропланов, снабженных тяжелыми бомбами.

Литература

- Гребенщикова, 2012** – Гребенщикова Г.А. Босфорские экспедиции Черноморского флота первой половины XIX века в планах российского руководства // *Клио*. 2012. № 9 (69). С. 62-78.
- Гребенщикова, 2018** – Гребенщикова Г.А. Босфорская военно-морская операция. 1833 год // *Военно-исторический журнал*. 2018. №7. С. 44-51.
- Ивицкая, 2010** – Ивицкая О.Е. Севастопольский год в жизни адмирала А.В. Колчака // *История в подробностях*. 2010. № 2. С. 68-75.
- Кадырбаев, 2018** – Кадырбаев А.Ш. Разведывательная миссия Е.В. Путятина в проливах Босфор и Дарданеллы в 1833 году (по материалам российского государственного архива ВМФ) // *Труды Института востоковедения РАН*. 2018. № 17. С. 92-98.
- Котов, 2011** – Котов Б.С. Тайная борьба за черноморские проливы накануне Первой мировой войны // *Вестник архивиста*. 2011. № 3. С. 308-310.
- Крестьянников, 2011** – Крестьянников В.В. Подготовка десантной операции на Босфор в конце XIX – начале XX вв. // *История в подробностях*. 2011. № 12 (18). С. 70-75.
- Мязговский, 1914** – Мязговский Е.А. История Черноморского флота 1696–1912 гг. СПб., 1914.
- Новиков, 1937** – Новиков Н. Операции флота против берега на Черном море в 1914–1917 гг. М., 1937.
- РГА ВМФ** – Российский государственный архив военно-морского флота.
- Рукавишников, 2014** – Рукавишников Е.Н. Экспедиция Черноморского флота на Босфор в 1833 г. и ее последствия // *Вестник Академии военных наук*. 2014. № 1 (46). С. 172-176.
- Чекмарев, 2019** – Чекмарев С.А. Военная игра 1902 года: Босфорская экспедиция // *Военно-исторический журнал*. 2019. № 8. С. 22-26.
- Шорников, 2016** – Шорников П.М. Почему не состоялась десантная операция на Босфоре? // *Русин*. №2 (44). С. 93-110.
- Cherkasov, 2011** – Cherkasov A.A. «Long Time No News»: Bosphorus Seizure by Russian Troops in 1897 // *Bylye Gody*. 2011. № 3(21). Pp. 5-10.
- Natolochnaya et al., 2020** – Natolochnaya O.V., Gordeev I.A., Allalyev R.M., Svechnikov V.A. The Preparation of the Bosphorus Landing Operations in 1897 and 1915 (the Operational Considerations, Calculations of Forces and Means). *Bylye Gody*. 2020. Vol. 56. Is. 2: 807-819.

References

- Chekmarev, 2019** – Chekmarev, S.A. (2019). Voennaya igra 1902 goda: Bosforskaya ekspeditsiya [The War game of 1902: the Bosphorus expedition]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 8: 22-26. [in Russian]
- Cherkasov, 2011** – Cherkasov, A.A. (2011). «Long Time No News»: Bosphorus Seizure by Russian Troops in 1897. *Bylye Gody*. 3(21): 5-10.
- Grebenshchikova, 2012** – Grebenshchikova, G.A. (2012). Bosforskie ekspeditsii Chernomorskogo flota pervoi poloviny XIX veka v planakh rossiiskogo rukovodstva [Bosphorus expeditions of the Black sea fleet of the first half of the XIX century in the plans of the Russian leadership]. *Klio*. 9(69): 62-78. [in Russian]
- Grebenshchikova, 2018** – Grebenshchikova, G.A. (2018). Bosforskaya voenno-morskaya operatsiya. 1833 god [Bosphorus naval operation. 1833]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 7: 44-51. [in Russian]
- Ivitskaya, 2010** – Ivitskaya, O.E. (2010). Sevastopol'skii god v zhizni admirala A.V. Kolchaka [Sevastopol year in the life of Admiral A. V. Kolchak]. *Istoriya v podrobnostyakh*. 2: 68-75. [in Russian]
- Kadyrbaev, 2018** – Kadyrbaev, A.Sh. (2018). Razvedyvatel'naya missiya E.V. Putyatina v prolivakh Bosfor i Dardanelly v 1833 godu (po materialam rossiiskogo gosudarstvennogo arkhiva VMF) [Reconnaissance mission E.V. Putyatin in the Straits of Bosphorus and Dardanelles in 1833 (on materials of the Russian state archive of the Navy)]. *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN*. 17: 92-98. [in Russian]
- Kotov, 2011** – Kotov, B.S. (2011). Tainaya bor'ba za chernomorskie proliвы nakanune Pervoi mirovoi voiny [Secret struggle for the Black Sea Straits on the eve of the First World War]. *Vestnik arkhivista*. 3: 308-310. [in Russian]
- Krest'yannikov, 2011** – Krest'yannikov, V.V. (2011). Podgotovka desantnoi operatsii na Bosfor v kontse XIX – nachale XX vv. [Preparation of the landing operation on the Bosphorus at the end of the XIX – beginning of the XX centuries]. *Istoriya v podrobnostyakh*. 12(18): 70-75. [in Russian]
- Myazgovskii, 1914** – Myazgovskii, E.A. (1914). Istoriya Chernomorskogo flota 1696–1912 gg. [The history of the Black sea fleet 1696–1912]. SPb. [in Russian]
- Natolochnaya et al., 2020** – Natolochnaya, O.V., Gordeev, I.A., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A. (2020). The Preparation of the Bosphorus Landing Operations in 1897 and 1915 (the Operational Considerations, Calculations of Forces and Means). *Bylye Gody*. 56(2): 807-819.
- Novikov, 1937** – Novikov, N. (1937). Operatsii flota protiv berega na Chernom more v 1914–1917 gg. [Fleet operations against the coast on the Black sea in 1914–1917]. M. [in Russian]
- RGA VMF** – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv voenno-morskogo flota [Russian state archive of the Navy].

Rukavishnikov, 2014 – *Rukavishnikov, E.N.* (2014). Ekspeditsiya Chernomorskogo flota na Bosfor v 1833 g. i ee posledstviya [The expedition of the Black sea fleet to the Bosphorus in 1833 and its consequences]. *Vestnik Akademii voennykh nauk.* 1(46): 172-176. [in Russian]

Shornikov, 2016 – *Shornikov, P.M.* (2016). Pochemu ne sostoyalas' desantnaya operatsiya na Bosfore? [Why didn't the landing operation on the Bosphorus take place?]. *Rusin.* 2(44): 93-110. [in Russian]

Планирование блокады Босфора силами Черноморского флота в 1916 г. Часть 1

Ольга Васильевна Натолочная ^{a, b, *}, Руслан Мурадович Аллалыев ^c,
Владимир Александрович Свечников ^d, Светлана Владиславовна Петрова ^e

^a Черкас глобальный университет (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований), Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^d Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы планирования блокады Босфора силами Черноморского флота в кампанию 1916 г. Первой мировой войны. Особое внимание уделено планированию применения в операции гидроаэропланов для нанесения массированных бомбовых ударов по Константинополю.

Работа выполнена на документах Российского государственного военно-морского архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Ранее эти документы не публиковались. Важно значение в работе имеет план блокады Босфора, который был подготовлен капитаном 2-го ранга Б. Тягиным 1 июля 1916 г. на Севастопольском рейде. В методологическом плане исследование опирается на базовые принципы исторического исследования, а именно на принципы объективности и достоверности. Важное значение в исследовании имеет проблемно-исторический метод, который позволил рассмотреть планирование блокады Босфора в контексте конкретно-исторической обстановки сложившейся в 1916 г.

В заключении авторы отмечают, что при планировании операции по блокаде Босфора предполагалось, что операция может тянуться до двух месяцев. Наиболее выгодное время года блокады был конец весны, начало лета, ноябрь и начало декабря. Блокада должна быть установлена после завершения неприятелем какой-либо крупной операции подлодок на Черном море. Линейные корабли Черноморского флота блокируя Босфор могли находиться на расстоянии в 30-35 милях от пролива. Учитывалось также, что заграждение должно быть сильно растянуто вдоль берега, а на его флангах должны были быть русские подлодки. Особая роль отводилась массированному применению гидроаэропланов, которые должны были быть снабжены тяжелыми бомбами.

Ключевые слова: блокада Босфора, Первая мировая война, Черноморский флот, 1916 г., планирование операции.

* Корреспондирующий автор

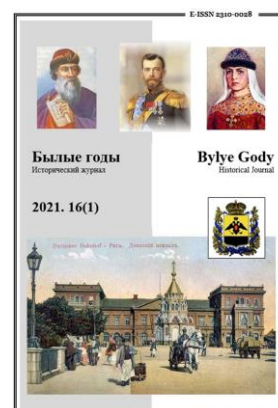
Адреса электронной почты: incfar.natolochnaya@gmail.com (О.В. Натолочная)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 413-419.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.413
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Romania during the First World War (on the Example of 1916 year)

Goran Rajović ^{a, b, *}, Ivan S. Denisov ^c, Diana I. Stepanova ^d, Igor A. Gordeev ^e

^a Cherkas Global University (International Network Center for Fundamental and Applied Research), Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^d Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^e Southwestern state University, Kursk, Russian Federation

Abstract

The article deals with the entry of Romania into the First World War on the side of the Entente, the military operations of the Romanian army and the creation of the Romanian Front. The considerable attention is also paid to the numerical composition of the troops of the Central Powers and the Entente.

As a source, the documents of the Russian state archive of the Navy (Saint Petersburg, Russian Federation), which are being introduced into scientific circulation for the first time, were used, namely, the fund 716 – Naval Headquarters of the Supreme Commander (Stavka).

In conclusion, the authors state that although Romania's entry into the war led its army to defeat and forced Russia to significantly lengthen the front, introducing the entire 9th army into Moldova, and then transferring up to 20 infantry and 10 cavalry divisions from other fronts, this allowed to form a new – the Romanian Front. Nevertheless, this had a positive significance for the Russian army, since the enemy sent part of his troops from other fronts and part of his new formations, up to 30 divisions in total, to a new theater of operations. Moreover, 23.5 divisions initially operated against the Romanian armies, that is, Romania's entry into the war drew off the enemy's free forces, which could otherwise be used to conduct operations on other fronts against the Russian army or the allies.

Keywords: World War I, Romania, Russia, Romanian front, military operations.

1. Введение

Первая мировая война в начале XX века стала крупнейшим противостоянием в истории человечества. В нее тем или иным образом было вовлечено 38 государств. Однако далеко не все они сразу приняли участие в войне, одним из таких примеров была Румыния, которая соблюдала нейтралитет до 1916 г. В это время румынская армия имела 23 армейских дивизии (общая численность вместе с резервистами около 650 тыс. человек). На вооружении армии было около 1,3 тыс. орудий, половина из которых была устаревшей.

2. Материалы и методы

В качестве источника были привлечены впервые вводимые в научный оборот документы Российского государственного архива Военно-морского флота (Санкт-Петербург, Российская Федерация), а именно фонд 716 – Морской штаб Верховного главнокомандующего (Ставка).

В работе были применены принципы историзма, объективности, а также системности. Эти базовые принципы позволили многогранно взглянуть на проблему Первой мировой войны и ее ход

* Corresponding author

E-mail addresses: dkgoran.rajovic@gmail.com (G. Rajović)

на примере Румынии. В исследовании был применен также принцип сравнительного анализа, который позволил нам сопоставить силы противоборствующих сторон на румынском фронте в 1916 г.

3. Обсуждение

Как известно, историография Первой мировой войны обширна. Первые публикации о ней появились еще в период войны. Так, например, в Петрограде в 1915 г. была издана работа В.В. Розанова «Война 1914 г. и русское возрождение» (Розанов, 1915). Обращались к теме исследования историки и в последующие годы. Например, в 1924 г. была издана работа А.М. Зайончковского «Мировая война 1914–1918 гг. Общий стратегический очерк» (Зайончковский, 1924), а в 1954 г. – труд Д.В. Вержховского «Первая мировая война 1914–1918 гг.» (Вержховский, 1954).

Однако наиболее интенсивно историки начали заниматься Первой мировой войной уже в современный период, при этом начали затрагиваться самые разнообразные темы исследования. Если А.И. Уткин (Уткин, 2001) и И.Б. Белова (Белова, 2011) обращались к глобальным вопросам Первой мировой войны, то такие исследователи, как А.И. Анфертьев (Анфертьев, 2016), С.Я. Лавренов (Лавренов, 2020), Т.П. Милютина (Милютина, 2014) и S. Arhire (Arhire, 2019) – к частным вопросам, в том числе и к российско-румынским контактам в довоенный период и во время войны, стратегическим просчетам русской ставки на завершающем этапе противостояния и т.д.

В это же время активно изучаются вопросы военной пропаганды в период Первой мировой войны. Этой теме уделили внимание М.Н. Кирилов (Kirilov, 2019), В.А. Пархоменко (Parkhomenko, 2018) и П.В. Ульянов (Ulyanov, 2019). Не обойдена была вниманием исследователей и тема участия военнопленных (Kokebayeva et al., 2018). В итоге обращение к многочисленным аспектам Первой мировой войны поставило важный вопрос о ее характере, для России в частности (Самохина, 2014).

4. Результаты

14 августа 1916 г., находясь под впечатлением от Брусиловского прорыва русского Юго-Западного фронта, румынское правительство объявило войну коалиции Центральных держав и начало боевые действия. Имея 10-кратное превосходство в численности (румынская армия насчитывала около 400 тыс. человек), румынские войска начали наступление в Венгрии.

Они сумели занять ряд приграничных укреплений 1-й австрийской армии, но даже первый крупный город взять уже не смогли. Здесь сказался слабый уровень военной подготовки старших офицерских кадров. Тем временем страны германского блока, воспользовавшись наличием обширной железнодорожной сети, перебросили с других фронтов резервы и в ряде столкновений взяли инициативу в свои руки. Румынская армия сначала перешла к обороне, а после этого начала отступать. 6 декабря 1916 г. немецкие войска вошли в столицу Румынии – Бухарест. Для стабилизации обстановки на фронте русским командованием были выделены и переброшены на новый театр военных действий значительные силы, только с их помощью в середине декабря румынский фронт был удержан.

Значительные контингенты русских войск изменили соотношение сил противоборствующих сторон, что явилось следствием необходимости оказать помощь румынам и прикрыть Бессарабию от вторжения в нее противника.

Результатом этого были, во-первых, удлинение левого фланга русского Юго-Западного фронта вводом в конце концов всей 9-й армии в пределы Молдавии и, во-вторых – переброска из состава армий всех фронтов в пределы Румынии 16 пехотных и 10 кавалерийских дивизий. 15 декабря 1916 г. на Румынский фронт, помимо этого, началась переброска 44-го армейского корпуса (2 дивизии) (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 70. Л. 4).

В разное время в Румынию было переброшено с Северного фронта 7 пехотных и 3 кавалерийских дивизии; с Западного фронта – 4 пехотных дивизии; с Юго-Западного фронта – 7 пехотных и 7 кавалерийских дивизий.

Кроме того, в тот же период, с момента выступления Румынии, из армий Западного фронта переброшено на Юго-Западный фронт 8 пехотных дивизий.

Таким образом, были фактически ослаблены Северный фронт на 7 пехотных и 3 кавалерийских дивизии, Западный фронт на 12 пехотных дивизий и Юго-Западный фронт на 7 кавалерийских дивизий и усилен на 1 пехотную дивизию.

В то же время страны Германского блока для действия против Румынии (Юго-Западный фронт) перебросили с Северного фронта 2 кавалерийские дивизии, с Западного – 6 пехотных и 5 кавалерийских, а также усилили части Юго-Западного фронта на 8 пехотных и кавалерийских дивизий (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 70. Л. 4об.). Иными словами, в то время как Россия ослабила свой фронт от Балтийского моря до реки Касины на 18 пехотных и 10 кавалерийских дивизий, противник усилил его 2 пехотными дивизиями и снял с фронта лишь 4 кавалерийских дивизий.

Тем не менее, несмотря на такое ослабление русского фронта и очень незначительное усиление того же фронта противника, соотношение противоборствующих сторон изменилось незначительно (Таблица 1).

Таблица 1. Соотношение сторон в декабре 1916 г. на Восточном фронте (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 70. Л. 4 об.)

Фронт	Пехота				Кавалерия			
	Россия		Противник		Россия		Противник	
	Бат.	Шт. тыс.	Бат.	Шт. тыс.	Эскад.	Саб. тыс.	Эскад.	Саб. тыс.
Северный фронт	<u>396</u> 32	332	199	159	<u>108</u> 48	18,7	112	16,8
Западный фронт	<u>728</u> 60	665	543	417,4	<u>264</u> 24	34,6	104	14,8
Юго-Западный фронт	<u>736</u> 80	571,2	539	396,6	<u>119</u> 48	20	125	12,9
Итого	<u>1870</u> 172 ¹	1568,2	1281	973	<u>491</u> 120 ²	73,3	341	44,5

Из **Таблицы 1** видно, что русская армия на перечисленных трех фронтах превосходила противника и по количеству батальонов, штыков, эскадронов и сабель. Даже если не считать резервов Верховного главнокомандующего и главнокомандующих армиями фронтов (172 батальона и 120 эскадронов), русская армия количественно превосходила противника на 579 батальонов (475 тыс. штыков) и 150 эскадронов (16 тыс. сабель) (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 70. Л. 5).

Помимо этого, на Северном и Западном фронтах в конце 1916 г. происходил процесс формирования 10 новых пехотных дивизий в составе 120 батальонов (96 тыс. штыков), а это означает, что к 1917 г. обстановка для России на Западном фронте складывалась благоприятная.

На всем русском фронте от Балтийского моря до реки Татрож (в районе 40-го армейского корпуса, 9-й армии на Чик-Серединском направлении) противник оставался пассивным. В русском штабе полагали, что такое положение в ближайшее время не изменится, хотя, по разведывательным данным, Германия предполагала развить свой успех в Румынии путем войсковых операций против русского фронта, скорее всего, в районе южного участка 9-й армии.

События в Румынии в октябре и ноябре привели к тому, что румынская армия, которая, как мы уже отмечали, имела в своем составе 23 дивизии, практически прекратила существование, в декабре 1916 г. от нее осталось только 6 дивизий, некоторые из них также были сильно обескровлены. Румынская армия насчитывала лишь до 84 батальонов (57 тыс. штыков) (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 70. Л. 5-5об.). Другие оставшиеся 9 дивизий были объединены по две и насчитывали всего лишь 14 тыс. человек, а остальные 8 дивизий частью дезертировали, а частью попали в плен. Потери в материальной части не поддавались учету, но они были весьма значительными.

К весне 1917 г. румынское правительство планировало иметь всего 15 дивизий, по 12 батальонов в 10 тыс. штыков каждая. Для этой цели правительство имело резерв в 150 тыс. человек (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 70. Л. 5об.). Таким образом, к весне 1917 г. ожидалось, что в ряды русской армии должны были вступить 15 свежих румынских дивизий (180 батальонов, 150 тыс. штыков). Однако в декабре 1916 г. румынская армия нуждалась в коренной реорганизации, обучении и воспитании, и как боевая сила не представляла почти никакой ценности. Поэтому русский штаб полагал, что в ближайшем будущем эта армия либо вся будет выведена в резерв, либо займет небольшой участок фронта.

Вначале события в Добрудже, а затем в Валахии вынудили русское командование к постепенному накоплению войск в пределах Добруджи за счет армий других фронтов: так сначала создалась в Добрудже Дунайская армия. Затем переброска сюда еще 3 корпусов и значительного числа отдельных пехотных и кавалерийских дивизий при обнаружившейся деморализации румынской армии и невозможности ее противостоять энергичному натиску противника, а также выяснение неумения высшего командного состава справиться с задачами управления значительными массами привели русский штаб к необходимости создания нового Румынского фронта в составе двух русских (4-й и 6-й) и одной румынской (2-й) армий.

¹ Резерв Верховного главнокомандующего и главнокомандующих фронтов.

² Резерв Верховного главнокомандующего и главнокомандующих фронтов.

Таблица 2. Состав Румынского фронта (декабрь 1916 г.) (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 70. Л. 6)

Армии	Пехота		Кавалерия	
	Батальонов	Тыс. штыков	Эскадронов	Тыс. сабель
2-я румынская армия	87	57	72	7,5
4-я русская армия	48	33,6	48	5,0
6-я русская армия	120	84,0	120	13,0
Итого	255	174,6	240	25,5
В период сосредоточения и в резерве румынского короля	80	56,0		
Всего	355	230,6	240	25,5
Перевозится 44-й русский армейский корпус	32	25,0		

Для ведения войсковых операций против Румынии противником на Румынском фронте было сосредоточено 23 пехотных и 5 кавалерийских дивизий, всего 245 батальонов и 120 эскадронов (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 70. Л. 6).

Соотношение сил, таким образом, было следующим (Таблица 3).

Таблица 3. Противоборствующие стороны на Румынском фронте (15 декабря 1916 г.) (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 70. Л. 6об.)

Фронт	Пехота				Кавалерия			
	Россия		Противник		Россия		Противник	
	Бат.	Шт. тыс.	Бат.	Шт. тыс.	Эскад.	Саб. тыс.	Эскад.	Саб. тыс.
К 15 декабря	255	74,6	254	100	240	25,5	120	17,0
С окончанием сосредоточения	335	230,6						

Таким образом, постепенно и весьма медленно вследствие недостаточной развитости железных дорог к 15 декабря 1916 г. Россия противопоставила противнику превосходящие силы по числу батальонов и эскадронов, однако по числу бойцов превосходства достичь не удалось.

До 12 декабря русские войска задерживали натиск противника, но в последующие дни поддержанный многочисленной тяжелой и легкой артиллерией противник продолжал свои атаки по всему Румынскому фронту на левом берегу Дуная.

К 15 декабря 2-я румынская, 4-я и 6-я русские армии на левом берегу Дуная отошли на линии Костомиру – Батогу. На левом фланге 9-й армии противник несколько потеснил 14-ю и 4-ю пехотные дивизии.

Русская Ставка полагала, что если подходящими частями 30-го корпуса (71-я и 80-я дивизии) не удастся остановить продвижение противника, то армиям Румынского фронта придется отойти на линию рек Тротуш, Сирет и Дунай, где шла работа по созданию новых фортификационных сооружений.

В результате Румынскому фронту была поставлена задача: остановить натиск противника и недопустить его далее линии рек Тротуш, Сирет и Дунай, сохраняя за русскими тет-де-поны¹ у Тульчи, Исакчи и Браилова (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 70. Л. 7).

Однако тактическая обстановка складывалась по-другому. Войска, занимавшие Добруджу, ослабленные на 32 батальона, выведенных в резерв и направленных на левый берег Дуная на главное направление, не задержали противника и, отходя, уступили врагу Исакчу и Тульчу, сохранив за собой

¹ Тет-де-пон – предмостное укрепление, плацдарм.

лишь предмостную позицию у Браилова (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 70. Л. 7). Ввиду особой важности сохранения Бессарабии и вытекающей отсюда необходимости во что бы то ни стало удержаться на позициях, наряду с получением информации о переброске противником против левого фланга 9-й армии 3 новых дивизий (111-й и 115-й германских и 77-й австрийской), Верховный главнокомандующий отдал приказ о переброске на Румынский фронт 44-го армейского корпуса Западного фронта и наметил возможность переброски еще двух корпусов, которые находились в резерве.

Таким образом, в декабре 1916 г. первой и основной задачей русской Ставки Верховного главнокомандующего было остановить наступление противника в Румынии.

Примерно в это же время прошла союзная конференция в Шантильи, которая в главных чертах наметила на европейском фронте следующие задачи: 1) продолжить в течение 1916–1917 гг. наступательные операции; 2) быть готовыми к новому наступлению не позже начала февраля 1917 г.; 3) на Балканском фронте стремиться к возможно быстрому разгрому Болгарии, действуя против нее с севера и юга (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 70. Л. 7-70б.).

Учитывая планы конференции и принимая во внимание обстановку на фронте русских армий, в частности на южном – Румынском, было необходимо еще более ослабить Северный, Западный и Юго-Западный фронты с целью накопления сил на Румынском фронте. В результате русская Ставка поставила наступательную операцию на Балканах в приоритет, наметив ее как главную. Ставке пришлось отказаться от намеченных ранее операций на Западном фронте, где предполагалось осуществить наступление силами 21–23 дивизий и сконцентрировать свое внимание на операциях Юго-Западного и Северного фронтов, куда требовалось не более 3–4 корпусов (6–8 дивизий). Эти дивизии могли быть изысканы за счет переброски войск с других фронтов, а также путем создания новых формирований.

К моменту вступления Румынии в войну на фронте 9-й армии Юго-Западного фронта и на границе с Румынией противник располагал следующими дивизиями (Таблица 4).

Таблица 4. Количество дивизий Центральных держав на фронте на границе с Румынией в августе 1916 г. (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 70. Л. 9)

Войска	Пехотные	Кавалерийские
Германские дивизии	3	-
Австрийские дивизии	10	4
Болгарские дивизии	5	1
Всего	18	5

К декабрю 1916 г. в связи с интенсивными боевыми действиями ситуация изменилась (Таблица 5).

Таблица 5. Количество дивизий Центральных держав на фронте на границе с Румынией в декабре 1916 г. (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 70. Л. 9)

Войска	Пехотные	Кавалерийские
Германские дивизии	20,5	3,3
Австрийские дивизии	19	7,5
Болгарские дивизии	5	1
Турецкие дивизии	4	-
Всего	48,5	12

В итоге в январе 1917 г. усилиями русских войск немецкое наступление здесь было остановлено. Румынская армия потеряла до 250 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными, однако, восстановившись, армия уже летом 1917 г. смогла показать себя на фронте с лучшей стороны.

5. Заключение

Таким образом, хотя вступление Румынии в войну привело ее армии к поражению и заставило Россию значительно удлинить фронт, введя всю 9-ю армию в пределы Молдавии, а затем и перебросить с других фронтов до 20 пехотных и 10 кавалерийских дивизий, это позволило образовать новый – Румынский фронт, что имело для русской армии положительное значение, так как противник направил часть своих войск с других фронтов и часть новых своих формирований, всего до 30 дивизий, на новый театр боевых действий. Причем 23,5 дивизии первоначально действовали против румынских армий, то есть вступление Румынии в войну оттянуло свободные силы противника, которые в противном случае могли бы найти применение в проведении операций на других фронтах против русской армии или союзников.

Литература

Анфертьев, 2016 – Анфертьев А.И. Император Николай II: просчеты Верховного главнокомандующего накануне Февральской революции 1917 г. // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право»*. 2016. № 3 (20). С. 166-174.

Белова, 2011 – Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. М., 2011.

Вержховский, 1954 – Вержховский Д.В. Первая мировая война 1914–1918 гг. М., 1954.

Зайончковский, 1924 – Зайончковский А.М. Мировая война 1914–1918 гг. Общий стратегический очерк. М., 1924.

Лавренов, 2020 – Лавренов С.Я. Дезинтеграционные процессы на территории бывшей Российской империи (на примере Бессарабской губернии) // *Новая и новейшая история*. 2020. № 2. С. 120-129.

Малютина, 2014 – Малютина Т.П. К вопросу о политике Румынии в войнах XX века // *Панорама*. 2014. № 1–3 (8–10). С. 59-63.

РГА ВМФ – Российский государственный архив Военно-морского флота.

Розанов, 1915 – Розанов В.В. Война 1914 г. и русское возрождение. Петроград, 1915.

Самохина, 2014 – Самохина Г.А. «Империалистическая» или «Вторая отечественная»? Отечественные историки о характере Первой мировой войны для России // *Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки»*. 2014. № 3.

Уткин, 2001 – Уткин А.И. Первая мировая война. М., 2001.

Arhire, 2019 – Arhire S. The Russian-Romanian Diplomatic Negotiations between 1914 and 1916 for Romania's Entry into the First World War // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 54. Is. 4: 1907-1917.

Kirilov, 2019 – Kirilov M.N. Foreign Units in the Russian Army during World War I. Formation of Armenian Vigilante Units in the Caucasian Front // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2019. 6(2): 67-76.

Kokebayeva et al., 2018 – Kokebayeva G.K., Myrzabekova R.S., Myrzabekov M.S. Russian Prisoners of the First World War in the Camps of the Austro-Hungarian Empire // *Bylye Gody*. Vol. 47. Is. 1. pp. 430-438.

Parkhomenko, 2018 – Parkhomenko V.A. "The Image of the Enemy" in the Russian Empire during the Great War // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2018. 5(2): 49-54.

Ulyanov, 2019 – Ulyanov P.V. The Image of the "German Conqueror" in the British and Russian Propaganda of the First World War Period: A Comparative Analysis // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51. Is. 1: 447-455.

References

Anfert'ev, 2016 – Anfert'ev, A.I. (2016). Imperator Nikolai II: proshchety Verkhovnogo glavnokomanduyushchego nakanune Fevral'skoi revolyutsii 1917 g. [Emperor Nicholas II: miscalculations of the Supreme Commander-in-Chief on the Eve of the February Revolution of 1917]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo*. 3(20): 166-174. [in Russian]

Arhire, 2019 – Arhire, S. (2019). The Russian-Romanian Diplomatic Negotiations between 1914 and 1916 for Romania's Entry into the First World War. *Bylye Gody*. 54(4): 1907-1917.

Belova, 2011 – Belova, I.B. (2011). Pervaya mirovaya voina i rossiiskaya provintsiya. 1914 – fevral' 1917 g. [World War I and the Russian province. 1914 – February 1917]. M. [in Russian]

Kirilov, 2019 – Kirilov, M.N. (2019). Foreign Units in the Russian Army during World War I. Formation of Armenian Vigilante Units in the Caucasian Front. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 6(2): 67-76.

Kokebayeva et al., 2018 – Kokebayeva, G.K., Myrzabekova, R.S., Myrzabekov, M.S. (2018). Russian Prisoners of the First World War in the Camps of the Austro-Hungarian Empire. *Bylye Gody*. 47(1): 430-438.

Lavrenov, 2020 – Lavrenov, S.Ya. (2020). Dezintegratsionnye protsessy na territorii byvshei Rossiiskoi imperii (na primere Bessarabskoi gubernii) [Disintegration processes on the territory of the former Russian Empire (on the example of the Bessarabian province)]. *Novaya i noveishaya istoriya*. 2: 120-129. [in Russian]

Malyutina, 2014 – Malyutina, T.P. (2014). K voprosu o politike Rumynii v voinakh XX veka [To the issue of Romania's policy in the wars of the XXth century]. *Panorama*. 1-3(8-10): 59-63. [in Russian]

Parkhomenko, 2018 – Parkhomenko, V.A. (2018). "The Image of the Enemy" in the Russian Empire during the Great War. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 5(2): 49-54.

RGA VMF – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv Voенно-morskogo flota [Russian state archive of the Navy].

Rozanov, 1915 – Rozanov, V.V. (1915). Voina 1914 g. i russkoe vozrozhdenie [War of 1914 and Russian revival]. Petrograd. [in Russian]

Samokhina, 2014 – Samokhina, G.A. (2014). «Imperialisticheskaya» ili «Vtoraya otechestvennaya»? Otechestvennye istoriki o kharaktere Pervoi mirovoi voiny dlya Rossii ["Imperialist" or "Second Patriotic"? National historians on the nature of the First World War for Russia]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: gumanitarnye nauki*. 3. [in Russian]

- Ulyanov, 2019 – *Ulyanov, P.V.* (2019). The Image of the "German Conqueror" in the British and Russian Propaganda of the First World War Period: A Comparative Analysis. *Bylye Gody*. 51(1): 447-455.
- Utkin, 2001 – *Utkin, A.I.* (2001). Pervaya mirovaya voina [World War I]. М. [in Russian]
- Verzhkhovskii, 1954 – *Verzhkhovskii, D.V.* (1954). Pervaya mirovaya voina 1914–1918 gg. [World War I 1914–1918]. М. [in Russian]
- Zaionchkovskii, 1924 – *Zaionchkovskii, A.M.* (1924). Mirovaya voina 1914–1918 gg. [World War 1914–1918]. Obshchii strategicheskii ocherk. М. [in Russian]

Румыния в период Первой мировой войны (на примере 1916 г.)

Горан Раевич ^{a, b, *}, Иван Сергеевич Денисов ^c, Диана Игоревна Степанова ^d, Игорь Анатольевич Гордеев ^e

^a Черкас глобальный университет (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований), Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^d Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Юго-западный государственный университет, Россия

Аннотация. В работе рассматривается вступление Румынии в Первую мировую войну на стороне Антанты, боевые действия румынской армии и создание Румынского фронта. Значительное внимание также уделено численному составу войск Центральных держав и Антанты.

В качестве источника были привлечены впервые вводимые в научный оборот документы Российского государственного архива Военно-морского флота (Санкт-Петербург, Российская Федерация), а именно фонд 716 – Морской штаб Верховного главнокомандующего (Ставка).

В заключении авторы отмечают, что, хотя вступление Румынии в войну привело ее армии к поражению и заставило Россию значительно удлинить фронт, введя всю 9-ю армию в пределы Молдавии, а затем и перебросить с других фронтов до 20 пехотных и 10 кавалерийских дивизий, это позволило образовать новый – Румынский фронт, что имело для русской армии положительное значение, так как противник направил часть своих войск с других фронтов и часть новых своих формирований, всего до 30 дивизий, на новый театр боевых действий. Причем 23,5 дивизии первоначально действовали против румынских армий, то есть вступление Румынии в войну оттянуло свободные силы противника, которые в противном случае могли бы найти применение в проведении операций на других фронтах против русской армии или союзников.

Ключевые слова: Первая мировая война, Румыния, Россия, Румынский фронт, боевые действия.

* Корреспондирующий автор

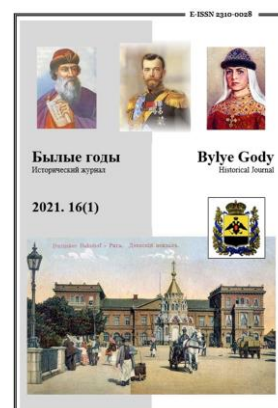
Адреса электронной почты: dkgoran.rajovic@gmail.com (Г. Райович)

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 420-431.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.420
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Agrarian Colonization of the Steppe Region in the Russian and Kazakh Historiography of the late XX – early XXI centuries as a «Post-Traumatic» Practice of Scientific Reflection

Bakyt S. Tokmurzayev ^{a, *}, Michael K. Churkin ^{b, c}, Almagul A. Sirbayeva ^a

^a «Sirdariya» University, Zhetysai, Kazakhstan

^b Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation

^c Tobolsk Complex Research Station of the Ural, Russian Federation

Abstract

The article is let in to disclosure the content of scientific understanding of the processes of agrarian colonization of the Steppe region in the modern historiography of Russia and the Republic of Kazakhstan. The research procedures are based on the methodological principles of the new cultural and intellectual history, and the reliability of the conclusions is determined by a complex of historiographic sources. The author's team found that the historiographical tradition of the stated problem was formed in scientific schools of Russia and Kazakhstan under the influence of «traumatic» events of the colonial past, which influenced the Genesis and evolution of ideas about the causes, course and results of the process of Imperial incorporation of the Steppe region into Russia in the second half of the XIX-early XX centuries. In the construction of the subject part of the study, the socio-cultural and political background of the institutionalization of approaches to scientific reflection of the issue was taken into account. It is proved that a positive result of the historiographical discourse of the Russian and Kazakh scientific schools can be active communication in the scientific field, an appeal to modern research approaches and practices, including the «new history of the Empire», which actualizes the common «trauma» of colonization for the Kazakh and Russian peoples.

Keywords: Russia, Kazakhstan, historiographical tradition, «post-traumatic syndrome», colonial discourse, post-colonial researches, new historical science, scientific schools, discourse.

1. Введение

Осмысление исторического опыта аграрной колонизации Сибири и сопредельных территорий как составляющей части исторического опыта российского колониационного процесса особо актуально в аспекте современной ситуации научного знания, а также международных отношений и межэтнических коммуникаций. Активное обсуждение и переживание травматических сюжетов прошлого открывает реальные перспективы координации исследований в рамках научных сообществ, преодоления сиюминутных политических спекуляций и выхода исследовательских штудий за рамки исторической политики, задачи которой сводятся не столько к трансляции результатов научных изысканий, сколько к использованию исторического нарратива с целью легитимации власти акторов политического поля. В историографическом отношении российский и казахстанский дискурсы аграрной колонизации Степного края демонстрируют сходства и различия в оценке имперских проектов и практик территориальной экспансии и ее последствий для всех групп населения, вовлеченных в формат имперского доминирования и принуждения, что открывает широкие возможности к выстраиванию продуктивной коммуникации в научной сфере. Заявленная в таком варианте актуальность исследования проблемы позволяет конструировать и методологический «ландшафт» статьи.

* Corresponding author

E-mail addresses: b.tokmurza@gmail.com (B.S. Tokmurzayev), proffchurkin@yandex.ru (M.K. Churkin)

2. Материалы и методы

Для решения исследовательских задач, связанных с раскрытием социокультурных обстоятельств и факторов институционализации историографических традиций поставленного вопроса, коллектив исследователей использовал обширный круг историографических источников, репрезентирующих процесс научной рефлексии в рамках хронологического периода конца XX – начала XXI столетий.

Для исследования проблемы были рассмотрены труды монографического характера (включая диссертационные работы), зафиксировавшие представления ученых России и Казахстана о различных аспектах процесса аграрной колонизации Степного края: историческом опыте и всем комплексе современных оценочных суждений; тематических публикациях в периодической печати, сборниках научных статей, материалах научных и научно-практических конференций, отразивших научную рефлексию российских и казахстанских историков по вопросам теории и методологии аграрной истории в колонизационной системе координат.

В методологическом отношении положения и выводы статьи, которая носит историографический характер, соотносятся с предметным полем «новой культурно-интеллектуальной истории», постулирующей приоритет контекстуального подхода над интерналистским в обсуждении историографических явлений.

По определению Л.П. Репиной, контекстуальный подход предполагает такой путь познания и историописания, в рамках которого «...история науки рассматривается как одна из форм общественной деятельности и часть культуры, которая не может существовать вне социального, политического и других аспектов интеллектуальной истории» (Репина, 2001: 5), в частности без учета активной роли языка, текста в воссоздании исторической реальности.

Таким образом, системным действием при работе с историографическими источниками стало выявление и описание дискурсивных практик современных исследователей, в которых фиксировались представления о сложном и многомерном процессе аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX – начале XX вв. и его интерпретации в рамках научных сообществ России и Казахстана.

Методологический инструментарий новой исторической науки предопределил выбор методов исследования.

Проблемно-хронологический метод позволил учесть идейно-политический и культурно-интеллектуальный контексты генезиса представлений историков России и Казахстана о содержании процесса имперской колонизации Степного края, что позволило конструировать основные выводы, принимая во внимание состояние современной исторической науки и действующие модели коммуникаций научных сообществ.

Историко-сравнительный метод предоставил возможность установить в трудах историков факторы эволюции оценок деятельности колониальной администрации.

С опорой на метод деконструкции историографического дискурса удалось установить его первичный и вторичный форматы. Авторы пришли к убеждению, что первичный дискурс фиксирует только реакцию исследователя на событие, тогда как во вторичном дискурсе начинает функционировать его историческое сознание, наполняя интерпретацию исторической реальности опытом самого историка: коммуникативным, интеллектуальным, научно-исследовательским. В практической плоскости это означает включение исследователя в событийный текст, понимание языка эпохи, что предоставляет шанс для более глубокого осознания смысла происшедших исторических событий.

3. Обсуждение

Научная полемика, в рамках которой в современной историографии обсуждается тема аграрного освоения и «присвоения» Российской империей степных областей, разворачивается в условиях знаковых перемены в теории и методологии новой исторической науки. В качестве ответа на социокультурные вызовы историки все чаще привлекают к реализации исследовательских практик модернизированные интерпретации таких концептов, как «империя», «имперская ситуация», «внутренний империализм». В данном отношении дискурс проблемы аграрной колонизации осуществляется в двух направлениях: через освоение коммуникативных стратегий имперской власти и местных сообществ, системных взаимоотношений между центром и регионами в специфических этноконфессиональных и социокультурных условиях инкорпорации окраин.

Путем акцентированной критики позитивистских приемов историографического анализа вопросов колониальной истории, применение которых было апробировано в последние годы советского периода и на стартовом этапе эпохи «национальных суверенитетов», когда, по сути, единственным актором дискурса выступала публицистика.

Наиболее предметно осмысление историографического опыта ученых Российской Федерации и Республики Казахстан подверглось анализу в трудах российских историков и было представлено в научных статьях, монографиях, диссертациях, обсуждениях на научных конференциях международного уровня (Ремнев, 1995: 236; Дамешек, 2002: 257-266; Безвиконная, 2005: 239;

Суворова, 2014: 135-149; Чуркин, 2016: 158-164; Токмурзаев, 2016: 252).

Обращение историков Казахстана к аграрно-колониационной проблематике в 1990-е гг. осуществлялось в условиях обретения национальной государственности и процессов этнизации, что определило острую дискуссионность вокруг нарратива колонизации, который позиционировался в работах обобщающего характера в качестве иллюстративного материала, востребованного в интересах восстановления исторической справедливости. Такой подход оказался характерен для историографических трудов 1990-х – 2000-х гг. (Козыбаев, 1990: 125; Мажитов, 1994: 62-73; Садвокасова, 2005: 339).

Нельзя не отметить и определенную «расколотость» историографического пространства Республики Казахстан в указанный период, что подтверждается готовностью части научного сообщества к компромиссу и коммуникациям с представителями российской исторической школы в понимании и трансляции исторического опыта имперской колонизации (Ерофеева, 2007: 14-22; Фризен, 2012: 181).

Таким образом, опыт научной рефлексии историографической традиции вопроса позволяет констатировать необходимость продолжения исследований в области историографии, принимая во внимание социокультурные аспекты формирования научных школ России и Казахстана и изменения в исторических представлениях о колонизации и ее последствиях для государств и общества.

4. Результаты

Представляется очевидным, что функции историографического знания простираются много дальше простой рецепции и интерпретации события, являясь моделью ретрансляции коллективной памяти об историческом прошлом.

Говоря о состоянии историографических традиций проблемы, вынесенной в название работы, необходимо добавить, что историография – явление атмосферное, прочно слитое с социокультурным контекстом и характеристиками коллективной памяти, обладающей устойчивым свойством быть транспоколенческой, социальной, долговременной памятью общества, репрезентируясь в историографическом дискурсе.

Тема аграрной колонизации Степного края стала предметом исследовательского интереса историков Казахстана в период распада СССР, обретения государственной территории и национальной независимости. При этом процессы подъема этнического самосознания и формирования новой национальной идентичности развивались в контексте острого переживания казахским народом своего прошлого, которое не только на профанном уровне, но и в научном сообществе воспринималось как травматическое, что являлось своеобразным индикатором постколониального сознания.

По определению А. Ассман, крупнейшего немецкого историка и теоретика культурной памяти, «...понятие исторической травмы введено, чтобы продемонстрировать то значение, которое имеет память для преодоления наследия, оставленного колониализмом или работорговлей» (Ассман, 2016: 183). Сопутствующим обстоятельством глубокого переживания и переосмысления колониального прошлого становится посттравматическая ситуация, в системе координат которой не представляется возможным понять и объяснить причины травмы (Ассман, 2016: 328).

В историографическом плане можно говорить о двух интеллектуальных интенциях, характеризующих сознание казахской интеллигенции. Первая восходит к позиции Бавны Дэви, автора монографии, посвященной широкому кругу проблем этничности, языка и власти в постсоветском Казахстане, в которой автор в рамках постколониального дискурса выдвинула тезис о значимости колониальности в истории казахского народа и ее влиянии на самосознание и идентичность национального сообщества (Dave, 2007: 24). Б. Дэви внедрила в общенаучную риторику понятие «манкуртизация», интерпретируемое как «отделение казахов от кочевой культуры» (Dave, 2007: 67). В данном аспекте, полагает ученый, в казахском обществе, пришедшем в соприкосновение с земледельческими сообществами, происходило во многом добровольное принятие доминации, поскольку таковая являлась важным фактором хозяйственного и культурного развития (Dave, 2007: 67).

Иной посыл был озвучен в работах А.В. Ремнева, полагавшего, что «реакция пробужденной национальности может достигать крайних пределов отторжения как имперского, так и советского прошлого, хотя параллельно возникает эмоциональная реакция (не всегда противопологающая, а нередко дополняющая) на романтизацию прошлого, на пафосное национальное самолюбование и самооболение» (Ремнев, 2011: 179) (общеизвестно, что пафос в науке – эффектный, но, как правило, неэффективный способ латания трещин в концепции). Выдающийся историк Нурбулат Масанов в своих работах неоднократно убеждал, что принадлежность казахов номадическому образу жизни, сложившемуся исторически, не может быть поводом для шаблонных антиколониальных спекуляций, поскольку номадизм не выступал в качестве препятствия к восприятию другого типа культуры. Он писал: «У нас не было ни науки, ни образования, ни искусства, ни культуры, ни интеллигенции, одним словом – у нас ничего не было. У нас было просто номадное кочевое общество... при этом, ...«несмотря на жесткие условия модернизации, казахи оказались способны усваивать достижения науки и техники, достижения культуры других народов, их языки. И, самое

важное, оказались способны усваивать достижения всемирной цивилизации и двигаться вместе со всей цивилизацией вперед и не отставать» (Масанов, 2004).

Становление в Республике Казахстан «официальной» линии новейшей историографии аграрной колонизации Степного края приходится на период 1990-х – начала 2000-х гг., когда в работах Р.М. Таштемхановой, С.И. Ибраева и других известных исследователей была открыто продекларирована приверженность казахстанских историков концепции «абсолютного зла», трактующей аграрные переселения из Европейской России как инструмент и форму имперской колонизации Казахстана. При этом влияние культуры земледельческой оседлости, носителями которой выступали российские крестьяне, интерпретировалось авторами как однозначно негативное, сопровождаемое изъятием лучших земель индигенного населения в переселенческий фонд (Таштемханова, 1994: 3; Ибраев, 1995: 166). Таким образом, исследователи спектра вопросов аграрной колонизации в 1990-е – начале 2000-х гг. активно способствовали утверждению тезиса: Российская империя во второй половине XIX – начале XX вв. реализовывала в Степном крае принципы колониального экспансионизма, финансово и законодательно поддерживая и направляя крестьянские миграции, которые напрямую затрагивали сферу образа жизни и традиций коренных групп населения.

В означенной логике приоритетное место в исследовательском поле научного сообщества историков Республики Казахстан заняли вопросы коммуникации социальных групп в колониационном процессе. Симптоматично, что в параметры дискуссии были включены именно те сюжеты, которые позволяли сделать акцент на травматических последствиях имперской колонизации. В центре внимания казахстанских историков все чаще оказывались события, связанные с деятельностью в Степном крае сообщества казаков как наиболее одиозного проводника колониальных программ в регионе.

В официальном сегменте историографии доминирующей стала мысль о тесной взаимосвязи колониальной политики и комплекса имперских задач, возлагаемых в Степном крае на казачество. Комментируя позиции историков Республики Казахстан в этом вопросе, отметим, что в российском общественно-политическом дискурсе второй половины XIX отношение к роли казачества в освоении окраин было неоднозначным, что главным образом относилось к сфере земледельческих практик сословия. В среде либеральных ученых и публицистов активно проводилась мысль о дискредитации культуртрегерских возможностей казачества в колонизации восточных территорий (Токмурзаев, 2016: 5). В то же время важность выполнения казаками имперской миссии в отдаленных землях, в том числе граничивших с Китаем, являлась неотъемлемой частью политической риторики. Так, начальник штаба Западно-Сибирского военного округа генерал от инфантерии И.Ф. Бабков писал, что полное спокойствие в Киргизской степи «во многом обязано казакам, которые при всех вооруженных столкновениях с киргизами и другими среднеазиатскими инородцами всегда были впереди и принимали на себя первые их удары. Сибирское казачье войско служит твердым и вполне надежным оплотом России на ее далеких окраинах, прилегающих к Китаю» (Бабков, 1912: 39).

Интенсивная разработка темы казачества в казахстанской историографии во многом была обусловлена этно-политическим фоном 1990-х гг. и вынужденными миграциями русско-славянского населения из районов постоянного проживания в Казахстан, что погружало историографический дискурс в контекст исторической политики, когда военно-политическая деятельность казачества и административная их роль сопровождались выводами идеологического порядка (Абдиров, 1994: 160). Это находило выражение и в соответствующих лексических конструкциях, сопровождавших выводы официальных историков: «царизм всячески укреплял военную структуру царизма, расширял земельные владения, награждал разными привилегиями и льготами..., казаки оправдывали свое назначение активным участием в борьбе с национально-освободительным движением казахского народа на протяжении XVIII – начала XX веков» (Борсукбаева, 2005: 71).

Принципы и подходы, сложившиеся в рамках «официальной» историографии аграрной колонизации в республике Казахстан, носили ярко выраженный контекстуальный характер и зависели от идейно-политических установок начального периода становления национальной государственности, для которого (и Казахстан здесь не является исключением) была характерна тенденция «демонизации» колониального прошлого.

Вместе с тем в Казахстане 1990-х – начала 2000-х гг. происходил и другой важный процесс, связанный с миграциями, – оттоком «русского» населения и перемещением сельских жителей в города, что, с одной стороны, приводило к архаизации казахского общества, с другой – выполняло задачи амортизации алармистского напряжения «славянской угрозы». Следствием такой ситуации стало перемещение дискурса колониальной экспансии Российской империи в периферийное поле научно-исторических штудий. В начале XXI века эта «периферийность» объяснялась и соображениями политкорректности в отношениях с Российской Федерацией, «поднимающейся с колен» и стремительно возобновляющей традиции и практики имперского управления внутри собственной страны.

В обсуждаемый период происходил своеобразный «дрейф» культурной памяти нации к осмыслению травматического опыта истории Казахстана и казахского народа в условиях

доминирования структур имперскости СССР. С. Камерон в вышедшей недавно монографии, посвященной представлениям о насилии, модернизации и нациестроительстве в сталинском СССР, пишет, что последствия голода, спровоцированного властью большевиков в Казахстане в 1932 г., имели гораздо большие травматические последствия для нации, нежели колониальное управление во второй половине XIX – начале XX вв. Показательно, что публичное обсуждение темы голода, возбудившей в 1990-х – начале 2000-х гг. казахский социум и научное сообщество, в скором времени была купирована, что С. Камерон объясняет «остаточным влиянием эволюционистских теорий, гласящих, что исчезновение кочевых народов – неизбежное следствие цивилизации» (Камерон, 2020: 22).

В целом, обе тенденции не только пробуждали изоляционистские настроения, но и будировали в казахском обществе ощущения перманентного «внутреннего колониализма», что наиболее наглядно материализовалось в сфере формирования национального исторического нарратива, в котором «дискурс угнетенного» занял первенствующие позиции (Алексеев, 2010: 144-168).

Характеризуя состояние историографической традиции вопроса в Республике Казахстан эпохи «посттравматического» синдрома, можно сделать ряд предварительных выводов.

Во-первых, процесс становление историографии Республики Казахстан соотносился по времени с формированием национальной государственности и, как следствие, усиленным поиском нового, адекватного вызовам времени исторического нарратива. Создаваемому нарративу предпосылалась и сверхзадача максимального вытеснения из коллективной памяти и национального сознания травматических сюжетов имперского прошлого. Путь к забвению исторической травмы отягощался для казахстанских историков и социума сохранением советского (по сути, имперского) языка историописания, в котором абсолютно доминировали старые риторические приемы и конструкции, используемые при характеристике имперской политики России, – «экспансионизм», «колониализм», «национально-освободительное движение», а также крайние их формы – «колониальное порабощение» (Борсукбаева, 2005: 3), «насилие колониальных чиновников» (Айтмагамбетов, 2010: 10), «идеологический прессинг» (Мырзахметова, 2007: 14) и т.д.

Во-вторых, в историографическом дискурсе актуализировались алармистские тенденции, что оказалось запечатлено в тех речевых конструкциях, которые были призваны отразить знаковые эпизоды колониального прошлого Казахстана. Приводим наиболее показательные фрагменты: «В начале XX века территория Казахстана была одной из колоний России. Естественное течение этнического развития было прервано. Политическое устройство казахов было уничтожено, нарушено территориальное единство, затруднено формирование нации и единство культуры. Стало невозможным создание в то время общей экономики, ее инфраструктура складывалась в угоду интересам метрополии. Колониальное господство приостановило самобытное развитие этноса» (Артыкбаев, Раздыков, 2005: 13).

В-третьих, немаловажным фактором институционализации историографии Республики Казахстан и утверждения негативных коннотаций в оценке имперского опыта аграрной колонизации Степного края в 1990-х – начале 2000-х гг. стала ситуация общего методологического кризиса гуманитарного знания и исторической науки. В данном плане это состояние было повсеместным в гуманитаристике, но в российской историографии 1990-х гг. уже рельефно наметилась тенденция к заимствованию западных методологических приемов, к научно-теоретическому «эпигонству». Научно-историческое сообщество Республики Казахстан с исчезновением СССР оказалось за рамками научно-исследовательского процесса, в который постепенно включались российские исследователи. Проблемность ситуации усугублялась и исчезновением того интеллектуального поля, в котором еще совсем недавно осуществлялась научная коммуникация единого сообщества историков СССР. Подобное положение имело негативные последствия и для российской, и для казахстанской историографии, поскольку основной «площадкой» трансляции представлений о прошлом стала публицистика. Но именно в Республике Казахстан публицистика полностью «узурпировала» колониационную проблематику, презентуя ее исключительно как национальную «травму». В сложившейся ситуации научное сообщество, обращаясь к широкому спектру вопросов истории колонизации, приняло публицистическую модель историописания, что вышло за пределы «газетно-журнального» дискурса, транслируясь на страницах диссертаций и научных монографий, увидевших свет в 1990-х – начале 2000-х гг.

Позитивные изменения в исторической науке Республики Казахстан наметились в середине первого десятилетия 2000-х гг., что оказалось обусловлено новым вектором государственной политики, в которой образованию и науке, прежде всего гуманитарной, придавался особый статус. Очевидно, что в образованной части казахского общества в этот период сложилось понимание тех опасностей, которые возникают в условиях национального «ренессанса». Реакцией власти стал курс на гражданственность и национальное равноправие, что нашло отражение в основных пунктах государственной программы «Культурное наследие» (2004), ориентировавшей социум не только на действия по укреплению и трансляции национального самосознания, но и до известных пределов направлявшей общество на пути открытой коммуникации с миром.

Деятельность по реализации программы в конечном счете стимулировала определенные перемены и в методологии исторических исследований, в частности активно способствовала внедрению новых исследовательских практик и подходов. В рамках исторических изысканий стал повсеместно применяться модернизационный подход, актуальный в современных условиях экономического, политического и социокультурного развития Казахстана.

Важную функцию в переформатировании историографических практик выполнили в исследуемый период и перемены в образовательной политике Республики Казахстан, основой которой стали идеи поликультурности и интернационализации, что способствовало интенсивному включению сообщества историков в систему международной научной коммуникации через участие в конференциях и программах академической мобильности.

В результате в рамках историографического пространства Республики Казахстан начинает складываться «умеренное» направление, представители которого рассматривали сюжеты аграрной колонизации Степного края более взвешенно, заявляя о необходимости преодоления «романтизма в казахстанской исторической науке и эйфоризма в восприятии исторических фактов, приведших к мифологизации исследований новой истории Казахстана» (Ерофеева, 2007: 14-22).

В параметрах «умеренного» сегмента в историографической традиции Казахстана была продекларирована задача отказаться от исключительно негативных коннотаций в оценке деятельности Российской империи в казахских степях, допуская и позитивные последствия данного процесса, в частности с точки зрения экспансии западно-европейских держав. Кроме того, исследователи, относящиеся к «умеренному» направлению, предпочитали видеть в аграрных мероприятиях России в Степном крае необходимые условия для развития производительных сил и производственных отношений в регионе, что являлось и фактором нормализации межэтнических отношений (Фризен, 2012: 181).

Историки, ведущие исследования в области аграрно-колониационных вопросов, во многом приняли положения «новой имперской истории» о «внутреннем» характере российской колонизации, сопровождаемой эскалацией и трансляцией практик доминирования и принуждения. В целом было воспринято в казахстанской историографии и положение А. Эткинда о подчиненном статусе «субалтернов» империи в колонизации как акте тотального государственного доминирования и принуждения (Эткин, 2016: 3), что открывало видимые перспективы для сближения историографических дискурсов России и Казахстана, унификации сценариев переживания «травматической» ситуации в истории XIX–XX вв.

Коммуникативная активность казахстанских историков способствовала обращению к теоретико-методологическим конструктам «новой истории империи» и переосмыслению отдельных эпизодов колониального прошлого: аграрных переселений, взаимодействия с целью урегулирования землепользования кочевников широкого круга акторов – имперской власти, региональной администрации, местной аристократической элиты.

В последнее десятилетие в казахстанской историографической традиции вырисовываются некоторые перспективы смягчения «посттравматического» синдрома и деколонизации дискурса, что подтверждается актуализированным интересом к имперской проблематике и аккомодацией новых методологических подходов. Активно используя методологические приемы постмодернизма в исследовании взаимоотношений кочевников и земледельцев, историкам Республики Казахстан удалось частично реконструировать полифонию их взаимоотношений в новых контекстах колониального времени (Рахимбекова, 2015: 132-149; Садвокасова, 2007: 27-34).

Историографическая традиция аграрной колонизации Степного края в российской исторической науке конца XX – начала XXI вв. первоначально складывалась как реакция на реанимированные положения концепции «абсолютного зла», получившие обоснование в официальной историографии Республики Казахстан, утвердившей достаточно четкую симметрию между прошлым, настоящим и будущим: жертвенный опыт угнетенных противопоставлялся «преступлениям» империи на протяжении всей истории сосуществования России и Казахстана. Примечательно, что историческое сообщество, работающее в сфере аграрно-колониационной проблематики, отреагировало на сложившуюся ситуацию двойственно: одни исследователи предпочли уклониться от какого-либо участия в научной полемике, другие, напротив, активно включились в дискурс, используя определение Х. Арендт, «организованной вины» (Арендт, 2008: 44-45), что вполне соотносилось с практиками «самопроклятий» и «самобичеваний», общепринятыми в публицистическом поле российских медиа этого времени.

Вместе с тем главной интенцией в российских исследованиях вопроса становился призыв к соучастию в переживании травматического опыта и признанию его в качестве общего для русского и казахского населения региона. В риторике российских историков центральное место по-прежнему занимали достаточно полно освоенные проблемы социальных контактов в административно-территориальном пространстве Степного края, но изменилась интонация в оценке последствий этих коммуникаций. На первый план вышла констатация того факта, что с интенсификацией переселенческой активности «...обострялась и без того напряженная ситуация во взаимоотношениях крестьян с коренным населением...», что являлось почвой для существования антирусских

настроений... Мигранты... смотрели на кочевников как на низшие существа..., а казахи видели в переселенцах кровных врагов» (Греков, 1996: 141).

Подобная трактовка определенно свидетельствовала о замыкании исследований в границах концепций «абсолютного и наименьшего зла», «добровольности и прогрессивности» присоединения Степного края к России.

Только в середине 1990-х гг. под влиянием развивавшейся империологии обозначились пути выхода из исследовательского коллапса. Исследовательские проекты, разработанные С. Беккером и А. Каппелером (Беккер, 2004: 76-77; Каппелер, 2000: 188) формулировали перспективную модель наднациональной, полиэтнической, традиционалистской (до-модерной) Российской империи, что позволяло исследователям, принявшим данный подход, постепенно отходить от национально-государственной интерпретации сюжетов аграрного освоения окраин.

С этого момента в исследовательской оптике российских историков аграрной колонизации окраин центральное место стал занимать имперский нарратив, в рамках которого империя определялась в качестве особого типа политической организации, что позволило ученым сделать ряд выводов концептуального характера.

В частности, было установлено, что присоединение территорий, рассматриваемых империей как естественно-географическое продолжение российского государства, сопровождалось процессами ментального освоения, что делало востребованным вмешательство власти путем регулярного участия в инкорпорации осваиваемого пространства посредством административно-управленческих практик (Сибирь в составе Российской империи, 2007: 20).

Знаковую роль сыграла и «политика населения», в рамках которой формировались и утверждались воззрения власти на социум как область активного государственного вмешательства во все сферы жизни и деятельности населения региона как пришлого, так и индигенного. Переселенческая политика в Степном крае строилась таким образом, что крестьяне, мигрировавшие из малоземельных губерний Европейской России, осознавали себя в качестве главного действующего актора колонизации, транслирующего идею о своем решающем вкладе в экономическое освоение региона и установление его этнической однородности (Сибирь в составе Российской империи, 2007: 63-64).

Согласно этой логике, коренное население Зауралья располагалось в центре имперских административно-управленческих действий, целью которых являлись задачи экономической, политической и социокультурной интеграции народов Сибири и сопредельных регионов в состав национального российского государства (Сибирь в составе Российской империи, 2007: 243).

5. Заключение

Формулируя выводы и оценивая состояние современной (посттравматической) российской и казахстанской историографической традиции аграрной колонизации Степного края, отметим следующее: идейно-интеллектуальным контекстом формирования подходов к оценке аграрной колонизации и интеграции Степного края в общеимперское пространство в историографии Республики Казахстан стало восприятие данного процесса как «травматической» ситуации. Крах СССР и обретение Казахстаном национальной независимости стимулировали мобилизацию этнических чувств, национального и политического самосознания, что способствовало эволюции историографической традиции вопроса в сторону легитимации концепции «абсолютного зла». В условиях распада единого историографического поля на первый план вышли сиюминутные историко-политические задачи и требования закрепления такого исторического нарратива, который должен был подтвердить юридическую и моральную правомочность государственного суверенитета Республики Казахстан, что ориентировало научное сообщество на формирование негативного образа Российской империи в глазах казахского общества. В результате в работах, посвященных широкому спектру вопросов аграрной истории Степного края, возобладали мифологические схемы, сопряженные с крайними формами этнизации исторического знания. Методологический поворот, происходивший в новой исторической науке, предполагавший отказ от позитивистских подходов в обсуждении колониального прошлого, не стал частью теории и исследовательских практик ученых Республики Казахстан.

Лишь в середине первого десятилетия 2000-х гг. (2004–2017 гг.) обнаружили варианты разработки компромиссных подходов к рефлексии колониационного процесса в отношении инкорпорируемых территорий Степного края в состав России.

Становление российской историографической традиции вопроса аграрной колонизации Степного края также происходило в условиях «посттравматического синдрома», что было связано с интенсивным переживанием в обществе ситуации новой государственности, а в научной среде – состояния методологической беспочвенности. Падение «советской империи» актуализировало в общественном сознании россиян наиболее травматические сюжеты отечественной истории, связанные с социальными потрясениями первой половины XX века. При этом тема «внутреннего империализма» и колониального прошлого Российской империи переместилась в периферийное поле культурной памяти нации, став второстепенным событием и в пространстве научной коммуникации. Попытка российских исследователей вернуться к модели осмысления аграрно-

колониционной проблематики в параметрах теорий «относительного зла» и «добровольности присоединения» оказалась малопродуктивной и неадекватной вызовам времени, что привело к складыванию новой историографической ситуации.

Поворотным событием можно назвать обращение российских историков к обозначению круга вопросов, посвященных имперскому опыту России, в качестве «постколониальных исследований», основным постулатом которых являлась идея о преодолении ориенталистских стереотипов.

В этой связи в российской исторической науке в рефлексии сложных проблем «внутренней колонизации» начинают активно задействоваться теоретические построения «новой имперской истории», что способствовало постепенному выведению аграрно-колониционной тематики за пределы методологического тупика, направляло исследователей от описательно-повествовательных и, как правило, оценочных моделей реконструкции процесса аграрной колонизации исследуемого региона к вскрытию форм и содержания имперских дискурсов колонизации. Все это в конечном итоге позволило констатировать, что в условиях реализации имперских колониционных проектов России во второй половине XIX – начале XX вв. объектами колонизации и ее субалтернами являлись не только национальные группы, но и представители титульного этноса – русское крестьянство, в равной степени включенные в имперскую модель господства/подчинения.

В плане общего итога исследования опыта российской и казахстанской историографии эпохи «посттравматического синдрома» может стать высказывание А. Ассман в монографии, посвященной мемориальной культуре позднего Модерна: «Если каждая сторона будет помнить о травматической истории другой стороны, то все, что их разделяет, удастся преодолеть и общее знание откроет для них путь к мирному будущему» (Ассман, 2019: 144).

Литература

- Абдиров, 1994 – Абдиров М. История казачества Казахстана. Алматы, 1994. 160 с.;
 Айтмагамбетов, 2010 – Айтмагамбетов Д.Р. Взаимоотношения казахского аула и переселенческой деревни во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Акмолинской области): Дис. ... канд. ист. наук. Астана, 2010. 146 с. Алексеев, 2010 – Алексеев А.Н. Этнодемографический аспект регионального развития Восточного Казахстана в конце XX – начале XXI в. // *Азиатская Россия: миграции, регионы и регионализм в исторической динамике*. Иркутск, 2010. С. 141-149.
 Арндт, 2008 – Арндт Х. Организованная вина // *Скрытая традиция*. М., 2008. 221 с.
 Артыкбаев, Раздыков, 2005 – Артыкбаев Ж.О., Раздыков С.З. История Казахстана. Учебная программа для гуманитарных и естественно-научных специальностей высшего образования. Астана, 2005. 44 с.
 Ассман, 2016 – Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М., 2016. 223 с.
 Ассман, 2019 – Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М., 2019. 552 с.
 Бабков, 1912 – Бабков И.Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. СПб., 1912. 575 с.
 Безвиконая, 2005 – Безвиконая Е.В. Административно-правовая политика Российской империи в степных областях Западной Сибири в 20–60-х гг. XIX в. Омск, 2005. 239 с.
 Беккер, 2004 – Беккер С. Россия и концепт империи / *Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей / Под ред. И.В. Герасимова, А. П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семенова*. Казань, 2004. С. 67-81.
 Бурсукбаева, 2005 – Бурсукбаева А.М. Колонизаторская политика царизма в казахских землях в XIX – начале XX веков (на материалах северо-восточного Казахстана): Дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 2005. 120 с.
 Греков, 1996 – Греков Н.В. К вопросу о характере взаимоотношений переселенцев и кочевников-казахов на территории Степного края в начале XX в. / *Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII–XX вв.: Материалы Международ. науч. конф., 19–21 марта 1996 г. / Рос. акад. наук. Сиб. отд-ние. Ин-т истории и др.; [Редкол.: Л.М. Горюшкин (отв. ред.) и др.]*. Новосибирск, 1996. С. 141-143.
 Дамешек, 2002 – Дамешек Л.М. «Сибирские инородцы» в имперской стратегии власти XVIII – начала XX вв. / *Сибирь на этапе становления индустриального общества: Материалы Международной науч. конференции к 75-летию Л.М. Горюшкина*. Новосибирск, 2002. С. 257-266.
 Ерофеева, 2007 – Ерофеева И.В. События и люди Казахских степей (эпоха позднего Средневековья и Нового времени) как объект исторической ремификации // *Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана: Сб. науч. ст.* Алматы, 2007. С. 14-22.
 Ибраев, 1995 – Ибраев С.И. Переселенческая политика царизма и изменение демографической ситуации в Северном Казахстане (конец XIX – начало XX вв.): Дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1995. 185 с.
 Каппелер, 2000 – Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000. 344 с.
 Камерон, 2020 – Камерон С. Голодная степь. Голод, насилие и создание советского Казахстана. М., 2020. 277 с.

- [Козыбаев, 1990](#) – *Козыбаев И.М.* Историография Казахстана: уроки истории. Алма-Ата, 1990. 125 с.
- [Мажитов, 1994](#) – *Мажитов С.Ф.* Вопросы методологии изучения характера колониального господства России в контексте истории Казахстана начала XX века // *Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение.* Алматы, 1994. С. 62-73.
- [Масанов, 2004](#) – *Масанов Н.Э.* Мы – маргиналы. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1092948900> (дата обращения: 15.11. 2020).
- [Мырзахметова, 2007](#) – *Мырзахметова А.Ж.* История образования и деятельности органов Переселенческого управления в Казахстане в конце XIX – начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Караганда, 2007. 186 с.
- [Рахимбекова, 2015](#) – *Рахимбекова А.К.* Методологические подходы постмодернизма в исследовании взаимоотношений казахов-кочевников и крестьян-переселенцев в повседневной жизни во второй половине XIX – начале XX вв. // *Вопросы истории Сибири: Сборник научных статей.* Отв. ред. М.К. Чуркин, Т.А. Сабурова, И.И. Кротг. Омск, 2015. Вып. 12. С. 132-149.
- [Ремнев, 1995](#) – *Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX века. Омск, 1995. 236 с.
- [Ремнев, 2011](#) – *Ремнев А.В.* Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане // *Ab imperio.* 2011. № 1. С. 169-205.
- [Репина, 2001](#) – *Репина Л.П.* Интеллектуальная история сегодня: проблемы и перспективы // *Вестник РОИИ.* № 1. Декабрь. 2001. С. 5-13.
- [Садвокасова, 2005](#) – *Садвокасова З.Т.* Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (вторая половина XIX – начало XX веков). Алматы, 2005. 339 с.
- [Садвокасова, 2007](#) – *Садвокасова З.Т.* Исследование духовной экспансии в контексте колониальной политики царизма в Казахстане как научная проблема // *Отан тарихы.* 2007. № 3. С. 27-34.
- [Сибирь в составе Российской империи, 2007](#) – Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. 368 с.
- [Суворова, 2014](#) – *Суворова Н.Г.* Сословные практики интеграции степного населения в колонизационных проектах имперских экспертов (вторая половина XIX – начало XX в.) / *Сословные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (XVII – начало XX в.): Сб. науч. тр.* Новосибирск, 2014. С. 135-149.
- [Таштемханова, 1994](#) – *Таштемханова Р.М.* Переселенческая деревня и ее взаимосвязи с казахским аулом во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Семиреченской области): *Автореф. дис. ... канд. ист. наук.* Алматы, 1994. 29 с.
- [Токмурзаев, 2016](#) – *Токмурзаев Б.С.* Аграрная колонизация Степного края в имперском проекте и практиках второй половины XIX – начала XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2016. 252 с.
- [Фризен, 2012](#) – *Фризен Д.Я.* Актуальные проблемы исследования аграрных отношений в Западном Казахстане XIX – начала XX века в историографии республики Казахстан / *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: Сб. науч. ст.* Тамбов, 2012. № 9 (23): в 2-х ч. Ч. I. С. 178-182.
- [Чуркин, 2016](#) – *Чуркин М.К.* Колонизация Степного края Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.: историографическая традиция и исследовательские практики // *Вестник Томского государственного университета.* № 406. Май. 2016. С. 158-163.
- [Эткинд, 2016](#) – *Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2016. 448 с.
- [Dave, 2007](#) – *Dave B.* Kazakhstan. Ethnicity, Language and Power. New York, 2007. 242 p.

References

- [Abdirov, 1994](#) – *Abdirov, M.* (1994). Istoriya kazachestva Kazakhstana. [History of the Kazakh cossacks]. Almaty, 160 p. [in Russian]
- [Aitmagambetov, 2010](#) – *Aitmagambetov, D.R.* (2010). Vzaimootnosheniya kazakhskogo aula i pereselencheskoi derevni vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. (na primere Akmolinskoi oblasti) [Relationship of the kazakh village and the emigrant village in the second half of the XIX-early XX centuries. (on the example of Akmola region)]: Dis. ... kand. ist. nauk. Astana, 146 p. [in Russian]
- [Alekseenko, 2010](#) – *Alekseenko, A.N.* (2010). Etnodemograficheskiy aspekt regional'nogo razvitiya Vostochnogo Kazakhstana v kontse XX – nachale XXI v. [Ethno-demographic aspect of regional development of East Kazakhstan in the late XX-early XXI century]. Aziatskaya Rossiya: migratsii, regiony i regionalizm v istoricheskoi dinamike. Irkutsk. Pp. 141-149. [in Russian]
- [Arendt, 2008](#) – *Arendt, Kh.* (2008). Organizovannaya vina [Organized guilt]. *Skrytaya traditsiya.* М., 221 p. [in Russian]
- [Artykbaev, Razdykov, 2005](#) – *Artykbaev, Zh.O., Razdykov, S.Z.* (2005). Istoriya Kazakhstana. [History of Kazakhstan]. Uchebnaya programma dlya gumanitarnykh i estestvenno-nauchnykh spetsial'nostei vysshego obrazovaniya. Astana, 44 p. [in Russian]

- Assman, 2016** – Assman, A. (2016). Novoe nedovol'stvo memorial'noi kul'turoi. [New discontent with memorial culture]. M., 223 p. [in Russian]
- Assman, 2019** – Assman, A. (2019). Zabvenie istorii – oderzhimost' istoriei. [Oblivion of history-obsession with history]. M., 552 p. [in Russian]
- Babkov, 1912** – Babkov, I.F. (1912). Vospominaniya o moei sluzhbe v Zapadnoi Sibiri [Memories of my service in Western Siberia]. SPb, 575 p. [in Russian]
- Bekker, 2004** – Bekker, S. (2004). Rossiya i kontsept imperii [Russia and the concept of Empire]. Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva: Sb. statei. Pod red. I.V. Gerasimova, A.P. Kaplunovskogo, M.B. Mogil'ner, A.M. Semenova. Kazan'. Pp. 67-81. [in Russian]
- Bezvikkonnaya, 2005** – Bezvikkonnaya, E.V. (2005). Administrativno-pravovaya politika Rossiiskoi imperii v stepnykh oblastiakh Zapadnoi Sibiri v 20-60-kh gg. XIX v. [Administrative and legal policy of the Russian Empire in the steppe regions of Western Siberia in the 20-60s of the XIX century]. Omsk, 239 p. [in Russian]
- Borsukbaeva, 2005** – Borsukbaeva, A.M. (2005). Kolonizatorskaya politika tsarizma v kazakhskikh zemlyakh v XIX – nachale XX vekov (na materialakh severo-vostochnogo Kazakhstana) [Colonization policy of tsarism in the kazakh lands in the XIX – early XX centuries (based on the materials of north-eastern Kazakhstan)]: Dis. ... kand. ist. nauk. Alma-Ata, 120 p. [in Russian]
- Churkin, 2016** – Churkin, M.K. (2016). Kolonizatsiya Stepnogo kraya Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.: istoriograficheskaya traditsiya i issledovatel'skie praktiki [Colonization of the Steppe regions of western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries: historiographical tradition and research practices]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 406. May. Pp. 158-163. [in Russian]
- Dameshek, 2002** – Dameshek, L.M. (2002). «Sibirskie inorodtsy» v imperskoi strategii vlasti XVIII – nachala XX vv. [«Siberian foreigners» in the Imperial strategy of power of the XVIII – early XX centuries] *Sibir' na etape stanovleniya industrial'nogo obschestva: Materialy Mezhdunarodnoi nauch. konferentsii k 75-letiyu L.M. Goryushkina*. Novosibirsk. Pp. 257-266. [in Russian]
- Devi, 2007** – Dave, V. (2007). Kazakhstan. Ethnicity, Language and Power. New York, 252 p.
- Erofeeva, 2007** – Erofeeva, I.V. (2007). Sobytiya i lyudi Kazakhskikh stepei (epokha pozdnego Srednevekov'ya i Novogo vremeni) kak ob'ekt istoricheskoi remistifikatsii [Events and people of the Kazakh steppes (the era of the late middle Ages and Modern times) as the object of historical remystification]. Nauchnoe znanie i mifotvorchestvo v sovremennoi istoriografii Kazakhstana: Sb. nauch. st. Almaty. Pp. 14-22. [in Russian]
- Etkind, 2016** – Etkind, A. (2016). Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskii opyt Rossii [Internal colonization. Imperial experience of Russia]. M., 448 p. [in Russian]
- Frizen, 2012** – Frizen, D.Ya. (2012). Aktual'nye problemy issledovaniya agrarnykh otnoshenii v Zapadnom Kazakhstane XIX – nachala XX veka v istoriografii respubliki Kazakhstan [Aktual'nye problemy issledovaniya agrarnykh otnoshenii v Zapadnom Kazakhstane XIX – nachala XX veka v istoriografii respubliki Kazakhstan]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki: Sb. nauch. st. Tambov, № 9 (23): in 2-p. P. I. Pp. 178-182.* [in Russian]
- Grekov, 1996** – Grekov, N.V. (1996). K voprosu o kharaktere vzaimootnoshenii pereselentsev i kochevnikov-kazakhov na territorii Stepnogo kraya v nachale XX v. [On the question of character of mutual relations between migrants and nomads-Kazakhs on the territory of the Steppe region at the beginning of the XX century]. *Narodonaselencheskie protsessy v regional'noi strukture Rossii XVIII–XX vv.: Materialy Mezhdunar. nauch. konf., 19–21 marta 1996 g.* Ros. akad. nauk. Sib. otd-nie. In-t istorii i dr.; [Redkol.: L.M. Goryushkin (otv. red.) i dr.]. Novosibirsk. Pp. 141-143. [in Russian]
- Ibraev, 1995** – Ibraev, S.I. (1995). Pereselencheskaya politika tsarizma i izmenenie demograficheskoi situatsii v Severnom Kazakhstane (konets XIX – nachalo XX vv.) [Migration policy of tsarism and changes in the demographic situation in Northern Kazakhstan (late XIX – early XX centuries): Dis. ... kand. ist. nauk. Almaty, 185 p. [in Russian]
- Kameron, 2020** – Kameron, S. (2020). Golodnaya step'. Golod, nasilie i sozdanie sovet'skogo Kazakhstana. [Hungry steppe. Hunger, violence and the creation of Soviet Kazakhstan]. M., 277 p. [in Russian]
- Kappeler, 2000** – Kappeler, A. (2000). Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya. Vozniknovenie. Istoriya. Raspad [Russia-multinational Empire. Occurrence. History. Raspad]. M., 344 p. [in Russian]
- Kozybaev, 1990** – Kozybaev, I.M. (1990). Istoriografiya Kazakhstana: uroki istorii [Historiography of Kazakhstan: lessons of history]. Alma-Ata, 125 p. [in Russian]
- Masanov, 2004** – Masanov, N.E. (2004). My – marginaly [We are marginals]. [Electronic resource]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1092948900> (date of access: 15.11.2020). [in Russian]
- Mazhitov, 1994** – Mazhitov, S.F. (1994). Voprosy metodologii izucheniya kharaktera kolonial'nogo gospodstva Rossii v kontekste istorii Kazakhstana nachala XX veka [Questions of methodology for studying the character of the colonial domination of Russia in the context of the history of Kazakhstan at the

beginning of the XX century]. Kazakhstan v nachale XX veka: metodologiya, istoriografiya, istochnikovedenie. Almaty. Pp. 62-73. [in Russian]

Myrzakhmetova, 2007 – *Myrzakhmetova, A.Zh.* (2007). Istoriya obrazovaniya i deyatel'nosti organov Pereselencheskogo upravleniya v Kazakhstane v kontse XIX – nachale XX vv. [History of education and activities of Migration management in Kazakhstan in the late XIX – early XX centuries]: Dis. ... kand. ist. nauk. Karaganda, 186 p. [in Russian]

Rakhimbekova, 2015 – *Rakhimbekova, A.K.* (2015). Metodologicheskie podkhody postmodernizma v issledovanii vzaimootnoshenii kazakhov-kochevnikov i krest'yan-pereselentsev v povsednevnoi zhizni vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [Methodological approaches of postmodernism in the study of relationships between kazakh nomads and peasants migrants in everyday life in the second half of the XIX – early XX centuries]. Voprosy istorii Sibiri: Sbornik nauchnykh statei. Otv. red. M.K. Churkin, T.A. Saburova, I.I. Krott. Omsk. Vol. 12. Pp. 142-149. [in Russian]

Remnev, 1995 – *Remnev, A.V.* (1995). Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaya politika v pervoi polovine XIX veka [Autocracy and Siberia. Administrative policy in the first half of the XIX century]. Omsk, 236 p. [in Russian]

Remnev, 2011 – *Remnev, A.V.* (2011). Kolonial'nost', postkolonial'nost' i «istoricheskaya politika» v sovremennom Kazakhstane [Coloniality, postcoloniality and «historical politics» in modern Kazakhstan]. *Ab imperio*. 1: 169-205. [in Russian]

Repina, 2001 – *Repina, L.P.* (2001). Intellektual'naya istoriya segodnya: problemy i perspektivy [Intellectual history today: problems and perspectives]. *Vestnik ROII*. 1, December. Pp. 5-13. [in Russian]

Sadvokasova, 2005 – *Sadvokasova, Z.T.* (2005). Dukhovnaya ekspansiya tsarizma v Kazakhstane v oblasti obrazovaniya i religii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vekov) [Spiritual expansion of tsarism in Kazakhstan in the field of education and religion (the second half of the XIX – early XX centuries)]. Almaty, 239 p. [in Russian]

Sadvokasova, 2007 – *Sadvokasova, Z.T.* (2007). Issledovanie dukhovnoi ekspansii v kontekste kolonial'noi politiki tsarizma v Kazakhstane kak nauchnaya problema [Research of spiritual expansion in the context of the colonial policy of tsarism in Kazakhstan as a scientific problem]. *Otan tarikhy*. 3: 27-34. [in Russian]

Sibir' v sostave Rossiiskoi imperii, 2007 – Sibir' v sostave Rossiiskoi imperii [Siberia as part of the Russian Empire]. M., 368 p. [in Russian]

Suvorova, 2014 – *Suvorova, N.G.* (2014). Soslovnye praktiki integratsii stepnogo naseleniya v kolonizatsionnykh proektakh imperskikh ekspertov (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [The estate practices of integration of the steppe population in the colonization projects of Imperial experts (the second half of the XIX – beginning of the XX century)]. *Soslovnye i sotsiokul'turnye transformatsii naseleniya Aziatskoi Rossii (XVII – nachalo XX v.): Sb. nauch. tr. Novosibirsk*. Pp. 135-149. [in Russian]

Tashtemkhanova, 1994 – *Tashtemkhanova, R.M.* (1994). Pereselencheskaya derevnya i ee vzaimosvyazi s kazakhskim aulom vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka (na materialakh Semirechenskoj oblasti) [emigration village and its relationship with the Kazakh village in the second half of the XIX – early XX century (based on the materials of the Semirechensk region)]: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Almaty, 29 p. [in Russian]

Tokmurzayev, 2016 – *Tokmurzayev, B.S.* (2016). Agrarnaya kolonizatsiya Stepnogo kraja v imperskom proekte i praktikakh vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv. [Agrarian colonization of the Steppe region in the imperial project and practices of the second half of the XIX – early XX centuries]: Dis. ... kand. ist. nauk. Omsk, 252 p. [in Russian]

Аграрная колонизация Степного края в российской и казахстанской историографии конца XX – начала XXI вв. как «посттравматическая» практика научной рефлексии

Бакыт Салманович Токмурзаев ^{a, *}, Михаил Константинович Чуркин ^{b, c},
Алмагуль Абдиевна Сирбаева ^a

^a Университет «Сырдария», Жетысай, Казахстан

^b Омский государственный педагогический университет, Российская Федерация

^c Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена раскрытию содержания научного осмысления процессов аграрной колонизации Степного края в современной историографии России и Республики Казахстан. В основе исследовательских процедур располагаются методологические принципы новой культурно-

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: b.tokmurza@gmail.com (Б.С. Токмурзаев),
proffchurkin@yandex.ru (М.К. Чуркин)

интеллектуальной истории, а достоверность выводов обусловлена комплексом историографических источников. Авторским коллективом установлено, что историографическая традиция заявленной проблемы формировалась в научных школах России и Казахстана под влиянием «травматических» событий колониального прошлого, что воздействовало на генезис и эволюцию представлений о причинах, ходе и результатах процесса имперской инкорпорации Степного края в состав России во второй половине XIX – начале XX вв. В построении предметной части исследования учитывался социокультурный и политический фон институционализации подходов к научной рефлексии вопроса. Аргументированно доказано, что позитивным итогом историографического дискурса российской и казахстанской научных школ может стать активная коммуникация в научной сфере, обращение к современным исследовательским подходам и практикам, в том числе – «новой истории империи», актуализирующей общность «травмы» колонизации для казахского и русского народов.

Ключевые слова: Россия, Казахстан, историографическая традиция, «посттравматический синдром», колониальный дискурс, постколониальные исследования, новая историческая наука, научные школы, дискурс.